Евразийский юридический журнал

№ 7 (206) 2025

Редакционный совет журнала

Председатель

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя редакционного совета

ДУЙСЕНОВ Еркин Эрманович, д.ю.н., профессор, советник ректора (Казахский национальный университет им. аль-Фараби)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)
АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)
АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
БАКПАНОВ Игорь Спартакович, д.ф.н., профессор (Северо-Кавказский федеральный университет)
БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке
БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) – МГИМО)
БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)
БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)
БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)
ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)
ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан
КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)
КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)
ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)
ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)
МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)
МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)
РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
РАСТОРОПОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)
САЛИХОВ ГАФУР ГУБАЕВИЧ, д.ф.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)
СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)
СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)
ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)
ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва), Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)
ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)
ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)
ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)
ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)
ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)
ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)
ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)
ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России
ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

«Евразийский юридический журнал» включен в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве.
Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в “Евразийском юридическом журнале”, может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2025

Подписано в печать 28.08.2025
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Дряхлов С. П.
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
https://eurasialaw-journal.ru/

Eurasian Law Journal

№ 7 (206) 2025

Editorial council

Chairman

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Deputy Chairman of the Editorial Board

DUISENOV Erkin Ermanovich, Ph.D. in Law, Professor, Advisor to the Rector (Al-Farabi Kazakh National University)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
ANTONYAN Elena Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University – MSAL)
AZNAGULOVA Guzel Mukhammetovna, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)
BAKLANOV Igor Spartakovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (North Caucasus Federal University)
BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation
BEGICHEV Alexander Valeryevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)
BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)
BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)
BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)
CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)
CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation).
FAKHRUTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)
FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)
ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan
KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)
KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)
KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)
KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)
LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)
LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)
MAKAR Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)
MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)
NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D., Professor (Ufa University of Science and Technology)
RAGULIN Andrey Viktorovich, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"
RASTOROPOV Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)
ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)
RUSAKOVA Ekaterina Petrovna, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)
SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Ufa University of Science and Technology)
SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)
SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia
SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)
SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)
TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))
TSKHADADZE Nelly Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
YARASHEVA Aziza Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)
YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

Journalis published withsupport of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

"Eurasian Legal Journal" is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Published since October 2007.
Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation.
No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher.
References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2025

Signed for printing 28.08.2025
Format 62x84 1/8.
Conv. print. sh. 21,11.
Issue 1500 copies.
Head of the Internet projects – Dryakhlov S. P.
Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:
10, Prechistenka Str., Moscow, 119034
Phone: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
e-mail: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
https://eurasialaw-journal.ru/

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
EURASIAN LAW JOURNAL

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:
СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:
БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:
ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:
АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:
ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:
ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

АЗАРХИН Алексей Владимирович, к.ю.н., доцент
АСАДУЛЛИН Мурад Ринатович, к.ю.н.
ВАСЬКЕВИЧ Владимир Петрович, д.ю.н., доцент
ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент
ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна, д.ю.н., доцент
ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.
ДЕМИЕВА Айнур Габдульбаровна, д.ю.н., доцент
ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент
ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент
МЕХДИЕВ Эльнур Таджаддинович, к.и.н.
ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент
ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент
САФРОНОВ Константин Юрьевич
СОДИКОВ Шарбатулло Джаборович, к.ю.н.
ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент
ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент
ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

руководитель интернет-проектов:
ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:
SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:
BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:
LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:
ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:
ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:
FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

AZARKHIN Alexey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
ASADULLIN Murad Rinatovich, Ph.D. in Law
VASKEVICH Vladimir Petrovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Associate Professor
GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics
DEMIEVA Ainur Gabdulbarovna, Ph.D. in Law, Associate Professor
ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law
IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences, Associate Professor
MEHDIEV Elnur Tadzhaddinovich, Ph.D. in History
OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor
PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor
SAFRONOV Konstantin Yuryevich
SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law
TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor
FAIZULLIN Gaiaz Gabdelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

head of the internet-projects:
DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

СОДЕРЖАНИЕ

PERSONA GRATA

И. О. АНТРОПЦЕВА:

Управление юридическим бизнесом – новое направление в юридическом образовании

Интервью с Ириной Олеговной Антропцевой, доктором юридических наук, доцентом, руководителем программы профессиональной переподготовки «Управление юридическим бизнесом» Высшей школы правоведения Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **14**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Бурьянов С. А., Бурьянов М. С.

Глобализация мирового порядка и право силы. Что привело к обострению силового геополитического противостояния в современном мире и есть ли перспектива эволюционировать к устойчивому человекоориентированному развитию? Часть 2. ..... **18**

Баклажков И. А.

Туризм или миграция: границы между краткосрочным визитом и долгосрочной мобильностью в международном праве **23**

Новиков Б. М.

Криптовалюты как современный вызов, стоящий перед международно-правовым сотрудничеством в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма **26**

Соловьева А. С.

Особенности практики комитета ООН против пыток по сообщениям (жалобам) в отношении Российской Федерации **31**

Пикалов П. А.

Правовые основы систематизации кибермошенничества по законодательству Российской Федерации **34**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Евменчикова О. А.

К вопросу о статусе государства как субъекта международного частного права (на примере Республики Беларусь) **37**

Зятнин Р. А.

Кросс-культурная адаптация мультимодальной медиации: матрицы факторов национальной правовой традиции (модель адаптации для стран БРИКС) **41**

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Вотюрэ Ж. Д.

Французская модель прав человека в глобальной перспективе **48**

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Байдарова М. А., Фомин В. В.

Юридическая технология в правозащитной деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации **53**

Власова Е. Л., Самойлова Ж. В.

Институт персональных данных как элемент правового статуса личности **57**

Горбунов М. Д.

К вопросу о кризисе либерально-правовой модели государственности **60**

Зиньков Е. Н., Занкин Д. А.

Участие органов прокуратуры в реализации отечественной антикоррупционной политики **62**

Кича М. В.

Политико-юридические предпосылки текущего правительственного кризиса в Израиле **64**

Орлов Д. В.

Стоимость проведения референдума: проблемные аспекты **67**

Орлова С. В.

К вопросу о классификации фиктивных правовых норм **71**

Петрова В. Ю., Гарюк Е. С.

Искусственный интеллект в правосудии: актуальные вопросы и перспективы применения **74**

Ткаченко А. В.

Роль фундаментальных правовых понятий в обеспечении устойчивости профессиональных юридических стандартов **77**

Антонян А. К.

К вопросу о значении и эволюции ранних доктринальных источников принципа верховенства права в Великобритании **80**

Алоев К. В.

Формирование кодекса этики в сфере искусственного интеллекта как результат децентрализации правотворческих полномочий **83**

Бифов Т. Б., Зрумов М. М.

Особенности исторического развития взаимоотношений права и религии в России **88**

Куликов А. Е.

Разделение властей и институт президентской власти: актуальные проблемы **90**

Левшукова Ю. С.

Правовые средства обеспечения реализации экономической функции государства **92**

Попов П. В.

Теоретико-правовой анализ общих и специальных принципов осуществления общественного контроля в правовой системе государства **95**

У Жунжуй

Модель оценки законодательства КНР на предмет соблюдения принципов гендерного равенства **98**

Федорович М. А.

Порядок привлечения государства к ответственности: сравнительно-правовой анализ национальных и международных механизмов **102**

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Арсякова И. Н., Видова Т. А., Головастова Ю. А.

Становление трудовых отношений в России в XI – первой половине XIX вв. **106**

Аршиев Б. М.

Практика применения норм исламского судопроизводства у народов Северного Кавказа в истории России **110**

Кича М. В.

Территориальные пределы Израиля как фактор арабо-израильского конфликта **114**

Красильников С. В.

Роль Преображенского приказа и Тайной канцелярии как органов политического сыска и суда в России в конце XVII – XVIII вв. **117**

Ладыга А. И., Левченков А. И., Красильникова Л. И.

Институциональное обеспечение противодействия организованной преступности в УССР (1960 – середина 1980-х гг.) **120**

Найденова Е. А., Марков Р. С.

Правовая защита семьи и несовершеннолетних в российских конституционных актах советского периода **126**

Прохоров В. В.

Организация и деятельность ОВД Крыма в первой половине 1920-х гг.: методы и принципы историко-правового исследования **129**

Титов В. Ю.

Роль «политических сказок» и социального вымысла в изучении делигитимных слухов, отразившихся в документах федеральных и региональных архивов Советской Сибири первой половины XX века **132**

Лыков А. Ю.

Религиозные и светские начала в политико-правовых идеалах Средневековья **134**

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Иванов Ф. В., Мишальченко Ю. В., Сапожникова М. А.

Особенности возмещения судебных расходов в конституционном судопроизводстве России **137**

Музалевская К. В.

Образовательный суверенитет: конституционные гарантии и механизмы реализации в России **140**

Чуксина В. В.

Правовые рамки свободы слова в российской истории **143**

Хагба Е. Г.

Понятие конституционно-правовой ответственности и ее отличие от других видов юридической ответственности **146**

Шевченко О. С.

Конституционно-правовые аспекты применения евгенического отбора в рамках вспомогательных репродуктивных технологий: биоэтические вызовы и правовые коллизии **148**

Циркунов М. Э.
Конституционные запреты на монополизацию и недобросовестную конкуренцию как ограничения и гарантии свободы экономической деятельности.....**151**
Галяутдинов М. Р.
Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития.....**153**
Зохидов М. Д.
Когда конституция забывает о достоинстве: уроки анти-японского расизма и практика Верховного Суда США.....**155**
Зуев П. А.
Экологический конституционализм: становление и эволюция правовой доктрины в условиях глобальных вызовов.....**158**

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
Антипов Е. Г.
О способности правовых принципов выступать источниками административного права.....**162**
Афанасьев С. А.
Термин «специальная операция»: проблемы правового регулирования.....**164**
Бочикова А. О.
Административное наказание в виде обязательных работ в Российской Федерации и в Республике Казахстан: сравнительно-правовой анализ.....**166**
Закопырин В. Н., Саратовский Д. В.
Некоторые аспекты повышения действенности миграционного контроля.....**169**
Игнатьева И. В., Суворова А. Ю.
Актуальные проблемы правового регулирования сети «интернет» и защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.....**172**
Лесик В. А.
Актуализация необходимости изучения проблем деликтации нарушений законодательства Российской Федерации об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.....**175**
Климова О. В.
Проблемы реализации межведомственных и международных договоров сотрудничества МВД России с компетентными ведомствами иностранных государств.....**178**
Осяк А. Н., Овсепян Г. М., Богушева М. Е.
Специфика развития экстремистских настроений на территории Республики Крым в контексте административных правоотношений.....**181**
Парфентьева А. Е.
Правовое регулирование разработки и использования систем искусственного интеллекта в ЕС в сфере обеспечения национальной безопасности.....**183**
Ревина С. Н., Нафигин И. А.
Особенности правового статуса субъектов административно-правового режима государственной тайны Российской Федерации в условиях информатизации общества.....**185**
Урманчеева Т. С., Якунин Д. В.
Практические рекомендации для участников государственных закупок: адаптация к изменениям национального режима 2025 года.....**188**
Чернов Ю. И., Водолазский Н. М., Дашкевич С. А.
Административная ответственность несовершеннолетних за правонарушения при управлении СИМ.....**190**

АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО
Евсикова Е. В., Буц С. Б.
Административное судопроизводство в парадигме современного правопонимания.....**193**
Евсикова Е. В., Буц С. Б.
К вопросу о цифровой трансформации административного судопроизводства в контексте формирования системы электронного правосудия.....**196**

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО
Алиева Д. Н., Шамов М. А.
Совершенствование механизмов юридической ответственности муниципальных служащих в Республике Дагестан.....**199**
Страхов И. А.
Об актуальных изменениях законодательства о местном самоуправлении в России.....**202**

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
Бегичев А. В., Селиверстов Н. И.
Защита наследственных прав и интересов граждан Российской Федерации, проживающих на территории США.....**205**
Валишин Т. Л.
К вопросу определения понятия «стандарта доказывания».....**209**
Городинец Ф. М., Цехановский Р. А., Шамсиев И. И.
Правовые критерии определения влияния на рыночную среду при отсутствии фактических конкурентных отношений.....**211**
Костоев Х. М.
Исковое производство по делам о защите прав и охраняемых законом интересов участников специальной военной операции и членов их семей.....**215**
Летягина Е. А.
Влияние цифровизации на гражданско-правовое регулирование жилищных отношений.....**218**
Лукманова И. Н.
Согласие супруга на распоряжение долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: правовые особенности и проблемы.....**221**
Макеенко И. А., Дадаян Е. В., Сторожева А. Н.
Некоторые аспекты возникновения права собственности публично-правовых образований на выморочное имущество.....**224**
Меркулова Т. Н.
Актуальные вопросы ведомственного нормотворчества: вопросы теории и практики.....**227**
Мигачева А. Ю.
К проблеме законодательного закрепления правового режима «делимых» и «неделимых» вещей.....**230**
Михайлова М. Н., Пирвердиева Э. А.
Использования социальных сетей подростками: правовая грамотность и безопасность.....**232**
Одинцов С. В., Абухадма Г. К. Т.
Особенности богословско-правовых школ и этапов мусульманского правотворчества как процесс сингулярности.....**234**
Попова Ю. А.
Подготовка дела к судебному разбирательству: некоторые дискуссионные вопросы.....**238**
Рабец А. П., Токарев А. М.
Новые объекты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: правовые вызовы и перспективы регулирования.....**242**
Семянникова Д. А.
Некоторые особенности социального обеспечения работников и военнослужащих.....**245**
Соколова Д. Н.
Проблемные вопросы удостоверения завещаний осужденных начальником мест лишения свободы.....**247**
Шушканов П. А., Грибановская М. С.
Семья как форма общественного объединения.....**249**
Ястремский И. А.
Нарушение прав пациента клиники пластической хирургии в сфере охраны здоровья граждан как основание возмещения убытков.....**253**
Григорьев В. И.
Прекращение обязательств банка как условие санации: прав ли конституционный суд?.....**255**
Димитров Н. С.
Правовые нормы и судебная практика при решении гражданско-правовых вопросов с трансграничным элементом в ЕС на основании места жительства физических лиц.....**260**
Дюженков Н. А.
Особенности имущественного иммунитета объектов коммунальной инфраструктуры в рамках дела о банкротстве.....**263**
Карюкин М. И.
Применение правовой категории существенного изменения обстоятельств.....**267**

Магомедов М. Р.
Развитие правового регулирования имущественных отношений супругов в российском праве как элемент брачных отношений: исторический аспект **271**
Молчанов Е. В.
Значение принципа добросовестности при осуществлении доходной деятельности граждан **274**
Никольский Д. А.
Диспозитивный и императивный методы правового регулирования корпоративных отношений на примере института преимущественного права: российский и зарубежный опыт **278**
Пантелеев И. Л.
Объекты гражданского и торгового права в Китае: сравнительно-правовое исследование **282**
Эшпулатов Т. А.
Специальные административные районы в России: проблемы регулирования и тенденции развития **287**
Ястремский И. А.
Профессиональное развитие пластических хирургов **291**

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС
Воронцова И. В., Олимова Р. М.
О возрастающем доверии к альтернативным способам разрешения споров (третейскому разбирательству) **293**
Григорьева Д. О., Мадалиева Е. В., Чуракова Е. Н.
Фальсификация доказательств в арбитражном процессе **296**
Казанкова Т. Н., Кабацков Р. А.
Модель трансформации судебной системы в мире информационных технологий **299**
Козырин А. А.
Исполнение антиисковых запретов: постановка теоретических и практических проблем российского регулирования **302**
Неясова В. А.
Понятие иска при защите прав и законных интересов группы лиц в гражданском процессе **305**
Орлова И. В.
Особенности доказывания факта родственных отношений при рассмотрении дел об установлении, оспаривании отцовства **307**

ТРУДОВОЕ ПРАВО
Парамонова С. В.
Влияние судебной практики по трудовым спорам на определение понятия «обособленное структурное подразделение» и толкование трудоправовых норм **309**

БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО
Козьминых М. М.
Проблемы и особенности финансово-правового регулирования эффективного расходования средств бюджета казенными учреждениями **312**

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
Ли Ялунь
Договор в китайском праве: опыт доктринального исследования **315**

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО
Бисеров А. А.
Правовые аспекты квалификации крупных сделок **319**
Казанба Е. Т.
Гарантии и пределы осуществления акционерами права на защиту **321**
Землянкин Е. В.
Проблемы залоговых кредиторов в делах о банкротстве граждан **324**
Бисеров А. А., Дашин А. В.
Проблемные вопросы, связанные с соблюдением условий акционерного соглашения **327**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО
Де Апро С. В.
К вопросу определения понятия «разумность» в рамках юридической подконтрольности алгоритмов **329**
Муравьева К. А., Усова Е. В., Корнеева И. В.
Ответственность за нарушение законодательства в коммуникационной сфере **332**

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО
Федоренко Е. В., Клевцов М. И.
Утилизация литий-ионных аккумуляторов: правовые риски и ответственность производителей **335**

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО
Ивакин В. И.
Проблемы формирования теоретических основ экологической ответственности как особой самостоятельной процессуальной формы, направленной на обеспечение экологической безопасности **338**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
Алиева С. Ю., Бутаев М. Я.
Проблемы реализации уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в преступление: коллизии и пробелы законодательства **342**
Алиева Д. Н., Магомедов М. Р.
Наказание и иные меры уголовно-правового характера как формы реализации уголовной ответственности **344**
Ахмадов Ф. С.
Развитие уголовно-правовой науки в странах БРИКС: теоретические подходы и практические выводы **347**
Барвинская Ю. С.
О понятиях исключительного цинизма и особой дерзости в составе хулиганства **350**
Вележев С. И., Минсафина С. Н.
К вопросу о понятии и содержании состояния опьянения и его уголовно-правовом значении **353**
Карабеков К. О.
Детерминанты и меры предупреждения киберпреступлений в Российской Федерации и Республике Казахстан **356**
Карпунина Е. С., Линевич Я. В., Бутенко О. С.
Понятие эксцесса в уголовном праве: критический анализ существующих доктрин **358**
Курбанов М. К., Дациева Х. Г.
Решение прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением **360**
Латыпова Д. М.
Проблемные аспекты законодательной регламентации видов наказания в Уголовном кодексе Российской Федерации **362**
Пережогина Г. В., Буянова Л. А.
Уголовно-правовая охрана репродуктивного биологического материала **364**
Петайчук А. А.
Противодействие преступности несовершеннолетних в условиях введения военного положения **367**
Петровский З. М.
Противодействие доказыванию взяточничества в сфере государственных и муниципальных закупок **370**
Ступина С. А., Долгушина Л. В.
Уголовно-правовая характеристика неправомерных операций с электронными средствами платежа: сквозь призму законодательных новелл **373**
Юшина Ю. В., Клинчук С. В.
К вопросу об интересах взяткодателя при вымогательстве взятки **376**
Аль-Масафир Д. М. Х.
Особенности применения уголовного наказания в виде лишения свободы в исламских странах Ближнего Востока: сравнительно-правовой аспект **378**
Афанасов Н. Н.
Основные изменения российского уголовного законодательства в связи со специальной военной операции **382**
Чижова Е. С.
Объективные признаки распространения заведомо ложной информации о деятельности вооруженных сил Российской Федерации: современные вызовы цифровой среды **384**
Хуссейн А Т. Х.
Уголовно-правовая защита несовершеннолетних: характеристика и квалификация преступлений, посягающих на их психическое и физическое развитие по уголовному праву Республики Ирак **387**

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Абдеряхимова Г. Б., Кривчикова Е. В.
К вопросу реализации уголовно-процессуальных полномочий сотрудниками уголовно-исполнительной системы на отдельных стадиях уголовного судопроизводства **391**

Дациева Х. Г., Курбанов М. К.
О некоторых вопросах участия прокурора в уголовном производстве **393**

Есина А. С.
О целесообразности некоторых новелл уголовно-процессуального закона в части правовой регламентации производства допроса: история и современность **395**

Комлев Е. Ю., Бирюков И. А.
Следственные органы как элемент государственной юстиции: сравнительно-правовой анализ деятельности Следственного комитета Российской Федерации и прокуратуры Федеративной Республики Германии **398**

Кулик Т. Ю.
Применение досудебного порядка урегулирования спора к отдельным видам особого производства **400**

Никитина Е. В.
Заключение под стражу: что нового в законе? **403**

Оторов А. А.
Получение устных сведений в ходе доследственной проверки по уголовно-процессуальному законодательству Кыргызской Республики и Российской Федерации **406**

Соколов Ю. Н.
Истина в уголовном судопроизводстве и ее достижение посредством цифровых технологий **408**

Шамурзаев Т. Т., Ардашев Р. Г.
Надзор и другие направления деятельности прокуратуры в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики **411**

Матвейчук О. В.
Обеспечение охраны объектов животного мира неэкологическими нормами уголовного закона **414**

Михайлов И. Р.
Уголовный процесс в Федеративной Республике Бразилия: краткий анализ **418**

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Мирошниченко Е. А., Огородников В. И.
Актуальные вопросы организации розыска лиц, самовольно оставивших исправительные центры **421**

КРИМИНАЛИСТИКА

Агаркова Т. К., Порываева П. С., Прокофьева Е. В.
Влияние давности образования следов на их обнаружение и выявление в ходе осмотров мест происшествий для эффективного раскрытия и расследования преступлений **424**

Вяткин А. Н.
Анализ практики противодействия расследованию преступного загрязнения природы **426**

Лозинский О. И.
Криминалистические (идентификационные) свойства микробиома потенциально (относительно) здорового человека и влияющие на них факторы: внутренние, внешние, окружающей среды **429**

Машков С. А., Буниатишвили К. А.
Современные способы инструментальной психодиагностики достоверности информации на предварительном следствии **432**

Сысенко А. Р.
Цели осмотра места происшествия расследования детоубийства на первоначальном этапе **435**

Турьянова Л. Н.
Проблемные аспекты раскрытия и расследования дистанционных преступлений **437**

Шаповалова Т. И.
Почему создание универсальной схемы расследования для всех преступлений невозможно **439**

Шавкарова Е. Е.
К вопросу об изъятии и осмотре электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации **441**

Лозинский О. И.
Криминалистические (идентификационные) свойства, вариативность структуры микробиома человека, страдающего различного рода заболеваниями и патологиями, и влияющие на них факторы **443**

КРИМИНОЛОГИЯ

Зверев А. А.
Особенности предупреждения преступности в сфере экономики в условиях развития информационно-коммуникационных технологий **446**

Зиньков Е. Н., Михайлов В. С.
Проблемы распространения радикального ислама в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы **450**

Лутцева К. В.
Особенности освобождения от уголовного преследования лиц, больных наркоманией, в ходе предварительного расследования, в связи с заключением контракта о прохождении военной службы **452**

Марианов А. А., Бахмудова Т. Р.
Криминологические особенности женской рецидивной преступности (по материалам Республики Дагестан) **454**

Магомедов Т. М., Хахучева П. Б.
Проблемы противодействия институционализации коррупции: новые векторы ее развития и стратегии борьбы **456**

Медведева Д. Д.
Профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершении преступлений или антиобщественных действий в условиях развития современного медиапространства **459**

Скоморохов Р. В.
Общее предупреждение преступности в Объединенных Арабских Эмиратах **463**

Ступина С. А., Долгушина Л. В.
Традиционные духовно-нравственные ценности как средство противодействия коррупции **466**

Текуева Ю. А.
Современная преступность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и детерминанты **469**

Платицына Л. А.
Причины формирования криминальной идеологии у молодёжи **472**

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Полещук О. А., Попов В. Ф., Диденко В. Б.
О некоторых проблемах розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда: пути решения **477**

СУДОПРОИЗВОДСТВО

Рубеко Г. Л., Северцева А. О., Антонов А. Р.
Разрешение экономических споров в России: к истории вопроса **480**

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Караваев А. А., Бутенко О. С., Павлов Д. В.
Особенности адаптации сотрудников полиции к профессиональной деятельности **483**

Ковалёв В. В., Ямалитдинов А. А., Савченко Н. Н.
Некоторые вопросы организации огневой подготовки в органах внутренних дел **485**

Комлев Е. Ю., Фатихов Д. В.
Прокурорский надзор в России и Казахстане: сравнительный анализ правовых основ и особенностей **487**

Назарова М. Г., Малахов А. А.
Философия наказания в контексте истории Владимирского централа **489**

Шапочанский В. Н., Самсонов В. А., Саликова И. Н.
Тактико-специальная подготовка: правовые вызовы и возможности для сотрудников полиции **492**

БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО

Арамисов А. А.
Международный терроризм и экстремизм: тенденции развития и опыт противодействия сотрудников ОВД Российской Федерации **494**

Бредихин А. В., Лустин Ю. М.
Патриотическое сознание человека и национальная безопасность России: концептуальный синтез **496**

Важенина И. В.
Проблемы достижения глобальной безопасности **499**
Дмитриев А. В., Безуглов А. М., Михайлов О. Б.
Проблемные аспекты обучения водителей, управляющих автомобилями, оборудованными спецсигналами **502**
Овчинников О. А.
Национальные приоритеты: вектор развития стратегий противодействия экстремизму в Российской Федерации **505**
Шухов Ф. Г., Малаева В. Е.
Некоторые особенности молодежного экстремизма в Российской Федерации **508**

ПЕДАГОГИКА И ПРАВО
Жабкин А. С., Семенов С. Г., Евтушенко А. А.
Особенности развития профессионально-значимых качеств у курсантов и слушателей вузов МВД России **511**
Щербакова М. П., Серебровская Н. Е., Костина О. А.
Аналитические технологии в правовой и психолого-педагогической деятельности **513**

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО
Кузнецов М. И., Озерский С. В.
Психологические причины неприятия отдельными работниками уголовно-исполнительной системы цифровой трансформации ведомства **515**
Макаркина О. Е., Колесникова Н. Е., Мишин А. А., Фархутдинов И. З.
Социально-психологические характеристики женщин, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций, и их влияние на криминогенную активность **519**
Орехова Н. А., Мугинова З. Р., Гущин Д. Н.
Особенности влияния медиапространства на суицидальное поведение у несовершеннолетних **521**
Юзьвак С. А., Хрущев А. В., Мухатаев Н. А.
Психологические особенности сотрудников полиции, проходящих службу в особых условиях **523**

СПОРТИВНОЕ ПРАВО
Асадуллин М. Р.
Разрешение конфликтов в спорте: оценка терминологии **525**

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО
Гребинюк Н. М.
Цифровые инструменты публичного контроля МСП: эффективность и барьеры **527**
Нырова Б. Р.
Формирование антикоррупционной культуры через призму традиционных ценностей **530**
Серкеров С. Э., Марианов А. А., Кухмазов Н. К.
Коррупция в современной России: пути противодействия **533**
Мануков Т. М.
Механизмы правового регулирования властно-управленческой деятельности в условиях авторитарного и демократического режимов: сравнительный анализ **535**
Привалова Е. А.
О некоторых проблемах и перспективах развития института общественных советов при региональных органах исполнительной власти **538**

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
Воробьев В. С.
Особенности правового регулирования обеспечения безопасности личности в зарубежных странах в условиях цифровизации общества **540**

ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ
Ameличкин А. В.
Эффективные инструменты маркетинговых коммуникаций в интернете, направленные на продвижение организаций сферы креативных индустрий **543**
Зайцев А. Г., Сивцова И. С., Такмакова Е. В.
Интеграция задач достижения целей устойчивого развития в стратегию реализации аграрной политики **545**
Николаенко А. В., Зайцев А. Г., Машегов П. Н.
Характеристика подходов к повышению эффективности хозяйственной деятельности промышленных предприятий **548**
Фирсова О. Н.
Особенности категориальности субъектов малого и среднего предпринимательства в России **550**

ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ
Ананченкова П. И.
Время старости: философский анализ темпоральности поздней жизни **552**
Аникеева Е. Н.
Анитья-вада (доктрина непостоянства) в контексте традиционного российского буддизма **554**
Аршин К. В.
Invocatio Dei в Европейской Конституции: дебаты **557**
Ашыров Н. Д., Елхова О. И.
Постинформационное общество и кризис субъектности **560**
Ильясов Р. Р., Самситдинов И. З.
Мобильные технологии как новый тренд в формировании мировоззрения будущего специалиста в сфере здравоохранения **563**
Корнев Г. П.
Истина цельного знания в философии Владимира Соловьева **566**
Кочесоков Р. Х., Бижева А. П., Культурбаева Л. М.
Л. И. Брежнев как демократический политик-технолог **569**
Кузьмина Е. В., Токранов А. В.
Когнитивный потенциал метафоры в научном познании **573**
Мухумаев И. П., Мусаева А. Г.
Наследие Юсуфа Ан-Набхани: «Формирование идейного корпуса и влияние на религиозно-правовую практику и мусульманскую интеллектуальную традицию» **576**
Опенков М. Ю., Тетенков Н. Б.
Флаконика: ароматы жизни **578**
Тарасов А. Н., Сарычев П. И., Гулиганов Д. Д.
Проблема человека в контексте феномена искусственного интеллекта **581**
Блохин К. М.
Признание ценности сильной власти: историко-философский анализ неоевразийской концепции **583**
Булыгин А. С.
Гиперконструктивность субъекта как форма постонтологической антропологии: от эссенциальности к алгоритмической идентичности **585**
Вороницын Н. В.
Неоевразийство: вчера, сегодня, завтра (новые течения в неоевразийстве) **587**
Тарасов А. Н., Яблокова С. Е., Зайцев Р. А.
Перспективные направления исследований в рамках философии религии и религиоведения **589**
Юсупова А. Р.
Этапы становления философии трансгуманизма **591**
Иткулова Л. А.
Мировоззрение как социокультурный код: на примере башкирского этноса **594**
Салихов Г. Г.
Явления глобализации и влияние ее процессов на жизненные условия человека **596**

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ **599**

CONTENTS

PERSONA GRATA

I. O. Antroptseva:
Legal business administration – a new way of legal education
Interview with Irina Olegovna Antroptseva, Ph.D. in Law, associate professor, Head of the professional retraining program «Legal Business Management» of the Higher School of Law of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. **14**

INTERNATIONAL LAW

Buryanov S. A., Buryanov M. S.
Globalization of the world order and the law of force. What led to the aggravation of the power geopolitical confrontation in the modern world and is there a prospect of evolving towards sustainable human-oriented development? Part 2. ..... **18**
Baklazhkov I. A.
Tourism or migration: boundaries between short-term visit and long-term mobility in international law **23**
Novikov B. M.
Cryptocurrencies as a modern challenge facing international legal cooperation in the field of combating money laundering and terrorist financing **26**
Solovjeva A. S.
Peculiarities of the practice of the UN Committee against Torture on communications (complaints) concerning the Russian Federation **31**
Pikalov P. A.
The legal basis for the systematization of cyberbullying under the legislation of the Russian Federation **34**

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Evmenchikova O. A.
On the status of the state as a subject of private international law (on the example of the Republic of Belarus) **37**
Zyatnin R. A.
Cross-cultural adaptation of multimodal mediation: matrix of national legal tradition factors (adaptation model for BRICS countries) **41**

EUROPEAN LAW

Voituret J. D.
The French model of human rights in global perspective **48**

THEORY OF STATE AND LAW

Baidarova M. A., Fomin V. V.
Legal technology in the human rights activities of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation **53**
Vlasova E. L., Samoylova Zh. V.
The institute of personal data as an element of the legal status of an individual **57**
Gorbunov M. D.
On the issue of the crisis of the liberal-legal model of statehood **60**
Zinkov E. N., Zankin D. A.
Participation of the prosecutor's office in the implementation of the national anti-corruption policy **62**
Kicha M. V.
Legal and political roots of Israel's ongoing governmental crisis **64**
Orlov D. V.
Cost of holding a referendum: problematic aspects **67**
Orlova S. V.
On the problem of classification of fictive legal norms **71**
Petrova V. Yu., Garyuk E. S.
Artificial intelligence in justice: actual issues and prospects of application **74**
Tkachenko A. V.
The role of fundamental legal concepts in ensuring the stability of professional legal standards **77**
Antonyan A. K.
On the question of the significance and evolution of the early doctrinal sources of the rule of law in Great Britain **80**
Aloev K. V.
The formation of a code of ethics in the field of artificial intelligence as a result of the decentralization of law-making powers **83**
Bifov T. B., Zrumov M. M.
Features of the historical development of the relationship between law and religion in Russia **88**
Kulikov A. E.
Separation of powers and the institution of presidential power: current issues **90**
Levshukova Yu. S.
Legal means of ensuring the realization of the economic function of the state **92**
Popov P. V.
Theoretical and legal analysis of general and special principles of implementing public control in the legal system of the state **95**
Wu Rongrui
Model for assessing China's legislation for gender equality **98**
Fedorovich M. A.
The procedure for holding the state liable: a comparative legal analysis of national and international mechanisms **102**

HISTORY OF STATE AND LAW

Arsyakova I. N., Vidova T. A., Golovastova Yu. A.
The formation of labor relations in Russia in the 11th– the first half of the 19th centuries **106**
Arshiev B. M.
Practice of application of norms of Islamic legal proceedings among the peoples of the North Caucasus in the history of Russia **110**
Kicha M. V.
Israel's territory and borders in the context of the Arab-Israeli conflict **114**
Krasilnikov S. V.
The role of Preobrazhensky prikaz and Secret chancellery as institutions of political investigation and trial in Russia in the late 17th – 18th centuries **117**
Ladyga A. I., Levchenkov A. I., Krasilnikova L. I.
Institutional support for countering organized crime in the Ukrainian SSR (1960 – mid-1980s) **120**
Naidenova E. A., Markov R. S.
Legal protection of the family and minors in Russian constitutional acts of the Soviet period **126**
Prokhorov V. V.
Organization and activities of the Crimean Internal Affairs Directorate in the first half of the 1920s: methods and principles of historical and legal research **129**
Titov V. Yu.
The role of «political fairy tales» and social fiction in the study of illegitimate rumors reflected in the documents of the federal and regional archives of Soviet Siberia, the first half of the twentieth century **132**
Lykov A. Yu.
Religious and secular principles in the political and legal ideals of the Middle Ages **134**

CONSTITUTIONAL LAW

Ivanov F. V., Mishalchenko Yu. V., Sapozhnikova M. A.
Peculiarities of reimbursement of legal expenses in Russian constitutional proceedings **137**
Muzalevskaya K. V.
Educational sovereignty: constitutional guarantees and implementation mechanisms in Russia **140**
Chuksina V. V.
The legal framework of freedom of speech in Russian history **143**
Khagba E. G.
The concept of constitutional and legal responsibility and its difference from other types of legal responsibility **146**
Shevchenko O. S.
Constitutional and legal aspects of the use of eugenic selection in assisted reproductive technologies: bioethical challenges and legal conflicts **148**
Tsirkunov M. E.
Constitutional prohibitions on monopolization and unfair competition as limitations and guarantees of economic freedom **151**
Galyautdinov M. R.
Constitutional and legal foundations of public control in the Russian Federation: problems and development prospects **153**

Zohidov M. D.
When the constitution forgets dignity: lessons of anti-Japanese racism and the practice of the U.S. Supreme Court **155**
Zuev P. A.
Environmental constitutionalism: the formation and evolution of legal doctrine in the context of global challenges **158**

ADMINISTRATIVE LAW
Antipov E. G.
On the ability of legal principles to act as sources of administrative law **162**
Afanasjev S. A.
The term «special operation» in the context of emergency legislation **164**
Bochikova A. O.
Administrative punishment in the form of obligatory work in the Russian Federation and in the Republic of Kazakhstan: comparative legal analysis **166**
Zakopyrin V. N., Saratov D. V.
Some aspects of increasing the effectiveness of migration control **169**
Ignatjeva I. V., Suvorova A. Yu.
Current issues of legal regulation of the internet and the protection of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation **172**
Lesik V. A.
Actualization of the need to study the problems of delict violations of the legislation of the Russian Federation on administrative supervision of persons released from places of imprisonment **175**
Klimova O. V.
Problems of implementation of interdepartmental and international cooperation agreements between the Ministry of Internal Affairs of Russia and competent departments of foreign states **178**
Osyak A. N., Ovsepyan G. M., Bogusheva M. E.
The specifics of the development of extremist sentiments in the territory of the Republic of Crimea in the context of administrative legal relations **181**
Parfentjeva A. E.
Legal regulation of the development and use of AI systems in the EU in the field of national security **183**
Revina S. N., Nafigin I. A.
Features of the legal status of subjects of the administrative and legal regime of state secrets of the Russian Federation in the context of informatization of society **185**
Urmancheeva T. S., Yakunin D. V.
Practical recommendations for participants in public procurement: adaptation to changes in the national regime in 2025 ..... **188**
Chernov Yu. I., Vodolazsky N. M., Dashkevich S. A.
Administrative responsibility of minors for offenses in the management of SIM **190**

ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS
Evsikova E. V., Buts S. B.
Administrative proceedings in the paradigm of modern legal understanding **193**
Evsikova E. V., Buts S. B.
On the issue of the digital transformation of administrative proceedings in the context of the formation of an electronic justice system **196**

MUNICIPAL LAW
Alieva D. N., Shamov M. A.
Improving the mechanisms of legal responsibility of municipal employees in the Republic of Dagestan **199**
Strakhov I. A.
On current changes in legislation on local self-government in Russia **202**

CIVIL LAW
Begichev A. V., Seliverstov N. I.
Protection of inheritance rights and interests of Russian citizens residing in the USA **205**
Valishin T. L.
On the issue of defining the standard of proof **209**
Gorodinets F. M., Tsekhanovsky R. A., Shamsiev I. I.
Legal criteria for influence on the competitive environment in the absence of actual competitive relations in antimonopoly regulation of intellectual rights objects at the level of model and Russian legislation **211**
Kostoev Kh. M.
Claim proceedings in cases on the protection of the rights and legally protected interests of participants in a special military operation and their family members **215**
Letyagina E. A.
The impact of digitalization on the civil law regulation of housing relations **218**
Lukmanova I. N.
Consent of the spouse to dispose of shares in the authorized capital of a limited liability company: legal features and problems **221**
Makeenko I. A., Dadayan E. V., Storozheva A. N.
Some aspects of the emergence of the ownership right of public legal entities to extortionate property **224**
Merkulova T. N.
Current issues of departmental rulemaking: issues of theory and practice **227**
Migacheva A. Yu.
On the problem of legislative consolidation of the legal regime of «divisible» and «indivisible» things **230**
Mikhaylova M. N., Pirverdieva E. A.
Using social networks by teenagers: legal competence and safety **232**
Odintsov S. V., Abukhadma G. K. T.
Features of theological and legal schools and Muslim law making stages as a process of singularity **234**
Popova Yu. A.
Pre-trial case preparation: some controversial issues **238**
Rabets A. P., Tokarev A. M.
New objects of intellectual property in the digital age: legal challenges and regulatory prospects **242**
Semyannikova D. A.
Some peculiarities of social security of workers and servicemen **245**
Sokolova D. N.
Problematic issues of verifying the wills of convicts by the head of places of deprivation of liberty **247**
Shushkanov P. A., Gribanovskaya M. S.
Family as a form of social association **249**
Yastremskiy I. A.
Violation of the rights of a plastic surgery clinic patient in the field of public health protection as a basis for damages **253**
Grigorjev V. I.
Bank's obligations termination as a condition for sanitation: is the constitutional court right? **255**
Dimitrov N. S.
Legal norms and judicial practice in the resolution of civil law matters with a cross-border element in the EU based on the habitual residence of natural persons **260**
Dyuzhenkov N. A.
Features of property immunity of municipal infrastructure facilities in the framework of bankruptcy proceedings **263**
Karyukin M. I.
On the issue of the concepts of the institution of property immunities **267**
Magomedov M. R.
The development of legal regulation of marital property relations in Russian law as an element of marital relations: a historical aspect **271**
Molchanov E. V.
The importance of the principle of good faith in the implementation of income-generating activities of citizens **274**
Nikolskiy D. A.
Dispositive and imperative methods of legal regulation in corporate relations on the example of the preemptive right doctrine: Russian and foreign experience **278**
Panteleev I. L.
Objects of civil and commercial law in China: a comparative legal research **282**

Eshpulatov T. A.
Special administrative districts in Russia: regulatory issues and development trends ... **287**
Yastremskiy I. A.
Professional development of plastic surgeons ... **291**

CIVIL PROCESS
Vorontsova I. V., Olimova R. M.
On the growing confidence in alternative dispute resolution methods (arbitration proceedings) ... **293**
Grigorjeva D. O., Madalieva E. V., Churakova E. N.
Falsification of evidence in arbitration process ... **296**
Kazankova T. N., Kabatskov R. A.
A model for the transformation of the judicial system in the world of information technology ... **299**
Kozyrin A. A.
Enforcement of anti-suit injunctions: to the theoretical and practical issues of Russian regulation ... **302**
Neyasova V. A.
The concept of a claim in protecting the rights and legitimate interests of a group of persons in a civil proceeding ... **305**
Orlova I. V.
Peculiarities of proving the fact of kinship relations when considering cases of establishing or challenging paternity ... **307**

LABOUR LAW
Paramonova S. V.
Influence of court practice on labor disputes on the definition of the concept «separate structural division» and interpretation of labor standards ... **309**

BUDGET LAW
Kozminykh M. M.
Problems and features of financial and legal regulation of efficient budget expenditure by public institutions ... **312**

ENTREPRENEURIAL LAW
Li Yalun
Contract in Chinese law: an experience of doctrinal research ... **315**

CORPORATE LAW
Biserov A. A.
Legal aspects of qualification of major transactions ... **319**
Kazanba E. T.
Guarantees and limits of shareholders' exercise of the right to protection ... **321**
Zemlyankin E. V.
Problems of collateral creditors in bankruptcy cases of citizens ... **324**
Biserov A. A., Dashin A. V.
Problem issues related to compliance with the terms of the shareholders agreement ... **327**

INFORMATION LAW
De Apro S. V.
On the issue of defining the concept of «reasonableness» within the framework of legal accountability of algorithms ... **329**
Muravjeva K. A., Usova E. V., Korneeva I. V.
Responsibility for violation of legislation in the communication sphere ... **332**

LAND LAW
Fedorenko E. V., Klevtsov M. I.
Disposal of lithium-ion batteries: legal risks and responsibility of manufacturers ... **335**

ECOLOGICAL LAW
Ivakin V. I.
The problems of forming the theoretical foundations of environmental responsibility as a special independent procedural form aimed at ensuring environmental safety ... **338**

CRIMINAL LAW
Alieva S. Yu., Butaev M. Ya.
Problems with the implementation of criminal liability for involving a minor in a crime: conflicts and gaps in legislation ... **342**
Alieva D. N., Magomedov M. R.
Forms of implementation of criminal responsibility: punishment and other measures of a criminal-legal nature ... **344**
Akhmadov F. S.
Development of criminal law science in the BRICS countries: theoretical approaches and practical conclusions ... **347**
Barvinskaya Yu. S.
About the concepts of exceptional cynicism and special audacity in the composition of hooliganism ... **350**
Velezhev S. I., Minsafina S. N.
On the issue of the concept and content of intoxication and its criminal legal significance ... **353**
Karabekov K. O.
Determinants and issues of improving cybercrime prevention measures in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan ... **356**
Karpunina E. S., Linevich Ya. V., Butenko O. S.
The concept of excess in criminal law: a critical analysis of existing doctrines ... **358**
Kurbanov M. K., Datsieva Kh. G.
The prosecutor's decision on the criminal case that came with the indictment ... **360**
Latypova D. M.
Problematic aspects of the legislative regulation of types of punishment in the Criminal Code of the Russian Federation ... **362**
Perezhogina G. V., Buyanova L. A.
Criminal law protection of reproductive biological material ... **364**
Petaychuk A. A.
Legal regulation of public control over the provision of human rights in correctional institutions ... **367**
Petrovskiy Z. M.
Countering the proof of corruption in public and municipal procurement ... **370**
Stupina S. A., Dolgushina L. V.
Criminal and legal characteristics of illegal transactions with electronic means of payment: through the prism of legislative novels ... **373**
Yushina Yu. V., Klinchuk S. V.
On the issue of the interests of the bribe giver when extorting a bribe ... **376**
Al'-Masafir D. M. H.
Peculiarities of application of criminal punishment in the form of imprisonment in Islamic countries of the Middle East: comparative legal aspect ... **378**
Afanasov N. N.
Main changes in Russian criminal legislation in connection with the special military operation ... **382**
Chizhova E. S.
Objective elements of disseminating deliberately false information about the activities of the armed forces of the Russian Federation: contemporary challenges of the digital environment ... **384**
Hussein A. T. H.
Criminal protection of minors: characteristics and classification of crimes against their mental and physical development under the criminal law of the Republic of Iraq ... **387**

CRIMINAL PROCESS
Abderyakhimova G. B., Krivchikova E. V.
On the issue of the implementation of criminal procedural powers by employees of the penal enforcement system at certain stages of criminal proceedings ... **391**
Datsieva Kh. G., Kurbanov M. K.
On some issues of the prosecutor's participation in criminal proceedings ... **393**
Esina A. S.
On the expediency of some innovations of the criminal procedure law in terms of legal regulation of interrogation proceedings: history and modernity ... **395**
Komlev E. Yu., Biryukov I. A.
Investigative bodies as an element of state justice: a comparative legal analysis of the Investigative Committee of the Russian Federation and the Prosecutor's Office of the Federal Republic of Germany ... **398**

Kulik T. Yu.
Application of pre-trial dispute resolution procedures to certain types of special proceedings ... **400**
Nikitina E. V.
Detention: what's new in the law? ... **403**
Otorov A. A.
Obtaining oral evidence during a pre-investigation check under the criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic and the Russian Federation ... **406**
Sokolov Yu. N.
Truth in criminal proceedings and its achievement through digital technologies ... **408**
Shamurzaev T. T., Ardashev R. G.
Supervision and other activities of the prosecutor's office in criminal proceedings in the Kyrgyz Republic ... **411**
Matveychuk O. V.
Ensuring the protection of wildlife by non-ecological norms of the criminal law ... **414**
Mikhaylov I. R.
Criminal procedure in the Federative Republic of Brazil: a brief analysis ... **418**

CRIMINAL-EXECUTIVE LAW
Miroshnichenko E. A., Ogorodnikov V. I.
Current issues of organizing the search for persons who voluntarily left correctional centers ... **421**

CRIMINALISTICS
Agarkova T. K., Poryvaeva P. S., Prokofjeva E. V.
The influence of the age of traces on their detection and identification during crime scene inspections for effective crime detection and investigation ... **424**
Vyatkin A. N.
System of measures to neutralize counteraction to investigation of environmental pollution ... **426**
Lozinskiy O. I.
Forensic (identification) properties of the microbiome of a potentially (relatively) healthy person and the factors influencing them: internal, external, environmental ... **429**
Mashkov S. A., Buniatishvili K. A.
Modern methods of instrumental psychodiagnostics of information reliability at the preliminary investigation ... **432**
Sysenko A. R.
Purposes of investigating a child murder at the initial stage ... **435**
Turyanova L. N.
Problematic aspects of detection and investigation of remote crimes ... **437**
Shapovalova T. I.
Why is it impossible to create a universal investigation scheme for all crimes ... **439**
Shavkarova E. E.
On the issue of seizure and inspection of electronic media in the criminal proceedings of the Russian Federation ... **441**
Lozinskiy O. I.
Forensic (identification) properties, variability of the structure of the microbiome of a person suffering from various diseases and pathologies, and factors influencing them ... **443**

CRIMINOLOGY
Zverev A. A.
Features of crime prevention in the economic sphere in the context of the development of information and communication technologies ... **446**
Zinkov E. N., Mikhaylov V. S.
Problems of the spread of radical Islam in correctional institutions of the penal system ... **450**
Lutseva K. V.
Features of exemption from criminal prosecution of persons suffering from drug addiction during the preliminary investigation, in connection with the conclusion of a contract on military service ... **452**
Marianov A. A., Bakhmudova T. R.
Criminological features of female recidivism (based on the materials of the Republic of Dagestan) ... **454**
Magomedov T. M., Khakhucheva P. B.
Problems of countering the institutionalization of corruption: new vectors of its development and strategies for combating it ... **456**
Medvedeva D. D.
Prevention of involvement of minors in committing crimes or antisocial acts in the context of the development of the modern media space ... **459**
Skomorokhov R. V.
General crime prevention in the United Arab Emirates ... **463**
Stupina S. A., Dolgushina L. V.
Traditional spiritual and moral values as a means of combating corruption ... **466**
Tekueva Yu. A.
Contemporary juvenile delinquency as an object of criminological research ... **469**
Platitsyna L. A.
Reasons for the formation of criminal ideology among youth ... **472**

OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES
Poleshchuk O. A., Popov V. F., Didenko V. B.
About some problems of the search for persons hiding from the bodies of inquiry, investigation and court: solutions ... **477**

JUDICIARY
Rubeko G. L., Severtseva A. O., Antonov A. R.
Settlement of economic disputes in Russia: the history of the issue ... **480**

LAW ENFORCEMENT AGENCIES
Karavaev A. A., Butenko O. S., Pavlov D. V.
Peculiarities of adaptation of police officers to professional activity ... **483**
Kovalev V. V., Yamalitdinov A. A., Savchenko N. N.
Some issues related to the organization of fire training in law enforcement agencies ... **485**
Komlev E. Yu., Fatikhov D. V.
Prosecutorial supervision in Russia and Kazakhstan: a comparative analysis of the legal foundations and features of investigative activities ... **487**
Nazarova M. G., Malakhov A. A.
The philosophy of punishment in the context of the history of Vladimir central ... **489**
Shapochansky V. N., Samsonov V. A., Salikova I. N.
Tactical and special training: legal challenges and opportunities for police officers ... **492**

SECURITY AND LAW
Aramisov A. A.
International terrorism and extremism: development trends and experience of counteraction by employees of the Russian Federation Internal Affairs Directorate ... **494**
Bredikhin A. V., Lustin Yu. M.
Patriotic human consciousness and Russia's national security: a conceptual synthesis ... **496**
Vazhenina I. V.
Problems of achieving global security ... **499**
Dmitriev A. V., Bezuglov A. M., Mikhaylov O. B.
Problematic aspects of training drivers operating vehicles equipped with special signals ... **502**
Ovchinnikov O. A.
National priorities: vector of development of counter-extremism strategies in the Russian Federation ... **505**
Shukhov F. G., Malaeva V. E.
Some features of youth extremism in the Russian Federation ... **508**

PEDAGOGY AND LAW
Zhabkin A. S., Semenov S. G., Evtushenko A. A.
Features of development of professionally significant qualities in cadets and students of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia ... **511**

Shcherbakova M. P., Serebrovskaya N. E., Kostina O. A.
Analytical technologies in legal and psychological-pedagogical activity ... **513**

PSYCHOLOGY AND LAW
Kuznetsov M. I., Ozerskiy S. V.
Psychological reasons for the rejection of the digital transformation of the department by some employees of the penal enforcement system ... **515**
Makarkina O. E., Kolesnikova N. E., Mishin A. A., Farkhutdinov I. Z.
Socio-psychological characteristics of women registered with penal enforcement inspections and their impact on criminogenic activity ... **519**
Orekhova N. A., Muginova Z. R., Gushchin D. N.
Features of the influence of the media space on suicidal behavior in minors ... **521**
Yuzvak S. A., Khrushchev A. V., Mukhataev N. A.
Psychological characteristics of police officers serving in special conditions ... **523**

SPORTS LAW
Asadullin M. P.
Conflict resolution in sports: evaluating terminology ... **525**

STATE AND LAW
Grebinyuk N. M.
Digital tools for public control of SMEs: efficiency and barriers ... **527**
Nyrova B. R.
Formation of an anti-corruption culture through the prism of traditional values ... **530**
Serkerov S. E., Marianov A. A., Kukhmazov N. K.
Corruption in modern Russia: ways to counteract it ... **533**
Manukov T. M.
Mechanisms of legal regulation of power-management activity in the conditions of authoritarian and democratic regimes: a comparative analysis ... **535**
Privalova E. A.
About some problems and prospects of development of the institute of public councils under regional executive authorities ... **538**

HUMAN RIGHTS
Vorobjev V. S.
Features of legal regulation of personal security in foreign countries in the context of digitalization of society ... **540**

ECONOMY. LAW. SOCIETY
Amelichkin A. V.
Effective online marketing communication tools aimed at promoting organizations in the field of creative industries ... **543**
Zaytsev A. G., Sivtsova I. S., Takmakova E. V.
Integration of the objectives of achieving sustainable development goals into the strategy of agricultural policy implementation ... **545**
Nikolaenko A. V., Zaytsev A. G., Mashegov P. N.
Characteristics of approaches to improving the efficiency of industrial enterprises ... **548**
Firsova O. N.
Features of the categorization of small and medium-sized enterprises in Russia ... **550**

PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY
Ananchenkova P. I.
The time of old age: a philosophical analysis of the temporality of late life ... **552**
Anikeeva E. N.
Anitya-vada (doctrine of non-permanence) in context of traditional Russian Buddhism ... **554**
Arshin K. V.
Invocatio Dei in the European Constitution: debates ... **557**
Ashyrov N. D., Elkhova O. I.
Post-informational society and the crisis of subjectivity ... **560**
Ilyasov R. R., Samsitdinov I. Z.
Mobile technologies as a new trend in shaping the worldview of future healthcare specialists ... **563**
Kornev G. P.
The truth of holistic knowledge in the philosophy of Vladimir Solovyov ... **566**
Kochesokov R. Kh., Bizheva A. P., Kulturbaeva L. M.
L. I. Brezhnev as a democratic politician-technologist ... **569**
Kuzmina E. V., Tokranov A. V.
The cognitive potential of metaphor in scientific knowledge ... **573**
Mukhumaev I. P., Musaeva A. G.
The legacy of Yusuf Al-Nabhani: «the formation of an ideological body and its influence on the Islamic tradition» ... **576**
Openkov M. Yu., Tetenkov N. B.
Flaconics: the aromas of life ... **578**
Tarasov A. N., Sarychev P. I., Guliganov D. D.
The problem of man in the context of the phenomenon of artificial intelligence ... **581**
Blokhin K. M.
Recognizing the value of strong power: a historical and philosophical analysis of the neo-Eurasian concept ... **583**
Bulygin A. S.
Hyper-constructiveness of the subject as a form of post-ontological anthropology: from essentialism to algorithmic identity ... **585**
Voronitsyn N. V.
Neo-Eurasianism: yesterday, today, tomorrow (new trends in neo-Eurasianism) ... **587**
Tarasov A. N., Yablokova S. E., Zaytsev R. A.
Promising directions of research in the framework of philosophy of religion and religious studies ... **589**
Yusupova A. R.
Stages of establishing the philosophy of transhumanism ... **591**
Itkulova L. A.
Worldview as a sociocultural code: on the example of the Bashkir ethnos ... **594**
Salikhov G. G.
The phenomena of globalization and the impact of its processes on human living conditions ... **596**

INFORMATION FOR AUTHORS ... **599**

И. О. АНТРОПЦЕВА: УПРАВЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИМ БИЗНЕСОМ – НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Интервью с Ириной Олеговной Антропцевой, доктором юридических наук, доцентом, руководителем программы профессиональной переподготовки «Управление юридическим бизнесом» Высшей школы правоведения Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

I. O. ANTROPTSEVA: LEGAL BUSINESS ADMINISTRATION – A NEW WAY OF LEGAL EDUCATION

Interview with Irina Olegovna Antroptseva, Ph.D. in Law, associate professor, Head of the professional retraining program «Legal Business Management» of the Higher School of Law of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Антропцева И. О.

Визитная карточка:

Антропцева Ирина Олеговна в 2003 году с отличием окончила Московскую государственную юридическую академию. В 2006 году успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук в диссертационном совете Московской государственной юридической академии. При обучении в аспирантуре освоила профессиональную программу «Преподаватель высшей школы». В 2012 году окончила Международную школу бизнеса Финансового университета при Правительстве РФ, специализация стратегическое управление и получила степень MBA. В 2025 году защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Работала в российских и международных компаниях, более 17 лет осуществляла руководство юридическим департаментом. С 2022 года занимается частной практикой, консультируя хозяйствующих субъектов. В 2022 создала программу дополнительного профессионального образования «Управление юридическим бизнесом» в Высшей школы правоведения Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, а также стала руководителем программы магистратуры на английском языке «LLM-program in International Business Law» Высшей школы правоведения Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Является автором ряда публикаций по финансовому праву и комментариев к законодательству РФ.

– Здравствуйте, уважаемая Ирина Олеговна! Высшая школа правоведения Президентской академии была одной из первых, кто стал реализовывать программу дополнительного профессионального образования «Управление юридическим бизнесом». В последнее время аналогичных программ становится все больше для юристов. Как считаете, с чем связан такой спрос?

– Действительно, Высшая школа правоведения начала реализовывать программу «Управление юридическим бизнесом» с 2022 года и аналогичных программ, реализуемых именно вузами, не было. За период с 2022 по 2025 год количество программ по управлению юридическим бизнесом, юридическому маркетингу на рынке увеличилось, в том числе реализуемых и высшими учебными заведениями. Можно выделить несколько факторов, обусловивших подобный рост.

Прежде всего следует отметить, что программы подготовки юристов на уровне специалитета, бакалавриата, магистратуры включают в основном профессиональные дисциплины по изучению различных отраслей права, что является необходимым условием для подготовки квалифицированного специалиста. Ряд выпускников выбирают работу в компаниях, становятся руководителями юридических отделов, другие выбирают адвокатуру, третьи – нотариат, четвертые – консалтинг. По мере карьерного роста неизбежно сталкиваются с вопросами управления людьми, необходимостью организации бизнес-процессов по взаимодействию с другими структурными подразделениями, доверителями, клиентами. Для решения данных задач недостаточно быть хорошим юристом, нужны совершенные иные знания и навыки. С учетом специфики деятельности юристов профессиональный управленец без юридического образования, не понимающий особенностей деятельности юриста, не сможет обеспечить эффективное управление. Можно было бы предложить изменить программы подготовки юристов по направлению бакалавриат или магистратуры, но учебные планы не позволяют это сделать. Хотя следует отметить, что в качестве факультативных дисциплин на программах бакалавриата и магистратуры вузы стали предлагать отдельные дисциплины, но они скорее носят общий ознакомительный характер и не дают весь спектр необходимых управленческих знаний. Подобные программы целесообразнее реализовывать именно как дополнительные, когда молодые юристы получили опыт, понимают, каким образом изнутри функционируют организации, какие есть запросы от внутреннего и внешнего заказчика, и осознают, какие именно дополнительные знания нужны.

Вторым фактором является рост конкуренции на рынке юридических услуг, недостаточно быть просто высококлассным специалистом. Развитие интернета и ограниченность финансовых ресурсов привело к отказу малого бизнеса от услуг юристов и к поиску решения необходимых вопросов в интернете, хотя качество такой информации, порой до-

статочно низкое. В борьбе за клиента существенное влияние оказывает оперативность решения вопросов, отлаженность процессов, предоставление лучшего сервиса, а, соответственно, необходимость автоматизации бизнес-процессов, поиска новых конкурентных преимуществ, которые в том числе позволяют и сделать стоимость услуг более доступной. При этом управленцу необходимо не только владеть информацией, что может стать таким помощником, но и уметь информировать потенциального клиента о своих достижениях, поддерживать с клиентом непрерывную связь, предлагая новые продукты, то есть применять инструменты маркетинга.

Третий фактор – это потребность в создании лучшей команды. Найти профессионалов – только часть задачи, ими необходимо управлять, мотивировать, сплотить и удержать, что требует знания инструментов управления персоналом.

Соответственно, юристу как руководителю, собственнику юридического бизнеса нужны комплексные управленческие знания с учетом особенностей сферы оказания юридических услуг.

– То есть подход к профессиональному управлению в юридической сфере – это не разовый тренд?

– Определенно, не разовый тренд. Более того, в зарубежных странах подобные программы существуют давно и реализуются именно высшими учебными заведениями. Кроме того, почему, например, идут учиться в школы бизнеса? Ответ прост. Специалист в своей определенной области получает должность управленца или создает собственный бизнес, и возникает потребность в новых знаниях. В частности, в свое время, когда меня назначили на должность руководителя отдела в быстрорастущей компании, рос и юридический отдел, возникла необходимость составления бюджета, определения стратегии развития отдела в рамках стратегии развития компании и многие другие вопросы, но как это делать, я не знала, поэтому пришлось учиться.

У образования в школе бизнеса есть недостатки, поскольку они в основном ориентированы на производственные компании, в юридической сфере – это совершенно другое, это услуги, причем сопутствующие, поддерживающие, а не основные. Следует также отметить, что бизнес-образование дорогое и занимает два года обучения, а специальная программа для юриста существенно меньше занимает времени на обучение (3-4 месяца) и стоимость ниже. Кроме того, ряд знаний, которые даются в школах бизнеса, не применимы для юристов.

Если же обратиться к юридическому консалтингу, то не все собственники юридических компаний, адвокатских образований готовы сократить практику или отказаться в значительной степени от нее, они ищут управленцев для своего юридического бизнеса. Программы по управлению юридическим бизнесом позволяют сформировать пул специализированных управленцев, что безусловно подтверждает, что это зона устойчивого спроса на рынке.

– Какие дисциплины изучаются на программе? Чему учат в рамках программы «Управление юридическим бизнесом»?

– Можно выделить четыре ключевых блока, которые изучаются слушателями: операционное управление, маркетинг, управление финансами, автоматизация и цифровизация.

В рамках операционного управления предлагаются общие знания об управлении, роли руководителя, моделях построения управления командой, формированию бизнес-модели, определению целевой аудитории, изучаются подходы к управлению персоналом, его мотивации, подборе кадров, понятие и механизмы построения бизнес-процессов, в том числе взаимодействие с клиентами, внутренними и внешними заказчиками. Уделяется внимание технике подготовки юридических заключений, коммерческих предложений. Учитывая, что работа юриста – это взаимодействие с людьми, в связи с чем востребованным остается вопрос по эффективному разрешению конфликтов, и такая дисциплина присутствует.

В рамках блока управления финансами слушатели учатся строит финансовую модель своего бизнеса, изучают, что такое финансовый и управленческий учет, как сформировать цены на свои услуги.

Одним из наиболее актуальных остается вопрос продвижения и развития юридического бизнеса, в том числе слушатели получают ответы на следующие вопросы: какие инструменты продвижения существуют, как сформировать маркетинговый план, бренд компании и личный бренд, каким образом оформить сайт, чтобы он стал визитной карточкой и позволил привлекать клиентов, необходимо ли участвовать в рейтингах.

С учетом текущих тенденций и активного развития цифровых технологий актуальным остается вопрос по цифровизации и автоматизации внутренних процессов, обработке заявок, биллинг часов, создание базы знаний и другие. При этом внимание уделяется и развитию цифровизации судов, адвокатуры и иных ресурсов, с которыми работают юристы.

– Сейчас модно говорить о практикоориентированном подходе, причем в значительной части случаев – это всего лишь слова. Каким образом на Вашей программе реализуется практикоориентированный подход?

– Учитывая, что программа реализуется в высшем учебном заведении, то задача была, с одной стороны, дать качественную теоретическую базу, с другой стороны, практические навыки. Вторая задача решается путем привлечения практиков, управляющих партнеров, собственников юридических компаний, руководителей адвокатских образований, которые смогли создать свой успешный юридический бизнес и могут делиться свои опытом. В процессе обучения слушатели также выполняют практические задания, причем не решают абстрактные задачи, а, например, составляют для своей компании маркетинговый план, финансовую модель. Более того, рекомендуем привлекать для этого и свои команды, чтобы запустить процесс трансформации не после обучения, а уже в процессе. Для подобных программ наличие практической составляющей – ключевой, от которого зависит, будет ли она полезной и востребованной или нет.

– Чем эта программа отличается от других, представленных на рынке? В чем преимущества программы?

– Одним из ключевых преимуществ является несомненно баланс академических и практических знаний и навыков.

– Много внимания в последнее время уделяется направлениям hard skills и soft skills? Программа «Управление юридическим бизнесом» Высшей школы правоведения Президентской академии – это про hard skills или про soft skills?

– Программа «Управление юридическим бизнесом» Высшей школы правоведения Президентской академии - это симбиоз hard skills и soft skills. С одной стороны, мы даем устойчивые академические знания в сфере управления. С другой стороны, мы постарались обеспечить возможность нашим слушателям получить дополнительные, так называемые «мягкие навыки», которые необходимы в сфере юри-

дического бизнеса – это и ведение переговоров, управление конфликтами и другие.

– Если описать слушателей, которые идут учиться на программы управления в сфере юридического бизнеса, кто они?

– Можно выделить несколько категорий: молодые специалисты, которые приняли решение развивать свою частную практику, собственники небольших юридических компаний, которые являются управляющими партнерами и хотят дальнейшего развития, но не понимают, куда и как двигаться, адвокаты, руководители адвокатских образований. На программу приходят и управляющие партнеры среднего юридического бизнеса, как правило, с запросом на ознакомление с новыми тенденциями, реформирование и совершенствование своей компании с целью создания более эффективного механизма.

– Нужны какие-то специальные знания для поступления? Учитывая, что программа про управление юридическим бизнесом, обязательно ли наличие именно юридического образования?

– На самом деле жесткого такого критерия нет, в частности, в сфере консалтинга запрос существует и со стороны компаний, которые оказывают бухгалтерские услуги и планируют развивать юридическую практику, то есть наличие связи с юридическими услугами присутствует, поскольку программа адаптирована именно под юридические услуги, хотя действительно управление в любой сфере услуг имеет общие черты.

– Программа реализуется в дистанционном формате, каким образом Вы помогаете слушателям сконцентрироваться? Ряд педагогов и обучающихся достаточно негативно относятся к дистанционному формату, поскольку оно снижает качество образования, согласны ли с этим утверждением?

– Не соглашусь, что дистанционный формат снижает качество, поскольку программа реализуется в онлайн формате с включенными камерами и микрофонами - это обязательное условие. Спикеры работают вживую, а не в записи. У слушателей есть возможность задавать вопросы, делиться своим опытом во время занятия. Хотя, действительно следует отметить, что не все преподаватели умеют работать в таком формате, и зачастую это сложнее, чем работать в аудитории. Учитывая, что программа реализуется уже несколько лет, то преподавательский состав сформирован и умеет работать в дистанционном формате. Кроме того, для обеспечения эффективного взаимодействия и исключения потери концентрации используются методы чередования активностей, презентация требует тщательной подготовки, чтобы привлекать внимание, например, необходимо включать картинки, видео фрагменты, один слайд не должен быть на экране более 2-3 минут. Кроме того, слушатели вовлекаются в дискуссии, анализируют примеры из практики.

– Что получают выпускники по результатам программы? Появляются ли какие-то преимущества у выпускников программы на юридическом рынке по сравнению с конкурентами?

– Прежде всего наши слушатели в качестве итоговой работы готовят бизнес-план своей юридической компании, практики, адвокатского образования на базе полученных знаний, которые они защищают перед комиссией. Пожалуй, это самое ценное, поскольку многие при разработке бизнес-плана и анализа своей деятельности другими глазами смотрят на свое детище, получают ответы на свои вопросы и выявляют проблемы и ошибки, которые ранее не видели. Кроме того, заводят новые знакомства, обмениваются опытом и впоследствии наши выпускники сотрудничают совместно в рамках отдельных проектов. В качестве приятного бонуса – это диплом о дополнительном профессиональном образовании.

Безусловно, ключевым преимуществом является более профессиональный взгляд на управление своей компанией, осознанный подход к взаимодействию с сотрудниками, клиентами. Полученное образование открывает также возможности для продвижения для юристов, партнеров на более высокие управленческие позиции, поскольку позволяет сформировать профессиональных управленцев в сфере юридического бизнеса.

– Ирина Олеговна, Вы также являетесь руководителем программы магистратуры LLM-program in International Business Law в Высшей школе правоведения Президентской академии, которая реализуется полностью на английском языке. Есть ли какая-то связь между этой программой и программой Управление юридическим бизнесом?

– Действительно, наши выпускники магистерской программы LLM-program in International Business Law поступают на программу Управление юридическим бизнесом, иногда даже и в процессе обучения, поскольку выбирают частную практику по направлению международного права либо хотят усилить свою адвокатскую практику.

– Благодарю Вас, уважаемая Ирина Олеговна! Состоялся интересный разговор, но у нас осталось еще много вопросов. Учитывая ограниченность формата интервью, приглашаем Вас продолжить эту тему на страницах журнала.

– Благодарю за приглашение и за внимание к тематике образования в сфере Управление юридическим бизнесом! Желаю всему коллективу Евразийского юридического журнала и его читателям успешной работы и интересных публикаций!

Интервью брали:

Бондаренко
Александр Викторович
заместитель главного редактора
Евразийского юридического журнала,
кандидат философских наук,
доцент

Лукиянов
Михаил Юрьевич
ответственный редактор
Евразийского юридического журнала,
кандидат политических наук,
доцент

В ПРЕДДВЕРИИ ПРАЗДНОВАНИЯ 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНОГО СОВЕТСКОГО И РОССИЙСКОГО УЧЁНОГО, ЮРИСТА-МЕЖДУНАРОДНИКА, ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЛАУРЕАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ РОССИИ ИГОРЯ ИВАНОВИЧА ЛУКАШУКА РЕДАКЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА В РАМКАХ КОНКУРСА НАУЧНЫХ РАБОТ ЛУКАШУКСКИЕ ЧТЕНИЯ - 2026

публикует вторую часть статьи (см. Ч. 1. в № 5 (204) ЕврАзЮж). В статье, с опорой на труды И. И. Лукашука, исследуются проблемы глобализации миропорядка и доминирования права силы в современных международных отношениях. Рассмотрены основные тенденции и причины обострения силового геополитического противостояния в условиях современных глобальных процессов 4.0, а также определены стратегические направления прогрессивного развития международного права для их урегулирования.

С условиями конкурса Лукашукские чтения – 2026 «Научное наследие профессора Игоря Ивановича Лукашука как основа для прогрессивного развития международного права в условиях противоречивого развития глобальных процессов и обострения геополитического противостояния» можно ознакомиться на сайте Евразийского юридического журнала:

https://eurasialaw-journal.ru/lukashukskie-chteniya-2026.html

БУРЬЯНОВ Сергей Анатольевич
кандидат юридических наук, доцент, научный руководитель Global Law Forum

БУРЬЯНОВ Максим Сергеевич
магистр юриспруденции, аспирант, Институт экономики, управления и права, Московский городской педагогический университет; эксперт Молодежного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации

Бурьянов С. А.

Бурьянов М. С.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА И ПРАВО СИЛЫ. ЧТО ПРИВЕЛО К ОБОСТРЕНИЮ СИЛОВОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ЕСТЬ ЛИ ПЕРСПЕКТИВА ЭВОЛЮЦИОНИРОВАТЬ К УСТОЙЧИВОМУ ЧЕЛОВЕКООРИЕНТИРОВАННОМУ РАЗВИТИЮ? ЧАСТЬ 2.

В статье исследуются проблемы глобализации миропорядка и доминирования права силы в современных международных отношениях. Рассмотрены основные тенденции и причины обострения силового геополитического противостояния в условиях современных глобальных процессов 4.0, а также определены стратегические направления развития международного права для их урегулирования. Делается вывод, что преодоление глобальных вызовов, включая военные, требует эволюционной смены парадигмы цивилизационного развития с неустойчивой государствоцентричной на управляемую человекоориентированную. Для этого необходимо существенное реформирование международного права, как науки, системы принципов и норм, а также совокупности учебных дисциплин. Обосновывается необходимость реформирования универсальных международных правовых принципов и норм в целях создания условий для реализации принципа неприменения силы или угрозы силой с учетом глобальных процессов и негативных последствий 4.0 на основе принципиально новой неполярной модели международных отношений. В целях достижения глобальных взаимоуважения, доверия и сотрудничества предложен переход от юридически некорректной и неэффективной концепции религиозной свободы к инновационной концепции свободы мировоззренческого выбора, обеспеченной мировоззренческим нейтралитетом государств. Сделан вывод, что в средне- и долгосрочной перспективе сохранение и устойчивое человекоориентированное развитие человеческой цивилизации потребует существенной трансформации миропорядка через развитие глобальных права, управления, образования (включая юридическое образование), в свою очередь основанных на приоритете цифровых прав человека, воплощающих свободу, равноправие и справедливость в условиях глобальной цифровой трансформации.

Ключевые слова: мировой порядок, глобальные процессы 4.0, цифровая трансформация, глобальные негативные последствия 4.0, международные отношения, геополитическое противостояние, международное право, права человека, цифровые права человека, свобода мировоззренческого выбора, мировоззренческий нейтралитет государств, устойчивое человекоорентированное развитие.

BURYANOV Sergey Anatoljevich
Ph.D. in Law, associate professor, Scientific Director of the Global Law Forum

BURYANOV Maxim Sergeevich
master of law, postgraduate student, Institute of Economics, Management and Law, Moscow City Pedagogical University; expert of the Youth Council under the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation

GLOBALIZATION OF THE WORLD ORDER AND THE LAW OF FORCE. WHAT LED TO THE AGGRAVATION OF THE POWER GEOPOLITICAL CONFRONTATION IN THE MODERN WORLD AND IS THERE A PROSPECT OF EVOLVING TOWARDS SUSTAINABLE HUMAN-ORIENTED DEVELOPMENT? PART 2.

The article examines the problems of globalization of the world order and the dominance of the law of force in modern international relations. The main trends and reasons for the aggravation of the power geopolitical confrontation in the context of modern global processes 4.0 are considered, and strategic directions for the development of international law for their settlement are determined. It is concluded that overcoming global challenges, including military ones, requires an evolutionary change in the paradigm of civilizational development from an unstable state-centric to a controlled human-oriented one. This requires significant reform of international law as a science, a system of principles and norms, as well as a set of academic disciplines. The need to reform universal international legal principles and norms in order to create conditions for the implementation of the principle of non-use of force or threat of force, taking into account the global processes and negative consequences of 4.0, based on a fundamentally new non-polar model of international relations is substantiated. In order to achieve global mutual respect, trust and cooperation, a transition is proposed from a legally incorrect and ineffective concept of religious freedom to an innovative concept of freedom of ideological choice, ensured by the ideological neutrality of states. It is concluded that in the medium and long term, the preservation and sustainable human-oriented development of human civilization will require a significant transformation of the world order through the development of global law, governance, education (including legal education), in turn based on the priority of digital human rights, embodying freedom, equality and justice in the context of global digital transformation.

Keywords: world order, global processes 4.0, digital transformation, global negative consequences of 4.0, international relations, geopolitical confrontation, international law, human rights, digital human rights, freedom of ideological choice, ideological neutrality of states, sustainable human-oriented development.

«Ныне война утратила смысл. Большая война ставит под угрозу существование рода людского, а в «малой» невосполнимые утраты несут все участники».

Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 415 с. – С. 11.

К закреплению принципа неприменения силы или угрозы силой в качестве ядра международной нормативной системы человечество шло через череду кровавых войн и дипломатических ошибок, от права войны (jus ad bellum) XVII в. до принятия Устава ООН в середине XX в. Качественно новый этап в развитии международного права наступил уже после принятия Устава ООН в 1945 г., который «фактически поставил войну как средство разрешения международных конфликтов вне закона и первым из международных правовых документов обратил внимание на права отдельной личности, сделав принцип уважения прав человека общепризнанным» [23, с. 339].

Деятельность Организации Объединенных Наций (ООН) с первых дней своего существования была направлена на построение безопасного и справедливого мирового порядка. В Уставе ООН (1945) в качестве важных основ международной нормативной системы были закреплены основополагающие взаимосвязанные принципы: разрешения международных споров мирными средствами; воздержания от угрозы силой и ее применения; территориальной неприкосновенности; невмешательства; сотрудничества; равенства; обеспечения выполнения этих принципов всеми государствами для поддержания международного мира и безопасности, а также права человека (закрепленные в преамбуле). Запрет на применение силы в международных отношениях впервые в истории нашел свое правовое закрепление именно в Уставе ООН и был развит в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества государств в соответствии с Уставом ООН (1970), в Заключительном акте СБСЕ (1975), а также в Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях (1987).

Однако, на практике реализация этого крайне важного для миропорядка принципа сталкивается с целым рядом теоретических и практических проблем, включая злоупотребления правом вето постоянными членами Совета Безопасности ООН и неоправданно широкое применение права государств на самооборону. В частности, в своей кембриджской монографии И. З. Фархутдинов выявил существенные проблемы при определении критериев «мирных средств», «необходимости», «соразмерности», и особенно «упреждающих ударов» в рамках «превентивной самообороны», что способствует произволу и насилию в международных отношениях [27].

Международная система прав человека базирующаяся на Уставе ООН (1945), Всеобщей декларация прав человека (1948), Пактах о правах человека (1966) декларирует защиту прав индивидов, но далека от их реализации, предопределяя рост социальной дифференциации на мировом и внутригосударственных уровнях. И тем более она не дает эффективных ответов на новейшие вызовы безопасности и социальной справедливости в условиях усиления нового цифрового разрыва 4.0. 22 сентября 2024 года в рамках мероприятия высокого уровня ООН «Саммит будущего» были приняты, а затем утверждены на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Пакт о будущем, Глобальный цифровой договор и Декларация о будущих поколениях. По нашему мнению, для воплощения упомянутых выше документов в жизнь необходимо разработать и принять юридически обязательную Конвенцию о глобальных цифровых правах человека [3], [25].

В последние годы Совет Безопасности ООН уделяет серьезное внимание проблемам внедрения искусственного интеллекта. 18 июля 2023 года было проведено первое в истории заседание на тему «Искусственный интеллект: возможности и риски для международного мира и безопасности». Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш тогда заявил, что и военные, и невоенные варианты применения искусственного интеллекта могут иметь серьезные последствия для глобального мира и безопасности и создать риски из-за просчетов или случайностей. В октябре 2024 года СБ ООН рассмотрел двойственную природу быстрого технического прогресса — от искусственного интеллекта до нейротехнологий — подчеркнув как новаторские решения, так и возникающие риски для глобального мира и безопасности[1].

Также требуют эффективного правового урегулирования исторически сложившиеся этноконфессиональные противоречия [10], [16] в значительной мере предопределяющие вражду и конфликты. Этноконфессиональные барьеры [5, 17] на пути глобального сотрудничества государств являются серьезным препятствием на пути преодоления глобальных негативных последствий и формирования нового адекватного миропорядка. Корни геополитического противостояния также следует искать именно в этноконфессиональных взаимодействиях [9]. В качестве одного из условий преодоления этноконфессиональных барьеров на пути глобального сотрудничества считаем необходимым принятие юридически обязательной Конвенции о мировоззренческом нейтралитете государств.

Идеалы диалога и сотрудничества цивилизаций, включая защищенность от угроз международному миру и безопасности, уважение культурного разнообразия, права человека, гражданское общество, взаимное уважение, закрепленные в Глобальной повестке дня для диалога между цивилизациями (принятой резолюцией 56/6 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 ноября 2001 года) прекрасны. Однако их воплощение в жизнь требует эффективных правовых оснований. В современных реалиях формирования планетарной взаимозависимости представляется более уместным перейти от концепта локальных цивилизаций к идее формирования глобальной цивилизации, о чем неоднократно говорил бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан.

Подводя итоги и отвечая на вопрос о причинах обострения геополитического противоборства в современном глобализирующемся мире, вспомним передовицу The Economist от октября 1930 года. Тогда, как бы предчувствуя наступление Второй мировой войны, редакция авторитетного журнала указала на чреватую катастрофами напряженность в социальной жизни человечества, возникшую между двумя противоположными тенденциями. Почти сто назад было отмечено, что политика очень сильно отстает экономики, что порождает целую серию потрясений, антагонизмов и катастроф в социальной жизни человечества [26]. Сегодня это фундаментальное противоречие не только никуда не исчезло, но оно существенно расширилось в условиях разбалансированного развития глобальных процессов и систем 4.0, и как следствие привело к крайнему обострению глобальных негативных последствий и геополитического силового противостояния.

Именно это фундаментальное противоречие предопределило доминирование не вполне эффективных в условиях глобализации 4.0 централизованных государствоцентричных подходов и устаревших силовых моделей международных отношений, в свою очередь породивших совокупность от них производных причин нынешнего обострения геополитического противостояния.

Эти причины находятся на различных системно взаимопроникающих и взаимозависимых уровнях. На системообразующем теоретико-правовом уровне следует отметить недостаточный уровень развития науки международного права, что в значительной мере предопределило дефекты и пробелы правового регулирования, а также многочисленные правоприменительные проблемы в различных сферах (политико-правовые, социально-экономические, экологические и технологические, этноконфессиональные, политико-идеологические и культурные), а также недостаточный уровень образования и просвещения в целях устойчивого развития, включая глобалистику 4.0, права человека, толерантность и цифровую грамотность.

К наиболее опасным трендам нынешнего обострения геополитического противостояния следует отнести: увеличение числа и ожесточенности международных военных конфликтов с вовлеченностью почти половины государств; существенный рост военных бюджетов; модернизация и наращивание ядерных арсеналов; интеграция военного искусственного интеллекта с ядерным оружием; сокращение международного сотрудничества в области ядерного разоружения; усиление тенденций превращения космоса в арену

1 The promise and peril of runaway technological advances. – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.ungeneva.org/en/news-media/news/2024/10/99426/promise-and-peril-runaway-technological-advances (дата обращения: 21.01.2025).

вооруженного противостояния; борьба за технологическое превосходство и высокотехнологичная гонка неядерных вооружений, имеющая потенциал нарушения стратегического баланса и стабильности (гиперзвуковые системы, робототехника, беспилотные аппараты (наземные, летательные, надводные, подводные) в сочетании с искусственным интеллектом и квантовыми вычислениями); отмена ограничений для разработчиков и создание компании по развитию искусственного интеллекта The Stargate Project (Звездные врата); монополизация сферы высоких технологий компаниями и/или государствами, которая может стать сквозной проблемой, усугубляющей все вышеупомянутые с труднопредсказуемыми последствиями; тенденция к рискованному смешению коммерческих интересов и интересов безопасности через участие крупных корпораций в вооруженных конфликтах в качестве самостоятельных игроков и др.

Усиление геополитического противостояния взаимосвязано с неспособностью и нежеланием государств выполнять взятые на себя международные обязательства в области прав человека и запрета дискриминации [1, с. 4]. Например, в начале 2025 года США и Израиль вышли из Совета ООН по правам человека, который является центральным межправительственным органом Организации Объединенных Наций в данной сфере. 21 февраля 2025 года конгрессмены-республиканцы внесли в Конгресс США законопроект о полном выходе из ООН. Также в начале 2025 года стало известно, что Европейский Союз намерен пересмотреть Конвенцию о статусе беженцев, принятую 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года. В документе вынесенным на обсуждение главами МИД стран ЕС говорится о необходимости упростить высылку просителей убежища. Отмечено, что Конвенция 1951 года не соответствует вызовам времени так как принималась «в совершенно иной геополитической ситуации, чем сегодня».

Также отражением обострения геополитического противоборства является непрерывное стремление государств добиться технологического превосходства в искусственном интеллекте, военно-космических технологиях, гиперзвуковом оружии, беспилотных системах, средствах радиоэлектронной борьбы и др. «Появление практически любого нового образца вооружения и военной техники с элементами прорывных технологий в арсенале потенциального противника, особенно если это связано со сферой стратегических вооружений, может рассматриваться как попытка получить одностороннее преимущество и тем самым подорвать стратегическую стабильность» [18, с. 11]. Попытка не отстать вовлекает государства в спираль эскалации.

Особо подчеркнем, что стремительное развитие искусственного интеллекта, существенно опережающее попытки его нормативно-правового урегулирования, в значительной мере усиливает существующие проблемы. Здесь главная проблема в том, что неуправляемые волны глобального технологического развития попадая в национальные (и особенно авторитарные) военно-политические русла становятся качественно новым фактором усиления геополитического противоборства с труднопредсказуемыми экзистенциальными последствиями планетарного масштаба. В сфере глобальной цифровой трансформации ряд государств пытаются придерживаться политики цифрового суверенитета, усиливая барьеры и предпринимая шаги по установлению цифровой гегемонии.

Кроме того, представляются крайне опасными тенденции отказа ведущих технологических компаний от этических норм, ограничивающих военное использование ИИ. Например, компания Google, принадлежащая Alphabet Inc. (организация признана нежелательной на территории РФ), удалила из своих принципов искусственного интеллекта отрывок, в котором содержалось обязательство избегать использования этой технологии в потенциально опасных приложениях, таких как оружие[2].

Авторы исследования Big Tech Edition от Ranking Digital Rights (RDR) указывают, что некоторые технологические компании разработали инструменты, предназначенные для войны и интеграции со смертоносным оружием, а их облачная инфраструктура поддерживала военные действия. Платформы ряда социальных сетей по-прежнему являются основными проводниками пропаганды, в то время как их роль в дезинформации и ненадлежащее обеспечение модерации контента в контексте войны расследуется на предмет нарушения Закона Европейского союза о цифровых услугах[3].

В феврале 2025 года компания OpenAI подписала соглашение с правительством США об использовании своих новейших моделей искусственного интеллекта в национальных научно-исследовательских лабораториях и для обеспечения безопасности ядерного оружия[4]. В этой связи отметим, что риски непреднамеренной ядерной эскалации в связи с использованием искусственного интеллекта весьма высоки и вытекают из его ненадежности, непрозрачности, подверженности ошибкам, кибератакам, предвзятости и, самое главное – нечеловекоориентированности и непредсказуемости развития, вплоть до самоосознания и выхода из-под контроля людей. Кроме того, из-за беспрецедентного повышения объемов и скорости обработки данных человеческий контроль над ядерным оружием может быть утрачен.

Таким образом, милитаризация искусственного интеллекта является глобальным вызовом, способным нанести существенный ущерб человечеству и даже его уничтожить. В целом в современных условиях прослеживается тенденция к превращению цифровых технологий искусственного интеллекта в ведущий фактор геополитического противостояния. К сожалению, уже поздно говорить о запрете цифровой милитаризации, включая военное использование искусственного интеллекта. В этих реалиях представляется целесообразным создать систему международного контроля за внедрением искусственного интеллекта.

С момента создания ООН в 1945 году еще более усилилась планетарная взаимозависимость, экономика почти превратилась в глобальную, но мировая политическая система сохранила в своей основе государства, обладающие возможностями применения военной силы в международных отношениях, включая ядерное оружие. После трагических итогов Второй мировой войны в целях сохранения международного мира и безопасности кардинально обновилось международное право. Однако, скорость и качественное обновление глобальных процессов 4.0 привели к отставанию международного права и уровня его взаимодействия с внутригосударственными правовыми системами, предопределив бессилие перед лицом глобальных вызовов миру и безопасности, экологических и климатических, социального расслоения, а также новейших цифровых [12].

Приходится признать, что принципы, нормы и механизмы ООН, созданные для обеспечения международного мира и коллективной безопасности в прошлом веке, в современных условиях оказываются не вполне эффективными, зависят от интересов государств и не поспевают за быстро меняющейся реальностью кумулятивного взаимодействия глобализации и цифровизации [24]. Созданные в условиях индустриальной эпохи, сосредоточенной на национальных государствах и видимой военной угрозе, они оказались беспомощны перед лицом глобальных цифровых вызовов, включая военный искусственный интеллект и кибероперации, так как постоянно сталкиваются с новыми противоречиями и нехваткой реальных полномочий.

Кроме того, создание эффективных миротворческих механизмов сталкивается с препятствиями со стороны элит крупных государств, не желающих ограничить часть суверенитета и свое влияние в пользу надгосударственных структур. Игнорируя международные правовые нормы, движимые национальным эгоизмом и жадностью, но под предлогом защиты национальной безопасности и опираясь на расширенное толкование концепции цифрового суверенитета, они ограничивают трансграничные потоки данных и сервисов,

2 Love J., Solon O., Alba D. Google Removes Language on Weapons From Public AI Principles. – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-02-04/google-removes-language-on-weapons-from-public-ai-principles (дата обращения: 7.02.2025).

3 RDR 2025: Big Tech Edition. – [Electronic resource]. – Access mode: https://rankingdigitalrights.org/bte25/executive-summary (дата обращения: 30.04.2025).

4 ИИ от OpenAI интегрирован в систему безопасности ядерного оружия США после исторического соглашения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://new-science.ru/ii-ot-openai-integrirovan-v-sistemu-bezopasnosti-yadernogo-oruzhiya-ssha-posle-istoricheskogo-soglasheniya/ (дата обращения: 7.02.2025).

вводят системы тотального цифрового контроля, нередко преследуя инакомыслящих.

Наблюдаемый приоритет национальных интересов и силовой геополитики некоторых доминирующих государств по отношению к интересам мирового сообщества на практике означает обнуление попыток сохранения мира на планете, шансов на решение глобальных проблем, равно как и возможности перехода к устойчивому развитию.

Подчеркнем, что преодоление глобальных вызовов, включая военные, требует эволюционной смены парадигмы цивилизационного развития с неустойчивой государствоцентричной на управляемую человекоориентированную. Для этого необходимо существенное реформирование международного права, как науки, системы принципов и норм, а также совокупности учебных дисциплин. Ради сохранения человеческой цивилизации необходим отказ от права силы и переход к силе права в международных отношениях, что невозможно без реализации принципа неприменения силы или угрозы силой. В целом жизненно необходимо повышение эффективности норм международного права и возвращение прежнего авторитета ООН.

В указанном контексте крайне важен ответ на теоретический вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права, который существенно влияет на практическое выполнение государствами своих международных обязательств. Именно доминирование концепций, отрицающих приоритет международного права по отношению к внутригосударственному, в значительной мере предопределяет возможности игнорирования универсальных принципов и норм международного права, а в итоге приводит к нарушению принципа неприменения силы или угрозы силой и обострению геополитического противостояния, т.е. в рамках права силы. В указанном контексте, в условиях формирования глобальной взаимозависимости представляется наиболее корректной монистическая концепция с приоритетом международного права [11], а в перспективе – новая интегративная человекоориентированная концепция. Здесь особо подчеркнем необходимость перехода к концепции именно осуществления прав человека, где традиционная международная защита прав человека это лишь одна из стадий их реализации [7].

Эволюционные перспективы преодоления, основанного на праве силы геополитического противостояния, неразрывно взаимосвязаны с перспективами формирования адекватного миропорядка и достижения устойчивого управляемого развития человечества. Здесь в очередной раз нельзя не согласиться с мнением И. И. Лукашука, что глобализация «определяет новые черты не только мировой системы, но и внутренней жизни государств. Глобализация обусловила единство судеб человечества, так как обеспечить выживание можно лишь совместными усилиями. Она прочно связала людей и народы в единое целое в результате углубления прежних и появления новых связей — политических, экономических, социальных, культурных и др.» [14, с. 11].

Исходя из выявленного данным исследованием фундаментального противоречия в развитии глобальных процессов и систем 4.0, для преодоления глобальных негативных последствий 4.0, включая геополитическое силовое противостояние, необходимо эффективное международное правовое урегулирование и модернизация устаревшей политической подсистемы, и в итоге, достижение баланса и управляемости общественно-техноприроднокосмической системы. Это означает ключевую роль международного права, как науки, совокупности учебных дисциплин и системы принципов и норм, в современных реалиях направленных на реализацию прав человека, преодоление глобальных негативных последствий и переход к устойчивому развитию [21].

Опираясь на глобалистику 4.0 через человекоориентированное развитие международного права необходимо урегулировать и преодолеть централизованные государствоцентричные подходы и устаревшие силовые модели международных отношений, создав условия для преодоления геополитического противостояния. В частности, необходимо реформировать универсальные международные правовые нормы и институты в целях создания условий для реализации принципа неприменения силы или угрозы силой с учетом глобальных процессов и негативных последствий 4.0. В основе должна быть принципиально новая неполярная модель международных отношений, базирующаяся на приоритете прав человека, во главе с цифровыми правами, что будет способствовать формированию нового человекоориентированного миропорядка [25].

В частности, следует пересмотреть теоретико-правовые основы права вето и провести реформу Совета Безопасности ООН, что будет способствовать преодолению злоупотребления правом государств на самооборону [22]. Как минимум коллективная, превентивная и упреждающая самооборона государств, а также борьба с «терроризмом» и применение силы против негосударственных участников должны быть поставлены под контроль обновленной ООН [19, 20]. Особых усилий со стороны ООН требует переформатирование норм и институтов для решения проблемы прекращения ядерной гонки вооружений, а в дальнейшем сокращения и ликвидации ядерных вооружений. Прежде всего начиная с универсального уровня ООН в каждой точке планеты необходимо создать условия для восстановления доверия через формирование системы гарантий реализации прав человека, включая цифровые права и право на свободу мировоззренческого выбора, без дискриминации и на основе взаимоуважения и мировоззренческого нейтралитета государств [6]. Для осуществления упомянутого выше необходима системная работа по реформированию норм и институтов на всех взаимозависимых уровнях: универсальном, региональных, субрегиональных, межгосударственных, внутригосударственных; теоретико-правовом, нормативно-правовом, правоприменительном; средств массовой информации и гражданского обществ [4].

В средне- и долгосрочной перспективе сохранение и устойчивое человекоориентированное развитие человеческой цивилизации [1] потребует существенной трансформации миропорядка через развитие глобальных права, управления, образования (включая юридическое образование), в свою очередь основанных на приоритете прав человека 4.0, воплощающих свободу, равноправие и справедливость в условиях глобальной цифровой трансформации [2]. Флагманскую роль призвано сыграть системное формирование глобальной научно-образовательной системы, включая глобальное юридическое образование 4.0.

Преодоление геополитического противостояния в реалиях формирования планетарной взаимозависимости требует перехода от концепта локальных цивилизаций к формированию глобальной цивилизации на основе достижения глобальных взаимоуважения, доверия и сотрудничества. Для этого необходим переход от юридически некорректной и неэффективной концепции религиозной свободы к концепции свободы мировоззренческого выбора, обеспеченной мировоззренческим нейтралитетом государств [18].

Оглядываясь на прошлое, выдающийся ученый Игорь Иванович Лукашук указывал на непрерывные и жестокие, с десятками миллионов жертв, вооруженные конфликты XX века и выражал свое удивление «огромному разрыву между величайшими достижениями человеческой цивилизации в области науки, культуры, техники, с одной стороны, и величайшим варварством в отношениях между государствами» [14]. Смотря в будущее, И. И. Лукашук в своих фундаментальных трудах обоснованно отмечал необходимость развития науки международного права в целях преодоления глобальных бедствий [15] и с учетом тенденций развития современного общества [13]. На первом этапе необходимо организовать научные исследования и преподавание учебных дисциплин «Глобалистика 4.0», «Правовая глобалистика 4.0», «Образовательная глобалистика 4.0» в ведущих университетах мира. В данном контексте подчеркнем, что отсутствие современных знаний в области глобалистики у мировых лидеров и их советников, включая непонимание планетарной взаимозависимости вследствие экзистенциальных глобальных вызовов, существенно снижает порог использования силы в международных отношениях.

И в завершение приведем призыв Совета по науке и безопасности Бюллетеня ученых-атомщиков[5], который в полной

5 Основанный в 1945 году Альбертом Эйнштейном, Дж. Робертом Оппенгеймером и учеными Чикагского университета, которые помогали разрабатывать первое атомное оружие в Манхэттенском проекте, Bulletin of the Atomic Scientists создал Часы Судного дня два года спустя, используя образы апокалипсиса (полночь) и современную идиому ядерного взрыва (обратный отсчет до нуля)

мере касается текущего обострения геополитического противостояния. «Слепое продолжение текущего пути — это форма безумия. Соединенные Штаты, Китай и Россия обладают коллективной силой, способной уничтожить цивилизацию. Эти три страны несут главную ответственность за то, чтобы оттянуть мир от края пропасти, и они могут это сделать, если их лидеры серьезно начнут добросовестные дискуссии о глобальных угрозах. Несмотря на свои глубокие разногласия, они должны сделать этот первый шаг без промедления. Мир зависит от немедленных действий. До полуночи осталось 89 секунд»[6].

Пристатейный библиографический список

1. Абанина Е. Н., Абашидзе А. Х., Абдраимов Б. Ж., и др. Антология интерэкоправа. Учебное пособие. – М.; Уфа, 2014. – 678 с.
2. Бурьянов М. С. Перспективы развития российской государственности в условиях современных глобальных процессов и вызовов // Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире. Сборник научных трудов участников VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией И. В. Ильина. – М., 2019. – С. 67-73.
3. Бурьянов М. С. Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации: монография / Под науч. ред. С. А. Бурьянова. – М.: РУСАЙНС, 2024. – 148 с.
4. Бурьянов С. А. Значение и перспективы международно признанных прав человека, включая свободу мысли, совести и религии, в условиях глобализации общественных отношений // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 12 (91). – С. 25-28.
5. Бурьянов С. А. Ксенофобия, нетерпимость и дискриминация по мотивам религии или убеждений в субъектах Российской Федерации. Специализированный информационно-аналитический доклад за 2006 - первую половину 2007 года. – М., 2007. – 240 с.
6. Бурьянов С. А. Универсальные международно-правовые документы о свободе совести и защите от нетерпимости и дискриминации: проблемы и перспективы развития // Международная защита прав человека и государственный суверенитет. Материалы международной научно-практической конференции. – М., 2015. – С. 120-125.
7. Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. Права человека как ключевой фактор достижения устойчивого управляемого развития // Век глобализации. – 2022. – № 4 (44). – С. 97-110. DOI: 10.30884/vglob/2022.04.07
8. Бурьянов С. А., Бурьянов М. С., Никитаев Д. М. Право на свободу совести в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации в Российской Федерации. (Магистратура). Монография. Под науч. ред. С. А. Бурьянова. – М.: Русайнс, – 2020. – 236 с.
9. Бурьянов С. А. Религия на выборах в России. Фактор отношений государства с религиозными объединениями в федеральном избирательном цикле 2003-2004 года. – М., 2005. – 200 с.
10. Иванеев С. В. К вопросу о связи светского и религиозного в системе современного образования // Человеческий капитал. – 2014. – № 7 (67). – С. 44-48.
11. Карташкин В. А. Соотношение международного и внутригосударственного права и их взаимодействие // Современное право. – 2015. – № 10. – С. 114-120.
12. Куксин И. Н., Хода В. Д. Цифровизация – новая реальность в праве и новые угрозы // Теория государства и права. – 2020. – № 4 (20). – С. 115-140.
13. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М.: Спарк, 2000. – 279 с.
14. 14. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 415 с.
15. Лукашук И. И. Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Лукашук И. И. –М.: Волтерс Клувер, 2005. – 517 с.
16. Минченко Т. П. Проблема религиозной свободы: история и современность. – Томск, 2009. – 186 с.
17. Мозговой С. А. Военно-религиозные отношения: методологические подходы к определению понятия // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2001. – Т. 19, № 2. – С. 108-110.
18. Стефанович Д. В. Многомерное поле технологического противоборства // Россия в глобальной политике. –2025. – Т. 23, № 1. – С. 10-23.
19. Фархутдинов И. З. Американская доктрина о превентивном военном ударе (международно-правовые аспекты). – М., 2017. – 338 с.
20. Фархутдинов И. З. Американская доктрина о превентивном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты. – М., 2018. – 419 с.
21. Фархутдинов И. З. Международное право в условиях глобализации // Право и политика. – 2003. – № 8. – С. 141-149.
22. Фархутдинов И. З. Превентивная самооборона в международном праве: применение и злоупотребление // Московский журнал международного права. – 2016. – № 4 (104). – С. 97-124.
23. Фархутдинов И. З. Эволюция международного права — от Вестфаля до Версаля: монография. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 446 с. – (Научная мысль). – DOI 10.12737/2135819.
24. Чумаков А. Н. Глобализация и цифровизация: социальные последствия кумулятивного взаимодействия // Вопросы философии. – 2021. – № 8. – С. 36-46.
25. Buryanov M. Global digital human rights in the implementation of the Global Digital Compact. – Kindle Edition. 2024. – 491 p.
26. Kennedy Paul M. Preparing for the Twenty-first Century. – New York: Random House. – 1993. – 428 p.
27. Farkhutdinov I. The Mysterious and Obvious in American Diplomacy: From Monroe to Trump. – Cambridge Scholars Publishing. 2020. – 533 p.

для выражения угроз человечеству и планете. Часы Судного дня устанавливаются каждый год Советом по науке и безопасности журнала в консультации с его Советом спонсоров, в который входят девять лауреатов Нобелевской премии. Часы стали общепризнанным индикатором уязвимости мира к глобальной катастрофе, вызванной искусственными технологиями. Совет по науке и безопасности (SASB) журнала Bulletin of the Atomic Scientists состоит из избранной группы всемирно признанных лидеров, которые уделяют особое внимание ядерным рискам, изменению климата и прорывным технологиям.

6 Closer than ever: It is now 89 seconds to midnight. 2025 Doomsday Clock Statement. – [Electronic resource]. – Access mode: https://thebulletin.org/doomsday-clock/2025-statement/ (дата обращения: 28.01.2025).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-23-25

Баклажков И. А.

БАКЛАЖКОВ Игорь Анатольевич
адвокат, аспирант, Дипломатическая академия МИД России

ТУРИЗМ ИЛИ МИГРАЦИЯ: ГРАНИЦЫ МЕЖДУ КРАТКОСРОЧНЫМ ВИЗИТОМ И ДОЛГОСРОЧНОЙ МОБИЛЬНОСТЬЮ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В статье рассматривается проблема правовой неопределенности границы между туристическим визитом и миграционным пребыванием в современном международном праве. Особое внимание уделено трудностям квалификации трансформации визового статуса – от краткосрочного к долгосрочному, что становится актуальным в условиях роста трансграничной мобильности. Автор анализирует международные правовые подходы, зарубежную практику (США, ЕС, Германия, Австралия, Южная Корея), а также выявляет правовые риски, связанные с изменением цели пребывания без выезда за пределы государства. Предложены меры по совершенствованию регулирования, включая признание туристической миграции, введение переходного визового статуса и разработку модельного соглашения в рамках международного сотрудничества. Работа направлена на выявление пробелов в нормативной базе и предлагает конкретные шаги по правовой адаптации институтов международного миграционного права к современным условиям.

Ключевые слова: туристическая миграция, визовый режим, международное миграционное право, визовая политика, миграционный статус.

BAKLAZHKOV Igor Anatoljevich
lawyer, postgraduate student, Diplomatic Academy of the MFA of Russia

TOURISM OR MIGRATION: BOUNDARIES BETWEEN SHORT-TERM VISIT AND LONG-TERM MOBILITY IN INTERNATIONAL LAW

This article explores the legal ambiguity surrounding the boundary between tourism and migration in the context of international law. Special attention is given to the challenges of transforming a visa status from short-term to long-term residence, a situation increasingly common due to the growth of cross-border mobility. The author examines international legal frameworks, analyzes foreign practices (including those of the United States, the EU, Germany, Australia, and South Korea), and identifies legal risks associated with changing the declared purpose of stay without leaving the host country. The article proposes regulatory improvements such as formal recognition of tourist migration, the introduction of a transitional visa status, and the development of a model agreement to harmonize international approaches. The paper addresses existing legal gaps and outlines specific proposals for adapting international migration law to evolving mobility patterns.

Keywords: tourist migration, visa regime, international migration law, visa policy, migration status.

Современные формы трансграничной мобильности перестают укладываться в классическую дихотомию «туризм – миграция». Становится все более очевидным, что краткосрочные поездки, осуществляемые по туристическим визам или в рамках безвизовых режимов, в ряде случаев трансформируются в долгосрочное пребывание, включая трудовую или образовательную активность. Такое поведение иностранных граждан порождает сложные правовые ситуации, при которых исходная цель въезда расходится с фактическим миграционным намерением, а правовой статус пребывающего оказывается вне сферы четкого правового регулирования.

На международном уровне подобные сценарии до сих пор не получили системного отражения в нормативной базе. Термин «туристическая миграция» отсутствует в универсальных международных правовых актах и не закреплен в национальных правопорядках большинства государств. Международные соглашения в сфере туризма традиционно ориентированы на упрощение перемещений и защиту прав путешественников, но не охватывают правовые последствия трансформации цели пребывания. Внутригосударственные правовые системы, как правило, не содержат механизмов правомерной адаптации туристического статуса в условиях изменившихся обстоятельств, что создает риски произвольного правоприменения, административных санкций и дискриминационных практик.

В условиях глобализации, экономической нестабильности и развития цифровой инфраструктуры такие трансформационные сценарии становятся не исключением, а частью устойчивой модели поведения транснациональных субъектов. При этом возникает необходимость в переосмыслении границы между краткосрочным визитом и миграцией с учетом фактических миграционных последствий, а также в выработке соответствующих правовых решений, способных учитывать гибридный характер современных миграционных потоков.

Целью статьи является анализ статуса лиц, меняющих цель пребывания с туристической на иную, и выработка подходов к разграничению туризма и миграции в рамках международного публичного права. В рамках поставленной цели рассматриваются типовые сценарии трансформации визового статуса, выявляются правовые риски и предлагаются механизмы нормативного реагирования, включая модель «переходного визового статуса» и унифицированные процедуры легализации в условиях изменившихся жизненных обстоятельств.

Разграничение туризма и миграции в праве представляет собой одну из наиболее трудных задач международного регулирования трансграничной мобильности. На практике между ними часто отсутствует четкая граница. Современное международное право не содержит универсального критерия, позволяющего однозначно определить момент, в который краткосрочное пребывание приобретает миграционную природу [7, с. 10]. Туризм традиционно понимается как временное пребывание лица за пределами государства постоянного проживания без намерения трудоустройства или постоянного поселения [3, с. 12]. Это определение основано на декларируемой цели визита и сроке нахождения. В то же время миграция определяется как переселение с целью долгосрочного пребывания, включая трудовую, образовательную или семейную интеграцию [9, с. 5].

Изменение цели пребывания после въезда на территорию иностранного государства влечет собой широкий спектр правовых последствий, выходящих за рамки стандартных процедур визового контроля [8, с. 22]. Туристический режим, будучи изначально упрощенным и не предполагающим прав на трудовую деятельность или долгосрочное пребывание, не содержит механизмов легализации миграционных намерений, сформировавшихся в процессе поездки [10, с. 40]. Одним из ключевых рисков является привлечение к административной ответственности за нарушение режима пребывания. Другой риск связан с невозможностью правовой защиты. Отказ в выдаче разрешения на временное пребывание или рабочей визы, основанный на изначальной туристической цели въезда, ограничивает доступ к правам и социальным гарантиям, предусмотренным для законно пребывающих иностранцев [4, с. 19].

Практика регулирования трансформации визового статуса в различных правовых системах демонстрирует отсутствие единых подходов к определению границ между краткосрочным визитом и долгосрочной мобильностью. Вместе с тем, анализ отдельных национальных правопорядков позволяет выявить специфические правовые решения, направленные на реагирование государств на случаи изменения миграционного намерения уже после въезда на их территорию.

Соединенные Штаты Америки предоставляют иностранным гражданам, находящимся на территории страны по неиммиграционной визе (например, B-1/B-2), возможность изменить статус без выезда за границу. В соответствии с процедурой, предусмотренной Службой гражданства и иммиграции США (USCIS), лицо может подать заявление на смену статуса – на студенческий (F-1), рабочий (H-1B) или иной – при условии соблюдения визовых требований и отсутствия нарушений режима пребывания[1]. Такой подход отражает гибкость американской визовой политики и позволяет учесть изменившиеся обстоятельства без автоматического наступления негативных правовых последствий. Однако процедура сопряжена с длительными сроками рассмотрения, необходимостью подтверждения добросовестности намерений и отсутствием гарантий положительного исхода [1, с. 122].

Европейский союз, напротив, использует более жесткую систему контроля над краткосрочным пребыванием. В рамках визовой политики Шенгенского соглашения действует правило «90/180»: пребывание иностранных граждан, не обладающих статусом резидента, не может превышать 90 дней в течение любого 180-дневного периода[2]. Превышение этого срока квалифицируется как нарушение режима пребывания и влечет административную ответственность, включая запрет на въезд. Национальные законодательства государств ЕС допускают трансформацию статуса, но лишь при соблюдении формальных условий, таких как подача заявления на долгосрочную визу до истечения срока действия краткосрочной. При этом фиксация смены цели визита чаще всего осуществляется в условиях ограниченной дискреции административных органов, без достаточных правовых гарантий для иностранных граждан [5, с. 91.].

Австралия применяет жесткую миграционную модель, при которой некоторые территории (например, остров Рождества) были исключены из внутренней миграционной юрисдикции. Таким образом, иностранцы, прибывающие туда без визы, считаются не попавшими на территорию страны в правовом смысле и не могут инициировать процедуру получения статуса. Это решение иллюстрирует формализованный подход, при котором правовой статус зависит не только от цели въезда, но и от места пересечения границы. В отношении лиц, въехавших на основании визы, предусмотрена процедура смены статуса, однако она носит ограничительный характер и требует предварительного соблюдения всех условий, включая отсутствие нарушений предыдущего статуса[3].

Южная Корея использует строго дифференцированный подход к визовой политике. Например, в рамках визы E-2 (для преподавателей английского языка) установлены жесткие требования: наличие диплома определенного уровня, справки об отсутствии судимости, прохождение медицинского обследования[4]. Попытка смены туристического статуса на рабочий требует выезда из страны и оформления новой визы через консульское представительство. Такой подход минимизирует возможности внутригосударственной трансформации цели пребывания и подчеркивает приоритет строгого визового контроля [2, с. 20].

Анализ указанных практик позволяет выделить две группы моделей: адаптивные (США) и ограничительные (ЕС, Южная Корея, Австралия). В то время как первая ориентирована на учет изменившихся обстоятельств, вторая придает приоритет стабильности и контролю. Отсутствие универсальных стандартов трансформации визового статуса делает международное регулирование в этой сфере фрагментарным и непредсказуемым, что подчеркивает необходимость разработки soft law-инструментов, направленных на согласование подходов [6, с. 122].

Действующая система международного и национального правового регулирования трансформации визового статуса не соответствует реалиям современной мобильности.

1 Change My Nonimmigrant Status. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.uscis.gov/visit-united-states/extend-your-stay/change-my-nonimmigrant-status (дата обращения: 13.06.2025).

2 The 90/180-day rule for Schengen short-stay visas. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/schengen-borders-and-visa/visa-policy/90-days-180-day-rule_en (дата обращения: 13.06.2025).

3 Visas and entry requirements – Australian Government, Department of Home Affairs. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing (дата обращения: 13.06.2025) @@ Visa information – Republic of Korea, Ministry of Justice. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.visa.go.kr (дата обращения: 13.06.2025).

4 Visa information - Republic of Korea, Ministry of Justice. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.visa.go.kr (дата обращения: 13.06.2025).

Отсутствие согласованных правовых подходов и унифицированных процедур приводит к неопределенности правового положения лиц, меняющих цель пребывания, а также к произвольности в правоприменении. В этой связи представляется необходимым формулирование ряда предложений, направленных на устранение выявленных проблем.

Прежде всего, требуется признание туристической миграции в качестве самостоятельного объекта правового регулирования, отличного как от традиционного туризма, так и от трудовой или образовательной миграции. Это позволит учитывать особенности краткосрочного въезда с последующей трансформацией намерений, а также разработать правовые критерии квалификации такого поведения. В рамках данной категории целесообразно ввести типологию, отражающую различие между осознанной, ситуационной и переходной трансформацией статуса.

Следующий шаг – разработка модели «переходного визового статуса». Такая модель должна представлять собой временный правовой режим, допускающий законное пребывание на территории государства при условии изменившейся цели визита. Она может предусматривать, например, административную нейтральность за период оформления нового статуса, если лицо подало соответствующее заявление в течение срока действия первоначальной визы и не совершило иных нарушений.

На международном уровне следует инициировать разработку модельного соглашения по вопросам туристической миграции. Такое соглашение может быть подготовлено под эгидой ЮНВТО и МОМ и включать в себя: (1) определения ключевых понятий, включая трансформацию цели пребывания; (2) согласованный порядок фиксации смены статуса; (3) механизм обмена визовой и миграционной информацией между государствами; (4) стандарты оценки добросовестности миграционного поведения. Такие положения могут быть реализованы в виде soft law-инструментов с последующей интеграцией в национальные законодательства. Кроме того, необходимо обратить внимание на гармонизацию визовой политики в рамках региональных объединений. В условиях углубляющейся интеграции на постсоветском пространстве (например, в рамках ЕАЭС и СНГ) возможно создание единого цифрового реестра лиц, сменивших миграционный статус, а также согласование требований к трансформации визы без выезда за пределы страны пребывания.

Таким образом, предложенные меры направлены на достижение баланса между обеспечением правопорядка в сфере миграции и уважением прав лиц, добросовестно изменивших свою миграционную стратегию. Юридическое закрепление института туристической миграции и введение гибких форм правовой адаптации статуса позволят избежать необоснованных репрессивных мер и создать условия для эффективного управления трансграничной мобильностью. Анализ зарубежных правовых моделей показал, что адаптивные подходы (как в США) обеспечивают гибкость, но требуют институционального ресурса и прозрачности процедур, тогда как жесткие режимы (ЕС, Корея, Австралия) ограничивают возможности легализации, повышая риски санкций. В условиях отсутствия согласованных международных стандартов особенно остро встает вопрос о необходимости soft law-инструментов, способных восполнить нормативный вакуум и обеспечить предсказуемость регулирования. Предложенная концепция правового признания туристической миграции, введение «переходного визового статуса» и разработка модельных международных соглашений могут стать основой для системных изменений в миграционном регулировании.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Алисиевич Е. С., Белоусова А. А. [и др.]. Права человека и вызовы XXI века / 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. - 412 с.
2. Андриченко Л. В., Дутов П. О., Емельянов А. С. [и др.]. Миграционная правовая политика России: тенденции и пути развития. - М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2024. - 288 с.
3. Дутов П. О. Конституционно-правовое регулирование внешней трудовой миграции. - М.: Юнити-Дана, 2022. - 176 с.
4. Дутов П. О. Реализация иностранными гражданами права на трудовую деятельность в организованных формах: монография. - М.: Юнити-Дана, 2024. - 184 с.
5. Егорова Е. Н. Миграционная политика интеграционных объединений. - М.: МГИМО МИД России, 2024. - 215 с.
6. Иванов Д. В., Егорова Е. Н., Алиев Д. М., Левина М. М. Международно-правовая политика Европейского союза в области вынужденной и трудовой миграции: учебное пособие. - М.: Проспект, 2024. - 312 с.
7. Киселева Е. В. Международно-правовое регулирование миграции / 3-е изд., испр. и доп. - М.: Юрайт, 2024. - 241 с.
8. Прудников А. С., Маюров Н. П., Эриашвили Н. Д. [и др.]. Правонарушения в сфере миграции. Классификация. Доказательства. Производство / 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юнити-Дана, 2021. - 160 с.
9. Сайфуллина И. П., Абашидзе А. Х., Алексеева М. М. [и др.]. Международное миграционное право. – М.: Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2024. - 228 с.
10. Суворова В. А. Политико-правовое обеспечение соблюдения прав вынужденных мигрантов: соотношение международных и российских норм. - М.: Государственный университет управления, 2021. - 107 с.

НОВИКОВ Богдан Михайлович
аспирант 2-го курса, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; помощник депутата Законодательного собрания VII созыва

Новиков Б. М.

КРИПТОВАЛЮТЫ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ВЫЗОВ, СТОЯЩИЙ ПЕРЕД МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫМ СОТРУДНИЧЕСТВОМ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТМЫВАНИЮ ДЕНЕГ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА

В статье автор исследует криптовалюты как новый вызов для международно-правового сотрудничества в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. Актуальность темы обусловлена стремительным ростом рынка криптовалют и его активным использованием в противоправной деятельности, включая отмывание преступных доходов и финансирование террористических организаций. На основе проведенного исследования и анализа международно-правовых норм и законодательства зарубежных стран автором были выявлены несовершенства действующих правовых норм и предложены конкретные меры по совершенствованию правового регулирования оборота криптовалют, включая гармонизацию законодательства, усиление международного сотрудничества и внедрение современных технологий мониторинга транзакций.

Ключевые слова: криптовалюты, отмывание денег, финансирование терроризма, международно-правовое сотрудничество, цифровая валюта, блокчейн.

NOVIKOV Bogdan Mikhaylovich
postgraduate student of the 2nd course, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia; assistant to the deputy of the Legislative Assembly of the VII convocation

CRYPTOCURRENCIES AS A MODERN CHALLENGE FACING INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION IN THE FIELD OF COMBATING MONEY LAUNDERING AND TERRORIST FINANCING

In the article, the author examines cryptocurrencies as a new challenge for international legal cooperation in the field of combating money laundering and terrorist financing. The relevance of the topic is due to the rapid growth of the cryptocurrency market and its active use in illegal activities, including laundering of criminal proceeds and financing of terrorist organizations. Based on the conducted research and analysis of international legal norms and legislation of foreign countries, the author identified the imperfections of the current legal norms and proposed specific measures to improve the legal regulation of cryptocurrency turnover, including harmonization of legislation, strengthening international cooperation and the introduction of modern transaction monitoring technologies.

Keywords: cryptocurrencies, money laundering, terrorist financing, international legal cooperation, digital currency, blockchain.

Современные криптовалютные системы, основанные на технологии блокчейн, создают принципиально новую парадигму финансовых отношений, сочетающую высокую скорость расчетов, децентрализацию и псевдоанонимность транзакций. Однако эти технологические преимущества одновременно формируют значительные риски для экономической безопасности, связанные с использованием цифровых активов в противоправной деятельности.

Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом криптовалютного рынка, объем которого по состоянию на 2024 год достиг 8,5 трлн долларов при 617 миллионах пользователей[1]. При этом, как свидетельствуют данные ФАТФ, до 23 % транзакций в анонимных криптоактивах связаны с отмыванием денег или финансированием терроризма[2]. Особую остроту проблеме придает кейс Tornado Cash - децентрализованного миксера, через который было отмыто свыше 7 млрд долларов[3], что продемонстрировало неэффективность традиционных регуляторных подходов.

Целью исследования является комплексный анализ нормативно-правовых и технологических вызовов, связанных с противодействием незаконному обороту криптовалют, с разработкой предложений по совершенствованию регуляторных механизмов. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Систематизация ключевых рисков использования криптоактивов в противоправной деятельности.
2. Сравнительный анализ международных регуляторных подходов (ФАТФ, MiCA, национальные юрисдикции).
3. Оценка эффективности современных технологий блокчейн-анализа.
4. Разработка рекомендаций по гармонизации регулирования.

В рамках настоящего исследования применяется комплекс взаимодополняющих методов, позволяющих обеспечить всесторонний анализ проблем противодействия незаконному использованию криптовалют. Основу методологической базы составляет нормативно-правовой анализ, включающий изучение международных стандартов (рекомендации ФАТФ 2023 года, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года), регионального регулирования (регламент ЕС MiCA, директивы AMLD5 и AMLD6) и национальных законодательных актов (ФЗ о ЦФА в России).

Особое значение в исследовании придается сравнительно-правовому анализу, который позволяет выявить ключевые различия в имплементации международных стандартов в раз-

1 Отчет о состоянии криптовалюты 2024 года: Новые данные о колеблющихся штатах, стейблкоинах, искусственном интеллекте, энергии строителей и многом другом. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gate.io/ru/learn/articles/state-of-crypto-report-2024-new-data-on-swing-states-stablecoins-ai-builder-energy-and-more/4495 (дата обращения: 03.03.2025).

2 Целевое обновление информации об имплементации стандартов ФАТФ по виртуальным активам и провайдерам услуг виртуальных активов, июнь 2024 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1738318634&tld=ru&lang=ru&name=%C2%ABtargeted%20updpate%20on%20implementation%20of%20the%20fatf%20standards%20on%20virtu....pdf (дата обращения: 31.01.2025).

3 U.S. Department of the Treasury. Treasury Sanctions Notorious Virtual Currency Mixer Tornado Cash] // U.S. Department of the Treasury. – 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0916 (дата обращения: 10.04.2025).

личных юрисдикциях. В частности, проводится сопоставление ведомственного подхода США (FinCEN/SEC/CFTC) с гармонизированной моделью регулирования ЕС, а также анализируется практика государств Азиатско-Тихоокеанского региона (Сингапур, Япония). Такой подход дает возможность оценить эффективность различных регуляторных стратегий.

Важным компонентом исследования является метод case-study, применяемый для углубленного анализа конкретных прецедентов, включая санкции против Tornado Cash, судебные дела SEC v. Coinbase и DOJ v. Roman Storm. Этот метод позволяет проследить реальные последствия регуляторных мер и выявить пробелы в правовом регулировании

Эмпирическая часть исследования основана на статистическом анализе данных Chainalysis и Elliptic за период 2020–2024 годов, а также на контент-анализе отчетов международных организаций (ФАТФ, GAFI) и публичных заявлений регуляторов. Особое внимание уделяется технико-юридическому анализу механизмов работы децентрализованных миксеров и инструментов блокчейн-анализа, что позволяет оценить их соответствие современным регуляторным требованиям, включая «Правила путешествия» ФАТФ.

В последнее время вокруг виртуальных активов в финансовом секторе образовались два противостоящих лагеря, один из которых рассматривает их как важный шаг вперед в улучшении платежных систем, тогда как другой указывает на их криминогенные свойства, связанные с отмыванием денег и финансированием террористов, при этом обе точки зрения показывают насколько сложно контролировать их со стороны государства.

Вместе с тем, следует отметить, что виртуальные валюты представляют собой системообразующий элемент финансовой системы, обуславливающий развитие новых методов расчетов, и несущий высокие риски как для отдельных стран, так и для всей мировой экономики, при этом, среди рисков, возникающих при использовании виртуальных валют для отмывания денег, можно выделить высокую волатильность курса виртуальной валюты, легкость вывода средств за пределы страны, финансирование терроризма через анонимные транзакции, оплату за запрещенные товары и услуги, использование криптовалют для взяточничества, анонимность и высокая скорость платежей, отсутствие нормативного регулирования и контроля за криптовалютами, возможность минимизации рисков отмывания доходов с помощью виртуальных валют.

Представляется, что отсутствие полноценного правового регулирования, характерное как для Российской Федерации, так и для многих зарубежных стран, в особенности тех, которые используют криптовалюту в качестве платежного средства, легального имущества или финансового актива, сказывается на борьбе с рисками, связанными с теневым использованием криптовалютой, в частности, из-за того, что отсутствует четкое определение терминов и правил обращения с криптовалютами, затрудняя тем самым работу контролирующих органов и создавая риски отмывания денежных средств. Представляется, что решение данной проблемы требует комплексного подхода, в рамках которого следует не только доработать действующие проекты законов, а также разработать новые подходы к регулированию данного сектора, но и обеспечить усовершенствование технических средств и программного обеспечения, используемого надзорными службами, а также внедрение современных высокоэффективных мониторинговых систем для отслеживания операций с криптовалютами [1].

Необходимо также определиться с терминологией исследования. Несмотря на рекомендации ФАТФ, которые в большей степени используют термин «виртуальная валюта», мы в рамках данного исследования, называя финансовые инструменты, использующие технологию блокчейн, используем термин «криптовалюта». Данный выбор обусловлен несколькими факторами. Во-первых, в международном праве и национальном праве большинства государств сложилась правовая неопределенность в терминологии. Так, по данным Всемирного Банка в 70 % юрисдикций отсутствует единое определение[4]. Во-вторых, с момента зарождения института блокчейна и появления Биткоина, данные валюты стало принято называть «криптовалюта», так как технология Блокчейн использует элементы криптографии. В-третьих, термин «криптовалюта» используется и в нормативных документах, таких как The Markets in Crypto Assets Regulation (далее – MiCA), где наряду с термином «криптовалюта» используются термины «криптоактив» и «ART/EMT-токены». Таким образом, для читателя проще воспринимать один термин, понимая, что проблема терминологии является одной из основной в рамках международного сотрудничества в этой сфере.

Уникальные свойства применяемой технологии блокчейн порождают систему рисков и угроз, связанных с использованием криптовалют, поскольку блокчейн – это распределенный реестр (децентрализованный реестр, дистрибутивный регистр), не подверженный влиянию центральных серверов, вследствие чего хранение информации в блоках на множестве узлов сети обеспечивает высокую надежность функционирования системы, высокий уровень защиты информации, а также доступность информации для всех членов сети[5]. Представляется, что комплекс этих характеристик создает уникальный финансовый инструмент на основе виртуального валютного актива, который существует только как виртуальный актив, то есть как денежный и не имеющий материального выражения, в результате чего она позволяет не только значительно ускорить расчеты между участниками, но и повысить безопасность расчетов до максимального уровня в силу анонимности пользователей и невозможности отмены выполненных операций.

Сложные схемы обработки информации, существующие пробелы в законодательстве, высокий уровень анонимности владельцев криптовалюты обуславливают проблемы, связанные с противодействием отмыванию «грязных» денег, финансированию терроризма, а также иных преступлений в интернете (рисунок 2) [1].

Криптовалюты, как объект преступной деятельности, имеют множество специфических характеристик, среди которых, в первую очередь, следует выделить высокую степень анонимности, так как благодаря использованию криптографических алгоритмов, децентрализованным реестрам идентифицировать пользователей криптовалют достаточно сложно, однако, применяемая в криптографии технология блокчейн, отслеживающая все транзакции, дает возможность проследить все передвижения денежных средств, идентифицируя по адресам кошельков участников рынка, которые указывали свои данные при регистрации на биржах, или имели связи с такими адресами в сети блокчейна.

Однако анонимность привлекает не только преступников: по данным Europol от 2023 года, 62 % пользователей миксеров[6] ссылаются на необходимость защиты коммерческой тайны. Одним из наиболее резонансных случаев использования криптовалют для отмывания преступных доходов стало применениемиксера «Tornado Cash» – децентрализованного сервиса, работающего на блокчейне Ethereum и позволяющего скрывать происхождение средств путем смешивания транзакций. Сервис использует смарт-контракты для смешивания транзакций множества пользователей, а его код запущен в децентрализованной сети, что делает техническую блокировку невозможной без ограничения всего блокчейна Ethereum. В 2022 году американские регуляторы (OFAC) внесли Tornado Cash в санкционный список, обвинив его в отмывании более $7 млрд, включая средства, украденные хакерскими группировками (например, Lazarus Group, связанной с КНДР). Это первый прецедент санкций против децентрализованного кода, что вызвало дискуссию о пределах регулирования DeFi[7]. Стоит подчерунть, что криптовалюта «TORN», необходимая для использования миксера, до сих пор торгуется на многих крупных торговых площадках. Этот случай подтвердил необходимость новых подходов, пред-

4 World Bank. Global Crypto Regulation Report 2023: Mapping Regulatory Approaches to Digital Assets / World Bank Group, Fintech Working Group. - Washington: World Bank Publications, 2023. – 89 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://documents.worldbank.org/... (дата обращения: 15.07.2024).

5 Развитие технологии распределенных реестров // Доклад для общественных консультаций Банка России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: chromeextension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://cbr.ru/Content/Document/File/50678/Consultation_Paper_171229(2).pdf (дата обращения: 03.03.2025).

6 Миксер (криптовалютный миксер) — технологический сервис, предназначенный для нарушения прослеживаемости блокчейн-транзакций путем криптографического смешивания (объединения и перераспределения) цифровых активов множества пользователей с последующей выдачей новых монет, сохраняющих исходную стоимость, но разрывающих связь с первоначальными кошельками-источниками.

7 U.S. Department of the Treasury. Treasury Sanctions Notorious Virtual Currency Mixer Tornado Cash // U.S. Department of the Treasury. – 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0916 (дата обращения: 10.04.2025).

Рисунок 2. Классификация рисков, формируемых применением криптовалют в сфере противодействия отмыванию доходов и финансирования терроризма

ложенных ФАТФ в Рекомендации 15 (2023), включая контроль за P2P-транзакциями[8] и автономными кошельками.

Отметим, что даже «смешанную» криптовалюты в таком миксере можно деанонимизировать. Так, даже несмотря на смешивание, компания «Chainalysis» уже научились деанонимизировать до 50 % транзакций через анализ паттернов поведения каждого участника рынка[9].

Важной особенностью криптовалюты, обеспечивающей ее популярность на мировом финансовом рынке, является также транснациональность, которая обусловлена тем, что при проведении операций невозможно установить страновые, таможенные и другие ограничения в силу электронной природы цифровой валюты, а также ее децентрализованность, позволяющая пользователям осуществлять расчетные операции венчурными деньгами без участия третьих лиц, а так как борьба с отмыванием доходов и финансированием терроризма предполагает контроль за третьими сторонами, то есть посредниками между участниками транзакции, то исключение посредника из схемы при движении криптовалюты ставит под сомнение традиционные методы контроля и дополнительно усложняет идентификацию пользователей. Пятую характерную черту цифровой валюты следует обозначить как скорость и простота расчетов, которая многократно превышает скорость расчетов традиционными способами, например, наличными деньгами, при этом риски, связанные с неурегулированностью и высокой скоростью движения криптовалют, освещались в Национальной оценке рисков финансирования терроризма в Российской Федерации. В дополнение к скорости применения и автоматизированности использования криптовалют следует указать архитектуру распределенного реестра, позволяющую обходить традиционную централизованную банковскую модель в финансовой сфере, что в совокупности с уникальными протоколами конвертации цифровых валют, отсутствием однозначных руководств от ФАТФ по определению сомнительных операций с криптовалютами затрудняет реальную идентификацию участников нелегальной деятельности[10].

Основное внимание в статье уделено отдельным положениям рекомендаций ФАТФ, поскольку в них делается акцент на анализе допустимости использования новых технологий в борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, в том числе в сфере криптоактивов, в частности, ФАТФ предложила различать такие понятия, как «криптовалюта», «электронные деньги», «виртуальная валюта», включенные в нормативное регулирование многими международными структурами и отдельными государствами (рисунок 3) [1].

Анализируя рекомендации ФАТФ о противодействии отмыванию денег и финансированию терроризма с помощью криптовалют за последние годы, в том числе за 2023 и 2024 годы, представляется, что для предотвращения расматриваемых преступных действий требуется большая скоординированность надзорных органов всех стран, чем имеется на сегодняшний день, поскольку использование преступниками разнообразия юрисдикций и законодательства для переброски активов через границу легко игнорирует иные предпринимаемые меры, в связи с чем международные организации и правительства стран должны координировать свою работу, объединяя требования и делясь информацией о подозрительных операциях в рамках цифровых транзакций. ФАТФ инициировала создание глобальных стандартов противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма, однако конкретные шаги будут зависеть от юрисдикции каждого государства или объединения государств[11].

8 P2P-транзакции – это денежные переводы от одного пользователя к другому, без участия банка или других посредников, напрямую через специализированные сервисы или приложения.

9 Chainalysis Team. Crypto Crime Trends 2023: Illicit Transaction Monitoring Report [Электронныйресурс] // Chainalysis Official Blog. – 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.chainalysis.com/reports/crypto-crime-2023/ (дата обращения: 10.04.2025).

10 Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов. Основные выводы. Публичный отчет Федеральной службы по финансовому мониторингу. 2017-2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://org-rsa.ru/upload/Ozenka_riskov.pdf (дата обращения: 31.01.2025).

11 Целевое обновление информации об имплементации стандартов ФАТФ по виртуальным активам и провайдерам услуг вир-

В соответствии с рекомендациями ФАТФ, принятыми на пленарном заседании в ноябре 2023 года, представляется, что Правительства стран несут ответственность за формирование динамичной системы управления рисками, поскольку такой контроль подразумевает обязательное лицензирование или регистрацию вышеуказанных поставщиков, а также создание эффективных механизмов соблюдения норм, установленных ФАТФ. В частности, юридические лица, осуществляющие операции с виртуальными активами, должны пройти процедуру регистрации в юрисдикции страны образования юрлица, а физические лица – в той стране, где они предоставляют услуги.

ФАТФ также предлагает весьма жесткие правила касаемо финансового контроля операций с виртуальными активами, что подразумевает необходимость хранения, сбора и передачи информации о клиентах, а информация, передаваемая другим криптокомпаниям или финансовым учреждениям по запросу государственных структур, должна быть полной и точной, касаясь как клиентов, так и конечных бенефициаров. Кроме того, поставщики виртуальных активов, работающие с третьей стороной, обязаны хранить информацию об отправителе и собирать полную информацию о получателе [2].

В феврале 2023 года ФАТФ одобрила план действий по внедрению Рекомендации 15 (Р.15)[12], в рамках которого был разработан детализированный график, включающий в себя механизмы отслеживания прогресса по реализации мероприятий, предусмотренных Р.15, а также обозначены базовые показатели, включая оценку рисков виртуальных активов, принятие законодательства, регулирующего деятельность поставщиков виртуальных активов, осуществление надзорных проверок и т.д. Как видится, страны-участники ФАТФ должны воспользоваться данной таблицей в качестве ориентира для укрепления систем противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) и повышения механизма контроля за данной сферой.

Кроме того, ФАТФ и Контактная группа ФАТФ по виртуальным активам (КГВА) и дальше будут делиться результатами, опытом и трудностями, связанными с имплементацией Р.15, в том числе в отношении децентрализованных финансов (DeFi)[13] и автономных кошельков, включая P2P-транзакции, и отслеживать тенденции рынка в этой области на предмет существенных изменений, которые могут потребовать дальнейшей работы ФАТФ. В 2025 году будет опубликован обновленный статус имплементации Р.15 странами и юрисдикциями – участниками ФАТФ, где деятельность ПУВА имеет существенное значение, в соответствии с решением пленарного заседания ФАТФ в феврале 2024 года[14].

Подходы к правовому регулированию сильно отличаются в различных государствах и региональных объединениях. Современная система регулирования криптоактивов демонстрирует принципиальное расхождение между фрагментированной ведомственной моделью США и гармонизированным подходом Европейского союза. Так, например, в Соединенных Штатах Америки такое регулирование осуществляется через систему компетенций различных ведомств: Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) и Комиссия по торговле товарными фьючерсами (CFTC). Уязвимая составляющая такого подхода заключается в различном понимании сущности криптовалют.

Комиссия по ценным бумагам и биржам классифицирует большинство криптовалют как ценную бумагу по Критерию Хауи, который был сформулирован Верховным судом США в 1946 году в деле SECv. W.J. HoweyCo. и с тех пор служит основным тестом для определения, является ли финансовый инструмент «инвестиционным контрактом» и, следовательно, ценной бумагой по федеральному законодательству США. В самом деле SECv. W.J. HoweyCo. суд установил, что сделки по продаже земельных участков с обязательным сервисным обслуживанием квалифицируются как ценные бумаги.

Комиссия по торговле товарными фьючерсами определяет крупнейшие криптовалюты Биткоин (Bitcoin) и (Ethereum) как товары в соответствии с Законом о товарных биржах (Commodity Exchange Act, CEA) 1936 года. Так, в 2015 году федеральный суд в деле CFTC v. Coinflip впервые признал биткоин товаром в значении CEA, создав важный прецедент. В 2022 году поправки к CEA (раздел 1a(47)) прямо включили «цифровые активы» в регулируемую категорию.

Особенно показательно стало дело SEC v. Coinbase, которое обнажило все недостатки такого ведомственного подхода к регулированию столь сложного финансового инструмента, как криптовалюта. Судебное разбирательство между Комиссией по ценным бумагам и биржам (SEC) и криптовалютной биржей Coinbase, началось в июне 2023 года, Иск SEC содержал три принципиальных обвинения: осуществление незарегистрированной деятельности биржи ценных бумаг (в нарушение раздела 5 Закона о ценных бумагах 1933 года) через торговлю 13 криптоактивами, включая SOL, ADA и MATIC; предложение незарегистрированного сервиса стейкинга (программа Lend Program); совмещение функций биржи, брокера и клирингового агента без надлежащего юридического оформления. Комиссия по ценным бумагам и биржам США настаивала, что: инвесторы вкладывали средства в общее предприятие; ожидали прибыли; которая должна была возникнуть в результате усилий третьих лиц (разработчиков соответствующих блокчейн-проектов). А криптовалютная биржа Coinbase в своей защите подчеркнули отсутствие четких регуляторных ориентиров от SEC в отношении конкретных активов и принадлежность спорных токенов к категории товаров (подпадающих под юрисдикцию CFTC. В итоге ходатайство Coinbase было отклонено, а бизнес и общественность встали на сторону криптовалютной биржи, потому что такая правовая неопределенность ставит IT-компании в уязвимое положение. После данного дела наблюдался отток инновационной активности в страны с более понятным правовым регулированием (ОАЭ, ЕС)[15].

Также в рамках следует рассмотреть опыт Европейского Союза по внедрению единых правил MiCA, которые имеют внушительные последствия для действующих на финансовом рынке контрагентов и зададут вектор будущего криптоиндустрии, призванной формировать безопасную, прозрачную криптоэкосистему на территории Европы. Следует отметить, что подъем интереса к криптоактивам в мировом масштабе делает MiCA значимой вехой, которая направит принятие и внедрение инновационных технологий на системный путь, так как одним из ключевых моментов принятия MiCA является значительная либерализация доступа для новых участников, что открывает возможности малому и среднему бизнесу работать на финансовых рынках с криптоактивами. Также рассматриваемая директива вводит особый статус для цифровых личных активов, закрепляя их правомочия за владельцами, создавая тем самым возможности для новых инвестиционных инструментов, учитывающих реальные рыночные условия[16].

Согласно предписаниям европейского законодательства MiCA, все механизмы обращения криптоактивов, включая децентрализованные финансы (DeFi), будут находиться под контролем единого законодательства в области криптоактивов, в дополнение к которым будут введены платформы для обеспечения сохранности цифровых активов в рамках Закона о защите финансовой системы. При этом с точки зрения налоговых аспектов внедрение механизма, регламентированного в европейской законодательстве MiCA, предполагает взаимодействие с государственными фискальными органами для получения информации о процессе выпуска и обращения криптоактивов.

Регламент MiCA определяет криптоактивы как цифровую форму стоимости или прав, созданных и управляемых с использованием технологии распределенного реестра или аналогичных систем, в связи с чем в рамках данного регулирования выделяются три основных категории криптоактивов. К

туальных активов, июнь 2024 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1738318634&tld=ru&lang=ru&name=%C2%ABtargeted%20update%20on%20implementation%20of%20the%20fatf%20standards%20on%20virtu....pdf (дата обращения: 31.01.2025).

12 Рекомендация 15 (Р.15) ФАТФ касается регулирования и надзора за провайдерами услуг виртуальных активов.

13 DeFi – это финансовые инструменты в виде сервисов и приложений, созданных на блокчейне.

14 Целевое обновление информации об имплементации стандартов ФАТФ по виртуальным активам и провайдерам услуг виртуальных активов, июнь 2024 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1738318634&tld=ru&lang=ru&name=%C2%ABtargeted%20update%20on%20implementation%20of%20the%20fatf%20standards%20on%20virtu....pdf (дата обращения: 31.01.2025).

15 United States District Court Southern District of New York. Securities and Exchange Commission v. Coinbase, Inc.: Case № 1:23-cv-04738. – 2023. – 89 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sec.gov/litigation/complaints/2023/comp-pr2023-139.pdf (дата обращения: 15.07.2024).

16 The National Law Review – 2021. Cryptocurrency Regulations Around the World. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.natlawreview.com/article/cryptocurrency-regulations-around-world (дата обращения: 31.01.2025).

первой категории относятся токены, обеспеченные активами (Asset-Referenced Tokens – ART), которые привязаны к официальной валюте и находятся под строгим контролем, в том числе с возможностью выкупа по номиналу в установленной валюте, ко второй категории относятся токены электронных денег (E-Money Tokens – EMT), обеспеченные активами, отличными от электронных денег, а к третьей категории следует относить служебные токены (Utility Tokens), которые не относятся к финансовым инструментам и упоминаются в директиве MiFID II.

В законодательстве MiCA токены NFT и DEX занимают особое положение. Так, NFT подпадают под его действие только в случае, если они имеют однородные характеристики (обычно выпуск осуществляется партиями), при этом уникальные токены остаются за рамками управления MiCA, а участники децентрализованных платформ DEX не подлежат регистрации в качестве регулируемых предприятий, так как действуют автономно без стороннего воздействия[17].

Как видится, европейское законодательство MiCA накладывает строгие нормативные требования на эмитентов токенов стейблкоинов, в частности, токены электронных денег (EMT-токены) и токены активов (ART-токены) обязывают к предварительному согласованию с регулятором и письменному соглашению сторон до начала эмиссии. В этой связи, эмитенты, зарегистрированные в иной юрисдикции, обязаны информировать надзорный орган ЕС о начале эмиссии ART с документами о соответствии нормативным требованиям, поскольку токены, соответствующие критериям, установленным органом банковского надзора ЕС, классифицируются как токены повышенной категории, что создает для эмитента дополнительные требования по контролю за исполнением обязательств[18].

Как видно из современных тенденций развития рынка цифровых финансов, регулирование отрасли криптовалют стремится к созданию гармонизированной нормативно-правовой базы, в частности на уровне ЕС, и является необходимым шагом для легитимации данной сферы. Несмотря на это законодательство MiCA, являющееся несомненным положительным шагом на пути совершенствования системы противодействия отмыванию денежных средств и финансированию терроризма, имеет и ряд недостатков, среди которых следует отметить сложность норм, стремление к проработке всех аспектов деятельности и ввода ограничительных мер которые могут снизить уровень инновационного развития в криптоэкосистеме, а нормативные барьеры, препятствующие нововведениям, – затянуть весь процесс развития отрасли, кроме того, административные расходы на соблюдение нормативных стандартов могут оказаться высокими, особенно для стартапов и малых компаний. Также следует сказать, что упорядочение деятельности и обязательности соблюдения норм законотворчества в финансовом сегменте может вызвать утрату анонимности, тогда как многим пользователям криптографических валют принципиально важны конфиденциальные операции, и их потеря может вызвать негативные последствия[19].

В этой точке рассуждений необходимо вновь вспомнить вышеупомянутый проект TornadoCash. Кейс Tornado Cash стал поворотным моментом в практике регулирования криптовалют, выявив фундаментальное противоречие между технологической нейтральностью блокчейна и территориальностью национального законодательства. Арест в августе 2022 года Алексея Перцева, одного из разработчиков протокола TornadoCash, нидерландскими властями по обвинению в «содействии отмыванию 1,2 млрд долларов» (включая 455 млн долларов, связанных с Lazarus Group) создал опасный прецедент криминализации создания open-source кода[20]. Нидерланды тогда применили статью 420bis Уголовного кодекса (содействие отмыванию денег), трактуя нейтральный технологический инструмент как преступный механизм. При этом сам протокол функционировал автономно через смарт-контракты Ethereum, не требуя участия разработчиков после развертывания кода. Аналогичное обвинение в США против Романа Стормова (2023) основано на расширительном толковании законов о финансовых услугах, что противоречит традиционному принципу «технологической нейтральности»[21]. Международное законодательство также не смогло дать однозначную оценку виновности разработчиков Tornado Cash. Так, Регламент ЕС MiCA (ст. 54) прямо исключает ответственность разработчиков за «автономные программные решения», тогда как рекомендации ФАТФ от 2024 содержат расплывчатые формулировки о «поставщиках виртуальных активов». Такая правовая асимметрия позволяет государствам произвольно квалифицировать деятельность разработчиков, что подтверждается кардинально разными подходами. Данный инцидент вместе с правовой неопределенностью создал негативный прецедент для будущих инноваций в этой сфере. Так, по данным Digital Rights Watch, после дела Tornado Cash на момент 2024 года на 40 % сократилось количество open-source проектов в сфере приватности[22]. Как свидетельствует практика, до гармонизации законодательства такие дела будут решаться ad hoc, продолжая создавать риски для будущих инноваций.

Криптовалюты, обладая уникальными свойствами – децентрализацией, анонимностью и трансграничностью, представляя собой современный вызов для международно-правового сотрудничества в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. Исследование показало, что существующие правовые механизмы, основанные на традиционных финансовых институтах, неэффективны в условиях стремительной эволюции криптоиндустрии, что подтверждается кейсом Tornado Cash, через который было отмыто свыше $7 млрд без должного противодействия со стороны регуляторов. Разрозненность подходов (SEC и CFTC в США, MiCA в ЕС, рекомендации ФАТФ) создает регуляторные лазейки, которыми активно пользуются преступные и террористические группировки, перебрасывая активы через юрисдикции с наименее строгим контролем. При этом технологические инструменты, такие как блокчейн-анализ, демонстрируют потенциал для повышения прозрачности транзакций, но их применение требует международной координации и гармонизации стандартов. Таким образом, ключевым направлением развития должно стать усиление многостороннего сотрудничества: унификация критериев идентификации криптоактивов, создание межведомственных баз данных подозрительных операций. Только комплексный подход, сочетающий технологические инновации с адаптацией международно-правовых норм, позволит минимизировать риски использования криптовалют в противоправной деятельности, сохранив при этом их потенциал для развития глобальной финансовой системы.

Пристатейный библиографический список

1. Седова В. А. Противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма, обусловленное развитием рынка криптовалют // XV Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «РОССИЯ МОЛОДАЯ». – 2023. – № 1. – С. 1-7.
2. LaBianca O., Nugent T. Cryptocurrencies, blockchains, and the future of financial services. Journal of Financial Services Research. – 2018. – № 53 (3). – P. 231-234. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://link.springer.com/article/10.1007/s10693-018-0304-4 (дата обращения: 31.01.2025).

17 Deutsche Bank Research 2021. Cryptocurrencies: Market developments and regulatory challenges. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dbresearch.com/PROD/RPS_EN-PROD/Cryptocurrencies%3A_Market_developments_and_regulatory/RPS_EN_DOC_VIEW.calias?rwnode=PROD0000000000432832&ProdCollection=PROD0000000000528196 (дата обращения: 31.01.2025).

18 Chainalysis 2020. Crypto Crime Report. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://go.chainalysis.com/rs/503-FAP-074/images/Chainalysis-Crypto-Crime-Report-2020.pdf (дата обращения: 31.01.2025).

19 The European Parliament and the Council of the European Union. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32018L0843 (дата обращения: 31.01.2025).

20 Netherlands Fiscal Information and Investigation Service (FIOD). FIOD arrests suspect involved in concealing criminal financial flows and facilitating money laundering through Ethereum mixing service [Электронныйресурс] // Official website of FIOD. – 2022. – 12 August. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fiod.nl/arrest-in-connection-with-tornado-cash/ (дата обращения: 15.07.2024).

21 Digital Rights Watch. 2023 Global Developer Survey: Chilling Effects of Crypto Regulation Digital Rights Watch International Team. – Berlin: DRW Press, 2024. – 45 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digitalrightswatch.org/reports/2023-global-developer-survey (дата обращения: 15.07.2024).

22 Digital Rights Watch. 2023 Global Developer Survey: Chilling Effects of Crypto Regulation / Digital Rights Watch International Team. – Berlin: DRW Press, 2024. – 45 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digitalrightswatch.org/reports/2023-global-developer-survey (дата обращения: 15.07.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-31-33

СОЛОВЬЕВА Анна Сергеевна
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры прав человека и международного права, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИКИ КОМИТЕТА ООН ПРОТИВ ПЫТОК ПО СООБЩЕНИЯМ (ЖАЛОБАМ) В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Несмотря на абсолютный запрет пыток, закрепленный в ключевых международных договорах, проблема их применения остается одной из наиболее острых. Неискоренимый характер практики применения пыток является серьезным вызовом современному международному праву прав человека, в этой связи возникает необходимость критического осмысления существующих проблем в данной области. В статье анализируются решения Комитета ООН против пыток по индивидуальным сообщениям (жалобам) в отношении Российской Федерации, связанным с нарушениями Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. На основе анализа дел выявлены действия национальных властей, квалифицируемые Комитетом ООН против пыток как нарушение прав человека.

Ключевые слова: права человека, международная защита прав человека, пытки, Конвенция ООН против пыток, межгосударственные органы по правам человека, договорные органы, Комитет ООН против пыток.

SOLOVJEVA Anna Sergeevna
Ph.D. in Law, lecturer of Human rights and international law sub-faculty, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

PECULIARITIES OF THE PRACTICE OF THE UN COMMITTEE AGAINST TORTURE ON COMMUNICATIONS (COMPLAINTS) CONCERNING THE RUSSIAN FEDERATION

Despite the absolute prohibition of torture, enshrined in key international treaties, the problem of their use remains one of the most acute. The ineradicable nature of the practice of torture is a serious challenge to modern international human rights law, and in this regard, there is a need for a critical understanding of existing problems in this area. The article analyzes the decisions of the UN Committee against Torture on individual communications (complaints) against the Russian Federation related to violations of the UN Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. Based on the analysis of the cases, the actions of the national authorities have been identified as violations of human rights by the UN Committee against Torture.

Keywords: human rights, international human rights protection, torture, UN Convention against Torture, intergovernmental human rights bodies, treaty bodies, UN Committee against Torture.

I. Постановка проблемы

10 декабря 2024 г. отмечался 40-летний юбилей Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее – Конвенция)[1]. Данный международный договор стал важным элементом универсальной системы защиты прав человека, направленной на искоренение пыток. Как справедливо замечает А. А. Данельян, в Конвенции «пыткам было дано не только объемное и полное определение, но и указан целый набор обязательств, которые открыли возможность более эффективно бороться с пытками» [1, с. 77].

Тем не менее, несмотря на достижение значительного прогресса в области защиты прав человека, проблема пыток остается актуальной в современном мире. Запрет на применение пыток представляется императивной нормой международного права (jus cogens). Однако данные противоправные методы воздействия продолжают применяться в различных государствах (должностными лицами правоохранительных органов, мест лишения свободы и т.п.). Это свидетельствует о глубоких комплексных проблемах, включая недостаточную беспристрастность судебных систем, несовершенство механизмов контроля за действиями правоохранительных органов и отсутствие эффективных мер по предотвращению пыток.

Комитет ООН против пыток (далее – Комитет, КПП ООН) является межгосударственным органом по защите прав человека, учрежденным для мониторинга выполнения государствами-участниками своих обязательств, закрепленных в Конвенции. В соответствии со ст. 22 данного международного договора Комитет рассматривает индивидуальные сообщения (жалобы) лиц, утверждающих, что они стали жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции. Данный механизм позволяет жертвам пыток обращаться за международной защитой своих прав, если исчерпаны национальные средства правовой защиты. Решения Комитета, хотя и не имеют обязательной юридической силы, но обладают значительным моральным и политическим весом. Однако, как утверждает Б. Л. Зимненко, «решения Комитетов ООН, которыми было установлено нарушение Российской Федерацией заключенных ею международных договоров, содержащие рекомендации (призывы) к исправлению ситуации, являются по своей правовой природе именно международно-правовыми обязательствами Российской Федерации...» [2, с. 76].

Российская Федерация ратифицировала Конвенцию в 1987 г., взяв на себя обязательства по предотвращению пыток и защите прав человека. Кроме того, Россия признает юрисдикцию Комитета на рассмотрение индивидуальных сообщений (жалоб). Следует согласиться с В. А. Конновым, который отмечает, что «международные нормы о правах че-

1 Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.) // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 12.05.2025).

ловека благодаря таким органам стали «живыми», экстраполированными на конкретные ситуации, в которые попадают граждане в их отношениях с государственными институтами» [3, с. 146]. Представляется интересным проанализировать практику Комитета ООН против пыток в отношении Российской Федерации в части, касающейся индивидуальных сообщений (жалоб), в области толкования права на свободу от пыток, а также с целью определения тех действий национальных властей, которые были квалифицированы как нарушение исследуемого права.

II. Анализ проблемы

Вопрос бесчеловечных условий содержания в местах лишения свободы неоднократно становился предметом сообщений (жалоб) в КПП ООН. Применение ст. 16 Конвенции нередко вызывает вопросы о границе между жестоким обращением и собственно пытками. В сообщении № 478/2011 (жалобе) по делу Sergei Kirsanov v. Russian Federation, по которому было принято решение КПП ООН 14 мая 2014 г.[2], заявитель указывал на бесчеловечные условия его заключения в изоляторе временного содержания (далее – ИВС), которые равносильны пыткам. Так, продолжительность нахождения автора в ИВС (около четырех месяцев) превысили установленный законом срок (не более десяти дней). Прием пищи был организован один раз в день, еда была низкого качества. В течение этого периода времени заявитель не обеспечивался ни постельным бельем, ни туалетными принадлежностями. Также в камере, где содержался заявитель, не было раковины и туалета, справлять нужду приходилось в металлическое ведро. Иными словами, не было нормальных условий для отдыха и сна. Кроме того, возможность принять душ была очень редкой, причем лишь холодной водой. Прогулки за пределами камеры были запрещены.

Решение КПП ООН основывается на том, что сложившиеся обстоятельства при нахождении автора в ИВС не причиняли ему «сильной боли и страдания» в соответствии с п. 1 ст. 1 Конвенции. Однако условия пребывания в месте заключения были эквивалентны жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению по смыслу п. 1 ст. 16 Конвенции. Таким образом, Комитет сделал вывод о нарушении Российской Федерацией положений ст. 16 Конвенции.

Механизм временных мер представляется важным инструментом в деле предотвращения пыток. Вместе с тем, имеют место случаи жалоб (сообщений) в КПП ООН, когда запросы о применении таких мер остаются без должного реагирования со стороны государств-участников. В сообщении № 542/2013 (жалобе) по делу X. v. Russian Federation, по которому было принято решение КПП ООН 8 мая 2015 г.[3], заявитель указывал на то, что его экстрадиция из России в Узбекистан (гражданином которого он является) создаст для него реальную угрозу подвергнуться пыткам. В 2001 г. заявитель был обвинен в доведении до самоубийства своей жены, однако дело было прекращено. В 2007 г. в Кокандском ГОВД (Узбекистан) заявитель получил справку об отсутствии судимости, а в 2008 г. – новый паспорт, в связи, с чем он имел возможность выезжать за пределы Узбекистана и СНГ. В конце 2007 г. заявитель решил переехать в Россию, с 2008 г. проживал в Нижнем Новгороде. До задержания он регулярно пересекал границу между Россией и Узбекистаном, проживал в России на законных основаниях. Следует отметить, что в июле 2011 г. в Казахстане был задержан брат заявителя по обвинению в терроризме, религиозном экстремизме и участии в событиях в Андижане. Опасаясь экстрадиции брата в Узбекистан, заявитель направил в КПП ООН жалобу от его имени с просьбой о принятии временных мер. В 2012 году брат был освобожден и вернулся в Нижний Новгород. В августе 2012 г. заявителя задержали в Нижнем Новгороде по запросу Кокандского ГОВД. В запросе утверждалось, что в 2002 г. заявитель был признан виновным в доведении до самоубийства жены и приговорен к семи годам лишения свободы, а в 2012 г. объявлен в розыск Кокандским ГОВД (который в 2007 г. и 2008 г. выдал заявителю справку о несудимости и новый паспорт, соответственно). Заявитель, связывающий возобновление уголовного преследования с жалобой в КПП ООН и связей с братом, подал прошение о предоставлении убежища в УФМС по Нижегородской области. Однако его прошение было отклонено, так как розыск заявителя был связан с уклонением от уголовного наказания, а не по политическим мотивам. Все апелляции заявителя были отклонены, и в январе 2013 г. Генеральной прокуратурой РФ было принято решение об экстрадиции заявителя в Узбекистан.

КПП ООН сразу отметил, что Российская Федерация грубо нарушила обязательства, связанные с положениями ст. 22 Конвенции, так как не была выполнена просьба Специального докладчика о принятии временных мер (8 апреля 2013 г.). Заявитель был подвергнут экстрадиции 14 июля 2013 г.

Комитет отмечает, что вероятность применения пыток должна быть реальной, прогнозируемой, предсказуемой и личной. При анализе уровня риска применения пыток должны оцениваться аспекты, переходящие границы абстрактных и умозрительных предположений и догадок[4]. КПП ООН также опирается на заключительные замечания, адресованные Узбекистану, в которых отмечается обеспокоенность системным характером, многочисленными и непрекращающимися сообщениями о применении сотрудниками правоохранительных и следственных органов пыток и жестокого обращения[5].

КПП ООН обращает внимание на то, что экстрадиция была запрошена узбекскими властями спустя 10 лет после вынесения приговора. При этом заявитель в течение данного периода проживал в Узбекистане, получил документ об отсутствии судимости, новый паспорт, а также выезжал в

2 Решение Комитета ООН против пыток от 14 мая 2014 г. по делу Sergei Kirsanov v. Russian Federation. Сообщение № 478/2011. CAT/C/52/D/478/2011 // База данных договорных органов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2FC%2F52%2FD%2F478%2F2011&Lang=ru (дата обращения: 12.05.2025).

3 Решение Комитета ООН против пыток от 8 мая 2015 г. по делу X. v. Russian Federation. Сообщение № 542/2013. CAT/C/54/D/542/2013 // База данных договорных органов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2FC%2F54%2FD%2F542%2F2013&Lang=ru (дата обращения: 12.05.2025).

4 Комитет ООН против пыток. Замечание общего порядка № 1. CAT/C/GC/1 (A/53/44 Annex IX); п. 6. База данных договорных органов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=A%2F53%2F44&Lang=ru (дата обращения: 12.05.2025).

5 Комитет ООН против пыток. Заключительные замечания по третьему периодическому докладу Узбекистана. CAT/C/UZB/CO/3; п. 6 и п. 9. База данных договорных органов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2FC%2FUZB%2FCO%2F3&Lang=ru (дата обращения: 12.05.2025).

РФ. Комитет отмечает, что запрос об экстрадиции был направлен сразу после того, как заявитель подал жалобу в КПП ООН от имени брата. По мнению Комитета, государственные органы и суды РФ обязаны были оценить предполагаемые риски применения пыток в отношении заявителя, однако не выполнили данное обязательство. Таким образом, Комитет сделал вывод о нарушении Российской Федерацией положений ст. 3 и ст. 22 Конвенции.

В КПП ООН неоднократно поступали сообщения (жалобы) на применение пыток с целью получения признательных показаний и последующее бездействие национальных властей. В сообщении № 637/2014 (жалобе) по делу Danil Gabdulkhakov v. Russian Federation, по которому было принято решение КПП ООН 17 мая 2018 г.[6], заявитель указывал на то, что он подвергался пыткам на протяжении нескольких месяцев, при этом государство-ответчик не провело своевременного и независимого расследования по данному факту. Так, в ходе задержания заявителя и других лиц заставили раздеться. Впоследствии, через несколько дней, в рамках телевещания была обнародована видеозапись ареста, в ходе которого заявитель, его супруга и друзья были обнажены и показаны в унижающих достоинство условиях. После ареста заявитель подвергся избиениям и пыткам со стороны сотрудников полиции, а также угрозам смерти и применения сексуального насилия в отношении него и супруги. В последующие дни в ИВС заявителя избивали дубинками, пинали, удерживали в болезненных позах, не давали воды, еды и не позволяли пользоваться туалетом. Под давлением и постоянными пытками (с 22 сентября по 11 декабря 2007 года) заявитель признал вину в инкриминируемых деяниях. Назначенный адвокат во время допроса не вмешивался в происходящее. Заявителя признали виновным, а полученные под принуждением признательные показания были учтены национальными судебными органами в качестве доказательства. Отмечается, что заявитель предпринимал безуспешные попытки добиться возбуждения уголовного дела в связи с вышеописанными событиями.

Решение КПП ООН основывается на анализе представленного документа – медицинского свидетельства судмедэксперта, где описывается наличие многочисленных гематом на теле заявителя, происхождение которых, по всей видимости, стало возможным следствием воздействия твердыми тупыми объектами. КПП ООН считает, что насилие в отношении заявителя было совершено должностными лицами государства-ответчика с целью получения признательных показаний. Данные истязания подпадают под понятие «пытка», закрепленного в ст. 1 Конвенции. Комитет отмечает, что на государствах-участниках лежит обязательство принимать эффективные меры по предупреждению пыток[7], а также обеспечивать условия по практической реализации прав, закрепленных в Конвенции, лицами, лишенными свободы. Таким образом, Комитет сделал вывод о нарушении Российской Федерацией положений п. 1 ст. 2 в совокупности со ст. 1 Конвенции.

Также в связи с тем, что государство-ответчик не организовало проведение мероприятий, направленных на установление источника происхождения гематом на теле заявителя, зафиксированных в медицинском заключении, КПП ООН приходит к выводу о нарушении Российской Федерацией положений ст. 12 Конвенции. По причине того, что дело заявителя не было своевременно и беспристрастно расследовано национальными властями, а также принимая во внимания неоднократные попытки обжалования отказов в возбуждении уголовного дела, Комитет считает, что имеет место нарушение Российской Федерацией ст. 13 Конвенции. Кроме того, КПП ООН оценивает деятельность национального суда сквозь призму отсутствия всестороннего анализа многочисленных жалоб заявителя на применение к нему пыток с целью получения признательных показаний против себя. В этой связи Комитет резюмирует нарушение Российской Федерацией ст. 15 Конвенции.

III. Выводы

Анализ практики Комитета ООН против пыток в отношении Российской Федерации в части индивидуальных сообщений (жалоб) позволил констатировать, какие действия властей признаются нарушениями положений Конвенции:

– недостатки в организации условий содержания в местах лишения свободы, включая превышение установленных сроков содержания в ИВС, отсутствие базовых санитарных условий и ограничение доступа к медицинской помощи (Sergei Kirsanov v. Russian Federation);

– формальный подход к оценке реального риска применения пыток в случае экстрадиции заявителя в иное государство (X. v. Russian Federation);

– отказ учитывать запрошенные временные меры (X. v. Russian Federation);

– ненадлежащая процессуальная реакция на заявления о пытках, отказ в возбуждении уголовных дел по фактам насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов, а также низкий уровень судебного контроля за следственными органами (Danil Gabdulkhakov v. Russian Federation);

– получение признательных показаний в результате пыток, а также их использование национальными судами в качестве доказательств обвинения (Danil Gabdulkhakov v. Russian Federation).

Представляется, что выявленные КПП ООН нарушения прав человека обусловлены проблемами системного характера, для решения которых необходим комплекс законодательных, институциональных и практических мер.

Пристатейный библиографический список

1. Данельян А. А. Конвенция ООН против пыток: переосмысление достижений и взгляд в будущее // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». - 2025. - № 1. - С. 76-78.
2. Зимненко Б. Л. О значении для судов Российской Федерации практики международных договорных органов ООН // Правосудие. - 2023. - Т. 5, № 1. - С. 54-90.
3. Коннов В. А. Проблемы функционирования межгосударственных органов по правам человека в условиях геополитических изменений // Вестник Московского университета МВД России. - 2023. - № 6. - С. 145-148.

6 Решение Комитета ООН против пыток от 17 мая 2018 г. по делу Danil Gabdulkhakov v. Russian Federation. Сообщение № 637/2014. CAT/C/63/D/637/2014 // База данных договорных органов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2FC%2F63%2FD%2F637%2F2014&Lang=ru (дата обращения: 12.05.2025).

7 Комитет ООН против пыток. Замечание общего порядка № 2. CAT/C/GC/2 ; п. 17 // База данных договорных органов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2FC%2FGC%2F2&Lang=ru (дата обращения: 12.05.2025).

ПИКАЛОВ Павел Александрович
аспирант (научная специальность: международно-правовые науки) кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями, Самарский государственный экономический университет

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В условиях цифровой трансформации современной экономики и общества наблюдается значительное увеличение киберпреступности, в частности мошенничества с использованием информационно-коммуникационных технологий. Отсутствие единой систематизации видов кибермошенничества существенно затрудняет эффективное противодействие данному типу преступлений. Целью настоящего исследования является разработка научно обоснованной классификации кибермошенничества на основе действующего законодательства Российской Федерации. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: анализ нормативно-правовой базы, изучение существующих подходов к систематизации киберпреступлений и выявление ключевых критериев для их классификации. В рамках проведенного исследования были задействованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методологические подходы. Осуществлен всесторонний анализ судебной практики и статистических данных, аккумулируемых правоохранительными органами, по фактам совершения кибермошенничества. Ключевым результатом научной статьи стала разработка многоуровневой классификации кибермошенничества, учитывающей способ совершения преступления, характер преступных действий, а также применяемые виды информационных технологий. Предложенная систематизация может быть использована в качестве фундамента для совершенствования уголовно-правового законодательства и повышения эффективности правоприменительной практики в сфере противодействия мошенничеству в киберпространстве.

Ключевые слова: кибермошенничество, цифровые преступления, информационные технологии, систематизация преступлений, уголовное законодательство, киберпреступность, правовое регулирование.

PIKALOV Pavel Alexandrovich
postgraduate student (scientific specialty: international law sciences) of Organization of combating economic crimes sub-faculty, Samara State University of Economics

THE LEGAL BASIS FOR THE SYSTEMATIZATION OF CYBERBULLYING UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the context of the digital transformation of the modern economy and society, there is a significant increase in cybercrime, in particular fraud using information and communication technologies. The lack of a unified systematization of the types of cyberbullying makes it difficult to effectively counter this type of crime. The purpose of this study is to develop a scientifically based classification of cyberbullying based on the current legislation of the Russian Federation. To achieve this goal, the following tasks are expected to be solved: analysis of the regulatory framework, study of existing approaches to the systematization of cybercrimes and identification of key criteria for their classification. The research involved formal legal, comparative legal and systematic methodological approaches. A comprehensive analysis of judicial practice and statistical data accumulated by law enforcement agencies has been carried out.

Keywords: cyberbullying, digital crimes, information technology, crime systematization, criminal law, cybercrime, legal regulation.

Анализ нормативно - правовой базы Российской Федерации, регулирующей сферу кибермошенничества, требует всестороннего рассмотрения как материальных, так и процессуальных правовых норм. Центральное место в системе правового регулирования занимает Уголовный кодекс РФ, в котором ответственность за различные формы кибермошенничества предусмотрена несколькими статьями. Базисной является статья 159 УК РФ, определяющая мошенничество как хищение чужого имущества или приобретение права на него путём обмана или злоупотребления доверием. При этом использование информационно-телекоммуникационных технологий при совершении данного преступления может трактоваться как способ реализации обмана или злоупотребления доверием[1].

На сегодняшний день первостепенную важность представляет норма, закреплённая в ст. 159.3 УК РФ, направленная на регулирование ответственности за мошеннические операции в сфере электронных расчётов. Нормативное положение было реализовано в законодательство для формирования правового барьера против нестандартных форм незаконного присвоения средств через цифровые финансовые инструменты, включая пластиковые карты и электронные системы транзакций. Объективная сторона рассматриваемого правонарушения охватывает два ключевых аспекта: дезинформацию компетентного персонала финансовых учреждений, коммерческих структур и прочих организаций, а также эксплуатацию поддельных или неправомерно полученных электронных платёжных инструментов.

Наиболее специфической правовой нормой в данной области является статья 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающая ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации. Данный состав преступления охватывает хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации, а также иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей.

Правовое регулирование следственных мероприятий в сфере цифровых правонарушений базируется на положени-

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2024) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

ях Уголовно-процессуального законодательства РФ. Согласно нормативным предписаниям ст. 151 УПК, производство следственных действий по фактам электронного мошенничества входит в сферу ответственности органов внутренних дел и их следственного аппарата. При выявлении правонарушений, затрагивающих сферу цифровых данных и компьютерных систем, действующие нормативные акты допускают формирование комплексной следственной группы с включением в её состав квалифицированных специалистов в сфере цифровых технологий и информационной безопасности.

Формирование доказательной основы при расследовании цифровых преступлений регулируется разделом 27 Уголовно-процессуального законодательства РФ, очерчивающим принципы организации следственного процесса. При работе с такими деликтами следователи активно задействуют особые процессуальные инструменты, охватывающие исследование и изъятие носителей цифровой информации, параллельно анализируя коммуникационные связи между субъектами и применяемыми ими устройствами. Законодатель в статье 164.1 УПК России предусмотрел отдельный порядок изъятия цифровых накопителей в ходе проведения следственных операций[2].

Существенным элементом в структуре нормативного регулирования борьбы с цифровым мошенничеством выступает Федеральное законодательство об информации, информационных технологиях и защите информации. Этот правовой документ закладывает базис охраны информационных ресурсов и устанавливает санкции за нарушения в цифровой среде. Законодательный акт раскрывает ключевые дефиниции, необходимые для правовой квалификации преступлений в киберпространстве, включая такие основополагающие понятия как «информационный ресурс», «цифровые технологии», «телекоммуникационные системы».

Большую практическую значимость для правоприменения имеют разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в частности, Постановление от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Данное постановление содержит важные разъяснения относительно квалификации различных видов мошенничества, включая случаи, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Анализ нормативной правовой базы показывает, что законодатель сформировал достаточно обширную систему норм, направленных на противодействие кибермошенничеству. Вместе с тем стремительное развитие информационных технологий и появление новых способов совершения преступлений требуют постоянного совершенствования правового регулирования в данной сфере. Особое внимание следует уделить вопросам межведомственного взаимодействия при расследовании кибермошенничества, а также развитию международного сотрудничества в сфере противодействия киберпреступности, поскольку значительная часть таких преступлений имеет трансграничный характер [1, с. 72].

В современной юридической науке виртуальное мошенничество трактуется как незаконное завладение собственностью или имущественными правами потерпевших, реализуемое через психологические манипуляции и нарушение доверия с задействованием передовых технологических решений, цифровых платёжных механизмов или путём неправомерного вторжения в информационные базы. При правовой оценке таких деяний правоприменители руководствуются квалифицирующими признаками, зафиксированными в нормах 159, 159.3 и 159.6 Уголовного законодательства РФ, где ключевыми критериями являются способ реализации криминального замысла, предмет противозаконного интереса и специфический алгоритм причинения материального ущерба.

Высшая судебная инстанция России в интерпретационных актах особо выделяет значимость корректной идентификации разновидностей правонарушений в виртуальной среде. Руководствуясь положениями Пленума Верховного Суда РФ № 48, следует отметить принципиальную дифференциацию между незаконными операциями с использованием цифровых средств оплаты и правонарушениями в сегменте компьютерной информации по критерию исполнения: в первой ситуации наблюдается дезинформация операциониста или программного комплекса, во второй - целенаправленная модификация работы систем хранения, обработки и передачи цифровых массивов.

На основе анализа действующего законодательства сформирована комплексная классификация видов кибермошенничества, учитывающая различные критерии. По способу совершения преступления выделяются: мошенничество с использованием методов социальной инженерии, мошенничество с применением электронных средств платежа и мошенничество путём вмешательства в компьютерную информацию. Квалифицирующие признаки позволяют дифференцировать преступления по степени общественной опасности, выделяя деяния, совершённые группой лиц по предварительному сговору, с причинением значительного ущерба, лицом с использованием служебного положения, в крупном и особо крупном размере, а также организованной группой [2, с. 26]. По характеру преступных действий различаются деяния, связанные с неправомерным доступом к банковским счетам, созданием фишинговых сайтов, использованием вредоносного программного обеспечения и компрометацией конфиденциальных данных.

В юридической практике анализ преступных деяний в киберсфере показывает характерные отличительные элементы каждой разновидности электронного мошенничества. Специфика противозаконных манипуляций с цифровыми средствами оплаты заключается в том, что правонарушители применяют неправомерно полученные или сфабрикованные инструменты электронных расчётов. В то же время криминальные действия, затрагивающие компьютерную информационную среду, отличаются главным образом нелегитимным проникновением в функциональные механизмы цифровых комплексов, отвечающих за сохранность, процессинг и передвижение информационных массивов. При установлении состава преступления ключевым фактором выступает определение финансового ущерба, градация которого, согласно положениям статьи 159 Уголовного кодекса РФ, устанавливается по следующей шкале: значительный ущерб начинается с отметки 5 тысяч рублей, крупномасштабный превосходит четверть миллиона рублей, а особо крупный переходит границу в один миллион рублей.

Сформированная систематическая классификация выстраивает чёткую методологическую основу для распознавания разнообразных вариаций электронных махинаций в рамках действующего правового поля, способствуя точному определению юридического состава криминальных деяний. Ключевое значение приобретает интенсивное развитие информационно-технологической сферы, генерирующее нестандартные механизмы сетевого мошенничества, что диктует потребность в систематической актуализации нормативной базы и процессуально-следственного инструментария. Выработанная система классифицирования формирует концептуальную платформу для дальнейшей оптимизации правового механизма противодействия цифровой преступности, демонстрируя эффективность как в теоретико-исследовательском контексте, так и в практической работе органов охраны правопорядка [3, с. 46].

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2024) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.

Рассмотрение существующей законодательной системы и судебных прецедентов открывает перспективы для формирования ряда конкретных инициатив, направленных на совершенствование норм уголовного права и процессуального кодекса в сфере противостояния цифровому мошенничеству. Ключевой задачей является реструктуризация положений статьи 159.6 Уголовного кодекса РФ посредством интеграции пояснительной заметки, фиксирующей правовую дефиницию понятия «кибермошенничество», которая предлагается в следующем виде: «В рамках настоящего Кодекса под кибермошенничеством подразумевается неправомерное присвоение собственности иных лиц либо обретение выгоды на чужие материальные ценности путём умышленного введения в заблуждение или эксплуатации доверия, реализованное через задействование цифровых телекоммуникационных технологий, систем электронных расчётов либо посредством воздействия на цифровые информационные массивы».

В целях более чёткой дифференциации ответственности предлагается дополнить часть 2 статьи 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации новым квалифицирующим признаком: «совершенное с использованием методов социальной инженерии», установив за данное деяние наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет. Данное дополнение обусловлено высокой общественной опасностью подобных преступлений и их широким распространением в современной правоприменительной практике.

В целях расширения предмета преступления в статье 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации предлагается внести изменения, изложив диспозицию части 1 в следующей редакции: «Мошенничество с использованием электронных средств платежа, включая платёжные приложения, системы быстрых платежей и иные современные платёжные инструменты». Данная редакция позволит охватить появляющиеся с развитием технологий новые формы электронных платежей [4, с. 32].

Что касается Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предлагается дополнить статью 151 новой частью 7.1, предусматривающей создание в структуре Следственного комитета Российской Федерации специализированных следственных подразделений по расследованию кибермошенничества. Данным подразделениям следует передать подследственность по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 159.3 и 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации, если сумма ущерба превышает один миллион рублей.

Проведённый анализ действующих уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм выявил необходимость внесения ряда изменений, направленных на совершенствование механизма противодействия кибермошенничеству.

Выдвигается инициатива по модернизации статьи 164.1 УПК РФ путём формирования нового структурного элемента 3.1, устанавливающего порядок удалённого воспроизведения содержимого электронных накопителей с задействованием сертифицированных программно-аппаратных комплексов, причём обязательным условием выступает вовлечение профильного специалиста при осуществлении следственных процедур по делам о правонарушениях, предусмотренных положениями статей 159.3 и 159.6 УК РФ. Имплементация подобного правового инструмента призвана оптимизировать методологию формирования доказательственного материала в контексте расследования киберпреступлений.

Параллельно предлагается дополнить статью 183 УПК РФ самостоятельным блоком 5, определяющим особый алгоритм получения цифровых материалов и данных от субъектов платёжной инфраструктуры и кредитных организаций: «Истребование электронных материалов и информационных компонентов у участников платёжного рынка и банковского сектора реализуется исключительно при наличии решения судебной инстанции с соблюдением 24-часового временного лимита с момента поступления обоснованного запроса». Представленное нормативное дополнение ориентировано на ускорение механизма сбора значимой информации в рамках расследования преступлений в цифровой среде [5, с. 30].

Анализ действующего уголовно-процессуального регулирования показывает необходимость внесения ряда дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с целью повышения эффективности расследования уголовных дел о кибермошенничестве.

В качестве законодательной инициативы выдвигается предложение о модификации статьи 186.1 УПК РФ посредством интеграции правового механизма, направленного на оптимизацию процесса получения сведений о коммуникационных взаимодействиях абонентов и их технических средств в рамках определённых категорий расследований. Правовым основанием реализации упрощённого регламента выступает аргументированное представление следственного работника при наличии визирования со стороны вышестоящего руководителя следственной структуры. Имплементация предлагаемых законодательных корректив создаст благоприятные условия для оперативного сбора критически важных данных в начальной фазе расследования.

Кроме того, целесообразно внести изменения в статью 73 УПК РФ, дополнив перечень подлежащих доказыванию по делам о кибермошенничестве обстоятельств указанием на необходимость установления технических средств и программного обеспечения, использованных при совершении преступления. Это будет способствовать более полному и всестороннему исследованию всех обстоятельств совершенного деяния.

Реализация обозначенных законодательных преобразований будет способствовать построению более совершенной правовой базы для противодействия кибермошенничеству, обеспечит унифицированное применение уголовно-правовых положений и оптимизирует процедуру расследования преступлений данного вида. Представленные рекомендации по внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство учитывают актуальные тенденции развития информационных технологий и соответствуют потребностям правоприменительной практики в сфере борьбы с киберпреступностью.

Пристатейный библиографический список

1. Морозов С. Л. Хищения с использованием электронных платежных систем (региональная судебно-следственная практика) // Российское правосудие. – 2020. – № 2. – С. 66-79.
2. Яни П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа / П. С. Яни // Законность. – 2019. – № 5 (1015). – С. 25-28.
3. Полстовалов О. В., Галяутдинов Р. Р. Организованные формы онлайн-мошенничества: виды мошенничества в сфере компьютерной информации и использования высоких технологий и особенности их совершения // Юридические исследования. – 2023. – № 11. – С. 21-34.
4. Барокко Л. А. К вопросу об особенностях мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий по уголовному законодательству Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 1.
5. Русскевич Е. А. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации хищений с банковского счёта потерпевшего, а равно в отношении электронных денежных средств // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2019. – № 4 (72). – С. 29-33.

ЕВМЕНЧИКОВА Ольга Алексеевна
старший преподаватель кафедры гражданского права Юридический факультет, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ГОСУДАРСТВА КАК СУБЪЕКТА МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

В статье рассматриваются актуальные проблемы определения статуса государства как субъекта международного частного права. С учетом правового статуса государства как участника частноправовых отношений выделены особенности в коллизионном регулировании таких отношений, а также в порядке исполнения решений иностранных судов и арбитражей, вынесенных против государства. На основе проведенного анализа доктринальных подходов и законодательства Республики Беларусь, регулирующего участие государства в частноправовых отношениях с иностранным элементом, выделены особенности таких отношений и предложены направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: инвестиционный договор, коллизионный иммунитет государства, концессионный договор, публичный порядок, применимое право, юрисдикционный иммунитет государства.

EVMENCHIKOVA Olga Alexeevna
senior lecturer of Civil law sub-faculty, Faculty of Law, Minsk, Belarusian State University, Republic of Belarus

ON THE STATUS OF THE STATE AS A SUBJECT OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

The article deals with the current problems of determining the status of the Republic of Belarus as a subject of private international law. Taking into account the legal status of the state as a party to private law relations, special features are highlighted in the conflict-of-laws regulation of such relations, as well as in the enforcement of foreign court decisions and arbitrations against state. According to the results of an analysis of doctrinal approaches and legislation of the Republic of Belarus regulating state participation in private relations, complicated by a foreign element, the key features of such relations have been highlighted and directions for improving the legislation have been proposed.

Keywords: investment contract, conflict of laws immunity of the state, concession contract, public order, applicable law, jurisdictional immunity of the state.

Вовлечение государства в частноправовую сферу, в том числе в отношения трансграничного частноправового характера, является одной из современных тенденций. Как отмечал М. М. Богуславский, «такие случаи не являются для международного частного права типичными» [1, с. 15]. Вместе с тем, присутствие иностранного элемента в правоотношениях, в которых участвует государство, создает потенциальную возможность распространения на них иностранной юрисдикции. В частности, в случае возникновения судебных споров, вытекающих из таких правоотношений.

Особенности частноправовых отношений с участием государства обусловлены как особым статусом государства, так и действием специфических факторов, влияние которых на современном этапе приобретает иное значение, что во многом связано с необходимостью обеспечения интересов национальной безопасности. Так, в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 (далее – Концепция национальной безопасности) отмечена взаимосвязь «национальной безопасности и социально-экономического развития Республики Беларусь, а также предусмотрено, что национальные интересы Республики Беларусь охватывают все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства, тесно взаимосвязаны и являются концептуальными ориентирами для ее долгосрочного развития» (п. 7)[1]. Более того, как следует из п. 50 Концепции национальной безопасности, «цель обеспечения национальной безопасности состоит в достижении и поддержании такого уровня защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, который гарантирует устойчивое развитие Республики Беларусь и реализацию ее национальных интересов». Применение односторонних ограничительных мер («экономических санкций»), введенных против Республики Беларусь со стороны некоторых государств, в настоящее время представляет собой одну из основных угроз национальной безопасности. В свою очередь, увеличивающееся влияние внешнеполитических факторов на развитие экономики страны также сказывается и на регулирование частноправовых отношений, участником которых может выступать Республика Беларусь.

С учетом изложенного полагаем возможным выделить следующие нормообразующие факторы, оказывающие влияние на статус Республики Беларусь как субъекта международного частного права:

1) объективная потребность в противодействии внешним угрозам национальным интересам Республики Беларусь, связанным с действием введенных против Республики Беларусь односторонних ограничительных мер, а также нивелировании их негативных последствий;

2) безусловная необходимость поддержания экономической безопасности Республики Беларусь на должном уровне, включая обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны;

3) усложнение международно-правовых механизмов защиты прав и законных интересов белорусских юридических и физических лиц, а также защиты интересов общества и государства от негативного воздействия введенных зарубежными государствами против Республики Беларусь односторонних ограничительных мер.

Объективное влияние выделенных нормообразующих факторов создает предпосылки для возрастания роли мер публично-правовой регламентации отношений частнопра-

1 Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

вового характера с иностранным элементом, в которых участвует государство.

Выделение нормообразующих факторов, оказывающих влияние на статус Республики Беларусь как субъекта международного частного права, позволяет определить следующие основные виды частноправовых отношений с участием государства, подверженные наиболее высоким рискам воздействия односторонних ограничительных мер и внешнего санкционного давления:

– вещно-правовые отношения, касающиеся вещных прав, и в первую очередь, права собственности на имущество, расположенное на территории Республики Беларусь и принадлежащее иностранным субъектам, а также отношения, связанные с защитой права собственности государства в случае его нарушения иностранными субъектами;

– правоотношения, одной из сторон которых всегда выступает Республика Беларусь, что обусловлено существованием определенных видов деятельности, которые объективно не могут осуществляться без участия государства: заключение инвестиционных и концессионных договоров; привлечение государственных займов посредством выпуска государственных облигаций и предоставление гарантий Правительства Республики Беларусь по кредитам и займам, предоставленным юридическим лицам Республики Беларусь иностранными субъектами; отношения в рамках государственно-частного партнерства и приватизации государственного имущества;

– корпоративные отношения, связанные с участием Республики Беларусь в юридических лицах, инкорпорированных в иностранных государствах, а также в юридических лицах, созданных в Республике Беларусь с участием иностранных частных субъектов.

С учетом выявленных нормообразующих факторов можно выделить тенденцию, вытекающую из положений Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: необходимость обеспечения национальной безопасности и суверенитета государства. Отмеченная тенденция придает особую актуальность закрепленному в п. 2 ст. 124 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (далее – ГК)[2] исключению из общего порядка участия государства в частноправовых отношениях, обусловленному особенностями данного субъекта. Указанные особенности вытекают из специального характера правоспособности государства, критерием которого являются функции государства. Данный критерий для определения характера гражданской правоспособности государства вытекает из положений Конституции Республики Беларусь (ст. 1-5, 13, 15, 16, 18, 21, 41, 44-47, 49, 51, 59)[3], а также положений Концепции национальной безопасности и предопределено целями и задачами, стоящими перед государством на определенном этапе исторического развития, которые направлены на защиту и реализацию национальных интересов и обеспечение безопасности личности, общества и государства, в том числе при участии государства в гражданском обороте.

Следовательно, именно необходимость реализации функций государства, которые оно призвано осуществлять в интересах всего общества, предопределяет участие Республики Беларусь в частноправовых отношениях с иностранным элементом. При этом функции государства выступают основанием компетенции государственных органов по осуществлению от имени государства полномочий в различных сферах деятельности, в том числе, касающихся участия в гражданском обороте от имени государства.

С учетом изложенного, полагаем, что в современных геополитических условиях существующая концепция статуса государства как участника частноправовых отношений, действующего на равных с иными участниками этих отношений – физическими и юридическими лицами, нуждается в переосмыслении в сторону смещения акцента на статус государства как субъекта sui generis (особого рода), что обусловлено целями и задачами, стоящими перед государством, а также необходимостью защиты национальных интересов и обеспечения государственного суверенитета.

Особенности правового статуса государства как участника частноправовых отношений предопределяют также особенности коллизионного регулирования таких отношений. Для обеспечения устойчивости позиций государства как участника договорных отношений с иностранными частными лицами использование принципа автономии воли сторон для определения применимого права к отношениям с участием государства является приоритетным. В то же время для обеспечения интересов иностранных контрагентов в случае регулирования договора между государством и иностранным частным субъектом правом данного государства, как показывает мировая практика, выступает «стабилизационная оговорка», предполагающая предоставление иностранному инвестору гарантий того, что «в случае неблагоприятных изменений национального законодательства к нему эти изменения применяться в течение определенного срока не будут, а правоотношения, в которые он вступает в связи с произведенными инвестициями, будут регулироваться законодательством в редакции на момент их вложения» [2].

Однако полагаем, что включать стабилизационную оговорку в международные коммерческие контракты, заключаемые Республикой Беларусь с иностранными частными субъектами, целесообразно лишь в исключительных случаях, в числе которых необходимость реализации крупных инвестиционных и инфраструктурных проектов, имеющих ключевое значение для экономики страны. Стабилизационная оговорка создает дополнительные гарантии для иностранного частного лица, обеспечивая устойчивый правовой режим его экономической деятельности.

При отсутствии соглашения сторон о выборе права, применимого к договорным отношениям с участием государства, к таким отношениям в перспективе может применяться иностранное право. Тем не менее, коллизионный принцип наиболее тесной связи, который установлен в законодательстве Республики Беларусь в качестве «корректирующей оговорки» в договорных обязательствах, при рассмотрении спора в суде Республики Беларусь существует объективная возможность перехода на право Республики Беларусь в качестве применимого.

При рассмотрении споров в судах Республики Беларусь в качестве правовых инструментов, ограничивающих применение иностранного права к частноправовым отношениям, в которых участвует Республика Беларусь, выступают институты «сверхимперативных» норм (ст. 1100 ГК) и оговорки о публичном порядке (ст. 1099 ГК).

В частноправовых отношениях с участием Республики Беларусь, в которых одной из сторон выступает государство (инвестиционные и концессионные договоры, договоры купли-продажи, заключаемые в процессе приватизации государственного имущества; договоры, опосредующие привлечение внешних государственных займов; а также обязательства по предоставлению гарантий Правительства Республики Беларусь по кредитам и займам, предоставленным юридическим лицам Республики Беларусь иностранными частными субъектами), к числу «сверхимперативных» могут быть отнесены нормы, устанавливающие запреты на осуществление иностранными субъектами на территории Республики Беларусь деятельности в ряде сфер или в отношении определенных объектов.

Регулирование частноправовых отношений с участием Республики Беларусь нормами иностранного права может быть ограничено ввиду применения оговорки о публичном порядке со ссылкой на нормы частей пять и шесть ст. 13 Конституции Республики Беларусь. Кроме того, в условиях

2 Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 07.12.1998 г. № 218-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 197-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

3 Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.

«экономических санкций» институт оговорки о публичном порядке выступает эффективным механизмом защиты интересов государства от применения для регулирования трансграничных частноправовых отношений права иностранных государств, которыми были введены данные санкции.

Кроме того, в некоторых случаях выбор права Республики Беларусь в качестве применимого к заключаемым Республикой Беларусь с иностранными частными субъектами договорам должен носить императивный характер, без возможности его изменения соглашением сторон, что обусловлено целями обеспечения особого правового режима имущества, составляющего собственность государства, и объектов, находящихся только в собственности государства, а также соблюдения условий осуществления видов деятельности, на которые распространяется исключительное право государства. Речь идёт о концессионных договорах, инвестиционных договорах, а также договорах купли-продажи, заключаемых в процессе приватизации государственного имущества. В числе нормообразующих факторов, которые влияют на определение применимого права к перечисленным видам договорных обязательств, можно выделить следующие:

– необходимость защиты суверенитета государства и поддержания его социально-экономической стабильности в результате исполнения государством обязательств, возникающих по поводу предоставления частному лицу права на осуществление определенных функций государства или передачи имущества, находящегося в государственной собственности;

– необходимость обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь, защиты прав и законных интересов белорусских юридических и физических лиц, интересов общества и государства;

– наличие тесной связи возникающих правоотношений с территорией Республики Беларусь.

На основании изложенного считаем целесообразным внести в Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-З «О концессиях»[4], Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях»[5], Закон Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2103-XII «О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества»[6], соответствующие изменения в части определения права Республики Беларусь в качестве применимого к перечисленным договорам, заключаемым Республикой Беларусь с иностранными частными субъектами.

Особенности участия государства в частноправовых отношениях, осложненных иностранным элементом, предопределены суверенитетом и состоит в наличии у государства иммунитета от иностранной юрисдикции. При этом, если суверенитет является публично-правовым признаком государства, характеризующим его как субъекта международного публичного права, то иммунитет является свойством частноправового порядка, поскольку вопрос о применении иммунитета возникает лишь при участии государства в частноправовых отношениях с иностранным элементом и обусловлен наличием потенциальной возможности распространения на такие отношения юрисдикции иностранных государств.

Законодательство Республики Беларусь, регулирующее вопросы иммунитета государств, прошло долгий путь развития, однако данные вопросы по-прежнему регламентированы фрагментарно: только в части, касающейся регулирования юрисдикционного иммунитета иностранных государств. В законодательстве Республики Беларусь до недавнего времени отсутствовал единый подход к регламентации иммунитета иностранного государства, в результате чего Республика Беларусь, предоставляя иммунитет иностранному государству на своей территории, не всегда могла претендовать на аналогичный объем иммунитета на территории иностранного государства. В Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-З (далее – КГС)[7] закреплен единый подход к регулированию юрисдикционного иммунитета иностранного государства, основанный на концепции ограниченного иммунитета (ст. 519 КГС), что свидетельствует о намерении законодателя унифицировать существующие подходы путем закрепления единой концепции правового регулирования юрисдикционных иммунитетов иностранного государства на уровне кодифицированного законодательного акта. Однако КГС содержит лишь процессуальные нормы, определяющие порядок производства по делам с участием иностранных государств при рассмотрении споров в судах Республики Беларусь. Так, название главы 49 КГС «Особенности рассмотрения дел с участием лиц, обладающих судебным иммунитетом» отражает направленность норм данной главы исключительно на регулирование процессуальных аспектов указанных отношений. При этом нормы КГС регламентируют только вопросы применения юрисдикционных иммунитетов иностранного государства, но не затрагивают иммунитеты Республики Беларусь при участии в частноправовых отношениях с иностранным элементом. Ввиду сохранившейся фрагментарности правового регулирования представляется целесообразным на уровне Закона Республики Беларусь «Об иммунитетах государства и его имущества» установить содержание, основания и порядок применения иммунитетов иностранных государств и их имущества в Республике Беларусь, а также закрепить положения, связанные с применением иммунитетов Республики Беларусь и ее имущества за рубежом, в том числе предусмотреть перечень оснований и порядок отказа Республики Беларусь от иммунитетов. В указанном законе следует закрепить: основанный на концепции ограниченного иммунитета единый подход и принципы регулирования иммунитетов в отношении Республики Беларусь и ее имущества за рубежом, а также иностранного государства и его имущества в Республике Беларусь; принцип взаимности при предоставлении иммунитета иностранному государству; правомерность применения Республикой Беларусь в качестве ответной меры на основании решения суда изъятия имущества иностранного государства либо наложения ареста и обращения взыскания на такое имущество в случае совершения иностранным государством аналогичных действий в отношении имущества Республики Беларусь за рубежом; круг субъектов, которым могут быть предоставлены полномочия на выражение от имени Республики Беларусь отказа от иммунитета, основания и критерии для принятия такого решения, порядок и возможные формы выражения отказа от государственного иммунитета.

Общемировая судебная практика, касающаяся применения юрисдикционного иммунитета государства является весьма противоречивой. Кроме того, имеющиеся различия в подходах к регламентации иммунитета в законодательстве разных государств зачастую рассматриваются кредиторами государства в качестве одного из значимых критериев выбора подходящей юрисдикции для приведения в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений, вынесенных против данного государства[8]. Указанные обстоятельства обу-

4 О концессиях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 63-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

5 Об инвестициях [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 12 июля 2013 г., № 53-З: в ред. от 8 янв. 2024 г. № 350-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

6 О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 19 января 1993 г., № 2103-XII: в ред. от 16 июля 2010 г. № 172-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

7 Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 11 марта 2024 г. № 359-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

8 Matute C. Forum Shopping in the Execution of ICSID Awards: Is it Time to Revive the UN Convention on State Immunity? // Kluwer Arbitration Blog, June 24 2016. [Электронный ресурс]. – Режим до-

славливают необходимость унификации подходов на международном уровне, в связи с чем присоединение Республики Беларусь к Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 г. в перспективе может стать целесообразным в условиях сбалансированного многополярного миропорядка, что позволит обеспечить более четкие и предсказуемые перспективы разрешения вопроса об иммунитете государства и его собственности, в том числе защиту имущества Республики Беларусь, предназначенного для использования в публичных, некоммерческих целях, от обращения взыскания по обязательствам государства. Вместе с тем, на данном историческом этапе отсутствует последовательный подход к соблюдению государствами своих международных обязательств, поэтому присоединение Республики Беларусь к универсальным международным договорам является объектом перспективной оценки.

Также немаловажное значение имеет вопрос о порядке исполнения иностранного судебного или арбитражного решения на территории Республики Беларусь. Как следует из содержания ст. 527 КГС, решения иностранных судов, вынесенные против Республики Беларусь, могут быть исполнены на территории Республики Беларусь на основе принципа взаимности либо при наличии действующего международного договора, содержащего соответствующее обязательство, что характерно для сферы инвестиционной деятельности. В то же время нормы процессуального законодательства Республики Беларусь устанавливают существенное ограничение: возможность применения в виде оговорки о публичном порядке. Соответственно, в отдельных случаях в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения может быть отказано ввиду его противоречия публичному порядку Республики Беларусь. В частности, отказ в исполнении таких решений возможен, если исполнение спрсобно привести к серьезным экономическим последствиям для государства и общества в целом и создать угрозу для экономической безопасности государства. Отрицательный эффект в виде неблагоприятных экономических последствий для государства и общества в целом в результате исполнения иностранного судебного решения заключается в необходимости изъятия из экономики государства значительного объема денежных средств, которые при планировании республиканского бюджета на очередной календарный год были предназначены для финансирования расходов на развитие социально-экономической сферы, обеспечение безопасности и обороноспособности государства, обслуживание внутреннего и внешнего государственного долга. Такие действия, безусловно, не соответствуют принципам построения экономической, политической, правовой системы белорусского государства, закрепленными в Конституции Республики Беларусь. Кроме того, они могут негативно отразиться на обеспечении суверенитета и экономической безопасности государства, а также привести к неспособности государства эффективно осуществлять возложенные на него функции. Как итог, в результате подобных действий могут быть ущемлены интересы больших социальных групп, что создаст препятствия в реализации конституционных прав и свобод граждан.

Также следует отметить, что противоречие публичному порядку Республики Беларусь является основанием отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений на основании пп. b п. 2 ст. V Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.). По утверждению Б. Р. Карабельникова, «признаются противоречащими публичному порядку и не подлежат исполнению иностранные арбитражные решения, в вынесении которых участвовали арбитры, в честности и независимости которых можно усомниться, были нарушены фундаментальные права ответчика, воспрепятствовавшие ему в защите своих прав, а также решения, исполнение которых может вступить в конфликт с императивными нормами национального законодательства страны, где испрашивается исполнение, или нормами международных договоров такой страны» [3, с. 451]. В современных условиях, обусловленных действием введенных против Республики Беларусь «экономических санкций», существование практики применения оговорки о публичном порядке в случае вынесения арбитражного решения арбитрами, в честности и независимости которых можно усомниться, с одной стороны, создает риски для Республики Беларусь, поскольку решения международных арбитражных судов, вынесенные против Республики Беларусь с участием арбитров из недружественных стран, могут быть исполнены на территории иностранных государств, в которых действуют менее жёсткие требования в отношении порядка исполнения арбитражных решений, вынесенных против государства, а с другой стороны, может послужить основанием для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения на территории Республики Беларусь.

С учётом вышеизложенного можно сделать вывод, что участие Республики Беларусь в отношениях, входящих в сферу международного частного права, является сложным и многоаспектным и требует полного и всестороннего изучения специфики данных правоотношений. Комплексное рассмотрение указанных в статье аспектов, основанное на учете актуальных геополитических условий, позволило автору предложить варианты обеспечения экономически эффективного и защищенного участия Республики Беларусь в частноправовых отношениях с иностранным элементом, которые могут быть приняты во внимание в других государствах-членах Евразийского экономического союза.

Пристатейный библиографический список

1. Богуславский М. М. Международное частное право / 7-е изд., переработанное и дополненное. - Москва: Норма: Инфра-М, 2016. - 671 с.
2. Усенков И. А. Стабилизационная оговорка как правовое средство и прием юридической техники // Advances In law studies. - 2022. - Т. 10, № 2. - С. 11-15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/50724/view (дата обращения: 20.07.2025).
3. Карабельников Б. Р. Исполнение и оспаривание решений международных коммерческих арбитражей. Комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. и главам 30 и 31 АПК РФ 2002 г. / 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2008. – 606 с.

ступа: http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2016/06/24/preventing-forum-shopping-in-the-execution-of-icsid-awards-is-it-time-to-revive-the-un-convention-on-stateimmunity (date of access: 20.07.2025).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-41-47

Зятнин Р. А.

ЗЯТНИН Роман Альбертович
руководитель арбитражной практики, Компания «RZ Консалтинг», Москва

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ: МАТРИЦЫ ФАКТОРОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ (МОДЕЛЬ АДАПТАЦИИ ДЛЯ СТРАН БРИКС)

Статья посвящена разработке инновационных правовых механизмов адаптации мультимодальной медиации к специфике правовых традиций государств БРИКС. Автор обосновывает необходимость создания мультикультурных правовых матриц, учитывающих этические и процедурные особенности национальных правовых систем. Исследование включает комплексный анализ существующих подходов к медиации в странах БРИКС, выявление ключевых факторов кросс-культурной адаптации и разработку инновационной модели правового регулирования. Предлагается система этических принципов и процедурных механизмов, обеспечивающих эффективное функционирование мультимодальной медиации в условиях правового плюрализма.

Ключевые слова: мультимодальная медиация, БРИКС, правовые матрицы, кросс-культурная адаптация, этические принципы, правовой плюрализм.

ZYATNIN Roman Albertovich
Head of Arbitration Practice, RZ Consulting Company, Moscow

CROSS-CULTURAL ADAPTATION OF MULTIMODAL MEDIATION: MATRIX OF NATIONAL LEGAL TRADITION FACTORS (ADAPTATION MODEL FOR BRICS COUNTRIES)

The article is devoted to the development of innovative legal mechanisms for adapting multimodal mediation to the specifics of the legal traditions of the BRICS states. The author substantiates the need to create multicultural legal matrices that take into account the ethical and procedural features of national legal systems. The study includes a comprehensive analysis of existing approaches to mediation in the BRICS countries, identification of key factors of cross-cultural adaptation and development of an innovative model of legal regulation. A system of ethical principles and procedural mechanisms is proposed to ensure the effective functioning of multimodal mediation in conditions of legal pluralism.

Keywords: multimodal mediation, BRICS, legal matrices, cross-cultural adaptation, ethical principles, legal pluralism.

Введение

Современный этап развития международного права характеризуется поиском новых форм правового взаимодействия, особенно в рамках многосторонних интеграционных объединений.

В рамках БРИКС данная проблематика приобретает особую актуальность ввиду кардинальных различий в правовых традициях государств-участников. Концепция мультимодальной медиации, разработанная автором в предшествующих исследованиях, предполагает интеграцию различных альтернативных способов разрешения споров в единую адаптивную систему, способную трансформироваться в зависимости от специфики конкретного конфликта и культурно-правового контекста его разрешения. Вместе с тем, практическая реализация данной концепции в условиях правового плюрализма стран БРИКС сталкивается с серьезными вызовами, связанными с необходимостью учета глубинных различий в понимании справедливости, конфликта и механизмов его разрешения.

Актуальность исследования определяется растущим объемом трансграничных споров между участниками БРИКС и необходимостью создания эффективных механизмов их разрешения, учитывающих специфику национальных правовых систем. Традиционные подходы к унификации медиативных процедур часто игнорируют глубинные различия в правовых культурах, что приводит к снижению их эффективности.

Целью данного исследования является разработка комплексной системы правовых мультикультурных матриц, обеспечивающих эффективную адаптацию мультимодальной медиации к правовым традициям стран БРИКС с сохранением этических принципов и процедурных гарантий.

Научно-правовое обоснование мультикультурных правовых матриц

Теоретическое обоснование создания мультикультурных правовых матриц базируется на фундаментальных принципах сравнительного правоведения и теории правовых культур, разработанных в трудах классиков компаративистики, начиная от Рене Давида и Камиля де Ялоша и заканчивая современными исследователями правовых традиций [7; 8]. Правовая культура, как совокупность правовых ценностей, институтов и практик, определяющих способы понимания и применения права в конкретном обществе, оказывает детерминирующее влияние на восприятие и функционирование альтернативных способов разрешения споров, что подтверждается эмпирическими исследованиями Карповой А. А. и Ивановой Е. Н., демонстрирующими кардинальные различия в осведомленности о медиации между китайскими и российскими респондентами [10]. Именно различия в правовых культурах объясняют тот факт, что девяносто четыре процента китайских респондентов слышали о медиации, в то время как в России этот показатель составляет лишь восемь процентов, что свидетельствует не просто о различном уровне развития медиативных институтов, но о глубинных культурно-правовых особенностях восприятия конфликта и способов его разрешения.

Методологической основой построения матриц служит концепция правового плюрализма, признающая сосуществование множественных правовых порядков в едином социальном пространстве, что особенно актуально для пони-

мания функционирования правовых институтов в условиях глобализации и интеграции в рамках БРИКС.

В контексте мультимодальной медиации это означает необходимость создания механизмов, способных одновременно функционировать в различных правовых средах без утраты собственной правовой природы, что требует разработки специальных адаптационных инструментов, учитывающих специфику каждой правовой системы. Теоретические основания такого подхода можно найти в работах Fan K., который в своем эмпирическом исследовании показывает, что китайские судьи активно участвуют в медиативном процессе, что кардинально отличается от западных представлений о разделении судебных и медиативных функций, демонстрируя необходимость учета культурных особенностей при создании универсальных правовых механизмов [21, с. 54].

Догматическая конструкция мультикультурных матриц основывается на теории адаптации права, разработанной в трудах классиков сравнительного правоведения и получившей развитие в работах современных исследователей, включая российских ученых, таких как Быкова А. И., которая подчеркивает необходимость учета национальных особенностей при заимствовании правовых институтов [2]. Адаптация понимается не как механическая трансплантация правовых институтов, характерная для поверхностных компаративных исследований прошлого века, а как процесс их органичной интеграции в принимающую правовую систему с учетом ее культурно-правовых особенностей, что требует глубокого понимания не только формальных правовых норм, но и неписаных правил, традиций и социальных практик, влияющих на правоприменение.

Данный подход получил теоретическое обоснование в работах Пономаревой О. С., анализирующей роль западных и африканских моделей медиации в ЮАР, где успешная интеграция различных правовых традиций стала возможной именно благодаря учету культурных особенностей каждой из них [15]. Особое значение имеет концепция убунту, которая, как отмечают Беликова К. М. и Ахмадова М. А., оказывает значительное влияние на формирование медиативных практик в ЮАР, демонстрируя, что эффективность медиации во многом зависит от способности интегрировать различные правовые традиции в единую систему [1, с. 27]. Коростелева Ю. А. и Симоновский Д. А. в своем анализе правового регулирования медиации в Китае подчеркивают уникальность китайского подхода, сочетающего традиционные конфуцианские ценности с современными правовыми институтами, что служит примером успешной адаптации древних правовых традиций к современным реалиям [11]. Теоретическое значение таких исследований заключается в демонстрации того, что правовые институты не могут быть механически перенесены из одной правовой системы в другую без учета культурно-правового контекста, что требует разработки специальных методологических инструментов для обеспечения эффективной адаптации.

Правовая природа матриц характеризуется их инструментальным характером - они представляют собой методологический инструмент для достижения более эффективного правоприменения, а не самостоятельный источник права, что принципиально важно для понимания их места в системе источников права различных юрисдикций. В этом контексте матрицы выполняют функцию правовых конструкций, обеспечивающих реализацию принципа процедурной справедливости в условиях культурного многообразия, что особенно актуально в эпоху глобализации и усиления международного сотрудничества в рамках БРИКС.

Стоит отметить, что процедурно-правовой аспект матриц проявляется в их способности обеспечивать соблюдение due process в различных правовых системах, что требует создания универсальных процедурных стандартов, адаптированных к специфике каждой правовой культуры. Каждая матрица включает набор процедурных гарантий, адаптированных к особенностям конкретной правовой культуры, но обеспечивающих универсальные стандарты справедливого разбирательства, что создает основу для взаимного признания и исполнения медиативных соглашений в различных юрисдикциях. Мажорина М. В. и Никишин В. Д. в своем исследовании юридической инноватики как синтеза аналитической, прогностической и проектной деятельности обращают особое внимание на роль IT-компетенций в современной юридической практике, что особенно актуально для создания цифровых платформ, способных преодолевать географические и культурные барьеры между участниками споров из разных стран БРИКС [13, с. 28]. Технологический аспект реализации матриц предполагает создание сложных алгоритмов, способных анализировать множественные культурно-правовые параметры и предлагать оптимальные сочетания процедурных элементов для каждого конкретного случая, что требует интеграции достижений искусственного интеллекта и машинного обучения в правовую сферу.

Коллизионно-правовое измерение матриц отражает их способность разрешать конфликты между различными правовыми подходами к медиации, что становится критически важным в условиях увеличения количества трансграничных споров и развития цифровой экономики в рамках БРИКС. Матрицы функционируют как своеобразное коллизионное правило, указывающее, какие процедурные элементы должны применяться в каждом конкретном случае, что позволяет избежать правовой неопределенности и конфликтов юрисдикций. Данный подход основывается на принципах современного международного частного права, согласно которым стороны должны иметь возможность предвидеть правовые последствия своих действий, что особенно важно для коммерческих споров, где предсказуемость правовых последствий является ключевым фактором принятия бизнес-решений. Компаративно-правовой анализ, лежащий в основе создания матриц, обосновывает выбор конкретных параметров для включения в каждую матрицу, при этом каждый параметр отражает значимую особенность правовой культуры, влияющую на эффективность медиации.

При этом, отбор параметров основывается не только на теоретических разработках в области правовой антропологии, но и на эмпирических исследованиях, таких как работа Холоимовой А. С., анализирующей медиацию при заключении сделок о признании вины в уголовном процессе Индии, что демонстрирует расширение сферы применения медиации за пределы традиционного гражданского права и необходимость учета различных правовых контекстов при создании универсальных адаптационных механизмов [17]. Особенность индийской модели заключается в ее плюрализме подходов и институтов, что отражает общую специфику индийской правовой системы и требует создания гибких адаптационных механизмов, способных учитывать множественность правовых традиций в рамках одной юрисдикции.

Этико-правовое обоснование матриц базируется на признании фундаментального принципа культурного релятивизма в правовой сфере, согласно которому различные правовые культуры имеют равную ценность и право на существование, что не означает отказа от универсальных принципов справедливости и прав человека, но требует их интерпретации с учетом культурных особенностей.

Так, Суханов Е. А. в своем исследовании развития института медиации в российском правопорядке подчеркивает необходимость баланса между универсальными принципами и национальными особенностями, что особенно актуально для многонациональных государств с богатыми правовыми традициями [16]. Данный подход получил развитие в трудах Гринь Е. А. и Кобылинской С. В., которые в своей монографии представляют комплексный анализ развития медиации в России и за рубежом, подчеркивая важность создания собственной модели медиации, учитывающей особенности российской правовой культуры и одновременно отвечающей международным стандартам [4]. Проблема соотношения универсального и партикулярного в правовом регулировании медиации приобретает особую остроту в контексте БРИКС, где представлены практически все основные правовые семьи современного мира, от континентального права России и Бразилии до социалистического права Китая с его особой спецификой. Липка Д. В. в своем исследовании медиации в зарубежных странах обращает внимание на необходимость учета различий в правовых традициях при создании международных стандартов медиации, что подтверждает актуальность разработки специальных адаптационных механизмов для обеспечения эффективного функционирования медиативных институтов в различных правовых средах [12]. Гюльметова А. Р. и Джумагишиева З. А. в своем анализе развития института медиации в мире подчеркивают важность учета исторических, культурных и правовых особенностей каждой страны при внедрении медиативных практик, что служит дополнительным обоснованием необходимости соз-

дания дифференцированных адаптационных матриц [5, с. 188].

Успех медиации в ЮАР во многом зависит от способности интегрировать различные правовые традиции в единую систему [37]. Wadhawan A. анализирует медиацию при заключении сделок о признании вины в уголовном процессе Индии, что демонстрирует расширение сферы применения медиации за пределы традиционного гражданского права [27]. Индийская модель медиации отличается плюрализмом подходов и институтов, что отражает общую специфику индийской правовой системы.

Kumar N. анализирует институты конкурентного права в странах БРИКС, исследуя потребность в улучшении механизмов правоприменения [23, с. 120]. Хотя данное исследование не посвящено напрямую медиации, оно важно для понимания институциональных особенностей правовых систем БРИКС и возможностей их интеграции. Schneebaum S. M. рассматривает цели юридического образования с точки зрения американского практика, подчеркивая важность развития навыков адвокации и межкультурной коммуникации [26, с. 20]. В контексте медиации это особенно актуально для подготовки медиаторов, способных работать в мультикультурной среде.

Мультимодальная медиация, как правовой институт, обладающий значительным потенциалом для разрешения споров в контексте культурного и правового многообразия, требует детального анализа с точки зрения ее адаптации к специфике различных правовых систем.

Правовые традиции стран БРИКС: компаративный анализ

Российская правовая система, принадлежащая к континентальной правовой семье, характеризуется формализованным подходом к регулированию медиации. Особенностью российской модели является тесная связь медиативных процедур с формальной судебной системой, что отражает традиционную роль государства в урегулировании правовых конфликтов.

Китайская модель медиации представляет уникальный симбиоз традиционных конфуцианских ценностей и современной социалистической правовой системы. В Китае медиация воспринимается как естественная часть процесса разрешения конфликтов, что находит отражение в актив-

Таблица 1. Сравнительная характеристика правовых моделей медиации в БРИКС

Гос-во	Правовая основа	Интеграция с судами	Культурные факторы	Особенности применения
Россия	Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ от 27 июля 2010 года, включающий базовые принципы добровольности, конфиденциальности и сотрудничества сторон	Ограниченная интеграция с возможностью направления судом на медиацию на любой стадии процесса	Континентальная правовая традиция с акцентом на формализацию процедур и детальное законодательное регулирование	Строгий акцент на процедурные гарантии с обязательным соблюдением формальных требований к медиативному соглашению
Китай	Комплексное многоуровневое законодательство	Полная структурная интеграция медиации в судебную систему с активным участием судей в медиативном процессе и созданием специализированных медиативных центров при судах	Глубоко укоренившаяся конфуцианская философия гармонии и социального баланса	Уникальный синтез древних традиций разрешения конфликтов с современными правовыми механизмами и технологическими инновациями
Индия	Сложный правовой плюрализм с множественными актами	Частичная	Многослойная система культурных ценностей, включающая концепцию дхармы, кармы и справедливости как космического порядка	Многоуровневая децентрализованная система
ЮАР	Прецедентное право с элементами смешанной юрисдикции	Селективная интеграция с судебной системой, позволяющая гибкое применение в зависимости от характера спора	Уникальная философия убунту, подчеркивающая взаимосвязанность всех членов общества и коллективную ответственность за разрешение конфликтов	Инновационный культурный синтез
Бразилия	Новый Кодекс гражданского процесса (Lei No. 13.105) от 16 марта 2015 года, вступивший в силу в марте 2016 года, и Закон о медиации (Lei No. 13.140) от 26 июня 2015 года	Обязательная медиация или примирение в рамках судебной системы - стороны должны пройти через медиативную или примирительную фазу перед представлением ответа ответчиком	Латиноамериканский консен	Развивающаяся модель судебной медиации с обязательными досудебными процедурами

Источник: авторская разработка

Рисунок 1. Структура мультикультурной правовой матрицы
Источник: авторская разработка

ной интеграции медиативных процедур в судебную систему. Концепция гармонии, лежащая в основе китайской правовой культуры, создает благоприятную среду для развития медиативных практик.

Данные, приведенные в таблице 1, свидетельствуют о существенных различиях в подходах к правовому регулированию медиации между странами БРИКС.

Инновационная модель правовых мультикультурных матриц

Правовая система Индии демонстрирует удивительное сосуществование современных медиативных институтов с традиционными механизмами разрешения споров. Индийская модель характеризуется правовым плюрализмом, где формальное право сосуществует с множественными традиционными правовыми системами. Концепция дхармы оказывает значительное влияние на понимание справедливости и конфликта в индийском контексте.

Южноафриканская правовая система представляет собой интересный пример успешной интеграции различных правовых традиций. В ЮАР сформировалась уникальная модель медиации, сочетающая элементы английского права с традиционными африканскими практиками разрешения конфликтов. Философия убунту играет ключевую роль в формировании медиативных практик, подчеркивая взаимосвязанность всех членов общества и необходимость восстановления гармонии.

Бразильская модель характеризуется активным развитием медиативных институтов на законодательном уровне, что отражает влияние латиноамериканской правовой традиции с ее акцентом на консенсус и диалог. Основываясь на проведенном анализе, автор предлагает инновационную модель правовых мультикультурных матриц для адаптации мультимодальной медиации в странах БРИКС. Данная модель базируется на трех основных принципах: культурной адаптивности, процедурной гибкости и этической универсальности.

Культурная адаптивность предполагает создание специальных алгоритмов адаптации медиативных процедур к особенностям конкретной правовой культуры. Каждая матрица включает набор переменных, отражающих культурно-правовые особенности соответствующей юрисдикции: отношение к иерархии, роль коллектива в принятии решений, восприятие времени и процедурных формальностей, значение церемониальных элементов. Архитектура предлагаемой системы адаптации медиативных процедур отражена в рисунке 1.

Процедурная гибкость обеспечивается через создание модульной системы медиативных процедур, которые могут быть скомбинированы различными способами в зависимости от специфики конкретного спора и культурных предпочтений участников. Модульная архитектура позволяет динамически адаптировать медиативный процесс без нарушения его базовых принципов.

Эмпирическое обоснование параметров мультикультурной матрицы адаптации базируется на междисциплинарном синтезе данных правовой антропологии, сравнительного правоведения и межкультурной психологии. Выбор пяти базовых компонентов - иерархичности, формализма, коллективизма, временной ориентации и церемониальности - обусловлен их детерминирующим влиянием на восприятие справедливости и эффективность медиативных процедур в различных культурно-правовых контекстах. Этическая универсальность гарантируется через систему инвариантных этических принципов, которые остаются неизменными независимо от культурного контекста применения. К таким принципам относятся: добровольность участия, конфиденциальность процедуры, беспристрастность медиатора, равенство сторон. Временная ориентация культуры определяет приемлемые сроки проведения медиации и толерантность к процедурным задержкам, что критически важно для планирования межкультурных медиативных процедур в рамках БРИКС. Высокоиерархичные культуры тяготеют к авторитарным моделям медиации, тогда как эгалитарные общества предпочитают партисипативные подходы. Аналогично, степень формализма правовой культуры прямо влияет на требования к процедурным гарантиям медиации, что подтверждается различиями между континентальными и англосаксонскими правовыми системами в подходах к

Таблица 2. Структура мультикультурной матрицы адаптации

Компонент матрицы	Россия	Китай	Индия	ЮАР	Бразилия
Иерархичность	Высокая с элементами государственного патернализма	Очень высокая, основанная на конфуцианских традициях уважения к старшинству и власти	Средняя с учетом кастовой системы и демократических принципов	Низкая, формирующаяся после апартеида с акцентом на равенство	Средняя латиноамериканская модель с элементами персонализма
Формализм	Очень высокий континентальный формализм с детальной регламентацией	Средний - баланс между формальными требованиями и гибкостью применения	Высокий британский формализм, адаптированный к местным условиям	Низкий с элементами прагматизма и судейского усмотрения	Высокий романо-германский формализм с процедурными требованиями
Коллективизм	Умеренный российский коллективизм с индивидуалистическими тенденциями	Высокий традиционный китайский коллективизм с приоритетом группы	Очень высокий общинный коллективизм с семейно-клановой ориентацией	Высокий африканский коммунитаризм на основе философии убунту	Средний латиноамериканский коллективизм
Временная ориентация	Монохронная западная ориентация на пунктуальность и планирование	Полихронная с элементами долгосрочного планирования и терпения	Полихронная циклическая концепция времени с религиозными основаниями	Полихронная африканская концепция времени с акцентом на отношения	Полихронная латиноамериканская гибкость во временных рамках
Церемониальность	Низкая с минимальными ритуальными элементами	Высокая конфуцианская церемониальность с соблюдением протокола	Очень высокая ритуальная церемониальность с религиозными элементами	Высокая традиционная африканская церемониальность с элементами западного протокола	Средняя латиноамериканская церемониальность с католическими влияниями

Источник: авторская разработка

Механизмы имплементации

регламентации альтернативных способов разрешения споров. Количественные характеристики культурно-правовых компонентов по каждой стране представлены в таблице 2.

Реализация предложенной модели требует создания специальных институциональных механизмов и процедур. Критически важным является учет национальных особенностей на каждом этапе: если для России приоритетным является тестирование в сфере коммерческих споров в силу развитости арбитражной системы, то для Индии акцент должен быть сделан на семейных конфликтах, учитывая значимость традиционных механизмов разрешения споров в данной сфере. Технологический компонент имплементации варьируется от централизованных государственных систем в России до мобильных приложений в Индии, что отражает различия в цифровой инфраструктуре и предпочтениях пользователей.

Первоочередной задачей является разработка единой цифровой платформы, обеспечивающей техническую основу для функционирования мультикультурных правовых матриц, платформа должна включать модули для анализа культурных особенностей участников, автоматического подбора соответствующих процедурных элементов и мониторинга эффективности медиации. Создание сети сертифицированных межкультурных медиаторов представляется критически важным элементом имплементации, которые должны обладать глубокими знаниями в области сравнительного правоведения, межкультурной коммуникации и специфики ведения бизнеса в странах БРИКС.

Программа подготовки медиаторов должна включать не только теоретические знания, но и практические навыки работы в мультикультурной среде.

Поэтапный план имплементации мультикультурных матриц в странах БРИКС детализирован в таблице 3.

Таким образом, разработка стандартизированных протоколов адаптации обеспечит единообразие применения мультикультурных матриц при сохранении их гибкости. Такие протоколы должны определять алгоритмы выбора конкретных элементов матрицы в зависимости от характеристик спора и его участников, а также механизмы контроля качества процедуры.

Заключение

Разработанная модель мультикультурных правовых матриц представляет собой инновационный подход к адаптации мультимодальной медиации к специфике правовых традиций стран БРИКС. Предложенная система обеспечивает баланс между необходимостью унификации медиативных процедур и сохранением культурного многообразия подходов к разрешению конфликтов.

Этические принципы, лежащие в основе модели, гарантируют справедливость и легитимность медиативного процесса во всех культурных контекстах. Модульная архитектура системы позволяет динамически адаптировать процедуры к специфике конкретных споров, сохраняя при этом процедурные гарантии и качество результатов. Успешная имплементация предложенной модели требует скоординиро-

Таблица 3. Этапы имплементации мультикультурных матриц

Этап	Россия	Китай	Индия	ЮАР	Бразилия
Пилотное тестирование	Коммерческие споры в арбитражных судах с участием аккредитованных медиаторов	Международные контракты	Семейные конфликты с учетом религиозного многообразия и кастовых особенностей	Трудовые споры в постапартеидном контексте	Гражданские дела различной сложности в рамках обновленного процессуального законодательства
Подготовка кадров	Судебные медиаторы	Народные медиаторы с многовековыми традициями разрешения конфликтов в общинах	Многоуровневая система подготовки	Традиционные лидеры и современные специалисты	Частные медиаторы, прошедшие сертификацию
Технологическая интеграция	Государственные информационные системы с централизованным управлением и контролем	Цифровые платформы	Мобильные приложения для удаленных регионов	Локальные сети	Облачные решения на базе современной IT-инфраструктуры
Мониторинг эффективнос-ти	Количественные метрики и статистические показатели результативности медиативных процедур	Качественный анализ с элементами традиционной философии	Смешанные методы исследования	Общественный контроль	Академические исследования ведущих университетов страны

Источник: авторская разработка

ванных усилий всех стран БРИКС, включая создание общих институтов, разработку единых стандартов подготовки медиаторов и создание цифровой инфраструктуры. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на детализации конкретных механизмов адаптации и апробации модели на практике.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования разработанной модели для создания эффективной системы трансграничного разрешения споров в рамках БРИКС, что будет способствовать углублению экономической интеграции и развитию взаимного доверия между странами-участниками.

Пристатейный библиографический список

1. Беликова К. М., Ахмадова М. А. Медиация в ЮАР = Mediation in the Republic of South Africa: современность и перспективы // Российский судья. 2015. № 5. С. 26-29.
2. Быкова А. И. Зарубежный опыт правового регулирования процедуры медиации // Отечественная юриспруденция. 2019. № 2 (34). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyi-opyt-pravovogo-regulirovaniya-protsedury-mediatsii (дата обращения: 15.03.2025).
3. Вершинина Т. В. Языковая картина мира // StudNet. 2022. № 7. С. 7904-7909.
4. Гринь Е. А., Кобылинская С. В. Зарубежный и отечественный опыт использования процедуры медиации и перспективы её применения: монография. Краснодар: КубГАУ, 2019. 69 с.
5. Гюльметова А. Р., Джумагишиева З. А. Развитие института медиации в мире // Молодой ученый. 2021. № 50 (392). С. 187-188.
6. Жомартқызы М. Медиация и роль третьих сторон в урегулировании конфликтов в странах Ближнего Востока. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ejournal.vfu.bg/pdfs/Мария%20Жомарткызы,%20Медиация%20и%20роль%20третьих%20сторон%20в%20урегулировании%20конфликтов%20в%20странах%20Ближнего%20Востока.pdf (дата обращения: 22.03.2025).
7. Зятнин Р. А. Правовая природа мультимодальной медиации в разрешении комплексных корпоративных конфликтов // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 9А. С. 290-314.
8. Зятнин Р. А. Разработка концепции мультимодальной медиации: новой парадигмы альтернативного урегулирования правовых конфликтов // Вестник науки. 2024. № 10 (79), том 4. С. 332-346. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.вестник-науки.рф/article/18088 (дата обращения: 10.04.2025).
9. Иллюк П. А. Авиг-авиг в правовой системе Индонезии // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/avig-avig-v-pravovoy-sisteme-indonezii (дата обращения: 03.04.2025).
10. Карпова А. А., Иванова Е. Н. Медиация в России и Китае // Международный журнал «Вестник медиации». 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vestnik-mediatsii.ru/2024/06/11/mediaciya-v-rossii-i-kitae/ (дата обращения: 28.03.2025).
11. Коростелева Ю. А., Симоновский Д. А. Правовое регулирование медиации в Китае: краткий обзор // МНИЖ. 2023. № 6 (132). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-mediatsii-v-kitae-kratkiy-obzor (дата обращения: 18.03.2025).

12. Липка Д. В. Медиация в зарубежных странах // Право и управление. 2023. № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-v-zarubezhnyh-stranah (дата обращения: 05.04.2025).
13. Мажорина М. В., Никишин В. Д. Юридическая инноватика как синтез аналитической, прогностической и проектной деятельности. LegalOps и IT-компетенции юриста // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 4. С. 24-33.
14. Пеленицына М. В., Бекирова А. Т. Основные проблемы развития и пути разрешения примирительных процедур в российском гражданском и арбитражном процессах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 3. С. 382-387.
15. Пономарева О. С. Роль Западной и Африканской моделей медиации в разрешении споров в Южно-Африканской Республике // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-zapadnoy-i-afrikanskoy-modeley-mediatsii-v-razreshenii-sporov-v-yuzhno-afrikanskoy-respublike (дата обращения: 25.04.2025).
16. Суханов Е. А. Развитие института медиации в российском правопорядке // Журнал российского права. 2024. № 1. С. 5-17. DOI: 10.61205/jrp.2024.1.1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://istina.msu.ru/publications/article/628507844/ (дата обращения: 12.04.2025).
17. Холоимова А. С. Медиация при заключении сделки о признании вины в уголовном процессе Индии // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-pri-zaklyuchenii-sdelki-o-priznanii-viny-v-ugolovnom-protsesse-indii (дата обращения: 30.03.2025).
18. Atmaja G. M. W. The Drafting of Awig-Awig in Bali Traditional Villages: Understanding Form and Content // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2020. Vol. 13, № 12. P. 390-404.
19. Budiasa I. W., Ambarawati I. G. A. A. Community Based Agro-Tourism as An Innovative Integrated Farming System Development Model Towards Sustainable Agriculture and Tourism in Bali // Journal of the International Society for Southeast Asian Agricultural Sciences. 2014. Vol. 20, № 1. P. 29-40.
20. Dewi A. A. M. A. T., Windia W. P., Dewi A. A. I. A. A. et al. Sanctions for Violations of the Marriage Process in Awig-Awig in the Village: What Is the Role of Customary Village // International Journal of Law, Justice and Jurisprudence. 2024. № 4. P. 92-96.
21. Fan K. Beyond law and politics: an empirical study of judicial mediation in China // Journal of International Dispute Settlement. 2023. Vol. 14, Issue 1. P. 47-75. DOI: 10.1093/jnlids/idac027.
22. Green J. Green's Dictionary of Slang. 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://greensdictofslang.com/ (дата обращения: 08.03.2025).
23. Kumar N. The Competition Law Institutions in the BRICS Countries Need Better Enforcement Mechanisms // BRICS Law Journal. 2025. Vol. 12, № 1. P. 115-139. DOI: 10.21684/2412-2343-2025-12-1-115-139.
24. Mitryakova E., Boniface A. Legal Regulations of Surrogate Motherhood in Russia and South Africa: Similarities and Differences // BRICS Law Journal. 2025. Vol. 12, № 1. P. 20-39. DOI: 10.21684/2412-2343-2025-12-1-20-39.
25. Podshivalov T. Contesting the Registration of Real Estate Rights in BRICS and the Laws of Other Countries // BRICS Law Journal. 2025. Vol. 12, № 1. P. 56-79. DOI: 10.21684/2412-2343-2025-12-1-56-79.
26. Schneebaum S. M. The Goals of Legal Education: A U.S. Practitioner's Perspective // BRICS Law Journal. 2025. Vol. 12, № 1. P. 5-19. DOI: 10.21684/2412-2343-2025-12-1-5-19.
27. Wadhawan A. An Analysis of the Plea Bargaining Mechanism in India: The Past, Present and The Future // Law Audience Journal. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: an-analysis-of-the-plea-bargaining-mechanism-in-india-the-past-present-and-the-future.pdf (дата обращения: 17.04.2025).
28. Zyatnin R. A. The legal nature of multimodal mediation in resolving complex corporate conflicts // Voprfosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava. 2024. № 14 (9A). P. 290-314.
29. Bharatiya Nagarik Suraksha (Second) Sanhita, 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prsin-dia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2023/Bharatiya_Nagarik_Suraksha_(Second)_Sanhita_2023.pdf (дата обращения: 08.05.2025).
30. Court-Annexed Mediation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.justice.gov.za/mediation/mediation.html (дата обращения: 02.05.2025).
31. Институт медиации в гражданском процессе Бразилии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/339136953_Institut_mediacii_v_grazdanskom_processe_Brazilii (дата обращения: 20.04.2025).
32. International Bar Association. The mediation agreement in Brazil and its essential requirements. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ibanet.org/article/90750472-5198-4900-9E2F-063150D5768A (дата обращения: 14.03.2025).
33. Kluwer Mediation Blog. Let Mediation Be Mediation: Conciliation Versus Mediation in Brazil. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mediationblog.kluwerarbitration.com/2018/12/14/let-mediation-be-mediation-conciliation-versus-mediation-in-brazil/ (дата обращения: 07.05.2025).
34. Lexology. A structured guide to mediation law and practice in Brazil. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=5139a3bb-afc0-4844-b265-3819c059ab47 (дата обращения: 27.03.2025).
35. Mediation in NYC. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nyc.gov/site/cchr/enforcement/mediation.page (дата обращения: 11.04.2025).
36. Mediation Rules in South Africa: Where are we now? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fairpractice.co.za/mediation-rules-in-south-africa-where-are-we-now/ (дата обращения: 19.03.2025).
37. Mediation Rules in South Africa: Where are we now? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://labourguide.co.za/misconduct/ccma/mediation-rules-in-south-africa-where-are-we-now (дата обращения: 02.04.2025).
38. SwissCam Brasil. Mediation in Brazil // Legal framework and procedural developments. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://swisscam.com.br/en/publicacao/doing-business-in-brazil/34-mediation-in-brazil/ (дата обращения: 26.03.2025).
39. The Future of Mediation in China: Synergy between Litigation and Mediation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.chinajusticeobserver.com/a/the-future-of-mediation-in-china-synergy-between-litigation-and-mediation (дата обращения: 09.05.2025).
40. Международная коммерческая медиация. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/ru/texts/mediation (дата обращения: 21.04.2025).

VOITURET Jade Delmire
postgraduate student of International Law sub-faculty, Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia

THE FRENCH MODEL OF HUMAN RIGHTS IN GLOBAL PERSPECTIVE

This article traces the global diffusion and assimilation of the Declaration of the Rights of the Man and of the Citizen, right after its adoption in 1789 up to the 19th century, with some moderns' insights. It does so first through its influence on Enlightenment-era intellectuals and revolutionary movements across Europe and Latin America, then in colonial and postcolonial contexts. It highlights how the Declaration shaped constitutional texts in South America, inspired Haiti's anti-slavery constitution, and echoed in India's and Vietnam's paths to independence. The study also addresses France's dual role in promoting human rights — as a liberating model and as an imperial power. The article critically examines the tension between France's proclaimed humanist ideals and its colonial practices, revealing how cultural diplomacy and legal soft power were wielded to assert influence.

Keywords: Human rights, Universality, Constitutionalising, Revolution, Constitution, self-determination, civilizing mission.

ВОТЮРЭ Жадэ Делмир
аспирант кафедры международного права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ФРАНЦУЗСКАЯ МОДЕЛЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В этой статье прослеживается глобальное распространение и ассимиляция Декларации прав человека и гражданина, начиная с момента ее принятия в 1789 году и вплоть до 19-го века, с учетом некоторых современных идей. Сначала она делает это благодаря своему влиянию на интеллектуалов эпохи Просвещения и революционные движения по всей Европе и Латинской Америке, а затем в колониальном и постколониальном контекстах. В нем рассказывается о том, как Декларация повлияла на конституционные тексты Южной Америки, вдохновила Гаити на разработку антирабовладельческой конституции и отразилась на путях Индии и Вьетнама к независимости. В исследовании также рассматривается двойная роль Франции в продвижении прав человека — как освободительной модели и как имперской державы. В статье критически рассматривается противоречие между провозглашенными Францией гуманистическими идеалами и ее колониальной практикой, раскрывается, как культурная дипломатия и юридическая мягкая сила использовались для укрепления влияния.

Ключевые слова: Права человека, универсальность, Конституционализация, Революция, Конституция, самоопределение, цивилизаторская миссия.

1. Introduction

The Declaration of the Rights of the Man and of the Citizen, adopted by the newly formed French Constituent Assembly on 26 August 1789, represents not only a crucial step in the French Revolution, but also a foundational milestone in the development of human rights as a legal concept. As a normative monument, it has been repeatedly referred to at each key stage in the affirmation of human rights. Initially, within domestic struggles, it served as a model according to which a legitimate government must derive from natural rights of human beings, discoverable by reason and inherent in the state of nature. It later served, on a certain dimension, as a reference point in independence movements and, more broadly, in international human rights discourse. The Declaration's influence is especially notable in the drafting of the *Universal Declaration of Human Rights* adopted by the United Nations General Assembly 150 years later. The 1789 Declaration is significant due to its claim to universality. Its preamble and 17 articles embody the spirit of the Enlightenment, especially the theory of natural rights. It affirms that the rights set forth in the text are the natural rights of all human beings, that the social order must guarantee, lest it become corrupt and a source of public misfortune. This idea is rooted in the doctrine of John Locke [1]. These natural rights are both subordinated to and safeguarded by the general will, in line with the philosophy of Jean Jacques Rousseau [2]. It is worth recalling that in the French history, the adoption of the Declaration doesn't mark the end of the Revolution, which in fact lasted several years. Nevertheless, it established principles that applied to any constitution upon which any government should be founded.

This article seeks to explore how these constitutional principles: the affirmation of human rights as the foundation of political legitimacy, were disseminated and appropriated worldwide. In doing so, it examines both the inspirational dimension of the French model, and the extent to which it was also imposed as a political project, a legacy still visible in aspects of France's contemporary foreign policy.

2. Movements inspired by the French model

2.1. The aftermath of the revolution

The French model in Europe initially gave rise to a movement of aspiration and revival in several countries, particularly regarding the philosophical ideas of the Enlightenment. This model also entailed occasional feelings of rejection. This phenomenon takes place and progress exclusively among the elites. Critics have been formulated, which is a proof that these new ideas can be frightening because of their influence. The English example of the pamphlet war between Thomas Paine and Edmond Burke is quite telling. Burke criticized the French Republic as a danger to the whole of Europe, and called on all states to fight it [3], while Thomas Paine defended the idea that governments were established to defend liberties, and that they should be republicans [4]. The revolutionary ideas have also been a source of inspiration for foreign intellectuals, who have appropriated them for use in their own countries. For instance, the Italian jurist Beccaria, author of the book *On Crimes and Punishments* [5], used to write in French and has notably argued against the death penalty. He declared that « *I owe everything to French books. D'Alembert, Diderot, Helvetius, Buffon, illustrious names that one cannot hear pronounced without being moved, your immortal works are my continual reading, the object of my preoccupations during the day and of my meditations during my nights.* » [6].

Concerning the text of the 1789 Declaration as such, the press, for instance the Leiden Gazette, played a major role in

disseminating it as well as revolutionary events [7]. As the ideas embodied in the text were already circulating among western societies and debated in intellectual circles before the French Revolution, the impact of the text was more of an affirmation that a society could be based on those ideas of sovereignty of the people and individual liberties [8]. When the question of the influence of the model of guaranteed rights arises, particularly through the ideas embodied in the French Declaration, the question of dissemination naturally arises. For people outside France to be able to take up these ideas, they must reach them. Initially, it seems that the Declaration was disseminated in local languages in France's neighboring countries, particularly Germany, England, Belgium and North America [9].

In comparison with the relatively limited impact of the Declaration in its neighboring countries, it is interesting to look at the colonized peoples of Latin America, under Spanish and Portuguese colonial rule. The arrival of the French Revolution model in South America was quite rapid. Indeed, while the Spanish monarchy rejected the French constitutional model, severely censuring the French Declaration as did certain Italian states, the first Spanish translation appeared in Bogotá, Colombia in 1794. Its appearance and distribution was the work of a high-ranking civil servant named Narino, which led to his arrest and the order of the seizure of copies [10]. Nevertheless, copies of the Declaration circulated in the streets and spread throughout the Spanish colonies. The Constitution of Cadiz[1], which was strongly inspired by the French model, was also exported to the colonies and became a source of inspiration. Following the break-up of the Spanish colonial empire, the new states adopted constitutions and established republican regimes inspired by a desire to break with the monarchy. In these constitutions, the assertion of the sovereignty of the people is combined with the principles of separation of powers and guarantee of rights, with reference to the Declaration of 1789, notably its article 16 (separation of powers). Examples include the Constitution of the Republic of Chile of 25 May 1833[2], which comprised a section on the guarantee of rights, entitled "Chilean Public Rights", and the Argentine Constitution of 1853[3], which contained a "Declaration of Rights and Guarantees". The Constitution of Apatzingán[4] incorporated few articles of the 1789 Declaration such as the principle of the Sovereignty of the Nation (article 5), equality before the law (article 9), the fundamental rights of liberty, equality, surety and property (article 12), freedom of thought and of opinion (article 11), the separation of power (article 13) and right of property (article 20). Following its emancipation from the Kingdom of Portugal, Brazil adopted a constitution in 1824[5], establishing a unitary state in the form of the Empire of Brazil. One title of the constitution of this new constitutional monarchy is dedicated to "guaranteeing the civil and political rights of citizens".

Finally, this section would be incomplete without mention of the Haitian Revolution. This revolution, led by enslaved people living on the island then known under French colonial rule as Saint-Domingue, lasted 14 years, from 1791 to 1804, and occurred immediately after the French Revolution. It eventually led to Haiti's independence. For a long time, French and European authors interpreted the Haitian Revolution as an extension of the French Revolution, as it was inconceivable, until the postcolonial era, for many to accept that Black people could attain liberty on their own [11]. The dominant reading suggested that the Haitian Revolution merely reproduced the French one, which was said to have transmitted to Black people the necessary cultural tools for their liberation [12]. In reality, however, the Haitian Revolution was a movement in its own right. It began with a slave uprising on the night of 22 to 23 August 1791. While the revolution drew in part on French and Enlightenment ideals, it adapted them to Haiti's specific historical and social context. The Haitian Constitution of 1805[6] bears the mark of this unique synthesis. The work of Toussaint Louverture, one of the leading figures of the revolution, is particularly emblematic of this process. He appropriated Enlightenment ideals and the discourse of human rights, despite their Eurocentric language and origins, to forge a new unity among what he referred to as the Black people. By doing so, he repurposed these ideas to mobilize former slaves and redefine their collective identity [13]. The first Haitian Constitution (1805) institutionalized the anti-slavery legacy of the revolution by permanently abolishing slavery and declaring that any person of African descent who set foot on Haitian soil would be free. The constitution also rejected all forms of racial hierarchy and affirmed fraternity among Haitian citizens, reflecting the influence of Louverture's vision. Law and property were also proclaimed sacred, an assertion partly rooted in the colonial context in which enslaved people had been denied any legal recognition of property or personhood under French rule.

2.2. The modern influence

For some contemporary intellectuals, other revolutions that eventually led to a Declaration of rights, even though those rights might be different from the ones proclaimed in 1789, are a legacy from the French model. For instance, the Revolution of October 1917 and its Declaration of the Working and Exploited People, Vladlen Goergievitch Sirotkin wrote that both revolutions were identical in their essence [14]. The soviet revolution brought a new concept of human rights according to which the progressive realization of economic and social rights by the State entails the condition of the real liberty of the individual. For instance, the 1936 Constitution of the Soviet Union enshrine economic and social rights first (118 – 122) and then civil and politic rights (article 123 – 129); the equality of women and men and the non-discrimination on the basis of nationality or race are consecrated. Furthermore, the Nehru's and other Indian leaders explicit references to the French revolutionary constituent assembly in 1949 before the Constituent Assembly of India [15] are quite unequivocal.

Furthermore, the issue of decolonization, particularly in territories that were under French rule, raises important questions about the proclaimed universality of the 1789 Declaration. While France continued its colonial expansion in the decades following the Revolution, the principles of liberty and equality at the heart of the Declaration appeared increasingly at odds with its imperial practices. By 1945, as human rights were being promoted as universal and foundational to global peace, the urgency of addressing the right of peoples to self-determination became ever more pressing. Criticism of colonial abuses, both in terms of violations of collective self-determination and of the individual rights enshrined in the 1948 Universal Declaration of Human Rights, grew louder, voiced by newly independent states as well as international civil society. Historiographical studies examining the relationship between decolonization and the development of

1 Spanish Constitution of 1812, available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://en.wikisource.org/wiki/Spanish_Constitution_of_1812.

2 Political constitution of the Republic of Chile, 25 May 1833, available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://dp.la/item/a7c730b0e306c3f0966dd32c045d31f5.

3 The Constitution of the Argentine Nation, 1853, available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res//uncac/LegalLibrary/Argentina/Laws/Argentina%20Constitution%201853%20(as%20amended%201998).pdf.

4 Decreto Constitucional Para La Libertad De La America Mexicana, Sancionado En Apatzingan, 1814, available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://digitalcommons.csumb.edu/hornbeck_mex_2/1/.

5 Constitution of the Empire of Brazil, 25 March 1824, available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_Empire_of_Brazil

6 Constitution of Haiti, 1805, available in French at: [Electronic resource]. – Access mode: https://haitidoi.com/constitutions/1805-2/.

human rights generally agree that the claims made in the name of human rights, as proclaimed in the 1789 Declaration of the Rights of Man and later reaffirmed in the Universal Declaration of Human Rights, were not the central arguments in anticolonial struggles. In other words, people under colonial domination themselves rarely used direct references to human rights to support their liberation movements. Instead, it was the right of peoples to self-determination that featured most prominently in global independence claims. Scholars such as Brian Simpson, Reza Afshari, and Samuel Moyn have argued that anticolonial movements were not primarily inspired by the classical liberal tradition of human rights, which focuses on the individual and corresponds today to what are known as civil and political rights—or 'first-generation' rights [16]. Nevertheless, individual human rights were not entirely absent from anticolonial discourse. They were invoked, for example, to denounce double standards within colonial empires or as part of the broader struggle for independence. In his review of recent historiography, legal historian Martial Mathieu notes that individual rights were not completely absent from colonial resistance [17]. He highlights, for instance, the 1943 Manifesto of the Algerian People drafted by Ferhat Abbas, which invoked the right to absolute liberty. The Vietnamese example is also particularly revealing. When Hô Chí Minh declared the independence of the Democratic Republic of Vietnam on 2 September 1945, he referenced both the American Declaration of Independence and the French Declaration of the Rights of Man and of the Citizen [18]. In his work The French Colonialism on Trial, he explicitly accused the colonial regime of betraying the very human rights and republican ideals it claimed to uphold. This rhetorical strategy involved turning the colonizer's principles against him, invoking them in support of the colonized people's right to independence. While Vietnamese political and philosophical thought later incorporated different, more socially oriented conceptions of fundamental rights (notably under the influence of communism), the first Vietnamese constitutions—including those of 1946, 1956, 1960, 1980, and 1992—all included declarations of rights, affirming a foundational commitment to certain core principles of human dignity and freedom. Furthermore, the discourse held by Patrice Lumumba in Leopoldville at the occasion of the independence of the Democratic Republic of Congo from Belgium domination on the 30 June 1960 makes a clear mention of individuals rights contained in the 1789 Declaration and in the UDHR [19].

Moreover, some Constitution of former French colonies refers directly to the Declaration of the rights of the man and of the citizen of 1789. It is the case for the Constitution of Gabon that in its preamble "*Affirm solemnly its attachment to human rights and to fundamental liberties that result from the Declaration of the Rights of Man and the Citizen of 1789 and from the Universal Declaration of Human Rights of 1948, consecrated by the African Charter of the Rights of Man and the Rights of Peoples of 1981, and by the National Charter of Liberties of 1990*."[7]. The Constitution of Senegal also affirms " [it's] adhesion to the Declaration of the Rights of Man and of the Citizen of 1789 and to the international instruments adopted by the Organization of the United Nations and the Organization of African Unity (…)"[8]. The newly independent State of India included 11 articles of the 1789 Declaration in its 1950 Constitution: equality before the law (article 14), freedom of speech and expression (article 19), right to property (article 31), personal liberty (article 21), protection from arbitrary punishment (article 20), principle of the sovereignty of the nation (preamble).

3. The diffusion of the French model as a political will

The aftermath of the Revolution was marked by the will to transmit to other nations and peoples the universal values proclaimed in French language. The use of the French language was intrinsically linked to the affirmation of the liberties and rights of 1789 by the ones who wanted to diffuse them to the world. This was the birth of what is today called the cultural diplomacy, i.e. the cultural volet of the international action of France, which is also called "cultural cooperation". This will was identifiable early in the discussions surrounding the adoption of the Declaration. For instance, on 11 July 1789, before the adoption of the text, Lafayette proclaimed a European declaration of the man and the citizen [20]. On 22 May 1790, the National Assembly adopted the Declaration of the Peace to the World [21].

From this idea emerged an ambiguous fiction according to which « the soldiers of the nation were not conquering territories with weapons but liberating them with ideas expressed in French words." [22]. From 1792, a revolutionary army was formed. French soldiers were dispatched to support patriots who had organized themselves in neighboring regions, such as Belgium, Savoy, Nice, the Rhineland, Italy, and Switzerland, and who were facing oppression. These patriots used to welcome the French revolutionary troops with flowers and French flags. These were revolutionary wars, waged in the name of the Revolution, in which France became directly involved. Indeed, in a decree dated 15-17 December 1792 [23], France proclaimed "*liberty and equality for all peoples to whom it has brought or will bring its arms*." The decree stipulated that "*in all countries occupied now or in the future by the armies of the Republic, the generals shall immediately proclaim, in the name of the French nation, the sovereignty of the people, the abolition of all established authorities, existing taxes or contributions, the tithe, feudalism, seigneurial rights—both feudal and manorial, fixed or casual—feudal dues, personal and real servitude, privileges related to hunting and fishing, corvées, nobility, and, more broadly, all privileges. They shall announce to the people that they are bringing peace, relief, fraternity, liberty, and equality*." This revolutionary policy was also grounded in the theory of "natural frontiers," which, beginning in 1793, was invoked to legitimize France's interventions as acts of helping peoples realize their natural rights. According to this theory, territories located within the boundaries of the Rhine, the Alps, and the Pyrenees were considered to naturally belong to the French nation. As Danton declared before the government on 31 January 1793, it was the duty of the French to conquer and liberate these lands [24]. Internally, opinions were divided on this issue and following a temporary halt due to a shift in the Assembly's majority, the conquests resumed a few months later. The territories occupied by the French army between 1795 and 1799 had a new political regime imposed on them: their institutions were replaced by republican regimes. Although they officially remained independent states, they were nicknamed "sister republics" of the French Republic. In the Netherlands, the Batave Republic was established in 1796[9], its constitution largely inspired by the French Constitution of 1795 [25], and was replaced in 1806 when the Kingdom of Holland was re-established[10]. In Switzerland, the cantons were grouped together to form the Helvetic Republic in 1798[11], with a constitution modelled on the French Constitution. The Swiss confederal system was restored in 1803[12]. Finally, in Italy, some states were transformed into sister republics with the same constitutional model: the Ligurian Republic from 1797 to 1805 and the Cisalpine Republic from 1797 to 1802. In the sister republics, privileges were abolished and guilds abolished, with

7 The Constitution of Gabon, 1991.

8 The Constitution of Senegal, 2001, preamble. The Constitution of Senegal adopted in 1963 already affirmed the same.

9 Staatsregeling voor het Bataafsche Volk (Constitution of the Batavian people), 1798.

10 Treaty concluded in Partis on May 24, 1806, for the creation of the Kingdom of Holland and the accession of Prince Louis-Napoleon to the throne, available in French at: [Electronic resource]. – Access mode: https://www.napoleon.org/histoire-des-2-empires/articles/traite-conclu-a-paris-le-24-mai-1806-pour-la-creation-du-royaume-de-hollande-et-lavenement-au-trone-du-prince-louis-napoleon/.

11 Constitution of the Helvetic Republic, 12 April 1798, available in French at https://mjp.univ-perp.fr/constit/ch1798.htm.

12 Mediation Act, 19 February 1803.

a guarantee of rights in the form of a declaration of rights and duties. In this case, the model adopted was not inspired by the Declaration of 1789, since within the French Republic itself, a new constitution had been adopted, reflecting a retreat from the natural law of 1789.

The dissemination of revolutionary ideas outside of the European space was based on a different justification: the civilizing mission. It started in the 19th century with the Napoleon's Egyptian expedition between 1798 and 1801, but also through the multiplication of "intellectual or military missions" that helped develop the liberal ideas of the Declaration within a "liberal elite" [26]. Throughout the 19th century and well into the first half of the 20th, political discourse continued to justify the colonization of territories and the subjugation of populations under the guise of French Western values [27]. For example, France's presence in Algeria was defined by Napoleon III as a mission to bring both material and spiritual progress: "*To raise the Arabs to the dignity of free men, to spread education among them while respecting their religion, to improve their condition by uncovering the treasures that Providence has hidden in this land—such is our mission*." [28]. Justifications of this nature remained a constant feature of official French political rhetoric. Thus, Jules Ferry famously declared before the National Assembly that "*superior races have a right over inferior races*" a right which, according to him, stemmed from the "*duty to civilize the inferior races*." [29]. Such rhetoric was common and broadly accepted until the mid-20th century, when these ideologies began to lose legitimacy. In reality, the idea of a civilizing mission aimed at non-European populations shifted in nature after the Revolution. Whereas France had previously played a central role in religious crusades and the Counter-Reformation—as the "eldest daughter of the Church"—promoting a Christian universalist message, it later transitioned toward a secular universalism rooted in Enlightenment ideals. In this new framework, the universality of French ideas, and the French language as their vehicle, became a central pillar of the French policy [30]. This was reinforced by the belief that France, as the "land of human rights," had a moral duty to disseminate these rights across the world by "coming to the aid of oppressed peoples." This vision shaped France's relationship with territories beyond Europe, under its colonial domination, and was characterized by the conviction that a superior civilization had the obligation to civilize others, a mindset emblematic of the broader colonial ideology.

As mentioned above, the question of French cultural diplomacy and human rights in the country's foreign policy, initiated in the aftermath of the Revolution, remain highly relevant today. That period marked the beginning of a lasting trend. French became, from the outset, one of the official and working languages not only within the United Nations but also in other intergovernmental organizations, such as the Council of Europe. Archives from both the French Ministry of Foreign Affairs and the United Nations show that the use of the French language was of great importance to the French government, with delegates such as René Cassin strongly advocating for it [31]. Today, France continues to promote the French language, notably through its involvment and financial support of the Organisation internationale de la Francophonie, of which it remains the principal contributor [32]. Moreover, French representatives frequently invoke France's legacy as the "land of human rights" [33]. This raises the question of whether there exists a form of legal soft power, whereby legal traditions, values, and language serve as instruments of international influence.

4. Conclusion

In conclusion, it is worth noting a certain ambiguity in the diffusion of the French model of rights as both a source of legitimacy and a framework for state authority. On one hand, this model served as an inspiration for the affirmation of rights in various peoples and countries; on the other, it was also used to justify France's territorial expansion. By leveraging its influence and Enlightenment ideals, and in the name of liberty, France imposed this model on certain territories, both in Europe and beyond.

It is therefore important to distinguish between different elements. First, the value of the 1789 Declaration of the Rights of Man and of the Citizen, and the legal and philosophical foundations upon which it rests, must be understood in the abstract. The principles it proclaims, formulated in universal and general terms, were unprecedented at the time and remain highly significant today. The constitutional status of the Declaration within French law[13], as well as the presence of its core principles in modern international legal instruments, attests to this enduring value. This legal and philosophical significance must, however, be clearly separated from the political instrumentalization that followed in the years after its adoption. Nonetheless, studying the diffusion of this model, and its historical uses, is essential to understanding current debates in international law, particularly those that challenge the Western-centric nature of contemporary human rights norms.

Bibliographical references

1. Locke J. Two Treatises of Government: In the Former, The False Principles, and Foundation of Sir Robert Filmer, and His Followers, Are Detected and Overthrown. The Latter Is an Essay Concerning The True Original, Extent, and End of Civil Government, 1689.
2. Rousseau J-J. Du Contrat Social ou Principes du droit politique, 1762.
3. Burke E. R.eflections on the Revolution in France, London: J. Dodsley, 1790.
4. Paine T., Rights of Man, London; J. S. Jordan, 1791.
5. Beccaria C. On Crimes and Punishments and Other Writings, Edited by Richard Bellamy and translated by Richard Davies. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
6. Lafon J., Beaud O., Moteur B., Poumarède J., Quénet M., Itinéraires de l'histoire du droit à la diplomatie culturelle et à l'histoire coloniale, Paris Editions de la Sorbonne, 2001, p. 138.
7. Popkin Jeremy D. La Déclaration des Droits de l'Homme de 1789 aux Pays-Bas. Annales historiques de la Révolution française, № 265, 1986. pp. 307-308.
8. Allinne J-P. La déclaration des Droits de l'Homme et les aspirations libérales en Europe. Le témoignage de la presse. Annales historiques de la Révolution française, № 262, 1985. pp. 426-446; Popkin Jeremy D. La Déclaration des Droits de l'Homme de 1789 aux Pays-Bas. Annales historiques de la Révolution française, № 265, 1986. pp. 307-308.
9. Godechot J. L'expansion de la Déclaration des droits de l'homme de 1789 dans le monde. In: Annales historiques de la Révolution française, № 232, 1978. pp. 201-213.
10. Godechot J. L'expansion de la Déclaration des droits de l'homme de 1789 dans le monde. In: *Annales historiques de la Révolution française*, n°232, 1978. pp. 210
11. Hurbon L. La révolution haïtienne: une avancée postcoloniale. Rue Descartes, 2007/4 № 58, 2007, p. 63 available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://shs.cairn.info/revue-rue-descartes-2007-4-page-56?lang=fr.
12. Baggio A-M. La double idée de fraternité – comme héritage de la tradition et comme projet de transformation – et la fondation des droits de l'homme dans le contexte

13 Conseil Constitutionnel, décision № 71-44 du 16 juillet 1971, Liberté d'association, available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1971/7144DC.htm.

colonial, in Droits de l'homme et colonies: de la mission de civilisation au droit à l'autodétermination, Presses Universitaires d'Aix-Marseille, 2017, p. 105.
13. Baggio A-M. La double idée de fraternité – comme héritage de la tradition et comme projet de transformation – et la fondation des droits de l'homme dans le contexte colonial, in Droits de l'homme et colonies: de la mission de civilisation au droit à l'autodétermination, Presses Universitaires d'Aix-Marseille, 2017, p. 107.
14. IYER V.R.K. The 1789 revolution and its asian reverberations, in Association internationale des juristes démocrates, Les droits de l'Homme: universalité et renouveau, 1789-1989, p. 153.
15. IYER V.R.K. The 1789 revolution and its asian reverberations, in Association internationale des juristes démocrates, Les droits de l'Homme: universalité et renouveau, 1789-1989, pp. 151-153.
16. Mathieu M., Décolonisation et droits de l'homme: les orientations de l'historiographie récente, in Droits de l'homme et colonies: de la mission de civilisation au droit à l'autodétermination, Presses Universitaires d'Aix-Marseille, 2017, p. 462.
17. Mathieu M., Décolonisation et droits de l'homme: les orientations de l'historiographie récente, in Droits de l'homme et colonies: de la mission de civilisation au droit à l'autodétermination, Presses Universitaires d'Aix-Marseille, 2017, pp. 461-464.
18. Brochieux P. Paris, Moscou, Hanoï: Hô Chí Minh et les droits de l'homme, in Droits de l'homme et colonies: de la mission de civilisation au droit à l'autodétermination, Presses Universitaires d'Aix-Marseille, 2017, pp. 453-460.
19. Patrice Lumumba's speech on the independence of Democratic Republic of Congo, 30 June 1960, available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://www.youtube.com/watch?v=dVZ1Gz9YFHY.
20. Fauré C., Ce que Déclarer les droits veut dire: Histoires, Paris, Les belles lettres, 2011, p. 220.
21. Boussay Jacques-François de Menou, baron de. Texte du décret adopté sur le droit de guerre et de paix, lors de la séance du 22 mai 1790. In: Archives Parlementaires de 1787 à 1860 - Première série (1787-1799) Tome XV - Du 21 avril au 30 mai 1790. Paris: Librairie Administrative P. Dupont, 1883. pp. 661-662, available at: [Electronic resource]. – Access mode: www.persee.fr/doc/arcpa_0000-0000_1883_num_15_1_6946_t1_0661_0000_4.
22. Lafon J., Beaud O., Moteur B., Poumarède J., Quénet M., Itinéraires de l'histoire du droit à la diplomatie culturelle et à l'histoire coloniale, Paris Editions de la Sorbonne, 2001, p. 137.
23. Lafon J., Beaud O., Moteur B., Poumarède J., Quénet M., Itinéraires de l'histoire du droit à la diplomatie culturelle et à l'histoire coloniale, Paris Editions de la Sorbonne, 2001, p. 139.
24. Danton G. Sur la réunion de la Belgique à la France, 31 janvier 1793.
25. Elias A. La néerlandicité de la Constitution de 1789, Annales historiques de la Révolution française, № 326, 2001, pp. 43-52, available at www.persee.fr/doc/ahrf_0003-4436_2001_num_326_1_2547.
26. M-A. SINACEUR, Islam et droits de l'Homme, in Lapeyre A., De Tinguy F., Vasak K., Les dimensions universelles des droits de l'Homme, Tome 1, Bruylant, 1990, p. 151.
27. Petit H., Discours raciste et valeurs républicaines dans la France coloniale, in Droits de l'homme et colonies: de la mission de civilisation au droit à l'autodétermination, Presses Universitaires d'Aix-Marseille, 2017, pp. 203-214.
28. Lafon J., Beaud O., Moteur B., Poumarède J., Quénet M., Itinéraires de l'histoire du droit à la diplomatie culturelle et à l'histoire coloniale, Paris Editions de la Sorbonne, 2001, p. 147.
29. Petit H., Discours raciste et valeurs républicaines dans la France coloniale, in Droits de l'homme et colonies : de la mission de civilisation au droit à l'autodétermination, Presses Universitaires d'Aix-Marseille, 2017, p. 204.
30. Robert F. La machine diplomatique culturelle française après 1945, Relations internationales, No. 115, DIPLOMATIE ET TRANSFERTS CULTURELS AU XXe SIÈCLE. 1 (automne 2003 (septembre-octobre)), Presses Universitaires de France. Pp. 325-348; Lafon J., Beaud O., Moteur B., Poumarède J., Quénet M., Itinéraires de l'histoire du droit à la diplomatie culturelle et à l'histoire coloniale, Paris Editions de la Sorbonne, 2001, pp. 135-160; Dijan J-M., Clairet S. Diplomatie culturelle à la française, Diplomatie No. 28, Areion Group Stable, septembre - octobre 2007, Pp. 34-36.
31. See, for example Report of the Commission on Human Rights to the 2nd Session of the Economic and Social Council, 21 May 1946, E/38/Rev. 1.
32. IOF, Resolution portant adoption du budget et fixation des contributions statutaires de l'OIF au titre du quadriennum 2024-2027, Yaoundé, 4-5 November 2023, available at: [Electronic resource]. – Access mode: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2024-01/R%C3%A9solution%20portant%20adoption%20du%20budget%20et%20fixation%20des%20contributions%20statutaires%202024-2027.pdf.
33. Déclaration de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, sur l'action de la France et de l'ONU en faveur de la paix dans le monde, à New York le 25 septembre 2007, availabla at: https://www.vie-publique.fr/discours/167860-declaration-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-sur-lact; Speech of the Ministry of Foreign affairs of the French Republic, H.E. Mr. Dominique de Villepin, 24 mars 2003: [Electronic resource]. – Access mode: https://www.ohchr.org/fr/statements/2009/10/default-title-35.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-53-56

БАЙДАРОВА Марина Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия, Пензенский государственный университет

ФОМИН Владимир Владимирович
студент группы 21юю1, Пензенский государственный университет

Байдарова М. А.

Фомин В. В.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Динамичное развитие законодательства Российской Федерации, многообразие общественных отношений и субъектов, в них задействованных, а также интенсивность и усложнение социальных связей требуют от правозащитных институтов, в том числе и правозащитной деятельности Уполномоченного по правам человека (далее – УПЧ) генерации и применения прогрессивных юридических технологий, направленных на полное восстановление нарушенных прав и законных интересов человека.

Общетеоретическое понимание сущности юридической технологии УПЧ, модельной стадийности процесса юридической технологии УПЧ, а также его компонентного состава позволит всецело оценить уникальность имеющихся ресурсных возможностей данного должностного лица и в перспективе научных исследований подготовить предложения по совершенствованию имеющихся правовых средств, являющихся сегодня действенными инструментами дополнительной государственной защиты прав и свобод человека.

В свою очередь, индивидуально-технологический подход в разрезе правозащитной практики УПЧ свидетельствует об усиленной, выверенной правозащитной траектории по каждому отдельному случаю и ситуации, а также выработке с одной стороны дифференцированного, а с другой – гибкого подхода разрешения конкретной жизненной проблемы лица, обратившегося за правовой помощью. Значимость исследования юридических технологий в деятельности УПЧ во многом видится и в том, что в самом обобщенном виде рассматриваемая технология представляет собой интенсивно развивающуюся практико-ориентированную систему, которая объединяет в себе правовые средства, практики и методики, а также иные правовые приемы и меры, позволяющие достигать необходимых результатов в профессиональной деятельности УПЧ.

Ключевые слова: юридическая технология, профессиональная деятельность, Уполномоченный по правам человека, правовые средства, ресурсные возможности, правозащитный механизм.

BAIDAROVA Marina Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor of Justice sub-faculty, Penza State University

FOMIN Vladimir Vladimirovich
student of group 21uu1, Penza State University

LEGAL TECHNOLOGY IN THE HUMAN RIGHTS ACTIVITIES OF THE HUMAN RIGHTS COMMISSIONER IN THE RUSSIAN FEDERATION

The dynamic development of the legislation of the Russian Federation, the diversity of social relations and the subjects involved in them, as well as the intensity and complexity of social ties, require human rights institutions, including the human rights activities of the Human Rights Commissioner (hereinafter referred to as the Commissioner), to generate and apply advanced legal technologies aimed at fully restoring the violated rights and legitimate interests of individuals.

A general theoretical understanding of the essence of the legal technology of the Human Rights Commissioner, the model stages of the legal technology of the Human Rights Commissioner, and its component structure will allow us to fully assess the uniqueness of the available resources of this official and, in the future, to prepare proposals for improving the existing legal means, which are currently effective tools for additional state protection of human rights and freedoms.

In turn, the individual-based technological approach in the context of the Human Rights Office's human rights practice demonstrates an enhanced and well-defined human rights trajectory for each individual case and situation, as well as the development of a differentiated and flexible approach to resolving the specific life issue faced by the person seeking legal assistance. The significance of the study of legal technologies in the activities of the Human Rights Office is largely seen in the fact that, in its most general form, the technology under consideration is an intensively developing practice-oriented system that combines legal means, practices, and methods, as well as other legal techniques and measures, in order to achieve the necessary results in the professional activities of the Human Rights Office.

Keywords: legal technology, professional activities, Human Rights Commissioner, legal means, resource capabilities, and human rights mechanism.

В условиях технологического развития, модернизации социально-экономической жизнедеятельности человека, системного изменения действующего законодательства, повышения внимания к правозащитным институтам, механизмам обеспечения прав и свобод человека и гражданина, вопросы юридической технологии в профессиональной, правозащитной деятельности Уполномоченного по правам человека (далее по тексту – УПЧ) приобретают особое значение. На заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека в 2024 году Президентом Российской Федерации В. В. Путиным было отмечено, что «…помощь, поддержка, сопричастность к проблемам людей всегда остаются безусловным приоритетом…»[1].

Деятельность УПЧ в реалиях современной действительности приобретает особый импульс в разрезе становления и формирования новой модели защиты прав человека, что напрямую связано с восприятием и внедрением лучших международных практик в национальный правозащитный механизм нашего государства[2]. Правозащитная деятельность УПЧ и аккумулируемая ими информация о состоянии защиты прав и свобод на территории субъектов Российской Федерации выступает своеобразным правозащитным барометром, чувствительно улавливающим уровень негативного воздействия на человека таких неблагоприятных явлений, как социальная и экономическая незащищенность, бюрократическое бездушие, произвол со стороны властей [11, с. 4-7].

В научной литературе можно встретить два подхода к пониманию правозащитной деятельности. В самом узком смысле правозащитная деятельность – такая деятельность, которая ориентирована на восстановление нарушенных прав, свобод, осуществляемая с помощью правовых средств и способов (судебной/внесудебной) защиты [6, с. 6-9]. В широком смысле данная деятельность представляет собой работу компетентных субъектов по устранению каких-либо препятствий в реализации прав человека, восстановлению нарушенных прав, наказание виновных лиц, а также реализация указанной способности посредством нормативно-правовых, организационных и иных средств обеспечения защищенности прав человека [9, с. 25].

Стремительное и эволюционное развитие института УПЧ подчеркивает усиливающуюся с каждым годом тенденцию расширения полномочий омбудсмена, и как следствие – совершенствование не только юридического инструментария (правовых средств), но и юридических технологий, задействованных в его правозащитной практике, а также консультационной, координационной, просветительской и правотворческой деятельности.

В свою очередь, уровень технологичности юридической деятельности УПЧ сегодня выступает одним из ключевых составляющих, а также показателей необходимых для эффективной защиты прав и интересов личности. Ресурсные возможности УПЧ, активное и целенаправленное использование в профессиональной деятельности указанного должностного лица современных (передовых) юридических технологий во многом задают (прокладывают) усиленную правозащитную траекторию, и, как следствие, способствуют становлению и упрочнению, с одной стороны, гибких, а с другой – дифференцированных подходов в работе.

Актуальность темы заявленного исследования во многом детерминирована открытыми статистическими данными, разнообразием и уникальностью жизненных ситуаций, с которыми обращаются заявители за юридической помощью к УПЧ.

В свою очередь, результативность правоприменения УПЧ в конкретной ситуации будет зависеть не только от степени развития правотворчества, уровня правосознания, профессиональных и личностных качеств УПЧ, но и от прогнозирования правовой природы фактических обстоятельств [3].

Важной задачей для данного научного исследования выступает не только понимание категории «юридическая технология», изучение отдельных правовых средств УПЧ, являющихся важными инструментами воздействия на складывающуюся объективную действительность, но и уяснение модельной стадийности процесса юридической технологии УПЧ, а также компонентного состава рассматриваемой технологии. Указанное в полной мере позволит оценить уникальность юридической природы имеющихся ресурсных возможностей – правовых средств у УПЧ.

Следует отметить, что среди ученых-правоведов не сложилось единого понимания категории «юридические технологии». Если одни ученые, рассматривают технологию через призму юридической техники, юридической стратегии, юридической тактики [10, с. 17], то по мнению других – механизмы и конкретный инструментарий, позволяющий достигать эффективности в юридической (профессиональной) деятельности [14, с. 25]. При этом, можно солидаризироваться с Т. Я. Хабриевой о том, что юридические технологии – есть не что иное как система целого комплекса методов, инструментов, а также процедур (операций) по их применению, посредством которых используются ресурсы для целей генерации высокоэффективных решений [13, с. 4].

В юридической науке достигнуто понимание того, что юридические (правовые) технологии в профессиональной деятельности субъектов правовых отношений обеспечивают прежде всего реализацию идеи верховенства закона, а также сложившихся ценностей правового государства [4, с. 127]. Тем самым, юридическая технология как некоторый системный, профессионально-ориентированный комплекс позволяет внедрять право в сознание и поведение человека, поддерживая при этом должный баланс интересов человека и государства.

В целом юридические технологии УПЧ являются неотъемлемой, составной частью действующего правозащитного механизма в Российской Федерации, обеспечивающего формирование надежной институциональной базы. Юридическая технология в деятельности УПЧ – это прежде всего правозащитная технология, вбирающая в себя эффективные, передовые ***методики, опыт, практики и приемы*** (*курсив наш – М. А., В. В.*) связанные: с личным, коллективным приемом заявителей; непосредственной работой с обращениями граждан, в том числе с жалобами на решения, действия (бездействия) соответствующих органов (государственных/муниципальных) и их должностных лиц; мониторингом и анализом состояния сферы прав человека; проверкой (как самостоятельно, так и с компетентными органами и их должностями лицами) государственных организаций и учреждений; взаимодействием с различными органами власти, институтами гражданского общества и СМИ; и другими не менее важными направлениями деятельности.

Процесс реализации юридической технологии УПЧ условно возможно определить следующими базовыми составными частями (*курсив наш – М. А., В. В.*):

во-первых – это ***мыслительный (интеллектуальный) процесс*** связанный с уяснением и пониманием (первоначально для себя) локализованной в конкретных условиях пространства и времени неповторимой совокупности существующих и возможных видов правовых отношений, а также иных внутренних и внешних факторов (условий и обстоятельств) [7, с. 498], связанных с наступлением юридически значимых последствий [1, с. 67; 3, с. 71], оказывающих влияние на состояние и поведение субъектов правовых отношений;

во-вторых – ***анализ и юридическая оценка конкретной уникальной ситуации*** исходя из норм действующего законодательства, сложившейся правозащитной (положительной/отрицательной) практики, ожиданий субъектов правовых отношений;

в-третьих – ***разъяснение норм действующего законодательства*** (а также сложившейся практики) относительно конкретной жизненной ситуации, а также рекомендаций о порядке и способе защиты прав, свобод и законных интересов человека;

1 Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75816 (дата обращения: 01.07.2025).

2 Официальный сайт Российского агентства правовой и судебной информации (РАПСИ). Т. Н. оскалькова считает миссией России создание новых систем защиты прав человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20221102/308438380.html (дата обращения: 01.07.2025).

в-четвертых – это ***действия и (или) операции***, принимаемые УПЧ исходя из его непосредственной компетенции в рамках осуществления юридически значимой, правозащитной деятельности;

в-пятых, ***меры и мероприятия по контролю*** за обеспечением прав человека, для целей их дополнительной государственной защиты.

Тем самым, под юридической технологией следует понимать основанную на всестороннем анализе и прогнозах систему интеллектуальных и внешне выраженных юридически значимых действий и операций, связанных как с реализацией юридических решений (актов), так и наступлением соответствующих правовых последствий (эффектов). Применение юридических (правовых) технологий УПЧ в своей профессиональной деятельности предполагает прежде всего рациональные и осознанные, а также конструктивные и прагматичные действия, направленные на оказание оперативной помощи, разрешение конкретной ситуационной проблемы заявителя.

Рассмотрим некоторые юридические технологии через призму сложившейся практики в деятельности УПЧ и применяемых им правовых средств, для достижения социально-полезного результата, и прежде всего, решения проблемы человека – оказание необходимой поддержки и юридической помощи.

1. Личный и коллективный прием населения является чрезвычайно важным в работе УПЧ, поскольку позволяет не только наглядно (лично) увидеть реальное положение дел, разобраться в ситуации, но и обсудить возможности и перспективы решения волнующих проблем.

Так, УПЧ в Свердловской области проводились выездные приемы населения, что называется не только на земле, но и в шахте «Северная» рудоуправления на глубине 512 метров с проходчиками на их непосредственных рабочих местах (например, 2020 год [5, с. 20], 2023 год[3]). Следует отметить, что в работе УПЧ в Пензенской области также сложилась положительная практика проведения личных и коллективных приемов для различных целевых аудиторий по правовому просвещению (например, акция «Правовой марафон для пенсионеров» по вопросам пенсионного обеспечения, охраны здоровья и др.; акция «Единый урок прав человека» связанная с правовым воспитанием подрастающего поколения и др.; и иные мероприятия) [12, с. 106-107].

Личный (коллективный) прием населения является важным правовым средством в реализации конституционного права граждан на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления[4], позволяющим УПЧ как накопить колоссальный практический опыт работы с населением, так и разработать эффективные методики своей правозащитной деятельности.

2. Работа УПЧ с обращениями граждан выступает одним из основных направлений деятельности данного должностного лица и в тоже время чувствительным индикатором состояния законности в сфере прав человека. Указанное, возможно подтвердить и проиллюстрировать следующими примерами из практики УПЧ в Пензенской области.

К УПЧ обратился гражданин г. Пензы на (действия) бездействия должностного лица, ввиду вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по факту нападения (на заявителя) работника, находящегося при исполнении служебных обязанностей на территории охраняемого объекта. В свою очередь, среди доказательств противоправного поведения указанного работника, виновного в причинении телесных повреждений стали материалы видеонаблюдения, заключение судебно-медицинской экспертизы о локализации повреждений и иные медицинские документы.

УПЧ в Пензенской области было установлено, что заявитель неоднократно направлял свои обращения (на действия (бездействия) соответствующих сотрудников) как в отделения полиции, районную прокуратуру и даже Генеральную Прокуратуру Российской Федерации, но так и не получил не только правовой помощи, но и постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Ввиду чего, гражданин фактически был лишен возможности обжаловать данный документ.

И, только по итогу предпринятых оперативных действий УПЧ в Пензенской области (связанных с надлежащим исследованием, анализом и оценкой фактической ситуации и т.д.) прокуратура Пензенской области смогла в результате всестороннего изучения всей совокупности предоставленных материалов и доводов, изложенных в жалобе, установить существенные нарушения действующего законодательства в действиях сотрудников органа дознания при осуществлении ими процессуальных действий. После принятых мер реагирования прокуратуры должностным лицом органа дознания возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ, а в адрес заявителя были направлены необходимые процессуальные документы [12, с. 91-92].

Усилиями УПЧ в Пензенской области (а в последующем и прокуратуры Пензенской области) и задействованными данными должностными лицами соответствующими правовыми средствами (в указанной ситуации – запрос, акт прокурорского реагирования) права заявителя были восстановлены.

Следующий пример из практики УПЧ по Пензенской области, свидетельствует не только о тщательном изучении и проработке нормативно-правовой базы, но и о избирательности уполномоченного в выборе правового средства защиты прав гражданина.

В 2024 г. к УПЧ в Пензенской области обратился гражданин с жалобой на грубые действия врача (ГБУЗ «Клиническая больница № 6 имени Г. А. Захарьина») выразившиеся в сохранении болевых симптомов после проведения лечебно-диагностических действий (связанных с проведенным осмотром методом пальпации).

Заявителем было также сообщено УПЧ, что информированное добровольное согласие с него не спрашивалось и им не предоставлялось на указанное выше вмешательство. Следует отметить, что служебной проверкой лечебной организации, несмотря на наличие жалобы со стороны пациента, а также законодательно регламентированного порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство[5] не было выявлено каких-либо нарушений (как в действиях должностного лица проводившего соответствующие манипуляции, так и в надлежащем документировании).

В рамках указанного обращения гражданина УПЧ был направлен запрос в прокуратуру Пензенской области, по итогам которой проведена проверка, подтверждающая неправомерность действий в медицинском учреждении, а главному врачу внесено представление [12, с. 55]. Этот пример наглядно иллюстрирует, что юридическая технология строится не только на прочно задействованных правовых средствах УПЧ (консультации, запросы и другое) в его правозащитной деятельности, но и отлаженном механизме сотрудничества с различными органами, в том числе и с прокуратурой[6].

3 Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в свердловской области. Бастующие шахтеры пришли к компромиссу с руководством прииска. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75816 (дата обращения: 02.07.2025).

4 Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

5 Приказ Минздрава России от 12.11.2021 № 1051н «Об утверждении Порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, формы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и формы отказа от медицинского вмешательства» (вместе с «Порядком дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства в отношении определенных видов медицинских вмешательств») (Зарегистрировано в Минюсте России 25.11.2021 № 65977). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru. 25.11.2021 (дата обращения: 03.07.2025).

6 Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Пензенской области. Соглашения о взаимодействии. Соглашение

Следует отметить, что на практике УПЧ также используют, например, и механизм судебной защиты, но, как правило тогда, когда принимаемые ими внесудебные меры (иные правовые средства) для разрешения конкретной жизненной ситуации оказываются неэффективными [8, с. 16-17].

Изложенное, позволяет заключить, что данные, хотя и единичные примеры из многогранной практики УПЧ в Пензенской области свидетельствуют о важности соблюдения и защиты прав каждого без исключения человека, а также необходимости выработки индивидуально-технологического юридического подхода в проблеме лица, обратившегося за правовой помощью.

Суть и уникальность избранного подхода УПЧ заключается в индивидуальном (персональном) внимании к каждой жизненной ситуации, проблемному случаю человека, направленном на полное восстановление нарушенных прав и законных интересов.

Юридическая технология данного подхода раскрывается в следующих компонентах (*курсив наш – М. А., В. В.*):

1. Индивидуализированная работа с обращениями. Каждый случай рассматривается и изучается отдельно, учитываются индивидуально-определенные обстоятельства дела и конкретные интересы заявителя. УПЧ в правозащитной практике проводит глубокий анализ всех аспектов проблемы, запрашивает необходимые документы и материалы (и иную информацию), взаимодействует с органами власти и учреждениями, ответственными за решение того или иного вопроса входящего в их компетенцию.

2. Техническое обеспечение защиты прав. УПЧ активно внедряет в работу современные технологии (например, аналитические инструменты, онлайн-платформы и иное), что позволяет повысить эффективность и оперативность работы уполномоченного, обеспечить быстроту обработки обращений, объективность и прозрачность принимаемых действий, получивших выражение в конкретных решениях (документах) и (или) операциях.

3. Консультативная поддержка. УПЧ оказывает бесплатную юридическую помощь гражданам, доступно разъясняя права и обязанности, консультируя по вопросам возможного восстановления справедливости, предоставляя алгоритмизацию последующих шагов, направленных на устранение существующих нарушений прав и свобод человека.

4. Реализация превентивных мер УПЧ. Работа данного должностного лица не ограничивается решением проблем отдельных (частных) случаев, связанных с нарушениями прав граждан, а в большей мере подчеркивает системный характер профессиональной работы, направленной на выявление причин и условий возникновения неправомерных ситуаций, а также необходимости встраивания точечных мер профилактики, ориентированных на исключение возможных нарушений в перспективе.

Выбранная УПЧ юридическая технология правовой помощи человеку, по нашему мнению, в подавляющем большинстве, носит именно индивидуально-технологический подход в разрезе правозащитной практики, нацеленная на комплексную поддержку, восстановление законности в конкретной ситуации.

Обобщая вышеизложенное, возможно утверждать, что институт УПЧ прочно занял свою нишу в правозащитной деятельности. Эволюционный путь института УПЧ наглядно иллюстрирует поступательное развитие не только правовых средств данного должностного лица, но и оптимизацию юридических технологий.

Юридические (правовые) технологии УПЧ, во-первых, являются неотъемлемой частью сложившегося и функционирующего правозащитного механизма в России. Во-вторых, методологически выстроенная модель рассматриваемой технологии выступает важной основой правозащитной работы УПЧ. В-третьих, высокий уровень технологичности юридической (профессиональной) деятельности УПЧ связан с встраиванием в практическую плоскость прогрессивных методик, практик и приемов, а также накоплением и приумножением положительного, правозащитного опыта.

За годы деятельности УПЧ РФ (а также УПЧ в субъектах РФ) выработанные уникальные юридические технологии в работе данных должностных лиц служат надежным инструментом по защите и восстановлению прав человека и гражданина в Российской Федерации.

прокуратуры Пензенской области и Уполномоченного по правам человека в Пензенской области о взаимодействии в вопросах защиты прав и свобод человека и гражданина от 16.04.2024 г.; Соглашение о взаимодействии Государственной инспекции труда в Пензенской области и Уполномоченного по правам человека в Пензенской области по вопросам защиты прав и свобод человека и гражданина от 23.04.2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ombudsmanpnz.ru/documents/soglasheniya-o-vzaimodeystvii/ (дата обращения: 03.07.2025).

Пристатейный библиографический список

1. Байдарова М. А. Анализ юридически значимых последствий в правовых отношениях // Евразийский юридический журнал. 2024. № 6 (193). С. 63-67. DOI 10.46320/2073-4506-2024-6-193-63-67
2. Байдарова М. А., Фомин В. В. Технологии правового просвещения молодежи, реализуемые институтом Уполномоченных по правам человека в РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2025. № 7.
3. Байдарова, М. А., Фомин, В. В. Юридически значимые последствия в деятельности Уполномоченного по правам человека: теоретические и практические аспекты // Евразийский юридический журнал. 2025. № 4 (203). С. 69-72. DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-69-72
4. Березина Е. А. Правовые технологии и реализация идеи верховенства права // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 3 (61). С. 126-137. DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.14
5. Викуленко К. В. Уполномочен защищать: эффективные правозащитные практики и технологии в деятельности уполномоченных по правам человека в Российской Федерации / Уполномоченный по правам человека в Пермском крае. Составитель К. В. Викуленко, под ред. П. В. Микова. Пермь, 2020. 320 с.
6. Голованев, И. В. Административно-правовые средства формирования правового порядка при реализации конституционных прав и свобод // Административное право и процесс. 2007. № 4. С. 6-9.
7. Гриб В. В., Панченко В. Ю. Теория государства и права: курс лекций / Под ред. В. В. Гриба, В. Ю. Панченко. Москва: Проспект, 2023. 656 с.
8. Дудко И. Г. Институт уполномоченных по правам человека в России: концептуальные основы и эволюция // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 10. С. 11-18. – DOI 10.18572/1812-3767-2024-10-11-18.
9. Земскова А. И. К вопросу о сущности правозащитной функции государства // Общество и право. 2009. № 3 (25). С. 21-27.
10. Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 16-24.
11. Москалькова Т. Н. О совершенствовании законодательного обеспечения деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 4-7.
12. Фомин В. В. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Пензенской области в 2024 году. Пенза: ИП Симанова Е. А., 2025. 122 с.
13. Хабриева Т. Я. Современные юридические технологии в теории и практике правотворчества и правоприменения // Эффективность законодательства и современные юридические технологии: Материалы заседания III Международной школы-практикума молодых ученых-юристов, Москва, 29-31 мая 2008 года / Ответственный редактор Т. Я. Хабриева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения, 2009. С. 3-11.
14. Хабриева Т. Я., Власенко Н. А. Юридическая техника: учеб. пособие / Под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А, Власенко. М.: Эксмо, 2009. 271 с.

ВЛАСОВА Елена Львовна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск

САМОЙЛОВА Жанна Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Институт государственного права и национальной безопасности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск

ИНСТИТУТ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

Институт персональных данных тесно связан со становлением конституционных прав и свобод человека, прежде всего, права на неприкосновенность частной жизни. В статье рассмотрены особенности института персональных данных, на основании которых делается вывод о двойственном положении данного института в системе права, которые сочетают в себе элементы как подотрасли информационного права, так и элемента правового статуса личности. В статье четко определена авторская позиция, подтверждающая различие между данными понятиями, сделаны структурирующие выводы, что институт персональных данных одновременно является: подотраслью информационного права – как система норм, регулирующих оборот информации ограниченного доступа, а также элементом правового статуса личности – через защиту конституционных прав на частную жизнь и конфиденциальность.

Ключевые слова: персональные данные, правовой статус личности, общественные отношения, субинститут, информационное право, личные права и свободы человека, информация ограниченного доступа.

VLASOVA Elena Lvovna
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Administrative law and administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

SAMOYLOVA Zhanna Vladimirovna
PhD. In Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty, Institute of State Law and National Security, Baikal State University, Irkutsk

THE INSTITUTE OF PERSONAL DATA AS AN ELEMENT OF THE LEGAL STATUS OF AN INDIVIDUAL

The Institute of Personal Data is closely connected with the formation of constitutional rights and freedoms of an individual, primarily the right to privacy. The article examines the features of the Institute of Personal Data, on the basis of which a conclusion is made about the dual position of this Institute in the legal system, which combines elements of both the sub-branch of information law and the element of the legal status of an individual. The article clearly defines the author's position, confirming the difference between these concepts, structuring conclusions are made that the institute of personal data is simultaneously: a sub-branch of information law – as a system of norms regulating the circulation of restricted access information, as well as an element of the legal status of an individual – through the protection of constitutional rights to privacy and confidentiality.

Keywords: personal data, legal status of an individual, public relations, sub-institution, information law, personal rights and freedoms of a person, restricted access information.

Правовой статус личности в теории государства и права – это юридически закреплённое положение человека в обществе, определяющее его права, обязанности, законные интересы и гарантии их реализации[1]. Он отражает взаимодействие личности с государством и обществом, обеспечивая баланс свободы и ответственности[1].

Институт[2] персональных данных[3] (далее – ПД) – элемент правового статуса личности, направленный на обеспечение её информационной безопасности. Он регулирует общественные отношения, связанные с обработкой персональных данных, их защитой от неправомерного доступа, уничтожения или блокирования.

Институт персональных данных тесно связан с правом на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайной, о чем, собственно, и говорит Конституция Российской Федерации в статье 23. В развитие этого права статья 24 устанавливает, что «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются»[4].

За нарушения информации о персональных данных законодательством Российской Федерации статьями 81, 90, 192 Трудового Кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) предусмотрена дисциплинарная ответственность, которая возникает за неисполнение или ненадлежащее исполнение работником обязанностей, когда по его вине проис-

1 Структура правового статуса личности включает права и обязанности, законные интересы, правосубъектность, гражданство, гарантии, принципы, то есть, те основные начала, на которых строится статус (равенство, неотчуждаемость прав, законность).

2 Институт в праве – это совокупность сгруппированных правовых норм, которая находится в отрасли права и регулирует определённый вид общественных отношений.

3 Впервые термин «персональные данные» появился в Федеральном законе Российской Федерации от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», в котором была закреплена дефиниция персональных данных – «сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность». В настоящее время Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» не действует. Документ утратил силу с 8 августа 2006 года в связи со вступлением в силу Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27.07.2006 года.

4 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1993. – № 4. – Ст. 445.

ходят незначительные информационные утечки без угрозы репутации компании и её клиентам. Виды ответственности: замечание, выговор, увольнение. Следующим видом ответственности является гражданско-правовая ответственность (статьи 15, 24 Гражданского кодекса РФ), которая наступает в результате причинения имущественного или морального ущерба в результате утечки персональных данных. Потерпевшая сторона имеет право на возмещение материального ущерба, а также компенсацию морального вреда[5].

Стоит обратить внимание на административную ответственность, которая наступает в случае нарушения установленных законом требований к обработке и защите персональных данных. К наиболее распространённым видам административных наказаний относятся предупреждение или наложение административных штрафов (ч. 12, 13, 14, 15, 17, 18 ст. 13.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)). Кроме того, Федеральным законом от 30.11.2024 № 420-ФЗ, который вступил в силу 30 мая 2025 года, были введены оборотные штрафы за утечку персональных данных. Эти штрафы зависят от дохода компании за определённый период, а сама утечка подразумевает передачу, предоставление, распространение или открытие доступа к персональной информации третьим лицам. Размер штрафа зависит от объёма утечки и того, первое это правонарушение или повторное: от 3 млн до 5 млн рублей – при первых утечках данных от 1000 до 10 000 человек; от 5 млн до 10 млн рублей – при утечках баз данных 10 000-100 000 граждан; до 15 млн рублей – для баз более 100 000 человек; для должностных лиц штраф за утечку биометрических персональных данных составляет от 1,3 до 1,5 млн рублей, для юридических лиц – от 15 до 20 млн рублей.

Уголовная ответственность наступает в случае особо тяжких нарушений, которые наносят существенный вред защищаемым законом общественным отношениям. Виды уголовных наказаний могут включать штрафы, лишение свободы или исправительные работы и предусмотрены статьями 137, 272.1, 274 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ).

Эти виды ответственности могут применяться отдельно или в совокупности, в зависимости от обстоятельств дела и степени нарушения. Исходя из видов ответственности за нарушение информации о персональных данных, можно сделать вывод об особенностях, в частности о том, что он предполагает различные виды ответственности института персональных данных за нарушения, что говорит о многогранности регулирования этой сферы и указывает на комплексный характер. Так, внутри правового института существуют субинституты (подинституты), например, в институте обработки персональных данных можно выделить следующие субинституты: согласие на обработку персональных данных, ответственность за нарушение законодательства о персональных данных, защита специальных категорий данных[6], биометрические данные (отпечатки пальцев, распознавание лица в системах контроля доступа), уведомление Роскомнадзора[7].

Следующей особенностью, на наш взгляд, является межотраслевой характер института персональных данных, который регулирует отношения, относящиеся к нескольким отраслям права и находятся на стыке отраслей. Институт персональных данных относится к публичной отрасли права. Однако, его нормы находят своё отражение и в таких отраслях, как трудовое право (гл. 14 ТК РФ), гражданское право (ст. 152.1 ГК РФ) и даже международное частное право (ст. 1198 ГК РФ). Институт персональных данных может находить отражение в таких отраслях, как информационное право (нормы ФЗ «О персональных данных» направлены на всех возможных участников обработки данных, а не только на стороны трудовых отношений). Также вопрос защиты персональных данных и коммуникаций компаний с пользователями может затрагиваться, например, в законе о рекламе или в медицинском законодательстве[8] (запрет разглашать персональные данные пациентов).

Далее, институт персональных данных регулирует отношения между соответствующими субъектами: государством, обработчиками данных, субъектами персональных данных, то есть, считаем, что он имеет регулятивный характер. Регулятивный характер института проявляется в установлении чётких правил обработки данных, обеспечении прав субъектов, межотраслевом взаимодействии и системе ответственности. Это позволяет поддерживать баланс между защитой частной жизни и потребностями общества в использовании информации[9].

Еще одной особенностью института персональных данных является охранительный характер. Институт предусматривает нормы, которые устанавливают ответственность за ненадлежащую работу с персональными данными, и регулируется различными видами ответственности.

Однако, единства мнений среди учёных по особенностям института персональных данных нет. Так, А. В. Кучеренко [2, с. 15]

5 Размер компенсации морального ущерба будет зависеть от категории персональных данных: 1 тыс. руб. – за утечку простых персональных данных (Ф.И.О., дата и место рождения, семейное положение, социальный статус, имущество, размер доходов и т.п.); 2 тыс. руб. – за утечку специальных персональных данных (политические взгляды, религия, расовая и национальная принадлежность, состояние здоровья, интимная жизнь и т.п.); 5 тыс. руб. – за утечку биометрических данных. Если при утечке персональных данных будет нанесён вред здоровью и имуществу, то размер выплаты должен соответствовать фактическому ущербу, но не более лимита 50 тыс. руб. При этом, общий лимит на такие случаи составляет 20 % от страховой суммы. Если размер ущерба будет превышать страховую сумму, то выплата уменьшится пропорционально числу обратившихся. Страховая сумма будет высчитываться из числа персональных данных, которые хранятся у компании: 5 млн руб. – если компания хранит до 1 тыс. персональных данных; 20 млн руб. – при хранении 10 тыс. данных; 100 млн руб. – при хранении 100 тыс. персональных данных; 500 млн руб. – при хранении 1 млн данных; 1 млрд руб. – при хранении более 1 млн данных.

6 Охватывает нормы, касающиеся обработки информации о расе, национальности, политических взглядах, здоровье и интимной жизни. Требует дополнительных мер безопасности и согласия субъекта.

7 Роскомнадзор (Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций) – федеральный орган исполнительной власти, который осуществляет контроль и надзор в сфере обработки персональных данных в Российской Федерации.

8 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» @@ Приказ Минздрава от 24.12.2018 № 911н «Об утверждении Требований к государственным информационным системам в сфере здравоохранения субъектов Российской Федерации, медицинским информационным системам медицинских организаций и информационным системам фармацевтических организаций».

9 Одним из примеров регулятивного характера института персональных данных является законодательное регулирование трансграничной передачи персональных данных. Под этим понятием понимают передачу персональных данных на территорию иностранного государства органу власти иностранного государства, иностранному физическому лицу или иностранному юридическому лицу. Статьёй 12 ФЗ № 152-ФЗ введена возможность ограничения или запрещения передачи определённых видов персональных данных за пределы территории Российской Федерации. Ещё одним примером является обязанности работодателя как оператора персональных данных своих работников. Он обязан, в частности, сообщить в Роскомнадзор об обработке данных, принять локальные акты, регулирующие работу с персональными данными в компании, своевременно уничтожить их носители при достижении цели их обработки. Неисполнение подобных обязанностей может обернуться штрафами от Роскомнадзора.

Критерий	Подотрасль информационного права	Элемент правового статуса личности
Предмет регулирования	Общественные отношения по обработке информации	Личные права и свободы человека
Источники права	Федеральный закон «О персональных данных», иные федеральные законы и подзаконные акты*	Конституция РФ (ст. 23, 24), международные договоры**
Функции	Обеспечение информационной безопасности, защита данных	Гарантия реализации права на частную жизнь
Субъекты	Операторы, государственные органы, юридические лица	Физические лица (субъекты персональных данных)

обосновывает самостоятельность этого института, указывая, что общественные отношения, связанные с оборотом персональных данных, представляют собой одну из групп информационных правоотношений, специфика которых связана с предметом – информацией ограниченного доступа, призванной идентифицировать физических лиц.

Другие полагают, например, О. А. Городов [1, с. 37], что информационное право, к которому относится институт персональных данных, является комплексной отраслью, в которой содержатся институты профилирующих (базовых) и специальных отраслей.

Авторы статьи считают, что институт персональных данных занимает двойственное положение в системе права, сочетая элементы как подотрасли информационного права, так и элемента правового статуса личности. Это подтверждается следующими аспектами: как подотрасль информационного права институт ПД входит в систему информационного права, которое регулирует общественные отношения в информационной сфере. Он относится к группе институтов, связанных с обработкой информации ограниченного доступа. В системе информационного права институт персональных данных выделяется как самостоятельный элемент, наряду с институтами государственной тайны, коммерческой тайны и других видов информации ограниченного доступа. Основная задача регулирования – это обеспечение баланса между использованием информации и защитой прав субъектов данных [3, с. 15].

Как элемент правового статуса личности институт персональных данных тесно связан с конституционными правами на неприкосновенность частной жизни (ст. 23, 24 Конституции РФ), личную и семейную тайну. Его нормы направлены на предотвращение незаконного сбора, хранения и распространения информации о личности. Правовой режим персональных данных обеспечивает контроль над их обработкой, что является ключевой гарантией защиты частной жизни. Институт взаимодействует с конституционным, гражданским и административным правом, защищая права субъектов данных в трудовых, медицинских и иных отношениях.

Полагаем что ключевые различия между ними следующие, см. таблицу.

Таким образом, можно резюмировать, что институт персональных данных одновременно является: подотраслью информационного права – как система норм, регулирующих оборот информации ограниченного доступа[10], а также элементом правового статуса личности – через защиту конституционных прав на частную жизнь и конфиденциальность. Исходя из чего, институт персональных данных относят к смешанным (межотраслевым) правовым институтам, специальным, регулятивно-охранительным и состоящим из норм различных отраслей права.

Пристатейный библиографический список

1. Городов О. А. Цифровое право как подотрасль информационного права // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 1. – С. 36-43.
2. Кучеренко А. В. Правовое регулирование персональных данных в Российской Федерации: автореферат дис. кандидата юридических наук. – Челябинск, 2010. – 22 с.
3. Рузанова В. Д. Законодательство в области персональных данных как институт информационного законодательства // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5, № 2. – С. 15-22.

10 Информация ограниченного доступа – это данные, использование и распространение которых ограничено. Право доступа имеют конкретные категории лиц на чётко прописанных условиях, а за нарушение правил полагается серьёзное наказание. К ним относится: государственная тайна; показания свидетелей, которые должны оставаться конфиденциальными для защиты их безопасности; служебные сведения, уникальные технологии или ноу-хау, используемые в разработке инновационного продукта, защищены от раскрытия третьим лицам; тайна банковских вкладов. Полный список информации ограниченного доступа представлен в Указе Президента РФ от 06.03.1997 № 188 (редакция от 13.07.2015) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера».

* Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (определяет принципы обработки персональных данных, включая требование уничтожать или обезличивать данные по достижении целей обработки), Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ (вводит новые правила обезличивания, уточняет механизм обезличивания, вводит понятие «состав обезличенных данных» и предусматривает создание государственной системы для обезличенных персональных данных), Постановление Правительства РФ от 14.05.2021 № 733 (утверждает Положение о федеральной государственной информационной системе «Единая информационная платформа национальной системы управления данными»), Приказ Роскомнадзора от 05.09.2013 № 996 «Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных» (описывает методы обезличивания (псевдонимизация, удаление части данных, перемешивание, разбиение и пр.)), Кодекс РФ об административных правонарушениях (устанавливает ответственность за различные нарушения в области персональных данных), Федеральный закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ (закрепляет правила получения согласия на обработку персональных данных, требует оформлять согласие отдельным документом и усиливает ответственность за нарушение).

** Всеобщая декларация прав человека; Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных; Общий регламент по защите персональных данных; Хартия основных прав Европейского Союза; Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 21.12.1998 года.

ГОРБУНОВ Максим Дмитриевич
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Горбунов М. Д.

К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ ЛИБЕРАЛЬНО-ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В статье дается критический анализ либерально-правовой теоретической модели государства. Утверждается, что либеральная правовая мысль прошла в своем развитии длинный путь от концепции государства как «ночного сторожа» к утверждению понимания государства как правового порядка, наиболее полно выраженного в либеральной демократии. При этом претензии теории на универсальность сегодня не соответствует реальной политико-правовой практике, которая демонстрирует растущую эффективность альтернативных моделей государственности. В результате констатируется кризис модели и ее неспособность отвечать кризисам современного миропорядка.

Ключевые слова: правопонимание, конституционализм, либерализм, естественное право, верховенство закона, права человека, суверенитет, государство.

GORBUNOV Maksim Dmitrievich
Ph.D. in Law, senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty, N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

ON THE ISSUE OF THE CRISIS OF THE LIBERAL-LEGAL MODEL OF STATEHOOD

The article provides a critical analysis of the liberal legal theoretical model of the state. It is argued that liberal legal thought has come a long way in its development from the concept of the state as a «night watchman» to the assertion of an understanding of the state as a legal order, most fully expressed in liberal democracy. At the same time, the theory's claims to universality today do not correspond to real political and legal practice, which demonstrates the growing effectiveness of alternative models of statehood. As a result, a crisis of the model and its inability to respond to the crises of the modern world order are stated.

Keywords: legal understanding, constitutionalism, liberalism, natural law, rule of law, human rights, sovereignty, state.

Сегодня ключевые положения либеральной правовой теории находят свое прямое выражение в конституционных актах абсолютного большинства стран, формируя доктринальные и практические рамки концептуального понимания государства. Вместе с тем в условиях сложных процессов политической трансформации, деглобализации и наметившегося кризиса либеральной парадигмы в условиях ее геополитической ангажированности заставляют взглянуть на рассматриваемый вопрос с новой более критичной стороны.

Либеральная правовая теория прошла долгую и сложную эволюцию в понимании государства на фоне процессов развития политических отношений в обществе и философского дискурса. Классическая теория эпохи Просвещения и Модерна рассматривала государства в контексте концепции общественного договора, в соответствии с которой оно возникает как некий компромисс между свободой и порядком, а его основной задачей является защита естественных прав при условии недопущения государственного насилия и произвола [7, с. 109-114].

Эволюция этих идей к середине XX века выразилась в теории либерального конституционализма, основанной на идее построения государства всеобщего благосостояния (welfare state) [10, с. 60-67]. Начиная с этого же периода на фоне общего политического консенсуса о непринятии либеральными демократиями практик авторитарных и тоталитарных государственных режимов привело к неолиберальному повороту. Окончание холодной войны только укрепило убеждение об универсальном характере либерально-правовой модели государственности и привело к ее всеобщей имплементации [5, с. 1-7].

Названные принципы и установки стали общепринятыми не только в политическом, но и в академическом пространстве в результате взаимного усилия либеральной теории и практик конституционализма. Либеральная модель государственности нашла свое отражение во взглядах ключевых правоведов современности, и в первую очередь среди представителей западной правовой науки. В частности, такие характерные догматические установки можно ярко увидеть во взглядах одного из наиболее влиятельных правоведов – Нейла МакКормика, в чьих работах объединилась идеи современного конституционализма, глобализма, ограниченного государственного суверенитета и ценностей либеральной демократии.

К ключевым тезисам современной либеральной государственной модели следует отнести:

1. Государство как правовой институт. Государственность представляет собой не просто организацию верховной политической власти, а целый комплекс норм и практик, которые создают правила и легитимируют власть через право, при значительном самоограничении действующим нормативным порядком. В теории отвергается представление о государстве как о единственном источнике власти и нормативного порядка, подчеркивая роль иных общественны институтов и необходимости осознанного рационального принятия гражданами [3, p. 26].

2. Многоуровневость нормативного порядка. Социальное регулирование представлено на разных уровнях и зависит от степени институционализации. В этом плане государство не обладает строгой монополией на правотворчество, и государственный нормативный порядок может конкурировать с другими нормативными системами. Правом может считаться только институционализированный порядок, который полноценно обеспечивается только правовым государством либеральной демократии, в полной мере обладающим свойствами легальности и легитимности [1, p. 260].

3. Плюрализм суверенитета. Современные государства, будучи интегрированными в наднациональные структуры, ограничивают свой суверенитет. Надгосударственные нормативные системы типа права Европейского союза формируют новый самостоятельный более высокий уровень суверенитета. В результате суверенитет оказывается, распределен между разными уровнями власти на субгосударственном, государственном и надгосударственном уровнях [2, с. 204].

Таким образом, государство в либерально-правовой теории более не рассматривается, как монополист в сфере правотворчества и политической власти и ограничено на разных уровнях нормативного порядка, формирующего рамки его существования на основе общепринятых ценностей демократии, свободы и справедливости.

Проблема здесь заключается не в сути выработанного подхода, а в бескомпромиссной претензии на универсальность данной модели государственности, которая, несмотря на свою прогрессивность, полна внутренних противоречий и проблем теоретического и практического характера. В их числе можно назвать:

Во-первых, ограниченную применимость. Современные государства демонстрируют значительно большее разнообразие конституционных практик, поскольку имеют специфический исторический опыт и сложившуюся практику политической жизни и не всегда отражают строгие принципы либеральной демократии. В результате значимая их часть оказывается выведенной данной моделью за скобки, ввиду ее жестких требований. Это также ведет к монополизации политико-правового дискурса и использованию теории в целях геополитического противостояния [6, с. 15-20].

Во-вторых, нестабильную основу. Либеральное государство опирается на рациональную легитимность и ответственную гражданственность индивидов, но в результате оказывается уязвимой перед популизмом и страдает отсутствием «длинной воли». Направленность государственной политики тесно связана с принятием непопулярных решений с долгосрочными последствиями, а также обеспечением долгосрочной преемственности власти, что сложно обеспечить в процессе динамичного демократического процесса. Это же обстоятельство обуславливает низкую адаптивность модели к актуальным вызовам современного мира [4, с. 60-77].

Таким образом, либеральная правовая теория, с ее акцентом на индивидуальных правах, верховенстве закона и ограниченном государственном суверенитете неуниверсальна. Предлагаемая модель государственности, сформированная в западной традиции в условиях развития капитализма, процессов секуляризации и доминирования индивидуалистической философии, игнорирует восточную правовую традицию со свойственной ей коллективизмом и субординацией. Недемократичные системы также не могут быть объяснены, исходя из данной модели.

Кроме того, как указывалось выше, либерально-правовая теория делает особый акцент на поступательное развитие нормативной системы и государственных практик от недемократических к демократическим. До недавнего времени в либеральной теории существовал консенсус, что рыночная экономика и конституционализм неизбежно ведут к демократии, но это оказалось мифом. Сегодня все очевидным становится подъем нелиберальных моделей государственности, которые показывают значительно большую эффективность в условиях новых глобальных вызовов [9, с. 23-28]. Так, гибридные режимы в России и ряд других стран восточной Европы показывают довольно эффективное сочетание демократических и автократических элементов, а современный Китай продемонстрировал успех в реализации альтернативной модели государственности, сочетающей социалистический и рыночный уклад общества. В свою очередь страны евроатлантического пространства, объявившие о своей приверженности либеральной демократии, сталкиваются со значительными рисками правового популизма как реакции на тенденции бюрократизации и фактического отхода от изначальных идей либерализма.

В итоге сегодня складываются условия для масштабного кризиса либерально-правовой модели государственности. Идея либеральной демократии теряет свое монопольное положение в практической плоскости и должна пройти через необходимую академическую рефлексию, от результатов которой зависит выстраивание будущего вектора развития правовой теории, практик политических процессов и конституционного строительства. Кризис связан со значительными рисками усиления не просто альтернативных моделей государственности, а формирования опасных деструктивных альтернатив, которые могут причинить значительно большей ущерб на глобальном уровне. Избежать подобных последствий возможно, признав права на существование конструктивных более консервативных форм государственности.

В свою очередь отрицание либерально-правовой модели государственности также не является выходом, ввиду ее значимого места в научной мысли и практике конституционализма как основного инструментария. Это особенно важно для России, поскольку она находится в пространстве альтернативных моделей государства. Необходимо, чтобы масштабная критика, развернувшаяся в отечественной литературе в отношении либерально-правовой теории, исходила не просто из идеологических, а конструктивных научных соображений [8, с. 91-101].

В конечном итоге рассматриваемый подход является сегодня одной из фактических вариаций практики государственного строительства. При этом теоретический компонент нуждается в значительном дополнении и разработки более объемных плюралистических теорий, которые могли бы стать не просто альтернативой, а взаимным дополнением либерально-правовой модели государственности.

Пристатейный библиографический список

1. MacCormick N. Institutions of Law: An Essay in Legal Theory. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 317 p.
2. MacCormick N. Questioning Sovereignty: Law, State and Nation in the European Commonwealth. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 222 p.
3. MacCormick N. Rhetoric and the Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 287 p.
4. Лифанов С. С. Кризис либеральной демократии в зеркале западных политических исследований: постановка проблемы // Дискурс-Пи. – 2020. – № 1 (38). – С. 60-77.
5. Лукаревская Е. В. Финалистские теории. Концепции идеологии последней четверти XX века // Политика и общество. – 2017. – № 12. – С. 1-7.
6. Морозов И. Л. Закрытое общество и его друзья»: стратегия выживаемости российской цивилизации в условиях глобальной турбулентности // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 9. – С. 15-20.
7. Петренко А. А. Правовые идеи классического либерализма в контексте дискуссии о соотношении прав первого и второго поколений // Философия права. – 2011. – № 3. – С. 109-114.
8. Русакова О. Ф., Хмелинин А. А. Глобальная стратегия неолиберальных трансформаций: критический анализ // Дискурс-Пи. – 2015. – № 2 (12). – С. 91-101.
9. Селезнев П. Политическая идеология инноваций: выбор Запада и выбор Востока // Власть. – 2014. – № 3. – С. 23-28.
10. Танчев Е. Социальное государство (всеобщего благосостояния) в современном конституционализме // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 4 (61). – С. 60-67.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-155-15

ЗИНЬКОВ Евгений Николаевич
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Институт права, Самарский государственный экономический университет

ЗАНКИН Дмитрий Андреевич
аспирант 2-го курса обучения по научной специальности 5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки, Институт права, Самарский государственный экономический университет

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

На протяжении последних десятилетий коррупция остается одной из самых опасных проблем, которая встала перед нашим государством. Поэтому с целью преодоления коррупционных проявлений, борьба и противодействие этим явлениям возлагается на определенных уполномоченных субъектов антикоррупционной деятельности, к одному из которых и относятся органы прокуратуры. Участие в механизме антикоррупционной политики прокуратуры предполагает практическую реализацию той нормативно-правовой базы, которая призвана регулировать процессы борьбы с коррупцией со стороны контрольно-надзорных органов, осуществляющих антикоррупционную деятельность, на основе методов, которые используют данные уполномоченные органы в процессе противодействия коррупции. В данной статье будет проведен анализ участия прокуратуры в реализации антикоррупционной политики в Российской Федерации.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционная политика, прокуратура, контрольно-надзорные органы, государственные служащие, общественность.

ZINKOV Evgeniy Nikolaevich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory of law and public law disciplines sub-faculty, Institute of Law, Samara State University of Economics

ZANKIN Dmitriy Andreevich
postgraduate student of the 2nd course in the scientific specialty 5.1.2 Public and legal (state and legal) sciences, Institute of Law, Samara State University of Economics

PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL ANTI-CORRUPTION POLICY

Over the past decades, corruption has remained one of the most dangerous problems facing our State. Therefore, in order to overcome corruption manifestations, the fight and counteraction to these phenomena is entrusted to certain authorized subjects of anti-corruption activities, one of which includes the prosecutor's office. Participation in the mechanism of the Prosecutor's Office's anti-corruption policy presupposes the practical implementation of the regulatory framework that is designed to regulate the processes of combating corruption by the control and supervisory authorities engaged in anti-corruption activities, based on the methods used by these authorized bodies in the process of combating corruption. This article will analyze the involvement of the Prosecutor's Office in the implementation of anti-corruption policy in the Russian Federation.

Keywords: anti-corruption, anti-corruption policy, prosecutor's office, control and supervisory authorities, civil servants, the public.

Прокуратура, являясь важным субъектом антикоррупционной деятельности, обладает широким спектром надзорных полномочий. К компетенции прокуратуры отнесен надзор за соблюдением антикоррупционного законодательства, контроль исполнения требований, предъявляемых к поведению и действиям должностных лиц, при наличии конфликта интересов; надзор за полнотой и достоверностью сведений о доходах и расходах чиновников и членов их семей; за выполнением государственными служащими запретов и ограничений и др. [1]. Кроме того, прокуратура также наделена особыми полномочиями по применению способов административного принуждения, а также по осуществлению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов [2].

При реализации механизмов антикоррупционной деятельности применяют специальные методы борьбы с коррупционными проявлениями, которые можно разделить на превентивные и карательные методы. Превентивными методами являются те методы, с помощью которых государство создает такие условия в законодательстве или в системе государственной власти, экономики, бизнеса, при которых коррупционные риски снижаются до минимума, или коррупция вообще невозможна. Также к превентивным методам следует отнести обязательное ежегодное декларирование доходов должностными лицами. Такой метод предоставляет возможности выявления случаев незаконного обогащения, поскольку субъекты декларирования проходят проверку, и, если возникают сомнения, они попадают в поле зрения правоохранительных органов.

В свою очередь, карательные методы направлены на то, чтобы все участники коррупционной деятельности неотвратимо получали наказание соразмерное своим действиям. А в некоторых случаях возникает необходимость, чтобы наказание было очень серьезным. В этот момент карательные методы будут выполнять превентивную функцию для других должностных лиц. Карательные методы антикоррупционной деятельности проявляются в применении к правонарушителю административной, уголовной и дисциплинарной ответственности.

Прокуратура РФ проводит комплексный анализ состояния законности в различных сферах, включая государственную и муниципальную службу. Проводимый анализ включает в себя изучение правоприменительной практики, выявление типичных нарушений законодательства, а также оценку эффективности принимаемых мер по их предупреждению и устранению. Данный анализ позволяет выявить системные проблемы и разработать меры по их решению [3].

Помимо системного анализа, прокуратура осуществляет постоянный мониторинг соблюдения законодательства о государственной и муниципальной службе, а также антикоррупционного законодательства. Это включает в себя проведение проверок, рассмотрение обращений граждан и организаций, а также взаимодействие с другими контрольно-надзорными органами. Данная деятельность позволяет своевременно выявлять нарушения и принимать меры по их устранению.

Повышению эффективности противодействия коррупции со стороны органов прокуратуры способствует привлечению к этой деятельности представителей общественности, создание общественных комиссий и советов, всесторонняя поддержка общественного контроля над деятельностью государственных органов.

Общественный контроль по своему содержанию является видом осуществления внешнего контроля за деятельностью государственных органов и органов местного самоуправления. Проанализировав права общественных объединений, их членов или уполномоченных представителей, а также отдельных граждан в деятельности по предотвращению коррупции, делаем вывод, что они имеют право осуществлять общественный контроль в следующих формах: запрос, общественная экспертиза, законодательная инициатива и в других формах, не противоречащих действующему законодательству.

Коррупция является одной из наиболее серьезных проблем, стоящих перед Российской Федерацией на современном этапе [4]. Данное явление подрывает основы государственного управления, препятствует экономическому развитию страны и подрывает доверие граждан к власти. В современных условиях особую роль в борьбе с коррупцией играет прокуратура Российской Федерации.

Таким образом, деятельность прокуратуры Российской Федерации играет ключевую роль в противодействии коррупции. Используя весь объем своих полномочий, прокуратура осуществляет комплексную работу по выявлению, пресечению и профилактике коррупционных правонарушений. Данная деятельность способствует укреплению законности и правопорядка в стране, а также повышению доверия граждан к органам государственной власти.

Ключевыми элементами антикоррупционной политики в отечественной прокуратуре являются:

– установление ограничений и запретов для прокурорских работников (например, запрет на занятие предпринимательской деятельностью, владение ценными бумагами, получение подарков и т.д.);

– обязанность прокурорских работников предоставлять сведения о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера;

– проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и др.

Антикоррупционная политика в российской прокуратуре действует, основываясь на следующих принципах. В контексте темы этого исследования некоторые из значимых принципов имеют сугубо специальный характер и являются производными от сущности прокурорской деятельности. В частности, гласность относительно проведения антикоррупционных мероприятий и ответственность руководителей правоохранительных органов невозможно определить, как принципы антикоррупционной деятельности государства, ведь они являются производными от функций прокуратуры. Однако другие принципы имеют довольно общий характер.

Принцип равенства субъектов антикоррупционной деятельности также можно толковать и как принцип антикоррупционной функции государства, поскольку его актуальность обусловлена уже самим определением сущности этого явления, и несоблюдение равенства субъектов может привести переход от координации к субординации или реординации. Из равенства субъектов можно сделать вывод, что в соответствующих правоотношениях каждый из них преследует собственные цели.

В целом, принципы являются первоосновой и фундаментом административно-правового обеспечения антикоррупционной деятельности прокуратуры, а их соблюдение всеми участниками данного органа имеет важное практическое значение, ведь это позволяет обеспечить ее эффективность. Принципы административно-правового обеспечения закрепляются в установленном законом порядке и обеспечиваются средствами государственного воздействия для того, чтобы гарантировать осуществление антикоррупционной деятельности прокуратурой [5].

Также представим следующую классификацию принципов административно-правового обеспечения антикоррупционной деятельности прокуратуры:

1) принцип законности антикоррупционной деятельности прокуратуры;

2) принцип верховенства права в процессе осуществления антикоррупционной деятельности прокуратуры;

3) принцип гласности антикоррупционной деятельности прокуратуры;

4) принцип равенства органов прокуратуры с иными субъектами антикоррупционной направленности;

5) принцип самостоятельности каждого субъекта противодействия коррупции при реализации согласованных в процессе антикоррупционной деятельности;

6) принцип ответственности субъектов противодействия коррупции, в том числе прокуратуры, за качественное и своевременное выполнение согласованных в процессе антикоррупционной деятельности действий.

Недостаточное внимание к разработке принципов исследуемого института обусловлена, с одной стороны, его общим фрагментарным уровнем научного сообщества, и как следствие, игнорированием учеными таких вопросов, как принципы антикоррупционной деятельности прокуратуры, а с другой стороны, проблемами теоретического восприятия понятия «принципы».

На основании вышеизложенного представляется, что объективная и достаточно полная практическая реализация указанных принципов должна дать возможность прокуратуре совместно с другими правоохранительными органами в итоге более системно организовать противодействие коррупции как составной части антикоррупционной политики государства.

Пристатейный библиографический список

1. Козлов Т. Л., Илий С. К. Прокурорский надзор за исполнением законов о государственной и муниципальной службе, противодействии коррупции // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. - 2016. - № 2 (38). - С. 33-36.
2. Кочои С. М. Уголовно-правовое противодействие коррупции: пробелы законодательства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2018. - № 12. - С. 88-94.
3. Ковтун А. В. Проблемы противодействия коррупции в Российской Федерации // Интернаука. - 2022. - № 29 (252).
4. Бастрыкин А. И. Правовые проблемы борьбы с коррупцией // Российский следователь. - 2017. - № 24. - С. 6-10.
5. Прохожев Н. А. Деятельность прокуратуры по противодействию коррупции в уголовном судопроизводстве как средство обеспечения прав и свобод граждан // Трансформация методов охраны окружающей среды, природопользования и безопасной жизнедеятельности населения России и дружественных зарубежных стран в современных условиях: материалы X Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов. - Саратов, 2023. - С. 226-228.

КИЧА Мария Вячеславовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Ростовский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева

ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕКУЩЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА В ИЗРАИЛЕ

Статья посвящена насущным вопросам государственно-правовой системы Израиля. Автор акцентирует внимание на событиях 2023 г., прежде всего на судебной реформе, законодательных трудностях, конституционном кризисе, а также на составе и перспективах работы кабинета министров во главе с премьером Биньямином Нетаньяху. Дополнительно анализируется правовая сущность уже частично воплощённой судебной реформы и выявляется ряд базовых противоречий, присущих административной, законодательной и правовой структурам Государства Израиль.

Ключевые понятия: реформа правосудия, дискреция судей, Конституция, протестные акции, парламентские выборы, конституционный тупик, кабинет министров.

KICHA Mariya Vyacheslavovna
Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty, Rostov branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

LEGAL AND POLITICAL ROOTS OF ISRAEL'S ONGOING GOVERNMENTAL CRISIS

The study explores present-day challenges facing Israel's governmental and legal framework. Particular focus is given to 2023 developments – most notably the judicial overhaul, legislative disputes, the constitutional impasse, and the makeup and future performance of the Netanyahu-led cabinet. Furthermore, the publication dissects the legal essence of the proposed, partially enacted court reform and pinpoints several core inconsistencies embedded within Israel's administrative, legislative, and jurisprudential architecture.

Keywords: reform of the judiciary, judicial latitude, Basic Law, demonstrations, parliamentary ballot, constitutional deadlock, administration.

Современная история Государства Израиль неизменно находится в фокусе исследовательского внимания. Одни называют его единственной демократией Ближнего Востока, другие подчёркивают победы Израиля в арабо-израильских войнах 1947 – 1949, 1967 и 1973 годов. При этом прошлое страны остаётся насыщенным противоречиями:

- обвинения в проведении апартеида против палестинцев;
- усиление авторитаризма при Биньямине Нетаньяху;
- крайний антагонизм с Ираном.

Несомненно, израильские события и политика почти никогда не обходят вниманием ближневосточных экспертов и обозревателей, особенно на фоне нынешних сложных трансформаций в стране. В чём состоит специфика общественно-политического устройства Израиля? Что вызвало столь масштабные протесты в 2023 году?

Хотя Израиль старательно формирует позитивный образ, включая репутацию правового и демократического государства, ослабленную войной в Газе, в стране нет:

- полноценная, сформированная и закреплённая модель разделения властей
- механизм сдержек и противовесов;
- значительное число необходимых и значимых нормативно-правовых актов надлежащего уровня и качества;
- конституция;
- сбалансированный закон о правах и свободах личности и гражданина (нынешняя редакция Основного закона «Достоинство и свобода человека» (1992) [2] не является полноценной заменой [3]).

Неудивительно, что при таких обстоятельствах израильская правовая система сталкивается с законодательными пробелами и правовыми коллизиями. Отсюда вытекает нынешний конституционный кризис, означающий невозможность урегулировать возникшие в стране проблемы существующим законодательством.

Часто возражают, мол у Великобритании также отсутствует писаная конституция, однако это не так полностью.

Прежде всего, Израиль — не королевская Великобритания с вековыми политико-правовыми устоями.

Во-вторых, в Великобритании значительная часть конституционных положений рассеяна по различным нормативным правовым актам, то есть, в отличие от Израиля, эти нормы существуют, изложены и закреплены, но не собраны в единый документ, поэтому британскую конституцию правильнее назвать не неписаной, а неконсолидированной.

В-третьих, наличие или отсутствие кодифицированной конституции не служит универсальным индикатором демократии, которому должны подражать все. Великобритания уникальна лишь для самой себя, как и Израиль для Израиля, поэтому прямые аналогии между ними неуместны.

Несколько израильских Основных законов (по сути, аналоги наших ФКЗ) не закрепляют ни принцип разделения властей, ни механизм сдержек и противовесов. Ниже перечислены Основные законы Израиля:

- «Кнессет» (1958);
- «Земли Израиля» (1960);
- «Государственный президент» (1964);
- «Экономика государства» (1975);
- «Военные» (1976);
- «Иерусалим: столица Израиля» (1980);
- «Судебная власть» (1984);
- «Контролёр государства» (1988);
- «Достоинство человека и свобода» (1992);
- «Свобода религии» (1994);

• «Правительство» (2001);

• «Референдум» (2014);

• «Израиль — государство-нация еврейского народа» (2018).

Таким образом, в израильских законах, включая Основной закон «О достоинстве и свободе человека», отсутствуют нормы:

• о праве на свободу и человеческое достоинство;

• о свободе слова;

• о праве на демонстрации;

• о равноправии и недискриминации;

• о правах меньшинств и т.д.

Часть этих пунктов предлагалось включить в компромиссный проект судебной реформы президента Ицхака Герцога, представленный в марте 2023 года, но он никого не устроил.

В свою очередь, Основной закон 2018 года фиксирует национальный статус Израиля, объявляя его «государством-нацией еврейского народа».

Текущий кризис в Израиле носит системный характер: любые компромиссы, инициативы и переговоры лишь «заметают мусор под ковёр», а не решают проблему. Необходима полноценная конституция, чему соответствует Декларация независимости Израиля 1948 года, велевшая утвердить её «не позднее 1 октября 1948 года» — 75 лет назад.

При хронических сбоях в законодательной сфере возникновение нынешней коллизии было лишь вопросом времени. Теперь на авансцену вышли политики и государственные лидеры, которые отлично знают все правовые изъяны и, опираясь на них, перекраивают государственный механизм под свои убеждения и модель идеального политико-правового строя.

Судебную реформу разработали два юриста:

• министр юстиции Ярив Левин;

• председатель законодательной комиссии Кнессета Симха Ротман

Укажем их ключевые идеи:

• правовое «кастрирование» БАГАЦ (Верховного суда), призванное лишить его возможности сопротивляться Кнессету;

• это фактическое лишение судей права усмотрения (иронично, что одним из ведущих экспертов здесь называют израильского правоведа Аарона Барака);

• уменьшение значимости юридического советника правительства Израиля (одной из ключевых должностей, поскольку юрсоветник обязан гарантировать соблюдение закона и верховенства права в работе исполнительной власти; он служит дополнительным, пусть и не самым сильным, механизмом системы сдержек и противовесов, тем не менее реально действующим).

Судебная реформа сводится к следующим ключевым положениям.

1) Кнессет получит право отменять вето БАГАЦ (Верховного Суда) простым большинством в 61 голос.

• В Кнессете 120 депутатов, поэтому 61 мандат ещё не считается квалифицированным большинством. Коалиция премьер-министра Биньямина Нетаньяху имеет 65 мест, что даёт ей возможность самостоятельно принимать любые законы.

• Прежде БАГАЦ имел возможность накладывать вето на законы, блокируя их принятие. Это обеспечивало пусть и неидеальный, но всё-таки действующий баланс сдержек и противовесов (БАГАЦ — судебная, Кнессет — законодательная власть). Теперь механизм разрушен.

• Теперь коалиция способна утвердить любой закон: если БАГАЦ его ветирует, коалиция голосует, набирает минимум 61 мандат и на законных основаниях отвергает вердикт БАГАЦ.

2) БАГАЦ лишён права аннулировать Основные законы.

• В Израиле отсутствует единая Конституция, но действуют Основные законы, определяющие ключевые аспекты социально-политической жизни и государственного строя.

• Таким образом, Кнессет вправе по-своему корректировать Основные законы, и БАГАЦ не сможет вмешаться. Предположим, партнеры Нетаньяху по коалиции выполнят давнее обещание и исключат из Закона о возвращении положение о внуках евреев. Очевидная «беззубость» БАГАЦ сыграет значительную роль в дальнейшем развитии событий в Израиле.

• БАГАЦ не сможет вмешиваться в Основные законы, даже если их содержание противоречит другим Основным законам (например, Закону о достоинстве и свободе человека).

3) Ликвидация «критерия разумности» (илат свирут) — фактически устранение судейского усмотрения.

• Парадоксально, что ведущим экспертом по судейскому усмотрению называют израильтянина Аарона Барака — бывшего председателя БАГАЦ (1995 – 2006) и автора прославленной монографии «Судейское усмотрение» [5].

• В 2023-м в Израиле Бараку вменили «судебный путч», создание «левого дипстейта» и превращение БАГАЦ в закрытую элитарную «кормушку» для своих, включая друзей и родных. Отсюда возник четвёртый пункт нынешней судебной реформы.

4) Изменение процедуры назначения судей БАГАЦ.

• Основное обвинение: судьи БАГАЦ за закрытыми дверями сами назначали новых членов, а затем отменяли законы, принятые народно избранными депутатами.

• Теперь правящая коалиция будет контролировать отбор судей.

5) Уменьшение влияния юридического советника правительства Израиля.

• Это одна из важнейших позиций в Израиле. Юридический советник возглавляет государственную юрисдикционную систему, выступает главным правовым консультантом правительства и обязан обеспечивать соблюдение законодательства и принципа верховенства права в работе исполнительной ветви. Проще говоря, это ещё один, пусть и слабый, элемент механизма сдержек и противовесов, однако теперь его компетенции собираются пересмотреть и сократить.

• Основной упрёк таков: юрсоветники, которых никто не избирал, будто бы захватили власть, подчинили кабинет министров и навязывают ему свои решения. Между тем советника по праву правительство само назначает на единственный шестилетний срок из претендентов, прошедших отбор общественной комиссии — но кому удобно об этом вспоминать? Ведь советники сдерживают министров, а нынешней власти это не по душе.

Все перечисленные меры направлены на снятие ограничений, наложенных на Кнессет и формируемое в результате парламентских выборов правительство.

Парадоксально, что за правящую коалицию проголосовало куда больше израильтян, чем сейчас выходит на протесты против судебной реформы. Фактически это выглядит как попытка меньшинства навязать свою волю большинству.

Ирония лишь усиливается: протесты против судебной реформы в Израиле шли целый год, пока их не прервала война в Газе 7 октября 2023-го, а правящая коалиция почти не реагировала. С одной стороны, каждую неделю на улицы выходят тысячи, требуя «демократию», с другой — правительство занимается своим, например формирует Национальную гвардию для разгона митингов.

Премьер-министр Нетаньяху тесно переплетён с правящей коалицией. Стоит ей развалиться, как «Биби» (так называют Б. Нетаньяху) утратит власть, чего он всячески избегает, а Израилю придётся вновь идти на выборы — уже шестые за четыре года, с теми же партиями и лицами по обе стороны баррикад. Ведь в корне протестов — не только неприятие судебной реформы, но и разочарование в политиках, занимающих государственные посты, таких как:

• Бецалель Смотрич — министр финансов и министр в Минобороны;

• министр нацбезопасности Итамар Бен-Гвир.

Однако избиратели, поддержавшие их, не хотят, чтобы Яир Лапид, Бени Ганц и другие «левые» оказались у руля.

Кризис таков, что лёгких и очевидных решений не существует.

Суть в том, что Израиль столкнулся с подлинным, масштабным и многоуровневым системным кризисом, который проявляется следующим образом:

• при дефиците политических лидеров, способных сплотить общество;

• в отсутствии у сторон умения к конструктивному диалогу;

• в усиливающихся социальных разрывах;

• в экономических трудностях;

• в законодательной путанице;

• о проникновении во властные структуры особ с хорошо известным криминальным прошлым (включая обманувших суд, как Арье Дери) и т.п.

За 75 лет Израиль так и не смог по-настоящему решить ни одной проблемы — будь то:

• «палестинский вопрос»;

• создание израильской нации;

• устранение ядерной угрозы Ирана или иная цель

Новые вызовы, как известно, накладываются на прежние. Более того, отдельные аспекты обострились — усилился иерусалимский вопрос и значительно ухудшились связи с Тегераном.

Даже после нормализации связей с ОАЭ, которые никогда не воевали с Израилем, шейхи продолжают «помогать» своим еврейским «друзьям» на мировой арене, включая инициирование заседаний СБ ООН из-за их провокационного поведения.

Все, наверно, помнят февральский инцидент-2023 на открытии саммита Африканского союза: израильскую делегацию там выставили за дверь, несмотря на её наблюдательский статус. А уж о регулярных, порой почти ежедневных терактах в Израиле и на палестинских землях против израильтян и говорить нечего.

Все эти и многие другие примеры показывают одно: трудности следует решать, а не замалчивать, параллельно рассказывая о демократии, благополучии и безопасности. У любого государства есть проблемы, но нормально ли, что около 40 % постоянных жителей Иерусалима — города, который Израиль считает своей столицей, — не имеют израильского гражданства? Таковы последствия Шестидневной войны, и положение не меняется с 1967 года.

Нормально ли, что евреи всё чаще нападают на христиан и их объекты, а виновные, как правило, получают мягкое наказание или вовсе остаются безнаказанными?

Нормально ли, что восточный район города фактически превратился в арабское гетто, изолированное от Западного Иерусалима заборами и КПП, и что туда быстрее доедет «скорая» из Рамаллы?

Также следует помнить, что Израиль неоднократно создавал образ «приемлемых арабов» для себя.

• Изначально это были «служилые» бедуины, но позже они превратили Негев в криминальную территорию и живут там по собственным правилам: устраивают перестрелки, продают наркотики, нарушают ПДД.

• затем появились «лояльные» израильские арабы, подтвердившие верность еврейскому государству во время операции «Страж стен» 2021-го, — после чего власти Израиля осознали риск крупных внутренних бунтов при первой возможности

• друзы также считаются лояльными, однако на оккупированной Израилем части Голанских высот протесты против госполитики становятся все чаще.

Так же не решается вопрос с харедим (ультраортодоксами): они рожают много детей, не работают, налогов не платят, зато стремятся во власть и диктуют условия при утверждении бюджета — выбивают миллиарды шекелей на свои ешивы, где отсутствуют английский и математика (что не мешает распространять мифы о «харедим-айтишниках»). Харедим уверены, будто десятилетнее изучение Торы позволяет за пару часов освоить пилотирование, но на рынке труда они, не имея навыков, сталкиваются с тяжелыми трудностями. Светские израильтяне видят в них бездельников и иждивенцев.

Все упомянутое выше — это лишь отдельные факторы, усиливающие социальный раскол и углубляющие разобщенность различных слоев израильского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Кича М. В. Демократия Израиля: вызовы, раскол общества и новая региональная политика — интервью. Eurasia Daily. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eadaily.com/ru/news/2023/07/08/demokratiya-v-izraile-problemy-i-raskol-obshchestva-novaya-politika-v-regione-intervyu (дата обращения: 1.09.2025).
2. Basic Law: Human Dignity and Liberty. Knesset. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://main.knesset.gov.il/EN/activity/documents/BasicLawsPDF/BasicLawLiberty.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
3. The Inequality Report: Palestinian Arab Minority in Israel. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ttps://www.adalah.org/uploads/oldfiles/upfiles/2011/Adalah_The_Inequality_Report_March_2011.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
4. Declaration of Independence (Israel). Wikisource: the Free Library. Доступно по ссылке: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Declaration_of_Independence_(Israel) (дата обращения: 01.09.2025).
5. Барак А. Судебное усмотрение. – М.: Норма, 1999. – 376 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-67-70

Орлов Д. В.

ОРЛОВ Дмитрий Викторович
кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела, Нижегородская академия МВД России

СТОИМОСТЬ ПРОВЕДЕНИЯ РЕФЕРЕНДУМА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Актуальность темы исследования вызвана общим интересом к существующим проблемам в отношении оценки издержек, которые имеют место при нормативном правовом регулировании. Анализ законодательства о закреплении издержек, механизме подсчета издержек при подготовке и проведении референдума, выявление пробелов в этих аспектах позволит дополнить понимание необходимости изменений в существующие правила, поможет более четко осознавать целесообразность данной формы законотворчества, позволит установить более обоснованные критерии возможности выдвижения инициативы проведения референдума и вопросов, выносимых на референдум. Автор в статье проводит анализ законодательства на предмет установления издержек, которые могут иметь место при проведении референдума, определяет издержки, которые остаются не учтенными, выявляет проблемы, способствующие удорожанию процедур, даёт рекомендации по дальнейшему улучшению ситуации.

Ключевые слова: референдум, общероссийское голосование, юридическая техника, законодательное регулирование, электронное голосование, стоимость правового регулирования, издержки, волеизъявление граждан.

ORLOV Dmitriy Viktorovich
Ph.D. in Law, associate professor, doctoral student of the Research Department, Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

COST OF HOLDING A REFERENDUM: PROBLEMATIC ASPECTS

The relevance of the research topic is caused by a general interest in existing problems regarding the assessment of costs that occur in regulatory legal regulation. An analysis of the legislation on fixing costs, the mechanism for calculating costs in the preparation and conduct of a referendum, and the identification of gaps in these aspects will complement the understanding of the need for changes to existing rules, help to better understand the expediency of this form of lawmaking, and establish more reasonable criteria for the possibility of initiating a referendum and issues to be put to a referendum. The author analyzes the legislation in order to determine the costs that may occur during the referendum, determines the costs that remain unaccounted for, identifies problems that contribute to the increase in the cost of procedures, and makes recommendations for further improvement of the situation.

Keywords: referendums, nationwide voting, legal technology, legislative regulation, electronic voting, cost of legal regulation, expenses, expression of the will of citizens.

Вопрос о стоимости проведения референдума имеет повышенное значение в соответствии с теми целями и задачами, которые этот институт несет. Быстро развивавшиеся события по подготовке закона о внесении изменений в Конституцию РФ и опыт проведения общероссийского голосования в 2020 году показали, что общероссийский референдум может оказаться востребованным в любой момент.

С одной стороны А. Г. Головин прав в том, что хорошо организованная общественно-политическая система не требует на государственном уровне чрезмерно частого проведения референдума, он необходим только в случаях, когда эти решения носят конституционный, судьбоносный характер [1, с. 91], с другой, справедливо это только в отношении инициативы со стороны государства, при рассмотрении изменений Конституции РФ, если же говорить об инициативе граждан, то на рассмотрение может быть вынесен вопрос и меньшего масштаба.

Так, например, осознавая социальную значимость вопроса о повышении пенсионного возраста не раз были попытки организовать референдум по этому вопросу, которые не увенчались успехами по причине недостаточного количества инициативных подгрупп или по причине неодобрения формулировки вопроса, выносимого на референдум[1]. При этом отмечалось, что для успешной организации референдума требуется внесение изменений в законодательство[2].

Помимо высказываемых в научных трудах минусов проведения референдума [2, с. 52], добавляется заочный спор между учеными по вопросу о необходимости референдума в связи с дороговизной его проведения [3, с. 24]. Так, Б. С. Крылов отмечает, что помимо ряда организационных моментов «нуждается в законодательном уточнении вопросы финансирования референдумов…» [4, с. 96]. Говоря о высокой степени значимости референдума, стоит отметить и высокий уровень издержек, который в соотношении с объемом принимаемого нормативного текста [5] может ставить вопрос о целесообразности проведения данной формы волеизъявления граждан.

Ежегодно, за исключением года, в котором планируется проведение федеральных выборов, федеральный бюджет предусматривает 3,9 млн. рублей на эти цели[3]. Между тем, как отметил заместитель председателя ЦИК РФ Николай Булаев, эта закладываемая сумма в бюджет рассчитана только на начало процедуры, поскольку стоимость проведения ре-

1 Постановление ЦИК России от 27.07.2018 № 171/1405-7 // Российская газета. - 01.08.2018. - № 166.

2 ЦИК прекратил все процедуры подготовки к пенсионному референдуму. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/5684066 (дата обращения: 22.02.2025).

3 На 2025 и на плановый период 2026 и 2027 годов. Федеральный закон от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // СЗ РФ. - 02.12.2024. - № 49 (Часть II). - Ст. 7410.

ферендума сопоставима со стоимостью проведения выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и составляет более 10 млрд. рублей[4]. Для сравнения примерно та же цифра в 10,29 млрд. рублей заложена в федеральном бюджете на оплату труда депутатам, сенаторам и их помощникам на 2025 год[5].

Финансирование мероприятий, связанных с подготовкой и проведением референдума на федеральном уровне, осуществляется за счет средств федерального бюджета. При проведении референдума денежные средства направляются на обеспечение деятельности избирательных комиссий, созданных и действующих на постоянной основе, специальных территориальных комиссий референдума и участковых комиссий референдума, а также на обеспечение использования ГАС «Выборы».

За счет средств, выделенных из федерального бюджета на подготовку референдума, производятся расходы, связанные с приемом документов и подписных листов, проведением проверки подписей участников референдума, с осуществлением контроля за источниками поступления, правильным учетом и использованием средств фондов референдума, проверкой финансового отчета инициативной группы по проведению референдума.

Если говорить об издержках в рамках работы комиссий, то издержки связаны с дополнительной оплатой труда, выплатой компенсаций членам комиссий референдума, освобожденным от основной работы, а также на выплаты гражданам Российской Федерации, работающим в комиссиях референдума по гражданско-правовым договорам, и специалистам, направляемым для работы в составе контрольно-ревизионных служб при комиссиях референдума; на изготовление печатной продукции; на приобретение, доставку и установку оборудования, материальных ценностей, необходимых для проведения референдума и обеспечения деятельности комиссий референдума; транспортные расходы, в том числе при проведении голосования в труднодоступных или отдаленных местностях; на доставку и хранение документов, связанных с подготовкой и проведением референдума, подготовку их к передаче в архив или на уничтожение; на командировки; на использование и эксплуатацию средств автоматизации, повышение правовой культуры участников и организаторов референдума.

При этом инициативная группа по проведению референдума обязана создать свой фонд по проведению референдума и фонд референдума инициативной агитационной группы за счет собственных денежных средств, а также за счет добровольных пожертвований граждан Российской Федерации и российских юридических лиц[6].

Среди издержек, которые предусмотрены законодательством на проведение референдума не указываются издержки, которые являются сопутствующими, поскольку включены в другой перечень расходов. Главная из таких издержек – издержки на подготовку текста нормативного правового акта, подлежащего рассмотрению в качестве предмета референдума.

Подготовка проекта текста нормативного правового акта значительный и трудозатратный процесс с подключением к нему многих специалистов из различных сфер, общественности и, по трудоемкости, ничем не отличается от подготовки проекта закона при законотворчестве. И этот процесс, условия создания текста проекта нормативного правового акта, вопросы финансирования этого процесса нигде не закреплены.

Другими не менее важными издержками являются издержки, связанные с деятельностью органов, увеличивающиеся в связи с необходимостью обеспечения проведения референдума. К примеру, во время проведения референдума может усиливаться охрана общественного правопорядка с дополнительным привлечением сотрудников органов внутренних дел, сотрудников экстренных служб с выплатой компенсации им за работу, выполненную за пределами нормированного труда, предоставлением оплачиваемых дней отдыха и т.д.

Референдум по вопросам общегосударственного значения в истории современной России проводился единожды – по вопросу принятия Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года. Ситуация несколько меняется если спускаться ниже по уровню – на региональный уровень, но даже там, как справедливо отмечает Н. А. Трусов, референдумы не пользуются популярностью поскольку их было проведено менее двух десятков [6, с. 180]. В основном этой процедурой в регионах пользуются только по вопросам принятия конституций и их изменений или по вопросам изменения границ субъектов Российской Федерации.

Не популярность проведения референдума видится в достаточно жестких барьерах и правилах этой процедуры, появления и развития большого количества иных процедур, позволяющих гражданам, как «законодателю», сблизиться с законотворческим процессом и с принимаемыми актами, принять участие в их обсуждении и каким-либо образом повлиять на исход принятия и при этом сэкономить ресурсы при возможности.

Речь идет о вытеснении «не урегулированными в достаточной степени способами участия населения в законотворческом процессе: опросом, публичными слушаниями, всенародным обсуждением, митингом, интернет демократией» [7]. В этой связи интересное мнение высказывает М. М. Курячая о появлении нового подхода к пониманию законотворчества как государственной услуги, которую получает гражданское общество от государственных органов [8, с. 142].

К этим же процедурам, не подпадающим под некоторые признаки референдума, но не менее затратным, можно отнести и впервые проведенное общероссийское голосование по изменениям Конституции РФ, проходившим с 25 июня по 1 июля 2020 года и имеющим, как указал Конституционный Суд РФ, «особую юридическую природу»[7].

При этом текст изменений Конституции РФ был внесен 20 января 2020 года в рамках реализации законодательной инициативы Президентом РФ В. В. Путиным в виде законопроекта № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»[8]. Работа над законопроектом продолжалась менее двух месяцев, включая рассмотрение возможности учета дополнительно 391 поправки[9]. 14 марта 2025 года данный законопроект был подписан Президентом РФ и направлен в Конституционный Суд РФ для определения соответствия правомерности положений проекта закона и условий по вступлению изменений в силу. Конституционный Суд РФ указал на необходимость одобрения поправок на общероссийском голосовании[10].

В этой связи можно констатировать, что подготовка текста проекта нормативного правового акта происходила за счет средств, выделяемых на деятельность Администрации

4 На случай референдума в бюджете России ежегодно заложено 2,9 млн. рублей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/5930734 (дата обращения: 23.12.2024).

5 Федеральный закон от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // СЗ РФ. - 02.12.2024. - № 49 (Часть II). - Ст. 7410.

6 Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. - 05.07.2004. - № 27. - Ст. 2710.

7 Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2020. - № 2.

8 Законопроект № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7 (дата обращения: 25.03.2025).

9 В Государственной Думе прошло рассмотрение поправок в Конституцию РФ во втором чтении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://duma.gov.ru/news/47991/ (дата обращения: 25.03.2025).

10 Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2020. - № 2.

Президента РФ, Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства РФ и иных органов и организаций.

Учитывая схожий характер с точки зрения организации проведения общероссийского голосования с референдумом, обратим внимание на расходы государства, присутствующие в этой связи в 2020 году. Согласно постановлению Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 30.09.2020 № 270/1984-7[11] об отчете, о расходовании средств на проведение общероссийского голосования было потрачено более 14,5 млрд. рублей, где 14,4 млрд. рублей составили расходы избирательных комиссий всех уровней. Среди статей расходов все те, которые были указаны ранее, содержащиеся в нормативных правовых актах в части финансирования референдума. Среди них нет расходов ни на подготовку проекта закона, ни на обеспечение деятельности иных органов и лиц. В тоже время, избирательным комиссиям удалось сэкономить 262,8 млн. рублей, в том числе за счет правовых и экономических мер в рамках реализации распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 марта 2020 года № 487-р[12]. Экономия возникла за счет сокращения транспортных расходов по причине изменения маршрутов движения транспортных средств, использования иных транспортных средств, в том числе представленных безвозмездно органами исполнительной власти, сокращением расходов по информированию граждан, за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации.

Обратим внимание, что экономия произошла, в том числе из-за расходов, неподлежащих учету, которые несли органы государственной власти. Так, например, пунктом 7 распоряжения указано «МВД России совместно с другими федеральными органами исполнительной власти в пределах установленной компетенции обеспечить охрану общественного порядка и общественную безопасность в период подготовки и проведения общероссийского голосования, в том числе на безвозмездной основе охрану помещений комиссий, помещений для общероссийского голосования и по запросам комиссий - документов по общероссийскому голосованию при их перевозке».

Аналогичная ситуация и по другим органам и их компетенции – МЧС России, Минобороны России, ФСБ России, Росгвардии, ФСИН России и т.д.

В данном случае хоть это и является компетенцией соответствующих органов, но нагрузка является дополнительной к обязанностям в обычных условиях, с учетом охраны объектов, патрулирования в вечернее и ночное время. Усложняет вопрос реализации положений проблема с общим некомплектом в различных структурах, как например МВД России, где он равен 145 тысяч аттестованных должностей[13], что также может сказаться на дополнительной нагрузке сотрудников.

Можно ли в данном случае говорить об экономии, если использовались иные ресурсы иных органов власти – федеральных и субъектов Российской Федерации? В рамках изначально выделенных на эти цели средств – да, но если говорить в целом о проведении мероприятия, – полагаем, что нет. Совокупные расходы будут значительно превышать эту сумму.

Еще один проблемный аспект – некоторые особенности потенциального проведения референдума, которые существенным образом удорожают этот процесс и которые в настоящее время становятся приоритетными при проведении выборов.

Во-первых, это альтернативность способов волеизъявления, их три. Первый является традиционным – голосование с помощью бумажных бюллетеней, второй подразумевает использование дистанционного голосования, третий – в рамках второго, организация дистанционного электронного голосования с помощью терминалов электронного голосования, размещенных на территории участков.

Если первый и второй варианты, каким-то образом позволяют экономить, то третий вариант голосования не исключает расходы на подготовку бумажных бюллетеней, которые рассчитываются исходя из зарегистрированных пользователей. Гражданин должен определиться с вариантом голосования непосредственно на участке[14].

Безусловно, предоставление большого количества вариантов для голосования создает возможности для участия в голосовании, способствует демократии, но количество одновременно используемых вариантов напрямую влияет на удорожание этого процесса. Стоит учесть, что, несмотря на апробирование последних двух вариантов в рамках избирательных компаний[15], переход только к электронному голосованию с целью ухода от больших по численности избирательных комиссий и использования «бумаги» не предвидится. Как сообщила 19 февраля 2025 года на заседании комиссии глава ЦИК России Э. А. Памфилова насчет поголовной электронизации: «Я вообще не вижу в ближайшее энное количество лет, ну пять точно, чтобы вообще еще где-то хоть в одном регионе, кроме Москвы, эта ситуация может возникнуть … это огромные могут быть средства, на производство комплексов электронного голосования в масштабах всей России»[16].

В свою очередь 12 мая 2025 года заместитель председателя ЦИК РФ Николай Булаев на заседании комитета Государственной Думы по госстроительству и законодательству, отметил, что организация и проведение дистанционного электронного голосования и электронного голосования стоят дороже, чем волеизъявление с помощью бумажных бюллетеней, но «точно не триллион рублей»[17].

Далее стоит обратить внимание на данные приведенные ВЦИОМ по результатам мониторингового опроса о восприятии россиянами дистанционного электронного голосования проведенного в 2024 году, по которым большая часть россиян (62%) отмечают, что возможность голосовать на выборах удаленно лично для них не важна; и лишь каждый третий (36%) признает важность такой возможности, примерно те же – 63% выберут традиционное голосование и 30% дистанционно[18].

В этой связи видится, что дистанционное голосование действительно перспективная форма с меньшими расходами и большим комфортом для всех. В тоже время, учитывая дороговизну и организационные сложности перехода на данные технологии, полный переход видится невозможным, следовательно, государство продолжит нести существенные расходы на издержки на традиционный и не традиционный способ волеизъявления.

Во-вторых, это потенциально возможное проведение референдума в течение трех или семи дней, о чем нам говорит опыт проведения выборов Президента РФ в 2024 году, а также общероссийского голосования, что с одной стороны увеличивает, как в ранее указанных обстоятельствах возможности для участия, с другой значительно увеличивает издержки на его проведение.

11 Постановление ЦИК России от 30.09.2020 № 270/1984-7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/47812/ (дата обращения: 22.02.2025).

12 Распоряжение Правительства РФ от 02.03.2020 № 487-р // СЗ РФ. - 09.03.2020. - № 10. - Ст. 1391.

13 Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-rossii/ (дата обращения: 12.04.2025).

14 Число терминалов электронного голосования на участках в Москве увеличили. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/21754941 (дата обращения: 10.02.2025).

15 Постановление ЦИК России от 11.01.2024 № 149/1171-8 // Вестник ЦИК России. – 2024. - № 3.

16 Памфилова: для перехода только на электронное голосование нет предпосылок. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/23183365 (дата обращения: 15.04.2025).

17 ЦИК: электронное голосование стоит дороже обычного. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/23917501 (дата обращения: 15.04.2025).

18 Дистанционное электронное голосование: мониторинг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-monitoring-2 (дата обращения: 15.04.2025).

Напомним, что многодневное голосование стало возможным после внесения изменений в ряд законов о выборах. Подобное изменение об увеличении сроков проведения референдума может стать предметом рассмотрения, тем более что опыт проведения «общероссийского голосования» об этом говорит.

Произвести сравнение конкретных цифр невозможно по причине отсутствия проведенных референдумов на федеральном уровне, но параллель с выборами Президента РФ 2018 года, когда на них были потрачены свыше 14,25 млрд. рублей[19] и 2024 года – 29,78 млрд. рублей[20] провести необходимо. Помимо объективного удорожания за шесть лет материальных предметов и услуг, которые необходимы при проведении выборов, на стоимость сказалось использование технологии дистанционного голосования, с внедрением в г. Москве терминалов электронного голосования и проведение трехдневного голосования.

Что же касается издержек проведения референдума на уровне субъектов Российской Федерации, то перечень издержек и их характер аналогичен вышеуказанным, закрепленным федеральным законодательством. Схожим образом денежные средства выделяются из соответствующего уровня бюджета, имеют место те же самые правила формирования фонда инициативной группы. Соответственно те же самые пробелы относительно расчета издержек по подготовке проекта нормативного правового акта и издержек иных органов, организаций и лиц[21].

Вместе с тем, имеется некоторая практика принятия на уровне субъектов Российской Федерации утверждения типовых порядков составления, утверждения и ведения бюджетных смет избирательных комиссий (комиссий референдума) по средствам, выделенным из местного бюджета на подготовку выборов (референдумов) и рекомендованных территориальным избирательным комиссиям для принятия и руководства. В них помимо вышеназванных издержек присутствуют издержки на связь, транспортные расходы, канцелярские расходы, расходы на приобретение предметов снабжения и расходных материалов, расходы на содержание помещений комиссий референдума, участков референдума[22].

При перечислении в нормативных правовых актах возможных издержек, зачастую можно встретить открытый перечень таковых, как например, в акте, регулирующем вопросы референдума, проводимого на уровне субъектов Российской Федерации либо уровне муниципальных образований, что наводит на мысли о необходимости закрепления исчерпывающего перечня таковых.

Подводя итог, отметим, что издержки нормативного правового регулирования отражены и учитываются лишь отчасти. В законодательстве достаточно детально прописаны издержки, касающиеся вопросов организации и проведения референдума, положения по учету и контролю за расходованием выделяемых на эти цели средств, в тоже время, нормативными правовыми актами не регулируются издержки связанные с подготовкой текста проекта нормативного правового акта, который может быть вынесен на референдум. В тоже время, предполагаемые расходы на подготовку текста, в силу процедуры подготовки, различных согласований, исследования предварительного мнения граждан могут носить комплексный и существенный характер. Не стоит забывать и об информационной работе, проводимой органами власти, направленной на уяснение сути нормативного регулирования, пропаганде участия в референдуме, его важности. Данные мероприятия являются подготовительной процедурой проведения референдума, что подтверждается предварительными актами распорядительного характера, а значит, расходы должны учитываться в сумме расходов на его проведение.

С целью сокращения расходов на референдум стоит пересмотреть механизмы его проведения, например, расширить максимально возможный охват с помощью электронных средств голосования. В этой связи можно предложить полный переход на электронное голосование, в том числе с помощью терминалов для голосования в субъектах, в которых уже апробирована такая возможность.

Расширяя возможности применения дистанционного электронного голосования, на наш взгляд следует оставить без изменения форму «однодневного голосования» для проведения референдума.

Пристатейный библиографический список

1. Головин А. Г. О сущности права на участие в референдуме в контексте делегирования власти народом // Актуальные проблемы российского права. - 2022. - Т. 17, № 10 (143). - С. 90-101.
2. Бучакова М. А. Референдум и плебисцит как формы непосредственной демократии // Вестник Омского университета. - 2016. - № 1 (46). - С. 47-53.
3. Филипова И. А. Конституционно-правовое регулирование референдума в Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук. - Нижний Новгород, 2000. - 26 с.
4. Крылов Б. С. Институт референдума в России и за рубежом // Российский юридический журнал. - 2009. - № 4 (67). - С. 95-101.
5. Орлов Д. В. О сущности и понятии нормативного правового текста // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2020. - № 1 (49). - С. 45-51.
6. Трусов Н. А. Референдум как инструмент диалога народа и власти // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: научный ежегодник факультета права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – Т. 3. - Нижний Новгород: ООО «Растр», 2016. - С. 178-189.
7. Фомичева О. А. Референдум как стадия законотворческого процесса и форма признания народа «законодателем» // Арбитражный и гражданский процесс. - 2020. - № 4. - С. 3-6.
8. Курячая М. М. Гражданин, общество, государство, инновации: современные механизмы взаимодействия: монография / Отв. ред. С. А. Авакьян. - Краснодар: Просвещение-Юг, 2017. - 167 с.

19 Постановление ЦИК России от 04.06.2018 № 160/1311-7 // Вестник ЦИК России. – 2018. - № 10.

20 Постановление ЦИК России от 28.05.2024 № 170/1320-8 // Вестник ЦИК России. – 2024. - № 10.

21 См.: например, Закон Нижегородской области от 20.07.2006 № 75-З «О референдуме Нижегородской области» // Нижегородские новости. – 29.07.2006. - № 138 (3550), Закон Нижегородской области от 30.12.2005 № 226-З «О местном референдуме в Нижегородской области» // Нижегородские новости. – 01.02.2006. - № 17 (3429).

22 См. Например, Постановление избирательной комиссии Свердловской области от 25.01.2023 года № 2/12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/406486753?marker.

ОРЛОВА Светлана Владимировна
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Юридический институт, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Орлова С. В.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ФИКТИВНЫХ ПРАВОВЫХ НОРМ

В статье рассматриваются причины появления фиктивных нормативных обобщений. Обосновывается отграничение фиктивных норм права от юридических фикций. В основу исследования полагается анализ доктринальных источников и правоприменительной практики. Результаты подтверждают возможность существования фиктивных исходных норм права в нормативных правовых актах различного уровня, в том числе в силу намерения субъектов правотворчества не осуществлять их на практике. Фиктивные нормативные обобщения представляют собой юридически действительные абстрактные предписания, которые не оказывают должного влияния на регулируемые ими общественные отношения.

Ключевые слова: юридическая фикция, фиктивная правовая норма, «мёртвые» юридические нормы.

ORLOVA Svetlana Vladimirovna
senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty, Institute of Law, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

ON THE PROBLEM OF CLASSIFICATION OF FICTIVE LEGAL NORMS

The article deals with causes of fictitiousness of general legal norms. The difference between fictive legal norms and legal fictions is explained. The basis of the research is analysis of doctrinal sources and law-enforcement practice. The results confirm a possibility of existence of fictive general legal norms in legal normative acts of different levels. It may be in cause of intention of law-making subjects not to realize such norms practically. Fictive general legal norms are legally valid abstract statements which do not effect on regulated social relations.

Keywords: legal fiction, fictive legal norm, "dead" legal norms.

Одним из критериев классификации норм права является их роль в процессе правового регулирования. По мнению С. В. Бошно, правовые нормы по функциональной роли в механизме правового регулирования могут быть разделены на две группы: исходные нормы и нормы-правила поведения [2, с. 53]. Нормы-правила поведения «указывают на взаимные права и обязанности субъектов, условия их реализации, вид и меру реакции государства по отношению к правонарушителю» [2, с. 54].

Исходные правовые нормы отличаются общим характером, высокой степенью абстрагирования. Входящие в данную группу нормы подразделяются на нормы-начала, нормы-принципы, определительно-установочные нормы, нормы-дефиниции. Нормы-начала определяются как предписания, закрепляющие основы конституционного строя, социально-экономической, политической, государственной жизни общества. Нормы-принципы содержат принципы права. Установочные нормы определяют цели и задачи отраслей и институтов права, предмет, формы и средства правового регулирования. Наконец, нормы-дефиниции определяют правовые понятия и категории [2, с. 53-54].

Исходные правовые нормы именуются также нормативными обобщениями. Последние могут определяться по-разному: разновидностью нормативно-регулятивных средств [27, с. 5], [19, с. 68], нетипичными нормативными предписаниями [4, с. 118], [19, с. 68], средствами юридической техники [14, с. 7], [12], [13], [19, с. 68], первичными правовыми установлениями [3, с. 19], [19, с. 68], более общими правилами поведения [13], [19, с. 68], нормативным комплексом [25, с. 30-31], [19, с. 68] или – при логико-языковом подходе к праву – общими нормами, идеями» [26, с. 136], [19, с. 68]. Кроме того, в правоприменительной практике они рассматриваются в качестве общих норм[1] [19, с. 68], правовых средств межотраслевого характера[2] [19, с. 68], общего правового подхода к регулированию общественных отношений[3] [19, с. 68], схожих положений[4] [19, с. 68], общих принципов правового регулирования и применения права т. д.[5] [19, с. 68]

В число нормативных обобщений, по мнению С. В. Малюгина, входят принципы права, цель и задачи правового регулирования, правовые дефиниции, общие нормы, то есть предписания, которые присущи отрасли права и распространяются на все или большую часть её институтов [19, с. 70].

В. М. Шафиров определяет нормативные обобщения как нормативные регулятивные средства, выражающие в концентрированном виде содержание права, [27, с. 5] и указывает в их числе «правовые принципы, цели, задачи, дефиниции, презумпции и т.п.» [27, с. 5].

По мнению Н. Н. Вопленко, право состоит не только из норм, а содержит общие предписания различных видов, к которым относятся определения, декларации и принципы [21, с. 51], [6, с. 751].

Роль исходных норм, нормативных обобщений в процессе правового регулирования определяется степенью их нормативности. В частности, отмечено, что принципы права ясно отражаются в целях и задачах нормативных правовых актов. Наиболее общие установки государственной власти законодательная политика переносит в область позитивного права [19, с. 70]. Правовые дефиниции не являются нормами права в строгом смысле, однако им присуща нормативность, так как в системе

1 Постановление Президиума ВАС РФ от 18.05.2010 № 1059/10 по делу № А45-4646/2009 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

2 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.03.2017 № 9-П // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

3 Об общих подходах к установлению особых мер защиты прав и интересов отдельных категорий потребителей: рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.05.2019 № 15 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

4 О рассмотрении обращения: письмо ФАС России от 26.11.2018 № ВК/ 96368/18 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

5 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.01.2010 № 1-П // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

правового регулирования они обретают определённый смысл [19, с. 70].

Из приведённых характеристик различных видов нормативных обобщений формулируется вывод о том, что нормативные обобщения, которые приняты обществом и формализованы государственной властью, выполняют регулятивно-динамическую и регулятивно-статическую функции, потому что в них содержатся значимые требования к поведению участников регулируемых отношений [19, с. 70]. Поскольку обобщения обладают минимальной нормативностью, они являются ориентирами при интерпретации правовых текстов, выступают основой при устранении коллизий и пробелов в процессе реализации (применения) права, а также базовыми компонентами правотворчества [19, с. 70-71], то есть в них выражается смысловое значение позитивного права, общие подходы к правовому регулированию [19, с. 71].

В. М. Шафиров подчёркивает, что нормативные обобщения ориентированы на правовую свободу, которая не может быть предварительно даже относительно точно измерена и нормирована, поэтому не может быть закреплён определённый объём прав и свобод. Указанная правовая возможность имеет самый высокий уровень абстракции, при котором участникам общественных отношений дозволено в полном смысле всё, что не запрещено [27, с. 5]. При этом утверждается, что нормативные обобщения оказывают регулирующее воздействие на общественные отношения, поскольку право не утрачивает своё регулятивное значение даже на высоком уровне общего дозволения, а меняются только характер регулирования и набор его средств. При этом через нормативные обобщения субъекты правотворчества закрепляют общие возможности и критерии правомерности их осуществления [27, с. 5-6]. В частности, декларативные нормы характеризуются как нормы-заявления, которые отражают преимущественные правовые идеалы, ценностные ориентиры, целевые установки в отраслях права или правовых институтах, направления развития, обязанность всех участников правоотношений действовать в соответствии с определёнными требованиями [10, с. 137-138].

Относительно другой разновидности нормативных обобщений дефинитивных норм, отмечается необходимость их взаимодействия с нормами-правилами поведения в процессе правового регулирования [12, с. 15], поскольку они представляют собой нормативные предписания, которые раскрывают содержание правовых состояний и явлений [12, с. 13].

Таким образом, исходные нормы, или нормативные обобщения, как и другие нормы права, именуемые типичными или нормами-правилами, призваны оказывать влияние на общественные отношения, хотя и обладают высокой степенью абстрактности.

Однако в ряде случаев правовые нормы не оказывают должного влияния на общественные отношения, не приводят к упорядочению последних. Такие нормы являются фиктивными, или «мёртвыми» [16, с. 16], [15, с. 127-133].

Фиктивные нормы необходимо отличать от юридических фикций. Традиционно юридические фикции признаются специальным средством юридической техники, посредством которого признаётся за действительность то, что на самом деле может оказаться ложным [18, с. 452], [9, с. 3]. Но существуют и другие мнения. В частности, юридическая фикция некоторыми авторами понимается как особая санкция юридической ответственности [17, с. 229-233], [9, с. 3] или считается особым видом нормы права, содержание которой включает определённый вымысел – то, что отсутствует в действительности [20, с. 29], [9, с. 3]. Признаками юридических фикций являются, во-первых, несоответствие действительности, во-вторых, формальное закрепление в правовых нормах, в-третьих, не абсолютная, а относительная ложность, в-четвёртых, законность, очевидность и преднамеренность создания, в-пятых, императивность, категоричность [9, с. 4-5].

Что касается фиктивной нормы, она представляет собой содержащееся в формальном источнике права юридически действительное предписание, которое не реализуется в большинстве случаев, для которых предусмотрено его осуществление. Она обладает рядом признаков, присущих юридической фикции, а именно формальным закреплением, законностью, императивностью и несоответствием действительности. Однако принципиальное отличие фиктивной нормы от юридической фикции состоит в характере несоответствия действительности её содержания.

Положение, выраженное в юридической фикции, может быть как ложным, так и истинным. Например, ст. 45 Гражданского кодекса РФ предусматривает возможность признания лица умершим при определённых обстоятельствах. При этом в ст. 46 содержится норма о последствиях явки лица, признанного умершим, когда в действительности оно находится в живых[6].

В свою очередь фиктивная юридическая норма содержит положение, которое не реализуется на практике в большинстве или во всех случаях, для которых оно сформулировано. В указанном количестве случаев это положение будет полностью не соответствовать действительности.

Фиктивными («мёртвыми») нормы могут становиться вследствие ошибок, допускаемых субъектами правотворчества или применения права, а также в случае, когда та или иная норма формулируется в источнике права заведомо без намерения её осуществления на практике. В этом состоит ещё одно их отличие от юридических фикций, которые всегда формулируются намеренно.

Наконец, юридическая фикция очевидна, тогда как несоответствие фиктивной юридической нормы действительности не является очевидным для её адресатов. Она формулируется как любая другая норма, которая имеет целью практическую реализацию. Более того, если норма не действует по причине ошибки, допущенной субъектом правотворчества, то ошибка, а, следовательно, и фиктивность нормы, может быть неочевидной и для самого правотворческого субъекта, хотя с течением времени может быть им осознана.

Фиктивными могут быть как нормы-правила поведения, так и правовые обобщения. Последние становятся недействующими в случаях, когда в силу разных причин не оказывают влияния на общественные отношения.

Один из примеров такой ситуации, когда норма-принцип является фиктивной, причём заведомо, имел место в истории Российской империи XVIII в. Екатериной II для осуществления систематизации законодательства была сформирована Уложенная комиссия. Принципы, соответствии с которыми должна была осуществляться деятельность Комиссии, были изложены в «Наказе» – руководстве для депутатов, содержавшем положения относительно основных отраслей права: государственного, уголовного, гражданского права, а также гражданского и уголовного процессов, необходимые для составления нового уложения [24, с. 102]. В одной из его статей было сказано, что равенство граждан проявляется в том, чтобы все были подчинены одним и тем же законам [11, с. 182], [28, с. 99], а также что вольность состоит вправе делать всё, что дозволено законами [11, с. 183], [28, с. 99]. Приведённые положения содержались в главе V «Наказа»[7]. В содержании названного документа нашли отражение идеи французских просветителей, однако после революции во Франции отношение Екатерины II к их идеям изменилось. В частности, слово «раб» было заменено словом «верноподданный», но при этом императрица пояснила, что не намерена ничего менять по существу: «Довольно и слова». Известно, что после внимательного прочтения книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), в которую вошли большие фрагменты другой книги автора под названием «Вольность», императрицей были выделены слова «власть со свободою сочетать должно на взаимную пользу» и дан комментарий о том, что это «целит на французский развратный нынешний пример» [23, с. 670], [28, с. 99-100]. В конце своего правления Екатерина II утверждала, что равенство – это чудовище, которое любой ценой желает стать королём [11, с. 408], [28, с. 100]. Приходится констатировать провозглашение некоторых принципов без намерения их реализации. Гуманные и привлекательные лозунги в реальности оказались неосуществимыми, поскольку для их претворения в жизнь не существовало никаких гарантий. Это было отмечено Ф. М. Достоевским в «Дневнике писателя» (июнь 1876), где была выражена мысль о том, что свобода, равенство и братство остались только громкими фразами [5, с. 276], [28, с. 100]. Об этом же писал Н. А. Бердяев, по мнению которого в демократической республике, формально основанной на идеалистических формулах, на самом деле могут иметь место рабство и насилие. Поэтому на европейском опыте надлежало научиться не доверять внешним формам и привлекательной фразеологии равенства, свободы и братства [1, с. 222; с. 28, с. 101]. Вместе с тем политическое содержание названных понятий на протяжении истории неоднократно подвергалось искажению [7, с. 61-64], [28, с. 101].

6 См.: Гражданский кодекс РФ. Часть 1: Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. От 08.08.2024) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

7 См.: Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового уложения 1767. - М., 2015.

При установлении в государстве политического режима, который Л. Л. Фуллер называл террористическим, то есть в ситуации политического произвола, существующего вопреки конституционно установленным основам публичного порядка, декларативные нормы тоже становятся фиктивными. Так, один из принципов демократического правового государства, принцип разделения властей – в известные периоды функционирования государственности некоторых стран мира становился фактически недействующим, продолжая быть юридически действительным. Это имело место в Италии в 1922-1945 гг. XX в. Идеологи фашизма стремились доказать, что новации в конституционном праве не искажают положений Альбертинского статута, ставшего ранее конституцией объединённого Итальянского государства, а видоизменяют его, адаптируя к новому времени [30, p. 325], [29, с. 92]. На практике сложилась совершенно иная ситуация. В частности, формально главу правительства назначал и отзывал король, поэтому первый был подотчётен второму. Фактически королевская власть стала номинальной, а глава правительства действовал бесконтрольно как глава государства [22, с. 612-613].

Не соответствующими действительности могут оказаться и другие виды нормативных обобщений. Так, 28.09.1939 г. был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией, который гарантировал ненападение сторон друг на друга. В преамбуле Договора[8] содержится указание на то, что стороны исходят из основных начал Договора о ненападении и нейтралитете, заключённого между СССР и Германией 24.04.1926 г., в ст. 1 которого сказано о намерении поддержания сторонами дружественного контакта с целью достижения согласия по всем политическим и экономическим вопросам, касающимся совместно обеих стран[9].

Однако со стороны Германии высказанные намерения были заведомо ложными и не означали никаких изменений относительно проводимой антисоветской политики, о чём было открыто, заявлено в разговоре с Верховным комиссаром Лиги наций в Данциге К. Буркхардом. Следовательно, норма-цель, содержавшаяся в ст. 1 Договора 1926 г. с немецкой стороны была заведомо фиктивной [8, с. 158].

Изложенное позволяет заключить, что фиктивными могут быть как нормы-правила поведения, так и исходные нормы, нормативные обобщения. Это происходит, в частности, в тех случаях, когда вследствие ошибок или намеренных действий субъектов правового регулирования сформулированные нормы не оказывают должного влияния на общественные отношения.

Пристатейный библиографический список

1. Бердяев Н. Судьба России. - М., 1918 (репринт: М, 1990).
2. Бошно С. В. Норма права: понятия, свойства, классификация и структура // Право и современные государства. - 2014. - № 4. - С. 49-60.
3. Гойман В. И. Действие права: (Методологический анализ): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - М., 1992.
4. Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. - 1978. - № 3. - С. 113-118.
5. Достоевский Ф. М. Искания и размышления. - М., 1983.
6. Епифанов И. О. Принцип прямого действия Конституции России как её важнейшее нормативно-регулятивное свойство // Право и политика. - 2015. - № 6 (186). - С. 748-753.
7. Ильин И. А. Наши задачи. - М., 2008. - Т. 1.
8. История Великой Победы. В 3 томах. Том 1. Канун трагедии / под общ. ред. А. В. Торкунова; составитель М. А. Мунтян; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. - М.: МГИМО Университет, 2020. - 663 с.
9. Ишигилов И. Л. Понятие юридических фикций // Сибирский юридический вестник. - 2007. - № 1 (36). - С. 3-7.
10. Калинина Е. А. Декларативные нормы права: общетеоретический обзор // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2023. - № 11. - С. 136-141.
11. Каменский А. «Под сению Екатерины...». - СПб., 1992.
12. Кожевников В. В. О дефинитивных нормах российского права // Современное право. - 2013. - № 6. - С. 12-18.
13. Кропачев Н. М. Механизм уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - СПб., 2000.
14. Крохалев С. В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. Сравнительное исследование на основе правовых систем России и Франции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2005.
15. Кузнецова О. А. Пороки правовой нормы: диагностика и предупреждение // Журнал российского права. - 2005. - № 3. - С. 127-133.
16. Курсова О. А. Фикции в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Н. Новгород, 2000.
17. Курсова О. А. Функции легальных фикций: к вопросу об использовании юридической фикции как правовой санкции в трудовом праве // Проблемы юридической ответственности: история и современность / Под. ред. Г. Н. Чеботарева. - Тюмень, 2004. - С. 229-233.
18. Курсова О. А. Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия // Проблемы юридической техники: сб. ст. / Под ред. В. М. Баранова. - Н. Новгород, 2000.
19. Малюгин С. В. Нормативные обобщения в системе права: понятие, основные поисковые параметры, разновидности и функциональное значение // Правовая парадигма. - 2019. - Т. 18, № 4. - С. 67-74.
20. Никатишина Н. А. Фикции в праве // Материалы XXXVIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» 10-14 апреля, 2000.
21. О понимании советского права: «Круглый стол» // Советское государство и право. - 1979. - № 8. - С. 48-77.
22. Прудников М. Н. История государства и права зарубежных стран: учебник для бакалавров - 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2013.
23. Радищев А. Н. Избранные сочинения. - М.-Л., 1949.
24. Садикова Д. Р. Отражение политических идей Ш. Л. Монтескье в «Наказе» Екатерины II (по материалам дореволюционной отечественной историографии) // Вестник Челябинского государственного университета. - 2014. - № 12 (341). История. Вып. 60. - С. 102-108.
25. Уфимцева Е. В. Отраслеобразование в современном российском праве (доктринальные основы и критерии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2017.
26. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. - М.: Норма: Инфра-М, 2012.
27. Шафиров В. М. Норма права и нормативные обобщения // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей под ред. М. М. Журавлева, А. М. Барнашова, В. М. Зуева. - Томск: Издательство Томского университета, 2011. - С. 5-7.
28. Шустов А. Н. «Свобода, равенство, братство» (из истории русской общественно-политической лексики) // Русская речь. - 2012. - № 3. - С. 96-101.
29. Эман И. Е. От либеральной Италии к Италии фашистской. Институциональный кризис итальянского государства: события и концепции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. - 2024. - № 2. - С. 86-104.
30. Sechi S. Il regime di guerra 1915-1918 e i prodromi dello stato fascista su alcuni recenti studi // Rivista storica italiana. - 2020. - № 1. - P. 323-339.

8 См.: Договор о ненападении между Германией и СССР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hrono.info/dokum/193_dok/1939ru_ge.php.

9 Договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6380&CENTER_ELEMENT_ID=146943&PORTAL_ID=6380.

ПЕТРОВА Виктория Юрьевна
кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и гражданского права, Государственный университет просвещения

ГАРЮК Елизавета Сергеевна
студент 3-го курса, Юридический факультет, Всероссийский государственный университета юстиции (РПА Минюста России); независимый исследователь

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРАВОСУДИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

В рамках данного исследования конкретизируется применение искусственного интеллекта (ИИ) в отправлении правосудия. Изучается специфика реализации цифровых технологий в правовой сфере, этические и юридические проблемы. Авторы конкретизируют понятие искусственного интеллекта, его виды и возможные функции в социальной жизни и в юридической практике.

Начиная с анализа понятия «интеллект» в целом, авторы исследуют его типы, возможность их интеграции в систему отправления правосудия. Конкретизация смысла и содержания данного понятия позволяет исследовать его значение в социуме, определить этические и юридические границы использования.

Анализируя российскую национальную стратегию искусственного интеллекта, авторы обращают внимание на его потенциал и роль в реализации правосудия. Также актуализируются проблемы и противоречия, которые связаны с интеграцией искусственного интеллекта в судебную систему.

Целью работы является изучение актуальных вопросов и перспектив использования ИИ в системе правосудия. Объектом определена деятельность по реализации правосудия, предметом включение в правосудие ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, система правосудия, судебная деятельность, этические проблемы, судопроизводство, цифровизация, смарт-решения.

PETROVA Viktoriya Yurjevna
Ph.D. in technical sciences, associate professor, associate professor of Constitutional and civil law, State University of Education

GARYUK Elizaveta Sergeevna
student of the 3rd course, Faculty of Law, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia); independent researcher

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN JUSTICE: ACTUAL ISSUES AND PROSPECTS OF APPLICATION

This study focuses on the application of artificial intelligence (AI) in the administration of justice. It explores the specific features of implementing digital technologies in the legal field, as well as the ethical and legal challenges associated with their use. The authors delve into the concept of artificial intelligence, its various types, and their potential applications in social life and legal practice.

Starting with an analysis of the concept of "intelligence" in general, the authors examine its different types and their potential integration into the justice system. By the meaning and content of this concept, the study explores its significance in society and identifies the ethical and legal boundaries of its use.

By analyzing the Russian national strategy for artificial intelligence, the authors draw attention to its potential and role in the implementation of justice. They also highlight the challenges and controversies associated with the integration of artificial intelligence into the judicial system.

The purpose of this study is to explore the current issues and prospects for using AI in the justice system. The object of the study is the implementation of justice, and the subject is the inclusion of AI in the justice system.

Keywords: artificial intelligence, justice system, judicial activities, ethical issues, legal proceedings, digitalization, and smart solutions.

Введение

Проблематика данного исследования обусловлена всесторонней цифровизацией общества и тем, что данный процесс имеет достаточно значительные результаты, одним из которых является ИИ. Вопросы его использования сложны и неоднозначны, т.к. связаны со множеством содержательных, этических и иных проблем, не позволяющих полноценно использовать потенциал цифровых технологий. В то же время необходимо говорить о качестве работы, и тех ситуациях, когда необходимо учитывать мнение конкретных людей, включать «человеческий фактор», говорить о том, что максимальное внимание уделяется именно коммуникации, изучению различных аспектов проблематики. В особенности это касается таких направлений деятельности как правосудие. С одной стороны, искусственный интеллект позволяет беспристрастно решать различные вопросы, что способствует реализации принципа объективности, всесторонней изученности и минимизирует возможность воздействия на исполнителей системы правосудия (шантаж, угрозы, запугивание). Но с другой стороны, ситуация с интеграцией ИИ в судебную деятельность, анализ доказательств препятствует пониманию мотивов тех или иных поступков, исключает возможность непосредственной коммуникации участников процесса, что снижает его эффективность.

На настоящий момент в нашем государстве сформировалась электронно- цифровая система правосудия, которая обеспечивает доступность к определенному виду информации и реализации судебной деятельности в дистанционном порядке [8, с. 315]. Однако, большинство исследователей обозначает ряд противоречий, которые не позволяют повсеместно использовать ИИ при решении различных дел, формируют этические проблемы, а также обуславливают необходимость дифференциации ИИ и в зависимости от его вида, возможности реализации с его помощью правосудия. Ряд авторов отмечает, что искусственный интеллект целесообразно использовать для того, чтобы избежать рутинного труда, к примеру, в обработке полученных данных, систе-

матизации информации и пр. При этом правосудие можно сделать более эффективным посредством того, что минимизируется время, которое затрачивается на работу с различными сведениями, утомляет специалистов, затягивает судебное разбирательство.

Целью работы является изучение актуальных вопросов и перспектив использования ИИ в системе правосудия. Объектом определена деятельность по реализации правосудия, предметом ◎ включение в правосудие ИИ.

Для того, чтобы цель была достигнута, необходимо говорить о ряде исследовательских задач, а именно:

1.Сравнить общее понятие «интеллект» и искусственный интеллект;

2. Определить преимущества и перспективы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия.

Решение подобных задач формирует стабильную основу для формулировки выводов и рекомендаций в области интеграции ИИ в правосудие.

Методы и методология

Главный метод в данном исследовании ◎ это теоретико- методологический анализ современных публикаций, которые отражают различные аспекты данной тематики: возможности внедрения цифровых технологий, в частности ИИ, в систему правосудия (Н. Н. Апостолова, К. В. Шундиков, Ю. А. Цветков и пр.), проблемы ИИ, препятствующие принятию правильных судебных решений (А. П. Иванова, А. В. Макутчев), а также исследующие перспективы внедрения ИИ в отправление правосудия (О. А. Степанов, Д. А. Басангов)

Результаты и обсуждение

Сравнительный анализ понятий «интеллект» и «искусственный интеллект»

В целях максимально полного раскрытия темы необходимо определить базовый термин «интеллект», его структуру, содержание и отличия интеллекта как результата человеческой деятельности и интеллекта искусственного.

Р. Дж. Стернберг говорил, что существует почти столько же определений интеллекта, сколько экспертов просили дать ему определение». Дискуссия об определении понятия интеллекта занимает умы исследователей различных сфер уже долгие годы, но до настоящего времени единое понятие отсутствует. Это связывают с тем, что интеллект не представляется возможным полностью определить, а его можно только описать.

Cambridge Advanced Learner's Dictionary содержит определение интеллекта, как «способность учиться, понимать и делать суждения или иметь мнения, основанные на разуме». По мнению Х. Гарднера, «Интеллект — это способность решать проблемы или создавать продукты, которые ценятся в одной или нескольких культурных средах». Американский изобретатель и футурист Р. Курцвейл определяет интеллект, как способность использовать оптимально ограниченные ресурсы, включая время, для достижения целей.

На основании анализа многочисленных определений, в контексте данной работы понятие интеллекта можно сформулировать как способность давать оценку, выбирать и адаптировать способ решения проблемы, для затраты наименьших ресурсов.

Что касается искусственного интеллекта (далее - ИИ), то целью разработчиков является создать лишь имитацию своих представлений об интеллекте, для реализации необходимых задач, которые требуют когнитивных процессов человека, а не интеллекта так такового. Реализация задач происходит при помощи обнаружения закономерностей в данных и использования закодированых форм, обрабатываемых компьютерами.

В Российской Национальной стратегии искусственного интеллекта на период до 2030 года определено, что искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Именно поэтому нам необходимо определить те приоритеты, которые обуславливают возможность включения ИИ в систему осуществления правосудия.

Возможности и перспективы интеграции ИИ в деятельность по осуществлению правосудия

Как мы уже отмечали ранее, ИИ является одним из результатов цифровизации общества и используется в различных сферах жизнедеятельности, в том числе, предпринимаются попытки его интеграции в деятельность по осуществлению правосудия.

Безусловно, в судебной деятельности можно операций и действий технического, рутинного характера, которые обуславливают необходимость автоматизации, упрощения процедур, минимизации затрат человеческого труда на их осуществление.

Большинство авторов [2], [3], [5] и пр. отмечают, что современное правосудие уже не может обойтись без компьютеров, интернета, различных цифровых технологий, которые оптимизируют деятельность участников судебного процесса. Видеоконференции, различные мессенджеры обеспечивают коммуникацию различных субъектов, находящихся далеко друг от друга. Специальные программы позволяют долго хранить огромный объем информации и использовать его при необходимости. Именно в этом контексте постепенно в систему правосудия и включается искусственный интеллект.

По мнению П. М. Морхата, которого упоминает в своей работе К. В. Шундиков, ИИ обладает способностью обработки любой информации и то, что ему предоставляется для работы, люди после анализирования искусственным интеллектом могут интерпретировать, обобщать, детализировать: т.е. использовать в тех целях, которые достигаются в ходе осуществления правосудия.

Говоря о дифференциации ИИ на разные категории (слабый, сильный, сверхсильный), вышеуказанные и иные авторы указывают на целесообразность использования лишь некоторых. Это связано с тем, что судебная система ◎ это деятельность в системе «человек- человек» и невозможно обесценить работу людей, эмоциональное восприятие, построение логических взаимосвязей, учет конкретных обстоятельств дела. Искусственному интеллекту также, как и человеку, свойственны анализ, оценка, формулировка выводов. Однако, невозможно накопление знаний, опыта, эмоциональное реагирование. Именно поэтому вряд ли когда-нибудь будет возможной полноценная замена специалистов, осуществляющих правосудие ИИ, больше возможно и необходимо говорить об использовании искусственного интеллекта как помощника и об этом пойдет речь далее.

Национальная стратегия искусственного интеллекта РФ говорит об имитации когнитивных функций людей, что может оказать существенную помощь судьям и иным участникам осуществления правосудия в анализе, синтезе данных, построении рабочих гипотез. «Виртуальный офис» [8, с. 317] призван обезопасить систему от негативного воздействия со стороны, коррупции, различных нарушений, которые могут быть вызваны человеческими слабостями.

Образ «судьи- бота» уже прорабатывается в юридической науке и постепенно апробируется на практике. Такие качества как объективность, беспристрастность, возможность оперативно принимать конкретные решения, безусловно привлекают и являются одними из наиболее привлекательных. Однако, здесь же мы имеем дело с тем, что система действует на основании имитационных механизмов, стандартных моделей, схем поведения и выстраивания взаимосвязей между событиями и явлениями и конечно же, это не способствует принятию справедливого решения, смысл которого отражен в дефиниции «правосудие».

А. В. Макутчев [3] говорит о том, что для функционирования схем, шаблонов принятия решений, необходим множественный предварительный анализ случаев судебной практики и разработка типовых вариантов, которые затем анализируются ИИ. То есть в данном случае важно подчеркнуть необходимость наличия:

– достаточного объема судебной практики для создания вариативной базы принятия решений;

– необходимого количества специалистов определенного уровня компетентности, которые обладают не только цифровой грамотностью для работы с ИИ, но и юридическими компетенциями, которые будут нужны при систематизации, классификации и осуществлении иных операций со случаями судебной практики;

– возможности обеспечения системы ИИ достаточным объемом информации (доказательств, улик, показаний) по конкретному делу для работы.

О. А. Степанов, Д. А. Басангов [5] в своей работе отразили отмечают, что внедрение ИИ в судебную практику позволит разгрузить судью, обеспечить качественное выполнение рутинной работы, сэкономить время на технические

процедуры. Однако, нельзя возлагать на ИИ все функции, т.к. должны остаться неизменными принципы состязательности, объективности, беспристрастности судей, которые собственно, и обеспечивают нравственно- этическую сторону и результативность судопроизводства.

В.В. Момотов, который отмечен в данной работе, подчеркивает, что внедрение системы искусственного интеллекта в судебную деятельность может обеспечить:

а) повышение качества и результативности отправления правосудия;

б) обеспечение реальной защиты защиты прав и законных интересов граждан, организаций, органов государственной власти;

г) формирование прогнозной системы в отношении судебной нагрузки, распределения полномочий и функций, определения сроков правосудия.

Иные исследователи, которые упомянуты в данной публикации, говорят о том, что внедрение ИИ в правосудие потенциально возможно, как в государственной системе, так и в частной практике, т.к. специалисты не всегда располагают необходимыми ресурсами для выполнения определенных функций или решения нескольких задач одновременно. В подобных случаях ИИ способен помочь на различных этапах осуществления правосудия (сбор доказательств, опрос свидетелей, запросы информации), избавляя специалистов от деятельности чисто технического характера.

Ведущими принципами в судебном процессе являются объективность, предсказуемость, логичность, на основе реализации данного принципа формируется юридическая практика и в контексте унификации прецедентного права создается база для ИИ в целях дальнейшего использования при принятии конкретных решений.

Н. Н. Апостолова отмечает, что ИИ придает современному правосудию научный аспект, позволяет поднять его на качественно новый уровень, более совершенный и справедливый. Также подобная тенденция приведет к снижению проблемы доступа к правосудию большей части населения, обеспечит возможность более быстрого и полного получения информации.

В декабре 2019 г. Советом судей РФ была одобрена Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг. Данный документ регулирует интеграцию ИИ в систему правосудия и показывает, что у судей освободится ресурс в плане выполнения технической работы, которая занимает около 80 % рабочего времени. Это обусловлено тем, что в юридической практике возможна алгоритмизация деятельности и в связи с этим потенциальна разработка вариантов деятельности для ИИ в правосудии. Подобная интеграция позволяет сократить сроки сбора информации, обеспечить ее достоверность, проверку полученных данных и их длительное хранение. В массивах юридической практики как отмечают некоторые авторы [5], [6] возможно выявить определенные закономерности и это позволяет создать алгоритмы, модели, варианты профессиональных решений, которые практически в готовом виде поступают к судье и ему необходимо лишь проверить данные, сопоставить факты и дополнить все собственным опытом и мнением.

Однако, никто из изученных нами авторов не говорит о полной замене судей искусственным интеллектом, ведь в процессе коммуникации решаются важнейшие задачи и только в живом общении передается смысл слов, выражений, которые могут быть искажены в контексте цифровизации. Моральные принципы, ценности, убеждения и мировоззрение судьи также не имеют аналогов в цифровой среде и ИИ здесь важен в плане ориентации выбора судьи на принятие решения на основе уже имеющейся практики. Судья может проанализировать то, что ему предлагает система и сделать выбор, обусловленный не только логикой, но и знаниями, опытом и теми факторами, которые являются неотъемлемым компонентом его профессиональной деятельности. Кроме того, только судья может принять во внимание индивидуальные особенности обвиняемого, конкретику ситуации, а также иные обстоятельства дела, которые не поддаются цифровому анализу.

Выводы

Таким образом, необходимо говорить о сложности и неоднозначности включения ИИ в систему отправления правосудия, множественности этических и юридических проблем, которые связаны с данным вопросом.

Авторами подчеркнуто, что искусственный интеллект наряду с потенциалом, имеет и ряд ограничений, таких как отсутствие интеллекта в общем смысле этого слова, с наличием шаблонов, заготовок и невозможности анализировать ситуацию, включить эмоциональный компонент, дифференцировать различные тонкости судопроизводства.

Изучив некоторые источники, авторы пришли к выводу об обоснованности опасений ряда исследователей насчет вытеснения человеческой работы, интеллектуальной деятельности из системы правосудия, которая предполагает разбирательство и тщательное изучение деталей дела.

По окончанию исследования мы пришли к выводу о том, что использование искусственного интеллекта оптимально в совокупности с работой специалистов, связанных с отправлением правосудия. В подобных случаях ИИ констатирует и анализирует выявленные факты, собранные доказательства и предоставляет полученную, обработанную информацию. Это, по нашему мнению, максимально обеспечит эффективность работы судьи и будет способствовать отправлению правосудия.

Кроме того, работа искусственного интеллекта не предусматривает учет таких деталей, как, к примеру, возможность обжалования решения, пересмотра мер наказания. В этом случае ключевым является человеческий фактор и значимость различных обстоятельств (личность обвиняемого, контекст ситуации и пр.), ИИ в любом случае, выступает помощником, но не основным субъектом правосудия.

Пристатейный библиографический список

1. Апостолова Н. Н. Цифровое правосудие // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 130-135. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-130-135.
2. Иванова А. П. Искусственный интеллект в осуществлении правосудия: новые возможности и новые проблемы: (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. 2022. № 3. С. 89-98.
3. Макутчев А. В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 8 (141). С. 47-58.
4. Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина, 2021. С. 41-43.
5. Степанов О. А., Басангов Д. А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство // Вестн. Том. гос. ун-та. 2022. № 475. С. 229-237.
6. Цветков Ю. А. Искусственный интеллект в правосудии // Закон. 2021. № 4. С. 54-60.
7. Ширеева Е. В. Правовые основы применения и практики внедрения искусственного интеллекта при осуществлении судебного контроля // Закон и право. 2021. № 3. С. 32-34.
8. Шундиков К. В. Искусственный интеллект в российском правосудии: состояние и перспективы // Образование и право. 2023. № 8. С. 315-321.
9. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (CEPEJ(2018)14) // Принята г. Страсбурге 03.12.2018 - 04.12.2018 на 31-м пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности правосудия.
10. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.

ТКАЧЕНКО Анна Валерьевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Красноярский государственный аграрный университет

РОЛЬ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ

В статье рассматривается значение фундаментальных правовых понятий для формирования и поддержания устойчивых профессиональных стандартов в юридической деятельности. Проанализированы основные теоретические подходы к систематизации понятийного аппарата, а также современные вызовы и перспективы его обновления. Особое внимание уделено влиянию базовых категорий на качество правового образования, единство профессионального языка и эффективность правоприменения. Определено, что фундаментальные правовые понятия являются ключевым фактором, обеспечивающим устойчивость, внутреннюю согласованность и преемственность профессиональных юридических стандартов. Отмечено, что четко структурированная и гибко адаптируемая система базовых категорий позволяет сохранять единство профессионального языка, поддерживать качество юридического образования и практики, а также обеспечивать предсказуемость и прозрачность правоприменения в условиях постоянных изменений законодательства и общественных отношений.

Ключевые слова: правовые понятия, юридические стандарты, профессионализм, систематизация, понятийный аппарат, юридическая наука.

TKACHENKO Anna Valerjevna
Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty, Krasnoyarsk State Agrarian University

THE ROLE OF FUNDAMENTAL LEGAL CONCEPTS IN ENSURING THE STABILITY OF PROFESSIONAL LEGAL STANDARDS

The article examines the importance of fundamental legal concepts for the formation and maintenance of sustainable professional standards in legal activity. The main theoretical approaches to the systematization of the conceptual apparatus, as well as modern challenges and prospects for its renewal are analyzed. Particular attention is paid to the influence of basic categories on the quality of legal education, the unity of professional language and the effectiveness of law enforcement. It is determined that fundamental legal concepts are a key factor ensuring the sustainability, internal consistency and continuity of professional legal standards. It is noted that a clearly structured and flexibly adaptable system of basic categories allows preserving the unity of professional language, maintaining the quality of legal education and practice, and ensuring predictability and transparency of law enforcement in the context of constant changes in legislation and public relations.

Keywords: legal concepts, legal standards, professionalism, systematization, conceptual apparatus, legal science.

Современное развитие юридической науки требует пересмотра и углубленного анализа содержания фундаментальных правовых понятий, которые выступают краеугольными элементами всей системы профессиональных юридических стандартов. В условиях ускоряющейся трансформации социально-правовой действительности, усложнения нормативно-правовой базы и интернационализации правовых институтов возрастает значение четкой, логически выстроенной системы базовых категорий, определяющих не только понятийный аппарат, но и стандарты профессионального мышления юриста.

Актуальность исследования обусловлена тем, что именно фундаментальные правовые понятия обеспечивают целостность, устойчивость и преемственность профессиональных юридических стандартов, выступают инструментом интеграции новых знаний, а также критерием оценки качества правотворческой, правоприменительной и образовательной деятельности. Размытость или полисемичность базовых юридических дефиниций способна привести к фрагментации правовой системы, снижению эффективности правоприменения и утрате профессиональной идентичности специалистов.

Научная проблема заключается в необходимости выявления методологических основ устойчивости юридических стандартов через призму анализа структуры и содержания фундаментальных правовых понятий, а также в поиске современных подходов к их систематизации и актуализации с учетом вызовов времени. Целью статьи является теоретическое обоснование и аналитическое исследование роли фундаментальных правовых понятий в формировании и обеспечении устойчивости профессиональных юридических стандартов, а также разработка рекомендаций по совершенствованию понятийного аппарата современной юриспруденции.

Фундаментальные правовые категории отражают наиболее общие, сущностные стороны права как социального феномена, служат основой «для формирования отраслевых понятий, дефиниций и юридических конструкций» [1, с. 9]. В юридической науке под фундаментальными категориями понимаются такие «базовые понятия, которые лежат в основании юридической картины мира и определяют структуру, иерархию и взаимосвязи между элементами правовой системы» [3, с. 24].

Историко-теоретический анализ свидетельствует о том, что формирование и развитие фундаментальных правовых понятий тесно связано с эволюцией правовой мысли и философии права. К числу традиционно признанных категорий относят «право», «государство», «закон», «правовая норма», «правоотношение», «ответственность», «законность», «правопорядок». Каждое из этих понятий прошло длительный путь концептуального осмысления в рамках различных правовых школ и научных традиций, что предопределяет их глубину, многозначность и внутреннюю структуру. Теоретико-методологическая специфика фундаментальных правовых категорий состоит в их универсальности, абстрактности и высокой степени интегративности. Они выполняют когнитивную функцию, обеспечивая формирование целостной юридической картины мира, а также нормативную функцию – выступая опорой для систематизации и унификации законодательства. Благодаря своей обобщенности фундаментальные категории служат инструментом для перехода «от эмпирического уровня юридического познания к теоретическим и метатеоретическим обобщениям» [8, с. 40].

Современные подходы к пониманию фундаментальных правовых категорий базируются на идеях системности, многоуровневости и контекстуальности. Понятийно-категориальный аппарат юриспруденции развивается в условиях постоянного взаимодействия с практикой, что требует от научного сообщества регулярной ревизии содержания и структуры ключевых понятий. Фундаментальные категории не только фиксируют достигнутый уровень развития юридической науки, но и служат основой для адаптации профессиональных стандартов к новым социальным и технологическим вызовам.

Фундаментальные правовые понятия выполняют ключевую системообразующую функцию в структуре юридического познания, выступая своеобразным каркасом, на котором строится целостность и логическая непротиворечивость всей системы правовых знаний. Их присутствие определяет границы и иерархию юридической терминологии, позволяет выстраивать сложные правовые конструкции, обеспечивая внутреннюю связанность между различными уровнями правовой материи – от философских оснований до прикладных аспектов правоприменения [5].

Именно фундаментальные категории, такие как «право», «норма права», «правоотношение», «государство», «ответственность», создают необходимые ориентиры для юридического мышления, позволяя специалистам в области права не только классифицировать и анализировать правовые явления, но и формировать стандартизированные подходы к их интерпретации [2]. От правильности осмысления этих понятий зависит адекватность научных моделей, юридических дефиниций и практических рекомендаций. Взаимосвязь между фундаментальными категориями обеспечивает развитие юридической науки как единой, интегрированной системы, в которой каждая новая концепция или институт находят свое место благодаря логически выстроенной системе понятийных связей. Это не только облегчает процесс передачи знаний от поколения к поколению, но и позволяет успешно адаптировать профессиональные юридические стандарты к изменяющимся условиям социально-правовой действительности.

Особое значение системообразующая роль фундаментальных понятий приобретает в процессе профессиональной подготовки юристов, где формирование понятийного мышления становится основой для развития аналитических, прогностических и интерпретационных компетенций. Освоение базовых категорий позволяет будущим специалистам уверенно ориентироваться в сложной структуре правовой информации, поддерживать высокий уровень правовой культуры и соблюдать стандарты профессиональной этики. Язык профессиональных стандартов, нормы профессионального поведения, а также механизмы юридической ответственности и профессиональной этики основаны на использовании фундаментальных категорий как нормативных ориентиров.

Понятийный аппарат обеспечивает внутреннее единство и предсказуемость профессиональных стандартов, формирует основу для их объективной оценки и последовательной реализации в юридической практике. Без опоры на устойчивые и однозначные понятия невозможна выработка единых критериев квалификации и правоприменения, а также поддержание высокого уровня доверия к юридическим институтам в профессиональном и общественном сознании. Внедрение новых стандартов требует адаптации базовых понятий с учетом актуальных научных разработок и изменений в законодательстве, однако любые инновации должны быть соотнесены с уже существующими фундаментальными категориями, чтобы не нарушить преемственность и согласованность системы.

Независимо от специфики отрасли права, профессиональная деятельность юриста предполагает опору на общепринятые и устойчивые категории, такие как «право», «законность», «ответственность», «справедливость». Эти понятия позволяют сохранять целостность профессиональных ценностей, ориентироваться в сложных правовых ситуациях и избегать субъективизма при интерпретации норм. Устойчивость юридических стандартов обеспечивается также благодаря интеграции фундаментальных понятий в законодательство, профессиональные кодексы и образовательные стандарты. Последовательное использование и развитие понятийного аппарата способствует сохранению качества юридического образования, профессиональной этики и правовой культуры, а также снижает риски фрагментации или размывания критериев профессионализма. Фундаментальные понятия служат своеобразными точками опоры, обеспечивающими преемственность и инвариантность юридических стандартов при изменении законодательства, появлении новых правовых институтов или трансформации социальных отношений [4].

Стабильность понятийной базы позволяет юристам различных поколений и специализаций говорить на одном профессиональном языке, обеспечивая преемственность традиций и поддерживая высокий уровень доверия к юридическим институтам. В условиях современных вызовов – цифровизации, глобализации, усложнения правовых отношений – сохранение устойчивости юридических стандартов возможно лишь при постоянном внимании к развитию, уточнению и методологической проработке фундаментальных правовых понятий. Несмотря на признанную методологическую значимость фундаментальных правовых понятий для поддержания устойчивости профессиональных юридических стандартов, их систематизация сталкивается с рядом сложных проблем и вызовов, имеющих как теоретический, так и практический характер [10].

Во-первых, особую трудность представляет полисемичность и дискуссионность базовых правовых категорий. В различных правовых школах и научных направлениях одно и то же понятие может интерпретироваться неоднозначно, что порождает терминологическую неоднородность, препятствует формированию единого понятийного языка и затрудняет взаимопонимание между представителями юридического сообщества. Кроме того, формулировки фундаментальных понятий зачастую зависят от социально-исторического контекста, идеологических влияний и специфики национальных правовых систем, что усложняет их универсализацию.

Во-вторых, развитие законодательства и появление новых отраслей права влекут за собой необходимость адаптации и актуализации понятийного аппарата. Возникают новые правовые реалии – цифровые платформы, искусственный интеллект, трансграничные правовые отношения, – которые требуют осмысления и закрепления в системе фундаментальных понятий. Зачастую введение новых терминов происходит без должной координации с уже существующей структурой категорий, что может приводить к терминологическим коллизиям и потере системности.

В-третьих, недостаточная согласованность между теоретической и прикладной юриспруденцией становится причиной разрыва между научными дефинициями и их практическим использованием. Отраслевые специалисты часто развивают собственный понятийный аппарат, не согласуя его с теоретическими моделями, что ведет к фрагментации юридического языка и снижению эффективности правоприменения.

В-четвертых, вызовы систематизации обостряются в условиях глобализации и правовой интеграции. Заимствование зарубежных понятий и моделей требует их адаптации к отечественным правовым традициям и понятийным схемам, что не всегда проходит без потерь в содержании или появлении новых смысловых разрывов.

Традиционный понятийно-категориальный каркас, сложившийся в рамках классической юридической науки, нередко оказывается недостаточно гибким для объяснения новых правовых реалий и тенденций развития профессиональных юридических стандартов. Возникает объективная необходимость переосмысления методологических основ работы с фундаментальными категориями, поиска новых способов интеграции инновационных и традиционных элементов в систему юридических понятий.

Современные подходы к обновлению понятийного аппарата строятся на принципах системности, межуровневости, контекстуальности и междисциплинарности [9]. В качестве одного из наиболее эффективных инструментов анализа предлагается концепция уровневой организации научного познания, согласно которой структура юридических понятий должна рассматриваться с учетом различий между «эмпирическим, теоретическим и метатеоретическим уровнями правового знания» [6, с. 75]. На эмпирическом уровне понятийный аппарат применяется для описания правовых явлений и фактов, на теоретическом – подвергается концептуализации, осмыслению и систематизации, а на метатеоре-

тическом – подвергается критике, переоценке и интеграции в более широкие исследовательские рамки.

В современных исследованиях отмечается, что эффективное обновление понятийного аппарата невозможно без постоянного мониторинга и анализа тенденций в правоприменительной практике, а также в законодательстве и судебной доктрине. Особое значение приобретает использование больших данных, инструментов искусственного интеллекта и цифровых платформ, позволяющих выявлять новые паттерны употребления правовых терминов, отслеживать их эволюцию и оперативно реагировать на появление новых смыслов в профессиональной и общественной коммуникации.

Инновационным направлением становится активное вовлечение в процесс обновления понятийного аппарата специалистов смежных дисциплин – философии, социологии, информационных технологий, кибернетики, лингвистики. Междисциплинарный подход способствует выявлению латентных смыслов, новых закономерностей и смысловых границ между понятиями, а также позволяет своевременно реагировать на появление принципиально новых правовых феноменов (например, «цифровое гражданство», «киберправо», «информационный суверенитет») [7].

Авторский подход к решению обозначенной проблемы заключается в необходимости выработки динамической системы обновления и адаптации фундаментальных понятий на основе следующих исходных положений.

Процедуры ревизии понятийного аппарата должны быть максимально транспарентными, включать экспертное и профессиональное обсуждение, а также обратную связь от практиков, законодателей и представителей смежных дисциплин. Создание открытых цифровых платформ для коллективного обсуждения новых и устаревающих юридических понятий повысит качество и релевантность систематизации.

Рекомендуется институционализировать механизм согласования понятий на разных уровнях юридического познания, включая экспертизу на этапе разработки новых законодательных актов, анализ понятий в судебной практике и теоретическое обобщение наукой. Это позволит снизить вероятность возникновения смысловых разрывов и терминологических коллизий между теорией и практикой.

Обновление понятийного аппарата не должно разрушать историческую преемственность и традиционные ценности юридической науки. Оптимальным является поиск баланса между сохранением устоявшихся дефиниций и введением новых понятий, обусловленных вызовами цифровой эпохи, трансграничных отношений и глобализации.

Автор предлагает формировать понятийно-категориальные модули, отражающие специфику отдельных отраслей права и правовых режимов, с возможностью их постоянной доработки и интеграции в общую систему. Такой подход обеспечит устойчивость терминологической базы при изменениях внешних условий и нормативных требований.

Рекомендуется закреплять фундаментальные понятия в специализированных нормативных актах (глоссариях, концепциях, профессиональных стандартах), что повысит уровень правовой определенности и минимизирует риски расхождений в интерпретации. Вместе с тем, такие документы должны регулярно пересматриваться с учетом научных и практических достижений. Дополнительно целесообразно разрабатывать адаптивные электронные глоссарии, обновляемые на основе анализа правоприменительной практики, судебных решений и научных публикаций.

Проведенный анализ подтвердил, что фундаментальные правовые понятия являются ключевым фактором, обеспечивающим устойчивость, внутреннюю согласованность и преемственность профессиональных юридических стандартов. Именно четко структурированная и гибко адаптируемая система базовых категорий позволяет сохранять единство профессионального языка, поддерживать качество юридического образования и практики, а также обеспечивать предсказуемость и прозрачность правоприменения в условиях постоянных изменений законодательства и общественных отношений.

Современные вызовы, связанные с развитием цифровых технологий, глобализацией и появлением новых правовых феноменов, обостряют проблему актуализации и систематизации понятийного аппарата. Для преодоления существующих проблем необходим комплексный подход, сочетающий уважение к традиции и готовность к инновациям, интеграцию междисциплинарных методов и использование современных инструментов анализа юридического языка.

В заключение отмечается, что дальнейшее развитие юридической науки и образовательного пространства невозможно без постоянной научной рефлексии, открытого экспертного обсуждения и институционализации механизмов обновления фундаментальных понятий. Только такая стратегия позволит обеспечить устойчивость профессиональных стандартов, высокое качество юридической деятельности и доверие общества к институтам права в условиях быстро меняющегося мира.

Пристатейный библиографический список

1. Баринов П. С., Воротников А. А. Обесценивание правовых категорий: монография. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2020. – 200 с. – ISBN 978-5-7924-1575-1.
2. Веденеев Ю. А. Грамматика правопорядка: Книга для правоведов, специалистов в области политических и правовых учений, историков правовой науки. – Москва: РГ-Пресс, 2023. – 232 с. – ISBN 978-5-9988-1476-1.
3. Веденеев Ю. А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2022. – 328 с. – ISBN 978-5-392-35125-1.
4. Косова Ю. А., Павлова Е. Ю., Сергеева Н. В. Технологии самоорганизации и самообразования / Российский государственный университет правосудия. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2022. – 92 с. – ISBN 978-5-93916-983-7.
5. Макарова О. А., Сулоев И. С. Юрислингвистика как новая область языкознания // Lingua Academica: Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, Ульяновск, 09 февраля 2024 года. – Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2024. – С. 330-333.
6. Пожарский Д. В. В защиту догматизма теоретико-исторической юридической науки // Место и роль теоретико-исторических правовых наук в системе юридического образования: Материалы круглого стола, посвященного 10-летнему юбилею кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала РАНХиГС, Владимир, 03 марта 2023 года. – Владимир: Владимирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. – С. 74-77.
7. Пучков В. О. Историческая семантика обеспечительных обязательств: язык и догма права // Вестник гражданского процесса. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 78-92. – DOI 10.24031/2226-0781-2023-13-4-78-92.
8. Пучков В. О. Методологические проблемы современной юриспруденции. – Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2021. – 320 с. – ISBN 978-5-4396-2237-5.
9. Сергеев А. А. О функциях правовых норм, определяющих значения юридических понятий и терминов // Современное право. – 2021. – № 10. – С. 5-10. – DOI 10.25799/NI.2021.79.74.001.
10. Шаханов В. В. Роль теории права в систематизации понятийного аппарата юриспруденции // Место и роль теоретико-исторических правовых наук в системе юридического образования: Материалы круглого стола, посвященного 10-летнему юбилею кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала РАНХиГС, Владимир, 03 марта 2023 года. – Владимир: Владимирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. – С. 101-106.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-80-82

Антонян А. К.

АНТОНЯН Армен Карапетович
аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет; и.о. заместителя начальника правового отдела Министерства по регулированию контрактной системы в сфере закупок Пермского края

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ И ЭВОЛЮЦИИ РАННИХ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРИНЦИПА ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Принцип верховенства права представляет особое значение для динамичного развития современного общества и экономики, имеет глобальный (наднациональный) характер. Вместе с тем недостаточное внимание уделяется исследованию генезиса принципа верховенства права, особенно в части его ранних доктринальных основ. В статье анализируются ранние доктринальные источники принципа верховенства права в Англии (Великобритании), их эволюция и значение для формирования современного принципа верховенства права. В трудах английских правоведов периодов Средневековья и Нового времени обнаруживается основной императив принципа верховенства права, который выражается в необходимости правового ограничения власти монарха (ныне исполнительной власти), осуществлении государственной власти сообразно правовым установлениям и недопустимости государственного произвола и злоупотреблений властью.

Ключевые слова: верховенство права, монарх (король), закон (статут), государственная власть, Парламент, обычай, доктрина.

ANTONYAN Armen Karapetovich
postgraduate student of Perm State National Research University; Acting Deputy Head of the Legal Department of the Ministry for Regulation of the Contract system in the Field of Procurement of the Perm Region

ON THE QUESTION OF THE SIGNIFICANCE AND EVOLUTION OF THE EARLY DOCTRINAL SOURCES OF THE RULE OF LAW IN GREAT BRITAIN

The principle of the rule of law is of particular importance for the dynamic development of modern society and the economy, and has a global (supranational) character. At the same time, little attention is paid in the literature to the genesis of the rule of law, especially in terms of its early doctrinal foundations. The article analyzes the early doctrinal sources of the rule of law in England (Great Britain), their evolution and significance for the formation of the modern principle of the rule of law. The works of English jurists from the Middle Ages and Modern times reveal the basic imperative of the rule of law, which is expressed in the need for legal restrictions on the power of the monarch (now the executive branch), the exercise of state power in accordance with legal regulations and the inadmissibility of state arbitrariness and abuse of power.

Keywords: rule of law, monarch (king), law (statute), state power, Parliament, custom, doctrine.

Идея верховенства права (закона) известна еще со времен античной философии. Аристотель в своем трактате «Политика» формулирует положение о том, что править должны не люди, а законы: «…предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один из среды граждан. На том же самом основании, даже если будет признано лучшим, чтобы власть имели несколько человек, следует назначать этих последних стражами закона и его слугами» (Кн. 3, XI, 3) [1, с. 152]. Однако родиной принципа верховенства права («rule of law») принято считать именно Англию (Великобританию), где указанный принцип приобретает статус конституционного в результате длительного политико-правового развития Соединенного Королевства. Истоки понятия верховенства права связывают с Великой хартией вольностей 1215 г. (Magna Carta) (когда собрание феодалов ограничило права короля) и с Биллем о правах 1689 г. (в которым закреплены основные права и свободы английских подданных) [2]. Нельзя оставить без внимания и такие значимые памятники права, как Нортхэмптонский статут 1328 г., которым было установлено, что никакое королевское распоряжение не может повлиять на ход правосудия; Петиция о правах 1628 г., Акт о хабеас корпус 1679 г. (Habeas Corpus Act), Акт о престолонаследии 1701 г.

Вместе с тем помимо законодательной основы принципа верховенства права большое значение имеют его ранние доктринальные источники – сочинения английских правоведов. Первым фундаментальным доктринальным исследованием принципа верховенства права принято считать труд британского конституционалиста А. В. Дайси «Основы государственного права Англии: Введение в изучение английской конституции», вышедший в свет в 1885 г. [3]. В указанном труде А. В. Дайси впервые сформулировал концепцию верховенства права как основополагающего принципа конституционного права Великобритании наряду с принципом верховенства Парламента.

Однако доктринальная основа принципа верховенства была заложена задолго до разработки целостной концепции господства права А. В. Дайси. Так, идейные истоки доктрины верховенства права в английской правовой мысли обычно находят в трактате Генри де Брактона «О законах и обычаях Англии» (≈1254 – 1256 гг.) [4], в котором сказано, что король должен умерять свою власть законом, который является уздой власти... И ничто не свойственно более государственной власти, чем жить согласно законам, и важнее, чем эта власть, подчинение государя закону… [5]. В то же время Г. Брактон пишет: «То, что угодно государю, имеет силу закона» [5], указывая тем самым на неограниченный характер королевской власти.

В связи с чем, с одной стороны, из трактата Г. Брактона следует, что король подчинен закону. Однако, с другой стороны, закон для Г. Брактона не может возникнуть без воли (санкции) короля, который одновременно находится выше

закона, поскольку через закон может быть проведена любая его воля.

В.М. Корецкий в данном случае указывает на противоречие в суждениях автора: «Брактон дает здесь свое и весьма вольное толкование известного принципа римского права (*воля монарха – высший закон – А. К.*), находящегося в явном противоречии с утверждением трактата о том, что король должен подчиняться закону королевства, который хотя и является созданием короля и его совета, но, будучи однажды издан, оказывается выше короля» [5]. О. А. Святовец так же указывает, что в трактате Г. Брактона двойственное положение короля по отношению к закону наглядно представляет схоластическое «противоречие» средневекового права [6].

Э. Х. Канторович не видит здесь ни внутреннего противоречия, ни непродуктивных схоластических элементов применительно к практике эпохи средневековья и божественных образцов правления, когда король есть наместник Бога на земле (следовательно, он находится выше закона) и одновременно сам является человеком (а значит, должен подчиняться закону) [7, с. 231-232]. Автор пишет: «Брактоновский король занимает двойственное положение, находясь и выше закона и ниже его. Таким образом, закон, создающий короля, и король, создающий закон, взаимно обусловливают друг друга. Это тот самый вид взаимодействия и взаимозависимости закона и короля, который можно обнаружить практически во всех политико-правовых теориях того периода» [7, с. 254, 244]. Примененный Брактоном метод положения короля и ниже и выше закона Э. Х. Канторович философски точно называет «диалектическим» [7, с. 247].

Представляется наиболее близкой к истине точка зрения Э. Х. Канторовича о диалектике Г. Брактона, предполагающей взаимодействие и взаимозависимость закона и короля. В средневековый период концепция организация государственно-правовой жизни не могла быть выстроена без указания на главенствующую роль короля (носителя верховной власти), как наместника Бога на земле. Указание на Бога являлось в тот период обязательным элементом любой теоретической концепции в силу духовного тоталитаризма церкви. При этом безусловным достижением того времени стало указание Г. Брактоном на подчиненность короля закону, что уравнивало короля с обычными людьми, создавало некие границы для законного и справедливого правления, но не устраняло особого положения верховного правителя, обусловленного божественным происхождением его власти. В этом, как видится, и проявляется диалектика Г. Брактона.

Для наиболее полного уяснения взглядов Г. Брактона необходимо раскрыть понимание им термина «закон». Он писал: «В Англии действует неписаное право и обычай. Именно в этой стране право возникло из неписаного (обычая), получившего всеобщее одобрение в результате применения. Но не будет ошибкой называть английские законы (хотя и неписаные) – законами, ибо силу закона имеет то, что по справедливости постановлено и одобрено высшей властью короля или князя, по совету и с согласия магнатов и с общего одобрения государства (reipublicae)… И согласно этому право и закон означают одно и то же; и хотя в широком значении слова законом называется все, что может быть прочитано, но в более специальном смысле (это слово) означает справедливое узаконение, которое поддерживает все честное и запрещает все противное (честности)» [5].

Многоаспектное, даже противоречивое (как отмечает В. М. Корецкий [5]) представление Г. Брактона о понятии «закон» и роли в этом процессе короля все же позволяет выявить следующие основные черты закона: это совокупность норм писанного и неписаного права (обычаев, которые Г. Брактон считает источником законов), и те и другие считаются исходящими от монарха, по его воле существующими; законы должны быть справедливыми («поддерживать все честное»), а также законы должны приниматься в установленном порядке (данный признак, очевидно, касается только норм писанного права), то есть после одобрения совета высшей знати (впоследствии Парламента). При этом ученый нигде прямо не говорит об известной роли английских королевских судов в формировании права при рассмотрении конкретных дел.

Происхождение любого закона из обычаев (неписаного права) позволяют выдвинуть гипотезу об особой роли короля (как и, впрочем, королевских судей как его представителей в территориях и осуществляющих правосудие от имени короля) не самостоятельно устанавливать право (законы), а лишь «обнаруживать» его на основе действующих в стране обычаев. О. А. Святовец в этой связи пишет: «то обстоятельство, что при написании главы «О жалобах короны» Г. Брактон использовал прецеденты, которые длительное время имели место при решении дел, связанных с нарушением королевского мира, дает полное основание предположить, что правила, возникшие и получившие обоснование в практике королевского суда должным образом могли называться законами, т.е. король не создавал законы, он только возводил уже утвердившийся обычай в ранг закона, в некоторой степени, изменения его по своей воле» [6]. Указанная гипотеза о связанности короля нормами обычного права не находит единодушной поддержки в специальной литературе. Так, К. Ф. Савело не исключает, что правителям раннего средневековья не была чужда идея о праве короля творить закон [8, с. 32].

В связи с этим, гипотеза О. А. Святовец представляется спорной, для ее подтверждения должны быть проведены специальные исследования о соответствии законов (статутов), издаваемых королем, обычному праву. В то время как общеизвестные многочисленные факты исторического противостояния короля с баронами, а затем с Парламентом (представляющим интересы уже трех основных сословий), а также с королевскими судами, при том, что суды и Парламент являлись во многом выразителями тех самых многовековых обычаев (источников законов королевства по Г. Брактону), свидетельствуют об обратном. Кроме того, если буквально опираться на суждение Г. Брактона «то, что угодно государю, имеет силу закона», то можно узаконить любые решения короля, в том числе по установлению дополнительных сборов и податей на военные нужды короля в обход Парламента.

Тем не менее в труде Г. Брактона утверждается (пусть и в усеченном, незрелом виде) идея верховенства закона (писанного и неписанного права). Особого внимания заслуживает идея о том, что закон (право) не отождествляются автором с позитивным правом («правом власти»), напротив, он указывает на обычное право, которое затем будет оформлено в судебных актах как прецедентное право – основный источник права Англии. Понимание Г. Брактоном закона вполне соответствует понятию права А. С. Алексеева, который в своем выступлении «Начало верховенства права в современном государстве» говорил: «Не закон дает силу праву, а право дает силу закону» [9], подчеркивая самостоятельный, автономный характер права, его догосударственную природу в силу своего происхождения из норм обычного права.

В целом Г. Брактон в условных отношениях короля и закона и уже реальных отношениях короля и его подданных всячески обосновывает безусловное высшее место монарха: «Король (так как он является наместником Бога на земле) должен отделять правое от неправого, справедливое от несправедливого…». «Следует знать, что сам господин король располагает по своему праву могуществом и властью над всеми, кто (пребывает) в его королевстве…» [5].

Таким образом, подчиненность короля собственному закону не может гарантировать подданым защиту от королевского произвола. Г. Брактон находит Бога ограничителем неисчерпаемых королевских прерогатив, источником защиты от беззакония и несправедливости монарха: «Король должен осуществлять власть закона как представитель и слуга бога на земле, ибо его власть только от бога, власть же совершать беззаконие принадлежит дьяволу, но не богу, и король окажется слугой того из них, чье дело он выполняет. Поэтому пока король творит справедливость, он является представителем царя небесного, но как только он склоняется к беззаконию, он становится слугой дьявола» [5].

В своих рассуждениях Г. Брактон сближается с представителями теологической теории происхождения государства, утверждающими, что власть принадлежит монарху от Бога, только при таком условии монарх может считаться праведным, а в случае злоупотребления им королевской властью его власть признается дьявольской, тиранической.

Взгляды Г. Брактона вполне соответствуют духу времени Средневековья, когда в духовной жизни общества, в том числе философско-правовой мысли, безраздельно господствовало религиозное мировоззрение. При этом трактат мыслителя представляет собой значительную правовую ценность как первый известный труд английской правовой доктрины, в котором дается теоретическое обоснование ограниченности власти монарха законами королевства, гарантией такой законности признавалась божественного воля (иного в XIII в. представить сложно). На что указывает и О. А. Святовец: «Концепция верховенства права всецело поддерживалась в этом случае господствующей религиозной идеологией» [6] и А. В. Михайлов [4].

Другой английский юрист Д. Фортескью в работе «Похвала законам Англии» во второй половине XV в. продолжат и значительным образом углубляет идеи Г. Брактона о верховенстве закона. Д. Фортескью писал о недопустимости произвольной власти монарха: «… король Англии не может по своему произволу изменять законы своего королевства, потому что он господствует над своим народом не в силу одной лишь власти короля (regale), но и в силу власти политической (politico)… Король, управляющий своим народом политически (politice) не может ни изменять законы сам без согласия своих подданных, ни отягощать подвластный ему народ против его желания необычными налогами, так что его народ, управляемый законами, принятыми по его желанию, свободно извлекает доходы из своего имущества и не подвергается вымогательствам со стороны короля или кого-нибудь другого…[5].

Необходимо отметить существенный прогресс английской юридической мысли. Вероятно, в силу ослабления влияния религиозной идеологии ко второй половине XV в. Д. Фортескью даже не упоминает о божественном источнике власти короля как имплицитном факторе королевской власти, который позволял монарху до определенной меры возвышаться над законом с одновременным подчинением ему. Фортескью вводит нового «игрока» на конституционное поле – народ, желания и интересы которого не могут не учитываться королем в силу обладания им «политической» властью. Как указал В. М. Корецкий, под «властью политической» (dominium politicum) Д. Фортескье понимает власть, осуществляемую королем вместе со всем государством – полисом, «народом» [5].

Д. Фортескью развивает тезис об обязанности короля при принятии статутов испрашивать согласие Парламента: «Статуты Англии основываются не только на воле государя, но и на согласии всего королевства» (что означает наличие санкции Парламента, которая со второй половины XIV века стала обязательной для издания статутов) [5]. В. М. Корецкий при этом обращает внимание на то, что Д. Фортескью совершенно умалчивает здесь о том, что, помимо статутов король в Англии XIV и XV вв. мог своею властью издавать также ордонансы, которые не требовали никакой санкции Парламента, то есть могли приниматься без «согласия королевства» [5]. Указанное свидетельствует о сохранении за королем достаточно могущественных прерогатив, которыми он мог практически беспрепятственно злоупотреблять, что подтверждается ходом истории Англии в XVI – XVII вв., установлением королями многочисленных поборов на военные нужды в обход Парламента.

Вклад в развитие концепции верховенства права в XVII в. внес шотландский теолог С. Резерфорда, который уже прямо отрицал божественный характер власти короля («обычного человека»), ограниченной законом [10, с. 26-27]. «Король не может стоять выше закона, он является стражем и хранителем закона, слугой народа, доверившего ему свои безопасность и свободу» [11, с. 237]. Таким образом, Д. Фортескью, С. Резерфорд сформулировали идею верховенства (господства) права в контексте необходимого правового ограничения королевской власти, гарантией такого ограничения является воля народа, институциированная в законодательной деятельности Парламента и обязанности короля и его кабинета министров соблюдать установленную процедуру принятия законов через Парламент.

На основании изложенного анализ ранних доктринальных источников принципа верховенства права в Великобритании позволяет сделать вывод о прогрессивном развитии взглядов английских правоведов на формирующийся принцип верховенства права от божественного происхождения власти монарха до идей суверенитета народа как единственного источника королевской власти и от идеи сочетания верховенства закона и обладания королем верховной властью по Г. Брактону до идей безоговорочного подчинения короля и его правительства праву (закону) по Д. Фортескью и С. Резерфорду.

Проанализированные труды английских правоведов периодов Средневековья и Нового времени внесли значимый вклад в формирование принципа верховенства права, заложили основу современной доктрины верховенства права задолго до выхода в свет фундаментального труда А. В. Дайси и принятия Билля о правах в 1689 г., наметили один из основных постулатов принципа верховенства права, который выражается в необходимости правового ограничения власти монарха (ныне исполнительной власти), осуществлении государственной власти сообразно правовым установлением, недопустимости произвола и иных злоупотреблений властью.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель. Политика. Сочинения: в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983.
2. Чиркин В.Е. Верховенство права: современные варианты терминологии // Журнал российского права. – 2015. – № 12.
3. Дайси А. В. Основы государственного права Англии: Введение в изучение английской конституции / Пер., доп. по 6-му англ. изд. О. В. Полторацкой / Под ред. П. Г. Виноградова. 2-е изд. – М., 1907.
4. Михайлов А. М. Становление и развитие доктрины верховенства права в английской юридической мысли // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 9.
5. Святовец О. А. Проблемы королевской власти в трактате Генри Брактона «О законах и обычаях Англии» // Правоведение. – 1997. – № 4.
6. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под. ред. акад. В. М. Корецкого. – М.: Гос. изд-во. юр. лит., 1961.
7. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серегиной. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
8. Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1977.
9. Алексеев А. С. Начало верховенства права в современном государстве. Речь, произнесенная Председателем Московского Юридического Общества в публичном заседании Общества 11 апреля 1910 г. – 1910.
10. Шевченко М. И. Принцип верховенства права как основа Конституции Великобритании: теория, практика и перспективы: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2024.
11. Rutherford S. Lex, rex: the law and the prince, a dispute for the just prerogative of king and people, containing the reasons and causes of the defensive wars of the kingdom of Scotland, and of their expedition for the ayd and help of their brethren of England. 1644. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=tpIBAAAAQAAJ&pg=PA237&lpg=PA237&dq=%22Samuel+Rutherford%22+and+%22but+under+rule+of+law%22&source=bl&ots=3jZvY_yR6F&sig=0t4WLPmw2ucho0R_mDqg9EJrKA8&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=%22Samuel%20Rutherford%22%20and%20%22but%20under%20rule%20of%20law%22&f=false (дата обращения: 10.02.2025).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-83-87

Алоев К. В.

АЛОЕВ Кантемир Владимирович
аспирант, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ФОРМИРОВАНИЕ КОДЕКСА ЭТИКИ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ПРАВОТВОРЧЕСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ

«Разум есть способность, дающая нам принципы априорного знания»
И. Кант «Критика чистого разума»

Современные технологии стремительно развиваются, оказывая влияние на различные аспекты жизни общества. Одним из наиболее значимых достижений последних лет является развитие искусственного интеллекта. Вместе с этим приобретают актуальность и различного рода проблемы правового регулирования, обусловленные влиянием цифровых объектов на общественные отношения. Однако классические подходы правового регулирования оказываются недостаточно гибкими и эффективными для оперативного реагирования на изменения технологических реалий, в связи с чем приобретают актуальность альтернативные формы, которые реализуются процессами децентрализации правотворческих полномочий. В качестве примера данного исследования будет рассмотрена деятельность, связанная с созданием отечественного Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта. Цель исследования: определение механизма децентрализации в рамках разработки и упорядочивания этических принципов в сфере искусственного интеллекта. Методология исследования основывается на диалектике Г. Гегеля: используются общие логические операции (анализ, синтез, индукция, дедукция), частнонауные и специальные методы. Системный метод позволяет изучить сложные правовые процессы и явления как составные элементы единой системы. Формально-юридический метод применяется для анализа действующих подзаконных актов и актов «мягкого» регулирования международного и национального права. Для определения общих и характерных сторон рекомендательных актов, затрагивающих различные предметы регулирования, используется сравнительно-правовой метод.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, децентрализация, рекомендательные акты, делегированное правотворчество, альтернативные формы нормативно-правового регулирования.

ALOEV Kantemir Vladimirovich
postgraduate student, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE FORMATION OF A CODE OF ETHICS IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A RESULT OF THE DECENTRALIZATION OF LAW-MAKING POWERS

«Reason is the faculty which furnishes us with the principles of knowledge à priori»
I. Kant «The Critique of Pure Reason»

Modern technologies are rapidly developing, affecting various aspects of society. One of the most significant achievements of recent years is the development of artificial intelligence. At the same time, various problems of legal regulation are becoming relevant due to the influence of digital objects on public relations. However, classical approaches to legal regulation turn out to be insufficiently flexible and effective for rapid response to changes in technological realities, and therefore alternative forms are becoming relevant, which are implemented by the processes of decentralization of law-making powers. As an example of this study, the activities related to the creation of a national Code of Ethics in the field of artificial intelligence will be considered. The purpose of the study is to determine the mechanism of decentralization within the framework of the development and streamlining of ethical principles in the field of artificial intelligence. The research methodology is based on the dialectic of G. Hegel: general logical operations (analysis, synthesis, induction, deduction), private scientific and special methods are used. The systematic method allows us to study complex legal processes and phenomena as integral elements of a single system. The formal legal method is used to analyze current bylaws and acts of «soft» regulation of international and national law. The comparative legal method is used to determine the general and characteristic aspects of recommendatory acts affecting various subjects of regulation.

Keywords: artificial intelligence, Code of Ethics in the field of artificial intelligence, decentralization, advisory acts, delegated law-making, alternative forms of regulatory regulation.

Введение

Отечественная правовая наука относительно недавно обратила пристальное внимание на исследование вопросов *искусственного интеллекта*[1] (далее – ИИ), фокусируясь и делая акцент на его практической значимости в различных сферах деятельности. Активное взаимодействие права и технологий произошло с началом нового тысячелетия, но по причине совокупности факторов с конца прошлого десятилетия проблемы, касающиеся разработки, внедрения и использования

1 «Искусственный интеллект» определяется как комплекс математических и информационных алгоритмов, образующих цифровой когнитивный разум, который позволяет с использованием заложенной информации при выполнении их обработки решать задачи, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности.

ИИ, а также правового регулирования цифровых процессов, начали приобретать особую актуальность и масштаб в исследовательских кругах.

Важным аспектом современной правовой «онто-инженерии» [10, с. 27-33] в целом, и, в частности, при регулировании технологий ИИ, учитывая существующие международные проблемы (например, проблема регулирования автономных летательных вооружений в международном гуманитарном праве) и национальные опасения (пределы и границы применения цифровых программ), является приоритет формирования и реализации этических правил при их создании, внедрении и применении [7; 15; 1].

Вместе с тем в современных условиях развития общественных отношений органы государственной власти в должном объеме по объективным обстоятельствам не в состоянии одни совладать с трудностями специфики и масштабами, с которыми им приходится сталкиваться в сфере ИИ. В связи с этим регулирующим органам все чаще приходится прибегать к дееспособности и ресурсной составляющей субъектов частного сектора, делегируя им полномочия по созданию и обеспечению этими субъектами правовых механизмов на ранних этапах развития регулирования в этой сфере[2]. Такой подход целесообразен в государственном управлении. Как справедливо отмечает Заслуженный юрист Российской Федерации, д.ю.н., профессор Н. А. Власенко, «уничтожение … регулятивных качеств», их отсутствие может свидетельствовать об отрицательном рубеже – кризисе права, юридических механизмов [9, с. 264].

Цифровые технологии, основанные на ИИ, которые активно внедряются в различные сферы общественных отношений, но не имеющие на определенный период времени комплексного законодательного закрепления, обуславливают возникновение альтернативных форм правового регулирования посредством децентрализации правотворческих полномочий [20; 3]. Влияние подобных процессов отражается в результате принятия *Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта*[3] (далее – Кодекс этики) как вспомогательного правового акта для управления цифровым когнитивным разумом в системе источников права.

В условиях современной правовой реальности позиция д.ю.н., профессора О. В. Романовской о таком эффективном средстве, как «дерегулирование», весьма оправдана, поскольку служит для «преодоления административных барьеров» и обладает рядом преимуществ, в частности, «обеспечивается большая гибкость соответствующих правовых актов, позволяющая приспосабливать их к непрерывному процессу обновления общественных отношений» [16, с. 27; 14].

Исходя из позиции Директора по развитию технологий искусственного интеллекта компании «Яндекс», одного из разработчиков Кодекса этики А. Г. Крайнова, можно констатировать, что этические стандарты в совокупности выступают тем самым «сдерживающим механизмом» и правовым пластом регулируемых ими отношений для пресечения незаконного и необоснованного использования ИИ, инструментом, выражающимся рекомендательным характером при наличии «серой зоны – не все регулируется законом, поскольку законодательного аппарата еще нет»[4].

Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, как источник «мягкого» права: правовая природа и особенности

Процесс формирования и упорядочивания этических стандартов в единый документ был юридически обоснован актами подзаконного регулирования: Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (далее – Национальная стратегия), Распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» (далее – Распоряжение № 2129-р).

В целях реализации технического прогресса, национальных экономических прерогатив и создания комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием ИИ, во исполнение положений Национальной стратегии, в частности, пп. ж) п. 49 (утратил силу), задачей стояла «разработка этических правил взаимодействия человека с искусственным интеллектом» в результате научных исследований, ориентированных на траектории развития ИИ и «на прогнозирование социальных и этических аспектов» при апробации и внедрении ИИ, предназначенных «при принятии управленческих решений» (п. 57).

В Распоряжении № 2129-р, принятом Правительством РФ и не утратившем юридической силы, предусмотрен ряд принципов, служащих для эффективной реализации целей и задач, направленных на урегулирование взаимоотношений, возникающих в процессе создания и эксплуатации технологий ИИ и роботизированных систем. Один из этих принципов предполагает «расширение применения инструментов сорегулирования и саморегулирования, формирование кодексов (сводов) этических правил разработки, внедрения и применения технологий искусственного интеллекта и робототехники», которого следует придерживаться для развития регулирования в этой сфере.

Основная идея воплощения базовых принципов следует из преамбулы Кодекса этики. Действие документа распространяется на те отношения, «которые в настоящее время не урегулированы законодательством Российской Федерации и/или актами технического регулирования». В связи с этим точка зрения российского ученого, д.ю.н., профессора Ю. А. Тихомирова, подразумевающая, что «с одной стороны, право должно отражать объективные закономерности, с другой - оно развивается среди других социальных законов, *включая нормы морали*, *этики*, религии, *технологических процессов* и др.», способствует более глубокому осмыслению сути имплементации акта в правовую систему [18].

С теоретической точки зрения на данном этапе развития нормативно-правового регулирования в сфере ИИ сложно классифицировать Кодекс этики как акт технического или социального регулирования. Однако очевидным представляется то, что этот документ как всесторонний свод правил предначертан для соблюдения и обеспечения различных форматов устойчивости и цифровой безопасности, поскольку цель его создания обусловлена практической апробацией не до конца выявленных и потенциально рискованных объектов.

Кодекс этики состоит из ряда специальных этических принципов, которые должны учитываться акторами (1.3. разд. 2) при разработке («*проектирования, конструирования, пилотирования*»), внедрении и обращении функциональной части цифрового когнитивного разума, отсутствующие в системе правового регулирования. Ю. А. Тихомиров отмечает, что «точные и конкретные императивы содержатся в нормативно-технической документации (*конструкторской*, *техно-*

2 Стандарты профессионального саморегулирования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fparf.ru/news/fpa/standarty-professionalnogo-samoregulirovaniya/ (дата обращения: 03.04.2025).

3 Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта от 26 октября 2021 г., принятый Альянсом в сфере искусственного интеллекта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/Кодекс_этики_20_10_1.pdf.

4 Эксперты факультета права приняли участие в обсуждении проекта национального кодекса этики в сфере искусственного интеллекта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.hse.ru/news/504333549.html (дата обращения: 03.04.2025).

логической …)», которые отражаются как «источник нормативного выражения» [18].

Правовая природа этого акта, как и любого иного подобного наименованием кодекса (Кодекс профессиональной этики врача, Кодекс профессиональной этики адвоката, Кодекс профессиональной этики российского журналиста), объединяющего как базовые, так и специальные этические правила, заключается в том, чтобы регулировать стандарты поведения субъектов сообщества, придерживающихся единых целей и задач по конкретной сфере деятельности. Кодексы морали и этики устанавливают границы между допустимым и морально правильным, одновременно определяя, что не является ими.

Юридическая сила Кодекса этики распространяется только на тех субъектов, которые присоединились к нему, что придает ему рекомендательный характер. По своей правовой природе и конструкции он является уникальным базовым документом, так как одним из немногих заложил основу для введения, освоения и развития отдельных цифровых инноваций (ИИ) с учетом соблюдения принципов защиты прав и интересов человека, прозрачности и правдивости информирования, ответственного отношения к деятельности, связанной с ИИ, недопущения противоправной манипуляции и полной подконтрольности системы ИИ человеку. В нем предусмотрены риско-ориентированные подходы (2.1. разд. 1); нормы, отражающие обязанности акторов (2.2., 2.3., 2.4. разд. 1); механизмы, обеспечивающие присоединение к настоящим положениям и их соблюдение (2. разд. 2), в целях которых назначается уполномоченный по этике и/или может быть создана специальная комиссия, и меры, предпринимаемые в связи с этим («разработка методик, руководств, «чек-листов» и иных методологических материалов, обеспечивающих наиболее эффективное соблюдение положений»).

На наш взгляд, главной чертой Кодекса этики выступает круг лиц, отвечающих за процесс его создания. Этот источник не санкционирован государством, акцент правотворческой деятельности смещается с органов публичной власти на организации частного сектора в процессе разработки этических стандартов, упорядочивания их в единый акт и его принятия.

Сами элементы базового документа отражают не только нравственные модели поведения, но и отдельные конструкторские и технические нормы (например, идентификация ИИ (2.5. разд. 1), безопасность работы с данными (2.6. разд. 1), информационная безопасность (2.7. разд. 1), добровольная сертификация ИИ, подтверждающая стандарты качества (2.8. разд. 1)) [4, с. 156-175; 5]. Также специфика выражается в предмете формирования этических установок, предназначенных не столько для взаимоотношения субъектов, сколько необходимых для объектов (ИИ), на которые направлены эти правила и действующие при их апробации. Такой предмет регулирования, по мнению профессора, д.ю.н. Л. Ю. Василевской, «свидетельствует о непонимании сути проблемы» как в правовом, так и философском (нравственном) смысле [8, с. 19-21].

С доктринальной точки зрения, исследуемые альтернативные формы правового регулирования, возникающие при формировании этических норм, требуемые для их имплементации в общественный строй, коренным образом трансформируют онтологические и аксиологические основания деятельности человека и цели, которые изначально преследовались при создании самого цифрового разума [19, с. 94-114; 11; 13, с. 34-36; 2].

В свою очередь, некоторые исследователи, оценивая значения самих этических принципов, отмечают, что их нарушение «неизменно будут встречаться чаще, чем нарушения правовых норм», так как они не предусматривают санкции в случае наступления ответственности [17, с. 56]. При этом часть аналогичных сводов правил (например, *Рекомендация об этике использования искусственного интеллекта*, принятая в рамках деятельности ЮНЕСКО[5]) предусматривают многоуровневые механизмы контроля за исполнением общих принципов, но, как считает ряд экспертов, в частности, Управляющий директор Центра регулирования ИИ «Сбербанк России», к.ю.н. А. В. Незнамов, разработка сложных систем контроля будет сопровождаться определенной долей «хаотичности и даже избыточности» для документа, затрагивающего вопросы этики. Одновременное применение столь обширного набора инструментов может привести к полной остановке деятельности актора и вызвать множество вопросов у государств [6, с. 12-26].

Особенности децентрализации при создании Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта

На сегодняшний день классическое определение «децентрализации», представляющее процесс перераспределения и передачи полномочий от центрального уровня власти к нижестоящему, приобретает более широкое толкование и понимание за счет применения этого механизма не только органами одной системы, но и служит средством для взаимодействия и сотрудничества между независимыми системами. Также подобный подход находит свое отражение в траектории цифрового пространства, включая сетевую инфраструктуру, управление данными и блокчейн [21].

Одним из примеров взаимодействия и координации усилий между государственными органами и частными компаниями является сопровождение в инициативах, связанных с правовым регулированием сферы ИИ, способствующее его развитию и подконтрольности современных предметов и объектов регулирования. Такой подход, выражающийся в сотрудничестве между различными заинтересованными сторонами без опоры только на институциональное управление и централизованный контроль, направлен на реализацию принципа «применения инструментов сорегулирования и саморегулирования» (Распоряжение № 2129-р), расширение возможностей отдельных групп и сообществ, повышение прозрачности и содействие реализации демократических принципов.

Процесс децентрализации при разработке Кодекса этики представляет собой переход от формально закрепленных подходов к более инклюзивной методологии правового регулирования, основанного на принципе не только «сверху-вниз», но и «снизу-вверх»[6]. Подразумевается, что в подобном правовом новаторстве задействованы многочисленные заинтересованные стороны, взаимодействующие в различных областях информационной и цифровой сферы с целью определения первоочередных стандартов и норм при внедрении и применении инновационных объектов. Этот подход позволяет решать проблемы, связанные с прогрессирующими инновациями и их влиянием на общество.

Подчеркнем те моменты, которые напрямую зависят от процесса децентрализации и определяются разработкой рассматриваемого «этического кодекса»:

– ИИ имеет широкое применение и может влиять на различные сферы деятельности, отрасли экономики, государственные и общественные прерогативы. В связи с этим наличие только централизованного характера регулирования может подвергнуть допущению погрешности и неточности в просчетах при создании и использовании алгоритмов ИИ;

5 Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137 (дата обращения: 10.04.2025).

6 Building a case for decentralised AI ethics. Observer Research Foundation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.orfonline.org/expert-speak/building-a-case-for-decentralised-ai-ethics (дата обращения: 05.04.2025).

– адаптивность и гибкость – подходы децентрализации позволяют эффективнее реагировать на быстрые технологические изменения и корпоративные потребности, чтобы сложилась и функционировала «гибкая система нормативно-правового регулирования» (п. 51 (утратил силу) Национальной стратегии);

– профессионализм – подходы децентрализации позволяют перераспределять ресурсы так, чтобы полномочия затрагивали только тех субъектов, которые имеют профессиональный опыт и специальные навыки по конкретной сфере деятельности, в том числе нормотворческие для создания стандартов и правил, направленные на конкретные объекты. В совокупности профильные организации формируют своего рода профессиональную среду, чьи навыки и ресурсы необходимы для апробации и интеграции инновационных правовых моделей.

Первостепенным и ключевым моментом децентрализации в рамках разработки этических стандартов является участие различных организаций, обеспечивающих как ранние этапы правообразования (открытые форумы, профессиональные консультации, публикации открытых исследований, анализ передового опыта, общественное обсуждение и краудсорсинг), так и заключительные – сам правотворческий процесс, утверждение и опубликование вспомогательного акта. К числу соответствующих организаций относятся органы государственной власти обеспечивающие общую координацию нормативно-правового регулирования, в частности, Министерство экономического развития РФ, некоммерческие организации (Аналитический центр при Правительстве РФ), передовые технологические компании – Альянс в сфере искусственного интеллекта (на момент подписания Кодекса этики в объединении состояли Яндекс, Сбербанк России, МТС, Газпром нефть, Российский фонд прямых инвестиций и др.), научное сообщество, институты гражданского общества, отдельные бизнес-компании, независимые исследовательские группы[7].

Процесс создания правовых норм вне зависимости от сферы регулирования, предмета или вида представляет собой универсальный подход, состоящий из нескольких последовательных этапов. Анализ данного источника позволяет выделить следующие:

• Сбор мнений и предложений: для получения всесторонней обратной связи от заинтересованных лиц используются различные методы взаимодействия, такие как общественные обсуждения, консультации и опросы как технического, так и правового характера. Крайне важно учитывать различные точки зрения, чтобы обеспечить сбалансированность кодекса и защиту интересов всех сторон.

• Обсуждение и корректировка: предварительная версия кодекса становится предметом обсуждения среди специалистов и широкой публики. Организуются тематические конгрессы, форумы и другие мероприятия, где акторы могут поделиться своими комментариями и предложениями по улучшению.

• Утверждение и внедрение: после внесения необходимых поправок и доработок, кодекс утверждается и подписывается акторами. Далее начинается этап внедрения, включая официальное опубликование в СМИ и процедуру присоединения.

Помимо указанных этапов проводится непрерывное наблюдение и мониторинг, что, в целом, характерно правовому регулированию в области цифровых инноваций. Кодекс этики не является актом общего регулирования и, как следствие, нуждается во временной апробации и требует периодической проверки, чтобы соответствовать трансформации технологий и общественным отношениям, возникающих в сфере цифровизации.

В свою очередь, формирование подобных базовых принципов указанными субъектами способны вызвать ряд сложностей, такие как:

1. фрагментация: избыток стандартов может создать путаницу при их реализации;

2. проблемы с реализацией: без централизованной системы государственного контроля и императивного метода регулирования соблюдение стандартов – рекомендательное;

3. дисбаланс сил: крупные корпорации, ведущие технологические компании могут лоббировать свои интересы как в процессе создания стандартов, так и при их реализации;

4. медленный консенсус: при децентрализации отдельные этапы подготовки принятия акта медленнее из-за разнообразия позиций по поводу ввода нормативных данных.

Эффективность и результативность альтернативной формы правового регулирования в сфере искусственного интеллекта

В ходе круглого стола, организованного Общественной палатой РФ, Председатель совета директоров некоммерческого фонда «Центр содействия законотворчеству», д.ю.н., профессор В.А. Виноградов ранее справедливо акцентировал внимание на том, что разработка специальных этических норм по созданию и использованию ИИ «представляется важной проблемой на фоне стремительного развития технологий», так как информационные технологии, которые одно время применялись на «слабом уровне», могут достичь своей эволюции и процесса перехода к «сильному искусственному интеллекту», который будет возможен в ближайшем будущем[8]. И действительно, такая эволюция уже наступила.

Результативность имплементации этических стандартов определяется в первую очередь широтой сфер, где они служат правовым регулятором для достижения поставленных целей и средством оптимизации профессиональной деятельности. Среди таких сфер можно выделить здравоохранение (безопасная обработка ИИ персональных данных пациентов), право (реализация этических стандартов при использовании машиночитаемого права и их значимость для защиты интеллектуальной собственности), финансы (подконтрольный ИИ широко применяется в банковской деятельности, в том числе при использовании регуляторных технологий SupTech и RegTech).

Подходы децентрализации при создании этических правил рекомендательного характера на начальном этапе демонстрируют свою результативность за счет выработки современных правоотношений. Они открывают новые возможности для создания более динамичных и гибких систем регулирования, учитывающих многообразие и сложности цифрового взаимодействия, защиту частных и публичных интересов и критерии оценки в режиме реального времени.

Подобные альтернативные формы правового регулирования позволяют снизить системные риски и стимулируют создание высококачественных инновационных продуктов. Скоординированные коллективные усилия позволяют решать правовые, инновационные и технические вопросы, позволяя сообществам активно формировать будущее правовых предписаний и технологий.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, процесс децентрализации правотворческих полномочий, сопутствующий имплe-

7 Искусственный интеллект и этика: эксперты оценили проект нового кодекса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/article/1487350/ (дата обращения: 03.04.2025).

8 Там же; Эксперты факультета права приняли участие в обсуждении проекта национального кодекса этики в сфере искусственного интеллекта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.hse.ru/news/504333549.html (дата обращения: 03.04.2025).

ментации Кодекса этики в правовую систему, способствует оперативности, гибкости, инклюзивности, прозрачности и адаптации правового регулирования в цифровой сфере. Будущее правового регулирования в сфере ИИ и цифровых технологий, вероятно, за сбалансированным многоуровневым управлением, которое заключается в сочетании децентрализованного ввода нормативных данных с обеспечением централизованного контроля, предполагающее адаптацию социальных норм к инновационным и техническим требованиям. Такая гибридная модель позволит обеспечить соответствия различных этических стандартов там, где это необходимо, и избежать ошибок при регулировании в будущем.

Разработанные этические правила могут внести существенный вклад в развитие ИИ, подотчетности цифровых технологий, общего регулирования и обеспечат комплексный подход по совершенствованию процесса кодификации в контексте работы над созданием Цифрового кодекса, активно обсуждаемого на площадках органов публичной власти[9], СМИ и исследуемого научным сообществом в связи с частными проблемами по упорядочиванию отдельных нормативных актов в сфере IT-технологий. Создание такого кодифицированного акта с набором рамочных принципов, правил и регламентов, основанных на нравственных ориентирах, позволит оптимизировать и скоординировать нормативную базу в цифровой сфере [12].

Пристатейный библиографический список

1. Алоев К. В. Автономное летальное оружие в свете принципов международного гуманитарного права // Ломоносов-2020: Материалы Международного молодежного научного форума. Электронный ресурс, Москва, 13-17 апреля 2020 года / Ответственные редакторы: И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2020.
2. Алоев К. В. Влияние дегуманизации права на структуру правоотношений // Право на пути к устойчивому развитию: материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых, Москва, 14 мая 2022 года. Том 1. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. – С. 236-239.
3. Алоев К. В. Децентрализация правотворчества в процессе установления и применения экспериментальных правовых режимов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 4. – С. 21-29.
4. Архипов В. В., Камалова Г. Г., Наумов В. Б. и др. Правовые и этические аспекты, связанные с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники: история, современное состояние и перспективы развития: монография. – Санкт-Петербург: НП-Принт, 2020. – С. 260.
5. Архипов В. В., Камалова Г. Г., Наумов В. Б., Незнамов А. В. Комплексное исследование правовых и этических аспектов, связанных с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники. – Санкт-Петербург: НП-Принт, 2022. – С. 336.
6. Безотосова А. Р., Валитова Д. В., Власов Е. Е., Незнамов А. В. и др. Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Издание 2023. – Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2023. – С. 433.
7. Богданов К. В., Евтодьева М. Г. Смертоносные автономные системы вооружения: ландшафт и перспективы // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 6. – С. 67-80.
8. Василевская Л. Ю., Кодекс этики для «искусственного интеллекта»: юридический миф и реальность // Гражданское право. – 2023. – № 2. – С. 19-22.
9. Власенко Н. А. Отклоняющееся государство: методология исследования и основы теории // RUDN Journal of Law. – 2023. – Т. 27, № 2. – С. 257-272.
10. Дегтярев М. В. Новейшие регуляторные технологии и инструменты: Регуляторные эксперименты, песочницы, гильотины, экосистемы, платформы. – М.: Буки Веди, 2022. – С. 424.
11. Дремлюга Р. И., Дремлюга О. А. Искусственный интеллект - субъект права: аргументы за и против // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 2. – С. 120-125.
12. Жарич А. В. Национальные и международные предпосылки создания цифрового кодекса РФ // Цивилист. – 2023. – № 4. – С. 5-9.
13. Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 6. – С. 32-46.
14. Капитан Д., Кассиа П., Лафитский В. И. и др. Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта. – Москва: Издательство «Статут», 2011. – С. 320.
15. Петрова Д. А., Гайворонская Я. В., Мамычев А. Ю. Смертоносные автономные системы: этические, юридические, политические проблемы и перспективы их решения // Территория новых возможностей. – 2019. – № 4. – С. 33-43.
16. Романовская О. В. Понятие дерегулирования в российской правовой науке // Правовая политика и правовая жизнь. – 2017. – № 4. – С. 24-28.
17. Саввина О. В. Этические кодексы разработки и использования ИИ: проблема применения на практике // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2025. – № 1. – С. 50-62.
18. Тихомиров Ю. А. Креативные регуляторы в правовом и виртуальном пространстве // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 5-16.
19. Цифровое право: учебник / Под общей редакцией Блажеева В. В., Егоровой М. А. – Москва: Проспект, 2021. – С. 640.
20. Экспериментальные правовые режимы (regulatory sandboxes): зарубежная практика и опыт становления в современной России: монография / Кол. авторов; под ред. Давыдовой М. Л., Макарова В. О. – Москва: РУСАЙНС, 2023. – С. 186.
21. Baird A., Schuller B. Considerations for a More Ethical Approach to Data in AI: On Data Representation and Infrastructure // Frontiers in big data. – 2020. – (3), 25.

9 Круглый стол на тему «Перспективы кодификации законодательства в сферах информационных технологий и цифрового развития». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://council.gov.ru/events/news/156612/ (дата обращения: 25.04.2025).

БИФОВ Талустан Бесланович
аспирант 2-го года обучения кафедры теории, государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик

ЗРУМОВ Мухамед Мусарбиевич
аспирант 2-го года обучения кафедры теории, государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРАВА И РЕЛИГИИ В РОССИИ

Взаимоотношение права и религии в Российской Федерации (РФ) является одной из наиболее сложных сфер исследования, так как на каждом этапе исторического развития имеет свои противоречия и сложности. На каждом этапе развития российского государства формировались определенные формы взаимоотношений права и религии. На данный момент существует множество мнений о различных формах взаимодействия права и религии в России и научные споры между сторонниками различных форм взаимоотношений права и религии продолжаются, что и определяет актуальность темы исследования. Особое внимание уделяется историческому развитию взаимоотношений права и религии в советский период, который является наиболее сложным, и именно данный период вызывает наибольший интерес со стороны исследователей. Религия в советский период воспринималась как отрицательное социальное явление. Так как основой государственной политики являлась марксистско-ленинская идеология, одной из базовых основ которой являлся атеизм. В Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) действовала нормативно-правовая система, которая в значительной степени ограничивала права религиозных организаций и иных объединений религиозного характера. Кроме того, активно проводилась антирелигиозная пропаганда, которая являлась одним из направлений государственной политики.

Ключевые слова: право, религия, пропаганда, атеизм, идеология, религиозные организации, юридические лица, конфессии, вероисповедание.

BIFOV Talustan Beslanovich
postgraduate student of the 2nd course of Theory, state and law sub-faculty, Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

ZRUMOV Mukhamed Musarbievich
postgraduate student of the 2nd course of Theory, state and law sub-faculty, Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

FEATURES OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN LAW AND RELIGION IN RUSSIA

The relationship between law and religion in the Russian Federation (RF) is one of the most complex areas of research, since at each stage of historical development it has its own contradictions of complexity. At each stage of the development of the Russian state, certain forms of relations between law and religion were formed. At the moment, there are many opinions on various types of interaction between law and religion in Russia and scientific disputes between supporters of various forms of relations between law and religion continue, which determines the relevance of the research topic. Particular attention is paid to the historical development of the relationship between law and religion in the Soviet period, which is the most difficult and it is this period that arouses the greatest interest from researchers. Religion in the Soviet period was perceived as a negative social phenomenon. Since the basis of state policy was the Marxist-Leninist ideology, one of the basic foundations of which was atheism. In the Union of Soviet Socialist Republics (USSR), there was a legal system that significantly limited the rights of religious organizations and other religious associations. In addition, anti-religious propaganda was actively carried out, which was one of the directions of state policy.

Keywords: law, religion, propaganda, atheism, ideology, religious organizations, legal entities, confessions, faith.

Одним из наиболее сложных этапов исторического развития взаимоотношений права и религии в Российской Федерации (РФ) является советский этап развития, который отличается определенными противоречиями и открытым закреплением отношения к религии в государстве. Отношение к религии закрепляется на законодательном уровне. В Конституции Союза Советских Социалистических Республик (СССР) 1977 г. закреплено право на проведение атеистической пропаганды, но следует четко разграничивать понятия «атеистическая пропаганда» и «религиозная пропаганда».

Верующие имели право исповедовать религию, а также отправлять религиозные культы. Перечень прав на этом был ограничен, что является свидетельством разграничения религии и государства в СССР. Следует отметить, что в советском законодательстве по-особенному понималась сущность понятия «исповедовать религию». В советской системе нормативно-правового регулирования понятие «исповедовать религию» относительно узкое в сравнении с аналогичным понятием в системе международного права. Понятие «исповедовать религию» предусматривало право иметь определенные религиозные убеждения, но с ограничением права проявления, распространения религиозных идей и воззрений. Современные подходы к содержанию прав и свобод человека кардинально отличаются от подходов, преобладающих в советский период развития государства. В соответствии с современным российским законодательством человеку разрешено все, что не имеет прямого запрещения законом. Советское государство имело противоположную позицию, деятельность верующих воспринималась как противозаконная в том случае, если этот вид деятельности не разрешен в прямом порядке законодательством [4, с. 125].

Некоторые виды деятельности воспринимались как противоречащие советским нормативно-правовым нормам: миссионерская деятельность; различные формы публичной проведи. В 1918 году был принят декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Данный декрет значительно ограничивал права объединений религиозной направленности, так они были лишены статуса юридического

лица. Так декрет содержал следующее положение: «никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью». Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ были объявлены «народным достоянием» [1, с. 214].

Однако в силу необходимости религиозные объединения совершали действия, которые были необходимы для выполнения ими своих функций: открытие счетов в сберегательных кассах; заключение договоров передачи им в пользование культовых зданий; заключение договоров на закупку строительных материалов и проведение определенных работ и получение услуг. В СССР действовал особый порядок проведения сделок, которые связаны с управлением и пользованием культовым имуществом. Данный порядок регламентирован Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 08.04.1929 г. (с изменениями, внесенными Указом Президиума ВС РСФСР от 23.06.1975 г.). Договоры, которые касаются вопросов организационного, хозяйственного и материального обеспечения, религиозные объединения имеют право заключать с отдельными гражданами.

Наиболее кардинальные изменения во взаимоотношениях права и религии происходят в 1980-х гг. Вероисповедная политики на данном этапе подвергается существенным изменениям, которые отразились и на других сферах жизнедеятельности общества. Можно выделить следующие этапы:

1. Первый этап (конец 1980-х гг. - октябрь 1990 г.) – данный период был ознаменован такие событиями как начало празднования дня Крещения Руси, принятие закона «О свободе вероисповеданий». Указанные события ознаменовали поворот во взаимоотношениях права и религии в России.

2. Второй этап (октябрь 1990 г. - сентябрь 1997 г.) данный период продлился до принятия ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

3. Третий этап (сентябрь 1997 г. - настоящее время) отличается максимально толерантным отношением к религии и различным формам ее проявления [2, с. 69].

После советского периода развития в России складывается абсолютно противоположная система взаимоотношений права и религии, принципиально новыми становятся и отношения между государственными органами и конфессиями, которые исторически сформировались на территории Российской Федерации. Последние годы существования СССР отличаются кардинальными изменениями во всех сферах жизнедеятельности общества и функционировании системы государственной власти. В 1988 году проводились мероприятия по празднованию тысячелетия Крещения Руси, именно данное событие, по мнению многих исследователей, является началом изменений во взаимоотношениях права и религии. Одним из событий является принятие Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» в 1990 году, закон утратил юридическую силу в 1997 году [5, с. 17].

В СССР по факту отсутствовала вероисповедная политика, в целом религия отрицалась в любых ее проявления, основной идеологией был атеизм. Такая политика являлась приоритетной в СССР до 1900 года, РСФСР не имел самостоятельной политики, том числе и сфере регулирования взаимоотношений между правом и религией. В 1991 году Россия становится самостоятельным государством в 1991 году в результате распада СССР. До этого момента определенные структуры Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) активно проводили работу, которая была направлена ни усиление атеистической пропаганды и «разоблачение фальсификаций истории церковниками».

Принятие закона 1 октября 1990 г. в СССР «О свободе совести и религиозных организациях» привело к целому ряду очень значимых изменений в действующем законодательстве и следствием явилось в целом изменение государственной политики в отношении религии, меняется и постепенно религиозное мировоззрение российского общества. Согласному новому законодательному акту религиозным организациям присвоен статус юридического лица. Юридическими лицами признавались все виды религиозных организаций (приходы, местные религиозные общины, централизованные религиозные организации). Изменения были внесены и в порядок организации регистрации религиозных организаций, так в целях получения статуса юридического лица религиозные организации могут добровольно подавать заявления на регистрацию, ранее регистрация имела обязательный, разрешительный характер.

В общественной жизни религиозные организации начали принимать активное участие, так как на законодательном уровне запрета не было. Кроме того, религиозные организации были наделены следующими правами: доступ к средствам массовой информации (СМИ); осуществление благотворительной деятельности. Соответствующие изменения коснулись политики налогообложения религиозных организаций, ранее использовалась дискриминационная система, которая была устранена, и сформировался новый подход. Был сохранен такой структурный элемент как Совет по делам религий, но данный орган обладал иными функциями, а именно информационное и консультативное сопровождение деятельности религиозных организаций. Другим важнейшим документом, изменившим взаимоотношения права и религии в России, является Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г., который действовал в течение 7 лет.

По мнению многих специалистов, период с 1990 года по 1994 год – это именно тот период, когда постепенно рушится атеистическая идеология в стране, контроль религиозных организаций со стороны государства становится более слабыми в целом, религиозные организации становятся самостоятельными и приобретают статус юридического лица со всеми вытекающими правами. В результате взаимоотношения права и религии в России меняется в сторону их демократического и конструктивного взаимодействия. Государственно-конфессиональные отношения в современной России имеют свои особенности, которые формируются под воздействием определенных факторов:

– экономические, социальные, политические, межнациональные условия в стране;

– особенности исторического развития, которые оказали существенное воздействие на роль традиционных конфессий в российском обществе;

– необходимо ориентироваться на международные нормы права, направленные на защиту прав и свобод человека и следует соблюдать обязательства, которые приняты в международных договорах РФ;

– в РФ законодательная база не является совершенной, уровень правовой культуры достаточно низкий, в современной системе права имеются пробелы, отдельные правовые нормы отличаются неточностью формулировок [3, с. 166].

Таким образом, взаимоотношение права и религии в РФ имеет свои особенности, которые обусловлены влиянием исторических, государственных, экономических изменений, которые происходили. Наиболее сложными были взаимоотношения права и религии в течение советского периода развития страны, но распад СССР привел к формированию новой формы взаимоотношений права и религии, государства и религиозных организаций.

Пристатейный библиографический список

1. Дружинина В. Н. Государство и религиозные организации: стратегии взаимодействия // Современные политические стратегии: коллективная монография / Санкт-Петербургский государственный университет. - Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия, 2022. - С. 204-240.
2. Калингер И. В. Право и религия: теоретико-правовые аспекты // Право и государство культурологическое измерение: материалы VI Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 ноября 2021 года. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2021. - С. 68-70.
3. Курзаков М. В. Право и религия как социальные регуляторы // Тенденции развития науки и образования. - 2024. - № 108-5. - С. 166-168.
4. Право и религия в междисциплинарной интерпретации: монография /под ред. А. Б. Дидикина. - Москва, 2019. - 408 с.
5. Тумурова А. Т. Религия и право (проблема разграничения) // Сибирский юридический вестник. - 2024. - № 2 (105). - С. 16-23.

КУЛИКОВ Алексей Евгеньевич
аспирант 1-го года обучения, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ И ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Анализируются различные модели разделения властей, характерные для президентской, парламентской, смешанной и суперпрезидентской республики. Вводится классификация этих моделей по характеру полномочий президента – модели с «сильным», «слабым» и «доминирующим» президентом. Анализируется тенденция дальнейшего расширения полномочий в моделях с «сильным» президентом. Исследуется отечественный и зарубежный опыт обособления и трансформации института президентской власти в системе разделения властей. Ставится проблема легализации бессрочного нахождения у власти с помощью легитимных процедур изменения конституции, а также проблема искажения фундаментальных основ, заложенных в содержание теории разделения властей, из-за которых данный принцип перестает выполнять свою главную роль – препятствовать чрезмерной концентрации власти в одних руках.

Ключевые слова: разделение властей, система сдержек и противовесов, конституционная реформа, президентская власть, народовластие, президентская республика, парламентская республика, узурпация власти, авторитаризм.

KULIKOV Alexey Evgenjevich
postgraduate student of the 1st year of study, N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

SEPARATION OF POWERS AND THE INSTITUTION OF PRESIDENTIAL POWER: CURRENT ISSUES

The various models of separation of powers characteristic of presidential, parliamentary, mixed and super-presidential republics are analyzed. The classification of these models according to the nature of the president's powers is introduced – models with a "strong", "weak" and "dominant" president. The trend of further expansion of powers in models with a "strong" president is analyzed. The article examines the domestic and foreign experience of the isolation and transformation of the institution of presidential power in the system of separation of powers. The problem of legalizing indefinite stay in power through legitimate constitutional amendment procedures is raised, as well as the problem of distorting the fundamental foundations embedded in the content of the theory of separation of powers, due to which this principle ceases to fulfill its main role - to prevent excessive concentration of power in one hand.

Keywords: separation of powers, system of checks and balances, constitutional reform, presidential power, democracy, presidential republic, parliamentary republic, usurpation of power, authoritarianism.

В современном мире вопросы сдерживания авторитарных тенденций и обеспечения реализации народовластия, как мы видим по текущим политическим событиям, являются весьма острыми и актуальными. Даже в странах с устоявшимися традициями демократии политические лидеры под разными предлогами пытаются концентрировать все больше властных полномочий в своих руках. Конституционным механизмом сдерживания таких тенденций является разделение властей.

Модели этого разделения в основном варьируются в зависимости от статуса главы государства в системе ветвей власти и, прежде всего, от того, возглавляет он исполнительную власть или находится вне или над ветвями власти, либо вообще занимает «слабое» положение и выполняет в основном представительские функции (как это, например, характерно для парламентский республик и парламентарных монархий).

«Слабый» президент в парламентской республике компенсируется полномочиями Премьер-министра. Здесь механизм разделения власти строится по оси «правительство – парламент». Премьер-министр в отличие от президента не связан ограничением по сроку нахождения на посту и количеству этих сроков, все зависит от доверия избирателей, их голосов, отданных на выборах в парламент за партию, которую он возглавляет. Так, благодаря стабильному успеху избирательного блока немецких консервативных партий (Христианско-демократического союза Германии (ХДС) и Христианско-социального союза в Баварии (ХСС)) Ангела Меркель занимала пост Федерального канцлера Германии 16 лет подряд, за это время в Германии сменилось 4 президента. При данной модели длительное нахождение одного лица у власти, обладание ключевыми властными полномочиями по принятию политических решений без законодательного ограничения срока этих полномочий не противоречит демократическим принципам, так как каждый избирательный цикл дает возможность народу (электорату) продлить мандат доверия правящей партии и ее лидеру или отказать в нем в пользу оппозиционных сил.

Если говорить о максимально «сильном» положении главы государства, то разделение властей изначально было задумано для предотвращения концентрации всей полноты власти в одних руках. Классики теории разделения властей – Дж. Локк и Ш. Монтескье – считали, что отсутствие такого разделения и меха низма взаимного сдерживания ветвями власти друг друга с неизбежностью ведет к сосредоточению власти в руках одного лица, го сударственного органа или небольшой группы лиц, а также к злоупотреблению государственной властью и произволу. Соответственно защитить народ от беззакония и произвола, гарантировать права и свободы граждан можно только установив четкое разделение и взаимное сдерживание властей. Марченко, характеризуя истоки, роль и назначение теории разделения властей пишет, что: «идеологически теория разделения властей была направлена против королевского абсолютизма и служила обоснованию сложившегося в условиях предреволюционной Франции компромисса буржуазии и дворянства» [1, с. 297].

Напрашивается вывод, что разделение властей – это гарантия недопущения авторитаризма. Однако это не совсем так. Политическая практика показывает, что возможны модели разделения властей с крайне сильной концентрацией власти в руках главы государства – президента. Например, если Президент не относится ни к одной ветви власти, возвышается над ними и при этом не просто выполняет роль своеобразного арбитра в рамках системы сдержек и противовесов, а имеет существенные рычаги влияния на каждую из них, выходящие за разумные пределы, по сути, подчиняя себе весь государственный аппарат.

К сожалению, после проведенной в России в 2020 году конституционной реформы, ученые констатируют перекос

баланса власти в сторону Президента. Так, например, С. Е. Дробот, анализируя данную реформу, приходит к выводу, что она: «завершила процесс конституционализации суперпрезидентской республики, основанной на отечественной государственно-правовой традиции сильного, политически активного главы государства, сосредотачивающего в своих руках все нити государственного управления, что способствует переосмыслению принципа разделения властей, который теперь должен интерпретироваться в системном единстве с принципом единства власти» [2, с. 52].

Примером реформирования Конституции по инициативе президента с целью удержания власти и расширения своих властных полномочий может служить Турция. Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган, проведя конституционную реформу в 2017 году, смог обойти ограничение на два срока избрания и остается у власти вот уже 22 года (с 2003 года в качестве премьер-министра парламентской республики, а с 2014 – в качестве президента президентской республики). Последние два года Эрдоган уже не раз заявлял о необходимости принятия новой конституции, в мае 2024 года во время выступления на симпозиуме «Сильная Турция» он сказал, что «Турция не может двигаться дальше при нынешней Конституции»[1]. Возможно, это также будет попыткой удержаться у власти, «обнулив» предыдущие сроки.

До сих пор образцом классической модели разделения властей остаются США. Для этой модели характерно то, что президент четко отнесен к исполнительной ветви власти, он ее возглавляет, осуществляет и формирует федеральный административный аппарат. В теории государства и права подобная модель определяет президентский тип республики. Однако и при такой, казалось бы, сбалансированной модели, президентские полномочия стремятся к расширению. Так, еще 24 года назад, В. В. Согрин писал, что «в новейшее время именно президент стал в США главным законодателем страны. Со времен Рузвельта приобрели институциональный характер законодательные инициативы президента, оформившиеся в виде подробно прописанных законопроектов, регулярно направляемых в конгресс. Также … резко возросло количество и роль исполнительных указов президента, которые обладают таким же обязательным характером, как и законы Конгресса» [3, с. 71]. Сейчас, с вступлением Дональда Трампа во второй президентский срок, мы также видим бурную нормотворческую активность, пишут, что сразу после инаугурации Трамп подписал рекордное количество указов, меморандумов и распоряжений – почти 200, а своим первым указом он отменил 78 «вредоносных» исполнительных указов и меморандумов предыдущего президента Джо Байдена[2].

Добавим также, что согласно Конституции США, Верховный Суд США формируется непосредственно президентом (с одобрения Сената), а кроме конституционно закрепленных полномочий президенту принадлежат также «подразумеваемые» полномочия, опирающиеся на широкую трактовку конституции, и полномочия, делегированные Конгрессом. Все это позволяет говорить о том, что в рассматриваемой модели разделения властей «президентская власть» шире исполнительной.

В заключении отметим, что все-таки не все современные страны считают разделение властей непререкаемым стандартом организации публичной власти, необходимым условием и базовой основой эффективного функционирования государственного аппарата.

В середине февраля 2025 года в Никарагуа вступила в действие новая редакция конституции, которая стала итогом глубокого реформирования под эгидой отказа от неолиберальной модели в пользу «христианско-социалистической и солидарной» модели. Председатель Национальной ассамблеи страны Густаво Поррас Кортес и второй секретарь правления парламента, участник специальной комиссии по реформе конституции депутат Карлос Вильфредо Наварро Морейра в начале марта дали большое интервью «Российской Газете». Относительно разделения властей они сказали следующее: «Запад и весь мир находится в заточении мощной силы концепции ветвей власти, их разделения. Она является следствием периода Средневековья, когда правили короли, было классовое разделение. В нашей конституции речь уже не идет ни о ветвях власти, ни об их балансе. Ведь это лицемерие. Например, США говорят о демократии, говорят о балансе ветвей власти. Но я спрошу тебя, кто в Соединенных Штатах выполняет законодательную функцию? Трамп издает указы, а парламент молчит и ничего не делает. Кто назначает судей Верховного суда в США? Их назначает президент, используя контроль над парламентом. И где же баланс ветвей власти? Где разделение властей? Это обман, это ложь, которая иногда осложняет осуществление властных полномочий во благо большинства… Я хочу, чтобы меня поняли. Концепция разделения властей не подходит для общества, которое идет вперед. Поэтому мы говорим об органах государства, которые координируются высшим руководством. Это другая форма управления страной. Но нам она дает результаты, ведь мы развиваемся, и у нас мир, безопасность. Мы строим общество во благо всех. Поэтому мы выполняем то, что страна хочет, что народ хочет, а не то, что нам навязывают американцы или кто-либо извне»[3].

Ведь как верно отмечает Р. В. Косов, ссылаясь на М. Н. Марченко: «поскольку в каждом современном демократическом государстве независимо от формы правления и государственного устройства вся власть в конечном счете принадлежит народу, коренится в народе и существует для народа, то логичнее в таком случае вести речь не о разделении властей, а о разделении функций (компетенции, сфер деятельности и полномочий) различных государственных органов» [4, с. 20]. И если систему разделения властей можно исказить до неузнаваемости, и она не сможет сдержать авторитарных тенденций, не являются ли более важными механизмы обеспечения народовластия, гарантирующие что власть действительно будет от народа и для народа?

Итогом проведенного исследования является вывод, что в рамках моделей разделения властей можно выделить модели с «сильным», «слабым» и «доминирующим» статусом президента. Сильный статус характерен для президентской и смешанной республик с демократическим режимом, «слабый» – для парламентской республики, а «доминирующий» – для президентской и смешанной республик с недемократическим режимом и для суперпрезидентских республик. Разделение властей не является панацеей от всех бед, данный механизм может получить существенные искажения в угоду политической конъюнктуре и превратиться в простую фикцию, никак не защищающую народ от беззакония и произвола.

Пристатейный библиографический список

1. Марченко Н. М. Проблемы теории государства и права: Учебник; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак. – Москва: Проспект, 2001. – 755 с.
2. Дробот С. Е. Конституционная реформа – 2020: конституционализация суперпрезидентской республики. //Закон и право. – 2022. – № 8. – С. 50-53.
3. Согрин В. В. Ветви государственной власти в США: эволюция, взаимодействие, соперничество // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 70-89.
4. Косов Р. В. Теория разделения властей: Учеб. пособие. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. – 80 с.

1 Эрдоган заявил о необходимости обновления Конституции Турции // Новости РБК. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/27/05/2024/66545b579a7947ba57226857?ysclid=m92x9mp699321057399.

2 Трамп за день после инаугурации подписал почти 200 указов и распоряжений // Forbes. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.forbes.ru/society/529187-tramp-za-den-posle-inauguracii-podpisal-pocti-200-ukazov-i-rasporazenij/.

3 В Никарагуа опубликовали обновленный вариант Конституции // «Российская газета». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2025/03/03/v-nikaragua-opublikovali-obnovlennyj-variant-konstitucii.html?ysclid=m92sm2k1db141564863&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F.

ЛЕВШУКОВА Юлия Сергеевна
адъюнкт, Факультет подготовки научно-педагогических кадров, Академия права и управления ФСИН России, г. Рязань

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

В статье исследуются правовые средства как ключевой элемент правового механизма реализации экономической функции государства. Рассматриваются различные научные подходы, подчёркивающие их институциональную природу и многообразие форм. Отмечается эффективность свойства правовых средств, обеспечивающих преодоление препятствий в экономических отношениях. Обосновывается роль механизма правового регулирования в переводе нормативных предписаний в упорядоченные общественные отношения. Предлагается определение правовых средств как совокупности нормативно-правового акта, институциональных форм и юридических действий для оптимизации экономических отношений.

Ключевые слова: правовые средства, экономическая функция, государство, признаки, правовой механизм, регулирование.

LEVSHUKOVA Yuliya Sergeevna
adjunct, Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel Training, Academy of Law and Management of the FPS of Russia, Ryazan

LEGAL MEANS OF ENSURING THE REALIZATION OF THE ECONOMIC FUNCTION OF THE STATE

The article examines legal means as a key element of the legal mechanism for implementing the economic function of the state. Various scientific approaches are considered, emphasizing their institutional nature and diversity of forms. The effectiveness of the properties of legal means ensuring the overcoming of obstacles in economic relations is noted. The role of the mechanism of legal regulation in the translation of regulatory prescriptions into orderly public relations is substantiated. The definition of legal means is proposed as a set of normative legal acts, institutional forms and legal actions for optimizing economic relations.

Keywords: legal means, economic function, state, signs, legal mechanism, regulation.

В современных экономических условиях, когда стабильность и эффективность выступают основными факторами устойчивого развития, особую значимость приобретает надлежащее применение правовых средств для обеспечения защиты прав и законных интересов граждан. Где использование правовых средств является основой для результативной реализации экономической функции государства.

Правовые средства, обеспечивающие реализацию экономической функции государства, представляют собой ключевой элемент правовой системы, посредством которого нормы и механизмы законодательства способствуют эффективному регулированию социально-экономических отношений.

С точки зрения профессора С. С. Алексеева, в рамках общей теории права правовые средства рассматриваются как институциональные компоненты правовой системы, обладающие регулятивным потенциалом и выступающие в роли активных элементов правового воздействия [1, с. 15].

По мнению профессора В. И. Червонюка, к правовым средствам следует относить все правовые явления, институциональные структуры и формы, которые в определённой мере участвуют в осуществлении регулятивного или охранительного воздействия права. В данном контексте в качестве правовых средств рассматриваются правовые нормы, акты правоприменения, договоры, а также иные правовые конструкции [2].

Таким образом, правовые средства представляют собой фундаментальные элементы правовой системы, способствующие эффективному регулированию общественных отношений. В трактовке С. С. Алексеева данные институциональные образования правовой действительности играют значительную роль в реализации регулятивного потенциала права, выступая в качестве активных механизмов управления экономическими процессами. В свою очередь, В. И. Червонюк предлагает более широкий взгляд на содержание правовых средств, включая в их структуру разнообразные правовые формы и явления от нормативных установлений до правоприменительных актов и договоров. Такой подход подчёркивает многогранность правовых средств и их важнейшее значение в обеспечении охраны и защиты прав, а также законных интересов в условиях функционирования экономической сферы.

Соответственно, правовые средства не только способствуют регулированию, но и служат основой для создания устойчивой правовой среды, необходимой для эффективного осуществления экономических функций государства.

Профессор Б. И. Пугинский, в свою очередь, рассматривал правовые средства как совокупность юридически значимых действий, совершаемых субъектами в рамках предоставленной им дискреции и направленных на достижение законных целей (интересов), при условии соблюдения требований законодательства и согласования с общественными интересами [3, с. 87].

Правовые средства могут быть охарактеризованы как совокупность юридически значимых действий, совершаемых субъектами с определённой степенью усмотрения, что позволяет адаптировать их к конкретным правовым и фактическим обстоятельствам в целях достижения индивидуально значимых результатов. При этом такие действия должны осуществляться в рамках, определённых законодательством, и с учётом общественных интересов.

Согласно позиции профессора В. И. Курилова, правовые средства следует рассматривать как совокупность инструментов, направленных на достижение целей правового воздействия на личность, а также обеспечивающих реализацию

принадлежащих ей прав и исполнение возложенных обязанностей [4].

Профессор В. А. Сапун рассматривает правовые средства как институциональные образования правовой действительности (установления, формы), применение которых в рамках специализированной правовой деятельности способствует достижению определённых результатов при решении социально-экономических, политических, нравственных и иных задач и проблем, актуальных для общества и государства на современном этапе их развития [5].

Анализ приведённых научных подходов позволяет охарактеризовать правовые средства как инструменты, обеспечивающие не только правовое воздействие на личность и реализацию ею принадлежащих прав, но и выступающие в качестве институциональных форм, способствующих решению актуальных социально-экономических, политических и нравственных задач, стоящих перед обществом и государством. Эти средства играют важную роль в реализации экономической функции государства, создавая предпосылки для устойчивого регулирования процессов и обеспечения защиты интересов участников правоотношений. Эффективное использование правовых средств не только укрепляет правовую стабильность, но и способствует развитию экономической деятельности.

В этой связи правовые средства выступают как механизмы, которые используются для эффективного регулирования экономическими отношениями и выполнения поставленных задач и целей государством. Действуя в рамках законодательства и с учётом общественных интересов, правовые средства помогают обеспечить стабильность экономической среды, что, в свою очередь, создаёт условия для экономического роста и развития.

На взгляд профессора А. В. Малько, что «правовые средства – это правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей» [6].

«С учетом данного определения А. В. Малько выделяет следующие общие признаки правовых средств:

1) они выражают все обобщающие юридические способы обеспечения интересов субъектов права, достижения поставленных целей (в этом проявляется социальная ценность данных образований и в целом права);

2) отражают информационно-энергетические качества и ресурсы права, что придает им особую юридическую силу, направленную на преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов участников правоотношений;

3) сочетаясь определенным образом, выступают основными работающими частями (элементами) действия права, механизма правового регулирования, правовых режимов (т. е. функциональной стороны права);

4) приводят к юридическим последствиям, конкретным результатам, той или иной степени эффективности либо дефектности правового регулирования;

5) обеспечиваются государством» [7, с. 6-7].

Если рассматривать признаки правовых средств и как они выражаются в реализации экономической функции государства, то следует выделить несколько ключевых аспектов.

Во-первых, их социальная ценность заключается в обеспечении интересов субъектов права, что является необходимым условием для стабильного функционирования экономики и защиты прав граждан и организаций.

Во-вторых, информационно-энергетические свойства этих средств придают им юридическую силу, необходимую для преодоления препятствий на пути к удовлетворению экономических интересов участников правоотношений.

В-третьих, правовые средства выступают основными элементами механизма правового регулирования, способствуя формированию правовых режимов, существенно влияющих на экономическую сферу.

В-четвертых, их последствия могут варьироваться от успешного достижения желаемых целей и задач до выявления недостатков правового регулирования, что подчёркивает важность качественной правовой среды для экономической деятельности.

В-пятых, обеспечение правовых средств государственными структурами гарантирует стабильность и предсказуемость в правовом процессе, что является основой для устойчивого развития экономической функции государства.

Понятие «средство» в юридической науке используется в многообразии контекстов и значений. Оно может охватывать как право в целом, так и конкретизироваться в рамках отдельных правовых режимов или отдельных компонентов механизма правового регулирования [8].

Механизм правового регулирования следует рассматривать как систему правовых средств, посредством которой обеспечивается трансформация нормативных предписаний в упорядоченную структуру общественных отношений [9, с. 3]. В качестве его структурных элементов, как правило, выделяются правовые нормы (нормативные предписания), правоотношения, акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей, юридические факты (или их совокупности), а также правоприменительные акты.

Правовой механизм выполняет контрольную функцию, обеспечивая соблюдение установленных прав и юридических обязанностей субъектов хозяйственной деятельности, а также гарантируя защиту их законных прав и интересов. Он представляет собой важный элемент государственной политики, ориентированной на достижение баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью, а также на обеспечение устойчивого экономического развития в условиях постоянных внутренних и внешних вызовов.

При этом важным аспектом является нормативное обеспечение правового механизма. Его структура включает в себя как законодательные акты, регулирующие общие экономические отношения, так и специализированные нормативно-правовые документы, направленные на совершенствование управления информационными системами.

Комплексный и эффективно реализуемый подход способствует согласованному и системному взаимодействию всех компонентов государственной экономической системы, в рамках которой правовое регулирование выступает действенным инструментом реализации экономической функции государства.

В своих научных трудах профессор А. В. Мелехин использует термин «механизм правового регулирования», который по своему содержанию является эквивалентным понятию «правовой механизм». Детализируя регулятивную функцию права, А. В. Мелехин подчёркивает следующее: «эта функция представляет государственное регулирование позитивного развития общественных отношений. Регулирование осуществляется путем закрепления в нормативных актах прав и свобод, обязанностей, правового статуса,

правил оптимального функционирования общественной жизни, развития свобод и активности личности, в также установления правового механизма, призванного обеспечить эффективную реализацию правовых предписаний, развитие и организованность общественной жизни» [10], т.е. основной функцией правового механизма выступает обеспечение эффективного воплощения в практику нормативных правовых предписаний.

С другой стороны, интересно мнение Ю. С. Жарикова в отношении общего для советской правовой науки понимания исследуемого термина. «Понятие механизма правового регулирования все теоретики права связывают исключительно с системой правовых средств, т.е. различных правовых явлений, задействованных в упорядочении общественных отношений и призванных обеспечить их нормальное функционирование» [11 с. 43].

В свою очередь, как точно отметил профессор, Е. В. Вавилин, «понятие "механизм правового регулирования" при всей его актуальности и ценности для фундаментальной науки и правоприменительной деятельности в первую очередь акцентирует внимание на создании правовых конструкций (идеальных моделей правового регулирования) с точки зрения удобства законодателя (публичной власти)» [12, с. 67].

Таким образом, мы разделяем точку зрения Е. В. Вавилина, согласно которой механизм правового регулирования представляет собой не просто совокупность правовых средств, направленных на упорядочение общественных отношений, но и прежде всего, отражает точку зрения и интересы публичной власти как инициатора и носителя законодательной воли. Данное означает, что при его формировании приоритет отдается созданию таких правовых конструкций, которые удобны и эффективны с позиции государства, что, в свою очередь, подчеркивает необходимость постоянного баланса между интересами публичной власти и потребностями гражданского общества при построении правового механизма.

В структуре механизма правового регулирования правовое средство представляет собой элемент, посредством которого нормативные предписания приобретают реальное выражение в виде конкретных и упорядоченных общественных отношений.

Эффективность функционирования данного механизма обеспечивается комплексным взаимодействием правовых норм, выполняющих ориентирующую функцию; правоотношений, выступающих каналами воспроизводства субъективных прав и юридических обязанностей; актов реализации и юридических фактов, определяющих конкретные юридические ситуации; а также правоприменительных актов, завершающих процесс правового воздействия.

Следовательно, правовые средства выполняют ключевую роль в реализации экономической функции государства, способствуя правовому упорядочиванию и обеспечению стабильности общественных отношений в экономической сфере.

На основании анализа различных научных мнений, возможно, сделать вывод, что правовые средства представляют собой не просто юридическое воздействие, но и являются важными элементами правового механизма, которые способствуют реализации экономических целей и задач государства. Также, правовые средства выступают не только в роли механизмов регулирования, но и в качестве стратегического ресурса правового обеспечения экономического роста.

Проанализировав содержание понятия «правовые средства», можно сформулировать следующее определение:

Правовые средства обеспечения реализации экономической функции государства - это целенаправленно структурированная система нормативно закреплённых юридических инструментов и механизмов, включающая в себя акты, процедуры, институциональные формы и правовые действия, с помощью которых осуществляют регулирующее и стимулирующее воздействие на экономические процессы, обеспечивая правовую организованность, устойчивое развитие и функциональную результативность направления деятельности в экономической сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификации // Советское государство и право. - 1987. - № 6. - С. 61-72.
2. Червонюк В. И. Теория государства и права: учебник. - М., 2007. - С. 322.
3. Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. - М.: Юрид. лит., 1984. - 224 с.
4. Курилов В. И. XXVII съезд КПСС и социально-правовые средства формирования поведения личности в труде // Правоведение. - 1987. - № 3. - С. 4.
5. Сапун В. А. Деятельность по использованию правовых средств в реализации советского права // Проблемы реализации права. - Свердловск, 1990. - С. 10.
6. Малько А. В. Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики. - Тольятти, 1999. - С. 65.
7. Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 1999. - № 2 (225). - С. 4-16.
8. Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. - 1987. - № 6. - С. 14.
9. Горшенев В. М. Участие общественных организаций в правовом регулировании. - М.: Госюриздат, 1963. - 167 с.
10. Мелехин А. В. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. // СПС «КонсультантПлюс», 2009.
11. Жариков Ю. С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. - М.: Юриспруденция, 2009. - 216 с.
12. Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. - М.: Волтерс Клувер, 2009. - 360 с.

ПОПОВ Павел Валерьевич
аспирант кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Попов П. В.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОБЩИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВА

Исследование посвящено вопросу теоретико-правового анализа основополагающих принципов общественного контроля. Принципы, как основополагающие идеи, лежащие в основе правового регулирования общественных отношений, пронизывают всю государственно-правовую систему, в связи с чем, институт общественного контроля не является исключением. Автором проанализирован исчерпывающий перечень законодательно закрепленных принципов общественного контроля, среди которых были дифференцированы общеправовые и специальные, каждый принцип рассмотрен с точки зрения его проявления в контексте осуществления общественного контроля. Исследовав законодательно закрепленные принципы общественного контроля, а также проанализировав актуальные научные мнения относительно принципов общественно-контрольной деятельности, автор приходит к выводу о том, что некоторые из них нуждаются в дополнительном разъяснении, а законодательство требует дополнения в части расширения указанных принципов, в частности обосновывается необходимость включения в предусмотренный законом перечень ряд общих и специальных принципов, таких как равноправие, достоверность, объективность, беспристрастность и обоснованность. Высказаны и научно обоснованы предложения по внесению дополнений в Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» в части расширения законодательно закрепленных принципов.

Ключевые слова: принцип права, правовая система, общественный контроль, принцип обоснованности, принцип равноправия, принцип объективности и беспристрастности.

POPOV Pavel Valerjevich
postgraduate student of Fundamental legal and social-humanitarian disciplines sub-faculty, Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF GENERAL AND SPECIAL PRINCIPLES OF IMPLEMENTING PUBLIC CONTROL IN THE LEGAL SYSTEM OF THE STATE

The research is devoted to the issue of theoretical and legal analysis of the fundamental principles of public control. The principles, as fundamental ideas underlying the legal regulation of public relations, permeate the entire state legal system, and therefore the institution of public control is no exception. The author analyzed an exhaustive list of legislatively enshrined principles of public control, among which general legal and special ones were differentiated, each principle was considered from the point of view of its manifestation in the context of the implementation of public control. Having studied the legislatively enshrined principles of public control, and having analyzed current scientific opinions regarding the principles of public control activities, the author comes to the conclusion that some of them require additional clarification, and the legislation requires supplementation in terms of expanding the said principles, in particular, the need to include in the list provided by law a number of general and special principles, such as equality, reliability, objectivity, impartiality and validity, is substantiated. Proposals have been made and scientifically substantiated for making amendments to the Federal Law "On the Fundamentals of Public Control in the Russian Federation" in terms of expanding the principles enshrined in law.

Keywords: principle of law, legal system, public control, principle of validity, principle of equality, principle of objectivity and impartiality.

За последние десятилетия вопрос о принципах права неоднократно поднимался в отечественной правовой доктрине, начиная с советского периода и заканчивая исследованиями современных теоретиков и представителей отраслевых наук. Принципы как руководящие положения любой правовой отрасли ложатся в основу различных по тематике диссертационных исследований, поскольку именно принципы права выступают базисом любой модернизации. В современных реалиях трансформации можно подвергнуть любую отрасль в целом, но ее принципы будут отмечены лишь отдельными изменениями, оставаясь все тем же фундаментом права.

Как следствие, в науке теории государства и права всё чаще стали появляться комплексные научные исследования принципов права. Это, прежде всего, связано с тем, что в последние десятилетия тенденция к институализации гражданского общества позволяет вычленять новые модификации руководящих идей, на которых базируется деятельность общественных институтов. Общественный контроль, в свою очередь, является одним из наиболее динамично развивающихся явлений современного гражданского общества, в связи с чем актуальность исследования его принципов не вызывает сомнения.

Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» № 212-ФЗ от 21.06.2014 г. (далее – ФЗ «Об общественном контроле») в статье 4 закрепил легальное понятие общественного контроля[1]. Однако, несмотря на наличие в законодательстве легальной нормы-дефиниции, в научной среде сложилось множество различных подходов к пониманию правовой природы общественного контроля, определяющейся руководящими положениями

1 Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 27 дек. 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4213.

его реализации в рамках функционирования гражданского общества в России.

С одной стороны, сложно не согласиться с А. Н. Гасановой, утверждающей, что принципы права можно рассматривать в качестве основы сущности явлений или предметов, то есть как существующий объективно элемент [1, с. 41]. Также в этом ключе заслуживает внимания позиция С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцева, исследующих основы советского уголовного права и рассматривающих в этой связи принципы как отражение естественной или общественной закономерности, выражающейся в том, что любой принцип существует потому, что таковы законы природы или общества, и не может быть иным [4, с. 7].

С другой стороны, в настоящее время принципы права, так или иначе, подвергаются определенной трансформации, что приводит к появлению иных подходов к пониманию принципов права. Так, по мнению, Д. С. Михеева, принципы необходимо понимать как исходные положения или руководящие идеи, которые не только лишены объективности, но даже напротив - связаны с субъективным фактором [8, с. 109].

На основе сравнения двух вышеуказанных подходов В. Н. Корнеев приходит к выводу о том, что принципы права прошли эволюцию от восприятия исключительно в качестве «основополагающих начал» до «регулятора отношений и поведения» [5, с. 64].

В отечественной правовой доктрине принято классифицировать принципы по различным основаниям, но в основном наблюдаются два основополагающих подхода – во-первых, деление принципов на общие и специальные, а во-вторых, выделение общеправовых, отраслевых и межотраслевых принципов. Однако существуют и альтернативные подходы, в частности, используемые применительно к классификации принципов общественного контроля.

В зависимости от правовой роли или назначения принципы общественно контроля можно дифференцировать на общие принципы, организационные принципы и принципы функционирования.

К первой группе принципов относят принципы, характеризующие природу общественного контроля как института гражданского общества, с присущими ему добровольностью осуществления деятельности, приоритетом высших ценностей, обязательностью применения признанных и значимых для функционирования общества и государства результатов.

Вторую группу принципов составляют принципы, лежащие в основе структурирования деятельности субъектов общественного контроля и призванные упорядочить их отношения как внутри института, так и во взаимодействии с иными структурами вовне. Примерами таких принципов являются самостоятельность осуществления общественного контроля, а также многообразие его форм.

Третья группа принципов отражает как внешние, так и внутренние свойства общественного контроля, обозначая его функционирование в качестве самостоятельного института гражданского общества, соответствующего правовым основам построения общества и государства. В эту группу входят, в частности, публичность, открытость и законность осуществления общественного контроля [2, с. 3].

Для теории государства и права особую значимость представляют именно общеправовые принципы, которые пронизывают всё право в целом и являются основополагающими для деятельности всех государственно-правовых институтов, а также институтов гражданского общества, в том числе институт общественного контроля.

Необходимо отдельно отметить, что принципы общественного контроля также закреплены на законодательном уровне. Статья 6 ФЗ «Об общественном контроле» закрепляет двенадцать таких руководящих идей. Однако, следуя общепринятым в теории государства и права подходам к классификации принципов права, к числу общеправовых принципов можно отнести только некоторые из них.

Принцип законности является основополагающим для всей правовой системы государства. Особую значимость указанного принципа подчеркивает его легальное закрепление в статье 15 Конституции РФ [6, с. 234]. Указанное положение обязывает граждан, юридических лиц, органы государственной власти и местного самоуправления, а также их должностных лиц соблюдать Конституцию РФ и действующее в Российской Федерации законодательство [3, с. 242].

Ряд ученых, в частности В.В. Гончаров, полагают что, реализуя общеправовой принцип законности, общественный контроль осуществляет проверку законности деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных органов, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия [2, с. 11].

Действительно, общеправовой принцип законности создает основу для структуризации отношений в обществе, исключая возможные риски «произвола», как со стороны общества, так и со стороны государства, поскольку органы публичной власти аналогичным образом не вправе препятствовать деятельности субъектов общественного контроля без наличия соответствующего правового основания, прямо закрепленного в законе. Подобный подход призван стабилизировать общественные отношения, в то же время, обеспечив транспарентность осуществления публичной власти в целях исключения злоупотребления правом и снижения количества коррупциогенных факторов.

В свою очередь транспарентность деятельность субъектов общественного контроля гарантируется реализацией принципа *публичности и открытости,* который означает гласность общественно-контрольной деятельности.

В нашем понимании гласность деятельности субъектов общественного контроля обеспечивается посредством применения ряда предусмотренных законом мер.

Во-первых, информация об осуществлении любых форм общественного контроля должна представляться в открытом доступе. Исключением являются сведения, составляющие государственную тайну, относящиеся к персональным данным или иным сведениям закрытого характера в силу действия соответствующего федерального закона, что прямо установлено статьей 8 ФЗ «Об общественном контроле». Информация, не подпадающая под исключение, в силу статьи 7 вышеназванного закона может содержаться в отрытом доступе, в частности, посредством размещения на специальных сайтах или официальных сайтах государственных органов.

Во-вторых, действующее законодательство предполагает проведение публичных слушаний как одной из наиболее распространенных форм общественного контроля. Как следствие, публичные слушания позволяют приобщиться к институту общественного контроля любому заинтересованному в этом лицу. Аналогичную цель преследует предусмотренная законом возможность обсуждения результатов проведенных проверок, поскольку данные результаты размещаются в открытом доступе в сети «Интернет», позволяя гражданам и организациям высказать свое мнение, тем самым заострив внимание публичных органов и общественности на наиболее значимых вопросах и существующих проблемах.

Принцип приоритета прав и законных интересов человека и гражданина, также как и принцип законности, является конституционным принципом, и сводится к тому, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Рассмотрение данного руководящего положения применительно не только к деятельности органов публичной власти, но и по отношению к институтам гражданского общества, в частности, институту общественного контроля, является оправданным. Права и свободы человека являются наивысшей ценностью и использование средств общественного контроля в личных, противоречащих сущности данного принципа целях, недопустимо. В противном случае гражданское общество превратится в общество отдельного гражданина или одной организации.

В контексте рассмотрения деятельности институтов гражданского общества, исходя из своего общеправового смысла, *принцип добровольности* означает, что никого нельзя принудить к участию в общественном контроле. Осуществление общественного контроля должно быть основано на добровольной инициативе и заинтересованности.

По нашему мнению, реализация принципа добровольности в общественно-контрольной деятельности должна выражаться, во-первых, в свободе выбора такого участия, при котором субъекты общественного контроля должны иметь свободу выбора, то есть принимать самостоятельно решение об осуществлении такого контроля, а во-вторых, в свободе выражения мнения, в связи с чем субъекты общественного контроля должны иметь возможность свободно выражать свое мнение о результатах проведенного контроля и не подвергаться негативным последствиям за выражение своего мнения.

Принцип объективности и беспристрастности означает, что субъекты общественно-контрольной деятельности должны руководствоваться только законно установленными фактами и законом, а не своими личными предубеждениями или интересами.

По нашему мнению, реализация указанного принципа основывается, в первую очередь, на началах независимость субъектов общественного контроля как возможности иметь свободу в выполнении своих функции без постороннего вмешательства или давления. При этом принципиально важным в этом отношении является объективность в оценке результатов контроля, поскольку они должны основываться на объективных критериях и проверенных фактах, а не учитывать личные субъективные предпочтения самих контролеров.

При этом остается за пределами законодательного регламентирования в рамках ФЗ «Об общественном контроле» вполне очевидный общеправовой принцип - *принцип равноправия*. Считаем это существенным упущением законодателя, поскольку указанный пробел порождает противоречие с актом высшей юридической силы – Конституцией РФ, которая провозглашает указанный принцип в статье 19. По нашему мнению, в контексте общественно-контрольной деятельности равноправие предполагает, что все граждане имеют равные возможности и права участвовать в общественном контроле за деятельностью органов публичной власти, и никто не может быть произвольно лишен указанного права, в противном случае это бы порождало дискриминацию при использовании своих конституционных прав. В нашем понимании, принцип равноправия в осуществлении общественного контроля предполагает равный доступ к информации, а также равные возможности для участия в осуществлении общественного контроля.

Одним из специальных руководящих положений признан *принцип соблюдения нейтральности* субъектами общественного контроля. Из анализа нормы, закрепленной в статье 2 ФЗ «Об общественном контроле», следует, что субъекты общественного контроля не могут участвовать в деятельности политических партий, выборах и референдумах. Это, в свою очередь, предотвращает возможность влияния субъектов политической сферы на тех, кто осуществляет общественный контроль.

Принцип добросовестности деятельности субъектов общественного контроля, как и рассмотренный выше общеправовой принцип публичности и открытости, призван предотвратить злоупотребление правами в процессе выполнения общественно-контрольных функций. Однако в отличие от принудительного обеспечения гласности деятельности субъектов общественного контроля, реализация принципа добросовестности предполагает установление своеобразных правовых рамок для самих субъектов рассматриваемой деятельности.

Принцип обязательности рассмотрения контролируемыми органами итоговых документов и учет рекомендаций направлен на пресечение возможности игнорирования результатов общественного контроля органами публичной власти.

Важным аспектом реализации данного принципа является вопрос наступления ответственности за подобное игнорирование. Хотя на первый взгляд этот принцип выглядит категоричным, действующее законодательство не предусматривает санкции за бездействие подконтрольных органов, что, безусловно, требует надлежащей юридической оценки со стороны законодателя. Как верно отмечает, М. В. Мельникова, только открытость в деятельности власти и неизбежная ответственность за злоупотребление правом могут побудить государственных и муниципальных служащих противостоять многочисленным искушениям, которые возникают перед ними в силу самой природы власти [7].

Закрепленный в законе *принцип достоверности результатов общественного контроля* предполагает однозначное соответствие результатов общественного контроля объективным данным и фактам (п. 6 ст. 6 ФЗ «Об общественном контроле»).

В действительности при подведении итогов общественного контроля предоставляемая его субъектами информация должна быть проверена и подтверждена независимыми и надежными источниками. Ключевыми аспектами реализации данного принципа являются надлежащая проверка информации, независимость источников и прозрачность процесса контроля. Данные аспекты проявляются в том, что все сведения необходимо подтверждать документами или другими объективными источниками. Сведения, собранные в ходе проверки, должны поступать из беспристрастных источников, в число которых сегодня, в частности, входят независимые экспертизы, аудиты и мониторинговые исследования. Гражданам и организациям должна быть предоставлена возможность изучения методологии и процедуры контроля.

Принцип достоверности результатов общественного контроля является необходимым для обеспечения доверия общества к результатам контроля.

При этом представляется, что к числу данных принципов необходимо было бы отнести не только достоверность, но и *обоснованность выводов, вытекающих из общественного контроля*. Указанный принцип предполагает, что контролирующая сторона должна предоставить убедительные аргументы и достоверные доказательства, подтверждающие выявленные нарушения или проблемы [9, с. 48]. Между фактами и выводами должна прослеживать логическая связь, подтвержденная незаинтересованными в исходе общественного контроля экспертными заключениями или иными письменными доказательствами. При этом также требуются меры разъяснительного характера, необходимые для более глубокого понимания обозначенной логической связи.

В связи с вышеизложенным считаем целесообразным внести изменения в редакцию статьи 6 ФЗ «Об общественном контроле», дополнив положения данной статьи принципами равноправия в осуществлении общественного контроля, объективности, беспристрастности и добросовестности его осуществления, а также принципом обоснованности результатов его проведения.

Пристатейный библиографический список

1. Гасанова А. Н. Принципы права: современные подходы // Вестник ПАГС. - 2014. - № 5. - С. 41-55.
2. Гончаров В. В. Сущность и значение категории «общественный контроль власти» // Политика и Общество. - 2018. - № 10. - С. 1-17.
3. Долгопят А. О. Понятие и содержание принципа законности // Бизнес в законе. - 2008. - № 4. - С. 242-244.
4. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. - М., 1988. - 176 с.
5. Корнев В. Н. Эволюция доктрины принципов права в отечественной юридической науке // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2018. - № 1 (41). - С. 64-70.
6. Малый Д. А. Законность как конституционный принцип // Символ науки. - 2015. - № 6. - С. 234-236.
7. Мельникова М. В. Общественный контроль за деятельностью органов государства как форма взаимодействия гражданского общества с государством // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. - 2019. - № 1 (22). - С. 11.
8. Михеев Д. С. Сущность и содержание принципа гласности местного самоуправления: теоретико-правовые аспекты // Марийский юридический вестник. - 2013. - № 10. - С. 109-121.
9. Пурге А. Р. К вопросу о правовой природе и направлениях общественного контроля // Административное и муниципальное право. - 2020. - № 5. - С. 48-59.

У Жунжуй
аспирант кафедры теории права и государства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КНР НА ПРЕДМЕТ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

Статья посвящена исследованию внедренной в Китайской Народной Республике системы оценки соблюдения принципов гендерного равенства (GEA), которая представляет собой механизм мониторинга соответствия законов, нормативных актов и даже политических решений критериям, сформированным и применяемым в рамках этой системы. Оценка гендерного равенства определяется в статье как предварительный анализ закона, политического решения или программы, который позволяет превентивно определить вероятность того, что данное решение будет иметь негативные последствия для состояния паритета между женщинами и мужчинами. В статье проанализированы основные параметры системы оценки соблюдения гендерного равенства (GEA) в КНР, такие как: целеполагание как элемент системы оценки; отношение к полу как к показателю объективных различий, влияющих на гендерное равенство; особенности культурного развития как «точки риска» в контексте гендерного равенства; аспекты легитимности и ресурсоемкости закона в контексте гендерного равенства.

Ключевые слова: пол, гендер, гендерное равенство, система оценки соблюдения принципов гендерного равенства, экспертиза законодательства.

WU Rongrui
postgraduate student of Theory of law and state of the sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

MODEL FOR ASSESSING CHINA'S LEGISLATION FOR GENDER EQUALITY

The article is devoted to the study of the gender equality assessment system (GEA) implemented in the People's Republic of China, which is a mechanism for monitoring the compliance of laws, regulations, and even political decisions with the criteria formed and applied within the framework of this system. Gender equality assessment is defined in the article as a preliminary analysis of a law, political decision, or program that allows for a preventive determination of the likelihood that this decision will have negative consequences for the state of parity between women and men. The article analyzes the main parameters of the gender equality assessment system (GEA) in the PRC, such as: goal-setting as an element of the assessment system; attitude to gender as an indicator of objective differences affecting gender equality; features of cultural development as a "risk point" in the context of gender equality; aspects of legitimacy and resource intensity of the law in the context of gender equality.

Keywords: sex, gender, gender equality, system for assessing compliance with the principles of gender equality, expertise of legislation.

Введение

Утверждение гендерного равенства является одним из определяющих условий, как модернизации общества, так и развития правового, демократического[1], социального государства [3]. По данным отчета Global Gender Gap Report 2022 года, в современном мире гендерный паритет не восстановлен, и потребуется еще 132 года для ликвидации глобального гендерного разрыва. По мере усложнения мировой ситуации в области социального развития риск регресса усугубляется тем, что труд женщин рассматривается работодателями как менее предпочтительный и привлекательный по сравнению с мужским трудом, что, несомненно, отражается на фактической занятости женского населения и порождает фактическое гендерное неравенство[2].

Правительства, международные организации и гражданское общество во всем мире выдвинули множество подходов и идей о том, как способствовать гендерному равенству – универсальной ценности современного общества. Несмотря на различия в истории, политических системах и культуре обществ и государств на разных этапах их развития подчиненное положение женщин по отношению к мужчинам присутствовало в большей или меньшей степени в каждом из них. С эпохи буржуазных революций западные страны первыми провозгласили принцип равенства между полами на уровне закона, тем самым внедрив идею формального равенства в гендерном аспекте, но реальное, фактическое гендерное равенство в общемировом масштабе на настоящий момент не было реализовано ни в одном государстве.

Ряд международных организаций объединили свои усилия, чтобы выпустить серию деклараций и конвенций, направленных на достижение поставленной цели. Так, согласно статье 3 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1979 году, «государства-участники принимают во всех областях, и в частности в политической, социальной, экономической и культурной областях, все соответствующие меры, включая законодательные, для обеспечения всестороннего развития и прогресса женщин, с тем, чтобы гарантировать им осуществление и пользование правами человека и основными свободами на основе равенства с мужчинами». На Четвертой Всемирной конференции ООН по положению женщин, состоявшейся в Пекине в 1995 году, была принята Пекинская платформа действий, в пункте 189 которой говорится: «Занимаясь проблемой неравенства между мужчинами и женщинами в области разделения власти и принятия решений на всех уровнях, правительствам и другим субъектам следует поощрять активную и зримую политику учёта

1 Демократия в Китае: Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики (4 декабря 2021 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.scio.gov.cn/ztk/dtzt/44689/47513/index.htm.

2 Отчет Global Gender Gap Report 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2022/.

гендерной проблематики во всех стратегиях и программах, так, чтобы до принятия решений проводился анализ их последствий соответственно для женщин и мужчин»[3].

Для достижения юридического и фактического равенства между полами в Китайской Народной Республике внедрили систему оценки соблюдения гендерного равенства (GEA), которая представляет собой механизм мониторинга соответствия законов, нормативных актов и даже политических решений критериям, сформированным и применяемым в рамках этой системы. Оценка гендерного равенства определяется как предварительный анализ закона, политического решения или программы, который позволяет превентивно определить вероятность того, что данное решение будет иметь негативные последствия для состояния паритета между женщинами и мужчинами[4]. Конечной целью оценки гендерного равенства является улучшение процесса разработки и планирования рассматриваемых политических решений для предотвращения негативного воздействия на равноправие гендеров и укрепление его посредством более продуманного, творческого законодательства, направленного на социальные преобразования»[5].

Цель исследования - выявить основные параметры системы оценки соблюдения гендерного равенства (GEA) в КНР, оценив ее преимущества и слабости.

Целеполагание как элемент системы оценки соблюдение принципов гендерного равенства при экспертизе законодательства в КНР. В современном китайском обществе цель законотворчества предполагает акцент как на обязанностях члена общества, носителя социальной роли, так и на правах гражданина – закон не является исключительно орудием господства над людьми, он также создает гарантии защиты прав, свобод и интересов людей. В Китае законодательная власть осуществляется Всекитайским собранием народных представителей и его Постоянным комитетом, которые исходят из того, что в процессе включения законов в механизм правового регулирования государство и общество неизбежно столкнутся с проблемой: первоначальный замысел законодателя часто искажается в реальных результатах реализации закона – практика правоприменения деформирует действительную волю законодателя. Часто это сопряжено с недостаточным учетом интересов и потребностей общества в ходе законодательного процесса. Результатом становится снижение степени легитимности закона, уровня лояльности общества к его требованиям, степени эффективности закона в части защиты прав человека и обеспечения баланса публичных и частных интересов.

Именно эта ситуация наблюдается подчас в китайской правотворческой и правоприменительной практике. Несмотря на присутствие в китайском законодательстве специальных норм, регламентирующих правовой статус женщин, претворение их в жизнь затруднено или фактически невозможно по ряду причин экономического, психологического, социального, политического и правового характера [1]. Предугадать эти причины, просчитать их негативный эффект, воздействие на сознание людей и их поведение при реализации положений закона, возможно путем предварительной оценки его содержания, прогнозирования и измерения влияния этих факторов на общество, выявления степени выгоды и ущерба от реализации его положений для прав, свобод и законных ожиданий заинтересованных групп.

Инструментом такой оценки в КНР является система нормативных показателей, с которыми сопоставляется содержание закона для целей выявления рисков нарушения принципа гендерного равенства.

Страны Азиатской-Тихоокеанского региона в рамках АТЭС[6] неоднократно подчеркивали обеспечения прав женщин как цель, которую они считают одним из контрольных показателей при оценке нормативного материала. В различных регионах Китая была создана соответствующая система оценочных показателей, основанная на рекомендациях и опыте соответствующих международных организаций. Например, провинция Цзянсу установила тринадцать показателей оценки, имеющих целеполагающий характер [2]: существует ли в реальности гендерное неравенство в областях, охватываемых данными нормами и политикой; использовалась ли гендерная статистика или типичные примеры в процессе разработки данных норм и политик; запрашивались ли мнения заинтересованных сторон, таких как женский союз и другие женские организации, в процессе разработки данных норм и политик; проводились ли тематические исследования по вопросу гендерного воздействия и проводились ли консультации с экспертами по гендерному равенству в процессе разработки данных норм и политик; существует ли несправедливое различие между мужчинами и женщинами, ограничение или исключение в данной норме и политике; существуют ли ситуации, когда содержание текста не имеет гендерной специфики, но его реализация будет иметь неблагоприятные последствия для мужчин или женщин в данных нормах и политике; существует ли какие-либо предубеждения против мужчин или женщин в текстовом изложении данный норм или политики; учитывает ли данная норма или политика особые потребности физиологии женщин и принимает ли соответствующие меры защиты; уточняет или дополняет ли данная норма или политика положения национальных постановлений и политики по поощрению и защите гендерного равенства в данной области; предусматривает ли данная норма или политика специальные меры по оказанию предпочтения или поддержки определенному полу на определенный период времени с целью ускорения достижения фактического равенства мужчин и женщин; обеспечивает ли данная норма и политика реализацию требований гендерного равенства, определяя основные органы реализации и их функции, финансирование, юридическую ответственность и другие гарантии; помогает ли реализация данной нормы и политики решить проблемы гендерного неравенства, которые реально существуют в этой области; способствует ли реализация данной норма и политики созданию социальной среды для гендерного равенства и расширению возможностей и способностей женщин.

Пол как показатель объективных различий, влияющих на гендерное равенство. Концепция гендерного подхода требует, чтобы пол стал важным критерием при управлении и принятии решений в государственных ведомствах и законодательных органах. Система оценки соблюдения гендерного равенства в КНР предполагает анализ текста закона на предмет того, учтены ли законодателем объективные различия между мужчинами и женщинами, способные породить фактическое их неравенство при реализации положений этого закона.

3 Доклад Четвертой Всемирной конференции по положению женщин от 4-15 сентября 1995 г. - Пекин: Издание ООН (в продаже под №R.96.13). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N96/273/03/PDF/N9627303.pdf?OpenElement.

4 Отчет Комитета по проверке квалификации представителей Постоянного комитета Тринадцатого Всекитайского собрания народных представителей о проверке квалификации делегатов Четырнадцатого Всекитайского собрания народных представителей от 24 февраля 2023 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202302/t20230224_423657.html.

5 Оценка гендерного воздействия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eige.europa.eu/gender-mainstreaming/toolkits/gender-impact-assessment/what-gender-impact-assessment.

6 Guide on Gender Criteria - understanding and applying the APEC Gender Criteria in projects. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.apec.org/projects/forms-and-resources.

Так, например, неравенство в сфере занятости по признаку пола является одним из самых распространенных и укоренившихся. С точки зрения законодательства, защита права на равный труд не ограничивается гендерными аспектами – право на труд закреплено в Конституции КНР и получает довольно широкую интерпретацию, как при толковании ее норм, так и при конкретизации этого права в текущем законодательстве – например, посредством четкого требования «равной оплаты за равный труд» в Законе о труде КНР.

В то же время конкретные разновидности труда предполагают определенную специфику реализации права на труд в соответствующих сферах человеческой деятельности. Так, в законодательстве КНР закреплен перечень должностей и видов работы, на которых могут быть заняты только мужчины и это не нарушает принцип гендерного равенства. Государство определяет такие ограничения в соответствии со «Специальными положениями по охране труда женщин-рабочих и служащих» и «Приложением к ним о сфере труда, запрещенной для женщин-рабочих и служащих», которые были разработаны с целью уменьшения и разрешения особых трудностей, с которыми сталкиваются женщины в процессе работы в силу своих физиологических особенностей, а также с целью охраны здоровья женщин-рабочих и служащих. К примеру, к сферам, в которых ограничен труд женщин, относятся подземные работы в некоторых шахтах и тяжелый физический труд. Цель введения описанных ограничений оправдывает их содержание и коррелирует с объективными различиями полов, влекущими за собой определенную функциональную ограниченность женского организма (за пределами которых женскому организму будет нанесен непоправимый вред), а за рамками этих сфер трудовой деятельности, женщины пользуются равными с мужчинами правами и не подвергаются дискриминации при трудоустройстве.

Особенности культурного развития как «точки риска» в контексте гендерного равенства. Следующий блок показателей, являющихся элементом системы оценки соблюдения гендерного равенства в КНР, представляют собой показатели культурной специфики общества и сферы регулирования, способные отразиться на соблюдении гендерного равенства при реализации положений закона. Основная идея оценки правового воздействия в этой части состоит из двух этапов: во-первых, систем оценки требует найти обоснование для принятия закона путем анализа его возможного негативного влияния на гендерное равенство с учетом стереотипов поведения, характеризующих общественное, групповое и индивидуальное сознание целевой аудитории закона, и исключения выявленных рисков; во-вторых, разработка и реализация закона требует оценки совместимости его положений и предполагаемых форм их реализации с особенностями экономического, социального и демографического развития, как в общенациональном, так и в региональном масштабе.

Так, восприятие и реализация гендерной политики, степень ее интенсивности и развитости в разных регионах Китая сильно различается в зависимости от национального состава населения и экономических возможностей территории. Например, в марте 2012 года провинция Цзянсу впервые официально опубликовала «Руководство по созданию механизма консультаций и оценки гендерного равенства в местной политике и нормативных актах провинции Цзянсу» и «Положение о работе Комитета по консультациям и оценке гендерного равенства в политике и нормативных актах провинции Цзянсу». В отличие от этого, провинция Юньнань только в 2019 году выпустила «Мнения о комплексном внедрении механизма проверки легитимности административных нормативно-правовых актов». С точки зрения экономики, ВВП провинции Цзянсу в 2022 году составил 12,29 триллиона юаней, в то время как ВВП провинции Юньнань в 2022 году составил всего 2,9 триллиона юаней – то есть ограниченность ресурсов серьезно повлияла на сроки внедрения системы оценки гендерного равенства в одной из рассматриваемых провинций.

Не менее значимым вопрос ресурсов оказался и для развития этой системы на уровне провинций. Так, как указано выше, в провинции Цзянсу был создан Консультативно-оценочный комитет по вопросам соблюдения равенства между полами при создании законов и нормативных актов. Для реализации принятого решения о его создании были приглашены 48 руководителей, экспертов и ученых из департаментов, бюро национальных и провинциальных органов власти и научно-исследовательских учреждений, тесно связанных с защитой прав и интересов женщин, которые обладают большим опытом и знаниями в области права, чтобы они могли занять посты в качестве руководителей и членов комитета. Все разрабатываемые законодательные и нормативные документов, а также местные законы и постановления, правила, и нормативные правовые документы становятся объектами консультирования и оценивания на предмет соблюдения гендерного равенства. В ходе консультаций члены комитета используют такие методы, как опросы, анкетирование, консультативные семинары и эмпирические исследования, сбор информации об общественном мнении по тем или иным вопросам, разбор доказательств, внесение отзывов и предложений. Каждый год по результатам деятельности комитета составляется годовой отчет. При этом все перечисленные мероприятия требуют серьезного финансирования.

Отметим, что спектр вопросов, законы по которым стали объектом внимания комитета, довольно широк – он включает «Положение о страховании материнства для работников в провинции Цзянсу», «Положение о специальной защите работниц», «Положение о патриотическом здоровье в провинции Цзянсу», «Положение о трудовых договорах в провинции Цзянсу», «Положение о контроле за наркотиками в провинции Цзянсу», «Меры по реализации положения о работе по планированию семьи в провинции Цзянсу», «Мнения о дальнейшем усилении работы по правовой пропаганде и просвещению молодежи в провинции» и другие местные нормативные правовые акты.

Легитимность и ресурсоемкость закона в контексте гендерного равенства. Следующий блок показателей, являющихся элементом системы оценки соблюдения гендерного равенства в КНР, представляют собой показатели легитимности закона. Ресурсы легитимности, как и система ее обеспечения, имеют свои пределы – в общем смысле под легитимностью китайское законодательство имеет в виду такое политическое отношение, при котором действующая власть получает общее признание общества, что, в свою очередь, отражает степень социального одобрения. Легитимность имеет большое значение, выступая гарантией укрепления и преемственности государственно-правовой системы, и является фактором, стимулирующим развитие общества. В контексте оценки соблюдения гендерного равенства в КНР проблема легитимности сводится к оценке закона на предмет того, способствуют ли его положения гарантированному распределению ресурсов между мужским и женским населением, которым адресован закон, причем в качестве ресурсов рассматриваются и материальные, и временные, и организационные ресурсы, использование которых способствует обеспечению формального и фактического гендерного равенства.

Так, в сентябре 2011 года Госсовет КНР опубликовал «Программу развития китайских женщин (2011-2020)»[7], в которой «общей целью» было закреплено «включение гендерной идеологии в правовую систему и государственную

7 Уведомление Государственного совета об издании «Плана развития китайских женщин» и «Плана развития китайских детей» Гуофа, 2011. - № 24 (от 5 августа 2011 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2011-08/05/content_6549.htm.

политику». В разделе «Женщины и закон» основной задачей законодателя и правоприменителя было отражено «повышение значения анализа законов, иных нормативных правовых актов и политических решений на предмет соблюдения гендерного равенства», а в качестве мер, предпринимаемых государством для реализации этой задачи были названы «экспертиза законов, иных нормативных правовых актов и политических решений с целью выявления рисков нарушения принципа равенства между мужчинами и женщинами», «правоприменительная политика равенства между мужчинами и женщинами», «пересмотр содержания нормативных правовых актов и политических решений». Тем самым в 2011 г. КНР впервые нормативно закрепил институциональные и процедурные гарантии соблюдения принципа гендерного равенства в правотворческой и правоприменительной деятельности, а также попытался нормативно отразить ресурсы легитимности государственной политики в сфере оценки соблюдения гендерного равенства.

В 2019 году Си Цзиньпин сделал важное заявление о том, что «народная демократия – это демократизация всего процесса общественного развития». В текст поправок к Закону КНР «О порядке организации ВСНП» и к «Регламенту ВСНП КНР», принятых в марте 2021 года, были включены положения о том, что «демократизация всего процесса общественного развития подразумевает объединение инструментов и ценностей рациональной организации общества, единство процедурной и материальной составляющих власти, единство содержания и формы демократии». В этом контексте равенство между мужчинами и женщинами, являясь одним из принципов, закрепленных в Конституции КНР, с указанного момента рассматривается как элемент идеологии «демократии всего процесса общественного развития».

В сентябре 2021 года Государственный Совет официально опубликовал вторую «Программу развития китайских женщин (2021-2030)», в которой говорится, что «степень гендерного равенства и всестороннего развития женщин является важным показателем прогресса цивилизации», и прямо указывается на «содействие стандартизированному построению и эффективному функционированию механизмов оценки гендерного воздействия в нормативных актах и политике» как на одну из новых целей всестороннего развития женщин в Китае в новую эпоху.

В Законе КНР «О защите прав и интересов женщин», вступившем в силу с 1 января 2023 года, впервые на законодательном уровне были закреплены положения о последовательности действий при реализации элементов системы оценки соблюдения гендерного равенства. Так, в статье 8 Закона (с учетом поправок, принятых Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей тринадцатого созыва на тридцать седьмом заседании 30 октября 2022 года) прямо предусматривается, что при разработке или изменении законов, положений, правил и других нормативных документов, касающихся прав и интересов женщин, соответствующие органы власти должны учитывать мнение Федерации женщин (общенациональной негосударственной организации, отстаивающей права женщин в КНР; организация имеет свои подразделения в провинциях Китая), в полной мере уважать особые права и интересы женщин и при необходимости проводить оценку соблюдения гендерного равенства.

К концу 2020 года все провинции, автономные районы и муниципалитеты Китая создали местные механизмы оценки гендерного равенства при проведении анализа нормативных правовых актов и политических решений. Тем самым Китайское государство постоянно расширяет уровень легитимности механизма оценки гендерного равенства. Например, в провинции Цзянсу, с момента создания системы оценки соблюдения гендерного равенства и до конца 2022 года, были выбраны 641 эксперт для участия в оценке гендерного равенства в 222 нормативных правовых актах. Ими были разработаны 583 рекомендации в части обеспечения гендерного равенства применительно к текстам проанализированных нормативных правовых актов, из которых 120 были учтены законодателем[8].

Заключение. Широкое распространение механизмов оценки равенства полов в области местного законотворчества позволило к настоящему моменту реализовать описанный выше механизм в каждой провинции, в каждом районе и городе Китая, с учетом специфики их экономического и социального развития. Однако на общенациональном уровне по-прежнему отсутствуют системно (институционально и процедурно) организованные законодательные механизмы оценки гендерного равенства, что негативно сказывается на правотворческой и правоприменительной деятельности.

Механизм оценки соблюдение принципов гендерного равенства в провинциях ограничен местным законодательством – анализируются местные уставы, положения и другие местные нормативные правовые акты. Например, в провинции Цзянсу, местные законы и постановления, правительственные распоряжения и нормативно-правовые акты должны быть оценены на предмет соблюдение принципов гендерного равенства в процессе формулирования, разработки и реализации проекта; Пекин, Тяньцзинь и Сычуань установили, что разработка и реализация местных законов и постановлений, правительственных распоряжений и нормативно-правовых актов, которые тесно связаны с правами и интересами женщин, должны быть предметом оценки гендерного равенства. Однако реальность такова, что оценки соблюдения принципов гендерного равенства, проведенные в различных регионах, в основном сосредоточены на местных законах и постановлениях, в то время как оценки большого количества правительственных нормативных актов практически не проводились.

Механизм оценки соблюдения гендерного равенства в законодательстве на общегосударственном уровне может включать в сферу оценки законодательство центрального уровня, в том числе законы, административные постановления и ведомственные правила, чтобы такая оценка была более полной и всесторонней. Создание механизма оценки соблюдения принципов гендерного равенства в законодательстве на государственном уровне, оптимизация институциональной структуры и оперативного управления, совершенствование системы показателей оценки и процесса оценки позволят разработать эффективные руководящие принципы для стандартизированной работы механизмов оценки соблюдения принципов гендерного равенства в законодательстве во всех регионах.

Пристатейный библиографический список

1. Богомазова О. И. Проблемы реализации правового статуса женщин // Бизнес в законе. - 2007. - № 3. - С. 215-216.
2. Женский союз в Цзянсу. Исследование и практика механизма оценки гендерного равенства нормативно-правовых актов и политики в провинции Цзянсу: построение модели оценки гендерного воздействия с китайской спецификой. - Нанкин: Народное издательство Цзянсу, 2018. – 65-66 с.
3. Кисс С. В. История формирования понятия «гендерное равенство» // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. - 2022. - № 22-2. - С. 162-164.

8 Ру Сицзя Женщины-представительницы провинции Цзянсу и члены комитета уделяют внимание гендерным темам и дают советы / Сицзя Ру // Женские новости Китая. - 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://epaper.cnwomen.com.cn/html/2023-01/18/nw.D110000zgfnb_20230118_8-1.htm.

ФЕДОРОВИЧ Михаил Александрович
аспирант Высшей школы государственного аудита, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ПОРЯДОК ПРИВЛЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВА К ОТВЕТСТВЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕХАНИЗМОВ

В статье проводится комплексное исследование института юридической ответственности государства. Анализируются теоретико-исторические основы, классификации и практические механизмы привлечения государства к ответственности в рамках двух правовых систем: национальной (на примере Российской Федерации) и международной. Автор подробно рассматривает основания возникновения ответственности, ее виды, формы реализации, а также обстоятельства, исключающие противоправность деяния. Особое внимание уделяется сложным вопросам коллизии и взаимодействия внутригосударственных и международно-правовых механизмов, включая доктрину государственного иммунитета, правило исчерпания внутренних средств правовой защиты и проблему исполнения решений международных судов в свете современных тенденций утверждения конституционного суверенитета.

Ключевые слова: теория государства и права, юридическая ответственность государства, государственный суверенитет, деликтная ответственность, конституционная ответственность, международно-правовая ответственность, присвоение поведения, обстоятельства, исключающие противоправность, государственный иммунитет, Проекты статей об ответственности государств, имплементация норм, международные суды.

FEDOROVICH Mikhail Aleksandrovich
postgraduate student of the Higher School of Public Audit, M. V. Lomonosov Moscow State University

THE PROCEDURE FOR HOLDING THE STATE LIABLE: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF NATIONAL AND INTERNATIONAL MECHANISMS

This article provides a comprehensive study of the institution of state legal liability. It analyzes the theoretical and historical foundations, classifications, and practical mechanisms for holding a state liable within two legal systems: national (using the Russian Federation as an example) and international. The author examines in detail the grounds for liability, its types, forms of implementation, as well as circumstances precluding wrongfulness. Particular attention is paid to complex issues of conflict and interaction between domestic and international legal mechanisms, including the doctrine of state immunity, the rule on the exhaustion of local remedies, and the problem of enforcement of international court decisions in light of current trends affirming constitutional sovereignty.

Keywords: theory of state and law, legal liability of the state, state sovereignty, tortious liability, constitutional liability, international legal responsibility, attribution of conduct, circumstances precluding wrongfulness, state immunity, Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, implementation of norms, international courts.

Введение

Проблема ответственности государства является одной из центральных и наиболее дискуссионных в современной юриспруденции. В условиях глобализации, усложнения социальных связей и повышения значимости прав человека вопрос о границах и механизмах подотчетности власти приобретает особую актуальность. Государство, в силу своих специфических особенностей, продиктованных его правовым статусом, может нести ответственность перед своими гражданами, публично-правовыми образованиями, юридическими лицами внутри страны по правилам, установленным самим государством, с одной стороны. С другой стороны, как основной актор международных отношений, оно является субъектом международно-правовой ответственности.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, продолжающимся процессом формирования правового государства в России, где эффективная защита прав граждан от неправомерных действий (или бездействия) публичной власти является ключевым элементом. Во-вторых, возрастающей ролью международных судебных и квазисудебных органов, чьи решения оказывают прямое влияние на национальные правовые системы. В-третьих, наличием теоретических и практических коллизий и несоответствий между принципом государственного суверенитета и необходимостью соблюдения международных обязательств, что особенно ярко проявляется в современных геополитических условиях.

Целью настоящей статьи является проведение сравнительно-правового анализа порядка привлечения государства к ответственности в национальном законодательстве и международном праве для выявления их специфики, точек соприкосновения и существующих проблем.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Раскрыть теоретические основы и правовую природу ответственности государства, проследив ее историческую эволюцию.
2. Проанализировать виды и механизмы привлечения государства к ответственности в российском праве, включая конституционную и гражданско-правовую ответственность.
3. Изучить основания, формы, процедуры реализации и обстоятельства, исключающие противоправность, в рамках международно-правовой ответственности.
4. Выявить и систематизировать основные проблемы взаимодействия и коллизии национальных и международных механизмов ответственности.

1. Теоретико-исторические основы института ответственности государства

1.1. Эволюция доктрины: от иммунитета суверена к концепции правового государства

Идея ответственности государства неразрывно связана с эволюцией самого понятия государства и его правовой природы. В эпоху абсолютизма господствовала доктрина иммунитета суверена, выраженная в формулах «The King can do no wrong» («Король не может ошибаться») в английском праве и «Le Roi ne peut mal faire» во французском. Данный принцип означал, что монарх как носитель верховной власти не подчиняется закону и, следовательно, не может быть привлечен к юридической ответственности.

Перелом наступил в эпоху Просвещения с развитием теорий общественного договора (Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо), авторы которой обосновывали происхождение власти из воли народа и ее подчиненность закону. Идеи о том, что государство

создается для защиты естественных прав человека, заложили фундамент для его подотчетности.

Практическое воплощение эти идеи нашли в концепции правового государства (*Rechtsstaat*), зародившейся в немецкой юридической мысли XIX века. Карл Теодор Велькер и Роберт фон Моль утверждали, что государство, как и гражданин, должно быть связано правом. Одновременно во Франции развивалась доктрина *responsabilité de l'État*, которая, благодаря решениям Государственного совета (Conseil d'État), постепенно признала возможность взыскания с казны ущерба, причиненного действиями администрации, даже при отсутствии специального закона [13, с. 35].

В российской правовой мысли идеи ответственности государства также активно обсуждались на рубеже XIX – XX веков такими учеными, как Н. М. Коркунов и Б. Н. Чичерин, которые связывали ее с необходимостью ограничения самодержавной власти и установления законности [15, с. 98].

1.2. Классификация и правовая природа ответственности государства

В современной теории государства и права ответственность государства традиционно рассматривается в двух аспектах: позитивном (перспективном) и негативном (ретроспективном). Позитивная ответственность в контексте государственной ответственности означает обязанность государства действовать в интересах общества, эффективно выполнять свои функции и обеспечивать права и свободы человека и гражданина, которые гарантированы этим государством. Негативная (ретроспективная) ответственность наступает вследствие совершения государством правонарушения и заключается в обязанности претерпеть неблагоприятные последствия, установленные правовой нормой [12, с. 278].

Помимо этого, ответственность государства можно классифицировать по отраслевому признаку:

– **Конституционно-правовая ответственность:** наступает за нарушение норм Конституции и выражается в особых формах, таких как отрешение от должности президента (импичмент), роспуск парламента, отставка правительства. Она носит преимущественно политико-правовой характер.

– **Административно-правовая (уголовно-правовая) ответственность:** наступает за совершение административных и уголовных правонарушений и реализуется через отмену незаконных актов управления, понуждение к исполнению обязанностей, применении наказания, предусмотренного соответствующей отраслью права.

– **Гражданско-правовая (деликтная) ответственность:** наступает за причинение имущественного или неимущественного вреда физическим и юридическим лицам и выражается в обязанности возместить причиненные убытки.

– **Международно-правовая ответственность:** наступает за нарушение норм международного права.

Правовая природа ответственности государства двойственна. Во внутригосударственных отношениях она является проявлением механизма сдержек и противовесов, гарантирующим права индивида от произвола публичной власти. В международных отношениях она выступает как необходимый инструмент поддержания международного правопорядка и стабильности. Эта двойственность порождает фундаментальное напряжение между принципом государственного суверенитета и необходимостью соблюдения правовых норм.

2. Механизмы привлечения государства к ответственности в национальном праве (на примере Российской Федерации)

Конституция Российской Федерации закладывает фундамент для ответственности государства. Статьи 2, 18, 45, 46 и 53 в совокупности формируют конституционную обязанность государства признавать, соблюдать, защищать права и свободы человека и возмещать вред, причиненный незаконными действиями власти [1].

2.1. Конституционно-правовая ответственность высших органов власти

Данный вид ответственности имеет особый, политико-правовой характер и применяется к высшим органам государственной власти. Ее механизмы закреплены непосредственно в Конституции РФ.

Ответственность Президента РФ реализуется через процедуру отрешения от должности (импичмента) на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления (ст. 93 Конституции РФ). Это сложная многоступенчатая процедура, требующая участия обеих палат парламента, а также заключений Верховного и Конституционного Судов.

Ответственность Правительства РФ может выражаться в выражении недоверия Государственной Думой (ч. 3 ст. 117) или в постановке Президентом вопроса о его отставке (ч. 2 ст. 117). Хотя решение об отставке принимает Президент, сам механизм является формой ответственности исполнительной власти перед законодательной и главой государства.

Справедливы меры конституционной ответственности и для судебной системы. Так в соответствии с п. *л* ч. 1 ст. 102 Конституции РФ Совет Федерации имеет право прекратить полномочия должностных лиц, включая Председателей Верховного и Конституционного Судов по представлению Президента РФ.

Законодательные органы в Российской Федерации также включены в систему сдержек и противовесов и участвуют не только в качестве сдерживающего механизма как было указано ранее, но и сами подвержены конституционно-правовой ответственности. Так Государственная Дума может быть распущена Президентом в случае неспособности сформировать Правительство или при выражении Думой недоверия правительству (ст. 109).

Данные механизмы направлены не на возмещение вреда, а на пресечение антиконституционной деятельности и восстановление функционирования государственного механизма в правовом русле.

2.2. Гражданско-правовая ответственность государства перед физическими и юридическими лицами

Это основной механизм, с помощью которого частные лица могут добиться компенсации за вред от действий власти. Он регулируется главой 59 Гражданского кодекса РФ «Обязательства вследствие причинения вреда».

Ключевыми нормами здесь выступают:

– **Статья 1069 ГК РФ**: устанавливает общие основания ответственности. Для ее наступления необходимо доказать наличие совокупности четырех условий: 1) наличие вреда (убытков); 2) противоправность действий (бездействия) государственного органа или его должностного лица; 3) причинно-следственная связь между противоправным деянием и наступившим вредом; 4) вина должностного лица (хотя по общему правилу вина причинителя вреда предполагается). Вред возмещается за счет казны РФ, казны субъекта РФ или казны муниципального образования [4].

– **Статья 1070 ГК РФ**: предусматривает так называемую «безвиновную» ответственность государства в случае незаконного поведения представителей государства. В этих случаях государство обязано возместить вред независимо от вины судей или должностных лиц правоохранительных органов.

Истцом в таких делах выступает пострадавшее лицо, а ответчиком – главный распорядитель бюджетных средств от имени казны (например, Министерство финансов РФ). Судебная практика, обобщенная в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 46 от 23.12.2021 г., подчеркивает, что незаконность действий должна быть предварительно установлена в соответствующем судебном решении (например, оправдательном приговоре) или административном акте [8].

2.3. Административно-правовые и уголовно-правовые механизмы

Кодекс административного судопроизводства РФ (КАС РФ) предоставляет гражданам и организациям широкий спектр инструментов для оспаривания действий власти. Глава 22 КАС РФ позволяет признать незаконными решения, действия (бездействие) органов государственной власти [5]. Хотя основной целью здесь является восстановление нарушенного права (например, отмена незаконного приказа), удовлетворение административного иска часто является преюдициальным фактом для последующего взыскания убытков в порядке гражданского судопроизводства. Таким образом, административный и гражданский механизмы тесно взаимосвязаны и часто используются последовательно.

В отличие от административно-правового оспаривания решений государства (в лице государственных органов), уголовно-правовая ответственность справедлива исключительно для должностных лиц государства. Основной объем статей, посвященных ответственности, коррелирующей нашей теме исследования содержится в главе 30 Уголовного кодекса Российской Федерации. В данном случае, речь по большому счету идет про ту же ответственность, что и в административном и в гражданско-правовом профиле, однако с особенностями уголовного права с соответствующими уголовно-правовыми

последствиями. В данном случае речь идет о более объемном предмете доказывания и о более тяжелых общественно опасных последствиях соответственно. Процедура правления описана в процессуальном законодательстве – специализированном Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Административная ответственность и уголовная ответственность в данной статье рассматриваются совместно, поскольку обе отрасли права представляю собой публичные отрасли, которые регулируют правоотношения государство-гражданин. Тем не менее, при более детальном рассмотрении данной проблематики, возможно найти достаточно разграничений и отличий для их описания в качестве самостоятельного подраздела.

3. Международно-правовая ответственность государства: основания и порядок реализации

Мы разобрали ответственность, которая может возникать у государства внутри такого государства в соответствии с процедурами и правилами, установленными таким государством. Однако, как было указано ранее, государство, как субъект ответственности может нести и внешнюю ответственность, то есть со стороны иных участников правоотношений, равных государству по правовому статусу. К таким участникам наравне с государствами мы в том числе включаем международные организации и надгосударственные объединения. Комиссией международного права ООН в **Проектах статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния** 2001 года (далее – ARSIWA) [6]. Хотя ARSIWA не являются договором, они признаются авторитетным изложением международного обычного права.

3.1. Основания ответственности и присвоение поведения

Основанием для возникновения международно-правовой ответственности является совершение государством **международно-противоправного деяния**. Согласно статье 2 ARSIWA, такое деяние имеет место, когда какое-либо поведение (действие или бездействие):

а) присваивается государству по международному праву;

б) представляет собой нарушение международно-правового обязательства этого государства.

Присвоение поведения государству – ключевой и сложный аспект. Ответственность наступает не только за действия официальных органов государства (ст. 4), но и в ряде других случаев:

– Действия лиц или образований, уполномоченных осуществлять элементы государственной власти (ст. 5).

– Действия органов, предоставленных в распоряжение одного государства другим (ст. 6).

– Действия, совершенные под руководством или контролем государства (ст. 8). Критерий «эффективного контроля» был сформулирован Международным Судом ООН в деле *Никарагуа против США* [9, p. 14].

– Действия частных лиц, которые впоследствии признаются и принимаются государством в качестве собственных (ст. 11). Классическим примером является дело о *дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране*, где Суд признал Иран ответственным за захват посольства после того, как аятолла Хомейни одобрил действия студентов [10, p. 3].

3.2. Формы возмещения вреда (репарации)

Цель репараций – полное устранение последствий противоправного деяния (*restitutio in integrum*). Статья 31 ARSIWA закрепляет эту обязанность. Основные формы (ст. 34-37 ARSIWA):

1. **Реституция** – восстановление положения, которое существовало до совершения деяния. Является основной формой, если она материально возможна и не влечет бремени, несоразмерного выгоде.

2. **Компенсация** – возмещение любого финансово оценимого ущерба, включая упущенную выгоду. Применяется, когда реституция невозможна.

3. **Сатисфакция** – применяется для возмещения нематериального вреда (оскорбление чести, достоинства государства). Может состоять в официальном признании нарушения, выражении сожаления, формальном извинении.

3.3. Обстоятельства, исключающие противоправность

Глава V ARSIWA кодифицирует обстоятельства, которые могут временно или постоянно освободить государство от ответственности за несоблюдение обязательства. К ним относятся:

– **Согласие** (ст. 20).

– **Самооборона** (ст. 21).

– **Контрмеры** (ст. 22).

– **Форс-мажор** (ст. 23).

– **Бедствие** (ст. 24).

– **Состояние необходимости** (ст. 25).

Важно отметить, что данные обстоятельства не отменяют само обязательство и не освобождают от обязанности выплатить компенсацию за любой материальный ущерб, причиненный деянием [16, с. 215].

4. Проблемы взаимодействия и коллизии национальных и международных механизмов

На практике национальные и международные системы ответственности не существуют в вакууме. Они постоянно взаимодействуют, что порождает ряд сложных юридических проблем.

4.1. Доктрина государственного иммунитета и ее ограничения

Принцип государственного (юрисдикционного) иммунитета (*par in parem non habet imperium* – равный над равным не имеет власти) защищает государство от привлечения к суду другого государства без его согласия. Исторически иммунитет был абсолютным. Однако в XX веке получила распространение доктрина **ограниченного (функционального) иммунитета**, которая разграничивает действия государства на:

Acta jure imperii – действия, совершаемые при осуществлении суверенной власти (по ним иммунитет сохраняется).

Acta jure gestionis – действия коммерческого, частноправового характера (по ним иммунитет не предоставляется).

Эта доктрина закреплена в Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года [3] и в национальных законах многих стран (например, FSIA в США, State Immunity Act в Великобритании). Однако разграничение этих двух видов деятельности на практике вызывает большие споры, особенно в делах, связанных с нарушением прав человека. Ряд государств и ученых продвигают идею «деликтного исключения» из иммунитета, когда речь идет о причинении вреда жизни и здоровью на территории государства суда, или даже полного отказа в иммунитете в случае нарушения императивных норм международного права (*jus cogens*), но консенсус по этому вопросу пока не достигнут [20, p. 12].

4.2. Правило об исчерпании внутренних средств правовой защиты

Это фундаментальный принцип, согласно которому лицо не может обращаться в международные инстанции (например, ЕСПЧ или комитеты ООН по правам человека), пока не исчерпает все **эффективные** средства защиты, доступные в национальной правовой системе. Принцип уважает суверенитет государства, давая ему возможность самостоятельно исправить нарушение. Однако определение «эффективности» национальных средств часто становится предметом спора. Если внутренние средства защиты являются чрезмерно длительными, недоступными или заведомо безрезультатными, международный орган может признать их неэффективными и принять жалобу к рассмотрению.

4.3. Исполнение решений международных судов и примат права

Это одна из самых острых проблем. Если государство добровольно не исполняет решение Международного Суда ООН или ЕСПЧ, механизмы принуждения весьма ограничены. Это ставит в центр юридической дискуссии вопрос о соотношении международного права и национального законодательства.

Большинство правовых систем мира в различных формах признают принцип *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) и примат международного права. Однако в последние годы усиливается тенденция, которую можно назвать «конституционным контрнаступлением».

В России, после внесения поправок в Конституцию в 2020 году, была закреплена норма о том, что решения межгосударственных органов, принятые на основании международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению (ст. 79 Конституции РФ). Это решение было во многом подготовлено позицией Конституционного Суда РФ, который еще в 2015 году указал на верховенство Конституции и возможность неисполнения решений ЕСПЧ в случае их противоречия основополагающим конституционным принципам [7]. Схожие тенденции наблюдаются и в других странах. Например, Федеральный конституционный суд Германии в своих решениях серии

Solange выработал доктрину, согласно которой он оставляет за собой право проверять акты европейского права на предмет соответствия основным правам, гарантированным немецкой Конституцией [11, p. 271].

Эта коллизия между обязательствами по международному праву и принципом верховенства национальной конституции является ключевым вызовом для всей системы международной ответственности в XXI веке. Каждое государство должно решать данный вызов исходя из собственных интересов, а также соблюдая баланс между собственными интересами такого государства и интересами общечеловеческими и общемировыми.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что порядок привлечения государства к ответственности представляет собой сложную, многоуровневую систему, действующую одновременно в двух плоскостях – национальной и международной. Исторически пройдя путь от абсолютного иммунитета власти до признания ее подотчетности, современный институт ответственности государства является краеугольным камнем правового государства и стабильного международного порядка.

На национальном уровне (на примере РФ) создан достаточно детальный механизм конституционной, гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности. Он позволяет гражданам и юридическим лицам защищать свои права от незаконных действий власти, однако его реальная эффективность напрямую зависит от независимости судебной системы, качества правоприменительной практики и готовности исполнительной власти исполнять судебные решения.

На международном уровне система ответственности, кодифицированная в ARSIWA и реализуемая через дипломатические и судебные каналы, служит основой международного правопорядка. Она зиждется на фундаментальном принципе, согласно которому любое международно-противоправное деяние государства влечет за собой его международную ответственность.

Ключевая проблема современности заключается в обеспечении гармоничного и непротиворечивого взаимодействия этих двух систем. С одной стороны, международное право, особенно в сфере прав человека, все глубже проникает в национальные правовые порядки. С другой – государства, ссылаясь на суверенитет и верховенство конституции, порой сопротивляются этому процессу, создавая правовые коллизии и ставя под сомнение универсальность международных стандартов.

Перспективы развития института ответственности государства лежат в поиске хрупкого баланса между суверенитетом и подотчетностью. Для национального права это означает дальнейшее совершенствование процедур и повышение эффективности исполнения решений против государства. Для международного права – укрепление наднациональных юрисдикционных органов, развитие механизмов принуждения и выработка консенсусных подходов к разрешению коллизий с национальными правовыми системами. В конечном счете, эффективная и неотвратимая ответственность государства на обоих уровнях является необходимым условием для построения справедливого и стабильного правопорядка как внутри страны, так и на мировой арене.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2025).
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: [заключена в г. Риме 04.11.1950] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности: [принята Резолюцией 59/38 Генеральной Ассамблеи от 02.12.2004] // Организация Объединенных Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/state_immunities.shtml (дата обращения: 11.06.2025).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
6. Проекты статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния: [приняты Комиссией международного права на ее пятьдесят третьей сессии, 2001 г.] // Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии. A/56/10. – Нью-Йорк: ООН, 2001. – С. 54-68.
7. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 30. – Ст. 4658.
8. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 // Российская газета. – 2022. – № 9 (8657).
9. Case concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits: Judgment, I.C.J. Reports 1986. – P. 14.
10. Case concerning United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (United States of America v. Iran): Judgment, I.C.J. Reports 1980. – P. 3.
11. Case Solange I (29 May 1974).
12. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник: в 2 томах. – Москва: Юридическая литература, 1981. – Том 1. – 360 с.
13. Дегтев Г. В. Становление и развитие института ответственности государства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 5. – С. 34-41.
14. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. – 2018. – № 115 (7578).
15. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Том 1. Введение и общая часть / 6-е изд. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1909. – 623 с.
16. Лукашук И. И. Право международной ответственности. – Москва: Волтерс Клувер, 2004. – 432 с.
17. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник / 4-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2011. – 528 с.
18. Crawford J. State Responsibility: The General Part. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 800 p.
19. Shaw M. N. International Law / 8th ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 1040 p.
20. Tomuschat C. State Responsibility and the Individual // The Law of International Responsibility / Ed. by J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – P. 3-16.

АРСЯКОВА Ирина Николаевна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, Московский университет имени С. Ю. Витте, филиал в г. Рязани

ВИДОВА Татьяна Александровна
кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин, Московский университет имени С. Ю. Витте, филиал в г. Рязани

ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Академии права и управления ФСИН России, г. Рязань; профессор кафедры уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин, Московский университет имени С. Ю. Витте, филиал в г. Рязани

СТАНОВЛЕНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В XI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Статья посвящена актуальным вопросам становления и развития трудовых правоотношений в России в эпоху феодализма. Авторы рассматривают период XI – первой половины XIX вв. в контексте формирования норм трудового права в условиях феодализма. Актуальность данной темы обусловлена бесспорной ролью трудовых отношений как в экономике, так и в социально-политической сфере любого государства. Период XI – первой половины XIX вв. стал временем зарождения, становления и формирования системы крепостного права. В то же время внутри этой системы зарождались элементы современного трудового права, основанного на гуманистических ценностях. Авторы делают вывод о закономерном развитии трудовых отношений в указанный период, о роли исследуемых нормативно-правовых актов в формировании трудового права в России.
Ключевые слова: трудовое право, трудовые отношения, Русская Правда, Соборное Уложение, система крепостного права, промышленный переворот, трудовое законодательство.

ARSYAKOVA Irina Nikolaevna
Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil law disciplines sub-faculty, S. Yu. Witte Moscow University, branch in Ryazan

VIDOVA Tatyana Alexandrovna
Ph.D. in historical sciences, associate professor, Deputy Head of Criminal law and humanities sub-faculty, S. Yu. Witte Moscow University, branch in Ryazan

GOLOVASTOVA Yuliya Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor, professor of Penal enforcement law and organization of educational work with convicts sub-faculty, Academy of Law and Management of the FPS of Russia, Ryazan; Professor of Criminal law and humanities sub-faculty, S. Yu. Witte Moscow University, branch in Ryazan

THE FORMATION OF LABOR RELATIONS IN RUSSIA IN THE 11TH – THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES

The article is devoted to topical issues of the formation and development of labor relations in Russia in the era of feudalism. The authors consider the period of the XI – first half of the XIX centuries in the context of the formation of labor law norms in the conditions of feudalism. The relevance of this topic is due to the indisputable role of labor relations both in the economy and in the socio-political sphere of any state. The period of the XI – the first half of the XIX centuries became the time of the origin, emergence and formation of the system of serfdom. At the same time, elements of modern labor law based on humanistic values were emerging within this system. The authors conclude that labor relations developed naturally during this period, and that the legal acts under study played a significant role in shaping labor law in Russia.
Keywords: labor law, labor relations, Russkaya Pravda, Sobornoye Ulozheniye, serfdom system, industrial revolution, and labor legislation.

С самого начала существования российского государства действовали правовые нормы, определяющие трудовые отношения. На протяжении истории правовое регулирование между различными сторонами трудовых взаимоотношений серьезным образом менялось в зависимости от господствующей экономической системы. Соответственно, в истории трудового права в России можно выделить несколько периодов:

1. Феодальный период до фабричного законодательства (XI век – 1861 год).
2. Период становления капитализма и фабричного законодательства (1861-1917 годы).
3. Период формирования советского трудового права и законодательства (ноябрь 1917 года – 1991 год).
4. Постсоветский период и переход к рыночной экономике (1991 год – настоящее время).

В настоящем исследовании проанализирован первый период, охватывающий эпоху феодализма и зарождение, становление и оформление системы крепостного права, которая на протяжении веков определяла специфику трудовых отношений. Соответственно, целями авторов данной статьи являются: раскрыть характерные черты развития трудовых правоотношений в исследуемый период; показать, как менялось правовое регулирование отношений в сфере труда; выявить зачатки современных норм отечественного трудового права.

Первые в отечественном правопорядке правовые нормы, регулирующие труд, были зафиксированы в «Русской правде» – древнейшем законодательном своде Древнерусского государства, составленном при князе Ярославе Мудром в первой четверти одиннадцатого века и впоследствии дополненном его наследниками. В данный период трудовая деятельность не рассматривалась отдельно от личности исполнителя; распоряжение трудом было тесно связано с подчинением самой личности [1, с. 26]. Нормы «Русской правды» связывали принудительный труд с социальной принадлежностью и возлагали связанные с трудом обязательства на определенные зависимые категории населения (холопы, закупы). Оформление найма на работу без последующего закрепощения было возможно лишь при наличии специального условия в договоре; однако подобные условия встречались весьма нечасто. Кроме того, если работник находился во власти нанимателя более полугода, это воспринималось как молчаливое согласие на пожизненное подчинение и переход в разряд холопов (Пространная редакция, ст. 58)[1].

В системе «Русской правды» выделялись две формы холопства: кабальное и полное. Полное холопство не предполагало возможности освобождения из этого состояния вплоть до смерти владельца, что стало основой института

1 Русская Правда (Пространная редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm.

крепостного права. При кабальной форме зависимый должен был отработать предоставленные ему авансом средства; по истечении шести месяцев такой работы он получал свободу (Пространная редакция, ст. 111)[2]. Если же он не выполнял этих условий, то становился пожизненным холопом хозяина.

Законодательство того времени предусматривало фиксированный размер оплаты труда лишь для ограниченного круга лиц – таких, как строители мостов, оборонительных сооружений, – что свидетельствует о существенной значимости их деятельности для государства (Пространная редакция, статьи 96-97). Действие норм Русской Правды распространялось на русские земли длительный период – вплоть до пятнадцатого столетия.

Важным этапом развития трудовых отношений стало появление Псковской судной грамоты конца четырнадцатого века – ключевого источника феодального права Пскова. Именно здесь впервые отражен институт найма работников: тех, кто временно продавал свой труд за вознаграждение, называли наймитами (этот термин употреблен в статьях 39-41[3]). Согласно Псковской судной грамоте, мастер-наймит после выполнения оговоренных работ имел право требовать оплату у нанимателя; при отказе последнего предусматривалась возможность взыскания долга в публичном порядке. Если работа была выполнена частично, вознаграждение начислялось пропорционально фактически отработанному времени. Для предъявления претензий к бывшему нанимателю устанавливался срок давности один год со дня, когда работник покинул нанимателя.

Следует в этой связи отметить, что в конце XIV века на северо-западе Руси впервые появился законодательный акт, предусматривающий правовую защиту трудящихся. Для получения причитающейся платы работник был обязан публично подтвердить обоснованность своих требований в случае отказа нанимателя выполнять финансовые обязательства. Хотя статьи 39-41 Псковской судной грамоты прямо не регламентировали условия осуществления трудовой деятельности, они закрепляли преимущественную силу письменного соглашения между работником и работодателем. В то же время обязательность наличия подобного соглашения не предусматривалась. Этот вид договора можно рассматривать как прототип последующих трудовых контрактов [6, с. 161].

Нормы о найме получили развитие в законодательных сводах Судебника Ивана III (1497 года) и Судебника Ивана IV (1550 года). При составлении статьи 54 Судебника 1497 года была использована статья 40 Псковской судной грамоты, что свидетельствует о преемственности правовой мысли. С ростом спроса на квалифицированный труд вследствие развития товарного производства увеличивалось число личных наймов; это привело к появлению более детального регулирования таких отношений в законодательстве Ивана III. В то же время основное внимание уделялось защите интересов работодателя: заключение договора личного найма по статье 66 при определенных условиях могло стать основанием для превращения свободного человека в холопа.

Если по нормам Псковской судной грамоты даже самовольный уход работника не лишал его права на оплату выполненного труда, то согласно статье 54 Судебника 1497 года досрочное расторжение личного найма приводило к потере заработка – работник лишался платы, если уходил раньше положенного времени, не отрабатывал предусмотренного срока[4].

Судебник 1497 года ввел также институт Юрьева дня – единственного периода в году (неделя до и неделя после осеннего Юрьева дня), когда крестьяне могли переходить из одной волости или деревни в другую при условии выплаты соответствующего сбора – пожилого.

Согласно статье 83 Судебника Ивана IV от 1550 года были расширены гарантии защиты интересов работников: за невыплату установленного договором вознаграждения при добросовестном исполнении служащим своих обязанностей хозяин нес ответственность вплоть до удвоенной выплаты суммы спора по решению суда, если его вина была доказана законным порядком рассмотрения дела между сторонами контракта.

Явно прослеживается, что процесс закрепощения, интенсивно развивавшийся на территории Российской Федерации, существенно препятствовал формированию и расширению нормативных основ для свободного найма работников. Эта закономерность отражена в одном из ключевых источников права XVII века – Соборном уложении 1649 года, принятом при царе Алексее Михайловиче. Из общего числа разделов (25 глав и 967 статей) института трудовых отношений касались лишь отдельные положения: гл. X «О суде», ст. 275; гл. XIX «О посадских людях», ст. 17; а также гл. XX «Суд о холопах», ст. 40 и 116[5].

В статье 275 рассматривается частный случай найма лица для охраны двора или лавки и описываются последствия недобросовестного исполнения обязанностей: если во время смены сторожа произошла кража, а расследование подтвердит его ответственность, возмещение украденного ложится на сторожа и его поручителей. В случае отсутствия у виновного средств для выплаты ущерба он временно передается в работу потерпевшему до полного погашения долга («до искупу»), но не становится вечным должником [2, с. 10].

Принцип «искупа» предполагал выполнение должником работ в пользу кредитора по строго установленной ставке: мужчины – по пять рублей за год труда, женщины – по два с половиной рубля ежегодно, дети старше десяти лет – по два рубля за год службы. После отработки задолженности зависимость прекращалась как для самого должника, так и для членов его семьи. В случае смерти кредитора право на дальнейшее привлечение к труду переходило к наследникам до полного удовлетворения требований (гл. XX, ст. 40).

Для лиц, оказавшихся несостоятельными из-за стихийных бедствий или преступных покушений (пожары, нападения), законодательство предусматривало возможность отсрочить выплату долгов не более чем на три года [5]. Статья 116 регулировала порядок заключения договоров личного найма тяжелых людей детьми или родственниками; максимальная продолжительность такого договора ограничивалась пятью годами через оформление соответствующих письменных записей.

Положение наемных работников при этом оставалось угнетенным: равные условия между различными слоями общества даже не декларировались ни в вопросах оплаты труда, ни при определении характера выполняемых работ. Наиболее востребованной считалась молодая мужская рабочая сила с хорошим здоровьем – их привлекали к физически сложному труду в хозяйстве. Женщин обычно нанимали для ведения домашнего хозяйства за значительно меньшую плату [7].

Таким образом, можно заключить: законодатели того периода фактически избегали детальной регламентации трудовых отношений в Соборном уложении ввиду распространенности крепостнических порядков после введения Юрьева дня в конце XV века и последовательного ограничения личной свободы крестьянства.

Переход российской экономики к масштабному промышленному производству связывается с реформаторской деятельностью Петра I в первой четверти восемнадцатого века. Им были приняты новые правовые акты, которые обеспечивали функционирование создаваемых мануфактур путем введения механизмов контроля над рабочей силой феодального типа – закрепления крестьян за предприятиями или направления туда бродяг и лиц без постоянного места жительства либо осужденных преступников; устанавливались нижние границы оплаты труда рабочих наряду с верхними пределами рабочего дня.

Анализируя специфику российского законодательства феодальной эпохи применительно к труду на производстве, Л. С. Таль подчеркивал его преимущественно полицейский характер: законы заботились главным образом о том, чтобы максимально затруднить уход рабочих со служебных мест посредством их закрепощения и обеспечения строгой дисциплины, нежели о создании социальных гарантий либо справедливом расчете заработка работников различных категорий населения [8].

Со временем хозяевам фабрик была предоставлена возможность, на основании разрешений Мануфактур-колле-

2 Там же.

3 Псковская судная грамота. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1460-1480/Pskovc_sud_gr/text.htm.

4 Судебник 1497 г. – Ст. 54. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://his95.narod.ru/1497.htm.

5 Соборное уложение 1649 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm.

гии, Берг-коллегии, приобретать целые сельские поселения, чтобы крестьяне постоянно работали на фабриках[6]. Также владельцы фабрик получили возможность не осуществлять передачу прежним владельцам беглых крепостных[7].

Несмотря на строгость мер двадцатых годов XVIII века, рабочие, обладавшие личной свободой, сохраняли возможность работы по найму на фабриках за установленную плату и могли менять место работы по желанию.

Через десять лет – 7 января 1736 года – императрицей Анной Иоанновной был издан указ, согласно которому все рабочие, трудящиеся на мануфактурах и заводах, закреплялись за ними пожизненно; одновременно хозяева фабрик получили право приобретать крестьян без земельных участков для работы на своих производствах[8]. Однако действие данного указа распространялось только на тех, кто уже работал на фабриках; нанятые после его вступления в силу лица попрежнему могли заключать срочные договоры и работать по найму.

Этот же подход был реализован в указе Правительствующего Сената от 12 марта 1752 года при императрице Елизавете Петровне. Сенат подтвердил законность практики приглашения владельцами фабрик вольнонаемных работников для осуществления трудовой деятельности. Существенным аспектом данного акта стало введение лимита на численность рабочих, которых разрешалось приобретать для нужд фабрик[9]. Указ Петра III от 29 марта 1762 года «О не покупке деревень к фабрикам и заводам» прямо запрещал покупку крестьян для промышленных предприятий как с земельными участками, так и без них[10].

Запрет был подтвержден в том же году со стороны Екатерины II[11]; позднее он был отменен Павлом I в 1798 году, который стремился проводить политику, противоречащую решениям своей матери – Екатерины II[12]. При этом Павел I установил трехдневный максимум барщинных работ для крестьян, принадлежавших помещикам, и запретил принудительный труд в воскресные дни в соответствии с религиозными нормами[13].

На протяжении всего XVIII века и до середины XIX века эксплуатация обязательного труда сохранялась в основном на фабриках, являющихся посессионными и вотчинными (помещичьими). Практически все, кто трудился на принадлежавших дворянам вотчинных фабриках, относились к крепостным. В условиях медленного развития техники принудительный способ организации производства обеспечивал получение экономического результата: массовость труда компенсировала его недостаточное качество.

Организационные вопросы управления рабочими вотчинных мануфактур находились исключительно под контролем их владельца-дворянина – он самостоятельно определял правила эксплуатации подневольных работников или даже распоряжался их судьбой, вплоть до лишения их жизни: при Екатерине II за лишение жизни подневольного работников санкции со стороны государства не применялись. Вмешательство центральных органов власти во взаимоотношения между помещиком и подневольными рабочими практически отсутствовало; государственная политика сознательно предоставляла владельцам максимально возможные права владения и распоряжения своим хозяйством без ограничений закона в отношении крепостных крестьян-работников предприятий [2, с. 11].

Кабальный труд представлял собой одну из форм принудительного труда, характерную для последних десятилетий XVIII века и начального периода XIX века. Эта форма эксплуатации возникала, когда землевладельцы передавали своих крепостных на промышленные предприятия предпринимателям за определенное вознаграждение либо предоставляли возможность нанимать крепостных с выплатой денежного оброка хозяину. Также в кабальную зависимость могли попасть крестьяне, бывшие не в состоянии своевременно выполнять налоговые обязательства или возвратить долги владельцам фабрик. С середины XVIII века получила распространение практика использования кабального детского труда, связанная с широкой механизацией производства, когда от работников уже не требовались значительная физическая сила и сложные профессиональные навыки [3, с. 381].

Государственные органы обычно не регулировали трудовые отношения на вотчинных мануфактурах, однако деятельность посессионных предприятий находилась под контролем власти. Для каждой из таких фабрик утверждались специальные положения, закреплявшие особенности организации производственного процесса, а также отношения работников и владельцев предприятий. Подобные вопросы освещались как в положениях для конкретных фабрик, так и в иных особых актах.

Первое упоминание о нормативном ограничении рабочей смены встречается в «Регламенте об управлении адмиралтействами и верфями», утвержденном 5 апреля 1722 года. Этот документ устанавливал продолжительность работы в весенне-летний период до 13 часов 30 минут: смены начинались с четырех часов утра и завершались к семи-восьми часам вечера с предусмотренными часовыми или двухчасовыми перерывами для питания и отдыха. Для поддержания порядка регламент предполагал создание корпуса специальных надзирателей за дисциплиной[14].

По указу Петра I от 20 января 1724 года впервые была определена минимальная оплата труда при выполнении государственных заказов для мужчин: летом она составляла 10 копеек за день при работе с лошадью или 5 копеек без нее; зимой – соответственно оплачивалось 6 или 4 копейки за рабочий день в зависимости от наличия у работника лошади[15].

2 сентября 1741 года властью Анны Леопольдовны был опубликован специальный регламент и набор правил, так называемых «регул», для фабрик по производству шерстяных изделий и сукна. В данных документах акцентировалось внимание на необходимости возведения фабричных построек с особой прочностью и обеспечением противопожарной безопасности, а также на поддержании порядка и санитарных условий в производственных помещениях. Согласно положениям «регул», устанавливалась продолжительность ежедневной работы: зимой – 16 часов, в летний период – 17 часов. Оплата труда регулировалась следующим образом: еженедельно рабочие получали 75 % заработка, окончательный расчет осуществлялся по итогам месяца. Прогулы без уважительной причины карались финансовыми взысканиями: первый случай – удержание зарплаты за пропущенные дни, второй – удвоенное удержание; кроме того, предусматривались телесные наказания при систематических нарушениях. За первое опоздание следовало устное замечание; регулярные опоздания сопровождались денежными штрафами.

6 Именной указ «О покупке к заводам деревень» от 18 января 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ): Собрание 1-е. – Т. 6. – СПб., 1830. – С. 311-312. – № 3711.

7 Именной, данный Сенату указ «О неотдаче с фабрик, находящихся в оных беглых учеников и работников» от 18 июля 1722 г. // ПСЗ: Собрание 1-е. – 1722. – Т. 6. – № 4055. – СПб., 1830. – С. 746.

8 Именной указ «Об укреплении за фабрикантами оказавшихся у них на мануфактурах разного ведомства людей и крестьян» от 7 января 1736 г. // ПСЗ: Собрание 1-е. – Т. 9. – СПб., 1830. – С. 707-712. – № 6858.

9 Сенатский указ от 12 марта 1752 г. «О числе приписных душ к фабрикам и заводам; об объявлении при письме крепостей о тех деревнях; и о непозволении произведенным в чины из купцов фабрикантам покупать деревни» // ПСЗ: Собрание 1-е. – Т. 13. – СПб., 1830. – С. 613-615. – № 9954.

10 Сенатский указ от 29 марта 1762 г. «О не покупке деревень к фабрикам и заводам» // ПСЗ: Собрание 1-е. – Т. 15. – СПб., 1830. – С. 966. – № 11490.

11 Высочайше утвержденный доклад Сената «Об оставлении в своей силе указа 29 марта сего года, о не покупке к заводам и фабрикам деревень» от 8 августа 1762 г. // ПСЗ: Собрание 1-е. – Т. 16. – СПб., 1830. – С. 47-48. – № 11638.

12 Именной, данный Сенату указ «О дозволении покупать к заводам и фабрикам крестьян и об отбирании оных в казну в случае уничтожения оных заведений» от 16 марта 1798 г. // ПСЗ: Собрание 1-е. – Т. 25. – СПб., 1830. – С. 166-168. – № 18442.

13 Манифест императора Павла I «О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика, и о не принуждении к работе в воскресные дни» от 5 апреля 1797 г. // ПСЗ: Собрание 1-е. – 1797. – Т. 25. – СПб., 1830. – С. 587. – № 17909.

14 Регламент о управлении адмиралтейств и верфи и часть вторая регламента морского от 5 апреля 1722 г. // ПСЗ: Собрание 1-е. – Т. 6. – СПб., 1830. – С. 525-607. – № 3937.

15 Сенатский указ от 20 января 1724 г. «О не требовании работников и подводе безденежно и без указов Сената» // ПСЗ: Собрание 1-е. – Т. 7. – СПб., 1830. – С. 206-207. – № 4425.

Работники, допустившие брак в продукции или не послушавшиеся приказов администрации, также привлекались к ответственности. В случае чрезмерно жестокого обращения со стороны работодателя работники имели право обратиться в суд; при подтверждении факта нарушения хозяину фабрики назначался штраф[16].

Таким образом, до конца XVIII века на территории Российской империи не существовало единой системы нормативных трудовых правил – каждое принятое постановление в первую очередь служило интересам высших сословий и являлось ограниченным с точки зрения сферы регулирования.

В первой половине XIX века развитие отечественного трудового законодательства оставалось на низком уровне, несмотря на начальные проявления индустриализации – основная причина заключалась в сохранении крепостного права. Главными нормативными актами, регулирующими отношения между владельцами фабрик и работниками в период до начала реформ 1860-х годов являлись два документа: «Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму» от 24 мая 1835 года и «Положением о воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста» от 7 августа 1845 г.

Вышеуказанный акт от 24 мая 1835 года стал первым официальным документом Российской империи по регламентации трудовых отношений[17]. Акт включал 10 статей. Предусматривалась возможность поступления на работу лиц из числа податных сословий (преимущественно отпущенных на заработки крестьян), обладавшихпаспортом. При этом срок действия паспорта определял предельный срок найма на работу. До окончания этого срока работник был обязан выполнять условия найма без права досрочного прекращения работы. Помещик в пределах соответствующего срока не мог осуществить отзыв крестьянина. При этом хозяин имел право на увольнение работника в случае, если работник совершал проступки, не исполнял обязанности. Для реализации данного права хозяину требовалось заблаговременно – за 2 недели – предупредить об увольнении.

Хозяева фабрик имели право оформлять соглашения с работниками как устно, так и письменно. Существовала возможность предоставления работникам расчетных листков. В обязанности хозяев входило ведение специальной книги, в которой должны были отражаться осуществляемые с работниками расчеты. Требовалось также наличие так называемых правил о порядке, выполненных в рукописной или печатной форме, т.е. утвержденных инструкций внутреннего распорядка.

При этом в законе не было определено, что именно должны были включать подобные документы, не устанавливалась ответственность за отклонения от предписанных требований. В целом необходимо отметить следующее – существенного влияния на формирование системы регулирования трудовых отношений Положение 1835 года практически не оказало [4, с. 2].

Второй из вышеуказанных документов – Положение от 7 августа 1845 года – прямо запрещал осуществление детьми до двенадцати лет трудовой деятельности в ночное время (с полуночи до шести часов утра)[18]. Однако за нарушение данной нормы закона также отсутствовали какие-либо меры ответственности.

Практическое применение указанных актов являлось ограниченным. В то же время они заслуживают внимания как первые шаги в развитии отечественного трудового права. Именно на этом этапе государство предприняло попытки нормативной регламентации найма работников для того, чтобы гуманизировать трудовую деятельность. Декларировалось отличие человека как субъекта трудовой деятельности от используемых в производстве орудий.

В заключение настоящего исследования необходимо отметить, что трудовое право как самостоятельная отрасль отечественного права прошло долгий путь со времени зарождения первых трудовых отношений до становления и нормативного оформления основных правовых институтов и норм. В период феодализма практически все нормативные документы, начиная, с «Русской правды» Ярослава Мудрого, связывали труд и социальную принадлежность человека, прямо принуждая к труду такие социальные категории зависимого населения, как закупы, холопы, а позднее – крестьяне. Сформировавшаяся к 1649 году и оформленная в Соборном Уложении система крепостного труда оставляла все меньше места для свободных трудовых отношений, а следовательно, и для их законодательного урегулирования. В XVIII веке, несмотря на развитие промышленности, продолжалось распространение принудительного труда и вплоть до конца столетия в России не было предпринято комплексной попытки урегулировать вопросы трудовых отношений. Каждый из принятых государством нормативных актов носил узкий, ограниченный характер, направленный на сохранение привилегированного положения господствующего класса.

В то же время в изучаемый период зародились такие институты современного трудового права, как личный найм, впервые определялась продолжительность рабочего дня и оплаты труда, сложился прообраз трудового договора, возникли понятия ответственности работодателя и правил приема на работу и увольнения. Зачастую работники имели возможность защиты своих трудовых прав.

Процессы закрепощения крестьян, проходившие в XV – XVIII вв., были преградой для развития трудового права и законодательного расширения положений о вольном найме. Законодательство феодальной эпохи, вплоть до середины XIX века, руководствовались в большей степени полицейскими и экономическими соображениями, нежели социальными вопросами и интересами работников. В то же время именно в указанный период были сделаны первые шаги в развитии отечественного трудового права. Государство предприняло попытки нормативной регламентации найма работников для того, чтобы гуманизировать трудовую деятельность. Декларировалось отличие человека как субъекта трудовой деятельности от используемых в производстве орудий. Из недр феодально-крепостнической системы, отрицавшей права большей части работников, понемногу выкристаллизовывались элементы будущего социально ориентированного трудового права.

Пристатейный библиографический список

1. Бородина Е. Н. Общественные отношения, входящие в предмет трудового права России (история вопроса) // Бизнес в законе. – 2011. – № 6. – С. 26-31.
2. Жарков В. В., Таточенко В. В. К вопросу о социальной политике российского государства сквозь призму регулирования трудовых отношений в XIII–XVIII вв. // Вестник Костромского государственного университета. – 2022. – Т. 28, № 4. – С. 7-13.
3. Киняпина Н. С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е гг. XIX в.). – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 454 с.
4. Киселев И. Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование. Учебное пособие. – Москва: Изд-во Норма, 2001. – 384 с.
5. Маньков А. Г. Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России. – Ленинград: Наука, 1980. – 271 с.
6. Соболев С. А. Право на труд и трудовой договор в истории и современном развитии правовой системы России // Ежегодник трудового права. – 2020. – С. 160-174.
7. Судакова М. М. История трудовой дискриминации в России // Актуальные вопросы цивилистики: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Улан-Удэ, 14 мая 2021 года. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2021. – С. 99-106.
8. Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. – Москва, 1918. – 315 с.

16 Регламент и работные регулы на суконные и каразейные фабрики, состоявшийся по докладу учрежденной для рассмотрения о суконных фабриках комиссии от 2 сентября 1741 г. // ПСЗ: Собрание 1-е. – Т. 11. – СПб., 1830. – С. 482. – № 8439.

17 Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму от 24 мая 1835 г. // ПСЗ. II собрание. – Т. X. –СПб., 1835. – С. 447-448. – № 8157.

18 Высочайше утвержденное положение Комитета министров о воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста от 7 августа 1845 г. // ПСЗ. – II собрание. – СПб., 1846. – Т. XX. – С. 591. – № 19262.

АРШИЕВ Батраз Магометович
докторант, Болгарская исламская академия

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ИСЛАМСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ИСТОРИИ РОССИИ

Цель исследования – раскрыть проблему, связанную со сложностями практики некоторых элементов исламского судопроизводства мусульманами Российской Федерации. В статье описываются примеры практики исламского судопроизводства в некоторых регионах Северного Кавказа, в частности Дагестане и Чечне во второй половине XIX – начале XX в. Основное внимание уделяется разъяснению методов царской власти, одновременно сочетать на территориях, вошедших в состав Российской империи, норм российского законодательства и исламского права. Автор в данной статье обращает внимание на то, что, не смотря на значительные различия в этих правовых нормах, при желании мусульманам возможно соблюсти в правовом поле одновременно и правила своей религии, и не переступать постановления российского права, в частности в таких вопросах, как наследство, семейное право и т.д. Автор также попытался указать на положительные стороны подобного сочетания, на примере опыта нашей страны на некоторых исторических этапах ее становления и развития. Научная новизна заключается в изучении реальных исторических примеров сочетания в одном правовом поле одновременно и норм российского законодательства, и некоторых элементов исламского права. В частности, в статье изучаются методы и области сочетания этих норм в разные исторические периоды. В результате определено, что мусульманскому сообществу необходимо знать и изучать как нормы исламского права, так и нормы российского законодательства. При грамотном использовании уникального опыта предшествующих поколений, который выработался в результате многолетнего взаимодействия адатного и мусульманского права Российским государством в XIX в. и советским государством в XX в., можно перенести его в современную практику. Расширение области применения шариата (и адата) как дополнительных правовых систем возможно и необходимо, признавая их не в качестве альтернативы российского государства, а в качестве дополнения и может быть их внедрения в законодательную базу.

Ключевые слова: Ислам, Кавказ, шариат, судопроизводство, кади.

ARSHIEV Batraz Magometovich
doctoral student, Bulgarian Islamic Academy

PRACTICE OF APPLICATION OF NORMS OF ISLAMIC LEGAL PROCEEDINGS AMONG THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE HISTORY OF RUSSIA

The purpose of the study is to reveal the problem associated with the complexities of the practice of some elements of Islamic legal proceedings by Muslims of the Russian Federation. The article describes examples of the practice of Islamic legal proceedings in some regions of the North Caucasus, in particular Dagestan and Chechnya in the second half of the 19th - early 20th centuries. The main attention is paid to explaining the methods of royal power, while combining the norms of Russian legislation and Islamic law in the territories that became part of the Russian Empire. The author in this article draws attention to the fact that, despite significant differences in these legal norms, if desired, Muslims can simultaneously observe the rules of their religion in the legal field and not overstep the provisions of Russian law, in particular in such matters as inheritance, family law, etc. The author also tried to point out the positive aspects of such a combination, using the example of our country's experience at some historical stages of its formation and development. Scientific novelty lies in the study of real historical examples of combining in one legal field both the norms of Russian legislation and some elements of Islamic law. In particular, the article studies the methods and areas of combining these norms in different historical periods. As a result, it was determined that the Muslim community needs to know and study both the norms of Islamic law and the norms of Russian legislation. With the competent use of the unique experience of previous generations, which was developed as a result of many years of interaction between adat and Muslim law by the Russian state in the 19th century and the Soviet state in the 20th century, it can be transferred to modern practice. Expanding the scope of application of Sharia (and adat) as additional legal systems is possible and necessary, recognizing them not as an alternative to the Russian state, but as a supplement and can be their introduction into the legislative base.

Keywords: Islam, Caucasus, Sharia, legal proceedings, Qadi.

Введение

Уровень практики религиозных норм в жизни различных народов, как правило, отличается в разные эпохи. Это можно увидеть и в истории народов России. Огромное влияние на быт, культуру и мировоззрение людей оказывали политические, экономические и социальные изменения, происходившие в нашей стране. Целые народы принимали новую для них религию, укреплялись в ней, соблюдали ее каноны, и точно также оставляли ее, когда политические взгляды правящей элиты менялись в зависимости от довлеющих на них обстоятельств.

Как бы странно это не показалось многим нашим согражданам, не углубляющимся в страницы нашей истории, но практика применения исламского судопроизводства имела место у некоторых народов России, в частности у народов Северного Кавказа, Поволжья, а также в других регионах, которые населяли мусульмане. На северном Кавказе в период царской власти во второй половине XIX – начале XX вв. исторически сформировалась двойная форма правления, при которой российская администрация допускала в некоторых вопросах использовать нормы адата и шариата. Был создан, так называемый «Горский словесный суд», объединявший в

себе возможность регулирования споров, как на основе местного права, так и по российскому законодательству. Однако, сохранилась подобная система легального существования адата и шариата примерно до 1925 г., а в 1929 г. она была запрещена полностью и внедрены основные советские судебные органы [2, с. 8].

На момент распространения царской власти в новых для России регионах непростая политическая обстановка на этих территориях требовала гибкого подхода. Учитывая все многообразие традиций и обычаев, сформировавшихся на протяжении долгих лет в разных уголках огромной империи, управлять ею было в тот период немыслимо без некоторых отступлений от главенствующих правовых норм. Это, естественно, приводило к тому, что в некоторые периоды времени в стране существовали две или более законодательные базы [5, с. 3].

Адат, с некоторыми его разночтениями, являлся характерным для всех народов Северного Кавказа судебным институтом. Однако, если говорить о применении норм шариата в жизни общества, то одним из самых ярких периодов подобной практики в начале XIX в. выпал на время правления имама Шамиля, влияние которого распространялось в то время на территории Дагестана и Чечни. Это был тот этап, когда влияние России в этом регионе все больше усиливалось.

Кавказская война со всеми вытекающими последствиями, стала той средой, в которой развивались и укреплялись национальные принципы и религиозные взгляды. В условиях борьбы за суверенность, в государстве Шамиля одновременно с формированием административной системы, формировалась и судебная. Шамиль готовил для этого почву, воспитывая молодежь и создавая медресе, для обучения нормам ислама [4, с. 412].

Установление шариата на территории Северного Кавказа было первой целью имама и его сторонников. Со временем, на территориях подвластных имаму Шамилю, была налажена система управления, в том числе и система исламского судопроизводства. Приводится в рапорте генерал-адъютанта Нейдгардта генерал-адъютанту Чернышеву об управлении, введенном Шамилем в Чечне: «… Со времени разделения Чечни на участки, Шамилем введено там правильное законодательство. Адат, как обычай, которым руководствовался своей повседневной жизни горец, был уничтожен, вместо него внедрен шариат; и для разбирательства дел по шариату при каждом наибе находился постоянно по одному кадию; в Чечне убийства, воровство, насилие и другого рода преступления преследовались, и Шамилем были приняты самые строгие меры к искоренению из нравов чеченцев обычая кровомщения» [4, с. 403].

Шамилем и его сторонниками была проделана огромная работа в сфере налаживания административного управления. Духовными и гражданскими делами в своих общинах занимались имамы и муфтии, в то время как исполнение выносимых ими судебных решений лежало на наибе имама Шамиля. Наиб, в переводе с арабского языка, означает заместитель. Территория, на которую распространялось правление имама Шамиля, условно делилось на наибства. На территории так называемого наибства обязательно должен был находиться один муфтий. Муфтий – это лицо компетентное давать ответы по тем или иным религиозным вопросам, которые нередко возникали в обществе. Для удобства администрирования муфтий располагался в том же селении, где находился наиб. Также в каждом селении необходимо было наличие хотя бы одного кадия, роль которого заключалась в вынесении судебных решений по возникающим между сельчанами спорам и тяжбам. При вступлении кадия на должность, он, обычно, знакомился с делами местных властей и прихожан мечети. В его обязанность входила и преподавательская деятельность, поэтому он, также, знакомился и с образовательным процессом прихожан, изучающих исламские дисциплины. В обязанности кадия входило также выполнение различных религиозных обрядов, решение вопросов наследственного права, рассмотрение жалоб, когда к нему обращались при разборе различных тяжб. Таким образом осуществлялось административное управление и распределение полномочий [2, с. 90].

Много усилий пришлось приложить Шамилю и его соратникам для того, чтобы мусульмане придерживались норм ислама в поклонении, однако не меньше усилий требовалось для того, чтобы подчинить их законам шариата, когда дело касалось решения конфликтов возникающих между ними. В частности, много хлопот доставило искоренение обычая «кровной мести». Для горского общества этот обычай был по-настоящему бедствием, так как убийство, произошедшее по причине оскорбления или какого-либо конфликта, развязывала клубок многолетней войны между родами, уносящей большое количество невинных жизней. Одним из методов искоренения Шамилем этого вредоносного обычая, служило наказание оскорбителя денежным штрафом и арестом, вместо самосуда и убийства [3, с. 267].

Как известно в Коране ясно говорится о строгом запрете употребления вина и других опьяняющих напитков, поэтому, в соответствии с нормами шариата, каждый выявленный случай употребления подобных напитков публично наказывался сорока ударами палки. Впоследствии Шамилю пришлось ужесточить это наказание. Однако, кроме запрета на употребление вина и других опьяняющих напитков, Шамиль также запрещал продажу винограда тем людям, которые делал из него вино. Этот запрет служил для искоренения подобных пороков, и для пресечения пособничества в греховных делах [6, с. 52].

Для убийц, грабителей и других общественно опасных лиц, предусматривалась смертная казнь [3, с. 268]. Эта крайняя мера наказания касалась в первую очередь неисправимых преступников, которые совершали самые тяжкие преступления, такие как убийства, грабежи и т.п. Кроме того, это наказание назначалось еще за совершение особо тяжких государственных преступлений: измену, шпионаж и т.д. [3, с. 266]. И, естественно, немало свидетелей происходящих в те годы на Кавказе важных исторических событий не скрывали своего искреннего восхищения тому упорству и той решимости, с которыми Шамиль боролся за искоренение преступности в горах.

Здесь важно подчеркнуть, что исламское судопроизводство, несмотря на его отличие от законов царской власти, работало на искоренение преступлений и воспитание здорового созидательного общества, что соответствовало целям российской империи. Кавказское командование вынуждено было признать, что «строгие нормы шариата смогли обуздать зверский нрав горцев и вывели многие закоренелые привычки, воровство и даже кровное мщение, которое уже не имеет того значения, как прежде. Драки и смертоубийства редки …» [4, с. 414].

Одной из особенностей судебной системы, установленной Шамилем, была гласность. Принцип гласности характерен для исламского судопроизводства, особенно в процессе исполнения судебных решений. Гласность и прозрачность

судебного процесса, а также исполнение вынесенных решений в присутствии народа, исключала волокитство и оттягивание дел в судах, но кроме всего прочего, она являлась огромным воспитательным и образовательным элементом для населения. И Шамиль, понимая это, использовал данный фактор и внедрял эту практику во всех подвластных ему территориях [3, с. 264].

Однако, воспитание горского населения, в большинстве своем не привыкшее к строгим, но справедливо нормам ислама, требовало немало усилий и грамотного подхода. Понимая состояние общества и боясь переусердствовать, Шамилю приходилось в некоторых вопросах смягчать требования шариата, жертвуя второстепенным для того, чтобы сохранить главное. Например, ему пришлось отказаться от исполнения наказания за воровство, во избежание нанесения увечий. За воровство, в определенных случаях полагается отрубание кисти руки преступника. Вместо этого был введён арест и штраф, который поступал в казну мусульман. Подобное наказания было вменено также тем, кто уклонялся от воинской повинности, и тем, кто позволял себе умышленно прикасаться к посторонней для него женщине, что недопустимо в соответствии с канонами шариата.

Важным критерием, который учитывался при судебном разбирательстве, была характеристика личности преступника. Отрицательная характеристика человека и его склонность к рецидиву, естественно, негативно сказывалась на выносимое судьей решение. А при положительной характеристике, соответственно, преступника подвергали менее суровому наказанию. Обязательно учитывались такие признаки преступления как повторность, умышленность и соучастие.

После окончания сопротивления имама Шамиля, после вхождения этих земель в состав российской империи, на территориях, где была установлена или только устанавливалась царская власть, народ продолжал руководствоваться нормами адата и шариата. В отношении горцев, как, наверное, и в отношении других определенных категорий населения страны, источники права не всегда реализовывались в полной мере. Это было связано с нежеланием властей вмешиваться в личную жизнь национальных и религиозных обществ. Поэтому многие мусульманские сообщества продолжали в это время практиковать в своей среде те принципы, которые на тот момент уже устоялись [8, с. 23].

Новой власти необходимо было постепенно внедрить на новых территориях общие государственные порядки. Для осуществления этой цели в 1839-м году генерал адьютант П. Х. Граббе предложил возложить обязательства исполнения всех приказов пристава на местного кадия, которого покорившиеся горцы обычно выбирали в своих сёлах в качестве судьи, разбирающего возникающие между ними споры на основе норм шариата. Кроме того, по задумке новой власти, необходимо было в каждом селении выбрать одного старшину, в задачи которого входило бы наблюдение за общественным спокойствием, и привидение в исполнение всех приказов начальства [2, с. 18].

Следующим этапом реформы судебно-правовой системы стала система военно-народного управления. Это система функционировала в рамках кавказского наместничества и охватила все горское население Северного Кавказа. В этой системе совмещались функции военной и гражданской власти, и вместе с тем сохранялись функции местных народных органов, управления которых опиралась на выборные начало должностных лиц, а также судопроизводство по законам адата и шариата.

Политику военно-административного управления в 1856 г. продолжил А. И. Барятинский, который в 1857 г. реорганизовал аппарат наместничества. Основные цели и задачи административного управления горскими народами сводились к тому, чтобы, во-первых, возложить судебные и полицейские функции на представителей царской администрации, в первую очередь на русских офицеров; во-вторых, сохранить использование норм обычного права по ограниченным категориям дел, и некоторых положений шариата, которые были связаны с религиозными нормами.

На первый взгляд суды в сельских обществах руководствовались положениями местных адатов и мусульманского права – шариата, однако на самом деле они лишены были самостоятельности, так как малейшее подозрение в антиправительственной пропаганде могло подвергнуть любого человека аресту. В результате подобных реформ система традиционного самоуправления горских обществ продолжала подвергаться разрушению [2, с. 21].

Однако, несмотря на это, разрушение было неполным, так как воспринимались местные и адаты мусульманское право в XIX в. как допустимые нормативные подсистемы, довольно органично вписывающиеся в общую систему государственного права, и представляющие для империи определённую ценность. Дело в том, что целью этой сложившейся в горском обществе правовой системы было сохранение и защита правопорядка, и поэтому она получила со стороны российской власти некоторое одобрение, что обусловливало включение ее в общую государственную правовую систему [2, с. 23].

Известный в свое время публицист Н. С. Мансуров писал, что после введения на Северном Кавказе судебной реформы, среди горцев Терской области удержался как особый институт лишь Горский словесный суд, который действовал исключительно на основании обычаев и адата, частично изложенных в учении шариата, а частично по традиции переходящих из рода в род. Таким судом, в котором председательствует младший помощник окружного начальника или атамана отдела, пользуются кабардинцы и горские общества Нальчикского округа, ингуши, чеченцы и кумыки.

Горские суды стали переходной формой от системы судопроизводства по обычному праву и шариату к российскому. В послереволюционный период ситуация заметно изменилась, судебные разбирательства по нормам шариата были запрещены полностью и начали внедряться советские судебные органы.

Похожая ситуация складывалась и в других регионах российской империи. Немалая часть населения, проживающая на территории Поволжья, Крыма, Сибири и в других областях, также исповедовала ислам. Огромная часть тюркоязычного населения, помня свою многовековую связь с исламской религией, практиковала её в своей жизни насколько могла, и по мере того как это позволяли обстоятельства. Это касается как обрядовой части, так и судебной, которую регулировали местные кадии. Роль кадиев и степень их влияния на судебно-правовую систему общества различалась в разные времена. Государство всегда было заинтересовано во внедрении светских законов на своих территориях, мусульманское же общество просило о предоставлении им возможности для исполнения религиозных предписаний, как в обрядовой части, так и в нормативно-правовой. И ситуация периодически менялась от оттепели до строгих запретов.

Создание в 1788 г. Екатериной II внутреннего органа, который бы объединял мусульман Внутренней России и Си-

бири, был одним из этапов трансформации исламской судебной системы на территории нашей страны. Несмотря на некоторые ограничения исламского судопроизводства, в состав руководства Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) входили кадии из числа учёных мусульман, и в целом ОМДС мусульмане называли между собой «Оренбургским шариатским судом».

Всё это не могло не оставить глубокий след в культуре и обычаях многих народов нашей страны, веками исповедующих ислам. В постсоветский период мы видим тенденцию возврата к своим историческим, религиозным и культурным истокам. И на этом этапе очень важно, пользуясь многовековым историческим опытом нашей страны, найти модель гармоничного применения некоторых, наиболее актуальных элементов исламской правовой системы в рамках российского законодательства.

Заключение

Из всего вышеперечисленного видно, что огромное влияние на образ жизни мусульманских народов оказывали в прошлом и продолжают оказывать законы адата и шариата. На основе этих двух правовых систем довольно гармонично взаимодействующих между собой, формировалась экономическая, общественная, семейная и судебная сфера общества исповедующих ислам. Отголоски этого влияния мы наблюдаем в современной правовой идеологии и обычаях этих народов и по сей день.

Значимость адата и шариата в правовом поле нашей страны в различные исторические периоды, естественно, была не одинакова. Нередко государственные институты власти вынуждены были обращаться к знатокам адата и шариата для решения некоторых социальных проблем, связанных с кровной местью, кражей невест и т.д. Адат и шариат не были частью государственной системы правопорядка, однако, они приносили свою пользу в роли активно взаимодействующих подсистем государственной структуры. И, несмотря на сложную трансформацию и изменения, которые происходили в местном праве под влиянием российского имперского, затем советского социалистического права, оно не переставало быть регулятором общественно-нормативных взаимоотношений мусульманского сообщества. В некоторых регионах России всегда сохранялись полуофициально или неофициально две, а иногда и более судебно-правовые системы [2, с. 23].

При детальном изучении многолетнего взаимодействия адатного и мусульманского права Российским государством в XIX в. и советским государством в XX в. можно разглядеть, как выработался уникальный опыт предшествующих поколений, который при грамотном использовании можно перенести в современную практику. В частности, это касается процедуры медиаторства, которая как способ примирения (или посредничества) существовала у всех горцев, однако наблюдались значительные различия в отдельных аспектах. Некоторые из этих аспектов ближе к нормам шариата, а некоторые даже противоречили им. По сегодняшний день создаются при некоторых Духовных управлениях мусульман нашей страны комиссии по примирению, которые продолжают развиваться с каждым годом в этом направлении, внося свой вклад в гармонизацию общественных взаимоотношений. И отрадно, что сегодняшняя правовая система легально допускает использование на практике подобный опыт урегулирования конфликтов.

В некоторых регионах нашей страны прослеживается тенденция к увеличению области применения некоторых норм адата и шариата как дополнительных правовых систем, признавая их не в качестве альтернативы российского государства, а в качестве дополнения и возможно даже их внедрения в законодательную базу. В частности, это касается гражданского мусульманского права, главным образом, семейного и наследственного права. В медиации по семейным спорам могут учитываться нормы шариата, и его правила вполне допустимо использовать и в самой процедуре достижения соглашения между сторонами [7, с. 59]. Учитывая все это, при Духовных Управлениях Мусульман как Северного Кавказа, так и Поволжья и многих других регионов России назначаются кадии и работают отделы, ответственные за решение подобных вопросов в соответствии нормами шариата.

На наш взгляд – это своеобразный уникальный сплав светской и религиозной правовых систем, способный вкупе работать на благо нашего многонационального и многоконфессионального общества.

Пристатейный библиографический список

1. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997. – 868 с.
2. Албогачиева М. С.-Г., Бабич И. Л., Плиев А. А. Этнополитические аспекты правовой культуры народов Северного Кавказа: исторические корни и современность. – Москва: Директ-Медиа, 2022. – 248 с.
3. Дадаев Ю. У. Государство Шамиля. – Махачкала: Ихлас, 2006. – 505 с.
4. ДГСВК (Движение горцев северо-восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века). – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. – С. 415.
5. Мисроков З. Х. Адат и Шариат в российской правовой системе: исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – Москва: Издательство Московского Университета, 2002. – 251 с.
6. Руновский А. З. Кодекс Шамиля. – Санкт-Петербург, 1862.
7. Сюкияйнен Л. Р. Шариатские суды: современная практика и перспективы в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 4. – С. 45-62.
8. Чеджемов С. Р. Правовая аккультурация народов России в имперский и советский периоды // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 4.

КИЧА Мария Вячеславовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Ростовский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ИЗРАИЛЯ КАК ФАКТОР АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

В статье поднимается ранее не исследовавшийся отечественной юриспруденцией аспект – территория и границы Государства Израиль. Как известно, наличие территории внутри обозначенных рубежей является ключевой характеристикой любого государства как политико-правового института. Однако в отношении Израиля распространено убеждение, будто его рубежи остаются неопределёнными, что он якобы не формулировал их и поныне не фиксирует и т.п. Автор детально анализирует эту проблему, опираясь на юридические акты.

Основные термины: Государство Израиль, Палестина, ООН, Арабская лига, аннексия, государственная территория, резолюции, Проект раздела Палестины, национальные границы.

KICHA Mariya Vyacheslavovna
Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty, Rostov branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

ISRAEL'S TERRITORY AND BORDERS IN THE CONTEXT OF THE ARAB–ISRAELI CONFLICT

The publication tackles an issue previously overlooked by domestic jurisprudence– the question of Israel's territory and frontiers. As is generally acknowledged, territory bounded by state borders is a key attribute of any political-legal entity. Yet regarding Israel, a view persists that its boundaries remain undefined, that the state has neither proclaimed nor continues to set them, and so on. Drawing on normative acts, the author conducts a thorough analysis of this problem.

Keywords: Israel, Palestine, United Nations, Arab League, annexation, state territory, resolutions, Palestine Partition Plan, national borders.

В истории Государства Израиль присутствует юридический парадокс: множество исследователей и политкомментаторов, особенно непримиримых критиков Израиля, утверждают, что это государство ни разу не обозначило собственные границы.

Эта необычная идея звучала так часто, что превратилась в «общеизвестный факт». Ниже приведено несколько примеров.

– Британский историк Ави Шлаим отмечает, что линии прекращения огня, установленные соглашениями с арабскими государствами после Первой арабо-израильской войны, остаются единственными международно признанными границами Израиля [1].

– Американский международный юрист Джон Уитбэк заявлял, что Израиль избегает ограничений на расширение и аннексию палестинских территорий: «Израиль ни разу не зафиксировал официальные границы, ведь такой шаг автоматически ввёл бы для него рамки».

– Как отмечает известный израильский журналист и правозащитник Ури Авнери, «уже в день своего создания Израиль отказался закрепить официальные границы».

Тем не менее глубокое изучение и анализ правовых актов раскрывают принципиально иную политико-правовую картину.

1. Откуда взялось утверждение, что Израиль будто бы так и не установил свои границы?

Можно разумно заключить, что, раз сионистские лидеры одобрили рекомендуемый План раздела Палестины – резолюцию ГА ООН 181 (1947), – они тем самым приняли и предложенные границы еврейского государства вместе с границами арабского.

Следовательно, Израиль должен был возникнуть в границах, установленных ООН.

Правительственный сайт Израиля отмечает, что один из архитекторов государства и первый премьер Давид Бен-Гурион отказался фиксировать границы в Декларации независимости, рассчитывая присоединить земли, отведённые арабскому государству: «Мы приняли резолюцию ООН, а арабы – нет. Они собираются воевать с нами. Если мы победим и займём Западную Галилею либо участки по обе стороны дороги к Иерусалиму, эти территории войдут в еврейское государство. Почему нам признавать границы, которых всё равно не признают арабы?» [2].

Предложение Бен-Гуриона утвердили голосованием, что и породило мнение, будто «Израиль так и не обозначил свои границы».

Тем не менее, в окончательной редакции Декларации независимости Израиля [3] резолюция ГА ООН 181 упоминается неоднократно.

Ссылаясь на План раздела Палестины, Декларация не фиксирует напрямую границы, утверждённые ООН. Да, государство объявляется единожды, границы со временем могут измениться, однако существуют акты, однозначно и официально закрепившие границы Израиля.

2. В контактах с США Израиль подтверждает свои границы

Пока Израиль не имел установленных границ, его, как и любое иное политико-правовое образование, прочие субъекты международного права не могли признавать государством – так утверждали здравый смысл и Монтевидейская конвенция 1933 года.

СССР первым официально признал Израиль, но ещё раньше США объявили о неформальном признании.

Сохранилось письмо Элияху Эпштейна, представителя Еврейского агентства в Вашингтоне, направленное Гарри Трумэну 14 мая 1948 г., в котором говорится, что «Государ-

ство Израиль объявлено независимой республикой в границах, одобренных Генеральной Ассамблеей ООН резолюцией от 29 ноября 1947 г.».

Дорогой господин Президент,

Имею честь сообщить, что Государство Израиль объявлено независимой республикой в пределах, определённых Генеральной Ассамблеей ООН резолюцией от 29 ноября 1947 года, и что Временное правительство наделено полномочиями и обязанностями обеспечивать закон и порядок внутри этих границ, защищать страну от внешней агрессии и исполнять международные обязательства Израиля. Декларация независимости вступит в силу через минуту после 18 часов 14 мая 1948 года по вашингтонскому времени.

Осознавая крепкие и многолетние узы дружбы, сложившиеся за последние тридцать лет между правительством Соединённых Штатов и еврейским населением Палестины, я по поручению Временного правительства нового государства обращаюсь с просьбой о признании Израиля и его принятии в сообщество наций.

С глубоким уважением к вам,

Элиаху Эпштейн, представитель Временного правительства Израиля» [4].

Было ясно, что США откажутся признать Израиль, пока он не определит свои границы. Эпштейн вынужден был вести разъяснения с американскими чиновниками касательно территориальных вопросов.

Советник Трумэна, Кларк Клиффорд, помог Эпштейну составить обращение о признании. Позднее в мемуарах он вспоминал, как наставлял Эпштейна: «Крайне важно не претендовать на земли за пределами границ, установленных резолюцией ООН» [5].

Эпштейн направил телеграфное сообщение Моше Шертоку (позже Шарету), главе МИД Временного правительства в Тель-Авиве, сообщив, что чиновник Госдепартамента Лой Хендерсон специально позвонил для уточнения границ будущего государства и посоветовал придерживаться параметров резолюции ООН [6].

Хендерсон также поинтересовался, намерено ли еврейское государство присвоить земли, выходящие за пределы участка, выделенного ООН (Первая арабо-израильская война уже шла, это начальная фаза конфликта с палестинскими арабами). Эпштейн заявил: «Нет, а вся территория, занятая до мира, будет возвращена арабскому государству».

Все эти материалы, включая письмо Эпштейна к Трумэну, крайне важны, но почти не известны.

Таким образом, 14 мая 1948 года было провозглашено Государство Израиль, сформированное согласно Плану раздела Палестины и в предусмотренных им границах.

США тоже признали Израиль именно в этих границах (положительный ответ Трумэна был опубликован 15 мая 1948 г. [7].

Каждая последующая страна, обсуждавшая признание Израиля, также знала, где проходят его границы.

3. В контактах с ООН Израиль подтверждает свои границы

18 мая 1948 года – спустя три дня после того, как войска арабских стран вошли в район, который ООН выделила под палестинское арабское государство (не еврейское!), где уже более года длилась Накба – этническая чистка палестинцев, проводимая сионистами, – между ООН, стремившейся выяснить обстановку в Палестине, и израильскими властями началась переписка.

ООН обратилась к «еврейским властям в Палестине», но представитель Израиля подчеркнул, что еврейское государство уже провозглашено и имеет свои органы власти с соответствующими полномочиями, в первую очередь – Временное правительство. Отвечая на вопросы ООН, израильская сторона, помимо прочего, подтвердила, что контролирует «всю территорию еврейского государства, как определено в Резолюции Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1947 г.», а также некоторые «районы за пределами территории Государства Израиль».

Обосновывая действия в зонах вне Государства Израиль, израильская сторона утверждает, что они проводятся «для отражения агрессии и в контексте нашего оборонительного плана, чтобы не допустить использования этих территорий как баз для нападений на Государство Израиль».

4. Руководство Израиля подтверждает наличие государственных границ

3 июня 1948 года премьер-министр и министр обороны Бен-Гурион сообщил Временному правительству: «Всё территориальное пространство Государства Израиль, переданное нам резолюцией ООН, уже под нашим контролем, и мы овладели несколькими ключевыми районами вне этих границ… Мы будем вести непрерывное наступление, не ограничиваясь рубежами еврейского государства».

Таким образом Бен-Гурион признал наличие израильских границ и одновременно выразил стремление расширить их за пределы.

Во время войны Израиль продолжал оккупировать арабские территории, пока сражения не остановило перемирие 1949 года.

Уже в 1949 г. Израиль вышел за пределы своих границ, захватив и оккупировав палестинские территории, что, разумеется, не являлось законной аннексией. Он установил контроль над этими землями до самой демаркационной линии перемирия. При этом в соглашении о прекращении огня с арабскими государствами прямо указано: «Демаркационная линия перемирия ни в каком смысле не должна рассматриваться как политическая или территориальная граница» [10].

Так как Израиль отказывается возвращать данные земли и считает их собственными, арабы именуют их похищенными.

Согласно Плану раздела ООН:

– территория Израиля охватывала примерно 55 % Подмандатной Палестины.

– еще 23 % – украденная земля;

– остальные 22 % приходятся на Западный берег Иордана и сектор Газа.

К похищённым землям относят Акко, Аль-Маджаль (Ашкелон), Яффу, Назарет, Рамле, Беэр-Шеву, Лидду, западную часть Иерусалима и арабские деревни между ними. Все эти города, кроме Западного Иерусалима, по плану ООН предназначались арабскому государству, поскольку были крупными арабскими центрами. Западный Иерусалим тем же планом не отходил ни Израилю, ни арабам. Когда сегодня арабы заявляют готовность признать Израиль в границах 1967 г. (до Шестидневной войны), они фактически соглашаются забыть о землях, утраченных в 1949 г., – почти четверти исторической Палестины. Всё, что Израиль позже присоединил, включая часть сирийских Голанских высот и Восточный Иерусалим на Западном берегу, он аннексировал односторонне: просто объявлял своим, обходя обязательные юридические процедуры. Поэтому ООН рассматривает эти территории как израильскую оккупацию, а аннексии не имеют международно-правовой легитимности.

В 00:01 15 мая 1948 года, когда вступила в силу Декларация независимости Израиля, еврейские вооружённые от-

ряды уже воевали за его пределами – на землях, выделенных ООН под арабское государство. В ту же ночь войска Трансиордании, Египта, Ирака, Сирии и Ливана вошли в Палестину, запустив вторую фазу Первой арабо-израильской войны. ООН была осведомлена о готовящемся арабском вторжении и его причинах. К 14 мая 1948-го там разворачивалась Накба: по разным оценкам, от 250 000 до 350 000 палестинских арабов уже бежали, погибли или были изгнаны. Генсек Лиги арабских государств Аззам-паша направил в Генассамблею ООН меморандум, утверждая, что операция нужна «для восстановления порядка, пресечения хаоса в Палестине и прекращения дальнейшего кровопролития».

Это весьма занимательный и почти нераскрытый документ. Приведу пару выдержек.

– 29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея рекомендовала урегулировать палестинский вопрос через раздел территории и создание двух государств – арабского и еврейского – при международном управлении Иерусалимом. Арабские страны указали, что это ущемляет право арабских жителей Палестины на независимость, противоречит демократическим принципам, решениям Лиги Наций и Уставу ООН. Позднее они отвергли план, заявив, что его невозможно воплотить мирно и что силовое навязывание поставит под угрозу мир и безопасность региона.

– «Опасения арабских стран подтвердились: вскоре страну захлестнули предсказанные ими беспорядки, переросшие в вооружённое противостояние двух её народов, которые вступили в кровавую борьбу друг с другом».

– Покой и стабильность в Палестине оказались полностью разрушены, и из-за еврейской агрессии свыше четверти миллиона арабов вынуждены были оставить свои дома и переселиться в соседние арабские государства. Разворачивающиеся в Палестине события вскрыли скрытые агрессивные намерения сионистов и их империалистические устремления, что ярко проявилось в нападениях на мирных арабов и жителей Дейр-Ясина, Тверии и других населённых пунктов, а также в посягательстве на неприкосновенность дипломатических учреждений, выразившемся в атаке на консульство в Иерусалиме.

«Правительства арабских стран настоящим вновь подтверждают свою позицию, неоднократно выражавшуюся ранее: единственно справедливым решением палестинского вопроса видится создание Единого государства Палестина на демократических началах. Такое государство обеспечит всем жителям равенство перед законом и предоставит меньшинствам гарантии, предусмотренные демократическими конституциями, а также полную защиту и свободный доступ к Святым местам. Арабские страны решительно заявляют, что их вмешательство в Палестине продиктовано исключительно этими целями и не вызвано иными мотивами. Вследствие этого они убеждены, что их действия получат одобрение Организации Объединённых Наций как соответствующие её целям и принципам, изложенным в Уставе».

Любопытно, что текст ЛАГ перекликается с Карлсбадской резолюцией 1921 года, утверждённой на XII Всемирном сионистском конгрессе.

Пристатейный библиографический список

1. Shlaim A. Интервью. Middle East Policy Council. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mepc.org/essays/interview-avi-shlaim/ (дата обращения: 14.05.2025).
2. Kleiman, Shelley. «The State of Israel Declares Independence». Ministry of Foreign Affairs of Israel. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20140730003223/http://mfa.gov.il/MFA/MFA-Archive/1999/Pages/Shelley%20Kleiman%20-%20The%20State%20of%20Israel%20Declares%20Ind.aspx (дата обращения: 14.05.2025).
3. Declaration of Independence (Israel). Wikisource, The Free Library. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Declaration_of_Independence (Israel) (дата обращения: 01.09.2025).
4. Letter from Eliahu Epstein to President Harry S. Truman, with attachments concerning Israel's recognition, 14 May 1948. Harry S. Truman Library. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/eliahu-epstein-harry-s-truman-attatchments-re-recognition-israel (дата обращения: 14.05.2025).
5. Amb. Richard Holbrooke. President Truman's Decision to Recognize Israel. Jerusalem Center for Security and Foreign Affairs. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://jcpa.org/article/president-truman%E2%80%99s-decision-to-recognize-israel/ (дата обращения: 14.05.2025).
6. Telegram copy from Epstein to Shertock, 14 May 1948. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20141027211730/http://archives.gov.il/NR/rdonlyres/BD240CA5-379D-4FAE-81A8-069902AD1E7F/0/Truman3.pdf (дата обращения: 14.05.2025).
7. Israel Declares Independence: Republic Established. Department of State Bulletin, 23 May 1948. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/details/departmentofstatx1848unit/page/673/mode/1up (дата обращения: 14.05.2025).
8. Letter of 18 May 1948 from the Assistant Secretary-General for Security Council Affairs to the Jewish Agency for Palestine and the 22 May 1948 reply to the Secretary-General on questions raised by the Security Council. United Nations, The Question of Palestine. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-182380/ (дата обращения: 14.05.2025).
9. Ben-Gurion, Prime Minister and Minister of Defence. Report to Israel's Provisional Government. Ministry of Foreign Affairs. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.il/en/Departments/General/report-to-the-provisional-government-by-pm-ben-gurion (дата обращения: 14.05.2025).
10. Letter of 3 September 1949 from the Chairman of the Conciliation Commission to Mr. Reuven Shiloah, Head of the Israeli Delegation. United Nations, The Question of Palestine. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unispal.un.org/pdfs/AAC25IS37.pdf (дата обращения: 14.05.2025).
11. Cablegram by the Secretary-General of the League of Arab States addressed to the Secretary-General of the United Nations. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.m.wikisource.org/wiki/Cablegram_from_the_Secretary-General_of_the_League_of_Arab_States_to_the_Secretary-General_of_the_United_Nations (дата обращения: 14.05.2025).

КРАСИЛЬНИКОВ Сергей Владимирович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Красильников С. В.

РОЛЬ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПРИКАЗА И ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ КАК ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА И СУДА В РОССИИ В КОНЦЕ XVII – XVIII ВВ.

В статье анализируется процесс формирования и эволюции Преображенского приказа и Тайной канцелярии как первых специализированных органов политического сыска и суда в Российском государстве конца XVII – XVIII веков. Рассматриваются исторические предпосылки их создания, юридические основы деятельности, процессуальные особенности следствия и судопроизводства по политическим делам. Особое внимание уделяется трансформации данных институтов в контексте абсолютистских реформ Петра I и их влиянию на формирование государственно-правовой системы Российской империи. На основе современных историографических подходов и архивных данных автор представляет комплексный анализ роли этих учреждений в становлении политической юстиции и их влияния на развитие российской государственности.

Ключевые слова: Преображенский приказ, Тайная канцелярия, политический сыск, государственные преступления, Петр I, следственный процесс, политическая юстиция, абсолютизм.

KRASILNIKOV Sergey Vladimirovich
Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty, North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg

THE ROLE OF PREOBRAZHENSKY PRIKAZ AND SECRET CHANCELLERY AS INSTITUTIONS OF POLITICAL INVESTIGATION AND TRIAL IN RUSSIA IN THE LATE 17TH – 18TH CENTURIES

The article analyzes the formation and evolution of Preobrazhensky prikaz and Secret Chancellery as the first specialized institutions of political investigation and trial in the Russian state of the late 17th – 18th centuries. The paper examines historical prerequisites for their creation, legal foundations of their activities, and procedural features of investigation and judicial proceedings in political cases. Special attention is paid to the transformation of these institutions in the context of Peter the Great's absolutist reforms and their influence on the formation of the state-legal system of the Russian Empire. Based on modern historiographical approaches and archival data, the author presents a comprehensive analysis of the role of these institutions in the development of political justice and their impact on the evolution of Russian statehood.

Keywords: Preobrazhensky prikaz, Secret Chancellery, political investigation, state crimes, Peter the Great, investigative process, political justice, absolutism.

История становления и развития органов политического сыска и суда в России представляет значительный интерес для современной историко-правовой науки. Особую актуальность данная проблематика приобретает в контексте изучения эволюции государственно-правовых институтов Российского государства в период его трансформации в абсолютную монархию. Конец XVII – XVIII вв. ознаменовался не только масштабными преобразованиями в различных сферах государственной и общественной жизни, но и формированием новых механизмов защиты политического режима [1, с. 45].

Преображенский приказ и Тайная канцелярия стали первыми в истории России специализированными органами политического сыска и суда, деятельность которых была направлена на борьбу с государственными преступлениями. Их создание и функционирование отражало тенденцию к централизации и профессионализации репрессивного аппарата, характерную для абсолютистских государств Нового времени. Изучение данных институтов позволяет проследить эволюцию представлений о государственных преступлениях, выявить особенности процессуальных практик политического следствия и судопроизводства, а также оценить их влияние на формирование российской государственности [2, с. 126].

Историография проблемы обширна и многогранна. Дореволюционные исследователи (М. М. Богословский, С. М. Соловьев) заложили основы изучения политического сыска в петровскую эпоху. В советский период значительный вклад в разработку темы внесли Н. Б. Голикова и М. Т. Белявский. Современный этап исследований (работы Е. В. Анисимова, В. И. Веременко, Д. О. Серова) характеризуется обращением к новым архивным материалам и переосмыслением роли репрессивных органов в контексте модернизационных процессов [3, с. 78]. При этом сохраняется необходимость комплексного анализа правовых основ и практики деятельности Преображенского приказа и Тайной канцелярии в контексте становления российского абсолютизма.

Для понимания условий возникновения специализированных органов политического сыска в России необходимо рассмотреть историческую ситуацию, сложившуюся к концу XVII века. В этот период российское государство переживало сложный этап политической эволюции, связанный с укреплением самодержавия и переходом к абсолютистской модели правления. Политический кризис конца XVII века, выразившийся в стрелецких бунтах и усилении оппозиционных настроений, продемонстрировал недостаточную эф-

фективность существовавших механизмов защиты власти и потребовал создания новых институтов политического контроля [4, с. 112].

До образования Преображенского приказа дела о политических преступлениях («слово и дело государево») рассматривались различными приказами, прежде всего Разрядным и Посольским. Отсутствие специализированного органа затрудняло систематическую борьбу с политическими преступлениями и не обеспечивало необходимого уровня контроля. Перемены в данной сфере были связаны с личной инициативой молодого царя Петра I, который после стрелецкого восстания 1698 г. осознал необходимость создания эффективного инструмента политического розыска [5, с. 93].

Существенное влияние на формирование институтов политического сыска оказал европейский опыт, с которым Петр I ознакомился во время своего путешествия в составе Великого посольства. В западноевропейских абсолютистских монархиях к этому времени уже сформировались специализированные органы политической полиции, такие как знаменитая «Chambre ardente» во Франции. Изучение европейского опыта, несомненно, повлияло на представления Петра I о механизмах защиты государственного строя и способствовало модернизации политического сыска в России [1, с. 48].

Преображенский приказ, ставший первым специализированным органом политического сыска в России, прошел сложный путь институционального развития. Его формирование началось с канцелярии Преображенского полка, которой в 1686 г. было поручено ведение отдельных государственных дел. Окончательное оформление приказа как органа политического сыска произошло в 1697 г., когда по указу Петра I в его компетенцию были переданы дела по «слову и делу государеву» [6, с. 55].

Правовой статус Преображенского приказа не был закреплен в едином нормативном акте. Его компетенция формировалась постепенно на основе отдельных указов Петра I и сложившейся практики. К юрисдикции приказа относились государственные преступления, прежде всего – оскорбление царской особы, измена, заговоры против государственного строя, распространение «непристойных речей». Важной особенностью деятельности приказа было сочетание функций сыска, следствия и суда, что отличало его от традиционных судебных органов Московского государства [2, с. 129].

Процессуальные особенности деятельности Преображенского приказа были обусловлены спецификой политических дел. Следственный процесс по таким делам носил инквизиционный характер, широко применялись пытки как способ получения доказательств. При этом следственные действия проводились с особой тщательностью – допрашивались многочисленные свидетели, изучались письменные материалы, сопоставлялись показания. Характерной чертой было и отсутствие формальных ограничений в проведении следствия – сотрудники приказа могли арестовывать любых лиц, независимо от их социального статуса [5, с. 96].

Анализ практики деятельности Преображенского приказа позволяет выделить несколько категорий дел, находившихся в его компетенции: 1. Дела об оскорблении царской особы («непристойные речи» о государе); 2. Дела о государственной измене и шпионаже; 3. Дела о заговорах и бунтах; 4. Дела о распространении политически опасных слухов; 5. Дела о фальшивомонетчестве (как преступлении против государственного интереса).

Значимость Преображенского приказа в системе государственного управления подчеркивалась его непосредственным подчинением царю. Петр I лично контролировал важнейшие политические процессы, что демонстрировало исключительную важность политического сыска в структуре формирующегося абсолютистского государства [3, с. 81].

Тайная канцелярия возникла в 1718 г. в связи с делом царевича Алексея и первоначально рассматривалась как временный орган для расследования этого конкретного дела. Однако вскоре её функции были расширены, и она превратилась в постоянно действующий орган политического сыска, который существовал параллельно с Преображенским приказом [4, с. 115].

Правовой статус Тайной канцелярии, как и Преображенского приказа, регулировался отдельными указами, а не комплексным нормативным актом. В её компетенцию входили дела о государственных преступлениях, особенно связанные с оскорблением царской особы и посягательством на основы государственного строя. При этом разграничение компетенции между Тайной канцелярией и Преображенским приказом не было четким, что приводило к параллельному ведению аналогичных дел [7, с. 43].

Процессуальные особенности деятельности Тайной канцелярии были схожи с практикой Преображенского приказа. Следствие носило инквизиционный характер, широко применялись пытки, отсутствовали формальные ограничения в проведении следственных действий. При этом Тайная канцелярия отличалась особой секретностью – информация о её деятельности была строго засекречена, что усиливало психологический эффект от её существования [2, с. 132].

После смерти Петра I система органов политического сыска претерпела ряд изменений. В 1726 г. Преображенский приказ был преобразован в Преображенскую канцелярию, а в 1731 г. обе структуры были объединены в единую Канцелярию тайных розыскных дел. Эта реорганизация отражала тенденцию к централизации политического сыска и повышению его эффективности [5, с. 98].

В период правления Екатерины II система политического сыска подверглась новым изменениям. В 1762 г. была упразднена Тайная канцелярия, а вместо нее создана Тайная экспедиция при Сенате. Это изменение отражало стремление императрицы к модернизации государственного аппарата и ограничению наиболее одиозных проявлений политических репрессий [1, с. 52].

Нормативно-правовая база деятельности органов политического сыска в рассматриваемый период была достаточно фрагментарной. Основополагающим документом, определявшим понятие государственного преступления, оставалась глава «О злодействе против государя» Соборного Уложения 1649 года. В ней были сформулированы основные составы государственных преступлений, включая измену, бунт, заговор против царя [6, с. 58].

В петровскую эпоху нормативная база политического сыска была дополнена рядом указов, среди которых особое значение имел Артикул воинский 1715 г. Он содержал детализированное описание государственных преступлений и устанавливал суровые наказания за их совершение. Важным документом был также указ «О порядке рассмотрения дел по слову и делу государеву» 1713 г., регламентировавший процедуру расследования политических преступлений [3, с. 84].

Специфика правового регулирования деятельности органов политического сыска заключалась в значительной роли правоприменительной практики. Многие процессуальные нормы не были закреплены в нормативных актах, а формировались в процессе деятельности Преображенского приказа

и Тайной канцелярии. Это обеспечивало гибкость политического сыска, но одновременно создавало возможности для произвола [7, с. 45].

Во второй половине XVIII века наметилась тенденция к более четкой правовой регламентации деятельности органов политического сыска. Показателен в этом отношении «Наказ» Екатерины II, в котором были сформулированы принципы ограничения репрессий и гуманизации уголовного процесса. Однако на практике многие из этих принципов не получили последовательного воплощения [2, с. 135].

Деятельность Преображенского приказа и Тайной канцелярии оказала существенное влияние на развитие российской государственности и правовой системы. Прежде всего, эти институты способствовали укреплению абсолютизма, обеспечивая защиту самодержавной власти от внутренних угроз. Они стали важным инструментом централизации государственного управления и подавления оппозиционных настроений [4, с. 118].

В сфере процессуального права деятельность органов политического сыска способствовала развитию следственного принципа уголовного процесса. Практика расследования политических дел, с её акцентом на тщательное собирание доказательств и установление объективной истины (несмотря на применение пыток), заложила основы современного предварительного следствия. Значимым было и формирование специального процессуального режима для дел о государственных преступлениях, который впоследствии был закреплен в российском законодательстве [5, с. 101].

Вместе с тем, нельзя не отметить негативные аспекты влияния органов политического сыска на правовую систему России. Широкое применение пыток, секретность процесса, отсутствие гарантий прав обвиняемых – все это противоречило идеям правового государства, которые получали распространение в Европе в эпоху Просвещения. Опыт деятельности Преображенского приказа и Тайной канцелярии в значительной мере предопределил репрессивный характер политической юстиции в России на протяжении последующих веков [1, с. 56].

Следует отметить также, что органы политического сыска сыграли определенную роль в формировании профессиональной правоохранительной службы в России. Практика их деятельности способствовала выработке методов оперативно-розыскной работы, формированию принципов организации следственных действий, развитию систем агентурной работы, которые впоследствии были восприняты регулярной полицией [3, с. 87].

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов о роли Преображенского приказа и Тайной канцелярии как органов политического сыска и суда в России в конце XVII – XVIII веках.

Во-первых, создание специализированных органов политического сыска стало важным этапом в развитии российской государственности, отражающим процесс становления абсолютной монархии. Преображенский приказ и Тайная канцелярия обеспечивали защиту самодержавной власти и стабильность политической системы в условиях масштабных реформ и социальных трансформаций.

Во-вторых, деятельность этих органов способствовала формированию особой сферы правоприменения – политической юстиции, со специфическими процессуальными формами и методами работы. Опыт Преображенского приказа и Тайной канцелярии оказал существенное влияние на дальнейшее развитие уголовно-процессуального права в России.

В-третьих, функционирование органов политического сыска отражало сложное взаимодействие традиционных российских правовых институтов с элементами, заимствованными из европейского опыта. Это взаимодействие порождало противоречивые тенденции: с одной стороны – профессионализацию следствия и суда, с другой – сохранение архаичных форм процесса, включая применение пыток.

В-четвертых, эволюция системы политического сыска на протяжении XVIII века (от Преображенского приказа к Тайной экспедиции) отражала общие тенденции развития государственного аппарата Российской империи – централизацию, бюрократизацию, постепенную профессионализацию.

Таким образом, Преображенский приказ и Тайная канцелярия представляют собой важнейшие институты в истории российского государства и права, анализ которых позволяет глубже понять специфику становления российского абсолютизма и особенности отечественной правовой традиции.

Пристатейный библиографический список

1. Серов Д. О., Федоров А. В. Следствие и политический сыск в России: исторические параллели // Российский следователь. 2021. № 3. С. 45-57.
2. Веременко В. И. Эволюция системы политического сыска в России XVIII века: историко-правовой анализ // История государства и права. 2020. № 9. С. 126-137.
3. Анисимов Е. В. Политический сыск в России петровского времени: новые источники и интерпретации // Вопросы истории. 2022. № 5. С. 78-89.
4. Кутафин Д. О. Преображенский приказ и система репрессивных органов Российской империи: преемственность и трансформация // Lex Russica. 2021. № 7. С. 112-123.
5. Соколов А. С. Тайная канцелярия в системе государственных органов России XVIII века // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 2. С. 93-104.
6. Киселев М. А. Правовые основы деятельности органов политического сыска в России первой четверти XVIII века // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 55-64.
7. Петров К. В. Политическая юстиция в России XVIII века: историко-правовой аспект // Государство и право. 2022. № 6. С. 42-51.

ЛАДЫГА Александр Иванович
кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Воронежский институт МВД России, майор полиции

ЛЕВЧЕНКОВ Александр Иванович
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Воронежский институт МВД России

КРАСИЛЬНИКОВА Людмила Ивановна
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Воронежский институт МВД России

Ладыга А. И.

Левченков А. И.

Красильникова Л. И.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В УССР (1960 – СЕРЕДИНА 1980-Х ГГ.)

В статье коллектива авторов, с использованием впервые введенных в научный оборот архивных материалов, осуществлен анализ институциональных мер правового обеспечения противодействия организованной преступности в УССР в период «развитого социализма».

На основе осуществленного анализа, сделан вывод, что попытки по-новому выстроить модель практических приемов по противодействию организованной преступности, не имели системного характера, что стало причиной неэффективности в деле правового обеспечения противодействия этому деструктивному явлению и создавало проблемы в будущем.

Ключевые слова: организованная преступность, противодействие организованной преступности, правоохранительная система.

LADYGA Alexander Ivanovich
Ph.D. in historical sciences, associate professor, Head of State and civil law disciplines sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia, major of police

LEVCHENKOV Alexander Ivanovich
Ph.D. in Law, professor, professor of State and civil law disciplines sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia

KRASILNIKOVA Lyudmila Ivanovna
Ph.D. in historical sciences, associate professor, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia

INSTITUTIONAL SUPPORT FOR COUNTERING ORGANIZED CRIME IN THE UKRAINIAN SSR (1960 – MID-1980S)

In an article by a team of authors, using archival materials introduced into scientific circulation for the first time, an analysis of the features of institutional legal measures to counter organized crime in the Ukrainian SSR during the period of «developed socialism» was carried out.

Based on the analysis carried out, it was concluded that attempts to build a new model of practical techniques for countering organized crime were not systemic in nature, which caused inefficiency in the legal provision of counteraction to this destructive phenomenon and created problems in the future.

Keywords: organized crime, countering organized crime, law enforcement system.

Функционирование судебных и правоохранительных органов в Украинской ССР, организованное в сталинский период, сильно пострадало в период правления Н. С. Хрущева. На смену подбора высших кадров в силовые ведомства по принципу профессиональной пригодности и эффективности в работе, пришел критерий преданности определенной партийной группе. Кадровые изменения в силовых ведомствах увязывались лишь со стремлением Н. С. Хрущева усилить собственное влияние в партии и государстве, что принципиально не меняло положения дел в судах и милиции [1, с. 213].

В отличие от периода правления И. В. Сталина, когда не обращали внимание на честный мелкий ремесленный или сельскохозяйственный приработок граждан, Н. С. Хрущев установил жесткую линию в борьбе с экономическими преступлениями. Как следствие, было расширено количество статей Уголовного кодекса, где предусматривалась смертная казнь. После принятия Основ уголовного законодательства и, соответственно, уголовных кодексов союзных республик, под лозунгом усиления борьбы с преступностью, расширилось пространство применения смертной казни за хищение социалистической собственности в особо крупных размерах; изготовление с целью промысла или в особо крупных размерах с целью сбыта или сбыт фальшивых денег и ценных бумаг; за дезорганизацию деятельности исправительно-трудовых учреждений[1].

1 Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1961. – № 19. – С. 207.

27 ноября 1962 г. совместным постановлением ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР был образован Общесоюзный Комитет партийного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР и соответствующие органы на местах. Это был сверхконтролирующий государственный орган, получивший право контроля над органами КГБ, МВД, Вооруженных Сил.

Эксперименты над силовыми ведомствами закончились лишь после изгнания Н. С. Хрущева с должности. Почти на два десятилетия установились спокойствие и стабильность в стране. Но удар, нанесенный по правоохранительной системе, был ощутимым. Профессор из США Мартин Малия, в монографии «Советская трагедия», отмечал: «К моменту прихода к власти Л. И. Брежнева, советская система была уже глубоко деформирована. Чрезвычайно выросла бюрократия, которая к тому же оказалась громоздкой и неэффективной. Уже в период руководства Н. С. Хрущева разрослись и коррупция, и «черный рынок» ...» [11, Л. 190].

Ученый А. И. Гуров, обозначил, что несмотря на «активную борьбу» с преступностью в 1960-е гг., уже в середине 1970-х наибольшее распространение получили должностные преступления и факты коррупции, а также преступления в экономической сфере (групповая криминальная деятельность различного калибра расхитителей социалистической собственности, спекулянтов и мошенников, контрабандистов, «фарцовщиков», «цеховиков» и т.д.) [7, с. 72].

Только в течение 1961 – 1962 гг. были приняты ряд Указов Президиума Верховного Совета СССР и соответствующих Указов Президиума Верховного Совета УССР, направленные на усиление борьбы с преступностью: 1961 г. – Указы «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими паразитический образ жизни», «Об усилении ответственности за самогоноварение и изготовление других спиртных напитков домашнего приготовления, «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями», «Об ответственности за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов», «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил валютных операций», «Об уголовной ответственности за преступно-халатное использование или хранение сельскохозяйственной техники», «Об усилении ответственности за покушения на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников»; 1962 год – «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество».

Этими постановлениями устанавливали применение строгих мер уголовного наказания (в том числе, смертной казни), однако, это не остановило рост преступности. А. Н. Литвак замечал, что когда в 1961 г. в СССР законом была введена смертная казнь за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, а впоследствии – за квалифицированное нарушение правил о валютных операциях и взяточничестве, вряд ли общее количество хищений, валютных махинаций и взяточничества в стране уменьшилось, о чем свидетельствует серия разоблаченных позже резонансных уголовных преступлений в Одессе, Днепропетровске, Киеве, Москве, среднеазиатских республиках и др. местах. Обвиняемыми по этим делам были не только «цеховики», то есть владельцы подпольных производств, но и достаточно высокопоставленные государственные и партийные функционеры [8, с. 137].

Анализ литературы и архивных документов свидетельствует, что на протяжении всего исследуемого периода (1960 – середина 1980-х гг.), преступность в СССР в различных ее проявлениях только возросла.

В период развитого социализма (1966 – 1985 гг.), на всей территории СССР отмечался рост уровня преступности более чем вдвое [3], однако странным образом происходило ослабление борьбы с ней. Почти половина преступлений не регистрировалась по причине попустительства со стороны должностных лиц в отношении правоохранительных органов, а также по причине перекладывания государством своих функций на общественность.

Росла и групповая, и организованная преступность. Согласно архивным данным: «росту общей рецидивной, групповой и организованной преступности способствало зачастую не обоснованное освобождение лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности, с применением мер общественного воздействия. Как следствие, из 10,3 тыс. уличенных в 1989 г. преступников, 4 тыс. были освобождены от судебного наказания, из них 2,2 тыс. с применением статьи 13-І УПК УССР. Причем во многих случаях – даже за тяжкие преступления» [11, Л. 230].

Украинская правящая элита сознательно воспользовалась слабостью и демократизмом государственного контроля СССР. Ведь в соответствии с идеологическими наставлениями, господствовавшими в советском социуме, внимание уделялось, в первую очередь, воспитательной силе коллектива.

Широкое распространение получила практика участия общественности в борьбе с правонарушителями и преступностью, в виде товарищеских судов, которым, согласно Положению о товарищеских судах, утвержденному Президиумом Верховного Совета УССР от 15.08.1961 г., были предоставлены значительные полномочия[2]. Характерной чертой привлечения общественности к решению задач по «перевоспитанию» лиц, совершивших преступления, стала практика передачи их на поруки трудовым коллективам. Обычно считалось, что наиболее результативным являлся коллектив, в котором преступник работал.

Так, в докладной записке секретаря ЦК КПУ В.И. Дрозденко от 27.03.1968 г. о ходе исполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23.07.1966 г. «О мерах по усилению борьбы с преступностью» утверждалось, что во многих трудовых коллективах к правонарушителям принимались меры общественного воздействия. В УССР в то время функционировало 41 068 товарищеских судов, куда входило более 205 000 человек. В течение года товарищескими судами были рассмотрены материалы на более чем 200 000 человек [15, Л. 3].

В народных судах УССР в составе советов народных заседателей существовали и специальные секции, контролировавшие поведение лиц, «отданых» трудовым коллективам на перевоспитание. Массово применялось закрепление народных заседателей за осужденными для проведения воспитательной работы. Они коммуницировали с соответствующими трудовыми коллективами и посещали осужденных по месту жительства [14, Л. 123].

С ослаблением влияния правоохранительных органов на преступность, у криминальных сообществ возникли связи во властных структурах, налаживаемые путем подкупа чиновников, либо путем сбора компрометирующей информации на партийно-хозяйственных функционеров. На подкуп чиновников, по засекреченным тогда данным, уходило до двух третей прибыли преступного ремесла [28].

Важную роль в противодействии организованной преступности играла институциональная составляющая, определяющая

2 Про затвердження Положення про товариські суди Української РСР. Указ Президії Верховної Ради УРСР // Відомості Верховної Ради УРСР. – 1961. – № 3. – С. 416.

совокупность органов и учреждений, деятельность которых непосредственно направлена на ее преодоление. В структуру этих органов входили и органы внутренних дел. Важная роль отводилась органам досудебного следствия. Их функции закреплялись нормами Уголовно-процессуального кодекса.

Целью принятия новых Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик была лишь либерализация судебного процесса, его демократизация. Руководствуясь идеей укрепления влияния государства на общество, Основы закрепили две формы расследования уголовных дел: дознание и предварительное следствие, содержали исчерпывающий перечень органов предварительного следствия, в лице следователей прокуратуры и следователей органов государственной безопасности. Положение Основ закрепил Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР, принятый Верховным Советом УССР 28.12.1960 г. (введен в действие 1.04.1961 г.)[3].

В соответствии со ст. 102 УПК 1960 г., органами предварительного следствия были следователи органов прокуратуры и следователи органов государственной безопасности. Вскоре ситуация изменилась. 6 апреля 1963 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ, в соответствии с которым право проведения предварительного следствия предоставлялось и органам охраны общественного порядка[4]. В дальнейшем, Указом Президиума Верховного Совета УССР от 13.07.1963 г. разграничивалась подследственность действий следователей прокуратуры и следователей Министерства охраны общественного порядка УССР[5].

Созданный в системе Министерства внутренних дел, в соответствии с упомянутыми указами, следственный аппарат проводил расследование по делам о преступлениях, перечень которых установлен законодательством СССР и союзных республик. Нововведение обещало усилить противодействие по совершению злостных и опасных преступлений; органы Министерства внутренних дел получили возможность эффективнее раскрывать преступления, розыскивать и задерживать преступников, а следователи прокуратуры – сосредоточили свое внимание на расследовании особо сложных дел. Это способствовало устранению дубляжа следственной работы, но рассеивало усилия и замедляло сроки проведения следствия [2, с. 16].

6 апреля 1963 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О предоставлении права проведения предварительного следствия органам охраны общественного порядка» и соответствующий Указ Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 13.06.1963 г. «О внесении изменений в УПК Украинской ССР». С этого времени, согласно ст. 102 УПК УССР 1960 г. (в редакции от 13.06.1963 г.), органами предварительного следствия стали: следователи прокуратуры, следователи органов внутренних дел и следователи органов государственной безопасности[6].

В июле 1966 г., в соответствии с Указом Президиума ВС СССР, в интересах обеспечения единого оперативного руководства деятельностью органов охраны общественного порядка в борьбе с преступностью, была восстановлена Единая «сталинская» союзная система органов внутренних дел и образовано союзное Министерство охраны общественного порядка СССР. Органы внутренних дел городского и районного уровня стали структурными подразделениями исполкомов Советов депутатов трудящихся.

В результате мероприятий, создали целостную систему (столица – областной центр) противодействия преступности. В областях Советы народных депутатов образовали управления внутренних дел, в районах и городах – отделы внутренних дел. Управление и отделы подчинялись соответствующим советам, их исполкомам и Министерству внутренних дел республик. В пределах большого районного или городского отдела внутренних дел создавали территориальные отделы милиции. Местные Советы и исполкомы утверждали на сессиях их руководителей, регулярно рассматривали отчеты органов внутренних дел о деятельности милиции, оказывали необходимую помощь в организации работы, решении хозяйственных и культурно-бытовых вопросов.

В ноябре 1968 г. Указом Президиума ВС СССР Министерство охраны общественного порядка было переименовано в Министерство внутренних дел СССР. Республиканское Министерство охраны общественного порядка Украинской ССР было переименовано в Министерство внутренних дел Украинской ССР. В феврале 1969 г. утвердили и новую структуру МВД СССР. Вместо Главного управления милиции создавались: Управление административной службы милиции; Управление уголовного розыска; Управление по борьбе с хищением социалистической собственности и спекуляцией; управление Государственной автомобильной инспекции; Управление специальной милиции; Управление транспортной милиции.

В это же время предприняли важные шаги по «осовремениванию» работы следователей. В 1960 г. Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики прокуратуры СССР разработал новый комплект технико-криминалистических средств следователя – Следственный портфель, внедренный в практику уже в 1963 – 1964 гг. Этот комплекс технико-криминалистических средств следователя состоял из 51 предмета. При разработке Следственного портфеля, учли пожелания и критические замечания практических работников следствия и ученых-криминалистов по его усовершенствованию. Его дополнили приспособлениями и веществами, отсутствовавшими в следственном чемодане. Например, для обнаружения и фиксации следов рук и босых ног в следственном портфеле была использована йодная трубка, магнитная кисть и магнитный дактилоскопический порошок – окись железа. Существенных изменений претерпел и фотоотдел: «...фотоаппарат «ФЭД» был заменен на фотоаппарат зеркального типа «Зенит-3М»», позволивший с использованием удлинительных колец фотографировать самые мелкие криминалистические объекты [6, с. 204].

Но остались и проблемы. Например, приток в правоохранительные органы большого количества лиц, не имевших соответствующей профессиональной подготовки, так как наборы проводилились в спешке. Такие сотрудники нередко прибегали к злоупотреблению служебным положением, практиковали безосновательные задержания или открытия уголовных дел. Поэтому за злоупотребление властью в 1968 г. к уголовной ответственности привлекли 63 сотрудника МВД (1967 г. – 32 человека). В мае 1968 г., в связи с разоблачением грубых нарушений законности, в прокуратурах Запорожской и Днепропетровской областей при расследовании преступлений, прокурором республики был издан приказ о по-

3 Кримінально-процесуальний кодекс УССР, затверджений Законом від 28.12.60 // Відомості Верховної Ради. – 1961. – № 2. – С. 15.

4 Указ ПВС СССР «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» от 6 апреля 1963 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1963. – № 16.

5 Указ ПВР УРСР «Про внесення доповнень до Кримінально-процесуального кодексу УРСР» від 13.06.1963 р. // Відомості Верховної Ради УРСР. – 1963. – № 25.

6 Кримінально-процесуальний кодекс України, затверджений Законом від 28.12.60 // Відомості Верховної Ради. – 1961. – № 2. – С. 15.

рядке ведения следственных действий, который был разослан всем прокурорам [17, Л. 48].

К сожалению, еще одним проявлением низкого уровня профессиональной подготовки части правоохранителей было неудовлетворительное качество проведения следствия. В первом полугодии 1968 г. по сравнению с соответствующим периодом прошлого года, количество безосновательно возбужденных уголовных дел сократилось. Было прекращено 3786 дел или 16 % от общего количества, а в 1967 г. – 15 %. Работники Верховного суда УССР в ходе проверок выяснили, что у следователей Черновицкой области и г. Киева закрывалось в этот период каждое четвертое дело, а у следователей Харьковской, Луганской, Житомирской областей – каждое пятое, Львовской, Крымской, Донецкой – каждое шестое.

Недостатки в работе следственного аппарата объясняли недостаточным уровнем руководства районными и городскими органами охраны общественного порядка и прокуратуры со стороны Министерства охраны общественного порядка УССР, прокуратуры УССР и областных аппаратов. Организационная работа по выполнению мероприятий, предусмотренных постановлением ЦК КПУ и Совета Министров УССР от 11.01.1966 г. № 40 «Об улучшении работы следственного аппарата» часто проводилась неудовлетворительно. На практике указанные органы не реагировали своевременно на факты низкой служебной дисциплины и нарушения социалистической законности, в том числе и во время проведения следственных действий [14, Л. 131-132]. В 1968 г. из органов МВД было уволено 8 644 человека, из них 1340 проработали менее года, в том числе за злоупотребление служебным положением – 1 960 человек [18, Л. 22].

Во время проверки приостановленных дел о кражах, ограблениях, нанесении тяжких телесных повреждений, одной из причин не раскрытия преступлений было нарушение установленных законом сроков проверки материалов, в связи с чем следствие начинали со значительными задержками, что свидетельствовало о халатном отношении к обязанностям отдельных работников правоохранительных органов.

Проблемой оставался относительно низкий уровень оперативной работы и следствия районного уровня. Часто они не имели достаточной профессиональной подготовки, надзор за освобожденными из заключения проводился формально, что вело к повторному совершению преступлений [17, Л. 60]. В течение 1968 г. в Запорожской, Донецкой, Харьковской, Крымской, Сумской областях и г. Киев ранее осужденными было совершено 25 % преступлений. Несмотря на показатели, агентурная работа с рецидивистами во многих областях была организована слабо. Значительная часть милиционеров по разным причинам не справлялась с возложенными обязанностями [19, Л. 17].

В борьбе с преступными группами недостаточно использовалась агентура, находившаяся на постоянном денежном обеспечении органов внутренних дел. Несмотря на требования министерства, эта агентура подключалась только для агентурной работы в среде арестованных и задержанных в КПЗ. Аппарат уголовного розыска в течение 1968 г. «ослабил усилия», направленные на борьбу с карманными кражами, лицами, ведшими разгульный образ жизни, пьяницами. Ухудшилась оперативная работа в местах сбыта краденого [19, Л. 18]. В 1968 г. в республике остались нераскрытыми 2509 преступлений, в частности ... – умышленных убийств, 21 – изнасилование, 41 – случай нанесения тяжких телесных повреждений, 90 грабежей, 583 случая хищения государственного и общественного имущества и 283 кражи собственности граждан. По состоянию на 1 января 1969 г. остаток нераскрытых преступлений прошлых лет составлял 6 910 дел против 6 893 за предыдущий период [21, Л. 13-14].

Следует подчеркнуть, что исключительно на оперативников возлагалось тяжелое дело противодействия преступности и предупреждения совершения преступлений. Там, где эта работа была налажена лучше, соответственно, и результаты оперативно-розыскной деятельности были выше [19, Л. 6; 20, Л. 2].

Докладная записка о ходе выполнения требований постановления ЦК КПУ от 22.05.1968 г. «Об усилении работы партийных организаций республики по обеспечению сохранения социалистической собственности» содержала данные о том, что МВД УССР на коллегии 13.06.1968 г. утвердило меры, обязательные для выполнения местными органами внутренних дел. Во всех аппаратах УВД, городских и районных органах милиции республики на оперативных совещаниях тщательно анализировались конкретные недостатки в работе, мешавшие «организации борьбы с хищениями, взяточничеством, спекуляцией» [16, Л. 179]. Однако выполнить эти задачи с профессиональной точки зрения было сложно, в связи с тем, что часть следователей не была профессионально подготовлена к раскрытию экономических преступлений.

В Положении «О советской милиции», утвержденном совместным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17.08.1962 г. № 901 «О мерах по улучшению деятельности советской милиции», отмечалось, что одной из важных функций милиции, как административно-исполнительного органа советского государства, является охрана социалистической собственности от преступных посягательств. С утверждением положения началась активная работа по реформированию низовых подразделений по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляциями. Эта работа продолжалась до 1976 г.

12 августа 1976 г. МВД СССР издало приказ № 213 «Об утверждении Примерного положения об управлении (отделении) по борьбе с хищениями социальной собственности и спекуляцией МВД союзной, автономной республики, УВД исполкома краевого, областного Совета депутатов трудящихся». Таким образом, управление (отдел) по борьбе с хищением социалистической собственности и спекуляциями получило основной документ, который четко определил его функции и направления деятельности. В 1979 г., с выходом приказа МВД СССР № 324, Управление по борьбе с хищением социалистической собственности и спекуляций МВД СССР получило статус главного управления. На основе приказа МВД СССР от 25.01.1980 г. «О дальнейшем совершенствовании структуры службы БХСС», в республиках создали структурные подразделения по борьбе с фальсификацией денег, нарушением правил валютных операций, по борьбе со спекуляцией. В структуре многих управлений предусматривались подразделения по особо важным делам. На них возлагались задачи выявления хищений, осуществляемых тайным путем в особо крупных размерах, а также фактов взяточничества среди чиновников.

В работе службы по борьбе с хищениями социалистической собственности УССР были отличные показатели в расследовании экономических преступлений. Численность работников службы выросла в течение 1983 – 1985 гг. на 1 500 человек и составила 5 000 человек. Согласно данным министра внутренних дел УССР И.Д. Гладуша от 23.01.1984 г., вследствие усиления оперативно-розыскной работы аппаратами ОБХСС республики только в течение 1983 г. были разоблачены преступления, совершенные 32 директорами фабрик индивидуального пошива и ремонта одежды и обу-

ви и привлечены к ответственности более 120 руководителей среднего звена и 60 бухгалтеров [26, Л. 26-30].

Приведенное выше свидетельствует, что руководство страны принимало меры по противодействию экономической преступности. Были ли они эффективны? Материалы архивных дел и отчеты сотрудников часто противоречат друг другу. Например, в 1986 г. на фоне усиления административной ответственности за нетрудовые доходы, подразделения по борьбе с хищением социалистической собственности и спекуляциями активно включились в процесс выявления преступных фактов в экономике. В то же время, действовало указание не вмешиваться в процессы кооперативного движения, что, по оценке практических работников, прямо способствовало криминализации экономики [4, с. 157].

Контроль за работой судов по возмещению убытков, причиненных экономическими преступлениями, осуществляли Верховный и областные суды. Проверки, инициированные Верховным судом УССР, зафиксировали замечания к работе следственных аппаратов по возмещению убытков, причиненных государству расхитителями. В Днепропетровской области следователи обеспечили реальное возмещение убытков в первом квартале 1968 г. лишь на 20 % и во втором – на 37 %, а в Луганской области, соответственно, на 19 и 47 % [14, Л. 120]. Общий ущерб от хищений в 1968 г. составил 7 342 000 руб. [20, Л. 4]. Всего в республике за 9 месяцев 1967 г. возмещение убытков составило 34 %, а за аналогичный период 1968 г. – 43 % [16, Л. 49].

Надзор за следствием и дознанием в органах МВД осуществляла прокуратура. Согласно отчету прокуратуры УССР, в 1968 г. была «осуществлена большая работа» по выполнению Постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 10.12.1965 г. «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка»; от 23.07.1966 г. «О мерах по усилению борьбы с преступностью»; постановления ЦК КПУ и СМ УССР от 12.08.1966 г. по этому вопросу и приказов Генерального Прокурора СССР от 30.12.1965 г. № 125 и от 30.07.1966 г. № 75. Реальная сумма возвращенных в государственную казну похищенных средств составляла 52 % (в 1967 г. – 46 %) [17, Л. 47].

В 1968 г. по материалам проверок сотрудников прокуратуры УССР, было привлечено к дисциплинарной ответственности 1948 руководителей, большинство из которых наказано за необеспечение сохранения народных ценностей. В 1968 г. в суды было направлено 10 347 дел, возбужденных на 16 828 чел., которые подозревались в хищении государственной собственности. В 1967 г. – 9 576 дел на 15 883 человека. Следователями закончено 67 дел об особо крупных размерах хищений государственного имущества, по которым было привлечено к ответственности 176 человек. Довольно распространенным явлением оставались случаи злоупотребления служебным положением. Из 17 833 человек за кражи в 1968 г. было привлечено к ответственности 5 848 человек, совершивших хищения путем злоупотребления служебным положением [21, Л. 22-24].

В связи с ростом нагрузки на работников милиции, в течение 1970-х гг. была продолжена работа по расширению структуры органов МВД и увеличению штатов работников милиции. По состоянию на 1 января 1970 г. укомплектованность кадрами органов внутренних дел составляла 97 %, в том числе милиции – 97 %. 99 % начальствующего состава имели высшее образование. Соответственно, с постановлениями ЦК КПСС и СМ СССР от 23.07.1966 г. «О мерах по усилению борьбы с преступностью» и от 19.11.1968 г. «О недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению» и постановлений ЦК КПУ и СМ УССР от 12.08.1966 г. и 8.12.1968 г. по увеличению количества сотрудников милиции, в ее ряды было направлено 4 532 человека (3 000 по плану), из которых 1488 человек были назначены на должности начальствующего состава [23, Л. 46].

В течение 1972 – 1974 гг. на курсах при школах и училищах МВД СССР, а также учебных заведениях других ведомств повысили квалификацию около 10 000 сотрудников, в том числе более 3 800 оперативно-следственных работников [24, Л. 21-25].

Комплексно принятые меры позволили достичь отличных результатов и в противодействии преступности. На время повысился престиж сотрудника милиции, что имело положительные последствия [10, с. 18-19].

По состоянию на 1 января 1977 г. в ОВД УССР уже работало 338,9 тыс. чел., в том числе сотрудников милиции – 80,5 тыс., в исправительно-трудовых учреждениях – 30,4 тыс., в пожарной охране – 44 тыс., во вневедомственной охране – 146,7 тыс. от общего количества сотрудников, 115,4 тыс. чел. принадлежали к руководящему составу. В течение 1972 – 1974 гг. на службу в органы внутренних дел было принято 60,4 тыс. человек. Увеличился штат аттестованного состава на 22 тыс. чел., всего в республике укомплектованность по состоянию на 1.01.1977 г. составляла 99 % [10, с. 19].

Согласно утвержденному положению «О советской милиции» (1973 г.), на эту структуру возлагались обязанности по обеспечению общественного порядка, предупреждению и пресечению преступлений и других правонарушений, охране социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций и учреждений от преступных посягательств и других антиобщественных деяний, своевременного и полного раскрытия преступлений. Недостатки в работе правоохранительных органов были отмечены на координационном совещании при прокуроре УССР, которое состоялось 26.05.1978 г. Вину за рост преступности пытались переложить прежде всего на прокуроров ряда областей, начальников управлений внутренних дел, глав областных судов и начальников отделов юстиции, которые «ослабили внимание» и не обеспечили надлежащую организацию работы по предупреждению преступности, не приняли необходимых мер для улучшения дел по раскрытию преступлений. Совещание констатировало, что состояние преступности в республике тревожит. Однако «персонификация» ответственности не только не снимала проблему, но и способствовала уклонению от комплексного анализа причин роста преступности, характерного для большинства стран мира [13, Л. 1, 3].

С целью противодействия преступности в 1980 г. в аппаратах УВД облисполкомов были созданы специальные отделы по раскрытию особо сложных преступлений. В аппараты уголовного розыска дополнительно ввели 375 человек. В областных центрах и крупных районных центрах создали оперативно-следственные группы по раскрытию квартирных краж, незаконному завладению транспортными средствами. На расширенных коллегиях, с участием работников уголовного розыска, традиционно рассматривали вопросы по усовершенствованию оперативно-розыскной и агентурной работы [25, Л. 36].

Благодаря проведенным мероприятиям, в 1980 г. было раскрыто 112,4 тыс. преступлений или на 21 тыс. больше, чем в течение предыдущего года. Арестовано почти 26 000 преступников (87 % от числа находившихся в розыске). В 1980 г. разоблачено 4 000 преступных группы (+10 %). Среди лиц, совершивших преступления, арестовано 926 руководителей предприятий и организаций, 1500 начальников производств, 917 бухгалтеров. У преступников изъяли денег и ценностей

на сумму 10 млн руб., 48 кг золота. В связи с производством 24 700 уголовных дел, в 1980 г. в штат дополнительно ввели 600 следователей [25, Л. 37].

Всего в УССР в 1985 г. в заключение отправлено 173,9 тыс. человек, из которых в Автономной Республике Крым – 9,5 тыс., в Винницкой области – 6,1 тыс., Волынской – 2,6 тыс., Днепропетровской – 17,2 тыс., Донецкой – 25,6 тыс., Житомирской – 5,2 тыс., Закарпатской – 2,4 тыс., Запорожской – 9,5 тыс., Ивано-Франковской – 2,8 тыс., Киевской (без г. Киев) – 6,5 тыс., Кировоградской – 4 тыс., Луганской – 10,9 тыс., Львовской – 5,2 тыс., Николаевской – 5,7 тыс., Одесской – 11 тыс., Полтавской – 5,3 тыс., Ровенской – 3,1 тыс., Сумской – 4,6 тыс., Тернопольской – 2,3 тыс., Харьковской – 7,6 тыс., Херсонской – 5,4 тыс., Хмельницкой – 3,5 тыс., Черкасской – 4,9 тыс., Черновицкой – 2,2 тыс., Черниговской – 3,7 тыс., в г. Киев – 7,1 тыс. [5, с. 482].

В 1986 г. на совещании Президиума Верховного Совета СССР была проанализирована практика применения действующего уголовного законодательства за 1970-1985 гг. Анализ показал, что в течение данного периода количество судимостей у населения возросло [27, Л. 72-74].

Следует подчеркнуть, что к уголовной ответственности привлекались в основном социально незащищенные правонарушители. Как отмечал В. В. Лунеев, преступления нуждающихся легко попадали в систему уголовной юстиции, а преступная власть и богатство почти не заметны в орбите правоохранительных органов [9, с. 79].

Важную роль в борьбе с преступностью, особенно с преступными организациями, играл Комитет Государственной Безопасности. На органы КГБ СССР возлагали функции разведки, контрразведки, политического сыска, дознания и следствия. Их правовой статус определялся закрытыми (с грифами «совершенно секретно», «особой важности») подзаконными актами – «Положением о КГБ при Совете Министров СССР», утвержденным 2.03.1959 г., совместным постановлением ЦК КПСС и СМ СССР, специальными постановлениями ЦК КПСС и СМ СССР, внутриведомственными актами КГБ СССР (приказами, инструкциями и т.п.).

Показательно, что на законодательном уровне правовой статус КГБ СССР был закреплен лишь в последний период его существования. 16 мая 1991 г. ВС СССР принял Закон «Об органах государственной безопасности в СССР». Однако на момент его вступления в силу, в УССР уже вовсю орудовали националистические прозападные политические силы, которые взяли курс на построение собственных органов безопасности.

Итак, институтами, которые вели активную борьбу с преступностью в 1960-х – середине 1980-х гг. в УССР были органы Министерства внутренних дел, прокуратуры, Комитета государственной безопасности.

Контроль за работой судов по возмещению убытков, причиненных экономическими преступлениями, осуществляли Верховный и областные суды республики. В свою очередь, правоохранительные ведомства находись под контролем партийных комитетов, что вело к прямому вмешательству в их профессиональную деятельность, подрывая независимость и объективность в проведении следственных действий и судопроизводства.

Значительная роль в борьбе с преступностью предоставлялась общественности. И если меры общественного воздействия имели определенные положительные результаты в предупреждении и профилактике общеуголовной преступности, то в сфере борьбы с экономической и рецидивной преступностью они скорее приносили вред.

Пристатейный библиографический список

1. Богданов С. В. Попытки Н. С. Хрущева активизировать борьбу с экономической преступностью в СССР // Вестник архивиста. – 2012. – № 3. – С. 206-217.
2. Боротьба з правопорушеннями і злочинністю / АН УРСР. Інститут держави і права. – Київ: Наукова думка, 1969. – 199 с.
3. Гуров А. И. Организованная преступность: курс лекций. – СанктПетербург: Питер, 2002. – 368 с.
4. Зедгенизова И. И., Прокопишина А. Е. Историко-правовые механизмы совершенствования экономических преступлений в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 11-2. – С. 155-158.
5. Кількість засуджених за вироками судів, що набрали законної чинності, по Автономній Республіці Крим і областях // Міністерство статистики України / Відп. за випуск. В. В. Самченко. – Київ: Техніка, 1995. – 496 с.
6. Комаха В. О. Тактичні особливості попереднього дослідження криміналістичних об'єктів та призначення судових експертиз. – Вінниця: ДП ДКФ, 2006. – 736 с.
7. Корсаков К. В. Криминологический и уголовно-правовой анализ современной организованной преступности // Антиномии. – 2017. – № 3. – С. 67-84.
8. Литвак О. М. Державний вплив на злочинність: кримінологічне правове дослідження. – Київ: Юрінком-Інтер, 2000. – 307 с.
9. Лунеев В. В. Преступность и теневая экономика // Экономическая наука современной России. – 2005. – № 1 (28). – С.72-82.
10. Михайленко П. П., Кондратьєв Я. Ю. Історія міліції України у документах і матеріалах: у 3 т. – Київ: Генеза, 2000. Т. 3: 1946–1990. – 616 с.
11. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее ЦГАВОВУ (У)). – Фонд 288. – Опись 10. – Дело 632. (Время обращения: февраль – май 2013 г.).
12. ЦГАВОВУ (У). – Ф. 288. – Оп. 11. – Д. 7002.
13. ЦГАВОВУ (У). – Ф. 288. – Оп. 11. – Д. 9345.
14. Центральный государственный архив общественных организаций и объединений Украины (далее – ЦГАООО(У)). – Фонд 1. – Опись 25. – Дело 58. (Время обращения: апрель – сентябрь 2013 г.).
15. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 60.
16. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 62.
17. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 69.
18. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 167.
19. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 209.
20. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 211.
21. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 213.
22. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 387.
23. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 393.
24. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 551.
25. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 2757.
26. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 2267.
27. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 3016.
28. Яременко В. С. Российская организованная преступность: история и современность: автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 2006. – 18 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-126-128

НАЙДЕНОВА Елена Александровна
кандидат исторических наук, директор, Институт истории, права и общественных наук; доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

МАРКОВ Роман Станиславович
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКИХ КОНСТИТУЦИОННЫХ АКТАХ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В статье изложены результаты исследования эволюции конституционно-правовой защиты семьи и несовершеннолетних в законодательстве РСФСР советского периода. Представлен анализ трансформации советской государственной семейной политики от игнорирования семьи как самостоятельного института в ранних актах к её постепенной конституционализации и закреплению социальных гарантий материнства и детства. Так, Конституция РСФСР 1937 г. впервые предусмотрела охрану материнства и детства как обязанность государства, а Конституция РСФСР 1978 г. признала семью самостоятельной ценностью под защитой государства. Показаны противоречия между идеологическими установками, нормативными декларациями (социальная поддержка, гарантии образования и здравоохранения) и проблемами реализации («двойная нагрузка» на женщин, неэффективность пособий, бюрократические барьеры). Выявлены влияние марксистско-ленинской доктрины и избыточное государственное вмешательство в частную жизнь советских граждан.

Ключевые слова: правовая защита семьи, несовершеннолетние, советское государственное право, социальная политика, эволюция законодательства, государственная поддержка, коммунистическая идеология.

NAIDENOVA Elena Alexandrovna
Ph.D. in historical sciences, Director, Institute of History, Law and Social Sciences; associate professor of Public law disciplines sub-faculty, P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

MARKOV Roman Stanislavovich
Ph.D. in Law, senior lecturer of Public law disciplines sub-faculty, P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

LEGAL PROTECTION OF THE FAMILY AND MINORS IN RUSSIAN CONSTITUTIONAL ACTS OF THE SOVIET PERIOD

The article presents the results of a study on the evolution of constitutional and legal protection of the family and minors in Soviet-era RSFSR legislation. It traces the transformation of Soviet family policy from the initial neglect of the family as an independent institution to its gradual constitutional recognition and the establishment of state-guaranteed social protections for motherhood and childhood. The 1937 RSFSR Constitution marked a turning point by declaring the state's obligation to safeguard motherhood and childhood, while the 1978 Constitution recognized the family as a distinct value under state protection. The study highlights contradictions between ideological prescriptions, normative declarations, and practical implementation, revealing the burdens placed on women, ineffective welfare measures, and bureaucratic barriers. It also underscores the pervasive influence of Marxist-Leninist doctrine and the excessive state intrusion into private life.

Keywords: legal protection of the family, minors, Soviet state law, social policy, evolution of legislation, state support, communist ideology.

История советского конституционализма демонстрирует последовательное закрепление задач по защите семьи и прав несовершеннолетних как неотъемлемой части социальной функции государства. Эти вопросы, несмотря на периоды идеологической трансформации и изменения приоритетов, сохраняли свою значимость в общей структуре советского правопорядка. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа эволюции подходов к охране семьи и детства как элементов социального и правового проектирования, характерного для советской модели государства. В условиях современной России, где идеи «социального государства» и «приоритета прав ребенка» получили закрепление в Конституции РФ 1993 г., важно осмыслить исторические истоки и этапы становления этих принципов.

Правовая защита семьи и несовершеннолетних в советском государстве опиралась на марксистско-ленинскую теорию, в которой семья рассматривалась как социальный институт, подлежащий радикальной трансформации в процессе построения социалистического общества. Тем не менее, даже в условиях классовой борьбы и приоритета интересов трудящихся, в системе нормативного регулирования РСФСР находили отражение нормы, направленные на охрану материнства, детства и института семьи. В этой связи необходимо рассмотреть значение правовой защиты семьи и несовершеннолетних в контексте развития советского законодательства.

В теоретико-правовом аспекте защита семьи и несовершеннолетних включает комплекс норм, обеспечивающих благоприятные условия для формирования личности, охрану интересов детей, содействие устойчивости семейных отношений [6, с. 68]. Исторически категория «семья» претерпевала в советской юриспруденции значительные смысловые и функциональные изменения. Так, в первые послереволюционные годы имело место стремление к деструкции тради-

ционного буржуазного брака, выражавшееся в упрощении брачно-семейных процедур, признании фактического сожительства и введении прогрессивного для того времени института равенства супругов. Однако уже с 1930-х гг. прослеживается тенденция к институционализации семьи как ячейки социалистического общества, охраняемой государством.

В частности, Конституция РСФСР 1918 г., принятая в условиях радикальной ломки старого правопорядка, не содержит прямых норм о защите семьи или прав несовершеннолетних. Основное внимание уделяется вопросам диктатуры пролетариата, уничтожения эксплуатации и строительства социализма. Однако в числе прав граждан провозглашается право на образование (ст. 17)[1], что может рассматриваться как косвенная мера защиты детства, но исключительно в контексте подготовки кадров для дальнейшего строительства социалистического народного хозяйства. В то же время сам термин «семья» в тексте Конституции отсутствует. Согласимся с М. А. Перовой, что такая трансформация оказалась во многом обусловлена радикальной раннебольшевистской социальной политикой: отменой родительской власти, переводом семейных правоотношений из культовой в гражданскую сферу, сломом традиционной модели семьи [3, с. 52]. Отсюда можно сделать вывод, что в начальный период советского правового строительства институт семьи не рассматривался как самостоятельный объект конституционно-правовой охраны, а права детей защищались преимущественно через общие меры социальной политики.

Конституция РСФСР 1925 г. демонстрирует движение к стабилизации правовой системы и институционализации социалистических институтов. В ней сохраняется марксистская риторика, однако появляются отдельные нормы, имеющие значение для охраны семьи и детства. Хотя специальные нормы о семье по-прежнему отсутствовали, можно говорить о формировании предпосылок к законодательному закреплению семейных прав через развитие системы социального обеспечения и народного просвещения. Особое значение имеет также признание трудовой обязанности и приоритета интересов трудящихся, что на практике выражалось в формировании механизмов поддержки работающих родителей[2]. Немаловажным аспектом реализации настоящего конституционных положений исследователи видят развернувшиеся в 1920-е гг. кампании по ликвидации безграмотности и борьбе с беспризорностью [3, с. 45-46].

Наиболее выраженно правовая защита семьи и несовершеннолетних фиксируется в Конституции РСФСР 1937 г., принятой в период сталинской централизации власти и стремления к стабильности социального порядка. В этой редакции впервые появляется норма о защите семьи, материнства и детства как обязанности государства. Статья 122 Конституции гласила: «*Женщине в СССР предоставляется право на отпуск по беременности с сохранением заработка и пособием по беременности; государственная помощь многодетным и одиноким матерям; предоставление широкой сети родильных домов, яслей, детских садов*»[3]. Хотя сама формулировка не содержит упоминания слова «семья» как института, семантически эти положения в совокупности говорят о приоритете охраны детства в системе государственной политики.

Важно отметить, что в 1930-е гг. параллельно с изменениями в Конституции РСФСР происходил коренной разворот семейной политики государства вместе с совершенствованием семейного и уголовного законодательства, направленным на защиту прав детей и усиление ответственности родителей. Посредством реализации конституционных положений и политических решений коммунистической партии фактически происходила трансформация традиционной семьи при отказе от социальных экспериментов предыдущего десятилетия. В частности, вводились более жесткие санкции за уклонение от родительских обязанностей, развивалась система опеки, устанавливался запрет на совершение абортов [1, с. 52]. В годы Великой Отечественной войны советское правительство прибегла к наиболее радикальным мерам вмешательства в семейную сферу: ввело налог на холостяков, малосемейных и бездетных граждан (частично отменен в середине 1950-х гг.; для последней категории сохранялся вплоть до 1992 г.), существенно ограничило право на развод (реформировано в середине – второй половине 1960-х гг.) [4, с. 14-21]. Но вместе с тем именно в указанный период центральным императивом семейного законодательства, оставшимся неизменным по сей день, стала правовая охрана интересов несовершеннолетних детей.

Конституция РСФСР 1978 г., принятая в ознаменование периода «развитого социализма», закрепляла продолжение курса на социальную защиту и государственные гарантии семьи. В ст. 53 прямо провозглашалось, что «*семья находится под защитой государства… материнство и детство охраняются государством*»[4]. Эти формулировки не только упрочили юридический статус семьи и несовершеннолетних, но и подчеркивали направленность государственной политики на обеспечение их благополучия. Кроме того, ст. 40 закрепляла право на образование, а ст. 41 – право на медицинскую помощь, что в совокупности сформировало систему базовых социальных гарантий, в т.ч. для подрастающего поколения.

Принципиально важным новшеством стало признание семьи в качестве самостоятельной конституционной ценности, нуждающейся в охране со стороны государства. Если в Конституции РСФСР 1937 г. семья оставалась скорее фоном для политики охраны материнства и детства, то к 1978 г. ее статус получил институциональное оформление. Это корреспондировалось и со смежными законами – новыми Кодексом законов о браке и семье РСФСР 1969 г., Уголовным кодексом РСФСР 1960 г., Законом РСФСР от 2 августа 1974 г. «О народном образовании» и другими нормативными актами. Государство принимало на себя обязательства по профилактике семейного неблагополучия, обеспечению жилищных прав семей с детьми, поддержке отцовства и материнства.

1 Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР.1918. № 51. Ст. 582.

2 Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: утв. постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

3 Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: утв. постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. // СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.

4 Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: принята Верховным Советом РСФСР 12 апреля 1978 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

Однако советская семейная политика демонстрировала противоречия между декларируемыми целями и практикой. Как отмечает О. А. Хасбулатова, формальное равенство женщин и мужчин не устраняло двойной нагрузки на женщин, особенно в сельской местности, где совмещение труда и домашних обязанностей оставалось нормой. Инфраструктура детских учреждений отставала от потребностей, а вовлечение женщин в производство конфликтовало с традиционными семейными ролями. А официальное отрицание семейно-бытового насилия и алкоголизма (преимущественно мужского) усугубляло кризис семейных отношений, сопровождавшийся ростом разводов в 1960-1970-х гг. после либерализации процедуры. Государственная пропаганда ценностей крепкой советской семьи едва ли справлялась с указанными проблемами [5, с. 8].

Безусловно, государственные меры поддержки способствовали расширению декретных отпусков, жилищные программы для молодых и многодетных семей, антиалкогольные кампании. Однако, по данным А. Г. Вишневского, материальная помощь оставалась символической: например, пособие за третьего ребенка (50 рублей) не улучшало благосостояния, а льготы часто блокировались местной бюрократией. Несмотря на конституционные гарантии, реализация прав зависела от региональных факторов, что вызывало критику граждан, фиксируемую в обращениях в государственные инстанции. Таким образом, политика сочетала прогрессивные инициативы с системными дисбалансами, ограничивавшими их социальный эффект [7, с. 42-46].

Анализ эволюции конституционного регулирования охраны семьи и несовершеннолетних в РСФСР позволяет выделить несколько устойчивых тенденций. Во-первых, это движение от игнорирования семейной проблематики к ее признанию и закреплению в качестве самостоятельной задачи государственной политики. Во-вторых, последовательное расширение социальных гарантий, направленных на защиту детства, включая образование, медицинскую помощь, условия для воспитания. В-третьих, постепенная институционализация семьи как правовой категории, начиная с конца 1930-х гг. При этом проблемным аспектом советской модели правовой защиты семьи и несовершеннолетних выступало отсутствие сбалансированного подхода к взаимодействию между правами государства и правами семьи как автономного субъекта. Несмотря на прогрессивные нормы, реализация прав детей и родителей часто подменялась идеологическим контролем, а вмешательство государства могло быть избыточным, но неэффективным.

Таким образом, правовая защита семьи и несовершеннолетних в советский период прошла путь от идеологического игнорирования до институционального признания и нормативного закрепления. Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. заложили общие основы социальной политики, ориентированной на трудящихся, но не выделяли семью как объект правовой охраны. Лишь в 1937 г. охрана материнства и детства стала конституционной нормой, а к 1978 г. получила развитие в виде полноценных гарантий и признания ценности семьи как социальной и правовой категории. Эти процессы свидетельствуют о постепенном переходе от утопического идеала социального преобразования к более реалистической модели социального государства, пусть и в пределах коммунистической идеологии. Понимание эволюции этих положений позволяет современному российскому законодательству учитывать как достижения, так и недостатки советской правовой традиции, обеспечивая баланс между интересами государства и автономией семьи в рамках правового государства.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев В. Л. Уголовно-правовая охрана интересов семьи и несовершеннолетних в советский период // Безопасность уголовно-исполнительной системы. 2010. № 3. С. 51-54.
2. Галкин А. Г., Джадан Е. И. Защита прав несовершеннолетних в Советском государстве: ретроспективный анализ законодательства // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 3. С. 42-53.
3. Перова М. А. Власть о несовершеннолетних гражданах: детство в семейной политике советской России 1917-1930-хх гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16, № 4. С. 50-57. DOI: 10.14529/ssh160407.
4. Полянский П. Л. Реформирование советского семейного права в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 1998. 21 с.
5. Хасбулатова О. А., Смирнова А. В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX – начале XXI века (историко-социологический анализ) // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 3-14.
6. Чепрасова Ю. В., Некрасов Д. Д. Правовые основы защиты семьи и несовершеннолетних в России: историческая эволюция и современная практика // Эпоха науки. 2024. № 40. С. 67-70.
7. Эволюция семьи и семейная политика в СССР / Отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: Наука, 1992. 140 с.

ПРОХОРОВ Владимир Владимирович
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь

Прохоров В. В.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОВД КРЫМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.: МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются методы и принципы историко-правового исследования проблемы организации и деятельности органов внутренних дел Крыма в первой половине 1920-х гг. В статье проанализированы наиболее значимые труды, объективно освещающие процесс поиска и выбора методов и принципов историко-правового исследования указанной проблемы. Особое внимание уделяется общенаучным, историческим и специально-научным методам исследования, которые служат инструментом в получении фактического материала, являясь необходимым условием достижения поставленной цели. Показаны общефилософские принципы, которые способствуют раскрытию историко-правовой специфики проблемы.

Ключевые слова: методология, историко-правовое исследование, методологическая основа, органы внутренних дел, метод, научное познание, анализ, научный подход, РКМ, ОВД, исследование, рабоче-крестьянская милиция, научные принципы.

PROKHOROV Vladimir Vladimirovich
Ph.D. in historical sciences, associate professor, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE CRIMEAN INTERNAL AFFAIRS DIRECTORATE IN THE FIRST HALF OF THE 1920S: METHODS AND PRINCIPLES OF HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

The article examines the methods and principles of historical and legal research into the problem of the organization and activities of the internal affairs bodies of Crimea in the first half of the 1920s. The work analyzes the most significant works that objectively illuminate the process of searching and choosing the methods and principles of historical and legal research of this problem. Particular attention is paid to general scientific, historical and special scientific research methods that serve as a tool in obtaining factual material, being a necessary condition for achieving the set goal. General philosophical principles that contribute to the disclosure of the historical and legal specifics of the problem are shown.

Key words: methodology, historical and legal research, methodological basis, internal affairs agencies, method, scientific knowledge, analysis, scientific approach, RCM, IAB, research, workers' and peasants' militia, scientific principles.

Поступательное развитие современного российского государства неразрывно связано с укреплением национального суверенитета, территориальной целостности, своевременным определением угроз как внутренней, так и внешней безопасности. Признание безопасности в качестве одного из основных условий нормального развития общества и государства неразрывно связано с проблемой эффективности работы отечественных силовых структур на переломных этапах истории российского государства. В этом направлении сегодня активизированы процессы углубленного объективного изучения и переосмысления важнейших проблем истории правоохранительных органов России и ее составной части – органов внутренних дел.

Исследование данной проблематики является одной из актуальных задач для современных историков права, изучающих прошлое государственного аппарата России. Этому способствует и то, что после распада СССР исчезла партийная и идеологическая цензура, негативно влиявшая на объективность историко-правовой науки. Чьей идейной основой перестали быть догматизированные представления, а их место заняли методологические ориентиры, опирающиеся на исследования ученых, свободных от идеологических установок.

Совершенствование организационной структуры органов полиции и ее деятельности, является задачей первоочередной важности, решение которой в значительной мере зависит от учета исторического опыта и нового взгляда на деятельность отечественных органов правопорядка. Одним из аспектов изучения указанной проблемы является всестороннее исследование и объективное освещение организации и деятельности органов внутренних дел Крыма в первой половине 1920-х гг. [1, с. 9].

Исследования организации и деятельности ОВД Крыма, в указанный период, имеет комплексный, междисциплинарный характер, с базовыми принципами гуманитарных наук – отечественной истории и истории государства и права. Одновременно основа исследования отстраивается на научных принципах, которые способствуют более полному и глубокому раскрытию как общих, так и специфических особенностей истории организации и деятельности крымских ОВД первой половины 1920-х гг.

При изучении данной проблемы следует точнее очерчивать историческое соответствие истине, предотвращать предвзятости и тенденциозности, пытаться как можно глубже осветить основные аспекты, связанные с историей организации и деятельности органов крымской рабоче-крестьянской милиции в 1921-1925 гг. Именно использование различных научных методов позволит отойти от устаревших схем и стереотипов, доказать ошибочность общепринятых взглядов, навязывавшиеся как догмы о роли и месте РКМ в системе правоохранительных органов прошлых лет.

В каждом историко-правовом исследовании, как и в любом другом, большое значение имеет методологическая основа работы [2, с. 117]. Общеизвестно, что такую основу составляет комплекс научных подходов, принципов и методов. Поэтому, для достижения поставленной цели наиболее оптимальным, на наш взгляд, является применение традиционного, при изучении истории общественно-политических и государственно-правовых систем институционального подхода в сочетании с элементами исторического и логического методов. Применительно к теме исследования, это означает выявление организационной структуры, качественного и количественного состава сотрудников РКМ, функциональных особенностей системы ОВД, характера их взаимодействия с различными государственными и общественными институтами и многое др. [3, с. 15-16].

В целом в историко-правовом исследовании должны использоваться как общенаучные, так и специально-научные методы. Среди общенаучных, бесспорно, наиболее употребляемыми являются: анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, объяснение и др. Они выступают как конкретные, познавательные средства отдельных фактов и событий.

Более целенаправленно в ряду общенаучных методов, как уже указывалось выше, используются исторический и логический. Так, при изучении организации и типов руководящих структур ОВД, действовавших синхронно, анализируются функции, задачи и штатная расстановка уездных, районных, городских, окружных и республиканских управлений РКМ. Вместе, при исследовании, эти управления описываются во временном пространстве. Наиболее четко это можно проследить на примере развития территориальных управлений РКМ полуострова, история которых началась в конце гражданской войны, а закончилась в последний период восстановительного процесса.

Кроме упомянутых выше, необходимо использовать диалектический метод научного познания. Диалектический метод предполагает любое явление рассматривать в двойственности его свойств и характеристик, находить их противоречия, взаимосвязь (обусловленность, единство, зависимость).

Вместе с общенаучными методами исследования следует применять собственно исторические методы, к которым относятся: хронологический; синхронный; периодизации; сравнительно-исторический или историко-сравнительный; ретроспективный; структурно-системный и др.

Хронологический – предусматривает изложение исторического материала в хронологической последовательности.

Синхронный – предусматривает одновременное изучение разных событий и явлений, которые происходят в обществе. Вместе с этим он, обуславливая изучение разных событий и явлений, позволяет выделить как общее, так и отличное, особенное в параллельных событиях, экономической, политической и духовной сферы, правоохранительной деятельности ОВД. В сфере борьбы с уголовной преступностью, должны определяться объективные показатели этой борьбы в разных уголках Крыма, а также их принципиальные региональные различия.

Метод периодизации – даёт возможность выявить изменения качественных особенностей и установить моменты этих изменений.

Историко-сравнительный метод, с помощью которого в исследовании последовательно раскрываются характерные черты, функции и изменения реальности, изучаемых в процессе ее исторического движения. Историко-сравнительный метод – позволяет установить общие тенденции, которые присущи подобным процессам, выявить пути их развития. При этом, выявляются как их общие черты, так и различия, обусловленные особенностями развития.

Этот метод позволяет выяснить причины, последствия и закономерности исторического развития. Сравнивая, к примеру, однотипные управления рабоче-крестьянской милиции, можно сделать вывод о том, что они развивались в прогрессивном направлении. Имея, при этом едином общем направлении деятельности, свои специфические черты. Так, организационно-штатная структура этих управлений изменялась несколько раз, учитывая территориальные, географические, экономические и др. факторы.

Ретроспективный метод – позволяет восстановить процесс по выявленным типичным чертам и показать закономерности его развития. Ретроспективный метод историко-правового исследования предполагает, прежде всего, изучение элементов предыдущего, сохранившегося до ближайших исторических времен. Этот метод позволяет реконструировать на их основе явления, которые происходили в прошлом. Поэтому с большой долей достоверности ретроспективный метод способствует воспроизводству объективной научной и исторической действительности.

Структурно-системный метод позволяет рассматривать объект со всеми его основными чертами как единое целое. Так, Народный комиссариат внутренних дел состоял из ряда Главных управлений и управлений. В отдельных хронологических рамках они функционировали параллельно. Таким образом, в первой половине 1920-х гг. существовали различные руководящие подразделения, которые образовывали единую систему центрального аппарата наркомата внутренних дел.

Структурно-системный метод, в свою очередь, предопределяет структурный и функциональный анализ. Как известно, первый направлен на раскрытие структуры системы, второй – на исследования функций. Структурно-функциональный анализ, раскрывает строение, структуру, функции и развитие системы ОВД. При этом каждый элемент этой системы не только играет особую роль, но и включает в себя составляющие, более низкого уровня. Функционально они дополняют друг друга. Так, при раскрытии этой системы четко определяется линия: органы милиции – уголовный розыск – вспомогательные службы, вертикаль подчиненности.

Историко-генетический метод позволяет максимально точно воспроизвести реальную историю объекта. Хотя историко-генетический метод в историко-правовом исследовании предстает наиболее универсальным, гибким и доступным, зато он требует и широкого сочетания с другими историческими методами. Историко-генетический метод является достаточно продуктивным. Он позволяет последовательно раскрыть свойства, функции, задачи и изменения, происходившие, в частности, в органах рабоче-крестьянской милиции и правоохранительной системе вообще, в их историческом движении.

В целом в исследовании должны использоваться не только общенаучные и исторические, но и специально-научные методы исследования, такие как: метод статистики; математический метод анализа; метод социологического исследования; метод социальной психологии. Все эти методы находятся в диалектическом единстве, взаимосвязи, дополняют один другого, что позволяет обеспечивать объективность и истинность познавательного процесса.

Благодаря специальным методам, можно осуществить обработку различных архивных отчетных материалов и цифровых данных, что помогает проследить за изменениями в качественном и количественном составе работников ОВД, как в руководящих, так и в низовых звеньях рабоче-крестьянской милиции Крыма, а также выявить динамику роста или снижения количества уголовных преступлений и правонарушений.

В ходе историко-правового исследования, безусловно, учитываются как хронологический, так и географический факторы. И если первый способствует точному установле-

нию протекания процессов и событий в их временной последовательности, обнаруживая внутренние и внешние связи, закономерности и противоречия, то другой учитывает влияние пространственной среды.

В настоящее время широко используется ряд подходов к изучению истории органов внутренних дел. Так, более полному изучению организации и деятельности крымской рабоче-крестьянской милиции указанного периода способствуют формально-юридический и структурно-функциональный подходы, позволяющие в первом случае проанализировать общероссийские нормы права и ведомственные документы тех лет, во втором – определить функции каждой системной единицы по отношению к системе как к целому.

Данные подходы позволят рассматривать ОВД Крыма как особую государственную структуру с соответствующим организационным строением и совокупностью внешних связей [4, с. 72].

При изучении организации и деятельности крымской рабоче-крестьянской милиции первой половины 1920-х гг. ни менее важно придерживаться определённых научных принципов изучения общественных процессов. Такие принципы являются определёнными установками, которые определяют отношение исследователя к историческим фактам, источникам, методам изучения и получение из всего этого определённых выводов. Принципы, которые отвечают реальному историческому процессу, позволяют получить научные, отвечающие исторической истине, результаты познания.

Первый принцип – принцип историзма, который требует рассмотрения всех исторических явлений, фактов и событий с точки зрения того, как они возникли, какие основные этапы в своём развитии они преодолели, и, учитывая весь исторический процесс, выяснить, чем это явление стало, в конечном счёте. Принцип историзма требует того, чтобы история не выглядела как случайный набор событий и фактов.

Принцип историзма требует учитывать, что объектом исследования является предшествующее развитие человеческого общества, подчиняющееся объективным законам и целенаправленной деятельности людей; выявления и критического рассмотрения максимально полного набора фактов в соответствии с конкретной обстановкой, в их взаимной связи и причинной обусловленности; изучения каждого исторического события и явления в динамике: как они возникли в объективном времени и пространстве, какие главные этапы прошли в своем развитии в ходе взаимодействия различных социально-политических сил, чем стали на тот или иной момент времени.

Принцип историзма позволяет «вжиться» в те социально-политические и экономические процессы и проследить за изменениями проходившими, как в организационно-штатном, так и функциональном аспекте развития ОВД полуострова. На что в своё время указывал профессор И. Д. Ковальченко, говоря о том, что: «... при изучении прошлого историк глубоко вживается ... в историческую эпоху ... без «вживания» в исследуемое целое нельзя «сопереживать» и понять индивидуальное ...» [5, с. 305].

Другим принципом является принцип объективности. Этот принцип научного исследования вытекает из взгляда на историю как на объективный процесс, который можно познать и который подлежит объективному познанию. Объективность даёт возможность рассматривать исторический процесс как объективную закономерность, которая определяет процесс общественно-политического развития.

Принцип объективности требует от того, кто изучает историю, опираться только на реальные факты, в их истинном содержании, не искривляя их и не подгоняя под заранее созданные схемы и выводы.

Принцип объективности обязывает рассматривать конкретные события и явления во всей их сложности, многогранности и противоречивости, опираться на совокупность положительных и отрицательных фактов в их истинном смысле, независимо от субъективных предпочтений.

Третьим принципом изучения истории является принцип социального подхода. Данный принцип предусматривает рассмотрение исторических процессов с учётом социальных интересов разных слоёв населения, разных форм их проявлений в обществе, в т.ч. в экономической сфере, в политической борьбе, в противоречиях социальной психологии и традиций.

Не менее важный принцип корреляции, т.е. установление объективной картины соотношения, взаимозависимости предметов и явлений. Он позволяет лучше осмыслить взаимосвязь органов правопорядка с большевистской властью, определить отношение различных социальных групп к деятельности ОВД и т.п.

Необходимо также учитывать принцип гуманизма, который преподносит приоритет общечеловеческой морали над всеми государственными, национальными, классовыми, групповыми и др. интересами [6, с. 205-206].

Широкое использование научных принципов, общенаучных и специальных методов исследования, способствует объективному выяснению всех черт, присущих процессу изучения организации и деятельности крымской милиции в восстановительный период. Они позволят объективно осветить основные этапы историко-правового развития ОВД на полуострове, сделать качественное сравнение и типологизацию отдельных явлений, ретроспективно воспроизвести некоторые сложные моменты создания вначале 1920-х гг. РКМ Крыма. Позволяет по-другому оценить те сложные процессы, происходившие в 1921-1925 гг. на полуострове.

Пристатейный библиографический список

1. Прохоров В. В. Организационное становление рабоче-крестьянской милиции Крыма: моногр. – Киев: Телесик, 2007. – 240 с.
2. Санцевич А. В. Методика исторического исследования. – Киев: Наукова думка, 1990. – 190 с.
3. Кожевина М. А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование (1918-1991 гг.): дис. ... докт. юрид. наук: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве». – Москва, 2005. – 416 с.
4. Чердаков О. И. Формирование правоохранительной системы Советского государства, 1917-1936 гг. (историко-правовое исследование): дис. ... докт. юрид. наук: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве». – Саратов, 2002. – 471 с.
5. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – Москва: Наука, 1987. – 486 с.
6. Додонов А. Ф. О принципах и методах исследования политической деятельности советских работников в 60-80-е годы // Научные труды исторического факультета Запорожского государственного университета. - 2001. – Вып. XIII. – С. 202-210.

ТИТОВ Владимир Юрьевич
кандидат исторических наук, доцент кафедры естественно гуманитарных дисциплин, Московский государственный технический университет гражданской авиации

РОЛЬ «ПОЛИТИЧЕСКИХ СКАЗОК» И СОЦИАЛЬНОГО ВЫМЫСЛА В ИЗУЧЕНИИ ДЕЛИГИТИМНЫХ СЛУХОВ, ОТРАЗИВШИХСЯ В ДОКУМЕНТАХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВОВ СОВЕТСКОЙ СИБИРИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Статья анализирует архивные материалы по проблеме формирования протестных настроений в СССР. Основой формирования протестных настроений были: делегитимные и легитимные слухи, распространенные в общественном мнении. Выявлены следующие уровни распространения протестных слухов: сакральные, десакральные, критически осмысливающие действительность, жалобы-протест, «политические сказки».

Ключевые слова: архивные фонды, сакральные слухи, десакральные слухи, критически осмысливающие действительность жалобы-письма, жалобы-протест, «политические сказки».

TITOV Vladimir Yurjevich
Ph.D. in historical sciences, associate professor of Natural sciences and humanities sub-faculty, Moscow State Technical University of Civil Aviation

THE ROLE OF «POLITICAL FAIRY TALES» AND SOCIAL FICTION IN THE STUDY OF ILLEGITIMATE RUMORS REFLECTED IN THE DOCUMENTS OF THE FEDERAL AND REGIONAL ARCHIVES OF SOVIET SIBERIA, THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

The article analyzes archival materials on the problem of the formation of protest sentiments in the USSR. The basis for the formation of protest sentiments were: delegitimate and legitimate rumors spread in public opinion. The following levels of protest rumors have been dumped out: sacred, desacral, critically reflecting on reality, protest complaints, and political fairy tales.

Keywords: archival funds, sacred rumors, desacral rumors, critically comprehending the reality of complaints-letters, protest complaints, political fairy tales.

«Политические сказки» (выявлены в процессе исследования) – ситуация, когда противоречия между декларированным и реальным положением вещей сформировали в обществе ряд мировоззренческих установок, вступавших в конфронтацию с идеологией официальной пропаганды. В силу отсутствия политического плюрализма, эта тенденция усилила роль в общественном мнении, такого явления, как политический вымысел (находим отражение: в фондах региональных архивов, особенно в коллекциях рассекреченных дел. Например, под влиянием выдуманных слухов, в среде крестьян-старообрядцев, в 1930 – 1932 гг. возникло восстание в Северном районе, Приморского края, в бассейне реке Бикин, охватившее 75 населенных пунктов, на площади 450 кв. км) [1].

Скорее всего, делегитимные слухи, носившие в истории советского общества характер оспаривания официальной точки зрения власти, всегда модифицировался в зависимости от юридического правосознания общества. Поэтому в каждой конкретной ситуации возникали уникальные вымыслы, интерпретирующие реальное положение дел.

Согласно советскому законодательству периода с 1922 по 1938 гг. протест или оспаривание роли советского правительства инкриминировалась, как контрреволюционная деятельность, согласно статьи 58 Уголовного кодекса 1922 г.

В данной публикации рассмотрено два блока материалов (документы ПУРов и дискуссия «красных партизан»), интерпретирующие протестные настроения советских граждан в провинции, с точки зрения политического вымысла, который имел место в среде обывателей Западной и Восточной Сибири.

1. Материалы, отложившиеся в документах ПУРов РККА. В 1921 – 1922 гг. члены Политбюро надеялось справиться с народным бунтом силой агитации – ПУРов (так как армия больше чем на три четверти была в тот период крестьянской). В их делопроизводствах скапливалась информация о самых разных социальных слухах, часто носивших характер протестов против советской. Выражались такие слухи: 1) в политических сказках крестьян, в особенности из демобилизованных красноармейцев, вернувшихся из РККА; 2) в анекдотах о вождях большевистской партии, что нашло отражение в протоколах общих собраний, проводимых сотрудниками ПУРов как с допризывной молодежью так с красноармейцами [2]. Наиболее распространенными вопросами, которые задавали пришедшие на такие беседы крестьяне, касались следующих разговоров:

– «скидки – накидки» – протестные настроения и «политические сказки», спровоцированные несовершенством законодательного регулирования по переделу земельных наделов, находящихся в пользовании крестьян;

– о Ленине и Сталине – это означало обсуждение преемственности власти, а наличие ноток сомнений, по поводу роли Сталина в революции, прямо указывает [3] на то, что в отношении нового руководства в крестьянском мнении существовали сомнения, протесты, оценки неодобрения [4];

– о Троцком («почему нет Троцкого?») – это любопытство и одновременно демонстрация своего несогласия с проводимыми в стране внутренними изменениями. Например, утверждение «Троцкий был хороший, его, поэтому убрали» [5];

– о гегемоне рабочем – такое мнение означало то, что рабочие, а вместе с ними горожане, с которыми ассоциировался рабочий класс, а затем и большевики, есть нахлебники на шеи у крестьян [6];

– антипартийные разговоры – осуждение линии РКП (б) – ВКП (б) за излишнюю бюрократизацию и явную репрессивную политику [7].

– о войне с Англией (такие слухи напоминали политические сказки, например). В этом вопросе больше преобладало выдумок о приближающемся конце «большевистской власти». Но именно эти слухи были единственными, что делало

протестные настроения крестьян тождественными протестным настроениям горожан. Во время разговоров о войне с Англией преобладали возгласы, не только осуждавшие большевиков, но как не парадоксально звучит, также одобрявшие любую милитаристическую политику правительства. В том числе, политику, направленную на подавление внутренней оппозиции из числа большевиков. Это были протестные настроения против коммунистов, высказанные людьми, жаждавшими взять реванш или отомстить большевикам за то, что пришлось пережить в годы гражданской войны. Именно с разговоров о близкой войне с Англией, в общественном мнении появляются толки оправдывавшие репрессии, как минимальное зло необходимое для защиты отечества [8].

2. Документы, интерпретирующие протестные слухи как реакцию партийной оппозиции на местах за интересы «крестсоюзов» и поддержку «красных партизан», отложившиеся в делопроизводствах ОГПУ – НКВД, специально подготовленных для заседаний Политбюро и связанных с понятием «термидор». Понятие «термидор» воспринималось членами Политбюро в 1920-х гг., как комплексное определение о праве крестьянства на обогащение. Предполагалось, что это гипотетически может привести к перерождению революции, в диктатуру мелкобуржуазных слоев общества, инструментом которых станут репрессии. Центром таких слухов считались «крестсоюзы» - некий аналог крестьянского профсоюза. В самом начале своего создания были коммерческими объединениями, помогавшими развивать оптовые продажи сельхозпродукции. Затем, стали обсуждать возможным на базе «крестсозов» создать представительные избы (места схода крестьян для решения своих вопросов), некий аналог небольшевистских профсоюзов на селе [9].

Похожая точка зрения нашла отражения в материалах дискуссии руководителя Западно-Сибирского края Р. И. Эйхе с секретарями Западно-Сибирского края в 1935-37-х гг., которую обозначали, как дискуссия «красных партизан». «Красные партизаны» - условное обозначение протеста «бывших людей» - это бывшие крестьяне Сибири, которые в годы гражданской войны создавали «таежные республики» и бандитствовали в тылу армии Колчака, а с установлением советской власти стали руководителями низовых организаций в партии и, в комсомоле. «Бывшие люди» не утеряли связь со своим прежним окружением, которое после НЭПа стало называться «кулачеством». Протест «красных партизан» нашел своё отражение в дискуссии и открытом противостоянии низовых руководителей Западносибирского края и структур кооперации против Р. Э. Эйхе [10].

Подобные слухи, интерпретирующие протест «бывших людей» имели место среди руководителей кооперативных организаций Дальнего Востока (особенно Магаданской области и Приморья) и Забайкалья против партийных руководителей губкомов, крайкомов [11].

Наилучшую характеристику слухов о «красных партизанах» передает листовка «От партизан Алтайского края», датированная 1928 г. Текст начинается с повествования о событиях гражданской войны. «Мы в ту пору, - писалось от имени партизан в листовке, - еще не были омрачены обещаниями равных свобод и не догадывались, что мы были, пушечным мясом … нашими руками шельмы творили “добрые дела”. А теперь народ понял, что Советская власть плюс коммунизм есть иго врагов – советских дворян …, которым во всем мире приходит капут, как опричнине, криминалам, Спартакам и пр. варварам, стремящимся с безумством взять разрушить, уничтожить и создать только в фантазиях то, что невозможно создать под насилием. Если не считать барских крепостных, то нет ни одной страны, в которой бы так были варварски уничтожены, зажаты в кабалу люди, как в нашей пресловутой большевистской России». Далее шло возмущение от имени крестьян двенадцатилетним царством «сумасшедших “господ ссыльных за народ”», которые сотворили безобразие и беспредел в великой стране. Охарактеризовав, таким образом, отчаяние бывших партизан, авторы листовки предлагали свои методы выхода из бедственного положения. «Пусть только дадут нам винтовки, мы покажем теперь, за кого пойдем воевать, говорит партизанщина». Сочинители листовки не сомневаются в том, что все невзгоды, которые терпит крестьянство, исходят от партии, поклоняющейся одному лицу – генсеку Сталину. Он «подобно шакалу мечется со своей звериной политикой, вкалывая свои кровожадные зубы в изглоданного мужика. Партизаны за него не пойдут»! Такой мотив следующего абзаца листовки. Содержание ее наводит на размышление, что полностью вся листовка вряд ли могла принадлежать перу бывших партизан. Скорее всего, такие мысли могли крепко сидеть в головах мужиков, но вряд ли они были высказаны вслух, да еще при народе. Утверждение «партизаны не пойдут» и было рассчитано на такую сомневающуюся бессловесную аудиторию [12].

Подобные слухи или политические домыслы, согласно УК 1922 и 1926 гг. угрожали политическому строю СССР и интерпретировались, как гипотетическая опасность мягкости революционного законодательства, что рассматривалось в качестве возможного перерождения всей системы политической власти. Например, известнейший советский правовед Я. В. Старосельский усматривал термидор не в открытом смещении кого-либо из коммунистических вождей на одном из съездов, а в полной замене общественного правосознания. Для подобных действий не хватало некой политической платформы, которая находила своё отражение в устных измышлениях «красных партизан» про «крестсоюзы» [13].

Пристатейный библиографический список

1. ГАПК – Государственный архив Приморского края, ф. 1588 (фонд «Рассекреченные дела спецхрана УП КГБ по Приморскому краю»), оп. 3, д. ПУ – 7048, тома 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 16, 17, 18.
2. РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 17 (фонд Центрального Комитета СССР), оп. 3, д. 181, л. 1-2.
3. РГАСПИ, ф. 17, оп. 87 – организационный отдел ЦК КПСС, материалы корреспондируют с публикациями в журнале «Революция права», за 1928 г., например, № 4. - С. 67-69.
4. РГАСПИ, ф. 17, оп. 112 – Оргбюро; ГАНИИО, ф. 1 (фонд обкома партии), оп. 1 – Иркутский обком и губком.
5. РГАСПИ, ф. 17, оп. 85 и 87 – коллекция документов внутренней оппозиции с мест.
6. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3.
7. РГАСПИ, ф. 82 (фонд В. М. Молотова), оп. 2, материалы корреспондируют с публикациями в журналах «Революция права» и «Революционная законность» за 1926- 1929 гг.
8. ЦДООСО – Центр документации общественных объединений Свердловской области, ф. (коллекция дел по показательным судам) 41, д. 137, л. 76.
9. РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, 87.
10. ГАНО – Государственный архив Новосибирской области, ф. П-3 (Канцелярия ВЛКСМ Новосибирской области), оп. 3, д. 83 и оп. 2, д. 233.
11. РГВИ ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, ф. 2411 (коллекция документов по освоению Севера) – коллекция документов по освоению Севера, ф. Р-2638 – коллекция документов по реабилитации советских граждан, ф. 3157 – фонд надзирателя Удыльских приисков.
12. ГАНО, ф. Р-1027 (коллекция рассекреченных дел), оп. 8, д. 4, л. 90.
13. Старосельский Я. В. Принципы построения уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. - 1927. - № 2. - С. 83.

ЛЫКОВ Андрей Юрьевич
соискатель кафедры теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

РЕЛИГИОЗНЫЕ И СВЕТСКИЕ НАЧАЛА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИДЕАЛАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

На основе анализа развития политико-правовой мысли в эпоху Средневековья (V – XV вв.) обосновано доминирование религиозного начала в политико-правых идеалах с постепенным усилением светского начала в ранних светских и антиклерикальных подходах (М. Падуанский, Ж. Боден). Несмотря на региональное своеобразие, общей целью средневековых мыслителей был поиск путей к установлению справедливости, всеобщего мира и общего блага, а зародившиеся в этот период идеи народного суверенитета и веротерпимости стали предпосылкой политико-правовых идеалов мыслителей Нового времени.

Ключевые слова: политико-правовой идеал, исламская политическая доктрина, народный суверенитет, веротерпимость, сакрализация власти, эволюция политико-правовых идеалов, история учений о праве и государстве.

LYKOV Andrey Yurjevich
competitor of Theory, history of state and law sub-faculty, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

RELIGIOUS AND SECULAR PRINCIPLES IN THE POLITICAL AND LEGAL IDEALS OF THE MIDDLE AGES

Based on the analysis of the development of political and legal thought in the Middle Ages (5th-15th centuries), the dominance of the religious principle in political and legal ideals with a gradual strengthening of the secular principle in early secular and anti-clerical approaches (M. of Padua, J. Bodin) is substantiated. Despite regional uniqueness, the common goal of medieval thinkers was to find ways to establish justice, universal peace and the common good, and the ideas of popular sovereignty and religious tolerance that arose during this period became a prerequisite for the political and legal ideals of thinkers of the New Age.

Keywords: political and legal ideal, Islamic political doctrine, popular sovereignty, religious tolerance, sacralization of power, evolution of political and legal ideals, history of teachings on law and state.

Для поддержания стабильности и поступательного развития государств юридическая наука формирует теоретические конструкции – политико-правовые идеалы, включающие целевые установки и нормативные образцы, достижение которых требует объединения усилий суверенной власти и всех политически организованных обществ и воплощения в общеобязательных нормах поведения (праве). Научную и практическую ценность представляет реконструкция таких идеалов прошлого, которая в рамках настоящего исследования осуществлена на материале средневековых цивилизаций Западной Европы, исламского мира, Востока и Руси.

В эпоху Средневековья продолжают развиваться политико-правовые идеалы, многие из которых оспаривают сложившиеся в различных государствах системы социального управления. Например, в древнеримском государстве появилась не только юриспруденция, но и христианское политическое мировоззрение [1], которое начало распространяться на всё большую территорию Земного шара в эпоху Средневековья в V – XV вв. Представители последнего нередко критиковали существующий правовой порядок и моделировали собственный политико-правовой идеал [2]. Фома Аквинский в XIII в. полагал, что лучшая форма правления достигается путём утверждения во главе государства человека с наивысшей добродетелью, который руководит добродетельными управленцами. Для Фомы Аквинского истиной является то, что «справедливые человеческие законы обязательны для исполнения, несправедливые – законами не являются» [3]. Как отмечается в ряде работ, «среди исследователей, называвших Фому Аквинского сторонником монархии, существуют разные точки зрения», которые интерпретируют эту монархию либо как абсолютную, либо как ограниченную. В. В. Жулев, подвергнув критике первую из приведённых им точек зрения, считает, что в качестве лучшей Фома Аквинский ведёт речь о такой форме правления, которая состоит «из … монархии, ограниченной законом, аристократии и демократии» [4]. Государства в условиях западноевропейского Средневековья часто находились в состоянии войны. Вероятно, по этой причине в XIII в. для Данте Алигьери политико-правовым идеалом выступал «всеобщий мир» [5] между людьми. Его достижение возможно только в условиях всеохватывающей монархии, где глава должен вести человечество «к земному счастью» [5]. Такой же является и задача мирового права, которое объединяет «людей друг с другом ради общей пользы» [5].

Рассматриваемый исторический период характеризуется и появлением мусульманской политико-правовой доктрины [6]. Влияние учений Пророка Мухаммеда VI – VII вв. на историю человечества и на формирование политико-правовых идеалов различными мыслителями и деятелями нельзя переоценить. Мусульманская доктрина отчасти совпадала с христианской. Например, в ней присутствовали идеи о любви и взаимопомощи, соблюдении гражданами договоров, а также, как правило, сакрализация правильного политического управления. Так, отмечал аль-Фараби, достижение благополучной жизни граждан осуществляется посредством управления просвещённого правителя, лучше понимающего функционирование государства, чем его подданные [7]. Такой правитель, по мнению Ибн Халдуна, управляет не деспотической монархией, а халифатом, в котором одновременно сочетаются как рациональная справедливость, так и важные религиозные ценности [8]. При этом последний упомянутый мыслитель считал, что идеальный государственный строй должен исключать чрезмерное налогообложение, так как это лучше стимулирует население к труду [9]. Под воздействием

идей мусульманской политико-правовой доктрины на Аравийском полуострове развилось могущественное теократическое государство – Арабский халифат, столица которого – Багдад, был одним из богатейших и густонаселённых городов этого времени [10].

Диалектика влияния друг на друга политики и религии стала основой многих политико-правовых идеалов на территории Земного шара эпохи Средневековья. Например, в Китае VIII – IX вв. Хань Юйем критикуются работы буддизма и даосизма, но при этом закладываются конфуцианские принципы управления государством [11], которые будут положены в основу государственной политики. В конце XIV в. конфуцианская идеология была утверждена Тхэджо в качестве государственной в Корее (королевство Чосон) [12]. В Тибете начиная с VII в. взамен религии «Бон» начинается процесс укоренения буддизма как официальной государственной идеологии, формируются различные школы [13]; в XV в. появляется концепция «человеческого перевоплощения» Гендун Дуба (первого Далай-лама) [14], что в дальнейшем приведёт на рубеже второй половины XVII в. к закреплению Агван-Лобсаном Чжамцо сакральной силы политической и религиозной власти Далай-ламы в качестве воплощения Авалокитешвары и установлению теократической формы правления [14]. Один из первых законодательных актов Японии VII в. «Конституция 17 статей», напротив, синтезировал идеи конфуцианства и буддизма [15] в VIII – IX вв. учение Кукайя ставило акцент на единстве духовной и светской власти [16], [17], а учение Сайтё – на роли монахов в управлении государством [18]; первый самурайский кодекс XIII в. «Дзёэй Сикимоку», закрепляя порядок отношений между сегуном и вассалами, содержал выдержки учений Конфуция, правила синтоизма и отдельные буддистские традиции [19], которые также нашли своё отражение в последующем кодексе «Бусидо» («Путь война»). «Истинный самурай в военном походе соблюдал три главных обета: не вспоминать свой родной дом, забыть о жене и детях, не думать о ценности собственной жизни», – замечает Е. Н. Трикоз [19]. При этом в Индии после арабских и тюркских завоеваний ислам становится основой для государственной политики в XIII – XVI вв. [20]. В свою очередь в Древней Руси XI в. Митрополит Иларион связывал происхождение власти князя с божественным замыслом и отстаивал идею равенства Руси с Византией через принятие христианства [21]. Политико-правовой идеал Илариона предполагал «гармонизацию отношений всех слоёв общества на основе «желанных действий князя в отношении подданных» [21].

Тем не менее не все политико-правовые учения Средневековья основывались на верховенстве религиозной власти. Некоторые политико-правовые идеалы имели исключительно социально-классовые основания (Например, в Англии Великая хартия вольностей «Magna Carta» 1215 г. была призвана защитить юридические права свободного населения посредством правил, ограничивающих действия королевской власти. В Японии «Роккаку-си сикимоку» в 1567 г. представлял собой договор между вассалами-земледельцами и даймё, где вассалам предоставлялись определенные гарантии; и т.д. [22]), а другие и вовсе критиковали деятельность церкви, что со временем приведёт к движению Реформации в Западной и Центральной Европе. Например, в XIII-XIV вв. политико-правовой идеал итальянского правоведа М. Падуанского предусматривал исключение церкви из политического управления [23] и сохранение за ней только духовно-просветительской функции. По мнению исследователя источником любой власти является народ [24] (идеи о том, что народ является источником власти, в концепции «корпоративного общественного договора» придерживался также немецкий философ раннего Нового времени И. Альтузий. Исследователь исходил из того, что верховная власть принадлежит всем членам государственного объединения, образующих простые частные объединения, а не «высшему коллегиальному или единоличному органу управления» [25]), республика видится наиболее предпочтительной формой правления [26], а спокойствие и мир есть лучшее благо [27]. В. С. Нерсесянц также выделяет так называемые «бюргерскую и крестьянско-плебейскую» ереси XIV – XV вв., где первые (Дж. Уиклиф, Ян Гус и др.) выступали против вмешательства церкви в дела государства, а вторые добивались и принятия мер антифеодального характера (позднее были и другие движения и идеи, представленные такими авторами как Т. Мюнцер (против эксплуатации людей церковью и князьями), Ф. Гетман, Т. Без, Дж. Бьюкенен и Э.-Ла Боэси (против монархической тирании [8]). Определённую параллель здесь можно провести с идеями на Руси в XV в. Н. Сорского (отказ церкви от богатств и земель), с одной стороны, и И. Волоцкого (имущество церкви как основа социального служения) – с другой [28]. В целом сам по себе расцвет эпохи Возрождения в первой половине XVI в. нередко связывается именно с различной критикой влияния церкви на общественные отношения. Например, М. Лютер в своих «95 тезисах» активно выступил против продаж церковных индульгенций [29], а Ж. Кальвин в «Наставление в христианской вере» предложил собственную доктрину божественного предопределения, где судьба и роль каждого человека считается заранее заданной «создателем» [30].

Проблема влияния религии затрагивалась в XVI в. и основоположником теории государственного суверенитета Ж. Боденом. Исследователь считал, что отсутствие веротерпимости является одной из причин религиозных войн и разрушения государства [31, p. 537]. Согласно Ж. Бодену, автор «не стремится определить, какая из форм религии является лучшей (существует только одна религия, одна истина, один божественный закон …), но если убеждённый в истинной религии государь захочет обратить своих подданных, разделённых на секты и фракции, он не должен пытаться принуждать их» [31, p. 537]. «Чем больше человек пытается сдерживать волю людей, тем более упрямыми они становятся, но, если государь сам по себе следует истинной религии без лицемерия или обмана, без применения силы или наказаний, он может обратить сердца своих подданных» [31, p. 537]. Это позволит избежать «беспорядков, неприятностей и гражданских раздоров» [31, p. 537] [перевод автора – *А. Л.*]. Исследователь при этом видел в централизации власти механизм преодоления государственной раздробленности. Но абсолютная власть правителя, по мнению Ж. Бодена, должна соответствовать «законам … природы» [31, p. 89, 318], иначе она становится тиранической. В других трактовках об этом в XV – XVI вв. также писал Максим Грек: «Царь» должен обладать такими качествами, как «любовь к правде, целомудрие, разум и мужество, кротость и милосердие, благость и человеколюбие». «Государь, несоответствующий названным критериям и качествам, не является "одушевлённым образом небесного Владыки"» [32], [33].

Осмысление политико-правовых идеалов эпохи Средневековья позволяет сделать вывод о том, что несмотря на кажущуюся монолитность, этот период характеризовался значительным многообразием и сложностью мысли отно-

сительно политико-правовых идеалов. Объединяющей чертой для большинства подходов к моделированию последних стало доминирование религиозного мировоззрения, которое служило основным источником легитимности власти и высшим критерием справедливости права, вело к повсеместной сакрализации власти правителя и к формированию теократических образцов государственного и общественного устройства. Вместе с тем в рассматриваемый период вызревали светские и антиклерикальные тенденции, критиковавшие богатство и политическое влияние церкви, выдвигавшие идею народного суверенитета как источника власти и предлагавшие принципы веротерпимости для предотвращения гражданских конфликтов, что впоследствии заложило фундамент для Реформации и Нового времени. Несмотря на всё многообразие подходов, мыслители сходились в универсальном стремлении к достижению высших целей: всеобщего мира, социальной гармонии, справедливости и общего блага, видя в них главное предназначение государства.

Пристатейный библиографический список

1. Лозинский С. Т. История папства. – М., 1986.
2. Блаженный Августин. О Граде Божием. Творения. Книги I-XIII. – Т. 3. – СПб., 1998.
3. Шестовских Н. А. Мораль и право в философии Фомы Аквинского // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 12. – С. 142, 146.
4. Жулев В. В. Проблема лучшей формы правления в трудах Фомы Аквинского // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2023. – № 1. – С. 76, 79.
5. Данте Алигьери. Монархия. – М., 1999.
6. Федосов И. В. Мусульманское право и влияние ислама на светское право в исторической ретроспективе и современности // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2021. – Т. 1, № 2 (98). – С. 59-61.
7. Камалетдинова А. Я. Философское видение аль-Фараби человека и общества // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 9 (443). – С. 87.
8. История политических и правовых учений / Под. ред. В. С. Нерсесянца. – М., 2004.
9. Зикирзода Х. Место и роль человеческого общества в воззрениях Ибн Халдуна // Вестник педагогического университета. Серия: Философские науки. – 2021. – № 1. – С. 53.
10. Jones E. L. Growth Recurring. Economic Change in World History. – Oxford, 1988.
11. Старостина А. Б. Конфуцианская концепция передачи Пути в работах Хань Юя // Ориенталистика. – 2020. – Т. 3, № 1. – С. 71, 78.
12. Пироженко О. С. Из истории корейского законодательства в XIV – XV вв. // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2023. – Т. 67, № 3. – С. 23-25.
13. Поммаре Ф. Тибет. Израненная цивилизация / Пер. с. фр. А. Чудовой. – М., 2005.
14. Островская-младшая Е. А. Тибетский буддизм. – СПб., 2002.
15. Попов К. А. Законодательные акты средневековой Японии. – М., 1984.
16. Трубникова Н. Н. Диалог буддиста и конфуцианца // Философия и общество. – 1997. – № 6. – С. 269-271.
17. Лепехова Е. С. Классификация буддийских школ в концепции Кукая // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 6-1. – С. 94.
18. Дашицыренова Э. П. Место и роль Сайтё: в истории японского буддизма // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 14. – С. 245-246.
19. Трикоз Е. Н. Военно-сословные кодификации в средневековой Японии: эпоха первых сёгунатов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. – Т. 24, № 4. – С. 970-971.
20. Груздев В. В. Государственное управление Делийского султаната в XIII-XV вв. (историко-правовой обзор) // Вестник Костромского государственного университета. – 2024. – Т. 30, № 1. – С. 202.
21. Мильков В. Иларион // Философская антропология. – 2019. – Т. 5, № 1. – С. 112.
22. Полхов С. А. «Роккаку-си сикимоку» – свод законов периода воюющих провинций // Ежегодник Япония. – 2011. – Т. 40. – С. 182.
23. Козлова Н. Н., Рассадин С. В. Мир(о)-порядок как основа «Социального» в доктрине Марсилия Падуанского // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2023. – № 2 (64). – С. 121, 125.
24. Борзов А. А. Философско-правовые учения Марсилия Падуанского о государстве // Юридическая мысль. – 2020. – № 3 (119). – С. 34.
25. Федюшкина А. И. Истоки федерализма в политико-правовом учении Иоганна Альтузия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2020. – № 3. – С. 178.
26. Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б. У. Есенова; науч. ред., вступит. ст., примеч. Г. П. Лупарева. – М., 2014.
27. Миронова Д. В. Г. Современные прочтения «Defensor pacis» Марсилия Падуанского // Историко-философский ежегодник. – 2021. – № 36. – С. 92.
28. Климков О. С. Современное изучение спора Нила с Иосифом // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 34-2. – С. 38-41.
29. Цыпкин Э. И. Реформация Мартина Лютера: предпосылки и причины (к 500-летию начала Реформации) // Вестник Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. – 2017. – № 1 (123). – С. 36.
30. Трунов А. А. Реформатское учение Жана Кальвина – теологическая основа пуританизма // Актуальные вопросы современной науки. – 2009. – № 7-1. – С. 31.
31. Bodin J. Six Books of a Commonweale / Ed. & eng. trans. by R. Knolles. – London, 1606.
32. Шевченко М. Н. К вопросу об идеале государственного устройства в сочинениях Максима Грека // Вестник Омского университета. – 2009. – № 3 (53). – С. 58.
33. Новиков О. А., Бурковская В. А. Образ тирана и идеального правителя в древнерусской политико-правовой литературе XII века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2017. – Т. 7, № 3 (24). – С. 99-103.

ИВАНОВ Филипп Валерьевич
аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович
доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного и международного права, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

САПОЖНИКОВА Маргарита Александровна
заместитель декана по профориентационной работе, Факультет судебных экспертиз и права в строительстве и на транспорте, ассистент кафедры правоведения, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

В статье рассматриваются правовые особенности, связанные с процессом возмещения судебных расходов в контексте конституционного судопроизводства Российской Федерации. Особое внимание уделяется анализу и особенностям применения правовых норм в рамках конституционного судопроизводства. Специфический характер данного вида судебного процесса, его уникальный статус создают целый ряд юридических и процессуальных задач, которые требуют тщательного изучения и анализа. В частности, особое значение имеет регулирование вопросов, связанных с возмещением судебных расходов: порядок их определения, условия и основания для их взыскания. Таким образом, данная тема является важной для развития российского законодательства и повышения качества работы судебной системы, в целом.

Ключевые слова: конституционный процесс, Конституционный Суд, судебные издержки, возмещение расходов, конституционное право, судебная система.

IVANOV Philip Valerjevich
postgraduate student, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich
Ph.D. in Law, Ph.D. in economical sciences professor, professor of State and international law sub-faculty, St. Petersburg State Marine Technical University

SAPOZHNIKOVA Margarita Alexandrovna
Deputy Dean for career guidance counceling, Faculty of Forensics and Law in Construction and Transport, assistant of Legal studies sub-faculty, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

PECULIARITIES OF REIMBURSEMENT OF LEGAL EXPENSES IN RUSSIAN CONSTITUTIONAL PROCEEDINGS

The article examines the legal aspects related to the process of court costs reimbursement in the context of constitutional court proceedings in the Russian Federation. Particular attention is paid to analyzing and understanding the application of relevant legal provisions within the framework of constitutional litigation. The unique nature of this type of legal process and its specific status present a number of challenges that require careful examination and analysis. In particular, the issue of court costs recovery is of significant importance. This includes the process of determining these costs, the conditions under which they may be recovered, and the grounds for such recovery. The regulation of these issues is crucial for the development of Russian law and the improvement of the quality of the country's judicial system.

Keywords: constitutional process, Constitutional Court, legal costs, reimbursement of expenses, constitutional law, judicial system.

Статьей 46 Конституции России каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Можно сказать, что нормы возмещения судебных расходов основаны на данном положении и что инструмент компенсации судебных расходов по своему целевому назначению является одним из элементов реализации этой нормы [1, с. 201]. Судебное восстановление прав и защита интересов в системе юстиции обычно связаны с определенными затратами для стороны-победителя. Это может включать оплату процессуальных услуг адвокатов, затраты на подготовку материалов, и прочие расходы, возникающие в ходе процесса. Условия и сроки возмещения этих расходов в России регулируются отраслевым законодательством. В процессе возмещения судебных расходов возможно выделить ряд ключевых аспектов: обращение за возмещением расходов, необходимость определения размера судебных расходов (принятие решения о возмещении), определение порядка и сроков их возмещения и фактическое возмещение (исполнение решения). В случае с конституционным судопроизводством, вопрос относительно порядка и сроков возмещения судебных издержек остается неразрешенным.

В современном конституционном судопроизводстве возмещение судебных расходов играет важную роль для обеспечения доступа к правосудию и защиты конституционных прав и свобод граждан. Однако, несмотря на определенный прогресс в развитии данной области, в гражданском или арбитражном судопроизводстве, о чем может свидетельствовать принятое 21.01.2016 года Пленумом Верховного суда РФ постановление № 1, то вопросы возмещения судебных расходов в рамках конституционного судопроизводства часто остаются недооцененными [2, с. 84].

Пленум дал разъяснения основным положениям законодательства, касающегося возмещения судебных издержек. При этом, несмотря на достаточно объемное содержание, в данном судебном акте осуществляется перечисление разных видов производств, к которым оно относится. В свою очередь, конституционное производство своего отражения в нем не нашло. Указанные обстоятельства видятся обоснованными, поскольку Верховный Суд России стоит во главе системы судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а его деятельность связана с систематизацией и разъяснением общих принципов и правил, применяемых этими судами в ходе собственного судопроизводства. В свою очередь, Конституционный Суд России выступает отдельным и независимым судом, не состоящим во властном подчинении по отношению к Верховному Суду России.

Таким образом, стандартные сроки для обращения за возмещением судебных расходов, установленные в статье 103.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и составляющие три месяца с момента вступления в силу окончательного судебного акта, не применяются в рамках конституционного судопроизводства. Это связано с тем, что порядок конституционного судопроизводства определяется специализированным Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ о КС РФ).

Говоря о конституционном судопроизводстве важно понимать его специфику и особенности, которые найдут и находят своё отражение, в том числе и в отношении возмещения судебных расходов. В некоторых случаях участие в конституционном судебном процессе может быть осущест-

влено без уплаты государственной пошлины или других судебных расходов, что способствует более широкому доступу к защите конституционных прав и свобод граждан, и реализации принципа доступности конституционного правосудия [3, с. 60]. Такие меры направлены на обеспечение равенства сторон и справедливости в конституционном судопроизводстве.

Проблема заключается в том, что ФКЗ о КС РФ не содержит конкретного регулирования вопросов о сроках и порядке возмещения судебных расходов. В результате возникает неопределенность в понимании того, каким образом это должно происходить, что в свою очередь может создавать дополнительные препятствия для доступа граждан к судебной защите и негативно сказываться на их доверии к правосудию. Эта нормативная размытость может привести к бессистемностям и неравенству в судебной практике. Принципы (критерии) возмещения судебных расходов, процедура и сроки их компенсации должны быть четко определены в данном специализированном законе, чтобы обеспечить единообразие и прозрачность в судебных процедурах. Установление исчерпывающего перечня видов расходов, подлежащих возмещению, также является важным аспектом для защиты прав граждан и обеспечения их равного доступа к справедливому рассмотрению дел.

Статья 100 вышеназванного закона содержит лишь отсылочную норму на Постановление Правительства РФ от 27.04.2005 № 257 (далее – Постановление), в котором аналогично отсутствуют положения о сроках возмещения судебных расходов заявителей, что в свою очередь указывает на определенный пробел в правовом регулировании рассматриваемого вопроса и предоставляет возможность обратиться за возмещением расходов в неопределенный срок после принятия итогового решения по делу, не исключая случаев злоупотребления правом. Названное Постановление содержит лишь одно упоминание о сроках возмещения, а именно не позднее 30 дней со дня получения структурным подразделением аппарата Конституционного Суда Российской Федерации решения Конституционного Суда Российской Федерации о возмещении расходов, что указывает лишь на процедуру, последующую удовлетворению обращения о возмещении расходов, не указывая и не конкретизируя порядок проведения такой процедуры и вид принимаемого решения.

Тот факт, что законодатель пошёл по пути такого «делегирования» полномочий исполнительной власти в части порядка и размера возмещения судебных расходов, вызывает определенные затруднения и может привести к разночтениям и неоднозначностям в реализации данного права, вопросы логичности такого выбора ранее уже становились предметом обсуждения в научном сообществе [4, с. 39].

При этом из названного Постановления возможно выделить очередную особенность конституционного судопроизводства в плане непосредственного исполнения решения о возмещении судебных расходов. В отличие от гражданского или арбитражного процессов, где за исполнение судебного решения, как правило, отвечает служба судебных приставов, то в конституционном процессе решение о возмещении судебных расходов принимает и исполняет сам Конституционный Суд России. Исключение составляет возврат государственной пошлины, которая возвращается за счет бюджета при обращении заявителя в налоговый орган. Данная особенность обусловлена тем, что в отличие от гражданских или арбитражных дел, которые инициируются на основе спора между сторонами, где суд выступает в роли арбитра и даёт оценку действиям (бездействию) сторон с точки зрения принятых норм права, Конституционный Суд России не участвует в судебных спорах в традиционном их понимании. Конституционное судопроизводство в общем смысле ориентировано на защиту интересов всего общества, поскольку, принимаемые Конституционным Судом решения, затрагивают не только конституционные права отдельно взятого лица (лиц) в конкретном случае, но и то, как нормы законодательства влияют на общественное устройство, судебную практику и правопорядок в целом. Поэтому, исполнение решения о возмещении судебных расходов самим Конституционным Судом подчеркивает его самостоятельность от других государственных органов, значимость конституционных прав, а так же важность и значение принимаемых судом решений, в контексте защиты и обеспечения верховенства действия Конституции.

Говоря о возможности внесения изменений в ФКЗ о КС РФ, стоит обратить внимание, что действующая правовая модель предполагает внесение изменений и дополнений именно в Постановление в части определения порядка и размера судебных расходов, а не в рассматриваемый закон. Обратившись к толковому словарю С. И. Ожегова под словом «порядок» понимается «последовательный ход чего-нибудь», «правила по которым совершается что-нибудь» [5, с. 504].

Таким образом, отсюда вытекает следующее, что указанный в ст. 100 ФКЗ о КС РФ термин «порядок» может быть интерпретирован как в узком, так и в широком контексте. В узком смысле сроки для подачи заявления (ходатайства) о возмещении расходов и сроки рассмотрения подобных ходатайств Конституционным Судом России могут быть определены в статье 100 ФКЗ о КС РФ, так как срок будет указывать лишь на определенный временной период в течение которого должно поступить и быть рассмотрено соответствующие обращение, не затрагивая и не относясь к самой процедуре, которая будет изложена в Постановлении. В случае расширительного толкования сроки возможно указать в Постановлении, тогда такой «порядок» будет охватывать всю процедуру от начала поступления обращения о возмещение расходов до начисления выплаты и определения её размеров. Двуличность понимания термина «порядок» подчеркивает его многозначность и гибкость в правоприменении. Важно учитывать, что в разных контекстах «порядок» может обретать различные значения, что влияет на процесс правоприменения.

В рамках действующего исследования и исходя из содержания правовых норм, описанных в ст. 100 ФКЗ о КС РФ, представляется целесообразным придерживаться ограничительного толкования, следовательно, и возможности установки временных рамок именно в ФКЗ о КС РФ, как в законодательном акте обладающим большей юридической силой и регулирующим вопросы именно конституционного судопроизводства, создало бы более ясные и однозначные правила для всех участников процесса, в противном случае такое разграничение «полномочий» между исполнительным органом и законодательным актом может усложнить процесс. Кроме того, само по себе конституционное судопроизводство является по характеру публично-правовым [6, с. 710] и логично говорить, что в его нормативном регулировании преобладает императивный метод, тем самым определение срока обращения за компенсацией и сроков рассмотрения обращения о возмещении судебных расходов будет являться, как раз таки, проявлением такой императивности и одновременно с этим положительно скажется на балансе частно-публичных интересов, основ справедливости и доступности правосудия.

Помимо рассмотренных выше двух нормативно-правовых актов, важным будет рассмотреть положения параграфа 73 Регламента Конституционного Суда России (далее Регламент), в котором тоже содержатся положения о возмещении понесенных судебных расходов. Этот факт свидетельствует о том, что Регламент играет ключевую роль в организации процессов внутри Конституционного Суда России, обеспечивая более детализированные инструкции и процедуры. Примечательно, что Регламент включает больше сведений об установлении порядка возмещения расходов, чем непосредственно установлено в законе, хотя и Регламент посвящен вопросам внутренней деятельности суда.

Так, Регламент определяет, что в случае поступления обращения о возмещении судебных расходов, оно направляется в подразделение Секретариата Конституционного Суда России, после чего такое подразделение готовит справку, согласованную с руководителем финансового подразделения Конституционного Суда России, и потом обращение передается судье-докладчику для вынесения на рассмотрение в заседании. В Регламенте предусмотрена форма принимаемого решения – протокольная, а также указано, что сумма возмещения рассчитывается в каждом отдельном случае и основывается на принципе «разумной достаточности», чего не было отражено в Постановлении, которое, к слову, должно определять порядок и размеры возмещения. Установление протокольной формы принятия решений и применение принципа «разумной достаточности» служат гарантией того, что каждая ситуация рассматривается индивидуально, что способствует учету уникальных обстоятельств каждого дела.

Таким образом, применительно к регулированию возмещения судебных расходов в конституционном судопроизводстве, можно сказать, что ФКЗ о КС РФ содержит в себе их правовую основу. Он закрепил исчерпывающий перечень расходов, подлежащих возмещению, и в каких случаях у за-

явителя возникает право требования соответствующей компенсации, не конкретизируя размеры и сроки возмещения, указывая лишь на «разумные пределы» в случае оплаты услуг представителя и переводчика. Постановление, в свою очередь, конкретизирует положения ФКЗ о КС РФ, устанавливая определённые рамки и критерии расходов подлежащих к возмещению, не детализируя фиксированные суммы. Например, в случае железнодорожного транспорта компенсируется стоимость проезда в купейном вагоне скорого фирменного поезда и т.д. Говоря об услугах представителя, указывается, что они оплачиваются на основании подтверждающих документов, не упоминая о «разумных пределах». Регламент Конституционного Суда в большей степени регулирует порядок обращения за компенсацией от подачи до обработки обращения о возмещении, возможно сказать, что Регламент служит связующим звеном между внутренней организацией Конституционного Суда России и его внешними процедурами, непосредственно связанными с возмещением судебных расходов. Однако, относятся ли рассмотренные ранее положения Регламента к «вопросам внутренней деятельности» или все же их больше можно отнести к процессуальным или процедурным нормам, вопрос дискуссионный, но проблема определения предмета регулирования Регламента ранее уже находила своё отражение в ряде научных работ [7, с. 146].

В положениях Регламента так же отсутствуют упоминания о сроках рассмотрения заявлений о возмещении расходов. Тем не менее, некоторые сведения можно извлечь из комментариев к статьям Федерального конституционного закона о Конституционном Суде России. Из них следует, что «решение о возмещении расходов принимается Судом на ближайшем заседании после поступления ходатайства от заявителя с необходимыми документами, подтверждающими понесенные расходы», в продолжении указано, что возмещение осуществляется в наличной или безналичной форме и что установление «такой упрощенной» процедуры служит целям скорейшего восстановления прав заявителей [8, с. 564].

Таким образом, исследование правовых особенностей возмещения судебных расходов в Конституционном Суде России показывает, что отсутствует достаточная законодательная ясность по данному вопросу. Важно искать решения, которые соблюдают баланс между эффективностью правосудия и справедливостью для сторон, включающих в себя установление конкретных сроков для возмещения судебных издержек. Это способствует укреплению правового государства и защите граждан и позволит не допустить различные проявления недобросовестности. В целом, для разрешения рассматриваемых вопросов необходимо законодательно урегулировать два аспекта возмещения судебных расходов. Первое, временной период обращения с ходатайством за таким возмещением. Второе, порядок и сроки принятия решения Конституционным Судом России об удовлетворении требований и перечислении денежных средств.

В качестве разрешения сложившегося правового пробела в части установления сроков обращения видится целесообразным внести изменения в действующие законодательство. Например, установить, аналогично другим видам судопроизводства – арбитражному, гражданскому и административному, срок подачи заявления (ходатайства) о возмещении понесенных расходов в рамках конституционного судопроизводства в течение трех месяцев с момента вступления в законную силу постановления Конституционного Суда России, то есть со дня официальной публикации. Несмотря на то, что ФКЗ о КС РФ отсылает к Постановлению, определяющему порядок и размер возмещения понесенных расходов в конституционном судопроизводстве, необходимо вносить изменения именно в этот специализированный закон, как уже упоминалось ранее. Установление четкого трехмесячного срока для подачи заявлений о возмещении расходов поможет избежать неопределенности и обеспечит более справедливое обращение с заявителями. Введение аналогичных правил, как в других видах судопроизводства, также будет способствовать согласованию судебной практики.

Определение порядка рассмотрения обращения о компенсации судебных расходов содержится в двух нормативных документах: Постановлении и параграфе 73 Регламента. В связи с этим целесообразно систематизировать их положения касательно данной темы и закрепить в ФКЗ о КС РФ, возможно, с внесением изменений и корректировок. Систематизация норм, касающихся порядка обращения за компенсацией судебных издержек, в ФКЗ о КС РФ помогут создать более четкую и понятную правовую основу для участников судебного процесса. При этом действующая редакция предполагает закрепление порядка исключительно в Постановлении. Если с порядком принятия и рассмотрения обращения все относительно ясно, то вопрос урегулирования сроков остаётся открытым.

Что касается определения сроков рассмотрения заявлений о возмещении судебных расходов Конституционным Судом России, возможно, установить срок в три месяца с момента регистрации такого заявления в соответствующем подразделении Конституционного Суда. Учитывая и тот факт, что течение предложенного трехмесячного срока может быть приостановлено в связи с отправкой и получением заявителем корреспонденции, направлением Конституционным Судом России соответствующих запросов, необходимостью получения дополнительных подтверждающих документов и т.д. Рассматриваемый трехмесячный срок будет являться достаточным для проверки достоверности и обоснованности, предъявляемых заявителем требований и справедливым в той части, что обращение может быть удовлетворено и денежные средства будут выплачены многим быстрее оговоренного срока, тем самым упрочнив авторитет и доверие к органам конституционной юстиции. При этом оговоренный Постановлением 30-дневный срок, в течение которого принятое Конституционным Судом России решение о возмещении судебных расходов должно быть исполнено, стоит оставить неизменным, что будет согласовываться с аналогичными требованиями, принятыми в гражданском или арбитражном судопроизводстве.

Остаётся надеяться, что в ближайшем будущем нормативно-правовой вопрос порядка и сроков обращения за возмещением судебных расходов, найдет свое отражение на законодательном уровне. Этот новый подход будет способствовать справедливости и прозрачности в процессе работы Конституционного Суда России, что, несомненно, окажет значительную степень пользы для всей системы конституционного правосудия Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Четвергов А. И. Институт судебных расходов: Генезис, современное состояние и перспективы развития // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 4. – С. 201-215.
2. Зайков Д. Е. Судебные расходы в конституционном судопроизводстве: проблемы правового регулирования // Российский юридический журнал. – 2023. – № 2. – С. 83-90.
3. Брежнев О. В. Принцип доступности конституционного правосудия: содержание и гарантии // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 5. – С. 57-64.
4. Зайков Д. Е. Возмещение судебных расходов в конституционном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2019. – № 10. – С. 39-42.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000. – 940 с.
6. Нарутто С. В. Конституционный судебный процесс: понятие, признаки, особенности // Право и политика. – 2013. – № 5. – С. 708-713.
7. Петров А. А. Проблемы законодательного регулирования компетенции Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 9. – С. 141-156.
8. Андреева Ю. А., Балытников В. В., Бондарь Н. С. и др. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Под ред. Г. А. Гаджиева. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. – 672 с.

МУЗАЛЕВСКАЯ Ксения Владимировна
преподаватель кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева, Саратовская государственная юридическая академия

Музалевская К. В.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ

В статье рассматривается проблема обеспечения образовательного суверенитета России в контексте конституционно-правовых основ. Автор анализирует теоретические подходы к определению понятия образовательного суверенитета, его содержание и соотношение с конституционными принципами и ценностями и представляет авторское определение образовательного суверенитета. Особое внимание уделяется роли традиционных ценностей, исторического наследия и необходимости защиты образовательного пространства от внешнего идеологического влияния. Дальнейшее совершенствование правового регулирования в сфере образования должно быть направлено на укрепление конституционно-правовых основ образовательного суверенитета и обеспечения устойчивого развития государства.

Ключевые слова: образовательный суверенитет, конституционные принципы, традиционные ценности, Конституция России, образовательная политика.

MUZALEVSKAYA Kseniya Vladimirovna
lecturer of Professor I. E. Farber and professor V. T. Kabyshev constitutional law sub-faculty, Saratov State Law Academy

EDUCATIONAL SOVEREIGNTY: CONSTITUTIONAL GUARANTEES AND IMPLEMENTATION MECHANISMS IN RUSSIA

The article examines the problem of ensuring the educational sovereignty of Russia in the context of constitutional and legal foundations. The author analyzes theoretical approaches to the definition of the concept of educational sovereignty, its content and correlation with constitutional principles and values, and presents the author's definition of educational sovereignty. Special attention is paid to the role of traditional values, historical heritage and the need to protect the educational space from external ideological influence. Further improvement of legal regulation in the field of education should be aimed at strengthening the constitutional and legal foundations of educational sovereignty and ensuring the sustainable development of the State.

Keywords: educational sovereignty, constitutional principles, traditional values, the Constitution of Russia, educational policy.

В современных условиях глобализации и интеграции, появления новых вызовов и угроз, борьбы с международным терроризмом, особое значение приобретает необходимость обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, развития правовых механизмов укрепления единой государственной власти в стране и защита ее суверенитета во всех сферах в соответствии с национальными целями развития государства. Суверенитет, занимая ключевое место в иерархии политико-правовых ценностей каждого государства, постоянно привлекает внимание как ученых, так и практиков. Подталкивают к научным и общественно-политическим дискуссиям о содержании и типах суверенитета достижения научно-технического прогресса, изменения геополитических интересов государств, а также процессы глобализации [1, с. 215]. По мнению С. В. Кабышева, исключительную важность в текущей обстановке приобретает создание системных эффективных правовых механизмов, обеспечивающих именно качество реализации суверенитета [2, с. 3].

На современном этапе конституционного развития часто можно услышать о многочисленных разновидностях государственного суверенитета. Научные изыскания и политическая практика описывает такие виды как «технологический», «экономический», «культурный», «цифровой» суверенитет государства и другие. Появление новых видов государственного суверенитета в большей степени обуславливается развитием правоприменительной практики и резкой сменой геополитического положения России. Все представленные виды суверенитетов в значительной степени направлены как на обеспечение национальной безопасности, так и на укреплении государственной самодостаточности во внутренней и внешней политике. Как справедливо отмечает М. Н. Марченко, «Реальное содержание государственного суверенитета наполняется не только и даже не столько юридической, сколько экономической, социальной, политической и иной реально существующей, объективированной материей» [3, с. 187].

Геополитические и социокультурные вызовы обуславливают необходимость сохранения и укрепления национального суверенитета, что является приоритетной задачей для Российской Федерации. Ж. И. Овсепян подчеркивает, что «процессы глобализации делают актуальной концепцию конституционного регулирования государственных суверенитетов, которая могла бы обеспечить осуществление реального народного суверенитета и независимости государства, а также гарантии основных субъективных прав и свобод как условия обеспечения эффективности международных интеграционных процессов» [4, с. 29].

Одним из важнейших видов государственного суверенитета является образовательный суверенитет, который обеспечивает возможность государства самостоятельно определять цели, содержание и методы образовательной деятельности, в соответствии с национальными интересами и ценностями.

В юридической науке существуют различные теоретические подходы к определению образовательного суверенитета. Так, А. Э. Святогорова и Е. В. Сорокина определяют образовательный суверенитет как один из способов реализации государственного суверенитета, его разновидность. По их мнению, данный вид суверенитета выражается во внутренней и внешней независимости в реализации образовательной политики [5, с. 140]. А. В. Попова образовательный суверенитет определяет как «существование в государстве национально-ориентированной системы образования, способной обеспечить устойчивое формирование технического, технологического, цифрового, экономического, научного, культурного суверенитета государства» [6, с. 89]. Представля-

ется, что наиболее широкий подход, сочетает в себе все вышеперечисленные аспекты. Образовательный суверенитет – это многогранное явление, охватывающие все сферы общественной жизни и направленное на обеспечение устойчивого развития России как суверенного государства.

В целом термин «образовательный суверенитет» уверенно закрепился в общественно-политическом пространстве страны в 2022-2023 годы. В связи с этим очень важно рассматривать содержание, сущность и трансформацию государственного суверенитета, как института конституционно-правовых отношений, через обращение к основным конституционным принципам и ценностям.

Конституционное положение о многонациональном народе как носителе суверенитета Российской Федерации определяет особое значение образовательной политики для обеспечения государственного суверенитета. М. В. Варлен справедливо отмечает, что единое научно-образовательное пространство выступает в качестве фундаментального признака суверенной государственности, поскольку именно образование и воспитание формируют основу общественной жизни. Содержание образовательного процесса, заложенные в него идеи и принципы, а также эффективность их реализации оказывает непосредственное влияние на траекторию развития гражданского общества и укрепление российской государственности. В связи с этим, во многих странах образование рассматривается как одна из ключевых функций государства, которая требует значительных финансовых ресурсов и человеческого капитала. Именно государство, не смотря на наличие или отсутствие в тексте конституции принципа социального государства, призвано создавать условия для духовного и интеллектуального развития граждан посредством качественной организации образовательного процесса [7, с. 88].

Конституция Российской Федерации как основной закон государства создает конституционно-правовой механизм обеспечения образовательного суверенитета, реализуемого на основании конституционных принципов и ценностей в Российской Федерации.

Конституционный принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина обеспечивает реализацию прав и свобод личности в сфере образования, а именно, гарантирует каждому право на образование, признавая его неотъемлемым субъективным правом, в том числе гарантирует общедоступность и бесплатность основного общего и среднего профессионального образования, устанавливает обязательность общего образования, закрепляет право на конкурсной основе получить бесплатное высшее образование, определяет роль государства в поддержке различных форм образования (статья 43)[1].

Закрепляя свободу всех видов творческой деятельности статья 44 Конституции Российской Федерации гарантирует свободу научной деятельности и преподавания (часть 1) и право на участие в культурной жизни (часть 2), которые представляют конституционно-правовой фундамент, определяющий взаимосвязь академических прав и свобод, культурной идентичности и образовательного суверенитета. Свобода научной деятельности и свобода преподавания являются необходимым условием для реализации академических прав и свобод, стимулирования инновационной деятельности и обеспечения научно-технологического развития страны. Вместе с этим, право на участие в культурной жизни является основой для формирования национально-ориентированного образования, способствующего сохранению и развитию национальных культур, языка и традиций. Интеграция культурного компонента в образовательный процесс позволяет формировать у граждан чувство национальной идентичности и патриотизма, что является важным фактором в укреплении единства государства и общества. Данные конституционные положения подкрепляют стремление к созданию суверенной образовательной системы, способной не только обеспечить высокий уровень профессиональной подготовки, но и формировать гармонично развитую личность, обладающую критическим мышлением и пониманием российской культуры.

Принцип федерализма, закрепленный в Конституции Российской Федерации, обуславливает распределение предметов ведения между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта. Так, пункт «е» статьи 71 закрепляет установление основ федеральной политики и федеральных программ в области образования к исключительному ведению Российской Федерации. Данное положение не только определяет объем компетенций федерального центра в области образования, но и закладывает основу для формирования единого научно-образовательного пространства. Важной составляющей в конституционном механизме обеспечения образовательного суверенитета является закрепленное в Конституции полномочие федерации по установлению федеральных государственных образовательных стандартах (часть 5 статьи 43), которые определяют требования к содержанию образования, результатам освоения образовательных программ и условиям их реализации, при этом федеральные стандарты разрабатываются с учетом национальных интересов и ценностей, достижений современной науки и практики.

Развитие образования Российской Федерации является ключевым фактором укрепления ценностно-мировоззренческого единства многонационального российского народа, обеспечения исторической преемственности поколений, воспитания нравственно зрелой, интеллектуально развитой и социально ответственной личности, формирования для отраслей экономики и социальной сферы востребованных профессиональных кадров, воспринимающих стремление к успеху как неотделимую составную часть благополучия государства и общества в целом [8, с. 222].

Конституция Российской Федерации, признавая суверенную государственность России формой выражения общности судьбы многонационального народа Российской Федерации, основанной на воспринятой от предков любви к Отечеству (преамбула), исходит из того, что право на образование, закрепленное в статье 43, обеспечивающее интеллектуальное, нравственное, физическое развитие личности, должно осуществляться в условиях, опирающихся на культурно-историческое наследие и отвечающих жизненно важным перспективам российской цивилизации. Как неоднократно в своих решениях подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, огромное значение в сфере образования имеют, главным образом, интересы несовершеннолетних (обучающихся), создание условий для их личностного развития, самоопределения и социализации, формирования у них готовности к саморазвитию и ответственному отношению к своей жизни на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения[2].

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 года был обозначен четкий вектор развития системы образования Российской Федерации на базе синтеза всего лучшего, что было в советской системе образования, и опыта последних десятилетий [9]. Не вызывает сомнений, что такой подход, направленный на изменение системы образования, совершенствование программ и формирование национально-ориентированных образовательных векторов имеет стратегическое значение для обеспечения образовательного суверенитета России, позволит укрепить независимость национальной образовательной

1 Конституция Российской Федерации, принята 12 декабря 1993 г. на общероссийском голосовании, с изм., внес. Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, Федеральными конституционными законами от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 4196; № 27. – Ст. 4196; 2022. – № 41. – Ст. 6930, 6931, 6932, 6933.

2 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2018 г. № 41-П «По делу о проверке конституционности статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки И. В. Серегиной» // Вестник Конституционного Суда РФ. – № 1. – 2019.

системы от внешнего воздействия и избежать навязанных образовательных моделей.

В Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 совершенствование форм и методов воспитания и образования детей и молодежи в соответствии с целями государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей рассматривается в качестве необходимого условия и направления обеспечения национальной идентичности[3]. И напротив, насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в области образования, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности[4].

Бесспорно, современная геополитическая ситуация требует переосмысления роли образования в выстраивании стратегических подходов национального и государственного развития. Особую ценность представляет тезис С. В. Кабышева, который подчеркивает, что система образования формирует не только профессиональные компетенции, но и «нравственные императивы человека, его глубокую и осознанную связь с Отечеством, <…> Именно в образовании сплетается единое полотно времен и поколений, рождается чувство и понимание национальной идентичности, образ будущего страны» [10, с. 9-10]. Это положение становится ключевым для понимания образовательного суверенитета как способности государства определять стратегию развития образования в соответствии с национальными интересами.

Примечательно, что образовательный суверенитет имеет также и внешнюю форму выражения, через международное сотрудничество. При этом в целях защиты национальной системы образования от внешнего идеологического и культурного влияния принимаются меры по регулированию деятельности иностранных образовательных организаций на территории страны, а также по контролю за содержанием образовательных программ. Следовательно, становление новой системы образования, основанной на признании и гарантировании безусловного приоритета национальных ценностей, интересов и целей и соответствующем прагматическом подходе к международному сотрудничеству, которое может считаться приемлемым лишь на условиях равноправия, взаимной выгоды и подлинного диалога, является стратегической общенациональной задачей, историческим императивом российской государственности.

Проведенный анализ конституционно-правовых основ позволяет сделать вывод, что образовательный суверенитет - это способность государства самостоятельно определять стратегию развития образования, формировать единое образовательное пространство и устанавливать цели, принципы и содержание образовательной деятельности в соответствии с национальными традициями, ценностями и интересами, обеспечивая академические права и свободы, защиту образовательного пространства от внешнего идеологического влияния, формировать интеллектуальный, профессиональный и духовно-нравственный потенциал общества в интересах устойчивого развития суверенной государственности.

Таким образом, Конституция Российской Федерации формирует комплексный конституционно-правовой механизм обеспечения образовательного суверенитета, который основан на реализации конституционных принципов и ценностей. Данный механизм предполагает непосредственное участие государства в формировании образовательной политики, обеспечении равного доступа к образованию для всех граждан (в том числе иностранных граждан и лиц без гражданства), защите прав и свобод всех участников образовательных отношений, а также в формировании ценностных ориентиров и интеллектуального потенциала российского общества. Дальнейшее совершенствование правового регулирования в сфере образования должно быть направлено на укрепление конституционно-правовых основ образовательного суверенитета и обеспечения устойчивого развития государства.

Пристатейный библиографический список

1. Варлен М. В. Информационный, технологический, экономический и финансовый суверенитет как новейшие типы автономности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 9 (109). – С. 214-222.
2. Кабышев С. В. Суверенитет России: смысловое ядро и методология исследования в современных условиях // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 4. – С. 2-9.
3. Марченко М. Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 1 (246). – С. 186-197.
4. Овсепян Ж. И. Суверенитет как естественное публичное право: о модификации представлений о природе и характере суверенитета, об этапах (поколениях) и направлениях его научных исследований // Журнал российского права. – 2017. – № 2. – С. 14-29.
5. Святогорова А. Э., Сорокина Е. В. Конституционно-правовые основы реализации образовательного суверенитета // Юридическая наука. – 2023. – № 10. – С. 137-141.
6. Попова А. В. Образовательный суверенитет России: к вопросу о содержательной характеристике уникальной национальной системы образования // Проблемы современного образования. – 2024. – № 2. – С. 82-90.
7. Варлен М. В. Научно-образовательное пространство и суверенное будущее российского государства // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 10 (155). – С. 81-94.
8. Музалевская К. В. Конкретизация некоторых принципов государственной политики и правового регулирования в сфере образования в контексте конституционных изменений // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2024. – С. 218-223.
9. Ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010 (дата обращения: 01.08.2025).
10. Кабышев С. В. О стратегических вопросах развития российского образования: точка зрения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 9-17.

3 Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

4 Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

ЧУКСИНА Валентина Валерьевна
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Чуксина В. В.

ПРАВОВЫЕ РАМКИ СВОБОДЫ СЛОВА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В статье рассмотрены нормативно-правовые рамки регулирования содержания печатных произведений и их распространения в царской России и СССР. Проанализирована трансформация института цензуры СМИ от церковного до общегосударственного, носящего сначала императорский (личностный) характер, затем ярко выраженный идеологически-классовый (коммунистический). Сделан вывод, что российское цензурное право, несмотря на правовые издержки и последствия, выполняло важные общеполитические и воспитательные функции.

Ключевые слова: книгопечатание, СМИ, Русская церковь, цензура, цензурное право, нормативно-правовое, идеология, пролетариат, КПСС.

CHUKSINA Valentina Valerjevna
Ph.D. in Law, professor, Head of Legal support of national security sub-faculty, Baikal State University, Irkutsk

THE LEGAL FRAMEWORK OF FREEDOM OF SPEECH IN RUSSIAN HISTORY

The article examines the legal framework for regulating the content of printed works and their distribution in tsarist Russia and the USSR. The article analyzes the transformation of the institution of media censorship from ecclesiastical to national, which is first imperial (personal) in nature, then pronounced ideological and class (communist). It is concluded that Russian censorship law, despite the legal costs and consequences, performed important general political and educational functions.

Keywords: book printing, mass media, Russian Church, censorship, censorship law, regulatory law, ideology, proletariat, CPSU.

Когда-то более 50-лет назад известный канадский ученый М. Маклюэн предложил периодизацию истории человеческой цивилизации с социотехнических позиций развития средств распространения информации и коммуникации. Согласно его классификации, первый этап – это дописьменная культура. Вторым, с одной стороны, эволюционным, с другой – революционным этапом стала письменно-печатная культура, которая заложила основы развития средств массовой информации (далее - СМИ). М. Маклюэн показал, что различные медиа (средства) выступают в качестве внешних расширений человека [7]. Безусловно, можно не соглашаться с маклюэновским технологическим детерминизмом, но то, что средства производства и распространения информации могут играть революционную роль, сегодня вряд ли кто-то будет отрицать.

В российской истории введению в оборот понятия «СМИ» мы обязаны Отделу пропаганды и агитации при Центральном комитете Коммунистической партии Советского Союза.

Надо отметить, что еще до изобретения средств массового информирования – книгопечатания вопросы распространения «правильных» сведений (информации) для населения контролировались властными структурами. Другими словами, свобода слова и критерии допустимости введения правомерных ограничений в истории человеческого общества издавна находилась в рамках цензуры [9, с. 13]. Не явилась исключением и наша страна.

В России сначала церковь (патриаршество), Духовная Коллегия, затем и университеты строго следили за написанием церковных и юридических книг. В российский синодальный период (1721 г. - 1917 г.) высшим органом церковно-государственного управления церковью, одновременно административной и судебной церковной инстанцией, был Святейший Правительствующий Синод. Согласно указам Правительствующего Сената – органа государственного управления всеми важнейшими делами «чего государя и государства интересы требуют», цензура Богословских сочинений принадлежит Синоду. Запрещается печатать и продавать церковные книги и изображения без дозволения Синода, ввоз богословских книг, напечатанных за границею на русском языке, перевод иностранных богословских книг на русский язык без его разрешения. А также в вольных типографиях, чтобы не было светских книг, без надзора Академии наук. Первыми законоположениями о духовной цензуре (подлинно нормативными правовыми актами) стали: Уставы о цензуре от 9.07.1804 г. и от 10.06.1826 г., Устав о духовной цензуре от 22.04.1828 г., Свод уставов о цензуре 1857 г., Устав о цензуре и печати от 1890 г. Уставы о цензурных делах определяли принципы и нормы, регулирующие порядок, сроки цензуры, круг цензоров и отношения духовных цензурных комитетов к разным установлениям и частным лицам, к содержателям типографий, библиотек, и др. Цель цензуры запрещать издание или продажу произведений вредных в отношении к вере, престолу, добрым нравам и личной чести граждан»[1].

Духовная, ведомственная и местная цензура стали предшественниками общегосударственной. Особый интерес представляет Высочайше утверждённый устав о цензуре 1826 г. как основа цензурной реформы, определивший организаци-

1 Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре ведомства православного исповедания с 1720 по 1870 год. - Санкт-Петербург: Синод. тип., 1870. - 234 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.org/otechnik/pravila/sbornik-zakonopolozhenij-i-rasporjazhenij-po-duhovnoj-tsenzure-vedomstva-pravoslavnogo-ispovedanija.

онную структуру цензурной инстанции (в качестве цензоров стали чиновники цензурных комитетов), прозванный в силу жестких требований «чугунным уставом». В соответствии с ним учреждалось Главное управление цензуры, вверенное министру народного просвещения и Верховный цензурный комитет, в который входили министры народного просвещения, внутренних и иностранных дел, цензурные комитеты в С.-Петербурге, Московский, Виленский, Дерптский [11, с. 130-132]. При этом право церкви на цензуру сохранялось. «Чугунным уставом» была запрещена древнегреческая и древнеримская литература по истории, а также «История государства Российского» Н. М. Карамзина.

Зарождение института светской цензуры связано с именем Петра I. Нормативное и правовое регулирование вопросов освещения в газетах и журналах новостного и текущего информационного контента вплоть до XX в. придавало слабую правовую определенность понятию и деятельности СМИ. Более того, «Ведомости» - первую русскую печатную газету (тиражом около 4 тысяч экземпляров), инициатором издания которой стал Петр I, назвать СМИ можно с учетом ее целевого предназначения для массовой аудитории и бесплатного распространения. Последующие Императорские Указы российских правителей в отношении печати и журналистики укрепили запретительный характер правового регулирования СМИ, сформировав «отрасль» права - «цензурное» право.

Согласно законодательству, цель учреждения цензуры состояла в том, чтобы периодическим изданиям[2] «дать полезное или, по крайней мере, безвредное для блага Отечества направление» [10]. Первым специализированным законом России о СМИ стали «Временные правила о печати» (1865 г.), только формально смягчившие требования к цензуре на фоне введения дополнительных ограничений в области тематики, содержания и объема печатной информации, в том числе прав столичной и провинциальной прессы.

Для регулирования (в первую очередь – для цензуры печатных изданий) Высочайшим указом при Министерстве внутренних дел было создано в 1865 г. Главное управление по делам печати, действовавшее вплоть до революции 1917 г. В обязанности этой инстанции входило наблюдение за деятельностью цензурных комитетов и отдельных цензоров, типографий и всеми учреждениями, которые производили и продавали периодические издания и отдельные сочинения, а также за театральными постановками [3, с. 52].

О значимости СМИ в борьбе с вражеской идеологией говорит тот факт, что после прихода к власти большевиков (уже через два дня после революции 1917 г.) Советом народных комиссаров был принят «Декрет о печати», запретивший все контрреволюционные газеты как «отравителей народного сознания», «сеющих смуту путем явно клеветнического извращения фактов» в отношении свободы социалистической печати. Этот первый декрет о печати, так же, как «Декрет о введении государственной монополии на объявления» (лишивший все негосударственные издания финансового обеспечения), «Декрет о революционном трибунале печати» (1918 г.), и др. декреты, регулирующие различные аспекты жизнедеятельности молодого государства, носили ярко выраженные пропагандистские черты [10]. Изначально по стилю изложения, отличались не в лучшую сторону от традиционных формулировок нормативно-правовых актов. Конституция РСФСР 1918 г. (ст. 14) устанавливала свободу выражения мнений только за трудящимися, тем самым окончательно законодательно закрепив исключительно классовый подход к регулированию СМИ.

«Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г. стал нормативно-правовым актом, официально означающим прекращение действия церковной цензуры и деятельности Синода, разрыв многовекового союза церкви и государства, роспуск Духовной семинарии и закрытие домовых церквей, разграбление духовных учреждений [4, с. 286-287].

В рамках проведения Культурной революции системный государственно-партийный характер правового регулирования ограничительных мер и надзора за СМИ был установлен Декретом Совнаркома от 6 июня 1922 г. в «Положении о Главном управлении по делам литературы и издательств» (сокращенно – «Главлит»). Как было записано в этом документе, цель учреждения Главлита при Наркомате просвещения и его местных органах – объединение всех видов цензуры печатных произведений. В условиях борьбы с контрреволюционными элементами, а затем и в период Новой экономической политики, создание законодательной основы советского цензурного ведомства было требованием времени. Тем более что издания, «преданные делу советского строительства» (Центрального комитета Российской коммунистической партии большевиков, Всероссийского Центрального исполнительного комитета, Коммунистического интернационала, и ряд др.) освобождались от цензуры, за исключением ведомственного контроля Реввоенсовета за изданиями военных произведений. В дальнейшем в партийных документах в качестве руководства рекомендовалось при осуществлении контроля за печатными произведениями учитывать их политическую, экономическую и педагогическую направленность за Советскую власть и Коммунистическую партию. Это должно было способствовать консолидации усилий всех социальных институтов, включая прессу, для решения задач в деле строительства социализма [6, с. 5].

В свою очередь Главлит, ответственный за предварительную цензуру, был обязан осуществлять тесное взаимодействие с политическими органами Народного комиссариата внутренних дел – Государственным политическим управлением (со 2 ноября 1923 г. Объединенным государственным политическим управлением при Совете народных комиссаров СССР), в обязанности которых входила карательная цензура, в том числе и самих цензоров [5, с. 36].

Главлит, начиная с 1933 г., неоднократно менял свои официальные наименования и подчиненность, расширял полномочия, производил корректировку формулировок функций, но, по сути, оставался органом тотальной идеологической цензуры СМИ на всей территории СССР, действуя в тесной связке с Комитетом государственной безопасности при руководящей роли КПСС. При этом СССР называли «самой читающей страной в мире». Телевидение изначально бывшее «экзотикой» уже в 1960 г. на основании постановления ЦК КПСС «О дальнейшем развитии советского телевидения» тоже попало под действие цензуры. Неоднократно в Постановлениях ЦК КПСС отмечался

2 Главное управление по делам печати. [Распоряжения Главного управления по делам печати Цензурному комитету о недопущении публикаций о личных действиях высочайших особ Императорского Двора (1869-1899 гг.)]. – 50 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/98177-rossiya-glavnoe-upravlenie-po-delam-pechati-rasporyazheniya-glavnogo-upravleniya-po-delam-pechati-tsenzurnomu-komitetu-o-nedopuschenii-publikatsiy-o-lichnyh-deystviyah-vysochayshih-osob-imperatorskogo-dvora-1869-1899-gg-locale-nil-b-m-b-g.

рост влияния радиовещания и телевидения на население Советского Союза и зарубежных стран. Не только сегодня государство осознает значимость распространения достоверной информации и пропаганды наших взглядов, но и в 60-годы XX в. Коммунистическая партия СССР ставила аналогичные задачи, подчеркивая, что в радиовещании на зарубежные страны необходимо «сосредоточить внимание на резком расширении объема, улучшении содержания и строгой дифференциации программ для стран Азии, Африки и Латинской Америки» [8].

Не смотря на смену периодов в истории СССР (от Октябрьской революции, через «Оттепель», «Застой» к «Перестройке»), Постановления Секретариата ЦК КПСС и партийных съездов, Совета министров СССР монопольно выполняли роль «нормативно-правового» регулирования СМИ вплоть до пленума ЦК КПСС (февраль 1990 г.) и внесения в марте этого же года поправки в ст. 6 Конституции СССР (от 1977 г.). Но формально термин СМИ после череды переименований Главлита появился только в августе 1990 г. в названии Главного управления по охране государственных тайн в печати и других средствах массовой информации при Совете Министров СССР.

Первым законом о свободе прессы и отмены государственной цензуры стал Закон СССР от 12 июня 1990 г. № 1552-I «О печати и других средствах массовой информации» (ст. 1); в ст. 5 перечислялись конкретные ситуации недопустимости злоупотребления свободой слова. В сложившихся политических условиях закон носил демократический характер, однако имелись и неизбежные пробелы, например, в вопросах о статусах учредителя, редакции, издателя, и др. Закономерным следствием принятия советского Закона о СМИ стала ликвидация Главлита – министерства замученных книг и их авторов, прозванного в народе «Министерством правды» [2, с. 5-6] (как в антиутопии Дж. Оруэлла «1984»).

Развитие цензуры СМИ в России свидетельствует о том, что она всегда, с одной стороны, преследовала цели сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей народа и воспитания на их основе молодого поколения [1, с. 1422], с другой, укрепления институтов власти и обеспечения общественно-политической безопасности государства с учетом исторических реалий. Начинаясь с всесторонней предварительной религиозной цензуры печатных изданий и их продажи под контролем Русской церкви, правовое регулирование постепенно дополнилось светской формой ведения цензурных дел, трансформировавшись в общегосударственное. С победой Октябрьской революции цензура приобрела ярко выраженный государственно-идеологический и классовый характер, а предварительная форма цензуры дополнилась карательной. Причем основные законодательные регуляторы стали следствием руководящих решений Коммунистической партии и советского правительства вплоть до принятия Закона СССР от 12 июня 1990 г. № 1552-I «О печати и других средствах массовой информации», отменившего цензуру, совершенно справедливо запрещающего (ст. 5) злоупотреблять свободой слова. Советская система государственных СМИ, освободившись от цензуры, разрушилась под воздействием процессов децентрализации и коммерциализации, превратившись из идеологического института в отрасль рыночной экономики со всеми вытекающими последствиями.

Пристатейный библиографический список

1. Бем А. В. Конституционно-правовое регулирование молодежной политики в советский период // Baikal Research Journal. - 2024. - Т. 15, № 4. - С. 1422–1430. DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(4).1422-1430.
2. Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды». - СПб.: Изд-во Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994. - С. 5-6.
3. Главное управление по делам печати. 06.04.1865-27.04.1917 / Отв. сост. Д. И. Раскин // Высшие и центральные государственные учреждения России 1801-1917. - СПб.: Наука, 2001. - Т. 2. - 260 с.
4. Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», 23 января (5 февраля) 1918 г. Ст. 263 // Собрание узаконений и постановлений Рабочего и Крестьянского правительства. - М., 1942. - № 18. - С. 286-287.
5. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX - XX вв. - М.: Аспект Пресс, 2001. - С. 36.
6. Корконосенко С. Г. Понятие социального заказа в теории и практике журналистики // Вопросы теории и практики журналистики. - 2025. - Т. 14, № 1. - С. 5-19. - DOI 10.17150/2308-6203.2025.14(1).
7. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека - Understanding Media: The Extensions of Man. - М.: Кучково поле, 2007. - 464 с.
8. Постановление Секретариата ЦК КПСС. Протокол № 26. П. 6 «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения» 6 июня 1962 г. - РГАНИ. - Ф. 4. Оп. 18. Д. 151. - Л. 3-6.
9. Приходько Т. В. Понимание ограничения прав и свобод человека и гражданина с позиции вмешательства // Академический юридический журнал. - 2019. - № 2 (76). - С. 13-18.
10. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. - М.: Юрид., 1988. - Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. - 431 с.
11. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год: напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. - СПб.: Изд-во Тип. Морского министерства, 1862. - 482 с.

ХАГБА Ефрем Гарриевич
преподаватель кафедры уголовного права и процесса, заведующий криминалистической лабораторией, Юридический факультет, Абхазский государственный университет, г. Сухум, Республика Абхазия

ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕЕ ОТЛИЧИЕ ОТ ДРУГИХ ВИДОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Конституционно-правовая ответственность является относительно новым видом юридической ответственности, который прошел долгий путь от полного отрицания до признания в качестве полноценного вида юридической ответственности. Отдельные санкции данного института зародились давно, однако их систематизация и придание упорядоченного вида еще продолжаются, что свидетельствует о сохранении актуальности научных исследований в этой области. Несмотря на наличие множества теоретических работ, остаются вопросы практического характера. Разрешение подобных вопросов позволит более детально разграничить смежные виды юридической ответственности, различия между которыми порой минимальны.

Ключевые слова: ответственность, конституционно-правовая ответственность, юридическая ответственность, соотношение видов юридической ответственности.

KHAGBA Efrem Garrievich
lecturer of Criminal law and process sub-faculty, Head of the Forensic Laboratory, Law Faculty, Abkhaz State University, Sukhum, Rebublic of Abkhazia

THE CONCEPT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESPONSIBILITY AND ITS DIFFERENCE FROM OTHER TYPES OF LEGAL RESPONSIBILITY

Constitutional and legal responsibility is a relatively new type of legal liability, which has come a long way from complete denial to recognition as a full-fledged type of legal liability. Individual sanctions of this institution are of long standing, but their systematization and proper structuring are still ongoing, which indicates the continued relevance of scientific research in this area. Despite the variety of theoretical works, practical issues remain. Resolving such issues will allow for a more detailed distinction between related types of legal liability, the differences between which are sometimes minimal.

Keywords: responsibility, constitutional and legal responsibility, legal responsibility, relationship between types of legal responsibility.

Конституционно-правовая ответственность – особый вид юридической ответственности, важность которой измеряется тем же мерилом что и важность демократических принципов в строительстве современного, правового, демократического государства.

Власть, а тем более власть государственная - объект вечного вожделения, с которым справляется далеко не каждый человек. Английский философ Томас Гоббс считал власть средством достижения блага, а человек виделся ему в вечном стремлении за властью, которое прекращается только после его смерти [1, с. 62]. Спустя столетия, один из основоположников плюралистической модели демократии Роберт Даль выразил мнение, суть которой состоит в том, что власть предоставляет человеку навязать другому такое поведение, которое он по собственной воле не стал бы проявлять [2]. Данному подходу противоречит точка зрения немецкого социолога Лумана Никласа, который не согласен с отождествлением власти и принуждения в физическом смысле этого слова. Основанием для разграничения он предлагает считать выбор варианта поведения, который остается у подвластного, но фактически отсутствует у принуждаемого лица [3].

Соглашаясь с сутью подобных определений и подходов, считаем бесспорным то обстоятельство, что власть это явление, сопряженное с повышенным риском злоупотребления со стороны народных избранников и управленцев различного звена.

В этой ситуации в руках народа должен быть эффективный способ восстановления потенциально возможного нарушения законов, прав и свобод, а также состояния справедливости в целом. Методы восстановления справедливости столь же разнообразны, как и количество определений справедливости. Если не считать таковыми право на восстание и иные радикальные способы устранения препятствий правам и свободам, то в качестве одного из таких инструментов выступает конституционно-правовая ответственность, актуализация проблематики которой обусловлена вышеизложенными обстоятельствами.

Действительно, существование правового государства без института конституционно-паровой ответственности сложно себе представить, так как с последним связаны такие категории как законность, обеспеченность народовластия и прав граждан на управление делами государства, конституционный правопорядок и т.д. [4, с. 41].

Вышеизложенные обстоятельства активизировали научные изыскания вокруг институциализации разрозненных правовых норм и доктринальных взглядов и в конечном итоге привели к появлению конституционно-правовой ответственности в науке конституционного права России и других стран постсоветского пространства. Этому способствовало и то, что после распада Советского Союза бывшие республики СССР стали активно развивать национальное законодательство и внедрять ранее чуждые правовые институты [5, с. 165].

Однако опыт трех десятилетий прошедших после распада Союза ССР показывает, что для эффективной работы правовых институтов (в том числе из арсенала конституционно-правовой ответственности) простого упоминания в разрозненных нормативных актах недостаточно. Относительно рассматриваемого вида юридической ответственности проблему усугубляет ситуация, при которой законодательство содержит основания и порядок реализации отдельных мер конституционно-правовой ответственности (к примеру: основания и порядок отрешения президента от должности), однако самого определения в законодательстве нет, что дает почву для дальнейших споров в научной среде.

Первые шаги по изучению данной разновидности юридической ответственности в российской литературе были сделаны такими учеными-юристами как: Ф. М. Рудинский, С. А. Авакьян, Н. М. Колосова, В. А. Виноградов и другими. Однако в науке конституционного права остаются актуальные проблемы, связанные с институтом конституционно-правовой ответственности. В частности, нет консолидированного подхода к определению последней. Отсутствие единства в категориальном аппарате породила в научной среде ситуацию, где по одному и тому же вопросу наблюдается разность, порой очень существенная [6, с. 171].

К примеру, в зависимости от смещения акцентов, конституционно-правовая ответственность может пониматься в качестве разновидности юридической ответственности (государственно-правовой подход) или как правовой институт политического характера (политико-правовой подход). Однако наблюдается тенденция в сторону интеграции различных взглядов к единому комплексному подходу.

Так, Н. В. Витрук рассматривая конституционно-правовую ответственность как надотраслевую, выделяет в его структуре два вида ответственности: защитную (имеет своей целью восстановление конституционного правопорядка) и репрессивную (непосредственно выражается в наступлении неблагоприятных последствий для субъекта конституционно-правовой ответственности). При этом, по мнению Витрука защитная конституционная ответственность должна доминировать над репрессивной, а разграничение между ними проводится в зависимости от характера вины (наступление защитной конституционно-правовой ответственности имеет как правило безвиновный характер) [7, с. 70].

А. А. Кондрашев полагает, что конституционно-правовая ответственность представляет собой такое состояние, которое возникает как результат нарушения конституционно-правовой нормы участником конституционно-правовых отношений. Воплощением такого состояния является требование к правонарушителю, которое состоит в необходимости подвергнуться мерам государственного осуждения [8, с. 61].

Немного по-другому подходит к вопросу определения конституционно-правовой ответственности Т. Д. Зражевская, которая считает ее самостоятельным видом юридической ответственности, которая «выражается в установлении приоритетности защиты важнейших отношений, а также возможности наступления неблагоприятных последствий для субъектов конституционного права, нарушивших нормы конституционного законодательства» [9, с. 26].

По мнению А. В. Безрукова, разнообразие подходов к проблеме конституционно-правовой ответственности связана с разным пониманием объекта и объективной стороны ответственности со стороны исследователей [10, с. 115].

Основным, однако, можно считать мнение группы ученых, в частности О. Е. Кутафина, которое сводится к тому, что конституционно-правовая ответственность является полноценной разновидностью юридической ответственности, так как обладает всеми соответствующими признаками. Речь идет о таких признаках, как основание ответственности, обеспеченность последнего силой государственного принуждения, наличие отрицательных последствий и т.д.

Анализ изученной литературы дает возможность говорить о некоторых особенностях конституционно-правовой ответственности, которые отграничивают ее от других видов юридической ответственности.

Основные различия можно сгруппировать следующим образом:

1. Политический характер конституционно-правовой ответственности. В силу особенности регулируемых отношений, конституционно-правовая ответственность не просто «кара субъекта перед инстанцией», а важный инструмент для поддержания правового, главным образом конституционного порядка. В этой связи, политический характер наступаемой ответственности представляется очевидным. Однако не всякая мера принудительного характера является конституционно-правовой ответственностью [11, с. 336]. Таковой необходимо считать только такую ответственность, внешняя форма выражения которого имеет конституционное происхождение.

2. Специфический характер неблагоприятных последствий. В отличие от санкций уголовного, административного, гражданского и других отраслей права, конституционно-правовая ответственность не связана с ограничениями личного характера и не затрагивает имущественного статуса. Также имеет место превалирование правовосстановительной функции над репрессивной. Однако, если в других видах ответственности, правовосстановительная функция направлена на возвращение в первоначальное состояние, то в случае с конституционно-правовой ответственностью приоритет отдается устранению имеющего место нарушения закона и немедленное восстановление условий для нормального функционирования государственных органов и должностных лиц, осуществления конституционных прав и свобод [12, с. 32-33].

3. Особый субъект ответственности. Субъектами конституционно-правовой ответственности выступают как физические, так и юридические лица, но не сами по себе. Для этого они должны быть участниками конституционных правоотношений. Например: депутат Государственной Думы, кандидат в Президенты, глава субъекта России, политическая партия, религиозная организация и т.д. [13, с. 59].

4. Особый вид правонарушения. Основанием для наступления конституционно-правовой ответственности является оценка действий субъекта ответственности с негативной точки зрения. При этом некоторые основания могут быть идентичны основаниям уголовной или иной ответственности, но для наступления конституционно-правовой ответственности это не обязательно. Например, при отставке главы субъекта федерации в связи с утратой доверия Президента РФ или при роспуске Правительства, совсем не обязательно наличия состава уголовного преступления [4, с. 44-45].

5. Отсутствие четкой выраженности субъективной стороны и возможность объективного вменения. Так, в случае установления фактов нарушения выборного законодательства со стороны представителей кандидатов, последние могут быть исключены из выборного процесса [12, с. 38].

6. Отсутствие кодифицированной правовой базы. В отличие от других видов юридической ответственности, отношения, связанные с конституционно-правовой ответственностью, регулируются разными законами и другими актами в области конституционного права [13, с. 58].

Таким образом, конституционно-правовая ответственность – правовой институт, являющийся важным инструментом обеспечения конституционного правопорядка. Его смысл и содержание исходят из Конституции и законов, при отсутствии легальной дефиниции.

Наличие споров вокруг конституционно-правовой ответственности в меньшей степени затронуло отношение к его месту в системе юридической ответственности, так как самостоятельность данного вида юридической ответственности, а соответственно и его явное отличие от других видов юридической ответственности под сомнение не ставится, что подтверждено учеными-теоретиками, чьи труды упоминаются в данной статье.

Пристатейный библиографический список

1. Hobbss T. Leviathan (1651). - Cambridge, 1991. - С. 62.
2. Dahl R. The Concept of Power // Behavioral Science. - 1957. - № 2. - С. 201-215.
3. Власть. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_18935825_57111794.pdf.
4. Виноградов В. А. Конституционное право Российской Федерации: учебник. - М.: Юнити-Дана, 2017. - 552 с.
5. Кайнов В. И., Соболева В. А. Конституционное правосудие в современной России: учебное пособие. - М.: Директ-Медиа, 2022. - 184 с.
6. Карендюк А. Ю. Понятие и признаки конституционно-правовой ответственности // Вестник магистратуры. - 2017. - № 2-1 (65). - С. 171.
7. Мышко Ю. А., Петрюк М. Ю. О конституционных правонарушениях и конституционно-правовой ответственности // Вестник Московского университета МВД России. - 2008. - № 7. - С. 70.
8. Кондрашев А. А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации: дис. … докт. юрид. наук. - М., 2011. - С. 26.
9. Морозова Л. А. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих // Государство и право. - 2000. - № 3. - С. 36.
10. Олимпиев А. Ю. К вопросу о понятии, сущности и видах конституционно-правовой ответственности // Образование. Наука. Научные кадры. - 2020. - № 3. - С. 115.
11. Русанов А. В. К вопросу о соотношении политической и конституционно-правовой ответственности // Вестник ТГУ. - 2008. - № 1 (57). - С. 336.
12. Носов С. И. Конституционное право Российской Федерации: учебник. - М.: Статут, 2014. - 391 с.
13. Яценко О. В., Мамычев А. Ю., Кравченко А. Г. Коженко Я. В. / Под ред. Мордовцева А. Ю. Конституционное право России: учебник. – Таганрог: ИЦ ГОУВПО «ТГПУ», 2009. - 312 с.

ШЕВЧЕНКО Ольга Сергеевна
аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Юридический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЕВГЕНИЧЕСКОГО ОТБОРА В РАМКАХ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: БИОЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ

В статье рассмотрены конституционно-правовые аспекты применения евгенического отбора в контексте использования вспомогательных репродуктивных технологий. Особое внимание уделено биоэтическим аспектам евгеники, включая основные риски, проанализированы правовые коллизии, возникающие между научными достижениями в области генетики и ключевыми идеями конституционного права. В заключение подчеркивается необходимость разработки комплексного правового регулирования, которое бы учитывало не только медицинские аспекты, но и этические нормы.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, биоэтика, евгеника, конституционное право.

SHEVCHENKO Olga Sergeevna
postgraduate student of Constitutional and municipal law sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS OF THE USE OF EUGENIC SELECTION IN ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES: BIOETHICAL CHALLENGES AND LEGAL CONFLICTS

The article examines the constitutional and legal aspects of the use of eugenic selection in the context of the use of assisted reproductive technologies. Special attention is paid to the bioethical aspects of eugenics, and the legal conflicts that arise between scientific achievements in the field of genetics and key ideas of constitutional law are analyzed. In conclusion, the need to develop a medical aspects and ethical standards legal regulation.

Keywords: assisted reproductive technologies, bioethics, eugenics, constitutional law.

Введение

Современные достижения в сфере репродуктивных технологий открыли новые горизонты для решения проблем бесплодия и улучшения здоровья будущих поколений. Однако использование вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), таких как экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) в сочетании с генетическим скринингом эмбрионов, поднимает ряд этических и правовых вопросов, связанных с евгеническим отбором. Евгеника, как учение о контроле над воспроизводством человека с целью улучшения его наследственных качеств, сталкивается с необходимостью правового регулирования для защиты прав человека и соблюдения принципов гуманности [3, с. 9].

Правовые основы, затрагивающие евгенические практики

Понятие евгеники было разработано в 1883 году Фрэнсисом Гальтоном, считавшим, что можно использовать научные методы для совершенствования человеческого рода через выборочные размножения [5, с. 500]. Изначально евгеника была направлена на предотвращение наследственных заболеваний и улучшение здоровья населения, однако впоследствии была искажена чудовищными формами реализации, особенно нацистским режимом в Германии [10, с. 244].

Современная евгеника включает в себя использование генетических технологий для предотвращения наследственных заболеваний и улучшения здоровья будущих поколений. Эти технологии позволяют выявлять генетические мутации и болезни на ранних стадиях развития, что теоретически может снизить риск передачи наследственных заболеваний.

В то же время современные подходы к евгенике сталкиваются с юридическими и этическими вызовами. Так, Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации подчеркивает необходимость оценки безопасности и этичности медицинских вмешательств[1]. Конституция Армении запрещает евгенические опыты, превращение органов и тканей человека в источник прибыли, репродуктивное клонирование человека. Близкие по смыслу запреты содержатся в Основном законе Венгрии, ограничивающем евгенические практики, которые происходят в целях выбора человеческих характеристик, а также использования человеческого тела в коммерческих целях [7, с. 5].

Конституция Российской Федерации содержит лишь общие положения, которые имеют отношение к биоэтической проблематике, но не упоминает ее напрямую. В частности, ст. 19 запрещает дискриминацию (расширительно включая и состояние здоровья), ст. 41 закрепляет право граждан на охрану здоровья, а ст. 38 совместно со ст. 7 — на защиту материнства, отцовства и детства, формируя правовую основу для легитимации ВРТ. Однако в Конституции отсутствует четкий принцип запрета евгеники, что порождает неопределенность при интерпретации норм законодательства.

1 Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации. Этические принципы проведения медицинских исследований с участием людей // 18-ой Генеральная Ассамблея ВМА. 1964.

Ключевая проблематика

В Российской Федерации отсутствует единый нормативный акт, комплексно регулирующий вопросы евгеники в контексте ВРТ, что создает правовые пробелы.

Так, статья 55 Федерального закона № 323-ФЗ допускает выбор пола эмбриона исключительно для предотвращения наследственных заболеваний[2]. Даже если не касаться проблемы, которая кроется в отступлении от четкого следования норме, ограничивающей возможности выбора пола, это положение уже само по себе может быть истолковано как легитимация ограниченной формы евгенической практики, предполагающей выяснение семейного анамнеза и тестирование эмбрионов на предмет генетических нарушений до пересадки в полость матки в репродуктивных целях.

Предимплантационное генетическое тестирование эмбрионов допускается и Приказом Минздрава 2020 года № 803н, однако этот акт акцентирует внимание только на некоторых технических аспектах ВРТ и игнорирует этические риски[3]. Так, отсутствие четких критериев медицинской необходимости для тестирования допускает расширительное толкование этих положений [9, с. 200]. Генетический скрининг эмбрионов при ЭКО формально может быть направлен на повышение успешности процедуры, однако фактически он может использоваться для отбора оптимальных характеристик эмбриона. Этические проблемы не сняты полностью и в случае своевременного диагностирования действительно серьезных генетических нарушений: существует массив работ, рассматривающих деление эмбрионов на заслуживающие шанса на жизнь и подлежащие утилизации как дискриминационный отбор[4].

Одним из вариантов разрешения этой дилеммы могла бы быть разработка четкого перечня заболеваний, подлежащих диагностированию, по критериям, например, времени манифестации, тяжести течения заболевания и рисков ранней смертности при нем.

Еще одна не очевидная неспециалистам, но обсуждаемая в профессиональных медицинских кругах проблема – отсутствие в цитируемом Приказе указания на степень тщательности генетической проверки доноров половых клеток. Доноры должны быть «физически и психически здоровые, прошедшие медико-генетическое обследование». Однако на практике возникали случаи, когда донор был признан здоровым по итогам кариотипирования, однако при более детальном секвенировании генома полученных эмбрионов выяснялось, что при «внешне» здоровых хромосомах материал все же содержал генетические нарушения. Следует ли тогда исключать донора из базы, предупреждать его и родителей рожденных с его клетками детей о генетических рисках? Возможным решением было бы установление требования секвенирования генома донора, однако это значительно бы повысило стоимость ВРТ, увеличив финансовую нагрузку на пациентов.

Технологии наследуемого редактирования генов и выбора характеристик детей вызывают и иные серьезные этические и социальные дилеммы. Во-первых, возникает проблема выбора характеристик, которые могут быть предметом манипуляции. Если сюда войдут не только аспекты здоровья, но и иные физические качества, то такой подход может привести к стигматизации людей с определенными генетическими признаками, создать новые формы социального неравенства, где те, кто имеют доступ к таким технологиям, смогут обеспечить своим детям преимущества, недоступные другим.

В литературе ставится и проблема, связанная с возможностью появления «дизайнерских детей», то есть детей, чьи характеристики были выбраны или изменены в соответствии с желаниями родителей. Это ставит под угрозу принцип равенства и достоинства каждого человека [2, с. 690]. Важно учитывать, что Европейская конвенция о правах человека и биомедицине в статье 13 прямо запрещает вмешательства, направленные на изменение генома человека, если они не связаны с профилактикой заболеваний[5]. В российском законодательстве аналогичные нормы отсутствуют, что создает риски коммерциализации генетического отбора и возможного злоупотребления.

По-видимому, ответом на эти тревоги должно стать более четкое закрепление медицинских показаний для процедур наследуемого редактирования генома.

В связи с этим укажем и на нехватку регулирования как следствия нехватки этического понимания в вопросах о хранении и последующем использовании эмбрионов, «забракованных» или оставшихся невостребованными в процедурах ЭКО и ПГТ.

Отсутствие запрета на криоконсервацию эмбрионов создает предпосылки для их последующего использования в исследовательских целях, включая эксперименты по редактированию генома. Это порождает вопрос о допустимости таких практик, а при признании их допустимыми – необходимости их законодательного регулирования, в том числе разграничения ситуации создания эмбрионов для экспериментов, что выглядит сомнительным и требующим запрета, и ситуации использования уже имеющихся, невостребованных эмбрионов, что может быть допустимо, учитывая, что утилизация эмбрионов не только не запрещена, но и почти неизбежна при базовом разрешении ВРТ.

Важно учитывать и аспекты (правовые и этические) обращения с эмбрионами после смерти генетических родителей, требующие разработки норм для защиты интересов всех сторон, включая потенциальных потомков из криоконсервированных эмбрионов.

Нетрудно заметить, что практически по всем приведенным вопросам мы упираемся в ключевую проблему, имеющую значение для использования евгенического от-

2 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

3 Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru. 19.10.2020.

4 Henaghan M. Choosing Genes for Future Children: Regulating Preimplantation Genetic Diagnosis. Dunedin, N.Z.: Human Genome Research Project, 2006. P. 169.

5 Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине // ETS № 164. 1997.

бора в рамках ВРТ – а именно, необходимость более четко представлять себе статус эмбриона. Между тем, статус эмбриона остается одной из наиболее дискуссионных тем в современной юриспруденции, биоэтике и медицине. Вопрос о том, является ли эмбрион субъектом или объектом права, порождает множество правовых, этических и философских коллизий. Зарубежная практика демонстрирует разнообразие подходов. Например, в США и Великобритании эмбрионы in vitro регулируются как «особые биологические объекты», тогда как в Германии их статус приближен к личности [4, с. 15]. В России предложения о принятии специального закона о репродуктивных технологиях, включающего указание на правила обращения с эмбрионами, остаются нереализованными, несмотря на научные рекомендации.

Заключение

На сегодняшний день все еще невозможно говорить о наличии баланса между стремительным развитием в области ВРТ и фундаментальными конституционными принципами. Новейшие достижения в области ВРТ, в частности применение ЭКО в сочетании с генетическим скринингом эмбрионов, обеспечивают возможность более эффективной профилактики наследственных заболеваний, одновременно с этим порождая серьезные дилеммы, связанные с возможной дискриминацией, социальной сегрегацией и посягательством на человеческое достоинство.

На данном этапе развития в российском законодательстве все еще отсутствует комплексное регулирование изучаемой сферы. Только формирующееся конституционно-правовое регулирование этих процессов требует достижения баланса между защитой прав человека, принципом запрета дискриминации и интересами научного прогресса.

Важным направлением совершенствования законодательства видится выработка четких медицинских критериев для генетического тестирования и отбора эмбрионов, запрет немедицинского отбора по физическим, интеллектуальным и иным признакам, а также закрепление правового статуса эмбриона как особого объекта права, что позволит обеспечить соблюдение прав человека на всех этапах репродуктивного процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Brezina P. R., Zhao Y. The ethical, legal, and social issues impacted by modern assisted reproductive technologies // Obstetrics and gynecology international. – 2012.
2. Saravanan S., Prasath H. N. Designer Babies: Revealing the Ethical and Social Implications of Genetic Engineering in Human Embryos // International Journal of Science and Research. – 2023. – № 12. – С.688-693.
3. Ковба Д. М. Евгеника как направление научной мысли и практика селекции человека в конце XIX — начале XXI вв. // Социум и власть. – 2020. – № 4 (84). – С. 7-19.
4. Лапаева В. В. Статус человеческого эмбриона in vitro как этико-правовая проблема: религиозные истоки разногласий в подходах // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – № 2. – С. 4-23.
5. Летучих А. Н. Евгеника: история и современность // Форум молодых ученых. – 2018. – № 5-2 (21). – С.499-503.
6. Очирова В. В., Доника А. Д. Вспомогательные репродуктивные технологии: правовые основы и этические последствия // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 8. – С. 243-244.
7. Романовский Г. Б. Право и евгеника: история и современность // Гражданское право. – 2019. – № 2. – С.3-14.
8. Самойлова В. В. Некоторые аспекты применения вспомогательных репродуктивных технологий и обеспечение прав граждан при их применении // Вопросы современной юриспруденции. – 2013. – № 26. – С. 48-54.
9. Хазова О. А. Правовые аспекты применения вспомогательных репродуктивных технологий в России // Современное медицинское право в России и за рубежом. – 2003. – № 2003. – С. 191-205.
10. Хен Ю. В. Цели и средства евгеники (этический и естественно-научный статус дисциплины) // Философия науки. – 2005. – Т. 11, № 1. – С. 243-260.

ЦИРКУНОВ Михаил Эдуардович
аспирант кафедры конституционного, административного и финансового права, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Циркунов М. Э.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЗАПРЕТЫ НА МОНОПОЛИЗАЦИЮ И НЕДОБРОСОВЕСТНУЮ КОНКУРЕНЦИЮ КАК ОГРАНИЧЕНИЯ И ГАРАНТИИ СВОБОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена анализу конституционного принципа свободы экономической деятельности с точки зрения обеспечения его конкурентности. Автором сделан вывод о том, что запреты на монополизацию и недобросовестную конкуренцию находятся в сложной и многогранной связи с принципом свободы экономической деятельности, поскольку являются как средствами ограничения данной свободы, так и инструментарием ее гарантирования. Проведен сравнительно-правовой анализ принципа свободы экономической деятельности и права на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, сделан вывод об их общности, но не тождественности. Рассмотрены «внешний» и «внутренний» аспекты обеспечения конкурентности свободы экономической деятельности.

Ключевые слова: свобода экономической деятельности, монополизация, недобросовестная конкуренция, защита конкуренции, поддержка конкуренции, предпринимательская деятельность, экономическая деятельность, Конституция РФ.

TSIRKUNOV Mikhail Eduardovich
postgraduate student of Constitutional, administrative and financial law sub-faculty, I. S. Turgenev Orel State University

CONSTITUTIONAL PROHIBITIONS ON MONOPOLIZATION AND UNFAIR COMPETITION AS LIMITATIONS AND GUARANTEES OF ECONOMIC FREEDOM

The article is devoted to the analysis of the constitutional principle of economic freedom from the perspective of ensuring its competitiveness. The author concludes that prohibitions on monopolization and unfair competition are in a complex and multifaceted relationship with the principle of economic freedom, as they serve both as means of limiting this freedom and as tools for guaranteeing it. A comparative legal analysis of the principle of economic freedom and the right to entrepreneurial and other non-prohibited economic activities is conducted, leading to the conclusion of their commonality, but not identity. The "external" and "internal" aspects of ensuring the competitiveness of economic freedom are examined.

Keywords: freedom of economic activity, monopolization, unfair competition, protection of competition, support for competition, entrepreneurial activity, economic activity, Constitution of the Russian Federation.

Конституционные запреты на монополизацию и недобросовестную конкуренцию находятся в сложной и многозначной логической связи с конституционно-правовым императивом о свободе экономической деятельности [3, с. 36]. Они служат, с одной стороны, средствами ограничения данной свободы (экономическая деятельность в своей свободе не безгранична [6, с. 70], в числе ограничений важное место занимают требования антимонопольного регулирования) [9, с. 65], с другой – инструментарием гарантирования этой свободы [5, с. 41] (свободная экономическая деятельность невозможна в условиях монополии, олигополии, безусловного экономического господства крупных корпораций, требуется широкомасштабная экономическая конкуренция).

Категория «свобода экономической деятельности» получила закрепление на конституционном уровне в 1993 г., когда условия функционирования государства и права существенно отличались от современных. Вместе с тем, актуальность данной конституционно-правовой конструкции сохраняется и в наши дни [1, с. 3], [14, с. 76], несмотря на ряд корректирующих государственно-правовых условий и критериев (направленность свободы экономической деятельности на государственный суверенитет, национальные интересы России, экономическую безопасность страны) [15, с. 325].

Правовой принцип свободы экономической деятельности (глава первая Конституции РФ) не следует, на наш взгляд, смешивать и отождествлять с конституционными гарантиями права на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность (глава вторая Конституции РФ), хотя между ними есть много общего [11, с. 68]. Императив ч. 1 ст. 8 Конституции РФ значительно шире по своему публично-правовому содержанию, чем нормы ч. 1 ст. 34 Конституции РФ. Провозглашение на конституционном уровне свободы экономической деятельности означает принципиальный отказ от тотально-плановой, государственно-монополизированной экономической системы, в которой запрещалась бы частная собственность на средства производства, индивидуальная предпринимательская активность в большинстве секторов экономики. Свобода экономической деятельности – это конституционно гарантированный отказ от всеобщего экономического этатизма (в буквальном русскоязычном эквиваленте «государственничества»), ориентированность на рыночные механизмы хозяйственной активности при сохранении ряда важных государственных полномочий в экономической сфере и поддержке справедливой социальной политики. Антимонопольное регулирование обеспечивает, прежде всего, свободу экономической деятельности (и лишь затем, зачастую, весьма косвенным образом – субъективное право на предпринимательство).

Конституционный принцип свободы экономической деятельности в основном содержании (ядре) представляет средство гарантирования концепции «человекоцентризма» [2, с. 99] (ст. 2 Конституции РФ). Экономическая система «сво-

бодна» в том смысле, что она имеет гуманистическую природу и направлена на обеспечение социально-экономических прав человека [12, с. 123]. Субъекты свободы экономической деятельности – это, прежде всего, граждане; население и народ в целом (и лишь затем – юридические лица, хозяйствующие субъекты, публично-территориальные образования и их органы, единая система публичной власти). Граждане и российский народ объективно заинтересованы в сокращении бедности, преодолении имущественного неравенства, обеспечении занятости, постоянном росте имущественного благосостояния на законных основаниях (будь то заработная плата или доход от предпринимательской деятельности) [8, с. 45]. Данные гарантии гражданам устанавливает ст. 8 Конституции РФ, связывая законодателя и правоприменительную практику соответствующими публично-правовыми обязательствами, которые обеспечиваются правосудием и иными средствами публично-правового принуждения. Исходя из этого, логично заключить о коллективном праве граждан (объединенном в многонациональный народ в масштабе страны и в население – в субъектах РФ и муниципальных образованиях) на эффективную конкурентную экономическую систему, обеспечиваемую надлежащим образом средствами государства и права [7, с. 73].

Свобода экономической деятельности в современном российском государстве и праве, с точки зрения обеспечения ее конкурентности, трактуется в различных аспектах: «внешнем» и «внутреннем». С точки зрения «внешнего аспекта», проблема обычно ставится как необходимость публично-правового гарантирования «конкурентоспособности» [4, с. 3] страны в ее взаимоотношениях с зарубежными государствами, транснациональными корпорациями, иными «крупными» и «влиятельными» экономически организованными субъектами, которые функционируют вне сферы экономического суверенитета страны [10, с. 177]. В данном случае наблюдается скорее публично-правовой протекционизм [13, с. 251] (защита отечественной экономической системы от внешних негативных факторов), чем «защита конкуренции», характерная для внутреннего рынка. Что же касается правоотношений «внутри» страны – законодатель стремится, главным образом, к обеспечению конкуренции, хотя и здесь наблюдается ряд исключений и оговорок (протекционизм в отношении центров экономического роста, высокотехнологичного малого и среднего бизнеса, научно-технической, инновационной деятельности и т. п.).

Необходимость защиты российских рынков от негативных внешних факторов обусловлена требованиями экономической безопасности. Об этом свидетельствует, в частности, Указ Президента РФ «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Согласно данному документу, Россия встречается с «вызовами» и «угрозами», в числе которых – «обострение глобальной конкуренции», «критическая зависимость» страны «от импортных поставок» оборудования, средств и материалов. В связи с этим на уровне указа главы государства обозначается краткосрочная цель продвижения российской продукции на зарубежные рынки, достижения «конкурентных позиций» России на глобальных рынках, в частности, продукции с высокой добавленной стоимостью (фотоника, биотехнологии, аддитивные технологии, новые материалы); долгосрочная же цель состоит в «достижении» Россией «уровня глобального лидера мировой экономики». Этому в немалой степени способствует интеграция России в такие международные организации, как СНГ, Евразийский экономический союз, БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества и др.

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие обобщения и выводы. Закрепленные в Конституции РФ запреты на монополизацию и недобросовестную конкуренцию находятся в сложной и многогранной связи с принципом свободы экономической деятельности. Они являются как средствами ограничения данной свободы, так и инструментарием ее гарантирования. Свобода экономической деятельности, с точки зрения обеспечения ее конкурентности, может проявляться во «внешнем» и «внутреннем» аспектах. Конституирование свободы экономической деятельности корреспондируют необходимость защиты российских рынков от негативных факторов.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева Е. А. Свобода экономической деятельности: конституционное содержание и пределы реализации // Ex Legis: правовые исследования. - 2021. - № 4. - С. 2-4.
2. Артемов В. М. Нравственное измерение свободы и права в контексте парадигмы человекоцентризма // Lex Russica. - 2015. - № 4. - С. 99-103.
3. Башкатов А. Д. Поддержка и защита конкуренции как правовые формы обеспечения конституционной свободы экономической деятельности // Политико-правовые проблемы взаимодействия власти, общества и бизнеса в условиях экономического кризиса. - Саратов, 2016. - С. 36-39.
4. Воронова Т. А. Инвестиционный фактор и рост конкурентоспособности России на мировом рынке // Маркетинг. - 2003. - № 5. - С. 3-11.
5. Григорьева (Таглина) В. О государстве как субъекте свободы экономической деятельности // Конституционные чтения. - 2011. - № 5. - С. 41-51.
6. Гусев А. М. Соотношение запрета для налогоплательщика на злоупотребление правом и свободы экономической деятельности в Италии // Налоговед. - 2016. - № 8. - С. 70-73.
7. Еременко А. Экономическая модель эффективной правовой системы, или как сделать национальную юрисдикцию привлекательно-конкурентной? // Национальные юрисдикции в системе международного сотрудничества (российско-французское исследование). - М., 2021. - С. 73-90.
8. Золотухин Н. Н., Малиновкин В. А. Имущественное неравенство в России: основные проблемы и задачи на будущее // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. - 2021. - № 9. - С. 45-54.
9. Лобанова Я. В. Пределы свободы экономической деятельности: конституционно-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. - 2017. - № 3. - С. 65-69.
10. Никулин Н. Н. Соотношение экономической глобализации и экономического суверенитета в условиях многополярного мира // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. - М., 2025. - С. 177.
11. Перфилов Э. К. Теоретические аспекты соотношения права на свободу экономической, хозяйственной и предпринимательской деятельности // Евразийский юридический журнал. - 2010. - № 12. - С. 68-71.
12. Солдунов А. В., Лексина А. П. Общечеловеческие ценности как критерий оценки деятельности транснациональных компаний // Социальные новации и социальные науки. - 2021. - № 3. - С. 123-132.
13. Удовенко С. П. Свободная торговля и протекционизм: классическая теория и современные концепции // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии. - 2002. - № 1. - С. 251.
14. Федоренко В. И. Свобода экономической деятельности в Российской Федерации: понятие: пределы и ограничения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2019. - № 6. - С. 70-77.
15. Шафиева А. Р. Экономическая безопасность. Факторы, представляющие угрозу экономической безопасности РФ // Вестник современных исследований. - 2019. - № 1. - С. 325-328.

ГАЛЯУТДИНОВ Матвей Радиславович
аспирант, Юридический факультет, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье проводится комплексный анализ конституционно-правовых основ института общественного контроля в Российской Федерации. Рассматриваются базовые принципы, которые закреплены в Конституции РФ, и их развитие в рамках специального федерального законодательства. Особое внимание уделяется системным проблемам правоприменительной практики, таким как формализм, низкий уровень правовой культуры и ограниченность реальных механизмов воздействия. На основе проведенного исследования формулируются конкретные предложения по совершенствованию законодательства и практики реализации общественного контроля с целью повышения его эффективности и легитимности.

Ключевые слова: общественный контроль, гражданское общество, Конституция РФ, Федеральный закон № 212-ФЗ, обращение граждан, публичная власть, правовые механизмы.

Галяутдинов М. Р.

GALYAUTDINOV Matvey Radislavovich
postgraduate student, Faculty of Law, Mari State University, Yoshkar-Ola

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF PUBLIC CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The article provides a comprehensive analysis of the constitutional and legal foundations of the public control institution in the Russian Federation. The article examines the basic principles enshrined in the Constitution of the Russian Federation and their development within the framework of special federal legislation. Particular attention is paid to systemic problems of law enforcement practice, such as formalism, low level of legal culture and limited real mechanisms of influence. Based on the conducted research, specific proposals are formulated to improve the legislation and practice of implementing public control in order to increase its effectiveness and legitimacy.

Keywords: public control, civil society, Constitution of the Russian Federation, Federal Law № 212-FZ, citizens' appeals, public authority, legal mechanisms.

Институт общественного контроля является неотъемлемым элементом современного правового демократического государства. В Российской Федерации он представляет собой относительно молодой, но динамично развивающийся правовой феномен, цель которого – обеспечить обратную связь между гражданским обществом и публичной властью. Актуальность темы обусловлена потребностью в повышении прозрачности деятельности государственных органов, борьбе с коррупцией и укреплении доверия граждан к институтам власти. Несмотря на наличие сформированной законодательной базы, эффективность общественного контроля остается предметом дискуссий в научной и экспертной среде. Целью данной статьи является выявление конституционных основ данного института, анализ существующих проблем и определение векторов его дальнейшего развития.

Конституция Российской Федерации 1993 года, выступая актом высшей юридической силы, закладывает фундаментальные принципы, лежащие в основе общественного контроля, хотя и не использует данный термин напрямую.

Во-первых, народовластие (ст. 3 Конституции РФ) является краеугольным камнем. Носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Общественный контроль выступает одной из форм непосредственного участия граждан в управлении делами государства, реализуя тем самым принцип народовластия.

Во-вторых, право граждан на участие в управлении делами государства (ст. 32 Конституции РФ). Данная норма предоставляет гражданам право лично и через своих представителей влиять на процесс принятия властных решений, что является прямой предпосылкой для осуществления контрольных функций.

В-третьих, право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ). Это право является ключевым инструментом реализации контроля, позволяя гражданам, их объединениям и общественным структурам направлять запросы, жалобы и предложения, тем самым инициируя проверку деятельности тех или иных институтов.

В-четвертых, идеологическое и политическое многообразие, многопартийность (ст. 13 Конституции РФ) и свобода деятельности общественных объединений (ст. 30 Конституции РФ) создают необходимые условия для формирования структур гражданского общества (НКО, общественные палаты, правозащитные организации), которые являются основными субъектами общественного контроля.

Таким образом, Конституция РФ формирует обширную базу, опираясь на которую может развиваться и детализироваться институт общественного контроля.

Конкретизация и механизм реализации конституционных принципов были осуществлены в ряде федеральных законов. Центральное место среди них занимает Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»[1]. Данный закон впервые на уровне федерального законодательства дал легальное определение общественного контроля, установил его принципы, цели, задачи, формы и субъектный состав.

Согласно ст. 4 Закона № 212-ФЗ, общественный контроль определяется как «деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия».

К основным формам общественного контроля закон относит (ст. 18):

– Общественный мониторинг.
– Общественная проверка.
– Общественная экспертиза.
– Общественные (публичные) слушания.
– Общественное обсуждение.

Ключевыми субъектами являются общественные палаты (федерального и регионального уровней), общественные советы при федеральных и региональных органах исполни-

1 Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (дата обращения: 20.07.2025 г.).

тельной власти, общественные наблюдательные комиссии, а также иные НКО.

Помимо Закона № 212-ФЗ, отдельные аспекты общественного контроля регулируются иными нормативными актами, например:

– Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (реализация ст. 33 Конституции РФ)[2].

– Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (без доступа к информации контроль невозможен)[3].

– Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»[4].

Несмотря на сформированную правовую базу, на практике возникают системные проблемы, снижающие эффективность института.

1. Формализм и имитационный характер. Зачастую общественный контроль, особенно в форме общественных советов при органах власти, превращается в формальную процедуру. Мнения общественности носят рекомендательный характер и могут быть легко проигнорированы чиновниками. Решения, принятые по итогам проверок или экспертиз, не являются обязательными для исполнения (ст. 24 Закона № 212-ФЗ).

2. Ограниченность ресурсов и компетенций субъектов контроля. Многие общественные организации сталкиваются с проблемой финансирования, нехваткой квалифицированных кадров (юристов, экспертов-аудиторов), что не позволяет проводить глубокий и качественный анализ деятельности подконтрольных объектов.

3. Низкая правовая культура и гражданская активность. Значительная часть населения не информирована о возможностях участия в общественном контроле либо не доверяет его институтам, считая их неэффективными.

4. Сопротивление со стороны органов власти. Встречаются случаи создания административных барьеров: ограничение доступа к информации, затягивание сроков ответа на запросы, формальный подход к организации общественных обсуждений.

5. Пробелы в законодательстве. Закон № 212-ФЗ не в полной мере регулирует вопросы контроля за деятельностью коммерческих организаций, выполняющих государственный заказ, а также не предусматривает действенных механизмов ответственности должностных лиц за игнорирование законных требований субъектов общественного контроля.

Для преодоления указанных проблем и повышения эффективности общественного контроля необходима реализация комплекса мер.

1. Совершенствование законодательства. Закрепление на уровне федерального закона более жестких правовых последствий для решений, принятых по итогам общественного контроля. Например, введение обязанности органа власти мотивированно отклонять рекомендации общественной экспертизы. Расширение предмета контроля на все организации, использующие бюджетные средства. Установление административной ответственности за воспрепятствование законной деятельности субъектов общественного контроля.

2. Развитие инфраструктуры и ресурсного обеспечения. Создание системы государственных грантов и иных форм поддержки для НКО, специализирующихся на проведении общественного контроля. Развитие образовательных программ и методических центров для подготовки общественных инспекторов и экспертов.

3. Внедрение цифровых технологий. Активное использование платформ «электронного правительства» (портал госуслуг) для подачи обращений, участия в публичных слушаниях и обсуждениях в онлайн-формате. Создание открытых баз данных с результатами общественного контроля, что повысит прозрачность и позволит отслеживать судьбу направленных рекомендаций.

4. Повышение гражданской правовой культуры. Необходима системная работа по информированию граждан об их правах и механизмах влияния на власть через СМИ, образовательные учреждения и интернет-ресурсы.

Одним из наиболее показательных примеров системного общественного контроля является ежегодный мониторинг ОП РФ качества содержания автомобильных дорог в зимний период. Данная акция носит не разовый, а постоянный характер и основана на массовом привлечении граждан через краудсорсинговые технологии. Граждане через специальное мобильное приложение или сайт направляют жалобы и фотографии с указанием геолокации. ОП РФ аккумулирует эти данные, проводит их анализ и формирует сводные рейтинги регионов, которые направляются в Министерство транспорта РФ и руководству субъектов Федерации. Результатом такого контроля является не только публичное обозначение проблемных зон, но и реальное принятие мер региональными властями под давлением обнародованных негативных рейтингов. Этот пример демонстрирует эффективность сочетания гражданской активности, технологий и координации со стороны федерального субъекта контроля.

На региональном уровне типичной проблемой является формализация работы общественных советов (ОС) при органах исполнительной власти. Например, в отчетах Общественной палаты города Москвы неоднократно отмечалось, что заседания некоторых ОС проводятся формально, а их решения носят декларативный характер. Однако есть и позитивные кейсы. Так, Общественный совет при Министерстве здравоохранения Московской области активно участвовал в разработке и общественном обсуждении программы модернизации первичного звена здравоохранения. Внесенные советом предложения по оптимизации графика работы поликлиник и распределению ресурсов были учтены в итоговом документе. Этот пример доказывает, что эффективность общественного совета напрямую зависит от готовности руководства ведомства к substantive диалогу, а не от простого исполнения формальных требований закона.

Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации представляют собой прочный фундамент, построенный на принципах народовластия, прав и свобод человека. Детализация этих основ в Федеральном законе № 212-ФЗ позволила создать институциональную модель контроля. Однако существующие проблемы, главными из которых являются формализм и отсутствие действенных механизмов воздействия, свидетельствуют о том, что данный институт находится еще в стадии становления.

Перспективы его развития напрямую связаны с волей законодателя к дальнейшему совершенствованию правового регулирования, готовностью органов власти к открытому диалогу и ростом гражданской самоорганизации. Только синтез этих факторов позволит трансформировать общественный контроль из формального инструмента в реально работающий механизм обратной связи между обществом и государством, способствующий повышению качества управления и укреплению законности.

Пристатейный библиографический список

1. Шутрина Е. С. Общественный контроль в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 10. – С. 36-41.
2. Нудненко Л. А. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации: монография. – Москва: Проспект, 2016. – 176 с.
3. Виноградов В. А., Виноградова К. В. Проблемы и перспективы развития общественного контроля в России // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 5. – С. 25-30.
4. Отчет о мониторинге качества содержания автомобильных дорог в зимний период 2022-2023 гг. / Общественная палата Российской Федерации. – М., 2023.
5. Ежегодный доклад о состоянии гражданского общества в Москве за 2022 год / Общественная палата города Москвы. – М., 2023.

2 Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (дата обращения: 20.07.2025 г.).

3 Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (дата обращения: 20.07.2025 г.).

4 Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (дата обращения: 20.07.2025 г.).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-155-157

Зохидов М. Д.

ЗОХИДОВ Манучехр Давронджонович
аспирант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

КОГДА КОНСТИТУЦИЯ ЗАБЫВАЕТ О ДОСТОИНСТВЕ: УРОКИ АНТИ-ЯПОНСКОГО РАСИЗМА И ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА США

Вопрос о месте и значении категории человеческого достоинства в конституционном праве США приобретает особую остроту при обращении к судебной практике Верховного Суда США в делах, связанных с американцами японского происхождения, в частности, во время Второй мировой войны. Они демонстрируют пределы судебного контроля над исполнительной властью в условиях военного кризиса и выявляют противоречивое отношение Суда к обеспечению базовых гарантий личности.

Анализ этих дел показывает, что Верховный Суд США фактически легитимировал дискриминационные меры в отношении целой группы граждан по этническому признаку, тем самым ограничив их фундаментальные права и умалив идею человеческого достоинства как конституционной ценности. Одновременно в ряде решений прослеживаются зачатки иной линии аргументации, направленной на защиту прав личности и признание недопустимости произвольного вмешательства государства в сферу индивидуальной свободы.

Современная юридическая доктрина оценивает данный опыт как показатель необходимости укрепления концепта достоинства личности в американском конституционализме. Он выступает не только как этическая категория, но и как правовой принцип, способный служить критерием для оценки конституционности ограничительных мер, принимаемых под предлогом национальной безопасности или общественной целесообразности.

Таким образом, рассмотрение дел, связанных с дискриминацией японцев в США, позволяет проследить эволюцию судебного понимания достоинства личности и выявить его значение в развитии правовой системы. Эта эволюция подчеркивает, что признание достоинства центральной конституционной ценностью является необходимым условием эффективной защиты прав человека в демократическом государстве.

Ключевые слова: достоинство личности, права человека, Верховный Суд США, этнические японцы, граждане США, интернирование японцев.

ZOHIDOV Manuchehr Davronzhonovich
postgraduate student, of Constitutional law and constitutional process sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

WHEN THE CONSTITUTION FORGETS DIGNITY: LESSONS OF ANTI-JAPANESE RACISM AND THE PRACTICE OF THE U.S. SUPREME COURT

The question of the place and significance of the concept of human dignity in U.S. constitutional law acquires particular urgency when examining the jurisprudence of the United States Supreme Court in cases concerning Americans of Japanese descent, especially during the Second World War. These cases illustrate the limits of judicial control over the executive branch in times of military crisis and reveal the Court's ambivalent stance toward safeguarding fundamental guarantees of the individual.

The analysis of these decisions shows that the U.S. Supreme Court effectively legitimized discriminatory measures against an entire group of citizens on the basis of ethnicity, thereby restricting their fundamental rights and diminishing the idea of human dignity as a constitutional value. At the same time, certain rulings reveal the emergence of a different line of reasoning, aimed at protecting individual rights and recognizing the impermissibility of arbitrary state interference in the sphere of personal freedom.

Contemporary legal doctrine assesses this experience as evidence of the need to strengthen the concept of human dignity in American constitutionalism. It functions not only as an ethical category but also as a legal principle capable of serving as a standard for evaluating the constitutionality of restrictive measures adopted under the pretext of national security or public necessity.

Thus, the consideration of cases involving discrimination against Japanese Americans makes it possible to trace the evolution of judicial understandings of human dignity and to identify its significance in the development of the legal system. This evolution underscores that recognizing dignity as a central constitutional value is an essential condition for the effective protection of human rights in a democratic state.

Keywords: human dignity, human rights, U.S. Supreme Court, ethnic Japanese, U.S. citizens, Japanese internment.

Категория человеческого достоинства занимает особое место в конституционном праве США, но её содержание и границы во многом определяются судебной практикой Верховного Суда. Одним из наиболее драматичных примеров столкновения права, национальной безопасности и человеческих ценностей стали решения, касающиеся положения американцев японского происхождения, особенно во время Второй мировой войны. Дела, которые мы проанализируем, отражают не только пределы судебного контроля над исполнительной властью, но и кризис понимания достоинства личности в условиях массовой дискриминации.

В частности, в период Второй мировой войны Верховный Суд фактически оправдал интернирование тысяч граждан по признаку этнической принадлежности, тем самым лишив их базовых гарантий равенства и уважения к человеческой индивидуальности. Хотя позднейшие юридические и политические шаги привели к признанию ошибочности этих решений, они стали болезненным напоминанием о том,

как легко государственная власть может подорвать фундаментальные права, если категория достоинства оказывается вытеснена на второстепенную роль.

Можно отметить, что именно в осмыслении достоинства как конституционной ценности заключается возможность преодоления подобных ошибок в будущем. Юридическая доктрина, опирающаяся на идею врождённого достоинства каждого человека, способна служить эффективным противовесом доводам «национальной безопасности» или «общественной пользы», которые нередко оправдывают дискриминацию.

Таким образом, анализ судебной практики по делам американцев – этнических японцев позволяет выявить пренебрежение Верховного Суда к категории человеческого достоинства. Указанное демонстрирует не только правовую, но и глубокую моральную природу понятия достоинства в американском конституционализме.

Вопрос, имеет ли японец право на натурализацию в США по действовавшему тогда Закону о натурализации 1906 года, который разрешал получение гражданства только «свободным белым лицам» и «лицам африканского происхождения или их потомкам», стал предметом анализа Суда в решении по делу *Takao Ozawa v. United States* [1] в 1922 году.

Такао Озава родился 15 июня 1875 года в японской префектуре Канагава. В 1894 году он переехал в Сан-Франциско, штат Калифорния, где получил среднее образование. Окончив среднюю школу в Беркли, он поступил в Калифорнийский университет, а после завершения учебы в 1906 году перебрался в Гонолулу, на Гавайи. Там он быстро овладел английским языком, принял христианство и устроился работать в американскую компанию. В Гонолулу Озава женился на японке, также обучавшейся в Соединённых Штатах, и вместе с ней воспитал двоих детей. 16 октября 1914 года, после двух десятилетий жизни в Соединённых Штатах, Озава подал заявление о предоставлении ему американского гражданства. Однако его просьба, основанная на Законе о натурализации, была отклонена. Озава обжаловал отказ, однако суд первой инстанции отклонил его жалобу, указав, что он принадлежит к «японской расе».

К моменту, когда дело Озавы дошло до Верховного Суда, он прожил в Америке уже 28 лет. В своём обращении к Суду Озава делал акцент на своём безупречном нраве и достойной репутации. Он указывал, что цвет кожи зависит от климата, подчеркивая, что расовая принадлежность не должна служить мерилом ценности человека и тем более определять его право быть признанным полноправным гражданином Соединённых Штатов [2].

Излагая единогласное решение Суда, судья Джордж Сазерленд подтвердил позицию нижестоящих инстанций, подчеркнув, что выражение «белое лицо» следует понимать лишь как обозначение человека, принадлежащего к так называемой «европеоидной расе», «белой расе» (*Caucasian race*). Суды установили, что японцы не подпадают под категорию «свободных белых лиц» в смысле действующего закона. Сазерленд отметил, что этот вывод настолько прочно закрепился в судебной и административной практике и фактически был принят законодательной властью, что пересматривать его без чрезвычайно веских оснований, которых в данном случае не представлено, суд не вправе. При этом он особо указал, что решение суда не содержит «никакого намёка на личную неполноценность или расовое неравенство. Верховный Суд также отказался пересматривать этнологические аргументы, на которые ссылались нижестоящие суды, равно как и доводы, представленные сторонами [3].

Комментируя это решение в 1923 году, американский исследователь указал, что японцы оказались перед суровой реальностью, недвусмысленно выраженной высшим судом страны: их признали недостойными для того, чтобы быть американцами [4].

По сути, решение Суда по этому делу лишило японцев важнейшего проявления их достоинства как личностей – права на равенство в контексте натурализации. Суд, фактически отвергнув достоинство японцев в равном доступе к гражданству, закрепил их правовую и социальную дискриминацию. Это решение стало частью широкой системы дискриминации против выходцев из Азии в США. Оно закрепило за штатами право использовать федеральные ограничения на натурализацию для введения собственных дискриминационных норм.

В этом же году Верховный Суд вынес решение по делу *Yamashita v. Hinkle* [5], которое касалось анализа конституционности закона штата Вашингтон, связанного с возможностью иностранцев владеть землей на территории штата.

Закон штата Вашингтон лишал этнических азиатов права владеть землей. В 1921 году Такудзи Ямасита, японский эмигрант, проживавший в США, попытался зарегистрировать компанию, деятельность которой должна была быть связана с недвижимостью. Им были подготовлены проекты учредительных документов, согласно которым он сам должен был выступать в качестве одного из учредителей и доверительных управляющих. Однако власти штата Вашингтон отказались принимать и регистрировать эти документы, ссылаясь на положение закона, запрещавшего иностранцам владеть на территории штата землей. Генеральный прокурор штата утверждал, что для того, чтобы японцы смогли «слиться» с американским обществом, им необходимо уничтожить в себе «выраженные физические особенности», добавив, что пример «негров, индусов и китайцев» якобы уже доказал невозможность их полной ассимиляции.

Верховный Суд США рассмотрел это дело и в решении, составленном вновь судьей Сазерлендом, подтвердил конституционность такой расовой дискриминации, опираясь на своё решение по делу *Ozawa* [6]. Примечательно, что закон штата был отменен лишь в 1966 году.

Одним из самых известных решений Верховного Суда США времён Второй мировой войны, связанное с ограничением прав этнических японцев – граждан США в условиях военного положения является решение этого Суда по делу *Hirabayashi v. United States* [7].

После нападения Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. в США значительно усилились анти-японские настроения. В это время на Западном побережье США проживало значительное количество американцев японского происхождения (около 120 000 человек, две трети из которых были гражданами США). Общественное мнение первоначально было благоприятным по отношению к этническим японцев, но в течение некоторого времени после атаки оно резко изменилось из-за страхов перед шпионажем и саботажем. Несмотря на то, что президент Рузвельт и директор ФБР Гувер отвергли слухи о «пятой колонне», давление на правительство усилилось, что привело к принятию мер по «защите национальной безопасности.

9 февраля 1942 года президент Рузвельт издал Исполнительный указ № 9066, уполномочивающий военного командующего всего Западного побережья исключать определенных лиц из «военных зон» для предотвращения шпионажа и саботажа. Конгресс ратифицировал этот приказ Актом от 21 марта 1942 года (*Public Law 503*), сделав нарушение приказов военного командования федеральным преступлением. Командующий обороной Западного побережья ввел комендантский час для всех лиц японского происхождения (как граждан США, так и иностранцев), требуя находиться дома с 20:00 до 6:00. Позже последовали приказы об интернировании в лагеря этнических японцев, в том числе граждан США. Эти меры были мотивированы расовыми предрассудками, а не реальными доказательствами угрозы, как позже было признано.

В 1942 году Гордон Хирабаяси – гражданин США японского происхождения, студент Университета Вашингтона со-

знательно нарушил комендантский час, введённый для лиц японского происхождения на западном побережье США. Кроме того, он отказался зарегистрироваться для переселения в лагерь для интернированных лиц. Его арестовали и обвинили в нарушении федеральных приказов, принятых на основании указа Рузвельта. Хирабаяси утверждал, что введение таких ограничений на основе этнического происхождения нарушает Конституцию США.

Верховный Суд в решении, составленном председателем Суда Стоуном, единогласно постановил, что введение комендантского часа для лиц японского происхождения было оправдано военными обстоятельствами, подтвердив приговор в отношении Хирабаяси. Стоун подчеркнул, что в условиях военной угрозы правительство имеет право принимать меры предосторожности, даже если они затрагивают конституционные права граждан. Суд признал, что различение по расе и национальности обычно недопустимо, но в данном случае «военные необходимости» оправдывали такие действия.

Важно отметить, что Суд рассмотрел только вопрос о комендантском часе, а не интернировании этнических японцев в лагеря. Тем не менее, это решение фактически легитимировало дискриминацию в отношении лиц японского происхождения. Суд признал допустимым ограничение конституционных прав американских граждан исключительно по расовому признаку.

В день с принятия решения по делу *Hirabayashi* Верховный Суд принял решение по делу *Yasui v. United States* [8] с аналогичными обстоятельствами и выводом о конституционности комендантского часа.

Решения по делам *Hirabayashi* и *Yasui* стали прецедентами для оправдания расовой дискриминации под предлогом национальной безопасности и выступили базой для последующего решения Верховного Суда по делу *Korematsu v. United States* [9], где Суд оправдал массовое интернирование японцев в специальные лагеря.

Фред Коремацу – гражданин США, этнический японец был осужден за то, что отказался покинуть специально созданную Указом Рузвельта военную территорию (Сан-Леонардо, штат Калифорния). Приказ, помимо прочего, устанавливал запрет для этнических японцев пребывать в специально созданных военных территориях, созданных в ряде штатов Западного побережья, а также предписывал переселять из этих территорий этнических японцев в лагеря для интернированных, организованных на территориях различных штатов. Коремацу изменил внешность (сделал пластическую операцию на лице) и пытался скрыться, но был арестован и обвинён в нарушении военного приказа.

Коремацу заявлял о своей лояльности к США – он никогда не был в Японии и не имел связей с японским правительством. Его действия были сознательным протестом против дискриминации. Он обжаловал свой приговор, утверждая, что действия правительства нарушили его конституционные права, а также были дискриминационными на расовой основе, что противоречит принципам равенства.

Суд в своем решении, составленным судьей Блэком, Суд 6 голосами против 3 признал допустимым интернирование этнических японцев из мест их проживания, обосновав такую возможность соображениями необходимости обеспечения национальной безопасности. Судья Блэк отметил, что Суд не может отклонить выводы военных властей о том, что такие меры по переселению имели необходимость в условиях «чрезвычайной угрозы» [10].

Возражая относительно вывода Суда о том, что пример индивидуальной нелояльности подтверждает нелояльность целого этноса и деления граждан США по расовому признаку, судья Мерфи отметил, что подтверждение конституционности этого вывода в решении, какими бы благими намерениями ни руководствовалось военное командование Тихоокеанского побережья, означало бы принятие одного из самых жестоких идей, которыми пользовались наши враги для разрушения достоинства личности. Это открывает путь к дискриминации других меньшинств под воздействием будущих волн страха и предрассудков. Мерфи охарактеризовал военные приказы как падение в уродливую бездну расизма и как выход властей за пределы конституционных полномочий [11].

Korematsu – это трагический пример того, как Верховный Суд, стремясь не вмешиваться в политику исполнительной власти во время войны, отказался от фундаментальных принципов прав и свобод, в том числе принципа человеческого достоинства. Это решение стало одним из самых критикуемых в истории Верховного Суда, символизируя институциональный расизм и нарушение гражданских прав.

Практика интернирования японцев в США – это исторические страницы глубокого пренебрежения человеческим достоинством, узаконенного государственной властью и поддержанного Судом.

Таким образом, в этих решениях Верховного Суда США ярко проявилось противоречие между универсальной ценностью достоинства личности и логикой «военной необходимости». В делах *Hirabayashi* и *Yasui* Суд фактически признал допустимым ограничение базовых свобод американских граждан исключительно по признаку их этнического происхождения. Хотя формально речь шла о «комендантском часе» и «перемещении», по сути, эти меры разрушали представление о равенстве и уважении к достоинству личности как врождённому и неотчуждаемому праву. Суд поставил государственную безопасность выше человеческого достоинства, показав, насколько хрупким может быть правовое признание ценности личности в условиях кризиса.

В деле *Korematsu* этот подход достиг предела: Верховный Суд большинством голосов оправдал массовое переселение и интернирование граждан США японского происхождения. Несмотря на заверения Суда, что это не акт «расовой вражды», фактически решение легитимировало дискриминацию на основе происхождения. Таким образом, достоинство личности оказалось принесено в жертву политике страха и предвзятости. Несогласные судьи прямо указывали, что подобные решения разрушают саму основу конституционного правопорядка и превращают достоинство личности в фикцию.

Проанализированные решения наглядно демонстрируют, что достоинство личности может быть как проигнорировано судебной властью в зависимости от исторического контекста. В экстремальных условиях войны судьи были склонны подчинять достоинство личности логике безопасности. Это подтверждает универсальный вывод: человеческое достоинство должно рассматриваться как высшая конституционная ценность, которая не может быть принесена в жертву даже в условиях чрезвычайных обстоятельств.

Пристатейный библиографический список

1. 260 U.S. 178 (1922).
2. Teel Steven, Lessons on Judicial Interpretation: How Immigrants Takao Ozawa and Yick Wo Searched the Courts for a Place in America // Judicial History. – Vol. 13. – № 1 (Fall, 1998). – Pp. 41-49.
3. Ozawa, 260 U.S. at 198.
4. Buell Raymond Leslie, «Again the Yellow Peril» // Foreign Affairs. – Vol. 2. – № 2. –December 15, 1923.
5. 260 U.S. 199 (1922).
6. Ozawa, 260 U.S. at 200-01.
7. 320 U.S. 81 (1943).
8. 320 U.S. 115 (1943).
9. 323 U.S. 214 (1944).
10. Id. at 219 (особое мнение судьи Мерфи (dissenting)).
11. Id. at 233.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-158-161

ЗУЕВ Павел Александрович
аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; старший преподаватель кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности, Российский государственный университет нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

В статье рассматривается становление и развитие экологического конституционализма как реакции на углубляющийся экологический кризис, изменение климата и утрату биоразнообразия. Автор прослеживает эволюцию закрепления экологических прав и обязанностей в России и зарубежных странах, уделяя особое внимание поправкам к Конституции РФ 2020 года, которые сместили национальную модель к смешанному типу, сочетающему права, обязанности и государственные цели. Анализ более чем шестидесяти конституций позволяет выделить различные подходы к конституционализации экологических норм. Особое внимание уделено внедрению принципов устойчивого развития и межпоколенческой ответственности, а также роли судебных прецедентов. Делается вывод, что конституционные нормы выполняют не только регулятивную, но и ценностную функцию, формируя основы экологической культуры и задавая долгосрочные ориентиры для государств.

Ключевые слова: экологический конституционализм; право на благоприятную окружающую среду; устойчивое развитие; климатическая ответственность; права природы; межпоколенческая справедливость.

ZUEV Pavel Alexandrovich
postgraduate student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; senior lecturer of Public and international legal support for national security sub-faculty, I. M. Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University)

ENVIRONMENTAL CONSTITUTIONALISM: THE FORMATION AND EVOLUTION OF LEGAL DOCTRINE IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES

The article discusses the method of formation and development of environmental constitutionalism as a management of the restraining environmental crisis situation, climate change and loss of biodiversity. The author traces the evolution of the consolidation of environmental rights and entitlements in Russia and foreign countries, paying particular attention to the amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020, which shifted the national model to a mixed type combining rights, obligations and goals. An analysis of more than sixty constitutions allows us to identify various approaches to the constitutionalization of environmental norms. Particular attention is paid to the inclusion of development regulation and intergenerational responsibility, as well as the role of judicial precedents. It is concluded that constitutional norms include not only a regulatory, but also a value function that forms the foundations of national culture and allows for long-term guidelines for states.

Keywords: environmental constitutionalism; right to a healthy environment; sustainable development; climate responsibility; rights of nature; intergenerational justice.

В настоящее время экологические проблемы приобретают глобальный характер и оказывают негативное воздействие на качество жизни, требуя адекватных правовых ответных мер. В условиях комплексного изменения климата, утраты биоразнообразия и увеличения техногенных катастроф, экологическая повестка выходит на передний план мировой и национальной политики. Как следствие, экологическая проблематика проникает сегодня во все сферы государственной и общественной жизни, в деятельность всех органов публичной власти, институтов гражданского общества [4]. Право на благоприятную окружающую среду признано важным элементом основных прав человека и все чаще включается в конституции различных стран, как так называемое «право третьего поколения». В 2022 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, прямо признающую право каждого на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду, что отражает глобальный консенсус в признании экологических прав[1]. Эти тенденции дают начало феномену экологического конституционализма, который сформировался на стыке конституционного права, международного права и экологического права [6]. Экологический конституционализм представляет собой ответ на обострение экологического кризиса и стремление обеспечить баланс между развитием общества и сохранением естественного наследия. Конституции многих государств XXI века соблюдают принципы устойчивого развития и устанавливают охрану окружающей среды в качестве одного из приоритетов государственной политики, возводя экологические ценности в ранг конституционных [7]. В настоящее время более 100 стран мира закрепили экологические права или обязанности на конституционном уровне – беспрецедентное свидетельство того, что охрана нынешнего мира стала общепризнанной конституционной ценностью [1].

Становление экологического конституционализма началось сравнительно недавно, в начале XXI века, на волне осознания необходимости конституционных мер для ответа на экологические вызовы. Некоторые авторы рассматривают экологический конституционализм как новую идеологическую и ценностную конституционную модель развития, альтернативную прежним правозащитным моделям, ориентированным на социальные права [6]. Так, И. А. Умнова-Конюхова отметила, что под феноменом «экологической конституции» (определение основных экологических принципов и норм) можно понимать как процесс и результаты проникновения конституционного регулирования в экологическом праве, так и, одновременно, отражение экологических процессов, начавшихся в конституционном праве [8]. Иными словами, происходит двусторонняя «экологизация» конституции и конституционализация экологических норм. В научной литературе этот процесс рассматривается как универсальный способ воздействия конституционных экологических требований на общественные отношения – путь экологических требований во всех сферах жизни, усиление природоохранной основы в различных сферах прав и гармонизации отношений общества и природы [5]. Н. С. Бондарь предлагает комплексное понимание экологического конституционализма как межотраслевого явления, объединяющего доктринальные (теоретико-концептуальные) подходы, нормативный компонент (конституционно-правовые нормы и институты, регулирующие охрану природы), правоприменительно-охранительный механизм, а также учебно-образовательные и культурно-мировоззренческие аспекты, связанные с требованиями культуры общества [1]. Таким образом, доктрина заявляет о своей многогранности – она выступает как философия конституционных ценностей в отдельной сфере, так и в качестве правовых норм, институтов, практики и образовательных инициатив.

Первые конституционные нормы, связанные с охраной окружающей среды, появились ещё в конце XX века. В Конституции РФ 1993 г., например, были закреплены экологиче-

1 Резолюция 76/300 Генеральной Ассамблеи ОНУ «Право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду» (28.07.2022).

ские положения – право каждого на благоприятную окружающую среду, на информацию о ее состоянии и возмещении экологического вреда (ст. 42), обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам, (ст. 58), а также принципы использования ресурсов (ст. 9). К компетенции федерации была отнесена выработка единой политики (п. «е» ст. 71), а в совместном ведении федераций и субъектов – вопросы природопользования, охраны окружающей среды и собственной безопасности (ст. 72)[2]. Закрепление этих норм свидетельствовало о признании социальных ценностей на конституционном уровне, однако объем их непосредственного действия был ограничен [6]. Некоторые исследователи даже указывали, что «экологическая конституция» России де-факто выходит за рамки одного Основного закона и включает базовые принципы охраны окружающей среды (например, ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» 2002 г.) [8].

С целью создания механизма обеспечения экологической безопасности и сохранения благоприятной окружающей среды была принята Стратегии экологической безопасности[3].

В последние годы наблюдается существенный рост конституционных споров в сфере охраны окружающей среды. Так с 2018 по 2022 гг. Конституционный Суд вынес 513 решений, касающихся охраны природы, в том числе 14 постановлений [3]. С 2023 по 2024 Конституционным судом вынесено только 3 таких Постановления. Это отражает растущую обеспокоенность населения экологическими проблемами и активизацию глобальной защиты экологических прав.

Значимый этап развития российского экологического конституционализма, связан с поправками к Конституции РФ, принятыми в 2020 г. Общественный запрос на гарантию экологических прав и разработанные Конституционным Судом правовые позиции стимулировали включение в Конституцию новых норм экологической направленности. Поскольку главы 1 и 2 Основного закона (включающие права человека) не подлежали пересмотру, экологические изменения были внесены в Пункты «е.5» и «е.6» статьи 114 гл. 6. Конституции и возложили на Правительство РФ обязанности по созданию благоприятных условий жизнедеятельности, снижению негативного воздействия на природу, сохранению биологического разнообразия и развитию системы экологического образования. Дополнительно была введена новая ст. 75.1 с общим принципом сбалансированности прав и статуса гражданина, поддерживающим идею ответственности каждого перед будущими поколениями. В ходе этих изменений сформировалась новая парадигма политики государства. Экологическое благополучие и устойчивое развитие были провозглашены конституционными приоритетами, требующими комплексных мер для реализации интересов экономики, экологии и общества. Впервые на государственном уровне поставлена задача по формированию собственной культуры и воспитанию ответственного отношения к природе, как необходимость фундаментальных изменений массового правосознания [6]. Фактически 2020 год ознаменовал переход к новой конституционной модели безопасности личности и общества, где государство обязано создавать условия для экологического просвещения и культуры. Эти новеллы подняли экологические ценности на уровень конституционных.

Концепция экологического конституционализма появилась с момента принятия Стокгольмской декларации 1972 г. Ключевым этапом принятия Орхусской конвенции в 1998 г.[4] стала ведущая роль каждого на доступе к ключевой информации, участие в важных экологически значимых решениях и обращение в суд по вопросам окружающей среды. Эти процессуальные экологические права постепенно получили отражение в национальных законах. В начале XXI века многие государства закрепили в конституциях принципы развития и экологических прав будущего человечества. Например, Франция, 2005 г. приняла Хартию окружающей среды[5], включив в нее права граждан (право каждого жить в здоровой среде, право принимать участие в экологических решениях), а также обязанности (долг предотвращать ущерб природе). В других странах Европы преобладает акцент на обязанностях государства. Так, Основной закон Германии[6] (ст. 20а) содержит цель государства по сохранению основ жизни для будущих явлений, но не прямо индивидуализированные права. Напротив, страны Латинской Америки, Восточной Европы, а также ряд африканских государств пошли по пути установления обязательных к исполнению экологических прав, которые граждане могут применять в судебном порядке. Например, Конституция Бразилии 1988 г.[7] признала право на экологическую благоприятную среду и обязанность проводить оценку воздействия на окружающую среду для крупных проектов. Южно-Африканская Республика в Конституции 1996 г.[8] провозгласила право каждого на окружающую среду, не наносящую вреда здоровью и благополучию, и на охрану окружающей среды в эволюционном развитии и в дальнейшем развитии (ст. 24). Подобное положение закреплено в Конституции Кении в 2010 г.[9] (ст. 42). Эти права объявлены неотчуждаемыми, что подчёркивает их фундаментальный характер.

В некоторых странах отсутствие конституционных норм не препятствует судам защищать экологические интересы через интерпретацию других прав. Так, Верховные суды Индии и Пакистана с 1990-х годов выводят из прав на жизнь право на чистую окружающую среду. Однако такая дополнительная защита характерна для стран общего права. В большинстве же государств предпочтение отдано прямому закреплению экологических прав в конституции. В итоге к началу 2020-х годов сформировалась глобальная конституционная практика.

Право на благоприятную окружающую среду сегодня действует как важная составляющая конституционных прав человека, в частности на право на жизнь и здоровье. По своей природе оно носит комплексный характер – с одной стороны, это индивидуальное право каждого – требование к государству и другим людям не причинять вреда окружающей среде, гарантировать возможность защиты своего здоровья и имущества от экологических последствий. С другой стороны, реализация прав на благоприятную окружающую среду невозможна с помощью усилий только одного человека, она предполагает совместные действия всех членов общества, государства, бизнеса в области окружающей среды и рационального природопользования.

Во многих конституциях прямо закреплена ответственность каждого за экологическое поведение. Согласно исследованиям, около 45% конституций мира включают положения, обязывающие граждан по охране природы и рациональному использованию ресурсов [9]. В Конституции РФ это ст. 58. Таким образом, конституционный механизм экологических прав носит двусторонний характер – право коррелирует с обязанностью, как необходимым условием реализации данного права.

Важной чертой экологических прав является наличие процессуальных гарантий, развивающих их содержание. К ним относятся права на экологическую информацию, право участвовать в экологически значимых решениях и право на доступ к правосудию по вопросам окружающей среды. Некоторые конституции непосредственно включают такие положения. Так, Конституция Казахстана (ст. 31) обеспечивает право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды. В самой Конституции РФ прямо закреплено право на достоверную информацию об окружающей среде (ч. 1 ст. 42), и раскрывается в Федеральном законе «Об охране окружающей среды»[10]. В 2021 году была закреплена новая правовая конструкция – «экологическая информация», кото-

2 Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (в ред. 2022 г.).

3 Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года».

4 Конвенция о доступе к информации, участию общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция) от 25.06.1998 г. // СПС «КонсультантПлюс».

5 Charte de l'environnement – Légifrance. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/contenu/menu/droit-national-en-vigueur/constitution/charte-de-l-environnement.

6 Constitution Germany 1949 (rev. 2014). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constituteproject.org/constitution/German_Federal_Republic_2014 (дата обращения: 30.04.2025).

7 Constituição Federal de 1988. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constitutions.ru/?p=8282&ysclid=maiko3ekdp239361885 (дата обращения: 30.04.2025).

8 Constituição Federal de 1988 – Portal da Câmara dos Deputados Constitution of the Republic of South Africa, 1996.

9 Constitution of Kenya. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://new.kenyalaw.org/akn/ke/act/2010/constitution/eng@2010-09-03 (дата обращения: 30.04.2025).

10 Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета. 12.01.2002. № 6.

рая является одним из компонентов экологического конституционализма[11].

Процессуальные аспекты способствуют обеспечению материальных прав на благоприятную окружающую среду и всё больше воспринимаются как значимая часть экологического конституционализма. Кроме того, всё больше конституций включают положения о защите природы. Даже там, где нет явного упоминания права на благоприятную окружающую среду, конституционные суды начинают интерпретировать права на основе принципа межпоколенческой справедливости.

Отдельно следует упомянуть о смещении классической антропоцентрической парадигмы прав. Традиционно право на благоприятную окружающую среду рассматривается как право человека, однако новые конституционные подходы выделяют новые субъекты конституционных правоотношений. Впервые в мире это сделала Конституция Эквадора 2008 г.[12] В основном законе были включены права самой природы – на существование, поддержание своих жизненных циклов и восстановление. Данный революционный шаг воплощает биоцентрический подход, в котором экосистемы рассматриваются как самостоятельные ценности, получившие конституционную защиту. Вслед за Эквадором идеи прав природы появились в Боливии (Закон о правах Матери-Земли, 2010 г. на конституционной основе). Кроме того, ряд стран начинает признавать промышленные природные объекты (реки, леса) носителями прав. Например, суд в Индии в 2017 г. объявил реки Ганг и Ямуна юридическими лицами, а в Новой Зеландии в 2017 г. парламент законодательно придал правосубъектность реке Вангануи. Хотя эти новеллы пока редки, они свидетельствуют о динамизме экологического конституционализма.

В связи с углубляющимся экологическим кризисом ряд государств начали прямо включать климатические обязательства в основные законы. В Испании в 2019 г. обсуждалась поправка об обязанности правительства противодействовать климатическим изменениям. В итоге, в конституцию внесена норма об обязанности органов власти обеспечивать «глобальную экологическую защиту» (ст. 45 Конституции). В 2022 г. был подготовлен проект новой Конституция Чили с разделом о климатическом кризисе и правах природы. Суды всё чаще трактуют нормы с учётом климатических угроз. Верховный суд Пакистана еще в 2015 г., признавая, что право на жизнь включает в себя право на благоприятный климат, обязал правительство создать комиссию по защите климата (дело Асгара Легари). Конституционные суды (например, в Германии, Франции) в последние годы рассматривают климатические явления, основываясь на конституционных экологических положениях. Можно предположить, что в связи с обострением климатических проблем все больше конституций будут включать в себя положения, связанные с изменением климата [10].

Другой глобальный вызов – утрата биоразнообразия. Как уже отмечалось, доктрина предлагает укреплять конституционные гарантии в этой сфере, рассматривая биоразнообразие как основу устойчивости экосистем. Международные соглашения, такие как Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро 1992 г.), Римская декларация 1996 г.[13], Конференция сторон конвенции «О биологическом разнообразии» 2010 г.[14], Резолюция Генеральной ассамблеи ООН по биоразнообразию 2020 г.[15] служат стратегическими целями для государств, а конституции постепенно реализуют эти цели, например, через обязательства государства по сохранению природного наследия. Техногенные аварии и экологические катастрофы (чрезвычайные ситуации на АЭС, разливы нефти, промышленные выбросы) обнажают необходимость конституционных положений и ликвидации экологического вреда.

Ещё в 1997 г. Конституционный Суд РФ по делу о компенсациях жертвам чернобыльской катастрофы указал, что ущерб такого рода носит «конституционный, неисчерпаемый и невосполнимый» характер и требует возмещения на уровне конституционно-правовых отношений гражданина и государства.[16] Это стало одной из первых формулировок о повышении уровня экологических рисков. Современная наука обращает внимание на новые угрозы, ранее не известные – это накопление микропластика в окружающей среде, риски генетически модифицированных организмов, влияние наноматериалов и т.п. Законодательство зачастую отстаёт от этих вызовов. Например, целесообразно введение конституционные требования по экспертизе новых технологий и видов деятельности. Такая гибкая стратегия позволит Основному закону не устаревать перед лицом динамично меняющейся окружающей среды. Глобальные вызовы, таким образом, стали катализатором развития экологического конституционализма. Законодательство должно стремиться предвидеть будущие угрозы и строить механизмы их парирования в конституционной системе ценностей и норм [7].

Вместе с тем, во многих странах существует разрыв между обеспечением прав на чистую окружающую среду и его фактическим обеспечением. Россия – не является исключением. Причины многообразны.

Во-первых, это связано с фрагментарностью законодательства, поскольку экологические нормы разбросаны по разным нормативным актам, не образуя единой кодифицированной системы, что затрудняет их применение.

Во-вторых, недостаточная конкретизация конституционных прав.

В-третьих, слабая координация между различными уровнями публичной власти по вопросам охраны окружающей среды – часто возникают проблемы дублирования или, наоборот, «размывания» ответственности между федеральными и региональными органами властями. Органы местного самоуправления, не наделены полномочиями и возможностями для их решения, а инициативы граждан, на местном государственном уровне, слабо интегрированы в общегосударственную политику.

В-четвертых, это связано с недостаточным участием общественности. Хотя существуют публичные слушания, общественные советы, порталы для сбора средств, уровень реального участия граждан и НКО в экологическом управлении остается низким.

Указанные проблемы характерны не только для России, но и для многих других стран. Даже приняв необходимые законы, государства сталкиваются с проблемой институциональной реализации (не хватает подготовленных кадров, финансирования экологических программ). В ответ на это некоторые страны пошли по пути создания специализированных органов по защите экологических прав. Например, Конституция Мексики учредила должности Федеральных прокуроров, которые занимаются вопросами экологии. В Перу действуют специальные омбудсмены по вопросам окружающей среды. В ряде стран (Таиланд, некоторые страны Латинской Америки) существуют «экологические суды» или специализированные палаты судов, рассматривающие экологические споры. Такие институты создают профессиональные механизмы решения экологических проблем. Другой подход – конституционное закрепление обязательных процедур, гарантирующих учет и контроль экологических рисков. Например, Конституция Бразилии требует проведения оценок воздействия на окружающую среду для любых крупных проектов и участия работников в этих процедурах. Практика показывает, что без активной позиции граждан, без достаточной экологической культуры и политической воли государственных органов ни одна, даже самая передовая конституционная норма не обеспечивает бла-

11 Федеральный закон от 09.03.2021 № 39-ФЗ «о внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 11. Ст. 1704.

12 Constitución de la República del Ecuador 2008. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.constituteproject.org/constitution/Ecuador_2021.

13 Римская декларация «о всемирной продовольственной безопасности и План действий всемирной встречи на высшем уровне по проблемам продовольствия» (заключена в г. Риме 13.11.1996) // Обозреватель. 1997. № 3-4. С. 85-89.

14 Конференция Сторон конвенции «о биологическом разнообразии». 10-е совещание (Айти Нагоя, Япония, 18.10-29.10.2010) (решение X/2). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-10/cop-10-dec-22-ru.pdf.

15 Резолюция 75/219. Деятельность по осуществлению конвенции о биологическом разнообразии и ее вклад в обеспечение устойчивого развития. 75 Сессия Генеральной ассамблеи ООН (Нью-йорк, Сша, 2112.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/RES/75/219.

16 Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2017 № 40-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с жалобой гражданки Т. С. Овечкиной». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284942/.

гоприятной среды обитания. Эффективность экологического конституционализма напрямую зависит от уровня правовой культуры граждан.

Российская правовая система в сфере экологического конституционализма требует дальнейшего развития, учитывая опыт других стран.

Во-первых, в контексте эволюции экологического конституционализма в России, перспективным направлением представляется дальнейшее концептуальное развитие и возможное усиление гарантий экологических прав. Хотя право на благоприятную окружающую среду закреплено в главе 2 Конституции РФ, дискуссионным остается вопрос о степени его конкретизации. Можно рассмотреть долгосрочную перспективу более детального отражения в Конституции ключевых принципов, таких как устойчивое развитие, предотвращение вреда, сохранение биоразнообразия и экосистемных услуг, а также гарантии общественного участия в экологически значимых решениях. Такой подход, мог бы способствовать укреплению экологических приоритетов как основы государственной политики и правоприменения.

Во-вторых, зарубежный опыт показывает, что для эффективной охраны природы необходимы скоординированные действия всех уровней власти. Представляется целесообразным более детально определить обязанность федерального центра соблюдать минимальные экологические стандарты и требования, а субъектам – право вводить более строгие меры с учётом местной специфики. Возможно также предусмотреть механизмы согласования между федерацией и регионами экологических программ, особенно в трансграничных экосистемах (реки, леса, миграция животных). Так Е. В. Микулина выдвигает идею закрепления уникального биологического разнообразия на всех уровнях публичной власти – федеральном, субъектном, муниципальном [7]. Такой подход соответствует поправками 2020 г. (о сохранении уникального природного и биологического многообразия страны).

Расширение полномочий местного самоуправления представляется особенно перспективным. Муниципалитеты, располагающие информацией о местных проблемах и взаимодействии непосредственно с регионами, могли бы эффективно реализовать конкретные проекты – от раздельного сбора мусора до создания особо охраняемых территорий местного значения.

В-третьих, необходимы институциональные реформы для обеспечения соблюдения экологических прав. Одной из идей является учреждение должности экологического уполномоченного (аналог омбудсмена по экологическим правам) или расширение мандата действующего Уполномоченного по правам человека с созданием при нём специализированного департамента по экологическим правам. Такой институт мог бы оперативно реагировать на жалобы граждан, анализировать данные независимого мониторинга общественных движений, вносить предложения в соответствии с законодательством и обращаться в суд или Конституционный суд для защиты экологических прав неопределённого круга лиц. Международная практика, например, в Перу и Мексике, показывает, что подобные омбудсмены повышают эффективность правозащиты. Также целесообразно рассмотреть создание специализированных экологических судов или палат в системе арбитражных и судебных разбирательств для рассмотрения экологических споров с привлечением экспертов. В Индии, например, Национальный зелёный трибунал играет ключевую роль в разрешении экологических дел. В российских условиях специализация судов общей юрисдикции могла бы повысить качество рассмотрения сложных экологических вопросов, требующих научных знаний.

В-четвёртых, крайне важно обеспечить выполнение конституционных положений об экологическом образовании и культуре. Необходимо разработать и внедрить общенациональную программу экологического просвещения, охватывающую школьные курсы, повышение квалификации судей, прокуроров и государственных служащих. Экологический конституционализм – это не только нормы права, но и правосознание. Высокая экологическая культура населения будет способствовать успешной реализации реформ – от раздельного сбора мусора до общественного контроля за промышленными проектами. Таким образом, воспитание ответственного отношения к природе, о чём говорится в новой редакции статьи 114 Конституции, требует реальных изменений в системе образования и СМИ.

Целесообразно учредить общегосударственную систему регулярного экологического аудита, центральным звеном которой станут периодические Национальные доклады о выполнении экологических положений Конституции РФ и соответствия экологической политики современным вызовам. Подготовка и утверждение данных докладов должны быть неразрывно связаны с документами стратегического планирования (государственные программы, национальные цели развития), обеспечивая их нормативно-правовую силу и обязательность учета при принятии решений. Формирование доклада должно осуществляться уполномоченным органом исполнительной власти при широком привлечении научных институтов, экспертного сообщества и с проведением общественных слушаний. Результаты аудита, отраженные в докладе, являются основанием для актуализации экологического законодательства и государственной политики.

Если выявляются новые риски (например, связанные с новыми технологиями или видами загрязнений), не учтённые конституционными гарантиями, комиссия могла бы инициировать разработку новых законов конституционного значения. В мировой практике уже существуют примеры регулярного экологического аудита, например, в рамках ежегодных конференций Всемирной организации здравоохранения по устойчивому развитию. Также возможно внедрение показателей устойчивости и экологических индикаторов для оценки эффективности работы федеральных и региональных властей (например, бюджетные расходы на экологию, уровень загрязнения, сохранение лесов). Эти ориентиры могут быть закреплены на конституционном уровне как приоритетные.

Таким образом, экологический конституционализм эволюционировал от научной концепции к влиятельной правовой доктрине, постепенно внедряемой в практику. Его развитие обусловлено глобальными изменениями и осознанием того, что качественная окружающая среда – базовое условие выживания и достоинства человека. В результате последних преобразований экологические права из деклараций перешли в плоскость конкретных норм. Конституции многих стран стали важными инструментами охраны природы и обеспечения справедливости. Таким образом, экологический конституционализм задает концептуальные рамки и методологию для этих реформ, рассматривая Конституцию не только как политико-правовой документ, но и как «экологоцентричный» социальный договор, устанавливающий фундаментальный баланс между человечеством и природой на высшем юридическом уровне. Внедрение предложенных реформ – от уточнения норм Конституции до институциональных нововведений – позволит российской правовой системе более эффективно реагировать на экологические вызовы, обеспечивая реализацию экологических прав и интересов как настоящего, так и будущих поколений.

Пристатейный библиографический список

1. Бондарь Н. С. Экологический конституционализм – новая категория современной юриспруденции // Современный конституционализм: теория и практика. Спутник высшей школы. 2023. № 4 (19). С. 5-16.
2. Бондарь Н. С. Экологический конституционализм в современной юриспруденции: от доктрины к практике // Российская юстиция. 2023. № 6. С. 11-20.
3. Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 27.
4. Георгиева Т. П. Экология и природоохранительная деятельность: единство теории и практики // Российская юстиция. 2023. № 6. С. 10.
5. Киреев В. В. Проблемы результативности и рисков экологического конституционализма современной России // Современный конституционализм. 2023. № 4 (19). С. 54-65.
6. Коданева С. И. Экологический конституционализм в России // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 4: Государство и право. 2023. № 4. С. 109-122.
7. Микулина Е. В. Экологический конституционализм – гарантия сохранения окружающей среды // Спутник высшей школы. 2024. Т. 4, № 4 (19). С. 124-134.
8. Умнова-Конюхова И. А. Экологическая конституция в механизме правового обеспечения качества жизни // Охрана окружающей среды и качества жизни. 2021. № 1. С. 45-55.
9. David R. Boyd (2012) The environmental rights revolution: a global study of constitutions, human rights, and the environment., UBC Press, Univ of British Columbia Pr. 443 p.
10. May, James R. (2015) Global environmental constitutionalism. Publisher New York, NY: Cambridge University Press. 414 p.

АНТИПОВ Евгений Геннадьевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения, Академия ГПС МЧС России

Антипов Е. Г.

О СПОСОБНОСТИ ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ ВЫСТУПАТЬ ИСТОЧНИКАМИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

В статье предпринята попытка выработки, представления и объективного рассмотрения доводов, содержащихся в нормативных правовых актах различного уровня национального и наднационального законодательства, а также в отечественной научно-правовой доктрине, тесно связанной с действующим позитивным правом и судебной практикой, формирующих авторское видение о возможности отождествления правовых принципов в качестве источников административного права Российской Федерации. Автор полагает, что в настоящее время можно говорить о том, что правовые принципы формально выстроены в четырехуровневую систему правового регулирования.

В результате проведенного исследования сформулирована авторская дефиниция правового явления (категории) - «правовые принципы».

Ключевые слова: источник права, форма права, правовые принципы, правовые явления (категории), источники административного права, административно-правовые отношения.

ANTIPOV Evgeniy Gennadjevich
Ph.D. in Law, associate professor of Personnel, legal and psychological support sub-faculty, Academy of the EMERCOM of Russia

ON THE ABILITY OF LEGAL PRINCIPLES TO ACT AS SOURCES OF ADMINISTRATIVE LAW

In this work, an attempt was made to develop, present and objectively consider the arguments contained in regulatory legal acts of various levels of national and supranational legislation, as well as in the domestic scientific and legal doctrine, closely related to the current positive law and judicial practice, forming the author's vision of the possibility of identifying legal principles as sources of administrative law of the Russian Federation. The author believes that at present we can say that legal principles are formally built into a four-level system of legal regulation.

As a result of the study, the author's definition of the legal phenomenon (category) «legal principles» was formulated.

Keywords: source of law, form of law, legal principles, legal phenomena (categories), sources of administrative law, administrative and legal relations.

Выработка и утверждение государством различных источников позитивного (положительного) права, имеет чрезвычайно важное значение для правоприменительной практики, как разновидности юридической деятельности субъектов административно- правовых отношений. В этой связи, чтобы успешно выполнять присущие праву регулятивные, воспитательные, охранительные, восстановительные и иные функции, оно должно иметь свое внешнее выражение и быть реально исполнимым.

Принято считать, что введение в научный оборот термина «источник права», как базовой юридической категории, принадлежит великому древнеримскому историку Титу Ливию (I в. н. э), который назвал «Законы XII таблиц» (Leges duodecim tabularum), как основы дальнейшего правового развития Рима, источником всего публичного и частного права («Fons omnis publice privatique… juris») [1, с. 17].

По этому поводу в источниках научной и специальной учебной юридической литературы разного времени, это «внешнее выражение права» ученые – юристы: философы и историки права, государствоведы, конституционалисты, административисты, цивилисты, а также эксперты и практики называют еще и «формой права» или одновременно отождествляют «источник» с «формой» права, используя их как синонимы, схожие в своем содержательном наполнении.

В этой связи значимым и весьма убедительным представляется разъяснение В. С. Нерсесянца, который отмечает, что под источником права можно понимать социальные факторы, определяющие содержание правовых норм; государство как непосредственную силу, творящую право; источники информации о праве (законодательные памятники, учебники по праву и т.д.). Приведенное выше определение юридического источника права, – продолжает автор, – есть результат известного «джентельменского соглашения» между юристами (как практиками, так и учеными) призванного избежать многозначности этого понятия. Чтобы подчеркнуть его формально-юридический смысл, обычно понятие «источники права» уточняют в скобках понятием «форма» [2, с. 265].

Следует также отметить, что в теории государства и права, под правовыми принципами предлагается понимать основополагающие начала (руководящие, научные правовые идеи, основы, установки, положения), определяющие содержание и направления (механизм) правового регулирования общественных отношений.

Правовые принципы, как правовые явления (категории), представляют собой один из специфичных и значимых видов в единой системе формальных (юридических) источников (форм) национального права. По своей правовой природе, правовые принципы иерархичны, тесно взаимосвязаны, взаимозависимы и находят свое закрепление в основах естественного и позитивного (положительного) права, Конституции Российской Федерации[1], текущих (обычных, ординарных, отраслевых) кодифицированных и иных источниках современного права, а также в научной правовой доктрине, судебной практике (позитивное судебное правотворчество) и рассчитаны на многократное использование правоприменителями. И в этом плане Б. В. Россинский, Ю. Н. Старилов, обоснованно указывают, что в современных условиях система

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. - 2014. - №31. - Ст. 4398.

источников административного права усложняется, поскольку в субъектах РФ принимаются законодательные акты, определяющие порядок управления в этих субъектах [3, с. 89].

В настоящее время можно говорить о том, что с теоретической и практической точек зрения, правовые принципы, в том числе, и как источники административного права, образно говоря, выстроены в четырехуровневую систему правового регулирования, а именно: общепризнанные принципы международного права, конституционные (общеправовые (основные), межотраслевые, отраслевые (специальные).

1. Общепризнанные принципы международного права. Согласно п. 4 ст.1 5, ст. 17 Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, а права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, что однозначно свидетельствует о закреплении правовых принципов на международном (наднациональном, надгосударственном) уровне законодательства. Наряду с этим, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, «…Российская Федерация подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств»[2], что, несомненно, найдет свое отражение и в теории административного права Российской Федерации.

2. Конституционные (общеправовые (общие, основные) принципы. Как мы отмечали ранее, правовые принципы могут выступать источником права и на внутригосударственном уровне, где из числа общеправовых принципов, отраженных в главе 1 и 2 Конституции Российской Федерации можно выделить: народовластие; разделение властей; формы собственности; государственный суверенитет; свобода и личная неприкосновенность; презумпция невиновности и др. В этой связи Хропанюк В. Н., справедливо отмечает, что общие правовые принципы являются основополагающими и распространяются на все правовые нормы и с одинаковой силой действуют во всех отраслях вне зависимости от характера и специфики регулируемых ими общественных отношений [4, с. 216]. Но, кроме того, общеправовые принципы могут содержаться и в правовых нормах (нормах-принципах). Так, например, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях[3] (далее по тексту - КоАП РФ) нормы – принципы закреплены в статье 1.1 (принцип законности); ст. 1.2 (принцип защиты охраняемых законом ценностей); ст. 1.4 (принцип равенство перед законом); ст. 1.8 (принцип приоритета международного права) и др.

3. Межотраслевые принципы. Особого внимания, как нам представляется, заслуживают и межотраслевые (как правило, в процессуальных отраслях права) правовые принципы, которые подчеркивают общие (родственные) и специфические черты нескольких смежных отраслей права (например, административно-процессуальное и уголовное - процессуальное), где нам известны такие общие правовые принципы как: презумпция невиновности (ст. 1.5 КоАП РФ и ст.14 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации [4](далее по тексту - УПК РФ); обеспечение права на защиту (ст. 25.1 КоАП РФ и ст. 16 УПК РФ); язык судопроизводства (ст. 24.2 КоАП РФ и ст.18 УПК РФ); не нести ответственность дважды заодно и то же правонарушение «Non bis in idem» (ст. 24.5 КоАП РФ и ст.27 УПК РФ) и др.

4. Отраслевые (специальные) принципы. Отраслевые принципы, раскрывают или характеризуют специфику отношений исключительно в определённых отраслях права, как например: принцип свободы труда (Трудовое право РФ); презумпция невиновности (Уголовное право РФ); равноправие мужа и жены (Семейное право РФ); свобода договора, неприкосновенность собственности, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела (Гражданское право РФ); приоритет публичных интересов; оперативность государственного управления; открытость в деятельности публичной администрации (Административное право РФ) и т.д.

Но кроме этого, правовые принципы, также способны разрешать споры при отсутствии конкретных норм, или иными словами, по аналогии права. Так, согласно разъяснениям, содержащимся в абзаце 4 пункта 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 КАС РФ и главы 24 АПК РФ»[5], суд применяет нормы права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии таких норм рассматривает дело исходя из общих начал и смысла законодательства (аналогия права), если при проверке законности решения, действия (бездействия) будет установлено, что имеется пробел в правовом регулировании, который повлиял на возможность реализации прав, свобод, законных интересов граждан и организаций. И примером тому могут служить спорные административно-правовые отношения, связанные с реализаций задач, функций и полномочий органов исполнительной власти различных уровней.

Подводя некоторый итог вышеизложенным рассуждениям, хотелось бы отметить, что правовые принципы - это исходные, основополагающие (определяющие) или руководящие направления (начала) права, принципиальные правовые идеи, которые осознано, вырабатываются, апробируются и внедряются правоприменителями в зависимости от потребностей общества, закономерностей развития и функционирования внутригосударственной правовой системы. И именно в силу своей сущности и специфичности правового воздействия на регулируемые общественные отношения, полагаем, что правовые принципы способны выступать источниками административного права страны.

Пристатейный библиографический список

1. Дождев Д. В. Римское частное право. Учебник для вузов. Под редакцией члена-корр. РАН, профессора В. С. Нерсесянца. - М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1996. - 704 с.
2. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / Под общ. ред. Академии РАН, д.ю.н., проф. В. С. Нерсесянца. - М.: Норма, 2006. - 832 с.
3. Россинский Б. В, Старилов Ю. Н. Административное право [Текст]: учебник / Б. В. Россинский, Ю. Н. Старилов. – 4-е изд., пересмотр. и доп. - М.: Норма: Инфра, 2010. - 928 с.
4. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. - М., 2001. - 382 с.

2 Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2008 года» (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 17.09.2008) (ред. от 04.06.2014) (Извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2008. - №11 (извлечение).

3 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. - 2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 1.

4 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. - 2022. - № 149.

АФАНАСЬЕВ Сергей Алексеевич
аспирант кафедры конституционного и административного права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск

ТЕРМИН «СПЕЦИАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ»: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В рамках изучения вопросов правового регулирования мер чрезвычайного характера одной из наиболее актуальных проблем является совершенствование нормативно-правовой базы в сфере организации деятельности органов безопасности и охраны правопорядка. В данной статье проведен анализ подходов к пониманию термина «специальная операция», видовым характеристикам и субъектам проведения данного вида мероприятий. Определено его значение в правоприменительной практике, сформулированы основные признаки, а также предложения по внесению изменений в действующее законодательство в части определения данного термина, правового статуса, конкретизации форм межведомственного взаимодействия в условиях кризисных ситуаций. В рамках проведения научного исследования применен метод сравнительно-правового анализа, синтеза при изучении законодательных актов, применен системный подход в изучении организационных структур, обеспечивающих проведение специальных операций и мероприятий, направленных на комплексное обеспечение безопасности объектов правовой защиты. Эмпирическую базу проведенного исследования составили законодательные акты Российской Федерации, научные публикации, а также материалы о проводимых специальных операциях, находящиеся в открытом доступе.

Ключевые слова: правоохранительные органы, специальная операция, специальная военная операция, чрезвычайное законодательство, национальная безопасность, угроза национальной безопасности, государственная безопасность, комплексная операция, служба.

AFANASJEV Sergey Alexeevich
postgraduate student of Constitutional and administrative law sub-faculty, Baikal State University, Irkutsk

THE TERM «SPECIAL OPERATION» IN THE CONTEXT OF EMERGENCY LEGISLATION

In the framework of studying the issues of legal regulation of emergency measures one of the most urgent problems is the improvement of the legal framework in the field of organization of activities of security and law enforcement agencies. This article analyzes the approaches to the understanding of the term special operation, type characteristics and subjects of this type of measures. Its meaning in law enforcement practice is determined, the main features are formulated, as well as proposals for amendments to the current legislation in terms of the definition of the term, legal status, specification of forms of interagency cooperation in crisis situations. Within the framework of the scientific research the method of comparative legal analysis, synthesis in the study of legislative acts was applied, the system approach was applied in the study of organizational structures that ensure the conduct of special operations and activities aimed at comprehensive security of objects of legal protection. The empirical base of the conducted research was formed by legislative acts of the Russian Federation, scientific publications, as well as publicly available materials on special operations.

Keywords: law enforcement agencies, special operation, special military operation, emergency legislation, national security, threat to national security, state security, complex operation, service.

В условиях стремительно меняющейся внешнеполитической, социальной и экономической обстановки одной из приоритетных задач, направленных на повышение уровня соответствия систем чрезвычайного реагирования вновь возникающим угрозам и вызовам, является разработка и совершенствование нормативно-правовой регламентации деятельности правоохранительных органов.

Указом Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» среди прочего было определено, что «обеспечение и защита национальных интересов Российской Федерации осуществляются за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества»[1]

Одним из наиболее острых вопросов в данном направлении является налаживание эффективного межведомственного взаимодействия. К числу распространенных форм такого взаимодействия можно отнести проведение совместных специальных мероприятий или специальных операций.

Правовую основу данного вида мероприятий составляют в первую очередь нормативно-правовые акты в области обороны и противодействия терроризму, а именно: Федеральный конституционный закон «О Чрезвычайном положении», Федеральный конституционный закон «О военном положении», Федеральный конституционный закон «О контртеррористической операции», Федеральный закон «Об обороне», Федеральный закон «О противодействии терроризму» и др.

Нормы вышеуказанных законодательных актов регламентируют общие вопросы противодействия угрозам национальной безопасности, но при этом не в полной мере раскрывая более специфические, частные особенности применяемых инструментов правовой защиты.

Так, например, в действующем законодательстве, в настоящее время, отсутствует законодательное определение термина «специальная операция», однако указанная дефиниция находит свое отражение в научных трудах многих авторов.

Так, одни ученые рассматривают данное понятие как комплекс служебных (служебно-боевых), оперативных мероприятий, целью которых является предотвращение и/или ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций [1, с. 174].

Другие считают, что специальная операция - это комплекс действий, проводимых на определенной территории силами и средствами правоохранительных органов в точно установленные сроки и обладающих взаимосвязанными целями и задачами [2, с. 155].

Наиболее емким представляется определение, данное В. Н. Соглаевым, так под специальной операцией понимается «совокупность основанных на законах и нормативно-правовых актах, согласованных и взаимосвязанных по цели (задачам), месту и времени оперативно-разыскных, режимных и иных мероприятий и силовых (боевых) действий, проводимых в определенном регионе или на важном объекте территориальными органами внутренних дел совместно с частями (подразделениями) внутренних войск и другими взаимодействующими силами по единому замыслу и плану под руководством старшего оперативного начальника в целях восстановления нарушенного чрезвычайными обстоятельствами общественного порядка, правопорядка и нормального функционирования государственных и иных органов и учреждений, нейтрализации условий, угрожающих здоровью и жизни граждан, нанесением ущерба материальным и культурным ценностям» [2, с. 155].

В научной литературе также встречается сходное по своему значению понятие комплексной операции, под которой принято понимать совокупность централизованных служебных мероприятий, осуществляемых скоординировано, при сосредоточении сил и средств на определенной территории [3, с. 165].

Исходя из приведенного определения, можно сделать вывод, что данный термин является более общим по отношению к термину специальной операции, так как подразумевает при-

1 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 02.06.2025).

менение комплекса мер направленных на решение служебных задач в целом, без указания наличия введенных в действие мер чрезвычайного регулирования, наличие чрезвычайных обстоятельств или необходимости межведомственного взаимодействия.

Анализируя приведенные выше определения, представляется возможным выделить следующие общие признаки специальной операции:

1. Комплексный характер – данный вид мероприятий представляется как совокупность определенных действий, сил и средств.

2. Общей целью проведения специальных операций является устранение, предотвращение последствий чрезвычайных ситуаций.

3. Наличие ограничений по срокам, применяемым средствам и территории проведения.

Кроме того, специальная операция, будучи сложно организационной формой деятельности, предусматривает наличие таких составных элементов как:

1. Тщательное планирование комплекса мероприятий, направленных на достижение цели проведения специальной операции, с учетом особенностей оперативной обстановки, основных факторов риска, а также имеющихся сил и средств.

2. Высокий уровень подготовки задействованного личного состава, организация боевой слаженности и обеспечения.

3. Централизованное управление силами, задействованными в решении задач специальной операции, непрерывный сбор и обработка поступающей оперативной информации.

4. Достаточное количество сил и средств, для достижения поставленных задач [4, с. 286].

В юридической литературе выделяют множество классификаций специальных операций, среди них наиболее распространены следующие подходы:

– в зависимости от масштаба проводимых мероприятий: стратегические и оперативно-тактические [5, с. 121];

– по признаку местности и территории проведения: наземные, воздушные, морские и комбинированные [6, с. 24];

– в зависимости от цели проведения: разведывательно-диверсионные, антитеррористические, психологические, миротворческие и т.д. [7, с. 77].

Основываясь на приведенных выше научных классификациях, представляется возможным систематизировать специальные операции по признаку субъектности проведения на следующие виды:

1. Военные операции – комплекс мер стратегического и тактического характера, осуществляемых вооруженными силами, направленных на достижение конкретных военных целей.

2. Полицейские операции - сложноорганизованные мероприятия, осуществляемые за счет сил и средств правоохранительных органов и направленные на обеспечение общественного порядка и безопасности населения.

3. Аварийно-спасательные операции - комплекс мер, принимаемых службами, действующими в области гражданской обороны и противодействия чрезвычайным ситуациям, направленных на защиту населения.

Как отмечалось ранее, несмотря на широкое практическое применение специальных операций как средства стабилизации и восстановление безопасной обстановки в обществе и государстве, нормативного регулирования данного правового инструмента на данном этапе развития законодательства нет.

В связи с отсутствием легального определения данного термина возникает множественность трактовок его содержания, что приводит к неточности его применения, как в деятельности субъектов правоохранительной системы, так и в научно-теоретических исследованиях.

Кроме того, отсутствие четко определенных законодателем форм межведомственного взаимодействия в условиях чрезвычайных правовых режимов может оказать негативное влияние на практику совместного выполнения правоприменителями задач по ликвидации последствий и предупреждению возникновения чрезвычайных обстоятельств.

Анализируя научную литературу, подходы различных авторов к определению специальной операции и субъектов осуществления данного вида мероприятий, можно сделать вывод, что большинство ученых рассматривают указанный термин в контексте действий отдельных служб и ведомств, выдвигая предложения по совершенствованию законодательства в части, регламентирующей правовые аспекты деятельности конкретного правоприменителя.

Так, например, Зацепина В. А. отмечает, что такая форма действий как проведение специальных операций относится к исключительным полномочиям Сил специальных операций (ССО) Министерства обороны РФ [8, с. 97].

Данный подход представляется недостаточно емким и комплексным по своему содержанию. Действительно, способы и методы организации деятельности данного подразделения основываются на проведении специальных операций, однако это особенность не является исключительной.

В связи с чем, представляется возможным законодательно определить статус специальных операций, путем введения отдельного нормативного акта, закрепляющего правовой статус специальной операции, основания для проведения, субъекты и объем их полномочий, а также термин «специальная операция», в следующей трактовке – мероприятие, или определенный комплекс мероприятий применяемых специальными службами, а также правоохранительными органами как самостоятельно, в части своей подведомственности, так и во взаимодействии на межведомственном уровне, в пределах строго определенной территории и временного периода, в целях ликвидации последствий или предотвращения угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, в пределах установленных действующим законодательством.

Кроме того, необходимо рассмотреть возможность включения в данный нормативно-правовой акт видовой классификации, целей и задач межведомственного взаимодействия субъектов правового обеспечения национальной безопасности в целом.

Предложенные изменения законодательства, позволят точно квалифицировать с законодательной точки зрения мероприятия, проводимые правоохранительными органами в период действия норм чрезвычайного правового регулирования, а также обеспечат создание теоретической базы для проведения дальнейших научных исследований в сфере организации деятельности органов правопорядка в кризисных ситуациях.

Кроме того, реализация данных предложений позволит исключить проблемы правового регулирования и точно определить статус специальной военной операции (СВО) проводимой на территории Донецкой и Луганской народной республики.

Пристатейный библиографический список

1. Ладыгина М. А., Манаков А. С., Комнатная Ю. А. Тактика действий сотрудников органов внутренних дел при проведении специальных операций // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». - 2025. - № 3 (84). - С. 173-179.
2. Мураев П. П., Косяченко В. И. Особенности проведения специальных операций // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2010. - № 4. - С. 154-157.
3. Титушкина Е. Ю., Ищук Я. Г. Комплексная оперативно-профилактическая операция: проблемы правого закрепления // Труды Академии управления МВД России. - 2020. - № 4 (56). - С. 163-170.
4. Шкапов П. Ю., Хрыков И. С., Капитонова М. С. Маскировка в оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел при проведении специальных мероприятий (операций) // Государственная служба и кадры. - 2023. - № 4. - С. 285-288.
5. Меркушин В. В. Международные специальные операции: понятие, проблемы международно-правового сопровождения, противодействие вызовам и угрозам безопасности государств // Lex Russica. - 2022. - № 12 (193). - С. 112-128.
6. Криницкий Е. В., Чеховский В. Г. Сферы вооруженной борьбы и театры военных действий // Военная мысль. - 2022. - № 9. - С. 21-28.
7. Филимонов О. В. Специальная военная операция как триггер социальных конфликтов и роль прокуратуры в их разрешении // Актуальные проблемы психологического обеспечения деятельности прокуратуры и правоохранительных органов: сборник материалов круглого стола. - Москва: Университет прокуратуры РФ, 2024. - С. 75-80.
8. Зацепина В. А. Организация специальных операций: понятие, их роль и примеры // Молодой ученый. - 2025. - № 12 (563). - С. 96-99.

БОЧИКОВА Алия Оралбековна
аспирант, старший преподаватель кафедры уголовного права и национальной безопасности, Новосибирский государственный университет экономики и управления

Бочикова А. О.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ РАБОТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Административно-деликтная система отличается высокой степенью структурной дифференциации, что порождает существенные сложности как в вопросах нормотворчества и назначения санкций, так и в процессе их практической реализации. В данном контексте особый научный интерес представляет анализ правовой природы и механизма реализации обязательных работ как меры административного воздействия в правовых системах Российской Федерации и Республики Казахстан. Исследование направлено на проведение углубленного сравнительно-правового изучения законодательных норм, регламентирующих процедуру назначения и фактического исполнения данного вида наказания.

Ключевые слова: административное наказание, обязательные работы, общественные работы, административная ответственность, сроки обязательных работ.

BOCHIKOVA Aliya Oralbekovna
postgraduate student, senior lecturer of Criminal law and national security sub-faculty, Novosibirsk State University of Economics and Management

ADMINISTRATIVE PUNISHMENT IN THE FORM OF OBLIGATORY WORK IN THE RUSSIAN FEDERATION AND IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The administrative-delict system is characterized by a high degree of structural differentiation, which creates significant challenges in terms of both rule-making and the imposition of sanctions, as well as their practical implementation. In this context, a comprehensive analysis of the legal nature and mechanism of implementation of compulsory labor as an administrative measure in the legal systems of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan is of particular scientific interest. The study aims to provide an in-depth comparative legal analysis of the legislative provisions governing the procedure for the imposition and actual execution of this type of punishment.

Keywords: administrative punishment, compulsory works, public works, administrative liability, terms of compulsory works, socially useful work.

Продолжительное существование в рамках единого государственного образования – Советского Союза, формально федеративного, но де-факто унитарного государства – оказало значительное влияние на формирование систем административной ответственности в современной России и Казахстане, включая нормативно-правовое регулирование видов наказаний. Цель настоящего исследования – провести сравнительно-правовой анализ законодательных норм, регулирующих назначение и исполнение административного наказания в виде обязательных (общественных) работ в КоАП РФ и КоАП РК.

Следует отметить, что система административных наказаний имеет сложную структуру, их назначение и исполнение сопряжены с определенными трудностями. Административное наказание, является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами, так в качестве одной из задач производства по делу об административном правонарушении является обеспечение исполнения вынесенного постановления по делу об административном правонарушении [1].

В рамках действующего административно-деликтного законодательства Российской Федерации сформирована дифференцированная система мер государственного принуждения, предусматривающая широкий спектр наказаний, применение которых определяется характером и степенью общественной опасности совершенного правонарушения. Особый научный и практический интерес в этой системе представляет наказание в виде обязательных работ, закрепленное в статье 3.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[1].

Правовая природа данного вида наказания вызывает дискуссии в научной доктрине и неоднозначное толкование в правоприменительной практике. Это обусловлено комплексным характером обязательных работ, сочетающих элементы ограничительного и воспитательного воздействия, а также спецификой их реализации в административно-юрисдикционном процессе.

Современные исследователи отмечают дуалистическую природу обязательных работ, которая проявляется в одновременном выполнении ими нескольких функций: карательной, превентивной и восстановительной. При этом сохраняются существенные расхождения в понимании их места в системе административных наказаний – одни авторы рассматривают их как альтернативу административному штрафу, другие как самостоятельную меру воздействия, обладающую уникальными характеристиками.

В российском праве наказание в виде «обязательных работ» изначально упоминалось в уголовном законодательстве, будучи введённым в 1997 году, но фактически применяемым лишь с 2005 года. Административно-деликтное право предусмотрело данный вид наказания значительно позже, так соответствующие нормы были введены Федеральным законом

1 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2025. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

от 8 июня 2012 г. № 65-ФЗ и вступили в силу с 1 января 2013 года.

Проанализировав, официальные статистические данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, отмечается, что применение административного наказания в виде обязательных работ в период с 2019 по 2024 гг. показывает динамику ежегодного уменьшения числа лиц, привлеченных к административной ответственности. Так, к данному виду административного наказания было привлечено: 2019 г. – 326 636, 2020 г. – 296 103, 2021 г. – 318 955, 2022 г. – 295 784, 2023 – 268 168, 2024 – 237 010 правонарушителей[2]. В связи с чем полагается, что данные показатели отмечают актуальность выбранной темы, поскольку требуется более детально изучить вопрос применения данного вида административного наказания, в том числе проанализировав и зарубежный опыт.

В административном законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан институт обязательных (общественных) работ демонстрирует существенное сходство базовых принципов, однако при сравнительно-правовом анализе выявляются значимые различия. Эти расхождения проявляются в терминологических особенностях, сроках назначения, процедуре исполнения, продолжительности наказания, категориях освобождаемых лиц, а также в механизмах ответственности за уклонение от отбывания.

В российской правовой системе обязательные работы закреплены в статье 3.13 КоАП РФ в качестве основного вида административного наказания. Его сущность заключается в выполнении правонарушителем бесплатных общественно полезных работ в период, свободный от основной занятости (профессиональной деятельности, службы или обучения). Срок данного наказания варьируется от 20 до 200 часов при установлении следующих временных ограничений: максимальная ежедневная продолжительность не может превышать 4 часов, а для лиц, совмещающих наказание с работой или учебой – 2 часов после завершения основных занятий. Эти положения закреплены в статье 3.13 и части 10 статьи 32.13 КоАП РФ[3].

Законодательством Российской Федерации четко регламентированы временные параметры исполнения наказания в виде обязательных работ. Согласно действующим нормам, КоАП РФ, продолжительность данного вида административного воздействия варьируется от 20 до 200 часов, при этом ежедневный лимит отбывания установлен в пределах 4 часов. Особый режим предусмотрен для лиц, совмещающих отбывание наказания с трудовой деятельностью, учебой или службой – для них максимальная продолжительность ежедневных работ после основных занятий ограничена двумя часами.

Отдельного внимания заслуживает круг лиц, освобожденных от данного вида административной ответственности. Законодатель предусмотрел широкий перечень исключений, включающий социально уязвимые категории населения: так обязательные работы не применяются к беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, инвалидам I и II групп, военнослужащим, гражданам, призванным на военные сборы, а также к имеющим специальные звания сотрудникам Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, войск национальной гвардии Российской Федерации, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения Российской Федерации, Государственной противопожарной службы и органов[4].

В системе административной юрисдикции Российской Федерации процедура исполнения наказания в виде обязательных работ представляет собой сложный организационно-правовой механизм, реализуемый судебными приставами-исполнителями, при этом наказание в виде обязательных работ реализуются исключительно на основании судебного акта – постановления суда, наряду с исполнительным листом. Сущность данного процесса заключается в направлении лица, подвергнутого административному наказанию, в организацию, включенную в утвержденный перечень, с последующим осуществлением систематического контроля за надлежащим исполнением назначенных работ. Важно подчеркнуть, что территория исполнения наказания определяется строго по месту постоянного проживания правонарушителя [3]. Процессуальная регламентация возбуждения исполнительного производства предполагает вынесение судебным приставом-исполнителем соответствующего постановления, содержащего комплекс обязательных положений. В данном нормативном акте в обязательном порядке конкретизируется вид назначаемых работ и определяющаяся на муниципальном уровне организация для их отбывания. При этом перечень таких организаций формируется органами местного самоуправления в рамках согласовательного механизма с территориальными подразделениями Федеральной службы судебных приставов. Особое значение в правоприменительной практике имеет институт разъяснения процессуальных прав и обязанностей. Судебный пристав-исполнитель обязан детально информировать правонарушителя о порядке и условиях отбывания наказания, включая установленный десятидневный срок для начала исполнения обязательных работ. Правовой статус лица, подвергнутого наказанию, включает возможность обращения с ходатайством о модификации условий исполнения наказания – изменения вида работ или места их отбывания, а также пересмотра установленной недельной нормы отработки. Контрольная функция судебного пристава-исполнителя реализуется через регулярные проверки организации-исполнителя, включающие мониторинг трудовой дисциплины и фактически отработанного времени. На основе предоставляемых организацией данных осуществляется суммарный учет отработанных часов, что обеспечивает прозрачность процесса исполнения наказания.

В случаях систематического уклонения от исполнения наказания, выражающегося в неявке на работы без уважительных причин или нарушении трудовой дисциплины, законодатель предусмотрел механизм административной ответственности. Судебный пристав-исполнитель уполномочен составлять соответствующий протокол о правонарушении, что влечет применение дополнительных санкций в соответствии с нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Данный механизм обеспечивает действенность рассматриваемого вида административного наказания и его превентивную функцию[5].

Вместе с тем, следует обратить внимание, что в последнем случае, лицо которому назначено данное административное наказание, должен приступить к выполнению работ в течение установленного срока, лишь с момента возбуждения исполнительного производства, а не с момента поступления исполнительного документа, что в свою очередь может повлиять на временной период привлечения лица к исполнению наказания.

В административном законодательстве Республики Казахстан аналогичный вид наказания именуется как общественные работы. Важно отметить, что исследуемый вид

2 Сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8773 (дата обращения: 04.04.2025 г.).

3 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2025. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

4 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2025. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

5 Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс».

наказания в Республике Казахстан был введен относительно недавно, а именно с 10 января 2025 года в соответствии с Законом РК от 10.01.25 г. № 155-VIII (вводится в действие с 1 сентября 2025 г.), ранее применение наказания в виде общественных работ существовало исключительно в рамках уголовного законодательства.

Итак, общественные работы в РК применяются судом в отношении физических лиц и налагаются судом исключительно при наличии согласия физического лица, совершившего административное правонарушение. Общественные работы состоят в выполнении лицом, привлеченным к административной ответственности, не требующих определенной квалификации бесплатных общественно полезных работ, организуемых местными исполнительными органами в общественных местах, расположенных по месту его жительства[6].

Срок общественных работ устанавливается от десяти до ста часов, исчисление происходит в часах. При этом, данные работы должны выполняться не менее одного часа и не более четырех часов в день, в свободное от работы и учебы время. Кроме того, имеется указание, что лица, не имеющие постоянного места работы и не обучающиеся в учебных заведениях, общественные работы выполняют не менее одного часа и не более восьми часов в день, но не более сорока часов в неделю. При этом, общая продолжительность выполнения общественных работ не должна превышать четыре месяца.

Далее рассмотрим категорию лиц, которым не может быть назначен рассматриваемый вид наказания. Общественные работы по КоАП РК не применяются в отношении беременных женщин; женщин, имеющих малолетних детей в возрасте до трех лет; мужчин, воспитывающих в одиночку малолетних детей в возрасте до трех лет; лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста; лиц с инвалидностью первой или второй группы; женщин в возрасте пятидесяти восьми и свыше лет; мужчин в возрасте шестидесяти трех и свыше лет; не проживающих постоянно на территории Республики Казахстан иностранных граждан и лиц без гражданства. Кроме того, в КоАП РК закреплена возможность обращения лица в суд по ходатайству местных исполнительных органов об освобождении лица от выполнения общественных работ [7].

Отдельного рассмотрения требует вопрос ответственности за уклонение от исполнения общественных работ. Административное законодательство Республики Казахстан детально регламентирует основания для привлечения к ответственности за подобные нарушения. Так, к числу признаков уклонения законодатель относит: неявку по официальному вызову уполномоченного органа без уважительных причин; прямой отказ от начала выполнения работ; систематические (более двух случаев) нарушения графика посещений контролирующей организации; появление для исполнения наказания в состоянии различного вида опьянения, подтвержденного соответствующим медицинским освидетельствованием; а также несанкционированный выезд за пределы государства в период отбывания наказания. Полагается, что установление столь детализированного перечня нарушений позволяет правоприменительным органам эффективно осуществлять контроль за исполнением данного вида наказания и обеспечивать его неотвратимость.

Таким образом, справедливо отметить, что в рамках административно-деликтного законодательства обоих государств анализируемый вид санкции представляет собой меру административной ответственности, реализуемую через выполнение правонарушителем общественно полезной деятельности безвозмездного характера.

Принципиальное сходство проявляется в том, что в обеих правовых системах рассматриваемый вид наказания относится к административным санкциям, предполагающим выполнение бесплатных общественно полезных работ (ст. 3.13 КоАП РФ; ст. 54 КоАП РК). Кроме того, имеется сходство и в организационном механизме исполнения наказания, предполагающем: координацию специализированными государственными органами, территориальный принцип организации работ, а также учет основной занятости правонарушителя. В частности, если рассматривать более детально, то общественно полезные работы по КоАП РФ и КоАП РК выполняются лицами в свободное от основной занятости время, под контролем уполномоченных органов (в РФ – ФССП; в РК – местные исполнительные органы), также и там и там имеются схожие временные рамки ежедневного исполнения наказания, в обоих странах присутствует единый подход к защите уязвимых категорий (инвалиды, родители).

Вместе с тем, имеются и отличительные особенности, которые выражаются во-первых, непосредственно в названии самого наказания, где в Российской Федерации это обязательные работы, а в Республике Казахстан – общественные работы. Во-вторых, присутствуют отличия и во временных ограничениях, так российская модель предусматривает срок от двадцати до двухсот часов, казахстанская модель, более гуманна и предусматривает срок от десяти до ста часов. Далее имеются отличия и в дифференцирующем признаке, так в Республике Казахстан круг лиц, освобождаемых от наказания, включает в себя также мужчин, воспитывающих в одиночку малолетних детей в возрасте до трех лет; лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, женщин в возрасте пятидесяти восьми и свыше лет, мужчин в возрасте шестидесяти трех и свыше лет и не проживающих постоянно на территории Республики Казахстан иностранных граждан и лиц без гражданства. Следует выделить также и особенность исполнения наказания, так в РФ оно начинается с момента возбуждения ИП, а не с получения исполнительного листа (что ведет к риску затягивания сроков), а в РК требуется позитивная воля правонарушителя, что усиливает гарантии прав личности, а именно по КоАП РК общественные работы налагаются судом при наличии согласия физического лица, совершившего административное правонарушение.

Таким образом, при общей концептуальной схожести рассматриваемого вида административного наказания, казахстанская модель отличается детализацией процедурных аспектов и более широким охватом социальных гарантий, что может представлять интерес для дальнейшего совершенствования административного законодательства обеих стран.

Пристатейный библиографический список

1. Административное право: учебник / Под общ. ред. А. С. Телегина; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2020. – 340 с.
2. Бочикова А. О. Сравнительно-правовой анализ обязательных работ как вида административного наказания и как вида уголовного наказания // Административное право и процесс. – 2024. – № 8. – С. 36-39.
3. Осинцев Д. В. Административная ответственность: учебник для бакалавриата и магистратуры. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 325 с.

6 Закон Республики Казахстан от 10 января 2025 года № 155-VIII «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33424342&pos=3;-108#pos=3;-108 (дата обращения: 04.05.2025 г.).

7 Закон Республики Казахстан от 10 января 2025 года № 155-VIII «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33424342&pos=3;-108#pos=3;-108 (дата обращения: 04.05.2025 г.).

ЗАКОПЫРИН Владимир Николаевич
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права, Академия права и управления ФСИН России, г. Рязань

САРАТОВСКИЙ Дмитрий Валерьевич
старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности, Рязанский филиал, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ДЕЙСТВЕННОСТИ МИГРАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Настоящая статья посвящена организационно-правовым проблемам учета и контроля за нахождением мигрантов, в том числе трудовых, на территории Российской Федерации. На основе анализа международного опыта в области учета мигрантов предлагаются идеи и основные направления повышения эффективности системы миграционного учета в России. Авторами констатируется, что решение указанных проблем носит комплексный и межведомственный характер, требующий внесения изменений и корректировки нормативно-правовой базы миграционного учета, так как миграционная политика на современном этапе рассматривается не только как оказание услуг, но и становится ключевой сферой в обеспечении национальной безопасности.

Ключевые слова: миграционная политика, миграционный контроль, контроль выезда за территорию субъекта РФ, контроль за превышением установленного срока пребывания на территории РФ.

ZAKOPYRIN Vladimir Nikolaevich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, Academy of Law and Management of the FPS of Russia, Ryazan

SARATOV Dmitriy Valerjevich
senior lecturer of Administrative law and administrative activities sub-faculty, Ryazan branch, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

SOME ASPECTS OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF MIGRATION CONTROL

This article is devoted to the organizational and legal problems of accounting and control over the presence of migrants, including labor migrants, on the territory of the Russian Federation. Based on the analysis of international experience in the field of migrant registration, ideas and main directions for improving the efficiency of the migration registration system in Russia are proposed. The authors state that the solution to these problems is complex and interdepartmental in nature, requiring changes and adjustments to the regulatory framework for migration accounting, since migration policy at the present stage is considered not only as the provision of services, but also becomes a key area in ensuring national security.

Keywords: migration policy, migration control, control of departure from the territory of the subject of the Russian Federation, control over exceeding the established period of stay in the territory of the Russian Federation.

Текущая ситуация с учетом мигрантов в России демонстрирует как успехи, так и проблемы, требующие внимания со стороны государственных структур и общества. Введение реестра мигрантов стало важным шагом в направлении более эффективного контроля за миграционными потоками, однако многие аспекты его функционирования нуждаются в критическом анализе.

С одной стороны, реализация реестра мигрантов позволила собрать и централизовать информацию о мигрантах, пребывающих в стране. Появление единой базы данных стало значительным улучшением по сравнению с предыдущими системами учета, которые зачастую страдали от разрозненности и недостатка актуальной информации. Данный реестр обеспечивает возможность отслеживания миграционных потоков, что помогает государственным органам лучше планировать миграционную политику и принимать обоснованные решения на всех уровнях - от регионального до федерального.

С другой стороны, система учета все еще сталкивается с рядом значительных проблем. Одной из основных трудностей остается качество и полнота данных в реестре. Многие мигранты, несмотря на наличие реестра, продолжают оставаться вне правового поля, что ставит под сомнение эффективность всей системы. Нехватка мотивации для нелегальных мигрантов регистрироваться в системе, а также отсутствие строгих санкций за уклонение от учета приводят к тому, что реестр не отражает истинную картину миграционной ситуации в стране [3]. Совершенствование правового регулирования механизма миграционного учета в определенной степени может улучшить ситуацию (например, Федеральный закон от 23.05.2025 № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан»).

Заметные недостатки существуют и в технической составляющей реестра. Невозможность быстрого и безопасного доступа к данным различными органами власти создает риски для эффективного обмена информацией. В случае возникновения ситуации, требующей оперативно-

го реагирования (например, когда необходимо выявить, установить местонахождение правонарушителей), отсутствие централизованного доступа к актуальным данным может тормозить эти процессы.

Изучение международного опыта в области учета мигрантов может предложить России полезные идеи и стратегии для улучшения своей системы. Некоторые страны успешно внедрили практики, которые могут быть адаптированы к российским реалиям, учитывая специфику миграционных потоков и законодательной базы.

Одним из ярких примеров является Канада, которая разработала комплексную миграционную политику, основанную на принципах прозрачности и легкости доступа к информации для мигрантов. В Канаде существует система, позволяющая мигрантам легко получать информацию о своих правах и процедурах легализации. Кроме того, там активно используется электронная платформа для учета и мониторинга мигрантов, что значительно облегчает процесс и делает его более эффективным. Мигранты могут самостоятельно регистрироваться в системе через интернет, что снижает барьеры для легализации и способствует улучшению статистики по миграционным потокам [1].

Другим примером является Австралия, где существует строгая политика учета мигрантов с использованием, так называемой системы «SmartGate», позволяющей быстро и эффективно обрабатывать информацию о прибывающих лицах. Эта система проверяет документы мигрантов, используя биометрические данные, и в автоматическом режиме сопоставляет их с базами данных. Такие технологии позволяют не только снизить количество ошибок при регистрации, но и ускорить процесс пропуска мигрантов через границу. Австралии удалось пройти путь от субсидируемой миграции с Британских островов через расистскую, по своей сути, политику «Белой Австралии» до современного мультикультурализма, когда гуманитарная составляющая превалирует над экономической целесообразностью. Как отмечают авторы Грицай В. В., Швец А. А. в статье «Современные проблемы миграционных отношений в странах Британского Содружества (на примере Австралийского Союза)» для России опыт построения миграционных отношений и их современное правовое регулирование являются весьма ценными, особенно в части регулируемых миграционных барьеров, которые, с одной стороны, должны обеспечить рост качественной миграции, с другой – не допустить приток нежелательного миграционного элемента. Кроме того, модель миграционного регулирования в Российской Федерации может быть качественно улучшена еще и в части разграничения полномочий в этой сфере между органами государственной власти всех уровней и органами местного самоуправления, и зарубежный опыт в этом процессе наиболее ценен. Применительно к текущей ситуации в отечественной миграционной сфере нужно указать на необходимость формирования новой государственной политики, понимаемой как новый этап освоения и использования малонаселенных территорий страны, с реализацией всех возможных достижений научно-технического и информационного прогресса [4].

В условиях российской границы такой подход может не только сделать ускорить и сделать «прозрачным» въезд иностранцев в Россию, но и значительно повысить эффективность последующего миграционного контроля.

Кроме того, в Германии было реализовано многоуровневое сотрудничество между федеральными, региональными и местными властями с целью учета мигрантов. Это сотрудничество проявляется в совместных рабочих группах, которые анализируют данные о миграции, обсуждают потенциальные угрозы и разрабатывают стратегии интеграции мигрантов в общество. Механизмы обмена данными между ведомствами позволили повысить уровень ответственности и координации в вопросах учета мигрантов, что, в свою очередь, улучшает управление миграционными потоками и способствует более действенному распределению ресурсов [5].

Успешный опыт Новой Зеландии также заслуживает рассмотрения: там используются программы, поддерживающие интеграцию мигрантов, которые учитывают не только их экономическую активность, но и социальные факторы. Государство активно финансирует курсы и программы, ориентированные на обучение языкам и культурной адаптации мигрантов. Это помогло существенно повысить уровень участия мигрантов в экономике страны и улучшило общественное восприятие миграции в целом [2].

Думается, использование Россией инновационных технологий, использование возможностей искусственного интеллекта, использование электронных систем учета, с использованием возможностей системы ГЛОНАСС, как вариант - выдача, совместно с патентом на работу, в миграционном отделе МВД РФ, GPS-трекера с поддержкой несколько способов отслеживания: GPS, GLONASS и LBS, в значительной мере повысит результативность миграционного контроля и выявления правонарушений в сфере обеспечения режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России.

Надо признать, что данные предложения не означают тотального контроля за трудовыми мигрантами. Существуют различные системы спутникового мониторинга ГЛОНАСС/GPS, с возможностью контроля выезда за территорию субъекта РФ в котором мигрант получил регистрацию и патент на осуществление трудовой деятельности, либо контроля за превышением установленного срока пребывания на территории РФ. Программное обеспечение подобных систем будет фиксировать лишь превышение разрешенных сроков пребывания в другом регионе, либо на территории Российской Федерации, а если трудовая деятельность связана с командировками, то в обязанность работодателя будет входить уведомление об этом соответствующих служб.

Стоимость GPS-трекера обязан плачивать либо сам трудовой мигрант, либо его работодатель. Наличие при себе GPS-трекера должно быть обязательным, наравне с другими документами.

Немаловажное значение имеет и создание биометрической базы учета данных мигрантов, что способно повысить не только эффективность процессов учета трудовых мигрантов, но и выявление лиц, нелегально находящихся на территории государства.

Соответственно потребуется переработка нормативно-правовой базы, в частности изменения в статьи 9 и 10

Федерального закона от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», изменения в нормативные правовые акты управления.

Это поможет решить многие проблемы, связанные с профилактикой правонарушением среди иностранных рабочих. Теракт в «Крокус Сити» подтверждение того, к чему может привести не решение проблем, связанных с осуществлением действенного контроля за мигрантами внутри страны.

На основе вышесказанного можно выделить несколько ключевых аспектов, которые могут помочь России улучшить контроль за мигрантами. Это внедрение электронных систем учета и мониторинга; создание межведомственных рабочих групп для повышения координации усилий в области миграционной политики и учёта. Важное значение имеют и интеграционные программы, которые помогут улучшить социальную адаптацию мигрантов и снизить уровень конфликтов в обществе. Применение этих методов может значительно повысить качество учета и управление миграционными потоками в России, снизить количество правонарушений и преступлений, совершаемых мигрантами.

Таким образом, анализ приведенных доводов позволяет констатировать, что проблема контроля за мигрантами, как важная составляющая профилактики правонарушений, в Российской Федерации обнажает ряд критических аспектов, требующих внимания со стороны государственных органов и общества в целом.

Ключевым выводом является важность для стабильности и безопасности страны, так как недостаток информации о нелегальных мигрантах затрудняет реализацию эффективной миграционной политики и не способствует эффективной профилактике правонарушений и преступлений, совершаемых мигрантами.

Результаты анализа успешных практик из других стран показывают, что Российская Федерация может извлечь ценные уроки из международного опыта, адаптируя их к российскому контексту с учетом существующих проблем и особенностей миграционных течений и выработать собственную эффективную стратегию.

Также, результатом исследования является вывод о том, что для успешной реализации системы учета мигрантов в России необходима комплексная стратегия, включающая усилия различных, и не только правоохранительных ведомств. Недостаток координации между государственными структурами затрудняет работу и зачастую приводит к дублированию функций, что негативно сказывается на эффективности учетных систем. Координация межведомственных усилий и создание рабочих групп могут помочь наладить взаимодействие и повысить ответственность за результаты в сфере миграционной политики государства.

Контроль за пребыванием мигрантов в России, профилактика правонарушений и преступлений – это многогранная задача, требующая взвешенного подхода, и, безусловно, требует дальнейшего исследования и оптимизации существующих систем. Путем объединения усилий государства, общества и мигрантов необходимо создать безопасную и эффективную систему, способствующую развитию страны и улучшению жизни всех граждан, как местных, так и приезжих.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамян Д. М. Особенности иммиграционной политики Канады: историко-культурный и экономико-правовые аспекты // Вестник Академии права и управления. - 2017. - № 3. - С. 107-114.
2. Герасимова И. В., Пискачев А. А. Механизм реализации модели интеграции на примере Новой Зеландии // Вестник университета. - 2013. - № 20. - С. 208-213.
3. Гончаров Д. Ю., Гончарова С. Г. Общественная опасность фиктивного миграционного учета иностранных граждан или лиц без гражданства // Правопорядок: история теория, практика. - 2021. - № 3. - С. 56-59.
4. Грицай В. В., Швец А. А. Современные проблемы миграционных отношений в странах Британского Содружества (на примере Австралийского Союза) // Общество и право. - 2019. - № 4. - С. 120-123.
5. Казарян К. В. Государственно-правовое регулирование миграционной деятельности в Германии // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. - 2019. - № 1. - С. 249-257.
6. Рязанцев С. В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. - 2019. - № 9. - С. 117-126.

ИГНАТЬЕВА Ирина Валентиновна
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Иркутск

СУВОРОВА Анастасия Юрьевна
преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Восточно-Сибирский юридический институт МВД России, г. Иркутск

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» И ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена анализу актуальных проблем правового регулирования сети Интернет в контексте защиты прав и свобод человека в Российской Федерации. Авторы статьи акцентируют внимание на необходимости соблюдения конституционных прав на доступ к информации (ст. 29 Конституции РФ) при одновременном обеспечении защиты от противоправного контента, киберпреступности и мошенничества. Особая роль при этом отводится Стратегии развития информационного общества (2017 – 2030 гг.) в установлении приоритетов государственной защиты прав граждан в цифровой среде. Авторы статьи подчеркивают, что пользователи Интернета имеют право на защиту от фишинга, мошенничества, кражи данных и других киберугроз. В статье анализируются изменения действующего законодательства, в том числе, на примере Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральных законов. Делается вывод, что эффективное правовое регулирование интернета возможно только при сочетании технологических инноваций, законодательных реформ и уважения к фундаментальным правам человека.

Ключевые слова: Интернет, киберпреступность, мошенничество, фишинговые атаки, смишинг, вишинг, программное обеспечение, онлайн-технологии, таргетированная реклама, фрейминг, агенда-сеттинг.

IGNATJEVA Irina Valentinovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of General theoretical and state-legal disciplines sub-faculty, East Siberian branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Irkutsk

SUVOROVA Anastasiya Yurjevna
Lecturer of the Department of Administrative law and administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

CURRENT ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE INTERNET AND THE PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the analysis of current issues of legal regulation of the Internet in the context of protecting human rights and freedoms in the Russian Federation. The authors of the article focus on the need to comply with constitutional rights to access information (Article 29 of the Constitution of the Russian Federation) while ensuring protection against illegal content, cybercrime and fraud. A special role is given to the Strategy for the Development of the Information Society (2017 – 2030) in establishing priorities for state protection of citizens' rights in the digital environment. The authors of the article emphasize that Internet users have the right to protection from phishing, fraud, data theft and other cyber threats. The article analyzes changes in current legislation, including the example of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, Federal Laws. It is concluded that effective legal regulation of the Internet is possible only with a combination of technological innovations, legislative reforms and respect for fundamental human rights.

Keywords: Internet, cybercrime, fraud, phishing attacks, smishing, vishing, software, online technologies, targeted advertising, framing, agenda setting.

Интернет – это глобальная система взаимосвязанных компьютерных сетей, которая объединяет миллиарды устройств по всему миру. Он позволяет обмениваться информацией, общаться, работать и получать доступ к ресурсам независимо от географического положения. Интернет продолжает развиваться: появляются новые технологии (спутниковый интернет Starlink, 5G), а его роль в мире только усиливается[1]. Это не просто сеть – это инфраструктура современной цивилизации, которая связывает людей, идеи и ресурсы в единое цифровое пространство.

В Российской Федерации официальное определение «Интернета» дается в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее ФЗ № 149-ФЗ). В этом законе в статье 2 «Интернет» раскрывается как информационно-телекоммуникационная сеть, которая является технологической системой, предназначенной для передачи по линиям связи информации с доступом к ней средствами вычислительной техники[2].

1 Число пользователей интернета в мире выросло до 4,1 млрд. человек.

2 Другие законы, регулирующие использование интернета в России: Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ @@ Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 № 98-ФЗ @@ Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ @@ Постановление Правительства РФ от 15 июня 2009 года № 478 «О единой системе информационно-справочной поддержки граждан и организаций по вопросам взаимодействия с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет» @@ Кроме того, с 1 сентября 2025 года вступает в силу Федеральный закон от 07.04.2025 № 72-ФЗ «О внесении изменений в статью 12 Федерального закона «О противодействии экстремистской

В последнее время все чаще и чаще обсуждают защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в контексте популяризации интернета. Причин этому явлению несколько и все они связаны с трансформацией общественных отношений под влиянием интернета. Повышение информированности граждан позволяет населению получать данные о деятельности государства, нарушениях прав и социальных проблемах, что усиливает требования к прозрачности и ответственности власти. Например, портал государственных услуг позволяет получать необходимые услуги онлайн[3], исключив возможность посредничества и коррупционных проявлений. Электронные площадки закупок, где информация о тендерах и контрактах доступна каждому желающему. Официальные сайты органов государственного и муниципального управления, которые являются эффективным средством распространения официальной информации о деятельности властных структур. Таким образом, доступ к открытым данным помогает стимулировать общественную активность и контролировать действия должностных лиц. Такие инструменты позволяют своевременно реагировать на возможные нарушения, а общественный резонанс на случаи нарушений прав становится неизбежным из-за быстрого распространения информации в сети Интернет, что препятствует их сокрытию.

С другой стороны, право на доступ к Интернету одновременно расширяет возможности реализации прав и создаёт новые угрозы, такие как киберпреступность и мошенничество, что, бесспорно, отражается на защите прав и свобод человека и гражданина в РФ. Так, количество фишинговых атак[4] с использованием Telegram увеличилось в 3,6 раза, через WhatsApp (принадлежит признанной в России экстремистской и запрещённой корпорации Meta) – в 4 раза. Злоумышленники маскируют фишинговые ссылки под сообщения от друзей, курьеров или представителей сервисов [3].

Разновидностью фишинговых атак является электронный фишинг (почтовый) – мошенники отправляют письмо, которое выглядит как сообщение от банка, магазина или другой официальной организации. Внутри есть ссылка и мотивация к действию, например, подтвердить аккаунт или проверить персональную скидку. Примером тому служит подделки страницы входа на «Госуслуги». Пользователь получает «уведомление» о штрафе или судебной задолженности, переходит по ссылке и без подозрений вводит логин и пароль, которые и являются целью мошенников [3].

Мошенники часто маскируют ссылки, сокращая URL или длинные адреса, чтобы запутать жертву. Также они могут вставлять символы, похожие на буквы (например, «0» вместо «о»). В сообщениях используются психологические триггеры и уловки: предупреждение о срочной необходимости подтвердить или обновить личные данные, запугивание возможными финансовыми потерями или юридическими последствиями в случае неисполнения «требований». Это, так называемые, СМС-фишинги (смишинг) – короткие сообщения со ссылками, обещающие призы, скидки или требующие оплаты, например: «Ваша посылка задержана, оплатите 300 рублей здесь», или голосовые фишинги (вишинг) – злоумышленники звонят, представляясь сотрудниками банка, полиции или почты, и просят сообщить данные (код из СМС или просьба где-то авторизоваться). Участились атаки с использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ). Генерируются голоса «родственников» или сотрудников компаний, подделываются официальные письма и даже печати. С массовым переходом компаний в облако выросло число атак на облачных провайдеров. Только по данным Kaspersky Security Network, в первом квартале 2025 года было нейтрализовано более 12 млн атак с использованием вредоносного мобильного, рекламного или нежелательного программного обеспечения (далее – ПО) [4].

Вредоносное ПО (Malware) включает вирусы, трояны, черви и шпионские программы. Такие программы могут нанести ущерб системе, украсть конфиденциальные данные или предоставить злоумышленникам удалённый доступ к устройству. По данным Центра ресурсов по борьбе с хищением персональных данных, за первое полугодие 2025 года было зафиксировано 1732 инцидента утечек данных, что на 11 % больше, чем за аналогичный период 2024 года [1].

28 июля 2025 года хакерская атака нарушила работу IT-систем «Аэрофлота», что привело к отмене десятков рейсов, массовым сбоям в расписании и большим финансовым потерям перевозчика. В октябре 2024 года произошла крупная атака на ГАС «Правосудие» и российские СМИ. Хакеры взломали государственную систему, которая используется для управления судебными процессами, и парализовали работу нескольких крупных российских СМИ, включая ВГТРК [2].

Еще одной угрозой являются и манипуляции в цифровой среде – это использование онлайн-технологий, включая алгоритмы социальных ботов и автоматизированные скрипты, в коммерческих, социальных, военных или политических целях. Например, таргетированная реклама как один из примеров манипуляций в цифровой среде. Активность в социальных сетях и другие данные могут использоваться для анализа личности людей и прогнозирования их поведения и предпочтений. На основе этой информации может создаваться информация, адаптированная к психике человека.

Пропаганда в интернете также может использоваться для манипуляции общественным мнением. К ней относятся фрейминг и агенда-сеттинг[5], то есть выборочное представление информации таким образом, чтобы направить внимание аудитории на определённые аспекты событий или проблем.

Нельзя обойти стороной использование символов и метафор. Создание эмоциональной связи с аудиторией, например, использование национальных символов для вызова патриотических чувств или метафорическое изображение политических соперников для создания отрицательного образа. Далее, создание искажённого представления реальности, влияющего на общественное мнение, так называемое селективное освещение и пропускание фактов[6].

деятельности» и Федеральный закон «О рекламе». Этот закон с 1 сентября 2025 года запрещает размещение любой рекламы на ресурсах, признанных экстремистскими или нежелательными, а также на сайтах и в приложениях, доступ к которым заблокирован в России.

3 Gosuslugi.ru – официальный сайт «Госуслуг» (Федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) Российской Федерации»).

4 Фишинговые атаки (фишинг, англ. phishing) – это способ интернет-мошенничества, при котором злоумышленники пытаются получить личную информацию пользователей: логины, пароли, номера банковских карт и т.д. – с помощью маскировки под надёжные источники. Цель – заставить человека перейти по ссылке, ввести данные и тем самым передать их мошенникам.

5 Пример фрейминга: в рекламе акцент делается на конкретных характеристиках, чтобы повлиять на решение клиента. Например, может уделяться внимание проценту удовлетворённых клиентов, при этом потенциальные недостатки остаются в тени. Пример агенда-сеттинга: СМИ преподносят события в виде готовой схемы, определяя иерархию значимости. Аудитория узнаёт, о чём следует думать в первую очередь и как следует об этом думать. Средством может служить порядок расположения статей, количество отведённых страниц на определённые темы, порядок презентации сюжетов в новостях.

6 Пример селективного освещения и пропускания фактов – новостной телесюжет, показанный 12 и 13 июля 2014 года на «Первом канале» российского телевидения. В репортаже говорилось о якобы имевших место издевательствах украинских силовиков над поддерживавшими ДНР жителями города Славянска, в том числе о распятии трёхлетнего мальчика на глазах у его матери.

Зачастую средствами массовой информации (далее – СМИ) используется дезинформация и фальсификация, то есть распространение ложной или искажённой информации для введения в заблуждение аудитории[7].

Использование данных для социального контроля может включать, например, технологию «подталкивания». Она ориентирует людей, задавая им определённое направление поведения, при этом, не принимая явную форму манипуляции или обмана. Например, простые СМС-сообщения с напоминанием о вакцинации, визите к врачу или сдаче анализов заметно повышают явку – особенно в уязвимых группах. Для защиты прав и свобод человека в онлайн-среде необходимо принимать комплексные меры, вот почему государство и общество вынуждены пересматривать подходы к защите, сочетая технологические инновации с правовыми механизмами. Эти подходы направлены на борьбу с деструктивным контентом, обеспечение безопасности персональных данных и контроль за цифровыми сервисами. Так, Федеральным законом от 31.07.2025 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» внесены поправки в КоАП РФ, согласно которым с 1 сентября 2025 года вступит в силу статья 13.53 КоАП, вводящая административную ответственность за умышленный поиск и доступ к экстремистским материалам, в том числе через VPN-сервисы[8]. Нарушителям грозит штраф от 3 000 до 5 000 рублей, если они искали материалы, признанные экстремистскими Министерством юстиции РФ (далее – Минюстом) или указанные в п. 3 ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Федеральным законом от 28.02.2025 № 23-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» с 1 июля 2025 года запрещено первичное хранение данных граждан РФ на зарубежных серверах. Согласно закону, весь цикл работы с персональными данными – от сбора до удаления – должен происходить только на территории России. Исключение – ситуации, когда база связана с международным договором, нужна для научной деятельности, функционирования госорганов, работы журналистов.

Так, штрафы за нарушения в сфере обработки персональных данных выросли до 18 млн руб. для юридических лиц (ч. 8 ст. 13.11 КоАП РФ). Введены оборотные штрафы (до 3 % выручки) за повторные нарушения (ч. 15 ст. 13.11 КоАП). Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» статьей 15.1 установлена блокировка сайтов с призывами к массовым беспорядкам, детской порнографией и пропагандой наркотиков.

Контроль за цифровыми сервисами осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор)[9].

Таким образом, важнейшей стратегической задачей государства в новых технологических условиях было и остается обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от условий их реализации. Российское законодательство активно адаптируется к цифровым вызовам, сочетая репрессивные меры с требованиями к локализации данных. Однако, баланс между безопасностью и защитой прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации возможен только при сочетании технологических инноваций, законодательных реформ и уважения к фундаментальным правам человека.

Пристатейный библиографический список

1. Взломать за 60 секунд. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7737707 (дата обращения: 17.08.2025).
2. ГАС «Правосудие» восстановила работу // К сбою привела хакерская атака. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/discussion/2024/11/11/ (дата обращения: 17.08.2025).
3. Фишинг в 2025-м – мошенники всё чаще маскируются под банки, мессенджеры и маркетплейсы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://securitymedia.org/news/fishing-v-2025-m-moshenniki-vsye-chashche-maskiruyutsya-pod-banki-messendzhery-i-marketpleysy.html (дата обращения: 17.08.2025).
4. Цифровая гигиена и шифры: как защититься от киберугроз в 2025 году. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/industry/689c16349a794724f9b733c6 (дата обращения: 17.08.2025).

Впоследствии СМИ выяснили, что сюжет был выдумкой, в чём призналась и сама «очевидица». Однако первое сообщение о распятом ребёнке за счёт глубокой эмоциональной травмы, которую оно вызывало, надолго определило взгляды получивших эту информацию людей.

7 Примером может послужить распространение фейковых новостей во время пандемии Covid-19. В социальных сетях активно распространялась новость о том, что вирус распространяется через 5G. В фейковой новости утверждалось, что мобильная технология негативно воздействует на иммунную систему, а вирус передаётся через радиоволны. Хотя эти утверждения не соответствуют действительности и неоднократно опровергались, они по-прежнему широко распространены.

8 VPN-сервисы (Virtual Private Network – виртуальная частная сеть) позволяют создать зашифрованное соединение между устройством и интернетом. Использование VPN-сервисов само по себе не является нарушением, если оно не связано с доступом к запрещённым сайтам и материалам. Ответственность может наступить лишь в исключительных случаях: либо при использовании VPN с противоправными целями, либо при неоднократном доступе к экстремистским материалам. Законодатели прогнозируют риск «цифрового тоталитаризма»: 40 % граждан РФ используют VPN, и новые нормы могут привести к массовым штрафам.

9 Результаты работы Роскомнадзора в 2024 году: отражено почти 11 тысяч DDoS-атак; заблокировано около 30 тысяч фишинговых сайтов и 217 веб-ресурсов, распространяющих вредоносные программы; устранено 8,3 тысячи сбоев в маршрутизации интернет-трафика; центр мониторинга обеспечил защиту более 6 тысяч интернет-ресурсов, относящихся к 869 организациям; развёрнута альтернативная инфраструктура, в которую входят Национальная система доменных имён и реестр адресно-номерных ресурсов, призванные минимизировать риски, связанные с отказами зарубежных сервисов; предотвращено мошенничество в телефонных сетях с помощью систем «Антифрод», препятствующей звонкам с подменных номеров, и КСИМ, отвечающей за контроль идентификационных данных абонентов. «Антифрод» – система блокировки звонков с подменных номеров**.** Она проверяет, действительно ли номер принадлежит звонящему. Если номер поддельный, звонок блокируется до соединения. К системе подключены все крупные операторы связи, например МТС, «МегаФон», Tele2, «Билайн». КСИМ – система контроля владельцев SIM-карт, в том числе иностранных граждан. Операторы сверяют данные клиентов с госбазами, и если есть несоответствия, требуют их подтверждения. Цель системы – пресечь использование SIM-карт с ложными данными, снижая риск мошенничества.

ЛЕСИК Виталий Андреевич
начальник отдела уголовного розыска ОМВД России по г. Евпатория, Республика Крым, подполковник полиции

АКТУАЛИЗАЦИЯ НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ ДЕЛИКТАЦИИ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ НАДЗОРЕ ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье обосновывается необходимость исследования актуальной для административно-правовой науки темы – характеристике деликтации нарушений законодательства России об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также научного обоснования предложений для совершенствования регулирования системы обязанностей и ограничений, устанавливаемых для данной категории лиц, повышения эффективности применения административно-деликтных санкций за нарушение соответствующих запретов.

На основании изучения научных и учебных публикаций, административно-деликтной ситуации, изложены предложения по состоянию его научной разработки, предмету, объекту, методике, содержанию, а также предполагаемым результатам.

Ключевые слова: актуализация, деликтация, административная ответственность, административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

LESIK Vitaliy Andreevich
Head of the Criminal Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Evpatoria, Republic of Crimea, colonel of police

ACTUALIZATION OF THE NEED TO STUDY THE PROBLEMS OF DELICT VIOLATIONS OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF PERSONS RELEASED FROM PLACES OF IMPRISONMENT

The article substantiates the need to study a topic that is relevant to administrative-legal science - the characteristics of the delict of violations of the Russian legislation on administrative supervision of persons released from places of imprisonment, as well as the scientific substantiation of proposals to improve the regulation of the system of duties and restrictions established for this category of persons, increasing the effectiveness of the application of administrative-tort sanctions for violating the relevant prohibitions. Based on the study of scientific and educational publications, the administrative-tort situation, proposals are presented on the state of its scientific development, subject, object, methodology, content, as well as expected results.

Keywords: updating, delict, administrative responsibility, administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty.

Одним из индикаторов достижения основной цели отечественной государственной политики в области противодействия преступности (создание социальной обстановки, в которой преступный способ удовлетворения потребностей теряет привлекательность), является сокращение числа преступлений, совершённых в условиях рецидива [1].

Несмотря на усилия судебной системы, и правоохранительных органов в России в 2021 – 2024 годах более половины (2021 г. – 60,0 %, 2022 г. – 60,4 %, 2023 г. – 59,8 %, 2024 – 57,1 %) преступлений, расследованных органами внутренних дел (далее – ОВД), совершено лицами, ранее судимыми за преступления. В отдельных регионах России этот показатель значительно выше: Республика Северная Осетия-Алания – 70,7 %, Республика Ингушетия – 70,5 %, Московская область – 67,7 %, Курская область – 64,4 %, Тульская область – 62,9 %, Самарская область – 62,6 % и др.[1]

Основу предупреждения повторной, в том числе и рецидивной преступности, сегодня в Российской Федерации составляют пенитенциарная и постпенитенциарная пробация и административный надзор [2].

К основным новациям в этой области следует отнести внедрение в систему профилактического воздействия на ранее судимых лиц различных форм коррекции их социального поведения (ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации)[2].

В тоже время, наиболее эффективными являются контрольно-надзорные мероприятия, проводимые ОВД в отношении лиц, перечень которых определён в ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ (далее – ФЗ № 64-ФЗ), а также привлечение поднадзорных, нарушающих установленные для них ограничения и невыполняющих обязанности, к административной или уголовной ответственности.

В 2024 г. МВД России осуществлялась индивидуальная профилактическая работа в отношении 94919 поднадзорных ((снижение на 8,7 % по сравнению с 2023 г., кроме Калужской области (+4,4 %), Липецкой области (+3,6 %), Московской области (+9,1 %), Тамбовской области (+5,6 %), Республики Карелия (+6,2 %), Ставропольского края (+2,1 %), Республики Северная Осетия – Алания (+16,8 %), Челябинской области (+4,1 %), Алтайского края (+4,4)), Республика Саха-Якутия (+5,7 %), Томской области (+2,6 %), Республика Тыва (+42,7 %), Республика Бурятия (+1,8 %)).

В результате этих мероприятий за совершение правонарушений, ответственность за которые предусмотрена ст. 19.24 КоАП РФ, административному наказанию в судебном

1 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2024 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/57279296/(дата обращения: 25.01.2025) @@ Состояние преступности в России в 2021-2024 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports (дата обращения: 16.04.2025); Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Гарант.ру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/12125267/ (дата обращения: 16.04.2025).

2 Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Гарант.ру. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/12125267/ (дата обращения: 16.04.2025).

порядке подвергнуты в 2021 г. – 190 736, 2022 г. – 199 206, 2023 г. – 191 432, 2024 г. – 160 013 поднадзорных[3].

Негативная динамика преступлений, совершённых лицами повторно, в более чем 10 % регионах России, наличие фактов уклонения 11 тыс. поднадзорных от административного надзора (- 19 %, 2023 г. + 18,8 %), свидетельствуют о не достаточной эффективности уголовно-правовых и административно-деликтных средств, применяемых к лицам, находящимся под надзором ОВД и УИИ ФСИН.

По данным ГИАЦ МВД России, в 2023 г. на учетах ОВД состояли более 100 тыс. (103 965) лиц, подпадающих под действие административного надзора. Под надзором находилось 114 221 лицо, из них поставлены по инициативе исправительных учреждений – 79 774 лица, по инициативе ОВД – 34 447. За совершение тяжкого, особо тяжкого преступления под административным надзором состояло 52 331 лицо, преступления при рецидиве преступлений – 66 289, из них при опасном, особо опасном рецидиве – 58 683 лица, умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего – 7 967 лиц, из них против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетнего – 7 479 [3, с. 32].

Следует отметить, что в 2023-2024 гг. в ФЗ № 64-ФЗ было внесено ряд, необходимость которых обосновывалось: необходимостью усиления правовой защиты лиц, которые участвуют в специальной военной операции (по призыву, контракту или в добровольческих сформированиях), высокую степень потенциальной опасности для общества и государства лиц, имеющих непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, а также лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии и др.[4]

Проведение на территории России специальной военной операции, предусматривающей призыв лиц на военную службу по контракту, мобилизацию граждан, пребывание их в добровольческом формировании, предусмотренном ФЗ от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне»), повлекли внесение изменений касающиеся оснований для ответственности за несоблюдение административных ограничений или невыполнение обязанностей, предусмотренных эти законом (ч. 1 ст. 30), особенностей соблюдения административных ограничений и выполнения обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре, на территории, на которой введено военное положение (ст. 4.1), и др.

Кроме этого, к числу граждан, которым может быть установлен административный надзор, включены лица, совершившие преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 210.1 УК РФ; расширен список мест, посещение которых запрещено лицу, имеющему непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего (п. 3 ч. 2 ст. 3); дополнены обязанности поднадзорного (п. 2 и п. 6.1 ч. 1 ст. 11).

Изменения и дополнения, предусматривающие установление дополнительных обязанностей и ограничений для поднадзорных, а также особенности их реализации в особых условиях, влияют на деликтизацию нарушений установленных в законодательстве требований и конкретизируют условия их привлечения к административной или уголовной ответственности.

По нашему мнению, внедрение в Росси пробации, целями которой «…является коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых она применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений»[5], должна постепенно распространяться и на лиц, которые осуждались к уголовному наказанию, связанному с лишением свободы, что предусматривает изменение основного способа влияния их поведение: с репрессивного на социально-адаптивный.

Использование возможностей постпенитенциарной пробации в отношении поднадзорных, а также признание административной ответственности одним из основных способов обеспечения реакции государства на совершаемые ими правонарушения, предусматривает совершенствование законодательного регулирования системы обязанностей и ограничений, устанавливаемых для данной категории лиц, а также повышения эффективности применения административно-деликтных санкций за нарушение соответствующих запретов с учетом тенденций административно-деликтной и уголовно-правовой политик, исторического опыта и актуальной правоприменительной практики.

Думается, что решению указанных выше задач будет способствовать проведение исследования, направленного на характеристику теоретической основы и критериев деликтизация нарушений законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также обоснование предложений для оптимизации структуры соответствующих норм права об административной ответственности.

Оценивая состояние научной разработки темы, необходимо отметить, что исследование вопросов уголовно-правовой и административной деликтизации противоправных деяний поднадзорных, как правило, рассматриваются в контексте: установления ответственности за различные по степени общественной опасности, но схожие по родовому объекту, правонарушения; закрепления преюдициального основания уголовной ответственности в связи с неоднократным несоблюдением поднадзорным ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, сопряженных с совершением административных правонарушений, перечень которых установленных в ч. 2 ст. 314.1 УК РФ.

Следует отметить, что вопросы административной ответственности за несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре, раскрыты в научных трудах В. А. Поникаровым, И. Н. Князевой, О. А. Курбатовой, А. А. Козиной и др.

Теоретической основной изучения вопросов деликтизации в целом, а также административной ответственности в области административного надзора за лицами, освобождёнными их мест лишения свободы, являются работы А. О. Астаховой, И. Н. Бараева, Г. Р. Баркаева, А. Г. Бачурина, О. И. Бекетова, З. В. Бициева, А. В. Ванькова, Я. Е. Гензюка, А. Г. Гришакова, В. В. Денисенко, А. Н. Доброва, Е. А. Жарких, Т. М. Заниной, В. В. Игнатенко, Е. В. Кашкиной, В. Р. Кисина, Ю. И. Попугаева, А. Г. Репьева, О. С. Рогачовой, Ю. П. Соловья, В. И. Холманского, А. П. Шергина, В. Н. Цындри и др.

В частности, научным ядром предполагаемого нами исследования будут являться монографические труды В. В. Денисенко, А. Н. Жеребцова, В. В. Игнатенко, И. В. Максимова, Ю. П. Попугаева, О. С. Рогачовой, А. П. Шергина, в которых отражены концептуальные основы теорий административной деликтизации и конструирования административно-деликтных норм.

К основным задачам исследования заявленной темы могут быть отнесены: изучение генезиса административно-деликтного законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы в России, установление сущности деликтизации нарушений законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы как метода деликтной политики в РФ; формулирование понятия, целей и раскрытие содержания деликтизация нарушений законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; определение соотношения деликтизации и криминализации нарушений законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; характеристика социального, нормативно-правового и обеспечительного (ресурсного) критериев деликтизация нарушений законодательства об административном надзоре за лицами, освобож-

3 Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2021-2024 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cdep.ru/ (дата обращения: 15.12.2024).

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/calendar/b/day/2025-04-28/2025-04-29/1.1.

5 Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации 06 февраля 2023 г. - № 6. - Ст. 917.

денными из мест лишения свободы; выявление особенностей конструирования диспозиции и санкций норм права об административной ответственности за нарушение законодательства России об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; обоснование предложений для совершенствования законодательства об административных правонарушениях и практики его реализации.

Объектом исследования могут быть признаны правоотношения, связанные с установлением административной ответственности за нарушение лицом законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Предметом исследования являются критерии деликтизация нарушений законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также практика их закрепления в законодательстве об административных правонарушениях.

Обеспечение репрезентативности исследование предусматривает использования общенаучных и специально-юридических методов познания. В частности, метод системного анализа позволяет установить место деликтизации в системе методов административно-деликтной политики; структурно-функциональный метод способствует рассмотрению деликтизации как правового явления, состоящего их ряда взаимодействующих элементов: социального, нормативно-правового и обеспечительного (ресурсного); с помощью догматического метода деликтизация будет рассмотрена как социально-правовой феномен, которому присущи уникальные характеристики, влияющие на определение его сущности; историко-правовой метод позволит проследить развитие научных подходов к деликтизации, а также их отражение в отечественном административно-деликтном законодательстве; анализ текстов документов позволит изучить процесс отражения правовых идей, касающихся деликтизации рассматриваемых нами деяний, в законах, законопроектов и правоприменительных актов, а также изучить специфику применяемых способов юридической техники; метод сравнительного правоведения обеспечит выявление оснований для деликтизации нарушений законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в других странах; методы статистического анализа будут использованы для характеристики состояния деликтной ситуации в области привлечения поднадзорных к административной ответственности и определения зависимости её динамики от изменений, вносимых в административное и уголовное законодательство и др.

Обеспечению объективности исследования будет способствовать использование материалов судебной и правоохранительной практики за 2020 – 2025 гг., изучение материалов к законопроектам (пояснительных записок, заключений комитетов Государственной думы, правового управления, стенограмм заседаний Государственной думы, её комитетов и комиссий), материалов и результатов их общественных обсуждений; результаты опросов лиц, уполномоченных на привлечение поднадзорных к административной ответственности и контроль за их поведением (судей, сотрудников ОВД); публикации в открытых источниках, в том числе и размещенных в сети интернет и др.

В результате исследования планируется сформировать технико-юридическую модель деликтизации нарушений законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также разработать научно-обоснованные предложения для оптимизации соответствующих норм права об административной ответственности.

К элементам новизны, которые планируется сформулировать в исследовании, могут быть отнесены: выделение закономерностей, присущих основным периодам развития отечественного законодательства об административной ответственности поднадзорных; расширение теоретических представлений о сущности деликтации в целом, и её специфики в области отельных административных правонарушений; формулирование определения понятия «деликтизация нарушений законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и раскрытие его содержания; разработка критериев для разграничения деликтизации и криминализации нарушений законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; уточнение материальных и процессуальных основ деликтизация нарушений законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: социальной обоснованности административной ответственности, процедуры разработки законопроектов, касающихся регулирования отношений в области юридической, в первую очередь административной, ответственности поднадзорных; характеристика элементов структуры норм административно-деликтных норм, устанавливающих административную ответственность поднадзорных за нарушение законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; обоснование комплекса предложений для оптимизации с позиции формулирования диспозиции, уточнения санкции нормы права, закрепленной в ст. 19.24 КоАП РФ «Несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре».

Результаты данного исследования предполагается использовать в образовательном процессе подготовки лиц, обучающихся в образовательных организациях МВД России по специальностям 40.05.01 – Правовое обеспечения национальной безопасности и 40.02.02 – Правоохранительная деятельность; направлению подготовки 40.03.02 – Обеспечение законности и правопорядка. В частности, при освоении учебных дисциплин «Административное право», «Административная деятельность полиции», «Организация деятельности участкового уполномоченного полиции», «Практикум по административной юрисдикции органов внутренних дел», «Уголовное право», «Предупреждения административных правонарушений и преступлений органами внутренних дел» и других, в рамках которых формируются компетенции, связанные с квалификацией административных правонарушений и преступлений, осуществлением индивидуальной профилактической работы, толкованием норм прав и разработкой предложений для совершенствования административного законодательства.

Изложенные нами положения, составляют методологическую основу исследования проблем деликтизации нарушений законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Их использование позволит упорядочить ход его проведения, сконцентрировать исследовательские усилия на наиболее актуальных и практически значимых аспектах темы, согласовать полученные в работе результаты с традиционными и современными представлениями о сущности административной ответственности поднадзорных за нарушение законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, сложившимися в юриспруденции, провести аналитическую оценку состояния деликтности в этой области и др.

Пристатейный библиографический список

1. Гаджиев Д. М. Понятие, парадигма и цели противодействия преступности, дифференциация мер предупреждения // Научные высказывания. - 2023. - № 22 (46). - С. 122-128.
2. Пономарева А. А. Пробация как институт профилактики повторных преступлений и проблемы взаимодействия субъектов пробации // Актуальные проблемы профилактики повторной преступности: Сборник материалов Региональной межведомственной научно-практической конференции, Пермь, 21 марта 2024 года. - Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. - С. 72-78.
3. Занина Т. М., Моргунов Д. М. Административный надзор в системе профилактики повторной преступности // Научный портал МВД России. - 2024. - № 4 (68). - С. 30-36.

КЛИМОВА Олеся Валерьевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Дальневосточный филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Хабаровск

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ СОТРУДНИЧЕСТВА МВД РОССИИ С КОМПЕТЕНТНЫМИ ВЕДОМСТВАМИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

В статье исследуются общественные отношения правового характера, складывающиеся в результате осуществления международного сотрудничества правоохранительных органов в рамках международных договоров межведомственного характера. Автором проанализированы вопросы реализации международных межведомственных договоров, заключаемых органами внутренних дел с компетентными ведомствами иностранных государств. Автором предпринята попытка вычленения некоторых проблем имплементации международных договоров межведомственного характера и предложены возможные пути совершенствования законодательства, а также внутриведомственного нормотворчества. Особое внимание уделено месту международных договоров межведомственного характера в правовой системе России. Разработаны теоретические предложения, направленные на повышение эффективности реализации международных договоров межведомственного характера.

Ключевые слова: реализация международных договоров, международный межведомственный договор, международное сотрудничество, правоохранительные органы, соглашения о взаимодействии.

KLIMOVA Olesya Valerjevna
Ph.D. in Law, associate professor of State and legal disciplines sub-faculty, Far Eastern branch, Russian State University of Justice, Khabarovsk

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF INTERDEPARTMENTAL AND INTERNATIONAL COOPERATION AGREEMENTS BETWEEN THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA AND COMPETENT DEPARTMENTS OF FOREIGN STATES

The article examines the legal relations that arise as a result of international cooperation between law enforcement agencies within the framework of international interdepartmental treaties. The author analyzes the implementation of international interdepartmental treaties concluded by the Ministry of Internal Affairs with the competent authorities of foreign countries. The author attempts to identify some of the challenges in implementing international interdepartmental treaties and suggests possible ways to improve legislation and internal departmental regulations. Special attention is given to the role of international interdepartmental treaties in the legal system of Russia. Theoretical proposals have been developed to improve the implementation of international interdepartmental treaties.

Keywords: implementation of international agreements, international interdepartmental agreement, international cooperation, law enforcement agencies, cooperation agreements.

Международное сотрудничество МВД России с другими государствами, в современный период, является острой необходимостью, для борьбы с возрастающей преступностью и тяжкими последствиями для всего мирового сообщества.

МВД России активным образом осуществляет деятельность, которая предполагает взаимодействие с правоохранительными органами иных стран для сокращения количества преступных явлений. Впрочем, нельзя говорить о том, что данная деятельность является совершенной, поскольку в её организации, а также в её осуществлении продолжает иметься большое количество проблем.

Предпринятое нами изучение того, как исполняются положения, предусматриваемые двусторонними соглашениями, заключаемыми в связи с предоставлением правовой помощи, позволяет сделать следующий вывод. Такие соглашения зачастую имеют одни и те же положения, при этом в них не имеется абстрактных формулировок, устанавливающих, в каком именно объёме оказывается помощь, по каким конкретным вопросам она может быть предоставлена.

Стоит отметить, что соглашения о взаимодействии могут заключаться и реализовываться в том числе и на межведомственном уровне. МВД Российской Федерации имеет такие соглашения с правоохранительными органами нескольких десятков стран мира, причём количество сотрудничающих с МВД России правоохранительных структур иных государств только увеличивается с течением времени. Достигается такой результат благодаря тому, что МВД Российской Федерации занимается планированием собственного международного сотрудничества. Так, каждый год производится подготовка проектов собственных международных соглашений, кроме того, рассматривается возможность ратификации иных договоров, которые ранее уже были подписаны иными странами и введены в действие. Впрочем, не все те положения, которые предусматриваются соглашениями, где о своём участии заявляет МВД Российской Федерации, реализуются в своевременном порядке. Ведь для того, чтобы международное соглашение, заключённое в связи с борьбой с преступностью, начало исполняться, должна пройти достаточно сложная согласительная процедура, отнимающая большое количество времени и разбиваемая на несколько этапов.

Современные государства активно взаимодействуют между собой во всём том, что касается противодействия преступности, имеющей транснациональный характер. Базируется данное взаимодействие на положениях, закрепляемых основополагающими документами. В частности, это конвенции, соглашения, а также договоры. Практика знает большое количество проблемных вопросов, проявляющихся тогда, когда положения, вводимые в действие подобными документами, начинают реализовываться. К примеру, в ходе проведения одной из сессий Комиссии ООН по вопросам противодействия преступным явлениям представителем Российской Федерации было акцентировано внимание на следующем: некоторые страны считают возможным выносить решения об отказе в экстрадиции лиц, обвиняемых в совершении уголовных преступлений и скрывающихся на их территориях (из-за чего создаются условия, способствующие дальнейшему распространению криминала) [4]. Стоит отметить, что сказанное выше подтверждается статистической информации. В соответствии с данными, которые представлены ГИАЦ МВД, в 2021 году количество таких преступных деяний, которые имеют экстремистскую направленность, возросло более чем на шестнадцать процентов по сравнению с показателями, зафиксированными в течение предшествующего отчётного периода. Также ГИАЦ МВД предоставлены данные, согласно которым преступные сообщества, организованные группы в совокупности более 7300 раз нарушили положения уголовного законодательства, что привело к преступлениям особо тяжкого, а также тяжкого характера [5].

Приведённая выше статистика была опубликована в конце весны 2022 года, то есть после старта ведения военных действий на территории Северного Причерноморья. Уже в это время данные действия стали существенно сказываться на всех международных контактах, в которых принимает участие Российская Федерация. Так, по состоянию на сегодня Российская Федерация практически не принимает участия в деятельности международных организаций, куда она ранее

вступила для того, чтобы взаимодействовать с иными странами для противодействия трансграничной преступности. Одной из таких организаций выступает Совет Европы, где Российская Федерация имела статус полноправного участника с 1996 года. В то время, когда Российская Федерация была активно вовлечена в деятельность данной международной организации, при её содействии был разработан План действий СЕ по противодействию транснациональной преступности [3]. Однако уже в середине марта 2022 года участники ПАСЕ (Парламентской ассамблей Совета Европы) было единогласно утверждено решение, в соответствии с которым Российская Федерация должна быть исключена из перечня стран, принимающих участие в деятельности организации. На следующий день в соответствии с решением, принятым Правительством Российской Федерации, наша страна прекратила собственное членство в упомянутой выше международной организации. А это значило, в частности, то, что все соглашения, в которых Российская Федерация принимала участие в связи со своим членством в Совете Европы, автоматически признаются прекратившими своё действие в отношении нашего государства. Соответственно, начиная с марта 2022 года, План действий СЕ по борьбе с трансграничной преступностью более не воплощается в жизнь в пределах нашего государства. Ожидается, что уже через несколько лет активность нашей страны в такой деятельности, как противодействие трансграничной преступности, существенным образом сократится. И это может привести к самым разнообразным негативным последствиям не только для нашей страны, но и для иных государств. Ведь в складывающихся условиях преступность получит больше возможностей для своего развития.

Противодействие оргпреступности – это одна из главных целей, которая ставилась при учреждении такой международной организации, как Совет государств Балтийского моря (также – СГБМ) [1]. В соответствии с принятым членами данной международной организации решением, Российская Федерация, начиная с марта 2022 года, более не входит в перечень её членов. Практически в то же самое время было принято решение также и по вопросу о приостановке членства РФ в такой крупной международной структуре, как СПЧ, то есть Совет по правам человека [2]. Стоит отметить, что каждая из упомянутых в данном абзаце интернациональных организаций нанесла своей деятельности значительный ущерб, приняв решение, в соответствии с которым Российская Федерация более не является их членов. Ведь у Российской Федерации имеется значительный опыт, который может быть применён для того, чтобы эффективно бороться с дальнейшим распространением транснациональной преступности. Применение в отношении Российской Федерации, набирающей сегодня популярность «культуры отмены», вопреки тем ожиданиям, которые имеются у представителей западных государств, лишь ухудшит ситуацию, складывающуюся в области транснациональной преступности.

Стоит отметить, что «культура отмены» – это такое явление, которое сегодня приобрело значительную степень распространения на территории стран, относящихся к Западу. «Культура отмены» представляет собой типичный инструмент тоталитаристской власти. Ведь благодаря ей появляется возможность игнорировать существование, например, отдельных людей, групп общества, а также стран (например, в том случае, если поддерживаемые ими идеи идут вразрез с принципами либерализма).

Введение множества ограничений, которые были инициированы против Российской Федерации сразу же после старта военных действий на территории Северного Причерноморья, было ожидаемым явлением. Впрочем, действия, предпринятые западными странами (и направленные на то, чтобы создать имидж полного отсутствия Российской Федерации, её минимальной значимости на международной арене), оказались неожиданными даже для тех, кто полагал, что со стороны Запада будет сделано всё возможное для применения как можно большего количества ограничений в отношении РФ. Это лишний раз доказывает то, что руководители транснациональных организаций, существующих в современном мире, являются последователями тоталитаризма и его подходов. Во многом «культура отмены» приобрела распространение даже в ООН. Ведь здесь выступления, которые делались официальными представителями Российской Федерации, зачастую игнорировалось (те, кто был делегатами от европейских государств в ООН, считали для себя возможным покидать залы сразу после того, как начиналось выступление кого-либо из России). А ещё на уровне официальных представителей Великобритании и США муссируются слухи о возможности лишения Российской Федерации статуса постоянного участника такого важнейшего международного органа, как Совет Безопасности ООН.

«Культура отмены» не может рассматриваться в качестве правильной, в связи с чем в её отношении нужно высказываться порицание. И тем более она является некорректной, когда из-за её распространения начинает страдать такая важнейшая деятельность, как противодействие интернациональной преступности. Распространение «культуры отмены», как уже показывает сегодняшний день – это одна из причин, вследствие которых интернациональная преступность становится более распространённой, более популярной в самых разных странах мира.

Россия продолжает принимать участие в различных интернациональных соглашениях, имеющих в том числе и международный характер. Некоторые из данных соглашений посвящены тому, как разные государства взаимодействуют между собой с целью противодействия преступности. Однако далеко не всегда положения, предусматриваемые данными соглашениями, должным уровнем воплощаются на практике. Одна из причин этого – недостаточный уровень квалификации тех сотрудников, которые занимаются их практическим применением [6].

В абсолютном большинстве регионов РФ созданы подразделения НЦБ Интерпола. В штатных расписаниях данных подразделений предусмотрены места для тех сотрудников, которые должны иметь соответствующую квалификацию, предоставляющую возможность эффективно заниматься применением положений, закрепляемых нормативно-правовыми актами, где участником выступает Российская Федерация.

Далеко не во всех случаях сотрудники иных подразделений, входящих в состав МВД РФ, являются заинтересованными в том, чтобы предпринимать какие-либо действия, необходимые в связи с исполнением запроса, поступающего от НЦБ Интерпола РФ. Связано это может быть со значительной служебной нагрузкой, имеющейся у сотрудников. Кроме того, у оперативных подразделений, относящихся к системе МВД РФ, среди показателей их деятельности нет тех, которые зависели бы от взаимодействия с НЦБ Интерпола РФ.

В числе проблем оптимизации нормативной регламентации, относящихся к высоким технологиям общественных отношений, следует отметить нормативное регулирование правового положения криптовалюты, регулирование совершаемых с ней сделок.

Указанные операции, сделки сегодня не урегулированы на нормативном уровне должным образом, и данное обстоятельство способствует совершению посягательств с использованием криптовалюты [9, с. 21].

Запрет на то, чтобы эмитировать в РФ денежные суррогаты, отличающиеся от рубля денежные единицы, установлен в регламентирующем статус Банка России ФЗ № 86-ФЗ от 10.07.2002 г.

ЦБ РФ указал в письме от 27.01.2014 г. следующее – поскольку связанная с выпуском, виртуальных валют, их использованием для совершения операций деятельность анонимна, в отношении физлиц и юрлиц имеется возможность их вовлечения, в т.ч. без умысла, в деятельность противоправного характера, в т.ч связанную с финансовым обеспечением терроризма и отмыванием преступно полученных доходов.

Банк России представил предостережение для финансовых организаций и граждан в отношении использования в виде платежного средства или валюты Биткоина.

ЦБ РФ в письме от 04.09.2017 указал, что ЦБ РФ не гарантирует, не обеспечивает криптовалюты.

С точки зрения проведения операций обменного характера использование криптовалют сопряжено со значительными рисками, поскольку обменный курс весьма нестабилен.

Необходимо обратить внимание на нестабильность всех криптовалют и Биткоина, в частности. При этом применение криптовалют представляет собой перспективное направление развития экономики, финансовой системы.

При этом на современном этапе в условиях, когда система правотворчества является весьма ложной, отмечается не формирование действенного механизма регулирования оборота криптовалют, но ситуация, когда принимаются меры запретительного характера, степень эффективности которых в сфере ИКТ является низкой. В качестве примера уместно

отметить попытку блокировать мессенджер Telegram, которая не увенчалась успехом.

Поскольку криптовалюты функционируют в соответствии с системой, предусматривающей распределенный реестр, и данная система является наднациональной, все попытки одного государства установить запреты не будут действенными, и ожидаемый эффект получен не будет.

Сегодня в законодательстве Российской Федерации недостаточно тщательно регламентирована проблема «самоисполнимости» положений, находящихся в тех международных соглашениях, где РФ является членом.

Такие понятия, как «самоисполнимость» и «несамоисполнимость» положений, определяемых международными соглашениями, чаще всего исследуются в тесной связи с тем, как производится реализация норм, находящихся в национальном законодательстве того или иного государства.

Категория «непосредственное применение положений, закрепляемых интернациональными соглашениями», сегодня ещё не введена в доктрину права, в связи с чем на практике не применяется. Однако достаточно близким по смыслу понятием является такое, как «договор прямого эффекта». Кроме того, приобретает распространение ещё и такое понятие, как «договор непосредственного действия». Например, последнее было использовано Верховным Судом Российской Федерации при формулировании одного из своих Постановлений, которое было посвящено тому, как судам, входящим в судебную систему Российской Федерации, следует пользоваться положениями, отражаемыми в национальной Конституции. Так, Верховным Судом РФ было обращено внимание на то, что в соответствии с положениями третьего пункта пятой статьи ФЗ «О международных договорах» те нормы, что имеются в интернациональных соглашениях, прошедших процедуру ратификации в нашей стране, должны применяться непосредственно».

И. И. Лукашук акцентирует внимание на следующем: актуальная судебная практика, накопленная в некоторых государствах, характеризуется применением в том числе и таких терминов, как «обязательные договоры», «самоисполняющиеся договоры». Согласно поддерживаемой учёным точке зрения, каждый из упомянутых выше терминов может быть непосредственно применён в системе национального права.

Существует также и подход, который заключается в следующем: те положения, которые находятся в интернациональных соглашениях, могут непосредственно применяться, если ими это предусматривается. Специалисты, придерживающиеся упомянутого выше подхода, полагают, что подобные положения – это причина появления определённых обязанностей, а также прав у субъектов права внутри государства.

С. Марочкин акцентирует внимание на том, что непосредственным действием могут характеризоваться исключительно такие нормы, что относятся к категории самоисполнимых. Чтобы проверить ту или иную норму на предмет её самоисполнимости, специалист предлагает проводить в её отношении проверку на предмет соответствия следующим критериям. Во-первых, это распространяемость нормы в отношении органов госвласти, граждан или же организаций. Во-вторых, это степень ясности, детальности тех формулировок, которые использованы в норме [7].

Чтобы те положения, которые введены в самоисполнимых договорах, начали реализовываться, не нужно утверждать специальный нормативно-правовой акт на уровне государства. Таким образом, данные положения характеризуются непосредственным применением для регулирования тех отношений, что имеют место на внутригосударственном уровне.

Когда какое-либо межгосударственное соглашение начинает рассматриваться на предмет того, имеются ли в нем самоисполнимые положения, нужно обращать в первую очередь внимание на те факторы, о которых сказано ниже. Во-первых, это особенности той правовой системы, что имеется в самом государстве (она должна являться такой, что предусматривает принципиальную возможность существования самоисполняемых положений в международных договорах). Во-вторых, это содержание самого межгосударственного соглашения. В-третьих, это законодательное регулирование в конкретной сфере деятельности, применяемое в определенной стране [8].

Как полагает С. Папочкин, присутствие в тексте договора указания, в соответствии с которым он может применяться для регулирования отношений, возникающих внутри государства – это достаточное основание для того, чтобы рассматривать данный документ в качестве имеющего самоисполняемые положения [9].

Несамоисполнимость – это такое свойство, при наличии которого положения, имеющиеся в тексте международного договора, не могут реализовываться на территории государства (при условии, что отсутствует соответствующее имплементационное законодательство). Тогда, когда у какого-либо из международных договоров имеются данные положения, то применяются такие положения не из-за того, что они присутствуют в договоре, а из-за того, что они имеются в имплементационном законодательстве. Соответственно, такие положения не могут рассматриваться в качестве определяющих обязанности, а также права для тех, кто вовлекается в определенные взаимоотношения внутри государства. Рассмотрение международного соглашения в качестве несамоисполняемого означает буквально следующее. Несмотря на то, что такой договор приобретает силу, его положения не станут реализовываться вплоть до самого того момента, пока не будет введено в действие соответствующее законодательство (оно имеет имплементационную направленность). У несамоисполняемых международных соглашений имеются соответствующие признаки, о которых следует отдельно сказать. Один из них – это наличие в тексте договора положения, прямо предусматривающего, что для его введения в действие на территории государства должен быть разработан и принят соответствующий законодательный акт.

Далее, необходимо разработать способы повышения эффективности правового регулирования международного сотрудничества.

Пристатейный библиографический список

1. Декларация Совета государств Балтийского моря. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.c№td.ru/docume№t/901820541.
2. Резолюция CM/Res(2022)2 о прекращении членства Российской Федерации в Совете Европы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.coe.i№t/ru/web/moscow/-/resolutio№-cm-res-2022-2-o№-the-cessatio№-of-the-membership-of-the-russia№-federatio№-to-the-cou№cil-of-europe.
3. Партнёрство ЕС/Россия. Совет сотрудничества. О плане совместных действий по борьбе с организованной преступностью. Брюссель, 29 марта 2000 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.c№td.ru/docume№t/901934983.
4. Выступление руководителя российской делегации, заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации О. В. Сыромолотова на 31-й сессии Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Вена, 16 мая 2022 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreig№_policy/i№ter№atio№al_safety/crime/1813483/
5. Состояние преступности в России за январь-март. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/reports/item/29705686/
6. Курчинская-Грассо А. О. Актуальные проблемы международного сотрудничества в правоохранительной сфере // Молодой ученый. – 2019. – № 49 (287). – С. 342.
7. Марочкин С. Ю. Действие иреализация норм международного права в правовой системе РФ монография. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 288 с.
8. Осминин Б. И. Международные договоры в российской правовой системе (к 20-летию Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации») // Журнал российского права. – 2015. – № 12. – С. 137-142.
9. Расследование мошенничества в сфере компьютерной информации: учеб. пособие / Авт.-сост. П. А. Капустюк [и др.]. – Иркутск, 2018. – С. 21.

ОСЯК Андрей Николаевич
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административного права, Ростовский юридический институт МВД России

ОВСЕПЯН Геворг Мартинович
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД, г. Симферополь

БОГУШЕВА Мария Евгеньевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры административное право и уголовно-правовые дисциплины, Ростовский государственный университет путей сообщений

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В КОНТЕКСТЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Работа посвящена изучению специфических черт, характерных для современного экстремизма, существующего на территории Республики Крым в контексте административных правонарушений. Определено, что в современных геополитических реалиях, в условиях активного и гибридного противостояния между Российской Федерацией и коллективным Западом, а так же при учете исторического опыта развития Республики Крым, одной из наиболее значимых угроз для нормального комплексного развития и функционирования региона является экстремизм, обладающий рядом специфик, обусловленных полиэтничностью, поликонфессиональностью, временным нахождением полуострова Крым в составе Украины, а так же его близостью к зоне проведения Специальной военной операции на территории Украины по демилитаризации и денацификации. Определено, что знание специфических черт экстремизма на территории Республики Крым позволит на качественном уровне повысить эффективность профилактических мероприятий, а также создаст необходимую научную и теоретическую базу для устранения условий, необходимых для развития экстремистских настроений на территории Республики Крым. В результате проведенного исследования были установлены специфические черты экстремизма на территории Республики Крым, к которым можно отнести следующее: существование про-украинских взглядов, многолетнее противостояние между представителями крымского татарского и русского населения, приток мигрантов из исторических территорий.

Ключевые слова: экстремизм, административная ответственность, гибридное противостояние, межнациональные отношения, пропаганда, профилактика.

OSYAK Andrey Nikolaevich
Ph.D. Law, associate professor, Head of Administrative law sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia

OVSEPYAN Gevorg Martinovich
Ph.D. in Law, senior lecturer of Administrative law and administrative activities of the department of internal affairs sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA, Simferopol

BOGUSHEVA Mariya Evgenjevna
Ph.D. in Law, associate professor of Administrative law and criminal law disciplines sub-faculty, Rostov State University of Railway Communications

THE SPECIFICS OF THE DEVELOPMENT OF EXTREMIST SENTIMENTS IN THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF CRIMEA IN THE CONTEXT OF ADMINISTRATIVE LEGAL RELATIONS

The work is devoted to the study of specific features characteristic of modern extremism existing on the territory of the Republic of Crimea in the context of administrative offenses. It is determined that in modern geopolitical realities, in conditions of active and hybrid confrontation between the Russian Federation and the collective West, as well as taking into account the historical experience of the development of the Republic of Crimea, one of the most significant threats to the normal integrated development and functioning of the region is extremism, which has a number of specifics due to polyethnicity, polyconfessional, temporary location of the Crimean peninsula as part of Ukraine, as well as its proximity to the zone of a special military operation on the territory of Ukraine for demilitarization and denazification. It is determined that knowledge of the specific features of extremism in the territory of the Republic of Crimea will allow for a qualitative increase in the effectiveness of preventive measures, as well as create the necessary scientific and theoretical basis for eliminating the conditions necessary for the development of extremist sentiments in the territory of the Republic of Crimea. As a result of the research, specific features of extremism in the territory of the Republic of Crimea were identified, which include the following: the existence of pro-Ukrainian views, the long-term confrontation between representatives of the Crimean Tatar and Russian populations, and the influx of migrants from historical territories.

Keywords: extremism, administrative responsibility, hybrid confrontation, interethnic relations, propaganda, prevention.

В своей сути Республика Крым является одним из самых уникальных регионов Российской Федерации. На территории республики проживает два с половиной миллиона человек (дополнительные пол миллиона для полуострова составляет город-герой Севастополь), к которым относятся более сотне национальностей и этносов. Необходимо и учитывать факт того, что территория полуострова является один из самых старых регионов мировой истории. Через степи, горы и берега Крыма прошли такие народы, как: тавры, греки, римляне, византийцы, генуэзцы, готы, вестготы, славяне (в последствии ставшие русскими, белорусами и украинцами), турки, монголы, крымские татары. Так же большое количество переселений, обусловленное выгодным положением Крыма для торговли и мягким климатом, привели на территорию Крыма армян, болгар, евреев и сербов.

Переходя к рассмотрению последних четырех веков российской истории, хочется отметить то, что Крым по праву можно назвать колыбелью русской военной славы. За Крым велись войны между Россией и Турцией, Крым стал базой и домом для легендарного Черноморского флота, на территории Крыма велись боевые действия в ходе Крымской войны 1850 – 1853 г., в рамках которой состоялась первая героическая оборона Севастополя. Уже значительно позже на территории Крыма велись одни из самых ожесточенных боевых действий в ходе Второй мировой и Великой Отечественной войны. В ходе битвы за Крым состоялась вторая героическая оборона Севастополя. Новейшая история России показывает, что одним из самых тяжелых событий выпавших на долю населения полуострова, является нахождение в составе Украины. Для крымчан это был роковой, тяжелый период, который был ознаменован борьбой: за русский язык, за русскую речь, за русскую культуру, за права русских в Крыму и во всей Украине. Однако, за вышеуказанное время на территории Крыма появились

про-украинские силы, выступающие одной из сторон экстремистского конфликта.

Дополнительно хочется отметить, что хоть многие народы проживают на территории Крыма бок-о-бок очень давно, несмотря на этого имеют местно экстремистские действия этнического и националистического характера. Наиболее ярко-выраженный холодный конфликт протекает более двухсот лет между славянским и крымско-татарским населением. Данный этнический конфликт в целом носит пассивный характер на уровне межличностных разговоров или конфликтов, а также с появлением Интернета перешел и в IT-пространство, однако в кризисные и нестабильные времена данный конфликт, а также многолетние противоречия, накопленные годами, «взрывают» и переходят в горячую фазу. Учитывая факт того, что Крым является уникальным стратегическим объектов в военном и экономическом плане (в зарубежном военном лексиконе Крым называют «Российский непотопляемый авианосец» и «Гроза Черного моря»), вследствие чего мы должны понять следующее – любые всплески экстремистских настроений на территории Республики Крым, которые могут стать основой и для вооруженных конфликтов могут разрушить как транспортную, экономическую и энергетическую инфраструктуру в регионе, так и военную. Наиболее в зависимом положении будут находиться освобожденные исторические территории Российской Федерации, а также военнослужащие вооруженных сил Российской Федерации, которые логистически связаны с Крым. Целью данной статьи является изучение специфичности развития экстремистских настроений на территории Республики Крым как целого явления, так и отдельного правового аспекта, а именно в рамках административных правоотношений.

Начать необходимо с рассмотрения понятия «Экстремизм». Если мы обратимся к правовому понятию, закреплённому в Федеральном законе «О противодействии экстремисткой деятельности», то мы можем прийти к выводу, что экстремизм это активная деятельность, направленная на разжигание межконфессиональной, межнациональной, религиозной, политической и иных видов вражды между гражданами, а равно между субъектами международных отношений. Однако феномен экстремизма значительно шире. Exstremum с латыни обозначает крайность, либо максимально высокое, крайнее положение [3]. В целом приверженность крайним, радикальным взглядам уже делает нас экстремистом, но не в противоправном формате. В контексте данной статьи мы будем изучать непосредственно противоправные деяния, которые нарушают чьи-либо интересы, затрагивают права и свободы третьих лиц.

Следует отметить, что КоАП в современной редакции содержит в себе нормы, которые позволяют нам определить их, как противодействующие экстремисткой деятельности. В их основу входят: ст. 20.3 – пропаганда и публичное демонстрирование нацисткой атрибутики или символики, ст. 20.29 – производство и распространение экстремистских материалов и ст. 20.3.1 – возбуждение ненависти, либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Конечно, этот список можно дополнить и иными составами, которые могут носить экстремистский характер (например: ст. 20.1 мелкое хулиганство или ст. 17.10 незаконные действия по отношению к государственным символам Российской Федерации)◎1◎, однако мы остановимся на этой триаде экстремистских административных составов. В настоящий момент актуальных данных за 2024-2025 год по совершению данных административных правонарушений не существует, однако, рассматривая отдельные эпизоды совершения таких действий в СМИ, а также отчёт МВД по РК за 2022 г, мы можем прийти к следующим цифрам: в целом число зарегистрированных правонарушений экстремистской направленности варьируется от 60 до 120. Связан такой разброс с началом ведения Российской Федерацией на территории Украины Специальной военной операции по демилитаризации и денацификации (далее – СВО), что в целом увеличило в двухкратном размере количество правонарушений экстремистской направленности. До СВО преобладающим составом была ст. 20.3 КоАП РФ, что говорит нам о распространённости националистических настроений на национальной почве (поскольку к нацисткой символике относится не только атрибутика нацисткой Германии, но и другие националистические элементы).

Таким образом, мы хотим предопределить, что наиболее характерными формами экстремизма для Республики Крым являются политический и национальный экстремизм. Политический экстремизм можно охарактеризовать следующим способом: форма экстремистской идеологии, основанная на приверженности конкретной политической системе, политической группе, либо политическому объединению [4]. В данном случае хочется отметить лиц, которые тяготеют к Украине, её политическим действиям и националистической идеологии. Национальный экстремизм зачастую сфокусирован на противостоянии между несколькими этническими группами, различными по своим культурным особенностям [5]. В Крыму данная форма экстремизма наиболее ярко выражена в противостоянии между радикально-настроенными русскими и радикально-настроенными крымскими татарами. Данная форма экстремизма для Крыма не нова и уходит корнями в давние исторические события, начиная с войн Московского княжества с Крымским ханством.

Национальный и политический экстремизм в Крыму с давних пор является деятельностью асоциальной, порицаемой, поэтому не представлял значительной степени угрозы. Но сегодня, в эпоху массовых гибридных противостояний с коллективным Западом, а также в условиях проведения СВО, экстремизм и борьба с ним являются нашей гражданской и общекрымской прерогативой. Наши оппоненты нам известны хорошо, мы знаем, как они выглядят, мы знаем, как они одеваются, но самое главное – мы знаем, как они работают [4]. Экспорт цветных революций, психологические операции, информационные вбросы, фейки, провокации. Наш противник, не имея возможности применить силу, вынужден пытаться разрушать нашу жизнь изнутри. Таким образом, старые противоречия и их недооценка могут привести любой регион к длительным внутренним распрям, которые нарушат работу органов государственной власти, создадут нагрузку на критическую, логистическую и социальную инфраструктуру, нарушат работу предприятий и учреждений.

В данном случае следует отметить, что административная ответственность играет роль фильтра ◎3◎, который фильтрует деяния по уровню опасности для государства. Так же она играет роль второго шанса для тех, кто оступился, но может исправиться и принести пользу обществу. Несмотря на то, что в научной среде бытует мнение о целесообразности криминализации данных составом, их вывода из КоАП и введения в УК, мы не может разделить их мнений. Поскольку тотальная криминализации экстремистских составов не позволит вести комплексную и качественную работу по профилактике, предупреждению и предупреждению лиц, имеющих заблуждения, ложные надежды и обманутые взгляды. Современная специфика крымского экстремизма зациклена за политических и национальных распрях, однако оснований полагать, что это находится в критической точке нет. И тем не менее, это не означает, что данную ситуацию с увеличением числа данного рода составов следует игнорировать. Напротив, мы считаем необходимым отметить, что правоохранительные органы, а также административное законодательство в этой сфере полноценно исполняет свои функции.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru.
3. Варданян А. В., Кулешов Р. В. О классификации явлений экстремизма и терроризма: единство сущности и поливариантности отображения в социуме // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4 (42).
4. Кубякин Е. О. Социальные и социокультурные основы молодёжного экстремизма в современной России // Общество и право. 2011. № 1 (33). С. 273-276.
5. Молодёжный экстремизм / Под ред. А. А. Козлова. СПб., 1996. С. 11.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-183-184

ПАРФЕНТЬЕВА Анна Евгеньевна
аспирант кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗРАБОТКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЕС В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье проводится анализ правового регулирования искусственного интеллекта в сфере обеспечения национальной безопасности в Евросоюзе. Особое внимание уделено анализу ключевых международных документов в указанной области – Регламенту ЕС, устанавливающему гармонизированные правила в области искусственного интеллекта, известный также под названием Закон об ИИ (the AI Act) и Рамочной Конвенции Совета Европы об искусственном интеллекте. В статье исследован вопрос исключения вопросов национальной безопасности из-под сферы действия указанных международных документов и возможные последствия в связи с таким законодательным решением.

Ключевые слова: искусственный интеллект, национальная безопасность, правовое регулирование, ЕС, AI Act, системы ИИ, защита прав человека.

PARFENTJEVA Anna Evgenjeva
postgraduate student of Administrative and financial law, Institute of law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

LEGAL REGULATION OF THE DEVELOPMENT AND USE OF AI SYSTEMS IN THE EU IN THE FIELD OF NATIONAL SECURITY

This article provides an analysis of the legal regulation of artificial intelligence in the field of national security within the European Union. Particular attention is given to key international documents in this area — the EU Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence, also known as the AI Act, and the Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence. The paper examines the exclusion of national security issues from the scope of these international instruments and explores the potential consequences of such a legislative approach.

Keywords: artificial intelligence, national security, legal regulation, EU, AI Act, AI systems, human rights protection.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее - ИИ) сопровождается их всё более широким внедрением в государственные системы, включая сферу обеспечения национальной безопасности. Технологии ИИ позволяют повышать эффективность разведки, анализа угроз, управления кризисными ситуациями и предотвращения террористических атак. Однако одновременно с этим они порождают новые риски, связанные с нарушением прав человека, утечкой конфиденциальной информации, автоматизацией дискриминации и ограничением свободы выражения мнений.

При этом процесс законодательного регулирования часто отстаёт от темпов технологического прогресса, так как связан с необходимостью проведения глубокого анализа, широкого общественного обсуждения и согласования интересов различных групп. Таким образом, правовая система, несмотря на свою значимость для защиты прав и свобод граждан, зачастую реагирует на изменения в сфере технологий уже после их реализации, что может приводить к образованию правовых пробелов и неопределённости.

Особое внимание заслуживает Регламенту ЕС, устанавливающему гармонизированные правила в области искусственного интеллекта, известный также под названием Закон об ИИ (the AI Act), принятый Европарламентом 13 марта 2024 года и планирующийся к вступлению в силу в 2026 году (далее – Регламент ЕС об ИИ). Данный документ на сегодняшний день представляет собой один из самых масштабных и комплексных правовых актов в мире, посвящённых регулированию ИИ. Регламент основан на принципе оценки уровня риска, связанного с использованием тех или иных ИИ-систем, и делит их на четыре категории: неприемлемый риск, высокий риск, ограниченный риск и минимальный риск. На каждую из них распространяются соответствующие режимы регулирования.

Однако одним из наиболее спорных положений Регламента ЕС об ИИ стало исключение из сферы его действия систем ИИ, используемых в целях обеспечения национальной безопасности. Так, согласно пункту 3 статьи 2 Регламента ЕС об ИИ, он не распространяется:

– на вопросы, не входящие в сферу действия права ЕС, и не затрагивает компетенцию государств-членов в области национальной безопасности;

– на системы ИИ, используемые исключительно в военных, оборонных или иных целях обеспечения национальной безопасности, вне зависимости от типа организации, осуществляющей такую деятельность;

– на системы ИИ, которые используются в ЕС исключительно в интересах национальной безопасности, даже если они не размещались на рынке или не вводились в эксплуатацию в рамках Евросоюза[1].

Это положение вызвало критику со стороны ряда исследователей, которые указывают на противоречие данного подхода сложившейся судебной практике Европейского суда [5].

Так, в своих решениях по делам Commission v. Poland[2] и La Quadrature du Net and Others v. Premier ministre and Others[3]

1 Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union, L Series, 2024/1689, Document 32024R1689, 12 December 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689 (дата обращения: 26.04.2025).

2 Commission v. Poland // Judgment of the Court (Third Chamber) of 2 April 2020, paras. 143-147. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=224882&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=924500 (дата обращения: 08.05.2025).

3 La Quadrature du Net and Others v. Premier ministre and Others // Judgment of the Court (Grand Chamber) of 6 October 2020, paras.

Суд ЕС неоднократно подчеркивал, что только лишь ссылка на национальную безопасность не может быть основанием для произвольного отказа от выполнения обязательств по праву ЕС. Более того, такие исключения должны быть строго обоснованы и подлежат судебному контролю.

Кроме того, Регламент ЕС об ИИ не содержит чётких критериев, позволяющих определить, когда использование ИИ действительно связано с национальной безопасностью. Это создаёт риск злоупотребления со стороны государств, которые могут использовать данное исключение для обоснования применения ИИ-технологий, нарушающих права человека, такие как массовое наблюдение, автоматический анализ поведения или биометрическая идентификация [4].

Примером такого рода злоупотреблений, возникающих ранее, стало использование правительствами ряда стран-членов ЕС шпионской программы Pegasus в отношении представителей оппозиционных СМИ, политиков и активистов. Хотя власти этих государств мотивировали применение программного обеспечения интересами национальной безопасности, Европейский Парламент признал такое использование угрозой демократическим ценностям и свободе слова[4].

Тем не менее, важно подчеркнуть, что даже в случае исключения из действия Регламента ЕС об ИИ, государства обязаны соблюдать другие правовые нормы, включая положения Договора о ЕС, Европейской конвенции по правам человека, а также, в случае использования персональных данных – Общего регламента по защите данных (General Data Protection Regulation) и Директивы по защите данных правоохранительных органов (Law Enforcement Directive), а также иных международных договоров в области защиты прав человека [2].

Ещё одной проблемой является нечёткое разграничение понятий «национальная безопасность» и «общественная безопасность». Как указывалось в уже упомянутом решении Суда ЕС по делу La Quadrature du Net and Others v. Premier ministre and Others, национальная безопасность связана с защитой фундаментальных интересов государства, тогда как общественная безопасность относится к защите населения в целом от повседневных угроз[5]. Эта разница имеет значение при применении Регламента ЕС по ИИ, поскольку он распространяется на системы, используемые в целях общественной безопасности, но не на те, что применяются в интересах национальной безопасности [3, с. 408].

Стоит отметить, что практически аналогичный подход закреплён и в Рамочной Конвенции Совета Европы об ИИ, принятой в сентябре 2024 года (далее – Конвенция об ИИ). В соответствии со статьёй 3 (2) Конвенции, государства не обязаны применять положения Конвенции в сфере национальной безопасности, однако они должны делать это в рамках применимого международного права и с учётом обязательств в области обеспечения и защиты прав человека[6].

Несмотря на то, что более мягкая формулировка Конвенции об ИИ по сравнению с Регламентом ЕС об ИИ позволяет государствам применять Конвенцию по собственному усмотрению даже в сфере национальной безопасности, как отмечают эксперты, на практике маловероятно, что государства будут добровольно применять нормы Конвенции в этой сфере [2, с. 117].

Схожесть с Законом о ИИ также прослеживается и в том, что данное изъятие применяется независимо от типа организации, которая осуществляет соответствующую деятельность в сфере национальной безопасности, на что указано в Пояснительном отчете к Конвенции[7].

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, в правовом регулировании ИИ в сфере обеспечения национальной безопасности в ЕС наблюдается тенденция к созданию специальных исключений. Это связано с тем, что вопросы национальной безопасности традиционно считаются внутренним делом каждого суверенного государства [1].

Во-вторых, несмотря на появление международных документов, специально регламентирующих использование ИИ в ЕС, формулировки, используемые в указанных документах, могут быть подвержены произвольной интерпретации. Это создаёт риск злоупотреблений, включая нарушение прав человека и ограничение гражданских свобод.

В-третьих, применение статей, исключающих вопросы национальной безопасности из-под сферы применения Регламента ЕС об ИИ и Конвенции об ИИ должно обеспечить баланс между интересами национальной безопасности государств и защитой прав человека. Вероятно, вопрос поиска данного баланса в последующем будет возложен на Суд ЕС и Европейский суд по правам человека.

Таким образом, правовое регулирование разработки и использования систем ИИ в ЕС в сфере национальной безопасности сталкивается с рядом вызовов, связанных с необходимостью сочетания суверенитета государств, защиты прав человека и технологического прогресса. Для преодоления этих вызовов требуется дальнейшая работа по гармонизации правовых подходов, как на национальном, так и на международном уровне.

Пристатейный библиографический список

1. Briscoe E., Fairbanks J. Artificial Scientific Intelligence and its impact on National Security and Foreign Policy // Journal of World Affairs. – 2020. – Vol. 64 (4). – P. 544-554. – DOI: 10.1016/j.orbis.2020.08.004.
2. Jurić M. Legal regulation on the use of artificial intelligence for national security purposes in Europe // European Integration Studies. – 2024. – Vol. 20 (2). – P. 107-136. – DOI: 10.46941/2024.2.5.
3. Jurić M. Legal Aspects of Military and Defence Applications of Artificial Intelligence Within the European Union. In: Katarzyna Zombory – János Ede Szilágyi (eds.) Shielding Europe with the Common Security and Defence Policy. The EU Legal Framework for the Development of an Innovative European Defence Industry in Times of a Changing Global Security Environment // Miskolc–Budapest, Central European Academic Publishing, 2024. – P. 395-433. – DOI: 10.54237/profnet.2024.zkjeszcodef_9.
4. Srivastava K. Artificial Intelligence and National Security: Perspective of the Global South // International Journal of Law in Changing World. – 2023. - № 2 (2). – P. 77-87. - DOI: 10.54934/ijlcw.v2i2.63.
5. Vogiatzoglou P. The AI Act National Security Exception: room for manoeuvres? // Verfassungsblog. – 2024. - DOI: 10.59704/292082becc7cc8e6.

102-104. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=232084&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=872879 (дата обращения: 08.05.2025).

4 Janne Ojamo. Spyware: MEPs sound alarm on threat to democracy and demand reforms // News European Parlaiment, 08.05.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20230505IPR84901/spyware-meps-sound-alarm-on-threat-to-democracy-and-demand-reforms (дата обращения: 08.05.2025).

5 La Quadrature du Net and Others v. Premier ministre and Others // Judgment of the Court (Grand Chamber) of 6 October 2020, paras. 135. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=232084&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=872879 (дата обращения: 08.05.2025).

6 Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law // Council of Europe Treaty Series - No. 225, Vilnius, 5.IX.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence (дата обращения: 09.05.2025).

7 Explanatory Report to the Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law // Council of Europe Treaty Series - No. 225, Vilnius, 5.IX.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence (дата обращения: 09.05.2025).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-185-187

РЕВИНА Светлана Николаевна
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и публично-правовых дисциплин, Самарский государственный экономический университет

НАФИГИН Илья Александрович
аспирант кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Самарский государственный экономический университет

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В рамках настоящей статьи рассмотрены особенности и проблемы правового статуса отдельных субъектов административно-правового режима государственной тайны в Российской Федерации в условиях информатизации общества. В данном исследовании раскрыты виды субъектов режима государственной тайны, рассмотрены недостатки в правовом регулировании международных субъектов режима государственной тайны, проблема принудительного ознакомления с информацией, составляющей государственную тайну. Кроме того, авторами отмечаются опасность социальных сетей и технических каналов передачи информации как основных источников угроз для обеспечения защиты государственной тайны.

Ключевые слова: государственная тайна, информационная безопасность, статус субъектов режима государственной тайны, информатизация общества, социальная сеть, технический канал.

REVINA Svetlana Nikolaevna
Ph.D. in Law, professor, Head of Theory of law and public law disciplines sub-faculty, Samara State University of Economics

NAFIGIN Ilya Alexandrovich
postgraduate student of Theory of law and public law disciplines sub-faculty, Samara State University of Economics

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF SUBJECTS OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIME OF STATE SECRETS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF INFORMATIZATION OF SOCIETY

This article examines the features and problems of the legal status of individual subjects of the administrative and legal regime of state secrets in the Russian Federation in the context of the informatization of society. This study reveals the types of subjects of the state secret regime, examines the disadvantages in the legal regulation of international subjects of the state secret regime, and the problem of forced familiarization with information constituting a state secret. In addition, the authors note the danger of social networks and transmission channels as the main sources of threats to ensure the protection of state secrets.

Keywords: state secret, information security, status of subjects of the state secret regime, informatization of society, social network, technical channel.

В рамках развития информационного общества и в связи с упрощением процесса передачи информации остается актуальным вопрос о совершенствовании положений законодательства, предметом правового регулирования которого является административно-правовой режим государственной тайны в Российской Федерации. Текущая ситуация в мире требует своевременного принятия мер со стороны государства по обеспечению защиты своей безопасности, в том числе по защите информации, относящейся к государственной тайне.

Отношения по формированию, использованию, распоряжению и защите информации, составляющей государственную тайну, представляют собой административно-правовой режим государственной тайны [1]. Как и любой другой правовой режим, режим государственной тайны включает в себя такие базовые элементы, как: субъект отношений (гражданин, организация или уполномоченный орган власти) и объект отношений (информация, составляющая государственную тайну).

Субъекты режима государственной тайны в зависимости от своего правового статуса обладают следующими правами, которые можно разделить на первичные, то есть непосредственное осуществление правового регулирования режима государственной тайны, а также определение перечня и состава информации, которые должны быть отнесены к государственной тайне, и вторичные, то есть изменение режима государственной тайны, использование засекреченной информации в рамках своей деятельности, определение порядка и условий доступа к такой информации, контроль за ее использованием третьими лицами, осуществление охраны и защиты государственной тайны, а также полномочие на ее рассекречивание.

В настоящее время на территории Российской Федерации действует единственный уполномоченный на формирование и изменение перечня информации, отнесенной к государственной тайне, коллегиальный орган – межведомственная комиссия по защите государственной тайны. Вместе с тем, круг субъектов, уполномоченный на внесение предложений по засекречиванию той или иной информации, значительно шире и включает в себя как органы публичной власти, так и организации.

Классификация субъектов режима государственной тайны может быть произведена по различным основаниям.

Во-первых, в соответствии со сферами деятельности они делятся на:

– законодательные органы государственной власти (в части установления, изменения, и прекращения правового регулирования режима государственной тайны);

– уполномоченные органы исполнительной власти и организации (в части использования, распоряжения, охраны и защиты государственной тайны);

– органы судебной власти (в части рассмотрения дел, затрагивающих ознакомление участников судебного заседания с государственной тайной);

– граждане, организации или органы власти, которым в установленном законом порядке предоставлен доступ к информации, составляющей государственную тайну;

– международные субъекты (иностранные государства и международные организации).

Во-вторых, классификация таких субъектов осуществляется в соответствии с объемом предоставленных полномочий:

– субъекты-обладатели государственной тайной;

– субъекты-должностные лица, уполномоченные на осуществление действия режима государственной тайны;

– субъекты-исполнители режима государственной тайны (сотрудники органа публичной власти или организации, имеющие соответствующий доступ);

– субъекты-пользователи информацией, составляющей государственную тайну;

– особые субъекты – суд, органы дознания и предварительного следствия, адвокат).

Следует отметить, что правовой статус ряда субъектов режима государственной тайны имеет определённые пробелы в их действующем правовом регулировании.

Международные субъекты режима государственной тайны в соответствии с действующим российским законодательством могут получить доступ к сведениям, составляющим государственную тайну Российской Федерации, согласно установленному законом порядком[1]. Вместе с тем, передача таких сведений создает дополнительные угрозы для политических и экономических интересов Российской Федерации. С одной стороны, это связано с несовершенством существующих технологий и методов передачи информации. Обеспечение информационной безопасности при передаче секретной информации субъекту иного государства сопряжено с увеличением риска перехвата такой информации третьими лицами, чьи интересы заключаются, в том числе, в нанесении ущерба безопасности государству-обладателю государственной тайны.

С другой стороны, в случае нарушения международного договора о предоставлении таких сведений привлечение международного субъекта к ответственности имеет характерные особенности. Возмещение ущерба, нанесенного обладателю государственной тайны ее несанкционированным распространением, может определяться, в том числе, национальным законодательством стороны соглашения о передаче данных сведений[2]. Таким образом, в случае отсутствия необходимого международного договора, предусматривающего соответствующие положения, может возникнуть правовая коллизия, затрагивающая вопрос суверенитета государства. Схожая ситуация возникает и с международной организацией, с которой заключено соглашение о передаче информации, составляющей государственную тайну.

В то же время непосредственным субъектом режима государственной тайны всегда являются лица, уполномоченные на работу с указанной информацией. Такими лицами могут являться как сотрудники органа власти или учреждения, которые обладают засекреченной информацией, так и сотрудники сторонних организаций или граждане, которые прошли специальную процедуру допуска. В этой связи, при установлении административного правового режима государственной тайны необходимо максимально ясно определить порядок допуска к засекреченным сведениям.

Вместе с тем, вышеуказанные субъекты при осуществлении своей деятельности обязаны также соблюдать требования к информационной безопасности, чтобы не допустить несанкционированное распространение информации, составляющей государственную тайну, в цифровом пространстве. Как утверждает М. Мартышин, одной из самых главных угроз для защиты государственной тайны в рамках информатизации общества является ее утечка по техническим каналам связи [2, с. 57].

В научной среде также отмечается, еще одной угрозой для государственной тайны являются социальные сети, поскольку они используются не только как средство общения, но и как инструмент международных отношений, направленный на проникновение в информационное поле чужого государства и ставящий под угрозу его информационную безопасность [3, с. 71]. Таким образом, в целях минимизации рисков несанкционированного распространения информации, составляющей государственную тайну, субъекты данного правового режима обязаны исключить использование социальных сетей на рабочем месте и ограничить их использование в повседневной жизни.

В рамках настоящего исследования также хотелось бы рассмотреть вопрос о предоставлении полномочия по разработке предложений для соответствующего перечня засекреченных сведений общественным организациям, ставящим своей целью противодействие угрозам информационной

1 Постановление Правительства Российской Федерации от 02.08.1997 № 973 (ред. от 18.03.2016) «Об утверждении Положения о подготовке к передаче сведений, составляющих государственную тайну, другим государствам или международным организациям». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=195595&cacheid=E2ADE185790D34878721EA28A17986FA&mode=splus&rnd=bn4Rag#FmAdosUCsLyFdlDO (дата обращения: 15.07.2025); Постановление Правительства Российской Федерации от 24.01.2024 № 58 «Об утверждении Правил оформления, переоформления и прекращения допуска граждан Российской Федерации, имеющих гражданство (подданство) иностранного государства, лиц без гражданства, иностранных граждан к государственной тайне, а также их доступа к сведениям, составляющим государственную тайну». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=468103&cacheid=84E03B7CC09A4B1EEDE0128BD9944334&mode=splus&rnd=bn4Rag#aoCxpsUiO9lS7yCS1 (дата обращения: 17.07.2025).

2 Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о взаимном обеспечении защиты государственной тайны Российской Федерации и государственных секретов Республики Беларусь (Заключено в г. Минске 20.01.2003). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=27227&cacheid=5A05F04462067DC10689BFDD3083E55F&mode=splus&rnd=bn4Rag#DCXxpsUAt2bXExRL (дата обращения: 24.07.2025).

безопасности. В соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации общественные объединения и организаций могут является участниками мероприятий, направленных на обеспечение информационной безопасности государства[3]. Вместе с тем, предмет информационной безопасности и защиты государственной тайны является схожим и состоит в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации[4]. Кроме того, Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» (далее – Закон о государственной тайне) предусматривает участие в процессе отнесения той или иной информации к государственной тайне организаций, которыми такие сведения были разработаны[5].

Еще одной проблемой правового статуса субъекта режима государственной тайны является наличие системы принудительного допуска к указанным сведениям.

По общему правилу, предоставление доступа лица к сведениям, составляющим государственную тайну, осуществляется на основании согласия такого лица[6]. Вместе с тем, последние изменения в Закон о государственной тайне установили возможность предоставление доступа к засекреченным данным для граждан, призванных на военную службу или военные сборы, без их согласия. Несмотря на то, что данное положение направлено на обеспечение национальной безопасности государства в сфере обороноспособности, отхождение от общего правила в данном представлении, по мнению авторов, является недостаточно обоснованной, поскольку установление возможности, а не обязательного порядка создает условия для двоякого толкования данной нормы со стороны правоприменителей, и, в частности, для нарушения прав граждан, призванных на военную службу или военные сборы.

Представляется необходимым отметить, что чрезмерное использование полномочия по засекречиванию той или иной информации не только затрудняет возможность обмена информацией между субъектами режима государственной тайны, но и непосредственно создает угрозу нарушения конституционных прав граждан.

Как правильно отмечает И. Л. Трунов, Закон о государственной тайне содержит положения возможности привлечения к ответственности должностных лиц за незаконное или необоснованное засекречивание информации, однако регулирование механизма такой ответственности в настоящее время не установлено [4].

Таким образом, в условиях информационного общества осуществление деятельности субъектов административно-правового режима государственной тайны по использованию и защите таких сведений должно учитывать скорость и простоту распространения информации в цифровом пространстве. Вместе с тем, законодательство, регулирующее их правовой статус должно быть актуальным и обоснованным, что, в свою очередь, минимизирует угрозы в сфере обеспечения безопасности государственной тайны и национальной безопасности государства в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Жарова А. К., Елин В. М., Демьянец М. В. Предпринимательская деятельность в сети Интернет: Монография. – М.: Юркомпани. – 2014. – 440 с.
2. Мартышин Максим Правовое регулирование соблюдения государственной тайны // Государственная служба. – 2009. – № 6. – С. 55-57.
3. Семедов С. А., Штоль В. В., Мельникова О. А., Аликберов А. К., Алборова М. Б., Переход Ю. А., Нуруллa-Ходжаева Н. Т., Сухарев А. И., Полякова А. А., Сухарева В. А., Градосельская Г. В., Антонец Г. И., Стулова Е. В., Владиславская В. А., Никитина Д. А., Лаза В. Д., Беломыцев А. А., Авдеева Т. В., Яшенкова Н. А. Информационные технологии и их влияние на внутреннюю политику государства и международные отношения. Материалы Международной научно-практической конференции. // Обозреватель - Observer. – 2022. – № 3 – 4. – С. 39-113.
4. Трунов И. Л. Государственная тайна // Право и безопасность. – 2008. – № 3 (28).

3 Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.i?req=doc&base=LAW&n=208191&dst=1000000001&cacheid=65A616A9B95EC47072E85DE0B51EBE6A&mode=splus&rnd=0.9479590443569982#w3VMimUd8RpNmb35 (дата обращения: 20.07.2025).

4 Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=389271&dst=1000000001&cacheid=B8C6389F77AF9586FE58145F222458F7&mode=splus&rnd=0.8981113804550973#zmRkYlUTJHvuFoFV (дата обращения: 15.05.2025).

5 Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 08.08.2024) «О государственной тайне». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482696&dst=0&edition=etD&rnd=0.3680675926847201#MqoDccUIrlVMiZvB1 (дата обращения: 08.07.2025).

6 Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 08.08.2024) «О государственной тайне». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482696&dst=0&edition=etD&rnd=0.3680675926847201#MqoDccUIrlVMiZvB1 (дата обращения: 08.07.2025).

УРМАНЧЕЕВА Татьяна Сергеевна
контрактный управляющий, Дальневосточный институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Хабаровск

ЯКУНИН Дмитрий Владимирович
кандидат юридических наук, доцент Высшей школы публичного права, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ УЧАСТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: АДАПТАЦИЯ К ИЗМЕНЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕЖИМА 2025 ГОДА

В статье представлен анализ масштабных нововведений в национальном режиме государственных закупок, вступивших в силу с 2025 года. Рассмотрены ключевые аспекты законодательной реформы, направленной на устранение фрагментарности правового регулирования и формирование единой системы допуска российских товаров к участию в закупках. Особое внимание уделено унификации требований к подтверждению страны происхождения, механизму стоимостного квотирования закупок у субъектов МСП, а также внедрению единого перечня продукции, подпадающей под запреты и ограничения. Обоснована роль новых правовых механизмов в обеспечении технологического суверенитета и стабилизации внутреннего рынка. Выдвинуты практические рекомендации для участников закупочной деятельности в условиях обновленной нормативной среды.

Ключевые слова: национальный режим, государственные закупки, импортозамещение, Федеральный закон № 44-ФЗ, Федеральный закон № 223-ФЗ, запрет и ограничения в области закупок.

URMANCHEEVA Tatyana Sergeevna
contract manager, Far Eastern Institute of Management (branch), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Khabarovsk

YAKUNIN Dmitriy Vladimirovich
Ph.D. in Law, associate professor of the Higher School of Public Law, Pacific State University, Khabarovsk

PRACTICAL RECOMMENDATIONS FOR PARTICIPANTS IN PUBLIC PROCUREMENT: ADAPTATION TO CHANGES IN THE NATIONAL REGIME IN 2025

The article presents an analysis of the large-scale innovations introduced into the national regime of public procurement in Russia starting from 2025. It examines the key aspects of legislative reform aimed at eliminating regulatory fragmentation and establishing a unified system for the admission of Russian goods to procurement procedures. Special attention is given to the unification of requirements for confirming the country of origin, the mechanism of value-based procurement quotas for small and medium-sized enterprises (SMEs), and the introduction of a consolidated list of goods subject to bans and restrictions. The article substantiates the role of these legal mechanisms in ensuring technological sovereignty and stabilizing the domestic market. Practical recommendations are provided for procurement participants adapting to the updated regulatory framework.

Keywords: national regime, public procurement, import substitution, Federal Law № 44-FZ, Federal Law № 223-FZ, ban and restriction on procurement, judicial practice.

С начала января 2025 года в нормативную ткань контрактной системы Российской Федерации были внедрены ключевые изменения, затронувшие основания применения национального режима в системе государственных и корпоративных закупок. Указанная реформа, реализованная в логике устранения правовой фрагментарности, приобрела характер институционально обоснованной модернизации, нацеленной на приведение правового механизма в соответствие с вызовами современной макроэкономической среды. На фоне усилившегося внешнего давления и объявленного курса на технологическую самодостаточность, эти правовые преобразования обрели статус не частичных поправок, а системного переформатирования модели нормативного регулирования.

До указанного периода регламентация применения мер национального режима характеризовалась внутренней разобщенностью [1]: положения, касающиеся ограничений, преференций и прямых запретов, содержались в разнородных актах, зачастую не согласованных между собой. Такая асимметрия регулирования провоцировала неоднозначность в толковании правовых норм, что, в свою очередь, способствовало росту административных рисков и правовой неопределенности в действиях, как заказчиков, так и поставщиков. Применявшиеся ранее инструменты, в том числе запреты на закупку зарубежной продукции, схемы «второй лишний», «третий лишний», а также предоставление 15 % ценового преимущества отечественным компаниям - не были объединены единой методологией и приводили к возникновению коллизий на стадии реализации норм [3].

В целях устранения указанных диспропорций был осуществлен переход к унифицированному порядку, закрепленному в законодательстве. Соответствующие изменения нашли отражение в части 1 статьи 14 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – № 44-ФЗ)[1] и статьях 3.1-3.4 Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – № 223-ФЗ)[2], где четко закреплены принципы открытости, прозрачности и равноправного участия всех субъектов закупочной деятельности. При этом Правительство РФ получило исключительное право на определение и применение специ-

1 Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.

2 Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 30 (ч. I). — Ст. 4571.

альных мер, таких как запреты, ограничительные условия допуска и ценовые преференции. Распределение полномочий и механизмы реализации закреплены также в части 2 статьи 14 закона № 44-ФЗ и в пункте 5 части 8 статьи 3 закона № 223-ФЗ, что обеспечило правовую определенность в вопросах допуска к закупкам.

Особое внимание в рамках реформы было уделено устранению противоречий в подтверждении страны происхождения товара. Многочисленные случаи расхождений между подходами заказчиков и участников процедур, а также наличие судебных решений с различным содержанием (например, постановление от 04.10.2023 № Ф05-20630/2023[3] и определение от 26.06.2024 № 305-ЭС24-11215[4]) обнажили слабость существующей регуляторной модели. Ответом на эти вызовы стало принятие Постановления Правительства РФ от 30.11.2023 № 1875[5], в котором четко установлен исчерпывающий перечень документов, допустимых для подтверждения происхождения продукции: сертификат СТ-1, заключение уполномоченной экспертной организации либо регистрационные сведения из государственного реестра промышленной продукции.

Параллельно с этим была уточнена правовая база, регулирующая участие субъектов малого и среднего предпринимательства. Постановление Правительства № 1352[6] зафиксировало норматив в стоимостном выражении: минимум 25 % совокупного объема всех контрактов в годовом исчислении должен приходиться на МСП. Принципиальным стало смещение акцента с количества закупок на их финансовую емкость. Кроме того, для процедур, где участие ограничено только МСП, установлен дополнительный порог в 20 %. Это свидетельствует о переходе от формальной отчетности к содержательному экономическому эффекту.

Еще одной инновацией стало обязательство заказчиков по подготовке ежегодной отчетности о доле контрактов, заключенных как с МСП, так и на поставку российской продукции. Данная обязанность прямо вытекает из требований части 4 статьи 14 закона № 44-ФЗ и статьи 4 закона № 223-ФЗ. Размещение отчетных данных в ЕИС трансформирует отчетность из технической функции в инструмент аналитики, мониторинга и контроля [2]. В случаях уклонения от установленных нормативов возможно применение санкций, включая перевод заказчика в юрисдикцию регулирования исключительно по модели закона № 44-ФЗ.

Нельзя не отметить повышенное внимание законодателя к критерию производственной локализации. Несмотря на то, что в рамках ЕАЭС действует режим признания товаров государств-участников, несоблюдение локализационных требований, установленных Постановлением № 719[7], автоматически исключает продукцию из режима предоставления преференций, что подчеркивает смещение фокуса регулирования с формального географического признака на фактическое содержание производственного процесса, реализуемого на территории Российской Федерации.

Среди механизмов, направленных на обеспечение добросовестности участников закупок, особо выделяется норма, закрепленная в части 4 статьи 14 закона № 44-ФЗ. В соответствии с ней, замена товара, заявленного как российский, на аналог иностранного происхождения в процессе исполнения контракта расценивается как нарушение условий, даже если такая замена инициирована по согласованию с заказчиком. Тем самым исключается возможность последующего подмены условий участия, полученных на преференциальных основаниях.

Особую роль в обеспечении устойчивости и предсказуемости регулирования сыграло включение в ПП № 1875 двух приложений, содержащих перечни товаров, на которые распространяются запреты и ограничения. Их внедрение позволило устранить ранее существовавшую нормативную дробность и создало единый правовой ориентир, особенно актуальный в контексте закупок у единственного поставщика.

Дополнительно следует отметить корректировку методики расчета начальной (максимальной) цены контракта. Согласно части 25 статьи 22 закона № 44-ФЗ, в приоритете должны использоваться данные о стоимости товаров, произведенных в России. Этот подход направлен на устранение завышенных расчетов, ранее производимых с учетом стоимости импортных аналогов, и обеспечивает более реалистичную ценовую политику.

Наконец, по информации, представленной Министерством финансов, уже в течение 2025 года зафиксировано снижение числа жалоб, касающихся неправомерного применения преференций, на 17 % по сравнению с предшествующим годом. В деятельности ФАС России также отчетливо прослеживается акцент на профилактику нарушений и формирование устойчивой правоприменительной практики, что реализуется через консультирование, методическую помощь и превентивные меры.

В совокупности, успешное участие в закупочной деятельности в условиях новой нормативной парадигмы требует от субъектов не только следования формальным нормам, но и активной работы по анализу актуализируемых перечней (ПП № 1875), корректного оформления документов о происхождении продукции, а также стратегического планирования участия в процедурах с учетом требований квотирования и статуса МСП.

Таким образом, преобразование национального режима закупок, реализованное в 2025 году, знаменует собой не просто реформу отдельных институтов, но и переход к принципиально новой логике регулирования. В этой модели преференции функционируют не как административная льгота, а как инструмент долгосрочной промышленной и экономической стратегии государства, обеспечивающий структурную устойчивость и суверенитет внутреннего рынка.

Пристатейный библиографический список

1. Ксенофонтов М. Ю., Ползиков Д. А., Урус А. В. Регулирование зернового сектора в контексте задач обеспечения продовольственной безопасности России // Проблемы прогнозирования. - 2019. - № 6. - С. 22-33.
2. Свининых Е. А. Правовые средства импортозамещения при осуществлении закупок продукции для обеспечения обороны страны и безопасности государства // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2020. - № 1. - С. 44-54.
3. Смотрицкая И. И., Шувалов С. С. Развитие института публичных закупок (к формированию новой модели контрактной системы закупок) // Экономические и социальные исследования. - 2024. - Т. 10, № 5. - С. 99-114.

3 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 4 октября 2023 г. № Ф05-20630/2023 по делу № А40-251242/2022 // СПС «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/69367795/ (дата обращения: 04.04.2025).

4 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2024 г. № 305-ЭС24-11215 по делу № А40-89455/2023 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_409263156/ (дата обращения: 04.04.2025).

5 Постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2023 г. № 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312010078 (дата обращения: 04.04.2025).

6 Постановление Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. № 1352 (ред. от 31.01.2024) «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 51. - Ст. 7406.

7 Постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 2015 г. № 719 «О подтверждении производства промышленной продукции на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2015. - № 30 (ч. II). - Ст. 4600.

ЧЕРНОВ Юрий Иванович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ВОДОЛАЗСКИЙ Никита Максимович
студент, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар; независимый исследователь

ДАШКЕВИЧ Семён Александрович
студент, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар; независимый исследователь

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРИ УПРАВЛЕНИИ СИМ

В данной статье проанализирована проблема, которая появилась относительно недавно в административном праве РФ, но довольно быстро набрала актуальность в наши дни. В настоящей статье рассматриваются возможные варианты урегулировании вопроса, как предупредить правонарушения среди несовершеннолетних лиц при управлении средствами индивидуальной мобильности (СИМ), в частности тех, которые не достигли возраста административной ответственности. Помимо этого, в статье проведены параллели с кодексами таких стран как, Китай и Япония, в которых данная проблема имеет наиболее острое проявление.

Ключевые слова: административная ответственность, средства индивидуальной мобильности, несовершеннолетние, опасная езда, управление в состоянии опьянения.

CHERNOV Yuriy Ivanovich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

VODOLAZSKY Nikita Maksimovich
student, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar; independent researcher

DASHKEVICH Semyon Aleksandrovich
student, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar; independent researcher

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF MINORS FOR OFFENSES IN THE MANAGEMENT OF SIM

This article analyzes a problem that has appeared relatively recently in the administrative law of the Russian Federation, but has quickly gained relevance these days. This article discusses possible options for resolving the issue of how to prevent offenses among minors when managing personal mobility aids (IMS), in particular those who have not reached the age of administrative responsibility. In addition, the article draws parallels with the codes of countries such as China and Japan, where this problem is most acute.

Keywords: administrative responsibility, means of individual mobility, minors, dangerous driving.

В связи с развитием технологий и необходимостью оптимизации дорожного трафика, были разработаны инновационные и очень практичные средства передвижения, которые приводятся в движение при помощи мощного электродвигателя, с управлением которых без особых проблем сможет справиться и ребёнок. Но, к сожалению, простота в управлении данным средствами играет злую шутку с малолетними авантюристами, решившими использовать данные средства, выезжая на дороги общего пользования, что порождает в следствии, опасную езду и угрозу имуществу, а также здоровью и жизни других лиц. Для того чтобы урегулировать данный вопрос и обезопасить дорожное движение в законодательство необходимо было внести изменения.

В качестве нововведения был введен в ПДД 1 марта 2023 года Постановлением Правительства Российской Федерации от 06.10.2022 № 1769 термин «Средство индивидуальной мобильности» (далее СИМ). Под данную категорию попадали: транспортное средство, имеющее одно или несколько колес (роликов), предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей) (электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства). При этом велосипед и СИМ не являются механическими ТС.

Лица, использующие для передвижения СИМ, – это относительно новые участники дорожного движения, которые до 1 марта 2023 г. приравнивались к пешеходам как «лица, использующие для передвижения самокаты и иные аналогичные средства» (п. 1.2 ПДД в ред. от 31 декабря 2020 г.). В настоящее время, согласно п. 1.2 ПДД (в ред. от 19 апреля 2024 г.) лица, использующие для передвижения СИМ, приравниваются к пешеходам только в случае, когда лицо «ведет» СИМ, а не использует СИМ для передвижения, поскольку в данной ситуации отсутствует «управление транспортным средством», то есть целенаправленное воздействие на него лица, в результате которого транспортное средство перемещается в пространстве [2, с. 69].

Также в вышеупомянутом постановлении были введены и новые правила использования средств индивидуальной мобильности, которые являются первым и самым важным шагом в регулировании использования данных средств передвижения. Конкретными нововведениями являются:

1. Установлена максимальная разрешенная скорость для передвижения на СИМ — 25 км/ч (п. 24.6 ПДД). В этой связи возникает вопрос, как лицо, передвигающиеся посредством СИМ, должно следить за своей скоростью. Далеко не все моноколеса и иные подобные средства передвижения оснаще-

ны спидометром. Для разрешения данного вопроса необходимо оборудовать все СИМ спидометром [1, с. 43].

2. Масса СИМа не должна превышать 35 кг.

3. На электросамокатах любой массы и электровелосипедах разрешается передвигаться по правому краю проезжей трассы в случае, если стоит знак ограничения скорости для механических транспортных средств 60 км/ч. Но здесь также имеются условия, которые направлены на повышение безопасности, как водителей механического транспорта, так и пользователей СИМа, а именно:

– возраст пользователя СИМа должен быть старше 14 лет.

– СИМ должен быть оборудован звуковым сигналом, тормозной системой, световозвращателями белого цвета спереди, оранжевого или красного с боковых сторон, красного цвета сзади, фарой/фонарем белого цвета спереди.

На пешеходных переходах приоритет в движении отдается пешеходам, а после уже пользователям СИМов, им необходимо переходить к движению пешком.

Эти нововведения стали фундаментом во введении правового регулирования использования людьми СИМов, что позволило повысить безопасность на дорогах общего пользования и на пешеходных зонах.

С вступлением в силу Постановления Правительства Российской Федерации №1769 начали происходить постепенные изменения в ПДД, которые обновляют свой список до сих пор. Некоторые статьи ПДД подверглись изменению, чтобы дать правовое закрепление СИМам. Конкретно можно выделить обновленную статью 24.8 ПДД, где для лиц, использующих средства индивидуальной мобильности, были закреплены определенные запреты:

1. Управлять велосипедом, мопедом и средством индивидуальной мобильности (при наличии руля), не держась за руль хотя бы одной рукой.

2. Перевозить груз, который выступает более чем на 0,5 м по длине или ширине за габариты, или груз, мешающий управлению.

3. Перевозить пассажиров, если это не предусмотрено оборудованием или конструкцией велосипеда или средства индивидуальной мобильности.

4. Перевозить детей до 7 лет при отсутствии специально оборудованных для них мест.

5. Поворачивать налево или разворачиваться на дорогах с трамвайным движением и на дорогах, имеющих более одной полосы для движения в данном направлении (кроме случаев, когда из правой полосы разрешен поворот налево, и за исключением дорог, находящихся в велосипедных зонах).

Данные запреты направлены на повышение безопасности самих пользователей СИМов, так как по концепции их средств передвижения, они приравниваются к велосипедистам и водителям мопедов.

Также отдельный интерес представляет обновленная статья 24.9 ПДД, в которой идет запрет буксировки СИМов, а также буксировка СИМами, кроме прицепов, специально предназначенных для этих СИМов.

Хоть мы и можем увидеть быструю эволюцию законодательства в сфере регулирования использования средств индивидуальной мобильности, но на данный момент имеется несколько нюансов, которые никак не закреплены и взаимосвязаны:

1) в законодательстве до сих пор нет ограничения мощности СИМов;

2) в законодательстве нет толкового регулирования использования СИМов несовершеннолетними.

Эти две проблемы являются одними из главных, так как затрагивают непосредственно безопасность пользователей СИМ, не достигших возраста административной ответственности и использование средств, мощность которых превышает максимально допустимую для мопедов с электрическим двигателем номинальной максимальной мощности в режиме длительной нагрузки более 0,25 кВт и менее 4 кВт.

Такие СИМы повышенной мощности могут представлять угрозу, как их пользователям, так и окружающим субъектам, так как без должных навыков управление мощным средством профессионально не подготовленным лицом может нести определенные риски. Решением данной проблемы может стать законодательное закрепление минимально допустимого возраста использования СИМа и закрепление максимальной мощности для использования данного вида транспорта без необходимости иметь определенный документ, разрешающий управление ими. Также стоит ввести отдельную категорию и обязательное получение водительского удостоверения для использования СИМов, мощность которых будет превышать максимально допустимую для использования лицами без необходимых навыков и умений по управлению ими. Обязанность несовершеннолетнего принесения публичных или иных извинений потерпевших; вынесение предупреждения [3, с. 511], [4, с.37-38]. Эти решения не только смогут стать еще одним шагом к повышению дорожной безопасности, но и смогут стать фундаментом для дальнейшей разработки санкций, направленных на противодействие нарушителям, не имеющим документов для использования СИМов повышенной мощности, имеющими возраст меньше закрепленного в законе и т.д.

Проблемы, обусловленные масштабированным распространением СИМ, а как следствие использование данных средств несовершеннолетними, что может привести к опасным ситуациям на дорогах, имеются даже в самых технически развитых странах Азии, таких как Япония и Китай.

Обращая внимание на данные страны, их технический потенциал, также следует не забывать, что использование СИМ в подобных странах обусловлено большой численностью населения и густонаселенностью городов, а подобные транспортные средства стали неплохой альтернативой в борьбе с интенсивным движением на дорогах, что в свое очередь требовало регулирования. Так, первыми шагами к регулированию вопросов езды на СИМ, на примере КНР, стало введение запретов езды на электрических скутерах и сегвеях на дорогах в Пекине в 2016 году. Далее с 2018 года в Закон КНР «О дорожном движении» от 2003 года, а также Положения о реализации Закона «О дорожном движении» были внесены изменения, в соответствии с которыми в крупных городах, таких как Пекин, Шанхай, Гуанчжоу введены дополнительные ограничения, которые включали в себя:

1. Запрет на управление электросамокатами лицами младше 16 лет (ст. 72 Положения о реализации Закона «О дорожном движении»).

2. Обязательную регистрацию СИМ в местных транспортных органах в городах центрального подчинения, например, согласно Правилам дорожного движения г. Пекина для управления электросамокатами требуется регистрация в транспортных органах.

3. Ограничение скорости до 25 км/ч.

4. Запрет на движение на проезжей части (ст. 58 Положения о реализации Закона «О дорожном движении»).

Что касается вопроса административной ответственности в управлении СИМ несовершеннолетними в соответствии с Законом КНР «О общественной безопасности» согласно ст. 64, которая подразумевает управление СИМ без соблюдения возрастных требований сначала влечёт предупреждение, затем штраф, направленный родителям (опекунам) от 50 до 200 юаней. В случае движения по проезжей части, либо превышения скорости более 25 км/ч, СИМ будет изъят до 30 суток, а также с несовершеннолетним будут проведены воспитательные беседы согласно (ст. 57-59 Положений). Не стоит забывать об управлении СИМ несовершеннолетними в состоянии опьянения, в таком случае согласно (ст. 72 Положений) влечёт за собой штраф в размере от 200 до 500 юаней, а также постановка на учёт в комиссии по делам несовершеннолетних. В случае повторного нарушения несовершеннолетним одного из перечисленных выше правонарушений он согласно ст. 12 Закона «О защите несовершеннолетних» будет обязан посещать занятия по ПДД, в общей сумме время которых будет составлять не менее 8 часов, а в случае систематического нарушения направление в специальные учебные заведения согласно (ст. 43 Закона «О защите несовершеннолетних»)

Также стоит отметить региональные особенности регулирования СИМ, где в определенных провинциях Китая действуют дополнительные нормы. Например, в провинции Шэньчжэнь влияние нарушений ПДД влияет на социальный кредит семьи, в то время как в Шанхае требуется обязательное страхование гражданской ответственности для пользования СИМ.

Если обратиться к законодательству Японии, то согласно ст. 2 Закона «О дорожном движении» данной страны, электросамокаты и аналогичные устройства классифицируются как: Мотороллеры (при максимальной скорости свыше 20 км/ч), и в таком случае требуют номерной знак и права), и специальные малые транспортные средства (при максимальной скорости до 20 км/ч и попадают под упрощенные правила). В связи с вышеперечисленной классификацией возрастные ограничения согласно п.1 ст. 84 того же закона составляют 16 лет – для мотороллеров, 14 лет – для специальных малых транспортных средств.

Говоря об административной ответственности несовершеннолетних за управление СИМ, то к основным составам правонарушений и санкций следует отнести в Законе «О дорожном движении»:

1. Управление без прав, которое влечёт штраф до 50.000 иен и конфискацию транспортного средства (согласно ст. 117-2).

2. Нарушение правил движения (ст. 119-120), среди которых движение по тротуару, что запрещено (согласно ст. 17), а также превышение скорости, санкция за которые 5.000-10.000 иен.

3. Управление в состоянии опьянения (ст. 117-2-2), что влечет штраф до 100.000 иен и в случае достижения несовершеннолетним 14-летнего возраста уголовная ответственность за данное правонарушение.

Также следует отметить, что согласно ст. 34 «Закона о несовершеннолетних» Японии предусматривает повышенную ответственность родителей за нарушения, совершенные детьми до 16 лет, а до 14 лет несовершеннолетним назначаются обязательные воспитательные программы, а также, согласно ст.714 ГК Японии, ответственность несут родители за ущерб, причиненный ребёнком до 30.000 иен.

Что касается региональных особенностей, то, к примеру, в Токио действуют дополнительные ограничения, такие как обязательное страхование, запрет на парковку в общественных местах и специальные зоны для движения СИМ. В Осаке дети до 16 лет могут использовать СИМ только под присмотром взрослых. В Фуккоке: запрет на движение СИМ в парках и пешеходных зонах без специального разрешения.

Подводя итог анализирования нормативно-правовых актов Российской Федерации, КНР и Японии по вопросам регулирования административной ответственности несовершеннолетних за управление СИМами, представляется важным внести следующие изменения в действующие нормативные акты Российской Федерации:

1. Понизить возраст административной ответственности за нарушение правил управления СИМами до 14 лет.

2. Ввести штраф за управление СИМами в состоянии опьянения аналогичный штрафу за управление ТС водителем, находящемся в состоянии опьянения (ст. 12.8 КоАП РФ).

3. Введение обязательного изучения ПДД с последующей аттестацией, либо полный запрет на использование СИМов на дорогах общего пользования.

Подводя итог разобранного материала, можно прийти к выводу, что, несмотря на активное развитие российского законодательства в области регулирования использования СИМов несовершеннолетними, оно в свою очередь еще имеет множество пробелов, которые необходимо заполнить. Также следует обратить внимание на опыт применения норм из законодательства Японии и КНР для совершенствования российского законодательства. Проблема опасной езды несовершеннолетних на СИМах и их административной ответственности необходимо решить.

Пристатейный библиографический список

1. Маркосян А. Р. Административная ответственность лиц, передвигающихся на средствах индивидуальной мобильности // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.ЭКС.Т). - 2023. - № 3 (23). - С. 40-47.
2. Пестова Т. П. к вопросу о неопределенностях в правовом статусе, использующего для передвижения средства индивидуальной мобильности, как субъект административной ответственности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. - 2025. - № 1. - С. 67-75.
3. Беликова С. Б., Туаева С. Ф. К вопросу о снижении возраста привлечения к административной ответственности // Инновации. Наука. Образование. - 2021. - № 29. - С. 508-514.
4. Чернов Ю. И. Административное наказание морального характера // Юриспруденция: теория и практика. – 2024. - № 4. - С. 37-43.

ЕВСИКОВА Елена Витальевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Симферополь

БУЦ Сергей Борисович
преподаватель кафедры административного и финансового права, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Симферополь

АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

В статье рассмотрены основные подходы к современному правопониманию категории «административное судопроизводство». Авторы последовательно исследуют доктринальные наработки представителей цивилистического процесса и административного права, выявляют точки соприкосновения и дальнейшего развития административного судопроизводства в условиях цифровизации. На основе проведенного анализа авторы предлагают собственную парадигму современного правопонимания административного судопроизводства, которое предлагается рассматривать, как цифровую экосистему административного судопроизводства, что наиболее отвечает современным направлениям и перспективам развития правоотношений.

Ключевые слова: цифровизация, административное судопроизводство, экосистема административного судопроизводства в условиях цифровой трансформации.

EVSIKOVA Elena Vitaljevna
Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, Crimean branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol

BUTS Sergey Borisovich
lecturer of Administrative and financial law sub-faculty, Crimean branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol

ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS IN THE PARADIGM OF MODERN LEGAL UNDERSTANDING

The article examines the main approaches to the modern legal understanding of the category of «administrative proceedings». The authors consistently explore the doctrinal developments of representatives of civil process and administrative law, identifying points of contact and further development of administrative proceedings in the context of digitalization. Based on the analysis conducted, the authors propose their own paradigm of the modern legal understanding of administrative proceedings, which is suggested to be viewed as a digital ecosystem of administrative proceedings, which is most in line with the current trends and prospects for the development of legal relations.

Keywords: digitalization; administrative proceedings; administrative proceedings ecosystem in the context of digital transformation.

Несмотря на то, что прошло уже более 10-ти лет с момента принятия КАС РФ, споры вокруг понимания категории «административное судопроизводство» не утихают. Особенно, в контексте третьей волны кодификации, разработки нового проекта КоАП РФ и попытки принятия нового Процессуального кодекса РФ, объединяющего все виды административных производств, в том числе, и одного из наиболее важных, объемных и сложных – административного судопроизводства, что, по нашему мнению, будет не совсем логичным и правильным, поскольку на данном этапе создаст больше проблем и противоречий, в том числе вопросов по реализации административных производств, полномочий органов, которые их реализуют, а также самой концепции административного судопроизводства, которое, 10 лет назад выделившись из гражданского судопроизводства на основе положений ст. 118 Конституции РФ, закрепляющем на конституционном уровне такой вид судопроизводства как административное, сегодня вполне логично и обоснованно доказало возможность и необходимость своего существования в современной российской системе судопроизводства, на сегодняшний день так и не имеет конкретно определенной парадигмы своей природы и отнесения административного судопроизводства, то ли к гражданскому судопроизводству, то ли к административным производствам.

Уже достаточно много дискуссий проведено по поводу правовой природы и сущности административного судопроизводства, высказано позиций за и против разработки и принятия КАС РФ, выделения отдельного и самостоятельного предусмотренного на конституционном уровне вида судопроизводства, которое уже давно назревало и рано или поздно должно было ворваться в нашу правовую действительность в виде выделившегося из ГПК РФ порядка осуществления административного судопроизводства, предусмотренного КАС РФ, которое так и не получило четкого законодательного определения, что и дает повод множеству научных дискуссий.

При этом, в основу парадигмы правопонимания административного судопроизводства должна быть положена идея о необходимости формирования механизма эффективной правовой защиты граждан в публично-правовых спорах, разрешаемых в судебном порядке, и иных делах, рассматриваемых в рамках административного судопроизводства (например, о принудительной госпитализации и лечении), повышения значимости судебной защиты прав и интересов граждан в контексте формирования мощного массива всего процессуального законодательства в том числе КАС РФ, и эффективных инструментов его реализации и правоприменения.

Так, Ю. В. Надольская понимает административное судопроизводство сквозь призму «административно-правового конфликта, урегулированного административно-процессуальными нормами, и представляет собой институт административного права» [1].

Д. В. Уткин раскрывает понятие административного судопроизводства через деятельность «специально учрежденных судов для рассмотрения административно-правовых споров или административных дел… Административное судопроизводство – это правосудие, осуществляемое по заявлениям граждан и иных субъектов права в суд в связи с оспариванием решений и действий (бездействия) органов публичного управления и должностных лиц, нормативных или ненормативных правовых актов» [2].

Ю. А. Попова раскрывает понятие «производство по делам, возникающим из публично-правовых отношений» через категорию «деятельность суда, осуществляемая в порядке гражданского судопроизводства по общим и специальным правилам гражданского процессуального законодательства, направленная на разрешение требования заинтересованного лица о защите юридических интересов, прав, свобод путем проверки законности нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) органов и должностных лиц законодательной (представительной) или исполнительной власти или органов местного самоуправления с целью восстановления нарушенных юридических интересов, прав, свобод граждан и других субъектов в полном объеме» [3].

При этом, не следует забывать раздел III АПК РФ[1], предусматривающий производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, в том числе, оспаривание НПА и ННПА, взыскание обязательных платежей и санкций, компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и др., а также производство по делам об административных правонарушениях и административная ответственность (что, по сути, своей уже является административно-деликтным производством, которое тоже имеет публично-правовую природу, но вытекает не из спора, а в связи совершением административного деликта и привлечением виновного лица к административной ответственности), который тоже не дает нам законодательного понятия «административное судопроизводство», а лишь закрепляет, что «дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, рассматриваются по общим правилам искового производства, предусмотренным настоящим Кодексом, с особенностями, установленными в настоящем разделе, если иные правила административного судопроизводства не предусмотрены федеральным законом»[2].

Исследуя место административного судопроизводства в системе права, Н. А. Громошина исходит из его цивилистической природы, настаивая на том, что «в рамках административного судопроизводства реализуются материально-охранительные отношения гражданско-правового типа, т.е. относит административное судопроизводство к цивилистическому процессу» [4].

Также, Т. В. Сахнова отмечает, что «принятие КАС РФ подтверждает факт законодательного обособления части судебных процессуальных процедур, которые приобретают статус специальных процедур, которые в этом своем качестве проявляют унификацию и дифференциацию цивилистического процесса как двуединую тенденцию», отмечая отсутствие новой «нецивилистической» формы процесса в данном случае [5].

В свою очередь, Ю. Н. Старилов отмечая несостоятельность споров «о месте и правовой природе административного судопроизводства в современных реалиях, рассматривает административное судопроизводство сквозь сферу административно-процессуального регулирования, сформировавшуюся из административной юстиции, как материю, связанную с материальным административным правом и результатами его правоприменения в рамках процессуальных институтов, обеспечивающих судебную защиту прав, свобод и законных интересов граждан, а также за осуществлением публичного управления» [6].

В этой связи, следует отметить, что мощным импульсом дальнейшего развития дискуссии о природе и сущности административного судопроизводства стало принятие КАС РФ 08.03.2015 года, который не дал ответ на вопрос о том, что такое «административное судопроизводство», а лишь законодательно определил порядок его осуществления, введя норму, закрепляющую предмет регулирования КАС РФ, из которой можно сделать вывод, что административное судопроизводство осуществляет ВС РФ, суды общей юрисдикции, мировые судьи путем рассмотрения и разрешения административных дел в сфере защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, и иных административных дел, возникающих из административно-правовых и других публично-правовых отношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий[3].

Также, на основе анализа соответствующих положений КАС РФ другие авторы стали высказывать мнение о рассмотрении административного судопроизводства сквозь призму категории «административный процесс» и отнесении его к последнему [7].

При этом, в последнее время широкое распространение приобретает концепция интегративного правопонимания административного судопроизводства, сочетающего два вида процессуальной деятельности суда: при обжаловании в суды решений, действий (бездействия) публичной администрации и административно-деликтное судопроизводство как вид административного судопроизводства [8].

На основе чего, ряд ученых говорят о «судебном контроле как одной из функций административного судопроизводства наряду с другими функциями по осуществлению правосудия в рамках административных дел, т.е. административное судопроизводство они не сводят к судебному контролю за законностью действий публичной администрации, а рассматривают гораздо шире, в качестве совокупности процессуальных форм рассмотрения судами общей и арбитражной юрисдикции административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений в виде форме судебного контроля, административно-деликтного производства, а также рассмотрения иных административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений» [9].

А «административное судопроизводство рассматривают как определенный процессуальный порядок рассмотрения двух видов конфликтов публично-правового характера (рассмотрение и разрешение дел, вытекающих из административных споров; административно-деликтное производство – рассмотрение административных дел по применению мер административного принуждения» [10].

Э. Л. Лещина, выявляя «сущностные признаки административного судопроизводства, относит его к виду юридической процессуальной деятельности, процессуальной форме правосудия, урегулированным административно-процессуальными нормами правовым процедурам рассмотрения административных и иных дел, возникающих из публичных правоотношений» [11].

1 «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800.

2 Там же. П. 1, ст. 189.

3 «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/.

В свою очередь, А. И. Стахов, «исходя из понимания судебного административного процесса как совокупности «отдельных видов административного судопроизводства, соответствующих категорий разрешаемого судебного административного дела, которые подчинены единой цели, задачам и функциям административного правосудия» рассматривает административное судопроизводство как комплекс «последовательных, срочных, документально оформляемых действий и решений компетентного суда (уполномоченного судьи) по разрешению судебного административного дела установленной категории, осуществляемых (реализуемых) судами поэтапно» путем возбуждения, подготовки к рассмотрению, рассмотрения данного дела по существу, обеспечения исполнения принятого по нему решения, которое «логично называть актом административного правосудия» [12].

С. В. Никитин справедливо отмечает, что специфику административного судопроизводства определяет прежде всего принцип справедливости, который обеспечивает достижение необходимого баланса публичных и частных интересов, состязательных начал и процессуальной активности суда при активной роли принципов доступности правосудия, независимости суда, публичности, справедливости и законности правосудия [13].

Таким образом, являясь отнюдь не новой правовой категорией в юридической науке, в связи с принятием КАС РФ потребовало переосмысления и новой правовой аргументации, поскольку на сегодняшний день, несмотря на наличие единого кодифицированного законодательного акта, определяющего порядок его осуществления, данная правовая категория вызывает много вопросов и споров относительно правовой природы и своего места в правовой системе Российской Федерации, при этом, дискуссия о правовой сущности административного судопроизводства пополняется новыми участниками, но аргументация остается прежней, однако, в условиях цифровой трансформации административного судопроизводства отдельные теоретические положения данного правового явления требуют уточнения с учетом цифрового изменения своей формы и ориентацией на достижение «цифровой зрелости».

В силу чего, нам видится, что современная парадигма правопонимания административного судопроизводства должна строиться с учетом цифровой трансформации административного судопроизводства, которое в будущем преобразуется в цифровую экосистему административного судопроизводства, отвечающую всем характерным признакам цифровых экосистем, существующую, функционирующую и развивающуюся как единый цифровой организм, ориентированный на обеспечение охраны и защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, разрешение компетентным судом (судьей) судебных административных и иных дел, вытекающих из публично-правовых отношений, путем возбуждения, подготовки к рассмотрению, рассмотрения данного дела по существу, обеспечения исполнения принятого по нему решения, на основе принципов справедливости, активной роли и независимости суда, доступности правосудия, гласности, справедливости правосудия, законности (верховенства права) путем использования различных цифровых сервисов и инструментов, что, по нашему мнению, будет способствовать усовершенствованию административного судопроизводства и всего юридического процесса, обеспечению оперативности и эффективности его реализации в тех целях, которые были заложены законодателем, что в конечном итоге позволит сформировать качественную систему правосудия в сильном правовом государстве, ориентированную на обеспечение, охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина, поддержание баланса публичных и частных интересов, соблюдение принципов законности и справедливости.

Пристатейный библиографический список

1. Надольская Ю. В. Административное судопроизводство: Теоретические, правовые и организационные аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук 12.00.14. Академия управления МВД России. – М., 2003. – 28 с.
2. Уткин Д. В. Административное судопроизводство в современном правовом государстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук 12.00.14. Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2004. – 24 с.
3. Попова Ю. А. Теоретические проблемы судопроизводства по делам, возникающим из публично-правовых отношений: дис. … докт. юрид. наук 12.00.15. – Краснодар, 2002. – 264 с.
4. Громошина Н. А. О месте административного судопроизводства в правовой системе // Журнал административного судопроизводства. – 2016. – № 1. – С. 25-28.
5. Сахнова Т. В. Достижимо ли единство цивилистического процесса? (В контексте концепции единого ГПК РФ и Кодекса административного судопроизводства) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 4. – С. 3-10.
6. Старилов Ю. Н. Дискуссия об административном судопроизводстве и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации // Журнал административного судопроизводства. – 2020. – № 3. – С. 5-23.
7. Спиридонов П. Е. Административное судопроизводство и гражданский процесс: проблемы соотношения // Журнал административного судопроизводства. – 2017. – № 2. – С. 51-56.
8. Гречкин Н. С. Представительство в административном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук 12.00.14. ФБГОУ ВПО «Южно-уральский государственный университет» (Национальный исследовательский университет). – Челябинск, 2014. – 178 с.
9. Мартынов А. В. Понятие и сущность административного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 5-6. – С. 273-281.
10. Кривельская О. В. Некоторые особенности административного судопроизводства в Российской Федерации // Образование и право. – 2024. – № 11. – С. 237-240.
11. Лещина Э. Л. Административное судопроизводство как вид административно-процессуальной деятельности // Lex Russica. – 2024. – Том 77, № 2. – С. 108-122.
12. Стахов А. И. Судебное административно-процессуальное право России: понятие, система, источники // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 2. – С. 142-154.
13. Никитин С. В. Понятие и система принципов административного судопроизводства современной России // Судья. – 2025. – № 1 (169). – С. 18-22. – DOI 10.52433/18178170_2025_01_18. – EDN UOJLLU.

ЕВСИКОВА Елена Витальевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Симферополь

БУЦ Сергей Борисович
преподаватель кафедры административного и финансового права, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Симферополь

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ

В статье рассмотрены некоторые проблемы цифровой трансформации административного судопроизводства в контексте формирования системы электронного правосудия. Авторы исследуют преимущества и недостатки функционирования системы электронного правосудия на современном этапе, выделяют особенности цифровой трансформации административного судопроизводства в существующих реалиях, проблемы и перспективы дальнейшего развития анализируемых в исследовании процессов. На основе проведенного анализа авторами определяются векторы дальнейшего развития цифровой трансформации административного судопроизводства, делается вывод о необходимости обеспечения качественного нормативно-правового урегулирования существования цифровых инструментов в правовой реальности.

Ключевые слова: электронное правосудие, цифровизация, цифровая трансформация административного судопроизводства.

EVSIKOVA Elena Vitaljevna
Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, Crimean branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol

BUTS Sergey Borisovich
lecturer of Administrative and financial law sub-faculty, Crimean branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol

ON THE ISSUE OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF AN ELECTRONIC JUSTICE SYSTEM

The article discusses some of the problems of the digital transformation of administrative proceedings in the context of the formation of an electronic justice system. The authors explore the advantages and disadvantages of the functioning of the electronic justice system at the present stage, highlight the features of the digital transformation of administrative proceedings in the existing realities, problems and prospects for further development of the processes analyzed in the study. Based on the analysis, the authors determine the vectors of further development of the digital transformation of administrative proceedings, and conclude that it is necessary to ensure a high-quality regulatory regulation of the existence of digital forms and tools in the legal reality of administrative proceedings.

The article discusses some of the problems of legal regulation of state financial control in the Russian Federation. The current legislation is analyzed, as well as the positions of domestic scientists on this issue. The author concludes that it is necessary to improve the legal regulation in this area.

Keywords: electronic justice, digitalization, digital transformation of administrative proceedings.

Сегодня среди ученых и практиков не утихает дискуссия по проблемам цифровизации правосудия в целом и цифровой трансформации административного судопроизводства в частности. Данная проблема остается актуальной и обсуждаемой, требующей продуманных, логичных действий последовательного формирования электронного административного судопроизводства в современных реалиях.

Напомним, что Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы четко определила векторы цифрового развития нашего государства на ближайшую перспективу, среди которых явно прослеживается тенденция цифровизации административных процедур и усовершенствования действующего законодательства[1].

Кроме того, Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[2], цифровая трансформация обозначена в качестве одной из ключевых целей достижения «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления к 2030 году путем автоматизации значительного количества транзакций на основе единых цифровых платформ и единой модели управления на основе данных учета ускоренного внедрения технологии обработки данных большого объема, а также искусственного интеллекта (далее – ИИ) и машинного обучения, что предполагает обеспечение увеличения к 2030 году до 95 % уровня применения в государственных органах национального программного обеспечения и до 99 % уровня предоставления в цифровой форме государственных и муниципальных услуг социальной значимости путем внедрения единой цифровой платформы (далее – ЦП).

Все вышеуказанное предполагает поэтапное внедрение цифровизации в систему административного судопроизвод-

1 Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1.

2 Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/page/1.

ства на всех стадиях его реализации, позволяет на научном уровне в рамках данного научного исследования поднять вопрос о цифровой трансформации административного судопроизводства в Российской Федерации, поскольку, несмотря на значимость и важность вопроса цифровой трансформации административного судопроизводства, проблема его трансформации в рамках формирования электронного правосудия не изучалась и не рассматривалась. При этом, актуальность и проблематика вопроса о формировании не просто экосистем, а цифровых экосистем как базового центра взаимодействия с физическими и юридическими лицами, а также органами публичной власти на основе цифровой платформы, путем использования единого цифрового и технологичного инструментария в удобной и доступной для всех субъектов правоотношений в сфере административного судопроизводства в цифровой форме.

Естественно, вопросы платформатизации судопроизводства и применения цифровых технологий уже не раз определялись в качестве векторов развития судебной системы различными представителями юридической науки и практики, поскольку, предполагается, что цифровая трансформация административного судопроизводства позволит устранить барьеры в реализации эффективного и доступного правосудия, в том числе, нарушение принципа независимости судей, процессуальные сложности (в оставлении и подаче административного иска, сжатые процессуальные сроки и т.д.), большие размеры государственной пошлины за обращение в суд и стоимости юридических услуг, длительность судебных разбирательств, неисполнение или затягивание исполнения судебных решений.

Так, Лаута О. Н., Хубиев А. Р. указывают, что российская судебная система стремительно идет по пути использования цифровых технологий для надлежащего осуществления правосудия, чему должны способствовать развитие и эффективное применение ЦП [1].

Напомним, что Концепция информационной политики судебной системы (на 2020 – 2030 годы)[3] среди задач развития информационной политики судебной системы определяет такие, как: «1) создание условий по обеспечению прав граждан на получение своевременной, объективной, полной и разносторонней информации о деятельности судебной системы; 2) соответствие технологического развития и оснащения судов современным требованиям; 3) увеличение количества информационных ресурсов судов (порталы, издания, мобильные приложения, социальные сети, информационно-образовательные проекты, видео); 4) повышение уровня подготовки специалистов по взаимодействию со средствами массовой информации и сопровождению Интернет-ресурсов судов; 5) повышение уровня правовой и информационной грамотности населения; 6) доступность предоставления достоверной информации о деятельности судов; 7) координация действий органов судебной власти при создании и ведении информационных ресурсов в Российской Федерации в целях соблюдения принципа разумной достаточности при обработке и передаче данных; 8) установление пределов ответственности за распространение недостоверной информации о деятельности судов, порочащих сведений о судьях».

Следует отметить, что указанные трансформации позволят обеспечить и существенно оптимизировать и упростить осуществление правосудия, сократить процессуальные сроки, как сроки рассмотрения дел, так и сроки подачи процессуальных документов, упростить и облегчить доступность реализации процессуальных прав, значительно повысить доступ к судебной информации, повысить качество и эффективность работы всего судебного аппарата, снизить судебные расходы, а значит повысить уровень доступности правосудия и доверия граждан к судебной системе.

Так, Евсиков К. С. отмечает эффективность формирования «электронного государства», где для подачи иска нет необходимости вставать со стула, а достаточно заполнить электронную форму на сайте суда и оплатить госпошлину в приложении банка, что позволит значительно снизить все барьеры для доступа к правосудию и обеспечить получение государственных услуг быстро, просто, дешево и оперативно, что, однако, приведет к загруженности судопроизводств и росту нагрузки на судей, а, следовательно, к коллапсу судопроизводства в целом, поскольку доступность услуг приводит к спросу на них, а применение ИИ рассматривается автором как следующий этап развития правосудия, поскольку на данном этапе, использование ИИ при осуществлении правосудия сопряжено серьезными рисками, справедливо, предлагая отграничить использование ИИ для отправления правосудия и использовать систему ИИ для разрешения правового конфликта между сторонами, решение которых может быть алгоритмизировано, что позволит снизить судебную нагрузку, упростить и удешевить разрешение таких споров [2].

Однако единая ЦП для судебных разбирательств на сегодняшний день отсутствует, хотя, быстрое развитие цифровых технологий просто требует новых цифровых решений и для судебной системы.

Гелиева И. Н. указывает, что внедрение цифрового инструментария в процесс дает больше возможностей для обеспечения реализации всех базовых принципов правосудия. При этом расширение цифровых механизмов и способов реализации правосудия обусловлено расширением и развитием всего цифрового поля, устанавливающего целый перечень цифровых инструментов для реализации правосудия, которые можно классифицировать на: цифровые инструменты фиксации, хранения и отображения информации; цифровые инструменты передачи информации; цифровые инструменты обработки информации, что в условиях цифровой трансформации правосудия позволяет открыть новые горизонты перед российской судебной системой и, логически, сделать шаг в сторону цифровой трансформации взаимодействия между всеми субъектами процессуальных правоотношений [3].

Приженникова А. Н. делает акцент на том, что правовое регулирование не успевает оперативно реагировать на все изменения, стремительно развивающегося и изменяющегося цифрового сектора, что подразумевает необходимость определения круга факторов и четких критериев определения векторов развития системы качественного нормативно-правового регулирования электронного правосудия как электронной формы процессуальных действий, документов, средств электронного обеспечения, а также необходимости обеспечения доступности правосудия путем расширения сферы применения цифровых инструментов и технологий, что рассматривается в качестве основного направления развития российской судебной системы и предполагает реализацию первостепенной задачи информатизации судов путем применения таких мер цифровизации правосудия, как: получение/отправка электронной информации (информации в электронной форме); цифровое обеспечение судебного процесса (внедрение и применение технического/программного обеспечения в судебном процессе; фиксация судебных заседаний; режим видеоконференцсвязи; возможность исследования и оценки электронных доказательств; обмен информацией между участниками процессуальных правоотношений в электронной форме; обеспечение информационной безопасности процессуальных правоотношений); система электронного взаимодействия судов с органами публичной власти [4].

3 Концепция информационной политики судебной системы на 2020 – 2030 годы (одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/.

Следует отметить, что цифровая трансформация административного судопроизводства привела к обеспечению возможности участвовать в судебных заседания в режиме онлайн. Согласно статистическим данным, российское правосудие постепенно уходит в онлайн режим[4]. Так, ст. 142 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее - КАС РФ)[5] предусматривает возможность участия в судебном заседании лица, явка которого является обязательной, посредством видео-конференц-связи при наличии у суда технической возможности обеспечения такого участия.

Кроме того, на сегодняшний день достаточно успешно себя зарекомендовала Государственная автоматизированная система «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие»), которая позволяет заинтересованным лицам возможность отслеживать движение дела в режиме онлайн и информацию о ходе его рассмотрения, поскольку само дело сформировано в электронной форме. Можно сказать, что ГАС «Правосудие» представляет собой развивающуюся цифровую систему, обладающую мощным стратегическим потенциалом для решения возложенных на нее задач обеспечения единого цифрового пространства судебной системы, которая в современных реалиях находится в процессе миграции в облачную инфраструктуру, территориально распределенные аппаратно-серверные комплексы которой, содержащие данные, не перенесенные в облачную среду, в последнее время неоднократно подвергались массированным DDoS-атакам («Отказ в обслуживании» или DoS (Denial-of-service).

Таким образом, решение проблемы дальнейшей цифровой трансформации правосудия видится в преимущественном концентрировании всех ресурсов и функциональных блоков ГАС «Правосудие» на единой цифровой платформе, гибкой и адаптирующейся к обновлениям ПО, нормативно-правовой базы, цифрового инструментария, что создаст благоприятные условия для эффективного сбора, обработки, хранения и обмена электронной информацией, анализа статистических данных, создания единой базы судебных решений, а также позволит обеспечить безопасность системы и эффективности защиты от DDoS-атак и оптимизировать деятельность судебного аппарата.

Кроме того, эффективной оптимизации и ускорению правосудия будет способствовать широкое внедрение и использование ПО автоматического учета и обработки информации, которая содержится в документах, поступающих в суд. Поскольку на данном этапе возможна только подача документов в суд в электронном виде, а дальнейший учет документов и их обработка осуществляется непосредственно аппаратом судебных органов.

Так, с 30.12.2021 г. в электронной форме можно подать административное исковое заявление, заявление, жалобу, представление и иные документы, подписав их простой электронной подписью (далее – ПЭП) при подаче через ЕПГМУ, информационную систему, определенную ВС РФ или Судебным Департаментом при ВС РФ, либо усиленной квалифицированной электронной подписью (далее – УКЭП) при подаче через СЭД в соответствии с КАС РФ.

В силу чего, дальнейшее развитие и цифровая трансформация административного судопроизводства видится путем эффективного внедрения и использования ПО и элементов данных программ для анализа и обработки информации, содержащейся в документах, поступающих в суд, причем, как в бумажной, так и в электронной форме, а также развития системы электронного делопроизводства путем развития электронного внутриведомственного и межведомственного взаимодействия.

При этом немаловажным фактором цифрового развития и трансформации административного судопроизводства явилась возможность получения судебных актов в электронной форме. Например, уже с 23.06.2016 г. участвующие в деле лица вправе получать с использованием сети «Интернет» электронные копии судебных актов, электронные извещения, вызовы и иные документы (их копии), за исключением документов, содержащих информацию с ограниченным доступом (ст. 45 КАС РФ), а также, в случае наличия соответствующего согласия такого лица, получать извещения путем смс-сообщений, путем отправления на электронный адрес вызовов или извещений, а с 30.12.2021 г. – путем единого портала государственных и муниципальных услуг (далее – ЕПГМУ) либо СЭД (ст. 96 КАС РФ).

Внедрение указанных цифровых механизмов в административное судопроизводство имеет существенное значение для оптимизации сроков судебного разбирательства на каждом этапе и в целом, а также упрощения и ускорения осуществления административного судопроизводства, повышения его эффективности, доступности правосудия, повышения уровня доверия граждан.

Однако, серьезной проблемой для цифровой трансформации всего правосудия в стране в целом, и административного судопроизводства в частности, остается необходимость качественного нормативно-правового урегулирования, поскольку соотношение современных цифровых форм и инструментов с правовой реальностью российского общества и государства в контексте формирования институтов «цифровая личность», «цифровое общество», «цифровое государство» и создания эффективного электронного правосудия должно иметь под собой мощную правовую регламентацию во избежание коллизий и противоречий, а также недопущения создания рисков нарушения процессуальных прав и свобод граждан в рамках административного судопроизводства и с обязательным четким пониманием того, что правосудие должен вершить суд/судья, а ИИ призван ему помогать, облегчать и упрощать деятельность по отправлению правосудия в целях повышения ее эффективности.

Пристатейный библиографический список

1. Лаута О. Н., Хубиев А. Р. Платформатизация судопроизводства и применение технологий как основные тренды развития судебной системы // Закон и право. - 2024. - № 6. - С. 127-130. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-6-127-130.
2. Евсиков К. С. Цифровая трансформация альтернативного разрешения споров // Lex russica. - 2022. - Т. 75, № 11. - С. 120-130. - DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.120-130.
3. Гелиева И. Н. Электронное правосудие в контексте цивилистического процесса: текущие состояние и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. - 2022. - Т. 8 (74), № 2. - С. 126-132.
4. Приженникова А. Н. Осуществление правосудия в условиях информатизации и цифровизации // Образование и право. - 2020. - № 9. - С. 217-226.

4 Российское правосудие уходит в онлайн Татьяна Шишкина. Дата размещения ресурса: 05.02.2025. Время размещения ресурса: 00:00. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pnp.ru/social/rossiyskoe-pravosudie-ukhodit-v-onlayn.htmlhttps://www.pnp.ru/social/rossiyskoe-pravosudie-ukhodit-v-onlayn.html.

5 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/.

АЛИЕВА Диана Нурмагомедовна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических дисциплин, Международный инновационный университет, г. Сочи

ШАМОВ Мурад Абдулжалилович
аспирант 3-го курса по направлению «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», Юридический факультет, Международный инновационный университет, г. Сочи

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

В статье проводится комплексный анализ проблем реализации юридической ответственности муниципальных служащих в Республике Дагестан. Авторы выделяют ключевые факторы, снижающие эффективность действующего механизма ответственности: слабость контрольных институтов, высокие коррупционные риски, пробелы в нормативно-правовом регулировании. Особое внимание уделяется региональной специфике, включая социокультурные традиции и особенности управления, которые существенно влияют на правоприменительную практику. В статье предлагается система мер по совершенствованию механизмов ответственности, среди которых: создание независимых контролирующих структур, внедрение цифровых технологий в управленческие процессы, повышение прозрачности кадровых решений, а также разработка специальных антикоррупционных программ с учетом региональной специфики.

Ключевые слова: юридическая ответственность, муниципальные служащие, Республика Дагестан, коррупция, контрольные механизмы, правовое регулирование.

ALIEVA Diana Nurmagomedovna
Ph.D. in Law, associate professor of Legal disciplines sub-faculty, International Innovation University, Sochi

SHAMOV Murad Abdulzhalilovich
postgraduate student of the 3rd course in the field of Public Law (Public Law) Sciences, Faculty of Law, International Innovation University, Sochi

IMPROVING THE MECHANISMS OF LEGAL RESPONSIBILITY OF MUNICIPAL EMPLOYEES IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

The article provides a comprehensive analysis of the problems of implementing the legal liability of municipal employees in the Republic of Dagestan. The authors highlight the key factors that reduce the effectiveness of the current liability mechanism: weakness of control institutions, high corruption risks, gaps in legal regulation. Particular attention is paid to regional specifics, including socio-cultural traditions and management features that significantly affect law enforcement practice. The article proposes a system of measures to improve liability mechanisms, including: the creation of independent control structures, the introduction of digital technologies in management processes, increased transparency of personnel decisions, as well as the development of special anti-corruption programs taking into account regional specifics.

Keywords: legal responsibility, municipal employees, Republic of Dagestan, corruption, control mechanisms, legal regulation.

Республика Дагестан представляет собой уникальный регион с точки зрения социально-политического устройства, этнокультурного многообразия и особенностей системы государственного управления. Будучи самым многонациональным субъектом Российской Федерации, Дагестан исторически формировался как сложная система взаимоотношений между различными этническими группами, где традиционные клановые и тейповые связи нередко играют более значимую роль, чем формальные правовые институты. Эта специфика напрямую влияет на функционирование органов местного самоуправления и механизмы привлечения к ответственности муниципальных служащих.

В отличие от многих других регионов России, где система государственной и муниципальной службы строится преимущественно на унифицированных правовых нормах, в Дагестане значительное влияние оказывают неформальные практики. Традиции семейственности и землячества, глубоко укорененные в обществе, зачастую приводят к тому, что кадровые решения принимаются не на основе профессиональных качеств, а исходя из личных или клановых обязательств. Это создает дополнительные риски коррупции и снижает эффективность контроля за деятельностью муниципальных служащих.

Еще одной отличительной чертой является высокая степень централизации власти при формальном сохранении институтов местного самоуправления. Фактически многие решения на муниципальном уровне принимаются с учетом мнения вышестоящих республиканских органов, что ограничивает самостоятельность местных администраций. В таких условиях механизмы юридической ответственности зачастую используются избирательно, а их применение зависит не столько от тяжести нарушения, сколько от политической конъюнктуры [5, с. 127].

Кроме того, в Дагестане сохраняется проблема слабой вовлеченности граждан в контроль за деятельностью муниципальных служащих. Низкий уровень правовой культуры и недоверие к институтам власти приводят к тому, что многие нарушения остаются незамеченными или не получают

должной оценки. В отличие от более развитых в институциональном плане регионов, где общественный контроль и деятельность СМИ играют значительную роль в обеспечении прозрачности управления, в Дагестане эти механизмы работают недостаточно эффективно.

Все эти факторы формируют особую среду, в которой традиционные механизмы юридической ответственности, успешно применяемые в других субъектах Федерации, сталкиваются с серьезными трудностями. Это требует разработки специальных подходов к совершенствованию системы муниципальных служащих с учетом региональной специфики. Последующие разделы статьи будут посвящены анализу конкретных проблем и предложениям по их решению.

Проблема обеспечения эффективной юридической ответственности муниципальных служащих в Республике Дагестан остается одной из наиболее актуальных в сфере государственного управления. Регион обладает сложной социально-политической структурой, где традиционные клановые связи нередко превалируют над правовыми нормами. Это создает условия, при которых механизмы привлечения к ответственности за нарушения часто работают не в полную силу. Несмотря на наличие федерального и регионального законодательства, регулирующего вопросы муниципальной службы, на практике сохраняется ряд системных проблем.

Одной из ключевых трудностей является слабая эффективность контрольных органов. Формально в Дагестане действуют все предусмотренные законом институты надзора, включая прокуратуру, внутренний аудит и общественный контроль. Однако их работа часто сводится к формальности из-за нехватки ресурсов, кадровой зависимости и влияния неформальных связей. Например, дисциплинарные взыскания за коррупционные нарушения нередко применяются лишь к низовым сотрудникам, тогда как руководящий состав избегает ответственности. Это подрывает доверие к системе и создает ощущение безнаказанности.

Еще одной проблемой является недостаточная адаптация федеральных норм к местным условиям. Республиканское законодательство дублирует общие положения, но не учитывает специфику муниципального управления в Дагестане. В результате остаются неурегулированными вопросы конфликта интересов, незаконного лоббирования и злоупотребления должностными полномочиями. Отсутствие четких процедур расследования нарушений приводит к тому, что многие случаи остаются без должного реагирования.

Коррупция остается серьезным препятствием для эффективной реализации юридической ответственности. Дагестан традиционно входит в число регионов с высоким уровнем коррупции, что подтверждается статистикой правоохранительных органов. При этом даже очевидные нарушения, такие как незаконное обогащение или злоупотребление полномочиями, редко доходят до суда. Это связано как с давлением на правоохранительные органы, так и с недостаточной защитой лиц, сообщающих о нарушениях.

Одной из ключевых трудностей является слабая эффективность контрольных органов, что обусловлено комплексом взаимосвязанных факторов. Региональная специфика проявляется в том, что формально существующие механизмы надзора - прокуратура, контрольно-счетные палаты, внутренний аудит - на практике сталкиваются с системными ограничениями. Кадровая политика в муниципалитетах нередко строится по принципу клановой принадлежности, что создает почву для круговой поруки и сокрытия нарушений.

Особенно остро проблема проявляется в вопросах межведомственного взаимодействия. Например, сигналы о коррупционных схемах, поступающие от правоохранительных органов в контрольно-надзорные инстанции, зачастую «теряются» на стадии межведомственной переписки. Это подтверждается статистикой: по данным прокуратуры Дагестана, только 15-20% материалов проверок по обращениям граждан в итоге доходят до реальных дисциплинарных взысканий или уголовных дел [7].

Ситуацию усугубляет нехватка технических ресурсов и квалифицированных кадров в контролирующих органах [6]. Многие муниципальные образования не имеют достаточного финансирования для создания полноценных подразделений внутреннего контроля. В результате проверки носят формальный характер, а их результаты не всегда отражают реальное положение дел.

При этом следует отметить парадоксальную особенность: в условиях слабой формальной системы контроля развиваются неформальные механизмы регулирования. Местные сообщества зачастую вырабатывают собственные способы воздействия на недобросовестных чиновников, используя традиционные институты медиации. Однако такие практики, будучи эффективными в отдельных случаях, не могут заменить системную работу государственных контрольных органов.

Совершенствование механизмов юридической ответственности муниципальных служащих в Республике Дагестан требует комплексного подхода, учитывающего как общегосударственные стандарты, так и региональную специфику. Первостепенное значение имеет создание прозрачной системы контроля, основанной на четких критериях оценки должностных проступков [4]. В условиях Дагестана это предполагает разработку специализированных методик выявления нарушений, адаптированных к местным особенностям кадровой политики и управленческой культуры.

Важным направлением является усиление независимости контролирующих органов. Практика показывает, что существующие надзорные структуры часто сталкиваются с проблемой внешнего влияния, что снижает эффективность их работы. Решением могло бы стать создание специализированных антикоррупционных подразделений с особым статусом, сотрудники которых назначались бы на конкурсной основе и имели гарантии защиты от незаконного вмешательства. Такие подразделения могли бы оперативно реагировать на сигналы о нарушениях, проводить собственные проверки и инициировать дисциплинарные производства.

Особое внимание следует уделить цифровизации процессов привлечения к ответственности. Внедрение электронных систем учета нарушений, автоматизированных механизмов анализа коррупционных рисков и платформ для подачи обращений граждан позволило бы минимизировать субъективный фактор при принятии решений.

Опыт отдельных муниципалитетов показывает, что подобные технологии не только повышают прозрачность, но и создают действенные барьеры для злоупотреблений. Например, системы электронного документооборота с функцией отслеживания всех изменений существенно усложняют фальсификацию официальных данных.

Не менее значимым является совершенствование профилактических мер. Регулярное обучение муниципальных служащих основам антикоррупционного поведения, проведение аттестаций с реальными последствиями для недобросовестных сотрудников, создание системы раннего предупреждения конфликтов интересов - все это способствует формированию новой служебной культуры [9, с. 65]. При этом важно учитывать местную специфику: образовательные программы должны быть адаптированы к особенностям восприятия и традициям региона.

Развитие общественного контроля представляет собой еще один действенный инструмент [8, с. 135]. Создание доступных механизмов обратной связи, защита прав гражданских активистов, внедрение практик общественного мониторинга ключевых муниципальных процессов - все это способствует повышению ответственности чиновников. Опыт показывает, что в условиях, когда служащие знают о возможности общественной проверки их действий, уровень дисциплины существенно возрастает.

Судебная система также требует определенных изменений. Повышение квалификации судей, рассматривающих дела о должностных нарушениях, разработка единых подходов к квалификации проступков, создание специализированных судебных составов - эти меры помогут обеспечить единообразие практики и снизить риски избирательного правосудия.

Реализация этих мер должна сопровождаться постоянным мониторингом их эффективности. Анализ статистики привлечения к ответственности, изучение общественного мнения, оценка изменений в качестве муниципального управления - все это позволит своевременно корректировать применяемые подходы. Важно понимать, что совершенствование механизмов ответственности - это не разовое мероприятие, а непрерывный процесс, требующий системной работы на всех уровнях власти.

В конечном итоге, грамотно выстроенная система юридической ответственности муниципальных служащих способна не только снизить уровень нарушений, но и повысить доверие граждан к местной власти, улучшить инвестиционный климат и создать условия для устойчивого развития региона. Все это особенно актуально для Дагестана, где вопросы эффективного управления традиционно находятся в центре общественного внимания.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 03.04.2017) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 02.08.2004. - № 31. - Ст. 3215.
2. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 27.10.2020) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Российская газета. - 07.03.2007. - № 4310.
3. Закон Республики Дагестан от 06.05.2010 № 21 «О муниципальной службе в Республике Дагестан» // Дагестанская правда. - 14.05.2010. - № 159-160.
4. Асриянц К. Г. Повышения эффективности государственной гражданской службы в Республике Дагестан // Региональные проблемы преобразования экономики. - 2017. - № 12.
5. Демин А. А. Государственная служба в Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата. - 10-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2019. - 354 с.
6. Клейн А. С.Проблемы государственной гражданской службы в субъектах РФ и возможные направления совершенствования законодательства о государственной гражданской службе // Тенденции развития современного общества: экономико-правовой аспект. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, 2016.
7. Официальная статистика / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан / Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления Республики Дагестан (фактическая численность работников, на конец года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// dagstat.gks.ru/.
8. Решетникова Д. С. Факторы общественной оценки эффективности деятельности гражданских служащих при оказании государственных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2016. - № 2. - С. 131-164.
9. Шубцова Л. В. Современные подходы к оценке деятельности государственной службы в Российской Федерации //Вестник Тульского филиала финуниверситета. - 2015. - № 1. - С. 66-67.

СТРАХОВ Игорь Андреевич
преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А. А. Леонова, г. Королев

Страхов И. А.

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В РОССИИ

В статье рассмотрены актуальные изменения законодательства о местном самоуправлении в свете формирования и становления единой системы публичной власти в Российской Федерации. Принцип единства системы публичной власти предполагает согласованность действий на всех уровнях публичной власти, направленную на формирование эффективной системы взаимодействия каждого из ее уровней в целях удовлетворения потребностей населения. В 2025 году российский парламент принял новый федеральный закон, определяющий общие принципы, роль и место местного самоуправления в единой системе публичной власти России, который трансформирует подход к определению его роли и сущности в публично-правовом механизме современной России. В настоящей статье рассматриваются, в том числе, ключевые изменения в организации деятельности органов местного самоуправления, статусе муниципальных образований и должностных лиц местного самоуправления, а также иные вопросы, связанные с организацией местного самоуправления в современной России.

Ключевые слова: местное самоуправление, публичная власть, реформа местного самоуправления.

STRAKHOV Igor Andreevich
lecturer of Humanities sub-faculty, twice Hero of the Soviet Union, pilot-cosmonaut A. A. Leonov Technological University, Korolev

ON CURRENT CHANGES IN LEGISLATION ON LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA

The article examines current changes in legislation on local self-government in the light of the formation and establishment of a unified system of public authority in the Russian Federation. The principle of the unity of the public authority system presupposes the coherence of actions at all levels of public authority, aimed at forming an effective system of interaction between each of its levels in order to meet the needs of the population. In 2025, the Russian parliament adopted a new federal law defining the general principles, role and place of local self-government in the unified system of public authority in Russia, which transforms the approach to defining its role and essence in the public law mechanism of modern Russia. This article discusses, among other things, key changes in the organization of local government, the status of municipalities and local government officials, as well as other issues related to the organization of local government in modern Russia.

Keywords: Local government, public authority, local government reform.

В текущем году в нашей стране продолжилась масштабная реформа системы местного самоуправления, целью которой является совершенствование механизмов и повышение эффективности управления на местном уровне. 5 марта 2025 года Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации принят Федеральный закон № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»[1] (далее по тексту – Федеральный закон), который вносит существенные изменения в работу местных органов власти.

Принятие указанного Федерального закона стало логичным продолжением процесса совершенствования единой системы публичной власти в России, начало формирования которой было положено в 2020 году вследствие внесения изменений в текст Конституции Российской Федерации. Изучение феномена публичной власти в целом – весьма актуальный вопрос для юридической науки, который находит свое прямое отражение в трудах таких известных российских ученых, как, например, С. С. Авакьян [1], А. А. Уваров [2], Б. С. Эбзеев [3] и других авторов. Позиции исследователей таковы, что органы местного самоуправления являются ключевым элементом, посредством которых в государстве обеспечивается реализация его политики на низовом уровне. Кроме того, именно посредством системы местного самоуправления возможен реальный учет историко-культурных, национальных, территориальных и иных местных традиций на каждой конкретной территории. Местное самоуправление – ключевой элемент коммуникации власти и общества, обеспечивающий решение наиболее волнующих жителей муниципального образования вопросов. Именно система местного самоуправления является основой, базисным элементом единой системы публичной власти, именно по этой причине указанная система требует постоянной модернизации и адаптации к действующим правовым реалиям.

Принятие Федерального закона изначально было обусловлено рядом факторов. Во-первых, это развитие конституционных положений, устанавливающих принцип единства публичной власти. Во-вторых, совершенствование механизма местного самоуправления, подразумевающее определение правовой природы местного самоуправления, конкретизацию полномочий и т.д. В-третьих, учитывая позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженные в заключении от 16.03.2020 № 1-3[2], важным фактором также является обеспечение согласованности действий различных уровней власти во благо граждан, а также иные факторы.

Анализируя положения нового Федерального закона следует выделить ряд ключевых, по нашему мнению, новаций. Так, новое правовое регулирование существенно затрагивает территориальную основу местного самоуправления в современной России, а именно существенное сокращение видов муниципальных образований. Новый Федеральный закон предусматривает три вида муниципальных образований – городские и муниципальные округа, а также внутригородские территории (внутригородские муниципальные

1 Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru, 20.03.2025.

2 Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. N 1-З "О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации".

образования) городов федерального значения. Иные виды муниципальных образований Федеральным законом не предусмотрены., при этому, региональному законодателю предоставлено право с учетом социально-экономических, национальных, исторических и иных особенностей самостоятельно осуществлять регулирование вопросов организации местного самоуправления в случае, если на момент вступления в силу Федерального закона в конкретном субъекте Российской Федерации действовал закон субъекта, предусматривающий осуществление местного самоуправлениях в муниципальных образованиях иных видов. По нашему мнению, такое правовое регулирование предоставляет регионам возможность самостоятельно выбирать ту систему организации власти на местах, которая будет являться оптимальной и сбалансированной для каждого конкретного субъекта Российской Федерации. Более того, при таких условиях каждый регион сможет на законодательном уровне определить свою систему, которая будет учитывать историко-культурные, социально-экономические и политико-правовые особенности функционирования всех элементов единой системы публичной власти на местах.

Речь в данном случае идет, прежде всего, о сохранении двухуровневой системы местного самоуправления в тех регионах, где она необходимо. По состоянию на 1 января 2025 года в России насчитывается 13406 сельских поселений, что на 586 муниципальных образований данного типа меньше, чем было зафиксировано по состоянию на аналогичную дату 2024 года. При этом наибольшее число сельских поселений в 2024 году было ликвидировано в Центральном федеральном округе (303), а именно в Смоленской (133), Липецкой (84), Рязанской (50), Костромской (19) и Владимирской (17) областях. Тенденция к снижению количество сельских поселений наблюдается по итогам 2024 года и в Дальневосточном федеральном округе (101), где Забайкальский край (54) и Амурская область (20) стали лидерами по количеству упраздненных сельских поселений. При этом обратная тенденция наблюдается в регионах Северо-Кавказского и Приволжского федеральных округов, где за истекший год было упразднено 9 и 11 сельских поселений, соответственно. За последние годы во многих регионах уже наблюдается серьезная тенденция к созданию одноуровневых муниципальных образований, при этом, те регионы, в которых создание такой системы невозможно, с вступлением в силу Федерального закона получают возможность сохранить действовавшую до его принятия двухуровневую систему.

В целом концепция постепенного перехода к одноуровневой системе местного самоуправления видится весьма логичной и обоснованной. В действительности, за последние десятилетия в России наблюдается рост городского населения с постепенным сокращением численности сельского населения. При этом одноуровневая система позволит преодолеть возникающие противоречия в распределении полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления, а также между органами местного самоуправления различного уровня в различных видах муниципальных образований. Видится, что создание одноуровневой системы позволит повысить эффективность системы местного самоуправления, а также сбалансировать финансово-экономическую основу их деятельности.

Важным изменением становится новая структура основного закона о местном самоуправлении. Так, Федеральный закон включает в себя 12 самостоятельных глав, логично объединяющих в себе однородные по смыслу и содержанию нормы. Федеральный закон четко разграничивает территориальные, организационные, функциональные и экономические основы местного самоуправления. Кроме того, новацией является отсутствие в Федеральном законе самостоятельной статьи, определяющей основные термины и понятия, используемые в Федеральном законе несмотря на то, что в федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[3] (далее – Закон № 131-ФЗ) такая статья присутствовала. Указанная новация предполагает равномерное распределение понятийного аппарата по всему тексту Федерального закона, что, по нашему мнению, упрощает работу правоприменителя. Особый интерес в контексте использования понятийного аппарата вызывает новое определение понятия «муниципальное образование». Так, согласно статье 9 Федерального закона под муниципальным образованием следует понимать публично-правовое образование, созданное на территории с постоянно проживающим населением, в границах которой местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления. Ранее, статьей 2 Закона № 131-ФЗ понятие определялось через виды муниципальных образований. Положения статьи 2 Закона № 131-ФЗ определяли, что муниципальное образование – это городское или сельское поселение, муниципальный район, муниципальный округ, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения. Само определение, которое содержало бы характеристики муниципального образования, его определение или характерные признаки при этом отсутствовало. Указанный факт нередко становился предметом для широкой научной дискуссии. Так, профессор С. А. Авакьян [4] в своих работах отмечал, что в Законе № 131-ФЗ законодатель не дает четкого определения понятию «муниципальное образование», при этом действовавший до того Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28.08.1995 № 154-ФЗ[4] также не давал четкого определения данному понятию, при этом, он включал в себя такие характеристики муниципального образования, как, например, наличие муниципальной собственности, местный бюджета и выборных органов местного самоуправления. Отдельные авторы относят к числу обязательных характеристик муниципального образования также устав, систему муниципальных правовых актов, официальную символику [5], наименование [6]. Кроме того, в Федеральном законе отсутствуют дефиниции понятий «межселенная территория», «внутригородские районы», «выборное должностное лицо местного самоуправления» и ряд других. Многие из «ушедших» понятий являлись виртуальными и фактически не применимыми в российских правовых реалиях, включенными в законодательство вследствие заимствования из международных нормативных правовых актов, таких, как, например, Европейская хартия местного самоуправления.

Изменений коснулись также принципы правового регулирования местного самоуправления. Статьей 4 Федерального закона предусмотрен закрытый перечень из 12 принципов, среди которых присутствуют такие основополагающие начала местного самоуправления, как, например, принцип самостоятельности местного самоуправления в пределах своих полномочий, а также новеллы, такие, как, например, принцип, согласно которому принимаемые в стране нормативные правовые акты при регулировании вопросов организации местного самоуправления должны учитывать особенности каждой конкретной территории, в границах которой осуществляется местное самоуправление, а также принцип, определяющий, что муниципальное образование не является административно-территориальной единицей. При этом границы муниципального образования и административно-территориальной единицы в отдельных субъектах Российской Федерации могут совпадать. Кроме того, Федеральный закон не закрепляет принципы, налагающие запрет на осуществление исполнительно-распорядительных и контрольных функций со стороны органов государственной власти в отношении органов местного самоуправления.

Федеральный закон предусматривает возможность для отдельных населенных пунктов иметь свои официальные символы. Так, статьей 8 Федерального закона установлено, что с учетом исторических и иных местных традиций, а также наличия почетных званий СССР и Российской Федерации отдельные населенные пункты, входящие в состав муниципального образования, в соответствии с уставом муниципального образования могут иметь официальные символы населенного пункта. Закон 131-ФЗ не предусматривал такой возможности.

Федеральный закон, как и действовавший Закон № 131-ФЗ, предъявляет требование к наличию в муниципальном об-

3 Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Парламентская газета. № 186. 08.10.2003.

4 Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28.08.1995 № 154-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1995 г. № 35. Ст. 3506.

разовании органов местного самоуправления, под которыми понимаются избираемые непосредственно населением или образуемые представительным органом муниципального образования органы, наделенные собственными полномочиями по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, устанавливая две основные формы наделения органов местного самоуправления полномочиями - непосредственно на муниципальных выборах или опосредованно через избранных на муниципальных выборах депутатов. Структуру органов местного самоуправления составляют представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования), контрольно-счетный орган муниципального образования, иные органы, предусмотренные уставом муниципального образования и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

В целом Федеральный закон сохранил предусмотренные Законом № 131-ФЗ структурные элементы системы органов местного самоуправления, при этом, наличие представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования, местной администрации является обязательным, а порядок формирования, полномочия, срок полномочий, подотчетность, подконтрольность органов местного самоуправления определяются уставом муниципального образования в соответствии с положениями Федерального закона.

Дискуссионным вопросом являлся порядок наделения главы муниципального образования полномочиями. Так, действовавший Закон № 131-ФЗ устанавливал три основных способа наделения высшего должностного лица муниципального образования полномочиями – это прямые выборы, избрание депутатами представительного органа из своего состава и наделение полномочиями главы муниципального образования лица из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией. Федеральный закон предусматривает более широкий перечень процедур избрания главы муниципального образования – это традиционные для российского муниципального права избрание на прямых выборах и избрание представительным органом из своего состава, из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, а также новелла – избрание депутатами представительного органа местного самоуправления главы муниципального образования из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации.

Идея избрания глав муниципальных образований из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией широко применима в положениях Закона № 131-ФЗ. Как отмечают исследователи [7], введение в 2015 г. нового способа избрания главы муниципального образования представительным органом из числа кандидатов, отобранных комиссией по результатам конкурсного отбора (Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ, в ред. Федерального закона от 03.02.2015 № 8-ФЗ), позволяет частично интегрировать идею профессионализации городского управления в современную практику при минимизации рисков двоевластия и противоборства. В контексте формирования единой системы публичной власти в России видится весьма логичной и обоснованной идея избрания главы муниципального образования из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта. Особенности проведения процедуры выдвижения таких кандидатов отдается на откуп региональному законодателю, что позволит учесть особенности каждого конкретного субъекта федерации.

Процедура формирования структуры местной администрации на также подвергается трансформации. Федеральный закон предусматривает возможность создания территориальных подразделений в составе местной администрации согласно критериям, определенным региональным законодателем, для максимально результативного решения задач в интересах жителей конкретной территории. Хотя утверждение структуры по-прежнему остается в компетенции представительного органа муниципального образования, существенно изменился подход к формированию этой структуры по сравнению с Законом № 131-ФЗ, который просто допускал создание отраслевых, функциональных и территориальных органов.

При этом законодательным актом субъекта Российской Федерации должен быть установлен критерий временной доступности до административного центра или территориальных органов управления. Данное требование введено для сохранения доступности местного самоуправления в условиях реформирования системы. При переходе к одноуровневой модели в крупных муниципальных образованиях видится вполне логичным создание территориальных подразделений администрации в каждом входящем в его состав населенном пункте.

Федеральный закон продолжает устанавливать различные особенности функционирования местного самоуправления для определённых территорий. Так, в отношении муниципальных образований, сохраняющих двухуровневую систему самоуправления, административных центров субъектов Российской Федерации, городов федерального значения и других отдельных территорий применяются свои специфичные положения Федерального закона. Примечательно, что в городах федерального значения закон устанавливает, что глава муниципального образования может одновременно занимать как муниципальную должность, так и государственную должность субъекта Российской Федерации. Однако такое совмещение возможно только при условии, что это предусмотрено уставом муниципального образования, а также положениями соответствующего регионального закона.

В городах федерального значения, как и прежде, сохранена возможность для главы муниципалитета занимать одновременно пост руководителя местной администрации и возглавлять представительный орган местного самоуправления. Законодательством уточнен порядок проведения заседания по вопросу отстранения от должности главы муниципального образования, выполняющего функции председателя представительного органа. Учитывая необходимость поддержания единства городского хозяйства и установленный перечень полномочий органов местного самоуправления внутригородских муниципальных формирований в городах федерального значения по решению вопросов жизнеобеспечения населения, закреплено право не создавать местную администрацию.

Переходный период до начала 2027 года предоставляется регионам для адаптации законодательной базы к новому Федеральному закону. Трансформации в структуре власти нацелены на интеграцию местного самоуправления в единую публичную систему, делая её более структурированной и вертикально организованной.

Пристатейный библиографический список

1. Современные проблемы организации публичной власти. Монография / Рук. авторского колл. и отв. редактор д.ю.н., профессор Авакьян С. А. - Москва: Юстицинформ, 2014. - 596 с.
2. Уваров А. А. О расширительном значении президентских поправок к Конституции Российской Федерации // Lex russica (Русский закон). - 2020. - № 11. - С. 43-52.
3. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. - М.: Проспект, 2014.
4. Авакьян С. А., Баженова О. И., Лютцер В. Л., Ежукова О. А. Муниципальное право России [учебник] / С. А. Авакьян, О. И. Баженова, В. Л. Лютцер, О. А. Ежукова. - Москва: Проспект, 2021.
5. Шугрина Е. С. Виды муниципальных образований в Российской Федерации: анализ законодательства и правоприменительной практики // Правоприменение. - 2017. - Т. 1, № 1.
6. Сергеев Д. Б. Населенная территория как признак муниципального образования // Административное и муниципальное право. - 2014. - № 6.
7. Фролова Е. В., Рогач О. В., Шалашникова В. Ю. Реализация модели «сити-менеджер» в России: ограничения и преимущества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2021. - № 6. - С. 506-527. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1887.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-205-208

БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич
доктор юридических наук, профессор кафедры нотариата, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА); профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

СЕЛИВЕРСТОВ Никита Ильич
аспирант, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Бегичев А. В.

Селиверстов Н. И.

ЗАЩИТА НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ США

Данная статья посвящена анализу юридической структуры защиты наследственных прав и интересов граждан Российской Федерации, проживающих на территории Соединенных Штатов Америки. В условиях глобализации и растущей мобильности населения вопрос защиты наследственных прав становится особенно актуальным. Обсуждаются ключевые аспекты правового регулирования, включая международные договоры, а также специфические особенности американского законодательства, влияющие на наследственные отношения. Исследование включает сравнительный анализ механизмов защиты прав наследников в России и США, что позволяет выявить сильные и слабые стороны каждой из правовых систем.

Ключевые слова: наследственное право, наследование по завещанию в США, международное завещание, наследование супругов, защита наследственных прав.

BEGICHEV Alexander Valerjevich
Ph.D. in Law, professor of Notary sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL); professor of Civil law and process and international private law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

SELIVERSTOV Nikita Iljich
postgraduate student, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

PROTECTION OF INHERITANCE RIGHTS AND INTERESTS OF RUSSIAN CITIZENS RESIDING IN THE USA

This article is devoted to the analysis of the legal structure of the protection of inheritance rights and interests of citizens of the Russian Federation residing in the United States of America. In the context of globalization and the growing mobility of the population, the issue of protecting inheritance rights is becoming particularly relevant. The key aspects of legal regulation, including international treaties, as well as the specific features of American legislation affecting inheritance relations are discussed. The study includes a comparative analysis of the mechanisms for protecting the rights of heirs in Russia and the United States, which allows us to identify the strengths and weaknesses of each of the legal systems.

Keywords: inheritance law, will inheritance in the USA, international will, spousal inheritance, protection of inheritance rights.

Исследования юридической структуры защиты наследственных прав и интересов граждан Российской Федерации, проживающих на территории США, обусловлена современными процессами миграции, которые привели к значительному увеличению числа российской диаспоры за рубежом. Такие изменения ставят перед правовой системой необходимость создания эффективных механизмов защиты прав граждан, учитывающих разнообразие национального законодательства и правовых обычаев. В США, как в стране с высокоразвитой правовой системой, вопросы наследственного права являются особенно актуальными, учитывая различия между российским и американским законодательством. Правовая неопределенность может привести к нарушению прав граждан и затруднениям в процессе наследования.

В процессе исследования будет проведен анализ существующих механизмов защиты наследственных прав граждан Российской Федерации, находящихся на территории Соединенных Штатов Америки, а также анализ правовой системы США в части правового регулирования общественных отношений, возникающих из наследственного права, в частности какими источниками права регулируются данные отношения. При этом, целесообразно установить наличие международных взаимоотношений между двумя государствами и какие международные договоры касаются вопроса исследуемой темы.

В связи с развитием различных технологий, повышающих возможность осуществлять переезды из одного государства в другое как на постоянное место жительство, так и на определённый период без установления правовой связи с данным государством, для большинства жителей нашей страны является возможным способом. Однако, при осуществлении таких переездов основной проблемой становится юрисдикция правовых норм другого государства в том числе и при появлении ситуаций, когда возникают вопросы наследования имущества гражданина, не являющего рези-

дентом, в данном случае гражданином РФ перебирающегося на территорию США.

Наследственное право, как и любой правовой институт имеет свою историю и в процессе своего становления претерпело существенных изменений и закрепилось в правовых системах различных стран мира с учетом тех исторических особенностей, которые присуще тому или иному государству.

В США вопросы наследования определяются законами каждого отдельного штата. В каждом из 50 штатов, а также на территориях и в округе Колумбия существуют свои правила, касающиеся распоряжения имуществом людей, которые проживали и имели собственность в данном штате.

Во времена колонизации американские колонии заимствовали английские нормы наследственного права. С 1720 года они в основном руководствовались общим правом при решении вопросов, связанных с наследованием. В ряде колоний местные законодательные органы вводили законы, которые модифицировали или дополняли нормы общего права относительно наследования земельной собственности и прав детей на наследство. Многие колонии отменили принцип первородства и ввели законы, согласно которым младшие сыновья и дочери могли получать свою долю наследства после смерти родителей.

В настоящее время законы о наследовании в США представляют собой правовые акты и документы, устанавливающие правила передачи имущества физическим лицам после смерти их родственника. Такие законы обеспечивают возможность получения наследства даже тогда, когда завещание отсутствует либо оно охватывает не все активы покойного. Иногда такие законы дают некоторым родственникам возможность претендовать на часть наследства вне зависимости от того, что прописано в завещании умершего[1].

В ряде штатов существуют законы, которые защищают наследников от непредвиденного исключения из завещания, если оно было оформлено до их рождения и не обновлялось после этого до момента смерти родственника. Если наследство распределено между братьями и сестрами, но кто-то из детей остался без доли, считается, что это произошло случайно. Тогда ребенку выделяется такая же часть имущества, как у остальных. В отдельных случаях такие правила могут касаться и внуков[2].

Следует отметить, если человек умирает, не оставив завещания, его имущество считается «наследуемым по закону». Это значит, что суд назначает администратора, который собирает все активы покойного, погашает задолженности и налоги, а оставшееся имущество распределяет среди наследников в порядке, установленном законодательством штата[3]. Завещание тоже может рассматриваться таким образом, если оно признается недействительным по определённым причинам. В любом случае только суд, занимающийся вопросами наследования и имеющий полномочия в отношении имущества, решает, как будут распределены активы умершего.

Система наследственного права в США строится из трех видов: совместная собственность, общее право, выборная общественная собственность.

Первый вид наследственного права называется совместной собственностью. По данной системе каждый супруг автоматически получает половину всего, что пара заработала за время совместной жизни. Таким образом, при смерти одного из супругов половина его имущества автоматически передается второму супругу, а другая половина может быть распределена между остальными наследниками.

Данный вид наследственного права распространяется на девять штатов с общей собственностью – это Аризона, Калифорния, Айдахо, Луизиана, Невада, Нью-Мексико, Техас, Вашингтон и Висконсин[4].

Для целей наследования законы о совместной собственности считают доходы от трудовой деятельности, имущество, приобретенное во время брака (за счет доходов от работы), и личное имущество, переданное одним из супругов в общую собственность (которую он обязан делить со своим партнером), подлежащими разделению между партнерами. Это означает, что каждая сторона получит свою долю в случае смерти другой стороны.

Имущество, не подпадающее под этот режим, включает всё, что было приобретено до брака, унаследовано или получено в подарок, а также всё, что оговорено в соглашении между супругами и должно оставаться вне общей собственности.

Имущество, не подпадающее под этот режим, включает всё, что было приобретено до брака, унаследовано или получено в подарок, а также всё, что оговорено в соглашении между супругами и должно оставаться вне общей собственности[5].

В 38 из оставшихся 41 штата применяется общее право. Супруги, живущие в этих штатах, не обладают автоматическим правом на половину совместно нажитого имущества[6].

Тем не менее, в ряде штатов переживший супруг сохраняет право требовать до трети или половины имущества умершего, несмотря на условия завещания. Но эта возможность реализуется лишь тогда, когда второй супруг подаст соответствующий иск в суд. Согласно общему праву, владельцем имущества считается тот, чье имя указано в документе о праве собственности, либо тот, чей доход использовался для покупки этого имущества.

Три штата отличаются от обеих вышеупомянутых систем. Так, на Аляске в 1998 году ввели систему добровольной совместной собственности.

Фактически, это всё еще штат общего права, однако супруг может получить автоматическое право на наследство, если подпишет соответствующее соглашение с партнером или вместе с ним создаст траст совместного имущества.

Подобный закон был введен в Теннесси в 2010 году, а в Кентукки – в 2020-м. В обоих штатах местные жители и при-

1 California Legislative Information Part 1. Effect of Death of Married Person on Community and Quasi-Community Property [100 - 105]. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=PROB&division=2.&title=&part=1.&chapter=&article= (дата обращения: 04.02.2025).

2 National Conference of Commissioners on Uniform State Laws. «Probate Code (2019).» Pages 9-10, 33-34. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.uniformlaws.org/viewdocument/final-act-104?CommunityKey=35a4e3e3-de91-4527-aeec-26b1fc41b1c3&tab=librarydocuments (дата обращения: 04.02.2025).

3 Бегичев А.В. Современное состояние наследственного права зарубежных стран // Нотариальный вестник. – 2013. – № 2. – С. 42.

4 Internal Revenue Service. Internal Revenue Manual: 25.18.1 Basic Principles of Community Property Law. Section 25.18.1.2.3. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.irs.gov/irm/part25/irm_25-018-001 (дата обращения: 05.02.2025).

5 Internal Revenue Service «Internal Revenue Manual: 25.18.1 Basic Principles of Community Property Law» Section 25.18.1.2.2. «Internal Revenue Manual: 25.18.1 Basic Principles of Community Property Law» Section 25.18.1.2.2.». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.irs.gov/irm/part25/irm_25-018-001 (дата обращения: 05.02.2025).

6 Internal Revenue Service. «Internal Revenue Manual: 25.18.1 Basic Principles of Community Property Law» Section 25.18.1.2.1. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.irs.gov/irm/part25/irm_25-018-001 (дата обращения: 05.02.2025).

езжие могут оформить общую собственность через трастовый фонд[7].

Рассмотрев вкратце систему наследственного права в США следует подчеркнуть, что приведенные положения больше степени касаются лиц, состоящих в браке, при этом, если принимать во внимание общие источники информации и основывая свои суждения на положении того или иного закона, действующего в соответствующем штате, то можно резюмировать следующее, что иностранец, находящийся на территории того или иного штата, является субъектом наследственных правоотношений.

В качестве примера можно привести содержание нормы, действующей в штате Калифорнии, а именно раздел 6220 статьи 2 Главы 6 Завещание в Калифорнии, где говорится, «Любое лицо, находящееся в здравом уме и достигшее 18-летнего возраста, может составить завещание в соответствии с положениями этой главы»[8].

Если провести анализ данной нормы, то мы увидим, что «любое лицо», то есть не имеет значение является ли субъект гражданином США или является нерезидентом, имеет право на составление завещания в данном штате. Связи с этим можно отметить, что на граждан РФ, находящихся на территории данного штата, также распространяется положение данного раздела.

Продолжая правовой анализ на примере законодательства Калифорнии можно выделить такой способ наследования как международное завещание.

Такое завещание регулируется главой 11 Единого международного закона о завещании[9], согласно которой завещание считается юридически действительным независимо от того, где оно было составлено, где находится имущество, и какое гражданство, место жительства или место пребывания имеет наследодатель, если оно оформлено в виде международного завещания. При этом, такой документ должен быть оформлен письменно. Его не обязательно писать лично завещателю (достаточно его подписи) – документ может быть составлен на любом языке, от руки или иным способом.

Также следует отметить, что уполномоченное лицо обязано приложить к завещанию подписанный им документ, удостоверяющий соблюдение всех требований для оформления международного завещания. Также уполномоченное лицо должно сохранить копию документа и передать одну копию завещателю.

Под уполномоченным лицом, согласно подпункту (b) раздела 6380 вышеуказанной главы, подразумевается лицо, имеющее полномочия по контролю за исполнением международных завещаний в соответствии с разделом 6388 или законами США, включая сотрудников дипломатической и консульской служб США, назначаемых в рамках правил дипломатической службы.

В связи с рассмотрением правовой структуры наследственного права можно перейти к следующей части вопроса исследуемой темы, а именно какими механизмами защиты интересов граждан РФ можно реализовать при нахождении последних на территории США.

Защита интересов и прав граждан Российской Федерации за пределами страны представляет собой важный аспект внешней политики государства и правового регулирования. Она включает как дипломатическую защиту, так и обеспечение соблюдения международных норм и соглашений.

Следует отметить, что в законодательстве Российской Федерации закреплено положение, на основании которого строится внешняя политика, в частности, защиты прав и свобод российских граждан, которое находит своё отражение в п. 2 ст. 61 Конституции РФ[10], таким образом предоставляя гражданам гарантию на защиту их прав за пределами нашего государства.

Анализ научной литературы позволяет выделить следующие моменты касающиеся вопросов защиты прав граждан за рубежом и предоставить в обобщенном виде следующие теоретические аспекты.

Международные договоры и соглашения. Российская Федерация является участником множества международных договоров и конвенций, которые регулируют вопросы защиты прав человека. В частности, это такие документы, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская Конвенция по правам человека и другие. Эти международные акты устанавливают стандарты защиты прав граждан вне зависимости от их местоположения.

Дипломатическая защита осуществляется через посольства и консульства Российской Федерации. Они оказывают помощь гражданам в случае нарушения их прав, предоставляют юридическую поддержку, а также содействуют решению проблем с местными властями.

Консульские функции. Консульские учреждения выполняют ряд функций для защиты интересов граждан РФ за рубежом. Это могут быть выдача документов, нотариальные действия, регистрация актов гражданского состояния, предоставление информации о местных законах и обычаях, а также оказание помощи при чрезвычайных ситуациях.

Правовые механизмы. Существуют различные правовые инструменты, которые используются для защиты прав россиян за границей. Например, можно обратиться к международному арбитражу, подать иски в национальные суды других стран, использовать механизмы ООН и других международных организаций.

Взаимодействие с иностранными государствами. Российское правительство активно взаимодействует с другими странами для обеспечения безопасности и прав своих граждан. Это может включать переговоры, заключение двусторонних соглашений, обмен информацией и сотрудничество правоохранительных органов.

Информирование и просвещение граждан. Важным элементом защиты прав граждан за рубежом является информирование их об особенностях законодательства той или иной страны, возможных рисках и способах обращения за помощью. Министерство иностранных дел РФ регулярно публикует рекомендации для выезжающих за границу.

7 Tennessee General Assembly. «House Bill 3863». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://wapp.capitol.tn.gov/apps/Billinfo/default.aspx?BillNumber=HB3863&ga=106 (дата обращения: 05.02.2025).

8 California Legislative Information. Probate Code – PROB. CHAPTER 6. California Statutory Will [6200 - 6243]. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=PROB&division=6.&title=&part=1.&chapter=6.&article=2. (дата обращения: 05.02.2025).

9 California Legislative Information. Probate Code – PROB. Uniform International Wills Act [6380 - 6390]. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=PROB&division=6.&title=&part=1.&chapter=11.&article= (дата обращения: 06.02.2025).

10 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://pravo.gov.ru, 06.10.2022.

Ранее упоминалось, что действия нормативно правовых актов на территории другого государства применяются положения того государства если между данными государствами, не имеется международного договора по советующим отношениям.

При этом, согласно п. 1 ст. 1224 ГК РФ[11] установлено, что отношения связанные с наследованием имущества применяются нормы права страны, где наследодатель имел последнее место жительство.

Кроме этого, следует отметить, что в настоящее время между Российской Федерации и Соединенными Штатами Америки отсутствует международный договор об оказании правовой помощи по вопросам наследства, таким образом для защиты интересов прав граждан РФ возможно обратиться исключительно через консульские учреждения, которые в соответствии с действующим национальным законодательством выполняют ряд соответствующих функций.

В законодательстве Российской Федерации закреплены основные функции консульских учреждений, которые отражены в ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 05.07.2010 № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации»[12], где среди приведенного перечня имеется функция о совершении нотариальных действий. Более подробное описание данной функции законодателем продемонстрировано в п. 10 ч. 1 ст. 26 данного федерального закона, которая по своей правовой природе заключается в принятии мер по охране наследственного имущества.

В настоящее время на территории США действует посольство Российской Федерации, которое в свою очередь выполняет консульские функции[13] в соответствии с национальным законодательством.

В связи с этим, можно отметить, что граждане Российской Федерации, находящиеся на территории США, имеют возможность в защите своих интересов и прав по отношению к наследованию.

Таким образом, подводя итог можно дополнительно подчеркнуть, что правовая система США имеет свою определенную сложность в правовом регулировании наследственных правоотношений поскольку из-за отсутствия единого кодифицированного законодательства касающегося наследственного права, действующего по всей территории США в отличии от Российской Федерации. Поскольку правоотношения, возникающие в рамках наследственного права по своей сути разделено на законодательство отдельных штатов, поэтому требует тщательного изучения в зависимости от нахождения гражданина Российской Федерации в том или ином штате, которые по своему характеру имеют существенные отличия, в частности налогообложения на наследственное имущество, так как в отдельных штатах устанавливаются отдельные нормы касаемо базы налогообложения на наследственное имущество иностранного гражданина.

Кроме этого, следует обратить внимание на отсутствие международных взаимоотношений между двух государств по вопросам оказания юридической помощи в области наследственного права. В связи с этим одним из действующих способов защиты прав граждан в данной области ложиться на консульские учреждения, расположенные на территории США, для оказания помощи гражданам РФ, для успешного решения таких вопросов.

Пристатейный библиографический список

1. Бегичев А. В. Современное состояние наследственного права зарубежных стран // Нотариальный вестник. – 2013. – № 2. – С. 42.
2. California Legislative Information Part 1. Effect of Death of Married Person on Community and Quasi-Community Property [100 - 105]. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=PROB&division=2.&title=&part=1.&chapter=&article= (дата обращения: 04.02.2025).
3. National Conference of Commissioners on Uniform State Laws. «Probate Code (2019)». – Pages 9-10, 33-34. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.uniformlaws.org/viewdocument/final-act-104?CommunityKey=35a4e3e3-de91-4527-aeec-26b1fc41b1c3&tab=librarydocuments (дата обращения: 04.02.2025).
4. Internal Revenue Service. Internal Revenue Manual: 25.18.1 Basic Principles of Community Property Law. Section 25.18.1.2.3. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.irs.gov/irm/part25/irm_25-018-001 (дата обращения: 05.02.2025).
5. Internal Revenue Service «Internal Revenue Manual: 25.18.1 Basic Principles of Community Property Law» Section 25.18.1.2.2. «Internal Revenue Manual: 25.18.1 Basic Principles of Community Property Law» Section 25.18.1.2.2». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.irs.gov/irm/part25/irm_25-018-001 (дата обращения: 05.02.2025).
6. Internal Revenue Service. «Internal Revenue Manual: 25.18.1 Basic Principles of Community Property Law» Section 25.18.1.2.1. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.irs.gov/irm/part25/irm_25-018-001 (дата обращения: 05.02.2025).
7. Tennessee General Assembly. «House Bill 3863». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://wapp.capitol.tn.gov/apps/Billinfo/default.aspx?BillNumber=HB3863&ga=106. (дата обращения: 05.02.2025).
8. California Legislative Information. Probate Code – PROB. CHAPTER 6. California Statutory Will [6200 - 6243]. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=PROB&division=6.&title=&part=1.&chapter=6.&article=2 (дата обращения: 05.02.2025).
9. California Legislative Information. Probate Code – PROB. Uniform International Wills Act [6380 - 6390]. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=PROB&division=6.&title=&part=1.&chapter=11.&article= (дата обращения: 06.02.2025).

11 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 03.12.2001. – № 49. – Ст. 4552.

12 Федеральный закон от 05.07.2010 № 154-ФЗ (ред. от 22.06.2024) «Консульский устав Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ». – 12.07.2010. – № 28. – Ст. 3554.

13 Официальный сайт посольства Российской Федерации в США. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://washington.mid.ru/ru/consular-services/citizens-russia/notary-office/ (дата обращения: 06.02.2025).

ВАЛИШИН Тимур Ленарович
секретарь судебного заседания, юрист 3-го класса Арбитражного суда Республики Татарстан

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СТАНДАРТА ДОКАЗЫВАНИЯ»

Статья посвящена вопросу определения дефиниции стандарта доказывания в российском правопорядке. Автор проводит анализ проблемы наличия отдельных видов стандарта доказывания, таких как prima facie и повышенный стандарт при отсутствии единого понимания этого термина. Обозревается причинно-следственная связь стандарта доказывания с судейским усмотрением и внутренним убеждением, что усиливает правовую неопределенность. Исследуются философско-правовые концепции Г. Л. А. Харта, Р. Дворкина, Л. Витгенштейна и Б. Бикса. Делается вывод о необходимости общего понятия, а также о сложности формулировки общего определения из-за «открытой текстуры» права и наличия «ясных случаев».

Ключевые слова: стандарт доказывания, судейское усмотрение, бремя доказывания, правовая определенность, открытая текстура права.

VALISHIN Timur Lenarovich
secretary of the court session, 3rd class lawyer of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan

ON THE ISSUE OF DEFINING THE STANDARD OF PROOF

The article examines the issue of defining the standard of proof in the Russian legal system. The author analyzes the problem of having specific types of proof standards, such as prima facie and heightened standards, while lacking a unified definition of the term. The connection between the standard of proof, judicial discretion, and personal conviction is explored, highlighting how this relationship contributes to legal uncertainty. The study draws on legal-philosophical theories by H. L. A. Hart, R. Dworkin, L. Wittgenstein, and B. Bix. The conclusion emphasizes the need for a general definition while acknowledging the challenges posed by the «open texture» of law and the existence of «clear cases».

Keywords: standard of proof, judicial discretion, burden of proof, legal certainty, open texture of law.

На сегодняшний день, как и в судебной практике высших судов, так и в юридической литературе большой интерес представляет тема стандарта доказывания. Однако при многогранном исследовании данного вопроса не существует единого мнения относительно понимания «стандарта доказывания» в общем, при том, что имеются более-менее очерченные границы, понимая его видов, например: повышенного стандарта доказывания и prima facie.

Кроме того, данная проблема, на наш взгляд, идет в связке с тем обстоятельством, что судья в ходе рассмотрения дела оценивает доказательства, представленные сторонами по своему внутреннему убеждению[1], точно также как и обозначает стандарт доказывания и считает его исполненным. Совокупность данных факторов может приводить к усилению правовой неопределенности, как у сторон процесса, так и судьи, что ведет к умалению цели права – прогнозируемость будущего [4, с. 126].

Подтверждение данной идеи мы находим у Г. Л. А. Харта, который указывает, что, созданное законодателем правило поведения имеет «ядро ясного значения». В свою очередь, решение о применимости того или иного правила стоит в зависимости от общего значения термина [4, с. 129]. Общие термины дают возможность законодателю сообщить общие образцы поведения, который социум может подставить под отдельные факты собственного поведения и сделать соответствующий вывод об одобрении или порицании его правопорядком.

В данной статье будет рассмотрен вопрос стандарта доказывания с точки зрения целесообразности наличия или отсутствия его дефиниции в российском праве. При этом исследуя данную тему через призму философских теорий о роли языка в праве Р. Дворкина, Г. Л. А. Харта и Л. Витгенштейна, Б. Бикса «Право, язык и правовая определенность».

Современное российское процессуальное право исходит из того, что судья производит оценку доказательств по своему внутреннему убеждению и разрешает спор на основании того объема, который был представлен сторонами, что в свою очередь приводит к необходимости распределения бремени доказывания между ними. В связи с этим судья задает стандарт доказывания, который сторона должна выполнить. Но возникает логичный вопрос: как понять, что стандарт, достигнут, или перевыполнен, принимая во внимание также и отсутствие четкой директивы со стороны законодателя относительно его применения? В этом случае, возникает необходимость предложения общего понятия.

Проблематика определения общего термина была предметом теории Г. Л. А. Харта, который при разрешении указанной проблематики применял комбинаторику «парадигмального» и «критериального» подхода и исходил из того, что при определении общего понятия необходимо обратиться, к примеру, ситуации, на который, и направлен данный термин.

При рассмотрении того или иного дела судье необходимо производить анализ путем подбора образцов или ясных случаев, позволяющий оценить, насколько похожим на эти случаи может быть предполагаемое расширение правила.

То есть, судья при вынесении решения об отказе или удовлетворении заявления, производя оценку доказательств, может исходить из видения «классического» примера право-

1 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 67.

вых отношений, которые являются предметом рассмотрения для определения стандарта доказывания.

Однако может ли данная теория помочь нам вывести общий термин стандарта доказывания? На этот вопрос, склоняемся дать скорее отрицательный ответ. Беря за основу образец «ясного случая» судья при разрешении дела будет исходить из тех доказательств, которые так или иначе установлены законом или позициями высших судов. В таком случае, действительно, судья будет исходить из общего видения правопорядка разрешения похожих казусов, и понимать под стандартом доказывания – представление доказательств стороной, которые свидетельствуют о скорее совершимся правовом факте, при этом сравнивая первые по тем или иным критериям с доказательствами, которые принимались в большинстве случаев в схожих ситуациях. Но при таком подходе не рассматриваются ситуации, которые еще не урегулированы правопорядком, например, представления новых доказательств, которые также свидетельствуют о совершившемся факте, но еще не получившие своей оценки в позициях высших судов и т.д.

Типичность правовых казусов, которые встречаются в судебной практике (например, взыскания займа, когда есть расписка о выдаче займа, есть доказательства получения денег должником, доказательства невозврата денежных средств) нивелируют сомнения судьи при определении стандарта доказывания. Однако чем менее типичен случай, тем более сомнительно, что при этом следует понимать под данным термином [1].

Схожую точку зрения мы находим у Ф. Вайсмана, который указывал на невозможность раскрытия полного содержания термина, в связи с существующей возможностью «проявления непредвиденных факторов» и «процессом определения уточнения идеи» термина, который никогда не закончится [2, p. 245-260].

Или, словами Б. Бикса «это и есть «открытая текстура» правил, когда предложенное правило отличается от того, что имелось ввиду (образец) в момент принятия решения» [2, с. 27]. Б. Бикс также указывал, что теория «открытой текстуры» правила Г. Л. А. Харта скорее направлена на применение судейского усмотрения, поскольку подразумевает подход, объясняющий, что подразумевал говорящий (в данном случае Верховный суд Российской Федерации (далее – ВС РФ), поскольку данный термин находит свое отражение в позиции данного суда).

Сам же Г. Л. А. Харт также указывал, что «цель законодателя (в нашем случае ВС РФ) можно уподобить ясным случаем, которые подпадают под действия языка, используемого в этом контексте. Законодатель (ВС РФ) должен эти случаи (ясные примеры) учитывать. Его цель при составлении закона (в нашем случае разъяснений) остается до этих пор определенной, поскольку он сделал определенный выбор. Там, где применение слов к отдельным случаям больше кажется ясным, цель законодателя (в нашем случае ВС РФ) не определена» [4, с. 131-132].

Заслуживает внимания и интереса позиция Рональда Дворкина, который раскрывал возможность обхода проблемы «открытой текстуры» посредством правил интерпретации права, «которые устанавливают, какое значение неясного слова следует учитывать в конкретной ситуации, или, по крайней мере, делают его значение зависимым от дополнительных вопросов, которые теоретически имеют правильный ответ» [3, с. 350-354]. Промежуточно можно отметить, что применительно к нашему поиску общего значения, данный «выход» Р. Дворкина скорее является неприменимым, поскольку действующее законодательство, если мы говорим об общем понятии «стандарт доказывания», увязывает последнее с субъективным фактором в виде судейского усмотрения. Кроме того, Р. Дворкин указывает, что при поиске разных формулировок и интерпретаций неопределенного правила правоприменитель должен склоняться к выбору той, «которая лучше других способствует реализации принципов и установок, обеспечивающих наилучшее политическое обоснование закона в момент его принятия» [5, p. 68]. В случае неясности закона правоприменителю необходимо исходить из целеполагания сохранения status-a quo, который возможно сместить в иной центр тяжести исключительно в случае одобрения «бесспорным ядром используемого языка» [5, p. 68].

Следовательно, Р. Дворкин исходит из возможности судьи использования толкования права для преодоления «открытой текстуры» совокупно с принятием во внимание социально-политический конъектуры настоящего и status-a quo общего понимания и согласия в отношении используемых терминов со стороны общества. Однако, экстраполируя данный путь разрешения на поставленный нами вопрос, мы должны отметить, что он может привести еще к большей неясности. Во-первых, стоит допустить возможность отсутствия общей согласованности как социума в целом, так и судей в частности, относительно определения «общего понятия». Во-вторых, российское законодательство не допускает возможности толкования права со стороны судов нижестоящих инстанций, не говоря о наличии правил интерпретации правила. Но, как видится нам, разрешение второго нашего комментария, путем создания, если даже не «общего понятия» стандарта доказывания, то хотя бы очерчивания его границ будет сопутствовать более единообразной судебной практике и прогнозируемому правопорядку.

Таким образом, теория «открытой текстуры» и «ясных случаев» приводит нас к выводу, что наличие самого термина «стандарт доказывания» может не иметь конечного содержания, в связи с вариативностью возникновения различных ситуаций, которые законодатель или высшие суды не могут предвидеть. Однако, введение самого понятия, без раскрытия его содержания является контрпродуктивным, поскольку не ясна цель, на которую оно направлено. И как правильно отмечает Б. Бикс «понятие же является удачным, если оно достигает цели, ради которой оно было разработано» [2, с. 33].

Пристатейный библиографический список

1. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой. Перевод М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. - М.: Издательство «Гнозио», 1994. - 612 с.
2. Бикс Б. Право, язык и правовая определенность / Пер. с англ. В. В. Оглезнева, В. А. Суровцева. - М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2024. - 304 с.
3. Дворкин Р. Империя права. - М.: Изд-во института Гайдара, 2021. - 592 с.
4. Харт Г. Л. А. Понятие права / Пер с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. - 302 с.
5. Dworkin R. «No Right Answer ?», in Law, Morality, and Society, P.M.S. Hacker & J. Raz, eds. Oxford: Clarendon Press, 1977. - 312 p.
6. Waismann F.: The open texture of Analytical Philosophy, Dejan Makovec & Stewart Shapiro, eds. Palgrave Macmillan, 2019. - 352 p.

ГОРОДИНЕЦ Федор Михайлович
доктор юридических наук, профессор, профессор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ЦЕХАНОВСКИЙ Роман Алексеевич
ведущий юрисконсульт отдела правового обеспечения деятельности филиала юридического управления Санкт-Петербургского РФ АО «Россельхозбанк»

ШАМСИЕВ Ислам Икромжонович
независимый исследователь

ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ НА РЫНОЧНУЮ СРЕДУ ПРИ ОТСУТСТВИИ ФАКТИЧЕСКИХ КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В исследовании выявлено, при каких условиях субъект может быть отнесён к категории потенциальных конкурентов, а также как формальные действия формируют его правовой статус с помощью правовой доктрины и судебной практики. В статье уделяется внимание роли формально-юридических действий хозяйствующих субъектов в антимонопольном регулировании институтов интеллектуальной собственности. Авторы предлагают дополнить модельный и российский законы «О защите конкуренции» определением статуса потенциального конкурента для поддержания конкурентоспособной среды товарного рынка.

Ключевые слова: рыночная среда, конкурентные отношения, интеллектуальная собственность, антимонопольное регулирование.

GORODINETS Fyodor Mikhaylovich
Ph.D. in Law, professor of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

TSEKHANOVSKY Roman Alexeevich
the leading legal adviser of the department of legal support of the branch of the Legal Department of the St. Petersburg Region of the Russian Federation JSC «Rosselkhoznadzor»

SHAMSIEV Islam Ikromzhanovich
independent researcher

LEGAL CRITERIA FOR INFLUENCE ON THE COMPETITIVE ENVIRONMENT IN THE ABSENCE OF ACTUAL COMPETITIVE RELATIONS IN ANTIMONOPOLY REGULATION OF INTELLECTUAL RIGHTS OBJECTS AT THE LEVEL OF MODEL AND RUSSIAN LEGISLATION

The study revealed the conditions under which an entity can be classified as a potential competitor, as well as how formal actions shape its legal status with the help of legal doctrine and judicial practice. The article focuses on the role of formal legal actions of economic entities in the antimonopoly regulation of intellectual property institutions. The authors propose to supplement the model and Russian laws «On the Protection of Competition» with a definition of the status of a potential competitor in order to maintain a competitive environment in the commodity market.

Keywords: market environment, competitive relations, intellectual property, antitrust regulation.

В настоящее время с развитием экономических отношений и антимонопольного регулирования сложилась ситуация, когда между хозяйствующими субъектами отсутствуют конкурентные отношения, но при этом один из них влияет или может повлиять на общие условия товарного рынка. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации[1] отметил, что для квалификации действий хозяйствующего субъекта необходимо установить следующие обстоятельства в совокупности. Во-первых, нетипичное поведение участника экономических отношений, которое в подобной ситуации от него ожидается в рамках соблюдения гражданских прав других субъектов. Во-вторых, недобросовестное поведение хозяйствующего субъекта, направленного на дискредитацию и причинение имущественного вреда конкурента, оказание влияния на выбор покупателя. В-третьих, осуществление действий хозяйствующего субъекта на общие условия товарного рынка, которые могут привести к ограничению конкуренции. Третий признак демонстрирует, что хозяйствующему субъекту вовсе необязательно вступать в конкуренцию с другими хозяйствующими субъектами, но при этом он может оказывать влияние на состояние конкуренции. В законодательстве пока отсутствует определение данной ситуации. Но в юридической науке рассматриваемый пробел в антимонопольном праве получил название потенциальная конкуренция. Исходя из этого, целью настоящей статьи является определение критериев признания участника гражданского оборота потенциальным конкурентом на товарном рынке.

Относительно взглядов практикующих юристов и ученых-правоведов по данной проблеме существует несколько точек зрения[2]. Гапураева Э. Н. и Кашаров З. А. указывают на то, что необязательно доказывать точный размер понесённых убытков и неимущественного ущерба, достаточно в судебном процессе установить стремление хозяйствующего субъекта к нанесению вреда деловой репутации и неполучению доходов, чтобы утверждать о наличии недобросовестной конкуренции на товарном рынке [1, с. 149]. Рассматриваемые авторы обращают внимание на такой критерий, как разница между поведением участника гражданского оборота, которое ожидается от любого другого субъекта права, не нарушающего права и законные интересы других участников отношений, и выбранным способом конкуренции хозяйствующего субъекта. Гапураева Э. Н. и Кашаров З. А. отмечали, что вышеуказанный критерий является логическим следствием требованиям разумности, который применяется к гражданским правоотношениям. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает на необходимость учёта действий субъекта правоотношений, ожидаемых от любого участника гражданских правоотношений, которые не нарушают права и свободы других лиц, при оценке поведения

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrf.ru/documents/own/29742/ (дата обращения: 22.04.2025).

2 Протокол № 32 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ipcmagazine.ru/court/1799718/ (дата обращения: 22.04.2025).

сторон отношений в рамках принципов разумности, добросовестности и справедливости.

Петров Д. А., рассуждая о сущности разумности, дает следующую дефиницию. Под разумностью в контексте антимонопольного регулирования автор понимает критерий, который позволяет определить отличие поведения участника экономической деятельности от модели ожидаемого поведения хозяйствующего субъекта [2, с. 34].

Гаврилов Д. А. партнер юридической фирмы Denuo, утверждает, что при обсуждении потенциальной недобросовестной конкуренции необходимо отталкиваться от конкретных обстоятельств. Притом регистрация товарного знака и хозяйствующего субъекта уполномоченным органом в соответствующем государственном реестре не означает стремление физического или юридического лица к недобросовестной конкуренции. С другой стороны, юрист приводит в качестве примера следующую ситуацию. Работники организации, обладая необходимыми навыками в определённой экономической деятельности, регистрируют свою фирму и товарный знак, зная, что юридическое лицо, у которого они осуществляют трудовую функцию, не подавало заявку на регистрацию товарного знака. Исходя из этого, Гаврилов Д. А. делает предположение о наличии потенциальной конкуренции между новой компанией, созданной работниками, и непосредственно самой организацией, в которой сотрудники осуществляют трудовую деятельность.

Борзило Е. Ю. подчёркивает, что в состав потенциальных конкурентов также входят и те хозяйствующие субъекты, которые осуществляют коммерческую деятельность на низко барьерных товарных рынках, где существует вариант оперативного вступления в него[3]. Одновременно с этим, если хозяйствующий субъект выдвигает требования о компенсации к нескольким конкурентам товарного рынка, на котором они все осуществляют коммерческую деятельность, то это может сказаться на их финансовом положении и конкурентоспособности, нежели если хозяйствующий субъект будет предъявлять претензии ко всем участникам товарного рынка.

Одновременно с этим Войниканис Е. А. акцентирует необходимость анализа как юридических, так и экономических аспектов для выявления потенциальной конкуренции. Ключевым критерием автор считает способность субъекта влиять на рынок, даже если он ещё не вышел на него. Она подчёркивает, что регистрация в реестрах или патентных ведомствах не всегда отражает реальные намерения (например, взыскание компенсаций без планов использовать товарный знак). Верховный Суд РФ требует подтверждения конкурентных отношений через общность товарного рынка. Таким образом, оценка критериев потенциальной конкуренции требует комплексного подхода, учитывающего не только формальные действия, но и экономический контекст, а также потенциальное влияние на рынок.

Пункт 2 статьи 10 Модельного Гражданского кодекса (часть первая)[4] запрещает осуществление гражданских прав в рамках экономических отношений на товарном рынке, которые могут привести к ограничению конкуренции, а также запрещает злоупотребление доминирующим положением. Но в то же время согласно абзацу 3 пункта 1 статьи 1229 ГК РФ[5] исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации не могут пользоваться и распоряжаться любые другие субъекты гражданских правоотношений без согласия правообладателя за исключением случаев, предусмотренных гражданским законодательством. В качестве примера могут быть рассмотрены такие случаи как свободное использование объекта интеллектуальной собственности в некоммерческих целях или их переход в общественное достояние в результате истечение сроков исключительных прав. С одной стороны, может показаться, что обладатель исключительных прав наделён монополией на принадлежащий ему объект интеллектуальной собственности. Но, с другой стороны, такой режим пользования и распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации не должен ограничивать конкуренцию на товарном рынке и приводить к злоупотреблению доминирующим положением, на что направлено антимонопольное законодательство. Согласно статье 14 Модельного закона «О защите конкуренции»[6] и статьям 14.4., 14.8 Федерального закона «О защите конкуренции»[7] запрещается недобросовестная конкуренция в рамках приобретения и использования исключительных прав на средства индивидуализации. На вопрос о взаимосвязи приобретения и использования средств индивидуализации, и нарушение антимонопольного законодательства отвечает и разъясняет Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Согласно пункту 171 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»[8]: судебный орган может признать действия лица по регистрации товарного знака актом недобросовестной конкуренции или злоупотреблением правом и обязать Федеральную службу по интеллектуальной собственности аннулировать правовую охрану средства индивидуализации. Более того, высшая судебная инстанция отметила, что для признания регистрации товарного знака актом недобросовестной конкуренции ключевое значение имеют цели и намерения правообладателя при подаче документов. Для их установления требуется проанализировать его действия как до, так и после регистрации. Кроме того, если обозначение уже использовалось третьими лицами, необходимо оценить вероятность случайного совпадения, степень узнаваемости символа и его репутацию на рынке. При этом как модельное, так и российское законодательство не содержит прямых норм, регулирующих вопросы потенциальной конкуренции и её критериев, что создаёт правовую неопределённость.

В одном из дел суд пришёл к выводу, что для признания акта недобросовестной конкуренции достаточно доказать возможность причинения убытков для субъекта коммерческой деятельности[9]. В указанном арбитражном процессе истец выпускал серию тракторов, которые по внешнему виду были схожи с серией тракторов, изготавливающихся на тракторном заводе. Цена тракторов, производимых истцом, была существенно ниже продукции тракторного завода. В связи с данной ситуацией тракторный завод обратился в управлении Федеральной Антимонопольной Службы о признании действий истца актом недобросовестной конкуренции. Антимонопольный орган удовлетворил жалобу, с чем истец не согласился, подав еще один иск уже на ФАС. В рассмотрения оказалось, что один покупатель отказался приобретать продукцию у тракторного завода, отдав предпочтения продукции истца из-за низкой цены. Из-за этой ситуации, тракторный завод лишился прибыли. Суд, как и антимонопольный орган, признал схожий внешний вид тракторов, выпускаемых истцом, что повлияло на неполучение прибыли тракторным заводом. Отказывая в удовлетворении исковых заявлений, суд указал на следующее. Несмотря на отказ одного покупателя, а не нескольких, приобретать продукцию тракторного завода из-за низкой цены истца, который произвёл тракторы, схожие с внешним видом продукции тракторного завода, у последнего была угроза претерпеть убытки, нанесённые истцом, чьи действия признаны актом недобросовестной конкуренции. Резюмируя вышесказанное, наличие угрозы причинения убытков хозяйствующему субъекту вследствие нарушения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации может стать резоном для признания актом недобросовестной конкуренции [3, с. 470].

В другом деле произошла подобная ситуация, описанная адвокатом, партнером юридической фирмы Denuo, Гаврило-

3 Протокол № 32 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ipcmagazine.ru/court/1799718/ (дата обращения: 22.04.2025).

4 Модельный Гражданский Кодекс (часть 1). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/8306720 (дата обращения: 22.04.2025).

5 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102110716 (дата обращения: 22.04.2025).

6 Модельный закон «О защите конкуренции» от 28.11.2014 г. № 41-11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iacis.ru/public/upload/files/1/571.pdf (дата обращения: 22.04.2025).

7 Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108256 (дата обращения: 22.04.2025).

8 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrf.ru/documents/own/27773/ (дата обращения: 22.04.2025).

9 Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 23 июля 2019 г. по делу № А56-5444/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/qsyxIA9f1WmJ/ (дата обращения: 22/04/2025).

вым Д. А.[10] Общество зарегистрировало товарный знак, используемый определённое время другой коммерческой организацией. Впоследствии коммерческая организация обратилась с жалобой в территориальный антимонопольный орган с целью признать регистрацию товарного знака актом недобросовестной конкуренции. Антимонопольный орган удовлетворил жалобу коммерческой организации. Общество, не согласившись с удовлетворением жалобы, обратилось с исковым заявлением к антимонопольному органу. Суд по интеллектуальным правам отменил решение территориального антимонопольного органа. Дело дошло до Президиума Суда по интеллектуальным правам. Президиум отменил решение суда первой инстанции. В частности, суд по интеллектуальным правам, отменяя решение антимонопольного органа, отмечал недоказанность конкурентных отношений между обществом с ограниченной ответственностью и коммерческой организацией, поскольку Выписка из Единого Государственного Реестра Юридических лиц не является исчерпывающим доказательством осуществлением хозяйствующим субъектом предпринимательской деятельности. Президиум подчеркнул, что квалифицировать необходимо не только действия хозяйствующего субъекта, нарушившее антимонопольное законодательство, но и предполагаемых правонарушителей, сославшись на абзац 3 пункта 30 Постановления № 2. Кроме того, исходя из материалов дела, генеральный директор коммерческой организации был по совместительству одним из учредителей общества с ограниченной ответственностью, в связи с чем хозяйствующие субъекты, осуществляя предпринимательскую деятельность на одном товарном рынке, знали друг о друге. Более того, Президиум обозначил, что коммерческая организация представила доказательства используемого спорного товарного знака до даты приоритета подачи заявки в Роспатент. Таким образом, Президиум акцентировал внимание, что судам следует оценивать действия не только хозяйственных субъектов, имеющие конкурентные отношения с другими субъектами гражданских правоотношений на соответствие требованиям антимонопольного законодательства, но и потенциальных нарушителей, которые задекларировали свою деятельность в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии.

В ином деле рамках спора об интеллектуальных правах суд установил, что одна из сторон распространяла контрафактную продукцию, вводя потребителей в заблуждение относительно производителя товара[11]. Это, по мнению суда, нанесло ущерб деловой репутации и доходам правообладателя. Суд по интеллектуальным правам отклонил довод ответчика об отсутствии доказательств прямого имущественного вреда, указав, что в подобных спорах не всегда требуется предоставление точных расчётов убытков. Достаточно подтвердить сам факт незаконного использования средств индивидуализации, который свидетельствует как о нанесённом ущербе, так и о риске будущих потерь для правообладателя.

Ещё одним направлением потенциальной конкуренции является отвлечение потребителей с помощью средств информационного воздействия. Так в одном из арбитражных дел, суд указал, что общество с ограниченной ответственностью, оказывая юридические услуги, создавало ложное представление среди потенциальных потребителей о своей принадлежности к адвокатской корпорации, получая незаконное преимущественное положение при осуществлении предпринимательский деятельности[12]. Коммерческая организация на своём сайте после слова «юрист» многократно использовала слово «адвокат». Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»[13], адвокат вправе оказывать квалифицированную юридическую помощь только в адвокатских образованиях. Арбитражный суд посчитал, что своими действиями общество с ограниченной ответственностью отвлекает потребителей от других хозяйствующих субъектов, нарушая принцип добросовестности, и может повлечь причинение убытков другим субъектам коммерческой деятельности. Кроме того, создавая ложное представление о принадлежности коммерческого лица к адвокатскому сообществу, суд также указал, что хозяйствующий субъект наносит имущественный и нематериальный вред адвокатским образованиям и органам адвокатского самоуправления.

Вопрос о признании хозяйствующего субъекта потенциальным конкурентом в условиях отсутствия фактической конкуренции требует комплексного анализа правовых, экономических и институциональных факторов. Ключевая сложность заключается в том, что антимонопольное законодательство традиционно ориентировано на оценку реальных действий участников рынка, тогда как потенциальная конкуренция связана с прогнозированием будущего поведения субъекта и его возможного влияния на рыночную динамику. В этой связи определение правовых критериев для квалификации потенциального конкурента должно учитывать не только текущие экономические показатели, но и формальные признаки, свидетельствующие о готовности субъекта к вхождению на рынок, а также институциональные механизмы, такие как интеллектуальная собственность, способные формировать предпосылки для ограничения конкуренции.

Современная судебная практика и доктрина антимонопольного права постепенно формируют подходы к идентификации потенциальных конкурентов. Например, суды в своих решениях акцентируют внимание на необходимости установления «нетипичного поведения» хозяйствующего субъекта, выходящего за рамки добросовестной деловой практики[14]. Однако для признания потенциальной конкуренции этого недостаточно. Важным критерием становится наличие у субъекта объективных возможностей для входа на рынок, подтверждаемых материальными или нематериальными активами. К таким активам относятся не только производственные мощности или финансовые ресурсы, но и формальные действия: регистрация товарных знаков, патентов, внесение данных в ЕГРЮЛ, указывающих на расширение видов экономической деятельности. Эти действия, даже если они не сопровождаются реальным выпуском продукции, сигнализируют о намерении занять определённую нишу, что может оказывать сдерживающее влияние на других участников рынка.

Институты интеллектуальной собственности (далее-ИС) играют в этом контексте двойственную роль. С одной стороны, регистрация товарных знаков или патентов является законным инструментом защиты инноваций и бизнес-идентичности [4, с. 601]. С другой — их использование может создавать искусственные барьеры для входа на рынок, особенно если права на ИС приобретаются не для реального применения, а для блокировки конкурентов [5, с. 2401]. Ярким примером служит практика «патентного троллинга», когда компании регистрируют объекты ИС исключительно с целью предъявления исков к действующим участникам рынка [6, с. 99]. В таких случаях формальные действия по регистрации становятся недобросовестным инструментом влияния на конкурентную среду, что требует от антимонопольных органов тщательной проверки целей приобретения прав на ИС.

Антимонопольное регулирование в данной сфере сталкивается с проблемой баланса между защитой прав на интеллектуальную собственность и предотвращением злоупотреблений [7, с. 138]. Так, регистрация товарного знака, схожего с брендом действующего участника рынка, может быть расценена как попытка ввести потребителей в заблуждение, даже если сам заявитель не ведёт коммерческой деятельности. В подобных ситуациях правоприменительные органы учитывают не только формальное наличие прав на ИС, но и контекст их использования. Если регистрация сопровождается иными действиями, такими как рассылка писем конкурентам с угрозами судебных исков или массовая подача заявок на схожие товарные знаки, это свидетельствует о наличии недобросовестных намерений, что позволяет квалифицировать субъекта как потенциального конкурента, нарушающего правила честной игры.

10 Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 27.03.2023 №С01-270/2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406570379/ (дата обращения: 22.04.2025).

11 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 апреля 2018 г. № С01-252/2018 по делу № А32-23702/2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/71955268/ (дата обращения: 22.04.2025).

12 Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23 января 2020 г. № Ф07-16207/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/41319443/ (дата обращения: 22.04.2025).

13 Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» от 31.05.2002 № 63-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076346 (дата обращения: 22.04.2025).

14 Решение Арбитражного суда Курской области от 27 декабря 2018 г. по делу № А35-10181/2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/N8p5GwA0HzZN/ (дата обращения: 22.04.2025).

Ещё одним важным критерием является анализ экономических последствий формальных действий. Даже если субъект не осуществляет реальных продаж, его присутствие в реестрах (ЕГРЮЛ, Роспатент) может влиять на инвестиционные решения других участников рынка, ограничивать их возможности по привлечению финансирования или расширению ассортимента. Например, компания, зарегистрировавшая товарный знак в определённой категории товаров, может препятствовать выходу на рынок новых игроков, вынуждая их менять стратегию позиционирования. В таких случаях антимонопольные органы должны оценивать не только факт регистрации, но и её потенциальное воздействие на структуру рынка, учитывая барьеры входа, степень взаимозаменяемости товаров и уровень концентрации спроса.

Особую сложность представляет определение временного горизонта потенциальной конкуренции. Законодательство не устанавливает чётких сроков, в течение которых субъект должен начать реальную деятельность после совершения формальных действий. Это создаёт риски как для добросовестных участников, планирующих долгосрочный выход на рынок, так и для антимонопольных органов, вынужденных оперировать предположениями. Для решения этой проблемы целесообразно ввести критерий «разумной готовности», включающий оценку наличия бизнес-планов, заключённых контрактов на поставку оборудования или сырья, а также публичных заявлений представителей компании. Подобный подход уже частично применяется в практике ЕС[15], где потенциальными конкурентами признаются субъекты, способные выйти на рынок в течение 1–3 лет без существенных затрат.

Рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики должны учитывать необходимость более детальной регламентации статуса потенциального конкурента в антимонопольном законодательстве. Целесообразно закрепить в Модельном и российском законе «О защите конкуренции» определение потенциальной конкуренции, включив в него критерии, связанные с формальными действиями, обладанием ключевыми активами, включая объекты ИС, и доказанными намерениями войти на рынок. Кроме того, важно разработать методические указания для антимонопольных органов, предусматривающие алгоритм оценки потенциального влияния субъекта на рыночные условия, включая анализ его регистрационных данных, истории операций с ИС и экономического контекста. Это позволит снизить субъективизм при квалификации подобных случаев и обеспечить единообразие судебной практики. Таким образом, признание потенциального конкурента требует многофакторного подхода, сочетающего оценку формальных действий, институциональных инструментов (таких как ИС) и экономических последствий. Интеграция этих критериев в правовое поле позволит более эффективно предотвращать скрытые формы монополизации и поддерживать динамику конкурентной среды даже в условиях отсутствия явной рыночной активности [8, с. 38].

Заключение

Проблема определения правовых критериев влияния на конкурентную среду в условиях отсутствия фактической конкуренции остаётся актуальной в контексте динамично развивающихся рыночных отношений. Как демонстрирует анализ законодательства, доктрины и судебной практики, ключевая сложность заключается в необходимости балансировать между защитой добросовестных участников рынка и предотвращением злоупотреблений, маскирующихся под формальные правовые действия. Современное антимонопольное регулирование, ориентированное преимущественно на оценку реальных действий хозяйствующих субъектов, сталкивается с вызовами, связанными с идентификацией потенциальных конкурентов, чьё влияние на рынок проявляется через регистрацию объектов интеллектуальной собственности, расширение видов экономической деятельности или иные формальные шаги, не подкреплённые текущей коммерческой активностью.

Основным выводом проведённого исследования является необходимость комплексного подхода к определению статуса потенциального конкурента. Такой подход должен учитывать не только экономические показатели (наличие производственных мощностей, финансовых ресурсов), но и формально-правовые критерии, такие как регистрация товарных знаков, патентов, внесение изменений в ЕГРЮЛ, которые сигнализируют о готовности субъекта к выходу на рынок. Важную роль здесь играют институты интеллектуальной собственности, выполняющие двойственную функцию: с одной стороны, они стимулируют инновации, защищая права создателей, с другой — могут использоваться для создания искусственных барьеров, как в случае патентного троллинга или массовой регистрации схожих брендов.

Судебная практика постепенно формирует ориентиры для оценки «нетипичного поведения» и недобросовестных намерений. Однако отсутствие законодательного закрепления понятия «потенциальная конкуренция» и чётких критериев её идентификации приводит к субъективизму в правоприменении. В этой связи предлагается:

Внести в модельный и российский законы «О защите конкуренции» определение потенциального конкурента, включив в него признаки, связанные с обладанием ключевыми активами (включая объекты ИС), формальными действиями (регистрации, расширение видов деятельности) и доказанными намерениями войти на рынок.

Разработать методические рекомендации для антимонопольных органов, предусматривающие алгоритм оценки потенциального влияния субъекта, включая анализ временного горизонта («разумной готовности»), экономических последствий формальных действий и контекста использования интеллектуальной собственности.

Особое внимание должно уделяться балансу между защитой прав на ИС и поддержанием конкурентной динамики. Регистрация объектов ИС, не сопровождаемая реальным использованием, должна рассматриваться как потенциальный риск ограничения конкуренции, особенно если такие действия сопряжены с угрозами судебных исков или иными формами давления на рынок.

В долгосрочной перспективе предложенные меры позволят минимизировать правовые пробелы, обеспечить предсказуемость антимонопольного регулирования и создать условия для добросовестной конкуренции, соответствующей конституционным принципам экономической политики РФ. Учёт как формально-правовых, так и экономических критериев при оценке потенциальных конкурентов станет важным шагом в адаптации законодательства к вызовам цифровой эпохи, где нематериальные активы и стратегии опережающего влияния на рынок приобретают всё большее значение.

Пристатейный библиографический список

1. Гапураева Э. Н., Кашаров З. А. Вопросы квалификации действий по приобретению и использованию исключительного права на товарный знак в качестве недобросовестной конкуренции или злоупотребления правом // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. - № 2 (32). – С. 142-160.
2. Петров Д. А. Недобросовестная конкуренция: понятие и признаки // Конкурентное право. – 2015. – № 4. – С. 34-36.
3. Юсупова А. Ф. Недобросовестная конкуренция: формы и средства борьбы // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 17. – С. 465-474.
4. Волкова Т. И. «Открытые» инновации и институциональная защита интеллектуальной собственности // Журнал экономической теории. – 2021. – № 4. – С. 596-609.
5. Краковская И. Н., Слушкина Ю. Ю., Корокошко Ю. В. Антимонопольное регулирование цифровизации промышленности // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 2395-2408.
6. Васильев Д. В. Патентный троллинг: зарубежный опыт и правоприменительная практика в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. – № 4. – С. 97-101.
7. Рыбкина К. В. Злоупотребление интеллектуальными правами // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2016. – № 31. – С. 134-141.
8. Родионова Д. Н., Базаров А. Ц. Антимонопольная политика современной России // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. – 2015. – № 1. – С. 36-43.

15 The ECJ's ruling in Case C-307/18 (Paroxetine) – important insights for the pharma sector and antitrust in general [Решение Суда ЕС по делу C-307/18 (Пароксетин) – ключевые аспекты для фармацевтического сектора и антимонопольного права]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://hristovpartners.com/the-ecjs-ruling-in-case-c-307-18-paroxetine/ (дата обращения: 30.03.2025).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-215-217

КОСТОЕВ Хамид Мусаевич
прокурор Боровского района Калужской области

Костоев Х. М.

ИСКОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ПРАВ И ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ

В статье рассматриваются особенности искового производства по делам, в которых субъектами гражданского процесса являются члены семьи участников специальной военной операции и сами участники, права и охраняемые законом интересы которых были нарушены. Особое внимание уделено инициированию судебной защиты в интересах членов семей участников специальной военной операции и иной помощи в получении судебной защиты прав указанных субъектов сотрудниками органов прокуратуры. Внесено законодательное предложение предоставить прокурору право безусловного обращения в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов не только самих граждан, участвующих в проведении контртеррористической операции, призванных на военную службу по мобилизации, заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска национальной гвардии РФ, выполняющих задачи в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженного конфликта, но и членов семей указанных граждан.

Ключевые слова: судебная защита по исковым делам, гражданское судопроизводство, права участников специальной военной операции, права членов семей участников специальной военной операции, прокурор в гражданском процессе.

KOSTOEV Khamid Musaevich
prosecutor of the Borovsk District of the Kaluga Region

CLAIM PROCEEDINGS IN CASES ON THE PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGALLY PROTECTED INTERESTS OF PARTICIPANTS IN A SPECIAL MILITARY OPERATION AND THEIR FAMILY MEMBERS

The article examines the features of litigation in cases in which the subjects of civil proceedings are family members of participants in a special military operation and the participants themselves, whose rights and legally protected interests have been violated. Particular attention is paid to the initiation of judicial protection in the interests of family members of participants in a special military operation and other assistance in obtaining judicial protection of the rights of these subjects by employees of the prosecutor's office. A legislative proposal has been made to grant the prosecutor the right to unconditionally apply to the court in defense of the rights, freedoms and legitimate interests of not only the citizens themselves involved in the counter-terrorism operation, conscripted for military service on mobilization, who have signed a contract for voluntary assistance in carrying out tasks assigned to the Armed Forces of the Russian Federation or the troops of the National Guard of the Russian Federation performing tasks in a state of emergency or martial law, armed conflict, but also family members of these citizens.

Keywords: judicial protection in cases of claim, civil proceedings, the rights of participants in a special military operation, the rights of family members of participants in a special military operation, the prosecutor in civil proceedings.

Особое внимание к защите прав самих участников специальной военной операции и членов их семей не нуждается в обосновании. Указ Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества»[1] не случайно текущий, 2025 год, объявил Годом Защитника Отечества. При этом именно исковой порядок защиты прав граждан является наиболее эффективным, исторически сложившимся на протяжении веков основным средством защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов граждан [1, с. 5], в рамках которого (в отличии от иных видов гражданского судопроизводства, в частности, приказного и особого) действуют все принципы осуществления правосудия по гражданским делам и все возможные гарантии вынесения законного и обоснованного решения по делу [2, с. 6-12]. Кроме того, такой признак искового производства как наличие спора предполагает необходимость состязательного процесса [3, с. 107-111], что придает особую значимость и сложность реализации процессуальных прав, особенно теми субъектами, которые не обладают правовыми знаниями и навыками.

Инициирование судебной защиты в интересах членов семей участников специальной военной операции (далее – СВО) и иная помощь в получении судебной защиты прав указанных субъектов является одной из приоритетных задач органов прокуратуры. При этом, эффективным, а порой и единственным способом восстановления нарушенных прав указанной категории лиц, а также средством восстановления социальной справедливости является обращение прокурора в суд с исковым требованием в порядке гражданского судопроизводства. Вместе с тем, содержание ст. 45 ГПК РФ далеко от совершенства, принимая во внимание то обстоятельство, что в ней не обозначены в качестве защищаемых прокурором субъектов ни сами участники СВО, ни члены их семей. Таким образом, инициируя гражданский процесс в интересах указанных лиц, прокурору приходится каждый раз указывать (и доказывать) либо на то, что гражданин по состоянию здо-

1 Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» от 16 января 2025 № 28 // Российская газета. – 2025. – 20 января. – № 28.

ровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд, либо на то, что заявление подается по одной из категорий дел, перечисленных в ст. 45 ГПК РФ.

С одной стороны, изложенное не является законодательной ошибкой, так как при принятии ГПК РФ в 2002 году невозможно было предположить проведение СВО и необходимость особой зашиты прав его участников. С другой стороны, Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 639-ФЗ уже внесены изменения в статьи 215 и 216 ГПК РФ относительно особых правил приостановления производства по делам граждан, участвующих в проведении контртеррористической операции, призванных на военную службу по мобилизации, заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации, выполняющих задачи в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженного конфликта. Полагаем, что подобных изменений давно ожидает и ст. 45 ГПК РФ.

Актуальность изменений подтверждает судебная практика. Так, органами прокуратуры Калужской области за 2024 год и истекший период 2025 года по обращениям участников СВО, а также членов их семей были инициированы исковые производства по различным категориям дел. Всего за указанный период в суды области прокурорами было предъявлено 67 исковых заявлений в защиту интересов указанных лиц, требования по основной части из которых в настоящее время рассмотрены и удовлетворены, 32 лица получили денежные средства на общую сумму более 21 млн. рублей. Имеются и дела, в которых прокурор защищал и иные интересы, например, дела о лишении права на выплаты недобросовестных родственников участников СВО. Органами прокуратуры сформирована практика лишения права на единовременную выплату недобросовестных родителей, не принимавших участия в воспитании погибших военнослужащих, что обеспечило права иных членов семей на получение выплаты в большем размере. Имеются также примеры установления в судебном порядке по искам прокуроров фактов родственных отношений с участниками СВО (когда такое установление связано со спором о праве и не может быть проведено в порядке особого производства по правилам главы 28 ГПК РФ).

Так, Калужским районным судом Калужской области был удовлетворен иск прокурора Боровского района о взыскании части региональных выплат в пользу несовершеннолетней дочери погибшего участника СВО, неосновательно полученных родственником в качестве единовременной социальной выплаты. Суть дела состояла в следующем. По результатам прокурорской проверки на основании обращения Ч. (законного представителя несовершеннолетней Д.) было установлено, что в ходе специальной военной операции погиб Л. (отец Д). О. (отцом погибшего) было получено извещение из военного комиссариата о смерти Л. (сына) в Луганской области при выполнении задач в ходе СВО. Являясь отцом погибшего, О. 1 февраля 2024 года подал в Министерство труда и социальной защиты Калужской области заявление о предоставлении дополнительной меры социальной поддержки в виде единовременной социальной выплаты. По результатам рассмотрения указанного заявления О. было предоставлена дополнительная мера социальной поддержки в размере 1000 000 рублей. Было установлено также, что согласно свидетельству о рождении погибший является отцом несовершеннолетней Д., в отношении которой установлена опека и назначен опекун, но при этом извещение о смерти они не получали. Министерством труда и социальной защиты области не была организована проверка сведений о государственной регистрации рождения детей военнослужащего, чем и воспользовался О. (отец погибшего), получивший единовременную социальную выплату в полной сумме, в связи с чем, прокуратурой Боровского района в Калужский районный суд Калужской области 31 мая 2024 года было направлено исковое заявление к О. о взыскании с отца погибшего суммы неосновательного обогащения в размере 500 000 рублей в пользу несовершеннолетней Д., 18.11.2012 года рождения, которое 17 февраля 2025 года судом было рассмотрено и удовлетворено.

Кроме того, решением Калужского районного суда Калужской области от 06.08.2025 по гражданскому делу № 2-7061/2025 по иску прокурора Боровского района (автора настоящее статьи) в интересах несовершеннолетней Д. с отца погибшего по аналогичным основаниям также была взыскана сумма неосновательного обогащения в размере 6500 000 рублей, являющейся частью федеральных единовременных выплат в связи с гибелью отца несовершеннолетней.

Решением Кировского районного суда Калужской области от 30.04.2025 (дело № 2-1-129/2025) удовлетворен иск Кировской межрайонной прокуратуры к Министерству труда и социальной защиты Калужской области об установлении факта выполнения задач К. в ходе проведения специальной военной операции в период с 28.03.2023 по 05.05.2023 на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины и о возложении на Министерство труда и социальной защиты Калужской области обязанности назначить и выплатить Р., С., А., Н., единовременную социальную выплату членам семей военнослужащих, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальное звание полиции, граждан, добровольно выполняющим задачи в ходе проведения специальной военной операции на территориях на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины, предусмотренную Законом Калужской области от 11.04.2022 № 206-ОЗ, в размере 1 млн рублей в равных долях в связи с гибелью К.

Так, Кировской межрайонной прокуратурой была проведена проверка соблюдения прав Р. (супруги погибшего), С. (дочери погибшего), А. (сына погибшего), Н. (матери погибшего), на получение единовременной социальной выплаты членам семьи погибшего военнослужащего, по результатам которой было установлено, что Р. (супруга погибшего) и Н. (мать погибшего), было направлено заявление в министерство труда и социальной защиты Калужской области о предоставлении дополнительной меры социальной поддержки в виде единовременной социальной выплаты как членам семьи погибшего гражданина, добровольно выполнявшего задачи в ходе проведения специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины. Однако, в связи с отсутствием достаточных сведений, подтверждающих выполнение добровольцем задач в ходе проведения СВО, Министерством труда и социальной защиты Калужской области в предоставлении указанной выплаты заявителям было отказано.

В ходе проверки было установлено, что К. в период с 28.03.2023 по 05.05.2023 принимал участие в качестве добровольца – бойца ЧВК «Вагнер» в специальной военной операции, защищая интересы Российской Федерации на территории ЛНР и ДНР, заключенный контракт отсутствует. В ходе боев за г. Артемовск К. погиб 05.05.2023. Указом Президента Российской Федерации от 22.02.2024 К. награжден орденом Мужества (посмертно).

Согласно ст. 22.1 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» добровольческие формирования могут создаваться Министерством обороны Российской Федерации по решению Президента Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации может поступить в добровольческое формирование путем заключения контракта о пребывании

в добровольческом формировании (о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации). Термин «контракт о пребывании в добровольческом формировании» и термин «контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации», в федеральных законах используются в одном значении.

Вместе с тем, К. добровольно осуществлял задачи в интересах Российской Федерации в зоне проведения СВО, в связи с чем, попадает под понятие добровольца, определенное в ст. 1 Закона Калужской области от 11.04.2022 № 206-ОЗ «Об установлении дополнительной меры социальной поддержки отдельным категориям военнослужащих и лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, гражданам, добровольно выполняющим задачи в ходе проведения специальной военной операции, членам их семей». Само по себе отсутствие у него контракта с Министерством обороны РФ с учетом одобрения его действий со стороны государства путем награждения государственной наградой свидетельствует о фактическом допущении К. к добровольной деятельности по содействию и выполнению задач возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации. По результатам судебного разбирательства исковое заявление прокурора было удовлетворено.

Решением Кировского районного суда Калужской области от 15.05.2025 (дело № 2-1-214/2025) был удовлетворен иск Кировской межрайонной прокуратуры к Министерству обороны Российской Федерации, а также к Министерству труда и социальной защиты Калужской области об установлении факта выполнения задач В. в ходе проведения специальной военной операции в период 30.12.2022 по 26.03.2023 на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области; признании права В. на получение удостоверения ветерана боевых действий, обязав Министерство обороны Российской Федерации выдать В. удостоверение ветерана боевых действий в течение 20 рабочих дней с момента вступления решения суда в законную силу, а также признании права В. на единовременную социальную выплату, как лицу получившему увечье (ранение, травму, контузию) в ходе проведения специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины, в соответствии с п. 2 ст. 2 Закона Калужской области от 11.04.2022 № 206-ОЗ, обязав Министерство труда и социальной защиты Калужской области выплатить единовременную социальную выплату, как лицу получившему увечье (ранение, травму, контузию) в ходе проведения специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины, в соответствии с п. 2 ст. 2 Закона Калужской области от 11.04.2022 № 206-ОЗ у.

Основанием для удовлетворения исковых требований послужило то, что В. в период с 30.12.2022 по 26.03.2023 принимал участие в качестве добровольца – бойца ЧВК «Вагнер» в специальной военной операции, защищая интересы Российской Федерации на территории ЛНР и ДНР, и 21.01.2023 при исполнении служебных обязанностей получил огнестрельное ранение. Обращаясь в Кировскую межрайонную прокуратуру, В. указал на невозможность получения удостоверения ветерана боевых действий, так как содействующая организация, с которой у него был заключен контракт, соответствующие документы и заявление о выдаче удостоверения не направляла. Само по себе отсутствие у него контракта с Министерством обороны РФ с учетом одобрения его действий со стороны государства путем награждения государственной наградой свидетельствует о фактическом допущении В. к добровольной деятельности по содействию и выполнению задач возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации. На основании изложенного, исковые требования прокурора были удовлетворены в полном объеме.

Кроме того, органами прокуратуры области в настоящее время обеспечивается защита в судебном порядке участников СВО и членов их семей по вопросам о восстановлении на работе в связи с незаконным увольнением участника СВО; о восстановлении на работе незаконно уволенной супруги участника СВО; о перерасчете размера пенсионных начислений матери участника СВО, жительнице Донбасса; об обеспечении участника СВО и супруги военнослужащего жильем как детей-сирот; о возложении на муниципалитет обязанности по предоставлению жилья во внеочередном порядке участнику СВО; о взыскании неосновательного обогащения с управляющей компании в интересах матери участника СВО; о признании неправомерным переноса срока расселения аварийного дома, в котором проживают участник СВО и его престарелая мать и др.

И если по делам, связанным с защитой семьи, материнства, отцовства и детства, социальной защиты, и в других случаях, перечисленных в ст. 45 ГПК РФ, правомерность инициирования судебной защиты прокурором не вызывает сомнений, то, например, по делам, вытекающим из жилищных правоотношений, такое инициирование возможно только тогда, когда речь идет об обеспечении права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах. Но, как известно, большинство российских граждан проживают в квартирах и домах, принадлежащих им на праве собственности, а право на такое жилое помещение не может уже быть защищено прокурором путем подачи искового заявления без указания на это причины, по которым гражданин не может сам обратиться в суд. Причем стоит отметить, что закон не относит к таким причинам финансовые сложности, которые могут препятствовать оплате судебных расходов. Прокурор от оплаты таковых расходов освобожден, а вот иные лица обязаны оплачивать государственную пошлину, если только не освобождены от нее в силу закона (НК РФ) или по определению суда в порядке ст.90 ГПК РФ в соответствии с законодательством о налогах и сборов.

Выходом из ситуации видится внесение дополнений в ст. 45 ГПК РФ, предоставляющий право прокурора вне зависимости от категории гражданского дела обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, участвующих в проведении контртеррористической операции, призванных на военную службу по мобилизации, заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска национальной гвардии РФ, выполняющих задачи в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженного конфликта, а также членов семей указанных граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Иск в гражданском судопроизводстве: учебник для вузов / Под ред. О. В. Исаенковой. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 208 с.
2. Ткачева Н. Н. Гарантии защиты прав и интересов в исковом производстве: монография / Под ред. О. В. Исаенковой. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2021. – 220 с.
3. Ткачева Н. Н. Состязательность в гражданском судопроизводстве как гарантия вынесения законного и обоснованного решения // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики: сборник научных статей / Сост. и ред. Л. В. Войтович. – СПб.: Астерион, 2021. – С. 106-112.

ЛЕТЯГИНА Екатерина Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Красноярский государственный аграрный университет

Летягина Е. А.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЖИЛИЩНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассмотрены вопросы влияния цифровизации на гражданско-правовое регулирование жилищных отношений. При этом обозначается, что традиционные средства гражданско-правового регулирования могут по-новому реализовываться в современных условиях с учетом электронно-цифровых возможностей и технологий.

Обозначается, что основу иерархической структуры гражданско-правовых средств регулирования и охраны жилищных отношений составляют вещные, обязательственные, наследственные и корпоративные права. При этом субъектный состав формируется разнообразными участниками, в том числе юридическими, физическими лицами.

Также выделяются сделко-правовые средства, объединяющие различные виды гражданско-правового договора и иных сделок. Кроме того, в эту систему также включаются такие гражданско-правовые средства защиты, как признание права, взыскание неустойки (пеня) и другие.

Автор полагает, что доминирующим гражданско-правовым средством регулирования жилищных отношений выступает именно договор, влекущий возникновение, изменение и прекращение соответствующих жилищных прав и обязанностей у субъектов-участников соответствующего правоотношения.

При этом государство в лице уполномоченных органов и организаций обеспечивает наиболее эффективное внедрение электронных ресурсов, обеспечивая их необходимым правовым сопровождением, делая их, таким образом, легитимными в использовании. Примером такого регулирования выступает Федеральный Закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства». Создание этой электронно-цифровой информационной системы позволяет максимально эффективно обеспечить взаимодействие субъектов-участников жилищных отношений.

Ключевые слова: ГИС ЖКХ, жилищно-коммунальное хозяйство, жилищные отношения, гражданско-правовые средства регулирования, гражданско-правовой договор, жилое помещение, корпоративные средства регулирования.

LETYAGINA Ekaterina Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty, Krasnoyarsk State Agrarian University

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE CIVIL LAW REGULATION OF HOUSING RELATIONS

The article discusses the impact of digitalization on the civil law regulation of housing relations. At the same time, it is indicated that traditional means of civil law regulation can be implemented in a new way in modern conditions, taking into account electronic and digital capabilities and technologies.

It is indicated that the basis of the hierarchical structure of civil law means of regulating and protecting housing relations are property, obligation, inheritance and corporate rights. At the same time, the subject composition is formed by various participants, including legal entities and individuals. They also include transactional legal means that combine various types of civil law contracts and other transactions that give rise to the emergence, modification and termination of housing relations. In addition, we also include in this system such civil law remedies as recognition of rights, collection of penalties (fines) and others.

The author believes that the dominant civil law means of regulating housing relations is precisely the contract, which entails the emergence, modification and termination of the relevant housing rights and obligations of the subjects participating in the relevant legal relationship.

At the same time, the state, represented by authorized bodies and organizations, ensures the most effective implementation of electronic resources, providing them with the necessary legal support, thus making them legitimate to use. An example of such regulation is Federal Law No. 209-FZ dated July 21, 2014 "On the State Information System of Housing and Communal Services". The creation of this electronic and digital information system makes it possible to ensure the most effective interaction of subjects participating in housing relations.

Keywords: GIS housing and communal services, housing and communal services, housing relations, civil law regulatory instruments, civil law contract, residential premises, corporate regulatory instruments.

Цифровая трансформация всех сфер жизни российского общества определят актуальность исследования вопросов влияния этих процессов на изменения регулирования посредством правовых предписаний отношений в сфере жилья и жилищно-коммунального хозяйствования. При этом отметим, что указанные отношения носят именно имущественный характер и тесно связаны с экономическими процессами, которые складываются в обществе. В связи с этим следует обратить особое внимание на переход многих учетных систем в электронно-цифровую плоскость, пока с дублированием информации на бумажных носителях, но в будущем, несомненно, существование бумажных носителей ставится под большой вопрос.

При этом сфера жилищных отношений является очень значимой для жизнедеятельности общества, поскольку жилые помещения, используемые для проживания как посто-

янного, так и временного, имеют огромное значение, а их неэффективное регулирование отношений, возникающих, в связи с их использованием может повысить социальную напряженность в государстве.

С учетом вышеизложенного, представляется, что исследование вопросов цифровизации гражданско-правового регулирования жилищных отношений является актуальным на сегодняшний день.

Можно отметить, что в доктринальной гражданско-правовой среде уже имеются исследования по данной тематике. В частности, работы Лаптева В. А. [1], Ключниковой Я. А. [2], Феоктистова П. А. [3], Успенского А. М. [4], Шаховой Е. С. [5], Назарчук Н. П. [6], Яськовой Н. Ю. [7], Тарута С. В. [8], Абросимова А. В. [9], Светлополянского В. Р. [10] и др.

Однако увеличивающиеся темпы цифровизации, в том числе, и в области жилищных отношений, не позволяют поставить точку и прекратить исследование этих вопросов. Следовательно, наша статья дополнит и расширит имеющиеся научно-исследовательские работы по данной тематике.

Полагаем, что наше исследование обладает новизной, а также теоретической и практической значимостью, поскольку изменения, связанные с внедрением электронно-цифровых средств в регулирование жилищных отношений, требует постоянного научно-теоретического осмысления для дальнейшего совершенствования правовых норм действующего законодательства и их правильного использования с учетом текущих требований и состояния.

Таким образом, проведенный нами правовой анализ позволит обозначить основные направления внедрения цифровых ресурсов в гражданско-правовые жилищные отношения, а также возможные варианты их дальнейшей трансформации.

Полагаем, что основой внедрения электронно-цифровых технологий в жилищные отношения стал Федеральный закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» (далее – ФЗ № 209)[1]. Указанный документ определил базовые отправные моменты, определяющие трансформационные цифровые процессы в жилищно-коммунальном хозяйстве. В частности, в нем сформулированы принципы и последовательность действий по формированию информационной системы жилищно-коммунального хозяйства, ее параметры и свойства.

Также в документе, обозначены сферы компетенции и взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов РФ и муниципальных органов в области формирования, наполнения и развития соответствующей электронно-цифровой системы, именуемой ГИС ЖКХ. При этом ФЗ №209 раскрывает понятие «ГИС ЖКХ», определяя ее признаки и характеристики. Например, обозначено, что эта система является единой, централизованной и имеет статус федеральной базы соответствующих сведений. В свою очередь целью ее функционирования является сбор, обработка и хранение сведений о жилфонде, ценах и списке услуг по управлению общим имуществом многоквартирных домов (далее - МКД), работах, проводимых в отношении общего имущества МКД, коммунальных услугах, их цене, о коммунальных и инженерных объектах и об иных сведениях, относящихся к жилищно-коммунальному хозяйству.

Важно, что ГИС ЖКХ - это не просто система сбора и хранения информации, она представляет собой ресурсную площадку для организации бесконтактного взаимодействия субъектов-участников соответствующих жилищных отношений, которая позволяет осуществлять как управление жилищно-коммунальным хозяйством, как и возможность получения необходимых сведений по соответствующим вопросам в этой сфере, а также позволяет автоматизировать и существенно упростить решение тех или иных проблем (например, оплата за предоставление услуг и т.п.).

Таким образом, ГИС ЖКХ выступает не просто системой, аккумулирующей определенные данные, а динамично развивающейся электронно-цифровой площадкой взаимодействия всех субъектов-участников жилищных отношений на правовой основе, поскольку она постепенно наполняется, в том числе, нормативными правовыми документами, а также документами, подтверждающими качество и надежность соответствующих субъектов путем размещения перечня лицензий организаций и предприятий, функционирующих в области жилищно-коммунального обслуживания.

Полагаем, что наличие электронно-цифровой площадки для взаимодействия лиц, связанных отношениями в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее - ЖКХ), несомненно, продуктивно с учетом большого численности участников этого взаимодействия. Однако не стоит забывать, что такое взаимодействие необходимо осуществлять на правовой основе, которое преимущественно определяется обязательственными отношениями и отношениями корпоративного характера.

Рассматривая обязательственные отношения, которые, по нашему мнению, представляют собой основу правовых отношений в сфере ЖКХ, стоит указать на доминирование гражданско-правового договора между соответствующими субъектами.

При этом действующие нормативные предписания предусматривают достаточно сложную совокупность сделок, в том числе и договоров, включающих, в частности, договоры найма, жилых помещений, пользования ими членами семьи, управления многоквартирным домом и др. Так, например, последний может заключаться как в письменной форме на бумажном носителе, так и в электронной форме в системе ГИС ЖКХ. При этом независимо от выбранного способа закрепления договорных отношений по управлению МКД, действующим законодательством предусматривается обязательное размещение сведений об этой деятельности в ГИС ЖКХ (ч. 10.1 Жилищного кодекса РФ). Следовательно, цифровизация этих отношений - это уже свершившийся факт, посредством которого обеспечивается, в том числе, прозрачность деятельности организаций, осуществляющих МКД управление многоквартирным домом и свободный доступ к этой информации широкого круга заинтересованных лиц.

Рассмотрим такие средства гражданско-правового регулирования жилищных отношений, как корпоративные отношения. В свете цифровых процессов, следует отметить решения, принимаемые общим собранием собственников помещений МКД (далее - ОСС), которое в соответствии с Жилищным кодексом РФ (далее – ЖК РФ) относится к органу управления МКД, с достаточно широкими компетенциями, например, о передаче в пользование общего имущества в МКД, решение о реконструкции МКД и другие (ст. 44 ЖК РФ).

1 Федеральный Закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.05.2025).

При этом голосование по вопросам, которое осуществляется на ОСС, может быть проведено заочно посредством использования ГИС ЖКХ. Полагаем, что это значительно упрощает хранение, подсчет голосов собственников, а также позволяет сделать это максимально комфортно в удобное время даже с мобильного телефона. Такое голосование на электронно-цифровой платформе не требует доставки бланка голосования для подсчета, он сразу автоматически учитывается в системе, также может быть оптимизировано и время, устанавливаемое для осуществления голосования. Оно варьируется от 7 до 60 дней (п. 8 ст. 47.1 ЖК РФ). Кроме того, в автоматизированном порядке в этом случае будет установлено наличие необходимого кворума и др.

Еще одним средством гражданско-правового регулирования жилищных отношений, выступает гражданско-правовая ответственность, выражающаяся в имущественной ответственности за ненадлежащее использование и содержание жилых помещений, а также ответственность сторон по договору социального найма, ответственность собственников жилья, ответственность за перепланировку и реконструкцию без надлежащих документов и разрешений и др. Кроме того, действующее законодательство предусматривает взыскание неустойки (пени).

Отметим, что в соответствии с ч. 2 ст. 155 ЖК РФ средства в счет оплаты за жилье и коммунальные услуги вносится на основании как платежных документов (на бумажном либо электронно-цифровом формате), так и сведений о размере платы за жилье и коммунальные услуги, содержащихся в системе или иных информационных ресурсах, обеспечивающих возможность внесения платы за жилье и коммунальные платежи. Следовательно, мы говорим в этом случае о применении электронно-цифровых технологий и систем, в частности, ГИС ЖКХ.

Таким образом, можно сделать следующие важные выводы.

Основу иерархической структуры гражданско-правовых средств регулирования и охраны жилищных отношений составляют вещные, обязательственные, наследственные и корпоративные права. При этом субъектный состав формируется разнообразными участниками, в том числе юридическими, физическими лицами. Также к ним относятся сделко-правовые средства, объединяющие различные виды гражданско-правового договора и иных сделок, порождающих возникновение, изменение и прекращение жилищных отношений. Кроме того, в эту систему мы также включаем такие гражданско-правовые средства защиты, как признание права, взыскание неустойки (пеня) и другие.

Полагаем, что доминирующим гражданско-правовым средством регулирования жилищных отношений выступает именно договор, влекущий возникновение, изменение и прекращение соответствующих жилищных прав и обязанностей у субъектов-участников соответствующего правоотношения. Например, договор управления МКД, который может быть заключен и в электронно-цифровом формате с использованием цифровой системы ГИС ЖКХ.

Корпоративные правовые средства регулирования жилищных отношений реализуются, в том числе и посредством принятия решений общим собранием собственников жилья, как в очном, так и в заочном формате. Последний формат может быть реализован в электронно-цифровой форме в ГИС ЖКХ.

Таким образом, считаем, что внедрение электронно-цифровых средств и методов обеспечения реализации правовых предписаний, регулирующих жилищные отношения, позволит существенным образом оптимизировать процесс взаимодействия всех участников таких отношений, повысить их эффективность и результативность. Это имеет большое значение в связи с ростом жилых площадей, управление и использование которых разными субъектами должно носить системный, упорядоченный характер во избежание нарушения конституционного права на жилье, которое закреплено ст. 40 Конституции РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Лаптев В. А. Право на информацию членов товарищества собственников жилья: гарантия законодателя и сущность корпоративной организации // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 5 (162). – С. 84-95.
2. Ключникова Я. А. Правовое обеспечение законных прав и интересов граждан при цифровизации в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 76-80.
3. Феоктистов П. А. Обеспечение конституционного права на жилище в условиях цифровизации: перспективы и риски // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума, Тюмень, 17-19 октября 2024 года. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. – С. 51-54.
4. Успенский А. М. Социальное значение цифровизации жилищно-правовой отрасли // Правовое обеспечение социальной справедливости и государственный суверенитет: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 16 февраля 2024 года. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2024. – С. 190-192.
5. Шахова Е. С. К вопросу о формировании траектории развития отрасли жилищно-коммунального хозяйства в России: инновационные подходы к управлению жилищным фондом с прогнозом на период до 2035 г // Семейное и жилищное право. – 2022. – № 2. – С. 45-48.
6. Назарчук Н. П. Цифровизация механизма приобретения жилья в России как элемент совершенствования ипотечного жилищного кредитования // Финансовая экономика. – 2020. – № 8. – С. 199-203.
7. Yaskova N. Yu. Real estate in the focus of development priorities 2030 (based on the materials of the Gaidar Forum 2022) // Real Estate: Economics, Management. – 2022. – № 1. – P. 6-12.
8. Тарута С. В. Развитие цифровизации сервисной деятельности в сфере предоставления жилищно-коммунальных услуг // Экосистемы в цифровой экономике: драйверы устойчивого развития. – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. – С. 567-589. – DOI 10.18720/IEP/2021.4/23.
9. Абросимов А. В. К вопросу об обеспечении законных прав и интересов граждан Российской Федерации при использовании информационных и цифровых технологий в сфере ЖКХ // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – Т. 19, № 4. – С. 67-72.
10. Светлополянский В. Р. Способы защиты прав потребителей коммунальных услуг // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 2-1. – С. 373-379.

ЛУКМАНОВА Ирина Николаевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Всероссийский государственный университет юстиции, филиал в г. Сочи (РПА Минюста России)

СОГЛАСИЕ СУПРУГА НА РАСПОРЯЖЕНИЕ ДОЛЯМИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ: ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

В статье автор рассматривает правовую природу, признаки, порядок оформления и отзыва согласия супруга на распоряжение долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Проводится анализ судебной практики по вопросам обязательного нотариального удостоверения согласия супруга на сделки с долями общества, на сделки по выходу супруга из общества, а также по вопросам возможности отзыва предварительного согласия супруга на такие сделки. Сделан вывод, что данные вопросы не решаются судами единообразно, а потому существует необходимость внесения изменений в действующее законодательство РФ с целью защиты прав добросовестного супруга.

Ключевые слова: согласие супруга на сделки с долями общества, сделка, уставной капитал, общество с ограниченной ответственностью, отчуждение доли, отзыв согласия супруга.

LUKMANOVA Irina Nikolaevna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty, All-Russian State University of Justice, branch in Sochi (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

CONSENT OF THE SPOUSE TO DISPOSE OF SHARES IN THE AUTHORIZED CAPITAL OF A LIMITED LIABILITY COMPANY: LEGAL FEATURES AND PROBLEMS

In the article, the author examines the legal nature, signs, procedure for registration and revocation of the spouse's consent to dispose of shares in the authorized capital of a limited liability company. An analysis of judicial practice is being conducted on the issues of mandatory notarization of the spouse's consent to transactions with shares of the company, to transactions on the spouse's withdrawal from the company, as well as on the possibility of revoking the spouse's prior consent to such transactions. It is concluded that these issues are not resolved uniformly by the courts, and therefore there is a need to amend the current legislation of the Russian Federation in order to protect the rights of a bona fide spouse.

Keywords: spouse's consent to transactions with shares of the company, transaction, authorized capital, limited liability company, share alienation, revocation of spouse's consent.

В 2009 году авторы Концепции развития гражданского законодательства обратили внимание на необходимость более тщательного правового регулирования согласий, необходимых для совершения сделок. Это стало важным шагом в направлении упорядочивания гражданских отношений, поскольку в действующем российском законодательстве существовали многочисленные случаи, когда действительность сделки зависела от согласия лиц, не являющихся её сторонами. Такой подход подчеркивает значимость согласия как правового инструмента, который может влиять на правовые последствия сделок. Гражданское законодательство должно предусматривать различные виды согласий на совершение сделки, включая предварительное и последующее. Это означает, что в некоторых случаях согласие может быть получено до заключения сделки, а в других — после её совершения, что важно для обеспечения правовой определенности и защиты интересов сторон. Кроме того, необходимо установить требования к определенности согласия, чтобы избежать неопределенности и разночтений в будущем. Также важно определить форму, в которую должно быть оформлено согласие, поскольку это может повлиять на его юридическую силу. Регулирование последствий отсутствия необходимого согласия также является ключевым аспектом. В случае если согласие не было получено, сделка может быть признана оспоримой или недействительной в отношении лица, которое должно было дать это согласие. Это создает дополнительные механизмы защиты прав сторон, участвующих в сделке, и позволяет избежать возможных злоупотреблений[1].

Еще до принятия статьи 157.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в гражданском законодательстве уже были закреплены определенные правила, касающиеся необходимости получения согласия от различных лиц на совершение сделок. Так, например, в пункте 2 статьи 391 ГК РФ предусмотрено, что для перевода долга необходимо согласие кредитора. Аналогично, в пункте 1 статьи 22 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее - ФЗ об ООО) указано, что для залога доли в уставном капитале общества требуется согласие общего собрания участников. Также важным является согласие органов опеки и попечительства при распоряжении имуществом подопечного, что регулируется статьей 37 ГК РФ. Среди различных согласий третьих лиц на совершение сделки особое внимание следует уделить согласию супруга.

Согласно пункту 1 статьи 256 ГК РФ и статье 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), имущество, нажитое супругами во время брака, включая доли в уставном капитале хозяйственных обществ, считается совместной собственностью[2]. Это означает, что для совершения сделок, связанных с распоряжением таким имуществом, необходимо получение согласия другого супруга. Данная норма направлена на защиту прав обоих супругов и предотвращение возможных конфликтов, возникающих из-за несанкционированных действий одного из супругов.

Для оформления сделок, связанных с распоряжением имуществом, подлежащим государственной регистрации (как нотариально обязательным, так и требующим обязательной государственной регистрации), или сделками по отчуждению долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (включая отчуждение доли в ООО согласно п. 11 ст. 21 ФЗ об ООО), необходимо, чтобы другой супруг предоставил нотариально заверенное согласие (ст. 35

1 Концепция развития гражданского законодательства. Одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. // Вестник ВАС РФ. - 2009. - №11.

2 Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. 23 ноября 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. - № 1. - Ст. 16.

СК РФ). Это правило действует как для состоящих в браке супругов, так и для разведенных, при условии сохранения режима общей совместной собственности. Даже после расторжения брака, если имущество не было разделено, оно продолжает считаться общим, и для его отчуждения требуется соблюдение норм п. 3 ст. 35 СК РФ, то есть получение нотариального согласия от бывшего супруга[3].

Важно отметить, что, например, для сделки по выходу супруга из общества, нотариально удостоверенное согласие супруга не требуется, такую позицию занял Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 9 августа 2021 г. № 310-ЭС21-12927 по делу № А68-4615/2020, указав, что для распоряжения принадлежащими участнику корпоративными правами не требуется согласие супруга участника общества[4].

По мнению М. Н. Илюшиной, реализация такого корпоративного права, как право на выход, без сомнения, не может обуславливаться ничьим волеизъявлением, кроме участников самой корпорации, но, если посмотреть на эту процедуру с конституционно-правовых позиций, ясно, что никто и никогда не может ограничить или запретить действие правила п. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации о том, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, и любое ограничение или запрет должен быть установлен законом [1, с. 28].

Вопрос о необходимости получения согласия на увеличение уставного капитала общества путем принятия нового участника требует более подробного рассмотрения. В качестве примера приведем Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 января 2014 г. № 9913/13. Предметом рассмотрения стала ситуация, когда решением единственного участника общества Д., состоящей в зарегистрированном браке, в общество был принят новый участник Р. и перераспределены доли между участниками, в результате чего доля Д. в уставном капитале уменьшилась со 100 % до 50 %. Далее решением общего собрания участников общества (Д. и Р.) было принято решение о выходе Дюсуше М. М. из общества, а доля Дюсуше М. М. перешла к оставшемуся участнику Р. Оставшись единственным участником, последний принял решение о выплате Д. действительной стоимости ее доли в размере 141 657 руб. 73 коп. Данные решения принимались последовательно друг за другом в течение двух недель.

В материалы дела были представлены доказательства того, что Д. знала о том, что ее супруг С. против отчуждения доли в уставном капитале иным лицам, своего согласия на совершение договора купли-продажи доли не даст, поскольку супруги находились в напряженных отношениях и в ближайшее время планировали расторгнуть брак и произвести раздел совместно нажитого имущества.

Отменяя решения нижестоящих инстанций Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ (ВАС РФ) в своем решении подчеркнул, что принятие одним супругом решения о введении нового участника в общество с неэквивалентным вкладом в уставный капитал может быть признано сделкой, противоречащей пункту 2 статьи 35 СК РФ[5]. Связано это с тем, что подобное действие фактически представляет собой распоряжение общим имуществом супругов, приводящее к уменьшению реальной стоимости доли другого супруга в обществе. Аналогично, выход одного супруга из общества с последующим переходом его доли другому участнику (или третьему лицу) также квалифицируется как распоряжение общим имуществом, требующее согласия второго супруга.

На основании вышеуказанного Постановления Президиума ВАС РФ сформирована судебная практика и в дальнейшем принимались аналогичные решения.

Рассмотрим подробнее порядок нотариального удостоверения согласия супруга на отчуждении доли в уставном капитале общества. Согласно п. 25 Приказа Минюста России от 30 августа 2017 г. № 156 «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования»[6], наличие зарегистрированного брака у заявителя нотариус устанавливает из документа органов записи актов гражданского состояния и (или) сведений Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния, или из установленного документа иностранного государства, подтверждающего регистрацию брака.

Согласие супруга не потребуется, если доля была приобретена до регистрации брака и, как следствие, не является совместным имуществом (п. 1 ст. 36 СК РФ). В таком случае при удостоверении сделки по отчуждению доли нотариус проверяет свидетельство о браке и документ, на основании которого доля приобретена. Также, в согласии нет необходимости, если заключен брачный договор, в котором предусмотрено, что отчуждаемая доля является личным имуществом супруга (ст. 42 СК РФ).

Ю. Е. Николаева полагает, что согласие супруга с учетом лично-доверительной природы отношений супругов, общности их личных и имущественных интересов может быть как предварительным, так и последующим [2, с. 8]. Согласие супруга обладает всеми квалифицирующими признаками, присущими сделкам. То есть, нотариус удостоверяет согласие супруга по правилам, предусмотренным для удостоверения сделок, в частности: проверяет дееспособность супруга, устанавливает его волю, разъясняет смысл, значение и последствия сделки (ст. ст. 43, 54 Основ законодательства РФ о нотариате[7]; Письмо ФНП от 29 августа 2012 г. № 1773/06-12[8]).

Согласие на совершение сделки по смыслу статьи 157.1 ГК РФ является односторонней сделкой, требующей восприятия [3, с. 162]. Квалифицирующим признаком таких сделок называют то, что сделка вступает в силу с момента восприятия и, соответственно, невозможно после этого отменить наступивший ее правовой эффект. Именно так расценивает подобные сделки и законодатель, формулируя условия вступления в силу, например, акцепта [4, с. 130].

Предварительное согласие недопустимо отзывать с момента его восприятия адресатом соответствующей односторонней сделки, поскольку именно с этого момента происходит наделение адресата субъективным правом. Отзыв предварительного согласия является односторонне обязывающей сделкой, которая не предусмотрена законом, поэтому по смыслу статьи 155 ГК РФ такой отзыв не должен порождать правовых последствий.

Действующий ГК РФ не содержит правил о возможности отмены эффекта совершенной односторонней сделки, в том числе в нем отсутствуют правила отзыва предварительного согласия. Тем не менее, Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 25 от 23 июня 2015 года «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» дополнительно разъяснил механизм предварительного согласия на подобные сделки, ссылаясь на статью 15 ГК РФ[9]. Согласно этому положению, третье лицо, дающее предварительное согласие, вправе его отозвать, уведомив стороны сделки до её совершения и возместив им причиненные таким отзывом убытки. К сожалению, ВС РФ не уточнил, что именно следует понимать под «совершением» сделки, оставляя данный вопрос открытым для дальнейшего толкования судами. По мнению Е. А. Шеломенцевой, большинство проблем возникает в первую очередь для предварительных и основных договоров, а также

3 Определение Приморского краевого суда от 9 июля 2014 г. по делу № 33-5797. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 Определение Верховного Сура РФ от 9 августа 2021 г. № 310-ЭС21-12927 по делу № А68-4615/2020. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 января 2014 г. № 9913/13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6 Приказ Минюста России от 30 августа 2017 № 156 «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования» (ред. 30 января 2025 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7 Основы законодательства РФ о нотариате, утв. Верховным Советом РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. 5 февраля 2025 г.) // Российская газета от 13 марта 1993 г.

8 Письмо Федеральной нотариальной палаты от 29 августа 2012 г. № 1773/06-12 «О согласии супруга на совершение сделки с недвижимым имуществом». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2015. - № 8.

обязательственных и распорядительных сделок, не совпадающих во времени [5, с. 4].

В российских судах уже вставал вопрос о возможности отзыва предварительного согласия супруга после заключения основного договора и до заключения основного. В деле № А40-118868/2017, суд первой инстанции тогда указал, что супруга продавца отозвала свое согласие на совершение сделки по продаже доли до заключения договора купли-продажи, в связи с чем, заключенный к тому времени предварительный договор, не предусматривающий распоряжения долей, не лишал супругу продавца права на отзыв своего согласия на совершение сделки по продаже доли в уставном капитале общества[10].

Разумеется, отказное определение одного судьи не может свидетельствовать об унификации судебной практики, в этом плане Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 7 июля 2022 г. № 307-ЭС22-6562 может помочь сформировать судебную практику по этому вопросу[11]. В указанном деле покупатель обратился в суд с требованием о понуждении продавца заключить основной договор купли-продажи доли в ООО, после обращения истца в суд, супруга продавца отозвала свое согласие на совершение сделки. Необходимо отметить, что указанное согласие позволяло продавцу продать долю в уставном капитале общества на любых условиях по его усмотрению. Суд первой инстанции при рассмотрении спора отказал в удовлетворении иска[12].

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила решения нижестоящих инстанций в части отказа в удовлетворении требования о понуждении к заключению основного договора и отправила дело на новое рассмотрение, дополнительно приведя следующую аргументацию:

– возможность отзыва предварительного согласия утрачивается с того момента, когда оно повлияло на правоотношения иных участников оборота, а именно послужило основанием для возникновения их прав и обязанностей по договору. Отзыв согласия допускается до того, как стороны, исходя из согласия третьего лица, вступили в договорные отношения;

– использование юридической конструкции предварительного договора передачи имущества, как правило, имеет своей целью юридически связать стороны еще до того, как у контрагента появится право на необходимую для исполнения вещь, с тем, чтобы в установленный им срок восполнить отсутствие условия, необходимого для заключения основного договора;

– предварительный и основной договоры купли-продажи являются взаимосвязанными сделками, последовательное совершение которых направлено на отчуждение имущества;

– с заключением предварительного договора купли-продажи долей в уставном капитале общества предварительное согласие супруги было реализовано, поскольку привело к возникновению обязательственных правоотношений между истцом и ответчиком, направленных на отчуждение доли.

Если возможность отзыва предварительного согласия на распоряжение имуществом утрачивается уже в момент заключения предварительного договора, то тем более она блокируется и фактом заключения обычного обязательственного договора купли-продажи, являющегося правовым основанием для последующего совершения распорядительной сделки по непосредственному отчуждению имущества.

Согласно позиции И. А. Петрановского, к отзыву согласия супруга должны применяться нормы об отзыве доверенности (отмена полномочий), в частности правила о форме и об адресате такого отзыва [6, с. 145].

В то же время возможность отзыва предварительного согласия на совершение сделки не может быть неограниченной во времени, поскольку такое действие способно затронуть права других участников оборота, возникших из ранее данного третьим лицом согласия.

Ю. С. Поваров, полагает, что отзыв согласия должен производиться в том же порядке, в каком давалось согласие на совершение сделки [7, с. 8.]. В случае если супруг не уведомит другого супруга об отзыве своего нотариального согласия, в последующем он теряет право требовать признания сделки недействительной, так как в таком случае будет невозможно выполнить условие п. 2 ст. 173.1 ГК РФ, а именно доказать, что другая сторона сделки знала или должна была знать об отсутствии на момент совершения сделки необходимого согласия.

Срок действия согласия на совершение сделки законодательством не ограничен. Как правило, оно оформляется непосредственно перед совершением соответствующей сделки. Однако супруг вправе установить такой срок в согласии самостоятельно.

Статья 35 СК РФ предоставляет супругу, чье нотариально удостоверенное согласие на сделку не было получено, право требовать признания сделки недействительной в судебном порядке. Необходимо подчеркнуть, что нотариальное удостоверение согласия – это обязательное условие, несоблюдение которого делает сделку легко оспоримой. Простые письменные согласия, как правило, не обладают достаточной юридической силой для защиты прав супруга. Существенным моментом является также срок исковой давности – один год с момента, когда супруг узнал или должен был узнать о совершении сделки. Этот срок начинает течь не с момента совершения сделки, а с момента, когда факт сделки стал известен супругу. Незнание о сделке не освобождает от ответственности за пропуск срока исковой давности, поэтому супругу следует проявлять должную осмотрительность и интересоваться делами компании, в которой участвует его супруг (а).

Поводя итог вышеизложенному, очевидно, что приведенные в статье позиции судебной практики по вопросам обязательного нотариального удостоверения согласия супруга на сделки с долями общества, на сделки по выходу супруга из общества, а также по вопросам возможности отзыва предварительного согласия супруга на такие сделки не унифицированы. Кроме того, сам законодатель данные вопросы не регламентировал должным образом, а потому существует необходимость внесения дополнений в действующее законодательство РФ с целью защиты прав добросовестного супруга.

Пристатейный библиографический список

1. Илюшина М. Н. Согласие супруга на совершение корпоративных действий // Нотариус. - 2023. - № 3. - С. 27-32.
2. Николаева Ю. Е. Согласие супруга на совершение сделки: правовой анализ гражданского и семейного законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2019. - № 1. - С. 7-11.
3. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 - 208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. - М.: М-Логос, 2018. - 1264 с.
4. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Статут, 2018. - 528 с.
5. Шеломенцева Е. А. Отзыв согласия супруги на совершение сделки. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 7 июля 2022 года № 307-ЭС22-6562 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2022. - № 11. - С. 4-11.
6. Петрановский И. А. К вопросу об отзыве согласия супруга на совершение сделки // Арбитражные споры. - 2023. - № 1. - С. 144-155.
7. Поваров Ю. С. Отзыв согласия частного лица на совершение сделки: условия и порядок // Гражданское право. - 2018. - № 3. - С. 7-10.

10 Решение Арбитражного Суда г. Москвы от 27 декабря 2017 г. по делу № А40-118868/17-111-1094. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 7 июля 2022 года № 307-ЭС22-6562. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12 Решение Арбитражного Суда Республики Карелия от 2 июля 2021 г. по делу № А26-7222/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

МАКЕЕНКО Ирина Александровна
начальник отдела правового обеспечения Межрегионального территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом в Красноярском крае, Республике Хакасия и Республике Тыва (МТУ Росимущества в Красноярском крае, Республике Хакасия и Республике Тыва)

ДАДАЯН Елена Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Красноярский государственный аграрный университет

СТОРОЖЕВА Анна Николаевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Красноярский государственный аграрный университет

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ НА ВЫМОРОЧНОЕ ИМУЩЕСТВО

В данной статье обозначены основные проблемы наследования по закону в части возникновения права собственности на выморочное имущество публично – правовых образований и разделения их полномочий по управлению выморочным имуществом. Авторами представлен подробный анализ содержания пункта 2 статьи 1151 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также приведены примеры неоднозначного ее толкования из правоприменительной практики.

Помимо всего прочего, авторами предложена редакция пункта 2 статьи 1151 Гражданского кодекса Российской Федерация. Представляется, что предложенная редакция способствует однозначному толкованию данной нормы права и упорядочивает процесс вовлечения выморочного имущества в гражданский оборот.

Ключевые слова: выморочное имущество, виды выморочного имущества, наследование по закону, институт выморочного имущества.

MAKEENKO Irina Alexandrovna
Head of the Legal Support Department of the Interregional Territorial Administration of the Federal Agency for State Property Management in Krasnoyarsk Krai, the Republic of Khakassia and the Republic of Tyva (MTU Rosimushchestvo in Krasnoyarsk Krai, the Republic of Khakassia and the Republic of Tyva)

DADAYAN Elena Vladimirovna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty, Krasnoyarsk State Agrarian University

STOROZHEVA Anna Nikolaevna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty, Krasnoyarsk State Agrarian University

SOME ASPECTS OF THE EMERGENCE OF THE OWNERSHIP RIGHT OF PUBLIC LEGAL ENTITIES TO EXTORTIONATE PROPERTY

This article outlines the main problems of inheritance by law in terms of the emergence of the right of ownership of escheat property of public legal entities and the division of their powers to manage escheat property. The authors provides a detailed analysis of the content of paragraph 2 of Article 1151 of the Civil Code of the Russian Federation, and also provides examples of its ambiguous interpretation from law enforcement practice.

In addition, the authors proposes a revision of paragraph 2 of Article 1151 of the Civil Code of the Russian Federation. It seems that the proposed revision contributes to an unambiguous interpretation of this legal norm and streamlines the process of involving escheat property in civil circulation.

Keywords: escheat property, types of escheat property, inheritance by law, institution of escheat property.

Институт выморочного имущества в российском законодательстве постоянно претерпевал изменения, эволюционировал, исчезал и появлялся вновь. Чаще всего началом исторического периода формирования института выморочного имущества в российском законодательстве исследователи называют XIX в. и связывают его с принятием Свода законов. Подробно об эволюции вопроса наследования выморочного имущества более подробно можно узнать из статьи Бейн А.К. «Наследование выморочного имущества в Российской Федерации: историко - правовой аспект» [1].

В настоящей статье мы будем говорить о современном периоде законодательного закрепления института выморочного имущества в Гражданском кодексе Российской Федерации, который был принят Федеральным законом от 26.11.2001 № 147-ФЗ «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

Так, в редакции от 26.11.2001 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) статья 1151 гласила, что «выморочное имущество переходит в порядке наследования по закону в собственность Российской Федерации» [2]. Казалось бы, что все предельно ясно – все имущество, не зависимо от его вида, переходило в федеральную собственность, государство являлось единственным наследником по закону.

Несмотря на то, что правовое понимание и толкование редакции статьи 1151 было абсолютизировано и не требовало расширенного толкования, законодатель понимал, что статья требует систематизации, которая бы решила задачу более успешного вовлечения имущества в хозяйственный оборот, территориального контроля за имуществом, а также согласовывалась бы с иными правовыми актами.

Так, на смену редакции 2001 года Федеральным законом от 29.11.2007 № 281-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» введена редакция пункта 2 статьи 1151, которая предполагала, что «выморочное имущество в виде расположенного на территории Российской Федерации жилого помещения переходит в порядке наследования по закону в собственность муниципального образования, в котором данное жилое помещение расположено, а если оно расположено в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве

или Санкт-Петербурге, – в собственность такого субъекта Российской Федерации. Данное жилое помещение включается в соответствующий жилищный фонд социального использования. Иное выморочное имущество переходит в порядке наследования по закону в собственность Российской Федерации» [3].

Многие исследователи характеризуют переход жилых помещений в собственность муниципальных образований «обусловленностью их последующего перехода в жилищный фонд социального использования с дальнейшей передачей данных жилых помещений по договорам социального найма гражданам, нуждающимся в улучшении жилищных условий, согласно нормам Жилищного кодекса Российской Федерации» [4]. Аналогичное мнение высказывала А. В. Китаева, говоря, что «подобное решение нужно рассматривать как перспективный шаг в развитии законодательства о выморочном имуществе, потому что оно направлено на создание материальной базы для выполнения публичными образованиями возложенных на себя социальных обязательств» [5].

Такая точка зрения кажется обоснованной и полностью согласуется с положениями Постановления ВС РФ от 27.12.1991 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность», которые устанавливают, что жилищный фонд, расположенный на территории соответствующего муниципального образования, относится исключительно к муниципальной собственности (абз. 1 пункта 1 Приложения № 3 к Постановлению).

В последующем, Федеральным законом от 23.07.2013 № 223-ФЗ «О внесении изменения в статью 1151 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» пункт 2 статьи 1151 был представлен общественности в следующей редакции: «В порядке наследования по закону в собственность городского или сельского поселения, муниципального района (в части межселенных территорий) либо городского округа переходит следующее выморочное имущество, находящееся на соответствующей территории:

– жилое помещение;

– земельный участок, а также расположенные на нем здания, сооружения, иные объекты недвижимого имущества;

– доля в праве общей долевой собственности на указанные в абзацах втором и третьем настоящего пункта объекты недвижимого имущества.

Если указанные объекты расположены в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве или Санкт-Петербурге, они переходят в собственность такого субъекта Российской Федерации.

Жилое помещение, указанное в абзаце втором настоящего пункта, включается в соответствующий жилищный фонд социального использования.

Иное выморочное имущество переходит в порядке наследования по закону в собственность Российской Федерации» [6].

С незначительными изменениями (последние изменения 08.08.2024) указанная редакция сохранилась до настоящего времени.

Принято считать, что законодатель предполагал, что, определяя состав и назначения выморочного имущества в статье 1151, такое имущество будет более успешно вовлечено в гражданский оборот и предотвратит его утрату.

Вместе с тем, современная редакция пункта 2 статьи 1151, которая фактически связала вид/категорию имущества и возникновение права собственности у того или иного публично-правового образования (муниципальная собственность, федеральная собственность, собственность субъекта Российской Федерации), создала проблемы в правоприменительной практике.

Представляется, что, во-первых, проблемы в понимании разграничения полномочий по управлению выморочным имуществом возникли из-за отсутствия комплексного подхода в применении статьи 1151 ГК РФ, во-вторых, содержательная формулировка статьи содержит неоднозначное толкование.

Правовые коллизии породило содержание абз. 2 пункта 2 статьи 1151, которое указывает, что в собственность муниципального образования переходит выморочное имущество - земельный участок, а также расположенные на нем здания, сооружения, иные объекты недвижимого имущества.

На первый взгляд данное положение кажется вполне объяснимым, поскольку согласуется с принципом земельного законодательства - единство судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов (подпункт 5 пункта 1 статьи 1 Земельного кодекса Российской Федерации), а также соответствует пункту 4 статьи 35 Земельного кодекса Российской Федерации, который устанавливает, что отчуждение объекта недвижимости, расположенного в границах земельного участка, осуществляется одновременно с земельным участком. Аналогичной точки зрения придерживаются большинство исследователей [4], [7].

Однако, смысловая интерпретация статьи заставляет задуматься над следующими вопросами: «А как быть с земельным участком, который свободен от застройки?» / «Какова правовая судьба нежилого помещения, расположенного в здании?» / «Какова правовая судьба здания, которое расположено на земельном участке, который, в свою очередь, не сформирован и не зарегистрирован в соответствии с действующим законодательством?».

В этом отношении нам близок подход Е. В. Ельниковой, которая предлагает «применительно к рассматриваемым отношениям, хотя и являющимся гражданско-правовыми (имущественными), применять нормы земельного законодательства в силу действия пункта 3 статьи 3 Земельного кодекса Российской Федерации, устанавливающего их приоритет перед гражданским законодательством» [6]. Стоит согласиться с мнением Е. В. Ельниковой поскольку решение правового регулирования земельных участков невозможно рассматривать, руководствуясь при этом только положениями гражданского законодательства.

Исходя из поставленных выше вопросов, в подтверждение необходимости комплексного подхода в решении вопроса судьбы выморочного имущества смоделируем следующие правовые ситуации: 1) наличие выморочного имущества в виде здания, сооружения, иных объектов недвижимого имущества без земельного участка; 2) наличие выморочного имущества в виде земельного участка без расположенных на нем зданий, сооружений, иных объектов недвижимости (свободный от застройки); 3) наличие выморочного имущества в виде нежилого помещения в здании.

С одной стороны, из толкования статьи 1151 можно подумать, что указанное выморочное имущество относится к категории «иное имущество» и подлежит передаче в собственность Российской Федерации. Между тем, в судебной практике преобладает иное понимание статьи 1151, которое определяется как тождественное следующему: «земельный участок, здания, сооружения, иные объекты недвижимого имущества».

Так, анализируя судебную практику по спорному вопросу, суды приходят к выводу о том, что, в соответствие с пунктом 2 статьи 1151 ГК РФ, земельные участки, свободные от застройки, переходят в собственность муниципального образования (примеры таких судебных актов: решение Северного районного суда города Орла от 29.03.2022 по делу № 2-299/2022, оставленное без изменения апелляционным определением Орловского областного суда от 03.08.2022 по делу № 33-1848/2022, определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.07.2020 № 88-12286/2020, апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 30.11.2023 № 33-12899/2023, апелляционное определение Псковского областного суда от 06.03.2025 № 33-310/2025, определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 12.03.2024 № 88-2859/2024 по делу № 13-203/2023 и многие другие).

Вместе с тем, в пункте 79 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» разъяснено, что в силу пункта 2 статьи 1151 ГК РФ выморочное имущество в виде жилого дома, а также служебных надворных построек с частью земельного участка, занятой ими и необходимой для их использования, переходит в порядке наследования по закону в собственность

муниципального образования, в котором данное жилое помещение расположено, если оно расположено в городе федерального значения Москве или Санкт-Петербурге, - в собственность города федерального значения, а выморочное имущество в виде остальной части земельного участка - в собственность Российской Федерации.

Примером применения пункта 79 указанного Постановления в судебной практики, может служить определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 05.11.2020 по делу № 88-21790/2020, где судом установлено, что земельные участки, не занятые постройками, переходят в собственность Российской Федерации.

Другой спорный вопрос – это определение надлежащего наследника по закону в отношении нежилого помещения, расположенного в здании. Принято считать, что поскольку нежилые помещение не поименованы в статье 1151 ГК РФ, то данный вид имущества относится к «иному имуществу» и переходит в собственность Российской Федерации.

Такая позиция представлена в решении Норильского городского суда Красноярского края от 10.01.2024 по делу № 2-466/2024, где суд, руководствуясь пунктом 2 статьи 1151 ГК РФ, относит нежилое помещение в здании (многоквартирном доме) к «иному имуществу», подлежащему передаче в собственность Российской Федерации. Территориальный орган Росимущества, обжалуя решение в апелляционной инстанции, руководствуясь пунктом 4 части 1 статьи 36 Жилищного кодекса Российской Федерации, указывал, что вместе с переходом права собственности на недвижимое имущество в многоквартирном жилом доме также переходит право собственности на долю в праве общей долевой собственности на земельный участок, на котором расположен многоквартирный жилой дом. Однако, судом апелляционной инстанции довод территориального органа Росимущества отклонен, как не соответствующий положениям гражданского законодательства, регулирующим наследственные правоотношения. Решение суда оставлено без изменения.

Аналогичное решение принято в Суворовском районном суде Тульской области от 10.02.2021 по делу № 2-14/2021, оставлено без изменения апелляционным определением Тульского областного суда от 23.06.2021 № 33-1986/2021.

Указанные судебные акты являются ярким примером того, когда судами не применены принципы земельного законодательства (принцип «единства объекта»), а также положения жилищного законодательства, которые определяют правовой режим собственности земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом.

Отдельно следует упомянуть выморочное имущество, представленного в виде здания. Как показывает судебная практика, суды неоднозначно определяют наследника по закону в лице уполномоченного органа. Рассмотрим некоторые примеры.

Согласно определению Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13.02.2025 № 88-2851/2025 судом распределено выморочное имущество следующим образом: в собственность Российской Федерации переданы автомобиль и денежный вклад, а городскому округу город Стерлитамак Республики Башкортостан передан гараж. Аналогичная позиция представлена в определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18.09.2024 № 88-25123/2024.

Иная позиция представлена в определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.12.2024 по делу № 88-22602/2024, где суд посчитал, что выморочное имущество в виде нежилого здания гаража перешло в собственность Российской Федерации, поскольку земельный участок, на котором расположен спорный гараж, относится к землям, государственная собственность на которые не разграничена, то в силу пункта 1 статьи 16 Земельного кодекса Российской Федерации, согласно которому государственной собственностью являются земли, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц или муниципальных образований, он находится в государственной собственности.

На наш взгляд, непоследовательность и двусмысленность содержания статьи 1151 породило непонимание содержательного смысла правовой нормы, что, в свою очередь, создало неоднозначность в определении надлежащего уполномоченного органа, который должен вступить в право наследования по закону на выморочное имущество и выступать собственником в отношении некоторых видов имущества.

В заключение хотелось бы отметить, что до настоящего времени проблема законодательного регулирования института выморочного имущества не решена и требует нововведений и прогрессивных решений с внесением соответствующих поправок в гражданское законодательство.

В связи с проведенным анализом, автором предложена следующая редакция пункта 2 статьи 1151 ГК РФ, которая бы согласовывалась со статьей 130 ГК РФ «Недвижимые и движимые вещи», а также способствовала правовой определенности и эффективности использования недвижимого имущества: «В порядке наследования по закону в собственность городского или сельского поселения, муниципального района (в части межселенных территорий) либо муниципального, городского округа переходит следующее выморочное имущество, находящееся на соответствующей территории:

– жилое и нежилое помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места);

– земельный участок, здание, строение, сооружение, объекты незавершенного строительства, а также иные объекты недвижимости, прочно связанные с землей;

– доля в праве общей долевой собственности на указанные в абзацах втором и третьем настоящего пункта объекты недвижимого имущества.

Если указанные объекты расположены в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве, Санкт-Петербурге или Севастополе, они переходят в собственность такого субъекта Российской Федерации.

Жилое помещение, указанное в абзаце втором настоящего пункта, включается в соответствующий жилищный фонд социального использования.

Иное выморочное имущество переходит в порядке наследования по закону в собственность Российской Федерации».

Пристатейный библиографический список

1. Бейн А. К. Наследование выморочного имущества в Российской Федерации: историко-правовой аспект. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025).
2. О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 26.11.2001 № 147-ФЗ. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025).
3. О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2007 № 281-ФЗ. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025).
4. Гибадуллина А. А. Эволюция понятия выморочного имущества в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Наследственное право. - 2020. - № 2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025).
5. Китаева А. В., Ягоферов А. О. Институт выморочного имущества: проблема в определении надлежащего правопреемника. [Электронный ресурс] // Вестник СЮИ. - 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 22.07.2025).
6. О внесении изменения в статью 1151 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 23.07.2013 № 223-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025).
7. Ельникова Е. В. О преемстве в правах на земельный участок при наследовании жилых домов [Электронный ресурс] // Наследственное право. - 2007. - № 2. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025).

МЕРКУЛОВА Татьяна Николаевна
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал, Российская таможенная академия; федеральный судья (в отставке), аккредитованный независимый эксперт уполномоченный на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов

Меркулова Т. Н.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЕДОМСТВЕННОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В настоящей статье исследуются теоретико-правовые вопросы функционирования института ведомственного нормотворчества, дано понятие «ведомственное нормотворчество», освещены актуальные проблемы, возникающие в этой области, предложены возможные пути их решения. В частности, обосновывается потребность в специальной разработке дополнительных правил, которые касаются подготовки ведомственных нормативных актов и которые можно было бы объединить в единый регламент, также обосновывается необходимость в усилении функций ведомственного и межведомственного контроля в отношении принимаемых ведомственных нормативно-правовых актов, систематизации имеющейся нормативно-правовой ведомственной базы.

Ключевые слова: ведомственное нормотворчество, ведомственный нормативно-правовой акт, законодательный акт, правовое регулирование, ведомства, систематизация нормативно-правовой базы.

MERKULOVA Tatyana Nikolaevna
Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil law disciplines sub-faculty, V. B. Bobkov St. Petersburg branch, Russian Customs Academy; Federal Judge (retired), accredited independent expert authorized to conduct anti-corruption expertise of regulatory legal acts

CURRENT ISSUES OF DEPARTMENTAL RULEMAKING: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

This article examines the theoretical and legal issues of the functioning of the institution of departmental rule-making, provides the concept of «departmental rule-making», highlights current problems arising in this area, and suggests possible solutions. In particular, it substantiates the need for special development of additional rules that relate to the preparation of departmental regulations and which could be combined into a single regulation, and also substantiates the need to strengthen the functions of departmental and interdepartmental control in relation to adopted departmental regulatory legal acts, systematization of the existing regulatory legal departmental base.

Keywords: departmental rule-making, departmental normative legal act, legislative act, legal regulation, departments, systematization of the normative legal framework.

В настоящее время вопросы ведомственного нормотворчества приобретают особое значение, поскольку занимают, по мнению большинства ученых и практиков, основополагающее, базовое значение не только для целей правового регулирования служебных правоотношений, возникающих в сфере деятельности органов государственной исполнительной власти, но и как действенный механизм защиты конституционных прав граждан и других участников правоотношений.

Необходимо понимать, что в современных условиях нормотворческими функциями наделены не только законодательные органы власти, но и в соответствии со своей компетенцией подобными полномочиями обладают федеральные органы исполнительной власти в лице соответствующих министерств и ведомств, а также нормотворческая деятельность федеральных агентств.

Вместе с тем, как и любой другой институт служебного права, ведомственное нормотворчество имеет ряд проблем, влияющих непосредственно на качество и эффективность регулирования, как внутри служебных правоотношений (между сотрудниками того или иного структурного подразделения органа государственной исполнительной власти), так и на функционирование в целом системы федеральных органов исполнительной власти и иных потенциальных субъектов нормотворческой деятельности.

Полагаем, следует проанализировать основные, на наш взгляд, проблемы ведомственного нормотворчества и предложить возможные пути их решения.

Прежде всего, необходимо определиться с основными дефинитивными подходами в отношении исследуемой категории. Так, по мнению Н. С. Шмаковой, ведомственное нормотворчество представляет из себя одно из средств правового регулирования необходимого для нормального, качественного и эффективного взаимодействия субъектов в рамках отдельных сфер общественных отношений [1].

Анализируя мнение Ю. А. Тихомирова, представляется возможным сделать вывод о том, что категорией ведомственного нормотворчества является вид деятельности в сфере юриспруденции субъектов государственно-властной юрисдикции в результате реализации которого базируется процесс разработки правовых норм в целях регулирования вопросов в рамках отношений ведомств по аспектам документационного, информационного и правового обеспечения деятельности [2].

Исходя из теоретических воззрений А. Б. Барихина, под ведомственным нормотворчеством следует понимать процесс разработки и принятия нормативно-правовых актов

министерствами и ведомствами системы федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации по отдельным вопросам обеспечительного характера в рамках их собственной компетенции [3].

В настоящее время в юридической литературе мы не найдем единого подхода к определению и значению ведомственного нормотворчества. Предлагаются различные юридические конструкции, более того отдельные авторы высказываются весьма категорично и предлагают вовсе отказаться от всей системы ведомственных актов [4]. Согласимся с теми, кто считает, что в разумных пределах ведомственное нормотворчество имеет право на существование [5].

По нашему мнению, под ведомственным нормотворчеством следует понимать урегулированный нормами служебного права процесс разработки и принятия норм права субъектами, имеющими государственно-служебные полномочия с целью оказания направленного воздействия в отношении функционирования и деятельности органов государственной власти (в том числе министерств, ведомств и федеральных агентств).

Ю. Г. Арзамасов выдвинул и обосновал идею создания концепции ведомственного нормотворческого процесса, с которой сложно не согласиться. Действительно, «концепция ведомственного нормотворческого процесса должна не только раскрывать понятие, принципы, стадии ведомственного нормотворчества, но и отвечать на такие вопросы, как: какую роль выполняет ведомственное нормотворчество в механизме правового регулирования, в юридическом процессе, какое место занимает ведомственный нормотворческий процесс в типологии юридической деятельности; в чем проявляются особенности ведомственных нормотворческих отношений; как соотносятся законы и ведомственные нормативные правовые акты; какие функции осуществляют ведомственные нормативные правовые акты, являются ли они источниками права и правообразования, как их можно классифицировать, по каким критериям; что представляет из себя иерархия ведомственных нормативных правовых актов; чем обусловлена и какова структура системы гарантий законности ведомственных нормативных правовых актов; какие факторы способствуют повышению эффективности ведомственного нормотворческого процесса» [6].

Ведомственное нормотворчество многообразно, процесс разработки и принятия ведомственных актов, как правило, затягивается на длительный срок. Это связано с тем, что подготовка и реализация необходимых ведомственных актов не может быть начата в силу ожидания вступления в юридическую силу федеральных законов, Указов Президента и т.д. Более того, в настоящее время по-прежнему остается актуальной проблема определения формы ведомственного правового акта, который необходимо разработать и принять. Так, в большинстве федеральных законов формы ведомственных нормативно-правовых актов как правило, не регламентируются. Таким образом, в сложившихся обстоятельствах возникает настоятельная потребность разработки дополнительных правил, которые бы касались непосредственно подготовки ведомственных нормативных актов и которые можно было бы объединить в единый регламент.

Также актуальной проблемой, тормозящей процесс ведомственного правотворчества и правоприменения, является чрезмерная перегруженность ведомственных нормативных актов большим количеством наслаивающихся друг на друга изменений и дополнений. В такой ситуации правоприменение становится затруднительным, а эффективность ведомственных нормативно-правовых актов существенно снижается. В юридической литературе на данное обстоятельство также обращалось внимание[1].

Как и в предыдущем случае, решением проблемы стало бы выработка на законодательном уровне специального регламента, как свода правил подготовки и принятия ведомственных нормативно-правовых актов.

Обратим внимание и на другие проблемные вопросы ведомственного нормотворчества.

Во-первых, речь идет о поддержании на должном уровне соблюдения принципа законности при принятии ведомственных решений, закрепленных в типовой форме локального акта. Сущность данной проблемы заключается в том, что при принятии решения и последующем издании ведомственного нормативно-правового акта, субъект ведомственного нормотворчества способен превысить ведомственные полномочия, например, используя искаженное толкование норм федерального законодательства. В частности, на данное обстоятельство обращает внимание М. С. Лещева[2]. Возникает вопрос насколько полно в данном случае реализуется принцип законности в процессе ведомственного правотворчества?

Одним из вариантов решения обозначенной выше проблемы является усиление функции ведомственного и межведомственного контроля в отношении принимаемых ведомственных нормативно-правовых актов, а также разработка и принятие регламента деятельности межведомственной комиссии по проверке таких нормативно-правовых актов. В ее состав входили бы, как конкретные представители министерств и ведомств, субъекты правоприменительной деятельности, а также представители научного сообщества. Полагаем, деятельность комиссии смогла поднять на более высокий уровень качество принимаемых ведомственных нормативно-правовых актов.

Во-вторых, продолжает оставаться актуальным вопрос, связанный с отсутствием в некоторых случаях целесообразности и четкой системности в принятии ведомственных нормативно-правовых актов. Точечный характер принятия, отсутствие единого подхода к подготовке и оформлению проектов нормативных правовых актов существенно тормозит правовое регулирование на уровне ведомств, нередки ситуации, когда процесс ведомственного нормотворчества схож с процессом «латания дыр» в нормативной базе того или иного государственного органа или ведомства, когда принятые таким образом ведомственные акты выполняют роль очередной «заплатки» в имеющемся массиве прочих актов ведомственного характера.

Решением указанной проблемы мог бы послужить анализ и последующая систематизация имеющейся нормативно-правовой ведомственной базы. Положительные тенденции данных изменений были бы очевидны. Кроме того, необходимо развивать упрощенный порядок внесения изменений в те или иные акты ведомственного характера, поскольку процесс реализации и правоприменения должен быть понятным и максимально эффективным.

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/75639/view?ysclid=mdyh1jxcj7245755881 (дата обращения: 05.08.2025).

2 Лещева М. С. Отдельные проблемные вопросы нормотворчества МВД в современных условиях. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://na-obr.ru/component/djclassifieds/?view=item&cid=21:publ-16&id=233:%D0%BE%D1%82%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5Itemid=464 (дата обращения: 05.08.2025).

Наконец, заключительным проблемным вопросом, на который хотелось бы обратить внимание в рамках настоящего исследования – это параллельное действие ведомственных предписаний, объективно не отвечающих потребностям современного уровня развития общественных отношений и более новых, принятых позднее. Обозначенная проблема характеризуется принятием новых ведомственных нормативно-правовых актов с сохранением юридической силы положений, не соответствующих объективной правовой реальности и потерявших свою актуальность. «Встречаются действующие ведомственные нормативные правовые акты, явно противоречащие нормам российского законодательства. Довольно часто в ведомственных нормативных правовых актах отсутствует механизм выполнения того или иного нормативного документа» [7].

Полагаем, необходимо подвергнуть переосмыслению и пересмотру положения действующих на сегодняшний день актов, принятых, как минимум, до двухтысячных годов и, при необходимости, разработать положения, заменившие бы действие вышеназванных документов с позиции актуализации положений, учитывающих современные реалии развития общества, государства, а также международный опыт.

На основе изложенного, представляется возможным сделать следующие основные выводы:

1) в юридической литературе нет единого подхода к определению ведомственного нормотворчества. По нашему мнению, под ведомственным нормотворчеством следует понимать урегулированный нормами служебного права процесс разработки и принятия норм права субъектами, имеющими государственно-служебные полномочия с целью оказания направленного воздействия в отношении функционирования и деятельности органов государственной власти (в том числе министерств, ведомств и федеральных агентств);

2) в современных условиях возникает настоятельная потребность разработки дополнительных правил, которые касались бы непосредственно подготовки ведомственных нормативных актов и которые можно было бы объединить в единый регламент;

3) решением проблемы поддержания на должном уровне соблюдения принципа законности при принятии ведомственных решений, закрепленных в типовой форме локального акта, является усиление функции ведомственного и межведомственного контроля в отношении принимаемых ведомственных нормативно-правовых актов, а также разработка и принятие регламента деятельности межведомственной комиссии по проверке ведомственных нормативно-правовых актов;

4) вопрос, связанный с отсутствием в некоторых случаях целесообразности и четкой системности в принятии ведомственных нормативно-правовых актов, полагаем, возможно решить посредством систематизации имеющейся нормативно-правовой ведомственной базы;

5) для решения вопроса о параллельном действии ведомственных предписаний, объективно не отвечающих потребностям современного уровня развития общественных отношений и более новых, принятых позднее необходимо подвергнуть переосмыслению и пересмотру положения действующих на сегодняшний день актов, принятых, как минимум, до двухтысячных годов и, при необходимости, разработать положения, заменившие бы действие вышеназванных документов с позиции актуализации положений, учитывающих современные реалии развития общества, государства, а также международный опыт.

Пристатейный библиографический список

1. Административная деятельность ОВД: Учебник для вузов / Под редакцией М. В. Костенникова, А. В. Куракина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 579 с.
2. Арзамасов Ю. Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 2.
3. Арзамасов Ю. Г. Президентский контроль за ведомственным нормотворчеством // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: Материалы междунар. науч.-практ. конференции. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2003. – С. 136-138.
4. Барихин А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь. – М.: Книжный мир, 2004. – С. 3.
5. Ильин А. В. Ведомственное нормотворчество как проблема административного и конституционного права России // Направления и формы гуманитаризации высшего образования: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. С. В. Демидова. – Рязань: Рязаньпроект, 2017. – Выпуск 6. – С. 26-35.
6. Лещева М. С. Отдельные проблемные вопросы нормотворчества МВД в современных условиях. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://na-obr.ru/component/djclassifieds/?view=item&cid=21:publ-16&id=233:%D0%BE%D1%82%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5Itemid=464 (дата обращения: 05.08.2025).
7. Тихомиров Ю. А. Психолого-правовые ошибки в законотворческой деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 7. – С. 23.
8. Шитов Г. А. Ведомственная систематизация как условие совершенствования нормотворческой деятельности (на примере МВД России). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/75639/view?ysclid=mdyh1jxcj7245755881 (дата обращения: 05.08.2025).
9. Шмакова Н. С. Ведомственное правотворчество: понятие и формы: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 4.

МИГАЧЕВА Анна Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

К ПРОБЛЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА «ДЕЛИМЫХ» И «НЕДЕЛИМЫХ» ВЕЩЕЙ

В судебной практике обращение к классификации вещей на «делимые» и «неделимые» является достаточно частным и происходит в связи с необходимостью применения правового режима неделимой вещи, в силу которого неделимая вещь выступает в гражданском обороте как единый объект вещных прав и в том случае, если имеет составные части. Вместе с тем, закрепленные в законодательстве признаки неделимой вещи не позволяют однозначно отграничить такие вещи от схожих категорий – «сложная вещь», «совокупность вещей» и др. Отсутствие четких ориентиров приводят и к неоднозначной судебной практике. В связи, с чем по итогам исследования автор не только поднимает проблему необходимости реформирования норм о правовых режимах вещей в Гражданском кодексе РФ, но и рассуждает о возможных направлениях совершенствования законодательства в этой области.

Ключевые слова: классификация вещей в гражданском праве, делимая вещь, неделимая вещь, сложная вещь, вещное право.

MIGACHEVA Anna Yurjevna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty, Kuban State University, Krasnodar

ON THE PROBLEM OF LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF THE LEGAL REGIME OF «DIVISIBLE» AND «INDIVISIBLE» THINGS

In judicial practice, the appeal to the classification of things into «divisible» and «indivisible» is quite private and occurs in connection with the need to apply the legal regime of an indivisible thing, by virtue of which an indivisible thing acts in civil circulation as a single object of property rights even if it has components. At the same time, the signs of an indivisible thing fixed in the legislation do not allow us to clearly distinguish such things from similar categories – «a complex thing», «a set of things», etc. The lack of clear guidelines also leads to ambiguous judicial practice. In this regard, based on the results of the study, the author not only raises the problem of the need to reform the norms on the legal regimes of things in the Civil Code of the Russian Federation, but also discusses possible ways to improve legislation in this area.

Keywords: classification of things in civil law, divisible thing, indivisible thing, complex thing, property law.

Классификация вещей на делимые и неделимые, с одной стороны, является традиционной для отечественной цивилистике, с другой – ее отражение на уровне гражданского законодательства порождает дискуссии и сложности в правоприменении.

В соответствии с п. 1 ст. 133 ГК РФ неделимой признается вещь, выступающая в обороте как один объект вещных прав даже при наличии составных частей, но раздел, которой не представляется возможным без повреждения, разрушения или изменения ее назначения. Причем замена одних составных частей другими не приводит к возникновению другой вещи, если все существенные свойства неделимой вещи сохраняются. Соответственно, квалификация вещи в качестве делимой осуществляется по остаточному принципу.

Отметим, что критерий делимости в контексте цивилистики носит именно правовой характер. Еще Г. Ф. Шершеневич справедливо утверждал, что в силу свойств материи все вещи, по сути, делимы, но иногда такое деление выступает ничем иным, как уничтожением той цели, ради которой вещь создана [1, с. 104]. В связи с этим в науке критерий делимости подразделяют на виды. Так, К. П. Победоносцев в свое время различал неделимость физическую, выражающуюся в невозможности разделить вещь без причинения ущерба ее цене и значению, и юридическую (искусственную), когда вещь признается неделимой в силу прямого указания закона [2, с. 96]. Схожую позицию занимал Г. Ф. Шершеневич, подразделяя неделимость материальных объектов на естественную и законную [1, с. 104].

В современной науке некоторые авторы, в частности Е. Ф. Евсеев, выделяют неделимость естественную, законную и договорную [3].

Прикладное значение данной классификации заключается в том, что в случае квалификации вещи как неделимой ее части не могут выступать самостоятельными объектами гражданских прав. Поэтому признаваемая единым объектом неделимая вещь может находиться либо в обладании одного лица, либо в долевой собственности нескольких лиц. Непосредственно положения о делимости вещи применяются в случаях раздела общей собственности, раздела наследственного имущества, при установлении солидарного характера обязательства или возможности исполнения его по частям, а также в иных установленных законом случаях.

В целом следует отметить, что классификация вещей на делимые и неделимые является традиционной для цивилистики. Вместе с тем, современное гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих по поводу неделимых вещей, нельзя назвать совершенным. Достаточная лаконичность норм ГК РФ порождает проблему смешения правового режима неделимой вещи и иных правовых категорий. К одной из таких категорий, в частности, можно отнести составную вещь.

Дело в том, что в настоящее время положения ГК РФ, по сути, приравнивают друг к другу неделимую и составную вещь, не устанавливая при этом каких-либо критериев их разграничения и (или) соотношения. Вместе с тем, названные категории относятся к разным классификационным группам вещей, каждая из которых имеет свое основание (критерий) деления. Однако в настоящее время в научной литературе редко ставится вопрос о разграничении указанных разновидностей материальных объектов. Достаточно «прохладное» отношение к данной проблеме со стороны научного сообщества закономерно сказывается на ее правовом регулировании, поскольку законодатель, как представляется, в отсутствие прочной научной основы также не имеет четкого представления о признаках и критериях квалификации вещи в качестве составной и (или) неделимой.

В частности, еще большую неопределенность в соотношении вышеуказанных категорий внесла реформа гражданского законодательства, инициированная в 2013 году.

Так, среди иных новелл законодателем была допущена возможность обращения взыскания на составную часть неделимой вещи в случае, если это установлено законом или судебным актом (п. 3 ст. 133 ГК РФ). Однако, как представляется, данное положение в определенном смысле ставит под сомнение суть концепции неделимой вещи, исключающей какую-либо самостоятельность ее составных элементов. Возможно, именно по этой причине судебные органы пока не спешат применять п. 3 ст. 133 ГК РФ и формировать соответствующую практику.

На наш взгляд, для применения указанной нормы требуется дополнить правовое регулирование. К примеру, В. А. Кузнецов и А. В. Цветков, обращаясь к опыту немецкого гражданского права, предлагают решать соответствующую проблему посредством дифференциации составных частей вещи на существенные и несущественные [4, с. 222]. Соответственно, при такой градации, по мнению авторов, обращать взыскание можно будет лишь на несущественные составные части. Представляется, что введение дополнительных оценочных понятий при определении правового режима неделимой вещи, приведет к усложнению при квалификации правового режима вещи.

Стоит отметить, что вышеприведенная противоречивость нормативных положений о неделимых вещах закономерно порождает и иные проблемы практического характера. В частности, в судебной практике одним из сложных является вопрос о возможности разделения объекта недвижимости и встроенного в него оборудования. Нередко суды рассматривают вышеуказанную «совокупность» именно как одну неделимую вещь. Так, в свое время еще Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в постановлении от 24.12.2013 по делу № А71-572/2011 разъяснил, что в случае, если здание и оборудование изначально создаются не как простое объединение объектов, а как единое целое, их следует, рассматривает в качестве неделимой вещи[1].

Впоследствии судебные органы стали дополнять признаки неделимости соответствующего комплекса имущества. Например, в одном деле суд, опираясь на содержание экспертного заключения, сделал вывод о том, что трансформаторная подстанция не может подлежать разделу на здание и оборудование, поскольку без последнего распределительное устройство, являющееся частью подстанции, утрачивает присущее ему функциональное назначение[2].

Однако можно встретить и противоположные примеры. Так, рассматривая спор о неправомерном доначислении налоговым органом налога на движимое имущество организации, Верховый Суд РФ указал, что ни монтаж оборудования в здание, специально возведенное для его использования, ни то, что его извлечение повлечет дополнительные затраты и даже частичную ликвидацию объекта недвижимости, не могут служить основанием для признания таких здания и оборудования единым целым[3].

Представляется, что такая разнородность судебной практики во многом обусловлена пробельностью гражданско-правового регулирования при установлении правового режима неделимых вещей.

Еще одним вопросом, вызывающим затруднение в науке гражданского права, является соотношение категорий неделимой вещи и правового режима сложной вещи.

Судебная практика не отличается единообразием позиций по данному вопросу.

Так, например, в одном случае суд квалифицировал трансформаторную подстанцию одновременно и как сложную, и неделимую вещь[4]. В свою очередь, другой суд, анализируя положения ст. 133 и ст. 134 ГК РФ указал, что составной частью сложной вещи является самостоятельная вещь, способная выступать предметом отдельных сделок; образование сложной вещи из множества других вещей зависит от воли субъектов правоотношений, поэтому сложная вещь является делимой[5]. В связи с этим суд не согласился с доводами истца о том, что система теплоснабжения является неделимой вещью и признал действия судебных приставов, наложивших арест на отдельные котельные в составе системы, законными.

В свою очередь, в юридической литературе можно выделить три основные точки зрения относительно делимости сложной вещи. Так, одни авторы, в частности А. П. Сергеев, считают, что сложная вещь, как правило, является юридически неделимой, поскольку выступающие ее элементами вещи при разделе уже не могут служить назначению, ради которого формировалась сложная вещь [5, с. 440].

Другие авторы, например, М. А. Рожкова [6, с. 51], Е. А. Суханов [7, с. 346], напротив, полагают, что сложная вещь является делимой, причем как в физическом, так и юридическом смысле. В свою очередь, некоторые авторы, например Д. О. Рахвалова [8, с. 331], утверждают, что категории неделимой и сложной вещи не совпадают по своему объему и содержанию. Данная позиция видится нам наиболее предпочтительной. На наш взгляд, критерий делимости в принципе не должен использоваться для квалификации сложных вещей. Ведь, как справедливо отмечает Р. С. Бевзенко, сложная вещь в интерпретации ст. 134 ГК РФ выступает неким правовым режимом и в прямом смысле слова вещью не является [9, с. 34-35].

Представляется, что для решения вопроса о возможностях оборота сложной вещи в целом и ее элементов в отдельности целесообразно разработать отдельные правила. Считаем, что такие изменения позволили бы наиболее полно решить насущные практические проблемы.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы. Классификации вещей на делимые и неделимые имеет в цивилистике большое практическое значение, поскольку позволяет определить правовую судьбу отдельных элементов, которые могут образовывать ту или иную вещь. Тем не менее, на данный момент действующие нормы закона вызывают в науке и практике определенные вопросы, связанные с определением соотношения схожих правовых режимов вещей. В связи с этим, представляется, что законодателю необходимо уделить внимание реформированию данной сферы. В частности, стоит обеспечить законодательное разграничение сложной и составной вещи, уточнить концепцию сложной вещи, а также продолжить реформирование в части разграничения ее режима с режимом неделимой вещи.

Пристатейный библиографический список

1. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. - М., 1995.
2. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. - М., 2002. - Т. 2.
3. Евсеев Е. Ф. Правовой режим делимых и неделимых вещей // Адвокат. - 2010. - № 3.
4. Кузнецов В. А., Цветков А. В. Проблемы обращения взыскания на заложенную часть неделимой вещи // В сборнике: Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако. Материалы IV Международной научно-практической конференции. В двух томах. - Тамбов, 2020.
5. Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Алферова Ю. Н. и др. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный) // Под. ред. А. П. Сергеева. - М.: Проспект, 2018.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 6-12 / Под ред. Л. В. Санниковой. - М.: Статут, 2014.
7. Российское гражданское право: учебник в 2-х томах / Под ред. Е. А. Суханова. - М., 2019. - Т 1.
8. Рахвалова Д. О. К вопросу о неделимости сложной вещи // Бизнес. Образование. Право. - 2018. - № 2 (43).
9. 9. Бевзенко Р. С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. - М., 2017.

1 Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2013 г. по делу № А71-572/2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/st6Rd5RMffmx/.

2 Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 декабря 2017 г. по делу № А62-1993/2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/sIJmXO1hZomw/.

3 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12 июля 2019 г. № 307-ЭС19-5241 по делу № А05-879/2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rf-ot-12072019-n-307-es19-5241-a05-8792018/.

4 Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 15 марта 2019 г. по делу № А41-76784/2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/rCZE5v1OCMHu/.

5 Решение Арбитражного суда Томской области от 30 августа 2019 г. по делу № А67-8415/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/48TIvYY2W1dw/.

МИХАЙЛОВА Мария Николаевна
старший преподаватель кафедры иностранных языков, Тюменский индустриальный университет

ПИРВЕРДИЕВА Эльвира Али-кызы
старший преподаватель кафедры иностранных языков, Тюменский индустриальный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ПОДРОСТКАМИ: ПРАВОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Исследуются особенности использования подростками социальных сетей: онлайн-активность, уровень цифровой осведомлённости, безопасности и правовой грамотности (защита персональных данных, ответственность за размещенный контент, нарушение авторских прав). Представлены результаты авторского исследования, позволившего заключить, что при активной социализации подростков в социальных сетях, они считают значимым живое общение и физический контакт; подростки осознают возможные риски, связанные с собственной информацией, размещаемой ими в социальных сетях; подростки не имеют представления о возможном нарушении авторских прав при использовании «чужого» контента.

Ключевые слова: социальные сети, подростки, социализация, правовая грамотность, безопасность.

MIKHAYLOVA Mariya Nikolaevna
senior lecturer of Foreign language sub-faculty, Tyumen Industrial University

PIRVERDIEVA Elvira Ali-kyzy
senior lecturer of Foreign language sub-faculty, Tyumen Industrial University

USING SOCIAL NETWORKS BY TEENAGERS: LEGAL COMPETENCE AND SAFETY

The study examines the use of social networks by teenagers, including online activity, digital awareness, security, and legal literacy (personal data protection, responsibility for posted content, and copyright infringement). The authors present the results of their research, which suggests that while teenagers actively engage in socialization on social networks, they prioritize face-to-face communication and physical contact. Additionally, teenagers are aware of the potential risks associated with their own information shared on social networks, but they lack understanding of the potential copyright infringement associated with the use of "other people's" content.

Keywords: social networks, teenagers, socialization, legal literacy, security.

Социальные сети играют важную роль в жизни подростков: они становятся средством общения, самовыражения, получения информации и даже способом заработка. Современные подростки проводят в социальных сетях от нескольких часов в день, используя их для развлечения, общения, получения информации и даже заработка. Активное присутствие в социальных сетях влияет на их поведение, настроение, самооценку и взгляды на мир. Социальные сети могут оказывать как позитивное воздействие: помогать в самовыражении и поиске единомышленников, так и негативное: становиться источником кибербуллинга, дезинформации и мошенничества. Подростки по-разному реагируют на негатив в социальных сетях, по-разному оценивают достоверность информации и степень своей искренности в онлайн-пространстве. Исследование этих аспектов позволяет понять, как современные подростки используют социальные сети, насколько осознанно они подходят к вопросам безопасности. Таким образом, изучение поведения подростков в социальных сетях позволяет не только выявить характер их онлайн-активности, но и определить уровень цифровой осведомлённости и правовой грамотности.

Министр просвещения РФ Сергей Кравцов считает, что «Речь идет о необходимости защиты информации для детей, потому что до их 18 лет ответственность несем мы, взрослые – семья, школа. Через социальные сети, гаджеты детям могут навязывать определенные ценности - другие, нетрадиционные» [1].

Общественный деятель Екатерина Мизулина отмечает, что «Подростки, молодежь – наиболее уязвимая аудитория перед опасным контентом. Они больше всего пользуются гаджетами и проводят время в социальных сетях» [2]. По ее мнению, «пока общество не до конца осознает степень опасности подобных ресурсов, проблема не будет решаться. Подобная травля подталкивает подростков к отчаянным шагам – селфхарм, суициды, побег из дома и другое» [3].

Согласно данным ВЦИОМ, ежедневно соцсетями пользуются 89 % подростков в возрасте от 14 до 17 лет [4]. Неутешительны и статистические данные: 23 % подростков проводят в социальных сетях более семи часов каждый день; у 91,5 % подростков бывают случаи, когда они отвлекаются на социальные сети во время дела; 70 % могут откладывать дела, чтобы провести больше времени в социальных сетях; 60 % испытывают раздражение, если долго не имеют возможности зайти в интернет [5].

Правовые аспекты влияния социальных сетей на подростков

Активное участие подростков в социальных сетях сопряжено с рядом правовых аспектов. Первый из них – это защита персональный данных. Социальные сети собирают огромное количество информации о пользователях, включая их интересы, местоположение, круг общения и личные сообщения. Эта информация может быть использована в коммерческих целях или передана третьим лицам. Правовые нормы, такие Общий регламент по защите данных (GDPR) и российское законодательство о персональных данных, устанавливают требования к обработке персональной информации и предоставляют пользователям права на доступ, исправление и удаление своих данных.

Другой аспект – ответственность за контент, размещаемый подростками в социальных сетях, которые могут быть привлечены к административной и даже уголовной ответственности.

Наконец, третий аспект – это авторские права, которые, по незнанию, часто игнорируются подростками при исполь-

зовании в своих аккаунтах чужих фотографий, музыки и видео.

Методы исследования

Нами проведено исследование среди подростков 13-18 лет с целью выявления особенностей их поведения в социальных сетях. Полученные данные могут стать основой для формирования рекомендаций по безопасному и осознанному использованию социальных сетей в подростковой среде.

Задачи: 1) определить цели и характер использования социальных сетей подростками; 2) определить роль социальных сетей в формировании онлайн-дружбы и отношение подростков к виртуальному общению; 3) проанализировать отношение подростков к рискам и негативным последствиям использования социальных сетей.

Обсуждение

Подростки, в основном, допускают возможность делиться личной информацией, если настроены параметры приватности (39,8 %.). Это указывает на наличие цифровой грамотности и осознание возможных рисков при публикации данных.

Треть подростков считает, что делиться такими данными в целом безопасно, так как это помогает найти единомышленников и расширить круг общения (31,1 %). Столько же придерживается «осторожной позиции»: 15,5 % указали, что публикуют минимум информации, а 13,6 % вообще не делятся такими данными. Это может свидетельствовать о негативном личном опыте или страхе перед мошенничеством и киберугрозами.

Таким образом, у подростков наблюдается стремление к балансу между публичностью и безопасностью: подростки хотят быть открытыми, но при этом осознанно подходят к вопросу приватности.

Наиболее частые ответы на вопрос о недостатках социальных сетей следующие: дезинформация (50,5 %) и мошенничество (48,5 %) указывают на осведомленность подростков об угрозах социальных сетей; снижение продуктивности (38,8 %), кибербуллинг (38,8 %) и зависимость (32 %) говорят о самоанализе и понимании последствий частого использования социальных сетей; физический вред (41,7 %) и стресс/тревожность (35,9 %) сигнализируют о влиянии соцсетей на здоровье. Лишь 6,8 % не видят никаких недостатков - возможно, это более младшие респонденты или те, кто не задумывался о рисках.

На вопрос о том, как подростки реагируют на негативные комментарии под своими публикациями/фотографиями, самый популярный ответ – игнорирую (31,1 %), что может говорить как о психологической защите, так и о нежелании вовлекаться в конфликты. Удаление комментариев (18,4 %) и подача жалобы (22,3 %) – признаки желания защитить личное пространство, а ответы с юмором (20,4 %) и вежливые ответы (17,5 %) говорят о стремлении сохранить лицо и продемонстрировать зрелость. Некоторые чувствуют дискомфорт и пытаются разобраться (14,6 %) или даже удаляют публикации (9,7 % %), что может свидетельствовать о чувствительности к критике. Лишь 6,8 % признались, что могут негативно ответить комментатору.

Треть подростков считает возможным найти в социальных сетях хороших друзей и расценивают онлайн-общение равноценно личному (32 %). Подростки активно социализируются в социальных сетях, поэтому не удивительно, что 30,1 % не исключают дружбу онлайн. Чуть меньше подростков считают, что для настоящей дружбы важны личные встречи (26,2 %), а 11,7 % не верят в дружбу без физического контакта. Можно сделать вывод, что кто-то воспринимает онлайн-общение как полноценное, а кто-то лишь как дополнение к реальному.

На вопрос «Может ли общение в социальных сетях заменить живое общение, ответы распределились практически равномерно. Это показывает, что подростки по-разному оценивают роль социальных сетей: те, кто считает, что соцсети полностью заменяют встречи, вероятно, привыкли к онлайн-общению и не ощущают потребности в личном контакте; другие считают живое общение незаменимым, возможно, из-за важности эмоций; ответившие, что соцсети удобны, но не заменяют живые встречи, ценят баланс между онлайн- и офлайн-форматами.

На вопрос, «Знаете ли Вы о том, что использование Вами информации в социальных сетях может нарушить чьи-то авторские права и повлечь за собой административную ответственность», 76,2 % ответили, что не задумывались об этом, а 9 % – не знают об этом вовсе. И лишь 14,8 % подростков указали, что знают.

Заключение

По исследованию в целом, нами сделаны следующие выводы:

1. Большинство подростков активно используют социальные сети: 42 % проводят в них 7 и более часов в день. Наиболее популярными стали ВКонтакте (90 %), Telegram (85 %) и YouTube (65 %). Основные цели — это просмотр развлекательных видео (49 %), общение с друзьями (42 %) и поиск информации для учёбы (44 %). Также подростки используют соцсети для самовыражения (29 %) и прослушивания музыки (34 %). Это говорит о том, что характер использования соцсетей у подростков разнообразный: они совмещают развлечение, общение и обучение, а сами соцсети становятся для них привычной частью повседневной жизни.

2. Подростки активно социализируются в социальных сетях, но при этом указывают на значимость живого общения и физического контакта. Социальные сети играют важную роль в формировании онлайн-дружбы. Почти треть подростков уверены, что можно найти настоящих друзей в интернете, и считают такое общение равноценным личному.

3. Подростки осознают возможные риски, связанные с соцсетями. Они относятся к соцсетям осознанно: замечают как положительное влияние, так и возможные негативные последствия; многие из них стараются вести себя осторожно - настраивают приватность и проверяют достоверность информации.

4. Правовые аспекты влияния социальных сетей на подростков требуют комплексного подхода, включающего повышение осведомленности подростков об их правах и обязанностях, а также усиления контроля со стороны родителей и образовательных учреждений за деятельностью подростков в социальных сетях.

Пристатейный библиографический список

1. Через соцсети детям навязывают определённую идеологию // Российская газета. 2025. 10 апреля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2025/04/10/kravcov-cherez-socseti-detiam-naviazyvaiut-opredelennuiu-ideologiiu.html (дата обращения: 05.05.2025).
2. Екатерина Мизулина ответила на вопросы самарских школьников и студентов // Лига безопасного интернета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ligainternet.ru/ekaterina-mizulina-otvetila-na-voprosy-samarskih-shkolnikov-i-studentov/ (дата обращения: 05.05.2025).
3. В Казани обсудили влияние интернета на молодежь // 116.ru. 2024. 24 сентября. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://116.ru/text/gorod/2024/09/24/74126339/ (дата обращения: 05.05.2025).
4. В России предложили создать специальный интернет для детей // РИА Новости. 2019. 6 марта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20190306/1551577366.html (дата обращения: 05.05.2025).
5. Госдума одобрила закон о регулировании интернета // РИА Новости. 2022. 29 ноября. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20221129/internet-1835047567.html (дата обращения: 05.05.2025).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-234-237

Одинцов С. В.

Абухадма Г. К. Т.

ОДИНЦОВ Станислав Валерьевич
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

АБУХАДМА Гайс Кадым Турки
аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ОСОБЕННОСТИ БОГОСЛОВСКО-ПРАВОВЫХ ШКОЛ И ЭТАПОВ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА КАК ПРОЦЕСС СИНГУЛЯРНОСТИ

Статья посвящена особенностям и развитию богословско-правовых школ на разных исторических этапах мусульманского правотворчества. Анализ доктринальных и законодательных источников в традиционной взаимосвязи с религиозной системой мировосприятия влияет в целом на понимание современного подхода к регламентации социально-экономических отношений юрисдикций арабских государств. В настоящее время отличительной чертой большинства мусульманских правопорядков является их определённая склонность к правовому плюрализму, что позволяет сосуществовать и функционировать одновременно нескольким правовым системам. Авторами рассмотрены направления мусульманского права, касающиеся интересов субъектов частно-правовых отношений в рамках тенденций по интеграции и универсализации. В большинстве юрисдикций мусульманских стран в настоящее время отмечена тенденция к адаптации к мировым процессам экономической глобализации и внедрения инновационных технологий, при этом и стремление к балансу между традиционными нормами и принципами.

Ключевые слова: мусульманское (исламское) право, богословско-правовые школы, сравнительное правоведение.

ODINTSOV Stanislav Valerjevich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process and private international law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ABUKHADMA Gais Kadym Turki
postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

FEATURES OF THEOLOGICAL AND LEGAL SCHOOLS AND MUSLIM LAW MAKING STAGES AS A PROCESS OF SINGULARITY

The article is devoted to the peculiarities and development of theological and legal schools at different historical stages of Muslim lawmaking. The analysis of doctrinal and legislative sources in the traditional relationship with the religious system of world perception generally affects the understanding of the modern approach to the regulation of socio-economic relations of the jurisdictions of the Arab states. Currently, a distinctive feature of most Muslim legal systems is their certain tendency towards legal pluralism, which allows several legal systems to coexist and function simultaneously. The authors examined the areas of Muslim law concerning the interests of subjects of private law relations within the framework of trends in integration and universalization. It is noted that in most jurisdictions of Muslim countries, there is currently a tendency to adapt to the global processes of economic globalization and the introduction of innovative technologies, while striving for a balance between traditional norms and principles.

Keywords: Muslim (Islamic) law, theological and legal schools, comparative jurisprudence.

«Шариат — это живая традиция, требующая постоянного интеллектуального усилия в контексте времени и места»
(Халид Абу Эль-Фадл)

Процесс становления и развития исламского (мусульманского) права представляет собой многогранный и многофакторный процесс, который охватывает практически 1 500 лет. В настоящее время многие мусульманские страны играют важную роль в мировом имущественном обороте, при этом демонстрируя лидерство в определённых сферах глобальной экономики. Понимание же региональной специфики касательно регуляторных требований позволит эффективно осуществлять инвестиционную деятельность, реализовывать механизмы правовой охраны и защиты корпоративных, исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности и средства индивидуализации, и т.п. Безусловно, не представляется возможным изучение исламского права (шариата) без понимания его изначальных религиозных основ, этапов исторического развития и специфику его доктринального содержания/сути (усул ал-фикх, (*арабск.* اصول الفقه), при этом «некоторые исследователи используют термины «фикх» и «шариат» как синонимы для обозначения мусульманского права» [3, с. 95]. Но, следует указать на то, что «шариат», существуя вне времени и пространства, обязателен для всех мусульман. Нормы же «фикха», «выведенные мусульманским правоведом путём толкования положений Корана и сунны, связывают только его самого, и то лишь до тех пор, пока он с помощью «иджтихада» не разработает другое правило поведения по аналогичному вопросу, отличающееся от ранее сформулированного» [9, с. 13]. Также необходимо хотя бы общее понимание отличий богословско-правовых школ (мазхабов), имеющих непосред-

ственное влияние и на современные правопорядки, прежде всего, арабских государств. «В самом общем смысле в юриспруденции термин «доктрина» обычно означает науку или правовую теорию, которые не зафиксированы в официальных документах: труды правоведов» [11, с. 235], в связи с этим, целесообразно рассмотреть особенности ныне действующих и наиболее распространённых богословско-правовых школ (доктринальных направлений) — мазхабов (*арабск.* مذهب), которые стали формироваться начиная с VII-го столетия.

Логично будет начать с Ханафитской (Ханифитской) (*арабск.* المذهب الحنفي) школы (мазхаба), которой на современном этапе придерживается порядка 60 % всех мусульман, возникла в иракском г. Куфа (*арабск.* الكوفة), являвшимся известным центром философских исследований, а основателем был имам Абу Ханифа ан-Нуман ибн Сабит аль-Куфи (*арабск.* أبو حنيفة النعمان بن ثابت الكوفي) (699 – 767 гг.). Это самая исконная богословско-правовая школа Ислама, в тоже время одновременно и, если так можно сформулировать – наиболее «либеральная» из всех мазхабов, что, возможно, объясняет и её распространённость. В частности, представители Ханифитской школы довольно широко использовали принцип суждения по аналогии — «кияс» / «кыяс» / «кийас» (*арабск.* القياس — буквально переводится как «измерение»), и это вполне объяснимо, если принять во внимание то, что в той среде, в которой развивал своё учение имам Абу Ханифа, не было «мединской традиции», традиций Пророка или его изначальных сподвижников. Имам Абу Ханифа при анализе Корана использовал дедукцию и на этой основе создал свою систему толкования шариата. Ханифитская школа искала наилучшие нормы, и допускала различные приёмы их толкования, а учёные-правоведы (богословы) Ирака были более заинтересованы изначально в теоретической составляющей права (в отличие от «мединской традиции», где преобладали более прагматичные подходы к правоприменению). Прежде всего, указывается, что в рамках осуществления правосудия теоретикам-богословам помогали сами халифы, которые не всегда считались с принципами и нормами Ислама, и в этой связи, особенностью данного мазхаба является то, что условно слабые и даже где-то сомнительные «хадисы» используются в качестве аргумента лишь в исключительных случаях, предпочтение же в основном отдаётся «истихсану» (*арабск.* استحسان, что означает «предпочтение», «предпочтительное решение»). Ханифитская школа изначально формировалась в эпоху халифов Омейядской (Умайядской) (*арабск.* الأمويون) династии, а затем уже Аббасидов (Абассидов) (*арабск.* العباسيون), при этом развивалась и соответствующая ей судебная практика, которая позднее повлияла уже на дальнейшее развитие и систематизацию мусульманского права.

Маликитская школа (*арабск.* المذهب المالكي) зародилась в Медине, где как считается всё ещё существовала условно именуемая «живая» традиция Пророка и первых халифов, поэтому то и нет ничего удивительного в том, что именно в этом городе богословы-правоведы собрали и создали систему мусульманского права, в основе которой лежало положение о том, что традиции Медины («деяния мединцев»), передаваемые из поколения в поколение, являются наиболее полным отражением правильной интерпретации божественного закона. Учение, созданное имамом Абу Абдуллух Малик ибн Анас аль-Асбахи (*арабск.* أبو عبد الله مالك بن أنس بن مالك بن عمرو بن الحارث الأصبحي) (711 – 795 гг.), ныне преобладает, к примеру, в Государствах Катар и Кувейт, Королевствах Бахрейн в Саудовской Аравии (северо-восточные территории), а также эмиратах Абу-Даби, Дубай и Шаржа Объединённых Арабских Эмиратов, помимо Корана, источником права признавала также местные обычаи жителей Медины и «фетвы» / «фатвы» (решения/суждения) сподвижников Пророка (*арабск.* فتوى), санкционированные консенсусным пониманием доктрины («иджма», *арабск.* إجماع, что значит «единогласие»). Доктринальной особенностью Маликитской школы является то, что в случае необходимости представители данного мазхаба допускали в правоприменении следовать принципу «всеобщего блага» – «истислах» (*арабск.* استصلاح, то есть дословно «стремление к пользе»). Существенным вкладом в развитие данной концепции является составленное имамом Малик Ибн Анасом такое обширное произведение (сборник хадисов), которое называется «Аль Муватта» (*арабск.* الموطأ مالك إمام دار الهجرة) — «Протоптанная дорога»), являющийся самым старым сборником мусульманского права. Стоит также отметить, что последователи Маликитской школы «как и последователи других мазхабов, при выведении юридических суждений руководствуются также рационалистическим принципом «презумпции неизменности состояния» («ал-истисхаб» (*арабск.* الاستصحاب), по которому любые изменения не считаются наступившими, пока не обнаружатся ясные признаки этих изменений» [1, с. 156].

Шафитская школа (мазхаб) (*арабск.*المذهب الشافعي) появилась как считается в результате условного увеличения дистанции между теорией (фикх) и практикой правоприменения, в настоящее время наиболее востребована, в частности, на юге Республики Ирак, в восточной части Арабаской Республики Египет, Йеменской Республике и в Иорданском Хашимитском Королевстве. Её основоположником был имам Абу Абдуллах Мухаммад ибн Идрис аш-Шафии (*арабск.*أبو عبد الله محمد بن إدريس الشافعي) (767 – 820 гг.), который, будучи учеником указанных выше школ мусульманского (исламского) права (мазхабов), стремился обобщить и тем самым примирить их позиции. Шафитская школа (мазхаб) «объединяет некоторые принципы ханифитского и маликитского мазхабов» [5, с. 5], воспринимает четыре фундаментальных источников мусульманского (исламского) права (шариата): Коран, Сунну, аналогию права (кияс), а также общее (согласованное) мнение исламских богословов-правоведов (иджма). Естественно, что наивысшее положение в иерархии источников мусульманского права занимает Коран и Сунна Пророка Мухаммеда, которые непосредственно «выводились» из Священной книги (Корана). Представители данного направления не признавали принципа (доктрины) преференции «всеобщего блага» («истислах», *арабск.* استصلاح). При этом, вне всякого сомнения, имам Мухаммад аш-Шафии является разработчиком учения о принципах и ветвях мусульманского права, и, как заслуженно отмечают, «его книга *ар-Рисаля* (*арабск.* كتاب الرسالة), написанная в течение последних пяти лет его жизни, даёт ему право называться «отцом мусульманской юриспруденции» [1, с. 295].

Возникшая исторически изначально на территории Ирака, а сейчас в основном представлена в Королевстве Саудовской Аравии, Ханбалисткая школа (мазхаб) (*арабск.* المذهب الحنبلي), родоначальником которой являлся один из самых известных специалистов по методологии «хадисов» — Абу Абдуллах Ахмад ибн Мухаммад ибн Ханбаль аш-Шайбани аз-Зухли (*арабск.* أبو عبد الله أحمد بن محمد بن حنبل الشيباني الذهلي) (780 – 855 гг.). Имам Ахмад Ибн Ханбала, будучи авторитетным знатоком традиций толкования изречений Пророка, то есть в большей мере теологом (хадисоведом), чем правоведом (юристом), в виду этого данный мазхаб ожидаемо относится к наиболее консервативным. Предполагается, что возникновение Ханбалисткой школы (мазхаба) было связано с недовольствием встречающегося условно «спекулятивного» подхода к источникам Ислама и шариата, в частности, последователи данного мазхаба рассматривают Коран Священной книгой, которая дана Богом (Аллахом), а не источником, который был создан в определённый момент истории. Следовательно, по обозначенной логике Коран и Сунну Пророка следует применять безоговорочно, без каких-либо дополнительных интерпретаций (в рамках концепции «закрытия ворот иджтихада»), говоря другими словами, необходимо строго и точно следовать тексту Корана (явно сформулированным откровениям Аллаха по поводу божественных повелений и запретов), а не принципу некоего «духа закона». В рамках данного мазхаба местные правовые обычаи («адат», *арабск.* تقاليد), аналогия права («кияс»), мнение учёных-богословов (правоведов) («иджма») — не рассматриваются в качестве источников мусульманского права, хотя, в целом, «обычное право – служит независимым источником права, что облегчало адаптацию мусульманских норм в различных регионах мира» [8, с. 39].

Указанные выше четыре классические школы (мазхаба) Ислама относятся, прежде всего, к суннитам, то есть «людям Сунны» (*арабск.* أهل السنة والجماعة). Шииты (*арабск.* شيعة,

— «последователи», «приверженцы») выстроили отдельное направление классического мусульманского права (шариата) и фикха (доктрины, (*арабск.* فرض)) — Джафаритскую школу (мазхаб) (*арабск.* المذهب), положения и принципы которой, к примеру, сейчас закреплены в Конституции Исламской Республики Иран, поскольку «в настоящее время Джафаритского толка придерживаются все шииты-имамиты» [6, с. 61]. Основоположником пятой классической школы (мазхаба) шариата был именуемый «шестым непогрешимым имамом» Абу Абдуллах Джафар ибн Мухаммад аль-Кураши (*арабск.* جعفر الصادق), потомок Пророка Мухаммеда, более известный как Джафар Ас-Садик (702-765 гг.), учениками которого были, кстати, не только шииты (а затем и исмаилиты (*арабск.* الإسماعيلية), но и представители суннитских мазхабов. «Представители пятого «правоверного» толка Ислама, конечно же, признают Коран и Сунну Пророка основными и общепризнанными источниками шариата, «придерживаясь при этом аллегорического толкования» [4, с. 29]. Но также кроме этого, в правоприменении упор делается изначально на «иджтихад» (богословско-правовой комплекс интепретации). А качестве дополнительных источников шариата выступают иджма и сунны (откровения) близких Мухаммеда, в первую очередь, двоюродного брата, зятя и сподвижника Пророка — четвёртого праведного халифа Абу-ль-Хасан Али ибн Абу Талиб аль-Хашими аль-Кураши (*арабск.* أبو الحسن علي ابن أبي الطالب القرشي الهاشمي). Джафаритская школа (мазхаб) категорически не признаёт «закрытия ворот иджтихада», ввиду того, что творческое развитие шариата, согласно представлениям шиитских богословов-правоведов, никогда не заканчивается. Справедливо будет уточнить, что данных взглядов придерживаются усулиты (*арабск.* الأصولية), которые в том числе признают четыре источника права (Коран, Сунна, иджма и «акль» / «акл» (*арабск.* عقل «разум» / «интеллект»). Сторонники другого течения данного мазхаба «ахбариты» (*арабск.* الأخباريون) исходят из предусудительности иджтихада как такового (поскольку он порождением суннитских богословско-правовых школ) и отвергают возможность использования рациональных методик для формулирования норм мусульманского права, признавая их источником лишь Коран и Сунну.

В связзи с этим, также следует упомянуть и такое направление шариата, как «кораниты» (*арабск.* أهل القرآنيون / القرآنيون), приверженцы которого считают исключительно Священную книгу Аллаха — Коран единственным каноническим текстом в Исламе, на основании, что божественные слова и откровения в полной мере являются неизменными, вразумительными и исчерпывающими, соответственно, отсутствует необходимость в иных дополнительных источниках. В свою очередь к коранизму, имеющему своих приверженцев, например, в Республике Казахстан и Турецкой Республике, в значительной степени близка «модернисткая» концепция так называемой «безмазхабности» (*арабск.* اللامذهبية), которая имеет локальное распространение в Средней Азии, на Балканах и в Республике Индонезия начиная с конца XIX-го столетия.

Общепринятый подход в исследовании и изучении шариата традиционно выделяет шесть этапов в едином развитии Ислама как религии, так и мусульманского права, «которые неразрывно связаны с эволюцией арабско-мусульманского общества:

– этап правотворчества самого Пророка Мухаммеда;

– этап правотворчества «халифов справедливых» («праведных халифов», (*арабск* الخلفاء الراشدون), то есть Абу Бакра, Умара, Усмана и Али) и окончился в 661 году;

– этап возникновение классических школ мусульманского права (мазхабов);

– период подражания «таклид» (*арабск.* تقليد) — «закрытие ворот иджмихада»;

– новый этап мусульманского права — «открытие ворот иджтихада» (*арабск.* فتح أبواب الاجتهاد)» [10, с. 61].

Весомой вехой в Исламе является период X-го века, ставший последней эпохой классического мусульманского правотворчества. Все богословско-правовые школы (мазхабы) безоговорочно признали главенствующую роль Корана и Сунны, представленной в совокупности «хадисов». Различия заключались лишь в подходе к аналогии права (в случае определённых пробелов) и мнений богословов-правоведов в качестве источников шариата (как целостного восприятия мира, включая справедливость). Можно утверждать, что «заканчивается период активного развития мусульманского права, потому как постулируется, что по прошествии трёх веков после смерти Пророка Мухаммеда необходимо оставить спекуляции и любые попытки разностороннего толкования и тем самым в целом расширения мусульманского права. Иными словами — правовая система Ислама, в том виде, в которым она сформирована на соответствующий момент, должна признаваться полной и совершенной, то есть считалось, что дальнейшие какие-либо изменения и интерпретация мусульманского права могут обладать рисками искажения слов Аллаха» [4, с. 58]. Следовательно, всяческая интеллектуальная работа допустима исключительно только тогда, когда речь идёт о практическом применении шариата (как (творческой, интеллектуальной интерпретации права) — «Ворота иджтихада (*арабск.* اجتهاد, что в переводе: «усердствование», «усердие», «большое старание», «прилежание») закрыты». В результате этого и на основе реализации вышеуказанных принципов и подходов, так называемое классическое мусульманское право (в том числе его доктрина) остаётся неизменным вплоть до XVIII-го столетия.

Возвращаясь к периодизации шариата, четвёртый этап в развитии мусульманского права – это «время подражания», а точнее «следования традиции» (*арабск.* تقليد), продлившееся с X-го и вплоть до XVIII-го столетия, когда «ворота иджтихада считались закрытыми» (прежде всего в рамках суннитских мировоззрений), то есть нельзя было создавать новые правовые конструкции, и только лишь муфтии и, даже не все богословы-правоведы («факихи» или «алимы» / «улемы» (*арабск.* عالم دين), в переводе означает «всезнающий», «сведущий»), а только «муджтахиды» (*арабск.* مجتهد) — могли высказывать свои определённые суждения «фетвы» / «фатвы» (*арабск.* فتوى) по конкретным делам, не изменяя при этом принципов, сформированных в классических правовых школах (мазхабах).

Пятый же или условно именуемый «новый этап» в развитии мусульманского права начался в конце XVIII-го столетия, когда мусульманские общины начали постепенно воспринимать европейское право (законодательно-регуляторные принципы и отдельные нормативные положения, заимствования из правопорядков как романо-германской, так и англосанксонской систем права). «Незыблемость шариата, порождённая долгим периодом «закрытия ворот иджмихада», стала колебаться, не выдерживая внешнего давления. Возникают определённые преобразовательные стремления и тенденции к «открытию врат иджтихада», с целью пересмотреть принципы Ислама уже с позиций современной жизни» [1, с. 91].

«Перелом наступил в середине XIX-го столетия, когда процесс становления исламского права как юридического явления, отличного от шариата, вступил в решающую фазу» [7, с. 84]. Именно с начала XIX-го столетия Ислам и шариат подвержены постоянно растущему политико-экономическому и социально-культурному влиянию европейских государств, что приводит к тому, что положения мусульманского права в Дар аль-Исламе (*арабск.* دار الإسلام) начинают уступать место писанным законам (нормативно-правовым актам). Не вызывающей сомнения заслугой правителей Османской империи (султаната) является подготовка Сводов законов — «kanun name» (*османск.* قانون نامه), перефразированный «канон» (*греческ.* Κανών, означающий «свод правил» / «совокупность норм»), не являющихся полноценными кодифицированными актами, но представляющих собой стремление к систематизации законодательства в рамках баланса традиций шариата и нормотворчества светской власти, адаптации европейской модели регламентации общественных отношений частно-правовой сферы. Таким образом, в этот период в исламских государствах проявляется тенденция к модернизации и вестернизации, то есть достаточно радикальному изменению мусульманского права. При этом, вполне ожида-

емо, что в отдельных государствах наличествовал различный подход к регулированию имущественного оборота, появлению законодательных новелл, касающихся, в первую очередь нового субъекта права – юридического лица. К примеру, либо больший приоритет предназначается нормам светского права, либо усматривается возможность в адаптации принципов и положений шариата к новым социально-экономическим условиям.

Современный этап в развитии мусульманского права охватывает всё XX-ое столетие, когда мусульманские государства Ближнего Востока, находясь в экономической зависимости, в условиях неуклонного влияния стран Запада, модернизируются во многих областях социальной и политической жизни, в том числе и в сфере правовой регламентации. Также в XX-ом столетии в среде исламских богословов-правоведов формируется понимание текущей проблемы актуального развития мусульманского права, с позиции того, чтобы необходимо и целесообразно не только лишь адоптировать заимствованные правовые конструкции из романо-германской и англо-саксонской систем права, но и всемерно стремится к возрождению и расширению начавшегося ещё в конце XVIII-го столетия процесса «открытия ворот иджтихада». Несомненно, что «качественно новый этап в истории Ислама — это вторая половина XX- века, когда в том числе создаются концепции «исламского пути развития» и «исламской экономики» [6, с. 109].

Так, отдельные представители модернистких представлений на основе исламских традиций регламентации частно-правовых отношений «муамалат» (*арабск*. تالماعم, — «право личного статуса», включая коммерческие сделки), предлагают двигаться к дальнейшему развитию мусульманского права и его приспособления к современным экономическим реалиям, в частности таких конструкций имущественного оборота, как: «укуд» (*арабск*. دوقع) — договорное право, прежде всего, двусторонние сделки; «икаат» (*арабск*. ةملا رحسل) (ترووطسا) — односторонние сделки; «ахкам» (*арабск*. امكاحا) — возмещение ущерба и ответственность. Данный подход является попыткой примирения основ Ислама и потребностей субъектов частно-правовых отношений, в том числе рамках глобализации инвестиционной деятельности, и в качестве примера можно привести законодательную практику, прежде всего: Арабской Республики Египет, Государства Кувейт, Иорданского Хашимитского Королевства и Объединённых Арабских Эмиратов.

В качестве заключения, отметим следующие выводы, и, прежде всего, то, что «мусульманское право не сливается с религией, хотя некоторые его нормы совпадают с религиозными правилами поведения. Путём включения норм и институтов мусульманского права в нормативно-правовые акты религиозные нормы превращаются в правовые. Именно поэтому следует рассматривать «мусульманское право, имеющее, бесспорно, религиозное происхождение и тесно связанное с догматикой, исключительно в правовом контексте» [9, с. 14]. В настоящее же время правопорядки мусульманских государств Ближнего Востока (не только арабских) демонстрируют явную разнородность в части, с одной стороны, следованию вышеуказанных тенденций, а с другой стороны, «в некоторых современных исламских государствах очевиден процесс исламизации общественно-политической жизни (например, Афганистан, Иран, Пакистан, Сирия), который привёл к уничтожению всех светских институтов. В таких государствах государственно-правовая жизнь протекает в соответствии с принципами и нормами шариата» [2, с. 30].

При данном векторе исламизации происходит частичное заимствование норм мусульманского права в светские законодательные, включая и кодифицированные акты, в том числе нормы шариата становятся приоритетным источником для регулирования частно-правовых отношений («права личного статуса»). Наряду с этим, в дополнение укажем, что особенностью мусульманской (исламской) системы права является, то, что также как и в англо-саксонской (англо-американской) отсутствует чёткое, ярко выраженное деление в классическом понимании романо-германской (континентальной) системы права — на публичное и частное право и систему отраслей права. На основе вышеизложенного можно отметить такую уникальность исламского права (шариата) и его доктрины (фикх) как основа на комплексной интерпретации и анализе источников для целей правоприменения. Если рассматривать кодификацию, то, безусловно, она отличается от традиционно принятых в европейском праве континентальной системы, хотя на современном этапе (начиная с XIX-го столетия) под воздействием политическо-экономического влияния правопорядков Франции и Германии, а также и Соединённого Королевства происходит модерназация, прежде всего, светского права. В большинстве юрисдикций мусульманских стран в настоящее время следует отметить определённые стремления в тенденции к адоптации к современным процессам экономической глобализации и внедрения инновационных технологий, при этом и стремление к балансу между традиционными нормами и принципами, с одной стороны, и необходимостью учитывать гражданские права и свободы, включая гендерное равенство, с другой.

Пристатейный библиографический список

1. Боголюбов А. С. Ислам: энциклопедический словарь / Отв. ред. Прозоров С. М. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 91-92.
2. Дураев Т. А. Современное исламское права: содержание, доктрина, тенденции развития // Базис. 2019. № 2 (6). С. 29-33.
3. Кирабаев Н. С. Политическая мысль мусульманского средневековья. М.: РУДН, 2005. 256 с.
4. Мусульманское право: Библиографический указатель по мусульманскому праву и обычному праву народов, исповедующих ислам / Под ред. Р. И. Беккина. М., 2010. 320 с.
5. Рассказов Л.П. Возникновение и развитие мусульманского права и его основных источников. Влияние вестернизации на правовоые системы мусульманских стран и исламизации на страны романо-германской и англо-саксонской правовых семей // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 111 (07). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ej.kubagro.ru/2015/07/pdf/10.pdf.
6. Сюкияйнен Л. Р. Ислам: энциклопедический словарь / Отв. ред. Прозоров С. М. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 91-92.
7. Сюкияйнен Л. Р. Основы теории исламского права: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. 163 с.
8. Хайдарова М. С. Основные направления и школы мусульманского права / Мусульманское право. Структура и основные институты. Академия наук СССР ИГИП. М., 1984.
9. Чиркин В. Е. Мусульманская концепция права // Мусульманское право. Структура и основные институты. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1984. С. 4-20.
10. Цмай В. В., Таилов Р. З. Основные этапы становления концепции мусульманского права // История государства и права. 2005. № 1. С. 61-62.
11. Miroshnichenko O. I., Samusenko T. M., Gaivoronskaya Ya. V., Frolova E. E. Doctrine in the Modern World: Legal Traditions and Modern // Social Sciences (Pakistan). Medwell Journals. 2018. Vol. 13. P. 235-240.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-238-241

ПОПОВА Юлия Александровна
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса и международного права, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

ПОДГОТОВКА ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ: НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

В научной статье проводится комплексный анализ стадии подготовки дела к судебному разбирательству в рамках гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Автор рассматривает нормативное регулирование и позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам содержания и целей данной стадии. Особое внимание уделено её самостоятельному и обязательному характеру, а также правоприменительным особенностям, проявляющимся в различных видах цивилистического процесса.

Установлено, что несмотря на небольшой объем законодательных положений в процессуальных кодексах, стадия подготовки занимает важнейшее место в процессе разрешения спора, поскольку создаются условия для последующего вынесения законного и обоснованного решения. В статье выявляются различия в терминологии и позициях Пленума Верховного Суда Российской Федерации с учетом правовой природы различных видов процесса, в частности, по вопросу трактовки отдельных организационных мер – собеседования и предварительного судебного заседания. Автор выделяет уникальные черты подготовки дел в административном процессе, обусловленные ускоренным сроком рассмотрения отдельных категорий споров. Кроме того, раскрывается специфика стадии подготовки в рамках упрощенного производства. Доказывается, что отсутствие ряда процедур не отменяет необходимости подготовки дела, включающей как организационные меры, так и процессуальные действия.

Автор приходит к выводу о системной значимости данной стадии и подчеркивает её влияние на качество, эффективность и своевременность правосудия; необходимости новых научных исследований о подготовительной стадии в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве.

Ключевые слова: подготовка дела к судебному разбирательству, стадия судопроизводства, стадия подготовки, упрощенное производство, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, административное судопроизводство, цивилистический процесс.

POPOVA Yuliya Alexandrovna
Ph.D. in Law, professor of Civil process and international law sub-faculty, Kuban State University, Krasnodar

PRE-TRIAL CASE PREPARATION: SOME CONTROVERSIAL ISSUES

The scientific article presents a comprehensive analysis of the pre-trial preparation stage within civil, arbitration, and administrative proceedings. The author examines the regulatory framework and the positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the content and objectives of this stage. Particular attention is given to its independent and mandatory nature, as well as to the peculiarities of its application across various types of civil procedure.

It is established that, despite the limited volume of legislative provisions in the procedural codes, the pre-trial preparation stage plays a crucial role in dispute resolution, as it lays the groundwork for the subsequent issuance of a lawful and well-founded judgment. The article identifies differences in terminology and the positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, taking into account the legal nature of different types of proceedings – particularly in relation to the interpretation of certain organizational measures such as interviews and preliminary court hearings. The author highlights the unique features of case preparation in administrative proceedings, which stem from the expedited timeframes for reviewing certain categories of disputes. Additionally, the article explores the specifics of this stage within simplified proceedings. It is argued that the absence of certain procedures does not eliminate the necessity of case preparation, which includes both organizational measures and procedural actions.

The author concludes that this stage holds systemic importance and emphasizes its impact on the quality, efficiency, and timeliness of justice. The article underscores the need for further scholarly research on the pre-trial preparation stage in civil, arbitrazh, and administrative proceedings.

Keywords: pre-trial case preparation, stage of proceedings, preparation stage, simplified proceedings, civil procedure, arbitration procedure, administrative proceedings, civilist process.

Подготовка дела к судебному разбирательству – одна из важнейших стадий гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Указанная деятельность суда начинается после принятия искового заявления к производству, о чем судья выносит определение. Процессуальные кодексы регулируют стадию подготовки дела к судебному разбирательству рамочно и отчасти ограниченно, а ее детальное раскрытие можно обнаружить в судебной практике, в том числе в судебных актах официального толкования и разъяснения процессуальных норм.

Легальный смысл и практическое предназначение стадии подготовки дела к судебному разбирательству можно установить из содержания постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященное подготовке гражданских дел к судебному разбирательству, определяет данную стадию как период времени в процессуальной деятельности, обеспечивающий создание условий для правильного и своевременного разрешения гражданских дел[1]. В тексте постановления во втором абзаце п. 1 подготовка дела к судебному разбирательству обозначена в качестве обязательной и самостоятельной (отдельной) стадии, кото-

1 О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 // СПС «КонсультантПлюс».

рая преследует уже отмеченные выше цели – создание судом условий по правильному и своевременному рассмотрению в течение всего судебного процесса гражданского спора, способствующие в последующем принятию законного решения суда. Подчеркнём, что самостоятельность стадии стоит рассматривать как ее явное отделение от иных стадий в рамках судопроизводства, что выражено в хронологических границах и соответствующем процессуальном оформлении. Примечательно, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации предельно четко формулирует процессуальное видение стадии подготовки дела к судебному разбирательству, что выражается в закреплении своевременности, как соблюдения установленных законом сроков, и правильности, как обеспечении качественного рассмотрения дела, в деятельности суда общей юрисдикции.

Аналогичный подход вышестоящей судебной инстанции можно обнаружить в рамках арбитражного судопроизводства. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, разъясняющем действия арбитражных судов по подготовке дела к судебному разбирательству, обозначена сходная позиция. В п. 1 постановления Суд прямо указывает на самостоятельный и обязательный характер данной стадии арбитражного процесса[2]. Цели подготовки дела к разбирательству в арбитражном суде соответствуют целям подготовки гражданского дела к судебному разбирательству – правильное и своевременное рассмотрение арбитражного дела. В этом, безусловно, просматривается движение к унификации и поиску общих точек для соприкосновения процессов через правоприменительную практику.

При этом фактические терминологические отличия в текстах рассматриваемых постановлений присутствуют. Это связано не только со спецификой процессов, но и временем их принятия. Постановление, разъясняющее правила подготовки арбитражного дела к судебному разбирательству, принято в 2024 году. Так, именно в этом акте (п. 1 постановления) стоит отметить стремление Верховного Суда Российской Федерации дать формальное определение указанной стадии как «совокупности организационных мер и процессуальных действий судьи». Если к понимаю процессуальных действий вопросов не возникает, потому что, очевидно, имеется в виду следование положениям АПК РФ в части принятия судом определений, то содержание организационных мер требует дополнительного уточнения. Хотя Верховный Суд Российской Федерации по тексту постановления организационные меры больше не упоминает, можно предположить, что под ними стоит рассматривать иные фактические действия суда. Они также направлены на подготовку к рассмотрению дела в судебном заседании, в том числе могут быть детально не регламентированы в тексте процессуального кодекса. В частности, к таким действиям можно отнести собеседование как подготовительное действие суда к рассмотрению гражданского и арбитражного дела, получившее незначительное распространение на практике и положительные оценки представителей научного сообщества [7, с. 96]. Порядку проведения собеседования посвящен отдельный раздел рассматриваемого постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. При этом собеседование следует четко отграничивать от предварительного судебного заседания [4, с. 82]. Примечательно, что постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам подготовки гражданских дел к судебному разбирательству не содержит положений о проведении собеседований, однако в практике судов общей юрисдикции соответствующая форма подготовки дела имеет место быть и периодически реализуется, например, для определения процессуального статуса участников спора или привлечения третьих лиц с учетом мнения сторон.

Уделяя особое внимание организационным мерам на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в арбитражном суде, следует обратить внимание на п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 июня 2024 года № 12. Так, помощник судьи оказывает содействие в планировании и организации судебного процесса – в части подготовки собеседования и предварительного судебного заседания. Указанная деятельность осуществляется помощником не самостоятельно, а исключительно по поручению судьи. Полагаем, что в данном случае организационные меры, при буквальном толковании разъяснений вышестоящей судебной инстанции, следует рассматривать как указания судьи по осуществлению конкретных действий иными лицами, в том числе помощником или секретарем суда. При этом организационные меры не могут выходить за пределы положений процессуального кодекса и актов толкования, т.е. должны быть явно связаны с конкретными нормами и отвечать целям, соответствующим рассматриваемой стадии цивилистического процесса. Хотя организационные меры, как терминология несвойственная процессуальному праву, вполне логично отражает широкий подход законодателя и правоприменителя к данной стадии, подчеркивая ее исключительность и значимость для любого судебного процесса.

Подготовка административного дела к судебному разбирательству имеет свои особенности. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 года № 41 подготовка к разбирательству в ходе административного судопроизводства также обозначена в качестве обязательной стадии[3]. В данном случае в отличие от гражданского и арбитражного процессов Верховный Суд Российской Федерации не упоминает обозначенную стадию как самостоятельную, т.е. отдельную. Полагаем, это отчасти связано с тем, что течение сроков в административном судопроизводстве имеет свою специфику, выраженную в ускоренном порядке рассмотрения отдельных административных и иных публичных споров либо в возможности их исчисления в часах. По отдельным категориям дел, когда суду предстоит принимать решение в более сжатые временные сроки (например, в избирательных спорах или по вопросам проведения публичных мероприятий, помещения либо продления срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении и т.д.), начальная стадия подготовки может плавно перетекать в последующую. Такая особенность свойственна именно административному судопроизводству, хотя это все же не исключает осуществление судом подготовительных действий.

Цели подготовки административного дела к судебному разбирательству совпадают с целями этой стадии в других цивилистических процессах – правильное и своевременное рассмотрение дела. В качестве дополнительной цели обозначена необходимость определения обстоятельств, относящихся к административному делу. Такая цель отражает логику административного судебного процесса и подчеркивает широкие полномочия суда в рамках данного вида судопроизводства, занимающего активную роль. При этом суд, ориентируясь на требования и возражения участвующих в деле лиц, уже в рамках данной стадии может учесть или исключить юридические факты, подлежащие доказыванию вне зависимости от указания на них сторонами и иными лицами, по отдельным категориям дел: об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами; ре-

2 О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 июня 2024 г. № 12 // СПС «КонсультантПлюс».

3 О подготовке административного дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 41 // СПС «КонсультантПлюс».

шений, действий и бездействия органов публичной власти, иных органов и организаций, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц и служащих и т.п.

Другое отличие подготовки дела к судебному разбирательству в административном судопроизводстве – исключительная обязательность совершения судом определенных подготовительных действий. Так, соответствующее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации не содержит указание на ситуации, когда осуществление отдельных подготовительных действий судом на этой стадии не требуется. Для сравнения, в ходе арбитражного судопроизводства предварительное судебное заседание не проводится при рассмотрении дел в порядке приказного и упрощенного производств, а также в отдельных случаях, предусмотренных законодательством. Например, ч. 7 ст. 5 Федерального закона от 4 августа 2023 года № 470-ФЗ содержит процессуальную норму и указывает, что арбитражный суд рассматривает заявление о приостановлении осуществления корпоративных прав иностранной холдинговой компанией без проведения предварительного судебного заседания. Аналогичные по процессуальному характеру нормы, исключающие проведение арбитражным судом предварительного судебного заседания, содержатся в ст. 11 и ст. 17 Федерального закона от 14 июля 2022 года № 320-ФЗ, по вопросам преобразования филиала или представительства иностранного юридического лица в хозяйственное общество и приостановления осуществления прав иностранного инвестора, связанных с имуществом.

Если характеристика самостоятельности данной стадии, по нашему мнению, не вызывает сомнений и позволяет ее рассматривать как возможность процессуального отделения от иных стадий процесса, т.е. ее обязательность имеет свое особое значение и требует научного осмысления[4]. Обозначим дополнительно, что по смыслу соответствующих положений процессуальных кодексов подготовка дела к разбирательству выступает обязательной стадией производства по исковым делам в суде первой инстанции. Однако это в равной степени актуально для иных категорий дел, а также имеет значение для всех стадий процесса, если закон не предусматривает отдельных исключений [6, с. 29].

Опираясь на процессуальные нормы главы 14 ГПК РФ, главы 14 АПК РФ и главы 13 КАС РФ, указанные ранее постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что подготовка дела к судебному разбирательству во всех цивилистических процессах предполагает ее обязательность, т.е. фактическое осуществление действий судом. Безусловно, из этой сформулированной в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации позиции допускаются отдельные изъятия в части несовершения конкретных действий, однако речь не идет о пропуске либо исключения данной стадии из любого процесса. В этой связи целесообразно обратить особое внимание на особенности подготовки дела к судебному разбирательству в рамках упрощенного производства. Ошибочно предполагать, что подготовка судом в данном случае не проводится. Стоит отметить, что такое письменное производство не исключает необходимость совершения судом конкретных подготовительных действий.

ГПК РФ не содержит конкретных норм, посвященных подготовке судебного дела к разбирательству в рамках упрощенного производства. В ч. 2 ст. 232.3 ГПК РФ указано, что суд выносит определении о принятии искового заявления к производству, что соответствует стадии возбуждения дела. В своем определении суд указывает на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства, а также определяет действия, которые необходимо совершить сторонам для представления материалов, и указывает на возможность примирения. К действиям, косвенно направленным на подготовку дела, можно отнести содержание ч. 3 ст. 232.3 ГПК РФ. В п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2017 года № 10 указаны сроки, в течение которого стороны представляют доказательства и дополнительные документы, требующие ознакомления как суда, так и сторон[5].

Положения АПК РФ об упрощенном производстве в целом сопоставимы с нормами ГПК РФ. Следует отметить, что ч. 5 ст. 228 АПК РФ закрепляет за судом право по своей инициативе или ходатайству лиц, участвующих в деле, провести судебное заседание с вызовом сторон и иных лиц, участвующих в деле. Для проведения заседания потребуются процессуальные действия – принятие определения и надлежащее извещение участников дела, характеризующие подготовительный этап. Проведение заседания может быть обусловлено сложностью и особенностями рассматриваемого дела. Аналогичная норма в ГПК РФ отсутствует.

Другим обстоятельством, заслуживающим внимания процессуалистов в рамках упрощенного производства, является стремление сторон заключить мировое соглашение. В таком случае суд должен назначить судебное заседание с вызовом сторон для рассмотрения вопроса об утверждении мирового соглашения, что невозможно без дополнительных действий со стороны суда. Если мировое соглашение будет утверждено, то судебное разбирательство фактически завершится. В случае, если в утверждении соглашения сторонам будет отказано, то суд перейдет к рассмотрению дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, на основании ч. 4 ст. 232.2 ГПК РФ или ч. 5 ст. 227 АПК РФ. Соответственно, последующее движение процесса также предполагает осуществление подготовительных действий. Отмеченное относится к гражданскому и арбитражному судопроизводству, что прямо предусмотрено п. 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2017 года № 10.

Еще одной точкой совпадения гражданского и арбитражного процессов является прямое указание в тексте процессуальных кодексов на то, что предварительное судебное заседание в ходе упрощенного производства не проводится – ч. 6 ст. 232.3 ГПК РФ и ч. 5 ст. 228 АПК РФ. Глава 33 КАС РФ не содержит упоминания предварительного судебного заседания в ходе упрощенного (письменного) производства. Безусловно, проведение предварительного судебного заседания не отвечает задачам по ускорению судебного разбирательства и его проведению в более сжатые сроки даже в рамках административного судопроизводства. Введение данной процедуры в ходе упрощенного производства стирало бы границы между стандартным исковым и упрощенным производством. Считаем, что не требует данный вид производства и некото-

4 Отметим, что в науке гражданского процессуального права представлены различные позиции по поводу признания подготовки дела к судебному разбирательству в качестве самостоятельной стадии – ряд исследователей обосновывают ее как отдельный этап при более широком понимании содержания стадии, описывая задачи судопроизводства. Отмеченная проблематика не рассматривается в данной статье, но представляет большой научный интерес с теоретической и практической точки зрения. См.: Логинов П. В. Предварительная подготовка гражданских дел к слушанию в суде. М.: Госюриздат, 1960; Гурвич М. А. Рецензия на книгу В. К. Пучинского «Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству» // Правоведение. 1964. № 3.

5 О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2017 г. № 10 // СПС «КонсультантПлюс».

рых иных подготовительных действий, например, собеседования, поскольку оно предполагает извещение сторон и их личное присутствие. Однако это лишь отдельные мероприятия на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, которые не влияют на иные возможные действия суда.

При этом очевидно, что отсутствие прямого упоминания стадии подготовки гражданского, арбитражного или административного дела к судебному разбирательству в рамках упрощенного производства в процессуальных кодексах не свидетельствует об их отсутствии на практике. Так, ч. 2 ст. 147 ГПК, ч. 2 ст. 133 АПК РФ, ст. 132 КАС РФ предусматривают необходимость подготовки по каждому делу, находящемуся в производстве судьи.

Во втором абзаце п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2017 года № 10 и п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 года № 42 указано, что разрешение вопроса о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства осуществляется судом общей юрисдикции или арбитражным судом в ходе подготовки дела к судебному разбирательству[6]. Фактически, вынося определение об этом, суд начинает стадию подготовки дела к судебному разбирательству. Даже указание на действия, которые надлежит совершить сторонам и лицам, участвующим в деле, можно рассматривать в качестве организационных мер и процессуальных действий, ведущих к разрешению возникшего спора. Неотъемлемым элементом содержания такого определения выступает разъяснение прав и обязанностей лиц, участвующих в деле, сроков совершения действий, что по сути отражает порядок и особенности упрощенного производства.

Таким образом, содержательной стороной стадии подготовки дела к судебному разбирательству является принятие судом соответствующего определения, представление сторонами доказательств и дополнительных материалов с учетом предусмотренных процессуальными кодексами и определенных судьей сроков. При этом не исключается разрешение вопроса о представляемых сторонами ходатайств, в том числе для оказания им содействия по истребованию и собиранию доказательств [2, с. 64]. В рамках арбитражного судопроизводства дополнительной обязанностью суда является необходимость размещения процессуальных документов и материалов в системе электронного документооборота участников арбитражного процесса в сети Интернет (в информационной системе «Мой арбитр»), что прямо предусмотрено ст. 228 АПК РФ. В совокупности указанных действий фактически выражается подготовка дела к разбирательству, способствующая последующему принятию решения судом в рамках упрощенного производства во всех цивилистических процессах.

Сложно не согласиться с тезисом о том, что стадия подготовки зачастую имеет определяющее значение для рассмотрения дела [3, с. 68]. Подготовка создает возможности всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела в последующем – в судебном заседании, а также позволяет достигнуть итоговую цель в виде принятия судебного решения. Качество подготовки оказывает непосредственное влияние на скорость и эффективность разрешения спора, поскольку способствует исключению процессуальных ошибок и рассмотрению дела зачастую в одном судебном заседании. При этом роль суда на этой стадии во многом определяющая, требующая процессуального оформления и направления всего процесса.

Нормы процессуального законодательства о подготовке дела к судебному разбирательству прошли определенный путь развития. В современных условиях они приобретают новое значение за счет внимания законодателя и судебной системы к ранним стадиям процесса, и таким образом появляются новые механизмы в судопроизводстве, которых не было в дореволюционный и советский периоды. При этом подготовка дела к судебному разбирательству существовала всегда и рассматривалась научным сообществом как стадия или этап. Получая обязательный характер в действующих процессуальных кодексах, она занимает важнейшее положение в существующей системе стадий судопроизводства по гражданским, арбитражным и административным делам. Ее самостоятельный характер опосредуют весьма четко сформулированные правоприменительные цели и легально закрепленные задачи.

Пристатейный библиографический список

1. Гурвич М. А. Рецензия на книгу В. К. Пучинского «Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству» // Правоведение. – 1964. – № 3.
2. Жукова Ю. А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: монография. – М.: Зерцало-М, 2022.
3. Кончева В. А. К вопросу о значении подготовки гражданских дел к рассмотрению // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 6.
4. Лазарев С. В. Судебное управление движением дела / Урал. гос. юрид. ун-т им. В. Ф. Яковлева. – М.: Статут, 2022.
5. Логинов П.В. Предварительная подготовка гражданских дел к слушанию в суде. – М.: Госюриздат, 1960.
6. Михайлова Е. В. Подготовка дела к судебному разбирательству в системе цивилистического судопроизводства // Мировой судья. – 2024. – № 10.
7. Скуратовский М. Л. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном суде первой инстанции. – М.: Волтерс Клувер, 2007.

6 О применении норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации при рассмотрении административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 42 // СПС «КонсультантПлюс».

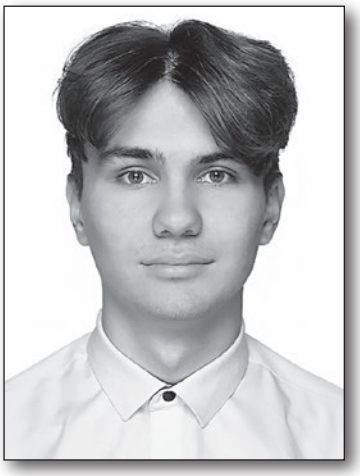
DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-242-244

РАБЕЦ Анна Петровна
кандидат юридических наук, доцент Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

ТОКАРЕВ Александр Максимович
независимый исследователь Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Рабец А. П.

Токарев А. М.

НОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья исследует правовые проблемы новых объектов интеллектуальной собственности в условиях цифровой трансформации: цифрового имущества, NFT и цифровых двойников. Авторы анализируют их правовую природу, выявляют существенные пробелы в законодательстве РФ и предлагают дифференцированные подходы к регулированию. Обосновывается квалификация NFT и цифрового имущества как «иного имущества» по ст. 128 ГК РФ. Цифровые двойники признаются качественно новым объектом, требующим включения в перечень ст. 1225 ГК РФ. Цель - создание эффективных механизмов защиты прав в цифровой экономике.

Ключевые слова: цифровая трансформация, интеллектуальная собственность, цифровое имущество, виртуальные активы, невзаимозаменяемые токены (NFT), цифровые двойники, правовое регулирование, Гражданский кодекс РФ, блокчейн, метавселенная.

RABETS Anna Petrovna
Ph.D. in Law, associate professor of the Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok

TOKAREV Alexander Maksimovich
independent researcher of the law school, Far Eastern Federal University, Vladivostok

NEW OBJECTS OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE DIGITAL AGE: LEGAL CHALLENGES AND REGULATORY PROSPECTS

The article explores the legal problems of new intellectual property objects in the context of digital transformation: digital property, NFTs and digital twins. The authors analyze their legal nature, identify significant gaps in the legislation of the Russian Federation and propose differentiated approaches to regulation. The article substantiates the qualification of NFT and digital property as «other property» under Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation. Digital doubles are recognized as a qualitatively new object that requires inclusion in the list of art. 1225 of the Civil Code of the Russian Federation. The goal is to create effective mechanisms for the protection of rights in the digital economy.

Keywords: digital transformation, intellectual property, digital assets, virtual assets, non-fungible tokens (NFT), digital twins, legal regulation, Civil Code of the Russian Federation, blockchain, metaverse.

Современная цифровая трансформация кардинально меняет представления об интеллектуальной собственности, порождая новые правовые вызовы. Развитие искусственного интеллекта, блокчейна, виртуальной и дополненной реальности, а также распространение цифровых активов (например, невзаимозаменяемых токенов (NFT)) приводит к появлению принципиально новых объектов, не всегда вписывающихся в классические правовые рамки.

Актуальность темы обусловлена стремительным ростом цифровой экономики и необходимостью правового обеспечения возникающих отношений. Степень научной разработанности проблемы отражается в трудах российских и зарубежных исследователей. Однако большинство работ сосредоточено на отдельных аспектах цифровизации, затрагивающих интеллектуальную собственность, тогда как комплексный анализ новых объектов и их правового регулирования остается недостаточно изученным.

Цифровая трансформация — процесс фундаментального изменения бизнес-моделей, операционных процессов, продуктов и услуг за счёт интеграции цифровых технологий, порождает объекты, не вписывающиеся в традиционные рамки интеллектуальной собственности. Их можно классифицировать по функциональному назначению и технологической основе [7, с. 569].

Бурное развитие технологий формирует принципиально новый объект гражданских прав - цифровое (виртуальное) имущество. Это совокупность электронных объектов, существующих в цифровой среде и обладающих экономической, культурной или иной ценностью. Оно охватывает широкий спектр активов, от игровых персонажей до виртуальной недвижимости. Правовая неопределённость в отношении этих объектов создаёт риски для участников рынка: от невозможности защиты прав до конфликтов юрисдикций. В отличие от традиционного имущества, цифровые активы нематериальны, но их ценность определяется спросом и уникальностью.

В юридической доктрине сложились два основных подхода к определению правового режима виртуального имущества. Первый, по мнению Д. С. Четвергова, квалифицирует виртуальное имущество как объект абсолютных прав (вещных или исключительных). Второй рассматривает виртуальные активы через призму обязательственных правоотношений, трактуя их как совокупность имущественных прав, возникающих из сложного договорного отношения, сочета-

ющего элементы лицензионного соглашения и договора оказания услуг [1, с. 218].

Мы придерживаемся позиции отнесения виртуального имущества к категории «иного имущества», предусмотренной статьей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации. Этот подход позволяет учесть специфическую природу цифровых активов, не вписывающихся полностью ни в классическую конструкцию вещных прав, ни в традиционные объекты интеллектуальной собственности. Ключевым аргументом служит невозможность однозначного отнесения цифрового имущества ни к вещам в традиционном понимании, ни к результатам интеллектуальной деятельности.

Виртуальные активы обладают многими признаками объектов вещных прав: они индивидуализированы, могут быть предметом гражданского оборота, и представляют экономическую ценность. Однако их нематериальность и зависимость от программной среды исключают классификацию как обычных вещей. Хотя виртуальное имущество создается на основе результатов интеллектуальной деятельности (программного кода, графических решений), оно не может быть сведено к ним, представляя собой самостоятельную ценность.

Особенностью виртуального имущества как «иного имущества» является его гибридная правовая природа, сочетающая элементы различных правовых режимов. Оно существует в рамках сложной системы правоотношений, где:

– разработчик сохраняет исключительные права на программную платформу;

– пользователь получает ограниченные правомочия в отношении конкретных виртуальных объектов;

– экономическая ценность активов формируется за счет их уникальности и рыночного спроса.

Квалификация виртуального имущества как «иного имущества» позволяет избежать искусственного подведения под существующие категории, сохранив при этом возможность его правовой защиты. Статья 128 ГК РФ, содержащая открытый перечень объектов гражданских прав, предоставляет необходимую гибкость для регулирования новых форм имущества. Данный подход не исключает применения к отдельным аспектам виртуального имущества норм, как вещного права, так и права интеллектуальной собственности.

В дальнейшем считаем необходимым разделить термин «цифровое имущество» на две составляющие: виртуальные персонажи и цифровые аватары, а также игровое имущество.

Компьютерные игры - это программы для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ), включающие исходный код, графику, музыку, сценарий, персонажей и другие охраняемые элементы. Правовой режим виртуальных персонажей определяется их типом и контекстом создания. Персонажи, создаваемые разработчиками в игре, не являются самостоятельными результатами интеллектуальной деятельности, права на них остаются у разработчиков.

Важно различать понятия «игровой персонаж» и «аватар». Последнее является образом отдельной личности, перенесенным в цифровое пространство. Д. С. Четвергов определяет аватар как цифровую личность и технические средства для взаимодействия с ней [1, с. 218]. Мы считаем необходимым дополнить это определение, включив в него графическую визуализацию (двухмерное или трехмерное изображение).

Аватары как особая разновидность виртуального имущества демонстрируют уникальную правовую природу, допускающую применение нескольких теоретических подходов. Их двойственный характер проявляется в том, что они одновременно могут рассматриваться и как объект вещных/исключительных прав, и как комплекс договорных обязательств между пользователем и платформой.

Игровой персонаж, как правило, — вымышленное лицо. Если он не имеет ничего общего с конкретным физическим лицом, то осуществление прав на него не порождает коллизий с правом на изображение (ст. 152.1 ГК). Если есть сходство с конкретным физическим лицом, для создания виртуального персонажа требуется его согласие, если оно не совпадает с его автором. Однако ГК РФ предусматривает случаи, когда такое согласие не требуется (например, для публичных исторических персон).

Массовая популярность видеоигр привела к появлению внутриигровых предметов, что сформировало термин «игровое имущество» [2, с. 3]. В цивилистической доктрине отсутствует единое нормативное определение, но в научной литературе сложился подход к его идентификации через специфические характеристики:

1. Функциональная связь с многопользовательскими онлайн-играми.

2. Виртуальная зависимость: игровые объекты не обладают автономным существованием вне игровой платформы. Однако активное развитие блокчейн-технологий создает исключения. NFT-предметы сохраняют ценность после прекращения поддержки проекта. Поэтому предлагается уточнение: «техническая и функциональная зависимость от поддерживающей инфраструктуры, за исключением случаев использования децентрализованных технологий хранения и учета».

3. Нематериальная сущность: цифровые конструкты, служащие основой для внутриигровых отношений и связанных с ними реальных правовых взаимодействий.

Вопрос о практических механизмах защиты прав пользователей игрового имущества неизбежен. Теоретическая квалификация цифровых активов как объектов гражданских прав сталкивается с проблемами правоприменения, особенно в части судебной защиты.

Сложившаяся судебная практика, основанная на применении статьи 1062 ГК РФ к спорам, связанным с виртуальным игровым имуществом, вызывает серьезные возражения. Подход, согласно которому все отношения в сфере онлайн-игр автоматически подпадают под действие данной нормы, исключающей судебную защиту требований, связанных с организацией игр и пари, представляется несоответствующим реалиям цифровой экономики.

Основная проблема — излишне широкое и формальное толкование статьи 1062 ГК РФ, не учитывающее изменение экономической и правовой природы виртуального имущества. Игровые активы давно перестали быть просто элементом игрового процесса, превратившись в самостоятельные объекты гражданского оборота со сложившимся рынком и значительной экономической ценностью. Их оборот осуществляется как внутри игровых экосистем, так и на специализированных площадках (например, «STEAM»), часто с использованием реальной валюты, что свидетельствует об их переходе в категорию полноценных имущественных активов [8, с. 2].

Ссылка на статью 1062 ГК РФ игнорирует принципиальное отличие современных многопользовательских онлайн-игр от традиционных азартных игр. Если последние направлены на получение выгоды в зависимости от случая, то виртуальное имущество в онлайн-играх часто приобретается за реальные деньги или является результатом значительных временных затрат игрока, что свидетельствует о его инвестиционной, а не игровой природе. По словам В. В. Кресса, отрицание правовой охраны игрового имущества не выдерживает критики, поскольку все больше игроков вовлекаются в виртуальную реальность, где осуществляется оборот нематериальных «вещей» [10, с. 3]. Необходим дифференцированный подход к квалификации виртуального имущества, учитывающий его двойственную природу — как элемента игрового процесса и как самостоятельного объекта гражданского оборота.

Невзаимозаменяемые токены (NFT) - относительно новый цифровой феномен, законодательное определение которого отсутствует. Предлагаются следующие ключевые признаки:

1. Уникальность: каждый NFT существует в единственном экземпляре и не может быть заменён аналогичным токеном.

2. Уникальная система проверки подлинности: данные о создании и передаче NFT записываются в блокчейн - непрерывную цепочку блоков с данными.

3. Привязка к цифровому или физическому активу: NFT могут представлять цифровые объекты (картины, музыку, игровые предметы) или физические (недвижимость, предме-

ты искусства). Этот признак усиливает связь с виртуальными объектами, которые, будучи в виртуальном пространстве, могут обладать свойствами NFT, что привело к появлению NFT-игр.

По мнению А. П. Рабец и К. Д. Найденова, NFT не могут быть отнесены к категории цифровых прав в значении ст. 141.1 ГК РФ. По своей правовой природе NFT - это технический инструмент, удостоверяющий и подтверждающий права владельца на соответствующий цифровой актив, но не являющийся самостоятельным объектом гражданских прав [4, с. 9].

В отсутствие специального правового регулирования, наиболее обоснованной представляется квалификация NFT в качестве иного имущества по смыслу ст. 128 ГК РФ. Для обозначения правообладателя целесообразно использовать термин «правообладатель NFT». Такой подход учитывает технологические особенности NFT и обеспечивает необходимую правовую определенность до внесения изменений в законодательство, сохраняя баланс между регулированием новых цифровых активов и системностью гражданско-правовых конструкций. Схожего мнения придерживается Д. А. Катков [9, с. 4].

Отдельного внимания заслуживает феномен цифровых двойников — виртуальных реплик физических объектов, процессов или систем. Они становятся ключевым инструментом в промышленности, здравоохранении и управлении инфраструктурой [5, с. 1], порождая новые правовые вопросы, связанные с интеллектуальной собственностью. Цифровые двойники создаются на стыке машинного обучения, облачных вычислений и сети датчиков, подключённых к интернету и собирающих данные с физических объектов. Например, на нефтяной платформе датчики фиксируют параметры оборудования, передавая данные в цифровой двойник.

ГОСТ Р 57700.37-2021 указывает, что объединение математических и компьютерных моделей в единую систему позволяет получить новую сущность - цифровой двойник, которая всесторонне описывает изделие и обеспечивает системный подход к разработке, производству и эксплуатации.

Часть кода двойника можно защитить как программное обеспечение для ЭВМ. Но динамичность цифровых двойников ставит под сомнение критерий «творческой уникальности», когда двойник автоматически адаптируется под новые данные. Это актуально в промышленности, нефтедобыче и геологоразведке. Например, в 2021 году «ЛУКОЙЛ» ввел в эксплуатацию цифровую модель Ватьеганского месторождения, объединившую цифровые двойники скважин и инфраструктуры. П. И. Петкелев высказывается, что создание цифрового двойника — это скорее технический процесс, ближе к созданию фонограммы или базы данных, чем к написанию картины [6, с. 5].

Неопределённость в регулировании цифровых двойников порождает споры. Кому принадлежат права на генерируемые данные? В случае с «ЛУКОЙЛом» часть данных с месторождения автоматически передавалась поставщикам ПО, что может привести к судебному разбирательству из-за нарушения коммерческой тайны. Требуется чёткое законодательное разграничение прав и ответственности.

Отдельные элементы цифровых двойников могут классифицироваться как программы для ЭВМ, базы данных или ноу-хау. Такая фрагментарная защита не учитывает комплексную природу цифровых двойников. Отсутствие специального режима осложняет разрешение споров.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о возможности квалификации невзаимозаменяемых токенов (NFT) и цифрового имущества в качестве «иного имущества» в смысле статьи 128 ГК РФ. Такая позиция обоснована специфической природой этих активов, обладающих экономической ценностью и оборотоспособностью, но не относящихся однозначно ни к вещам, ни к результатам интеллектуальной деятельности. Действующее законодательство, несмотря на отсутствие прямого регулирования, предоставляет достаточные правовые основания для защиты интересов участников оборота цифровых активов через гибкие конструкции гражданского права.

Таким образом, современное гражданское законодательство в целом обладает достаточным потенциалом для регулирования отношений, связанных с NFT и цифровым имуществом, однако требует точечных изменений в части признания цифровых двойников в качестве самостоятельного объекта правовой охраны. Реализация предложенных изменений будет способствовать созданию благоприятных условий для развития цифровой экономики, обеспечивая правовую определенность для всех участников соответствующих правоотношений.

Пристатейный библиографический список

1. Четвергов Д. С. Правовой режим аватара: регулирование оборота цифрового образа личности в метавселенной // Юридическая наука. - 2023. - № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-avatara-regulirovanie-oborota-tsifrovogo-obraza-lichnosti-v-metavselennoy (дата обращения: 15.05.2025).
2. Гаразовская Н. В. Виртуальное имущество в играх: перспективы правового регулирования // E-Scio. - 2020. - № 4 (43). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnoe-imuschestvo-v-igrah-perspektivy-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 17.05.2025).
3. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. - 2014. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mvgp.ru (дата обращения: 25.05.2025).
4. Рабец А. П., Найденов К. Д. Гражданско-правовой режим невзаимозаменяемых токенов (NFT): современное состояние и перспективы развития законодательства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. - 2023. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoy-rezhim-nevzaimozamenyaemyh-tokenov-nft-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-zakonodatelstva (дата обращения: 25.05.2025).
5. Кокорев Д. С., Юрин А. А. Цифровые двойники: понятие, типы и преимущества для бизнеса // Colloquium-journal. - 2019. - № 10 (34). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-dvoyniki-ponyatie-tipy-i-preimuschestva-dlya-biznesa (дата обращения: 20.05.2025).
6. Петкилёв П. И. «Цифровой двойник» как новый объект смежных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. - 2022. - Вып. 4 (38). - С. 93–100. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_93.
7. Силакова Л. В., Андроник А., Киселев А. Д. Сущность цифровой трансформации: понятие и процесс // Baikal Research Journal. - 2024. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-tsifrovoy-transformatsii-ponyatie-i-protsess (дата обращения: 29.05.2025).
8. Левинзон В. С., Митин Р. К. Правовое регулирование виртуального имущества // Закон и право. - 2020. - № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-virtualnogo-imuschestva (дата обращения: 29.05.2025).
9. Катков Д. А. Правовой статус NFT: роль и значение в современной цифровой реальности // Скиф. - 2023. - № 6 (82). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-nft-rol-i-znachenie-v-sovremennoy-tsifrovoy-realnosti (дата обращения: 30.05.2025).
10. Кресс В. В. К вопросу о понятии виртуального (цифрового) имущества как объекте гражданских прав // Образование. Наука. Научные кадры. - 2024. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-virtualnogo-tsifrovogo-imuschestva-kak-obekte-grazhdanskih-prav (дата обращения: 02.06.2025).

СЕМЯННИКОВА Дина Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАБОТНИКОВ И ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

В рамках данного исследования автор рассматривает особенности механизмов социального обеспечения наемных работников, к которым законодатель относит как самих работников, так и военнослужащих. Автор приходит к выводу, что, несмотря на предоставление социального обеспечения данным категориям граждан в рамках различных организационно-правовых форм социального обеспечения, государство использует схожие инструменты в случаях утраты ими жизни и здоровья в рамках исполнения своих трудовых и служебных обязанностей, в частности через механизм страхования в рамках государственного обязательного страхования военнослужащих и обязательного социального страхования работников.
Ключевые слова: социальное обеспечение, работник, военнослужащий, обязательное социальное страхование, государственное обязательное страхование.

SEMYANNIKOVA Dina Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil and labor law sub-faculty, North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg

SOME PECULIARITIES OF SOCIAL SECURITY OF WORKERS AND SERVICEMEN

In the framework of the research the author considers the peculiarities of the mechanisms of social security of hired workers, to which, among others, the legislator includes servicemen. The author comes to the conclusion that despite the provision of social security of these categories within the framework of different forms of social security, the state uses similar tools in cases of loss of their life and health in the performance of their labor and service duties.
Keywords: social security, employee, serviceman, compulsory social insurance, state compulsory insurance.

Социальное обеспечение является ключевым механизмом социальной поддержки населения. В Конвенции МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения», выделены два вида материальной поддержки населения, которые финансируются за счет налогообложения или страховых взносов по обязательному социальному страхованию. Еще великий советский ученый В. С. Андреев установил существование форм социального обеспечения как способов предоставления населению социального обеспечения [1], которые в том числе отличаются источником финансирования.

Ввиду важности поддержки социальной и экономической стабильности в стране особый интерес представляют механизмы социального обеспечения граждан, входящих в группу с подавляющим количеством граждан – наемных работников. По данным Федеральной службы государственной статистики[1], в состав рабочей силы входят наемные работники в различных отраслях, а также лица, занятые в области государственного управления и военной безопасности. На 2023 общая численность занятого населения составила около 72,9 млн. человек.

Согласно Приказу Росстата от 29.12.2023 № 707 «Об утверждении основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы» к наемным работникам относятся лица, нанятые за оплату на формальной или неформальной основе, а также военнослужащие и лица, проходящие альтернативную гражданскую службу.

Приоритет социального обеспечения данных категорий граждан также основывается на фактической важности реализации своего трудового потенциала. В. Д. Роик рассматривает социальное страхование как важнейший элемент в системе социальной защиты наемных работников ввиду возможности выбытия по объективным причинам из процесса общественного производства [5]. Военнослужащие также являются субъектами социального обеспечения, при этом особым источником финансирования выступает федеральный бюджет [8]. Р. Г. Смелик отмечал, что предмет воинского труда имеет двойственный характер, проявляющийся в мирное и военное время [7], что делает в особенности актуальным социальное обеспечение в виде государственного страхования ввиду возможности наступления рисков, связанных с особенностями военной службы.

Интересно, что не только принадлежность к наемным работникам объединяет военнослужащих и работников, но и схожие инструменты, применяемые законодателем для социального обеспечения данных категорий при наступлении рисков, которым они подвержены при реализации трудового потенциала. Для оценки данного утверждения рассмотрим общие черты механизмов социального обеспечения в рамках различных форм социального обеспечения, представленных в виде обязательного государственного страхования военнослужащих и обязательного социального страхования работников, применяемых в отношении рассматриваемых наемных работников.

А) Страховой характер механизма социального обеспечения

Федеральным законом от 28.03.1998 № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих») установлено право военнослужащих на обязательное государственное страхование. Ввиду этого не совсем справедливо высказывание некоторых авторов, что социальному обеспечению военнослужащих присуща такая черта как нестраховой характер [8, с. 282.], так как именно страховой механизм используется государством в отдельных социально-обеспечительных правоотношениях, где субъектом выступают военнослужащие, что будет подробно рассмотрено далее.

Социальная защита пострадавших на производстве является одним из приоритетных направлений в обязательном социальном страховании [4], поэтому обязательному социальному страхованию полежит такой риск как несчастный случай на производстве и профессиональное заболевание в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (далее – ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве»).

Стоит отдельно отметить, что оба закона были утверждены в один 1998 год, что позволяет отследить общий вектор намерений законодателя при выборе данного механизма, при этом исторический аспект, предпосылки и основы данного явления достойны отдельного исследования. Таким образом, социально-обеспечительные выплаты, гарантируемые государством в рамках охраны жизни и здоровья военнослужащих и наемных работников, имеют страховую природу.

1 Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2024 Стат. сб. / Росстат. М., 2024. 152 с.

Б) Особенность объекта страхования

М. В. Филиппова определяет этот вид страхования как особый вид среди специальных видов обязательного социального страхования работников, от особо выделенной группы рисков утраты трудоспособности — профессиональных заболеваний и несчастных случаев [3]. В это же время государственное страхование жизни и здоровья военнослужащих связано с повышенным риском несчастного случая при исполнении своих служебных обязанностей [2]. Таким образом обе категории наемных работников подвержены профессиональному риску в той или иной степени. В обоих случаях, объектом страхования в обоих случаях являются имущественные интересы, связанные со смертью (гибелью) или причинением вреда здоровью работников при осуществлении трудовых обязанностей, военнослужащих - при осуществлении служебных обязанностей.

В) Основания признания события страховым случаем для установления права на выплату

Для наемных работников согласно статье 3 ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве» страховым случаем выступает факт повреждения здоровья или смерти работника вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, что повлекло временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности.

В то же время согласно статьи 4 ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих» страховыми случаями для военнослужащих являются: получение в период прохождения военной службы, службы, увечья (ранения, травмы, контузии); гибель (смерть) военнослужащего (установление ему инвалидности) в период или в течение одного года после увольнения с военной службы, в связи с чем военнослужащий (члены его семьи) утрачивают право на получение страховых выплат в случае выявления и развития болезни через год.

Данный подход не представляется справедливым, с учетом схожести оснований признания события страховым случаем и обстоятельств, в которых данный случай наступает. При этом при расследовании согласно Постановлению Правительства РФ от 5 июля 2022 г. № 1206 «О порядке расследования и учета случаев профессиональных заболеваний работников» для наемных работников признание события смерти, травмы на производстве страховым случаем не зависит от истечения определенных сроков. Законодателем не учитывается возможность развития заболеваний, которые могут привести к установлению инвалидности или смерти военнослужащего в сроки, превышающие один год, что не сопоставимо с уровнем социального риска, которому подвержена данная категория граждан. При этом в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 04.07.2013 № 565 «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе» военно-врачебная экспертиза может установить причинно-следственную связь между заболеванием (смертью) и военной службой, но правовых последствий в виде установления права на социально - обеспечительные выплаты данный факт не повлечет.

Г) Круг лиц, имеющих право на социальное обеспечение

Важно отметить, что члены семей в случае смерти (гибели) как работника, так и военнослужащего также имеют право на социальное обеспечение. Так, в соответствии со статьями 2, 5 ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих» выгодоприобретателями по обязательному государственному страхованию в случае гибели (смерти) военнослужащего выступают супруга, родители (усыновители), несовершеннолетние дети военнослужащего, которые имеют право на единовременную денежную выплату, распределяемую между ними в равных долях. В случаях, определенных статьей 7 ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве», супруга, родители, несовершеннолетние дети, нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении, также имеют право на единовременную выплату и ежемесячные страховые выплаты.

Таким образом, установленное государством право на социальное обеспечение наемного работника и военнослужащего опосредует возникновение права на социальное обеспечение иных лиц, а именно членов семьи.

Д) Основания для возникновения страховых социально-обеспечительных отношений

В рамках данного критерия важно отметить схожесть природы страховых отношений, которые предшествуют установлению права на социальное обеспечение наемных работников и военнослужащих в рассматриваемой сфере. Во-первых, это установление факта вступления в отношения по страхованию – заключение трудового договора, гражданско-правового договора наемным работником или контракта военнослужащим. Во-вторых, установление отношений между страховщиком и страхователем. В данном случае юридическим фактом является наличие договора между страхователем и страховщиком, в случае если страхователем выступает Министерство обороны РФ, а страховщиком – страховая организация, заключившая государственный контракт с Министерством обороны РФ, или факт внесения работодателем (заказчиком) взносов в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации.

Страхование в рамках социального обеспечения рассматривается учеными прежде всего, как обязательная система, которая направлена на защиту не столько личных, сколько общественных интересов [6], а общественные интересы учитываются в том числе кругом субъектов, избранных государством для такого рода страхования. Круг лиц, источники финансирования, порядок предоставления выплат, уровень, а также инструменты в рамках социального обеспечения определяются именно государством, как в случае с военнослужащими и работниками. При этом используемые механизмы (инструментарий) социального обеспечения, имеют одну цель – предоставить материальную поддержку отдельным категориям населения. Данные факты обосновывают общие характеристики инструментов, применяемых государством для социального обеспечения отдельных категорий граждан, в том числе в рамках различных организационно-правовых форм.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев В. С.Право социального обеспечения в СССР: [Учебник для вузов по спец. «Правоведение»] / 2-е изд. с изм. и доп. - Москва: Юрид. лит., 1980. - 311 с.
2. Архипов А. П. Социальное страхование: учебник и практикум для среднего профессионального образования / 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 329 с. - (Профессиональное образование). - ISBN 978-5-534-16336-0. - Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://urait.ru/bcode/561960 (дата обращения: 06.05.2025).
3. Право социального обеспечения: учебник для вузов / Под редакцией М. В. Филипповой / 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 435 с. - (Высшее образование). - ISBN 978-5-534-21459-8. - Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. - С. 154 - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://urait.ru/bcode/572245/p.154 (дата обращения: 06.05.2025).
4. Право социального обеспечения: учебник для вузов / Под редакцией Е. Е. Мачульской. 5-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2024. - 449 с.
5. Роик В. Д. Социальное страхование: учебник и практикум для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2024. - 418 с. - (Высшее образование). - ISBN 978-5-534-08672-0. - Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 121. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://urait.ru/bcode/536154/p.121 (дата обращения: 29.11.2024).
6. Савченко Е. А. Роль государства в организации и регулировании системы обязательного социального страхования // Социальное и пенсионное право. - 2024. - № 4. - С. 14-21.
7. Смелик Р. Г. Воинский труд: теоретико-методологические основы // Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. - 2013. - Выпуск 4 (32). - С. 184-188.
8. Тучкова Э. Г. Проблемы Общей части права социального обеспечения: монография / Под ред. Э. Г. Тучковой; М-во образования и науки Российской Федерации, Московский государственный юридический ун-т имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - Москва: Проспект, 2017. - С. 282.

СОКОЛОВА Дарья Николаевна
преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

Соколова Д. Н.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УДОСТОВЕРЕНИЯ ЗАВЕЩАНИЙ ОСУЖДЕННЫХ НАЧАЛЬНИКОМ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В данной статье обсуждается тема удостоверения завещаний в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Процедура удостоверения завещаний, являясь важным элементом реализации права на распоряжение имуществом, сталкивается с рядом практических сложностей. Проведенный анализ нормативной правовой базы позволяет утверждать о наличии недостатков в законодательном регулировании нотариальных вопросов в исправительных учреждениях. Отсутствие четких инструкций и унифицированных требований к организации работы при удостоверении завещаний в местах лишения свободы, создают препятствия для своевременного и надлежащего оформления волеизъявления осужденных. В связи с этим, назрела необходимость внесения изменений в действующее законодательство, направленных на устранение выявленных пробелов и создание эффективного механизма реализации права осужденных на удостоверение завещаний.

Ключевые слова: лица, отбывающие наказание, завещание, исправительные учреждения, нотариус, начальник мест лишения свободы.

SOKOLOVA Darya Nikolaevna
lecturer of Criminal law disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

PROBLEMATIC ISSUES OF VERIFYING THE WILLS OF CONVICTS BY THE HEAD OF PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

This article discusses the topic of the certification of wills in institutions of the penal system. The procedure for verifying wills, being an important element of exercising the right to dispose of property, faces a number of practical difficulties. The analysis of the regulatory legal framework allows us to assert that there are shortcomings in the legislative regulation of notarial issues in correctional institutions. The lack of clear instructions and unified requirements for the organization of work when certifying wills in places of detention create obstacles to the timely and proper registration of the will of the convicted. In this regard, there is a need to amend the current legislation aimed at eliminating the identified gaps and creating an effective mechanism for exercising the right of convicts to verify wills.

Keywords: persons serving sentences, testament, correctional institutions, notary, head of places of detention.

Конституция Российской Федерации устанавливает, что права и свободы человека имеют естественный характер, они возникают просто в результате факта рождения человека. Эти права имеют статус основных и обладают равноценностью. Невозможность отчуждения прав и свобод человека подразумевает, что никакие из прав, провозглашенных в Конституции РФ, не могут быть отменены или ограничены кем-либо без четкого указания оснований для такого ограничения.

В процессе отбывания наказания в учреждениях исправительного характера, осужденные сталкиваются с множеством проблем, касающихся реализации своих гражданских прав. Ключевым моментом является отсутствие должной правовой защиты их интересов, что может ограничивать их способность участвовать в гражданских правоотношениях.

Например, процесс удостоверения завещаний в исправительных колониях может быть осложнен отсутствием четких процедур и норм, которые бы регулировали этот процесс. Это создает определенные риски для осужденных и может повлечь за собой споры, которые трудно разрешить в условиях изоляции.

Кроме того, важно отметить, что осужденные могут не иметь доступа к необходимой правовой информации о своих правах. В результате, многие из них могут не знать о возможности составления завещания или других юридически значимых действий в местах лишения свободы, которые могут повлиять на их имущественные и гражданские права.

Завещание - это тот документ, который обязательно должен быть надлежащим образом оформлен. Как высказывался советский правовед-цивилист И. Б. Новицкий, «не бывает сделок, лишенных всякой формы; форма как средство или способ выражения воли присуща каждой сделке» [1].

Надлежащему оформлению завещания уделяется внимание, в первую очередь, в пункте 1 статьи 1124 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в пункте 2 «Методических рекомендаций по удостоверению завещаний и наследственных договоров» от 2 марта 2021 года (протокол № 03/21, утверждённый решением Правления Федеральной нотариальной палаты). Невыполнение требований, установленных гражданским законодательством Российской Федерации относительно письменного оформления завещания и его удостоверения нотариусом, может привести к его недействительности. Поэтому лица, намеревающиеся совершить такую одностороннюю сделку, должны подойти к этому вопросу крайне внимательно и ответственно.

При удостоверении завещания нотариус обязан следовать основным правилам, установленным главой IX Основ законодательства о нотариате, утверждённых Постановлением Верховного совета от 11 февраля 1993 года № 4462-1 (далее - Основ законодательства), а также Регламенту, который определяет объем информации, необходимой для совершения нотариальных действий и порядок её фиксации. Этот Регламент утверждён решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 28 августа 2017 года № 10/17 и приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 30 августа 2017 года № 156 (далее- Регламент).

Кроме того, согласно статье 34.1 Основ законодательства нотариусы обязаны вести учет удостоверенных завещаний в

реестре нотариальных действий, который функционирует в рамках единой информационной системы (ЕИС). Этот реестр служит для централизованного хранения и учета всех нотариальных действий. Он предназначен для регистрации завещаний (включая их изменение и отмену).

Ведение такого реестра нотариальных действий в ЕИС исключает возможность «задним числом» регистрировать нотариальные действия в бумажном реестре нотариальных действий. Сведения о совершенных нотариальных действиях незамедлительно вносятся нотариусом в реестр [2].

Кроме того, порядок ведения этого реестра регулируется приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 30 сентября 2020 года № 225, что обеспечивает высокую степень достоверности и надежности нотариальных реестров, чего нельзя сказать о нотариальных действиях, осуществляемых в исправительных учреждениях.

Начальник исправительного учреждения относится к категории лиц, выполняющих функции, аналогичные нотариальным. В соответствии с действующим законодательством, ему предоставлено право, удостоверять доверенности и завещания. Основное отличие между нотариальными действиями и действиями, приравненными к ним, состоит в том, что последние осуществляются лицом, обладающим особыми полномочиями, а именно начальником исправительного учреждения.

Действия начальника исправительного учреждения по удостоверению завещаний должны совершаться в соответствии с законодательством РФ.

Важно отметить, что начальник исправительного учреждения имеет право удостоверять только открытые завещания осужденных, удостоверение закрытых завещаний не допускается.

Завещание осужденного составляется им лично. Осужденный передает текст своего завещания начальнику колонии, в котором излагает свои намерения относительно распределения имущества в случае своей смерти.

Начальник мест лишения свободы имеет право удостоверить только завещание, содержащее распоряжение одного осужденного, удостоверение волеизъявлений нескольких осужденных в одном завещании законодательно запрещено.

На момент удостоверения завещания, осужденный должен быть полностью дееспособным, что бы подтвердить дееспособность из личного дела, осужденного начальнику мест лишения свободы предоставляются следующие документы:

– документ, удостоверяющий личность (паспорт);

– свидетельство о регистрации (расторжении) брака.

Не допускается также удостоверение завещания осужденного, находящегося в момент удостоверения завещания начальником исправительного учреждения в состоянии, препятствующем понимать значение осуществляемых нотариальных действий, а также находящимся под воздействием наркотических и психотропных веществ.

Осужденный при составлении завещания свободен в своем волеизъявлении, он может завещать все свое имущество, принадлежащее ему на праве собственности, или только его часть, разным наследникам (жене, детям, братьям и сестрам и т.д.), определить доли в наследственной массе.

В соответствии с принципом свободы завещания начальник мест лишения свободы обязан разъяснить осужденному право отменить или изменить завещание.

Перед подписанием завещание должно быть озвучено осужденному. Установление его законности происходит при участии начальника исправительного учреждения, в пчрисутствии одного свидетеля. Также на момент удостоверения завещания начальником исправительного учреждения могут находиться переводчик, назначенный исполнитель завещания и лицо, помогающее осужденному подписать документ в случае, если он не может сделать это самостоятельно.

Следует отметить, что удостоверение завещаний в местах лишения свободы может вызывать ряд проблемных вопросов. Вот некоторые из них:

1. Правоспособность и дееспособность. Важно учитывать, что осужденные лица могут подвергаться воздействию различных факторов (например, психоэмоционального состояния), которые могут повлиять на их способность адекватно оценивать свои действия и принимать решения.

2. Конфиденциальность и соблюдение нотариальной тайны завещания.

При удостоверении завещания начальником исправительного учреждения особую проблему представляет вопрос сохранения тайны нотариальных действий, так как разглашение такой тайны свидетелем или иными лицами может нанести моральный вред или имущественный ущерб завещателю. Такую тайну завещания бывает порой очень сложно обеспечить в условиях исправительного учреждения.

3. Влияние на волеизъявление. Осужденные могут находиться под давлением со стороны других лиц (осужденных, отбывающих наказание с ними в одном отряде или в одном помещении камерного типа, или родственников, что может повлиять на их истинное волеизъявление при составлении завещания).

4. Сложности с наследством. После смерти осужденного могут возникнуть сложности с признанием завещания действительным, особенно если оно было составлено в условиях ограничения свободы.

5. Необходимость контроля. Удостоверение завещаний в местах лишения свободы требует дополнительного контроля и надзора со стороны правоохранительных органов, что бы гарантировать соблюдение прав осужденных и защиту их интересов.

6. Начальник исправительного учреждения - это не нотариус. Руководители учреждений, исполняющих наказания, не имеют специальных юридических познаний в сфере нотариата, а также достаточного опыта совершения нотариальных действий, что может повлечь в дальнейшем юридические последствия, связанные с удостоверением такого рода завещаний.

Процедура удостоверения завещаний осужденных начальником исправительного учреждения ранее регламентировалась Инструкцией о порядке удостоверения завещаний и доверенностей начальниками мест лишения свободы, утвержденной приказом Минюста СССР от 14 марта 1974 года № К-15/184 (далее - Инструкция № К-15/184).

С введением в действие с 1 января 2008 г. части 4 Гражданского кодекса РФ, данная Инструкция № К-15/184 стала существенно противоречить ему, и на основании приказа Минюста РФ от 30.04.2020 №112 была признана не действующей с 30.04.2020.

В настоящее время не существует действующего правового акта, включая ведомственные, который бы устанавливал порядок удостоверения завещаний в местах лишения свободы. Это создает определенный пробел в правовой системе.

Для устранения правового пробела можно предложить два подхода: во-первых, разработать и утвердить на законодательном уровне нормативный акт (инструкцию), который будет определять порядок удостоверения завещаний в исправительных учреждениях; во-вторых, создать и внедрить нормативный документ, регламентирующий ведение электронного реестра завещаний (а также их отмены), удостоверенных начальником мест лишения свободы, в рамках единой информационной системы.

Пристатейный библиографический список

1. Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. - М., 1954. - С. 248.
2. Настольная книга нотариуса: в 4 томах. Том № 1. Организация нотариального дела / Под ред. И. Г. Медведева. - М., 2015.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-249-252

ШУШКАНОВ Павел Александрович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин, Юридический факультет, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

ГРИБАНОВСКАЯ Мария Сергеевна
аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

СЕМЬЯ КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы возможности применения к семье как категории признаков юридического лица с целью выявления общих с юридическими лицами свойств и возможности понимания семьи как разновидности некоммерческого объединения. Автор проводит параллели между семьей как правовой категорией и некоторыми видами некоммерческих организаций и приходит к выводу о наличии множества схожих черт между семейным союзом, союзом как видом юридического лица и общественными объединениями.

Ключевые слова: семья, брак, юридические лица, частное право.

SHUSHKANOV Pavel Alexandrovich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of State-legal and civil-legal disciplines sub-faculty, Law Faculty, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University

GRIBANOVSKAYA Mariya Sergeevna
postgraduate student Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

FAMILY AS A FORM OF SOCIAL ASSOCIATION

The article discusses the possibility of applying to the family as a category of characteristics of a legal entity in order to identify common properties with legal entities and the possibility of understanding the family as a type of non-profit association. The author draws parallels between the family as a legal category and some types of non-profit organizations and comes to the conclusion that there are many similarities between a family union, a union as a type of legal entity and public associations.

Keywords: family, marriage, legal entities, private law.

Парадокс определения правовой природы категории «семья» состоит в том, что законодательство ни в одной из своих отраслей не содержит не только данной дефиниции, но и признаков семьи как таковой. Более того, следует признать, что отсутствие подобного определения – вовсе не недоработка законодателя. Семья – институт, который невозможно обобщить едиными признаками, поскольку он применяется законодателем не только в семейном праве, но в совершенно разных отраслях российского права: гражданском, жилищном, предпринимательском, корпоративном и др. При этом каждая система нор, где упоминается семья, регулирует такую группу отношений, к которой не применимо единое понимание семьи. Иными словами, нельзя понимать под семьей в жилищном праве то же, что в семейном. И понятие «семейной модели управления» из корпоративного права не применимо к наследственным правоотношениям, равно как и носящая семейный характер организационно-правовая форма корпорации – КФХ (крестьянское фермерское хозяйство) имеет весьма отдаленное отношение к семейно-правовым нормам.

Необходимо отметить, что в ряде зарубежных стран, в особенности в соседних, накоплен уникальный опыт разработки законодательных актов, которые чётко определяют ключевые понятия и категории. Эти законы, по-видимому, представляют собой исчерпывающее юридическое описание семьи как социального института и как определённой группы людей (союза). В качестве наглядного примера можно привести КоБС (Кодекс о браке и семье) Беларуси, а также в некоторой степени КоБС (Кодекс о браке и семье) Казахстана, СК (Семейный кодекс) Кыргызстана, ГК (Гражданский кодекс) Литвы и СК (Семейный кодекс) Молдовы. Здесь мы видим своеобразный дуалистический подход к пониманию семьи, что будет использовано нами в исследовании и о чем будет сказано ниже.

Учеными правоведами признается, что подход к пониманию семьи в российском праве очень неоднозначен и связан с определенными сложностями выработки единой правовой категории. Так, например, Рабец А. М. указывает, что «к сожалению, в науке семейного права до сих пор сохраняется довольно устойчивое мнение о нецелесообразности нормативного определения понятия семьи ввиду невозможности совмещения в одном универсальном определении всех ее признаков, а, следовательно, ввиду его изначальной неполноты. Исходным моментом для такого вывода является то, что дефиниция – это идеал (модель), называющая критерии идентификации, позволяющая оценивать на соответствие с ее содержанием конкретные жизненные ситуации» [8].

Семья – категория аморфная, включающая массу признаков. Ее особенность состоит в том, что определенные признаки группируются для определенных отраслей права и при этом отметаются иные признаки как несущественные. Например, для наследственных правоотношений семья представляет собой систему степеней родства, в которую не входят некоторые кровные родственники (внуки). Тут мы видим сугубо формальный подход – отнесение к семье категорий родственников, напрямую указанных в нормативном акте. При этом совершенно не имеет значения факт совместного проживания и ведение общего хозяйства. Ту же картину мы видим в корпоративном праве, но с некоторыми оговорками – членом семьи в семейной модели управления может быть лицо, названное таковым членами органов управления. Что касается крестьянского фермерского хозяйства (далее – КФХ) – здесь принципиальное значение имеет совместное проживание и ведение совместного хозяйства. Категории родства отходят на второй план. Так, например, внуки могут быть членами семьи в КФХ, в отличие он наследственных правоотношений. Жилищное право в приоритет ставит совместное проживание. Ведение совместного хозяйства не важно. Что же касается семейного права, то семья здесь наименее определенная категория, в которой не учитываются совместное проживание (например). Кроме того, в семейном праве определение семьи часто подменяется определением брака, что в корне неверно. Брак порождает семью, но не является семьей в чистом

виде, поскольку семья включает и иных субъектов – детей, не имеющих отношения к категории брака. При этом если допустить, что брак – это форма семьи, нам следует вывести за рамки родственный критерий, поскольку супруги не являются родственниками. Иначе нам пришлось бы моделировать сложную многослойную категорию семьи-брака специально для семейно-правовых отношений.

Итак, в семейном праве, как мы установили выше, необходимо разделение двух категорий – семья и брак. Если понятие брака содержится с недавнего времени в нормативных актах и понимается как «союз мужчины и женщины», то этот факт делает невозможным применение данного определения по аналогии к семье как таковой. Так, например, двое совместно проживающих братьев (сестер) или детей с одним из родителей (бабушки или дедушки совместно с внуками) безусловно, признается семьей, никак не связанной с понятием брака. Единственная категория, которая является общей – союз.

Независимо от того, к какой области общественных отношений относится семья как таковая, именно признак союза является для нее ключевым. Как и в случае с браком и порождаемом им семьей в семейно-правовом значении, именно союз как договор, создающий объединение является центральной связывающей силой, порождающей семью как правовой институт. Давайте отметим, что в данном случае мы имеем в виду именно правовой институт, а не социальный и др. Определяя внутреннюю структуру семьи как правового явления мы должны очистить ее от категорий, не являющихся правовыми – таких как любовь, доверие, уважение и др. Применение этих категорий не только не дает полной чистой картины правовой конструкции, но и совершенно не встраивается в рамки права, поскольку никаким нормативным актом закрепить эти понятия невозможно. Освободив институт от подобных категорий, мы увидим его чистую внутреннюю структуру, которая представляет собой основанный на согласии союз, порождающий ряд обязательств для сторон в него входящих. И уже эти обязательства можно разделить условно на правовые и неправовые.

Итак, семья – это союз. Право содержит и другие конструкции, имеющие форму союза и наиболее близко стоящие по своей правовой природе к семье как явлению. Например, очень похожи по своей природе на семью: простое товарищество, союз как форма корпорации, общественное объединение.

Для начала определим те схожие черты и различия, которые есть у данных институтов. И начать в данном случае следует с простого товарищества.

Существует несколько основных моментов, отличающих простое товарищество от института семьи:

1. Возможность придания договору латентного характера. Простое товарищество или договор о совместной деятельности содержит такую возможность в виду того, что ведение общей коммерческой деятельности субъектами может предполагать возникновение коммерческой тайны или ситуации, когда разглашение сведений о ведении коммерческой деятельности субъектом нежелательно. При этом, поскольку простое товарищество не является юридическим лицом, довольно сложно будет охранять коммерческую тайну или ноу-хау, в том числе и при возникновении споров. Латентный характер договора позволяет не афишировать там факт предпринимательства. Данная норма была своеобразным компромиссом при исключении простых товариществ из видов организационно-правовых форм юрлиц (напомним, что еще по гражданскому кодексу 1922 года простые товарищества являлись юридическими лицами).

Что касается семьи, норма и латентности союза была бы тут излишней, поскольку не имела бы смысла ни с правовой, ни с организационной стороны. Утаивание же союза в данном случае напротив порождало бы ряд проблем. Так, например, латентная семья не могла бы организовывать КФХ или заключать договор социального найма жилья. С точки зрения конструкции семья-брак, утаивание семейных отношений – препятствие к заключению брака или основание для признания недействительным другого более позднего брака. И то и другое – серьезное нарушение закона.

Таким образом, вы исключаем возможность использования нормы о латентности союза применительно к институту семьи.

2. Отсутствие необходимости регистрации. Простое товарищество не подлежит регистрации, хотя порождает собой союз (объединение). В тоже время в конструкции семья-брак регистрация является обязательной. При этом не исключаются случаи, когда возможно признание семейных отношений при фактическом (не зарегистрированном) браке.

Что же касается понимания семьи внебрачных отношений, то своеобразная форма регистрации здесь все же присутствует. К таковой можно отнести систему записей актов гражданского состояния, по которой возможно отследить родственные связи. Для таких отношений как получение гражданства или наследование данная процедура иногда необходима.

Особой формой регистрации семьи можно условно признать регистрацию КФХ. Сама по себе она порождает союз, созданный для ведения совместного хозяйства, что можно считать формой семьи. Тем не менее, закон допускает, и возможность не регистрировать КФХ.

3. Ведение совместной хозяйственной деятельности. Это основная цель создания простого товарищества. В тоже время ведение совместной деятельности хоть и встречается довольно часто, однако не является необходимым условием для создания семьи. При заключении договора о совместной деятельности предполагается в первую очередь ведение коммерческой деятельности, в то время как деятельность членов семьи, как правило, носит не коммерческий, а бытовой характер или же может не носить никакого. Так, к примеру, совместно проживающие члены семьи (братья или родитель-ребенок) могут иметь раздельный бюджет, делить расходы и нанимать работников для обслуживания (уборки) жилья, но не заниматься всем этим лично. При этом они не перестают быть семьей в понимании семьи как союза. В данном случае мы видим договор, который предусматривает совместное проживание и распределение расходов по содержанию жилья. Наличие такого договора сближает конструкцию семьи с формой простого товарищества, но не в части ведения предпринимательской деятельности. Последние – скорее различие в правовых структурах.

4. Обязательства членов. Здесь между простым товариществом и институтом семьи куда больше сходства, чем может показаться. Член простого товарищества может действовать от имени остальных товарищей в интересах товарищества. То же мы можем наблюдать и в конструкции брак-семья. Действие одного из супругов в интересах семьи презюмирует согласие второго. Эта же конструкция отношений прослеживается и в КФХ. Что касается других форм семьи, не связанных с браком и ведением фермерского хозяйства, такие отношения практически не встречаются и имеют гораздо больше оснований для оспаривания.

У семьи, как и у простого товарищества, нет собственной правосубъектности, хотя это утверждение и спорно. Это сближает два правовых и института. Однако, что существенно отличает простое товарищество от семьи – характер и структура правоотношений. У членов простого товарищества не возникает обязательств по отношению друг к другу, что является совершенно уникальным явлением в гражданском праве. У них есть права и обязанности только по отношению к самому товариществу. В тоже время члены семьи имеют обязательства в отношении друг друга, но не по отношению к самой семье. Тут диаметрально противоположный подход законодателя к этим правовым институтам.

5. Прекращение договора. Институт простого товарищества предполагает возможность прекращения договора по ряду оснований. В тоже время для института семьи подобная возможность не всегда применима. Если говорить о конструкции брак-семья, то, безусловно, прекращение такого союза возможно, ввиду отсутствия родственных отношений между супругами. Также допустимо прекращение отношений и, как следствие, прекращение семьи при лишении родительских прав, отказе от ребенка, смерти и др. Однако наличие родственных связей (если понимать их как необходимое условие для существования семьи) не позволяет разорвать их юридически по простому желанию участников. Однако в данном случае мы не будем рассматривать родственные связи как обязательное условие для создания семьи. Кроме того, существуют примеры, когда родственные связи присутствуют только формально, но на деле не порождают никаких обязательств.

Обязательными условиями для создания семьи как института мы будем считать:

– договор (соглашение между членами семьи);

– совместное проживание;

– ведение совместного хозяйства (включая распределение расходов);

– наличие совместного имущества.

Исходя из указанных признаков семьи как правового (исключительно правового) института, проведем сравнение семьи с другим более близким по правовой конструкции институтом – союзом.

Гражданский кодекс содержит две одинаковых организационно-правовых формы, одинаковых по содержанию, но различных по наименованию – ассоциация и союз. Различия между ними состоят лишь в том, что ассоциация объединяет членов, занимающихся разнородной деятельностью, в то время как союз – однородной. И в данном случае, более применим к семье, был бы термин ассоциация, но мы не будем рассматривать термин союз в узком смысле как именно форму юридического лица, ограничившись схожими и различными чертами союза и семьи и проследив, возможно ли признать семью разновидностью союза.

В первую очередь союз – юридическое лицо, корпоративное по своей природе. Это означает, что его основным признаком является членство. Здесь нельзя сказать, что в семье иначе, поскольку термин «член семьи» закрепился и в практике, и в законодательстве. Что касается статуса союза, то здесь нужно установить, можно ли по тем или иным признакам установить сходство семьи с юридическим лицом. В некоторых случаях одна из форм семьи является юрлицом – речь идет, о КФХ и здесь мы можем наблюдать фактическое слияние семьи и корпоративной организации как институтов – одно невозможно зарегистрировать без другого. Но что касается других форм семьи – вопрос неоднозначный. Как и юрлицо, семья обладает обособленным имуществом (в силу закона, даже если супруги ведут раздельный бюджет или договора, если таковой существует). В семье есть органы управления: обычно или глава семьи (как в КФХ) либо семейный совет. Возможность же нести права и обязанности, а также ответственность упирается в вопрос регистрации. Из форм семьи регистрации подлежит только брак, но он является основанием для возникновения семьи, а не семьей как таковой. Другие же формы семьи регистрации не подлежат. Кроме того, семья не входит в перечень организационно-правовых форм юридических лиц, являющийся закрытым. Тем не менее, некоторые признаки юрлица семья все же имеет. Неоднократно возникал вопрос о возможности совместного банкротства супругов (если речь идет про семью-брак), что придает семье условный статус некой организации, обладающей правосубъектностью. Законодательство о банкротстве предоставляет физическим лицам возможность инициировать процедуру признания их несостоятельности. Однако, несмотря на наличие данной нормы, термин «семейное банкротство» в действующем законодательстве не закреплен. В случае наличия у супругов совместных долговых обязательств, суд может принять решение об объединении их дел о банкротстве в единое производство, что способствует оптимизации процедуры реализации имущества и удовлетворения требований кредиторов.

В конце 2018 года Верховный Суд Российской Федерации разработал унифицированный подход к данной проблеме, что нашло свое отражение в постановлении № 48 от 25 декабря 2018 года[1]. В данном документе был проведен детальный анализ судебной практики, что позволило предложить эффективные механизмы оптимизации процедуры банкротства супругов. Объединение дел о банкротстве супругов способствует упрощению процесса реализации имущества и удовлетворения требований кредиторов, а также позволяет назначить единого финансового управляющего, действующего в рамках единого дела.

Кредиторы наделены правом выбора нового арбитражного управляющего или саморегулируемой организации на общем собрании. При объединении дел о банкротстве супругов ведется ведение трех реестров кредиторов: по совместным обязательствам и по личным обязательствам каждого из супругов. Данное решение позволяет учитывать размер как общих, так и личных долгов, оставшихся непогашенными.

Верховный Суд Российской Федерации фактически санкционировал возможность совместного банкротства супругов, несмотря на отсутствие специальной нормы, регулирующей данный аспект в законодательстве. Для инициирования процедуры необходимо соблюдение двух ключевых условий: наличие официального брака между супругами и введение процедуры банкротства в отношении обоих супругов. Важно отметить, что банкротство супругов допускается исключительно при условии объединения их дел, а не при одновременной подаче соответствующих заявлений.

Кроме того, упоминание в законах «интересов семьи», предполагает наличие не интересов отдельных ее членов, а именно семьи как субъекта.

Надо отметить, что особую сложность представляет как раз вопрос о правосубъектности семьи. Этот вопрос всегда был дискуссионным в научной среде. Так С. В. Дармодехин [4] предлагал рассматривать семью как субъект права. В тоже время эта идея была встречена с критикой со стороны А. М. Нечаевой [7]. Такой же позиции придерживается и М. В. Антокольская. «Само понятие семьи, – указывает она, – всегда было настолько неопределенным, что его невозможно даже закрепить в законодательстве» [1]. Есть также довольно своеобразное, даже несколько нигилистическое мнение о том, что правовое понятие семьи не нужно вовсе. А. П. Сергеев [3, с. 280], продолжая свою мысль о нецелесообразности юридического закрепления понятия семьи, утверждает, что подобное закрепление может принести больше вреда, нежели пользы. Свою позицию учёный аргументирует следующими доводами: во-первых, любое юридическое определение не может в полной мере отразить столь многогранное и сложное социальное явление, как семья; во-вторых, в подобном определении нет необходимости, поскольку «семья не рассматривается в законодательстве как самостоятельный субъект права».

Довольно умеренную (компромиссную) позицию занимает Я. З. Баитаева, указывающая, что правовое понимание семьи достаточно только для определенных отраслей права в частности жилищного, а для других не имеет смысла [2, с. 4].

Существует и близкое нам понимание семьи как формы общественного объединения [9]. Однако здесь следует указать, что правосубъектность семьи может вытекать исключительно из статуса, установленного законом. В настоящее время ни один из действующих российских актов напрямую не указывает семью в качестве субъекта права (оставляя, тем не менее, намеки на это). Следовательно, несмотря на теоретические подходы к этому вопросу, однозначным ответ может быть только по воле законодателя. Говоря о так называемых «намеках» в законодательстве, нельзя не упомянуть тот же Жилищный кодекс РФ, устанавливающий категорию «член семьи», что предполагает принадлежность к некому правовому союзу. Однако, по мнению Т. П. Строгоновой [10] концепт «семья» представляет собой скорее социологическое, нежели юридическое понятие. Попытки определить юридическое понятие «член семьи» через социологическое понятие «семья» сталкиваются с трудностями. Родовое понятие «семья», включающее в себя групповое понятие «член семьи», является общесоциальным и не может быть интегрировано в правовую систему. Целое (в данном случае родовое понятие) должно обладать всеми признаками своих частей (в данном случае — свойствами группового понятия «член семьи»). Таким образом, понятие «член семьи», выведенное из понятия «семья», не имеющего нормативного определения, не будет обладать юридическим содержанием в соответствии с законами логики.

В тоже время О. А. Кузнецова [6, с. 57] и О. Ю. Ильина [5] придерживаются довольно крайней, но там не менее любопытной точки зрения о том, что семья – не более чем правовая фикция, имеющая подобие статуса в одних случаях и не имеющая такового в других.

Вернемся к соотношению семьи как категории и союза как формы юридического лица.

Существенная разница между союзом и семьей кроется в цели создания. Главная цель союза – представление и защита общих интересов, в то время как семьи, совместное проживание и ведение общего хозяйства. Представление и

1 Постановление Пленума Верховного суда Российской федерации от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан». – Российская газета. – 2019. – № 1.

защита общих интересов тут вторичны, хотя и присутствуют. Однако на этапе создания семьи никто не ставит подобных целей, постольку такие цели презюмируют обособление и противодействие иным союзам. Семья не ставит задачей борьбу с внешней угрозой интересам субъектов, хоть в какой-то степени и служит этой цели тоже. Кроме того, создание союза ориентировано в первую очередь на координацию совместной предпринимательской деятельности. В семье такой подход прослеживается только в КФХ.

По формальным признакам в союзе нет требований к тому, чтобы его членами были только физические лица, в то время как семья может строиться только из физлиц.

Также обратим внимание на строгую привязку деятельности союза к целям его создания. Семья не имеет строго формализованных целей создания, устава, жестко регламентированной правосубъектности. Возникающие права и обязанности внутри семьи или за ее пределами, если они касаются иных лиц, никак не связаны с условными целями, даже если брать за цели совместное проживание и ведение общего хозяйства. Так создание конструкции семья-брак может иметь своей целью продолжение рода или преодоление страха перед одиночеством. Разумеется, союзу как правовой конструкции такие цели создания неизвестны.

Кроме того, семье неизвестна обязательность членских взносов, хотя формирование семейного бюджета может носить совершенно различный характер. Что же касается общего семейного бюджета, то понимание его как явления естественного и древнего в корне ошибочно. Дореволюционное семейное устройство хозяйства строилось преимущественно на раздельном бюджете, в котором каждый из членов семьи имел собственное имущество и был вправе распорядиться им. общий семейный бюджет – явление уже советского периода и не является фактором обязательным в семье. Имущественные соглашения могут устанавливаться членами семьи как в устной, так и в письменной форме и устанавливать режим удобный и оптимальный для той или иной семьи. Что же касается союза – наличие общего капитала здесь обязательно, равно как и его совместное формирование.

Ну и, конечно, ни о каком преобразовании семьи, как это допускается у союзов, речи идти не может. Хотя в сугубо теоретическом смысле такое преобразование предположить можно. Например, конструкция семья-брак преобразуется в конструкцию родитель-ребенок в случае развода, а семья как социальный институт может превратиться в юридическое лицо – КФХ или группу аффилированных лиц (при семейной модели корпоративного управления).

То, что роднит союз с семьей как правовой конструкцией – добровольность создания, отсутствие обязательств в отношении своих членов и характер объединения для достижения общих целей (не всегда коммерческих). В остальных аспектах семья как правовой институт гораздо ближе к простому товариществу, чем к союзу и имеет с ним больше общих черт.

Гораздо ближе к правовой природе семьи стоит общественное объединение. ГК РФ указывает на две возможные формы общественных объединений: общественные организации и общественные движения. Последнюю форму мы рассматривать не будем, поскольку она (и это исключение из общих правил формирования корпораций) не имеет членства. Что же касается общественных организаций, то здесь интересным для нас является еже само определение: «Общественными организациями признаются добровольные объединения граждан, объединившихся в установленном законом порядке на основе общности их интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей, для представления и защиты общих интересов и достижения иных не противоречащих закону целей». Здесь обращает на себя внимание цель создания подобного объединения. Она может носить нематериальный, духовный характер, что роднит ее с целями формирования семьи как союза. Тут мы не говорим исключительно о семье-браке.

Опуская формальные требования (такие как наличие устава, регистрация и количество участников не менее трех) и выводя в фокус рассмотрения общественную организацию именно как чистую правовую модель, мы видим довольно близкое сходство с такой же абстрактной моделью семьи как правовой категории.

Обращает на себя внимание ч.2 п.2 ст. 123.7 ГК РФ по решению общего собрания членов общественной организации полномочия ее органа могут быть досрочно прекращены в случаях грубого нарушения этим органом своих обязанностей, обнаружившейся неспособности к надлежащему ведению дел или при наличии иных серьезных оснований. Конструкция этой нормы очень близка к основаниям разрушения модели семья-брак, или модели семья-КФХ и, тем более семьи в понимании жилищных правоотношений. Условно, расширительное толкование данной нормы применимо и к пониманию семьи в семейно-правовом и наследственно-правовом значении.

Также не вызывает вопросов и модель управления, применимая как к общественной организации, как и к семье как правовой категории: единоличный исполнительный орган и коллегиальный исполнительный орган. Для организации это - президент и президиум, для семьи – глава семьи и семейный совет.

Рассматривая семью как форму общественного объединения, подойдем к ней с точки зрения общей классификации и функций.

Семья как общественное объединение может быть рассмотрена с двух точек зрения:

1. Как малая социальная группа. Это объединение людей, основанное на браке, кровном родстве или усыновлении (удочерении). Члены семьи связаны общностью быта, взаимопомощью и взаимной ответственностью. Так в нашей авторской классификации к подобным малым группам мы можем отнести, например, семью-брак, семью родитель-ребенок, совместно проживающую малую семью, КФХ.

2. Как социальный институт. Это исторически сложившаяся форма организации социальной деятельности людей, совокупность социальных норм, санкций и образцов поведения, регулирующих отношения между супругами, родителями, детьми и другими родственниками. Здесь семья может быть заявлена как объединение в наследственных правоотношениях.

По нашему мнению, к последней категории нельзя применять понятие семья. Семья в нашем понимании – это именно союз, объединение на основе устного (как правило) или письменного (брачный договор) соглашения. Широкое понимание семьи как лиц, объединенных совокупность социальных норм, родства и др. не применимо к праву. Здесь скорее нужно использовать категорию родственная группа, но не семья в правовом понимании.

Пристатейный библиографический список

1. Антокольская М. В. Семейное право. – Москва: Юристъ, 1996. – 365 с.
2. Баитаева Я. З. Семья и ее члены как субъекты жилищных правоотношений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2004.
3. Гражданское право: учебник: в 3 томах. Том 3 / Под редакцией А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. - М.: Проспект, 1999.
4. Дармодехин С. В. Государственная семейная политика: принципы формирования и реализации // Семья в России. – 2000. – № 3-4.
5. Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. – Москва: Издательский дом «Городец», 2007. – 192 с.
6. Кузнецова О. А. Презумпции в гражданском праве / Ассоц. юрид. центр. - 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2004. – 347 с.
7. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. – Москва: Юрайт: [Ин-т государства и права Российской акад. наук], 2007. – 279 с.
8. Рабец А. М. Место семьи в правовом пространстве: юридическая характеристика семьи в Российской Федерации и в отдельных зарубежных государствах (нормотворческий опыт и проблемы) // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 11 (192). – С. 100-111. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.192.11.100-111.
9. Соловьев В. В. Правовое положение семьи военнослужащего в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2007. – 218 с.
10. Строгонова Т. П. Юридическое понятие «члены семьи собственника жилого помещения» // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – № 16 (3). – С. 291-296.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-253-254

Ястремский И. А.

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич
адвокат, ННО Ленинградской областной коллегии адвокатов, филиал Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

НАРУШЕНИЕ ПРАВ ПАЦИЕНТА КЛИНИКИ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ

В статье раскрыты понятие, содержание гражданско-правовой ответственности клиники перед пациентом по договору об оказании медицинских услуг. Установлено, что привлечение к ответственности обусловлено несоблюдением методов диагностики и лечения, требований стандартов и порядков оказания медицинской помощи, клинических рекомендаций. Выявлено, в чем выражаются убытки, причиненные пациенту некачественно оказанными клиникой медицинскими услугами. Отмечено, что медицинская деятельность носит рисковый характер, поэтому пациент должен осознавать риски, которые влечет пластическая операция, а недостижение ожидаемого клиентом результата операции не всегда означает, что ответчик оказал услугу надлежащего качества. Сделан вывод, что причинение вреда здоровью пациента клиникой пластической хирургии вследствие некачественно оказанных медицинских услуг является основанием возмещения в полном объеме убытков, понесенных пациентом, при доказанности противоправности действия (бездействия) клиники (ее персонала), вреда (ущерба) пациенту, причинно-следственной связи между ними.

Ключевые слова: пациент, клиника пластической хирургии, медицинская организация, ответственность, вред, медицинская помощь, пластическая операция, вина, здоровье.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich
lawyer, NGO of the Leningrad Regional Bar Association, Pelevin and Partners Law Firm branch

VIOLATION OF THE RIGHTS OF A PLASTIC SURGERY CLINIC PATIENT IN THE FIELD OF PUBLIC HEALTH PROTECTION AS A BASIS FOR DAMAGES

The article reveals the concept and content of the clinic's civil liability to the patient under the contract for the provision of medical services. It has been established that the prosecution is due to non-compliance with diagnostic and treatment methods, the requirements of standards and procedures for providing medical care, and clinical recommendations. It was revealed what the losses caused to the patient by poorly provided medical services by the clinic are expressed in. It is noted that medical activity is risky. Therefore, the patient must be aware of the risks that plastic surgery entails, and failure to achieve the result of the operation expected by the client does not always mean that the defendant provided a service of appropriate quality. It is concluded that the harm caused to the patient's health by the plastic surgery clinic due to poorly rendered medical services is the basis for compensation in full for the losses incurred by the patient, provided that the illegality of the action (inaction) of the clinic (its staff), harm (damage) to the patient, and the causal relationship between them are proven.

Keywords: patient, clinic, medical organization, responsibility, harm, medical care, plastic surgery, guilt, health.

В настоящее возросло количество случаев проведения пластических операций ненадлежащего качества, которые часто приводят к травмам, уродствам, которые влекут нетрудоспособность и нарушают способность органов выполнять свои функции. Операции пластической хирургии могут вызвать множество юридических проблем в процессе определения ответственности за вред, причиненный в результате проведения данного вида операции.

Клиника привлекается к ответственности при соблюдении следующих условий:

– Противоправность действия (бездействия) клиники (ее персонала).

– Вред (ущерб) пациенту.

– Причинно-следственная связь между деянием клиники и причиненным вредом.

Противоправность будет проявляться в действиях работника клиники, не соответствующих правовым нормам и в самом медицинском недостатке, выражающемся в нарушении установленных стандартов [5 с. 76]. Например, это может быть нарушение порядка оказания медицинской помощи и неправильное проведение медицинской манипуляции.

Под вредом следует понимать неблагоприятные имущественные или неимущественные последствия медицинского вмешательства, наступившие в результате появления у пациента новых или усугубления имеющихся заболеваний, физических и нравственных страданий [2, с. 68].

По общему правилу, для привлечения клиники к ответственности должна быть установлена ее вина (п. 1 ст. 401 ГК РФ). Однако, на основании ст. 1064 ГК РФ, законодательство исходит из принципа презумпции виновности причинителя вреда, что существенно усиливает ответственность клиники. Данная ответственность по правовому характеру близка к безвиновной.

Клиника может быть освобождена ответственности, если докажет, что сделала все возможное, что требовалось для надлежащего оказания медицинской помощи и непричастна к факту причинения вреда. Требуется документальное подтверждение того, что меры безопасности при оказании услуг были соблюдены, а врачи и персонал клиники имели необходимую квалификацию, медицинской организацией соблюдены требования к медицинской помощи.

Хирурги должны обладать обширными знаниями анатомии человека и использовать различные хирургические техники для достижения целей своих пациентов. Также хирургам надлежит использовать новейшие хирургические технологии и методы для обеспечения безопасных, эффективных и естественно выглядящих результатов. Хирурги клиники должны соответствовать стандартам компетентности и

обязаны проявлять осторожность при выполнении хирургической процедуры. Следовательно, хирург должен обладать необходимым уровнем квалификации и опыта для успешного проведения операции.

При этом необходимо учесть, что предусмотреть для всех пациентов конкретный, строго ограниченный объем действий при проведении операции не представляется возможным. В различных ситуациях способы и методы лечения могут значительно расходиться друг с другом.

Вред, причиненный пациенту клиникой, подлежит возмещению ею в полном объеме. При повреждении здоровья возмещению подлежат убытки, понесенные пациентом:

– реальный ущерб – стоимость оплаченных услуг по договору, стоимость услуг другой клиники для устранения недостатков первоначальных услуг, повреждение имущества, например, трансплантата;

– утраченный пострадавшим заработок (доход);

– дополнительно понесенные расходы, в частности, на приобретение лекарств, лечение, повторную операцию.

Обязанность по возмещению убытков направлена на наиболее полноценное восстановление имущественной сферы потерпевшего, которая имела место до причинения ему вреда [8, с. 10].

Обратимся к судебной практике.

В суде рассматривалось дело пациентки к клинике пластической хирургии о взыскании убытков.

Пластическим хирургом клиники при диагностике и проведении ФИО1 операции по эндопротезированию (увеличению) и мастопексии допустил дефекты медицинской помощи, что подтверждается заключением экспертизы. В связи с этим, требования истца о взыскании уплаченной за первоначальную операцию ненадлежащего качества суммы в размере 119 025 руб. суд признал обоснованными.

Взысканию с ООО подлежал также утраченный заработок пациентки за период вынужденной нетрудоспособности.

После операции у ФИО1 выявлено два осложнения здоровья пациента, которые, согласно заключению экспертов, обусловлены допущенными ошибками врача. Поскольку повторная операция явилась следствием первой и она была необходима для устранения негативных последствий и недостатков первой операции, проведенной ответчиком, суд обязал клинику возместить истцу денежные средства, израсходованные на консультации и повторную операцию.

В итоге судом требования истца были удовлетворены[1].

Медицинская деятельность предполагает определенную возможность наступления нежелательных для пациента последствий. Врач не должен считаться ответственным за обязательность результатов, но он должен отвечать за ненадлежащее исполнение обязательств по своей вине.

Принимая во внимание явно выраженное существование риска во всех хирургических процедурах, которые по этой причине могут привести к неожиданным последствиям, хирург отвечает в первую очередь за сам процесс осуществления операции. Он должен использовать все адекватные средства и техники в соответствии с современным состоянием науки, чтобы достичь наилучшего результата для медицинского вмешательства, запрошенного пациентом, не будучи, однако, обязанным гарантировать результат, удовлетворяющий пациента. Медицинский положительный эффект может иметь место, даже если пациент не удовлетворен манипуляциями.

Это, разумеется, не освобождает клинику от соблюдения обязательных порядков и стандартов оказания медицинской помощи. При этом очевидно, что врач не должен по этическим соображениям проводить операцию, когда ясно, что это нанесет вред здоровью пациента.

Пациент должен понимать риски, связанные с медицинскими манипуляциями, а недостижение планируемого пациентом результата услуги не означает априори нарушение клиникой своих обязательств. При этом ожидаемый пациентом эффект заранее предопределить нельзя. Фактический результат медицинского вмешательства не всегда предсказуем, он зависит от конкретной клинической ситуации и особенностей организма пациента[2].

По одному из дел суд, на основании заключения судебно-медицинской экспертизы, счел, что пластическая операция проведена качественно, а повреждение лицевого нерва не является дефектом операции. Основные цели операции достигнуты, в том числе эстетический эффект, вред здоровью истицы не причинен действиями непосредственно медицинских работников клиники, доказательства наличия врачебной ошибки, небрежности или халатности хирурга, иных недостатков услуги истцом не представлены[3].

В тоже время, практике известны и случаи удовлетворения требований пациентов к клиникам пластической хирургии. В этих делах было доказано, что медицинские вмешательства не принесли ожидаемого эффекта (к диагнозу «деформация наружного носа» лишь добавился диагноз «после операционная деформация наружного носа» и усугубились проблемы с носовым дыханием). Опираясь на заключение экспертизы, которая обнаружила множество недостатков в оказанной спорной медпомощи, суд пришел к выводу, что клиника должна вернуть пациентке стоимость обеих спорных операций, а также возместить моральный вред (50 тыс. руб.)[4].

Таким образом, причинение вреда здоровью пациента клиникой пластической хирургии вследствие некачественно оказанных медицинских услуг является основанием возмещения в полном объеме убытков, понесенных пациентом, при доказанности противоправности действия (бездействия) клиники (ее персонала), вреда (ущерба) пациенту, причинно-следственной связи между ними.

Пристатейный библиографический список

1. Батюкова В. Е. Об ответственности врачей за допущенные ошибки // Государственная служба и право. – 2019. – № 1.
2. Берилло М. С. Условия ответственности медицинских организаций за причинение вреда здоровью пациента медицинским вмешательством в судебной практике // Юридическая наука и практика. – 2016. – Т. 12, № 1.
3. Лантух Д. В., Невзгодин Е. Л. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью граждан вследствие оказания медицинских услуг // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2019. – № 4, Т. 16.
4. Мохов А. А., Мохова И. Н. Функции обязательства вследствие причинения вреда здоровью или жизни пациента // Мед. право. – 2006. – № 3.
5. Слепенок Ю. Н., Станкевич Г. В., Степанова Л. П. Особенности ответственности медицинской организации за причинение вреда здоровью пациента // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2021. – Том 38, № 2.
6. Старчиков М. Ю. Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов при оказании медицинских услуг. Теоретические положения и судебная практика. – М., 2016.
7. Филимонов А. А. Особенности ответственности медицинских организаций при причинении вреда жизни и здоровью: гражданско-правовой аспект // Юрист. – 2022. – № 7 // СПС «Консультант Плюс».
8. Шевчук Е. П. Проблемы определения размера возмещения вреда, причиненного здоровью при оказании медицинских услуг // ГлаголЪ правосудия. – 2015. – № (10).

1 Решение Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан № 2-5801/2019 2-8/2020 2-8/2020(2-5801/2019;)~М-4725/2019 М-4725/2019 от 7 февраля 2020 г. по делу № 2-5801/2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru.

2 Решение Советского районного суда г. Челябинска от 13.02.2015 по делу № 2–84/2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru; Решение Советского районного суда г. Челябинска от 19.05.2015 по делу № 2–64/2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru.

3 Определение Третьего КСОЮ от 24 августа 2020 г. по делу № 8Г-7894/2020 [88-11192/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru.

4 Решение Ессентукского городского суда Ставропольского края от 20 апреля 2023 г. по делу № 2-38/2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru.

ГРИГОРЬЕВ Вячеслав Игоревич
аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; юрист коллегии адвокатов Монастырский, Зюба, Степанов & Партнеры

Григорьев В. И.

ПРЕКРАЩЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ БАНКА КАК УСЛОВИЕ САНАЦИИ: ПРАВ ЛИ КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД?

В статье автор рассматривает проблему прекращения обязательств перед управляющими работниками и контролирующими лицами банков в случае проведения мероприятий по санации. Автор дает анализ позиции Конституционного суда РФ, а также с опорой на зарубежный опыт дает комментарии по улучшению действующего правового регулирования и обосновывает необходимость применения принципа «no creditor worse off». Автор приходит к выводу, что риск убытков должен быть прямо связан с очередностью погашения требований при банкротстве, а закон должен учитывать природу требований, которые получают защиту от списания.

Ключевые слова: прекращение обязательства, банкротство, санация, реабилитация.

GRIGORJEV Vyacheslav Igorevich
postgraduate student, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia; Lawyer of the Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Bar Association

BANK'S OBLIGATIONS TERMINATION AS A CONDITION FOR SANITATION: IS THE CONSTITUTIONAL COURT RIGHT?

In the article, the author examines the problem of termination of obligations to managing employees and supervisors of banks in the event of rehabilitation measures. The author analyzes the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as, based on foreign experience, provides comments on improving the current legal regulation and justifies the need to apply the «no creditor worse off» principle. The author concludes that the risk of losses should be directly related to the order of repayment of bankruptcy claims, and the law should take into account the nature of claims that receive protection from write-off.

Keywords: termination of obligations, bankruptcy, sanation, rehabilitation.

1. Вводные замечания

Российское законодательство о банкротстве, закрепляя специальные правила о банкротстве кредитных организаций, указывает на возможность участия Банка России или Агентства по страхованию вкладов (далее — Агенство) в осуществлении мер по предупреждению банкротства банка[1]. В качестве одной из мер по реабилитации финансового положения кризисного банка[2]является оказание ему финансовой помощи в соответствии с утвержденным планом участия Банка России (далее – план, реабилитационный план)[3]. Однако такая финансовая помощь возможна лишь при соблюдении ряда условий, перечисленных в п. 12 ст. 189.49 Закона о Банкротстве, среди которых называется необходимость прекращения ряда обязательств «санируемого» банка – прекращение обязательств банка перед рядом лиц, перечисленных в законе (пп. 4 п. 12 ст. 189.49 Закона о Банкротстве). На это, в частности, обращают внимание И. А. Белоусов[4] и Т. П. Подшивалов[5].

Буквальное толкование указанной нормы поваляет выделить две группы субъектов, к которым применима данная норма: во-первых, это управляющие работники банка, а во-вторых, его контролирующие лица. Из буквального почтения нормы следует, что управляющие работники банка необязательно являются его контролирующими лицами. Кроме того, такая мера касается любых требований, выраженных в денежной форме, включая депозиты. Прямое исключение законодатель делает только для обязательств, возникших из трудового договора (кроме доплат и надбавок стимулирующего характера, премий и иных поощрительных выплат), а также в связи с требованиями о возмещении причиненного вреда жизни или здоровью[6]. Таким образом, действующее правовое регулирование фактически допускает довольно спорную «экспроприацию» активов ряда лиц в угоду декларируемой цели спасения банка.

2. Позиция КС РФ[7]

Указанная норма стала предметом рассмотрения КС РФ[8], который высказал ряд интересных правовых позиций, однако, на взгляд автора данной статьи, не смог полностью разобраться в проблеме, которая существует в действующем российском праве. История вопроса, который попал на рассмотрение в КС РФ, кратко сводилась к тому, что ряд граждан занимали посты руководителей и главных бухгалтеров в региональных филиалах ПАО Банк «Финансовая корпорация Открытие». В связи с принятием Банком России плана по осуществлению мер по предупреждению банкротства этого банка были списаны денежные средства со счетов этих граждан-заявителей. Соответственно данные лица оспорили правила, которые позволили прекратить обязательства в отно-

1 Статья 189.49 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее - Закон о Банкротстве).

2 Аналогичные правила закреплены в отношении страховых организаций (пп. 4 п. 9 ст. 184.3-3 Закона о Банкротстве) и негосударственного пенсионного фонда (пп. 3 п. 9 ст. 186.1-5 Закона о Банкротстве).

3 П. 2 ст. 189.49 Закона о Банкротстве.

4 Белоусов И. А. Подчинение требований по займам участников корпорации в деле о банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

5 Подшивалов Т. П. Охрана интересов должника в договорном обязательстве при банкротстве и злоупотребление корпоративным контролем // Право и экономика. – 2017. – № 12 // СПС «КонсультантПлюс».

6 Абз.5 п. 12.1 ст. 189.49 Закона о Банкротстве.

7 Постановление КС РФ от 27.12.2022 № 58-П.

8 Постановление КС РФ от 27.12.2022 № 58-П (далее в тексте – Постановление).

шении них[9]. КС РФ признал неконституционными правила пп.4 п. 12 и п. 12.1 ст. 189.49 Закона о Банкротстве «*в той мере, в какой они устанавливали не отвечающее критериям необходимости и соразмерности и не обеспеченное эффективной судебной защитой прекращение обязательств банка перед лицами, замещающими должности руководителя и главного бухгалтера филиала банка, не относящимися при этом к контролирующим банк лицам*».

Какие позиции отразил в своем решении КС РФ? Во-первых, в п. 5 КС РФ связывает возможность прекращения обязательств в отношении контролирующих и управляющих банклиц с тем, что на них лежит риск предпринимаемых ими действий в силу наличия функции контроля и/или управления. Однако стоит обратить внимание, что КС РФ в данном случае не говорит о том, что такие действия должны быть виновными.

К аналогичному заключению можно прийти при анализе другого тезиса, что одним из способов оспаривания прекращения обязательств в связи с введением плана санации является доказывание отсутствия «*предметной взаимосвязи между решениями (действиями, бездействием) таких лиц и необходимостью санации банка*». В данном случае опять же не идет непосредственно речь об ответственности, а говорится в целом о наличии причинной связи с действиями управленцев, вероятно, которая, необязательно должна быть связана с неправомерными действиями.

Во-вторых, КС РФ обратил внимание на чрезмерно широкий подход к определению круга прекращаемых обязательств, указывая на то, что происхождение соответствующих средств может не быть связано с банком. Немало важно и то, что КС РФ ставит вопрос о том, что норма закона предусматривает «тотальное» прекращение обязательств, не учитывая объем денежных средств, находящихся на счете. Впрочем, в этой части КС РФ прямо не указал на неконституционность положений закона.

В-третьих, КС РФ отметил, что законоположения «*не предполагают восстановления их правомочий собственника на денежные средства, обязательства по которым были прекращены (хотя бы без начисления установленных соответствующим договором процентов), в случае успешного завершения процедуры финансового оздоровления банка*» и предложил законодателю учесть это в случае совершенствования им законодательства. Иными словами, КС РФ опять же не признал норму в этой части неконституционной, однако поднял вопрос восстановления имущественного положения управленцев вышедшего из кризиса банка.

Вместе с тем, КС РФ, как нам представляется, не смог дать ответ на ряд вопросов, которые необходимо более детально осветить, а именно: 1) какова природа указанной меры в виде прекращения обязательств ряда лиц? 2) насколько адекватно сформирован перечень лиц, чьи обязательства подлежат прекращению? 3) Оправдан ли широкий подход к объему «списания»? Представляется, что прежде, чем ответить на эти вопросы, нужно обратиться к зарубежному опыту.

3. Спасение банков в законодательстве США и ЕС

Специальное регулирование по спасению банков является предметом довольно активного обсуждения в иностранной научной и профессиональной среде. Общий тренд в отношении спасения банков, попавших в кризис, связан с тем, что законодатели стремятся переложить бремя расходов на реабилитацию банковского сектора с бюджета (то есть, по сути, с налогоплательщиков, которые его формируют) на тех лиц, кто наиболее тесно связан с «санируемым» лицом – участников и кредиторов. Рассмотрим указанное регулирование чуть более подробно.

а) Европейский союз

Основа европейского регулирования вопросов применения реабилитационных механизмов в отношении банков закреплена в специальной Директиве, которая имплементирована в национальное законодательство стран-членов ЕС[10]. Идеология указанного документа основана на концепции *bail-in*: финансовая помощь направлена на рекапитализацию обанкротившегося банка только при условии полного или частичного списания долга, и/или его конвертации в акции соответствующего банка.

Такой подход соответствует общеевропейскому пониманию института реабилитационных процедур. Так, в Отчёте Института европейского права, посвященному спасению бизнеса в случае банкротства, указывается, что удовлетворение или списание необеспеченных и непреференциальных требований составляет традиционное условие реабилитационного плана[11].

Какие условия и ограничения закрепляются в европейском праве применительно к возможности прекращения обязательств? В статье 34 Директивы прямо указывается, что в первую очередь убытки должны понести акционеры банка, а кредиторы ликвидируемого учреждения несут убытки после акционеров в соответствии с порядком очередности их требований в рамках обычного производства по делу о несостоятельности[12]. При этом анализ документа указывает на то, что механизм списания не привязывается к вопросам ответственности и не применяется в отношении заранее закрепленного в законе специального перечня субъектов, чьи требования должны быть прекращены. В связи с этим следует заключить, что механизм списания может применяться ко всем обязательствам банка, кроме тех, что исключены из сферы действия этого инструмента. Например, такой режим установлен для некоторых депозитов[13], кроме того, статья 44(2), Директивы отдельно перечисляет обязательства, которые не могут быть подвергнуты списанию: это обеспеченные обязательства, застрахованные вклады, трудовые выплаты, некоторые налоги и т.п.

Важнейшим принципом работы механизма *bail-in*в европейском регулировании является закрепление принципа «*no creditor worse off*»[14], суть которого сводится к тому, что ни один кредитор не должен нести больших убытков, чем те, которые были бы им понесены, если бы банк-должник был ликвидирован в рамках обычного производства по делу о несостоятельности. Простыми словами кредитор должен получить не меньше того, на что он мог рассчитывать при ликвидации. Публичному органу, который принимает решение о санации банка необходимо заранее установить, с учетом прогнозом как финансового, так и бухгалтерского характера, как положение акционеров и кредиторов изменилось бы без реализации реабилитационного плана[15].

Таким образом, механизм списания требований при санации банков опирается на довольно традиционный принцип «*no creditor worse off*», а также (в отличие от российского подхода) связан с учетом очередей банкротства. Кроме того,

9 Пикантность ситуации добавило и то, что данные категории в дальнейшем были исключены из перечня тех, кто подпадает под прекращение обязательств при санации, однако данное правило стало действовать перспективно и не получило применение в отношении указанных граждан.

10 Directive 2014/59/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014.

11 П. 678-679 The European Law Institute. Rescue of Business in Insolvency Law. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europeanlawinstitute.eu/fileadmin/user_upload/p_eli/Publications/Instrument_INSOLVENCY.pdf (дата обращения: 03.05.2025).

12 «1. Member States shall ensure that, when applying the resolution tools and exercising the resolution powers, resolution authorities take all appropriate measures to ensure that the resolution action is taken in accordance with the following principles: (a)the shareholders of the institution under resolution bear first losses; (b) creditors of the institution under resolution bear losses after the hareholders in accordance with the order of priority of their claims under normal insolvency proceedings, save as expressly provided otherwise in this Directive».

13 Art. 34 (1) (h) Directive 2014/59/EU.

14 «no creditor shall incur greater losses than would have been incurred if the institution or entity referred to in point (b), (c) or (d) of Article 1(1) had been wound up under normal insolvency proceedings in accordance with the safeguards in Articles 73 to 75» art. 34 (1) (g) Directive 2014/59/EU.

15 Pierre de Gioia Carabellese, Daoning Zhang, 'Bail-in Tool and Bank Insolvency: Theoretical and Empirical Discourses around a New Legal (or Illegal) Concept', (2019), 30, European Business Law Review, Issue 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://repository.canterbury.ac.uk/download/bf8f74a916e446f9d8d574d0bec54af104896df7b39cdfb2a541a9db49a99c21/293144/Bailin%20Paper%20Pierre%20and%20Daoning%2024022019%20rev%20mark-up.pdf (дата обращения: 03.05.2025).

регулирование закрепляет значительно более весомый перечень исключений, включая в него обеспеченные требования.

б) США

Американское право декларирует идеи, схожие с европейскими: риск банкротства должен лежать в первую очередь на акционерах и кредиторах, а не налогоплательщиках. В то же время во избежание системного кризиса[16] у государства возникает необходимость оказывать помощь, но сделать это можно все равно только тогда, когда акционеры и кредиторы примут в отношении себя значительную часть рисков. Санация банков в США не подпадает под действие *US Bankruptcy Code*, что объясняется необходимостью более оперативного вмешательства в «кризисную» ситуацию по спасению банка[17]. Основой регулирования является специальный акт – Закон Додда – Франка[18]. Какие цели называются в данном законе применительно к порядку банкротства банка?

§ 204 Закона Додда – Франка акта устанавливает, что все полномочия, которые предусматриваются по вопросам банкротства банка, должны применятся с учетом следующий правил: 1) кредиторы и акционеры будут нести убытки, финансовой компании, 2) все лица, кто несет ответственность за состояние финансовой компании, понесут убытки (включая требования о возмещении ущерба).

Федеральная корпорация по страхованию вкладов (FDIC) наделена полномочиями по осуществлению банкротной процедуры. В целом закон также позволяет прекращать права требования акционеров и кредиторов, однако обычно большая часть активов обанкротившегося банка передается отдельной промежуточной компании и далее продаётся, в то время как основная часть пассивов в виде неисполненных обязательств остается у банкрота[19]. В этом случае закон закрепил специальную очередность удовлетворения требований, состоящую из 8 очередей. Интересно отметить, что последние две очереди составляют требования по заработной плате руководителей компании (седьмая очередь) и обязательства перед акционерами, членами, генеральными партнерами и другими акционерами (восьмая очередь)[20]. Негативные меры против менеджмента не ограничиваются на их понижении в очередности. Существует специальное правило о взыскании премий, выплаченных руководителям за период двух лет, предшествовавших банкротству компании[21], а также закреплена возможность требовать в суде взыскания с них убытков, за неосмотрительное поведение.

Особенностью американской системы является то, что закон по сути допускает при определенных условиях 1) отступление от очередности кредиторов, 2) непропорциональное удовлетворение требований кредиторов одного ранга (в т.ч. допускается возможность платить некоторым необеспеченным кредиторам больше, чем ликвидационная стоимость, которую они получили бы при обычном банкротстве[22]). Однако широкие полномочия FDIC ограничены правилом, что кредиторы имеют право получить по крайней мере то, что они получили бы, если бы ликвидация проводилась в соответствии с главой 7 Кодекса о банкротстве[23], что является нечем иным, как воплощением принципа *«no creditor worse off»*. Закон также закрепляет специальные правила, связанные с защитой застрахованных вкладов[24]. Краткий анализ правового регулирования банкротства банков в США показывает, что оно также, как и в ЕС, опирается на принцип *«no creditor worse off»*, однако более строго относится к правовому положению управляющих банком лицах.

Несомненно общими в европейском и американском регулировании можно обнаружить следующие основополагающие идеи: 1) процедура спасения банков хотя и регулируется с помощью специальных законодательных предписаний, все равно рассматривается в качестве реабилитационного механизма; 2) акционеры банка в первую очередь несут риск убытков, поскольку они инвестировали свой капитал в банк и автоматически приняли на себя риск его краха, тем более что именно они получают всю или большую часть прибыли банка в его успешной деятельности. Во-вторую, очередь риски несут кредиторы, причем в данном случае также учитывается их очерёдность, поэтому в первую очередь риск несут субординированные кредиторы и только в последнюю очередь убытки несут остальные (с учетом наличия изъятий из этого правила, которые закрепляются прямо в законе); 3) в любом случае акционеры и кредиторы в результате реализации реабилитационного плана не должны оказаться в худшем положении, чем они находились бы в случае проведения стандартной ликвидационной процедуры.

Такое регулирование существенным образом отличается от российского права, которое скорее является продуктом «механистической» юриспруденции, где обязательства прекращаются только потому, что об этом написано в законе, более того, КС РФ своей правовой позицией нисколько не прояснил содержание отечественной нормы и не смог приблизить ее к зарубежным аналогам (хотя наш анализ позволяет использовать термин «аналог» с большой долей условности), поскольку не учитываются вышеуказанные основополагающие идеи международного опыта. К чему это приводит на практике?

4. Российская судебная практика

Автору удалось обнаружить порядка 20 судебных актов, где применялось правило о прекращении обязательств банка перед управляющими и контролирующими лицами.

Большинство изученных нами дел касались именно тех субъектов, которые в дальнейшем были исключены из числа ответственных лиц (руководители и главные бухгалтеры филиалов банка[25]), что было признано верным в вышеизложенном нами деле КС РФ. Вместе с тем, нам встретились дела о применении правила списания требований перед банком в отношении председателя правления банка[26], члена совета директоров[27], члена наблюдательного совета[28], управляющего директора[29], члена группы лиц, чья совокупная доля

16 Регулирование применяется в отношении «финансовых компаний, которые представляют значительный риск для финансовой стабильности Соединенных Штатов» Dodd-Frank Act § 204 (a).

17 Tomas Ambrasas. Bank resolution regime. Balancing private and public. interests. A comparative analysis. Ph.D. diss. Vilnius, Basel University, 2015.

18 Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act. 12 USC 5301 note.

19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.imfs-frankfurt.de/fileadmin/user_upload/IMFS_WP_116.pdf (дата обращения: 03.05.2025).

20 § 209(b) Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act. 12 USC 5301 note.

21 § 210(s) Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act. 12 USC 5301 note.

22 Peter J. Wallison, The Future of Bailouts and Dodd-Frank. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://corpgov.law.harvard.edu/2012/10/26/the-future-of-bailouts-and-dodd-frank/ (дата обращения: 03.05.2025).

23 Emilios Avgouleas. Charles Goodhart Critical Reflections on Bank Bailins // Journal of Financial Regulation. – 2015. – Vol. 1, № 1. – P. 15.

24 12 U.S.C. §1821(a)(1)(E).

25 Определение Московского городского суда от 22.05.2019 № 4г-6164/2019 @@ Апелляционное определение Московского городского суда от 16.11.2018 по делу № 33-50551/2018 @@ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.06.2022 № 88-10134/2022 по делу № 2-3454/2021 @@ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.04.2022 № 88-5583/2022 по делу № 2-563/2021 @@ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.08.2021 № 88-14154/2021, 2-3799/2020 @@ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.07.2021 № 88-11087/2021 @@ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2021 № 88-1412/2021 по делу № 2-2568/2019 @@ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 29.06.2020 № 88-7109/2020 @@ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.06.2020 по делу № 88-6449/2020, 2-2568/2019.

26 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.11.2021 № Ф05-4696/2020 по делу № А40-58566/2019 @@ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2021 по делу № 88-7362/2021.

27 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.10.2021 № 09АП-58770/2021 по делу № А40-110730/2021 @@ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.10.2020 № 09АП-51440/2020 по делу № А40-8854/2020.

28 Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 09.03.2021 по делу № 88-5531/2021, 2-1174/2020.

29 Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29.04.2021 № 88-8793/2021 по делу № 2-736/2020.

голосующих акций составляла 99,2031 %[30]. При анализе нам также встретилось дело, где истец смог взыскать штраф и компенсацию морального вреда за нарушение своих прав как потребителя. По обстоятельствам дела в рамках проведения мероприятий по финансовому оздоровлению банка у лица, которое не относится к числу лиц, обязательства перед которыми должны быть прекращены в силу закона, был заблокирован счет[31]. Вместе с тем, остается не до конца ясным, почему в случае банкротства банков именно эти лица должны нести риски с учетом того, что предложенный в законе перечень не совпадает с теми очередями банкротства, которые существуют в российском праве. Если же мысль законодателя состояла в том, чтобы такая «особая мера» применялась именно к управляющим лицам (на что фактически указывал КС РФ), то у нас возникают обоснованные сомнения, логично ли, что данный риск первыми должны нести именно «управленцы», но почему его не должны нести все акционеры, в том числе те, кто не является контролирующими лицами.

Кроме того, указанная мера, применяется к контролирующим лицам и управленцам автоматически, хотя строго говоря, с точки зрения очередности удовлетворения требований кредиторов, притязания контролирующих лиц не понижаются автоматически по сравнению с иными кредиторами при проведении ординарных процедур банкротства.

Таким образом, правила п. 4 ст. 189.49 Закона о Банкротстве нарушают системные решения, которые имеются в российском праве, поскольку, во-первых, не учитывают требования тех лиц, кто несет больший риск банкротства («корпоративные» требования участников), а во-вторых, влекут прекращение требований значительно большего числа лиц, чем те, кто попадает в очередность удовлетворения требований, предшествующей ликвидационной квоте (на кого было бы справедливее возложить риск банкротства).

И тем более российское право нигде не указывает в данном случае на применимость принципа «*no creditor worse off*», а также не содержит каких-либо экономических предпосылок для применения правила списания (например, для субординированных кредитов, которые также прекращаются при утверждении реабилитационного плана, прямо установлено, что требования кредиторов по ним прекращаются «*в объеме, необходимом для достижения значения норматива достаточности собственных средств (капитала)*»[32].

Таким образом, если зарубежный опыт предполагает прекращение обязательств в отношении тех лиц, чьи требования не были с высокой долей вероятности удовлетворены в случае проведения «ординарной» процедуры банкротства, то российское право напрочь отказывается от этой идеи, что представляется, не совсем справедливым. Более того, возникают вопросы о действительном соответствии данного механизма статьям 19, 35, 55 Конституции РФ, поскольку они могут несправедливо лишать собственности (в широком смысле) ряд кредиторов, несоразмерно ограничивая их права, поскольку позволяют прекращать требования тех лиц, кто в действительности мог претендовать на возмещение в конкурсном производстве. Возможным обоснованием логичности данной нормы была бы ее оценка через призму ответственности, тем более что норма о списании требований в субъектном составе применительно к контролирующим лицам совпадает с кругом лиц, кто привлекается к ответственности. Такая интерпретация закона могла бы обосновать, почему требования привлеченных к ответственности лиц списываются — вероятность их удовлетворения ничтожна мала, поскольку «контролирующее должника лицо, привлеченное к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов, не может получить удовлетворение своего требования к должнику наравне с требованиями других кредиторов»[33].

Однако КС РФ, как было отмечено ранее, не указал на деликтную природу соответствующего механизма, кроме того под механизм списания попадают требования не только контролирующих лиц, но и управляющих, которые не всегда могут обладать контролем над банком. Более того, изучение практики показывает, что суды склонны толковать п. 4 ст. 189.49 Закона о Банкротстве в качестве «*обязательной меры, прямо предусмотренной законом*»[34]. В ряде дел суды прямо указывают на то, что доводы об обращении взыскания на имущество «без установления какой-либо вины» несостоятельны, поскольку законом предусмотрена возможность «списания» средств контролирующих и управляющих лиц банка[35]. Примечательно, что в одном из дел судов общей юрисдикции апелляционная инстанция указала на тождество института списания средств с субсидиарной ответственностью по правилам ст. 61.11 Закона о Банкротстве, однако на кассационном уровне было указано, что исследуемый институт «*является обязательной мерой, прямо предусмотренной законом*»[36].

Кроме того, если институт п. 4 ст. 189.49 Закона о Банкротстве оценивать в качестве механизма ответственности, то возникает закономерный вопрос – зачем нужно дублирование субсидиарной ответственности, которая сама по себе является разновидностью деликтного притязания? Ведь в таком случае любой процесс оспаривания правомерности применения механизма списания требований при санации по сути будет представлять собой дублирование процесса об ответственности, логично ли это? Представляется, что в этом нет необходимости.

Поскольку списание ряда требований кредиторов как условие санации, не опирается на принцип «*no creditor worse off*» и допускают по сути «экспроприацию» имущества в угоду проведения санации, то на практике возникает вопрос о восстановлении требований к банку в случае успешности проведения санации, на данный вопрос обращал внимание и КС РФ. Заявители своих требований в этом вопросе наиболее активно ссылаются на правила о кондикции для обоснования своих притязаний. Однако суды отказывают в удовлетворении требований, поскольку считают неприменимым данном случае правила неосновательного обогащения[37]. Например, было указано, что «*действующей механизм правового регулирования не предусматривает восстановление прекращенных обязательств (…) в случае завершения мер по предупреждению банкротства банка*»[38].

По логике судов у «списания» средств как условия санации есть правое основание – акт государственного органа, который и является основанием прекращения обязательства для целей применения ст. 417 ГК РФ[39]. Попытки признать

30 Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.11.2021 № Ф10-4744/2021 по делу № А84-7348/2020. Причем из судебного акта непонятно, сколько именно процентов было у лица, которое обратилось в суд. Указано лишь то, что «истец мог оказать влияние на принятие решений руководством банка».

31 Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.09.2021 № 88-14552/2021.

32 Ч. 4 ст. 25.1 ФЗ от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 29.12.2022) «О банках и банковской деятельности».

33 П. 10 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020).

34 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.11.2021 № Ф05-4696/2020 по делу № А40-58566/2019 @@ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 09.03.2021 по делу № 88-5531/2021, 2-1174/2020, @@ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.11.2021 № Ф10-4744/2021 по делу № А84-7348/2020 @@ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2021 по делу № 88-7362/2021.

35 Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.11.2021 № Ф10-4744/2021 по делу № А84-7348/2020 @@ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2021 № 88-1412/2021 по делу № 2-2568/2019 @@ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 29.06.2020 № 88-7109/2020 @@ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.06.2020 по делу № 88-6449/2020, 2-2568/2019.

36 Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2020 № 88-7997/2020.

37 Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.06.2022 № 88-10134/2022 по делу № 2-3454/2021 @@ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.10.2021 № 09АП-58770/2021 по делу № А40-110730/2021.

38 Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.04.2022 № 88-5583/2022 по делу № 2-563/2021 @@ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.08.2021 № 88-14154/2021, 2-3799/2020.

39 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.10.2021 № 09АП-58770/2021 по делу № А40-110730/2021 @@ Определение Московского городского суда от 22.05.2019

то, что Банк России не обладает достаточными публичными властными полномочиями не находит поддержки в судах[40].

Еще одним потенциально применимым способом «восстановление требований» может быть обращение к нормам гражданского законодательства. В п.3 ст. 417 ГК РФ предусмотрен механизм восстановления требований, но только в случае признания недействительным либо отмены акта органа государственной власти, которым были прекращены отношения. Вместе с тем, сама по себе реализация реабилитационного плана не приводит к его отмене, а, следовательно, и к возможности применения указанного правила. Аналогично по мнению одного из судов успешное спасение банка не приводит к отпадению основания и возникновению неосновательного обогащения[41]. Более того, механизм «восстановления» обязательства после его прекращения представляется спорным, на что обращалось внимание автором в научной литературе[42].

Представляется, что такой проблемы не было бы при применении во время механизма списания принципа «*no creditor worse off*», ведь в таком случае прекращению подвергались требования, которые не получили бы с высокой долей вероятности никакого удовлетворения в ликвидационной процедуре. Российское право знает случаи, когда такой механизм применяется[43]. Аналогичный подход к механизму списанию требований при санации банка позволит обосновать то, что никакого восстановления требований не должно происходить, равно как нет и неосновательного обогащения за счет кредиторов, чьи требования были списаны.

Наконец, последний вопрос связан с тем, насколько широкого понимаются категории требований, которые попадают под списание. Напомним, что законодатель делает исключение для ряда трудовых и деликтных выплат, то есть по смыслу закона такого рода требования не должны прекращаться, при этом нормы не дифференцируют каким-либо образом средства, которые находятся на счете у управляющего или контролирующего лица. В связи с этим происходит прекращение всех денежных требований, которые есть у таких кредиторов на момент принятия реабилитационного плана. Так, требование по выплате зарплаты редуцируется до тех средств, которые будут поступать соответствующему лицу уже после введения мер предупреждения банкротства (хотя мы сомневаемся, что менеджмент к этому моменту сохранит свои посты и будет получать зарплату[44]).

Отдельно прямо в судебных актах нам встретилось указание на то, что прекращается обязательство в части выплаты пенсии, так оно отсутствует в перечне исключений[45], а также то, что допустимо списывать средства, которые поступили на счет уже после принятия Банк России реабилитационного плана[46]. Кроме того, в одном из дел истец внес денежных средств на счет в целях погашения кредита (которые изначально не перечислялись самим банком), однако суд посчитал, что это не имеет значение, поскольку также не относится к исключениям[47].

Правильны и справедливы ли такие решения? Представляется, что указанные примеры с трудовыми выплатами показывают нам, что в данном случае имеется крен в сторону чрезмерно жесткого механизма против некоторых категорий кредиторов. Попробуем применить принцип «*no creditor worse off*» в этом случае. Получается, что требование, которое по идее должно удовлетворяться в составе второй очереди (с учетом ст. 134 Закона о Банкротстве), в данном случае будет прекращено, причем, по сути, перед третьей очередью. Кроме того, требования физических лиц по вкладам и счетам относятся к первой очереди[48], однако за счет некоторых из них будет осуществляться защита остальных кредиторов, относящихся к этой или последующим очередям. Логично ли это? Представляется, что нет.

5. Вывод

Правила п. 4 ст. 189.49 Закона о Банкротстве, несмотря на высказанную КС РФ позицию, все равно требуют новой оценки на предмет их соответствия Конституции, поскольку содержат в себе механизм неизбирательного прекращения права на имущества отдельных лиц. Изучение зарубежного опыта показывает, что российское право, предоставляя широкие полномочия органам власти по списанию требований ряда категорий кредиторов, не дает таким кредиторам должной степени гарантии принадлежащих им прав.

Представляется, что сама по себе идеология допустимости прекращения некоторых требований кредиторов может выступать одним из условий предоставления финансовой помощи банку для его успешной санации. Однако такое регулирование должно опираться на ряд важных идей, которые отсутствуют в действующем ростком праве.

Кратко обозначим их: 1) риск убытков прямо связан с очередностью погашения требований: первыми риск несут акционеры, далее кредиторы в зависимости от очередности их требований, при этом с учетом российской модели «субординации» нельзя сказать, что контролирующие лица должны первыми нести соответствующий риск; 2) закон должен учитывать природу требований, которые получают защиту от списания; 3)регулирование должно основываться на принципе «*no creditor worse off*», поскольку санация банков является разновидностью реабилитационной процедуры.

Пристатейный библиографический список

1. Белоусов И. А. Подчинение требований по займам участников корпорации в деле о банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 5 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Григорьев В. И. Юридическая невозможность исполнения в зарубежном праве и международных кодификациях // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 1. – С. 171-205.
3. Подшивалов Т. П. Охрана интересов должника в договорном обязательстве при банкротстве и злоупотребление корпоративным контролем // Право и экономика. – 2017. – № 12 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Emilios Avgouleas, Charles Goodhart. Critical Reflections on Bank Bail-ins Journal of Financial Regulation. – 2015. – Vol. 1, № 1. – P. 3-29.
5. Tomas Ambrasas. Bank resolution regime. Balancing private and public. interests. A comparative analysis. Ph.D. diss. – Vilnius, Basel University, 2015.

№ 4г-6164/2019 @@ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2021 № 88-1412/2021 по делу № 2-2568/2019 @@ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2020 № 88-7997/2020.

40 Суды опираются на позицию, изложенную в Постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 7 августа 2002 г. № 100пв-02. например: Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2021 № 88-1412/2021 по делу № 2-2568/2019.

41 Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.08.2021 № 88-14154/2021, 2-3799/2020.

42 Подробнее см. Григорьев В. И. Юридическая невозможность исполнения в зарубежном праве и международных кодификациях // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 1. – С. 171 - 205.

43 П. 18 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 20.12.2005 № 97 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2024 № 305-ЭС24-11965 по делу № А41-71214/2020.

44 Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2021 по делу № 88-7362/2021 @@ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.06.2021 по делу № 88-8111/2021.

45 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.09.2021 № 09АП-43440/2021, 09АП-43441/2021 по делу № А40-58566/2019 @@ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2021 № 88-1412/2021 по делу № 2-2568/2019.

46 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.10.2021 № 09АП-58770/2021 по делу № А40-110730/2021.

47 Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2020 № 88-7997/2020.

48 П. 3, ст. 189.92. Закона о Банкротстве.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-260-262

Димитров Н. С.

ДИМИТРОВ Николай Светлозаров
аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПРИ РЕШЕНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ВОПРОСОВ С ТРАНСГРАНИЧНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ В ЕС НА ОСНОВАНИИ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

В статье автор ставит себе целью рассмотреть проблемы, связанные с применением Регламента (ЕС) №1215/2012 в государствах-членах в зависимости от места проживания физических лиц. Особое внимание выделено толкованию понятия «место жительства». Представлена позиция судебных инстанций по вопросу определения места жительства. Объектом исследования являются правоотношения, возникающие при разрешении гражданско-правовых споров с трансграничным характером в рамках ЕС. Предмет исследования - нормы законодательства, определяющие место проживания физического лица, научная литература и материалы юридической практики. В результате исследования формируется вывод о необходимости применения единого критерия связи данного физического лица и конкретного государства-члена ЕС в делах с трансграничным элементом.

Ключевые слова: гражданские дела, суд, Европейский союз, регламент, государство-член, место жительства, международная юрисдикция, физическое лицо.

DIMITROV Nikolay Svetlozarov
postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

LEGAL NORMS AND JUDICIAL PRACTICE IN THE RESOLUTION OF CIVIL LAW MATTERS WITH A CROSS-BORDER ELEMENT IN THE EU BASED ON THE HABITUAL RESIDENCE OF NATURAL PERSONS

This article aims to examine issues related to the application of Regulation (EU) No. 1215/2012 in the Member States, depending on the habitual residence of natural persons. Particular attention is given to the interpretation of the term «habitual residence». The article outlines the position of judicial authorities regarding the determination of habitual residence. The study focuses on legal relationships arising in the context of cross-border civil law matters within the EU. The scope includes legislative provisions defining the residence of natural persons, academic literature, and materials from judicial practice. The research concludes with the need to establish a uniform criterion for determining the connection between a natural person and a specific EU Member State in proceedings involving a cross-border element.

Keywords: civil cases, court, European Union, regulation, member state, habitual residence, international jurisdiction, natural person.

За прошедшие годы после принятия Регламента Совета (ЕС) № 44/2001 о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам[1] (Регламент Брюссель I) и следовавший за ним Регламент (ЕС) № 1215/2012 Европейского парламента и Совета ЕС о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам[2] (Регламент Брюссель I bis) болгарская судебная практика не пришла к единому решению о понятии «место жительство» физического лица. Решение этого вопроса важно при применении законов в процессе судебного сотрудничества по гражданско-правовым делам трансграничного значения.

В случаях, когда у ответчика есть «место жительства» в государстве-члена ЕС, компетентный суд должен применять регламенты (ст.4 Регламента Брюссель I bis и ст. 2 Регламента Брюссель I). В случаях, когда у ответчика нет места жительства в государстве-члена ЕС, применяются нормы международного частного процессуального права. Есть исключения. Таковы правила относительно исключительной компетентности [1, с. 101], выбора суда[3] и в некоторых гипотезах, у истцов, у которых есть характеристика более слабой стороны[4]. Тут место жительства не имеет значения. Определение содержания понятия место жительства играет огромную роль не только при применении регламентов, но и согласно основаниям международной компетентности.

Согласно ст. 63 Регламента Брюссель I bis торговые дружества и другие юридические лица или ассоциация физических или юридических лиц, у которых есть адрес в том месте, где находится их: адрес по уставу; центральное управление; или основное место их хозяйственной деятельности. Это создает ясность, уверенность и предсказуемость при приложении регламента относительно юридических лиц во всех государствах-членах ЕС.

1 В статье используется регламент на болгарском языке на официальном сайте ЕС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/BG/ALL/?uri=celex:32001R0044 (дата обращения: 27.03.2025).

2 В статье используется регламент на болгарском языке на официальном сайте ЕС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/bg/TXT/?uri=CELEX%3A32012R1215 (дата обращения: 27.03.2025).

3 Ст. 23 и ст. 24 Регламент Брюссель I и ст. 25 и 26 Регламент Брюссель I bis.

4 П. 1 ст. 18 и п. 2 ст. 21 Регламент Брюссель I bis.

Когда в гражданском или торговом деле участвует физическое лицо согласно п. 1 ст. 62, Регламента Брюссель I bis, чтобы определить есть ли у данной стороны место жительства в государстве-члене ЕС, компетентный суд применяет свое национальное право [6, с. 992]. В случае, если сторона не имеет места жительства в государстве-члене, суды которого рассматривают дело, проверяется, имеет ли она место жительства в другом государстве-члене, при этом применяется право этого государства-члена (статья 62, параграф 2 Регламента Брюссель I bis). Получается перенаправление к национальному праву соответственного государства. Этот подход применяется еще после Брюссельской конвенции относительно международной компетенции, признания и выполнения судебных решений по гражданским и торговым делам, чтобы избежать, риска создания разносторонних дефиниций в национальных актах, что привело бы к отклонению от них на национальном уровне [5, с. 45].

Брюссельская конвенция, как и Регламенты, Брюссель I и Брюссель I bis ставят границы, в рамках которых должна попадать национальная концепция о месте жительства физических лиц. Место жительства нельзя приравнивать или толковать как равнозначное «обычному местопребыванию»[5]. В качестве дополнительного аргумента устанавливается, что в большинстве государств ЕС местная компетентность определяется с учетом места жительства, как фиксированное и стабильное место установления по сравнению с обычном местопребыванием [5, с. 16].

Регламенты Брюссель I и Брюссель I bis не разрешают место жительства понимать альтернативно как обычное местопребывание. Последнее привело бы к увеличению возможных компетентных судов, что со своей стороны создает правовую нестабильность и потенциал для тождественных исков [5, с. 16].

Определение места жительства через обычное местопребывание исключено. Обычное местопребывание используется отдельно в Регламенте Брюссель I (п. 2 ст. 5, п. 3 ст. 13 и п. 3 ст. 17) в Брюссель I bis (напр. в п. 3 ст. 15 и п. 3 ст. 19) и в Брюссельской конвенции (п. 2 ст. 5, и п.3 ст. 15), т.е. это самостоятельный критерий относительно места жительства.

Из всего вышесказанного относительно данного момента следует, что «место жительства», использованное в Регламенте Брюссель I bis, как и в более ранних регламентах ЕС, ни в коем случае не должны обуславливаться обычным местопребыванием или применят содержанием п. 7 ст. 48 Кодекса международного частного права Республики Болгарии (КМЧП), где дано легальное болгарское определение обычного местопребывания физического лица.

Регламенты Брюссель I bis (ст. 4), Брюссель I (ст. 2) и Брюссельская конвенция (ст. 2) применяются независимо от гражданства ответчика или истца, соответственно место жительства не должно включать гражданство среди факторов, определяющих международную компетентность. Его использование предполагает другую систему правил международной компетенции, разрешающую разногласия между гражданами государств-членов и разногласия между гражданами третьих стран. Установить гражданство ответчика в рамках судебного процесса нелегко. Кроме того, возможны лица с двойным гражданством. Использование места жительства разрешает соблюдение одного и того же режима для любых граждан, которые установились и оформили свою связь с конкретным государством-членом посредством места жительства [5, с. 15].

Место жительства ни в коем случае не должно расширяться до правовых фикций [5, с. 15]. Этот запрет можно расширить и с точки зрения любых других правовых фикций по поводу адреса, которые не отражают действительную связь между данным лицом и государством, в котором оно оформило свое конкретное и стабильное место жительства.

За прошедшие годы членства Республики Болгарии в ЕС и применение сначала Регламента Брюссель I, а начиная с 10.01.2015 г. и Регламента Брюссель I bis болгарская правовая доктрина не уточнила, что должно быть фактом, определяющим, что определенное физическое лицо имеет место жительства в Болгарии.

Согласно первой группе авторов место жительства физических лиц в Болгарии следует связывать с их «настоящим адресом» ст. 94 Закона о гражданской регистрации Республики Болгарии (ЗГР). Настоящий адрес, который легко установить, это формальная связь между физическим лицом и болгарским государством и показывает, что лицо действительно пребывает там. Когда лицо переезжает в другое государство этот адрес перестает существовать. Указывая новое государство, физическое лицо отражает свое действительное местопребывание. С помощью настоящего адреса соблюдается правило actor sequitur forum rei, или суд должен следовать за ответчиком там, где он действительно находится. У каждого болгарского гражданина кроме того есть постоянный адрес вне зависимости от места жительства во всем мире (ст. 93 ЗГР). Этот постоянный адрес равняется гражданству, на практике у него фиктивный характер и не отражает действительное место жительства лица.

Вторая группа авторов считают, что постоянный адрес - тот, который определяет место жительства физического лица. В качестве аргумента указывают, что согласно ЗГР, поскольку «место жительства» равно «место проживание», это значит соображение с «постоянным адресом» [3, с. 567].

Третья группа авторов - под местом жительства надо понимать обычное местопребывание физического лица п. 7 ст. 48 КМЧП. В качестве аргумента указывают, что КМЧП создан до вступления Болгарии в ЕС и синхронизирует болгарскую и европейскую правовую систему [4, с. 21], [2, с. 97-101].

Практика Верховного кассационного суда Республики Болгарии (ВКС) для выяснения место жительства физического лица с целью применения нормативных актов Регламента Брюссель I и Регламент I bis тоже не единая.

Согласно некоторым судебным составам обычное местопребывание определяет место жительства. В этом случае используется дефиниция внутреннего болгарского права, данная в п. 7 ст. 48 КМЧП[6].

5 Решение Суда Европейского союза от 02 апреля 2009 г. по делу № C-523/07 пункт 43 и 44. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/BG/TXT/?uri=ecli%3AECLI%3AEU%3AC%3A2009%3A225 (дата обращения: 28.03.2025) и Решение Суда Европейского союза от 22 декабря 2012 г. по делу № C-497/10 PPU пункт 56. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/BG/TXT/?uri=ecli%3AECLI%3AEU%3AC%3A2010%3A829 (дата обращения: 28.03.2025).

6 Определение Верховного кассационного суда Республики Болгарии от 13 января 2010 г. № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vks.bg/pregled-akt.jsp?type=ot-spisak&id=56A2A381F298D8ABC22577930048355B (дата обращения: 30.03.2025), Определение районного суда г. Пловдив от 13 ноября 2015 г. по делу № 4318/2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://plovdiv-rs.justice.bg/bg/9885 (дата обращения: 30.03.2025), Решение окружного суда г. Пазарджик

Другие составы суда (ВКС) определяют место жительства лица согласно настоящему адресу[7]. Они считают, что настоящий адрес, в отличие от постоянного адреса, отражает действительное место жительства лица, особенно болгар, установившихся жить за границей. Принцип actor sequitur forum rei, который требует, чтобы суд следовал за ответчиком там, где он находится, соблюден.

Существует и третья точка зрения судей, которые считают, что определяющим для места проживания физического лица является место, где оно фактически живет, не смотря, на то есть адресная регистрация или нет такой[8].

Все судебные акты ВКС вынесены в форме определений в соответствии со ст. 274 ГПК.

Есть и другие мнения по понятию место жительства, поддерживаемые другими составами суда. Они считают, что место жительства должно происходить из обычного пребывания, которое совпадает с постоянным адресом физического лица[9]. Другие судьи исключают постоянный адрес, не уточняя, что означает понятие место проживания[10].

Представленная судебная практика болгарских судов показывает противоречия по одному и тому же вопросу.

Из точнейшей дефиниции понятия место проживания физического лица в Болгарии зависит применение Регламента Брюссель I bis относительно международной компетентности, права и обязанности болгарского суда рассматривать и решать споры с международным элементом на основе компетентности в пользу более слабой стороны, при общей компетентности, как и с учетом специальной и дополнительной компетентности.

До тех пор, пока действие положений относительно международной компетенции обусловлено «местом жительства» в государстве-члене ЕС, и поскольку у физических лиц оно определяется государствами-членами, будет существовать правовая нестабильность. Решение этой проблемы может произойти через Регламент Брюссель I bis, который в этом случае приобретает универсальное действие и отменяет действие национального права приложением норм международной компетенции. Последнее уже факт в материи по алиментам[11] и наследованию[12]. Тогда законодатель Европы мог бы применить единый критерий связи между данным физическим лицом и конкретным государством-членом ЕС.

Пристатейный библиографический список

1. Ермакова Е. П., Ситкарева Е. В. Право Европейского Союза: порядок разрешения частноправовых споров: учеб. пособие. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С.101.
2. Златарева М. И. Международный гражданский процесс. – С.: Сиела, 2010. – С. 97-101.
3. Пандов В. Х., Ценова Т. В., Янакиев З. И., Регламентът Брюксел I. – С.: Сиела, 2012. - С. 567.
4. Попова В. М. Актуални проблеми на Европейския граждански процес и част VII на ГПК. – С.: Сиела, 2012. – С. 21.
5. Jenard P. Bericht zu dem Übereinkommen über die gerichtliche Zuständigkeit und die Vollstreckung gerichtlicher Entscheidungen in Zivil- und Handelssachen, 1979. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/e69d7939-d016-4346-9651-963a63f53381/language-de (дата обращения: 24.02.2025).
6. Magnus U., Mankowski P. European Commentaries on Private International Law, Brussels I bis regulation, 2015. – С. 992.

от 23 ноября 2015 г. по делу № 577/2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pazardzhik-os.justice.bg/bg/3725 (дата обращения: 30.03.2025), Решение районного суда г. Пазарджик от 03 ноября 2014 г. по делу №2507/2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pazardzhik-rs.justice.bg/bg/9395 (дата обращения: 30.03.2025).

7 Определение Верховного кассационного суда Республики Болгарии от 09 ноября 2011 г. № 886. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vks.bg/pregled-akt.jsp?type=ot-spisak&id=C5E005BFDB5EA5ABC22579430032BC32 (дата обращения: 30.03.2025) и Определение Верховного кассационного суда Республики Болгарии от 22 ноября 2010 г. № 649. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vks.bg/pregled-akt.jsp?type=ot-spisak&id=1490A3A514BE465BC22577E40024023C (дата обращения: 30.03.2025), Определение районного суда г. Пловдив от 15 апреля 2014 г. по делу № 4941/2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://plovdiv-rs.justice.bg/bg/9885 (дата обращения: 30.03.2025).

8 Определение Верховного кассационного суда Республики Болгарии от 16 июня 2016 г. № 543. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vks.bg/pregled-akt.jsp?type=ot-spisak&id=D97A8147CF2F87B6C2257FD2005BB59D (дата обращения: 30.03.2025), Решение Верховного кассационного суда Республики Болгарии от 19 февраля 2015 г. № 270. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vks.bg/pregled-akt.jsp?type=ot-spisak&id=B88D08EE8BAA8E41C2257DEF00452EAF (дата обращения: 30.03.2025) Определение окружного суда г. Пловдив от 25 апреля 2017 г. по делу № 646/2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://plovdiv-os.justice.bg/bg/3935 (дата обращения: 30.03.2025).

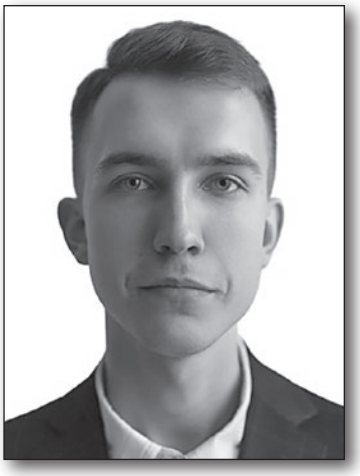
9 Определение окружного суда г. Пазарджик от 10 мая 2014 г. по делу № 269/2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pazardzhik-os.justice.bg/bg/3725 (дата обращения: 30.03.2025).

10 Определение окружного суда г. Пловдив от 19 августа 2014 г. по делу № 2241/2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://plovdiv-os.justice.bg/bg/3935 (дата обращения: 30.03.2025).

11 Ст. 2 Протокол о праве, применимом к алиментным обязательствам Гаага, 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=38631834#pos=0;100 (дата обращения: 30.03.2025).

12 Ст. 20 Регламент ЕС 650/2012 от 4 июля 2012 г. «О компетенции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании европейского свидетельства о наследовании».

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-263-266

Дюженков Н. А.

ДЮЖЕНКОВ Николай Андреевич
аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ОСОБЕННОСТИ ИМУЩЕСТВЕННОГО ИММУНИТЕТА ОБЪЕКТОВ КОММУНАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ

Анализ законодательства о банкротстве позволяет сделать вывод о возможности распространения положений об имущественном иммунитете, в том числе, на некоторое имущество должников - юридических лиц, к которому, среди прочего, относятся объекты коммунальной инфраструктуры, в отношении которых установлены специальные правила реализации. Первую группу составляют объекты холодного водоснабжения и водоотведения, которые не подлежат включению в состав конкурсной массы и должны быть переданы собственнику такого имущества. При этом в действующем законодательстве не определен порядок расчета компенсации за изъятие имущества из конкурсной массы, что приводит к произвольному определению размера такой компенсации. С учетом изложенного, автором предложено унифицировать методику расчета справедливого размера компенсации, основанной на рыночной стоимости объекта и учитывающего величину реестра требований кредиторов должника. Вторая рассмотренная группа включает в себя остальные объекты коммунальной инфраструктуры, реализация которых осуществляется по общим правилам законодательства о банкротстве, с тем лишь исключением, что в случае, если имущество не было реализовано в ходе конкурентных процедур, оно подлежит передаче в собственность органам местного самоуправления. При этом автором констатировано наличие двух противоположных позиций в судебной практике и правовой доктрине относительно необходимости выплаты компенсации за такую передачу, ввиду чего предложено на законодательном уровне регламентировать порядок реализации данного имущества в части безвозмездности его передачи, в случае отсутствия возможности продажи, что соответствовало бы как позиции Верховного Суда РФ, так и общему порядку реализации имущества несостоятельного должника.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, иммунитет, имущественный иммунитет, объекты коммунальной инфраструктуры, компенсация.

DYUZHENKOV Nikolay Andreevich
postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

FEATURES OF PROPERTY IMMUNITY OF MUNICIPAL INFRASTRUCTURE FACILITIES IN THE FRAMEWORK OF BANKRUPTCY PROCEEDINGS

An analysis of bankruptcy legislation leads us to the conclusion that it is possible to expand the provisions on property immunities, including for some property of debtor legal entities, which includes communal infrastructure facilities. These facilities are not included in the bankruptcy estate and should be transferred to their owners. However, the current law does not provide a clear procedure for calculating compensation when property is seized from the bankruptcy estate. This leads to arbitrary determinations of the amount of compensation. Therefore, the author suggests establishing a unified methodology for calculating fair compensation based on market value and considering the size of creditors' claims against the debtor. The second group includes the remaining municipal infrastructure facilities, which are implemented according to general bankruptcy laws, with the exception that if they are not sold during competitive proceedings, they are transferred to local governments. However, there are conflicting positions in legal practice and doctrine regarding whether compensation should be paid for this transfer. Therefore, it is proposed to establish a legislative procedure for the sale of these properties in case of unprofitability, which would be in line with both the position of the Supreme Court and the general approach to selling the assets of an insolvent debtor.

Keywords: bankruptcy, insolvency, immunity, property immunity, municipal infrastructure facilities, compensation.

Термин исполнительский (имущественный) иммунитет получил распространение, в первую очередь, в контексте определения имущества должника-гражданина, защищенного от обращения на него взыскания или реализации в рамках дела о банкротстве. Между тем, анализ общих положений законодательства о банкротстве позволяет сделать вывод о том, что некоторое имущество должников-юридических лиц, входящее в состав их имущественной массы, также не подлежит реализации в рамках конкурсного процесса (или его реализация осуществляется с существенными ограничениями), что в целом позволяет считать такое имущество защищенным имущественным иммунитетом [4, с. 221].

К такому имуществу, в соответствии с положениями статьи 132 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), относятся социально значимые объекты[1]. При этом перечень таких объектов законом не определен, вопрос о квалификации имущества должника в качестве социально значимого разрешается судами самостоятельно, исходя из обстоятельств конкретного дела.

1 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2025) // Собрание законодательства РФ. – 28.10.2002. – № 43. – Ст. 4190.

В разных случаях суды признавали в качестве социально значимых объектов: транспортные средства (трамваи, троллейбусы), являющиеся безальтернативным и наиболее доступным средством передвижения для жителей отдельных микрорайонов города[2]; имущество центра детского творчества, оказывающего образовательные услуги для детей-инвалидов[3]; здание городской бани[4]. С другой стороны, суды отказывали в квалификации в качестве социально значимых объектов, здания остановочного пункта, предназначенного для транспортного обслуживания[5], спецтехники, используемой для обслуживания систем водообеспечения[6], земельных участков, на которых предусмотрено размещение образовательных объектов[7] и т.д.

Принадлежность объектов коммунальной инфраструктуры к социально значимым объектам в настоящий момент не вызывает сомнений. Это подтверждается как прямым упоминанием их в абз. 5 п. 4 ст. 132 Закона о банкротстве в числе объектов, в отношении которых установлены специальные условия реализации, так и их наличием в перечне объектов, прекращение эксплуатации которых не допускается при принятии решения о прекращении хозяйственной деятельности должника (п. 6 ст. 129 Закона о банкротстве).

В то же время, различные объекты коммунальной инфраструктуры в зависимости от их вида имеют разную правовую судьбу и разный порядок реализации в рамках дела о несостоятельности. Так, в соответствии с выводами Верховного Суда РФ, по общему правилу объекты коммунальной инфраструктуры включаются в конкурсную массу должника, а их продажа осуществляется по правилам п. 4 ст. 132 Закона о банкротстве[8]. Особенности реализации таких объектов заключаются в необходимости их продажи путем проведения конкурса, а также в возложении на покупателей обязанности по их надлежащему содержанию и эксплуатации. Такой порядок реализации установлен для объектов энергоснабжения, электроснабжения, теплоснабжения, объектов систем горячего водоснабжения и отдельных объектов данных систем.

Данный порядок реализации в целом соответствует общим правилам заключения договоров, предусматривающих отчуждение указанного имущества, закреплённым в специальном законодательстве. Так, к ключевым условиям отчуждения объектов коммунальной инфраструктуры относится их реализация путем проведения конкурса, а также обременение продаваемого имущества эксплуатационными и инвестиционными обязательствами. Как отмечает О. А. Городов, содержание инвестиционных обязательств заключается в их соответствии требованиям специально утвержденных инвестиционных программ в соответствующей сфере, а также в указании сроков исполнения инвестиционных обязательств покупателем, содержание эксплуатационных обязательств заключается в возложении на приобретателя обязанности осуществлять поставку коммунальных ресурсов по специальным ценам (тарифам) [3, с. 43]. Нарушение условий в части необременения имущества указанными обязательствами является основанием для признания сделки по отчуждению объектов коммунальной инфраструктуры недействительной (ничтожной) как посягающей на публичные интересы [6, с. 40].

Особый порядок реализации установлен для объектов централизованных систем холодного водоснабжения и (или) водоотведения. Так, согласно ч. 1 ст. 9 Федерального закона «О водоснабжении и водоотведении», отчуждение указанных объектов, а равно их передача в залог или внесение в уставный капитал хозяйственных обществ не допускается[9]. С учетом вышеизложенного судебной практикой выработан подход, согласно которому указанные объекты в принципе не подлежат включению в конкурсную массу и должны быть возвращены собственнику без обременения правом хозяйственного ведения должника[10].

По мнению И. М. Шевченко, особенности правового статуса объектов водоснабжения и водоотведения обусловлены их тяготением к respublicae (публичные вещи), при этом не имеет правового значения, в чьем фактическом владении указанные объекты находятся [10, с. 207]. Содержание публичных вещей, согласно точке зрения А. Б. Агапова, состоит в их направленности на обеспечение общегосударственных нужд, таких как публичное управление, государственная оборона, военное строительство [1, с. 11].

Однако, представляется, что факт отнесения объектов водоснабжения и водоотведения к публичным вещам не оправдывает дифференциации их с иными объектами коммунальной инфраструктуры. Так, К. И. Скловский рассматривает линейные объекты в целом как «вещи, служащие публичным интересам», понимание которых восходит к римскому пониманию respublicae [7, с. 325-355]. О публичном характере объектов коммунальной инфраструктуры говорит и А. В. Винницкий: «Определенные объекты собственности (электро-, тепло-, водоснабжение <…>) обрели в современных условиях общественную и в этом смысле – публичную значимость [2, с. 160-181]. В качестве публичной услуги, направленной на обеспечение основных жизненных потребностей человека, Конституционный Суд РФ также рассматривает, в частности, услуги в области теплоснабжения[11].

Таким образом, все рассмотренные выше объекты коммунальной инфраструктуры по своей правовой природе являются публичными вещами, направленными на удовлетворение базовых потребностей широкого круга населения. С учетом вышеизложенного, представляется, что установление

2 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.05.2023 № Ф09-2828/22 по делу № А07-13166/2017 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 13.08.2025).

3 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.05.2024 № Ф09-4517/19 по делу № А07-13106/2018 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 13.08.2025).

4 Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.02.2025 № Ф06-10615/2024 по делу № А72-15765/2023 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 13.08.2025).

5 Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.02.2023 № Ф07-22718/2022 по делу № А44-6406/2020 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 13.08.2025).

6 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.03.2023 № Ф09-297/20 по делу № А60-6507/2014 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 12.08.2025).

7 Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17.12.2024 № Ф08-8970/2024 по делу № А32-913/2019 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 12.08.2025).

8 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2025 № 15-КГ24-3-К1 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 12.08.2025).

9 Федеральный закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О водоснабжении и водоотведении» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. – 12.12.2011. – № 50. – Ст. 7358.

10 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2025 № 15-КГ24-3-К1 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 13.08.2025).

11 Постановление Конституционного Суда РФ от 29.03.2011 № 2-П // Собрание законодательства РФ. – 11.04.2011. – № 15. – Ст. 2190.

дифференцированных правил оборота указанных объектов в рамках дела о несостоятельности, обусловлено отнюдь не внутренними различиями в их правовом содержании, а исключительно необходимостью соблюдения условий реализации, установленными соответствующим законодательством.

Различные условия оборота объектов коммунальной инфраструктуры предопределяют и особенности их реализации в рамках дела о несостоятельности. В частности, как уже было сказано, объекты водоснабжения и водоотведения не подлежат включению в конкурсную массу и должны быть возвращены собственнику указанных объектов свободными от каких-либо обременений.

В то же время, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 16.05.2000 № 8-П (далее – Постановление № 8-П), возврат таких объектов не может осуществляться без выплаты соответствующей компенсации со стороны собственника произошедшего уменьшения конкурсной массы[12]. Вопросы, связанные с возложением на собственника имущества обязанности осуществить указанную выплату, а также с определением её размера, подлежат установлению в рамках дела о банкротстве.

При рассмотрении обособленных споров, связанных с возложением на собственников имущества обязанности осуществить выплату компенсации при их передаче, наибольшее количество дискуссий вызывают вопросы, связанные с определением размера такой выплаты. Порядок выплаты компенсации действующим законодательством не предусмотрен, единообразного подхода к определению её размера судебной практикой также в настоящий момент не выработано.

В Постановлении № 8-П указано, что компенсация за возврат объектов коммунальной инфраструктуры должна носить справедливый и соразмерный характер. Как отмечает в данной связи А. В. Егоров, в Постановлении № 8-П говорится не о рыночной, а именно о справедливой стоимости, определение размера которой будет осуществляться арбитражным судом исходя из конкретного дела [5, с. 127-128]. Вывод о недопустимости отождествления размера компенсации с рыночной стоимостью имущества содержится и в обширной судебной практике[13].

А. А. Чернышева в качестве ключевых механизмов определения размера компенсации отмечает ее определение на основании остаточной балансовой стоимости имущества должника, балансовой стоимости, а также на основании цены, установленной по результатам торгов [8, с. 84-85]. М. В. Чуприков в качестве одного из способов установления размера подлежащей выплате компенсации приводит взыскание ее в размере определенного процента от стоимости имущества (балансовой, рыночной) [9, с. 180-183].

Анализ актуальной судебной практики демонстрирует, что механизм определения размера компенсации в виде процента от его стоимости в настоящий момент является одним из наиболее распространенных[14]. При этом, устанавливая такой размер компенсации, суды, зачастую, надлежащим образом не мотивируют именно такой порядок определения справедливой компенсации[15], что в некоторых случаях даже является основанием для отмены принятых судебных актов судами вышестоящих инстанций[16]. В то же время, определенная таким образом сумма еще не является итоговой и может быть уменьшена на величину расходов собственника на реконструкцию, ремонт и содержание спорного имущества[17].

Таким образом, в настоящий момент судами не сформировано единообразной судебной практики относительно способов определения размера подлежащей выплате компенсации и установления её размера, что приводит к вынесению противоположных и противоречивых судебных решений, не способствует прозрачности и прогнозируемости рассмотрения дел.

В этой связи необходимой представляется разработка универсальных критериев определения размера компенсации за объекты коммунальной инфраструктуры, не включаемые в конкурсную массу, которые, в том числе, будут учитывать величину рыночной стоимости данных объектов, их фактическую ценность, а также размер требований кредиторов, предъявленных к должнику в рамках дела о несостоятельности, в особенности, требований ресурсоснабжающих организаций.

Иной порядок оборота установлен для остальных объектов коммунальной инфраструктуры, которые по общему правилу подлежат включению в состав конкурсной массы и реализации путем проведения торгов в форме конкурса. В случае признания торгов несостоявшимися, указанное имущество реализуется посредством публичного предложения или путем приглашения делать оферты. Если указанные объекты не будут проданы по вышеуказанным правилам, они подлежат передаче в муниципальную собственность.

Однако наиболее дискуссионным остается вопрос о необходимости выплаты компенсации собственником муниципального имущества в случае не состоявшейся его продажи в рамках дела о банкротстве. Так, А. А. Чернышева полагает, что «обязанность собственника муниципального имущества принять данные объекты не исключает возмездного характера такой передачи имущества», ввиду чего компенсация подлежит выплате [8, с. 55-56]. Противоположной точки зрения придерживается М. В. Чуприков, который, ссылаясь на выводы Верховного Суда РФ, указывает не необоснованность такого подхода [9, с. 190-192].

12 Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2000 № 8-П // Собрание законодательства РФ. – 22.05.2000. – № 21. – Ст. 2258.

13 Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 19.07.2024 № Ф10-4927/2022 по делу № А68-4808/2019, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.07.2024 № Ф08-4680/2024 по делу № А53-21432/2011, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.06.2025 № Ф03-1662/2025 по делу № А51-14933/2019 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 13.08.2025).

14 Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 06.03.2024 № Ф02-632/2024, Ф02-634/2024 по делу № А33-2600/2013, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.06.2025 № Ф04-3431/2024 по делу № А03-3283/2022, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 12.08.2024 № Ф06-2760/2024 по делу № А57-27770/2021 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 13.08.2025).

15 Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.07.2025 № Ф04-1950/2025 по делу № А67-7233/2020 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 14.08.2025).

16 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.07.2025 № Ф05-34160/2021 по делу № А41-37603/2019 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 14.08.2025).

17 Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24.10.2023 № Ф02-2926/2023 по делу № А74-12344/2017, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.07.2025 № Ф06-4175/2025 по делу № А72-11632/2021 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 14.08.2025).

Среди судов на этот счет также нет единства мнений. Так, некоторые суды широко трактуют выводы, содержащиеся в Постановлении № 8-П, допуская тем самым выплату компенсации и в случаях, когда спорное имущество включалось в состав конкурсной массы, однако не было реализовано, ввиду отсутствия спроса[18]. Согласно другой точке зрения, передача имущества, не относящегося к объектам холодного водоснабжения и водоотведения, на безвозмездной основе не нарушает баланс публичных и частных интересов, поскольку осуществляется в случае несостоявшихся попыток его реализации в рамках конкурентных процедур, что свидетельствует об отсутствии у муниципального образования выгоды от получения указанного имущества[19].

По нашему мнению, буквальное толкование позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что выводы в части необходимости выплаты компенсации распространяются только на объекты водоснабжения и водоотведения, которые не включаются в конкурсную массу в силу закона, что обусловливает необходимость возмещения собственником данного имущества выпадающих доходов должника. Напротив, ситуация, при которой имущество включалось в состав конкурсной массы, однако не было продано по результатам проведения торгов, свидетельствует об отсутствии спроса на него, вследствие его неликвидности. При таких обстоятельствах возложение на муниципальный орган обязанности по выплате компенсации за неликвидное имущество не представляется справедливым.

Более того, такой подход в целом соотносится с общими положениями законодательства о банкротстве, согласно которым не востребованное покупателями и иными участниками дела о банкротстве имущество должника подлежит безвозмездной передаче в собственность органов местного самоуправления (п. 8 ст. 148 Закона о банкротстве).

Обозначенные выше проблемы, по нашему мнению, ставят необходимость внесения изменений в действующее законодательство в части разработки единого механизма реализации объектов коммунальной инфраструктуры. В первую очередь, должны быть разработаны унифицированные критерии определения размера компенсации за изъятие из состава конкурсной массы объектов водоснабжения и водоотведения. Порядок расчета компенсации, во исполнение требований Конституционного Суда РФ, должен быть справедливым, учитывать интересы как собственника указанного имущества, так и должника и его конкурсных кредиторов. В основу методики расчета такой компенсации должна быть положена реальная рыночная стоимость имущества, а также размер реестра требований кредиторов.

Вторым вопросом, требующим, на наш взгляд законодательного разрешения, является определение возмездности/безвозмездности передачи объектов коммунальной инфраструктуры, включенных в состав конкурсной массы, но не реализованных в рамках дела о банкротстве, ввиду отсутствия спроса на такое имущество. Мы согласны с изложенной выше точкой зрения о том, что такое имущество должно быть передано органам местного самоуправления без выплаты компенсации за него – данный подход не противоречит выводам Верховного Суда РФ и соответствует общим положениям Закона о банкротстве. В то же время, ввиду наличия противоположной точки зрения, выраженной, в том числе, в судебной практике, представляется необходимым внесение изменений в законодательство о банкротстве в части подробной регламентации порядка передачи не реализованных в рамках дела о банкротстве объектов коммунальной инфраструктуры органам местного самоуправления.

18 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.12.2023 № Ф09-484/22 по делу № А60-42869/2019, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.02.2023 № Ф07-22344/2022 по делу № А44-355/2007, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 09.02.2024 № Ф06-11515/2023 по делу № А12-34922/2021 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 14.08.2025).

19 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.05.2023 № Ф05-7441/2012 по делу № А41-23390/2008, Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 08.02.2023 № Ф02-6208/2022 по делу № А74-12344/2017 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 14.08.2025).

Пристатейный библиографический список

1. Агапов А. Б. Публичные вещи // Административное право и процесс. – 2022. – № 1. – С. 11-15.
2. Винницкий А. В. Публичная собственность. – М.: Статут, 2013. – 732 с.
3. Городов О. А. О новеллах энергетического законодательства Российской Федерации, касающихся отчуждения объектов энергетики или перехода прав на них: цивилистических аспект // Правовой энергетический форум. – 2024. – № 4. – С. 39-47.
4. Дюженков Н. А. К вопросу о концепциях возникновения института имущественных иммунитетов // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 4 (203). – С. 219-221.
5. Егоров А. В. Конкурсное производство: комментарий ключевых моментов // Вестник гражданского права. – 2019. – № 1. – С. 114-139.
6. Карапетов А. Г., Матвиенко С. В., Мороз А. И., Сафонова М. В., Фетисова Е. М. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за март 2019 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 5. – С. 33-42.
7. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 6-е изд., испр. и доп. – Москва: Статут, 2023. – 894 с.
8. Чернышева А. А. Практика разрешения споров о передаче (возврате) социально значимых объектов и объектов коммунальной инфраструктуры в муниципальную собственность и споров, связанных с выплатой компенсации за такой возврат // Арбитражные споры. – 2024. – № 3. – С. 50-85.
9. Чуприков М. В. Компенсация за объекты, которые подлежат исключению из конкурсной массы: обзор правоприменительной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 12. – С. 160-192.
10. Шевченко И. М. О привлечении к субсидиарной ответственности публично-правовых образований по обязательствам их предприятий и учреждений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 4. – С. 188-208.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-267-270

Карюкин М. И.

КАРЮКИН Максим Игоревич
аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ СУЩЕСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

В связи с развитием правоотношений в области института существенного изменения обстоятельств важное значение приобретает вопрос об их правовой природе, сфере применения и сравнительном анализе иных правовых систем. Исследование особенностей применения данного института в правовых системах России, Англии, Франции, выявление ключевых различий в подходах позволяет выявить достоинства и недостатки различных правовых систем. Применение правовой категории существенного изменения обстоятельств невозможно без его рассмотрения на практике, выявления основных тенденций и подходов к балансированию интересов сторон договора в условиях изменившихся обстоятельств и тому, рассмотрении вопроса адаптации российского правового механизма с учетом зарубежного опыта для повышения гибкости и предсказуемости применения положений в договорных правоотношениях.

Ключевые слова: договор, существенное изменение обстоятельств, изменение договора, расторжение договора, непредвиденные обстоятельства, российское право, английское право, французское право, форс-мажор.

KARYUKIN Maksim Igorevich
postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ON THE ISSUE OF THE CONCEPTS OF THE INSTITUTION OF PROPERTY IMMUNITIES

In connection with the development of legal relations in the field of the institution of material change of circumstances, the question of their legal nature, scope of application and comparative analysis of other legal systems is becoming quite important. Studying the specifics of the application of this institution in the legal systems of Russia, England, and France, and identifying key differences in approaches allows us to identify the advantages and disadvantages of different legal systems. The application of the legal category of material change of circumstances is impossible without its consideration in practice, identifying the main trends and approaches to balancing the interests of the parties to the contract in changed circumstances and whether the Russian legal mechanism should be adapted, taking into account foreign experience, to increase the flexibility and predictability of the application of provisions in contractual legal relations.

Keywords: contract, significant change in circumstances, amendment to contract, termination of contract, unforeseen circumstances, Russian law, English law, French law, force majeure.

Стороны при заключении договора основываются на презумпции свободы договора, так как только они предполагают то, что для них является благом. В рамках заключенного договора предполагается его исполнение в будущем, а также закрепляются ожидания сторон, в том числе и относительно целей, средств и цен на товары, работы, услуги. Участники правоотношения заключают договор с целью получения тех или иных благ. Свобода договора и необходимость соблюдения его условий предполагает, что каждая сторона, вступившая добровольно в данные правоотношения, обязана исполнять данное обещание. В случае нарушения обещанного возникают специальные средства защиты, такие как взыскание убытков, исполнение в натуре и др.

Вместе с тем, нередки случаи, когда условия договора изменяются настолько, что данное существенно нарушает баланс интересов сторон и причиняет, либо может причинить существенный ущерб одной из сторон. Именно институт существенного изменения обстоятельств призван урегулировать данные ситуации, изменив или расторгнув заключенный договор. Понимание основных принципов, последствий и правовой природы данного института возможно при помощи анализа действующего российского и зарубежного законодательства.

Так, изменение или расторжение договора в соответствии со ст. 451 Гражданского кодекса РФ возможно по соглашению сторон, а в случае его отсутствия – судом, но только при наличии ряда условий:

1. Невозможность разумно предвидеть наступление таких обстоятельств.

2. Договор не был бы заключен на таких условиях, либо был заключен на существенно иных условиях, если бы могли предвидеть наступление таких обстоятельств.

3. Обстоятельства наступили притом, что стороны проявляли необходимую степень заботливости и осмотрительности.

4. Нарушение баланса интересов сторон, что причинит или может причинить одной из сторон значительный ущерб.

5. Наступление таких обстоятельств не возложено на одну из сторон законом или договором.

Важно отметить, что в российском институте существенного изменения обстоятельств предпочтение отдается именно расторжению договора, а не его изменению.

Вместе с тем, существование института существенного изменения обстоятельств неразрывно связано с действием «clausula rebus sic stantibus» - оговорки о неизменности обстоятельств в пределах границ обязательности сделки, которая в свою очередь служит действию принципа «pacta sunt servanda» [8, с. 214]. Важно отметить, что неизменность обстоятельств проявляется в том, что контрагент должен исполнить взятое на себя конкретное обязательство, а не быть принужден к исполнению того, где обстоятельства изменились настолько, что будут требовать от него действий совершенно иного характера, либо иных усилий, расходов и средств [9, с. 50]. Обременение, которое может наступить при возникновении тех или иных обстоятельств никак не предполагается сторонами и ни одна из сторон не желала бы заключать договор при таких условиях. Однако обстоятельства, за возникновение которых ни одна из сторон не отвечает, не приводят к невозможности исполнения, однако приводят к увеличению затрат на его исполнение [2, с. 18].

«Молчаливое условие» «clausula rebus sic stantibus» присуще любому договору и подразумевает ситуацию, когда условия договора перестают быть обязательными в случае, если фактическое положение изменилось настолько, что стороны бы не заключили договор [13, с. 250]. Намерения сторон, их воля заключить договор на конкретных условиях излагаются в подписываемом договоре, и данная воля должна утратить силу в случае фактического изменения условий [4, с. 105].

Неизменность обстоятельств является таким условием, которое стороны согласовали для исполнения в данном обязательстве, если обстоятельства останутся прежними как при заключении договора. Существенное изменение обстоятельств может привести к значительному обременению одной из сторон, нарушив, тем самым, баланс интересов. Возникновение такой ситуации позволяет заинтересованной стороне заявить об изменении или расторжении договора [7, с. 188]. Указанное в первую очередь направлено на защиту интересов стороны правоотношений, для которой исполнение такого договора при существенно изменившихся обстоятельствах повлекло бы наступление значительного ущерба[1].

Важно отметить, что ст. 451 ГК РФ распространяется на ситуации, при которых существенные обстоятельства возникают в момент совершения сделки. Обстоятельства могут быть как объективного, так и субъективного характера, однако находятся вне сферы контроля сторон договора. То есть после заключения сделки и до момента ее полного исполнения. Таким образом, обстоятельства, возникшие до момента заключения договора, никаким образом не могут быть учтены при определении степени существенности обстоятельств [12, с. 122].

При этом положения статьи 451 ГК РФ перекликаются с положениями статьи 178 ГК РФ, а именно «заблуждение является существенным, что сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку, если бы знала о действительном положении дел»[2]. Необходимо уточнить, что институт существенного изменения обстоятельств позволяет изменить или расторгнуть заключенный договор заинтересованной стороне после совершения сделки, в то время как при заблуждении, моментом возможности признания сделки недействительной является момент совершения сделки [1, с. 156].

Существенное изменение обстоятельств не препятствует исполнению обязательства и не влечет за собой полную невозможность как фактическую, так и юридическую к его исполнению [11, с. 469]. Указанное приводит к значительному обременению одной из сторон к исполнению обязательства, что существенно нарушает имущественные интересы субъекта договора.

Изучение правовой категории существенного изменения обстоятельств невозможно без анализа английской доктрины тщетности договора. В Англии правовая система пошла по своему пути развития и предполагает, что договоры должны соблюдаться, так как заключение договора является «встречей умов» - «meeting of the minds» [14, с. 32]. Стороны заключают договор, тем самым выражая свою волю и намерения к исполнению возлагаемых на них обязанностей, а также, при необходимости, вправе изменять или расторгать этот договор. Возникновение положений о нерушимости договоров явилось следствием «встреч умов». При этом обещание, зафиксированное в договоре, должно быть выполнено в том его виде, в котором и зафиксировано, но с учетом принципа свободы договора и доктрины встречного удовлетворения (прочно закрепившаяся в XVI веке в праве Англии). То есть именно встречное удовлетворение позволяет сделать вывод о том, что воли и намерения сторон напрямую связаны между собой.

Встречное удовлетворение позволяет сторонам правоотношения вступить в прочную юридическую связь, так как каждая сторона желает исполнить обещанное только в случае ожидания встречного удовлетворения, что вытекает из сущности гражданского договора.

Со временем английское право изменялось и модернизировалось, и ситуация, когда возникновение непредвиденного обстоятельства приводило к значительному изменению характера договорных прав или обязанностей и делала исполнение обязательства невозможным. Следствием стало появление доктрины тщетности договора, которая впервые нашла свое применение в деле Taylor v. Caldwell в 1863 году. Суть дела заключалась в том, что одна сторона предоставляла другой стороне по договору в аренду зал для проведения музыкальных мероприятий. Однако вследствие большого ночного пожара зал сильно пострадал, и проведение запланированного мероприятия стало невозможным, в связи, с чем истец обратился в суд с иском о нарушении договора. В решении суда было указано: «если бы стороны были вынуждены продолжать исполнение своих обещаний по договору, несмотря на то, что зал больше не использовался, исполнение сильно отличалось бы от того, которое стороны первоначально предусмотрели в договоре. Сгоревший мюзик-холл делает договор неисполнимым при существующих условиях». Немаловажно отметить, что в данном деле сторона была освобождена от ответственности за неисполнение обязательства, так как необходимо было предполагать так называемые «подразумеваемые условия» (implied terms) и судом отмечено: «исполнение зависит от дальнейшего существования

1 Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.02.2012 № 256-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Щербины Евгении Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 451 Гражданского кодекса Российской Федерации».

2 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». - 05.12.1994. - № 32. - Ст. 3301.

данного лица или вещи, подразумевается условие, что невозможность исполнения, возникающая в результате гибели лица или вещи, освобождает от исполнения». Таким образом, отсутствие концертного зала, не породило бы намерение сторон к заключению договора. Было дано обещание в расчете на получения встречного предоставления, что было нарушено возникновением существенного непредвиденного обстоятельства.

Анализируя доктрину тщетности, стоит отметить, что она является одним из способов распределения убытков, возникших в связи с наступлением непредвиденного обстоятельства. Экономическая выгода, преследуемая сторонами при возникновении существенных обстоятельств, будет значительно обременительнее, в отличие от первоначальных договоренностей.

Французское гражданское уложение использует свой путь развития. Так, если договор был заключен в соответствии с законом, то его расторжение возможно через суд и только в случае, когда фактическое исполнение обязательства невозможно в принципе, то есть при наступлении форс-мажорных обстоятельств, а не любых обстоятельств, не указанных в договоре. Также стоит отметить закон, который был принят Францией в период Первой мировой войны, так называемый «Закон Файо», позволяющий расторгнуть договор заинтересованной стороне, в ситуации, когда обстоятельства изменились настолько, что продолжение исполнения обязательства приведет к убыткам, которые стороны не могли бы предвидеть при заключении договора [9, с. 39].

При анализе Германской правовой системы, а именно Германского гражданского уложения указывается, что в случае, когда обстоятельства договора существенно изменились с момента его заключения, заинтересованной стороной может быть предъявлено требование об изменении условий договора, но только в случае, если невозможно считать сторону связанной договором с неизменными условиями[3].

Наряду с институтом существенного изменения обстоятельств находят свои отражения и обстоятельства непреодолимой силы, которые создают полную либо частичную невозможность исполнения того или иного договора, то есть это такие обстоятельства, которые ни в коей мере не зависят от воли сторон и освобождают стороны от ответственности за нарушение обязательства [3, с. 105].

Однако если обстоятельства, которые по своему характеру относятся к чрезвычайным и непредотвратимым, но не приводят к невозможности исполнения договора, не следует считать непреодолимыми, их рассмотрение лежит в пределах действия оговорки («clausula rebus sic stantibus»).

Обстоятельства, которые в российском праве не признаются существенными, занимают особое место в правовом регулировании, так как такой перечень отсутствует в законодательстве как таковой, поэтому именно судом определяется, будут ли обстоятельства признаны существенными [10, с. 14].

К таким обстоятельствам относят:

– введение различных ограничительных мероприятий или режима самоизоляции в стране, если данное не урегулировано законом или договором[4];

– прекращение деятельности завода-изготовителя на территории России[5];

– непрогнозируемый резкий рост на различные строительные материалы, вызванный эпидемиологической обстановкой в стране[6].

Также существенными зачастую не признаются судами:

– неконтролируемое резкое повышение цен из-за санкций[7];

– резкий рост курса валюты[8];

– приостановка деятельности иностранного производителя и как следствие приостановка отгрузок товаров из-за санкций[9];

– полная неплатежеспособность стороны или ухудшение ее финансового состояния[10].

При этом суды нередко не применяют положения статьи 451 ГК РФ при рассмотрении споров, ссылаясь на то, что сторона так или иначе должна или могла предвидеть наступление таких обстоятельств [5, с. 3]. Так, примером может служить дело № А40-83845/2015 в котором истец утверждал, что в 2014 существенно и непредвиденно повысился курс валюты, выйдя за пределы обычных колебаний курса валюты в связи, с чем просил зафиксировать курс доллара в договоре аренды. Однако апелляционным судом не был принят довод стороны и в иске отказано. В кассационной инстанции дело было завершено заключением мирового соглашения[11].

Ярким примером неприменения положений российского законодательства в части существенного изменения обстоятельств является Определение Верховного Суда РФ от 23.05.2017 № 301-ЭС16-18586. Суть спора заключается в том, что банковское учреждение было включено в международный санкционный список, что, по его мнению, яв-

3 Гражданское уложение Германской Империи. - СПб., 1898. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru (дата обращения: 26.05.2025).

4 «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2025).

5 Решение Арбитражного суда Амурской области от 20.06.2022 по делу № А04-3431/2022 // // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2025).

6 Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 20 сентября 2022 г. № 10АП-8355/2022 по делу N А41-13431/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2025).

7 Решение Арбитражного суда Республики Коми от 15 ноября 2022 г. по делу № А29-7006/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2025).

8 Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 23 октября 2020 г. № 04АП-4769/2020 по делу N А58-3392/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2025).

9 Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 13 апреля 2023 г. № 04АП-1057/2023 по делу N А10-4385/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2025).

10 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 августа 2020 г. № Ф05-11115/2020 по делу № А40-139648/2019; Определение Верховного Суда РФ от 12 марта 2020 г. № 307-ЭС20-544 по делу № А56-51762/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2025).

11 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 августа 2016 г. по делу № А40-83845/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2025).

лялось исключительным и непредвиденным обстоятельством, в связи, с чем требовало расторжение договора аренды нежилого помещения. Введение санкций в отношении конкретного юридического лица повлекло причинение значительных убытков и привело к необходимости закрытия ряда офисов по всей территории страны. Иск о расторжении договора был поддержан всеми инстанциями, однако Верховный Суд РФ не согласился с этим.

Рассмотренные примеры судебных споров показывают, что российская судебная система не принимает во внимание различные кризисы, затронувшие экономику страны и договорные правоотношения в частности, однако, для сравнения, в Германии основаниями для расторжения или изменения договоров вследствие существенного изменения обстоятельств в свое время явились сильная инфляция 1920-х годов, результаты Второй мировой войны, а также реформы в сфере экономики в 1948 году.

Проведенный анализ демонстрирует, что институт существенного изменения обстоятельств в каждой стране пошел по собственному пути развития, подкрепляясь различными обстоятельствами, причинами и последствиями. При этом, институт существенного изменения обстоятельств существует вместе с различными доктринами и оговорками, такими как clausula rebus sic stantibus, pacta sunt servanda, английская доктрина тщетности договора и некоторые другие. Вместе с тем, институт существенного изменения обстоятельств продолжает свое действие и развитие применимо к конкретным правоотношениям и рассматривается судами в индивидуальном порядке.

Пристатейный библиографический список

1. Александрова В. Д. Форс-мажорная оговорка и положение о существенном изменении обстоятельств // Скиф. Вопросы студенческой науки. - 2018. - № 4. - С. 154-157.
2. Громов А. А. Существенное изменение обстоятельств как основание для изменения или расторжения договора // Закон. - 2022. - № 2. - С. 18.
3. Данилова К. А. К вопросу о расторжении и изменении договора в связи с существенным изменением обстоятельств // Молодой ученый. - 2022. - № 39 (434). - С. 104-106.
4. Дождев Д. В. Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция и современные тенденции (начало) // Труды Института государства и права РАН. - 2018. – Т. 13, № 1. - С. 105.
5. Ерохова М. А. Влияние девальвации рубля на договор аренды. Сборник статей к юбилею В. В. Витрянского. – М.: Статут, 2017. - С. 69.
6. Статья 451 ГК РФ и доктрина существенного изменения обстоятельств // Вестник гражданского права. - 2019. - № 6 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Заря А. А. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств // Вопросы российской юстиции. - 2021. - № 14. - С. 178-196.
8. Зейц А. Г. Влияние изменившихся обстоятельств на силу договоров (clausula rebus sic stantibus) // Вестник гражданского права. - 2013. - Т. 13, № 5. - С. 214-215.
9. Козлова Н. В., Ягельницкий А. А. Расторжение гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств // Вестник Московского университета. - 2010. - № 3. - С. 50.
10. Козлова Н. В., Ягельницкий А. А. Расторжение гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств // Вестник Московского университета. - 2010. - № 3. - С. 39.
11. Мелешкова С. А. Существенное изменение обстоятельств как основание для изменения или расторжения договора // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2023. - № 3-3 (78). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/suschestvennoe-izmenenie-obstoyatelstv-kak-osnovanie-dlya-izmeneniya-ili-rastorzheniya-dogovora (дата обращения: 27.05.2025).
12. Овчинников А. А., Самохина Е. А. Существенное изменение обстоятельств как основание расторжения договора: проблемы судебной практики // Вопросы российского и международного права. - 2023. – Т. 13, № 3А. - С. 465-473. - DOI: 10.34670/AR.2023.50.56.075.
13. Очхаев Т. Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. - М., 2017.
14. Black's Law Dictionary. - St. Paul, Minn, 1990. - P. 250.
15. Block G. Semantics and the Sanctity of Contracts // A Review of General Semantics. - 1981. - Vol. 38, № 3.

МАГОМЕДОВ Магомед Русланович
аспирант, Юридический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Магомедов М. Р.

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ КАК ЭЛЕМЕНТ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Научная статья посвящена исследованию исторического пути формирования правового регулирования имущественных отношений супругов в России, начиная с древнего периода и заканчивая современными реалиями. Автор рассматривает эволюцию правовых режимов, анализирует происхождение института общности имущества супругов и факторы, повлиявшие на его утверждение в советское время. Работа также рассматривает современный Семейный кодекс РФ, отмечая позитивные шаги по индивидуализации имущественных отношений и поднимая вопросы, оставшиеся нерешенными в действующем законодательстве. Результаты исследования важны для специалистов в области семейного права, поскольку помогают глубже понять динамику и современные вызовы правового регулирования имущественных отношений супругов.

Ключевые слова: брак, имущественные отношения супругов, защита интересов супругов, брачный договор.

MAGOMEDOV Magomed Ruslanovich
postgraduate student, Faculty of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF MARITAL PROPERTY RELATIONS IN RUSSIAN LAW AS AN ELEMENT OF MARITAL RELATIONS: A HISTORICAL ASPECT

The scientific article is devoted to the study of the historical path of formation of the legal regulation of property relations between spouses in Russia, starting from the ancient period and ending with modern realities. The author examines the evolution of legal regimes, analyzes the origin of the institution of marital property community and the factors that influenced its adoption in Soviet times. The work also examines the modern Family Code of the Russian Federation, noting positive steps towards the individualization of property relations and raising issues that remain unresolved in the current legislation. The results of the study are important for specialists in the field of family law, as they help to better understand the dynamics and current challenges of the legal regulation of property relations between spouses.

Keywords: marriage, property relations of spouses, protection of the interests of spouses, prenuptial agreement.

Изучение происхождения и исторической динамики института общности имущества супругов, причин его институализации в российской правовой системе приобретает значительную актуальность, поскольку позволяет научно обосновать неизбежность сохранения данной конструкции в современном российском законодательстве. Общность имущества супругов сложилась в России в результате длительного процесса развития. Как отмечает В. В. Аристов, целесообразно рассматривать брак как своеобразную двустороннюю сделку, заключенную двумя индивидами ради достижения поставленных целей и предполагающую консолидацию усилий и материальных ресурсов партнеров. Логическим следствием такого подхода является признание общности результатов совместного труда и накоплений супругов. Само понятие общности имущества супругов возникло в Римской империи, первоначально фигурируя в высказываниях отдельных авторитетных римских юристов, таких как Нерва и Кассий. Идея единства имущества супругов находит отражение в известном положении юриста Модестина, считавшего брак объединением жизненного пространства супругов. Данный взгляд не был общепринятым, и в классической римской правовой традиции собственность супругов оставалась раздельной, о чем свидетельствуют используемые выражения при расторжении брака: «забирайте ваши вещи с собой» [2, с. 2-5].

Ранние этапы развития русского государства характеризуются существованием устных обычаев, регулирующих имущественные отношения супругов, что обусловлено отсутствием централизованного законодательства и письменной фиксации норм. В докрещенской Руси имущественное положение женщины находилось в тесной зависимости от обрядовой формы заключения брака, разнообразившейся в зависимости от этнических традиций восточнославянских племен. Так, у древлян, радимичей, вятичей и северян широко использовалась практика похищения невест, сопровождавшаяся ритуалами и последующим возмещением выкупных средств семье девушки. Другие группы, например поляне, придерживались иной традиции: молодожены оставались вместе на одну ночь, после чего семья жениха оплачивала символическую сумму родителям невесты. В некоторых регионах девушка могла получить землю, которой управляла лично, сохранявшуюся за ней в случае развода или передававшуюся детям. Однако недостаток исторических сведений и фрагментарность сохранившихся записей делают практически невозможным точное воспроизведение деталей правового регулирования имущественных отношений супругов той эпохи [8, с. 438-445.]. Имеющиеся источники подтверждают лишь разнообразие обычаев и практик, сформированных разными народами Восточной Европы. До официального введения христианства имущественные права женщины находились в сильной зависимости от типа брачной церемонии. Если свадьба происходила посредством похищения или выкупа невесты, имущественные права женщины резко ограничивались. Но если брак оформлялся путем передачи приданого, женщине предоставлялось больше возможностей по распоряжению частью имущества, полученного до брака [4].

Одна из примечательных характеристик ранней правовой культуры состоит в существовании аналогов договоров, которые допустимо трактовать как предшественников современного брачного договора. Подобные квази-контрактные соглашения закрепляли условия поступления женщины в

семью будущего супруга и уточняли соответствующие имущественно-финансовые обязательства сторон. Процедура заключения такого рода «договора продажи невесты»:

1) сватовство. На этом этапе посредники в лице сватов посещали дом невесты, чтобы обсудить условия предстоящего брака (сумму выкупа невесты, сроки внесения выкупа, а также дата заключения брака);

2) рукобитье. Сделка заключалась в устном соглашении между сторонами (родителями жениха или самим женихом и семьей невесты). Этот обряд имел юридическую силу в рамках обычного права. Соглашение охватывало не только финансовые обязательства сторон, но и практические вопросы ведения семейного хозяйства. Оплата за невесту включала: вывод (кладки) — передавался отцу невесты, и обрядовая плата, которая предназначалась ее брату или подругам [3, с. 29].

Свадьба выступала не только частным семейным актом, но и публичным событием, имевшим социально-экономическое значение для семьи невесты, обеспечивая ей определенные выгоды. Но фактическое правовое положение женщины в таких отношениях оставалось крайне уязвимым, поскольку ее личное имущество зачастую попадало под непосредственный контроль супруга, что серьезно ограничивало ее способность самостоятельно распоряжаться собственными ресурсами [8, 438-445].

Обычай уплаты выкупа за невесту в Древней Руси демонстрирует, что брак представлял собой не только социальную, но и экономически значимую категорию, воплощая собой некий обмен, в рамках которого жених получал законную власть над супругой, а семейство невесты извлекало финансовую выгоду. Форма устного и символического закрепления условий брачного соглашения отчетливо свидетельствует о зачаточном состоянии правового регулирования подобных отношений, где формально действовали устные обязательства, однако не существовало надежных письменных гарантий и эффективных механизмов защиты прав сторон. Сама передача вознаграждения за женщину членами ее семьи косвенно указывает на то, что представительница женского пола воспринималась скорее как объект брачного союза, нежели полноценный субъект правоотношений. Со временем, однако, правовая практика на Руси начала постепенно вводить нормы, гарантирующие жене определенный объем имущественных прав.

Христианизация Руси в 988 году коренным образом трансформировала правовое регулирование семейных отношений. Православная церковь заняла ведущую роль в регулировании брачных уз, привнесла заимствования из византийского права, заложив тем самым основу для формирования принципиально нового правового режима имущества супругов. Согласно положениям Кормчей книги, муж был ограничен в распоряжении имуществом жены без ее согласия, а вдовы получали ряд имущественных привилегий. Именно эти нововведения составили начальный этап формирования режима имущества супругов, открыв дорогу для последующего развития семейного права в России [5, с. 60-67].

Формирование института раздельного имущества супругов в русском праве завершилось в XII веке с появлением свода законов «Русская правда». Согласно указанному источнику, жена сохраняла самостоятельное право собственности на свое имущество, а муж не имел права обременять долги жены собственным имуществом. Более того, нормы наследования также подчеркивали равенство прав супруги и сыновей на имущество скончавшегося супруга. Другой значимый источник права того времени — «Вопрошание Кириково» — прямо запрещал мужчине тратить имущество жены без веских оснований, указывая на подобное поведение как повод для развода. Этот пункт демонстрирует раннее возникновение концепции раздельного владения имуществом, при которой женщина располагала правом независимой собственности на свои ресурсы [9, с. 371-372]. Но в официальных документах того периода отсутствуют прямые указания на обширные ограничения прав жены относительно личного имущества, за исключением приданого, которое после заключения брака считалось находящимся под управлением мужа. Муж был вправе распоряжаться данным имуществом, вплоть до отчуждения, включая недвижимость, однако для официальной продажи требовалось согласие жены, хотя на практике подобные нормы не всегда неукоснительно соблюдались [7, с. 94].

Исследовав действующие правовые акты Руси XII – XIII веков, можно утверждать, что основным способом регулирования имущественных отношений супругов в указанный период являлся режим раздельности собственности. Согласно нормативным документам, женщина обладала правом индивидуальной собственности на свое имущество, а после кончины супруга могла иметь право на долю его наследства. Однако практическая реализация данных прав в значительной мере зависела от социальных обычаев и традиций, что указывает на постепенное развитие института имущественной самостоятельности супругов, сыгравшего важную роль в формировании брачно-семейного права России.

Начиная с XIV века, наблюдается тенденция к формированию особого порядка, при котором раздельность имущества дополняется отдельными элементами общности. Так, в XVII столетии законодательно устанавливается запрет на понуждение жены к отчуждению или залогу ее землевладений, что знаменует усиление имущественной автономии женщины. Москва внедряет элементы совместного владения имуществом, особенно в отношении активов, приобретенных в период нахождения в браке. Так, Россия постепенно перемещается от раздельного владения собственностью супругов к общим началам семейной собственности, сохранив при этом отдельные аспекты раздельности. Общая собственность охватывает активы, находившиеся в пользовании семьи на момент заключения брака, а также совместно приобретенные ценности в течение совместной жизни. Однако сохранились исключения, отображенные в законодательстве. Например, Боярский приговор 1679 года воспрещал мужьям продавать земли, принадлежавшие жене, а царский указ от 19 июля 1679 года усилил этот запрет, сделав земельные участки жены неподлежащими отчуждению мужем. В то же время в областях бывшего Польско-литовского государства (Белоруссия, Черниговщина, Полтава) действовал режим раздельности имущества супругов, унаследованный от польско-литовского права XIV–XVII веков, что в последующем оказало влияние и на российское законодательство [6, с. 85-88].

Реформы Петра I конца XVII — начала XVIII века затронули и сферу семейного права, вызвав кардинальные изменения в восприятии статуса замужних женщин и регулировании имущественных отношений супругов. Произошло смещение акцентов от главенства церковного права к доминирующей роли светского законодательства. Впервые утвердился режим раздельности имущества супругов, при котором муж становился обладателем индивидуального права на земли, приобретенные им лично, в то время как жена сохраняла владение своим приданым. Императорским указом XVIII века о единонаследии была закреплена раздельность наследуемых имущественных масс между детьми от отца и матери. Женщины получили широкие полномочия по управлению собственными недвижимыми активами без согласия мужа. Несмотря на эти официальные новации, реальный правовой режим имущества супругов в XVIII веке менялся медленными темпами. Только к середине столетия стали известны единичные случаи, когда женщины получили возможность распоряжаться своим имуществом без санкции мужа, примером чего является знаменитое Сенатское дело Головиной 1753 года, где женщине было разрешено продать принадлежащий ей земельный участок. При этом мужья продолжали сохранять заметное влияние на управление семейными активами, что подчеркивает необходимость продолжения законодательных инициатив, направленных на эффективную защиту имущественных прав женщин. В целом, реформы Петра I открыли вектор трансформации семейных отношений в России, снизив зависимость женщин от традиционной религиозной юрисдикции и расширив их правоспособность в имущественной сфере. Однако практические последствия этих перемен оказались ограниченными, поскольку долго сохранялись архаичные традиции и привычка мужчин контролировать семейное богатство. Законодательство середины XVIII века, хоть и создало некоторую платформу для расширения женской автономии, не смогло кардинально изменить положение женщин в семье, что свидетельствует о необходимости последующих глубоких реформ и постоянной поддержки женщин в обеспечении имущественных прав [1, с. 24].

Свод законов Российской империи 1835 года закреплял следующий правовой режим имущества супругов: согласно ст. 109, каждый из супругов оставался полным собственником индивидуально принадлежащей ему собственности; согласно ст. 112, сделки между супругами становились абсолютно законными; ст. 115 предоставляла женщине право самостоятельно распоряжаться своим имуществом, причем приданое специально обозначалось как особая разновидность имущества жены. Несмотря на отмеченные улучшения, остатки неравенства сохранялись. Так, ст. 106 устанавливала обязательство мужа поддерживать жену материально, что также имело место и в начале XX века, когда гражданский кодекс Российской империи внес норму, согласно которой жена имела право на алименты даже в случае ухода от мужа, при условии, что суд признает проживание с ним невыносимым вследствие вины последнего[1]. Г. Ф. Шершеневич справедливо замечает, что появление подобной правовой нормы не объясняется исключительно историческими факторами или предшествующими указами монархов, так как такие основания не присутствовали в правовой традиции того времени. Скорее, это нововведение связано с активным вниманием российских императриц к улучшению положения женщин в обществе. Норма, закрепляющая право жены на содержание даже при уходе от мужа, стала важной составляющей семейного права Российской империи, символизирующей расширение прав женщин и стремление законодателя учесть современные реалии и потребности общества [10, с. 431-432]. Внедрение этой нормы не диктовалось историческими причинами или предустановленными законами, а скорее отражало усилия государства и просвещенных представителей власти поддержать независимость женщин и повысить их правовой статус в обществе.

После Октябрьской революции 1917 года советская власть радикально обновила подход к регулированию имущественных отношений супругов. Первоначально Кодексу законов о браке был присвоен режим раздельности имущества, однако уже спустя девять лет, в 1926 году, советским законодательством был учрежден режим общности имущества супругов, который действует и поныне. Новшество было вызвано желанием обеспечить защиту социально-экономического положения женщин, не располагающих доходом, и установить более справедливые условия в семье[2].

Сегодняшний Семейный кодекс Российской Федерации[3] (далее — СК РФ) закрепляет аналогичный режим совместного имущества супругов, но допускает возможность модификации этого режима посредством заключения брачного договора, что является значительным шагом к персонализации имущественных отношений в условиях рыночной экономики. Однако остаются нерешенными некоторые важные вопросы, требующие дополнительного законодательного регулирования. Одним из них является неясность правового статуса имущества, приобретенного до вступления в брак, но используемого в интересах семьи. Актуален и вопрос эффективной защиты интересов сторон при заключении брачного договора, предотвращения возможной дискриминации одной из сторон.

Историческое развитие правового регулирования имущественных отношений супругов в России отчетливо демонстрирует закономерную эволюцию от полного отсутствия законодательного регулирования до построения сложной системы правовых норм, призванных гарантировать равновесие интересов супругов. Процесс правового регулирования данной сферы продолжает оставаться подвижным, чутким к воздействию исторических традиций и современным социально-экономическим реалиям.

Заключение

Анализ эволюции правового регулирования имущественных отношений супругов в Древней Руси демонстрирует постепенный переход от обычаев к формализованным правовым нормам, обеспечивающим защиту имущественных прав женщин. Влияние христианства и последующие законодательные реформы способствовали укреплению института раздельной собственности, однако полная реализация этих прав зависела от социальных условий и традиций. Таким образом, формирование режима супружеской собственности в России представляет собой сложный и многогранный процесс, отражающий взаимодействие права, религии и общественных норм. Режим имущественных отношений супругов, сформировавшийся в постреволюционную эпоху и модернизированный в советский период, продолжил свое развитие в современном российском законодательстве. Хотя СК РФ создал эффективный правовой каркас, позволяющий адаптировать имущественные отношения супругов к современным условиям, остаются нерешенные проблемы, требующие усовершенствования. Наиболее остро стоят вопросы правового статуса добрачного имущества, используемого семьей, и защиты прав супругов при заключении брачных договоров. Очевидно, что правовая регуляция данной сферы останется актуальной задачей в ближайшей перспективе, адаптируясь к постоянным социально-экономическим изменениям.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев А. А. Правовое регулирование имущественных отношений супругов в Российской империи: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук; спец. 12.00.01; Место защиты: Юж.-Ур. гос. ун-т; Работа выполнена: Юж.-Ур. гос. ун-т. – Челябинск, 2007. – 30 с.
2. Аристов В. В. История появления и развития, эволюция режима общности имущества супругов в России: часть первая // Семейное и жилищное право. – 2024. – № 6. – С. 2-5.
3. Бондов С. Н. Брачный договор (контракт) по семейному праву России: автореф. дис. … канд. юрид. наук; спец. 12.00.01; Место защиты: Юридический институт МВД России; Работа выполнена: Юридический институт МВД России. – Москва, 1999. – С. 123.
4. Гамбург К. С. Проблемные аспекты правового регулирования имущественных отношений супругов // Репозиторий DSpace. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dspace.susu.ru/xmlui/handle/0001.74/36013 (дата обращения: 27.12.2024).
5. Захаров А. И. Историческое развитие правового регулирования имущественных отношений супругов в российском праве // Проблемы экономики и юридической практики. – 2014. – № 5. – С. 60-67.
6. Лакова М. Б. История возникновения и развития института совместной собственности супругов в Российской Федерации // Вестник магистратуры. – 2022. – № 2-2 (125). – С. 85-88.
7. Неволин К. А. Полное собрание сочинений К. А. Неволина: Т. 1-6. История российских гражданских законов: Введение и книга первая о союзах семейственных / 24. – Санкт-Петербург: тип. Э. Праца, 1857. – XVI. – 444 с.
8. Сергушкин Н. С., Нестерова Т. И. История становления и развития института общей совместной собственности // Вестник науки. – 2025. – № 1 (82). – С. 438-445.
9. Царегородцева О. Н. Становление и развитие имущественных отношений супругов в России с древних времен до середины XIX в. // «Черные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2007. – № 6. – С. 371-372.
10. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. По изданию 1907 года. – М., 1995. – 556 с.

1 Свод законов Российской Империи: Свод законов гражданских: С примечаниями и ссылками на позднейшая узаконения и оглавлением. Т. 10: Ч. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://study.garant.ru/m/#/document/6185346/tab/1/page/1 (дата обращения: 20.05.2025).

2 Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г.: Кодекс РСФСР: [утвержден Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом РСФСР 19 нояб. 1926 г.] // Собрание узаконений РСФСР. – 1926. – № 82. – Ст. 612.

3 Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=m6ocwvcun9782790987 (дата обращения: 27.12.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-274-277

Молчанов Е. В.

МОЛЧАНОВ Евгений Викторович
аспирант (частноправовые (цивилистические) науки), Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДОХОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАН

Статья посвящена исследованию принципа добросовестности и его роли в контексте осуществления доходной деятельности граждан. Особое внимание уделяется презумпции добросовестности, поскольку отсутствие нормативного регулирования доходной деятельности не может служить основанием для признания ее недобросовестной. В качестве примера рассматривается эзотерическая деятельность как вид доходной деятельности граждан, требующий специального дифференцированного правового регулирования с учетом индивидуальных особенностей и специфики. Акцентируется внимание на нематериальности предмета эзотерической деятельности и субъективности наступления результатов. В связи с этим подчеркивается важность предупреждения граждан о потенциальных рисках, связанных с обращением к субъектам эзотерической деятельности. Поэтому предлагается рассматривать подобные отношения как натуральные обязательства, акцентируя внимание на алеаторном характере таких взаимодействий.

Ключевые слова: экономическая деятельность, доходная деятельность, гражданско-правовой режим, принцип доброй совести, добросовестность, презумпция добросовестности, мериторные блага, натуральные обязательства.

MOLCHANOV Evgeniy Viktorovich
postgraduate student (private law (civil law) sciences), St. Petersburg State University of Economics

THE IMPORTANCE OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN THE IMPLEMENTATION OF INCOME-GENERATING ACTIVITIES OF CITIZENS

The article is devoted to the study of the principle of good faith and its role in the context of the implementation of income-generating activities of citizens. Special attention is paid to the presumption of good faith, since the absence of regulatory regulation of income-generating activities cannot serve as a basis for recognizing it as unfair. As an example, esoteric activity is considered as a type of income-generating activity of citizens, requiring special differentiated legal regulation, taking into account the specifics. Attention is focused on the immateriality of the subject of esoteric activity and the subjectivity of the results. In this regard, the importance of warning citizens about the potential risks associated with contacting subjects of esoteric activity is emphasized. Therefore, it is proposed to consider such relationships as natural obligations, focusing on the aleatory nature of such interactions.

Keywords: economic activity, income-generating activity, civil law regime, the principle of good conscience, good faith, presumption of good faith, abuse of law, merit goods.

В системе экономической деятельности отдельного внимания заслуживает доходная деятельность, под которой следует понимать волевой процесс физических лиц, направленный на получение экономического блага, необходимого для удовлетворения своих личных потребностей. Отличительной чертой от иных видов хозяйственной активности является цель. Как справедливо отметила А. Г. Демиева, наравне с активной экономической деятельностью субъекты доходной деятельности стремятся найти решение определенной жизненной проблемы (потребность в чем-то, интерес, получение некоего блага) [1, с. 73]. Они стремятся к реализации своего творческого потенциала, к поддержанию достойного уровня жизни и здоровья своей семьи.

Вместе с тем, доходная деятельность в законодательстве никак не отражена. Основное внимание законодатель уделяет предпринимательской деятельности, игнорируя положение ст. 34 Конституции Российской Федерации о дифференциации экономической активности[1]. Возникает неоднозначная ситуация: конституционное, фундаментальное право, с трудом может быть реализовано гражданами. Не каждый из них заинтересован в получении статуса индивидуального предпринимателя, особенно, если он не планирует заниматься узконаправленной сферой деятельности. Отсутствие соответствующих правовых режимов доходной деятельности порождает неблагоприятные последствия. Такая диспозиция позволяет судам признавать подобного рода деятельность предпринимательской с риском применения соответствующих санкций административного и уголовного права. Суды квалифицируют экономические правоотношения через призму признаков, указанных в ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[2], либо формируют свои критерии. В частности, судебная коллегия по административным делам Верховного суда Российской Федерации в определениях 08.04.2015 № 59-КГ15-2[3] и от 18.01.2019

1 Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2025).

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3 Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2015 № 59-КГ15-2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1339038 (дата обращения: 01.08.2025).

№ 78-КГ18-66[4] признала деятельность гражданина по сдаче нежилого имущества в аренду вследствие систематического получения дохода. Тем самым лишний раз подтверждается сложность реализации конституционного права.

Для решения данной проблемы необходимо исходить из цивилистической природы данных правоотношений. Диспозитивный метод как отличительная черта частного права будет способствовать наилучшей защите прав и интересов таких граждан. Каждый из них должен обладать правом на свободу действий, имея возможность менять направленность своего промысла для реализации сформированных планов. Более того, с учетом отсутствия нормативно-правового регулирования, необходимо исходить из презумпции добросовестности субъектов доходной деятельности. В каждом конкретном случае их вина должна быть документально подтверждена. Нет необходимости создавать строгие ограничительные рамки правового регулирования.

Критерий добросовестности является важнейшим в правопорядках многих стран мира. Его истоки лежат в далекой древности и восходят к понятию совести как базового этического критерия для осуществления человеком самоконтроля. Это внутреннее нравственное чувство любого индивида, выраженное в стремлении достичь социального идеала поведения. Оно существует неотъемлемо внутри каждого человека и позволяет сделать правильный выбор в конкретной ситуации. Причем, приоритет должен отдаваться достижению добра, как высшему благу общества. Римляне в качестве одной из важных добродетелей указывали на важность понятия «fides». Как отметил М. Бартошек, оно являлось опорой всех правоотношений в римском государстве и обозначало собственную честность каждого человека, доверие к чужой честности, верность данному слову, нравственную обязанность всех людей выполнять свое обязательство, в чем бы оно ни выражалось [2, с. 131]. Уже в III веке на ее основе сформировалась известная нам правовая категория добросовестности – «bona fides», означающая высшую степень доверия между сторонами возникшего правоотношения (в дословном переводе на русский язык – «добрая совесть»). Она способствовала судебному производству и помогала определять, что и как должник обязан был исполнить [3, с. 16].

Спустя несколько столетий понятие добросовестности как правовой категории было закреплено в Германском гражданском уложении[5], а позже реципировано отечественным законодателем. Это произошло относительно недавно – в 2013 году. В соответствии с п. 3 ст. 1 ГК РФ, при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, а также при исполнении своих гражданских обязанностей, участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Более того, ст. 10 ГК РФ, закрепляет презумпцию, согласно которой каждый субъект частного права должен признаваться добросовестным, пока не будет доказано иное. Отдельные положения этого принципа раскрываются в других статьях ГК РФ, иных нормативных актах, в многообразной судебной практике.

Понятие добросовестности законодателем не раскрывается. Многими юристами предпринимались попытки сформировать соответствующую дефиницию. Еще дореволюционный юрист И. Б. Новицкий выделял объективный и субъективный смысл понимания сущности и природы добросовестности [4, с. 56]. В первом случае речь идет о доброй совести как о внешнем мериле, такая концепция восходит к практике судов периода Римской республики по рассмотрению тяжб посредством принципа «ex fide bona». Они при решении спора должны были учитывать не только текст договора, но и его реальный смысл, который изначально вкладывался контрагентами, их действительная общая воля. Такой подход существует и сейчас в отечественном судопроизводстве, посредством сравнения конкретных поступков участника гражданских правоотношений с общепризнанным идеалом честного поведения, основанного на взаимном уважении прав и законных интересов. Для принятия справедливого решения необходимо установить логическую взаимосвязь между всеми лицами, которые могли быть затронуты сделкой. Как справедливо отметил В. С. Ем, добросовестность с объективной точки зрения должна восприниматься как модель поведения, характеризующаяся честностью, открытостью и уважением интересов другой стороны правоотношения [5, с. 16]. Поэтому закрепление в законе соответствующей дефиниции не требуется. Данный критерий является оценочной, абстрактной категорией, суд должен в каждом конкретном случае решать вопрос о необходимости апеллирования к данному базовому и универсальному принципу.

Второй, субъективный подход касается вопросов сознания конкретного индивида, его личных оценок и переживаний. Данный контекст позволяет более конкретно подходить к решению юридических проблем, с учетом оценки волеизъявления каждого участника правоотношений. По мнению К. И. Скловского, такой вид добросовестности характеризуется извинительным незнанием объективных препятствий к достижению преследуемой им юридической цели [6, с. 83]. Субъект не осведомлен об обстоятельствах, препятствующих приобретению им того или иного права. В его парадигме он действует правомерно и никак не нарушает прав иных лиц. Закрепляется презумпция того факта, что он не знал и никак не мог знать о наступлении негативных последствий.

Следует отметить, что эти подходы не исключают друг друга. Напротив, они оба нашли свое закрепление в гражданском законодательстве. Объективная сторона добросовестности закреплена в п. 3 ст. 1, п. 3 ст. 307 ГК РФ. Субъективная же касается более частных вопросов правоприменения, например, конструкции добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ). Данное деление является устоявшимся и общепринятым. Вместе с тем, некоторые авторы стремятся пересмотреть такую точку зрения. А. В. Егоров предлагает рассматривать субъективную сторону как частный случай добросовестности в объективном понимании честного и подобающего поведения в обществе [7, с. 4-5]. Дифференциация критикуется М. А. Церковниковым, поскольку она является «достаточно смутной и весьма небесспорной», на практике происходит смешение двух видов добросовестности [8, с. 26]. Оба воззрения являются излишне радикальными. Применение принципа добросовестности необходимо с учетом специфики каждого отдельного правоотношения.

Важность принципа добросовестности для регулирования любых частноправовых правоотношений, в том числе экономических, сложно переоценить. В связи с чем, А. Г. Демиева квалифицирует добросовестность в качестве универсального конструкта активной экономической деятельности [9, с. 152]. Участие любого хозяйствующего субъекта сопряжено с риском. Поэтому каждый из них самостоятельно должен осознавать свою персональную ответственность и стремиться действовать добросовестно. По справедливому мнению Р. И. Газизуллина и Ф. И. Хамидуллиной, она должна быть выражена в доброй воле субъекта и направлена на создание материальных благ и оказание различных услуг, в том числе приносящих прибыль, с конечной целью обеспечения наиболее полной реализации человека как главного потенциала общества [10, с. 122]. Безусловно, такой подход будет выгоден и самим субъектам экономической деятельности. В частно-

4 Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.01.2019 № 78-КГ18-66. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1736970 (дата обращения: 01.08.2025).

5 В немецкой доктрине он получил наименование «Treu und Glauben», ему посвящен § 242 Германского гражданского уложения.

сти, Г. А. Гаджиев отмечал, что добросовестное поведение является наилучшей гарантией экономии на трансакционных издержках, что способно привести к максимизации благосостояния [11]. В данном контексте он опирается на теорему Р. Коуза, которая является основой экономического анализа права[6].

Уже упомянутая выше ст. 10 ГК РФ запрещает любое злоупотребление правом. Из контекста статьи данные действия противопоставляются добросовестному поведению. В частности, недопустимо действовать в обход норм закона с противоправной целью, либо же заведомо стремиться причинить вред другому лицу, совершить грубое нарушение баланса частных интересов и так далее. Сам по себе факт совершения подобного действия (или бездействия) законом не запрещен, однако может привести в конечном итоге к правонарушениям или преступлениям. В результате причиняется вред другим лицам, обществу, а в некоторых случаях государству. Законодателем перечень никак не ограничен, поэтому у судов есть возможность трактовать данную категорию в зависимости от конкретных обстоятельств дела и наличествующих доказательств. Важно отметить, злоупотребление правом всегда сопряжено с умышленными действиями.

Поскольку правовые режимы доходной деятельности не сформированы, нужно исходить из добросовестности ее субъектов. Согласимся с утверждением К. И. Скловского, что сам факт признания поведения участников гражданского оборота недобросовестным не говорит о неправомерности их действий [12]. Суд должен дать оценку спорным правоотношениям, выявить конкретные нарушения права и договора, а уже потом использовать специальные нормы о недействительности сделок. Более того, следует отметить цель доходной деятельности – удовлетворение потребностей по приобретению жизненно необходимого блага. Каждое из них способствует не только развитию отдельной личности (инициатору), но и отвечает долгосрочным интересам экономической системы Российской Федерации. Они соотносятся с категорией мериторных благ (merit goods), сформированной Р. Масгрейвом в середине XX века. Впоследствии, ее специфика была раскрыта американским юристом Г. Калабрези в рамках права и экономики. По его мнению, такого рода блага являются «бесценным сокровищем», коммодификация которых вызовет уменьшение полезности для значительной части людей, а также приведет к издержкам [13, с. 54]. Например, к подобной категории относится жилище, привязанность добросовестного владельца к которому установил Конституционный суд Российской Федерации в постановлении от 21.04.2003 № 6-П[7]. Именно поэтому, учитывая социальную значимость, государство должно поддерживать стремление граждан к созданию новых мериторных благ или обмену существующих. Следовательно, их добросовестность должна презюмироваться, пока не будет доказано иное.

В связи с этим являются ошибочными предложения по запрету доходной деятельности лишь в силу их недобросовестности. Такие предложения часто высказываются в контексте регулирования эзотерической деятельности, под которой следует понимать совокупность различных учений о духовном развитии, доступных только ограниченному кругу лиц («посвященным» в эти тайные знания) и подтверждающихся особыми психологическими и духовными практиками. Только за 2024 год их популярность выросла до 9,5 млн. клиентов (для сравнения в 2023 году охват аудитории составлял лишь 7,3 млн.)[8]. Установление причин такого явления не является задачей данной статьи, поскольку относится преимущественно к области психологического анализа. В настоящее время нормы, регулирующие данные услуги, в отечественном законодательстве не предусмотрены, в том числе отсутствует прямой запрет на осуществление подобной деятельности. Вследствие этого, стороны вправе обратиться к положениям ГК РФ и Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»[9]. Данные правоотношения инициируются на основе двусторонних, взаимообязывающих актах взаимодействия, стороны заключают договор возмездного оказания услуг. Также следует отметить самостоятельность в принятии решений со стороны субъектов эзотерической деятельности, их имущественную автономность и самоорганизацию. Они получают вознаграждение за оказание специализированных услуг. Более того, они могут быть оказаны лицами, не обладающими статуса индивидуального предпринимателя или самозанятого гражданина. Тем самым можно отметить наличие практически всех признаков активной экономической деятельности, выделенных А. Г. Демиевой [9, с. 47-48]. Поэтому эзотерическая деятельность должна быть отнесена к числу доходной деятельности граждан.

Действующее законодательство не предусматривает оценку качества, объем, способ предоставления эзотерической услуги. Крайне тяжело определить наличие или существование нематериальных результатов деятельности, чтобы применить к таким отношениям соответствующие нормы права. Например, Московский городской суд в определении от 22.07.2022 № 33-25113/2016 отметил, что при подписании договора истец был предупрежден о нематериальной специфике заказанных эзотерических услуг и их субъективном ощущении[10]. Документов, подтверждающих некачественное выполнение ответчиком своих обязательств, истцом предоставлено не было. Следует отметить, что граждане добровольно обращаются за помощью эзотериков. Поэтому добросовестность их деятельности, с точки зрения гражданского права, должна презюмироваться. Любой факт злоупотребления правом или осуществления уголовно наказуемых мошеннических действий должен быть доказан в суде. Например, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации в определении от 12.11.2024 № 18-УД24-41-К4 признала гадалку виновной по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации[11]. Клиентка обратилась к ней за помощью в выздоровлении мамы. Для этого был предложен ритуал сожжения части денежных купюр, которые гадалка присваивала себе, а сжигала поддельные. Однако данная ситуация является исключением.

Часто высказываются предложения об ограничении эзотерической деятельности или о полном запрете. Говорится об их деструктивном характере, введении граждан в заблуж-

6 Теорема трансакционных издержек Р. Коуза гласит, что при нулевых трансакционных издержках размещение ресурсов (структура производства) будет оставаться неизменным и эффективным независимо от изменений в распределении прав собственности.

7 Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2025).

8 Россияне стали больше обращаться к эзотерике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/24/03/2025/67e0ca239a7947d963a655aa (дата обращения: 01.08.2025).

9 О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 07.09.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. – 1996. – № 8.

10 Определение Московского городского суда от 22.07.2022 № 33-25113/2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/16fb9c20-0b3a-4448-9e69-464ba5fc7dec (дата обращения: 01.08.2025).

11 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.11.2024 № 18-УД24-41-К4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2422586 (дата обращения: 01.08.2025).

дение[12]. Весной 2025 года на рассмотрение в Государственную думу РФ был внесен законопроект, направленный на запрет рекламы эзотерических и энергетических услуг, духовных практик[13]. При этом, его авторы не предоставили никаких статистических данных предполагаемого общественного вреда от оказания таких услуг. Признаки, по которым деятельность признается эзотерической, не всегда измеримы и не поддаются правовой квалификации, что противоречит принципу правовой определенности и создает риск произвольного применения. Поэтому справедливой является рекомендация Комитета Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений отклонить данный проект федерального закона. Подобная инициатива противоречит презумпции добросовестности.

В этой связи, данные правоотношения допустимо приравнять к натуральным обязательствам (obligatio naturalis). Их особенностью является невозможность судебной защиты прав. Несмотря на данный отказ, необходимо учитывать автономию воли контрагентов на добросовестное исполнение взятых на себя обязательств. К их числу принято относить обязательства, связанные с организацией игр и пари или с участием в них (ст. 1062, 1063 ГК РФ), а также «задавненные» требования кредитора, по которым была пропущена исковая давность (ст. 206 и п. 1 ст. 1109 ГК РФ). Однако законодательство не ограничивает перечень таких обязательств, и к ним могут быть отнесены и непоименованные договоры, в которых стороны действуют на основе моральных побуждений и велений совести. А. Г. Федотов, ссылаясь на исследование К. Христиансена, акцентирует внимание на взаимосвязь натуральных обязательств с презумпцией порока воли – они имеют место при действиях, совершенных ошибочно, в состоянии заблуждения [14, с. 91-92]. При этом подобное обстоятельство устранимо путем одобрения сделки, фактического исполнения обязательства и т.д. Такая специфика детерминирует алеаторный характер данных правоотношений. В связи с этим, необходимо предупреждать граждан о возможных рисках. В частности, соглашения, заключаемые с субъектами эзотерической деятельности, должны содержать формулировки о нематериальной природе предмета правоотношений, субъективном характере наступления исполнения обязательства и отсутствии гарантированного наступления результата. Это может произойти либо по вине контрагента, либо по независящим от сторон обстоятельствам (например, физическая невозможность).

Таким образом, подтверждается существенное значение принципа добросовестности при осуществлении доходной деятельности. Следует учитывать ее направленность на удовлетворение базовых потребностей и приобретение меритор-ных благ. Несмотря на отсутствие нормативного регулирования, необходимо исходить из презумпции добросовестности каждого субъекта доходной деятельности. Поэтому любые предложения ограничить или запретить доходную деятельность являются избыточными и противоречат основам гражданского и конституционного права. Более того, необходимо учитывать специфику каждого вида доходной деятельности в отдельности. В качестве примера были рассмотрены правоотношения, связанные с эзотерической деятельностью. Это один из видов доходной деятельности, специфика которой заключена в нематериальности предмета правоотношений и субъективности ощущений наступления результата. Поэтому необходимо предупреждать граждан о потенциальных рисках, связанных с обращением к услугам субъектов эзотерической деятельности. Данные правоотношения следует рассматривать как натуральные обязательства, которые обладают алеаторным характером. В связи с этим, при создании гражданско-правовых режимов доходной деятельности граждан необходимо применять дифференцированный подход, учитывающий индивидуальные особенности и специфику каждого вида в отдельности.

12 Депутаты хотят запретить эзотерику и астрологию. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pnp.ru/social/deputaty-khotyat-zapretit-ezoteriku-i-astrologiyu.html (дата обращения: 01.08.2025).

13 Законопроект № 901048-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, направленные на запрет рекламы эзотерических и энергетических услуг, духовных практик и развитие механизмов выявления и блокировки ресурсов, содержащих предложения о предоставлении таких услуг». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/901048-8#bh_histras (дата обращения: 01.08.2025).

Пристатейный библиографический список:

1. Демиева А. Г. Концептуальный вопрос о единстве активной экономической деятельности как социального и правового явления // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3 (69). – С. 71-76.
2. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. – М. Юрид. лит., 1989. – 448 с.
3. Павлов А. А., Карапетов А. Г. Отношения с участием предпринимателей как гражданско-правовые отношения // Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1-16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. – М.: М-Логос, 2020. – С. 297-322.
4. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте гражданского уложения // Вестник гражданского права. – 1916. – № 6. – С. 56-90.
5. Ем В. С., Суханов Е. А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. – 2019. – № 4. – С. 7-21.
6. Скловский К. И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. – 2002. – № 9. – С. 79-94.
7. Егоров А. В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal Insight. – 2013. – № 2. – С. 4-10.
8. Церковников М. А. О добросовестности в институтах вещного права // Вестник гражданского права. – 2017. – № 2. – С. 24-30.
9. Демиева А. Г. Активная экономическая деятельность и гражданское право. – М.: Статут, 2025. – 274 с.
10. Газизуллин Р. И., Хамидуллина Ф. И. Экономическая свобода и добросовестность как системообразующие начала правовой концепции социальной ответственности бизнеса // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 2 (180). – С. 121-131.
11. Гаджиев Г. А. Четыре точки зрения на добросовестное владение // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 10. – С. 89-109. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.08.2025).
12. Калабрези Г., Кушнарева И. В. Будущее права и экономики. Очерки о реформе и размышления. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 304 с.
13. Скловский К. И. Применение права и принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 2. – С. 94-118. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.08.2025).
14. Федотов А. Г. Натуральные обязательства // Вестник гражданского права. – 2010. – № 1. – С. 79-131.

НИКОЛЬСКИЙ Даниил Александрович
аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права, Московский государственный юридический университет имени О. Е Кутафина (МГЮА)

Никольский Д. А.

ДИСПОЗИТИВНЫЙ И ИМПЕРАТИВНЫЙ МЕТОДЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА ПРЕИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Статья посвящена анализу диспозитивных и императивных методов правового регулирования корпоративных отношений на примере института преимущественного права покупки долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Автор рассматривает историческую динамику правоприменительной практики и законодательных изменений в России, уделяя внимание позиции ВС РФ и недавним поправкам в законодательстве об обществах с ограниченной ответственностью. В работе также приведён сравнительно-правовой обзор регулирования преимущественного права в зарубежных юрисдикциях, что позволяет оценить эффективность избранного российским законодателем подхода.

Ключевые слова: корпоративное право, преимущественное право, границы диспозитивности, метод правового регулирования, сравнительно-правовой анализ.

NIKOLSKIY Daniil Alexandrovich
postgraduate student of Business and corporate law sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

DISPOSITIVE AND IMPERATIVE METHODS OF LEGAL REGULATION IN CORPORATE RELATIONS ON THE EXAMPLE OF THE PREEMPTIVE RIGHT DOCTRINE: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

The article analyzes dispositive and imperative methods of legal regulation in corporate relations using the example of the preemptive right to acquire shares in the charter capital of a limited liability company. The author examines the historical development of case law and legislative changes in Russia, focusing on the position of the Supreme Court of the Russian Federation and recent amendments to the legislation on limited liability companies. The paper also provides a comparative legal overview of the regulation of preemptive rights in foreign jurisdictions, which makes it possible to assess the effectiveness of the approach chosen by the Russian legislator.

Keywords: corporate law, preemptive right, boundaries of dispositiveness, method of legal regulation, comparative legal analysis.

Современное корпоративное право представляет собой сложную систему правовых норм, направленных, помимо прочего на установление баланса между автономией воли участников корпоративных отношений и защитой публичных интересов [7]. Осуществляется это посредством сочетания гражданско-правового метода регулирования, основанного на диспозитивности и правовой самостоятельности сторон [16, с. 97-98], и императивного метода, то есть наполнения корпоративного законодательства императивными нормами, что обусловлено субординационным характером регулируемых им отношений [4, с. 143]. С учетом этого в рамках российского правопорядка одним из основных вопросов правового регулирования корпоративных отношений стала проблематика квалификация отдельных норм законодательства в качестве диспозитивных или императивных, которая до сих пор нормативно не разрешена ни в законодательстве, ни в судебной практике [8]. Одним из способов обеспечения правовой определенности в этом вопросе может являться анализ актуальных новелл корпоративного законодательства, прямо затрагивающих вопросы императивности конкретных правил[1].

Наиболее резонансным для бизнес-среды[2] из недавних стали изменения, затрагивающие порядок осуществления преимущественного права покупки доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, вступающие в силу с 1 сентября 2025 года[3]. Принимая во внимание существование применительно к этому механизму значительного объема проблем правоприменения, связанных в том числе с его исходной негибкостью[4], а также относительно богатую историю различной правовой квалификации его императивности или диспозитивности, позволяющей проследить генезис отношения законотворцев и судов к этому институту, мы предлагаем именно на примере преимущественного права покупки доли провести анализ применения диспозитивного и императивного методов правового регулирования корпоративных отношений в российском правопорядке. В дополнение в работе будет приведен релевантный опыт иностранных юрисдикций по регулирования этого механизма,

1 Помимо изменения подхода к регулированию преимущественного права покупки долей, которое будет рассмотрено в настоящей работе далее, к таким новеллам может быть отнесена глобальная модернизация процедуры созыва и проведения общих собраний акционеров, в рамках которой непубличным акционерным обществам была предоставлена возможность установить своим уставом иной порядок, нежели установленный законом, при условии, что он не лишает акционеров права участвовать в голосовании и получать о нем информацию (пункт 5 статьи 47 Федерального закона от 26.12.1995 № 207-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – «**Закон об АО**») в редакции Федерального закона от 08.08.2024 № 287-ФЗ).

2 См., например, Продать долю долей в ООО станет проще. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.buhgalteria.ru/article/prodat-dolyu-doley-v-ooo-stanet-proshche (дата обращения: 22.07.2025).

3 Федеральный закон от 07.07.2025 № 185-ФЗ «О внесении изменения в статью 93 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и Федеральный закон от 07.07.2025 № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее совместно – «**Законы № 185 и 186**») // СПС КонсультантПлюс.

4 Преимущественная покупка доли: проблемы применения механизма. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.ru/story/259039/ (дата обращения: 22.07.2025).

предоставляющий возможность в сравнительно правовом аспекте оценить эффективность подхода, избранного российским законодателем, и предложить дальнейшее направление развития института преимущественного права для российских хозяйственных обществ.

В части российского правопорядка настоящая работа будет базироваться именно на историческом подходе, отражающем динамику взаимодействия диспозитивного и императивного методов регулирования применительно к механизму преимущественного права, в связи с чем мы предлагаем начать с «базовой» для нашего исследования позиции, заданной в изначальной редакции статьи 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – «**Закон об ООО**») и статье 93 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – «**ГК РФ**»). В соответствии с ними участники общества с ограниченной ответственностью пользуются преимущественным правом покупки доли или части доли участника общества в порядке, установленном статьей 21 Закона об ООО, при этом формулировки указанных норм не содержали дополнительных указаний на их диспозитивность («*если уставом не предусмотрено иное*» и пр.) или императивность («*указанное право не может быть исключено уставом общества*» и пр.). Вопреки признанной доктриной презумпции диспозитивности норм гражданского права [5], но следуя сложившемуся в практике оборота и правоприменении представлении о нормах корпоративного права как императивных [9], суды отмечали, что положения закона, регламентирующие порядок реализации преимущественного права покупки доли иными участниками общества, являются императивными[5]. Такой подход, несмотря на отсутствие каких-либо догматических или политико-правовых оснований для квалификации соответствующих норм в качестве императивных [6, с. 85 – 86], обеспечивал необходимую правовую определенность в толковании правил о преимущественном праве и давал участникам оборота четкую установку: установленная Законом об ООО процедура не может быть изменена решением участников, в том числе выраженном посредством внесения изменений в устав. Соответственно, законодателем был задан и правоприменителем поддержан императивный метод регулирования механизма преимущественного права, в значительной степени ограничивающий автономию воли участников корпорации в части определения порядка отчуждения долей в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью. Это может быть обосновано намерением обеспечить стабильность состава участников такого общества, что является одним из признаков и неотъемлемых характеристик корпораций закрытого типа [3]. Независимо от политико-правовых оснований такого ограничения, оно обеспечивало единую квалификацию соответствующих правил Закона об ООО в качестве императивных, исключающее толкование норм в качестве диспозитивных, из-за чего описанная в начале работы проблематика была успешно исключена. Иное восприятие ограничивалось научными работами и было основано лишь на теоретических представлениях о природе преимущественного права [10, с. 669-670], но не могло быть поддержано судебными позициями.

При этом следует отметить, что применительно к непубличным акционерным обществам законодатель занял иную позицию: в Законе об АО норма о преимущественном праве покупки акций сформулирована как четкая *opt-in* конструкция, активирующаяся, только если она прямо предусмотрена уставом, что косвенно указывает на то, что законодатель не считает, что как минимум существо регулирования в данном вопросе требует использования сугубо императивного метода [14]. Мы отметим, что такое различие являлось очередным примером не имеющего существенного правового основания различия в правовом режиме оборота долей в уставных капиталах обществ и ограниченной ответственностью и акций непубличных акционерных обществ, не связанным с правовой природой акций и затрагивающих исключительно внутренние отношения равных субъектов-участников корпораций.

Возвращаясь к положениям Закона об ООО, следующим этапом, демонстрирующим нечеткость выбранного законодателем метода правового регулирования механизма преимущественного права, стало утверждение в 2018 году форм типовых уставов обществ с ограниченной ответственностью, часть из которых позволяли прямо исключить действие преимущественного права (типовые уставы № 4, 10, 16, 22, 28 и 34)[6]. Из этого можно сделать вывод, что Минэкономразвития России (как орган, выпустивший соответствующий приказ) и Минюст России (как орган, осуществивший его правовую экспертизу, по итогам которой приказ был успешно зарегистрирован) квалифицируют нормы Закона об ООО и ГК РФ о преимущественном правки покупки долей в качестве диспозитивных и допускают отказ от их применения посредством отражения этого в уставе. В научной среде такая инициатива была воспринята отрицательно: О. И. Гентовт отметил, что подобные действия Минэкономразвития России вызывают недоумение, поскольку он, по существу, трансформировал императивную норму о данном преимущественном праве в диспозитивную и вышел за рамки своих полномочий, по сути, произвольно изменив закон [1], а С. Ю. Филиппова и И. С. Шиткина заключили, что подобным образом фактически субъектам предоставляется путь для обхода закона с помощью перехода на типовой устав из-за возникновения в правовой системе ситуации, когда подзаконным актом изменяются положения закона, что не соответствует ключевым идеям правового государства, в частности принципам верховенства закона [13].

Мы позволим себе согласиться с указанными мнениями: позиция в отношении возможности исключения применения преимущественного права посредством применения соответствующего типового устава идет вразрез и с логикой законодателя, и с накопленной судебной практикой. Предоставления корпорациям, избравшим для применения один из таких типовых уставов, ошибочного представления об отсутствии преимущественного права покупки долей создает для участников и третьего лица-приобретателя доли дополнительные издержки, связанные с судебным разбирательством, предметом которого будет являться требования о реализации отраженного в Законе об ООО, императивного преимущественного права. В связи с этим можно заключить, что вероятная попытка Минэкономразвития России посредством принятия подзаконного акта повлиять на *ex post* восприятие статьи 21 Закона об ООО только внесло дополнительную путаницу и отрицательно сказалось на ожиданиях участников оборота, но не имело существенного значения для сдвига границ диспозитивности правил, регулирующих механизм преимущественного права. Соответственно, правовой метод, применимый к нему, сохранил императивный характер, что подтверждается судебной практикой того времени[7].

Существенной вехой в определении природы преимущественного права покупки долей стало принятие в июне 2020 года определения Верховного Суда РФ (далее – «**ВС РФ**») по так называемому делу «Яна Тормыш»[8], в котором был разрешен целый ряд вопросов, связанных с природой корпоративных отношений и границами диспозитивности норм корпоративного законодательства. Так, одна из высказанных судьями позиций касалась и преимущественного права – с опорой на конституционно-правовое понимание гражданско-правового регулирования организации и деятельности обществ с ограниченной ответственностью как обладающего преимущественно диспозитивным характером[9] суд заключил, что «…в силу презумпции диспозитивности, положенной в основу регулирования общества с ограниченной ответственностью, все правила, касающиеся ограничения отчуждения доли в уставном капитале третьим лицам,

5 Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2017 № 05АП-5215/2017 по делу № А51-29234/2016 // СПС КонсультантПлюс.

6 Приказ Минэкономразвития России от 01.08.2018 № 411 «Об утверждении типовых уставов, на основании которых могут действовать общества с ограниченной ответственностью» (зарегистрирован в Минюсте России 21.09.2018 № 52201) // СПС КонсультантПлюс.

7 Решение Арбитражного суда Алтайского края от 18.01.2018 по делу № А03-10745/2017 // СПС КонсультантПлюс.

8 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 // СПС КонсультантПлюс.

9 Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 № 1564-О // СПС КонсультантПлюс.

включая право преимущественной покупки доли, могут быть изменены или полностью отменены уставом общества». Ограничивается такая диспозитивность, по мнению Судебной коллегии по экономическим спорам, только в случае если предусматриваемые уставом правила противоречат существу законодательного регулирования товарищеского соглашения[10], при этом полная отмена преимущественного права, как следует из указанной выше цитаты, такому существу не противоречит.

Научное сообщество отреагировало на занятую ВС РФ позицию более чем позитивно: А. Ю. Глазунов назвал ее прорывной [11], А. А. Кузнецов поддержал установление диспозитивного режима всех правил об ограничениях на отчуждение доли, обосновывая это их единой природой [6], а И. С. Чупрунов заключил, что она снимает какие-либо оставшиеся вопросы в отношении диспозитивности норм Закона об ООО о преимущественном праве [15]. Нижестоящие суды также активно восприняли опубликованное определение, цитируя в своих решениях в том числе положения о диспозитивности законодательного регулирования непубличных обществ[11].

Мы же хотим обратить внимание на внезапность такого «поворота» в правовом регулировании, основанного на единой судебной позиции, пускай и идущей от высшего суда. Как мы указывали ранее, понимание положений Закона об ООО о преимущественном праве в качестве императивных было однозначно принято участниками гражданского оборота, что обеспечило значительную степень правовой определенности в части отсутствия у участников общества права своим волеизъявлением изменить установленный законом порядок, если это напрямую не дозволено нормой. В связи с этим помимо проблематики справедливости выбранного подхода возникает вопрос, насколько обосновано резкое изменение правоприменительной практики без отражения новой позиции в законе.

Опираясь на прошлый опыт, можно отметить, что такая ситуация для регулирования корпоративных отношений не нова: в 2019 году в своем обобщении[12] существенно отошел от принятого толкования пункта 3 статьи 67.1 ГК РФ в части подтверждения решений участников обществ с ограниченной ответственностью, что вызывало бурную реакцию среди представителей юридического сообщества, хотя такой шаг признавался авторами в качестве разумного и опирающегося на телеологическое толкование закона [2]. Однако, понимая существенное значение такого разъяснения для нашего правопорядка, ВС РФ в отдельном отказном определении исключил обратную силу своей правовой позиции, сохранив в силе все решения, порядок подтверждения которых нарушал изложенные в обзоре правила[13]. Таким образом был достаточно эффективно снижен негативный эффект для делового оборота, вызванный разворотом устоявшейся деловой практики. В свою очередь, текст закона не был изменен, из-за чего утвержденные ВС РФ разъяснения стали де-факто правилами, задающими процедуру подтверждения решений наряду с нормами ГК РФ и Закона об ООО, что в целом соответствует принятому в российском частном праве порядку правотворчества.

Возвращаясь к регулированию преимущественного права, опираясь на описанный выше прецедент наиболее очевидным представлялось закрепление изложенных в деле «Яна Тормыш» позиций в нормативных разъяснениях ВС РФ, в том числе с целью формального закрепления диспозитивности положений Закона об ООО о преимущественном праве на том же уровне, на каком такое указание было сделано для норм статей 475 и 410 ГК РФ[14]. Впрочем, этот вопрос привлек внимание законодателя, и 5 декабря 2024 года в Государственную Думу были внесены законопроекты № 788656-8[15] и 788669-8[16], впоследствии принятые, одобренные и опубликованные в качестве Законов № 185 и 186. Не вдаваясь в юридико-технические подробности этих новелл, вступивших в силу 1 сентября 2025 года, они прямо закрепили право участников общества с ограниченной ответственностью посредством внесения изменений в устав исключить применения правил о преимущественном праве к одному или нескольким участникам, то есть на законодательном уровне была признана их диспозитивность по модели *opt-out*, и метод правового регулирования был окончательно изменен на диспозитивный в продолжение позиции ВС РФ. Отсылая на упомянутые выше мнения ученых, мы приветствуем такое решение законодателя не только как справедливо отражающее природу корпоративных отношений, но и соответствующее логике корпоративного законодательства, построенного на презумпции императивности, опровергаемой посредством специального указания о диспозитивном характере норме непосредственно в ее тексте [3].

Корректность именно законодательного изменения метода правового регулирования также подтверждается «от обратного»: несмотря на достаточно четкие указания, заложенные в решение по делу «Яна Тормыш», Арбитражный суд г. Москвы[17] и Девятый арбитражный апелляционный суд[18] заявили, что «…право преимущественной покупки доли в обществе с ограниченной ответственностью в действующем правовом регулировании – императивно», а соответствующие нормы Закона об ООО не могут быть изменены по соглашению сторон. Мы не можем исключить, что эти решения были приняты под «впечатлением» от внесенных в Государственную Думу законопроектов с ошибочным пониманием, что на тот момент действует обратное Законам № 185 и 186 регулирование, но мы хотели бы отметить, что этот пример четко демонстрирует необходимость законодательного разрешения границ диспозитивности норм частного права, тем более применительно к таким дискуссионным механизмам, как преимущественное право покупки долей. В ином случае, как показывает практика, невозможно избежать двоякого толкования соответствующих норм Закона об ООО, поскольку и суды, и иные правоприменители так или иначе будут более склонны применять общую презумпцию императивности норм корпоративного права, действие которой не привязано к конкретным институтам, а выступает общим правилом, опровергнуть которое с достаточной эффективностью возможно только путем изменения буквы закона.

Ввиду отсутствия наработанного объема правоприменительной практики мы не можем сделать однозначный вывод о том, как новые правила будут восприняты судами и, самое главное, нотариусами, но четкость изложения нормы, исключающая ее императивное толкование, внушает оптимизм. На данном этапе мы видим единственную потенциальную проблему: согласятся ли суды с действительностью положений уставов об исключении преимущественного права, принятых до 1 сентября 2025 года, или будут настаивать на том, что решение о принятии таких изменений должно быть принято после вступления новелл в силу – полагаем, в этой части целесообразно будет избрать первой подход при условии, что соответствующие решения приняты единогласным решением участников. Это позволит соблюсти и логику, изложенную в определении по делу «Яна Тормыш», и актуальную процедуру Закона об ООО.

10 Указанные позиции были также отражены в п. 15 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2020) (утв. Президиумом ВС РФ 25.11.2020) // СПС КонсультантПлюс.

11 См., например, Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.10.2022 № 19АП-3170/2021 по делу № А14-8344/2020 и Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.05.2022 № Ф05-9367/2022 по делу № А40-245872/2019 // СПС КонсультантПлюс.

12 Пункты 2 и 3 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. утв. Президиумом ВС РФ 25.12.2019) // СПС КонсультантПлюс.

13 Определение ВС РФ от 30.12.2019 № 306-ЭС19-25147 по делу № А72-7041/2018 // СПС КонсультантПлюс.

14 Пункт 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС КонсультантПлюс.

15 Законопроект № 788656-8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/788656-8 (дата обращения: 22.07.2025).

16 Законопроект № 788669-8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/788669-8 (дата обращения: 22.07.2025).

17 Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20.02.2025 по делу № А40-252360/24-57-545 // СПС КонсультантПлюс.

18 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2025 № 09АП-15961/2025-ГК по делу № А40-252360/2024 // СПС КонсультантПлюс.

Независимо от последующей практики правоприменения, описанный выше «путь», через который прошел механизм преимущественного права покупки доли в российском правопорядке, является уникальным с точки зрения попеременного перехода от императивной до диспозитивной квалификации, на каждом этапе создающего дополнительные трудности для участников обществ с ограниченной ответственностью и «подвешивающего» действительность положений их уставов, отличных от непосредственного текста Закона об ООО. Опыт иных юрисдикций, для большинства из которых само право преимущественной покупки долей или акций является традиционным [12], показывает, что обычной ситуацией является совершения правопорядком «выбора» в пользу одной из возможных моделей, диспозитивной по правилам *opt-in* или *opt-out*, либо императивной.

Так, корпоративное право Испании пошло по пути запрета *ex ante* отказа от применения механизма преимущественного права[19], поддерживая закрытую природу непубличных корпораций. В свою очередь, Франция[20] и Германия [18] применили *opt-in* подход: преимущественное право подлежит применению только в случае, если это было согласовано участниками. Англия[21] также подтвердила диспозитивность этих правил, но по модели *opt-out*, когда как конкретный способ структурирования этого права в США разнится от штата к штату, где в любом случае признается его диспозитивность [17]. Оставляя политико-правовые основания выбора применимой модели за рамками настоящей статьи, следует отметить, что в изученной нами доктрине по указанным выше правопорядкам не поднимается проблематика правовой неопределенности или непоследовательности правового регулирования механизма преимущественного права. Соответствующие решения законодателя или судебных органов описываются как ставящие точки в вопросах определения границ диспозитивности, и ученые не рассуждают об их зыбкости или несоответствия запросам гражданского оборота. Его участники, мы полагаем, адаптировались к принятым правилам и учитывают их при учреждении корпораций и передаче прав по акциям или долям, не ожидая существенных изменений регулировании. Соответственно, они полноценно пользуются одним из благ, которое право должно предоставлять всем субъектам – правовой определенностью, которая особенно важна для долгосрочных правоотношений, составляющих корпорацию.

Безусловно, мы из-за объективных ограничений не можем изучить достаточный объем национальной судебной и иной правоприменительной практики и с определенной степенью уверенности заключить, что суды Франции или Англии полностью избегают в своих решениях смещения границ диспозитивности преимущественного права и вынуждены делать выводы на основании обобщающих научных работ, но даже беглое сравнение российской и зарубежной доктрины подтверждает сделанные выше выводы.

Как мы уже отмечали, мы надеемся, что Законы № 185 и 186 и поставят точку в дискуссии о диспозитивности преимущественного права покупки долей в уставных капиталах российских обществ и окончательно закрепят применения к нему диспозитивного метода правового регулирования на многие года вперед. С другой стороны, мы выражаем определенное сожаление, что презумпция императивности корпоративного права настолько закрепилась в правовом сознании российских судов, что даже четкая позиция ВС РФ, выраженная в решении по делу «Яна Тормыш», не исключила различного толкования норм Закона об ООО внутри системы арбитражных судов. Ввиду этого можно заключить, что только законодатель обладает возможность разрешить многие возникающие в практике споры о диспозитивности иных положений Законов об ООО и Законов об АО, либо внося конкретные правки, либо закрепив обратную действующей презумпцию диспозитивности. Но даже такой подход нельзя назвать очевидно справедливым из-за потенциального значительного ущерба для правовой определенности регулирования российских корпораций, что создает политико-правовое основание сохранить текущий *status quo*. Оценка его силы против объективной потребности «освободить» российское корпоративное право – сложнейший правовой вопрос, который требует большего внимания и со стороны научного общества, и со стороны государственных органов.

19 Resolucion de la Direccion General de los Registros y del Notariado (DGRN) de 17 de octubre de 1998.

20 Cour de cassation, civile, Chambre commerciale, 11 mars 2014, 13-10.366.

21 S. 561 (1), (2) of Companies Act 2006. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/561 (дата обращения: 22.07.2025).

Пристатейный библиографический список

1. Гентовт О. И. Ограничение корпоративных прав: новый подход к известным конструкциям // Гражданское право. – 2019. – № 4. – С. 13-16.
2. Глазунов А. Ю., Горчаков Д. С., Чупрунов И. С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 10. – С. 79-134 @@ № 11. – С. 101-171.
3. Глушецкий А.А. Коммерческие корпорации: виды и организационное устройство. – Москва: Статут, 2023. – 294 с.
4. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве. – М.: Юридическая фирма «Контракт», 2019. – 488 с.
5. Гутников О. В. Пределы императивности в акционерном праве. Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / Отв. ред. Д. В. Ломакин. – Москва: Статут, 2021. – 414 с.
6. Кузнецов А. А. Новая жизнь российского корпоративного права и ограничения на отчуждение доли (акций). Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. – № 8. – С. 4-24.
7. Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. – М.: Статут, 2017. – 160 с.
8. Никольский Д. А. Границы диспозитивности при законодательном регулировании внутренних и внешних отношений корпорации // Юридическая наука. – 2025. – № 4. – С. 232-237.
9. Ода Х. Акционерные соглашения: осторожный шаг вперед // Вестник гражданского права. – 2010. – № 1. – С. 132-161.
10. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1 – 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: Статут, 2020. – 1469 с.
11. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / О. А. Беляева, С. А. Бурлаков, М. М. Вильданова и др.; отв. ред. О. В. Гутников. – Москва: ИЗиСП, Статут, 2021. – 528 с.
12. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2014. – 456 с.
13. Филиппова С. Ю., Шиткина И. С. Типовые уставы: к вопросу о правовой природе и назначении // Закон. – 2020. – № 4. – С. 152-160.
14. Чупрунов И. С. К вопросу о конструкции преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник гражданского права. – 2020. – № 4. – С. 94-219.
15. Чупрунов И. С. Начало «новой жизни» в российском корпоративном праве. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 8. – С. 25-68.
16. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. – М.: Статут, 2006. – 240 с.
17. Marco Ventoruzzo, Issuing New Shares and Preemptive Rights: A Comparative Analysis, 12 Rich. J. Global L. & Bus. 517 (2013).
18. Westermann H. P. Munchener Kommentar zum Burgerlichen Gesetzbuch (MuKo). – Munchen, 2019.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-282-286

Пантелеев И. Л.

ПАНТЕЛЕЕВ Илья Леонидович*
соискатель кафедры коммерческого права и основ правоведения, Юридический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО И ТОРГОВОГО ПРАВА В КИТАЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

*Внешнеторговый оборот Китая по итогам 2024 года увеличился на 5 % и составил 43,85 трлн юаней ($6,1 трлн), экспорт вырос на 7,1 % и достиг 25,45 трлн юаней, в то время как импорт повысился на 2,3 % - до 18,39 трлн юаней**. Китай ведет торговлю с более чем с 150 странами мира. При этом внешнеторговый оборот США за 2023 года составил $5,16 трлн. Для России китайский рынок представляет интерес не только как источник товаров, но и как их площадка сбыта, а поэтому исследование в области торгового права Китая может быть полезно не только для экспортеров, непосредственно соприкасающихся с национальным правом, но и для импортеров для понимания отдельных принципов торгового права Китая. В такой ситуации важным является понимание об объектах торгового оборота Китая. Настоящая работа посвящена сравнительно-правовому обзору объектов торгового права Китая и России.*

Ключевые слова: объекты частного права, принципа частного права, объекты права в КНР, сравнительно-правовой анализ.

PANTELEEV Ilya Leonidovich***
competitor of Commercial law and fundamentals of jurisprudence sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

OBJECTS OF CIVIL AND COMMERCIAL LAW IN CHINA: A COMPARATIVE LEGAL RESEARCH

In 2024 China's foreign trade turnover up by 5 % to 43.85 trillion yuan ($6.1 trillion), exports up by 7.1 % to 25.45 trillion yuan, while imports increased by 2.3 % to 18.39 trillion yuan. China trading with more than 150 countries. At the same time, the US foreign trade turnover in 2023 amounted to $5.16 trillion. For Russia, the Chinese market is of interest not only as a source of goods, but also as their sales platform, and therefore research in the field of Chinese trade law can be useful not only for exporters who are directly in contact with national law, but also for importers to understand certain principles of Chinese trade law. In this situation, it is important to understand the objects of China's trade turnover. This work is devoted to a comparative legal review of the objects of commercial law in China and Russia.

Keywords: objects of private law, principles of private law, objects of law in China, comparative legal analysis.

Внешний торговый оборот в Китае появился не позднее II в. до н.э. вместе с Великим шелковым путем. Очевидно, что столь масштабная торговая деятельность не могла быть неорганизованной и должна была регулироваться. А. В. Даньшин указывает, что конфуцианская идеология предполагала регулирование общественных отношений не столько через закон, а сколько через морально-этические нормы; законом регулировалось уголовное право, а вопросы гражданско-правового характера относились к «незначительным делам» [5]. П. Н. Дудин и А. И. Цыреторов обращают внимание на то, что право Китая в императорский период 618-1912 гг., до Синьхайской революции, не было структурировано по отраслевому принципу, упор делался на нормы уголовного права, а иные отношения подвергались регулированию в границах соответствующих уголовных установлений [6]. Это можно увидеть на примере главы десятой так называемого Китайского уложения 1725 года [7], посвящённой регулированию торговой деятельности и представляющей собой описание организации торговли (организация рынков и порядка доступа на них для торгового люда, об определении цен), а также внешнеторговой деятельности, с телесными наказаниями за нарушение соответствующих норм. К объектам права согласно Китайскому уложению можно отнести пашни и дворы (глава пятая), оборот которых предполагался, а также государственное имущество. Также в Китайском уложении упоминается хлеб, шелк и иные товары, но с точки зрения запрета на их экспорт. Вопросы обязательственного права были урегулированы только в части заемных отношений (глава девятая). Как и все законодательство тех времен, Китайское уложение являлось весьма казуистичным и представляло собой смешение норм частного и публичного права, поэтому ни понятия как такового объекта права, ни тем более системы объектов прав не существовало.

Торговое уложение Китая 1904 года [3] также преимущественно затрагивало вопросы публично-правового регулирования торговой деятельности.

В такой ситуации ожидаемо, что торговая деятельность могла быть урегулирована обычаями или иным образом. А. В. Даньшин приходит к выводу, что деятельность китайских коммерсантов преимущественно регулировалась так называемыми кодексами профессиональной этики купцов, которые также не содержали норм об объектах права [5].

* Научный руководитель: Филиппова Софья Юрьевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры коммерческого права и основ правоведения, Юридический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

** Китай в 2024 году увеличил экспорт на 7,1 %, импорт - на 2,3 % [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/business/1002543 (дата обращения: 13.06.2025).

*** Scientific supervisor: Filippova Sofya Yurjevna – Ph.D. in Law, professor, professor of Commercial law and fundamentals of jurisprudence sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

В последующем, уже во времена Китайской республики и по настоящее время самостоятельного кодифицированного торгового кодекса в Китае не существовало.

Несмотря на это, торговое право тесно вплетено в гражданское законодательство Китая. Так, Г. К. Гинс обращал внимание, что если в Германии есть гражданское законодательство, ориентированное на «земского человека» (Landmann), связанного с землей и живущего на ней, и есть торговое законодательство, ориентированное на «торгового человека» (Kaufmann), живущего в условиях капитализма и связанного с промышленностью, то в Китае единый Гражданский кодекс 1930-1931 годов, хотя во многом и заимствовал нормы германского законодательства, - есть смешение торгового и гражданского права [4]. Так, в качестве источника права признается торговый обычай (например, ст.ст. 314, 369, 566), а также дается особое указание на то, что управляющие и приказчики в части обычных торговых сделок осуществляют торговую деятельность без специального подтверждения своих полномочий (ст.ст. 170, 554 и 558).

Отметим, что законодательство КНР, порой весьма детально регулируя те или иные общественные отношения, продолжает (как и в императорские времена) уделять большое внимание принципам осуществления той или иной деятельности. В частности, применимо к торговому обороту к общим принципам можно отнести справедливость (fair), а также прозрачность (transparency, ранее - открытость (openness)), честность и добросовестность (honesty and good faith), беспристрастность (impartial) (ст.ст. 6, 496, 790 Гражданского кодекса КНР 2020 года (далее – ГК КНР)[1], ст. 3 Закона КНР «О ценных бумагах» 1998 года[2] (включая редакцию 2019 года[3]), ст. 5 Закона КНР «О компаниях» 1993 года[4] (включая редакцию 2018 года[5]), ст. 4 Положения по управлению коммерческими франшизами 2007 года[6]).

Таким образом, в Китае на законодательном уровне отграничить объекты торгового и гражданского права не представляется возможным. Учитывая, что предпринимательская (торговая) деятельность в КНР хоть и вытеснена в сферу необщественного сектора экономики, который признается, но по некоторому остаточному принципу[7], однако, прямо не запрещена, то объекты торгового права можно рассматривать через призму объектов гражданского права.

Исследуем поставленный вопрос на примере Гражданского кодекса Китайской республики 1930-1931 годов (далее – ГК Китайской республики), Общих положений гражданского права КНР 1986 года и ГК КНР 2020 года. Отметим, что в современном Китае принято считать, что ГК КНР 2020 года является первым кодифицированным нормативным правовым актом гражданского законодательства (так как наработки, имевшие место до провозглашения в 1949 году Китайской Народной Республики, не соответствуют идейно-политическим принципам современного Китая). Работа над ним велась в несколько этапов с 1958 года.

Несмотря на смену строя, структурно ГК Китайской республики 1930-1931 годов, Общие положения гражданского права КНР 1986 года и ГК КНР 2020 года весьма схожи. Отличия можно описать отсылками к Конституции КНР, согласно которой существующий государственный строй является вершиной, свержение господства империализма, феодализма и бюрократического капитализма – есть великая победа революции в результате которой китайский народ взял государственную власть в свои руки и стал хозяином страны, а также осуществил переход к социализму; было завершено социалистическое преобразование частной собственности на средства производства, уничтожена система эксплуатации человека человеком, утвердился социалистический строй, сформирована диктатура пролетариата.

Помимо гражданского кодекса понятие и отдельные виды объектов прав урегулированы Законом КНР «Об авторском праве» 1990 года, Законом КНР «О патентах» 1994 года, Законом КНР «О торговых знаках» 1982 года, Законом КНР «О векселе» 1994 года, Законом КНР «О ценных бумагах» 1998 года.

Указанное выше гражданское законодательство, как и российское законодательство до 1993 года, не содержит и не содержало ранее привычного нам сегодня перечня объектов права. Вместе с тем, анализ указанных источников позволяет выделить следующие объекты.

Основным объектом права являются вещи. Причем вещным правам посвящены отдельные самостоятельные разделы (третья книга ГК Китайской республики 1930 – 1931 годов, книга вторая ГК КНР 2020 года).

Под вещами (ст.ст. 66-70 ГК Китайской республики 1930-1931 годов) понимались недвижимость (земля и вещи, прикрепленные к ней, а также «продукты недвижимости, пока они не отделены от нее») и «движимость» (все то, что не входит в недвижимость). ГК КНР 2020 года, хоть и сохранил деление на движимые и недвижимые вещи, однако, не содержит их определения.

Права на вещи – вещные права в гражданском законодательстве Китая весьма разнообразны (при этом ст. 757 ГК Китайской республики 1930-1931 годов прямо указывает на то, что перечень таких прав является закрытым). Помимо права собственности к вещным правам относились залог, суперфиций, эмфитевзис, сервитуты, а также антихреза. Так как залоговое право в Китае – есть вещное право, то залог прав требования в ГК Китайской республики 1930-1931 годов регулировался нормами вещного права (ст.ст. 900-910).

Согласно ст. 756 ГК Китайской республики 1930-1931 годов объем правомочий собственника включал в себя пользование, извлечение выгоды и распоряжение, а также право требовать устранения вмешательства других лиц. Примечательно, что владение в ГК Китайской республики 1930-1931 не указано в качестве правомочия собственника. При этом согласно ст. 940 владелец – это лицо, имеющее власть факти-

1 Civil Code of the People's Republic of China. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/pdf/civilcodeofthepeoplesrepublicofchina.pdf (дата обращения: 13.06.2025).

2 Law of the People's Republic of China on Securities. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102033/c1371261/content.shtml (дата обращения: 13.06.2025).

3 Securities Law of the People's Republic of China. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2019-12/28/c_674672.htm (дата обращения: 13.06.2025).

4 Companies Law of the People's Republic of China. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.china.org.cn/english/government/207344.htm (дата обращения: 13.06.2025).

5 Company Law of the People's Republic of China. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/company-law-china-20181026 (дата обращения: 13.06.2025).

6 Regulation on Administering Commercial Franchises. Постановление Государственного Совета КНР от 06.02.2007 № 485. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/cn/cn331en.pdf (дата обращения: 13.06.2025).

7 Торговля – это одна из форм кооперативного хозяйства сельских коллективных экономических организаций (ст. 8 Конституции КНР). В отношении экономики, основанной на государственной собственности (социалистическая экономика, основанная на системе общенародной собственности) – это руководящая силой в народном хозяйстве, для государственная собственность является священной и неприкосновенной, а частная собственность просто признается.

ческого обладания вещью. К числу посредственных владельцев относятся залогодержатели, арендаторы, поклажепринимати или другие лица, которые на основании подобных же юридических отношений владеют вещами другого лица. Начиная с Общих положений гражданского права КНР 1986 года владение прямо отнесено к правомочиям собственника (ст. 71 Общих положений, ст. 240 ГК КНР 2020 года).

Как известно, российский правопорядок извлечение выгоды не относит к самостоятельному правомочию собственника. В первом приближении может сложиться мнение, что обособление правомочия по извлечению выгоды от пользования означает наличие пассивного пользования, которое становится тождественным владению. Однако, необходимость обособленного такого полномочия может быть показана на примере с арендой: собственник, передавший вещь во временное пользование и владение арендатору, извлекает выгоды из нее в виде арендных платежей. Также объяснения такого выделения могут находиться в плоскости современного политического строя КНР (с учетом ограничения на нахождение определенного имущества в частной собственности и возможности его использования), а также в дуализме частного права: собственно пользование – есть гражданское правомочие, а извлечение выгоды – скорее присуще торговому праву.

Начиная с Общих положений гражданского права КНР 1986 года собственность в КНР подразделяется на государственную, коллективную и частную. Несмотря на приведенное выше деление вещей на движимые и недвижимые, к государственной собственности помимо прочего относятся радиочастотный спектр (ст. 252 ГК КНР 2020 года). Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что движимое имущество (к которому, по-видимому, относится спектр) не ограничивается res corporales.

ГК Китайской республики 1930-1931 годов придерживался концепции разделения обязательства (основания) и права собственности, то есть разделения обязательственной сделки и распорядительной сделки (ст.ст. 758, 761). Следует отметить, что такой подход существует в Китае и по настоящее время. Только в 1958 году имела место попытка обосновать подход, согласно которому сделка непосредственно вызывает переход вещного права, то есть что право собственности продавца на имущество прекращается одновременно с продажей, а право собственности у покупателя на объект возникает в результате покупки [8]. При этом до сих пор в КНР существует дискуссия относительно модели titulus et modus acquirendi [2] и разъединения сделки на обязательственную и распорядительную [9].

Российский правопорядок, хоть и в форме, несколько отличной от китайской, также в разные времена имел разный подход к описанному вопросу. Так. ст. 66 ГК РСФСР 1922 года предусматривала, что право собственности в отношении индивидуально-определенной вещи возникает с момента совершения договора, а в отношении вещей, определенных родовыми признаками, - с момента их передачи.

Таким образом, можно прийти к выводу, что понятия вещи и вещных прав во многом схожи в КНР и в России.

Перечень иных объектов прав можно найти в ст. 440 ГК КНР 2020 года, которая содержит перечень объектов, права на которые могут быть переданы в залог:

– переводные векселя, простые векселя и чеки;

– облигации и депозитные сертификаты;

– складские квитанции и коносаменты;

– передаваемые паи фондов и акционерный капитал;

– передаваемые имущественные права, заключающиеся в интеллектуальной собственности;

– существующая и приобретенная впоследствии дебиторская задолженность; и

– любые другие права собственности, которые могут быть переданы в залог в соответствии с положениями законов и административных регламентов.

Приведенная выше статья и анализ законодательства КНР позволяют прийти к выводу об отсутствии родового понятия ценной бумаги. Вместе с тем, по смыслу ст.ст. 908, 910 ГК Китайской республики 1930 – 1931 годов можно сделать вывод о том, что некоторые из классических ценных бумаг названы (в первую очередь, векселя и облигации) и относились к движимым вещам.

В КНР можно выделить следующие группы ценных бумаг: долговые (debt securities), корпоративные ценные бумаги (securities of community member rights) и «титульные» ценные бумаги (property rights securities) [10].

Согласно ст. 2 Закона КНР «О ценных бумагах» в редакции 2019 года ценными бумагами являются акции, корпоративные облигации, а также депозитарные расписки. При этом понятие акции не раскрывается, а под облигациями понимаются ценные бумаги, подлежащие погашению в определенный срок с выплатой процентов (ст. 153 Закона КНР «О компаниях» редакции 2018 года). Акции и облигации могут быть именными (ст. 129 и ст. 156 Закона КНР «О компаниях» редакции 2018 года). Облигации могут передаваться и могут конвертироваться в акции.

По нашему мнению, целью законодательства КНР в области акций и облигаций является обеспечение интересов не только инвесторов, но и государства. Так, по смыслу ст.ст. 2, 15 Закона КНР «О ценных бумагах» редакции 2019 года эмиссия ценных бумаг санкционируется специальным государственным советом с широкими полномочиями усмотрения. Ст. 3 указанного закона предусматривает, что эмиссия должна осуществляться на принципах открытости и справедливости. Также закон детально описывает требования к эмитентам (например, до 2020 года: чистые активы эмитента должны составлять не менее 30 или 60 млн юаней для акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью соответственно, а размер эмиссии облигаций не может превышать 40 % от стоимости чистых активов эмитента, с 2020 года: наличие в течение 3-х лет прибыли, достаточной для погашения купонного дохода).

Согласно Закону КНР «О векселе» 1995 года под векселем понимаются простой вексель, переводной вексель и чек. При этом векселя законодательством КНР к ценным бумагам прямо не отнесены. Также полагаем важным отметить, что вексель в КНР не имеет абстрактного характера. Так, согласно ст. 10 Закона КНР «О векселе» 1995 года при выдаче векселя, его получении и передаче надлежит устанавливать и поддерживать действительные отношения, с реальными правами и обязанностями; при получении векселя следует уплатить надлежащую сумму, то есть сумму, о которой согласились стороны по вексельному отношению. Срок давности по векселю составляет 2 года после наступления срока платежа (а по векселям с платежом по требованию – 2 года с даты выдачи векселя). Кроме того, законодательство КНР в области векселей специально регулирует вопросы подделки векселей, случайной сделки с векселями, а также злостного неплатежа по векселю.

В остальном, законодательство КНР в области векселей схоже с российским.

Товарораспорядительные документы также знакомы китайскому праву.

Так, ст.ст. 385, 387 и 392 ГК КНР 2020 года, регулирующие складское хранение, предусматривают обязанность храните-

ля выдать поклажедателю складскую квитанцию, которая является основанием для получения сданных на хранение вещей и соответствующее право из такой квитанции может быть передано по передаточной надписи. Вместе с тем, нормы о двойном складском свидетельстве в китайском законодательстве отсутствуют.

Вторым видом товарораспорядительного документа, который можно встретить в современном законодательстве КНР, является коносамент. Согласно ст. 71 Кодекса торгового мореплавания КНР 1992 года (далее – КТМ КНР) коносамент - это документ, подтверждающий договор морской перевозки груза и подтверждающий то, что груз принят перевозчиком либо погружен им на судно, а также документ, гарантирующий доставку груза перевозчиком. Из указанного можно было бы сделать вывод о том, что коносамент не является ценной бумагой. Вместе с тем, ст.ст. 71, 78-80 КТМ КНР 1992 года не только содержат указание на то, что коносамент может быть именным, ордерным и на предъявителя, но и определяют порядок передачи коносамента, а также содержат указание на то, что получателем товара является держатель коносамента. Согласно КТМ КНР 1992 года согласия перевозчика на передачу коносамента не требуется.

В современных условиях, с учетом геополитической специфики, интерес вызывают особенности сквозной перевозки, а также ответственности перевозчика и фактического перевозчика. Так, согласно ст. 10 Конвенции ООН о морской перевозке грузов 1978 года, ст. 173 КТМ России и ст. 60 КТМ КНР 1992 года перевозчик несет ответственность за фактического перевозчика. Вместе с тем в вопросе сквозной перевозки можно наблюдать несовпадение подходов. Так, согласно ст. 102 КТМ КНР 1992 года под сквозной перевозкой понимается перевозка двумя и более различными способами транспортировки груза, в то время как согласно ст. 174 КТМ России сквозная перевозка – это перевозка, часть которой осуществляется не перевозчиком, а другим лицом, а согласно ст. 11 Конвенции ООН о морской перевозке грузов 1978 года сквозная перевозка – это такая перевозка, которая охватывается договором морской перевозки, но осуществляется не перевозчиком, а иным лицом – фактическим перевозчиком. Законодательство КНР разграничивает договор сквозной перевозки и договор морской перевозки (то есть морская перевозка с переменой судна в пути исключается из понятия сквозной перевозки). Нормы Конвенции ООН о морской перевозке грузов 1978 года о сквозной перевозке применимы скорее к ситуации со переменой судна в пути и фактически направлены на установление исключения из общего правила ответственности перевозчика за фактического перевозчика. По нашему мнению, КТМ России в рассматриваемом вопросе не только наиболее универсален (так как не ограничивает сквозную перевозку ни сменой способа транспортировки, ни сменой судна в пути), но и вводит единый коносамент, что позволяет в большей степени решать вопросы коммерсанта, как заказчика перевозки. Однако, само понятие такого единого коносамента в ст. 174 КТМ России введено скорее для ограничения ответственности первого перевозчика. Ст. 104 КТМ КНР 1992 года наоборот предусматривает, что именно лицо, заключившее договор на стороне перевозчика, несет ответственность за перевозку груза по всему маршруту транспортировки. Таким образом, КТМ КНР 1992 года предусматривает отдельный вид договора – договор сквозной перевозки, который во многом схож с договором транспортной экспедиции, как он определен в ст. 801 ГК России, и ответственность по которому несет перевозчик. КТМ России, не рассматривая вопрос договорных отношений, вводит понятие единого (сквозного) товарораспорядительного документа, а также разграничивает первого и последующих перевозчиков, которые являются самостоятельными лицами и самостоятельно несут ответственность. Конвенция ООН о морской перевозке грузов 1978 года устанавливает, что сквозная перевозка регулируется договором о морской перевозке, который исполняет перевозчик и фактический перевозчик.

Полагаем, что для торгового права, «которому» уже стало «привычным» быть не кодифицированным, не имеет существенного значения тот факт, что ценные бумаги и их разновидность - товарораспорядительные документы не обособлены в отдельный объект прав.

Хотя бы российская доктрина торгового права в настоящее время не признает в качестве объекта торгового оборота такие имущественные права, как исключительные права и права требования, мы полагаем целесообразным их рассмотреть в настоящей статье.

В части исключительных прав для торгового права наибольший интерес могут представлять средства индивидуализации. Данный вопрос урегулирован Законом КНР «О товарных знаках» 1982 года. Также КНР является участником Мадридского соглашения 1891 года и Мадридского протокола 1989 года.

Законодательство КНР не содержит родового понятия товарного знака, при этом имеется указание на то, что товарные знаки включают: собственно товарные знаки, знаки обслуживания, коллективные товарные знаки. Также к числу товарных знаков относятся знаки сертификации, использование которых санкционируется специальным органом в целях подтверждения места происхождения, используемых материалов, производственного процесса, качества или иных особых характеристик товаров или услуг (ст. 3 Закона КНР «О товарных знаках» 1982 года). Полагаем, что знаки сертификации имеют схожий аналог в России в виде системы добровольной сертификации (ст. 21 Федерального закона от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании»), которая при этом не имеет отношения к средствам индивидуализации. Компетентным органом могут определяться товары, для которых наличие товарного знака является обязательным (ст. 6 Закона КНР «О товарных знаках» 1982 года).

Примечательно, что в качестве товарного знака может выступать буквы алфавита и числительные, не содержа при этом в себе графического элемента (ст. 8 Закона КНР «О товарных знаках» 1982 года). При этом наименование места происхождения товара, не являясь самостоятельным объектом исключительных прав, может являться элементом товарного знака (ст. 16 Закона КНР «О товарных знаках» 1982 года).

Исключительные права на товарные знаки подлежат государственной регистрации. Правообладателями исключительных прав, как и в России, могут выступать как физические, так и юридические лица (ст. 4 Закона КНР «О товарных знаках» 1982 года). Срок исключительного права на товарный знак составляет 10 лет с даты регистрации (ст. 37), а не с даты подачи заявки, как в российском правопорядке. Такой срок может неоднократно продлеваться на 10 лет.

Исключительное право на товарный знак может отчуждаться по договору (ст. 39 Закона КНР «О товарных знаках» 1982 года) либо предоставляться по лицензии (ст. 40 Закона КНР «О товарных знаках» 1982 года). При этом законодательство КНР не содержит норм об исключительной или неисключительной лицензии.

Франчайзинг знаком китайскому правопорядку и регулируется Положением по управлению коммерческими франшизами 2007 года. Так, объектом франчайзинга могут быть товарный знак, коммерческое обозначение (enterprise mark), патент, ноу-хау или любой иной «бизнес-ресурс»

(business resource) (ст. 3). При этом к франчайзеру устанавливается ряд требований, таких как: опыт ведения предпринимательской деятельности не менее года, наличие не менее двух магазинов (two direct sales stores) (ст. 7). Условия франшизы подлежат предварительному направлению в компетентный государственный орган (ст. 9).

В части оборота прав требования можно отметить следующее.

Оборот обязательственных прав (прав требования) допускается ст. 545 ГК КНР 2020 года, кроме следующих требований:

– требования, которые не могут быть переуступлены в силу своего характера (it is not assignable by virtue of its nature);

– требований, уступка которых запрещена соглашением сторон;

– требований, уступка которых запрещена законом.

Уступка неденежного требования, совершенная добросовестным цессионарием, не может быть оспорена.

При уступке прав требования согласие должника не требуется. В случае же передачи прав и обязанностей согласие кредитора является обязательным (ст. 551).

Кроме того, как упоминалось нами выше, права требования могут быть переданы в залог (ст. 440).

Вопрос «профессиональной» продажи прав требования урегулирован в КНР договором факторинга (ст.ст. 761-769 ГК КНР 2020 года), единственным из приведенных выше договоров, включенным в ГК КНР 2020 года.

Договор факторинга может быть заключен в отношении денежного требования («дебиторской задолженности», receivable), причем как в отношении существующих, так и будущих прав требований.

Договором факторинга должна предусматриваться не только уступка прав требования, но и финансирование клиента, управление дебиторской задолженностью или ее взыскание, гарантия выплаты по дебиторской задолженности и тому подобное, что в целом соответствует подходу, заложенному в Конвенции УНИДРУА по международным факторинговым операциям 1988 года.

Не утверждая в настоящее время, что права требования являются объектам торгового оборота, полагаем, что само по себе правовое регулирование договора факторинга свидетельствует о том, что права требования могут быть объектами торгового права, так как систематическая уступка прав требований (да еще и будущих прав) присуща торговой деятельности и предполагает устойчивость родового объекта.

Как видно, правовое регулирование объектов торгового и гражданского права в КНР и в России во многом схоже. Вместе с тем полагаем выделить ряд особенностей, которые могут быть полезны в торговом обороте в России. Во-первых, принципы права. Китайское законодательство в определенном смысле продолжая достаточно точечно регулировать отдельные правоотношения, *в большинстве случаев отошло от построения в частном праве от норм в формате «диспозиция – санкция» (в виде наказания)*, более характерном для публичного права. Большое значение отдается принципам права. Причем первым из них является справедливость (правовой принцип, который, по нашему мнению, был утрачен российским правосознанием после Октябрьской революции 1917 года). Остальные принципы в той или иной мере знакомы российскому праву. Например, добросовестность, *открытость*. *Полагаем, что применение принципов права должно не следовать за применением нормы права, они должны взываться не только в случае столкновения с лакуной; их надлежит применять во всяком случае при установлении и осуществлении прав.*

С точки зрения как гражданского, так и торгового права интересным является выделение такого правомочия, как извлечение пользы (выгоды) из объекта и его обособление от иных правомочий. Как известно, в российской правовой доктрине триада правомочий применима к вещным правам. Правомочия же правообладателя в отношении иных объектов прав являются разнородными (вероятно, в силу разнородности самих объектов). Однако, такое правомочие, как извлечение пользы (выгоды) может быть универсальным правомочием, характерным для любых объектов прав (не только объектов вещных прав).

Отнесение радиочастотного спектра к объектам вещных прав, а также регулирование залога прав требования нормами вещного права в КНР свидетельствует о стирании границ между объектами вещных прав и объектами иных имущественных прав. В свою очередь это может служить отправной точкой для отказа от аксиомы торгового права о том, что основным объектом торгового оборота является товар. Вместе с тем, нормы законодательства КНР о четком разделении обязательственной и распорядительной сделки, по нашему мнению, применимо к торговому праву видятся не всегда удобными, т.к. «утяжеляют» торговый оборот реальным движением товара.

Пристатейный библиографический список

1. Ван И. Принцип разделения: что разделить // Восточное правоведение. - 2022. - № 4. - С. 181-188.
2. Ван Лимин. О принципе разделения в рамках модели titulus et modus acquirendi: в фокусе ст. 215 ГК КНР // Правоведение Цинхуа. - 2022. - № 3. - С. 5-19.
3. Ван Чжихуа. Столетие торгового законодательства Китая (1904-2004 гг.) // Государство и право. - 2015. - № 9. - С. 85-96.
4. Гинс Г. К. Гражданский кодекс Китая и торговое право // Вестник китайского права. Сборник первый. - Харбин, 1931. - С. 235-238.
5. Даньшин А. В. Кодексы профессиональной этики купечества как источник торгового права традиционного Китая // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2013. - № 2 (8). - С. 131-137
6. Дудин П. Н., Цыреторов А. И. Становление гражданского права Китая в 1912-1929 гг. (предкодификационный период) // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2019. - № 5. - С. 237-253.
7. Китайское уложение. Часть первая. Перевод Алексея Леонтьева. - Санкт-Петербург, 1778.
8. Основные вопросы гражданского права КНР / Под ред. каф. гражд. права Центральной школы политико-правовых кадров. - Пекин: Изд-во «Закон», 1958. - С. 213. Чэнь Ш. Принцип разделения в механизме передачи вещного права в Китае // Правоведение. - 2023. - Т. 67, № 3. - С. 346.
9. Сунь Сяньчжуна. Принцип разделения основания изменения вещных прав и его результат // Исследование правоведения. - 1999. - № 5. - С. 28-36.
10. Danling Yu. Chinese Business Law // Introduction to Chinese Laws. - 2015. - С. 96.

ЭШПУЛАТОВ Тимур Авазович
аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

СПЕЦИАЛЬНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РАЙОНЫ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В данной статье рассматривается проблема регулирования специальных административных районов. Автор приходит к выводу, что в России большей популярностью пользуется специальный административный район на острове Октябрьский в Калининградской области из-за его близости к странам Европы и одинакового часового пояса. В связи с чем автор предлагает способы для увеличения инвестиционной привлекательности острова Русский. Помимо этого, автор анализирует причины, по которым популярность специальных административных районов негативно влияет на российскую экономику. Автором приводится динамичный опыт развития специального административного района на примере Гонконга, который с мая 2025 года разрешил «входящую» редомициляцию в свою юрисдикцию, в том числе для российского бизнеса, став еще одной дружественной юрисдикцией. Однако редомициляция в Гонконг для российских компаний, несмотря на все преференции, может обернуться неблагоприятными последствиями из-за наложения вторичных санкций на местные банки и отсутствия широко сложившейся практики редомицилирования.

Ключевые слова: специальный административный район, офшоры, преференции, редомициляция, инвестиции, налоги, входящая редомициляция.

ESHPULATOV Timur Avazovich
postgraduate student of Business and corporate law sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

SPECIAL ADMINISTRATIVE DISTRICTS IN RUSSIA: REGULATORY ISSUES AND DEVELOPMENT TRENDS

This article considers the problem of regulation of special administrative districts. The author concludes that in Russia the special administrative district on Oktyabrsky Island in the Kaliningrad region is more popular due to its proximity to European countries and the same time zone. In this regard, the author suggests ways to increase the investment attractiveness of Russky Island. In addition, the author analyzes the reasons why the popularity of special administrative districts negatively affects the Russian economy. The author cites the dynamic experience of development of a special administrative region on the example of Hong Kong, which since May 2025 has allowed «inbound» re-domiciliation to its jurisdiction, including for Russian business, becoming another friendly jurisdiction. However, re-domiciliation to Hong Kong for Russian companies, despite all the preferences, may have unfavorable consequences due to the imposition of secondary sanctions on local banks and the lack of a widely established practice of redomiciliation

Keywords: special administrative region, offshore, preferences, redomiciliation, investment, taxes, inbound redomiciliation.

Появление специальных административных районов (далее – САР) в России на острове Русский в Приморском крае и острове Октябрьский в Калининградской области напрямую связано с амнистией капиталов и политикой деофшоризации в Российской Федерации. В настоящее время САР называют российской офшорной структурой, которая должна приносить пользу государству[1]. В свою очередь, амнистия капиталов, то есть процесс возвращения российских активов обратно в отечественную экономику без угрозы преследования их владельцев за неуплату налогов, является одной из главных целей процедуры редомициляции иностранных компаний на территорию САР. Рассмотрим более подробно становление и развитие политики деофшоризации и амнистии капиталов и то, как это повлияло на закрепление института САР в российском праве.

Процесс глобализации и бурный подъем трансграничного движения капиталов после Второй мировой войны, ставшие катализатором роста спроса на офшорные юрисдикции, являлись первопричиной для уклонения бизнеса по всему миру от уплаты налогов. Несмотря на то, что процесс уклонения от уплаты налогов был известен еще со времен Древней Греции (например, после введения 2 % налога на ввоз и вывоз товаров в древних Афинах, купцы объезжали Афины за 20 миль для избежания уплаты пошлин и сборов), активный рост сокрытия капиталов начался с середины XX века [2, с. 83]. Данный тренд не обошёл стороной и Россию, в правовое поле которой тенденция на офшорные юрисдикции вошла сразу после внедрения механизмов рыночной экономики.

Как отмечал Председатель Правительства РФ В. В. Путин в 2011 году, «…само по себе вывод и хранение капиталов в офшорные юрисдикции не запрещён законом, однако вывод капиталов из отраслевых ресурсов через подставные фирмы недопустим, так как в таком случае не виден конечный бенефициар»[2]. Действительно, офшорные юрисдикции являются не только местом для уклонения от уплаты налогов путём вывода капиталов в низконалоговые юрисдикции, но и могут стать центром притяжения для отмывания денег, финансирования преступной деятельности и терроризма. В том числе в связи с этим, политика деофшоризации в России началась уже в 1990-е годы и в настоящий момент насчитывает уже 5 этапов [3, с. 418].

Первый этап процесса деофшоризации в России можно отнести к концу 1990-х годов. В данный период были заложены основные начала борьбы с уклонением от уплаты налоговых обязательств. Так, Российская Федерация начала заключать договоры об избежание двойного налогообложения со странами, на территории которых были низкие налоги:

1 Эксперт: САР вреден для Дальнего Востока. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2023/07/27/reg-dfo/kto-poluchit-pliushki-sar.html (дата обращения: 10.05.2025).

2 Погоня за деньгами: мир против оффшоров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.forbes.ru/investitsii-column/202381-pogonya-za-dengami-mir-protiv-ofshorov (дата обращения: 10.05.2025).

с Республикой Кипр[3], Люксембургом[4], Нидерландами[5]. Заключение данных соглашений препятствовало избеганию от уплаты налогов и сокрытию капиталов.

Вторым этапом деофшоризации является период с 2000 по 2011 годы, характеризующийся активным международным сотрудничеством в этой сфере. Главной причиной такой активизации послужили теракты 11 сентября 2001 года. Именно тогда всё международное сообщество объединилось, чтобы предотвратить развитие отмыва и легализации доходов, добытых преступным путём. Так, в России еще в 2001 году была ратифицирована «Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии доходов, полученных преступным путём»[6]. Следом был принят важнейший Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115 «О противодействии (легализации) отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[7]. Помимо этого, в 2003 году Россия стала членом ФАТФ. Стоит отметить, что до настоящего времени редомициляция на территорию САР в РФ возможна только в том случае, если иностранная компания зарегистрирована в странах-участниках группы ФАТФ или других группах разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег.

Третий этап деофшоризации (с июля 2011 по март 2014), как представляется, можно связать с целью пополнения бюджета страны, испытывавшего дефицит из-за мирового экономического кризиса 2008-2009 гг. В данный период борьба с уклонистами-налогоплательщиками в России начала возрастать. Так, в Налоговый кодекс РФ были внесены изменения, в ходе которых появилось понятие контролируемых сделок, взаимозависимых лиц[8], а в Уголовном кодексе появились новые составы преступлений – ст. 173.1 и ст. 173.2 УК РФ, которые ставили под запрет возможность иметь счета и вклады в иностранных банках должностным лицам и их семьям. В соглашения об избежание двойного налогообложения с иностранными государствами были внесены корректировки в части обмена налоговой информацией для пресечения создания фиктивных холдингов для уклонения от уплаты обязательных платежей.

Четвёртый этап политики деофшоризации (март 2014-2020) относится к периоду начала санкционного давления на Россию со стороны западных государств в связи с украинским кризисом и присоединением Республики Крым. Помимо прочих важных мероприятий, проводимых в данный период, создание САР в 2018 году стало правовым инструментом для возврата вывезенного российского капитала в отечественную экономику через процедуру редомициляции. Именно в этот период Российская Федерация начала переходить от борьбы с деофшоризацией и выводом капиталов из страны к созданию квазиофшорных правовых режимов внутри государства с большими преференциями для возвращающихся в отечественную экономику иностранных компаний.

Пятый период политики деофшоризации в России относится к периоду с 2020 г. по февраль 2022 г., когда государство активно внедряло антиофшорное регулирование во время пандемии COVID-19 для антикризисного регулирования всех сфер общественной жизни, включая экономику, и налоговой оптимизации. В данный период соглашения об избежание двойного налогообложения с низконалоговыми юрисдикциями (Кипр, Люксембург, Мальта) были пересмотрены в части уплаты налогов на дивиденды: с 0-10 % повысились до 15 %, а с Нидерландами соглашение вовсе было денонсировано[9].

Наконец, к наиболее значимому периоду политики деофшоризации, с точки зрения роста популярности САР, можно отнести период с февраля 2022 года по настоящее время. После начала СВО в отношении Российской Федерации было введено беспрецедентное количество санкций, из-за которых иностранные компании, конечными бенефициарами которых были российские резиденты, не могли осуществлять предпринимательскую и иную экономическую деятельность на территории недружественных стран. Это напрямую отразилось на увеличение количества процедур редомициляции на территории САР, которые ряд специалистов называют теперь «русскими офшорами», подконтрольными государству. Также после февраля 2022 года были внесены изменения в законодательство, регулирующее процедуру редомициляции, которые существенно упростили процесс смены юрисдикции иностранными компаниями и их последующую регистрации на территории России.

С 2018 года, то есть с момента появления САР в России, до 1 января 2025 года число участников САР составило 488 компаний[10]. Наибольшей популярностью среди редомицилировавшихся компаний пользуется САР на острове Октябрьский в Калининградской области, ввиду его географического удобства и близости со странами Европы, а также часового пояса, по сравнению с САР на острове Русский на Дальнем Востоке. Здесь необходимо отметить, что стратегически территории САР были выбраны неспроста: так, САР на острове Русский находится на Дальнем Востоке вблизи стран Азии, что предполагало удобство для холдинговых компаний, чьи дочерние компании зарегистрированы в Азии. Однако, как показывает практика, большинство иностранных компаний, которые переезжают в Россию, редомицилируются из стран Европы. Полагаем, это связано с тем, что российский капитал в конце 1990-х был вывезен в большинстве случаев именно в европейские офшорные юрисдикции, нежели в азиатские, которые к тому времени не были сильно развиты.

Несмотря на большое количество налоговых, правовых и иных преференций участникам САР, оперативность взаимодействия с управляющими компаниями САР и органами государственной власти, а также качество бизнес-инфраструктуры на территориях САР остаётся на низком уровне, что отмечается представителями самих «переехавших» компаний[11].

В настоящее время на территории России действуют следующие правовые режимы (под правовым режимом нами понимается комплекс правовых средств, включающих в себя особые дозволения, запреты, а также позитив-

3 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Кипр об избежание двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал. (Заключено в г. Никозии 05.12.1998) // СЗ РФ. - 1999. - № 37. - Ст. 4447.

4 Соглашение между Российской Федерацией и Великим Герцогством Люксембург об избежание двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество. (Заключено в г. Москве 28.06.1993) // СЗ РФ. - 1997. - № 44. - Ст. 5021.

5 Соглашение между Правительством РФ и Правительством Королевства Нидерландов от 16.12.1996 «Об избежание двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество» // СЗ РФ. - 1998. - № 46. - Ст. 5604.

6 Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (заключена в г. Страсбурге 08.11.1990) // Бюллетень международных договоров. - 2003. - № 3. - С. 14-46; Федеральный закон от 28.05.2001 № 62-ФЗ «О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности».

7 Федеральный закон от 07 августа 2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. - 2001. - № 33 (Часть I). - Ст. 3418.

8 Федеральный закон от 18.07.2011 № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения» // СЗ РФ. - 2011. - № 30 (Ч. 1). - Ст. 4575.

9 Федеральный закон от 26.05.2021 № 139-ФЗ «О денонсации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Нидерландов об избежание двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество» // СЗ РФ. - 2021. - № 22. - Ст. 3674.

10 Эксперты: сохраняется высокая динамика прироста участников САР в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kgdrdc.ru/media/news/all/eksperty_sokhranyaetsya_vysokaya_dinamika_prirosta_uchastnikov_sar_v_rossii/ (дата обращения: 10.05.2025).

11 Там же.

ные обязывания)[12] для специальных экономических зон: 1) особый правовой режим на территориях опережающего развития; 2) особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности на территории особой экономической зоны; 3) особый правовой режим для международных компаний и международных фондов на территории САР [1, с. 381].

Правовой режим на территории САР подробно регламентирован Федеральным законом от 03 августа 2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края»[13] (далее – Закон № 291-ФЗ). В нем предусмотрены особенности осуществления полномочий органов государственной власти на территории САР ввиду особого правового режима, подробно изложены: процедура рассмотрения заявки на осуществление деятельности участниками САР, предъявляемые требования к участникам САР, особенность деятельности управляющей компании САР и иные вопросы. Помимо Закона № 291-ФЗ правовой статус участников САР определяется Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 290 «О международных компаниях и международных фондах»[14] (далее – Закон № 290-ФЗ), Налоговым кодексом РФ[15], Федеральным законом от 10 декабря 2003 г. № 173 «О валютном контроле и валютном регулировании»[16], Кодексом торгового мореплавания РФ[17] и другими нормативными правовыми актами РФ.

Раскрывая правовой статус САР и их участников, необходимо отметить следующее. Участниками САР могут быть только международные компании (далее – МК), которые были редомицилированы из иностранной юрисдикции либо были инкорпорированы сразу в САР в соответствии с Законом № 290-ФЗ. К редомицилирующимся иностранным компаниям предъявляются следующие требования: 1) иностранная компания должна быть учреждена в том государстве, которое входит в группу финансовых межправительственных организаций по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (п. 3 ст. 2 Закона № 290-ФЗ); 2) иностранная компания учреждена до 01.03.2024 года (ст. 3 Закона № 290-ФЗ); 3) компания принимает на себя обязательство по инвестированию в российскую экономику в размере 50 млн. рублей с даты государственной регистрации в статусе МК. К учредителям МК, проходящим процедуру инкорпорации на территорию САР, предъявляются аналогичные требования, но в дополнение учредитель иностранной компании обязуется передать учреждённой компании имущество, балансовая стоимость которого равняется 800 млн. рублей (п. 3 ст. 2 Закона № 290-ФЗ). В то же время необходимо иметь в виду, что участниками САР не могут быть кредитные организации, не кредитные финансовые организации, операторы платёжных систем (п. 8 ст. 5 Закона № 290-ФЗ).

Всю координационную и управленческую деятельность на территории САР осуществляют управляющие компании (далее – УК). Функции УК на территории САР на острове Русский осуществляет АО Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики[18], на острове Октябрьский – АО Корпорация развития Калининградской области[19]. В частности, УК на территориях САР принимает участие в регистрации МК, по итогам представленных документов принимает решение о предоставлении статуса участника САР либо отказывает в его предоставлении, заключает соглашение с участниками САР об осуществлении деятельности, принимает заверение иностранной компании при редомициляции об отсутствии препятствий для редомициляции и осуществляет иные функции, предусмотренные Законом № 290-ФЗ и Законом № 291-ФЗ.

Участникам САР предоставлены довольно широкие правовые преференции. Так, уставом МК участники могут предусмотреть, что применимым правом к отношениям между участниками компании после редомициляции на территорию САР будут нормы иностранного права, которые действовали до момента редомициляции, но при условии обязательного включения в устав МК арбитражного соглашения (пп. 1.2 п. 1 ст. 4 Закона № 290-ФЗ). Однако необходимо иметь в виду, что иностранные нормы могут быть применены до 01.01.2039 г., так как к этому сроку МК должны привести свою деятельность в соответствие с законодательством РФ[20]. При этом отметим, что Законом № 290-ФЗ предусмотрены особенности в части не применения отдельных положений Гражданского кодекса РФ[21], Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14 «Об обществах с ограниченной ответственностью»[22], Федерального закона от 26 декабря 1995 г. «Об акционерных обществах»[23], Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39 «О рынке ценных бумаг» к деятельности участников САР ввиду их особого правового статуса (пп. 1.1.-1.1-2 п. 1 ст. 4 Закона № 290-ФЗ). Законодатель еще в 2018 году с момента принятия Закона № 290-ФЗ, а потом и последующих его изменений, специально снижал требования к иностранным компаниям, чтобы последние чаще выбирали российскую юрисдикцию для редомициляции. И по статистическим данным с 2022 по 2025 годы видно, что все вносимые поправки положительно повлияли на рост участников САР[24].

Немаловажное место занимают преференции в сфере валютных операций для участников САР. Так, согласно подп. 6 п. 1 ст. 1 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173 «О валютном контроле и валютном регулировании»[25], такие

12 «Правовой режим – порядок регулирования, который выражен в комплексе правовым средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования». С. С. Алексеев. Собрание сочинений: в 10 т. - М., 2010. - Т. 2: Специальные вопросы правоведения. - С. 381-383.

13 Федеральный закон от 03 августа 2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» // Российская газета. - 2018. - № 170.

14 Федеральный закона от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» // «Российская газета». – 2018. - № 170.

15 «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. - 2000. - № 32. - Ст. 3340.

16 Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Российская газета. – 2003. - № 253.

17 «Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации» от 30.04.1999 № 81-ФЗ // Российская газета. – 1999. - № 85-86.

18 Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1835. «Об акционерном обществе «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2020. - № 47. - Ст. 7537.

19 Постановление Правительства Калининградской области от 24 декабря 2018 г. № 780 «О возложении функций управляющей компании в специальном административном районе на территории острова Октябрьский (Калининградская область) на Акционерное общество «Корпорация развития Калининградской области». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/document/3900201812280014 (дата обращения: 12.05.2025).

20 Федеральный закон от 25 декабря 2018 г. № 485-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2018. - № 53 (Часть I). - Ст. 8411.

21 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

22 Федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. - 1998. - № 7. - Ст. 785.

23 Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. - 1996. - № 1. - Ст. 1.

24 Илья Торосов: к концу 2024 года количество «переездов» в САР достигнет 500. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/ilya_torosov_k_koncu_2024_goda_kolichestvo_pereezdov_v_sar_dostignet_500.html (дата обращения: 11.05.2025).

25 Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. - 2003. - № 50. - Ст. 4859.

МК являются нерезидентами, а, значит, они могут проводить ничем не ограниченные валютные операции.

Несмотря на довольно динамичный рост редомициляции иностранных компаний и увеличения роста участников САР, имеется риск неблагоприятных последствий для российский экономики от роста популярности САР. Во-первых, вся необходимая инфраструктура на территориях САР строится за счет федерального или регионального бюджета без привлечения частных инвестиций. Полагаем, что инвестиции международных компаний в российскую экономику в размере 50 млн. рублей в форме вклада в уставный капитал или в форме капитальных вложений не обеспечивают приток частных инвестиций в строительство необходимой инфраструктуры на территориях САР. Во-вторых, чрезмерное государственное регулирование режима САР может оттолкнуть иностранные компании от редомициляции, так как в настоящий момент участниками САР становятся в основном МК, конечными бенефициарами которых являются российские физические или юридические лица. Вместо этого, на наш взгляд, стоило бы создать небольшие офшорные зоны, которые бы саморегулировались бизнесом, с незначительным государственным вмешательством. В-третьих, видно излишне большие налоговые преференции для участников САР, которые полностью освобождены от уплаты НДС, транспортного налога на суда, а также пониженные налоговые ставки на прибыль МК, что не обеспечивает значительной выгоды для российской экономики. В-четвертых, юрисдикцию САР в России редко выбирают зарубежные компании без «российского следа», ввиду наличия больших преференций для них в зарубежных офшорных юрисдикциях и нестабильности правового регулирования в России. Полагаем, что в данном случае необходимо усилить принцип «стабилизационной оговорки» для иностранных компаний, желающих редомицилироваться в САР. В-пятых, необходимо увеличить инвестиционную привлекательность САР не только для возврата российского капитала из-за рубежа, но для других иностранных компаний, не связанных с российской юрисдикцией, что плодотворно отразится на увеличении налоговых поступлений, рабочих мест, а также в строительстве новой инфраструктуры уже за счёт частных инвестиций, а не государственных. Необходимо это сделать еще и по той причине, что после возврата российского капитала из иностранных юрисдикций будет ожидаемый спад редомициляции в России. В-шестых, ввиду большей привлекательности САР на острове Октябрьский из-за одинакового часового пояса и близости к странам Европы, предлагаем пересмотреть преференции на острове Русский в сторону повышения: предоставить участникам данного САР применение иностранного права к деятельности компании без ограничения срока, исключить ежегодную госпошлину в размере 150 000 руб. на постоянное подтверждение статуса участника САР, предоставить возможность «исходящей» редомициляции для иностранных компаний, конечными бенефициарами, которых не являются российские резиденты, без разрешения Правительственной комиссии РФ. Это поспособствует ускоренному развитию Приморского края, как одной из главных целей созданий САР на острове Русский, ведь из числа существующих 434 участников (по состоянию на начало 2025 года) только 102 из них являются участниками острова Русский и практически все из них российские резиденты[26].

Популярность иностранных САР можно рассмотреть на примере Гонконга. Например, с января по сентябрь 2021 года в Гонконге было зарегистрировано свыше 83 402 компаний[27], что несопоставимо со статистическими данными САР в России. А с 23 мая 2025 года вступили в законную силу поправки в Постановление о компаниях (гл. 622), согласно которым Гонконг «открыл двери» для не гонконгских компаний, желающих избрать режим редомицилирования[28]. Теперь российский бизнес на фоне ограничения доступа к мировым финансовым центрам (Нью-Йорк, Лондон) получил возможность «входящей» редомициляции в юрисдикцию с развитой деловой инфраструктурой для ведения бизнеса на территории Гонконга. Полагаем, это снизит популярность САР в России, ведь Гонконг еще в 2022 году открыто заявил, что не будет следовать антироссийским санкциям, по крайней мере, на уровне правительства. Но риски, все равно, остаются: например, местные банки Гонконга опасаются наложения вторичных санкций по причине обслуживания российских резидентов, а требование о раскрытии конечного бенефициара согласно законодательству Гонконга станет проблемой для бизнеса, имеющего связь с российской юрисдикцией, ведь режим САР в России обеспечивает полную конфиденциальность конечных бенефициаров (информация о них доступна только для Банка России, а также может быть предоставлена только по запросам суда и других уполномоченных органов). Также риски имеются в части обратного редомицилирования, то есть «исходящей редомициляции», так как в Постановлении о компаниях (глава 622) не предусмотрена возможность выхода компании из юрисдикции Гонконга, то есть покинуть территорию без особо сложных процедур пока не представляется возможным[29].

Вместе с тем, нельзя не отметить и положительные результаты, полученные к началу 2025 году от появления САР в России. Например, количество участников САР на острове Русский за 2024 год увеличилось на 63 % и превысило отметку в 110 участников. Активы «переехавших» компаний составили 5,5 трлн. рублей, а в бюджет они уплатили свыше 30 млрд. рублей, 2/3 из которых пошли на развитие Приморского края[30]. Самыми крупные и известными участниками САР на острове Русском являются: МКПАО «Т-Технологии», холдинговая копания Т-банка, «Интеррос», «Плюс» и другие. Полный перечень всех участников находится в закрытом доступе для обеспечения режима конфиденциальности участников «русских офшоров».

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. - М., 2010. - Т. 2: Специальные вопросы правоведения. - С. 381-383.
2. Адамс Ч. Влияние налогов на становление цивилизации / Пер. с англ. А. А. Столярова и А. А. Резвова. – Москва, Челябинск: Социум, Мысль, 2018. - 639 с.
3. Тригуб Е. Ю. Основные этапы политики деофшоризации в Российской Федерации // Научные труды Вольного экономического общества России. - 2022. - Т. 237.

26 Илья Торосов: на сегодня 434 участника воспользовались режимом САР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/ilya_torosov_na_segodnya_434_uchastnika_vospolzovalis_rezhimom_sar.html (дата обращения: 11.05.2025).

27 В 2021 году опять возросло количество компаний в Гонконге. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.internationalwealth.info/offshore-jurisdictions/in-honkong-registered-more-than-millinion-companies/ (дата обращения: 11.05.2025).

28 Company Re-domiciliation Regime is introduced on 23 May 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cr.gov.hk/en/home/index.htm (дата обращения: 27.05.2025).

29 Гонконг предложил прописку. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7754678 (дата обращения: 02.06.2025).

30 Число резидентов САР на Русском острове выросло в 1,6 раза за год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prim.rbc.ru/prim/freenews/678f56179a79472db8b6407c (дата обращения: 11.05.2025).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-291-292

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич
адвокат, ННО Ленинградской областной коллегии адвокатов, филиал Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

Ястремский И. А.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПЛАСТИЧЕСКИХ ХИРУРГОВ

В статье рассмотрены требования к профессиональному уровню врачей пластических хирургов. Выявлены проблемы, препятствующие развитию профессионального уровня врачей. Установлено, что отсутствует конкретный перечень специальных умений, которыми должен овладеть врач по соответствующей специальности, не установлены четкие требования к преподавателям и к содержанию образовательных программ. Отмечено, что существует настоятельная потребность принять профессиональный стандарт пластического хирурга. Сделано предложение нормативно утвердить единые квалификационные характеристики врачей, в том числе пластических хирургов и принять профессиональный стандарт врача-специалиста в области пластической хирургии. Сделан вывод, что совершенствование профессионального развития специалистов в сфере пластической хирургии позволит повысить качество медицинской помощи.

Ключевые слова: врач, хирург, пластический хирург, профессиональное развитие, профессиональный стандарт, квалификация, квалификационные характеристики.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich
lawyer, NGO of the Leningrad Regional Bar Association, Pelevin and Partners Law Firm branch

PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF PLASTIC SURGEONS

The article considers the requirements for the professional level of plastic surgeons. The problems hindering the development of the professional level of doctors have been identified. A proposal has been made to standardize the unified qualification characteristics of doctors, including plastic surgeons, the professional standard of a specialist doctor in the field of plastic surgery. It is concluded that improving the professional development of specialists in the field of plastic surgery will improve the quality of medical care.

Keywords: doctor, surgeon, plastic surgeon, professional development, professional standard, qualification, qualification characteristics.

Медицинская организация должна обеспечить соблюдение методов лечения, требований стандартов и порядков оказания медицинской помощи. Для этого врачи должны постоянно совершенствовать и поддерживать свои медицинские знания и навыки, совершенствовать уровень компетенции и профессионализма[1].

Уровень профессиональной квалификации врачей зависит от стажа их работы по специальности, имеющихся навыков и знаний, регулярности и объема дополнительного образования.

Квалификационные характеристики должностей врачей не содержат конкретного перечня специальных умений, которыми должен овладеть врач по соответствующей специальности [4, с. 3-6].

Кроме того, нормативно не установлены четкие требования к преподавателям и к содержанию образовательных программ. В свою очередь, это ведет к дисбалансу между обязанностями врача оказать квалифицированные медицинские услуги и возможностью получить необходимые для этого знания и компетенции.

Таким образом, при отсутствии консолидированного списка профессиональных навыков условие о непрерывном профессиональном развитии врача в полном объеме не соблюдается. В связи с этим, необходимо нормативно утвердить единые квалификационные характеристики врачей.

В конце программы резиденты пластической хирургии должны иметь возможность использовать полученные знания и методы для улучшения функций и внешнего вида, которые стали ненормальными из-за врожденных дефектов, травм, инфекций или онкологии, а также повысить самооценку пациента путем коррекции неприятных для пациента особенностей тела.

Согласно п/п. 46 п. 1 ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», для медицинских организаций обязательным является получение лицензии. Процесс лицензирования направлен на защиту населения от вреда, причиняемого некомпетентными медицинскими работниками.

Лицензирование выступает важным требованием к медицинской деятельности, а лицензионный контроль есть одно из направлений контроля экономической деятельности [1, с. 3-6]. Посредством лицензирования государство гарантирует, что все специалисты медицинских клиник имеют соответствующее образование и подготовку, а также что они соблюдают принятые профессиональные стандарты при обслуживании своих пациентов

В качестве лицензионного требования при осуществлении своей деятельности клиника должна обеспечить повышение квалификации своих медицинских специалистов не реже 1 раза в 5 лет. Такое лицензионное требование также

1 «Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации» (принят Первым национальным съездом врачей Российской Федерации 05.10.2012) // СПС «Консультант Плюс».

необходимо для поддержания высокого уровня профессионального развития врачей.

В отсутствие общего понимания трудовых функций пластических хирургов восприятие их профессиональной компетентности в образовательных учреждениях различается. Поэтому образовательные программы в них могут быть совершенно разными по содержанию, что, разумеется, влияет на уровень подготовки специалистов.

Образовательные стандарты утверждены[2], однако профессиональные стандарты пластического хирурга приняты не были.

В данной ситуации не представляется возможным обеспечить систему подготовки и профессионального развития пластических хирургов, которые обеспечат надлежащий уровень их квалификации [2, с. 12].

В этих условиях дополнительное профобразование не гарантирует повышения квалификации врачей. Утверждение профессиональных стандартов в пластической хирургии позволит решить эту проблему. Они должны применяться при разработке образовательных стандартов профобразования и программ профобучения.

Профессиональные стандарты играют ключевую роль для профессионального развития пластических хирургов, благодаря им возможно отграничить области квалификационных характеристик пластических хирургов и иных смежных хирургов.

В этой связи, имеется настоятельная потребность принять профессиональный стандарт пластического хирурга, определяющий вид профессиональной деятельности, перечень трудовых функций, необходимые навыки, знания и умения.

Он также должен раскрывать информацию, которая может повлиять на способность пластического хирурга практиковать, например, состояние здоровья, судебные решения/урегулирование дел о врачебной халатности и уголовные судимости.

Во многих западных странах непрерывное профессиональное развитие также является одним из требований к пластическим хирургам.

В США после того, как врачи получили лицензию, они должны периодически продлевать свою лицензию, обычно каждые один или два года, чтобы сохранить свой активный статус. Во время этого процесса продления лицензии врачи должны продемонстрировать, что они придерживаются приемлемых стандартов этики и медицинской практики и не участвуют в ненадлежащем поведении. Почти во всех штатах врачи также должны показать, что они участвовали в программе непрерывного медицинского образования.

Профессиональная сертификация ABPS служит доказательством того, что врач обладает навыками и знаниями для оказания квалифицированной медпомощи.

Программа непрерывной сертификации ABPS (ранее MOC-PS) включает в себя непрерывную самооценку и обучение в течение всего периода (периодов) сертификации. Сертификаты, выданные с 1995 года, действительны в течение 10 лет и для продолжения сертификации должны быть выполнены все требования непрерывной сертификации.

Следующие требования Программы непрерывной сертификации ABPS соответствуют четырем основным компонентам, одобренным всеми 24 советами-членами Американского совета по медицинским специальностям (ABMS):

1. Профессионализм:

– Проверка государственной медицинской лицензии (лицензий), привилегий больницы, аккредитации внебольничных автономных центров амбулаторной хирургии и экспертной оценки.

2. Обучение на протяжении всей жизни и самооценка:

– 125 кредитов CME за предыдущие пять лет;

– Выполнение одного образовательного мероприятия, одобренного ABPS;

3. Оценка знаний, суждений и навыков:

– Непрерывный сертификационный экзамен.

4. Совершенствование врачебной практики:

– Завершение одного модуля по совершенствованию практики для анализа данных дела;

– План действий по улучшению;

– Анализ сравнительного отчета о клинических случаях для сравнения с аналогичными показателями.

Итак, уровень профессионального развития пластических хирургов напрямую влияет на качество медицинской помощи. В настоящее отсутствует конкретный перечень специальных умений, которыми должен овладеть врач по соответствующей специальности, не установлены четкие требования к преподавателям и к содержанию образовательных программ. При отсутствии консолидированного списка профессиональных навыков условие о непрерывном профессиональном развитии врача в полном объеме не соблюдается. В связи с этим, необходимо нормативно утвердить единые квалификационные характеристики врачей.

Также отсутствуют профессиональные стандарты пластического хирурга. В этих условиях дополнительное профобразование не гарантирует повышения квалификации врачей. Для решения проблемы необходимо утвердить профессиональные стандарты, которые должны учитываться при принятии образовательных стандартов профобразования и программ профобучения.

Принятие указанных в статье мер, по мнению автора, даст возможность повысить уровень профессиональной квалификации врачей по профилю пластическая хирургия.

Пристатейный библиографический список

1. Ершова И. В. Лицензирование медицинской и фармацевтической деятельности: правовые нормы, доктрина, судебная практика // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – № 1.
2. Кочубей В. В. Профессиональное развитие специалистов в области пластической хирургии в национальной системе квалификации: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук. – М., 2019.
3. Петрова Г. А. Профессиональные стандарты в России: обоснование актуальности внедрения системы оценки квалификаций // Наука вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 7 (29).
4. Шишов М. А. Актуальные вопросы организации медицинской помощи в контексте новых поправок к Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 11.

2 Приказ Минобрнауки России от 26.08.2014 № 1103 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 31.08.60 Пластическая хирургия (уровень подготовки кадров высшей квалификации)» // Российская газета, № 19, 02.02.2015 (опубликован без приложения).

ВОРОНЦОВА Ирина Викторовна
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процессуального права, Казанский филиал, Российский государственный университет правосудия; профессор кафедры гражданского процесса Саратовская государственная юридическая академия; профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

ОЛИМОВА Роза Мукумовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова (ИЭУП)

О ВОЗРАСТАЮЩЕМ ДОВЕРИИ К АЛЬТЕРНАТИВНЫМ СПОСОБАМ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ (ТРЕТЕЙСКОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ)

ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», подписанный Президентом РФ 29 декабря 2015 г., существенно ужесточил требования к созданию постоянно действующих арбитражных учреждений, результатом чего в перспективе должно стать повышение их независимости. Третейские суды стали неотъемлемым элементом урегулирования споров с участием граждан и организаций. Авторитет третейского разбирательства и эквивалентность постановленных решений судебным актам, принимаемым государственными судами, неотъемлемо связаны с качеством решений, их соответствием действующему законодательству. В статье автор обращает внимание на особую значимость и востребованность третейских судов как одного из способов защиты прав человека, приводятся различные статистические данные: по количеству прекращенных дел в связи с заключением мирового соглашения; по категориям рассматриваемых дел третейским судом; по количеству исков, принятых производству.

Ключевые слова: Третейский суд, урегулирование споров, защита прав человека, способ разрешения конфликтов.

VORONTSOVA Irina Viktorovna
Ph.D. in Law, Head of Civil process sub-faculty, Kazan branch, Russian State University of Justice; professor of Civil process sub-faculty, Saratov State Law Academy; professor of Civil and business law sub-faculty, V. G. Timiryasov Kazan Innovative University (IEML)

OLIMOVA Rosa Mukumovna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil and business law sub-faculty, V. G. Timiryasov Kazan Innovative University (IEML)

ON THE GROWING CONFIDENCE IN ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTION METHODS (ARBITRATION PROCEEDINGS)

The Federal Law «On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation», signed by the President of the Russian Federation on December 29, 2015, significantly tightened the requirements for the creation of permanent arbitration institutions, which in the future should result in an increase of their independence. Arbitration courts have become an integral element of dispute settlement with the participation of citizens and organizations. The authority of the arbitration proceedings and the equivalence of the decisions to judicial acts adopted by State courts are inherently connected to the quality of the decisions and their compliance with the current legislation. In the article, the author pays attention to the special significance and relevance of arbitration courts among the main methods of human rights protection.

Keywords: Arbitration court, dispute settlement, human rights protection, conflict resolution method, dispute settlement method.

Сквозь призму истории мировой цивилизации можно выделить три основных способа разрешения конфликтов, возникающих в социальных отношениях. Один из них подразумевает использование силового преимущества (агрессии в межгосударственных конфликтах, общественного положения или финансовых инструментов в бизнес-спорах, физической силы в межличностном противостоянии). Второй ориентирован на использование формальной юридической процедуры и с позиции правовой аксиологии является совершенным, но при этом обладает определенной затратностью, требует наличия эффективно работающих публичных институтов и может быть многоступенчатым, вследствие чего рассмотрение спора приобретает затяжной характер. Наконец, третий способ основан на взаимном учете интересов сторон конфликта, и в этом качестве может быть назван идеальным для тех видов споров, которые могут быть эффективно разрешены на базе переговоров и выработки компромиссной позиции. Урегулирование правового спора в третейском суде находится в сфере применения этого способа [1] и обладает рядом прогрессивных черт, делающих эту процедуру востребованной для использования в гражданско-правовых и рядоположенных правоотношениях.

Третейские суды стали неотъемлемым элементом урегулирования споров с участием граждан и организаций. Однако правовая регламентация их деятельности, существовавшая в 2002 – 2015 гг., имела ряд дефектов, вследствие которых становилось возможным создание аффилированных судов, беспристрастность решений которых в ряде случаев оказывалась сомнительной. Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», подписанный Президентом РФ 29 декабря 2015 г., существенно ужесточил требования к созданию постоянно действующих

арбитражных учреждений, результатом чего должно стать повышение их независимости. Авторитет третейского разбирательства и эквивалентность постановленных решений судебным актам, принимаемым государственными судами, неотъемлемо связаны с качеством решений, их соответствием действующему законодательству.

Становление самостоятельной судебной власти играло ключевую роль для государственной организации общества, определившее будущее развитие современных моделей осуществления правосудия. В то же время, востребованность в обществе частно-правовых инструментов, обладающих большей внешней независимостью, привела к формированию третейских судов как разумной альтернативы императивному вмешательству государства в сферу разрешения конфликтов. Изначально социальная потребность в наличии пользующихся авторитетом, но не состоящих на службе у государства лиц, компетентных для разрешения споров, получила закрепление в правовых обычаях и религиозных текстах [2], благодаря чему активно внедрялась в социальную практику (в частности, в Древней Греции и Риме) [3]. В современных доктринальных представлениях в этой части произошла некоторая трансформация (например, в науке международного частного права используется категория «параллельные разбирательства», характеризующая порядок рассмотрения трансграничных коммерческих споров [4]). Но при этом социальная необходимость существования различных форм разрешения споров полностью сохранилась.

В системе отношений публичной власти и гражданского общества третейский суд занимает особое место, выступая специфическим компонентом механизма защиты прав человека. С увеличением значимости гражданско-правовых отношений в постсоветский период значение третейского разбирательства существенно возросло. С одной стороны, это связано с необходимостью «разгрузить» судебную систему и сократить время рассмотрения споров; с другой, – с потребностью в существовании альтернативных судебному порядку правовых инструментов, предназначенных для эффективного разрешения конфликтных ситуаций на основании достигнутого соглашения сторон об их урегулировании.

Интерес к третейскому разбирательству в последнее десятилетие вновь возрастает по следующим причинам: во-первых, в современный период законодательство о третейском разбирательстве претерпело существенную модернизацию и находится в стадии практической апробации. Во-вторых, третейское разбирательство является экономичной и динамичной процедурой урегулирования споров и имеет перспективу стать полноценной альтернативой гражданскому и арбитражному судопроизводству, осуществляемому государственной судебной системой. В-третьих, в условиях пандемии открылись новые возможности, относящиеся к оптимизации процедур урегулирования споров и включающие бесконтактный обмен документами. В-четвертых, изменения в налоговом законодательстве, которые вступили в силу 9 сентября 2024 г. в связи с принятием Федерального закона от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах», предполагают рост обращений в третейские суды. Разрешение спора в третейском суде даже с учетом необходимости обращения в государственный суд за выдачей исполнительного листа, обойдется дешевле, чем в СОЮ или арбитраже (после вступления в силу указанных изменений).

Социально-правовая обусловленность третейского разбирательства зиждется на особенностях развития частноправовых отношений и снижении потребности в существовании защитных механизмов исключительно публичной направленности. Сам принцип свободы договора как один из стержневых постулатов гражданского права определяет приоритет согласительных процедур для разрешения конфликтов.

Правовая природа третейского разбирательства определяется учеными через его диспозитивность [5], согласование воли сторон (договорный характер) [6], юрисдикционную составляющую (процессуальную деятельность) [7]. Наиболее правильным при этом представляется сочетание выделенных параметров, поскольку третейский суд в определенной степени является «продуктом» воли сторон, согласующих такой порядок рассмотрения споров, и действует на основании процессуальных положений, в целом не присущих ординарному производству в суде общей юрисдикции или арбитражном суде.

В этой связи ученые справедливо заключают, что третейскому разбирательству присуще изъятие из процессуального права таких норм, которые могут применяться исключительно судами при осуществлении правосудия [8]. Иными словами, третейский суд осуществляет экстраординарное производство по спорам, возникающим из гражданско-правовых отношений, на основе легитимированных медиативных технологий. В центре разбирательства, таким образом, находится достижение соглашения между сторонами или такого паритета, который изначально обусловлен существующими между ними договорными обязательствами или положениями закона (например, вопросы обеспечения исполнения обязательств и др.).

Таким образом, в центре научной дискуссии находится тезис о судебной или квазисудебной природе третейского разбирательства. С учетом совпадения ряда основополагающих понятий и терминологии, а также наличия общих эволюционных тенденций развития представлений о правосудии и его формах представляется верным остановиться на смешанном характере третейского разбирательства. При этом необходимо отметить, что в правовых позициях Конституционного Суда РФ вопрос о природе третейского разбирательства получил однозначное решение: в 2011 г. орган конституционного контроля четко разъяснил, что третейский суд – это не орган власти, а институт гражданского общества, наделенный публичными функциями[1]. При этом он сослался на прецедентное решение Европейского Суда по правам человека, указавшего, что «слово «суд» не обязатель-

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации // Российская газета. – 2011. – 8 июня.

но должно пониматься как суд классического типа, встроенный в стандартный судебный механизм страны»[2]. Из этого следует, что третейские суды выполняют задачи, родственные задачам правосудия, но выполняют роль механизмов достижения компромисса, не требующих вмешательства органов судебной власти.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что статистические данные, которые приведены в отчете о деятельности Арбитражного центра при РСПП подверждают увеличение количества дел, рассматриваемых в третейскими судами. Так за 2023 год Арбитражным центром при Российском союзе промышленников и предпринимателей было принято к производству 545 исковых заявлений, а рассмотрено 551 дело. Интересен также тот факт, что в онлайн формате было рассмотрено 271 дело, а в 123 случаях стороны договорились об упрощенном третейском разбирательстве без проведения устных слушаний. По 79 делам арбитраж завершился заключением мирового соглашения.

Больше всего третейские суды сталкиваются со спорами, возникающими из договоров купли-продажи и поставки. Также значительное количество дел – это споры, возникающие из кредитных договоров и договоров займа и (или) из связанных с ними обеспечительных сделок (поручительство, залог)[3]. Кроме того, заинтересованные лица обращаются также за рассмотрением споров, возникающих из договоров оказания услуг; перевозки грузов; из независимой банковской гарантии; из договоров аренды, из договоров хранения, в сфере интеллектуальной собственности; о разделе общего имущества супругов.

Чаще всего при этом подавались исковые требования при цене иска от 1000000 рублей до 5000000 рублей. Чуть меньше поступило требований при цене иска до 1000000 рублей. Также значительное количество исков было подано на сумму от 5000000 до 10000000 рублей и от 10000000 до 50000000 рублей.

В целом же, по итоговым данным, представленных Арбитражным центром при Российском союзе промышленников и предпринимателей в отчете о деятельности за 2023 год, на рассмотрение постоянно действующих арбитражных учреждений было передано 2249 исковых заявлений. Это на 17 % превышает показатели 2022 года (1924 иска). Если сравнивать статистические данные по количеству исков, принятых к производству, то тут также можно отметить достаточно уверенный рост. В 2017 году это 157 исков, в 2020 435 исков, в 2023 это уже 545 исков[4]. Такие цифры свидетельствуют о возрастающем доверии предпринимательского и профессионального сообществ к альтернативным способам разрешения споров.

2 Постановление Европейского Суда по правам человека от 28.10.2010 по делу «Суда (Suda) против Чешской Республики», жалоба № 1643/06 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2011. – № 4. – С. 29-31.

3 Отчет о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства за 2023 год / https://minjust.gov.ru/ru/pages/otchety-o-deyatelnosti-soveta-po-sovershenstvovaniyu-tretejskogo-razbiratelstva/ (дата обращения: 13.01.2025).

4 Отчет о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства за 2023 год / https://minjust.gov.ru/ru/pages/otchety-o-deyatelnosti-soveta-po-sovershenstvovaniyu-tretejskogo-razbiratelstva/ (дата обращения: 13.01.2025).

Пристатейный библиографический список

1. Балашов А. Н., Зайцев А. И., Зайцева Ю. А. Третейское судопроизводство в Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2012. – С. 3.
2. Микшис Д. В. Третейский суд как форма защиты частных прав и институт гражданского общества: традиции английской модели // Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика. – 2012. – № 40. – С. 273-292.
3. Клеандров М. И. Прошлое третейских судов по разрешению экономических споров // Третейский суд. – 2000. – № 5. – С. 86-88.
4. Сюрмеев К. Е. Параллельные судебные разбирательства: проблемы правовой квалификации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2016. – № 12. – С. 172-180.
5. Бенедская О. А. Конституционно-правовые основы института третейского суда в Российской Федерации: проблемы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.02. – М., 2020. – С. 11-12.
6. Клеандров М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 16.
7. Каса И. Арбитраж (третейский суд): история создания и правовая природа // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2018. – Т. 22, № 2. – С. 269-288.
8. Скворцов О. Ю. Арбитраж (третейское разбирательство) в Российской Федерации. – М.: Юрайт, 2017. – С. 35.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-296-298

ГРИГОРЬЕВА Дарья Олеговна
студент 4-го курса группы СИНД21о1, Самарский государственный экономический университет; независимый исследователь

МАДАЛИЕВА Екатерина Владимировна
студент 4-го курса группы СИНД21о1, Самарский государственный экономический университет; независимый исследователь

ЧУРАКОВА Екатерина Николаевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса, Самарский государственный экономический университет

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

В данной статье освещаются теоретические и практические аспекты фальсификации доказательств в рамках арбитражного процесса. В ней проводится анализ разнообразных подходов к определению этого явления, выявляются правовые пробелы в существующем законодательстве, а также исследуются сложности, связанные с обнаружением и подтверждением поддельности документов. Обсуждаются основные проблемы судебной практики, включая неправомерное использование утверждений о фальсификациях и недостатки в процессуальных механизмах для их проверки. В статье предложены рекомендации по улучшению законодательной базы, в том числе через уточнение законодательных определений, расширение процессуальных правил, усиление полномочий судов в оценке подлинности доказательств и укрепление цифровых методов верификации документов. Представлены статистические данные о количестве обращений с заявлениями о фальсификациях и их обработке в арбитражных судах Российской Федерации. В заключение акцентируется внимание на необходимости комплексных действий для противодействия подлогу, включая законодательные изменения и усиление судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: арбитражный процесс, фальсификация доказательств, судебный процесс, проверка, стороны.

GRIGORJEVA Darya Olegovna
student of the 4th course of the SIND21o1 group, Samara State University of Economics; independent researcher

MADALIEVA Ekaterina Vladimirovna
student of the 4th course of the SIND21o1 group, Samara State University of Economics; independent researcher

CHURAKOVA Ekaterina Nikolaevna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil and arbitration process sub-faculty, Samara State University of Economics

FALSIFICATION OF EVIDENCE IN ARBITRATION PROCESS

This article highlights the theoretical and practical aspects of evidence falsification in the arbitration process. It analyzes a variety of approaches to defining this phenomenon, identifies legal gaps in existing legislation, and examines the difficulties associated with detecting and confirming forged documents. The main problems of judicial practice are discussed, including the misuse of allegations of falsifications and shortcomings in the procedural mechanisms for their verification. The article offers recommendations for improving the legislative framework, including through clarifying legislative definitions, expanding procedural rules, strengthening the powers of courts to assess the authenticity of evidence and strengthening digital methods of document verification. Statistical data on the number of applications for falsifications and their processing in the arbitration courts of the Russian Federation are presented. In conclusion, attention is focused on the need for comprehensive actions to counter forgery, including legislative changes and strengthening forensic expertise.

Keywords: arbitration process, falsification of evidence, judicial process, verification, parties.

Фальсификация доказательств в контексте арбитражного процесса является серьезной угрозой для правосудия. Манипуляции с доказательственной базой подрывают веру в справедливость судебной системы и осложняют процесс установления истинных фактов.

Такие действия анализируются с различных позиций, в том числе через призму юридической теории, вопросы правоприменительной практики, изучение судебных решений и статистический анализ инцидентов обнаружения недостоверных сведений.

В научной литературе существует ряд подходов к трактовке фальсификации доказательств.

Ученые, такие как Е. П. Беляева и Л. Л. Азаматова, интерпретируют фальсификацию как процесс искусственного создания или изменения документов, что приводит к искажению их первоначального смысла и может ввести суд в заблуждение [2, с. 37].

Несмотря на то, что Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) не содержит прямого определения фальсификации, статья 161 АПК РФ дает участникам процесса возможность утверждать о наличии подлога, указывая на неопределенность в законодательстве и затруднения в его применении[1].

Некоторые исследователи настаивают на необходимости уточнения используемой терминологии, предлагая заменить термин «фальсификация» на «подложность», что лучше соответствует положениям гражданского процессуального законодательства.

В то же время в уголовном праве под фальсификацией понимается умышленное внесение неверных данных в дока-

1 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 01.01.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

зательственную базу с целью получения выгоды или введения суда в ошибку, что остается предметом профессиональных споров.

Исследуя разнообразные подходы, заложенные в научных работах и применяемые в судебной практике, можно сформулировать следующее понятие фальсификации доказательств в арбитражном процессе - фальсификация доказательств заключается в умышленном внесении недостоверной информации в документ, его модификации, подделывании или создании несуществующих доказательств с намерением дезинформировать суд и участников процесса, что непременно скажется на оценке доказательственного материала и может оказать влияние на исход судебного разбирательства.

Данное определение базируется на анализе трудов ряда ученых. Например, Е. П. Беляева и Л. Л. Азаматова описывают фальсификацию как процесс искусственного изготовления или моделирования документа, изменяющего его первоначальное значение и придания ему облика надежного доказательства [2, с. 38].

В контексте арбитражной деятельности, как указывается в научных работах, доказательство считается искаженным, если установлена целенаправленная подделка, направленная на воздействие на результат судебного разбирательства.

Следовательно, понятие фальсификации доказательств охватывает как традиционные способы фальсификации, так и более комплексные современные методы, включая вмешательства в цифровые документы и манипуляции с электронной подписью.

В арбитражной практике часто встречаются случаи, когда участники процесса, пользуясь правами, гарантированными принципом состязательности, выходят за рамки законных действий. Согласно статистическим данным, в 2024 году по статье 303 УК РФ, которая предусматривает ответственность за фальсификацию доказательств, было осуждено 153 человека. Данное число значительно выше по сравнению с предыдущими годами: в 2014 году было осуждено 89 человек, в 2015 году — 79, в 2016 году — 100, в 2017 году — 130, в 2021 году — 115, в 2022 году — 129, в 2023 году — 41, а в 2024 году — 88 человек. Динамика указывает на рост числа преступлений, связанных с подделкой документов, особенно в контексте арбитражных судов, где юридические и физические лица, действующие как предприниматели, стремятся к личной выгоде через подделку доказательств [3, с. 169].

Рассмотрим пример судебной практики: № А40-45428/24-150-330.

Индивидуальный предприниматель обратился в суд с иском к компании «ПроЛицензия», требуя признать недействительными определенные заявки на оказание юридических услуг, связанные с получением лицензий, и применить последствия их недействительности.

В процессе рассмотрения дела индивидуальный предприниматель заявил о фальсификации доказательств, утверждая, что копии заявок не содержали его подписей и печатей, условия сделки не были четко определены и документы не были ему направлены для согласования. Кроме того, упомянул, что платежные поручения, представленные ответчиком как доказательство оплаты услуг, не указывали на конкретные заявки.

Согласно статье 161 АПК РФ, суд рассмотрел заявление о фальсификации доказательств, однако отказал в его удовлетворении, поскольку истец не предоставил достаточно убедительных доказательств подлога. Суд отметил, что документы формально соответствовали условиям договора, истец не смог доказать, что заявка была поддельной, а платежные поручения не могли служить достаточным доказательством наличия или отсутствия обязательств[2].

Суд также отклонил запрос истца о проведении судебной экспертизы, считая, что представленных доказательств достаточно для рассмотрения дела по существу.

В результате суд отклонил исковые требования, поскольку не были доказаны обвинения в фальсификации, а иск фактически направлялся на пересмотр уже принятого решения, что не допускается в рамках заявленного способа защиты прав.

Подчеркивается, что обвинения в фальсификации требуют серьезной доказательной базы, такой как экспертизы или подтверждение недостоверности сведений. Суды редко удовлетворяют такие заявления без наличия веских доказательств. Назначение экспертизы является важным инструментом, но не обязательным, если суд считает имеющихся доказательств достаточно. Отсутствие подписи на документе не всегда указывает на подделку, особенно если имеются иные доказательства выполнения обязательств. В случае подозрений в фальсификации важно своевременно заявить об этом, настаивать на экспертизе и представлять встречные доказательства.

Таким образом, дело подтверждает необходимость совершенствования процессуальных механизмов для доказывания фальсификации и демонстрирует, что суды не склонны признавать доказательства подложными без основательных причин.

Другой пример: в определении, вынесенном Верховным Судом РФ по делу № 308-ЭС20-16740, отражена корректировка значительных ошибок процессуального характера, сделанных судами нижних инстанций, что является заметным прецедентом в арбитражной деятельности, связанной с подделкой доказательств. Суть спора между обществами с ограниченной ответственностью «СУГ Регионраспределение» и «Углерод» касается вопроса возврата аванса за товар, который так и не был поставлен. Однако, основное внимание уделяется не материальному аспекту иска, а нарушениям в процедуре, допущенным апелляционным судом при рассмотрении утверждений о фальсификации доказательств.

Апелляционная инстанция разрешила участие в процессе третьей стороны — ООО «Крезол-НефтеСервис», не применив при этом процедурные нормы, установленные для первой инстанции согласно части 6.1 статьи 268 АПК РФ. Кроме того, заявление о подделке акта, датированного 5 декабря 2018 года, представленное ответчиком, осталось без должного рассмотрения. Верховный суд РФ указал на необходимость, предусмотренную статьей 161 АПК, разъяснить последствия подачи заявления о фальсификации, проверить его обоснованность и в случае нужды назначить экспертизу. Апелляционный суд проигнорировал все эти требования, ограничившись пренебрежением аргументами защиты.

Отмена решений нижестоящих судов Верховным судом подчеркивает недопустимость игнорирования процедурных требований, которые могут повлиять на исход дела. Такое положение действует как напоминание для правоприменителей, что любые утверждения о фальсификации должны быть тщательно анализированы, даже если они кажутся на первый взгляд неубедительными. Нарушение установленно-

2 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 01.01.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

го порядка рассмотрения таких заявлений может стать основанием для отмены судебного решения, что, в свою очередь, подрывает принципы соревновательности и равноправия в процессе.

Таким образом, рассмотренное дело № 308-ЭС20-16740 выявляет не только необходимость строгого соблюдения положений АПК РФ, но и роль, которую исполняет Верховный суд РФ, исправляя ошибки судов низшей инстанции. В итоге это укрепляет уверенность в судебной системе, обеспечивая справедливое разрешение споров на основе объективного анализа представленных доказательств[3].

Фальсификация доказательств в арбитражном процессе создаёт серьезные препятствия для судебного разбирательства, подрывая доверие к системе правосудия и осложняя процесс установления истинных фактов дела. Несмотря на наличие процедур, направленных на идентификацию и предотвращение подлога, анализ судебной практики показывает, что существует ряд проблем, требующих доработки законодательства.

Одной из ключевых проблем является отсутствие в арбитражном законодательстве чётких критериев, что такое фальсификация доказательств. Хотя статья 161 АПК РФ позволяет подавать заявления о фальсификации, она не даёт точного определения этому понятию, из-за чего суды поразному трактуют признаки подложности доказательств, что заставляет стороны опираться на судебную практику вместо законодательно установленных норм.

Суды ставят высокие требования к доказыванию факта фальсификации. Например, в деле № А40-45428/24-150-330 было показано, что несоответствие подписей или отсутствие печатей недостаточно для признания доказательства поддельным. Проблема усугубляется тем, что истцы зачастую не имеют достаточных процессуальных инструментов для самостоятельного сбора необходимых доказательств, особенно когда речь идёт о цифровых документах[4].

Процессуальные механизмы проверки подлинности доказательств ограничены. Законодательство не предусматривает чёткий порядок назначения судебной экспертизы при подозрениях на фальсификацию, что видно из случаев, когда суд отказывает в проведении экспертизы, ссылаясь на достаточность имеющихся материалов, как в упомянутом деле.

Иногда заявления о фальсификации используются не для доказательства истины, а как тактика для затягивания процесса или оказания давления на суд и противоположную сторону. Отсутствие законодательных санкций за заведомо необоснованные заявления о фальсификации может привести к злоупотреблению процессуальными правами.

Также затруднения возникают при проверке электронных доказательств, ведь арбитражные суды не располагают автоматизированными инструментами для оперативной проверки подлинности таких доказательств, что усиливает риски подделки и усложняет разбирательства.

Основываясь на выявленных проблемах, предлагается ряд направлений для усовершенствования законодательства и процедурных норм:

Внесение в Арбитражный процессуальный кодекс РФ четкого определения терминов «фальсификация доказательств», «подложность» и «недостоверность». Такой шаг позволит унифицировать трактовку этих понятий в судебной практике, что сократит количество спорных ситуаций в процессе рассмотрения дел.

Установление правила о необходимости проведения экспертизы при наличии обоснованных сомнений в подлинности доказательств, высказанных одной из сторон процесса, что позволит исключить случаи, когда суды отказывают в проверке подлинности документов на основании субъективных предположений.

Введение четких норм, предусматривающих ответственность за подачу заведомо ложных заявлений о фальсификации, если будет доказано, что такие действия были направлены на затягивание процесса или оказание давления на другую сторону, что поможет минимизировать злоупотребления процессуальными правами.

Разработка и внедрение государственной системы для автоматизированной проверки электронных документов, например, с использованием блокчейн-технологий - обеспечит быстрое и надежное выявление признаков фальсификации без необходимости проведения длительных экспертиз.

Усиление уголовной и административной ответственности за фальсификацию доказательств, включая введение штрафов за предоставление недостоверных сведений, даже если такие действия не привели к уголовному преследованию.

Создание единого реестра судебных дел, в которых были установлены факты фальсификации. Такая мера позволит следить за повторными нарушениями со стороны участников процесса, информировать суды о потенциальных рисках и способствовать формированию последовательной судебной практики.

Таким образом, данные меры помогут укрепить законодательную базу, улучшить процедуры проверки и обеспечить более эффективную борьбу с фальсификацией доказательств в арбитражном процессе, что повысит доверие к правосудию и обеспечит более справедливое судебное разбирательство.

Можно сделать вывод о том, что фальсификация доказательств в контексте арбитражного процесса представляет собой комплексную и недостаточно регламентированную проблему. Анализ судебной деятельности выявляет тенденцию, при которой суды часто отказывают в признании заявлений о фальсификации из-за отсутствия убедительных доказательств. Кроме того, не всегда осуществляется назначение необходимых экспертиз для верификации аутентичности документов, что затрудняет доказывание подлога в рамках судебного разбирательства.

Пристатейный библиографический список

1. Агеева Г. Е. Система процессуального права // Наука XXI века: Актуальные направления развития. – 2022. – № 2-2. – С. 5.
2. Беляева Е. П. Фальсификация судебных доказательств в арбитражном процессе: проблемы теории и практики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 11-3 (74). – С. 36-39.
3. Булохов И. И. Фальсификация доказательств в арбитражном процессе // Молодой ученый. – 2023. – № 44 (491). – С. 168-170
4. Казанкова Т. Н. Современные проблемы судебно-экспертной деятельности при оценке объектов интеллектуальных прав // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 3. – С. 3.

3 Определение Верховного Суда РФ от 26.11.2020 № 308-ЭС20-16740 по делу № А53-14262/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

4 Судебное дело № А40-45428/24-150-330 [Электронный ресурс]: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 08.11.2024 // СПС «КонсультантПлюс».

КАЗАНКОВА Татьяна Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент, Самарский государственный экономический университет

КАБАЦКОВ Роберт Александрович
магистрант, Самарский государственный экономический университет

МОДЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В МИРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Данная статья посвящена трансформации судебной системы в части информационных технологий. В статье проводится анализ ключевых элементов текущей эволюции судебной системы в России на фоне широкомасштабной цифровизации. Рассматриваются различные факторы, устанавливающие основания для проведения изменений и совершенствования в судебной системе в части информационных технологий. Авторами предлагается модель трансформации информационных технологий в судебную систему, анализируется целесообразность и необходимость ее реализации. Кроме этого, подчеркивается важность единства самой электронной судебной информационной системы и ее единого применения на всей территории страны. Также, авторы исследуют зарубежный опыт применения современных информационных технологий в судебных системах различных стран. Особое внимание в работе уделяется вопросам возможности и необходимости применения искусственного интеллекта в отправлении правосудия, а также его безопасному и разумному использованию.

Ключевые слова: электронное правосудие, информационные технологии в судопроизводстве, трансформация судебной системы, искусственный интеллект, единая судебная информационная система, оптимизация судопроизводства, качество судебных решений.

KAZANKOVA Tatyana Nikolaevna
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Samara State University of Economics, Samara

KABATSKOV Robert Alexandrovich
magister student, Samara State University of Economics

A MODEL FOR THE TRANSFORMATION OF THE JUDICIAL SYSTEM IN THE WORLD OF INFORMATION TECHNOLOGY

This article is devoted to the transformation of the judicial system in terms of information technology. The paper analyzes the key elements of the current evolution of the judicial system in Russia against the background of large-scale digitalization. Various factors that establish the grounds for changes and improvements in the judicial system in terms of information technology are considered. Attention is paid to the advantages and weaknesses of introducing e-justice into the country's judicial system, which has become a notable product of the transformations of recent years. The authors propose a model for the transformation of information technology into the judicial system, and analyze the feasibility and necessity of its implementation. In addition, the importance of the unity of the electronic judicial information system itself and its unified application throughout the country is emphasized. The authors also explore the foreign experience of using modern information technologies in the judicial systems of various countries. Special attention is paid to the possibility and necessity of using artificial intelligence in the administration of justice, as well as its safe and reasonable use.

Keywords: electronic justice, information technologies in judicial proceedings, transformation of the judicial system, artificial intelligence, unified judicial information system, optimization of judicial proceedings.

Трансформация судебной системы в части информационных технологий и улучшение технологического прогресса в целом оказывают значительное воздействие на социальную сферу. Благодаря данному процессу все чаще в научных исследованиях и нормативно-правовых актах применяется понятие «электронное правосудие».

Стоит подчеркнуть, что недавно вопросы внедрения цифровых технологий в систему юстиции стали предметом интенсивных академических разработок, что подтверждается обширным массивом научных публикаций по данной тематике [3, с. 18].

Прежде всего, необходимо уточнить термин «электронное правосудие», становящийся основополагающим в нашем анализе. Электронное правосудие представляет собой инновационный метод осуществления судебного процесса, основанный на глубокой интеграции информационных и коммуникационных технологий в процесс судопроизводства. В рамках этой системы осуществляется цифровое управление и архивация судебных документов, дел и решений, что обеспечивает ускоренный доступ к необходимым материалам и существенно повышает эффективность судопроизводства. В академических кругах принято считать, что концепция электронного правосудия охватывает широкий арсенал методов и подходов, применяемых в судебной системе в рамках цифровизации общества. Это включает в себя не только инициацию судебного разбирательства, но и весь его процесс, в том числе документирование с помощью аудио- и видеозаписей, подачу и обработку юридических документов через специализированные электронные платформы, использование систем электронных уведомлений и другие аналогичные электронные процедуры, а также системы искусственного интеллекта, которые могут быть так или иначе использованы в судопроизводстве [10, с. 131].

В наше время процесс трансформации судебной системы с помощью современных информационных технологий оказывает заметное влияние на модернизацию системы правосудия. Исторически технологический прогресс всегда способствовал улучшению эффективности, обеспечению справедливости, повышению порядка и усовершенствованию функционала в общественных аспектах. Аналогичное преобразование происходит и с внедрением электронного судопроизводства, что наблюдается в настоящее время.

Электронное правосудие охватывает как ключевые фигуры в процессе судопроизводства, такие как судьи, адвокаты и обвиняемые, так и дополнительных участников, например, экспертов, специалистов и переводчиков. Взаимодействие между этими группами в контексте электронного правосудия должен происходить через обмен документацией в

электронном виде, электронное оповещение и другие аналогичные процессы.

Мы можем изучить зарубежный опыт по развитию и интеграции электронного правосудия, изучив методы, с помощью которых они инкорпорируют технологические инновации в процессах судопроизводства. Ключевыми аспектами этих трансформаций являются доступность электронных инструментов для обмена информацией между всеми участниками юридических процедур, а также значимость перевода коммуникаций между судами и участниками судебных разбирательств на цифровую платформу [9, с. 66]. В определенных странах разрабатываются уникальные мобильные приложения, которые предоставляют пользователям доступ ко всей необходимой информации о судебных процессах, включая обновления по делам, уведомления, различные требования и даже создание защищенных каналов связи между судом и сторонами разбирательства.

В рамках текущего перехода судебной системы России к цифровизации, несмотря на многие преимущества, наблюдаются и определенные риски. Например, серьезной проблемой в трансформации судебной системы в рамках информационных технологий, заключается в интеграции искусственного интеллекта и автоматизации в процессе принятия решений, традиционно выполнявшимся людьми. В научном сообществе давно ведутся бурные обсуждения о способности искусственного интеллекта обеспечивать решения, равноценные человеческим по справедливости и разумности, а также минимизация количества ошибок, допускаемых системами искусственного интеллекта при разрешении соответствующих вопросов.

В процессе анализа прогресса в сфере цифровизации системы правосудия в России выявлены не только очевидные преимущества, такие как повышение доступности и оперативности, но и определённые недостатки. В связи с этим предполагается разработка комплексных мер, нацеленных на минимизацию или полное устранение выявленных негативных факторов.

К числу таких мер стоит отнести замену устаревших средств связи на современные, адаптированные к текущей цифровой трансформации судебной системы, реализации стратегических целей и методик внедрения инновационных технологий в сферу судопроизводства, модернизацию технологической инфраструктуры судебных учреждений, обеспечивая их современной компьютерной техникой необходимым программным обеспечением.

Опыт применения электронного правосудия в других государствах, например, в Соединённых Штатах Америки, демонстрирует начало использования судебных информационных систем и технологий уже в 80-х годах двадцатого века. В Российской Федерации данный вопрос стал актуален лишь на рубеже веков. Обсуждение и первые шаги к цифровизации судопроизводства в России начались в 2002 году с запуска государственной программы «Электронная Россия». Однако масштабное внедрение информационных технологий в судебную систему, направленное на её трансформацию в электронный формат, было инициировано только в 2010 году, с разработкой и применением «Концепции региональной информатизации» [1, с. 103].

Одним из ключевых преимуществ модернизации судебной системы является сокращение затрат. Экономия затрагивает как финансовые аспекты осуществления судебного процесса, ведь традиционные очные заседания требуют значительных денежных вложений, так и экономию времени для проведения судебных разбирательств, поскольку в виртуальном формате судебные заседания могут быть организованы и проведены гораздо быстрее. Также, ключевым преимуществом является устранение волокиты и сокращение уровня бюрократии в процессе судопроизводства.

Другим значимым преимуществом является оперативность цифрового подхода, позволяющая легко мониторить процесс судебного разбирательства, быть в курсе любых изменений и получать различные оповещения. В электронном формате все эти процессы проходят гораздо более эффективно и скоротечно, в отличие от традиционного ожидания уведомлений и процессуальных документов по почте или необходимости личного обращения в соответствующие учреждения для получения информации по интересующим вопросам.

Ключевые достоинства системы электронного правосудия в России включают в себя скорость процесса, снижение затрат на судопроизводство, прозрачность, доступность информации и упрощение процедур благодаря минимизации бюрократии. Эти факторы напрямую способствуют повышению эффективности и ускорению рассмотрения различных судебных процессов.

Переход к недостаткам внедрения электронного правосудия в контексте цифровой трансформации в России начнём с финансовой стороны вопроса. Основная проблема заключается в необходимости инвестиций в создание и обеспечение безопасности информационно-технических разработок в судебной системе. Критическое значение при этом приобретает защита персональных данных всех участников процесса.

Одной из ключевых проблем является недостаток квалифицированных специалистов в различных регионах России. Это значит, что даже при успешной интеграции передовых информационных и цифровых технологий, может возникнуть ситуация, когда не будет достаточно профессиональных специалистов, способных на полную мощность использовать данные технологии для достижения максимальной эффективности введенных инноваций [6, с. 12].

Проблематика, данного вопроса, заключается в недостаточном уровне осведомленности работников судебной системы, а также отсутствие адекватных мер по стимулированию обеспечения на должном уровне квалификации всех сотрудников судебного аппарата, включая помощников судей, секретарей судебного заседания, сотрудников судебных канцелярий [5, с. 11]. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к реализации инициатив, направленных на внедрение новых информационных технологий. Основополагающую роль в этом процессе играет развитие образования и повышение квалификации судебных работников, а также анализ их способностей к освоению новейших технологий. Параллельно, крайне важно обеспечить все судебные учреждения необходимым программным обеспечением и техническими средствами, что станет основой для прогрессивных информационно-технологических изменений в судебной системе [5, с. 11].

Также существует неэффективность координации между учреждениями, участвующими в судопроизводстве, таких как органы прокуратуры, федеральная служба исполнения наказаний, федеральная служба судебных приставов, правоохранительные органы, адвокатские и нотариальные палаты, органы опеки и попечительства, органов ЗАГС и других. Необходимо улучшать их взаимодействие между собой, обеспечивая их участие, например, в единой судебной информационной системе, которая на данный момент отсутствует.

Создание такой системы обеспечило бы своевременное уведомление соответствующих органов об их участии в конкретном деле, что обеспечило бы своевременное присутствие их представителя на судебном заседании. Кроме этого, целесообразным было бы использование в рамках единой судебной информационной системы функцию документообмена между участниками судебного процесса и дальнейшую проверку судом актуальности сведений, содержащихся в документах, предоставленных сторонами, путем межведомственного взаимодействия с различными органами.

Также подобная система смогла бы обеспечить возможность знакомиться с материалами дел, обмениваться процессуальными документами, например, заблаговременно подавая возражения на исковые заявления, ходатайства о судебном запросе, получение от соответствующих органов ответов на судебные запросы. Все эти информационно-технологические процессы оказали бы значительное положительное влияние на судебную систему в целом, обеспечив реальную оптимизацию трудовых и временных затрат всех участников судопроизводства. Особенно важно, что такая оптимизация снизит нагрузку на судебный аппарат, который последние годы чрезмерно перегружен.

В России развитие судебной системы через внедрение информационных технологий целесообразно осуществлять, ориентируясь на пять следующих ключевых направлений.

Первое направление должно обеспечить автоматизацию регулярных, повторяющихся задач через продвинутый анализ данных. К этой категории можно отнести меры, цель которых - улучшить производительность стандартных операций. Примерами являются использование искусственного интеллекта для конвертации аудиозаписей судебных заседаний в текстовые документы и автоматизация создания и рассылки повесток.

Второе направление заключается в мониторинге и проверке соответствия судебной деятельности, установленным формальным критериям и нормативам, это задача контролирующего характера. В его рамках осуществляется контроль за соблюдением процессуальных сроков судопроизводства, сроков исковой давности для реализации различного рода процессуального действия.

В рамках концепции «умных судов» в Китае предложено внедрение технологий искусственного интеллекта для обеспечения строгости соблюдения судебным процессом законодательно закрепленных процедурных норм и сроков, включая контроль за соблюдением сроков досудебного и судебного рассмотрения дел, а также за пределами допустимого наказания в уголовном судопроизводстве [4, с. 143]. Привлекательность применения искусственного интеллекта в этой области заключается в его способности к высокоточному анализу и мониторингу, что гарантирует скорость и точность обработки больших объемов данных и выявления нарушений процессуального порядка.

Третье направление предполагает еще большее практическое совершенствование, путем использования электронного ассистента. Функции электронного ассистента могут обеспечивать своевременное разрешение разнообразных ситуаций в процессе судопроизводства. В этом контексте, кажется целесообразным внедрение в функционал электронного ассистента инструментов, осуществляющих сотрудничество с разнообразными порталами и органами для быстрого автоматизированного подтверждения юридически важной информации, что касается, к примеру, процессуально значимых лиц и их данных, таких как занятость, семейное положение, заболевания, заключение и расторжение браков, смена регистрации, смерть и т.д.

В этой категории особое внимание заслуживает раздел, связанный с установлением личности. Например, научное сообщество подчеркивает важность внедрения технологий биометрического распознавания лиц в системы видеоконференцсвязи [11]. Профессор Ю. А. Свирин отмечает критическую роль компьютерного зрения в верификации личностей участников, отсутствующих на судебных заседаниях из-за постоянной угрозы заразы в период пандемии [2, с. 17].

Четвертое направление должно заниматься поддержкой процесса принятия решений. Этот процесс направлен на улучшение качества выносимых судебных решений путем контрольной работы суда через детальную проверку процессуальных документов, поступающих в суд, на предмет их соответствия процессуальным нормам законодательства и актуальности, содержащийся информации в документах, представляемых сторонами.

Основная роль в улучшении качества судебных решений, по всей видимости, должна быть отведена разработке системы искусственного интеллекта, способной не только осуществлять поиск, но и анализировать, а также структурировать данные о судебной практике [8, с. 189].

Данный инструментарий способен повысить оперативность судебных решений в вопросах проведения предварительного слушания, определения оснований для передачи дела обратно в прокуратуру, распределения дел согласно подсудности и прочим аспектам. Например, в Китае активно используется система «206 system», которая обеспечивает проверку законности следственных действий [7, с. 164].

В этом контексте уместно говорить о синергии аналитических и контрольных функций, так как система будет направлять судью к основаниям для вердикта через детальный анализ документации на предмет установленных критериев. Подобный глубокий анализ документов является разумным шагом в свете назревшей потребности в цифровизации документооборота. При этом, оставляя исключительно за судьей задачу принятия решения по каждому вопросу, обеспечит минимизацию рисков неправильно принятого решения искусственным интеллектом.

Пятое направление заключается в использовании информационно-технологических инструментов в работе аналитическо-статистического направления. В этом контексте, заметный прогресс за рубежом уже достигнут. Так, например, в Республике Казахстан действует система «Зандылык», способная агрегировать на судебные данные по различным территориям, обеспечивая соответствующую статистику. Такая перенимаемая международная практика дает возможность местным разработчикам уменьшить нагрузку на судебные органы по направлениям, не затрагивающим их прямых обязанностей.

Эффективное внедрение новых подходов и разработок в части информационных технологий в судебную систему обеспечит уменьшение излишней бюрократии и процессуальной волокиты, повысив тем самым эффективность работы судей, освободив их от рутинных задач для более глубокой фокусировки на принципиальных аспектах судопроизводства - администрировании и воплощении правосудия. Интеграция таких технологий будет способствовать глобальной оптимизации процессов в судебной системе, в частности, и в органах юстиции в целом, минимизируя риск процессуальных ошибок, нарушений процессуальных сроков, обеспечивая при этом справедливость в отправлении правосудия и соблюдение баланса между инновациями и строгими процессуальными нормами.

Пристатейный библиографический список

1. Брянцева О. В., Солдаткина О. Л. Электронное правосудие: проблемы и пути решения // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. – 2019. – № 12. – С. 97-104.
2. Гришина Е. П., Тасаков С. В. Цифровые технологии в сфере правосудия по уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – № 4 (50). – С. 77-85.
3. Дорская А. А. Проблемы цифровизации правовой сферы: основные направления исследований // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сб. науч. тр. – М.: ИЗиСП при Правительстве Российской Федерации, 2019. – С. 18-27.
4. Еремеев Д. В. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – № 1. – С. 141-148.
5. Казанкова Т. Н., Екамасова Е. В. Проблемы электронного правосудия в России: теоретико-правовой аспект // Вопросы экономики и права. – 2022. – № 166. – С. 11-13.
6. Попова Е. С. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия // Актуальные вопросы юридических наук: материалы V Международной научной конференции. – 2019. – С. 12-14.
7. Реховский А. Ф. Китайский опыт использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Байкальские компаративистские чтения: материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 22-23 апреля 2022 года. –Иркутск, 2022. – С. 159-167.
8. Свирин Ю. А. Электронное правосудие: теоретико-правовые проблемы // Вестник Российской правовой академии. – 2021. – № 1. – С. 16-20.
9. Тищенко А. В. Электронное правосудие: судебная реформа к 2020 г. // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 4. – С. 65-69.
10. Электронное правосудие / Коллектив авторов; под общ. ред. Е. В. Бурдиной, В. С. Зуева. – Москва: РГУП, 2021. – 344 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-302-304

КОЗЫРИН Александр Александрович
аспирант кафедры гражданского процесса, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева; магистр частного права, Уральский филиал, Российская школа частного права, г. Екатеринбург

Козырин А. А.

ИСПОЛНЕНИЕ АНТИИСКОВЫХ ЗАПРЕТОВ: ПОСТАНОВКА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье анализируются проблемы исполнения правоприменительных актов об антиисковых запретах в качестве элемента гарантий доступа к правосудию в российском регулировании. Обосновано, что в условиях санкционного и контрсанкционного регулирования усиливаются тенденции конкуренции юрисдикций, что усугубляет проблемы исполнимости антиисковых запретов по причинам, которые можно выявить через методологию социологии права, международного гражданского процесса, экономического анализа права. Вместе с тем, автором предложены направления для поиска решения указанных проблем, которые связаны с использованием юридических конструкций, сопровождающих применение антиисковых запретов в странах общего права.

Ключевые слова: антиисковой запрет, юридическая конструкция, доступ к правосудию, параллельные разбирательства, lis pendens, forum non convenience.

KOZYRIN Alexander Alexandrovich
postgraduate of Civil Process sub-faculty, V. F. Yakovlev Ural State Law University; master of civil law, Ural branch, Russian School of Private Law, Yekaterinburg

ENFORCEMENT OF ANTI-SUIT INJUNCTIONS: TO THE THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES OF RUSSIAN REGULATION

The article is devoted to the issues of enforcement of jurisdictional acts on anti-suit injunctions as an element of guarantees of access to justice in Russian regulation. It is justified that in the conditions of sanctions and counter-sanctions regulation, the tendencies of competition between jurisdictions are intensifying, which aggravates the problems of enforceability of anti-suit injunctions for reasons that can be identified through the methodology of the sociology of law, international civil procedure, and economic analysis of law. At the same time, the author suggests directions for finding a solution to these issues, which are related with the use of legal constructions accompanying the application of anti-suit injunctions in common law countries.

Keywords: anti-suit injunction, legal construction, access to justice, parallel proceedings, lis pendens, forum non convenience.

В настоящее время ситуацию с процессуальной формой разрешения вопросов об антиисковых запретах можно охарактеризовать в качестве неопределенной и находящей в процессе становления. Так, не является достаточно ясным вопрос, насколько обоснованно использовать антиисковые запреты только по санкционным и контрсанкционным делам, как это прямо предусмотрено в ст. 248.1., 248.2. АПК РФ[1] [9, с. 17-24], дискуссии вызывают и проблемы доказывания по таким делам [1, с. 73-75].

Данная статья посвящена проблеме, которая является базовой для понимания промежуточных результатов имплементации anti-suit injunctions в том формате, в котором соответствующие механизмы оказались закреплены в ст. 248.1., 248.2. АПК РФ, и для оценки перспектив их применения. Речь идет о проблеме исполнения антиисковых запретов.

Теоретическая и практическая актуальность данной проблемы обусловлена тем, что право на исполнение правоприменительных актов является обязательным элементов гарантий доступа к правосудию [4, с. 4-28].

Чтобы начать исследование указанной проблемы, стоит лаконично сопоставить те вложения, которые делались в соответствующее регулирование, с их обоснованием и далее с получившимся результатом.

Так, при обращении к истории вопроса об использовании в России антиисковых запретов, важным является организационный аспект истории вопроса. Он заключается в несопоставимости ресурсов, затраченных на научные исследования этого вопроса, и периода, который потребовался для нормативного закрепления обсуждаемых юридических конструкций. Основной юридической конструкцией, которая используется в ст. 248.1., 248.2. АПК РФ, является юридическая конструкция anti-suit injunction, которая используется в странах общего права в основном для решения юрисдикционных вопросов [14, с. 244]. Соответствующие сравнительно-правовые исследования использования anti-suit injunctions в данных странах, а также предложения по их имплементации велись в российской доктрине с 2000-ых годов [8, с. 112-119], но для принятия ст. 248.1., 248.2. АПК РФ потребовался только период 2019 – 2020 годов.

Prima facie, такое различие может обуславливаться противоречиями между доктринальными предложениями и целями, которые оказались вложены в российское регулирование антиисковых запретов. Чтобы понять для каких целей принимались ст. 248.1., 248.2. АПК РФ, стоит провести сопоставительный анализ данных механизмов со следующими аспектами регулирования разрешения вопросов об антиисковых запретах:

– С другими механизмами санкционного и контрсанкционного регулирования, поскольку в настоящее время указанные нормы связаны именно с разрешением санкционных и контрсанкционных дел как прямым указанием на данный

1 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ / Российская газета, 27 июля 2002 – 27 июля. - № 137.

функционал в ч. 1 ст. 248.1. АПК РФ, так и практикой высших судов[2];

– С информацией из пояснительной записки к Законопроекту Лугового[3], поскольку оценка процесса законопроектной работы является принятым способом толкования источников права в юридической науке;

– Со статистическими исследованиями частоты использования антиисковых запретов в трансграничных правоотношениях между лицами, связанными с Россией и западными юрисдикциями, использующими санкционное регулирование[4], поскольку соответствующие исследования предоставляют эмпирический материал о действии исследуемых юридических конструкций в России и западных юрисдикциях.

Посредством анализа проблематики в заявленном порядке можно указать несколько тенденций, которые предоставляют основания для выводов о целях принятия ст. 248.1., 248.2. АПК РФ.

Во-первых, непосредственным поводом для принятия Закона Лугового в период 2019 — 2020 годов являлась практика использования персональных санкций против лиц, связанных с Россией, задействованных в серьезных предпринимательских и смежных трансграничных правоотношениях с соответственными целями защитить именно указанную категорию лиц [2, с. 41-55].

Во-вторых, имплементация юридических конструкций антиисковых запретов из стран общего права являлась решением вопроса об улучшении состязательных позиций лиц, связанных с Россией, в предпринимательских и смежных трансграничных спорах. Это связано с тем, что антиисковые запреты существенно используются при разрешении подобных споров во многих западных юрисдикциях, и позволяют для профессиональных участников процесса строить релевантные стратегии ведения разбирательств [18, с. 3-5].

В-третьих, с учетом изменения ситуации с основаниями санкционного и контрсанкционного регулирования за 2022 год к лицам, связанным с Россией, начали применяться значительное количество других санкционных механизмов, которые изменили состав и специфику таких споров. Это привело к кратному увеличению количества принимаемых антиисковых запретов в трансграничных спорах между Россией и западными юрисдикциями с указанного момента[5].

Таким образом, актуальная ситуация проясняется. Получается, что начиная с 2022 года практика использования антиисковых запретов в трансграничных спорах между лицами из России и западных юрисдикций активизируется. Но поскольку такая практика является встречной, перспективы, для которых принималось российское регулирование антиисковых запретов, связанные с улучшением позиций России в конкуренции юрисдикций [15, с. 1-5], делаются туманными. С чем связана такая ситуация?

Как представляется, направлением критики действующего российского регулирования и соответствующих сравнительно-правовых исследований может в дальнейшем оказаться проблематика сопоставления anti-suit injunctions с особенностями российского континентального процесса. Такая критика может выдвигать аргументы в ключе характерности для континентального процесса решений юрисдикционных проблем ex ante через такие юридические конструкции как принцип lis pendens [12, с. 137-147]. С другой стороны, важно указать, что российский правопорядок оценивается в сравнительно-правовой литературе в качестве смешанного по причине тенденций сближения правовых систем [6, с. 58-59].

Поэтому, представляется, что критика правовых заимствований является достаточно дискуссионной. Таким образом, стоит подойти к проблеме с позиции презумптивной релевантности использования anti-suit injunctions в России, и предложить представителям науки международного гражданского процесса продолжить исследования настоящей тематики в полемическом ключе.

При условии, что имплементация антиисковых запретов оценивается в качестве приемлемого решения, вопрос заключается в поиске проблем, которые могут влиять на исполнение соответствующих правоприменительных актов. Поэтому важно решить, посредством какой научной методологии будет делаться поиск причин проблем с исполнимостью антиисковых запретов.

Чтобы способствовать дальнейшим научным дискуссиям представляется обоснованным предложить несколько методологических подходов:

– Социология права: В указанной методологии проблема объясняется изменчивостью трансграничного предпринимательского регулирования, которое во многом основывается на соглашениях и правоприменительной практике [11, с. 15-17]. Поскольку такое регулирование основывается на принципе диспозитивности, ему присуща неопределенность.

– Международный гражданский процесс: В указанной методологии проблема объясняется теорией процессуального риска. Данная теория основывается на тезисе о том, что принцип состязательности делает основу для процессуальных правоотношений конфликтной и направленной не на сотрудничество, а на противостояние [10, с. 117-122]. Соответственно стороны блокируют те процессуальные действия оппонентов, которые могут привести к переводу процесса в неприемлемый форум. Именно поэтому в иностранной литературе проблема исполнения антиисковых запретов анализируется в качестве проблемы «юридического клинча» / «anti-anti-suit-injunction», так как стороны запрашивают антиисковые запреты, далее следующие антиисковые запреты чтобы блокировать аналогичные процессуальные действия оппонентов и так далее [16, с. 1-7].

– Экономический анализ права: В указанной методологии проблема объясняется направленностью санкционного и контрсанкционного регулирования разных стран, как России, так и западных юрисдикций, на то, чтобы защищать эффективных акторов национальных экономик. Это делается с целью получения выгоды благодаря протекционистскому регулированию чтобы оплатить издержки, которые возникают, например, для иностранных бизнесов и лиц в юрисдик-

2 Определение Верховного Суда РФ от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955,1-3 по делу А60-36897/2020, Определение Конституционного Суда РФ от 29.04.2025 № 999-О // СПС КонсультантПлюс.

3 Информация о законопроекте № 858074-7 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (об ограничении гражданской правоспособности офшорных компаний)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/858074-7 (дата обращения: 01.09.2025).

4 UPD: опубликован обновленный алерт практики международного коммерческого арбитража КИАП по Закону Лугового – статьи 248.1 и 248.2 АПК РФ – с описанием 480 дел // Официальный сайт юридической фирмы КИАП. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kiaplaw.ru/press-centr/news/7723.html (дата обращения: 01.09.2025), Scherer M. Anti-Suit Injunction Cases in the U.K.: Fueled By Russian Sanctions? // Official site of the publishing house Wolters Cluwer. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalblogs.wolterskluwer.com/arbitration-blog/anti-suit-injunction-cases-in-the-uk-fueled-by-russian-sanctions/ (дата обращения: 01.09.2025).

5 UPD: опубликован обновленный алерт практики международного коммерческого арбитража КИАП по Закону Лугового – статьи 248.1 и 248.2 АПК РФ – с описанием 480 дел // Официальный сайт юридической фирмы КИАП. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kiaplaw.ru/press-centr/news/7723.html (дата обращения: 01.09.2025), Scherer M. Anti-Suit Injunction Cases in the U.K.: Fueled By Russian Sanctions? // Official site of the publishing house Wolters Cluwer. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalblogs.wolterskluwer.com/arbitration-blog/anti-suit-injunction-cases-in-the-uk-fueled-by-russian-sanctions/ (дата обращения: 01.09.2025).

ции и так далее [5, с. 10-46]. Указанный подход к построению регулирования соответствует критерию эффективности Калдора-Хикса из экономического анализа права [3, с. 122-148].

Таким образом, стоит сделать предварительный вывод, что оценка ситуации с различных методологических позиций говорит о том, что выстраивание процессуальной формы разрешения вопросов об антиисковых запретах в российской юрисдикции — и по санкционным и контрсанкционным делам, и не исключено, что далее по другим — должно корректироваться в сторону улучшения ситуации с исполнимостью таких правоприменительных актов. В настоящее время нельзя говорить о том, что получилось достичь целей принятия механизмов ст. 248.1., 248.2. АПК РФ. Сформированное в настоящий момент регулирование не позволяет решать достаточно актуальных задач по разрешению соответствующих дел, и главным образом нельзя оценивать, что эти механизмы гарантируют получение правоприменительных результатов.

Поиски решений такого комплекса проблем требуют специализированных исследований, но сейчас можно предложить общие подходы к решению поднятых проблем. Для этого требуется обратиться к пониманию юридической конструкции антиисковых запретов в юрисдикциях общего права, где и оказались достигнуты успехи в разрешении юрисдикционных проблем через данный механизм. Так, важно учитывать, что в данных правопорядках механизмом решения вопросов о компетенции соответствующего форума является доктрина forum non convenience, подразумевающая сопоставление различных факторов оптимальности конкретного форума для разрешения спора [17, с. 60].

Представляется, что именно подход по учету таких факторов может позволить направить использование антиисковых запретов в России в сторону достижения правовой определенности, как это делается в странах общего права [13, с. 275-280]. В качестве примера фактора, который должен учитываться для улучшения перспектив исполнения, стоит назвать привязку санкционного элемента к конкретному правопорядку. Так, известным примером для критики подхода к применению ст. 248.1., 248.2. АПК РФ является дело Совфрахт против индийских предпринимателей, в котором российских арбитражный суд перевел разбирательство российской организации против предпринимателей из Индии в Россию на основании санкций США — это является примером ошибки в оценке относимости санкционного элемента к конкретному делу[6].

Подход, схожий с доктриной forum non convenience, позволил бы учитывать такую относимость санкционных элементов.

В то же время примером ситуации, когда особенности юрисдикции нивелируют санкционный элемент, является нейтральный статус юрисдикции. Такие примеры встречаются сейчас в регламентах арбитражных институций, которые находятся в юрисдикциях, занимающих нейтральные позиции по санкционным вопросам и указывающие на такой подход в регламентах [7, с. 507-519]. Однако в соответствии с применимыми правилами разрешения антиисковых вопросов из российского законодательства данный фактор еще не входит в перечень тех, которые должны учитываться судами обязательно. Это может составлять направление совершенствование российской процессуальной формы разрешения вопросов об антиисковых запретах.

6 Постановление Арбитражного суда Московского Округа от 25.01.2021 по делу № А40-201344/2020 // СПС КонсультантПлюс.

Пристатейный библиографический список

1. Гальперин М. Л. Битва юрисдикций: есть ли процессуальное оружие у российских судов? Комментарий к изменениям, внесенным в АПК РФ Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2021. - № 1. - С. 73-75.
2. Дораев М. Г. Экономические санкции в праве США, Европейского Союза и России. Монография. - М.: Инфотропик Медиа, 2016. - С. 41-55.
3. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. - М.: Статут, 2016. - С. 122-148.
4. Кузнецов Е. Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации: дис. … докт. юрид. наук: 5.1.3. - Екатеринбург, 2022. - С. 4-28.
5. Курочкин С. А. Экономический анализ гражданского процесса // Вестник Гражданского процесса. - 2018. - № 2, Т. 8. - С. 10-46.
6. Леже Р. Великие правовые системы: сравнительно-правовой подход / Пер. с фр. Грядов А. В. - М.: Волтерс Клувер, 2009. - С. 58-59.
7. Молотников А. Е., Шань В. Правовые основы бизнеса в Китае. - М.: Издательство РКЮО, 2018. - С. 507-519.
8. Незнамов А. В. Решение проблемы запретов на участие в судопроизводстве через их признание на основе взаимности // Российский юридический журнал. - 2017. - № 2. - С. 112-119.
9. Незнамов А. В. Судебный запрет как способ, средство и форма защиты права: монография. - М.: Юрлитинформ, 2015. - С. 17-24.
10. Решетникова И. В. Теория процессуального риска // Закон. - 2012. - № 6. - С. 117-122.
11. Талеб Н. Черный Лебедь. Под знаком непредсказуемости. - 2007. Издательство Random House и Аллен Лейн. - С. 15-17.
12. Филимоненко А. А. Принцип lis pendens как средство борьбы с параллельными процессами: взгляд сквозь призму опыта Европейского союза // Закон. - 2019. - № 10. - С. 137-147.
13. Ходыкин Р. М. Антиисковые обеспечительные меры в цивилистическом процессе в международном арбитраже / Liber amicorum в честь А. А. Костина, О. Н. Зименковой, Н. Г. Елисеева. - С. 275-280.
14. Эндрюс Н. Система гражданского процесса Англии: судебное разбирательство, медиация и арбитраж / Пер. с англ.; под ред. Р. М. Ходыкина. - М., 2012. - С. 244.
15. Ярков В. В. Конкуренция правовых систем: миф или реальность? Вестник гражданского процесса. - 2021. - № 1 // СПС КонсультантПлюс. - С. 1-5.
16. Contreras J. It's anti-suit injunctions all the way down – the strange new realities of international litigation over standards-essential patents. - IP Litigator. - 26.4.2020. - P. 1-7.
17. Maloy R. Forum Shopping? What's Wrong with That? // Quarterly Law Review. 2005. - Vol. 24. - P. 60. Stacher M. International Antisuit Injunctions: Enjoining Foreign Litigations and Arbitrations. - Beholding the System from Outside. 5-31-2005. - P. 3-5.
18. Stacher M. International Antisuit Injunctions: Enjoining Foreign Litigations and Arbitrations. - Beholding the System from Outside. 5-31-2005. - P. 3-5.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-305-306

НЕЯСОВА Валерия Александровна
соискатель кафедры гражданского процесса, преподаватель кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата, Саратовская государственная юридическая академия

Неясова В. А.

ПОНЯТИЕ ИСКА ПРИ ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРУППЫ ЛИЦ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается понятие иска и несколько концепций, содержащих различные подходы к определению его содержания в гражданском процессе. Автором аргументируется позиция, в соответствии с которой формирование понятия иска должно основываться на концепции его единого понимания, что позволяет преодолеть фрагментарность правового регулирования и обеспечить системность процессуального механизма защиты прав, а также обосновывается необходимость адаптации традиционного понятия иска к особенностям дел о защите коллективных интересов Результатом исследования выступает формирование понятия иска и группового иска с учетом процессуальной специфики дел, рассматриваемых по правилам группового производства в гражданском процессе.

Ключевые слова: понятие иска, понятие группового иска, процессуальное объединение, группа лиц.

NEYASOVA Valeriya Alexandrovna
competitor of Civil process sub-faculty, lecturer of Arbitration process, advocacy and notariat sub-faculty, Saratov State Law Academy

THE CONCEPT OF A CLAIM IN PROTECTING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF A GROUP OF PERSONS IN A CIVIL PROCEEDING

The article examines the concept of a claim and several concepts containing different approaches to determining its content in civil proceedings. The author substantiates the position according to which, when forming the concept of a claim, it is necessary to adhere to one concept – the concept of a unified understanding of the claim. The result of the study is the formation of the concept of a claim and a class action claim, taking into account the procedural specifics of cases considered according to the rules of class proceedings in civil proceedings.

Keywords: the concept of a claim, the concept of a class action, a procedural association, a group of persons.

Введенный в главу 22.3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ[1]) в 2019 году институт групповых исков стал необходимым для защиты прав и законных интересов группы лиц. Следует отметить, что целью законодательного закрепления возможности подачи групповых исков стало внедрение правовых механизмов защиты прав и законных интересов групп потребителей в судах (п. 1б-5 Перечня поручений Президента РФ В. В. Путина по итогам заседания президиума Государственного совета, состоявшегося 18 апреля 2017 года, по вопросу развития национальной системы защиты прав потребителей[2]). Вместе с тем, эффективность указанного института защиты прав группы лиц, на наш взгляд, зависит также от понимания сущности иска и группового иска в рамках гражданского судопроизводства.

В связи с этим целью исследования является выделение основных признаков одного из основополагающих понятий – понятия иска с учётом его процессуальной специфики при рассмотрении дел о защите интереса группы лиц в гражданском судопроизводстве.

Однако перед тем, как перейти к размышлениям о групповом производстве в гражданском процессе, на наш взгляд, следует определиться с тем, что такое иск и какие подходы к определению данного понятия существуют в науке гражданского процессуального права. Необходимо отметить, что оно является дискуссионным в доктрине, исследователи рассматривают его через призму нескольких концепций.

Первая концепция, которую мы предлагаем рассмотреть в рамках данной статьи, свидетельствует о наличии материально-правовой и процессуальной сторон иска – двух составляющих его правовой природы.

Например, М. А. Гурвич называл иском обращенное в суд первой инстанции требование истца о защите спорного гражданского права или охраняемого законом интереса одним из установленных законом способов на основании указанных в заявлении фактов, с которыми истец связывает свое право требования к ответчику [2, с. 10]. Из данного определения можно сделать вывод о том, что, не смотря на наличие двух элементов: требования к суду и требования к самому ответчику, на первое место ученый ставил процессуальный элемент, а на второе – материально-правовой. А. А. Добровольский, напротив, выдвигал на первое место требование истца к ответчику, то есть материально-правовой элемент, а на второе – процессуальный («требование истца к суду») [3, с. 19].

В связи с этим следует сделать вывод о том, что в рамках представленной выше концепции не существует единого мнения о наличии приоритета у какой-либо одной из сторон иска. Кроме того, по нашему мнению, обе стороны (материально-правовая и процессуальная) должны существовать одновременно и не противоречить друг другу. Однако данный подход является основой иной концепции, согласно которой иск имеет двоякую природу: содержит в себе материально-правовой и процессуальный элементы. Она сформировалась позже остальных, и на наш взгляд, на данном этапе развития гражданского процессуального законодательства и доктрины гражданского процессуального права является наиболее пол-

1 См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; 2024. – № 33 (Часть I). – Ст. 4951.

2 См.: Перечень поручений по итогам заседания президиума Госсовета по вопросу развития национальной системы защиты прав потребителей // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/54580 (дата обращения: 20.11.2024).

ной и отражающей в себе все стороны и значимые черты иска как многоаспектного, сложного правового понятия. Иск в процессуальном смысле, по нашему мнению, не отделим от его материально-правовой стороны, поскольку она является основой для подачи искового заявления и без существования гражданско-правовых отношений иска не было бы вовсе. При этом основная отличительная черта двухсторонней концепции следующая: «суть иска определяется характером защищаемого материально-правового требования к ответчику, а также процессуальной формой, которую он обретает в процессе данной защиты» [4, с. 30]. Здесь и далее предлагаем придерживаться концепции единого понимания иска, поскольку она представляется наиболее оптимальной и отражающей все важные стороны и аспекты иска, который рассматривается в суде.

Вместе с тем, стоит также упомянуть о существовании иной процессуальной концепции, согласно которой иск отождествляется с процессуальным действием. К. С. Юдельсон писал: «… иском является обращение в суд первой инстанции с требованием о защите спорного гражданского субъективного права или охраняемого законом интереса» [8, с. 199-200]. Другие правоведы – представители данной концепции – ставят знак тождества между иском и процессуальным средством защиты гражданином своего нарушенного права или охраняемого законом интереса, то есть отождествляют его со своего рода процессуальным обращением к суду с заявлением о разрешении спора, возникшего из конкретного гражданского правоотношения [4].

По мнению Г. Л. Осокиной более правильным является понятие иска как требования о защите нарушенного или оспариваемого права либо законного интереса; данное определение едино и универсально, не препятствует разграничению категории «право на иск в процессуальном смысле» и категории «право на иск в материальном смысле» [6, с. 25].

Помимо названных концепций, существует также еще одна, согласно которой первое понятие иска как процессуального обращения к суду для защиты своих прав и второе понятие иска как материально-правового требования к будущему ответчику о защите нарушенного или предполагаемого нарушенным права или законного интереса не отождествляются, а напротив, являются разноплановыми и существуют параллельно. Для определения иска в гражданском процессуальном праве – правоведы использует первое понятие, а при рассуждениях в рамках гражданского законодательства – второе. Так, Н. И. Ткачев отмечал, что по понятию иска не может быть достигнуто понимания [7, с. 113].

Ее сторонники, на наш взгляд, так или иначе сводили понимание иска, хотя и разводили два его понятия, к двоякой природе иска (о чем ведется речь представителями концепции единого понятия иска, имеющего две стороны: материальную и процессуальную [1, с. 82-86]).

Таким образом, в гражданском процессуальном законодательстве иск является сложным явлением, о сущностной стороне и содержании которого в кругу ученых ведется продолжительная дискуссия. На наш взгляд, законодательное определение иска решило бы многие вопросы правоведов относительно его природы. Кроме того, сделало бы более доступной защиту прав коллективных истцов. При рассмотрении гражданских дел по правилам главы 22.3 ГПК РФ возникает ряд проблем, в том числе на стадии разграничения процессуального соучастия и участия истцов в коллективных исках. В связи с этим, на наш взгляд, было бы целесообразным ввести единое понятие иска и в дальнейшем сформировать на его основе понятие группового иска:

Иск – это надлежащим образом оформленное процессуальное обращение лица в суд заинтересованного субъекта с целью защиты предположительно нарушенного или оспариваемого права или законного интереса участником определенного гражданского правоотношения.

В данном понятии отражена материально-правовая природа требований, на которых основано само процессуальное обращение истца по установленной процессуальным законом форме – подаче искового заявления.

Для определения понятия группового иска и учета его специфических особенностей необходимо иметь в виду, что «множественность лиц на стороне истца в делах о защите коллективного интереса, носит скорее характер **процессуального объединения**, основанного на тождественности предмета спора и юридической обоснованности требований». «Традиционный» иск в данном случае трансформируется в инструмент защиты участников процесса, которые «**объединены совпадением их интересов** в рамках производства по одному гражданскому делу о защите нарушенных прав или законных интересов группы лиц» [5, с. 246].

В. В. Ярков писал: «…общность либо однородность предмета спора как критерий имеет юридическое содержание и отражает правовую характеристику группового иска... Указанный критерий означает, что все члены группы имеют совпадающие по характеру требования, общий для всех объект правовой защиты» [9].

Также следует иметь ввиду, что в соответствии с частями 1 и 3 статьи 244.20 ГПК РФ гражданин или организация вправе обратиться в суд в защиту прав и законных интересов группы лиц при наличии совокупности определенных условий, а также в случае, если они являются членами данной группы.

Таким образом, **групповой иск** – это надлежащим образом оформленное процессуальное обращение в суд лица, ведущего дело в интересах группы заинтересованных субъектов, объединенных общностью (однородностью) предположительно нарушенных или оспоренных прав или законных интересов.

На наш взгляд, данное понятие наиболее полно отражает не только правовую природу иска в целом, но и процессуальные особенности рассмотрения группового иска, что в правоприменительной практике становится решающим аспектом при подаче такого искового заявления в тот или иной судебный орган. Таким образом, формирование общего подхода к пониманию группового иска как в доктрине, так и в законодательстве, будет способствовать единообразию в правоприменительной практике, повышению доступности правосудия, а также снижение нагрузки на судебную систему. Коллективные иски в гражданском процессе – институт сложный и противоречивый, но реализация права на защиту прав и законных интересов участников группы лиц невозможна, на наш взгляд, без законодательного закрепления процессуальных особенностей, связанных с множественностью лиц и их объединением.

Пристатейный библиографический список

1. Грось Л. А. О праве суда изменить предмет иска (на примерах дел о материальной ответственности рабочих и служащих) // Правоведение. – 1988. – № 1. – С. 82-86.
2. Гурвич М. А. Учение об иске (состав, виды): учебное пособие. – М.: ВЮЗИ, 1981. – С. 10.
3. Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. – М.: Издательство Московского университета, 1979. – С. 19.
4. Исаенкова О. В., Демичев А. А., Соловьева Т. В., Ткачева Н. Н. Иск в гражданском судопроизводстве: сборник. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 30.
5. Неясова В. А. Субъектный состав дел о защите коллективного интереса в гражданском судопроизводстве: количественный критерий // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 2 (201). – С. 243-246.
6. Осокина Г. Л. Иск (теория и практика). – М.: Городец, 2000. – С. 25.
7. Ткачев Н. И. Межотраслевые правовые понятия (Методологический аспект) // Понятийный аппарат науки советского гражданского права и процесса и терминология законодательных актов. – Тверь, 1991. – С. 113.
8. Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. – М.: Госюриздат, 1956. – С. 199-200.
9. Ярков В. В. Групповые иски в гражданском процессе: вопросы правоприменения // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 5.

ОРЛОВА Ирина Витальевна
старший преподаватель Высшей школы теории права и частного права, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ФАКТА РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ, ОСПАРИВАНИИ ОТЦОВСТВА

В статье рассматриваются вопросы доказывания факта биологического родства при рассмотрении дел об установлении и оспаривании отцовства. Освещена специфика исследования и оценки отдельных видов доказательств, предусмотренных гражданским процессуальным и семейным законодательством. Анализируя вопрос удовлетворения судом исковых требований об установлении отцовства в связи с принятием судом признания иска ответчиком, автор обосновывает вывод о необходимости в таких случаях назначать судебную экспертизу по инициативе суда. Также анализируются условия применения судами части 3 статьи 79 ГПК РФ на конкретных примерах из судебной практики.

Ключевые слова: отцовство, биологическое родство, установление отцовства, оспаривание отцовства, доказывание по делам об установлении отцовства, судебно-медицинская экспертиза, доказательственная фикция, признание иска ответчиком.

ORLOVA Irina Vitalievna
senior lecturer of the Higher School of Legal Theory and Private Law, Pacific State University, Khabarovsk

PECULIARITIES OF PROVING THE FACT OF KINSHIP RELATIONS WHEN CONSIDERING CASES OF ESTABLISHING OR CHALLENGING PATERNITY

The article discusses the problematic issues of proving the fact of biological kinship in cases of establishing and contesting paternity. It highlights the specifics of the examination and evaluation of certain types of evidence provided for by civil procedural and family legislation. By analyzing the practice of making court decisions on establishing paternity in connection with the defendant's acceptance of the claim, the author substantiates the conclusion that it is necessary to appoint a forensic examination at the court's initiative in such cases. The article also analyzes the conditions for applying Part 3 of Article 79 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation using specific examples from judicial practice.

Keywords: paternity, biological relationship, establishment of paternity, challenge to paternity, proof in paternity cases, forensic medical examination, evidentiary fiction, defendant's acceptance of the claim.

Ежегодно суды общей юрисдикции рассматривают большое количество дел по искам об установлении отцовства и об оспаривании отцовства. Анализ соответствующих материалов судебной практики, известных автору настоящей статьи, свидетельствует о том, что у судов преимущественно не возникает сложностей при установлении наличия или отсутствия факта биологического (кровного) родства. Эти факты устанавливаются судами в результате оценки доказательств, предусмотренных статьёй 55 ГПК РФ, или применения части 3 ст. 79 ГПК РФ. Однако в научной литературе многие учёные обоснованно указывают на существование проблемы доказывания этого факта, обращается внимание на трудности доказывания юридических фактов, входящих в предмет доказывания вышеуказанных категорий гражданских дел. В связи с этим даже предлагается установить «пониженный стандарт доказывания» для матерей, обращающихся с иском об установлении отцовства [1]. Прежде чем приступить к самостоятельному исследованию обозначенных проблемных вопросов, целесообразно отметить обстоятельство, которое необходимо всегда принимать во внимание при рассмотрении и разрешении вышеуказанных дел.

В делах об установлении отцовства истцами являются дети (несовершеннолетние или достигшие совершеннолетия) или мужчины, считающие себя отцами и обратившиеся в суд с соответствующим иском. Этот вывод следует из части 2 статьи 38 ГПК РФ, согласно которой истцом является лицо, чьи права нарушены и в интересах которого возбуждено производство по делу. Матери, обращающиеся с такими исками в интересах своих детей, в такой ситуации имеют статус участвующего в деле лица на основании ч. 1 ст. 46 ГПК РФ, ст. 49 СК РФ. В гражданских делах об оспаривании отцовства истцами чаще всего являются граждане, имеющие официальный статус биологического родителя, а ответчиками – несовершеннолетние или совершеннолетние дети; правоотношение с участием этих субъектов истец просит признать отсутствующим. Стороны в исковом производстве – это участники спорного правоотношения, из которого возник спор. Таким образом, одной из сторон рассматриваемых категорий дел являются дети, и в этих случаях, по мнению Верховного Суда РФ, дела должны рассматриваться с учётом наилучшего обеспечения интересов последних[1]. Эту позицию преимущественно и занимают суды, разрешающие дела по таким спорам.

Согласно 49 СК РФ, происхождение ребенка от конкретного лица (отцовство) устанавливается в судебном порядке. При этом суд должен принимать во внимание «…любые доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребёнка от конкретного лица». Применительно к этой ситуации законодатель не предусматривает определённых средств доказывания (ст. 60 ГПК РФ), хотя очевидно, что в настоящее время такими доказательствами являются только два доказательства – судебно-медицинская экспертиза (если она проведена в установленном законом порядке) и объяснения матери ребёнка. Однако, учитывая положения ч. 2 ст. 67, ч. 3 ст. 86 ГПК РФ, в подтверждение факта родства суду могут быть представлены и другие доказательства, предусмотренные частью 1 статьи 55 ГПК РФ (пункт 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16)[2].

Согласно ч. 1 ст. 55 ГПК РФ доказательствами по делу при определённых условиях являются объяснения сторон и третьих лиц. Представляется, если иск об установлении отцовства предъявлен матерью на основании ст. 46 ГПК РФ, то сообщённые ею суду сведения об отцовстве тоже должны квалифицироваться как объяснения (ч. 4 ст. 1, ч. 1 ст. 55 ГПК

1 Определение Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 5-КГ15-75 // Текст определения официально опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс». 2025 (дата обращения: 10.06.2025).

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrf.ru/documents/own/15888/?ysclid=mdqjidp6l5726688571 (дата обращения: 10.06.2025).

РФ). Также нередко ответчик признаёт факт своего отцовства, и принятие судом признания иска влечёт удовлетворение исковых требований (ч. 3 ст. 173 ГПК РФ). Однако в соответствии со ст. 68 ГПК РФ объяснения сторон суд квалифицирует как доказательство только если имеются иные доказательства, подтверждающие сведения, сообщённые сторонами и третьими лицами. Поэтому в материалах гражданского дела обязательно должны быть и другие доказательства фактов, свидетельствующих о том, что ответчик является биологическим родителем ребёнка. Особенно это актуально в случаях, если ответчик признаёт исковые требования, поскольку вышеуказанные статьи 68 ГПК РФ и 49 СК РФ не позволяют ограничиваться только этим видом доказательств (подробнее об этом – ниже).

Истцы также часто в качестве доказательств отцовства ответчика ссылаются на свидетельские показания родственников, знакомых, соседей и т.д. ГПК РФ не предусматривает оснований для отвода этих участников процесса (ст. 18 ГПК РФ). Поэтому свидетельские показания должны оцениваться судом в совокупности с другими доказательствами по делу (помимо объяснений сторон). Можно встретить большое количество примеров материалов гражданских дел, когда в них имеются лишь объяснения матери ребёнка и показания одного или нескольких свидетелей по делу, подтверждающих сведения, сообщённые матерью. Практика разрешения дел на основании лишь перечисленных доказательств видится спорной в условиях действия статьи 49 СК РФ. Особенно это актуально, если речь идёт об установлении отцовства ребёнка, родившегося после 1 марта 1996 года.

Факт биологического родства суды также устанавливают посредством письменных доказательств (переписки родителей ребёнка (между собой и/или с ребёнком) в социальных сетях; в телефоне; медицинские справки; иные письменные и электронные документы), аудио- и видеозаписей, вещественных доказательств (например, портрет ребёнка, написанный отцом и подписанный автором), фотографий.

Как представляется, все вышеперечисленные доказательства, которые исследуют суды в ходе рассмотрения этих дел (кроме судебно-медицинской экспертизы и объяснений сторон), являются косвенными и не относятся к категории достоверных доказательств. Тем не менее, эти доказательства тоже принимаются во внимание, исходя из интересов ребёнка. Особенно это является актуальным, если ответчик не признает исковые требования и уклоняется от участия в судебной экспертизе.

Суды часто применяют часть 3 статьи 79 ГПК РФ при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно. В таких случаях суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для неё она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым.

При этом суд, рассматривающий такое дело, должен удостовериться в отсутствии обстоятельств, объективно препятствовавших явке родителя на экспертизу, разъяснить этому лицу положения ч. 3 ст. 79 ГПК РФ и назначить новый срок для проведения экспертиз. В случае неявки последнего применить правило части 3 статьи 79 ГПК РФ нужно лишь тогда, когда сторонами представлены дополнительные доказательства в обоснование свои требований или возражений (пункт 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16). На последнее условие нужно обратить особенное внимание: для применения правила рассматриваемой статьи необходимо также наличие других доказательств. Представляется, речь идёт о фактах знакомства и общения матери ребёнка и ответчика. Иными словами, суд должен применять рассматриваемую статью, принимая во внимание иные обстоятельства по делу. Недопустимо делать положительный вывод об отцовстве только лишь потому, что ответчик не явился на экспертизу, если нет никаких иных доказательств взаимоотношений мужчины и женщины-матери ребёнка. Аналогичным образом, без учёта обстоятельств по делу, нельзя делать отрицательных выводов об отцовстве, если мать и ребёнок уклонились от участия в экспертизе.

Для наглядности проанализируем два гражданских дела, где участниками споров являлись одни и те же члены семьи, проживающие в городе Хабаровске. Как представляется, при разрешении этих дел судами были допущены ошибки, которые не позволили в конечном итоге установить истину по делу.

У мужчины Б. и женщины К., проживавших совместно, но не состоящих в зарегистрированном браке, родился ребёнок. Отец уклонился от обращения в орган ЗАГС с совместным заявлением об установлении отцовства, поэтому в свидетельстве о рождении ребёнка отсутствовала соответствующая запись. Через несколько лет после рождения ребёнка его родители стали проживать отдельно. Когда мужчина перестал перечислять денежные средства на содержание сына, женщина обратилась в суд с исковым заявлением об установлении отцовства и о взыскании алиментов. В судебное заседание ответчик не явился, просил рассмотреть дело в его отсутствие. Он заявил о признании иска, Центральный районный суд города Хабаровска принял это признание и удовлетворил исковые требования.

Через десять лет после вступления в силу вышеуказанного судебного решения во время случайной встречи между мужчиной Б. и женщиной К. возникла ссора, в ходе которой мужчина узнал, что не является отцом ребёнка. Он обратился в Кировский районный суд города Хабаровска с исковым заявлением об оспаривании отцовства. Исковое заявление было принято к производству, суд удовлетворил ходатайство истца о назначении судебно-медицинской экспертизы для установления факта родственных отношений. Мать ребёнка заявила возражение о том, что имеется вступившее в законную силу судебное решение по делу об установлении отцовства, которым был установлен факт родства, и последний не может оспариваться этими же лицами на основании части 2 статьи 61 ГПК РФ. Суд эти возражения не принял во внимание. По мнению суда, спорный факт не был установлен, так как экспертиза в ранее рассмотренном деле не проводилась, решение было принято в связи с принятием признания иска ответчиком.

На день назначения судебной экспертизы ребёнку было 14 лет. Узнав о предъявленном иске, он, затаив обиду на отца, отказался участвовать в проведении экспертизы. Суд, не установив причины и мотивы неявки ребёнка, применил положения ч. 3 ст. 79 ГПК РФ и принял решение об удовлетворении исковых требований мужчины. В последующем он обратился в суд, принявший решение по делу об установлении отцовства, с заявлением о пересмотре этого судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам. Пройдя несколько судебных инстанций, ему удалось отменить это решение и освободить себя от обязанности по уплате алиментов.

Данные примеры являются показательными по следующим причинам: и в первом, и во втором деле суды формально подошли к установлению фактов родства. Представляется, что в условиях, когда ответчик признаёт исковые требования об установлении отцовства, он не будет препятствовать проведению судебно-медицинской экспертизы, которую суд в этом случае должен назначать самостоятельно (ст. 79 ГПК РФ). Да, это затраты для бюджета, но ведь это дело рассматривается в интересах ребёнка и самого родителя. Решение этого важного вопроса по инициативе суда позволит внести ясность в отношения членов семьи, исключит сомнения в родительстве и предупредит возникновения в будущем иных споров. М. Г. Громова справедливо отмечает, что необходимо не законодательном уровне предусмотреть правило обязательного учета генетической экспертизы в семейных спорах [2].

Пристатейный библиографический список

1. Просвирин А. «Стандарт доказывания» по делам об установлении отцовства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2019/1/21/standart_dokazyvaniya_po_delam_ob_ustanovlenii_otcovstva (дата обращения: 15.06.2025).
2. Громова М. Г. Генетическая экспертиза как инструмент доказывания в семейном праве: современные вызовы // Семейное и жилищное право. - 2025. - № 2. - С. 8-10.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-309-311

Парамонова С. В.

ПАРАМОНОВА Светлана Владимировна
бизнес-консультант, АО «Информационные технологии-Элемент29»

ВЛИЯНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ТРУДОВЫМ СПОРАМ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ОБОСОБЛЕННОЕ СТРУКТУРНОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ» И ТОЛКОВАНИЕ ТРУДОПРАВОВЫХ НОРМ

Изменение форм и способов хозяйствования оказывает существенное влияние практически на всю правовую систему. В идеальном варианте одна отрасль отвечает за введение новых форм и способов деятельности в правовое поле, другие отрасли данное обстоятельство должны учитывать. Однако в реальности у каждой отрасли свои цели и задачи, которые предопределяют соответствующее правовое регулирование. Когда то или иное явление претерпевает правовое воздействие со стороны нескольких отраслей, часто возникает эффект потери первоисточника. Судебная практика по трудовым спорам с разной степенью успеха пытается данный первоисточник в отношении обособленных структурных подразделений организаций установить. Анализ судебной практики показывает, что она разнонаправлена, что приводит к искажению смысла особого правового регулирования отношений, складывающихся при участии организаций со сложной организационной структурой. Предлагается терминологическую группу «филиал, представительство и иное обособленное структурное подразделение» использовать как объединяющее начало.

Ключевые слова: обособленное структурное подразделение, обособленное подразделение, структурное подразделение, работодатели со сложной структурой, труд в сложноустроенных организациях.

PARAMONOVA Svetlana Vladimirovna
business consultant, JSC «Information Technologies-Element29»

INFLUENCE OF COURT PRACTICE ON LABOR DISPUTES ON THE DEFINITION OF THE CONCEPT «SEPARATE STRUCTURAL DIVISION» AND INTERPRETATION OF LABOR STANDARDS

Changing forms and methods of economic activity has a significant impact on almost the entire legal system. Ideally, one industry is responsible for introducing new forms and methods of activity into the legal field; other industries should take this circumstance into account. However, in reality, each industry has its own goals and objectives, which determine the appropriate legal regulation. When a phenomenon undergoes legal influence from several industries, the effect of losing the original source often occurs. The court practice in labor disputes, with varying degrees of success, attempts to establish this primary source in relation to separate structural divisions of organizations. An analysis of court practice shows that it is multidirectional, which leads to a distortion of the meaning of the special legal regulation of relations that develop with the participation of organizations with a complex organizational structure. It is proposed to use the terminological group «branch, representative office and other separate structural unit» as a unifying principle.

Keywords: separate structural division; separate division; structural division; employers with a complex structure; work in complex organizations.

Более чем три десятка лет насчитывает новейшая история национального трудового законодательства. За это время были не только приняты правовые решения, рассчитанные на работу в новых экономических условиях, но и проведена их апробация. Судя по опыту, учесть ранее невостребованные, но внезапно активированные в начале 90-х гг. XX века формы хозяйствования, в частности, сложноустроенную деятельность на базе филиальных сетей, а также запуск непривычных форматов бизнеса, например, создание, так называемых сетей дополнительных офисов, для сферы труда оказалось совсем не просто. Подготовка проекта Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ)[1] – важный этап в адаптации правового регулирования к новым вызовам. Она обязала законодателя поработать над уже возникшими к этому времени фрагментами решений, которые затрагивали труд руководителей обособленных подразделений организаций и отдельные вопросы коллективных трудовых отношений у особых работодателей.

Возможно, не имея достаточно времени, чтобы сориентироваться в интенсивном потоке экономико-правовых преобразований конца XX века, погружаться в детали законодатель не стал, сохранив в ТК РФ те же приоритеты: труд руководителей подразделений и специфика коллективных трудовых отношений. Специфика индивидуальных трудовых отношений в обособленных структурных подразделениях, по сути, осталась вне поля зрения законодателя. В ТК РФ объем правового материала, ориентированного на занятость у работодателей со сложной структурой, безусловно, заметно увеличился в сравнении с тем объемом, который был, достигнут к моменту его принятия, и продолжает расти, правда, в основном за счет норм, устанавливающих особенности труда руководителей отдельных видов особых подразделений организаций различной отраслевой принадлежности. Данные обстоятельства серьезно повлияли на восприятие возникшей в трудовом законодательстве вначале 90-х гг. и сохраненной в усовершенствованном виде в ТК РФ терминологической группы: «филиал, представительство или иное обособленное структурное подразделение».

Терминологическая группа могла бы и скорее всего, исходя из того, как ею оперирует законодатель, должна была удержать основную линию, ключевую мысль. Все нормы, в которых упоминалась вся группа или ее элемент, должны были толковаться и применяться с учетом того, что речь идет о подразделениях одного порядка. По крайне мере такую задачу она решала еще до принятия ТК РФ. Терминологи-

1 Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 3.

ческая группа, в предыдущем варианте имеющая представление: «филиал, представительство, отделение и другое обособленное подразделение», по-прежнему является открытым перечнем особых подразделений организаций. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.1992 № 16 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации законодательства при разрешении трудовых споров» (ред. от 21.11.2000) понятие «обособленное подразделение» толковалось соответствующим образом.

В первой редакции постановления Верховный Суд Российской Федерации, разъясняя, какое подразделение организации может считаться обособленным, ссылался на Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 (ред. от 30.11.1994) «О предприятиях и предпринимательской деятельности»[2], в редакции 1998 года на положения статьи 55 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[3]. При согласованности формулировок, наличии разъяснений, увязанных с гражданско-правовыми нормами, поводов для альтернативного толкования не возникало. В таких условиях выглядело обоснованным наличие специальных правовых решений, были предельно ясны и их предназначение, и их адресаты. Все резко изменилось после принятия ТК РФ и коррекционных правок терминологической группы. Маловероятно, что законодатель, как было указано выше, оставляя прежние приоритеты, вдруг без каких-либо причин решил в ТК РФ задать совсем другие смыслы. Тем не менее, проблемы правопонимания и правоприменения стали возникать одна за другой.

Представляется, что несколько иной эффект, чем тот, что ожидался, возник от попытки Верховного Суда Российской Федерации объяснить понятие «структурное подразделение» в постановлении от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации». С одной стороны, это в каком-то смысле принизило особый статус филиалов и представительств, они просто встали в один ряд с другими подразделениями организации, а, с другой стороны, появилась практически нерешаемая проблема с пониманием того, что означает обособленность подразделения. О том, что Суд, давая пояснения, с большей долей вероятности имел в виду работодателей-юридических лиц и их организационную структуру в последствии также благополучно забылось.

Произошла своеобразная потеря смыслов, и стал разваливаться весь общий концепт. Добавило сложностей налоговое законодательство, давшее определение понятию «обособленное подразделение», вернее включившее в свой понятийный аппарат гражданско-правовой термин с иным содержанием, и все запуталось окончательно. В первое время после принятия ТК РФ практика заново взялась за выяснение замысла законодателя об истинных адресатах специальных правовых решений и их предназначении. Иначе поступить было нельзя, поскольку речь шла о сложных вопросах коллективных трудовых отношений. В судебном порядке на протяжении нескольких лет выяснялось, являются ли обособленными структурными подразделениями летные отряды[4], цеха[5], технические базы[6], оркестры[7], шахты[8], тепловые электростанции[9] и другие подразделения организаций. Итогом стало выявление следующих признаков иного обособленного структурного подразделения: территориальная обособленность, наличие оборудованных рабочих мест, осуществление вспомогательной, автономной деятельности [3, с. 19].

Если посмотреть внимательно, то эти признаки также свойственны и филиалам, и представительствам. По большому счету практика в очередной раз подтвердила предназначение терминологической группы, используемой в трудовом праве, и при этом подсветила одну из ключевых черт обособленных структурных подразделений – автономность, то есть независимость деятельности от деятельности всей организации в целом. Примечательно, что на основе обширной практики и глубокой проработки вопроса так и не была обозначена единая правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, что могло бы исключить многие дальнейшие споры, а также не допускать запросов на переоценку обоснованных решений на уровне высших инстанций[10].

При наличии четкой позиции Верховного Суда Российской Федерации наверняка не возникло бы обращений в Конституционный Суд Российской Федерации. Данные обращения хоть и не многочисленны[11], но явно говорят о проблемах с интерпретацией нормативных положений ТК РФ о работе в иных обособленных структурных подразделениях организаций. В судебной практике все еще есть большая путаница между структурными подразделениями с точки зрения организационной архитектуры юридического лица и обособленными подразделениями с точки зрения налогового учета ее имущества[12]. Решения, основанные на том, что постановка на учет рабочих мест еще не свидетельствует о наличии подразделения или об его особом статусе, являются редким исключением[13]. При рассмотрении дел, связанных с работой в другой местности, как замечают практикующие специалисты, «суды опираются не на положения ГК РФ, а, как правило, на понятие обособленное подразделение, которое дано в статье 11 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), признавая его равнозначным понятию «обособленное структурное подразделение»» [1, с. 47-49].

Стоит заметить, что смешение организационного и пространственно-территориального аспекта деятельности организации присутствует не только в судебной практике. Так, в одном из авторитетных учебных изданий предлагается выделять два вида структурных подразделений: обособленные и необособленные [2, с. 312-313]. Обособленные структурные подразделения, по мнению авторов, – это подразделения, которые создаются на базе обособленного имущества организации (филиалы, представительства и иные обособленные подразделения, поставленные на учет согласно НК РФ). Необособленные (функциональные) структурные подразделения – это подразделения, которые образуются в результате внутреннего структурирования штата организации.

В целом складывается впечатление, что когда речь идет о коллективных трудовых отношениях у обособленного структурного подразделения одна природа, а когда речь идет об индивидуальных трудовых отношениях, то она чудесным образом трансформируется в совершенно другую природу. Но так не бывает, сложившаяся ситуация результат искажения правопонимания и, как следствие, запутанного правоприменения. Однако, кажется, что этому есть объяснение. В 2006 году законодатель изменил формулировки статьи 57 ТК РФ в части установления обязательности уточнения места работы, если таковым является обособленное структурное подраз-

2 Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. - 1990. - № 30. - Ст. 418 (документ утратил силу).

3 Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

4 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.11.2004 № 49-Г04-87.

5 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.08.2005 № 93-Г05-14.

6 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2006 № 74-Г06-4.

7 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.12.2006 № 48-Г06-20.

8 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.07.2008 № 45-Г08-12.

9 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13.08.2009 № 18-Г09-15.

10 См., например: Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.04.2016 № 4-АПГ16-3.

11 См, например: Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21.04.2005 № 144-О и от 24.10.2013 № 1542-О.

12 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2021 № 88-10909/2021; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2021 № 88-26986/2021; Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2022 № 88-3961/2022; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2023 № 88-22704/2023; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29.02.2024 № 88-3784/2024 и др.

13 См., например: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15.12.2022 № 88-26361/2022.

деление организации, расположенное в другой местности. Особое подразделение организации на законных основаниях начало выполнять навигационную функцию и прежде всего в пространственно-территориальном плане.

Именно с географией деятельности организации, а не с технологией управления ею связано большинство индивидуальных трудовых споров. Самые достоверные и доступные сведения о деятельности организации в пространстве дает система налогового учета, поэтому она своеобразно через судебную практику вклинилась в практику трудовых отношений, исказив толкование трудоправовых норм. Правда, стоит отметить, что не всегда суд пренебрегает организационной составляющей и это позволяет ему делать выводы, имеющие значение для характеристики подразделений, в том числе имеющих статус обособленных. Например, в определении Свердловского областного суда от 18.09.2012 по делу № 33-11596/2012 было указано, что под структурными подразделениями организации следует понимать такие структурные образования, внутри которых работники объединены связанными между собой трудовыми функциями общей направленности, а не отдельные рабочие места. Подобные меткие наблюдения судов, к сожалению, большое исключение.

Между тем структурное подразделение имеет крайне важное значение для характеристики работы, его функции не могут сводиться лишь к указанию, где работа выполняется в рамках определенной территории. Другими словами, в структуре трудового правоотношения структурное подразделение и обособленное структурное подразделение, в частности, играют важную роль, поскольку без них весьма затруднительна комплексная характеристика его объекта. В свою очередь особые характеристики объекта, то есть работы, по поводу которой возникают трудовые правоотношения, обуславливают дифференциацию правового регулирования.

Судебная практика обширна и разнородна, часто изменчива. Есть основания полагать, что позиции Конституционного Суда Российской Федерации в ближайшее время существенно на нее повлияют[14], поскольку вопросы работы вне местонахождения работодателя стали все чаще попадать в поле проверки на соответствие Конституции России положений ТК РФ. Однако результат этого влияния пока сложно прогнозировать, потому что мнение Суда о том, что же все-таки представляет собой обособленное структурное подразделение организации, прямо пока не высказано. Из положений постановления от 20.01.2022 № 3-П по делу А. А. Пешкова следует, что отделы, входящие в состав межрегионального филиала ФКУ «ЦОКР» в Санкт-Петербурге, но имеющие месторасположение отличное от месторасположения филиала, где работал заявитель и где ему предлагались работа, Суд рассматривал как обособленные структурные подразделения. В постановлении от 24.04.2024 № 22-П по делу М. Х. Абдуллоева Суд говорит об аналогии, а не о тождестве пространственно-территориального изменения рабочего места и прекращения деятельности обособленного структурного подразделения, расположенного в другой местности.

Рано или поздно правоприменение должно прийти в соответствие с общим смыслом правового регулирования, в определенных моментах подсказать законодателю пути и точки улучшений. Достижение соответствия требуется для того, чтобы особое подразделение организации в сфере труда занимало соответствующее его природе правовое положение. Необходимо посмотреть на ситуацию комплексно, найти способы преодолеть разнонаправленность трактовок понятия в зависимости от вида правоотношений, в которых фигурируют работодатели со сложной структурой и их особые структурные подразделения. В противном случае будет затруднительно двигаться дальше, например, окончательно разобраться с тем, может ли подразделение являться работодателем.

Так, выглядят не менее противоречиво, чем судебная практика, суждения о том, что филиалы и представительства могут рассматриваться в качестве работодателей, а вот иные обособленные структурные подразделения таковыми являться не могут [4, с. 48]. Если под обособленным структурным подразделением понимать какое-то совершенно другое подразделение, отличное от филиала и представительства организации, то, конечно, суждение не лишено смысла, но тогда, с какой стати и каким образом в таком подразделении может быть заключен отдельный коллективный договор. Снова возникает неоправданное и ни к чему не приводящее усложнение. При этом согласно статье 20 ТК РФ и пункту 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2, из которого следует, что передача полномочий по найму работников не есть передача правосубъектности и сама себе организация их передать не может, безусловно, ни работодателем, ни его представителем особое подразделение не является. Справедливым следует признать мнение о том, что признаками работодателя, прежде всего имущественным признаком, особые подразделения организаций не обладают независимо от формы, в которой они существуют [5, с. 53-55].

Таким образом, во избежание путаницы в толковании положений трудового законодательства и с целью сохранения системности в правоприменении есть смысл вернуться к первоистокам, используя в практике применения норм трудового права терминологическую группу «филиал, представительство и иное обособленное структурное подразделение» как объединяющее начало.

Пристатейный библиографический список

1. Кулакова С. В. Обособленное структурное подразделение организации: некоторые вопросы трудового права // Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции, - Санкт-Петербург, 2018. - № 5. - С. 47-49.
2. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права. Учебник: в 2 т.: т. 2. Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. – М.: Статут, 2009. - 1151 с.
3. Насиковская А. А. Иные обособленные структурные подразделения в трудовом законодательстве // Трудовые споры. - 2007. - № 8. - С. 15-21.
4. Права работодателей в трудовых отношениях / Под ред. А. Ф. Нуртдиновой, Л. А. Чикановой. - М.: Эксмо, 2010. - 480 с.
5. Трудовое право: национальное и международное измерение: монография. В 2 т.: т. 2. Трансформация и проблемы отдельных институтов трудового права. Нетипичная занятость / Под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. - М.: Норма, 2022. - 568 с.

14 См., например: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.05.2024 по делу № 88-13995/2024 (решение принято после формулирования Конституционным Судом Российской Федерации правовой позиции по делам А. А. Пешкова и М. Х. Абдуллоева).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-312-314

КОЗЬМИНЫХ Мария Михайловна
аспирант кафедры предпринимательского и финансового права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО РАСХОДОВАНИЯ СРЕДСТВ БЮДЖЕТА КАЗЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ

Статья посвящена анализу принципов бюджетного законодательства, которые казенные учреждения применяют в своей повседневной деятельности при использовании средств бюджета. Анализируя принципы целевого характера и эффективности использования бюджетных средств, автором выявлены неточности в правовых нормах бюджетного законодательства. Так, понятие «нецелевое использование» нормами Бюджетного кодекса РФ закреплено и четко регламентировано, в то время как понятие «неэффективность использования» бюджетных средств на законодательном уровне не закреплено, что может стать проблемой при формировании и использовании средств бюджета.

Ключевые слова: казённое учреждение, неэффективное использование, бюджетные средства, государственные учреждения.

KOZMINYKH Mariya Mikhaylovna
postgraduate student of Business and financial law sub-faculty, Baikal State University, Irkutsk

PROBLEMS AND FEATURES OF FINANCIAL AND LEGAL REGULATION OF EFFICIENT BUDGET EXPENDITURE BY PUBLIC INSTITUTIONS

The article is devoted to the analysis of the principles of budget legislation, which are applied by state-owned institutions in their daily activities when using budget funds. By analyzing the principles of targeted and efficient use of budget funds, the author identifies inaccuracies in the legal norms of budget legislation. Thus, the concept of non-targeted use is defined and clearly regulated by the Budget Code of the Russian Federation, while the concept of inefficient use of budget funds is not legally defined, which may pose a challenge in the formation and use of budget funds.

Keywords: state-owned institution, inefficient use, budget funds, state institutions.

Обеспечение стабильного экономического развития любой страны является одной из основных задач государственного управления, особенно, в условиях неустойчивости финансовой системы. Вместе с тем, осуществление государственного управления предполагает использование бюджетных средств, без которых реализация государственных полномочий не представляется возможной.

Бюджет в данном аспекте представляет собой систему доходов и расходов, благодаря которой существует финансовая возможность для реализации государством своих задач и функций.

Определяя правовую природу бюджета, следует отметить, что бюджет представляет собой совокупность доходов и расходов, которые направлены на то, чтобы обеспечить в финансовом аспекте возможность выполнения государственных и муниципальных задач и функций [4, с. 584]. Право Российской Федерации на формирование федерального бюджета установлено Конституций РФ[1], а правила, регулирующие порядок его составления и утверждения, определены Бюджетным кодексом РФ[2].

Как уже было отмечено, бюджет состоит из двух взаимозависимых составляющих: доходов и расходов. В качестве доходов выступают источники, за счет которых происходит пополнение казны Российской Федерации, а расходы представляют собой ресурсы, за счет которых финансируют государственную и муниципальную деятельность.

Эффективность использования бюджетных средств является наиболее показательным признаком результативности регулирования экономики, которая оценивается, главным образом, с помощью оптимизации бюджетных расходов [1, с. 185], которая производится, в основном, в таких направлениях как [3, с. 16]:

– государственное и муниципальное инвестирование;

– совершенствование планирования расходов бюджетных средств;

– анализ выявленных случаев нерационального использования бюджетных средств;

– повышение эффективности расходования средств бюджета за счет увеличения их адресности и рациональности.

Повышение эффективности расходования бюджетных средств возможно за счет проведения различных мероприятий, начиная от повышения степени ответственности государственных и муниципальных органов за счет внедрения программно-целевого способа планирования бюджета и заканчивая увеличением эффективности государственных закупок.

Анализ инструментов, с помощью которых обеспечивается управление бюджетными средствами, демонстрирует использование неполного потенциала.

Во-первых, серьезные вопросы вызывает предоставленное органам исполнительной власти, контрольно-надзорным органам, право на нормотворческую деятельность. Это приводит к тому, что урегулировать порядок предоставления бюджетных средств можно только до того момента, когда средства передаются конкретному государственному органу, потому что после получения денежных средств из бюджета такой государственный орган вправе самостоятельно опреде-

1 Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. / Российская газета. - 1993. - 25 декабря. - № 237.

2 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ / Российская газета. - 1998. – 12 августа. - № 153-154.

лять правила их распределения между подведомственными учреждениями и расходования.

Во-вторых, весьма существенно затруднена оценка эффективности института государственных закупок, а также затруднена возможность проводить одновременные закупки аналогичных товаров и услуг для различных органов государственной власти с целью обеспечения функционирования государственных органов и подведомственных им структур. В настоящее время существуют рекомендации Счетной Палаты РФ, которой рекомендованы отдельные критерии такой оценки, но мы полагаем, что признаки эффективности должны быть зафиксированы в нормативных актах в виде правовых норм.

Таким образом, проблема эффективности использования бюджетных средств характерна, прежде всего, при передаче бюджетных средств казенным учреждениям.

Казенные учреждения являются субъектами бюджетных правоотношений и финансируются на основании сметы из средств бюджета. Начнем с того, что специфика бюджетных правоотношений определена сферой, в которой складывается взаимодействие субъектов - она урегулирована Бюджетным кодексом РФ[3].

В бюджетном секторе права под объектом правоотношений следует, с нашей точки зрения, понимать доходы и расходы бюджета.

Субъектами бюджетных правоотношений выступают, с одной стороны, государственные и муниципальные органы, а с другой – подведомственные им учреждения, которые функционируют за счет бюджетных средств, а также юридические и физические лица, которые производят товары, работы или услуги, финансирующиеся из бюджета.

Бюджетным правоотношениям свойственны следующие признаки [2, с. 122]:

1) в их основе лежат правовые нормы, установленные государством [7, с. 74];

2) обладают субординационным характером (реализуется модель «власть – подчинение»);

3) стороны правоотношений обладают взаимными правами и обязанностями;

4) нарушение установленных законом обязательств предполагает применение мер государственного принуждения;

5) связь с формированием доходов и расходованием бюджетных средств, а также контролем за утверждением и исполнением бюджетов;

6) в субъектный состав в обязательном порядке входит государственный или муниципальный орган.

Таким образом, участники бюджетных правоотношений обладают определенным набором прав (среди которых, главным образом, выделяется собственно право на бюджет) и обязанностей, выраженных в закрепленном нормами права предписанном поведении и ответственности за его нарушение. К нарушениям бюджетных обязательств относится в частности нецелевое и неэффективное использование бюджетных средств.

Казенные учреждения, являясь субъектами бюджетных правоотношений, обладают определенной спецификой. Казенные учреждения – это относительно новая организационно-правовая форма, которая появилась в Российской Федерации с 2011 года, после того, как Федеральным законом от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ[4] были внесены изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации [8, с. 78].

В соответствии со ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации к казенным учреждениям относят государственные или муниципальные учреждения, цель которых заключается в оказании государственных или, соответственно, муниципальных услуг, выполнение работ и (или) исполнение государственных или муниципальных функций для обеспечения реализации предусмотренных законодательством РФ полномочий органов государственной власти (государственных органов) или органов местного самоуправления, финансовое обеспечение деятельности которых осуществляется за счет средств соответствующего бюджета на основании бюджетной сметы[5].

В юридическом сообществе бытует мнение о том, что казенное учреждение является аналогом федерального государственного унитарного предприятия. Между тем, специфика финансово-правового статуса казенных учреждений отражена в статье 161 Бюджетного кодекса Российской Федерации, из содержания которой очевидно, что казенное учреждение не является аналогом федерального государственного унитарного предприятия, а представляет собой юридическое лицо, решающее определенные задачи в ключе полномочий федерального органа исполнительного власти или органа местного самоуправления.

На сегодняшний день казенные учреждения являются единственными участниками бюджетных правоотношений из числа государственных организаций (в отличие от автономных и бюджетных учреждений), поскольку они финансируются напрямую от государства или муниципалитета, а не за счет получения дохода от населения за оказанные государственные или муниципальные услуги. Размер финансовых поступлений казенных учреждений не зависит ни от объема, ни от качества выполняемых работ или оказываемых услуг.

Из-за особенностей своего правового положения и, прежде всего, финансирования, казенные учреждения не заинтересованы в повышении эффективности расходования денежных средств при осуществлении государственных закупок: отсутствие мотивации к осуществлению оценки эффективности государственных закупок приводит к формальному проведению торгов и определению победителя из числа предложивших наиболее низкую цену, если речь идет об электронном аукционе, например.

При наблюдаемом на первый взгляд рациональном расходовании бюджетных средств (определена наиболее приемлемая цена контракта), степень эффективности механизма государственных закупок может быть нивелирована, если закуплен товар/услуга низкого качества. В данной работе не рассматриваются случаи производственного брака или недобросовестность поставщиков. Речь идет о товарах и услугах, соответствующих критериям, заявленных в техническом задании при опубликовании закупки.

В практике государственных закупок нередко встречаются случаи, когда расходы на техническое обслуживание приобретенного оборудования и обеспечение его расходными материалами превращало сделку в крайне невыгодное для

3 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ / Российская газета. - 1998. – 12 августа. - № 153-154.

4 Федеральный закон от 08 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» / Российская газета. - 2010. – 12 мая. - № 100.

5 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ / Российская газета. - 1998. – 12 августа. - № 153-154.

учреждения мероприятие. В качестве примера можно привести закупку принтеров низкого качества, несмотря на то, что соответствовали техническим параметрам, изложенным в техническом задании при опубликовании закупки. Организации, закупившей данные принтеры, приходилось регулярно использовать дополнительные средства на ремонт указанной техники. Немаловажным аспектом в данном случае является то, что при этом снизилась эффективность работы учреждения.

Кроме того, эффективное социально-экономическое развитие любого государства основывается на принципе плановости [5, с. 74]. Нередко встречается проблема несовершенного планирования программ государственных закупок (например, когда закупается оборудование, срок использования которого составляет несколько месяцев вместо нескольких лет). Первичная выгода приобретения замещается дополнительными или повышенными затратами на ремонт такого оснащения вне гарантийного срока или приобретение нового.

Таким образом, эффективность государственных закупок не всегда соответствует требованию по эффективному расходованию бюджетных средств. При этом если термин «нецелевое использование средств» нашло свое отражение в правовых нормах нормативных актов, то термин «неэффективное расходование» закрепленного в нормативных актах определения на сегодняшний день не имеет [6, с. 30].

Отсутствие толкования является не единственным отличием института неэффективного расходования бюджетных средств от их нецелевого расходования – ответственность (административная и уголовная) предусмотрена только для последнего, хотя в практике нередко ущерб от неэффективного расходования бюджетных средств намного выше, чем от нецелевого.

Отсутствие предусмотренной законом ответственности также способствует снижению интереса казенных учреждений к экономному - эффективному использованию бюджетных ресурсов.

Таким образом, установленные в действующем законодательстве правовые нормы, регулирующие правила финансирования и расходования бюджетных средств казенными учреждениями, способствуют низкой эффективности использования бюджетных средств.

В ходе проведенного исследования стало очевидно, что законодательство, регулирующее деятельность казенных учреждений, нуждается в совершенствовании. В первую очередь, с нашей точки зрения, необходимо внести изменения в Бюджетный кодекс РФ, дополнив его статьей, закрепляющей понятие «неэффективное расходование бюджетных средств». Такое изменение в бюджетном законодательстве приведет к повышению степени эффективности расходования бюджетных средств.

Пристатейный библиографический список

1. Васянина Е. Л. Финансово-правовые и административно-правовые аспекты регулирования экономики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 3.1. – С. 184-195.
2. Гандаров М. М. Понятие и структура бюджетных правоотношений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 3-1 (66). – С. 121-124.
3. Глотова И. И. Актуальные проблемы и пути оптимизации расходования финансовых ресурсов федерального бюджета РФ // Финансы и учетная политика. – 2022. – № 2. – С. 13-21.
4. Петросова К. Э., Муртилова К. М.-К. Государственный бюджет // Экономика и социум. – 2022. – № 5 (96). – С. 583-587.
5. Пятковская Ю. В., Иванова Е. Л. К вопросу о полномочиях публично-правовых образований в сфере стратегического планирования // Личность, общество и государство в правовом измерении: Материалы национальной научно-практической конференции, Иркутск, 22 марта 2021 года. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2021. – С. 74-79.
6. Рудых С. Н., Иванова Е. Ю. К вопросу о неэффективном использовании бюджетных средств // Искусство правоведения. – 2023. – № 1. – С. 29-35.
7. Севостьянов Г. П. Особенности правового положения федерального казенного учреждения как участника финансовых отношений // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2019. – № 2. – С. 74-76.
8. Сморчкова Л. Н. О некоторых вопросах реформирования бюджетного законодательства // Право и практика. – 2022. – № 2. – С. 77-82.

ЛИ Ялунь
аспирант кафедры предпринимательского права, Юридический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ДОГОВОР В КИТАЙСКОМ ПРАВЕ: ОПЫТ ДОКТРИНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена анализу понятия договора в китайском праве в некотором сопоставлении с действующей российской практикой. Раскрыты особенности правового восприятия договора и его недействительности в китайской правовой системе. Сделан вывод о том, что в гражданском законодательстве Китая не принимается точка зрения о том, что простое согласие сторон может порождать какую-либо обязательную силу договора. Основой для возникновения прав и обязанностей являются не только действия или согласие сторон, но и определенные гражданско-правовые действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав.

Ключевые слова: гражданский кодекс, договор, недействительность договора, обязательственные правоотношения, соглашение.

LI Yalun
postgraduate student of Business law sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

CONTRACT IN CHINESE LAW: AN EXPERIENCE OF DOCTRINAL RESEARCH

The article is devoted to the analysis of the concept of contract in Chinese law in some comparison with the current Russian practice. The peculiarities of the legal perception of the contract and its invalidity in the Chinese legal system are revealed. It is concluded that Chinese civil law does not accept the view that the mere consent of the parties can generate any binding force of the contract. The basis for the emergence of rights and obligations is not only the actions or consent of the parties, but also certain civil law actions aimed at establishing, changing or terminating civil rights.

Keywords: civil code, contract, invalidity of contract, legal relations of obligations, agreement.

Вводная часть

Несмотря на то, что Гражданский кодекс Китайской Народной Республики, как и Гражданский кодекс Российской Федерации, был основан на немецком континентальном подходе, между ними существуют определенные различия. Эти отличия обусловлены историческими, культурными и идеологическими особенностями, а также уникальными экономическими реалиями страны.

Процесс кодификации гражданского законодательства в Китае происходил постепенно и поэтапно, что в целом хорошо согласуется с известным провозглашаемым лозунгом Дэн Сяопина: «Не важно, чёрная кошка или белая, главное, чтобы ловила мышей». Безусловно, такой подход имел большое влияние на формирование новой и совершенно неизведанной еще на тот момент отрасли права. Это подтверждает прагматичный подход Китая и его стремление максимально быстро приобщиться к международной практике в правовом строительстве: основная цель законодательства – эффективно регулировать общественные отношения, а не стремиться к идеологически чистой, но малопрактичной модели.

Формирование гражданского законодательства в Китае прошло следующие этапы:

1. 1978–1986 годы: с началом политики реформ и открытости были приняты первые ключевые законы, такие как Закон КНР о браке (1980 г.)[1], Закон КНР о наследовании (1985 г.)[2] и Закон КНР об экономических договорах (1981 г.)[3], которые заложили основы регулирования гражданских отношений.

2. 1986 год: принятие Закона об основах гражданского законодательства КНР, которые стали своеобразным промежуточным кодексом, регулирующим основные виды гражданских правоотношений.

3. 1990-е годы: активное принятие ряда отдельных законов, таких как Закон о договорном праве КНР (1999 г.)[4] и Закон о праве собственности КНР (2007 г.)[5], позволило адаптировать законодательство к меняющимся экономическим условиям.

4. 2014–2020 годы: работа над проектом Гражданского кодекса, в ходе которой велась объединение и систематизация разрозненных норм. Кодекс, включающий семь частей, был принят 28 мая 2020 года и вступил в силу 1 января 2021 года.

Этот постепенный и гибкий подход к разработке Гражданского кодекса позволил Китаю своевременно реагировать на новые вызовы времени. В условиях стремительного экономического роста и технологического прогресса китайское законодательство было сосредоточено на решении практических задач, таких как регулирование новых видов обязательств, защита частной собственности и поддержка рыночной экономики.

Среди ключевых изменений, которые внесла кодификация гражданского права, можно выделить: во-первых, законодательное закрепление защиты частной собственности, что стало важным шагом для теоретического обеспечения стабильности рыночных отношений; во-вторых, упрощение регулирования прав на недвижимость, включая установление единых правил регистрации, и, в-третьих, введение норм, регулирующих цифровую экономику и интеллектуальную собственность, что позволяет учитывать современные реалии высокого уровня влияния новых технологий.

Как мы видим, активные попытки адаптации обоснований целей существования гражданского законодательства в первую очередь направлены на поддержку стабильного

1 中华人民共和国婚姻法(1980)（一九八０年九月十日第五届全国人民代表大会第三次会议通过）索引号：20220327-121302-74. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lincang.gov.cn/info/2594/60621.htm (дата обращения: 05.08.2025).

2 中华人民共和国继承法（1985年4月10日第六届全国人民代表大会第三次会议通过　1985年4月10日中华人民共和国主席令第二十四号公布). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gqb.gov.cn/node2/node3/node5/node9/node101/userobject7ai1284.html (дата обращения: 05.08.2025).

3 中华人民共和国经济合同法 1981年12月13日全国人民代表大会常务委员会通过. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/flsyywd/minshang/node_2196.htm (дата обращения: 05.08.2025).

4 中华人民共和国合同法1999年3月15日第九届全国人民代表大会第二次会议通过　1999年3月15日中华人民共和国主席令第十五号公布　自1999年10月1日起施行. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.cn/banshi/2005-07/11/content_13695.htm (дата обращения: 05.08.2025).

5 中华人民共和国物权法 由中华人民共和国第十届全国人民代表大会第五次会议于2007年3月16日通过，现予公布，自2007年10月1日起施行. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/2007-03/19/content_2602199.htm (дата обращения: 05.08.2025).

осуществления частных правоотношений, а также отражают стремление к гармонизации правовых норм с развитием социализма с китайской спецификой. Итак, статья 1 Гражданского кодекса КНР звучит следующим образом: «Цель законодательства. Для защиты законных прав и интересов субъектов гражданского законодательства, регулирования гражданских отношений, поддержания социального и экономического порядка, удовлетворения требований развития социализма с китайской спецификой, пропаганды основных социалистических ценностей, на основе Конституции принимается данный закон».

Таким образом, Гражданский кодекс КНР, следуя прагматизму и ориентируясь на эффективное выполнение своих функций, стал отражением своеобразного китайского подхода. Первостепенная задача создания законодательства состоит не столько в регулировании частных правоотношений, сколько служит инструментом для достижения экономической стабильности, социального порядка и укрепления идеологических основ.

Понятие договора в китайском праве

Традиционно в Китае понятия «соглашение» и «договор» считались идентичными. Согласно исследованиям некоторых ученых, термин «договор» начал использоваться в Китае уже 2000 лет назад, но долгое время не применялся широко. До основания Китайской Народной Республики в юридической литературе преимущественно употреблялось слово «соглашение». Однако с 1950-х годов, за исключением Тайваня, термин «договор» стал преобладающим в гражданском законодательстве и судебной практике, что связано с выбором Китая в пользу континентального подхода.

В континентальном праве договор рассматривается как форма соглашения или консенсуса, в то время как в англо-американской правовой системе – как обещание. При разработке китайского Закона о договорах возникли споры о трактовке понятия договора. Согласно одной точке зрения, договор – это соглашение, которое устанавливает, изменяет или прекращает обязательства сторон, ограничиваясь только обязательственными правоотношениями. Согласно другой точке зрения, договор не ограничивается обязательственными правоотношениями и может затрагивать вещные и другие виды правоотношений. Фактически, статья 464 Гражданского кодекса КНР поддержала вторую точку зрения. В конечном итоге понятие договора было определено следующим образом: «Договор – это соглашение между гражданскими субъектами, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений»[6]. Любопытно, что такое определение практически совпадает с содержанием статьи 420 Гражданского кодекса Российской Федерации, где говорится: «Договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей»[7]. При этом письменная форма лишь подтверждает существование и содержание отношений, но сама по себе не является основанием для признания договора действительным. В данном вопросе тоже наблюдается сходство с российским гражданским правом, где письменная форма договора является лишь одной из множества вариаций.

При комплексном рассмотрении вопроса определения понятия договора нельзя не затронуть тему соотношения договора с обязательствами. В китайском гражданском праве обязательство – это обязательственные правоотношения имущественного характера, возникающие между определенными субъектами, в рамках которых одна сторона вправе требовать от другой совершения определенного действия. Согласно статье 465 Гражданского кодекса КНР: «Договор, заключенный в соответствии с законом, имеет юридическую силу только для сторон, его заключивших, за исключением случаев, когда закон предусматривает иное».

Данная концепция берет свое начало еще с римского права, где осуществлялось деление обязательств на две категории – обязательства, основанные на соглашении, и обязательства, возникшие в результате противоправного деяния. В римском праве уже существовала достаточно развитая и четкая система правового регулирования обязательств, охватывающая вопросы субъектов, объектов, исполнения, прекращения, изменения и обеспечения обязательств. Современные страны с континентальной правовой системой, в том числе и Китай, в основном переняли такую концепцию обязательств и систему классификации по римскому праву, рассматривая договоры, деликты, неосновательное обогащение и ведение чужих дел без поручения (无因管理) как основание для возникновения обязательств.

В древнем праве Китая концепции «долга» (债) и «обязательств» (责) были взаимозаменяемыми. Понятие «долга» использовалось преимущественно для обозначения денежной задолженности, тогда как понятие «обязательства» охватывало более широкий круг отношений. Таким образом, традиционное понимание «долга» применялось исключительно для обозначения обязательств денежного характера, не включая связанные с ними права. В рамках «долга» также не рассматривались такие вопросы, как долговые обязательства, связанные с деликтами или неосновательным обогащением. Однако в современном гражданском праве Китая для обозначения понятия «обязательства» используется иероглиф, традиционно обозначающий «долг», что порождает неоднозначную ситуацию, при которой один иероглиф (债) может восприниматься совсем иначе в разных контекстах.

Современное понимание «обязательства» в китайском праве заимствовано из римского права и законодательства континентальных правовых систем, и по сути своей мало чем отличается от того же понимания обязательств в российском праве. Поэтому на данный момент конструкция института обязательств представляет собой юридическое отношение сторон, в котором одна сторона имеет право требования от другой выполнения определенных действий. Основные характеристики института обязательств в китайском праве представлены следующими:

1. Определенность и относительность субъектов, когда обязательственные отношения возникают только между конкретными сторонами. Кредитор и должник должны быть четко определены. Если одна сторона не определена, не имеется и оснований для возникновения обязательств. Обязательство связывает только конкретных субъектов и не оказывает прямого воздействия на третьих лиц. Исключение составляет случаи, предусмотренные законом или соглашением сторон.

2. Содержание обязательства, когда кредитор вправе требовать от должника совершения определенного действия или воздержания от такого действия. Должник обязан выполнить определенное действие или воздержаться от него. Содержание обязательства сводится к праву требования, но не к праву распоряжения. Кредитор не может непосредственно распоряжаться имуществом должника, а только вправе требовать его передачи или выполнения определенных действий.

3. Зависимость исполнения обязательства от действий должника, когда реализация прав кредитора возможна только в случае надлежащего исполнения обязанностей должником. До момента исполнения обязательства кредитор обладает лишь ожиданием получения выгоды, а не фактическим владением чего-либо.

4. Дополнительные характеристики, в которые входят равенство сторон в обязательственных отношениях, а также возможность свободного установления обязательств путем соглашения, если того не запрещается законом.

По мнению ряда китайских ученых, договорные отношения состоят из трех основных элементов: субъектов, содержания и объектов. Субъектами договорных отношений являются стороны договора, то есть кредитор, должник и иные лица. Кредитор имеет право требовать от должника выполнения обязательств согласно законодательству и условиям договора, в то время как должник обязан исполнить определенные действия согласно законодательству и договору. Конечно, позиции кредитора и должника являются относительными. В некоторых договорных отношениях стороны

6 中华人民共和国民法典 2020年5月28日第十三届全国人民代表大会第三次会议通过. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2020-06/01/content_5516649.htm (дата обращения: 05.08.2025).

7 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

взаимно обладают правами и обязанностями, то есть права одной стороны являются обязательствами другой стороны, и наоборот. Таким образом, стороны могут быть одновременно кредитором и должником. Поскольку роль кредитора и должника является относительной, именно в этом смысле обязательственные права, вытекающие из договора, рассматриваются как относительные права. Как упоминалось ранее, субъекты договорных отношений всегда должны быть четко определены. Определенность субъектов является важным отличием договорных отношений от вещных, лично-правовых отношений и отношений в области интеллектуальной собственности. Однако, хотя субъекты договорных отношений всегда определены, они не являются фиксированными и неизменными. В соответствии с законодательством и условиями договора обязательства могут изменяться и передаваться, что, в свою очередь, может привести к изменению субъектов договора.

Что касается объекта договорных отношений, то в юридической науке существуют разные мнения. Одни считают, что объектом договора является имущество, другие – что объектом являются действия. На данный момент большинство правоведов Китая преимущественно считают, что если объект вещного права – это имущество, то объект обязательственного права в первую очередь связан именно с действиями. Поскольку кредитор не может реально владеть и распоряжаться предметом до его передачи должником, он может только требовать от должника выполнения определенных действий, поэтому объектом договорного права является в основном действие должника, а не имущество.

Договор как гражданско-правовое отношение отличается от других гражданских правовых отношений важной особенностью, а именно относительностью. Относительность договорных отношений, как правило, называется относительностью обязательственных отношений в континентальной правовой системе и означает, что договорные отношения могут возникать только между определенными сторонами договора, и только одна из сторон может предъявлять требования или подавать иск на основании договора. Третьи лица, не имеющие прав и обязанностей по договору, не могут предъявлять требования или подавать иск в отношении сторон договора и не могут нести ответственность по договору, если иное не предусмотрено законодательством или условиями договора.

Несмотря на сложность правил относительности договора их краткая характеристика заключается в следующем.

Относительность субъектов. Договорные отношения возникают только между определенными сторонами, и только они могут предъявлять требования или подавать иски. Третьи лица, не связанные с договором, не могут претендовать на права или подавать иски. Исключение составляют случаи, когда законодательство предоставляет обязательственным отношениям эффект вещных прав, как, например, в случае аренды, когда смена собственника не влияет на действие договора аренды, как это предусмотрено, например, в статье 725 Гражданского кодекса КНР.

Относительность содержания. Только стороны договора могут обладать правами и нести обязанности, предусмотренные договором. Третьи лица не могут заявлять права по договору. В двусторонних договорах обязательства одной стороны являются правами другой, и выполнение обязательств одной стороной позволяет другой реализовать свои права. Некоторые исключения, например, в области ответственности за нарушение прав потребителей, могут расширять обязательства за пределы сторон договора, если это предусматривается законом.

Относительность ответственности. Ответственность за нарушение договора – это правовые последствия, которые несет сторона, не исполнившая договорные обязательства. Обязанности являются предпосылкой для возникновения ответственности, а ответственность проявляется в действиях государства, которые вынуждают должника исполнить взятые на себя обязательства и нести соответствующую ответственность за их неисполнение. Ответственность и обязательства взаимозависимы и неотделимы. Это означает, что ответственность за нарушение договора может возникнуть только между сторонами договора. Третьи лица, не являющиеся сторонами договора, не несут ответственности за нарушение договора.

Вопрос недействительности в Китае (частичное сопоставление с российской практикой)

Действительность договора всегда являлась основополагающим вопросом договорного права [1, с. 1]. Поэтому особенно важно отметить, что в китайском гражданском праве с определением действительности договора исторически существовали определенные сложности. Например, с момента вступления в силу Закона о договорах договоры, которые были заключены сторонами с соблюдением законных требований, но не были утверждены (одобрены) соответствующими органами, оказались в довольно затруднительном положении: с одной стороны, такие договоры не могут иметь какой-либо силы, и, следовательно, не имеют юридической силы (часть 2 статьи 44 Закона о договорах); с другой стороны, такие договоры, будучи заключенными без нарушения законодательства, должны быть защищены законом и порождать какую-то юридическую обязательность для сторон, заключивших договор (статья 8 Закона о договорах).

Именно такое, на первый взгляд, противоречивое правовое положение привело к значительным затруднениям в судебной практике при разрешении споров, возникающих из договоров, подписанных сторонами с соблюдением всех требований, но не прошедших утверждение государственными и иными органами. Например, договор по передаче прав на полезные ископаемые, который не был утвержден, автоматически находился в положении неопределенности с момента его подписания, так как Закон о договорах не дал ясного указания на то, какой статус обладает такого рода договор.

Одни считали, что если договор не вступил в силу, то он является недействительным и не имеет юридической силы, так как не все условия были соблюдены сторонами. В то время как другие полагали, что, поскольку договор был «законно заключён», даже если одобрение уполномоченных органов еще не было получено, он должен иметь юридическую силу. Это связано с тем, что Закон о договорах все-таки устанавливал основной принцип: законно заключенный договор является обязательным для сторон и защищается законом. Следовательно, отсутствие соответствующего утверждения не может теоретически влиять на право сторон требовать исполнения по договору.

На практике первая точка зрения долгое время была доминирующей, и даже некоторые административно-правовые нормы и судебные разъяснения прямо указывали, что договор, не прошедший соответствующую процедуру одобрения органов власти, является недействительным. Очевидно, что эта точка зрения ошибочно интерпретировала «утверждение» как особое условие для вступления договора в силу, приравнивая его к общему требованию, согласно которому договор не должен противоречить обязательным юридическим и административным нормам. Это привело к тому, что стороны, обязанные получить одобрение, использовали это обязательство для контроля над действительностью договора, что серьезно угрожало безопасности сделок других участников рынка.

Однако и вторая точка зрения имеет свои серьезные недостатки. Причина, по которой законы и административные акты требуют утверждения договора, заключается в том, что государство хочет контролировать его юридическую силу посредством такого инструмента. Если же считать, что в случае отсутствия данного этапа стороны могут по-прежнему ссылаться на условия договора для отстаивания своих прав, то это может привести к ситуации, когда влияние государства на действительность договора оказывается ограниченным, что является весьма проблематичным вопросом для целей контроля.

После внесения значительных изменений в систему действительности/недействительности (система оснований недействительности) гражданских юридических действий, то есть сделок в российском понимании, в изначальный Закон об общих правилах гражданского права[8], Гражданский

8 中华人民共和国民法总则 （2017年3月15日第十二届全国人民代表大会第五次会议通过）日期： 2014-05-12 来源： 新华社. – [Электрон-

кодекс КНР в разделе, посвященном договорам, на основе обобщения предыдущего судебного опыта внес важные корректировки в вопрос о действительности договоров [3].

Во-первых, была изменена статья 44 изначального Закона о договорах для более четкого определения действительности договоров, требующих утверждения компетентных органов[9]. На данный момент суть этого положения перенесена и дополнена в статье 502 Гражданского кодекса КНР, в которой говорится следующее: «Договор, заключённый в соответствии с законом, вступает в силу с момента его заключения, если только иное не предусмотрено законом или не согласовано сторонами».

Если в соответствии с законодательством или административными нормативными актами для заключения договора требуется получение одобрения или выполнение других требований, то необходимо следовать этим требованиям. Невыполнение таких условий, как получение одобрения, не влияет на действительность обязательств по выполнению таких требований и других связанных с ними условий договора. Если сторона, обязанная выполнить такое требование, не исполнила его, другая сторона имеет право требовать от нее понести соответствующую ответственность за такое нарушение.

Во-вторых, была исключена статья 51 из Закона о договорах, касающаяся действительности договора под условием（效力待定）, заключенных без права распоряжения (无权处分）, и добавлена статья 597 в Гражданский кодекс КНР: «Если продавец не приобрел права распоряжения, в результате чего передача права собственности на предмет договора становится невозможной, покупатель имеет право расторгнуть договор и потребовать от продавца возмещения убытков за нарушение условий договора».

После вступления в силу Гражданского кодекса КНР возникли многочисленные проблемы с применением данной нормы. В связи с этим 5 декабря 2023 года вступило в силу «Разъяснение Верховного народного суда по применению Общих положений о договоре Гражданского кодекса Китайской Народной Республики», которое в значительной мере разрешило существующие острые вопросы, касающиеся юридической силы договоров, требующих утверждения, и договоров, заключенных без права распоряжения.

Рассмотрим подробнее влияние права распоряжения на силу договора. Согласно статье 3 Толкования Верховного Народного суда КНР о применении законодательства в делах о спорах по договорам купли-продажи[10], стороны не могут требовать признания договора недействительным на основании отсутствия у продавца права распоряжения вещью при заключении договора. Однако в контексте отказа от признания теории «вещных действий» возникает множество вопросов. Чтобы устранить существующие сомнения, Гражданский кодекс КНР исключил статью 51 из предшествующего Закона о договорах и добавил в статью 597 положение, согласно которому продавец, не имеющий права распоряжения, несет ответственность за неисполнение договора, если договор не может быть исполнен [2, с. 196-205]. Таким образом, если распорядительная сделка считается недействительной, обязательственная сделка остается в силе и подлежит исполнению сторонами.

В теоретическом плане все еще необходимо провести всесторонний анализ китайского гражданского права на предмет системности в данном вопросе. Чтобы ответить на указанные вопросы, необходимо переосмыслить и пересмотреть основные понятия для формирования ясной и четкой системы понятий.

Следует отметить, что использование понятия «действие договора» (合同效力) в китайском гражданском праве остается неоднозначным. Иногда оно трактуется в широком смысле, охватывая различные юридические отношения, возникающие из договора, что вызывает путаницу, поскольку совпадает по содержанию с широким понятием «обязательной силы договора» (合同拘束力). В других случаях это понятие используется в узком смысле, ограничиваясь моментом возникновения обязательств, что также частично совпадает с понятием «обязательной силы договора».

Кроме того, поскольку китайское гражданское право не признает теорию «вещных сделок», в договорах, направленных на передачу вещных прав, необходимо различать обязательственную и вещную составляющие. Когда сторона не имеет права распоряжаться вещью, договор может быть исполнен, но намерение передать права в этом случае остается в состоянии неопределенности. Исходя из этого, при понимании терминов «действительность договора» (合同的效力), в третьей главе первой части Гражданского кодекса КНР о договорах, «обязательная сила закона» (法律约束力) в статье 465 Гражданского кодекса КНР, «вступление договора в силу» (合同生效) в статье 502 Гражданского кодекса КНР и «недействительность с самого начала» (确定不发生效力) в статье 157 Гражданского кодекса КНР, необходимо рассматривать системно и с учетом всех обстоятельств определенного контекста и понимания о чем именно имелось в виду.

На данный момент, в гражданском праве Китая, действие договора в первую очередь означает наделение, заключенного в соответствии с требованиями закона, обязательной силой для сторон и третьих лиц, поэтому его также нередко называют «обязательной силой договора» (合同拘束力). Однако долгое время в гражданском праве Китая не существовало понятия «обязательной силы договора». Вместо него использовался термин «обязательная сила закона» (法律约束力), который упоминался, например, в статьях 57 и 58 Основ гражданского законодательства Китая, статье 8 Закона о договорах и статье 465 Гражданского кодекса КНР.

Пристатейный библиографический список

1. Люй Гуйсян. Исследование эффективности договора. – Пекин: Издательство Народного суда, 2012. – 1 с.
2. 参见梁慧星:《买卖合同特别效力解释规则之创设 – 买卖合同解释(法释[2012]7 号)第 3 条解读》,载梁慧星主编:《民商法论 丛》(第 52 卷),法律出版社 2013 年版,第 196-205 页。/ Лянь Хуэйсинь. Создание специальных правил толкования применительно к договорам купли-продажи – толкование статьи 3 Пояснительного постановления (法释[2012]7号) / Лянь Хуэйсинь (ред.). Исследования в области гражданского и коммерческого права. Т. 52. – Пекин: Издательство «Юридическая публикация», 2013. – С. 196 – 205.
3. 中国民法语境下“合同效力”的层次性 吴光荣 (北京理工大学 法学院,北京 100081) / 现代法学 Modern Law Science / 2024 年 1 月 第 46 卷 第 1 期 Jan., 2024 Vol. 46 No. 1 / 文章编号:1001-2397(2024)01-0177-16： / «Многоуровневость юридической силы контракта в контексте китайского гражданского права», У Гуанжун (Юридический факультет Пекинского технологического университета, Пекин, 100081) // Современная юридическая наука. – Modern Law Science. – Январь 2024. – Том 46. – № 1. – Статья №: 1001-2397(2024)01-0177-16.

ный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gjxfj.gov.cn/gjxfj/xxgk/fgwj/flfg/webinfo/2014/05/1535134961463705.htm (дата обращения: 05.08.2025).

9 中华人民共和国合同法,1999年3月15日第九届全国人民代表大会第二次会议通过 / 1999年3月15日中华人民共和国主席令第十五号公布 / 自1999年10月1日起施行，2005年07月11日，来源：全国人大法规库. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.cn/banshi/2005-07/11/content_13695.htm (дата обращения: 05.08.2025).

10 2012年5月10日最高人民法院《关于审理买卖合同纠纷案件适用法律问题的解释》已于2012年3月31日由最高人民法院审判委员会第1545次会议通过，现予公布，自2012年7月1日起施行。 法释〔2012]8号 / «Пояснительное постановление о применении законодательства при рассмотрении дел, связанных с договорами купли-продажи» Верховный народный суд Китайской народной Республики от 10 мая 2012 года, принято на 1545-м заседании Судебного комитета Верховного народного суда 31 марта 2012 года. Документ вступил в силу с 1 июля 2012 года. Пояснительное постановление № 8 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gongbao.court.gov.cn/Details/0625065 1e624403928a88dcc6d03c2.html (дата обращения: 05.08.2025).

БИСЕРОВ Александр Александрович
главный эксперт по юридическому сопровождению Общества с ограниченной ответственностью «Росатом Аддитивные технологии», г. Москва

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ КРУПНЫХ СДЕЛОК

Правовые аспекты квалификации крупных сделок представляют собой важную тему для изучения, поскольку они оказывают значительное влияние на развитие экономических отношений и обеспечение правовой стабильности в хозяйственной деятельности. В условиях современной экономики крупные сделки играют ключевую роль в деятельности компаний, особенно крупных холдинговых структур, и их правовое регулирование требует особого внимания со стороны собственников бизнеса. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью обеспечения прозрачности при анализе и квалификации указанных сделок.

Ключевые слова: сделки, квалификация, балансовая стоимость активов.

BISEROV Alexander Alexandrovich
chief expert on legal support of Limited Liability Company «Rosatom Additive Technologies», Moscow

LEGAL ASPECTS OF QUALIFICATION OF MAJOR TRANSACTIONS

Legal aspects of the qualification of major transactions are an important topic for study, since they have a significant impact on the development of economic relations and ensuring legal stability in economic activity. In the conditions of the modern economy, major transactions play a key role in the activities of companies, especially large holding structures, and their legal regulation requires special attention from business owners. The relevance of this topic is due to the need to ensure transparency in the analysis and qualification of these transactions.

Keywords: transactions, qualification, book value of assets.

Целью данной статьи является изучение правовых аспектов и выявление проблем, связанных с квалификацией крупных сделок. В связи, с чем необходимо дать оценку нормам законодательства, проанализировать проблемные аспекты и предложить решения для минимизации рисков.

Крупные сделки выступают в качестве объекта исследования, тогда как законодательные нормы, судебную практику, разъяснения, научные статьи / комментарии теоретиков и практиков по корпоративному праву в сфере квалификации крупных сделок можно отнести к предмету исследования.

Законодательство в части сделок претерпело в российском праве многоступенчатые изменения. До образования СССР в законодательстве фигурировало понятие сделок с особым порядком совершения, которые ограничивали компетенцию органов управления компаний в вопросах принятия решений о совершении сделок, исходя из их финансовых показателей. При этом такое понятие как «крупная сделка» формально отсутствовало как в российской империи, так и в советское время.

С переходом к рыночной экономике возникла необходимость в создании новых правовых механизмов, регулирующих сделки, в том числе крупные, что привело к разработке и принятию специализированных законов, например, таких как Федеральный закон № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – ФЗ «Об АО»).

Понятие сделки крупной введено на законодательном уровне для понимания менеджментом хозяйственного общества и его собственниками целесообразности и необходимости совершения указанных сделок с учетом финансовых показателей общества, что в свою очередь преследует цель защиты интересов акционеров/участников для предотвращения злоупотреблений либо просто неразумного подхода к сопровождению операционной деятельности бизнес актива наемным менеджером.

Крупной сделкой в российском законодательстве признается сделка, размер (сумма) которой превышает 25 % от балансовой стоимости активов компании, исходя из данных бухгалтерской (финансовой) отчетности[1]. Этот критерий позволяет выделить сделки, способные существенно повлиять на финансовое состояние компании, и требует их особого правового регулирования. Ведь порой в больших холдинговых структурах, исходя из размера балансовой стоимости активов, превышение указанного порогового процента сделки может отражаться в миллиардных суммах.

До момента заключения крупной сделки единоличный исполнительный орган общества обязан получить согласие иных органов управления компании. Уставом в качестве такого органа может выступать совет директоров или собрание акционеров / участников.

Несоблюдение указанных требований может стать основанием для признания сделки недействительной.

Таким образом, соблюдение процедур получения корпоративного согласия на совершение крупной сделки защищает интересы сторон путем минимизации наступления возможных негативных правовых последствий.

Законодательством предусмотрено, что сделки, совершаемые в процессе обычной хозяйственной деятельности общества, не относятся к крупным и не требуют особого порядка получения согласия органов управления обществ для их совершения. Тем не менее, процедуры по принятию корпо-

1 Данное положение содержится, например, в статье 46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/.

ративных решений с волеизъявлением органов управления общества не всегда соблюдаются, что может теоретически привести к оспариванию сделок в судебном порядке. Рецепт как избежать судебных процессов и теоретической возможности оспаривания сделок заключается в соблюдении норм закона и положений устава компании, в котором обозначена компетенция органов управления, включая порядок получения согласия на совершение сделок.

Неопределенность в квалификации сделок представляет собой ситуацию, при которой отсутствует четкость в применении законодательных норм, регулирующих определенные аспекты данных сделок.

В связи с этим в 2018 году Верховный суд РФ (далее – ВС РФ) опубликовал постановление[2], разъясняющее применение некоторых норм, в том числе квалификацию сделки как крупной. Разъяснения ВС РФ сводились к наличию одновременно двух критериев при квалификации крупной сделки, а именно наличие количественного и качественного критериев. И если количественный критерий понятен и прозрачен, то качественному критерию не дано четкое понятие. Например, к такому критерию суд отнес изменение деятельности общества в разрезе масштаба. При этом не ясны параметры измерения масштаба деятельности общества. Либо к этим параметрам относится выручка, количество регионов, в которых общество осуществляет свою деятельность, либо иное?

Согласно вышеуказанному постановлению, если два критерия одновременно не соблюдаются, то сделка может быть квалифицирована, как совершаемая в рамках обычной хозяйственной деятельности без дополнительного согласия органов управления общества на ее совершение.

В более позднем определении ВС РФ[3] суд указал на то, что сделка может квалифицироваться как крупная даже при наличии лишь одного количественного критерия (без учета качественного критерия) в связи со значительным превышением данного критерия по сумме сделки, исходя из материалов дела, что в свою очередь порождает наличие риска прекращения деятельности общества.

В другом определении ВС РФ[4] при квалификации сделки качественный критерий был определен приоритетным.

Как видно из описанной выше судебной практики, даже у судов отсутствует единый подход по данному вопросу, что еще более усложняет процесс квалификации на предмет крупности.

Между тем, в статье 57 закона[5] республики Беларусь содержаться следующие критерии определение сделки, совершенной в рамках обычной хозяйственной деятельности общества. К таким критериям законодатель относит совершение сделок более 3-х за последний год по приобретению основных материалов для реализации производственной деятельности.

В связи с вышеизложенным предлагается дополнить законодательство более четкими критериями определения сделок, совершаемых в рамках обычной хозяйственной деятельности общества, тем самым исключив дискуссии в юридическом сообществе и неоднозначные правовые позиции судов по данному вопросу корпоративного права.

Например, возможно частично использовать подход законодательства республики Беларусь, так как количественный критерий совершаемых сделок с обозначением временного отрезка их совершения значительно упрощает подход в вопросе квалификации сделок и вносит определенную прозрачность.

Такой подход автор статьи считает логичным в связи с тем, что на практике большинство компаний, начиная свою деятельность после создания / регистрации, имеют по сути нулевую либо небольшую сумму балансовой стоимости активов. При этом с учетом требований законодательства о привязке к отчетной дате, на которую утверждается бухгалтерская отчетность, вновь созданные общества, могут еще не успеть ее утвердить. В свою очередь отсутствие зафиксированных финансовых показателей в отчетной документации приводит к непониманию того с какими данными (цифрами) сопоставлять цену (сумму) планируемой к заключению сделки.

Кроме того, временной отрезок играет важную роль в понимание процессов, происходящих в обществе, которые также включают структуру, количество совершенных сделок и их необходимость / потребность в реализации, запланированной стратегии развития бизнеса.

Пристатейный библиографический список

1. Акулов А. Я., Ряховский Д. И. Экономико-правовые аспекты выявления признаков фиктивности (мнимости, притворности) сделок в делах о банкротстве // Экономика: вчера, сегодня, завтра. - 2021. - Т. 11, № 3А. - С. 149-159.
2. Шаров Ф. Л. Рациональное общество в современном мире: материалы международной научно-практической конференции / Под общей редакцией Ф. Л., Шарова. - М.: Издательство МИЭП, 2018. - Т. 1.
3. Кузнецов А. О. К вопросу о потенциальных налоговых рисках при совершении сделок хозяйствующими субъектами // Электронный научный журнал «Дневник науки». - 2020. - № 12.
4. Перспективы развития современных социально-экономических процессов. Сборник научных трудов по материалам XXVII Международной научно-практической конференции. - Анапа: Издательство «НИЦ ЭСП» в ЮФО, 2022. - 74 с.
5. Третьяков Р. В. Доказывание качественного критерия при рассмотрении корпоративного спора о признании крупной сделки недействительной // Вопросы российского и международного права. - 2022. - Т. 12, № 9А. - С. 238-245.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность». [Электронный ресурс]. - Режим доступа https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301033/.

3 Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 8 июля 2024 г. № 308 ЭС24-2859. [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=817847.

4 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2024 № 308-ЭС24-3124 по делу № А53-16963/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

5 Закон республики Беларусь «О хозяйственных обществах» от 09.12.1992 г. № 2020-XII (в ред. от 08.07.2024).

КАЗАНБА Евгений Тенгизович
аспирант, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА); юрисконсульт, ФГКУ «Центральное территориальное управление имущественных отношений» Министерства обороны России

Казанба Е. Т.

ГАРАНТИИ И ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АКЦИОНЕРАМИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Статья посвящена анализу гарантий и пределов реализации права акционеров на защиту в российском корпоративном праве. Автор исследует соотношение превентивных и реституционных механизмов, выделяет уровни гарантий (государственный, предпринимательский, корпоративный, договорной) и критически оценивает их эффективность. Особое внимание уделяется проблеме диспозитивности защиты, коллизии между специальными и универсальными способами восстановления прав, а также ограничениям, связанным с доказыванием вины нарушителя. На основе проведённого анализа предложены меры по оптимизации защиты прав акционеров, включая внедрение института корпоративного секретаря, развитие третейского разбирательства и стандартизацию комплаенс-политик.

Ключевые слова: акционерное право, гарантии защиты, корпоративные споры, комплаенс-контроль, фидуциарные обязанности.

KAZANBA Evgeniy Tengizovich
postgraduate student, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL); legal adviser, Federal State Budgetary Institution «Central Territorial Administration of Property Relations» of the Ministry of Defense of Russia

GUARANTEES AND LIMITS OF SHAREHOLDERS' EXERCISE OF THE RIGHT TO PROTECTION

The article is devoted to the analysis of guarantees and limits of shareholders' rights to protection in Russian corporate law. The author examines the relationship between preventive and restorative mechanisms, identifies levels of guarantees (state, entrepreneurial, corporate, contractual) and critically evaluates their effectiveness. Particular attention is paid to the problem of optionality of protection, the conflict between special and universal methods of restoring rights, as well as restrictions related to proving the guilt of the offender. Based on the analysis, measures are proposed to optimize the protection of shareholders' rights, including the introduction of the institution of a corporate secretary, the development of arbitration proceedings and the standardization of compliance policies.

Keywords: joint stock law, guarantees of protection, corporate disputes, compliance control, fiduciary duties.

Введение

Современное корпоративное право России находится в процессе трансформации, обусловленной как глобализацией экономики, так и потребностью в защите миноритарных акционеров от злоупотреблений со стороны мажоритариев. Однако действующие гарантии реализации прав акционеров остаются фрагментарными, а их пределы зачастую размыты. Это создаёт риски неопределённости в судебной практике и снижает инвестиционную привлекательность компаний.

Цель исследования - выявить системные противоречия в регулировании гарантий защиты прав акционеров и предложить модель их гармонизации. В статье использованы методы сравнительно-правового анализа, исторический подход и методология критического юридического исследования.

Теоретические основы гарантий защиты

Права акционеров, будучи субъективными по своей природе, обладают специфическим характером, отличным от классических вещных и обязательственных прав. Их уникальность обусловлена двойственной природой: с одной стороны, они связаны с участием в управлении обществом (организационно-управленческий аспект), с другой — с получением материальных благ (имущественный аспект). Эта двойственность порождает необходимость разработки специальных гарантий защиты, учитывающих как корпоративные, так и индивидуальные интересы акционеров. Теоретический фундамент таких гарантий формируется через анализ структуры прав акционеров, их классификации, а также механизмов взаимодействия между участниками общества и обществом как юридическим лицом.

Ключевой проблемой в теории корпоративного права остается определение границ и содержания гарантий защиты. Традиционно права акционеров делятся на имущественные и неимущественные, однако это деление условно. Имущественные права включают участие в распределении прибыли (дивиденды), получение доли имущества при ликвидации общества, а также преимущественное право покупки акций. Неимущественные права охватывают участие в управлении (голосование на собраниях, созыв внеочередных собраний), контроль за деятельностью органов управления, доступ к информации. При этом управленческие права, такие как голосование, по ключевым вопросам, тесно переплетаются с имущественными интересами, поскольку решения собраний имеет прямое воздействие финансовые результаты общества.

Классификации прав акционеров, предложенные И. Т. Тарасовым и Г. Ф. Шершеневичем, демонстрируют эволюцию теоретического понимания их природы. Тарасов акцентировал количественный критерий, выделяя права единичного акционера, участника большинства и мень-

шинства. Это разделение отражает влияние доли акций на объем прав: миноритарии, в отличие от мажоритариев, ограничены в возможности влиять на решения, что требует специальных гарантий защиты от злоупотреблений. Шершеневич, напротив, делал упор на качественный аспект, группируя права по их функциональной направленности: участие в прибыли, доступ к имуществу при ликвидации, личное участие в управлении. Современная доктрина стремится синтезировать эти подходы, признавая, что права акционеров формируют комплекс, где управленческие и имущественные элементы взаимозависимы.

Гарантии защиты прав акционеров в теории корпоративного права подразделяются на два уровня: превентивные и реституционные. Превентивные механизмы направлены на предотвращение нарушений через установление процедурных барьеров. К ним относятся требования к раскрытию информации, необходимость одобрения крупных сделок собранием акционеров, введение института независимого аудита. Например, ст. 30 ФЗ «Об АО» обязывает публичные общества раскрывать сведения о существенных фактах деятельности, однако на практике эта норма часто реализуется формально, что снижает её эффективность. Реституционные механизмы ориентированы на восстановление нарушенных прав через судебные иски: оспаривание решений собраний, взыскание убытков с директоров, восстановление в реестре акционеров. Однако их применение сталкивается с проблемой доказывания, особенно для миноритариев, которые не всегда имеют доступ к внутренней документации.

Особое место в теории занимает вопрос о природе корпоративных отношений. Права акционеров реализуются в рамках правоотношений «акционер – общество», где общество выступает самостоятельным субъектом, обязанным обеспечивать соблюдение прав участников. При этом отношения между акционерами, как правило, опосредованы обществом, за исключением случаев заключения корпоративных соглашений (ст. 67.2 ГК РФ). Такие соглашения позволяют устанавливать дополнительные гарантии, например, право миноритариев на представительство в совете директоров, но их правовая сила остается не до конца определённой из-за отсутствия прямых санкций за нарушение.

Теоретический анализ гарантий защиты также требует учёта динамики корпоративных отношений. Права акционеров не статичны: их объем, и содержание могут меняться в зависимости от изменений в уставе, решений собраний, рыночных условий. Например, преимущественное право покупки акций в непубличных обществах призвано сохранить баланс интересов, но его реализация зависит от добросовестности мажоритариев, уведомляющих других акционеров о намерении продать доли. Это создаёт риски для миноритариев, которые могут быть исключены из процесса принятия решений.

Важным аспектом теории является разграничение мер защиты и мер ответственности. Защита прав акционеров предполагает восстановление нарушенного положения (реституция в натуре, признание сделки недействительной), тогда как ответственность направлена на наказание нарушителя (взыскание убытков, штрафы). Однако на практике это разграничение размыто: взыскание убытков одновременно служит и мерой защиты, и мерой ответственности. Теоретики спорят о том, следует ли рассматривать ответственность директоров за нарушение фидуциарных обязанностей как часть гарантий защиты или как самостоятельный институт.

Проблема «совместной множественности» прав акционеров также требует теоретического осмысления. Коллективные права, такие как требование созыва внеочередного собрания, при наличии 10 % голосующих акций, не вписываются в традиционные конструкции солидарных или долевых прав. Теория предлагает рассматривать их как особую форму права, принадлежащего группе акционеров, где нарушение затрагивает интересы каждого участника, даже если иск подаётся от имени группы. Это требует законодательного закрепления права миноритария обращаться в суд индивидуально, без зависимости от позиции других акционеров.

Теоретические основы гарантий защиты неразрывно связаны с принципами корпоративного управления. Концепция «comply or explain», заимствованная из европейской практики, предполагает, что компании либо соблюдают стандарты прозрачности и подотчётности, либо публично обосновывают отступления от них. Внедрение подобных принципов в российское право могло бы усилить превентивные механизмы, но требует адаптации к местным реалиям, где доминирует концентрация собственности.

Таким образом, теоретическая база гарантий защиты прав акционеров формируется через синтез классических цивилистических концепций, анализа структуры корпоративных отношений и адаптации международного опыта. Её развитие должно учитывать динамику экономических отношений, баланс между свободой усмотрения акционеров и необходимостью защиты уязвимых участников, а также интеграцию новых инструментов, таких как цифровые платформы, для голосования, блокчейн-реестры акционеров, что способствует прозрачности и снижению рисков нарушений.

Уровни гарантий защиты: государственный, корпоративный, договорной

Государственные гарантии включают законодательное регулирование прав акционеров, уголовную и административную ответственность за нарушения. Например, ст. 71 ФЗ «Об АО» позволяет взыскивать убытки с директоров, одобривших сделку с конфликтом интересов. Однако коллизия между ст. 32 ФЗ «Об ООО» и ст. 51 ФЗ «Об АО» создаёт правовую неопределённость: в ООО все участники имеют право на собрание, тогда как в АО доступ ограничен акционерами, внесёнными в реестр.

Корпоративные гарантии охватывают внутренние регламенты, кодексы этики и деятельность ревизионных комиссий. Примером успешной практики является внедрение электронного голосования в ПАО «Сбербанк», снижающего риски манипуляций.[1] Однако большее число российских компаний аналогичные технологии отсутствуют, что подчёркивает неравномерность развития корпоративных стандартов.

Договорные гарантии реализуются через корпоративные соглашения, закрепляющие права миноритариев на представительство в совете директоров или механизмы третейского разбирательства. Правовая природа таких соглашений остаётся неопределённой: ст. 67.2 ГК РФ не регулирует последствия их нарушения, что создаёт риски для участников.

Превентивные и реституционные механизмы защиты прав акционеров: системные противоречия в российском законодательстве

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/corporate-governance/annual-meeting-2024.

Превентивные и реституционные механизмы защиты прав акционеров, закреплённые в российской правовой системе, формируют комплекс мер, направленных на предотвращение нарушений и восстановление нарушенных прав. Однако их взаимодействие порождает системные противоречия, обусловленные различиями в целях, процедурах и правовых последствиях. Превентивные механизмы, такие как законодательные требования, к раскрытию информации, внутренние корпоративные стандарты и процедуры одобрения крупных сделок, призваны минимизировать риски нарушений. Например, ст. 30 Федерального закона «Об акционерных обществах» обязывает компании раскрывать информацию о существенных фактах деятельности, однако на практике это зачастую сводится к формальной публикации отчётов, которые не отражают реальных рисков для миноритариев. Отсутствие детализированных требований к содержанию раскрываемой информации позволяет мажоритариям манипулировать данными, создавая иллюзию прозрачности.

Реституционные механизмы, включая оспаривание решений собраний акционеров и взыскание убытков с директоров, сталкиваются с проблемой доказывания. Законодательство требует от акционеров подтверждения не только факта нарушения, но и причинно-следственной связи между действиями ответчика и ущербом, что создаёт непреодолимые барьеры для миноритариев. Например, положения ст. 71 ФЗ «Об АО» о взыскании убытков с директоров остаются малоэффективными, так как миноритарии редко обладают доступом к внутренней документации, необходимой для обоснования исков.

Дублирование функций превентивных институтов усугубляет системные проблемы. Ревизионные комиссии, формально призванные контролировать финансовую отчётность, дублируют работу внешних аудиторов, что приводит к бюрократизации процессов без повышения уровня защиты прав. При этом ни один из этих институтов не обеспечивает выявление сложных схем вывода активов, что свидетельствует о декларативности превентивных мер.

Противоречия между превенцией и реституцией проявляются в конфликте целей. Превентивные процедуры, такие как многоступенчатое одобрение сделок, замедляют корпоративные процессы и увеличивают издержки, тогда как реституционные механизмы остаются недоступными из-за процессуальных сложностей. Например, регулирование сделок с заинтересованностью требует их предварительного одобрения советом директоров и собранием акционеров (ст. 81-84 ФЗ «Об АО»), но даже при соблюдении этих процедур миноритарии не могут оспорить убыточные сделки, если формальные требования выполнены. Это создаёт правовую лазейку для злоупотреблений под видом легитимности.

Корпоративные соглашения, предусмотренные ст. 67.2 ГК РФ, теоретически способны смягчить противоречия, позволяя сторонам заранее устанавливать механизмы разрешения споров. Однако отсутствие законодательной регламентации их правовых последствий снижает практическую значимость. Например, условия о третейском разбирательстве или медиации часто игнорируются, так как закон не предусматривает санкций за их нарушение.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в европейских юрисдикциях принцип «comply or explain» («соблюдай или объясни») сочетает императивные и диспозитивные элементы, обеспечивая гибкость регулирования. В германском праве (§ 117 Aktiengesetz) акционеры могут требовать возмещения убытков от мажоритариев, если их действия нанесли вред обществу, что устраняет пробелы в защите коллективных интересов. Российское законодательство, напротив, не предоставляет миноритариям аналогичных инструментов, фокусируясь на индивидуальных правах.

Выводы

Внедрение и правовое закрепление института корпоративного секретаря, ответственного за организацию собраний и консультирование акционеров. Британский опыт (Company Secretary по ст. 271 Companies Act 2006) демонстрирует эффективность этого института в обеспечении прозрачности. Развитие третейского разбирательства через создание специализированных корпоративных арбитражей при ТПП РФ. Это позволит снизить нагрузку на государственные суды и ускорить разрешение споров. Стандартизация комплаенс-политик путём утверждения типовых положений Банком России. Единые требования к раскрытию информации и управлению рисками повысят доверие инвесторов. Расширение производных исков (derivative action) - предоставление миноритариям права подавать иски в интересах общества без требования доли в 1% акций. Внедрение принципа «разумной детализации» при раскрытии информации, обязывающего компании раскрывать не только формальные данные, но и риски для миноритариев. Установление ответственности за формальное соблюдение превентивных процедур, если они не обеспечили реальной защиты прав. Придание юридической силы корпоративным соглашениям через закрепление санкций за их нарушение. Переход от формального соблюдения процедур к обеспечению substantive справедливости требует пересмотра философии регулирования. Только гармонизация превентивных и реституционных механизмов с учётом международного опыта позволит создать сбалансированную систему защиты прав акционеров, соответствующую потребностям современной экономики.

Заключение

Гарантии защиты прав акционеров в России требуют системной модернизации. Ключевыми направлениями реформы должны стать гармонизация законодательства об АО и ООО, внедрение специализированных институтов (корпоративный секретарь, третейские суды) и стимулирование развития корпоративных стандартов. Только комплексный подход, сочетающий государственное регулирование и корпоративные инициативы, позволит создать сбалансированную систему защиты прав акционеров, соответствующую международным практикам.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О компенсации убытков».
3. Кашанина Т.В. Корпоративное право. - М.: Норма, 2020.
4. Davies P. L. Gower and Davies' Principles of Modern Company Law. - 10th ed. Sweet & Maxwell, 2016.

ЗЕМЛЯНКИН Егор Валерьевич
аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРОБЛЕМЫ ЗАЛОГОВЫХ КРЕДИТОРОВ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАН

Актуальность данной статьи заключается в распространённости статуса залогового кредитора в банкротстве граждан и наличии проблем, связанных с установлением и реализацией такого статуса. Целью статьи является изучение законодательства и правоприменительной практики в контексте установления статуса залогового кредитора, реализации такого статуса, в том числе и распределение денежных средств, вырученных от продажи предмета залога. Методология исследования представлена всеобщим диалектическим методом, а также общенаучными и частнонаучными методами, включая метод правового моделирования. Сформулирован вывод о недостаточной проработке данного вопроса в действующем законодательстве, отсутствии единообразия судебной практики, недостаточной защищенности кредитора от продажи Должником предмета залога и неясность в вопросе заключения мирового соглашения по любому предмету залога. Полученные результаты и выводы могут в дальнейшем применяться для совершенствования действующего законодательства в сфере банкротства.

Ключевые слова: банкротство, кредитор, должник, залоговый статус, добросовестность, ответственность.

ZEMLYANKIN Egor Valerjevich
postgraduate student, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

PROBLEMS OF COLLATERAL CREDITORS IN BANKRUPTCY CASES OF CITIZENS

The relevance of this work lies in the prevalence of the status of a collateral creditor in the bankruptcy of citizens and the existence of problems related to the establishment and implementation of such a status. The purpose of this work is to study legislation and judicial practice in the context of establishing the status of a collateral creditor, the implementation of such status, including the distribution of funds from the sale of collateral. The research methodology is represented by the universal dialectical method, as well as general scientific and private scientific methods, including the method of legal modeling. The conclusion is formulated about the insufficient elaboration of this issue in the current legislation, the lack of uniformity of judicial practice, insufficient protection of the creditor from the sale of the pledged object by the Debtor and ambiguity in the issue of concluding an amicable agreement on any pledged object. The obtained results and conclusions can be further applied to improve the current legislation in the field of bankruptcy.

Keywords: bankruptcy, creditor, debtor, collateral status, good faith, responsibility.

Введение

Ежегодно сотни тысяч граждан признаются банкротами. При этом большинство «новоиспеченных» банкротов связывают свою неплатежеспособность с наличием множества кредитных обязательств, возникших при покупке жилья или транспортного средства. В связи с чем, основными кредиторами в делах о банкротстве граждан становятся кредитные организации – банки.

Причины несостоятельности граждан, зачастую, по мнению автора, носят объективный характер и связаны лишь с необдуманным распределением долговой нагрузки, отсутствие финансовой грамотности, а также нестабильной экономической обстановкой, что в свою очередь, приводит к потере единственного источника дохода и, как, следствие невозможности внесения платежей по кредиту.

Предвидя подобные обстоятельства, банки прибегают к использованию предусмотренных гражданским кодексом обеспечительных мер, самой популярной из которых является залог. Так, приобретаемое на кредитные средства имущество становится предметом залога, где банк выступает в качестве залогодержателя, а гражданин – залогодателя.

Тем не менее, в делах о банкротстве граждан существует целая «прослойка» должников, имеющих недобросовестные намерения, выраженные в стремлении сохранить в своем фактическом владении залоговое имущество, либо полученные от его реализации третьим лицам денежные средства, параллельно избавившись от кредитных обязательств.

По данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве, по состоянию на 01.04.2025 г. в России насчитывается 1 817 063 гражданина банкрота[1].

Для эффективного и быстрого взыскания задолженности Банки обращаются с заявлениями о включении в реестр требований кредиторов, одновременно прося суд в установлении их требований как обеспеченных залогом имущества Должника. Суды зачастую разделяют подобные требования, что приводит к уплате госпошлин в большем размере.

Гражданское законодательство позволяет кредитору осуществлять проверку залогового имущества на предмет его сохранности и фактического нахождения во владении должника, однако мероприятия по проверке таких объектов зачастую становятся трудно осуществимыми по причине огромной клиентской базы, что требует от кредитора дополнительных затрат, а потому банки часто надеются на добросовестность должников и наличие законодательных механизмов, позволяющих обратить взыскание на заложенное имущество в случае его отчуждения должником в пользу третьих лиц.

Проблемы, возникающие при рассмотрении вопроса о включении в реестр требований кредиторов

С момента признания гражданина банкротом, в силу вступает особый порядок взыскания задолженности, предусмотренный Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – «Закон о банкротстве»)[2] и подразумевающий предъявление своих требований исключительно в рамках дела о банкротстве, а обращение взыскание на заложенное имущество допускается лишь в определенных случаях, при этом соглашение о возможности внесудебного взыскания признается ничтожным, что следует из ст. 18.1 и ст. 213.10 Закона о банкротстве.

1 Единый Федеральный реестр сведений о банкротстве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bankrot.fedresurs.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

2 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.04.2025).

Подобные обстоятельства ограничивают спектр действий кредиторов, при этом служат гарантией соблюдения прав должника.

Первым этапом на пути установления требований залогового кредитора является подача заявления с соблюдением всех требований, установленных процессуальным законодательством.

По смыслу взаимосвязанных положений ст. 32 Закона о банкротстве и ст. 223 АПК РФ, дела о банкротстве рассматриваются по правилам, установленным в Арбитражном процессуальном кодексе с учетом особенностей, предусмотренных законом о банкротстве[3].

Первой проблемой является необходимость оплаты госпошлин, увеличенных в 2024 г. Безусловно, госпошлину платят все кредиторы, вне зависимости обеспечены их требования залогом или нет, однако на залоговых кредиторов это отражается в особой степени. С учетом того, что залоговый кредитор просит установить не только сумму своих требований, но и их обеспечение залогом имущества Должника, то нужно платить госпошлину дважды. Это связано с тем, что правоприменительная практика идет по пути разделения данных требований на 2 самостоятельных, а соответственно и пошлину нужно оплачивать в двойном размере как за требование имущественного, так и неимущественного характера[4].

Подобный подход не кажется обоснованным, ведь кредитор в банкротстве и так не сможет претендовать на полное возмещение своих требований, а потому минимизация издержек, которой препятствуют высокие пошлины, является обязательным условием для участия в процедуре.

Отчасти, законодатель компенсировал подобные траты путем уменьшения пошлин за рассмотрение дел о банкротстве на 50%, а также освободил от уплаты пошлин кредиторов, чье требование подтверждено вступившим в силу судебным актом (ст. 333.21 и ст. 333.37 НК РФ)[5].

Как уже упоминалось ранее, большинство кредиторов — это Банки, имеющие специализированную лицензию, позволяющую им выступать в качестве кредиторов. С целью уменьшения своих затрат и ускорения процесса принудительного взыскания задолженности, Банки часто предпочитают обращаться за получением исполнительной надписи нотариуса, минуя тем самым дорогой, долгий и бюрократизированный процесс судебного разбирательства такого правового инструмента как исполнительная надпись нотариуса. Однако использование исполнительной надписи нотариуса в дальнейшем не позволит Банку претендовать на освобождение от уплаты госпошлины при включении требований в реестр требований кредиторов: данный вывод нашел отражение в Определении Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 27.09.2024 по делу № А56-55206/2024 и Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.10.2024 № 09АП-62305/2024 по делу № А40-25345/2024.

Решением проблемы с пошлинами, по мнению автора, могло бы послужить внедрение в налоговое законодательство положений, освобождающих кредиторов от пошлин за включение их требований в реестр требований кредиторов, т.е. необходимо вернуться к ситуации, существовавшей до принятия Федерального закона от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» и утверждения «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024)»[6].

Следующей проблемой, возникающей на этапе включения требования, является вопрос о наличии предмета залога во владении должника. Это свойственно для случаев, когда в качестве предмета залога выступает движимое имущество.

Если брать в расчет именно движимое имущество, то для недобросовестных должников свойственна модель поведения, при которой они, в обход кредитора, осуществляют отчуждение транспортного средства, а вырученными от реализации денежными средствами распоряжаются по своему усмотрению, не направляя их на погашение задолженности. Подобная ситуация стала возможной благодаря положениям статьи 346 ГК РФ с учетом разъяснений Высшего Арбитражного суда, отраженных в Постановлении Пленума от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя»[7] [8]. Подобная норма предусматривает возможность предъявления кредитором иска об обращении взыскания на предмет залога, подаваемый к новому собственнику при условии, что залог не прекратил свое действие.

Казалось бы, что в подобных ситуациях можно применять положения ГК о виндикации в отношении залогового имущества, однако практика формируется таким образом, что в случае реального характера сделки по отчуждению, когда покупатель не знал и не мог знать о том, что приобретаемое транспортное средство находится в залоге, а также имел намерение добросовестно исполнить условия сделки, то и применение положений о виндикации не допускается[9]. В качестве последствий такого недобросовестного поведения должника закон указывает на возможность неприменения к тому правил об освобождении от дальнейшего исполнения обязательств при рассмотрении вопроса о завершении процедуры[10].

Подобная санкция в отношении Должника представляется весьма мягкой, ведь в отсутствие какого-либо имущества и задокументированного дохода, Должник полностью осознает невозможность исполнения требований судебного акта, а потому для некоторой части должников такой вариант видится крайне привлекательным.

Возможностью решения подобной проблемы, представляется установление уголовной ответственности Должника за подобные действия, например, они, подпадают под диспозицию ст. 159 УК РФ, тем не менее, для применения подобных норм, необходимо указание на возможность привлечения к уголовной ответственности в законодательстве о банкротстве[11]. Потенциальное привлечение к уголовной ответственности за мошенничество, может побудить должника отказаться от продажи предмета залога без согласования с залоговым кредитором.

3 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.04.2025).

4 Определение Арбитражного суда Ставропольского края от 21.03.2025 г. по делу № А63-25099/2024; Определение Арбитражного суда Воронежской области от 19.03.2025 г. по делу № А14-6079/2024; Определение Арбитражного суда Владимирской области от 03.04.2025 г. по делу № А11-423/2025;

5 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.04.2025).

6 Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.04.2025).

7 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.04.2025).

8 Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» // СПС «Консультант Плюс», (дата обращения: 11.04.2025).

9 Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.04.2024 № Ф02-1442/2024 по делу № А74-1026/2023 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.04.2025).

10 Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14.02.2025 № Ф01-6573/2024 по делу № А43-25935/2023 // СПС «Консультант Плюс (дата обращения: 14.04.2025).

11 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.04.2025).

Проблемы, возникающие на стадии реализации залогового имущества и распределения полученных денежных средств

После формирований реестра требований кредиторов и установления за кредитором статуса залогового, управляющий переходит к процедуре реализации имущества Должника, т.е. к торгам.

Для проведения торгов, управляющему необходимо положение о продаже имущества, в случае с залоговыми кредиторами действует особый порядок, предусматривающий, что условия продажи определяются именно таким кредитором, а не управляющим.

На этой стадии возникает ряд сложностей, связанных с процессом подготовки. Во-первых, Законом о банкротстве однозначно не определено, кто именно должен взять на себя инициативу по подготовке положения, должен ли непосредственно управляющий направить запрос кредитору для подготовки положения, или это сам кредитор после включения в реестр своего требования должен обратиться к управляющему и предоставить положение.

Изменения в данный вопрос внес Высший Арбитражный Суд, указав на то, что Кредитор, требования которого обеспечены залогом, обязан установить особенности порядка и условий проведения торгов в разумный срок с момента обращения к нему конкурсного управляющего[12]. Однако, данный порядок применяется в делах о банкротстве юридических лиц, и по отношению к физическим лицам таких разъяснений не имеется, что позволяет управляющим определять условия продажи залогового имущества в обход кредиторов.

Далее, после продажи залогового имущества, наступает стадия распределения денежных средств, вырученных от такой реализации. Порядок распределения денежных средств регулируется ст. 138 и ст. 213.27 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Каждая статья касается либо юридических лиц, либо граждан. В таких условиях основной проблемой становится возможность применения как положений о банкротстве юридических лиц в делах о банкротстве граждан, так и наоборот. Обычно в таких ситуациях, правоприменитель использует подобный подход только при отсутствии нормативно-правового регулирования, прибегая тем самым к аналогии закона.

Тем не менее, вопрос о том, можно ли применять аналогию закона, когда вопрос урегулирован, но присутствует неясность определенных деталей, например, обе указанные статьи, как 138, так и 213.27 Закона о банкротстве, регулируют вопрос о распределении денежных средств после продажи залогового имущества, только ст. 138 применима к процедурам банкротства юридических лиц, а 213.27 применяется к банкротству граждан. Пункт 6 ст. 138 предусматривает, что расходы на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах покрываются за счет средств, поступивших от реализации предмета залога, до расходования этих средств в соответствии с пунктами 1 и 2 настоящей статьи. Подобного положения нет в статье 213.27, и здесь автор задается вопросом о том, а можно ли погашать расходы, направленные на продажу залогового имущества приоритетно по отношению к требованиям кредиторов. Подобный вопрос в законе не урегулирован.

Заключение

Проблемы, встающие перед залоговыми кредиторами при соблюдении их прав и законных интересов в делах о банкротстве, носят обширный характер, проявляются на разных стадиях и в разных процедурах и сильно усложняют процесс возврата денежных средств, при этом их проблемы зачастую не замечаются законодателем и не находят решения в нормативно-правовых актах и лишь отчасти сглаживаются судебной практикой.

Недостаточная защита таких кредиторов, по мнению автора, обесценивает институт залога и снижает его обеспечительную функцию. А в случае с Банками, это влияет на то, какие условия по кредитам они будут выставлять своим клиентам, ведь невозможность получения своих требований через процедуру банкротства, ведет к тому, что банки будут устанавливать более суровые требования к новым заемщикам, по сути, перекладывая на них финансовое бремя неплатежеспособных клиентов.

Высокие пошлины также не способствуют соблюдению баланса интересов сторон, ведь таким образом получается, что кредитор, осознавая тот факт, что получить полное удовлетворение своих требований, не представляется возможным, вынужден нести существенные дополнительные расходы на установление своего требования и, например, в банкротстве граждан, когда не редкими бывают случаи полного отсутствия имущества у Должника, погашение требований кредиторов не производится и получается, что главным бенефициаром процедуры банкротства, в таком случае, становится государство, получившее финансовую выгоду в виде высоких госпошлин.

Имеющиеся пробелы снижают привлекательность процедуры банкротства для залоговых кредиторов и влияют на нарушение принципа соблюдения баланса интересов сторон.

Из изложенного можно сделать вывод о необходимости в совершенствовании законодательства в части установления дополнительных мер ответственности Должников, реализующих залоговое имущество в обход кредиторов, а также уточнять технические вопросы, связанные с реализацией залогового имущества в делах о банкротстве.

Пристатейный библиографический список

1. Единый Федеральный реестр сведений о банкротстве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bankrot.fedresurs.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2025).
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.04.2025).
4. Определение Арбитражного суда Ставропольского края от 21.03.2025 г. по делу № А63-25099/2024.
5. Определение Арбитражного суда Воронежской области от 19.03.2025 г. по делу № А14-6079/2024.
6. Определение Арбитражного суда Владимирской области от 03.04.2025 г. по делу № А11-423/2025.
7. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2025).
8. Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // СПС «Консультант Плюс' (дата обращения: 11.04.2025).
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.04.2025).
10. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14.02.2025 № Ф01-6573/2024 по делу № А43-25935/2023 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.04.2025).
11. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.04.2025).
12. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2025).
13. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.04.2024 № Ф02-1442/2024 по делу № А74-1026/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.04.2025).

12 Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.04.2025).

БИСЕРОВ Александр Александрович
главный эксперт по юридическому сопровождению Общества с ограниченной ответственностью «Росатом Аддитивные технологии», г. Москва

ДАШИН Алексей Викторович
доктор юридических наук, профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности, Самарский государственный экономический университет

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С СОБЛЮДЕНИЕМ УСЛОВИЙ АКЦИОНЕРНОГО СОГЛАШЕНИЯ

Корпоративный договор, регулирующий взаимоотношения акционеров / участников при реализации их прав, удостоверенных акциями / долями, является важным документом, если даже не базовым наряду с уставом общества. И от того насколько правильно он составлен с учетом норм законодательства и судебной практики зависит экономическая целостность бизнеса в целом, ведь в случае если в обществе зарождаются корпоративные споры, то рано или поздно эти факторы могут привести к потере корпоративного управления и как следствие поставить под угрозу дальнейшее развитие деятельности общества. А ведь от успешности развития финансово-хозяйственной деятельности любого общества зависят судьбы многих людей, являющихся сотрудниками компаний, и их семей.

В данной статье авторы попытались проанализировать проблемные ситуации, возникающие в процессе исполнения сторонами корпоративного договора, и предложить способы их разрешения.

Ключевые слова: корпоративный договор, акционеры / участники, стороны договора, требование о выкупе акций / долей.

BISEROV Alexander Alexandrovich
chief expert on legal support of Limited Liability Company «Rosatom Additive Technologies», Moscow

DASHIN Alexey Viktorovich
Ph.D. in Law, professor of Legal support of economic activity sub-faculty, Samara State University of Economics

PROBLEM ISSUES RELATED TO COMPLIANCE WITH THE TERMS OF THE SHAREHOLDERS AGREEMENT

A corporate agreement regulating the relationship of shareholders/participants in the exercise of their rights certified by shares/interests is an important document, if not a basic one, along with the company's charter. And the economic integrity of the business as a whole depends on how correctly it is drawn up taking into account the norms of legislation and judicial practice, because if corporate disputes arise in the company, sooner or later these factors can lead to the loss of corporate governance and, as a result, threaten the further development of the company's activities. But the fates of many people who are employees of companies and their families depend on the success of the development of the financial and economic activities of any company.

In this article, the author attempted to analyze problematic situations that arise during the execution of a corporate agreement by the parties and propose ways to resolve them.

Keywords: corporate agreement, shareholders/participants, parties to the agreement, requirement to redeem shares/interests.

В 2009 году законодательно были внесены изменения в Федеральные законы «Об обществах с ограниченной ответственностью» и «Об акционерных обществах» (далее - Закон об ООО и об АО).

Данные изменения ввели новеллы, а именно правовое регламентирование соглашений участников и соглашений акционеров. Изменения были логичными, так как того требовали реалии рыночной экономики с учетом роста увеличения и укрупнения финансовых проектов, что в свою очередь создало запрос на минимизацию правовых рисков и как следствие финансовых между действующими / потенциальными партерами, инвесторами и даже кредиторами бизнес проектов.

До принятия указанных норм были попытки заимствовать конструкции корпоративных соглашений по иностранному праву. Однако суды отвергли данный подход в силу положений «Гражданского кодекса Российской Федерации» № 146-ФЗ (далее – ГК РФ).

В 2014 году в ГК РФ появилась статья 67.2. Корпоративный договор.

Согласно вышеуказанной статье корпоративный договор могут заключить как все участники, так и часть из них.

На практике корпоративные соглашения заключаются также и с потенциальными участниками / акционерами, которые в обозримом будущем планируют вхождение в капитал общества и ведение бизнеса с правом принятия стратегических решений.

В учебном пособие по корпоративному праву [1] делается акцент на том, что корпоративные отношения внутри определенного общества могут регулироваться не только законодательно, но и локально в виде заключения корпоративного договора, который в свою очередь несет общеобязательный характер его исполнения для участников и органов управления общества в отличие от иных локальных актов компании.

Цивилистами до недавнего времени было опубликовано немало статей / научных работ, в которых поднимался вопрос правовой природы корпоративного договора (соглашения участников / акционеров).

В частности, некоторые авторы публикаций утверждали про самостоятельность акционерного соглашения как договора, не относя его к гражданско-правовым соглашениям. В своих доводах авторы статей указывали на специфичность признаков корпоративного договора, которые не свойственны иным гражданско-правовым договорным конструкциям.

Так, например, некоторые цивилисты относят к данной специфике ограниченное число субъектов, которые могут стать сторонами договора.

Иные правоведы, такие как И. С. Шиткина подмечают двойственность в данной классификации, а именно в том, что корпоративное соглашение содержит обязательственно-правовой элемент и тем самым приближает его к гражданско-правовым договорам (в традиционном понимании), а с другой стороны, его непосредственная принадлежность к корпоративным отношениям отражает особенности корпо-

ративного соглашения как одной из разновидностей договоров.

С момента введения института корпоративного соглашения в российском законодательстве опубликовано предостаточное количество статей, научных работ и иных публикаций, описывающих требования к корпоративному соглашению, проблемные вопросы / аспекты, возникающие в ходе его исполнения с отсылкой к судебной практике и даже с обзором практики применения акционерных соглашений на примере кредитных организаций [2].

Между тем автор предлагает проанализировать тему, связанную с ограничением участника / акционера в вопросе отчуждения принадлежащей ему доли, если корпоративным соглашением установлено такое ограничение. Для примера, автор предлагает взять акционерное общество и как следствие использовать термин акционерное соглашение.

Так как автор является практикующим юристом, то не раз встречал в работе конструкцию акционерного соглашения, в котором акционеры брали на себя обязательства не отчуждать свои акции другим акционерам, третьим лицам, в том числе не предъявлять требование о выкупе обществом акций в случаях, установленных законом.

Пример ситуации, акционер предъявил требование о выкупе своих акций в соответствии со ст. 75 Закона об АО (в адрес общества). При этом акционерное соглашение, стороной которого он является, содержит условие о том, что стороны соглашения не вправе предъявлять требования о выкупе обществом акций, в том числе в случаях, предусмотренных законодательством.

И здесь возникает интересное условие, с одной стороны, акционер, заключив акционерное соглашение, согласился с ограничениями. С другой стороны, законодательство предоставляет акционеру право, в случае наступления определенных обстоятельств, предъявить обществу требование о выкупе его акций. На первый взгляд норма закона выглядит достаточно императивной, что ставит под сомнение обязательства акционера, закрепленные корпоративным соглашением, но все ли так просто?

Далее попытаемся проанализировать вышеописанное условие с точки зрения действующего законодательства и сложившейся судебной практики.

Согласно судебной позиции, изложенной в п. 29 Пленума[1], при отказе от выкупа акций, акционер вправе обратиться в суд с требованием о выкупе обществом.

Пункт 2 ст. 9 ГК РФ гласит, что отказ граждан от осуществления принадлежащих им прав не влечет прекращения этих прав, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Следует отметить, что арбитражные суды исходят из презумпции диспозитивности норм, регулирующих корпоративные отношения, и приходят к выводу о том, что установленные специальным законом правила осуществления корпоративных прав могут быть изменены или полностью отменены участниками / акционерами непубличных акционерных обществ.

Такой вывод содержится в определении суда[2], в котором указано про возможность отмены или изменения правил, ограничивающих отчуждение доли в обществе, при условии, если такие решения приняли сами участники. Указанные выводы о диспозитивности норм, регулирующих права участников, могут быть распространены по аналогии и на нормы, регулирующие права акционеров непубличного общества.

При этом следует обратить внимание на то, что при оценке возможности отказа от осуществления акционерами / участниками своих прав суды в своих решениях часто указывают на то, что при таком отказе недопустимо ущемление прав любой стороны. Данная позиция нашла свое отражение в пп. 3, 4 Постановления Пленума[3].

Согласно статьям 309, 310 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с требованиями закона и условиями самого обязательства. Отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение условий не допускается, за исключением определенных случаев.

Также участники правоотношений должны воздерживаться от злоупотребления правом руководствоваться добросовестностью.

В развитие указанных выше положений ГК РФ суды при рассмотрении споров делают вывод о том, что поведение стороны корпоративного договора не может рассматриваться как добросовестное поведение в случаях, когда стороны акционерного соглашения, зная об ограничениях, установленных корпоративным договором, намеренно осуществляют свои права в противовес установленных обстоятельств. Такой вывод следует из судебного решения[4].

В соответствии с судебным обзором ст. 10 ГК РФ[5] отказ в защите права лицу, злоупотребившему правом, означает защиту нарушенных прав лица, в отношении которого допущено злоупотребление.

Исходя из вышеизложенного, пример с акционером может расцениваться как недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотреблением правом).

В тоже время автор полагает, что в настоящее время в отношении данной ситуации существует значительная неопределенность, как в законодательстве, так и в судебном подходе.

По мнению автора, необходимо дополнить законодательство запретом на предъявление акционером требования обществу о выкупе акций (долей) в случаях, предусмотренных законом. Важно уточнить, что такой запрет необходимо распространить на тех акционеров / участников, которые являются сторонами корпоративного договора и приняли в связи с этим определенные обязательства.

Тем самым будет соблюден принцип добросовестного поведения каждой из сторон корпоративного договора и как следствие произойдет снижение риска корпоративных конфликтов и судебных споров.

Анализ вышеуказанной ситуации наглядно показывает, что невозможно избежать правовых рисков, последствиями которых могут быть корпоративные споры / конфликты, заключив акционерное соглашение, ввиду того, что только в период исполнения акционерного соглашения, возможно, понять механизмы его практической реализации.

Пристатейный библиографический список

1. Жевняк О. В., Шаблова Е. Г., Рыжковская Е. А., Тиховская П. Г. Корпоративное право. Учебное пособие. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. - С. 16. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/77177/1/978-5-7996-2663-1_2019.pdf.
2. Толкачев Н. В. Практика применения акционерных соглашений // Акционерное общество. - 2019. - № 2 (177). - С. 9-14.
3. Шаров Ф. Л. Рациональное общество в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции / Под общей редакцией Ф. Л., Шарова. - М.: Издательство МИЭП, 2018. - 1 т.

1 Постановление Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 (ред. от 16.05.2014) «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах»». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45494/.

2 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11062020-n-306-es19-24912-po-delu-n-a65-30532019/.

3 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161322/.

4 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.08.2022 № Ф05-17626/2022 по делу № А40-185725/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=440138.

5 Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 N 127 <Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации>. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: «КосультантПлюс».

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-329-331

Де Апро С. В.

ДЕ АПРО Сона Вагановна
аспирант кафедры компьютерного права и информационной безопасности Высшей школы государственного аудита, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «РАЗУМНОСТЬ» В РАМКАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОДКОНТРОЛЬНОСТИ АЛГОРИТМОВ

В статье рассматривается понятие «разумность» в отношении деятельности искусственного интеллекта. Предлагается применение нечеткой логики (нечетких множеств) к юридической интерпретации, «привыкшей» к строгому традиционному подходу (гипотеза-диспозиция-санкция), что позволит смоделировать неопределенность юридического языка. Обосновывается вывод о том, что, используя методы нечеткой логики и теории множеств, удастся юридизировать ядро «искусственной этики» и создать юридические нормы для надлежащего функционирования ИИ-систем с четкими степенями принадлежности. Отмечается, что необходимо междисциплинарное сотрудничестве в вопросе разработки новых правовых доктрин, требований объяснимости, стандартизированных протоколов оценки рисков, основанных на взаимодействии человека и ИИ, что позволит восстановить значимую ясность понятия «разумность» в эпоху алгоритмических решений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, разумность ИИ, нечеткая логика, нечеткая норма права, аудит алгоритмов, искусственная этика, юридическая подконтрольность алгоритмов.

DE APRO Sona Vaganovna
postgraduate student of Computer law and information security sub-faculty of the Higher School of Public Audit, M. V. Lomonosov Moscow State University

ON THE ISSUE OF DEFINING THE CONCEPT OF «REASONABLENESS» WITHIN THE FRAMEWORK OF LEGAL ACCOUNTABILITY OF ALGORITHMS

The article examines the concept of «reasonableness» in relation to the activities of artificial intelligence. It is proposed to apply fuzzy logic (fuzzy sets) to legal interpretation, «accustomed» to a strict traditional approach (hypothesis-disposition-sanction), which will allow modeling the uncertainty of legal language. The conclusion is substantiated that using the methods of fuzzy logic and set theory, it will be possible to legalize the core of «artificial ethics» and create legal norms for the proper functioning of AI systems with clear degrees of belonging. It is noted that interdisciplinary cooperation is needed in the development of new legal doctrines, explainability requirements, standardized risk assessment protocols based on human-AI interaction, which will restore significant clarity to the concept of «reasonableness» in the era of algorithmic solutions.

Keywords: artificial intelligence, AI reasonableness, fuzzy logic, fuzzy rule of law, algorithm audit, artificial ethics, legal accountability of algorithms.

В законе Европейского союза об искусственном интеллекте (EU AI Act), одобренном в 2024 году, используется термин «reasonable» («резонность», «обоснованность»). В ст. 3 закона дается определение понятия «reasonably foreseeable misuse (уверенно / разумно / обоснованно / предвидимое ненадлежащее применение») как использование ИИ-системы способом, который не соответствует ее назначению, но может быть результатом разумно предсказуемого поведения человека или взаимодействия с другими системами, включая ИИ-системы.[1] В юридическом смысле понятие «reasonable» обозначает соответствие действий или решений таким критериям, как предсказуемость, объективность, справедливость, принимая во внимание контекст, т.е. конкретные обстоятельства дела. Перечисленные критерии часто используются при оценке того, были ли предприняты достаточные меры для предотвращения вреда или нарушения прав, особенно в условиях неопределенности, связанной с применением ИИ. Однако если в традиционном привычном для права представлении данные критерии могут иметь достаточно понятное объяснение (в социальном отношении), то при появлении технического компонента они теряют свое юридическое значение, что выражается в проявлении неопределенности (нечеткости).

В юридическом английском языке термин «reasonable», являющийся производным от существительного «reason»[2], имеет широкое употребление для оценки действия, решений и мер в том или ином правовом контексте. В юридическом словаре Блэка (англ. Black's Law Dictionary) термин «reasonable» определяется как обоснованное (разумное) соответствие[3]. В юридическом словаре Merriam-Webster это понятие раскрывается со стороны обоснованности и оправданности фактом или обстоятельством.[4] Следовательно, можно

1 В оригинале: «the use of an AI system in a way that is not in accordance with its intended purpose, but which may result from reasonably foreseeable human behavior or interaction with other systems, including other AI systems».

2 В техническом значении — обоснование, в юридическом — аргумент (доказательство в споре рассуждении), причина (мотив, основание), также *Macmillan*: a fact, situation, or intention that explains why something happened, why someone did something, or why something is true.

3 Agreeable to reason; just; proper. Ordinary or usual

4 Being in accordance with reason, fairness, duty, or prudence; of an appropriate degree or kind; supported or justified by fact or circumstance.

сделать вывод, что обоснованность предполагает разумную уверенность, отражающую здравый смысл; подкрепленность фактическими или ситуационными доказательствами; наличие логического мышления и рассуждения. В уголовном праве принцип разумного сомнения основан на логике, здравом смысле, а не на предположениях и догадках. В российской правовой системе стандарт доказывания «вне разумных сомнений» может быть применен в отношении цели доказывания [6]. Он аналогичен стандарту «beyond a reasonable doubt», который применяется в англосаксонском праве. Согласно стандарту, сторона обвинения должна представить такие доказательства, которые будут достаточны для убеждения суда, чтобы у него (у разумного человека) не осталось сомнений[5]. В российском уголовном праве суть данного стандарта отражена в принципе презумпции невиновности, закрепленном в Конституции РФ (ч. 1 ст. 49) и Уголовно-процессуальном кодексе РФ (ч. 3 ст. 14). То есть обоснованность аргументов и выводов в отношениях, осложненных ИИ, должны быть полной.

Термин «reasonably foreseeable misuse» активно используется в международной практике[6] (например, в сфере обеспечения безопасности медицинской продукции, оборудования; в вопросах юридической ответственности за качество продукции). Предвидимость можно определить в данном контексте как заранее сформулированные человеком и заложенные в алгоритм возможные отклонения системы от регламента (установленных норм). Например, в технических регламентах и стандартах безопасности учитываются возможные сценарии неправильного использования оборудования, т.е. указывается необходимость учитывать не только предполагаемое использование, основанное на анализе возможного поведения пользователей и техники, но и возможные отклонения, которые могут привести к опасным ситуациям.

Таким образом, разумность / обоснованность подразумевает соответствие тому, что можно ожидать от усредненного, рационального субъекта со здравым смыслом и чувством предосторожности. В отношении ИИ это означает, что алгоритмическое решение должно быть объективно обоснованным, предвидимым и не вызывать сомнений в своей корректности. Вместе с тем следует учитывать, что формулировки «разумные меры», «уверенно предвидимое» носят субъективный характер и не содержат четких технических или количественных ориентиров, что ведёт к усложнению юридической оценки соблюдения требования.

Достаточность в таких отношениях может быть, скорее, выражена не в четкой (бинарной – 0 и 1), а в нечеткой [1] (от 0 до 1) формуле. Некоторой подсказкой в определении «достаточности» может выступить контекст ситуации (измерение смысла [см. 8] с учетом того, что «смысловое содержание информации зависит от наблюдателей с различными представлениями о ситуации» [2, с. 41]), в которых складываются отношения. «Семантико-информационное содержание высказывания определяется не тем, что оно содержит, а тем, что оно исключает» [2, с. 41]. Для достижения достаточной обоснованности необходимо добиться снижения неопределенности путем максимального исключения альтернатив.

С традиционной (бинарной) точки зрения, понятие разумности может трактоваться как четкий порог (либо система действует разумно, либо нет). Если решение, предложенное алгоритмом, соответствует установленным стандартам (например, определенный процент ошибок ниже допустимого порога), то решение следует считать разумным. Такой подход может упростить юридическую оценку, но не всегда отражает сложность и нюансы технического компонента – работы ИИ. С точки зрения нечеткой логики, перед исследователями и юристами открывается путь для рассмотрения понятия разумности не в качестве бинарного свойства, а в качестве параметра, который может быть выражен в диапазоне значений от 0 до 1. «Следует отметить, что если булева алгебра связана с булевой теорией на четких множествах, то нечеткая логика связана с теорией нечетких множеств. Поэтому, если в качестве элементов (переменных) четкого множества, на котором при помощи четких операций (в частности, операций сложения, умножения и отрицания) строится четкая логика (в частности, четкая алгебра Буля), берутся произвольные четкие высказывания, то в качестве элементов (переменных) нечеткого множества, на котором при помощи (также) четких операций строится нечеткая логика можно взять значения функций принадлежности (характеристических функций) элементов нечетких множеств» [4]. Например, функция принадлежности нечеткого множества может дать параметр 0.7. Из этого может следовать вывод, что решение алгоритма в 70% соответствует критериям разумности (достоверности, прозрачности, отсутствию дискриминации). Оставшиеся 30% могут требовать доработки. Применение нечеткой формулы позволяет более точно отразить реалии – алгоритм может быть «в значительной степени разумным», при этом иметь небольшие отклонения или незначительные недостатки, не делающие его полностью неприемлемым. В таком случае к выданным алгоритмом решениям в нечетком смысле не будет претензий. Так может выглядеть объяснение работы нечеткого алгоритма.

Применение нечеткой логики к юридической интерпретации, «привыкшей» к строгому традиционному подходу (гипотеза-диспозиция-санкция), поможет моделировать неопределенность юридического языка, используя нечеткие множества. В российском уголовном праве достаточно широко принято применение оценочных суждений (например, корыстная жестокость, тяжкие последствия, значительный ущерб, существенный вред и др.) [5], которые правоприменителю необходимо толковать в каждом конкретном случае (контекст) с учетом фактических обстоятельств уголовного дела. В УК РФ насчитывается более 150 разновидностей оценочных понятий, включенных в содержание 260 статей [7], что фактически является большими данными, выступающими основой для обучения ИИ. Следует учитывать, что применение оценочного понятия в юридической норме не имеет четкого количественного определения в законе, и интерпретация искусственным интеллектом оценочных нечетких понятий (входных данных) должна быть в разумной степени предсказуема и обоснована для человека, чтобы претензии со стороны человека в нечетком смысле отсутствовали. Следовательно, для формализации нечеткой нормы права для ИИ необходимо определить:

– лингвистические переменные (конкретное количественное значение);

– термы (нечеткие множества в виде градации имеющихся в норме степеней, по типу размера ущерба в ст. 158

5 Стандарт доказывания «вне разумных сомнений» или «за пределами разумных сомнений» ([Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://advokatizosimov.ru/statyi/article_post/dokazatelstvo-vne-razumnyh-somnenij-za-predelami-razumnyh-somnenij (дата обращения: 02.07.2025)).

6 ISO 14971 Fundamentals: Reasonably Foreseeable Misuse ([Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.achievexl.com/blog/reasonably-foreseeable-misuse (дата обращения: 02.07.2025)).

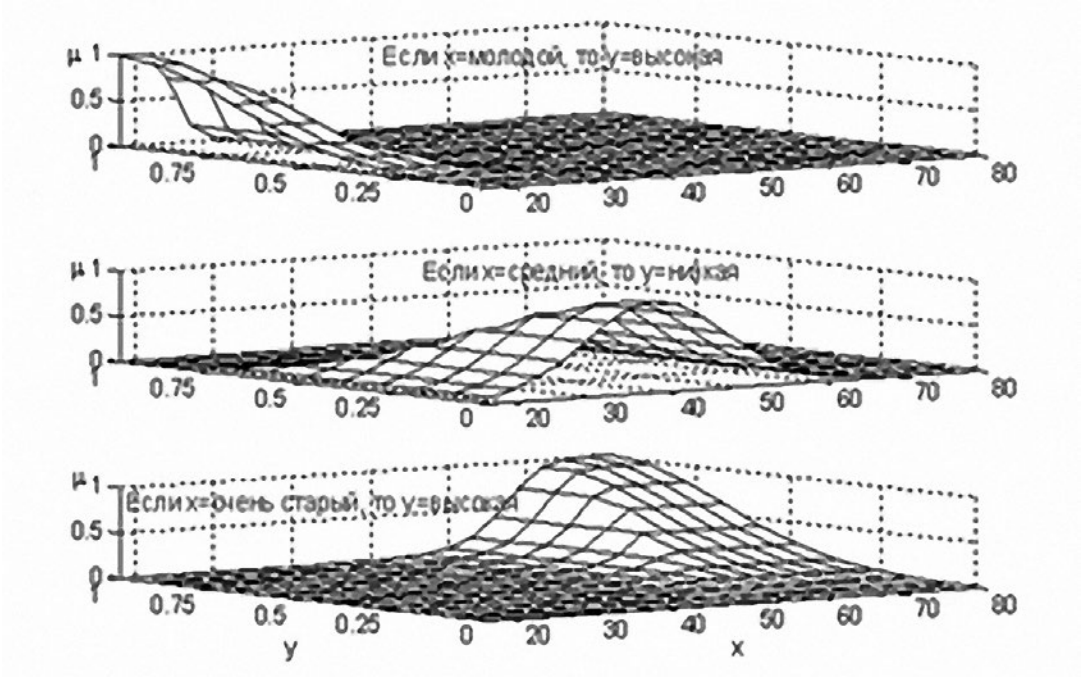

Рисунок 1. Нечеткие отношения, соответствующие правилам базы знаний

УК РФ – «крупный размер ущерба», «особо крупный размер ущерба»)[7];

– функции принадлежности (когда каждому терму соответствует функция, которая определяет степень принадлежности конкретного значения (например, суммы ущерба);

– правила вывода (гипотеза – диспозиция, приведем на примере ст. 158 УК РФ: 1) если ущерб составляет от 250 тысяч рублей до 500 тысяч рублей, то степень принадлежности к терму «крупного размера ущерб» увеличивается; 2) если ущерб превышает 1 миллион рублей, то степень принадлежности к терму «особо крупный размер ущерба» должен достигать максимального значения).

Итогом данной цепочки является дефаззификация (рисунок 1)[8] – процедура преобразования нечеткого множества в четкое число, т.е. процесс перехода нахождения обычного (четкого) значения для каждой из выходных лингвистических переменных множества:

Таким же путем необходимо определить правовую санкцию, указывающую на правовые последствия несоблюдения требований (диспозиции) юридически закрепленной нормы (и завершить цепочку «если-то-иначе»). Таким образом, используя методы нечеткой логики и теории множеств, удастся юридизировать ядро «искусственной этики» [3, с. 12] и создать юридические нормы для надлежащего функционирования ИИ-систем с четкими степенями принадлежности. В отсутствие согласованной системы калибровки вероятностных результатов ИИ в соответствии с устоявшимися правовыми категориями велик риск столкновения с возрастающей правовой неопределенностью и противоречивостью. Решение проблемы требует междисциплинарного сотрудничества для разработки новых правовых доктрин, требований объяснимости, стандартизированных протоколов оценки рисков, основанных на взаимодействии человека и ИИ, что позволит восстановить значимую ясность понятия «разумность» в эпоху алгоритмических решений.

Пристатейный библиографический список

1. Аббасова М., Имамгулуев Р. Устранение недостаточности в правовых системах: подход к правовой интерпретации, основанный на теории нечеткой логики // Аудит. – 2024. – № 3.
2. Батурин Ю. М. Метаморфозы информационного права // Трансформация информационного права. – 2023.
3. Батурин Ю. М. О построении стандартов искусственной этики роботов // Социология науки и технологий. – 2024. – Том 15, № 42024.
4. Волков В. Э. Несоблюдение закона исключенного третьего в нечеткой логике и теория принятия решений в условиях неопределенности // Автоматизация технологий и бизнес-процессов. – 2014. – № 3.
5. Гаврилова Е. А. Оценочные понятия в уголовном праве: их сущность и значение // Научный портал МВД России. – 2009.
6. Мезинов Д. А. Стандарт «Вне разумных сомнений» как критерий достижения цели уголовно-процессуального доказывания // Вестник томского государственного университета. Право. – 2017. – № 23.
7. Шумилина О. С. Оценочные понятия в уголовном кодексе Российской Федерации и их использование в правоприменительной деятельности: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. 2002. – 296 с.
8. Bar Hillel H., Carnap Y. Semantic information. In: Jackson W. ed. «Communication Theory». – London, 1953.

7 Здесь необходимо выстроить систему соответствия согласно действующему законодательству (например, с учетом понятий в контексте совершенной кражи, как «в крупном размере», «в особо крупном размере»).

8 Нечеткие логические операции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lektsii.org/14-48859.html (дата обращения: 02.07.2025).

МУРАВЬЕВА Каринэ Артемовна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранного языка и страноведения, Сахалинский государственный университет, г. Южно-Сахалинск

УСОВА Екатерина Владимировна
кандидат политических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и международного права, Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

КОРНЕЕВА Инна Владимировна
кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой кафедры иностранного языка и страноведения, Сахалинский государственный университет, г. Южно-Сахалинск

Муравьева К. А.

Усова Е. В.

Корнеева И. В.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРЕ

В статье рассматривается проблема ответственности производителей рекламы и рекламодателей. Отмечено, что коммуникационная деятельность играет ключевую роль в развитии современных компаний. Юридические и физические лица, независимо от видов деятельности, используют рекламу для привлечения целевых аудиторий. Развитие законодательства, регулирующего процессы коммуникации, с момента создания Российской Федерации стало активно развиваться. Специальные законы устанавливают правовые основы деятельности средств массовой информации, рекламной деятельности, ответственности за нарушение законодательства. Установлено, что законодательство о рекламе систематически нарушается субъектами коммерческой деятельности, что подтверждается материалами Федеральной антимонопольной службы России и указывает на низкую эффективность регулирования вопросов ответственности в данной сфере. Авторы пришли к выводу, что законодательство об ответственности следует совершенствовать и вводить в отношении производителей рекламы и рекламодателей помимо мер ответственности имущественного характера, неимущественные меры.

Ключевые слова: реклама, ответственность, рекламная коммуникация, антимонопольная служба, ненадлежащая реклама, недостоверная реклама, штраф, неимущественная ответственность.

MURAVJEVA Karine Artemovna
Ph.D. in pedagogical science, associate professor of Foreign language and regional studies sub-faculty, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk

USOVA Ekaterina Vladimirovna
Ph.D. in political science, associate professor of Public law and international law sub-faculty, V. N. Tatishchev Astrakhan State University

KORNEEVA Inna Vladimirovna
Ph.D. in philological sciences, associate professor, Head of Foreign language and regional studies sub-faculty, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk

RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF LEGISLATION IN THE COMMUNICATION SPHERE

The article discusses the problem of the responsibility of advertising producers and advertisers. It is noted that communication activities play a key role in the development of modern companies. Legal entities and individuals, regardless of their type of activity, use advertising to attract target audiences. The development of legislation regulating communication processes has been actively developing since the creation of the Russian Federation. Special laws establish the legal basis for the activities of mass media, advertising activities, and liability for violations of the law. It has been established that the legislation on advertising is systematically violated by commercial entities, which is confirmed by the materials of the Federal Antimonopoly Service of Russia and indicates the low effectiveness of regulation of liability issues in this area. The authors concluded that liability legislation should be improved and introduced in relation to advertising producers and advertisers, in addition to property liability measures, non-property measures.

Keywords: advertising, responsibility, advertising communication, antimonopoly service, inappropriate advertising, unreliable advertising, fine, non-property responsibility.

Коммуникации играют в современном обществе важную роль в профессиональной деятельности организаций. Коммуникационная деятельность охватывает все сферы человеческой жизнедеятельности. В настоящее время можно наблюдать, как целенаправленные информационные потоки воздействуют на разные слои населения, социальные груп-

пы, преследуя определенную цель. Цели могут быть различными, в зависимости от того, какого результата желает достичь отправитель информации. Поэтому, в целом, мы можем поставить цели коммуникационной деятельности в зависимость от вида юридического лица и подразделить их на коммерческие и некоммерческие. Коммерческие цели ставятся коммерческими юридическими лицами независимо от организационно-правовый формы, индивидуальными предпринимателями, самозанятыми и направлены на получение прибыли от основного вида деятельности. Некоммерческие, соответственно, - некоммерческими организациями, представленными политическими партиями, общественными объединениями, благотворительными фондами, образовательными учреждениями, адвокатскими образованиями и т.п., осуществляющими деятельность не для получения прибыли, а для достижения иных целей. Например, политические партии преследуют цель прихода к власти, благотворительные фонды – привлечь внимание к определенной проблеме и помочь нуждающимся, образовательные учреждения - предоставить образовательные услуги, адвокатские образования – оказать помощь в решении юридических проблем. Таким образом, вид деятельности названных юридических лиц опосредует разработку их коммуникационных программ по взаимодействию с целевыми аудиториями.

Значительное влияние коммуникации на массовое сознание потребовало разработки системы правового регулирования данной сферы общественного взаимодействия. Первые шаги в этом направлении были положены в Российской Федерации сразу же после распада Советского Союза. Основу формирования правовой системы в исследуемой сфере заложила Конституция РФ, содержащая ряд статей, направленных на регулирование информационного пространства (ст.ст. 13, 23, 24, 29, 44 и др.), а также об ответственности за нарушение норм, регламентирующих информационную деятельность (ст.ст. 17, 21, 29, 34, 41 и др.)[1].

В постсоветское время поэтапно был принят Гражданский кодекс РФ, который включил в первую и четвертую части конкретизированные нормы о правах и ответственности субъектов гражданского права, непосредственно связанных с рекламной и PR-деятельностью (в ч. 1 ГК РФ ст.ст. 150, 151, 152, 152.1, 152,2, 435-437; все статьи ч. 4 ГК РФ, т.к. они направлены на обеспечение охраны интеллектуальной собственности)[2].

Специальным законом, регулирующим коммуникационную сферу, является Закон РФ «О средствах массовой информации»[3] с многочисленными изменениями и дополнениями, действующий в настоящее время. Нормы закона с момента его принятия были новыми для российской правовой действительности, поэтому трактовались судами поразному, что вызывало проблемы правоприменения. В 2010 г. Верховным Судом РФ было издано постановление № 16[4], разъясняющее проблемное поле толкования данного закона.

Содержание Закона «О СМИ» в тоже время раскрывает важные для специалиста по организации коммуникации (специалиста по рекламе, PR-специалиста и др.) понятия профессиональной коммуникационной деятельности – «массовая информация», «средство массовой информации», «распространитель», «распространение продукции СМИ» и др., т.е. законом была осуществлена правовая регламентация субъектов, объектов и каналов передачи информации коммуникационного рынка.

Еще одним специальным законом в коммуникационной деятельности является ФЗ «О рекламе» 2006 г.[5] (первым же законом о рекламе в РФ был закон, принятый в 1995 году). Действующий закон о рекламе устанавливает правила создания и распространения социальной и коммерческой рекламы. Коммерческая реклама занимает львиную долю на современном рекламном рынке, хотя в последние годы наблюдается значительный рост социальной рекламы. В связи с развитием информационного общества появились новые каналы распространения рекламы, специфика передачи информации через которые установлена данным законом.

Также следует отметить, что регулирование рекламной коммуникации осуществляется не только нормативными правовыми актами, но и актами, принимаемыми партнерами в рекламной сфере, которых следует придерживаться участникам данных актов, но они не являются обязательными к применению и не влекут при их нарушении правовых последствий. Так, в числе названных актов следует назвать Российской кодекс практики рекламы и маркетинговых коммуникаций, сменивший в 2024 году ранее подписанный кодекс 2001 года. Изменения, произошедшие в связи с внедрением в коммуникационное пространство цифровых технологий, потребовали изменения подходов в регулировании рекламного рынка, что и вызвало к жизни новый документ, который был разработан по инициативе и при участии Ассоциации коммуникационных агентств в России и Ассоциации производителей фирменных торговых марок «Русбренд», а также при содействии Федеральной антимонопольной службы России. В кодексе четко определены этические аспекты ведения рекламной деятельности, организации рекламной коммуникации с использованием интерактивных средств, закреплен и детализирован принцип добросовестного ведения бизнеса и др.

Обращаясь к объектам гражданского оборота, активно рекламируемым посредством всевозможных средств коммуникации, можно выделить в их числе объекты, несущие вредоносный характер. Поэтому законодатель, стараясь ограничить распространение информации о данных объектах, в принятом Федеральном законе «О рекламе» установил нормы об объектах, рекламировать которые нельзя. Это сделано для того, чтобы отдельным лицам и обществу в целом не был причинен вред путем использования данных объектов [3, с. 122].

Следует также отметить, что исследуемый закон установил полномочия Федеральной антимонопольной службы РФ по осуществлению государственного контроля (надзора) за рекламным рынком, а также включил в себя нормы об ответственности за нарушение рекламного законодательства. Так, за нарушение закона о рекламе лица могут быть при-

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. от 04.10.2022) // СЗ РФ. - 2014. - № 31. - Ст. 4398.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 08.08.2024) // СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СЗ РФ. - 2006. - № 52 (часть 1). - Ст. 5496.

3 Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.11.2024) «О средствах массовой информации» // Российская газета. - 08.02.1992. - № 32.

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Бюллетень ВС РФ. - 2010. - № 8.

5 Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (в ред. 26.12.2024) «О рекламе» // СЗ РФ. – 2006. - № 12. - Ст. 1232.

влечены к гражданской, административной и другим видам ответственности, предусмотренным законодательством. Однако, исследователи обращают внимание на тот факт, что в настоящее время других видов (кроме гражданской и административной) ответственности в отраслевом законодательстве не содержится. В частности, в ранее действовавшем УК РФ существовала одна статья, предусматривающая уголовную ответственность за распространение заведомо ложной рекламы, совершенной из корыстных побуждений и повлекшей причинение значительного ущерба, однако, в 2003 г. она была декриминализована [2, с. 160].

Хочется обратить внимание на то, что, несмотря на четко установленные требования к рекламе, они продолжают систематически нарушаться даже крупными бизнес-компаниями. Рассмотрим несколько примеров нарушений, выявленных ФАС России за последние месяцы.

Так, в отношении Газпромбанка в 2025г. ФАС России дважды возбуждала дела о ненадлежащей рекламе с выдачей предписания о прекращении нарушений и обязанностью уплатить административные штрафы за ее размещение. В частности, были нарушены нормы, закрепленные в ч. 7 ст. 5, п. 2 ч. 2 ст.28 ФЗ «О рекламе», за что Газпромбанк и был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.3 КоАП РФ. А именно, банком были размещены рекламные ролики на телевидении и радио, которые содержали привлекательные сведения о вкладе с доходом до 25 % годовых. В другом рекламном ролике, транслировавшимся по телевидению, было дано обещание о выгодном кэшбеке до 35 % за пользование картой банка на заправках, в ресторанах, супермаркетах и т.д. Однако, полная информация обо всех условиях финансовых услуг потребителями не была получена. В телерекламу были включены поясняющие сноски трудным для восприятия способом, а в радиорекламе данная информация вообще отсутствовала. Поэтому Газпромбанк был привлечен к ответственности[6].

Еще одним ярким примером нарушения требований к рекламе является дело, возбужденное в отношении Альфа-Банка в 2025 г. Так, реклама Альфа-Банка была распространена двумя способами – через поисковую систему в сети Интернет и путем размещения в Московском метрополитене. Реклама содержала информацию о предоставляемом кэшбеке: «Кэшбек 10 % на все». Однако до потребителей не была доведена информация о том, что кэшбек распространяется только на некоторые виды операций, совершаемых по карте банка. Отсутствие в рекламе такой информации вводило потребителей в заблуждение, поэтому реклама была признана недостоверной и нарушающей п. 2 ч. 3 ст. 5 ФЗ «О рекламе», банку было выдано предписание о прекращении нарушения и об обязанности уплатить административный штраф[7].

Сбербанк также в этом году был привлечен к административной ответственности за ненадлежащую рекламу автокредита, в которой отсутствовала часть существенной информации об условиях кредита, влиявшей на стоимость финансовой услуги. ФАС России также привлек организацию к административной ответственности[8].

И. В. Кирюшина справедливо отмечает, при квалификации информации, содержащейся в рекламе, ФАС России рассматривает ее с точки зрения получателя, который в буквальном смысле трактует информационный посыл, т.к. потребитель не обладает специальными знаниями и иначе, чем профессионал, воспринимает данную информацию. Потребитель воспринимает информацию буквально и не обязан анализировать рекламу и, тем более, осуществлять проверку достоверности представленных информационных фраз и слоганов [1, с. 74]. Данная позиция применяется не только ФАС России, но и судами при рассмотрении дел о нарушении законодательства о рекламе.

Таким образом, следует констатировать, что законодательство в сфере регулирования коммуникационной деятельности на сегодняшний день достаточно развито. В стране снизился уровень правового нигилизма, а это значит, что становится острой необходимостью соблюдение законов, регламентирующих рекламную деятельность.

С правовой точки зрения, правовые ограничения, существующие в рекламной деятельности, в отношении многих объектов являются обоснованными и несут созидательный характер для развития общества. Однако регулярные нарушения законодательства о рекламе говорят о неэффективности применяемых методов борьбы с ними, что требует совершенствования законодательства о рекламной деятельности. В частности, можно утверждать, что прибыль, которую получают рекламодатели за распространение ненадлежащей рекламы, значительно выше тех административных штрафов, которые приходится платить рекламодателям. Поэтому, считаем необходимым применять и неимущественную ответственность за совершение противоправной деятельности в сфере производства и распространения рекламы, например, применять при повторном нарушении меры административного приостановления деятельности производителя рекламы и/или рекламодателя на определенный срок. Однако данную меру следует применять строго индивидуально и рассматривать возможность ее применения в каждом конкретном случае.

Пристатейный библиографический список

1. Кирюшина И. В. Фейковая реклама: вопросы правовой квалификации // Российско-азиатский правовой журнал. - 2025. - № 1. - С. 72-80.
2. Скворцова Т. А., Митченко Н. А. Ответственность за нарушение законодательства о рекламе в России // Актуальные научные исследования в современном мире. - 2021. - № 6-4 (74). - С. 158-161.
3. Усова Е. В. Недопущение рекламы отдельных объектов // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: сб. статей заочной науч.-пр. конф. - Астрахань: АГУ им. В. Н. Татищева, 2023. - С. 122-124.

6 ФАС России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/news/34010 (дата обращения: 31.05.2025).

7 ФАС России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/news/34001 (дата обращения: 31.05.2025).

8 ФАС России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/publications/24674 (дата обращения: 31.05.2025).

ФЕДОРЕНКО Евгений Владимирович
аспирант, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

КЛЕВЦОВ Максим Иванович
аспирант, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

УТИЛИЗАЦИЯ ЛИТИЙ-ИОННЫХ АККУМУЛЯТОРОВ: ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Статья посвящена проблеме утилизации литиевых батарей, рассматриваются правовые и экономические аспекты, а также проблемы с акцентом на адаптацию законодательства к процессу технологического усовершенствования. В статье анализируются недостатки существующей системы расширенной производственной ответственности как формальной и недейственной, отмечается необходимость создания специальных нормативно-правовых механизмов, отвечающих особенностям утилизации литиевых батарей, а также неудовлетворительность стимулирования экономических механизмов со стороны государства. В статье затрагивается опыт других стран, предложены меры адаптации его для реалий России, включая модель производственных лицензий, основанную на современных и технологичных методах контроля за отходами, создание кооперативных учреждений для утилизации, переосмысление принципов утилизации.

Ключевые слова: литий-ионный аккумулятор, утилизация, расширенная ответственность производителя, экологический сбор, правовое регулирование, переработка отходов, зарубежный опыт, экономические стимулы, технологии, экологическая безопасность.

FEDORENKO Evgeniy Vladimirovich
postgraduate student, I. S. Turgenev Oryol State University

KLEVTSOV Maxim Ivanovich
postgraduate student, I. S. Turgenev Oryol State University

DISPOSAL OF LITHIUM-ION BATTERIES: LEGAL RISKS AND RESPONSIBILITY OF MANUFACTURERS

The article is devoted to the problem of lithium battery recycling, legal and economic aspects of the problem are considered with emphasis on the adaptation of legislation to the process of technological improvement. The article analyzes the shortcomings of the existing system of extended production responsibility as formal and ineffective, notes the need to create special regulatory and legal mechanisms that meet the peculiarities of lithium battery recycling, as well as the unsatisfactory stimulation of economic mechanisms by the state. The article touches upon the experience of other countries and proposes measures to adapt it for the realities of Russia, including the model of production licenses based on modern and technological methods of waste control, creation of cooperative institutions for recycling, rethinking of recycling principles.

Keywords: lithium batteries, utilization, extended producer responsibility, environmental levy, legal regulation, waste recycling, foreign experience, economic incentives, technologies, environmental safety.

Литиевые аккумуляторы стали неотъемлемым компонентом нашей жизни. Развитие технологий привело к повсеместному появлению данных источников питания в жизни, буквального, каждого человека. Без них не обходится ни один смартфон, ноутбук, электромобиль. Вместе с другими типами аккумуляторов они служат источником энергии для медицинского оборудования и даже систем солнечных электростанций. По сути, большая часть автономных источников питания представляет из себя именно литий-ионный аккумулятор. Использование таких батарей – безопасный и современный подход, однако, необходимо принимать во внимание вопрос их обращения и утилизации.

Свалки и контейнеры заполнены выброшенными батареями и электронными устройствами, их содержащие, с учетом их токсичности и возможности самовозгорания, содержащимися в них материалами (кобальт, никель, литий), обычная утилизация аккумуляторов это не только опасная, но и экономически невыгодная практика [7].

При этом правовое регулирование переработки не успевает за техническим прогрессом. Отставание современного законодательства от технологического ритма в области утилизации литиевых аккумуляторов, является очевидной проблемой. Существующая нормативная база, ориентировавшаяся на общий подход к управлению отходами, оказалась неспособной достаточно оперативно перестроиться на новую задачу - внедрение высокотехнологичного цикла сбора и переработки таких отходов. Но сама по себе эта проблема – сугубо технического характера. А вот уже стремительное распространение литий-ионных аккумуляторов в электромобилях и потребительской электронике – это уже гораздо более серьёзный вопрос [2].

Ключевая сложность связана с отсутствием специализированного регулирования, учитывающего особенности технологии переработки такого вида аккумуляторов. В отличие от обычных видов отходов, они требуют транспортировки и хранения в специальных условиях из-за пожароопасности и необходимости пройти сложные технологические операции для извлечения из ценных компонентов. Из-за отсутствия специализированного регулирования, действующие нормативные акты продолжают рассматривать данные вид отходов, как часть общего объёма ТКО, что, в потенциале, приводит к серьезным правовым, экологическим и экономическим проблемам [6].

На практике, механизм расширенной ответственности производителей, предназначенный для обеспечения безопасной утилизации отходов, показал своё несовершенство. Размеры экологического сбора на порядок ниже фактических затрат на организацию качественного управления отходами, а контрольные процедуры в существующем виде не действуют и не дают возможности эффективно следить за соответствием требований. По сути, значительное число предприятий занимается в основном формальным соблюдением закона, а не созданием действенной системы утилизации и переработки [8].

Такой подход приводит к системной проблеме - вместо стимулирования циклической экономики, текущая модель регулирования, фактически, поощряет минимальное соблюдение формальностей. Производители и импортеры, выбирая путь наименьшего сопротивления, отдают предпочтение уплате символических взносов вместо инвестиций в реальную инфраструктуру переработки. Это не только снижает эффективность экологической политики, но и создает неравные условия конкуренции, когда добросовестные участники рынка, действительно занимающиеся утилизацией, оказываются в менее выгодном положении.

Существующий нормативный подход должен быть пересмотрен, необходима разработка специализированных технических норм и правил, учитывающих специфику литиевых аккумуляторов на всех этапах их жизненного цикла.

Параллельно, необходимо модернизировать экономические механизмы, так чтобы переработка стала не просто обязательна, но и экономически интересной для любого участника данного процесса. Иначе, правовое регулирование еще долго будет отставать от технологических и рыночных реалий, создавая все новые проблемы экологической безопасности. К тому же, система требует достаточно совершенного адаптационного механизма, ведь уже завтра мы можем столкнуться с новой технологической новинкой, требующей отдельного внимания и регулирования.

В рамках данного вопроса следует подробнее рассмотреть концепцию расширенной ответственности производителя.

Принцип продленной ответственности производителя устанавливает - производители товаров должны нести ответственность за их обращение после окончания потребительского срока. Его сущность заключается в создании экономических стимулов для разработки наилучших товаров и систем их обращения. Только, в случае с литиевыми аккумуляторами, между теорией управления и практической жизнью существует диссонанс.

Юридическая ответственность производителей существует, но фактическое выполнение процедур в общем масштабе оставляет желать лучшего. Многие компании ограничиваются минимальными отчислениями в специализированные экологические фонды и редко занимаются организацией более широкого сбора и переработки отходов. Импортеры промышленных аппаратов и готовой электроники злоупотребляют этим ещё больше. При этом мониторинг (контроль за исполнением) усложнен тем, что механизмов четкой и содержательной фиксации жизненного цикла продукта у нас нет практически никаких [4].

Экономические расчеты показывают, что существующие ставки экологического сбора не покрывают реальных затрат на безопасную утилизацию литиевых аккумуляторов. Стандартная, легальная переработка аккумуляторов становится, по сути, экономически невыгодна, уступая по привлекательности теневой экономике по отношению к переработке отходов. Различные рыночные участники пытаются решить данный вопрос через отраслевые ассоциации по утилизации, но и здесь наблюдается фрагментарный подход и разрозненные инициативы.

В последние годы судебная практика показывает тенденцию к росту количества исков, связанных с нарушением требований охраны окружающей среды при утилизации аккумуляторов. Производителей окружают как представители контролирующих органов, так и общественных организаций. Однако, неопределенность критериев, по которым можно было бы доказать и объяснить вину или ущерб, зачастую приводит к затянутым процессам с неясными исходами.

В будущем, решение этой проблемы - наращивание регулирующих и экономических механизмов, их симбиоз. Европейская практика демонстрирует неизбежность сочетания жестких нормативных стандартов с поощряющей системой налоговых привилегий. Параллельно стоит развитие инфраструктуры сбора и разработка системы наблюдения за маршрутами движения опасных отходов. Считаем необходимым рассмотреть зарубежный опыт и подход к решению рассматриваемой нами проблемы.

Зарубежный опыт работы с литиевыми аккумуляторами предоставляет множество моделей регулирования, посредством которых можно вынести ценные уроки для тех или иных решений в России. К примеру, Евросоюз выбрал жесткий, но действенный путь, обязывающий производителей батарей заниматься не только сбором и переработкой, но также выполнять конкретные целевые значения по утилизации. Особого внимания заслуживает немецкая модель, где работает разветвленная сеть пунктов приема в розничных сетях, а финансовое бремя равномерно распределяется между всеми участниками рынка через специальные фонды.

В России существует немало известная сеть магазинов красно-белого цвета, до поры, принимающая, прямо в самих точках, одноразовые батарейки и многоразовые аккумуляторы. Учитывая размах и нахождение таких магазинов буквально в каждом дворе – инициатива хорошая, доступная для граждан. Однако отсутствие агитационных материалов и экономических стимулов привела к упадку данной идеи. К тому же, не вполне понятно, куда в конечном итоге все эти отходы девались.

В азиатском регионе выделяется Южная Корея, где действует система, обязывающая вернуть депозит за все переработанные аккумуляторы. Этот экономический стимул дал результаты, подняв процент переработанных изделий до 75%.

Следует так же выделить, что в КНР проходят активные финансовые инвестиции в технологии добычи редкоземельных металлов, и формируются принципиально замкнутые производственные цепочки, которые не позволяют драгоценным компонентам аккумуляторов оказываться на свалках общих отходов.

Практика в США отличается гибкостью - на федеральном уровне устанавливаются минимальные стандарты, к которым потом добавляются дополнительные строгие требования ряда прогрессивных штатов, например, в Калифорнии, где особый акцент делается на ответственности конечного пользователя, обязанного по закону, не выбрасывать аккумуляторы вместе с бытовым мусором. Для чего существует развитая система сортировки отходов [5].

Для реалий Российской Федерации наиболее реалистичными выглядит:

1) внедрение обязательной сертификации изготовителей с условием представления соглашений с перерабатывающими предприятиями;

2) формирование кооперативных центров утилизации с привлечением крупнейших участников рынка электроники;

3) разработка системы дополнительных налоговых льгот для компаний, внедряющих технологии вторичного использования материалов;

4) запуск федеральной программы по созданию сборной инфраструктуры в регионах с поэтапным внедрением нормативов.

Однако, возможны и внедрения перспективных возможностей автоматизации контроля жизненного цикла аккумуляторов. К примеру, через блокчейн-решения и цифровые паспорта. Тестирование уже ведётся в странах Скандинавии. Этот современнейший подход не стоит недооценивать, он радикально принципиален для определения всех инстанций-соучастников технологического процесса, начиная от создания первичного продукта и до его утилизации, так как позволяет, в автоматическом режиме отслеживать судьбу каждого устройства и выяснять, куда в конечном итоге попал отработанный аккумулятор. В данном случае, контроль является необходимостью, опять же, мы имеем дело с токсичными и легковоспламеняющимися материалами, которых, в почве, с каждым годом, становится всё больше и больше [1].

Обязательным условием успеха любых преобразований становится согласованность экологической, экономической и технологической составляющей проблемы. Исследованный мировой опыт точно доказывает, что только комплексный подход, совмещающий императивное правовое воздействие вкупе с рыночными стимулами, способен создать устойчивую систему обращения с литиевыми аккумуляторами.

Проблема утилизации литиевых аккумуляторов стала ещё одним законодательным, экономическим, а также социальным вызовом, который выходит далеко за рамки лишь экологической составляющей эксплуатации. Анализ доказывает, что существует кризис применения нормативных актов, когда внедряемые этапы технологий оказываются впереди законодательства [3].

Опыт других стран позволяет увидеть, что действовать приходится постепенно и последовательно. Сначала необходимо принять технический регламент по отдельным видам аккумуляторов, учитывающий всю цепочку, с транспортировкой литиевых аккумуляторов вплоть до их утилизации. Второе - пересмотреть экономические механизмы, чтобы техническая утилизация по стоимости была предпочтительнее серых схем обращения с подобными отходами.

Формация инфраструктуры сбора приобретает особенное значение, несущая в себе формирование действенных механизмов и удобных предприятий для граждан, внедрение материального стимула. Общая практика показывает, что успешные модели всегда сочетают эти, строго нормативные требования с экономическими возможностями, актуальные для всех участников процесса.

В будущем, одним из перспективных направлений развития может стать технология прослеживаемости, начиная с цифровых паспортов аккумуляторов и оканчивая системами учета в блокчейне, что позволит повысить эффективность контроля и создать прозрачный рынок вторичных материальных ресурсов.

Подготовка к этому вызову потребует скоординированных усилий правительства, сектора предпринимательства и общественных организаций. Лишь так можно превратить экологическую обязанность в движущую силу технологического развития. В России, пока, только зарождается данная отрасль, но, с одной стороны, это позволяет внедрить лучшие мировые практики - с другой, предостерегает от ошибок, совершенных первопроходцами в регулировании данного вопроса.

Пристатейный библиографический список

1. Berger K., Schöggl J.-P. & Baumgartner R. J. Digital battery passports to enable circular and sustainable value chains: conceptualization and use cases. J. Clean. Prod. - 2022. - № 353, 131492.
2. Machala M. L., Chen X., Bunke S. P. et al. Life cycle comparison of industrial-scale lithium-ion battery recycling and mining supply chains. Nat Commun 16, 2025. – P. 988
3. Губенков А. О. Электромобили: гарантия экологической безопасности или миф? Утилизация литий-ионных аккумуляторов электромобилей проблема экологии или современной промышленности? // Автономия личности. - 2022. - №1 (27).
4. Долгушин А. Б., Цуканов А. А. Анализ практики установления нормативов утилизации в системе расширенной ответственности производителя Российской Федерации в 2015-2020 годы // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. - 2020. - №3 (34).
5. Кулова Т. Л., Скундин А. М. Проблемы развития литий-ионных аккумуляторов в мире и России // Электрохимическая энергетика. - 2023. - №3.
6. Майорова Е. И., Олимпиев А. Ю. Правовые требования к решению проблемы отходов в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. - 2020. - № 1.
7. Мельникова А. С., Кострюкова Н. В. Способ утилизации литий-ионных аккумуляторов с извлечением ценных компонентов // Безопасность техногенных и природных систем. - 2024. - № 4.
8. Овсянникова Д. К. Проблемы внедрения системы расширенной ответственности производителей в государственной политике в сфере обращения с отходами // Вестник Академии знаний. - 2019. - № 6 (35).

ИВАКИН Виктор Иванович
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Гуманитарный институт, Российский новый университет, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ОСОБОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ, НАПРАВЛЕННОЙ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Данная статья посвящена основам формирования теории новой самостоятельной формы юридического принуждения, которой является экологическая ответственность. Подчеркивается, что только последняя, в отличие от традиционных видов воздействия, направлена на полное возмещение экологического вреда. Другое понимание данной категории исключает такую возможность. Все это требует в настоящее время дальнейших теоретических исследований рассматриваемого понятия и составляющих его элементов, структуры, содержания. Цель представленной статьи заключена в теоретическом обосновании и выработке нового подхода к теории юридической ответственности в рассматриваемой сфере отношений.

Ключевые слова: экологическая ответственность, теоретические основы, формирование, проблемы, особая процессуальная форма, самостоятельный вид, нетрадиционность, сущность, санкции, экологический вред, полное возмещение.

IVAKIN Viktor Ivanovich
Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty, Humanitarian Institute, Russian New University, Moscow

THE PROBLEMS OF FORMING THE THEORETICAL FOUNDATIONS OF ENVIRONMENTAL RESPONSIBILITY AS A SPECIAL INDEPENDENT PROCEDURAL FORM AIMED AT ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY

This work is devoted to the basics of forming the theory of a new independent form of legal coercion, which is environmental responsibility. It is emphasized that only the latter, unlike traditional types of impact, is aimed at full compensation for environmental damage. Another understanding of this category excludes this possibility. All this currently requires further theoretical research of the concept under consideration and its constituent elements, structure, and content. The purpose of the presented article is to theoretically substantiate and develop a new approach to the theory of legal responsibility in the field of relations under consideration.

Keywords: environmental responsibility, theoretical foundations, formation, problems, special procedural form, independent type, unconventionality, essence, sanctions, environmental damage, full compensation.

В настоящее время, периода колоссального развития новых общественных отношений, происходит формирование ранее отсутствовавших позиций, что характерно и для юриспруденции. Так, активно заявляют о себе различные нетрадиционные формы ответственности, среди которых особое место занимает экологическая ответственность [5, с. 341]. Данный процесс происходит на фундаменте, созданном значительно ранее. Особый интерес у исследователей вызвало и вызывает мнение Б. В. Ерофеева [4, с. 364-407], который, как констатируется, решительно отстаивал свою идею об экологической ответственности. В принципе – это соответствует истине. Во всяком случае, ученый делал попытку обоснования совершенно иной, новой, понимаемой несколько иначе разновидности юридической ответственности, характерной исключительно для представляемой им отрасли, на что обращал внимание М. Л. Гальперин, также работавший над проблемами юридической ответственности [2, с. 21-22]. При этом юрист-эколог в качестве основного довода не берет за базис именно отраслевое деление. Ученый обосновывает самостоятельность экологической ответственности через основные признаки экологического правонарушения, которыми являются, как известно объект, субъект, объективная сторона, субъективная сторона. А также за основу ученый-эколог, руководствуясь особенностями доказывания вины и другими обстоятельствами, принял непосредственно процессуальный порядок, с помощью которого правонарушитель привлекается к данной разновидности принуждения.

В то же время, подытоживает М. Л. Гальперин, парадоксально, но весь анализ особенностей рассматриваемой ответственности сводится специалистом к механизму применения норм традиционных видов юридической ответственности, санкции которых применяются в экологическом праве. И вся идея ограничивается тем, пишет оппонент, как правильно квалифицировать то или иное деяние, исходя и руководствуясь уже существующими нормами классических видов воздействия. А коренные вопросы, которые позволяли бы говорить о новом, поскольку никогда подобная категория не использовалась, методе принуждения со стороны государства, непосредственном виде правовой ответственности не свойственной рассматриваемой области социального взаимодействия, не являлась предметом рассмотрения. В ответ оппоненту-теоретику необходимо сказать, что в экологическом праве существуют в общем плане две разновидности ответственности. Во-первых, как совокупность разных видов обозначенных мер принуждения. Другая – непосредственно как особый процессуальный тип, самостоятельная экологическая ответственность, представляющую собой абстракцию, органически свойственную данной области. Причем, первая из названных не просто конструкция сумм общепринятых форм воздействия, а научная позиция, обосновывающаяся юристами-экологами в виде ответственности в области охраны окружающей среды, основанием которой является, полагают исследователи, о чем мнение весьма спорное, экологическое правонарушение. При этом некоторые специалисты под ней и подразумевают как раз эколого-правовую ответственность. Но, заметим, такое понимание не очень верно. Сущность в том, что под категорией экологическая ответственность может трактоваться нечто иное. Это не толь-

ко совокупность отдельных типов ответственности в рассматриваемой области, как комплексный институт названной правовой отрасли. Поскольку кроме традиционных видов указанных мер принуждения, в него включается также и экологическая ответственность, в виде самостоятельной процессуальной формы воздействия, наряду с классическими, предусмотренными УК РФ, КоАП РФ или ГК РФ. Без этой составляющей представленное явление, как институт являлся бы весьма ограниченным.

В целом, специалисты в области экологического права преимущественно полагают, что за правонарушения норм представляемой ими отрасли юриспруденции наступает соответствующая мера воздействия, именуемая как экологическая ответственность.

Но в подавляющем большинстве случаев под последней понимаются виды юридической ответственности, которую представляют уголовная, административная и другие разновидности данной категории традиционного характера [1, с. 133-161]. При этом парадокс в том, что за указанные нарушения применяются нормы иных отраслей юриспруденции, а именно уголовного, гражданского, административного, а не экологического права. По большому счету, как принято считать, порядок, связанный с возмещением вреда, причиненного окружающей среде, также регулируется цивильным правом, но не правом окружающей среды. Такая парадоксальная позиция находит выражение в доктрине непосредственно экологического права даже тогда, когда исследователи представляют трактовку рассматриваемой меры воздействия, как новой, нетрадиционной, имеющей самостоятельный характер формы принуждения, наряду с уголовной, гражданской или дисциплинарной. Когда сущность эколого-правовой ответственности отражает её цивилистическую, а не эколого-правовую сущность. Но данную позицию поддерживают не все исследователи.

Необходимо, кроме того, заметить, что ряд теоретиков экологического права разновидностью юридической ответственности за правонарушения в рассматриваемой сфере называют экологическую ответственность, трактуя её с различных позиций. Так одни специалисты полагают, что санкции этой «зеленой» меры принуждения изначально присущи для права охраны окружающей среды. Другие считают, что это есть симбиоз государственных мер, объединяющих в себе как классические, так и нетрадиционные формы анализируемого явления. Исследователи следующей группы полагают, что это есть абсолютно самостоятельная форма регулирования отношений между людей. Четвертое измерение заключается в том, что данная форма представляет собой исключительно условность. В-пятых, отдельные ученые отрицают существование обозначенной меры принуждения. Такие подходы относительны. В то же время, исследуемую категорию можно рассматривать в узком смысле, как существующую наряду с иными, тем не менее, основным стержнем классификации выступает отраслевой критерий, исходя из того, что уголовные санкции могут налагаться за экологические преступления, административные - за соответствующие административные правонарушения и т.д., в связи, с чем и применяются санкции исключительно отраслевого характера, которые установлены законодательством. Так, выражением административной ответственности является административный штраф, лишение свободы за экологический деликт характеризует уголовно-правовую меру принуждения. Возмещение вреда – знак цивильной формы воздействия. Экологическая ответственность наступает, когда применены санкции, установленные непосредственно законодательством об охране окружающей среды, а именно нормами права, содержащимися исключительно в экологическом праве, а не в уголовном или административном. Одновременно экологическую ответственность необходимо рассматривать и в виде правовой совокупности норм, регулирующих однородные общественные отношения, то есть как институт права, которым определяется порядок применения определенными субъектами тех мер принуждения, которые определены законом в анализируемой сфере отношений в обществе.

Отсюда видно, что существуют исключительно традиционные меры воздействия в очерченной сфере отношений. Одновременно экологическая ответственность не выделена в качестве автономной формы принуждения, но естественно, взаимодействующей с другими аналогичными приемами. Представители такой позиции ничем не объясняли данное положение. Это одни случаи. В других – в качестве аргумента выступает тот, что не может быть экологической ответственности как самостоятельной формы воздействия, поскольку отсутствует экологическое право как самостоятельная отрасль юриспруденции. Но при этом авторы такой точки зрения пишут не только учебные пособия по данной учебной дисциплине, включенной ГОСТом в перечень дисциплин, необходимых для изучения юриспруденции, но и издают и переиздают учебники по экологическому праву.

Необходимо констатировать, что в числе родоначальников экологической ответственности, как особой процессуальной формы, следует назвать проф. Н. А. Духно. Ученый одним из первых высказался вполне убедительно и логично о существовании данной категории. Так, по мнению исследователя, именно последняя является принципиально новой разновидностью правовой ответственности. Причем такая ответственность вполне самостоятельна. Её применение, по мысли автора, это наиболее эффективный способ охраны окружающей и природной среды. В то же время, наука права отмечает, что в представляемой отрасли знания могут быть выделены и иные разновидности юридической ответственности нетрадиционного характера. Но по разным причинам в настоящий период они не применяются и среди них, в том числе, экологическая ответственность. Однако, в связи с тем, что ситуация с окружающей средой достигает катастрофических размеров, соответственно возрастает спрос на иные формы ответственности, в том числе, экологическую [3, с. 4-9].

Отсюда совсем иное понятие рассматриваемая экологическая ответственность, в настоящее время трактуемая в качестве подвида либо такой разновидности мер принуждения, которая в качестве формы выразится в новейших нормах эколого-процессуального характера. И только после этого, данный институт приобретет магистральную форму принуждения в области охраны окружающей среды. Институция будет определенным методом воздействия на общественные экологические отношения, расширяя тем самым диапазон видов юридической ответственности. Это принципиально новый подход позволит намного улучшить экологическую составляющую. Основанием такого подхода является то, что юридическая ответственность, заключенная в нормах материального права, реализуется с помощью соответствующих процессуальных правил. Так, нормы уголовного права, отраженные в УК РФ, находят свое выражение путем применения уголовно-процессуального права, реализация ответственности, установленной ГК РФ, осуществляется через использование ГПК РФ. Не является исключением и экологическая ответственность, которая должна выражаться в применении эколого-процессуального права, как и любая совокупность материальных норм, реализуется путем применения процессуальных норм.

Данная теория, связанная с обозначенным институтом рассматриваемой отрасли права, как доктрина, требует более глубокого внимания, хотя формироваться она начала в процессе становления экологического права.

Такое положение было обусловлено различными обстоятельствами. Одним из них является то, что экологическая ответственность как важнейший институт отрасли не рассматривалась комплексно. Также следует подчеркнуть, что знания о данной совокупности норм формировались стихийно, не было соответствующей программы изучения этого явления. Многое для его характеристики заимствовалось как из других отраслей права, особенно уголовного и административного, так и в целом использовались наработки теоретиков права, исследования данного института в основном носили неглубокий характер, а ограничивались рассмотрением исключительно отдельных поверхностных вопросов. Хотя с такой позицией согласятся не все специалисты. Экологическая ответственность в качестве особой, самостоятельной формы воздействия, имеющей оригинальный характер, стала предметом исследования весьма недавно. Такое положение было вызвано, в том числе, тем, что классические формы ответственности не могли обеспечить охрану окружающей среды и остановить вал экологических правонарушений, не говоря уже о том, чтобы полностью возместить причиненный экологический вред. Проиллюстрируем высказанное суждение. Так, совершено преступление, установленное, например, п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ, а именно запрещенная охота в отношении птиц и зверей, добыча которых полностью запрещена. За нарушение нормы применяются исправительные работы или лишение свободы, либо применен штраф, размер которого составляет до пятисот тысяч рублей. По соответствующей таксе также взыскивается материальный ущерб за птицу или зверя в рамках имущественной ответственности. И на этом заканчивается применение уголовной и гражданской или имущественной ответственности. Но для того, чтобы возместить непосредственно экологический, а не только материальный или имущественный ущерб, необходимо восполнение того или иного представителя флоры или фауны. Либо целесообразно потратить столько финансов, денежных средств, сколько потребуется для выращивания этого объекта фауны и ликвидации прочих последствий. Вот в этом случае и должна наступать экологическая ответственность, которую можно представить в виде, своего рода экологического диктатора в рассматриваемой сфере, где диктатура экологического подхода, а не уголовного или административно-правового должна диктовать свои условия. Гражданская ответственность также этого не устанавливает, её пределы ограничены.

Составным элементом экологической ответственности являются санкции, наказания собственного характера, причем они могут быть как неимущественного, так и имущественного характера. Отсюда, для рассматриваемой институции характерны нормы собственного предписания, в своей системной совокупности, представляющие экологический процесс, который характеризует и отражает порядок применения указанных норм. Причем, данный процесс существенно отличается от всех иных процессуальных требований, применяемых в рассматриваемой сфере отношений. Анализируемая разновидность ответственности, наряду с традиционными её формами и составляют юридическую ответственность в экологическом праве. В то же время, поскольку та или иная форма ответственности действует в названной сфере, то она обладает определенными особенностями, не присущими её элементам этой ответственности, регулирующими иную группу отношений. Границы деятельности экологической ответственности отличны от пределов регулирования аналогичных форм принуждения. Так, экологическая, которую называют еще и природоохранительной ответственностью, в отличие от дисциплинарной и материальной, носит свой сугубо ведомственный характер, в том смысле, что последняя регулирует отношения исключительно в очерченной области. Отличен и логос этих понятий. Так, дух данной категории по Монтескье правовосстановительный, в чем и выражается её сущность и неповторимость. Предупреждение также одна из отличительных черт анализируемого понятия. Кроме того, одна из основных её функций - восстановление до первоначального состояния объектов природной среды. Обозначенное свойство трудно найти в полном или даже частичном объеме у иных разновидностей традиционных рассматриваемых мер принуждения, которые действуют в области охраны окружающей среды. Не являются исключением и санкции, установленные гражданским законодательством, представляющими собой так называемую имущественную ответственность.

Отсюда следует констатировать: в теории не имеется ограничений для выделения разновидностей юридической ответственности, что может оказать огромное влияние на практику. О существовании в определенной мере самостоятельной формы принуждения в виде экологической ответственности, свидетельствует российское законодательство в лице норм, регулирующих, в частности, лесные отношения. Так, ныне действующий ЛК РФ, в отличие от аналогичного документа 1997 года, не оставил закрытым систему наказаний, налагаемых за невыполнение требований данного источника, предполагая, что кроме традиционных форм принуждения, могут налагаться и иные разновидности юридической ответственности. В ст. 99 этого акта также идет речь и о прочих, не названных в цитируемом законе, разновидностях мер принуждения, которыми могут быть и нетрадиционные формы ответственности. В этом случае не надо исключать непосредственно эколого-правовую ответственность наряду, например, с имущественной ответственностью как традиционной правовой категорией.

Можно говорить и о других различных критериях, позволяющих выделение рассматриваемой категории. Среди них субъекты данной ответственности, обладающие соответствующими правами и обязанностями эколого-процессуального характера. Это, кроме того, наличие многообразных мер воздействия санкционного назначения, их нетрадиционный характер, поскольку ранее они в данной сфере никогда не применялись в качестве таковых. Немаловажным является также фактор ответственности за те полномочия в секторе охраны окружающей среды, которые взяты на себя субъектами вполне добровольно и т.д.

Таким образом, в настоящее время развитие различных форм юридической ответственности, не исключая экологической, предопределено различными обстоятельствами:

– резким ростом числа экологических правонарушений. Это требует применения именно мер восстановительного характера, соответствующих санкций, имеющих правовосстановительную сущность;

– имеющая в определенной степени правовосстановительный характер ответственность, установленная ГК РФ, ограничена в своих возможностях, направленных на восстановление ущерба в анализируемой области отношений. Данная мера не имеет юридически адаптированного инструмента, который способен в полном объеме возместить непосредственно экологический вред;

– иные формы указанных мер принуждения по своей сущности не могут решать задач, связанных с восстановлени-

ем окружающей среды. Их сущность другая – карательная. Перед ними не стоит задач по полному восстановлению экологического вреда и восстановлению соответствующих объектов природы до первоначального состояния;

– все ранее применявшиеся разновидности ответственности не обладают способностью к восстановлению природной среды, как в случаях стихийных бедствий, так и при других чрезвычайных ситуациях.

На основании вышеизложенного вытекает вывод, характерный для экологической ответственности, как самостоятельной разновидности ответственности, а именно, что экологические правонарушения, квалифицируемые как административные или уголовные, являются основанием возбуждения только соответствующих уголовных или административных дел. Следовательно, эти дела, хотя и являются, в сущности, экологическими, но вопрос о возмещении экологического вреда в них не ставится. Более того, доказательства, собранные в процессе расследования, этого не требуют. Потому последствия вредного характера, которые причинены объектам природы, остаются не возмещенными. Природная среда не восстанавливается от того, что лицо, субъект привлечен к уголовной или административной ответственности, но это является причиной и основанием создания особой, отличающейся, новой процессуальной формы ответственности, специально предназначенной для того, чтобы способствовать восстановлению природных объектов, а также возмещению экологического вреда.

Поэтому исследуемая форма правовой ответственности представляет собой новую, нетрадиционную разновидность мер воздействия в рассматриваемой сфере отношений, а предлагаемые теоретические позиции, входящие в представляющую собой новую концепцию представленного института, окажут основательное влияние на изменение мнения о роли и предназначении анализируемой категории и основании применения последней. Причем, только нормы процессуального порядка, закрепленные исключительно в экологическом процессуальном праве способны осуществить применение названной меры воздействия. А само эколого-процессуальное право обладает способностью, связанной с рассмотрением и разрешением соответствующих дел, не исключая иски, вызванные причинением ущерба окружающей среде. Кроме того, только новое указанное процессуальное право создает основу для применения экологической ответственности и послужит надежной гарантией определения, как размеров экологического вреда, так и его полного возмещения, укрепляя, тем самым, механизм, связанный с восстановлением природы. Классические вышеобозначенные меры воздействия также найдут свое выражение, в том числе, в виде решений соответствующих субъектов власти. Указанные методы будут способствовать общим решениям, связанным с рассмотрением экологических исков, как одной из форм действия экологической ответственности. Но для этого требуется изменение политики государства в данной сфере, которое и положит начало созданию соответствующего процессуального законодательства [6, с. 36-43]. При этом, как отрасль законодательства эколого-процессуальное право представляет собой совокупность документов официального характера, принятых соответствующими органами законодательной власти, где содержатся нормы, направленные на регулирование отношений, связанных с установлением оснований привлечения к экологической ответственности и нацеленных на полное возмещение экологического вреда, а также регулирование других различных отношений, входящих в предмет природоохранного и природоресурсного права. В качестве отрасли юриспруденции эколого-процессуальное право представляет собой системную совокупность норм, образующих институты, отраженные в действующем законодательстве, среди которого может быть Эколого-процессуальный кодекс России. Основное направление представленных норм – это регулирование и применение санкций и позиций, отражающих ответственность, которая направлена на полное возмещение экологического вреда. В то же время, как отрасль эколого-процессуальное право в настоящее время не получила надлежащего оформления в нормах российского закона. Однако, это важный элемент развития юриспруденции, регулирующий такие общественные отношения, которые циркулируют в области охраны окружающей среды, наделяя правами и обязанностями соответствующих субъектов по поводу реализации ими эколого-процессуальных норм, основной целью которых является возмещение и предупреждение экологического вреда. Так, обозначенную отрасль можно трактовать в узком плане. В широком понимании, под данной отраслью следует рассматривать – совокупность предписаний процессуального характера, направленных на реализацию материальных норм в области охраны окружающей среды.

Отсюда следует, что экологическая ответственность – основная, центральная, материнская процессуальная форма юридического принуждения, из которой вытекают все другие, можно констатировать, дополнительные формы ответственности, регулирующие отношения в рассматриваемой области.

Указанные разновидности принуждения координируются материнской ответственностью, институтом, основной целью которой является восстановление окружающей среды. Таким образом, данная мера, представляющая собой одну из субстантивных разновидностей юридической ответственности, займет свое подобающее место и станет фундаментальной инстанцией формирующейся науки.

Самостоятельность рассматриваемой дефиниции, несомненно, будет одним из способов совершенствования одноименной отрасли. Если же теоретические начала эколого-правовой ответственности не получат своего дальнейшего развития, то вряд ли такое положение будет способствовать тому, чтобы экологическое право заняло свое верховенствующее положение в области охраны окружающей среды.

Пристатейный библиографический список

1. Анисимов А. П., Устюкова В. В., Чикильдина А. Ю. Эколого-правовая ответственность за причинение вреда окружающей среде: проблемы обоснования // Труды Института государства и права РАН. - 2017. - Т. 12, № 4. - С. 133-161.
2. Гальперин М. Л. Ответственность в современном гражданском судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.15. - СПб.: СПбГУ, 2009. - С.21-22.
3. Духно Н. А. Гарантированное возмещение экологического вреда – путь к полноценной, здоровой жизни каждого // Аграрное и земельное право. - 2012. - № 7. - С. 4-9.
4. Ерофеев Б. В. Экологическое право России. - М., 2005. - С. 364-407.
5. Кулапов В. Л. Теория государства и права: учебник. - М.: КноРус, 2023. - 384 с.
6. Паршаков А. С., Паршаков А. А. К вопросу о квалификации преступлений в современных условиях: военно-транспортный аспект // Транспортное право и безопасность. - 2023. - № 3. - С. 36-43.

АЛИЕВА Сурижат Юсуфовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин, филиал, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Дербенте

БУТАЕВ Мурадали Якубович
кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин, филиал, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Дербенте

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ПРЕСТУПЛЕНИЕ: КОЛЛИЗИИ И ПРОБЕЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются проблемы реализации уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, предусмотренную статьёй 150 УК РФ. Автор анализирует правовые коллизии, особенности квалификации, подследственности и признания несовершеннолетнего потерпевшим, с учётом правовых позиций Конституционного Суда РФ. На основе практики и статистики предложены конкретные меры по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: несовершеннолетний, статья 150 УК РФ, уголовная ответственность, правовая квалификация, потерпевший, подследственность, преступная группа, прямой умысел, Конституционный Суд РФ.

ALIEVA Surizhat Yusufovna
Ph.D. in Law, associate professor of Law and humanities sub-faculty, branch, Dagestan State University, branch in Derbent

BUTAEV Muradali Yakubovich
Ph.D. in Law, associate professor of Law and humanities sub-faculty, branch, Dagestan State University, branch in Derbent

PROBLEMS WITH THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR INVOLVING A MINOR IN A CRIME: CONFLICTS AND GAPS IN LEGISLATION

The article discusses the problems of implementing criminal liability for involving minors in criminal activities under Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author analyzes legal conflicts, the specifics of qualification, jurisdiction, and recognition of a minor as a victim, taking into account the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Based on practice and statistics, the article proposes specific measures to improve criminal and criminal procedural legislation.

Keywords: minor, Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal liability, legal qualification, victim, jurisdiction, criminal group, direct intent, Constitutional Court of the Russian Federation.

Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность рассматривается уголовным законодательством России как самостоятельное преступление, отражённое в ст. 150 УК РФ. Данная норма направлена на охрану интересов несовершеннолетних и предупреждение практики, когда взрослые используют детей и подростков для совершения правонарушений. Законодатель закрепил ответственность за такие деяния ещё в Уголовном кодексе РСФСР и современный УК РФ сохраняет эту линию, устанавливая наказание вплоть до 5 лет лишения свободы за основной состав (ч. 1 ст. 150 УК РФ). При этом на уровне квалифицированных составов ответственность значительно строже: например, вовлечение, совершённое родителем или педагогом либо с использованием сети Интернет, наказывается от 3 до 6 лет лишения свободы; а если преступник применил насилие, вовлёк нескольких детей либо вовсе втянул в преступление ребёнка младше 14 лет, санкция повышается до 9 лет лишения свободы.

Особо квалифицированный состав (ч. 4 ст. 150 УК РФ) наказывает лишением свободы на срок до 10 лет случаи, когда несовершеннолетнего вовлекают в состав преступной группы, в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, в серию из трёх и более преступлений небольшой или средней тяжести либо в преступление экстремистской или иной мотивированной ненавистью направленности.

Применение указанной уголовно-правовой нормы на практике свидетельствует о сохраняющейся актуальности данной криминологической угрозы. Так, в 2024 году к уголовной ответственности по статье 150 УК РФ были привлечены 177 лиц, что указывает на устойчивую тенденцию вовлечения несовершеннолетних в преступную среду. Значительная доля осуждённых подвергнута реальному лишению свободы, в то время как в ряде случаев применены меры условного характера, включая исправительные и обязательные работы. Кроме того, имели место случаи применения принудительных мер медицинского характера, что свидетельствует о наличии в структуре правонарушителей лиц с психическими расстройствами [1].

Вопрос правовой квалификации деяний, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность, продолжает оставаться предметом научной дискуссии и правоприменительной практики.

По мнению К. Ю. Гольденгорна, для квалификации деяния по статье 150 УК РФ необходимо установление факта воздействия со стороны виновного, которое повлекло конкретные действия со стороны несовершеннолетнего. Тем самым категория «вовлечение» в данном составе преступления наполняется правовым содержанием через установление прямого умысла и активного влияния на поведенческую сферу несовершеннолетнего. Указанная позиция акцентирует внимание на том, что ключевым элементом является не просто наличие контакта между субъектами, а реальное изменение поведения несовершеннолетнего под воздействием взрослого лица [2].

Существенный вклад в разработку этой проблемы вносит позиция М. С. Кулешова, акцентирующая внимание на разграничении между фактом совместного участия взрослого и несовершеннолетнего в совершении преступления и непосредственным вовлечением последнего [3].

Как подчёркивает М. С. Кулешов, сам по себе факт соучастия взрослого с несовершеннолетним в преступлении не образует состава, предусмотренного статьёй 150 УК РФ. Квалификация по данной норме возможна лишь при условии,

если будет доказано, что совершеннолетний субъект целенаправленно вовлек несовершеннолетнего в преступную деятельность, применяя при этом способы, прямо указанные в законе либо иные, не исключённые диспозицией статьи, поскольку перечень таких способов не является исчерпывающим. Принципиальным элементом состава является и то обстоятельство, что виновный осознавал возраст привлекаемого им лица.

И. Д. Макарова акцентирует внимание на том, что квалификация деяния по статье 150 УК РФ возможна лишь при наличии установленного факта воздействия, приведшего к определённым действиям со стороны несовершеннолетнего. В этом контексте понятие «вовлечение» получает уголовно-правовое содержание через наличие у субъекта прямого умысла, а также фактического влияния на волевую сферу несовершеннолетнего. Подобное толкование является принципиально важным для точного понимания и надлежащего применения уголовно-правовых норм, ориентированных на защиту молодежи от преступного влияния со стороны взрослых лиц [4, с. 361].

Существенный вклад в толкование статьи 150 УК РФ внес Конституционный Суд Российской Федерации. В Постановлении от 25 мая 2023 года № 26-П был рассмотрен вопрос о признании за несовершеннолетним, вовлечённым в преступление, статуса потерпевшего. Конституционный Суд указал, что несовершеннолетний, подвергшийся криминальному воздействию со стороны взрослого – вне зависимости от способа вовлечения (обман, обещания, угрозы или иные формы воздействия) – фактически становится жертвой самостоятельного посягательства, способного причинить вред его нравственному и психологическому развитию[1].

С момента возбуждения уголовного дела по статье 150 УК РФ наличие такого вреда презюмируется, а значит, вовлечённое лицо должно признаваться потерпевшим, исходя из самого факта причинения ему морального вреда. Конституционный Суд особо подчеркнул, что предоставление несовершеннолетнему лишь статуса свидетеля ограничивает его доступ к правосудию и нарушает его процессуальные права, поскольку свидетель не обладает тем объёмом гарантий, который предусмотрен для потерпевшего. Таким образом, исходя из конституционно-правового смысла статьи 150 УК РФ во взаимосвязи с частью 1 статьи 42 УПК РФ, несовершеннолетний подлежит официальному признанию потерпевшим по факту самого вовлечения в преступную деятельность, независимо от характера и способов такого вовлечения.

Решение Конституционного Суда № 26-П/2023 фактически уже является источником права, обязательным для применения. Тем не менее во избежание сомнений целесообразно отразить его выводы в нормах УК или УПК. Поскольку сам УК РФ не содержит определения потерпевшего, логично было бы дополнить ч. 1. ст. 150 УК примечанием: «Несовершеннолетний, вовлечённый в совершение преступления, считается потерпевшим от преступления, предусмотренного настоящей статьёй». Либо внести поправку в ст. 42 УПК РФ, указав среди оснований признания потерпевшим факт вовлечения лица в преступление в несовершеннолетнем возрасте. В любом случае, такая норма законодательно закрепила бы конституционно-правовой смысл, уже разъяснённый КС РФ, и гарантировала бы полное осуществление прав вовлечённых детей в процессе.

Часть 4 статьи 150 УК РФ относит к особо квалифицированным составам вовлечение несовершеннолетнего, сопряжённое с созданием или участием в организованной преступной группе либо преступном сообществе. Однако на практике нередко встречаются случаи, когда данный квалифицирующий признак вменяется без достаточных оснований. Например, Восьмой кассационный суд по делу № 7У-821/2024 [77-1279/2024] от 22.01.2024 исключил признак вовлечения в преступную группу, выяснив, что на момент действий обвиняемого никакой устойчивой преступной группы не существовало. Осуждённый А. привлёк несовершеннолетнего к незаконной рубке леса, и сначала это было квалифицировано как вовлечение в состав организованной группы. Однако кассация указала: если группа не была заранее создана, то взрослый не мог «вовлекать» в неё – они совершили единичное преступление совместно, но без признаков организованного формирования. В результате квалифицирующий признак был снят, что существенно снизило наказание[2].

Подобные казусы показывают, насколько важно правильно понимать термин «преступная группа» применительно к ст. 150. Вероятно, он охватывает случаи, когда взрослый втягивает подростка именно в постоянную преступную деятельность (банду, ОПГ), а не в разовый соучастный эпизод.

Исходя из обозначенной проблемы – неопределённости термина «преступная группа» в ч. 4 ст. 150 УК РФ и частых ошибок в квалификации из-за отсутствия признаков устойчивого объединения (как показано на примере дела № 77-1279/2024) – необходимо внести конкретизирующее уточнение в пп. «а» ч. 4 ст. 150 УК РФ, чтобы ограничить его применение случаями вовлечения в заранее созданную устойчивую преступную группу, а не в единичный соучастный эпизод.

Предлагаемая редакция подпункта «а» части 4 статьи 150 УК РФ:

«а) в заранее организованную преступную группу, имеющую признаки устойчивости и объединённую единым преступным умыслом;»

Итак, в результате проведённого анализа выявлены существенные проблемы реализации уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность. Автор подчёркивает необходимость точной правовой квалификации таких деяний, а также важность признания вовлечённого ребёнка потерпевшим. Обоснована актуальность законодательного закрепления выводов Конституционного Суда РФ и уточнения понятий, используемых в ст. 150 УК РФ. Предложенные меры направлены на повышение эффективности защиты несовершеннолетних от преступного влияния взрослых.

Пристатейный библиографический список

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 г. – М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД Российской Федерации». – 63 с.
2. Гольденгорн К. Ю. Проблемы уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений // Актуальные исследования. – 2024. – № 36. – С. 34-38.
3. Кулешов М. С. О некоторых особенностях и проблемах квалификации вовлечения несовершеннолетнего лица в совершение преступления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 12-2. – С. 215-218.
4. Макарова И. Д. Вовлечение в преступление несовершеннолетних и иные антиобщественные деяния // Молодой ученый. – 2023. – № 19 (466). – С. 361-363.

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М. В. Золотаревой и В. В. Фроловой». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Решение Восьмого Кассационного суда общей юрисдикции по делу № 7У-821/2024 [77-1279/2024] от 22.01.2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из базы судебных дел «Репутация».

АЛИЕВА Диана Нурмагомедовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

МАГОМЕДОВ Магомед Русланович
магистрант 2-го курса, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала; независимый исследователь

НАКАЗАНИЕ И ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА КАК ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье проводится комплексный анализ правовой природы альтернативных мер уголовно-правового воздействия в контексте современной системы уголовной ответственности. Авторы обосновывают концепцию, согласно которой данные меры, несмотря на различия в процедуре применения, обладают той же юридической природой, что и традиционные уголовные наказания. Доказывается, что данные меры не являются смягченной формой ответственности, а представляют собой полноценный элемент единой системы уголовно-правового воздействия. В статье аргументируется тезис о взаимодополняющем характере альтернативных мер и классических наказаний, позволяющем оптимизировать процесс индивидуализации уголовной ответственности с учетом личности виновного и характера совершенного деяния.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, наказание, юридическая ответственность, законодательство.

ALIEVA Diana Nurmagomedovna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala

MAGOMEDOV Magomed Ruslanovich
magister student of the 2nd course, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala; independent researcher

FORMS OF IMPLEMENTATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY: PUNISHMENT AND OTHER MEASURES OF A CRIMINAL-LEGAL NATURE

The article provides a comprehensive analysis of the legal nature of alternative measures of criminal-legal influence in the context of the modern system of criminal liability. The authors substantiate the concept that these measures, despite the differences in the procedure for application, have the same legal nature as traditional criminal penalties. It is proved that these measures are not a mitigated form of liability, but represent a full-fledged element of a single system of criminal-legal influence. The article argues the thesis about the complementary nature of alternative measures and classical punishments, which allows optimizing the process of individualization of criminal liability taking into account the personality of the perpetrator and the nature of the committed act.

Keywords: crime, criminal liability, punishment, legal liability, legislation.

Уголовно-правовая доктрина, базируясь на положениях ч. 2 ст. 2 УК РФ, исходит из того, что современная система мер государственного принуждения в уголовном праве включает два взаимосвязанных элемента: традиционные виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера. Такое законодательное решение отражает эволюцию уголовной политики, направленную на расширение инструментария правового воздействия при сохранении принципа неотвратимости ответственности.

Институт наказания подробно регулируется в действующем уголовном законодательстве, что можно проследить в главах 9 и 10, а также в других правовых нормах УК РФ. Статья 43 УК РФ определяет уголовное наказание как меру государственного принуждения, назначаемую судом. Это означает, что уголовное наказание в первую очередь является формой государственного воздействия, которая применяется по решению суда и проявляется в ограничении или лишении прав и свобод осужденного.

Важно отметить, что наказание в своем существе является формой принуждения, поскольку его назначение и исполнение происходят вопреки воле осужденного. В определении, приведенном в статье 43 УК РФ, отражены ключевые свойства уголовного наказания, которые позволяют выделить его основные характеристики: оно является мерой государственного принуждения, назначается исключительно судебным органом, применяется к лицам, признанным виновными в совершении преступных деяний, и обладает личностным (индивидуальным) характером. Уголовное наказание включает в себя лишение или ограничение прав и свобод виновного лица, и, по мнению некоторых юристов, к его признакам иногда добавляется и судимость [4, с. 173].

В научной литературе отсутствует единая трактовка сущности уголовного наказания, что порождает множественность научных интерпретаций данного института. Среди существующих концепций особого внимания заслуживает понимание наказания как комплексного правового явления, сочетающего несколько взаимосвязанных характеристик, что приводит к восприятию данного института как сложного социально-правового механизма, сочетающего элементы принуждения, воспитания и восстановления.

С одной стороны, наказание представляет собой исключительную прерогативу государства в сфере применения мер принудительного воздействия, отличающихся максимальной степенью репрессивности в сравнении с иными мерами

уголовно-правового характера. С другой стороны, оно выступает как специфическая форма государственной реакции на совершенное преступление, направленная на восстановление нарушенного правопорядка и социальной справедливости.

Особую значимость приобретает рассмотрение наказания через призму его воздействия на осужденного. В данном контексте оно предстает как совокупность установленных законом правоограничений, предполагающих не только лишения материального характера, но и глубокие психологические последствия, включая нравственные страдания и утрату определенных социальных возможностей. При этом современная уголовно-правовая теория все чаще акцентирует внимание на двойственной природе наказания, которое, помимо карательной функции, призвано обеспечивать предупреждение новых преступлений и способствовать ресоциализации правонарушителя [2, с. 10].

В целом, можно выделить несколько основных характеристик уголовного наказания. Прежде всего, оно применяется только к лицам, признанным виновными в совершении преступления, что подчеркивает его личный характер. Также важно отметить, что наказание является мерой государственного принуждения, что свидетельствует о его связи с деятельностью государства, направленной на поддержание законности и порядка. Правовая природа наказания заключается в лишении или ограничении прав и свобод осужденного. Решение о назначении наказания принимает только суд, что подчеркивает важность судебной системы. Наконец, назначение наказания влечет за собой судимость, что является важным аспектом уголовно-правового регулирования [5, с. 127].

Упоминание иных мер уголовно-правового характера наряду с наказанием в уголовном законодательстве указывает на их единство в категориальном и логическом смысле. Это означает, что правосудие может влиять на преступника не только через наказание, но и с помощью других средств, не имеющих статуса наказания. При этом действующий уголовный закон не предлагает четких определений для понятий «мера уголовно-правового характера» и «иная мера уголовно-правового характера». Это отсутствие четких определений создает пространство для множественных интерпретаций и выражения различных точек зрения касательно их сути и практического применения. В результате этого открыта возможность для разнообразия мнений, что может затруднять как понимание этих понятий, так и их внедрение в юридическую практику.

Обсуждения, касающиеся юридической природы, оснований для применения, различных видов мер, а также их наименований, имеют не только важное теоретическое значение, но и глубокое практическое значение. Эти вопросы являются ключевыми, поскольку их решение непосредственно влияет на понимание и интерпретацию статей и норм уголовного законодательства, в рамках которых данные меры применяются.

В самом широком смысле меры уголовно-правового характера можно охарактеризовать как средства воздействия, направленные на лица, которые совершили преступления, и эти меры основаны на нормах, установленных уголовным законом. Таким образом, любое полное и тщательное рассмотрение данных вопросов важно не только для теоретических исследований, но и для практической реализации уголовно-правовых норм, что в конечном итоге может повлиять на правоприменение и соблюдение принципов правосудия.

Слово «иной», согласно современному русскому словарю, означает «другой, не этот», что подчеркивает различие между наказанием и другими мерами. Наиболее полное определение таких мер уголовно-правового характера рассматривает их как альтернативные меры, предусмотренные Общей частью УК РФ и назначаемые по обвинительному приговору суда либо в процессе исполнения наказания. Эти меры, также называемые средствами, включают в себя государственное порицание, как самого преступления, так и лица, его совершившего. В большинстве случаев последствия проявляются в виде ограничений прав, которые не имеют карательного характера.

Эти меры представляют собой важную часть системы уголовного права, так как они сосредоточены на реабилитации и интеграции лица в общество, а не только на наказании. Это позволяет более эффективно предотвращать рецидив и способствует преобразованию осужденного в члена общества, способного к соблюдению законов.

В современной теории уголовного права к числу общих признаков, которые разделяют уголовное наказание и иные меры уголовно-правового характера, можно отнести их нормативность; то есть, они имеют предписание, закрепленное в законе. Они также выступают как последствия уголовной ответственности, применяются по отношению к лицам, совершившим общественно опасные деяния, которые находятся под запретом закона. Эти меры являются формой государственного принуждения и применяются от имени государства, что подтверждает их значимость для поддержания порядка и законности в обществе.

Государство выражает отрицательную оценку, как в отношении преступных действий, так и в отношении лиц, их совершивших, что является неотъемлемой частью таких мер. Кроме того, им присуща особая процессуальная форма, которая характеризует оценку со стороны государства. Проведенное исследование позволяет утверждать, что альтернативные меры уголовно-правового воздействия, как и традиционные наказания, предполагают государственное принуждение, выражающееся в законодательно закрепленных ограничениях (личных, имущественных или иных прав). Данное сходство подчеркивает их общую правовую природу, несмотря на различия в степени репрессивности и процессуальном порядке применения. Следовательно, для формирования целостной доктрины уголовной ответственности требуется комплексное изучение всех форм государственного реагирования на преступления, включая альтернативные санкции.

Между наказанием и иными мерами уголовно-правового характера можно выделить значительно большее количество отличий. Применение иных мер уголовно-правового характера обусловлено не только фактом совершения преступления, но и иными юридически значимыми обстоятельствами. К их числу относятся совершение деяния, обладающего признаками общественной опасности, даже при отсутствии полного состава преступления (в случаях, предусмотренных Особенной частью УК РФ), либо нахождение в собственности имущества, подлежащего конфискации на основании ст. 104.1 УК РФ [1]. При этом если уголовное наказание неизбежно предполагает реализацию ответственно-

сти, то альтернативные меры могут применяться вне рамок уголовно-правового преследования, что свидетельствует об их особом процессуальном статусе. Например, это может произойти в тех ситуациях, когда лицо, совершившее общественно опасное деяние или преступление, на основании законных оснований не подлежит уголовной ответственности или может быть от нее освобождено.

Кроме того, уголовное наказание применяется исключительно к тем лицам, которые являются субъектами уголовной ответственности. Это означает, что только те, кто совершил преступление и признан в этом виновным, могут подвергаться уголовным наказаниям. В отличие от этого, иные меры уголовно-правового характера могут быть использованы как в отношении субъектов уголовной ответственности, так и в отношении лиц, которые по различным причинам не попадают в эту категорию. Это расширяет возможности применения мер, поскольку затрагивает не только тех, кто уже вовлечен в уголовный процесс, но и других, чьи действия или ситуации могут также повлечь за собой необходимость применения правовых норм [3, с. 43].

Система уголовных наказаний имеет четкие и фиксированные рамки, которые зафиксированы в уголовном законодательстве. Эти рамки позволяют точно определить, какое наказание применяется за конкретные преступления, и обеспечивают ясность в процессе правоприменения. В то время как система иных мер уголовно-правового характера остается недостаточно сформированной и недостаточно четко обозначенной в законодательных актах. Эти меры могут встречаться в различных статьях Уголовного кодекса Российской Федерации, что приводит к их менее структурированному и систематизированному характеру. Это создает трудности в понимании и применении данных мер, так как они могут быть распределены по различным частям законодательства, без ясного обозначения их места и роли в уголовно-правовой системе.

Существенным отличием между различными формами уголовно-правового реагирования на преступление является то, что карательная функция мер уголовно-правового характера значительно ограничена по сравнению с наказанием. Законодатель изначально определяет, что карательный потенциал этих мер минимизирован и имеет дополнительный характер. Конкретные виды, сроки и размеры наказания изложены в санкциях уголовно-правовых норм, содержащихся в статьях Особенной части УК РФ, в то время как меры уголовно-правового характера задействованы лишь в статьях Общей части УК РФ.

Причины назначения иных мер уголовно-правового характера могут существенно отличаться от оснований для назначения наказания. Например, осуждение лица и назначение ему наказания автоматически приводит к возникновению судимости, в то время как применение иных мер уголовно-правового характера не влечет за собой такого последствия. Обобщив все вышеизложенное, можно заключить, что между наказанием и иными мерами уголовно-правового характера наблюдаются более значительные различия, чем сходства. Вместе с тем, обе эти категории представляют собой основные формы реализации уголовной ответственности, и понимание их сущности невозможно без учета характеристик уголовной ответственности и самого наказания.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.
2. Дворянсков И. В. Институт наказания в перспективе развития уголовной политики России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2020. - № 9. - С. 10-17.
3. Лапшин В. Ф., Килимбаев Р. В. Современные формы реализации уголовной ответственности и их соответствие принципу справедливости // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. - 2019. - № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-formy-realizatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti-i-ih-sootvetstvie-printsipu-spravedlivosti.
4. Санташов А. Л. Система и виды наказаний в уголовном законодательстве России: вопросы и ответы // Журнал прикладных исследований. - 2023. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-i-vidy-nakazaniy-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rossii-voprosy-i-otvety.
5. Сверчков В. В. Наказание и другие меры уголовно-правового воздействия: учебник для вузов. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 360 с.

АХМАДОВ Фарходжон Садриддинович
аспирант, Международный институт информатизации и государственного управления имени П. А. Столыпина, г. Москва

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ В СТРАНАХ БРИКС: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Актуальность исследования заключается в том, что уголовно-правовая наука в странах БРИКС развивается на фоне многообразия правовых традиций и общих вызовов глобализации, что формирует уникальную правовую среду.

Целью исследования является рассмотрение теоретических подходов и практических аспектов развития уголовно-правовой науки в странах БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР).

Задачами исследования являются: анализ влияния многообразия правовых традиций, социально-экономических факторов и конституционных принципов на формирование уголовного законодательства и судебной практики; выявление теоретических подходов в регионе, сочетающих карательные, превентивные и процессуальные функции уголовного права, отражающие национальные особенности и международные тенденции.

При написании статьи использованы следующие методы: сравнительно-правовой метод; формально-юридический метод; системно-структурный метод, анализ доктринальных и эмпирических данных, правовое моделирование. Выбор данных методов обусловлен необходимостью комплексного и междисциплинарного подхода к исследованию уголовно-правовой науки в многообразном регионе БРИКС. Сравнительно-правовой анализ позволяет учитывать национальные особенности, а формально-юридический и системно-структурный методы обеспечивают глубокое понимание правовых норм и институтов. Анализ доктринальных и эмпирических данных помогает связать теорию с практикой, а правовое моделирование – выработать конкретные рекомендации для развития уголовного права на национальном уровне.

По итогу проведенного исследования были сформулированы следующие выводы: практические решения должны быть направлены на цифровизацию уголовного судопроизводства, развитие международного сотрудничества и борьбу с транснациональной преступностью, что требует постоянного обновления нормативной базы и научного осмысления.

Ключевые слова: уголовно-правовая наука, страны БРИКС, континентальная правовая система, цифровизация уголовного судопроизводства, гармонизация законодательства, транснациональная преступность.

AKHMADOV Farkhodjon Sadriddinovich
postgraduate student, P. A. Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, Moscow

DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW SCIENCE IN THE BRICS COUNTRIES: THEORETICAL APPROACHES AND PRACTICAL CONCLUSIONS

The relevance of the research lies in the fact that criminal law science in the BRICS countries is developing against the background of a variety of legal traditions and common challenges of globalization, which forms a unique legal environment.

The purpose of the study is to consider theoretical approaches and practical aspects of the development of criminal law science in the BRICS countries (Brazil, Russia, India, China, South Africa).

The objectives of the research are: to analyze the influence of a variety of legal traditions, socio-economic factors and constitutional principles on the formation of criminal legislation and judicial practice; to identify theoretical approaches in the region that combine punitive, preventive and procedural functions of criminal law, reflecting national characteristics and international trends.

The following methods were used in writing the study: comparative legal method; formal legal method; system-structural method, analysis of doctrinal and empirical data, legal modeling. The choice of these methods is conditioned by the need for an integrated and interdisciplinary approach to the study of criminal law science in the diverse BRICS region. Comparative legal analysis allows taking into account national peculiarities, while formal legal and system-structural methods provide a deep understanding of legal norms and institutions. The analysis of doctrinal and empirical data helps to link theory with practice, and legal modeling helps to develop specific recommendations for the development of criminal law at the national level.

Based on the results of the study, the following conclusions were formulated: practical solutions should be aimed at digitalizing criminal proceedings, developing international cooperation and combating transnational crime, which requires constant updating of the regulatory framework and scientific understanding.

Keywords: criminal law science, BRICS countries, continental legal system, digitalization of criminal proceedings, harmonization of legislation, transnational crime.

Развитие уголовно-правовой науки в странах БРИКС представляет собой важное направление современного юридического исследования, обусловленное экономическим ростом, социально-политическими трансформациями и глобализационными процессами. Бразилия, Российская Федерация (далее – Россия), Индия, Китайская Народная Республика (далее – Китай) и Южно-Африканская Республика (далее – ЮАР), входящие в БРИКС, обладают уникальными правовыми системами, каждая из которых формировалась под влиянием исторических, культурных и институциональных факторов. В то же время все без исключения страны БРИКС сталкиваются с общими вызовами – борьбой с коррупцией, организованной преступностью, необходимостью обеспечения прав человека и адаптацией уголовного права к новым технологическим реалиям.

В этих условиях уголовно-правовая наука развивается как в теоретическом, так и в прикладном аспектах, что требует комплексного анализа национальных подходов и выявления общих тенденций. Особое внимание необходимо уделить и сравнительно-правовому исследованию, цифровизации уголовного судопроизводства, внедрению примирительных процедур и гармонизации в соответствии с международ-

ными стандартами. Исходя из вышесказанного, в контексте настоящего исследования особую актуальность приобретает систематизация теоретических подходов и формулирование практических выводов, способствующих совершенствованию уголовно-правового регулирования в странах БРИКС.

Для более глубокого понимания особенностей развития уголовно-правовой науки в странах БРИКС необходимо рассмотреть основные теоретические подходы, которые лежат в основе формирования национальных уголовно-правовых систем и отражают специфику каждого государства.

Так, страны БРИКС представляют собой уникальное сочетание различных правовых систем и традиций, что существенно влияет на формирование и развитие уголовного права. Россия и Китай, например, базируются на континентальной правовой системе, характеризующейся кодификацией норм и детальным законодательным регулированием уголовной ответственности. В то же время Индия и ЮАР используют смешанные правовые системы, где сочетаются элементы общего (прецедентного) права с континентальными правовыми традициями. Бразилия, несмотря на то, что относится к континентальной правовой системе, обладает уникальными особенностями, обусловленными историей и социальным строем страны.

Указанное многообразие способствует развитию сравнительно-правового анализа, который позволяет выявлять общие принципы уголовного права, адаптированные к специфике каждой страны и региона в целом. В правовой литературе по данному поводу отмечается, что понимание различий и сходств в правовых системах способствует укреплению сотрудничества и обмену опытом между странами, а также формированию гибридных моделей уголовного права, учитывающих национальные традиции и международные стандарты [2]. С указанным мнением нельзя не согласиться, поскольку многообразие создаёт сложность при формировании единой правовой модели и требует развития сравнительно-правового анализа, который помогает выявить общие принципы и адаптировать их к национальным особенностям. Аналогичного мнения придерживаются и эксперты в области права. Так, Л. Михеева, секретарь Общественной палаты России, подчёркивает, что разнообразие правовых систем требует поиска общих правовых принципов и эффективных механизмов разрешения трансграничных споров, что особенно важно для экономического сотрудничества в рамках БРИКС [9].

Таким образом, многообразие правовых традиций в странах БРИКС не только отражает их историческую и культурную специфику, но и стимулирует поиск новых интегративных моделей, способных обеспечить эффективное международное сотрудничество с учётом национальных особенностей и глобальных вызовов.

Теперь акцентируем внимание на том, как социально-экономические факторы оказывают влияние на развитие уголовно-правовой науки в странах БРИКС. Уголовно-правовые нормы в странах БРИКС формируются с учётом социально-экономических условий: уровня экономического развития, масштабов коррупции, социальной структуры и политической системы. Борьба с экономическими преступлениями, коррупцией и организованной преступностью является приоритетом для всех стран-участниц БРИКС.

В правовой литературе подчёркивается необходимость создания гибких и эффективных уголовно-правовых механизмов, способных адекватно реагировать на вызовы современной экономики, включая транснациональные преступления и финансовые махинации [7], [8]. Также важным аспектом является международное сотрудничество в борьбе с наркопреступностью и другими формами организованной преступности, что требует унификации правовых норм и создания совместных механизмов правоприменения.

Государства БРИКС активно совершенствуют свои уголовные законодательства и усиливают международное сотрудничество, направленное на пресечение деятельности организованных преступных формирований. Например, Россия адаптирует своё законодательство к требованиям Палермской конвенции, Китай ввёл в 2022 году специализированный закон о борьбе с организованной преступностью, а Бразилия и ЮАР модернизируют свои нормативные базы с учётом криминологических особенностей [4], [5].

Ключевым элементом эффективной борьбы является международное сотрудничество, поскольку расследование транснациональных преступлений требует совместных усилий правоохранительных органов разных стран для сбора доказательств, выдачи преступников и конфискации преступных доходов. Без указанного сотрудничества невозможно добиться реальных результатов в противодействии транснациональной преступности. Таким образом, создание гибких уголовно-правовых механизмов в странах БРИКС – это комплексный процесс, включающий законодательные реформы, развитие международного сотрудничества и внедрение современных технологий, что позволяет адекватно отвечать на современные вызовы, обеспечивать эффективное правосудие и развитие уголовно-правовой науки [11], [12].

В развитии уголовно-правовой науки в странах БРИКС большое значение уделяется соблюдению конституционных гарантий и международных стандартов прав человека. Наблюдается тенденция к гармонизации национального уголовного законодательства с международными нормами, что отражается в законодательных реформах и судебной практике, и активно обсуждается в правовой теории.

Как отмечают участники научных форумов и конференций, таких как круглый стол «Правосудие и примирительные процедуры в странах БРИКС» (2024) [10], важным является баланс между обеспечением безопасности общества и защитой прав личности. При этом в правовой литературе подчеркивается, что уголовное право должно развиваться с учётом конституционных принципов и международных обязательств, что способствует укреплению правового государства и доверия к судебной системе [1], [3], [6].

Таким образом, развитие уголовно-правовой науки в странах БРИКС строится на принципах конституционализма и международного права, что отражается в законодательстве, судебной практике и научных дискуссиях, направленных на выработку общих подходов к защите прав и свобод человека.

Отдельное внимание в части развития уголовно-правовой науки необходимо уделить и вопросам цифровизации уголовного судопроизводства. В последние годы цифровизация уголовного судопроизводства стала одним из ключевых направлений развития правовых систем стран БРИКС, открывая новые возможности для повышения эффективности, прозрачности и доступности правосудия. Россия и Китай выступают лидерами в этом процессе, задавая стандарты цифровой трансформации, которые постепенно перенимают и другие государства объединения.

Цифровизация уголовного судопроизводства тесно связана с развитием уголовно-правовой науки в странах БРИКС, поскольку она меняет традиционные подходы к отправлению правосудия, стимулируя научное осмысление новых технологий и их влияния на уголовно-правовые институты. Внедрение электронных доказательств, дистанционных судебных процессов и автоматизации процедур требует разработки новых теоретических моделей, регулирующих допустимость и оценку цифровых данных, а также пересмотра процессуальных норм с учётом цифровых реалий.

Кроме того, цифровизация способствует расширению международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве, что становится предметом изучения в уголовно-правовой науке. Совместные инициативы стран БРИКС по обмену опытом, внедрению искусственного интеллекта и созданию цифровых платформ для взаимодействия правоохранительных и судебных органов стимулируют развитие сравнительно-правовых исследований и формирование новых научных концепций, адаптирующих уголовное право к глобальным вызовам.

В правовой литературе подчеркивается, что цифровизация повышает доступность и прозрачность правосудия, что требует от учёных разработки теоретических основ для оценки рисков и преимуществ цифровых технологий в уголовном процессе. Это включает вопросы защиты персональных данных, обеспечения справедливого судебного разбирательства

и предотвращения злоупотреблений при использовании цифровых инструментов.

Таким образом, цифровизация уголовного судопроизводства выступает драйвером развития уголовно-правовой науки в странах БРИКС, способствуя формированию новых теоретических подходов, практических рекомендаций и законодательных инициатив, направленных на эффективное и справедливое правосудие в условиях цифровой трансформации.

Анализ теоретических подходов по вопросам развития уголовно-правовой науки в странах БРИКС позволяет сделать ряд основополагающих практических выводов. Так, во-первых, развитие уголовно-правовой науки в странах БРИКС требует комплексного подхода, учитывающего как международные стандарты, так и национальные особенности правовых систем. В первую очередь, необходимо продолжать гармонизацию уголовного законодательства с международными нормами, что позволит обеспечить единообразие подходов к квалификации преступлений и мерам уголовной ответственности. При этом важно сохранять национальные правовые традиции и особенности, чтобы законодательство оставалось адекватным социально-культурному контексту каждой страны. Такой баланс способствует укреплению правового государства и повышению доверия общества к системе уголовного правосудия.

Во-вторых, внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство требует разработки комплексных нормативных актов, регулирующих использование электронных доказательств, дистанционных судебных процессов и автоматизации процедур. Помимо технических аспектов, необходимы этические стандарты, направленные на защиту прав участников процесса, обеспечение неприкосновенности персональных данных и предотвращение злоупотреблений. Разработка таких норм должна опираться на междисциплинарные исследования, объединяющие уголовное право, информационные технологии и этику.

В-третьих, усиление межгосударственного сотрудничества в сфере экстрадиции, обмена информацией и совместных расследований является ключевым фактором эффективного противодействия транснациональной преступности. Страны БРИКС должны развивать механизмы оперативного взаимодействия правоохранительных органов, создавать совместные базы данных и стандартизированные процедуры обмена информацией. Это позволит повысить скорость и качество расследований, а также обеспечить справедливое и своевременное привлечение к ответственности.

В-четвертых, развитие научных школ и обмен опытом между странами БРИКС способствует формированию современных теоретических подходов и практических рекомендаций. Совместные научные проекты, конференции и публикации стимулируют интеграцию знаний и выработку эффективных решений, адаптированных к вызовам цифровой эпохи и глобализации. Активное взаимодействие учёных и практиков способствует не только развитию уголовно-правовой науки, но и совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

По итогу проведенного исследования можно сформулированы следующие выводы:

1. Уголовно-правовая наука в странах БРИКС развивается на фоне многообразия правовых традиций и общих вызовов глобализации, что формирует уникальную правовую среду. Теоретические подходы в регионе сочетают карательные, превентивные и процессуальные функции уголовного права, отражая национальные особенности и международные тенденции. Практические решения направлены на цифровизацию уголовного судопроизводства, развитие международного сотрудничества и борьбу с транснациональной преступностью, что требует постоянного обновления нормативной базы и научного осмысления.

2. Перспектива дальнейшего развития связана с интеграцией национальных правовых систем и выработкой единых стандартов, которые позволят повысить эффективность уголовного правосудия в регионе, обеспечить защиту прав и свобод личности, а также укрепить сотрудничество между странами БРИКС. Такой подход создаст основу для устойчивого развития уголовно-правовой науки и практики, способствуя формированию справедливой и эффективной системы уголовного правосудия в условиях цифровой трансформации и глобальных вызовов.

Пристатейный библиографический список

1. Ануфриева Л. П. БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. - 2019. - № 12. - С. 123-133.
2. Гринько И. И. Сравнительный анализ правосудия стран-участниц БРИКС: конституционно-правовые вопросы // Вестник Волгоградского института бизнеса. - 2024. - С. 219-221.
3. Каюшникова Ю. Е. Сравнительно-правовой анализ особенностей национального законодательства в сфере охраны окружающей среды в странах БРИКС // Вестник Волгоградского института бизнеса. - 2016. - № 2 (35). - С. 226-231.
4. Клевцов К. К. Международно-правовое регулирование сотрудничества государств по делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Наркоконтроль. - 2023. - № 1. - С. 29-33.
5. Кузнецова Т. В., Мадоян М. Р. Особенности уголовного законодательства в странах БРИКС // Тенденции развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Махова Вадима Николаевича. - 2016. - С. 280-287.
6. Марусин И. С. Транснациональная организованная преступность и противодействие ей с помощью новых форм международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Вестник СПбГУ. - 2015. - № 4. - С. 27-28.
7. Морозова Ю. А. Международное сотрудничество стран-участников БРИКС в рамках цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник ЮУрГУ. - 2022. - Т. 22, № 1. - С. 30-34.
8. Постоева Е. А. Борьба с транснациональной организованной преступностью в государствах БРИКС // Мировой судья. - 2023. - № 11. - С. 2-8.
9. Сравнительное правоведение и политэкономия будущего развития БРИКС // LegalForum.info. – 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalforum.info/news/sravnitelnoe-pravovedenie-i-politekonomija-buduschego-razvitija-briks/ (дата обращения: 13.06.2025).
10. Страны БРИКС обменялись опытом цифровизации в борьбе с киберпреступностью // Ведомости. – 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/06/20/1044966-strani-briks-obmenyalis-opitom-tsifrovizatsii-v-borbe-s-kiberprestupnostyu (дата обращения: 13.06.2025).
11. Тесленко А. В. Уголовно-правовое противодействие антиконкурентным соглашениям в странах БРИКС // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. - 2023. - № 3 (67). - С. 3-12.
12. Хохлов Е. Е. Роль международных структур в борьбе с незаконным оборотом наркотиков // Научный портал МВД России. - 2020. - № 2 (50). - С. 111-121.

БАРВИНСКАЯ Юлия Сергеевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и криминалистики, Луганский филиал, Воронежский институт МВД России

Барвинская Ю. С.

О ПОНЯТИЯХ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЦИНИЗМА И ОСОБОЙ ДЕРЗОСТИ В СОСТАВЕ ХУЛИГАНСТВА

Статья посвящена преступному деянию, посягающему на общественный порядок, в виде хулиганства, а также его характеристике через раскрытие уголовно-правовых признаков. Осуществлен теоретический анализ таких признаков, как «грубое нарушение общественного порядка», «исключительный цинизм», «особая дерзость». Выработана авторская позиция о необходимости совершенствования диспозиции нормы, определяющей признаки уголовно наказуемого хулиганства, путем включения в основной состав хулиганства, дополнительных квалифицирующих признаков, таких как «исключительный цинизм» и «особая дерзость», как указание на повышенный уровень общественной опасности в совершении хулиганских актов.

Ключевые слова: уголовная ответственность, хулиганство, общественный порядок, грубое нарушение общественного порядка, явное неуважение к обществу, исключительный цинизм, особая дерзость.

BARVINSKAYA Yuliya Sergeevna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminalistics sub-faculty, Lugansk branch, Voronezh Institute of the MIA of Russia

ABOUT THE CONCEPTS OF EXCEPTIONAL CYNICISM AND SPECIAL AUDACITY IN THE COMPOSITION OF HOOLIGANISM

The article is devoted to a criminal act that encroaches on public order in the form of hooliganism, as well as its characterization through the disclosure of criminal law signs. The theoretical analysis of such signs as «gross violation of public order», «exceptional cynicism», «special audacity» is carried out. The author's position on the need to improve the disposition of the norm defining the signs of criminally punishable hooliganism has been developed, by including additional qualifying signs in the main structure of hooliganism, such as «exceptional cynicism» and «special audacity», as an indication of an increased level of public danger in committing hooligan acts.

Keywords: criminal liability, hooliganism, public order, gross violation of public order, obvious disrespect for society, exceptional cynicism, special audacity.

Общепризнанным является конституционное положение о том, что человек, его права и свободы являются наивысшей ценностью и обязанность государства их соблюдать (ст. 2 Конституции Российской Федерации)[1]. В случае нарушения прав и свобод человека, государство должно предпринимать все доступные меры по привлечению к юридической ответственности правонарушителей. Однако, государство, наравне с обеспечением прав и свобод личности обязано обеспечивать и иные ценности общества и государства, такие как нормальное функционирование государственного аппарата, национальную безопасность, общественный порядок и общественную безопасность.

Объекты уголовно-правовой охраны, признанные наиболее ценными для общества и государства, иерархично построены в уголовном законе в следующем порядке: права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй Российской Федерации (ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации – далее УК РФ)[2].

Нередки случаи, когда лицами совершаются общественно опасные деяния, которые посягают не только на основной непосредственный объект, но затрагиваются при этом косвенно и другие общественные отношения, наносится им вред. Лица, совершающие хулиганские действия стремятся дестабилизировать не только общественный порядок, разлагают при этом нормальное функционирование гражданского общества, но и ущемляют права и законные интересы граждан. В дополнение вред может причиняться здоровью человека, его имуществу, достаточно грубо попираться моральные и этические нормы, нравственность, особенно когда хулиганские действия сопровождаются исключительным цинизмом или дерзостью.

Уголовно-правовое понятие хулиганства давно определено законодателем через диспозицию части 1 статьи 213 УК РФ в виде грубого нарушения общественного порядка, проявляющегося явным неуважением к обществу, характеризируя через элементы состава преступления: 1) способа совершения - с применением насилия к гражданам либо угрозой его применения; 2) через мотив преступления - по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; 3) место совершения - на железнодорожном, мор-

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.05.2025).

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 11.05.2025).

ском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования[3].

Исходя из конструкции части первой, уже можно сделать вывод, что диспозиция ст. 213 УК РФ сложная и неоднозначная. Определение состава хулиганства содержит ряд оценочных признаков, которые в научной литературе являются спорными и требуют дополнительного разъяснения. Например, каким образом судебная практика расценивает грубое нарушение общественного порядка, какие действия могут быть признаны противоправными, что признается «явным неуважением к обществу» и какие нормы устанавливают такие пределы, что есть нормально или не нормально в конкретном обществе. Кроме этого, часто хулиганские действия часто сопровождаются насилием, или угрозой его применения, преступники часто используют оружие или предметы, используемые в качестве оружия.

Хулиганство, как социальное явление, может проявляться абсолютно по разному, начиная от действий включающие признаки мелкого хулиганства, до хулиганства, которое явно попирает все общепринятые нормы, демонстрирующее явное пренебрежение, как к отдельным лицам (группе лиц), так и ко всему обществу, совершенное способом, которое не вписывается ни в какие рамки понимания, являются аморальными и оскорбительными для окружения.

Новостные ленты периодически пестрят заголовками об «аморальных», «циничных» хулиганствах. В 2018 году в г. Санкт-Петербург задержаны двое молодых людей (возраст 20 лет и 32 года), которые пытались «оседлать» статую «Медного всадника». На этом молодые люди не успокоились, и установили сверху мангал с углем, и пытались его разжечь. Правонарушители отделались административным штрафом за мелкое хулиганство[4]. Более строгое наказание получил житель г. Орск за демонстрацию интимных мест проходившим мимо детям, на центральной улице города. Мужчине назначено наказание в виде лишения свободы на срок 3,6 лет[5]. Можно сказать, что такие действия не только являются противоправными, но и проявляются с явным пренебрежением к членам общества, сопровождаются бесстыдством, хамством и эгоцентризмом.

Конструкция состава хулиганства содержит в себе аксиологические признаки - «грубое нарушение общественного порядка», «явное неуважение к обществу», использование которых могут вызывать ошибки в правоприменении и процессе квалификации. Если вернуться к законодательному определению хулиганства, можно прийти к выводу, что при осуществлении уголовного судопроизводства уяснение неточностей в данных понятиях останется на субъективном восприятии правоохранительных органов и судов. При их толковании, установление какие именно действия серьёзно нарушали общественный порядок, судьи будут исходить из совокупности действий лица, его мотивов, способа совершения преступления и т.д.

В научной среде в кругах ученых не существует единообразного мнения, что понимается под явным неуважением к обществу. В. Е. Батюкова определяет это явление, как нарушение общественного строя, нормального жизненного уклада, нормального функционирования деятельности предприятий и организаций, при этом посягательство на общественные отношения создают угрозу причинения вреда интересам граждан, их жизни и здоровью или имуществу, вселяя тем самым в души людей страхи, чувство беспокойства по поводу своих интересов, в том числе посягательство на честь, достоинство и личную неприкосновенность [2, с. 9]. Другие, трактуют явное неуважение к обществу, как пренебрежительное отношение к установленным моральным нормам в обществе, самоутверждение лица среди других лиц, желание заявить о себе таким образом [1, с. 96]. То есть, классическое понимание хулиганства кроется в желании лица противопоставить себя обществу, выражающееся в явном пренебрежении нормам и ценностям, сформировавшимся в этом обществе.

Но как действовать правоприменителю, когда совершаются такие формы хулиганских действий, которые имеют повышенную общественную опасность и не вписываются в стандартное нарушение установленного порядка в обществе. Определяя уголовную ответственность, законодатель, при конструировании нормы, не учел действия, которые совершаются из хулиганских побуждений, и которые имеют в своей подоплеке исключительный цинизм и дерзость, которые, по-нашему мнению являются квалифицирующими признаками и должны учитываться как обстоятельства, которые будут усиливать санкцию за хулиганские действия.

Такими действиями могут признаваться имеющими сексуальный подтекст варианты поведения, так называемое «сексуальное хулиганство», вступление в половую связь на виду у общественности, демонстрация половых органов гражданам, или приставание к гражданам в обнаженном виде, эксгибиционизм, так называемое «стримерство», «пранки», сопровождающееся съемками на видео действий, унижающих честь и достоинство человека или группы лиц, издевательств над человеком или животными и т.п.

Оценочные категории, используемые в УК РФ, особенно такие как «исключительность», «исключительные обстоятельства» порождают споры в научном мире, позволяют давать разнообразные расплывчатые трактовки авторами, что в свою очередь усложняет понимание норм права, создает проблемы в правоприменении.

Стоит сказать, что одним из признаков хулиганства, который указывал на повышенную степень общественной опасности в соответствии с ч. 2 ст. 206 УК РСФСР от 1960 г. признавал умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом или особой дерзостью, так называемое «злостное хулиганство». Наказывалось лишением свободы на срок до пяти лет или исправительными работами на срок до двух лет[6].

В действующем уголовном законе, признак особого цинизма не предусмотрен ни в основном составе хулиганства, ни в квалифицированном составе. Между тем, в странах постсоветского пространства, в законах, которые предусматривают уголовную ответственность за хулиганство, особое внимание уделяется цинизму, как признаку хулиганства,

3 Там же.

4 Хулиганы пытались пожарить на «Медном всаднике» шашлыки // Комсомольская правда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.spb.kp.ru/daily/26867.5/3909912/ (дата обращения: 11.05.2025).

5 Орчанин получил срок за демонстрацию интимных мест прохожим. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://1743.ru/news/64901 (дата обращения: 11.05.2025).

6 Уголовный кодекс РСФСР (утвержден ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 11.05.2025).

который является для него особым квалифицирующим. Уголовный Кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV хулиганство определил как: «умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок, сопряженные с применением насилия к людям либо с угрозами его применения, с насильственным сопротивлением представителю власти либо иному лицу, пресекающему хулиганские действия, а равно действия, отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом или особой дерзостью» (ч. 1 ст. 287)[7]. Похожая по содержанию норма содержится и в уголовном законодательстве Республики Беларусь (ч. 1 ст. 339 УК РБ)[8] за исключением того, что в конструкции диспозиции присутствует только признак «исключительного цинизма».

Если мы рассматриваем возможность включения в состав хулиганства дополнительных признаков, то следует, прежде всего, раскрыть дефиниции понятий «дерзость» и «цинизм». Толковый словарь под авторством С. И. Ожегова, определяет эти понятия следующим образом: «дерзость» – высказывания и действия грубого, вызывающего и неуважительного характера, а «цинизм - как пренебрежительное отношение к нормам общественной морали, нравственности, наглость и бесстыдство» [3, с. 381, 1105].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 1991 года №5 «О судебной практике по делам о хулиганстве» (утратил силу) определялось, что: «Злостным хулиганством, отличающимся исключительным цинизмом, могут признаваться хулиганские действия, которые сопровождались демонстративным пренебрежением к общепринятым нормам нравственности, например, проявлением бесстыдства, издевательством над больными, престарелыми лицами, находящимися в беспомощном состоянии, и т.п. Злостным хулиганством по признаку собой дерзости может быть признано такое преступное нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое сопровождалось, например, насилием, повлекшим телесные повреждения, или глумлением над личностью, длительно и упорно не прекращавшимся нарушением общественного порядка, уничтожением или повреждением имущества, срывом массового мероприятия, временным прекращением нормальной деятельности предприятия, учреждения, организации или общественного транспорта и т.п. (п. 8 Постановления Пленума)»[9].

Что касается дополнительных квалифицирующих признаков, в ч. 1 статьи 213 УК РФ уместно предусмотреть в основном составе хулиганства дополнительные квалифицирующие признаки, такие как «исключительный цинизм» и «особую дерзость», как указание на повышенный уровень общественной опасности в совершении хулиганских актов при использовании способа совершения имеющих такой компонент.

Хулиганство с особой дерзостью проявляется в явном пренебрежении к устоям общества, сопровождающееся часто насилием, издевательством над людьми, нанесением побоев или истязаний с явным хулиганским мотивом. На этот факт может указывать длительность преступного действия, попытки уничтожить или повредить чужое имущество без какой-либо цели, приостановить работу транспорта, либо деятельность государственных органов, организаций, предприятий.

Исключительный цинизм может признаваться в таких хулиганских действиях, которые сопровождаются демонстративным неуважением к общепризнанным нормам морали, например проявлениями бесстыдства (неприличные жесты, телодвижения, публичное оголение, демонстрация половых органов, вступление в половой акт в общественном месте и т.д.), издевательство над животными, больными или немощными людьми, малолетними и т.д.

В заключение можно отметить, что акты хулиганства отрицательно сказываются не только на общественном порядке, но и на различных других сферах общественных отношений, включая здоровье человека, право собственности, нормальное функционирование органов государственной власти, предприятий, учреждений, транспорта и других. Общественную опасность данного преступления не следует недооценивать, так как поведение преступника обычно непредсказуемо для жертвы. Не менее важным стоит признать и тот факт, что совершение хулиганских деяний причиняет вред не только общественному порядку и правам личности, но и влияет на уровень нравственности граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Антонян Ю. М. Хулиганство как мотив преступного поведения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2017. - № 4 (40). - С. 94-101.
2. Батюкова В. Е. Уголовная ответственность за хулиганство и иные преступления, совершаемые из хулиганских побуждений: монография. - Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. - 199 с.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. - 27-е изд., испр. - Москва: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2018. - 1360 с.

7 Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.11.2023 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 12.05.2025).

8 Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 года (от 09 июля 1999 г. № 275-З). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275 (дата обращения: 12.05.2025).

9 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 1991 года №5 «О судебной практике по делам о хулиганстве» (утратил силу постановлением Пленума от 06.02.2007г. № 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrf.ru/documents/own/7704/ (дата обращения: 12.05.2025).

ВЕЛЕЖЕВ Сергей Иванович
профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных, Самарский юридический институт ФСИН России

МИНСАФИНА Светлана Николаевна
кандидат юридических наук, доцент ВАК, начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных, Самарский юридический институт ФСИН России

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ СОСТОЯНИЯ ОПЬЯНЕНИЯ И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ЗНАЧЕНИИ

В представленной статье рассматриваются вопросы, связанные с понятием опьянения, его содержанием по законодательству России, средств и веществ приводящих к такому состоянию, что является смягчающим или отягчающим вину обстоятельством и характеризующим личность виновного. Уголовная регламентация преступлений, совершенных в состоянии опьянения, на сегодняшний день остается непростой темой. Отечественное законодательство по данному вопросу еще находится на стадии, на которой требуются его уточнения и корректировки. В уголовном законодательстве должно быть дано четкое понятие опьянения и определение его критериев. Состояние опьянения должно быть отнесено к обстоятельствам, характеризующим личность обвиняемого исходя из анализа признаков преступления, совершаемых в состоянии опьянения.
Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, алкогольное опьянение, наркотические средства.

VELEZHEV Sergey Ivanovich
professor of Penal enforcement law and organization of execution of sentences not related to the isolation of convicts sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

MINSAFINA Svetlana Nikolaevna
Ph.D. in Law, associate professor of the Higher Attestation Commission, Head Penal enforcement law and organization of execution of sentences not related to the isolation of convicts sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT AND CONTENT OF INTOXICATION AND ITS CRIMINAL LEGAL SIGNIFICANCE

The presented article discusses issues related to the concept of intoxication, its content under Russian law, means and substances leading to such a state, which is a mitigating or aggravating circumstance and characterizes the identity of the perpetrator. The criminal regulation of crimes committed while intoxicated remains a difficult topic today. Domestic legislation on this issue is still at a stage where it needs to be clarified and adjusted. Criminal legislation should provide a clear concept of intoxication and define its criteria. The state of intoxication should be attributed to the circumstances characterizing the personality of the accused based on the analysis of the signs of a crime committed while intoxicated.
Keywords: criminal liability, crime, alcohol intoxication, narcotic drugs.

Уголовная ответственность представляет собой обязанность лица, совершившего деяние, содержащее все признаки состава преступления, претерпеть неблагоприятные для него последствия, выражающиеся в применении к нему предусмотренных законом мер уголовно-правового характера.

Действия субъекта должно нарушать принятую и действующую норму права и обязательно нести за собой признак опасности обществу. Личность преступного лица, как свойство социального, имеет некоторые признаки. В них отметим обобщенно две группы. Первая из них включает признаки, которые могут быть проявлены в преступлении, осуществленном – обозначим их как мотив, осознаваемая человеческая деятельность, т.е. умысел и неосторожность, преступная активность в ходе непосредственного преступного деяния во всех ее разных вариантах и родах соучастия, психоэмоциальное состояние, которое выражается аффектом и так далее. Другая группа включает так называемые общественные характеристики личности, сюда и относится пристрастие к алкоголю или наркотикам. Образ жизни человека формируется окружающей его средой общения.

В действующем законодательстве, в статье 23 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) дается определение понятия опьянения, которое определяется как состояние, «вызываемое употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ» [1]. Анализ судебной практики показывает, что чаще всего преступления совершаются в состоянии простого, обычного опьянения, не влияющего на волю субъекта. Достаточно редки случаи патологического, негативно влияющего на психику состояния опьянения.

В настоящее время вопрос изучения уголовной ответственности за совершение деяний в состоянии опьянения активно изучается и некоторыми авторами предлагаются различные пути к усовершенствованию сложившейся модели определения наказания в зависимости от состояния человека. Так, например, А. А. Гребеньков, в своих работах указывает на то, что чтобы определить зависимость факта уголовной ответственности от состояния опьянения человека, в котором он совершает деяние, «необходимо совпадение в нем три критерия: материального (неестественное состояние психики), формального (алкоголь или наркотики человек употребляет без принуждения – по собственному желанию) и причинного (присутствует связь между употреблением и совершением деяния)» [2, с. 168].

В противовес ему, А. Н. Игнатов отмечает, что в процессе простого опьянения происходит снижение сдерживания, каких бы то не было нормальных реакций нервной системы, причем человек продолжает сохранять связь с окружающим миром и его поступки имеют мотивированный характер. Индивидуум на добровольной основе употребляет опьяняющие его вещества и понимает происходящие с ним реакции, ощу-

щает их, контролирует их концентрацию, в связи, с чем мы можем говорить о наличии прямого умысла в его действиях.

Видный ученый И. А. Кудрявцев, указывает на тот факт, что состояние опьянения индуцирует изменения личностного восприятия ситуации, которая таким образом, зачастую воспринимается как гиперболизированная, а также влияет на координацию поступков (мысли человека сужаются, в связи с ними и выбор модели поведения ограничен).

Действующее уголовное законодательство содержит понятие аффекта, как состояния, возникшее в результате сильного душевного волнения, вследствие насилия, издевательств или тяжких оскорблений со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Остановимся на том, что понимание сильного душевного волнения на порядок шире понимания простого опьянения. Последнее из них не меняет сознание человека и, придерживаясь мнения о наличии «опьяненного» аффекта мы рискуем оправдать большое число преступлений.

Таким образом, мы видим, что законодательство дает нам примерный перечень веществ, под воздействием которых может совершаться преступление, а также исключает патологическое опьянение, в состоянии которого человек утрачивает контроль и не может осознавать общественную опасность своих действий. В рамках привлечения лиц к ответственности остановимся на следующем определении понятия состояния опьянения: это состояние организма, вызванное употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ, не лишающего человека возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, т.е. лицо, привлекающееся к уголовной ответственности не является невменяемым и не может признаваться невиновным, в соответствии, с чем подлежит уголовной ответственности и считаем, необходимы изменения в редакции статьи 23 УК РФ.

На практике способ доказывания наличия у подсудимого нетрезвого состояния заключается в проведении медицинского освидетельствования, который в уголовном процессе будет прямым доказательством и в совокупности с иными элементами дела (особо тяжкий характер совершения преступления, наличие сообщников и так далее) окажет влияние на объем ответственности. Однако, нередки случаи, при которых преступник скрывается с места преступления и отсутствует возможность своевременного проведения освидетельствования. В таких случаях учитываются косвенные улики (показания свидетелей, записи с камер видеонаблюдения и так далее). Именно проведение медицинского освидетельствования с целью определения наличия факта употребления человеком опьяняющих или одурманивающих напитков или препаратов (к примеру, состояние алкогольного опьянения фиксируется официальной процедурой в виде обнаружения нужного показателя этилового спирта в организме человека) отличает проведение расследований уголовных преступлений в состоянии опьянения от других видов противоправных деяний.

Порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) регламентирован приложением № 1 к приказу Министерства здравоохранения РФ от 18 декабря 2015 года № 933 с изменениями от 2019 года. В соответствии с определенной процедурой при наличии хотя бы одного из указанных в правовом акте признаков, именно, к примеру, такого как специфический запах алкоголя, изо рта, уполномоченный к составлению протокола, направляет официальным документом подозреваемого в состоянии опьянения на освидетельствование.

Процедура освидетельствования заключается с исследования выдыхаемого воздуха на наличие алкоголя, при котором показанием присутствия опьянения является наличие этилового спирта более 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха или при показании прибором абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и больше грамма на один литр крови. В случаях отрицательных проб на наличие спиртосодержащих веществ в организме проводят проверку на наличие иных веществ, для чего производится химико-токсикологическое исследование в пробе биологического объекта (исследуется моча), при составлении заключения, уполномоченным лицом в нем указываются все известные и обнаруженные вещества. Если исследуемый отказывается от освидетельствования до или во время его проведения, а также в случаях фальсификации исследуемым пробы или выдоха выносится заключение от медицинского освидетельствования отказался.

Обратимся к анализу достаточно интересного «приговора суда по делу № 1-122/2017 от 03 июля 2017 года» [3]. Мартиросян, управлял транспортным средством предположительно в состоянии опьянения, что повлекло причинение тяжкого вреда здоровью двум потерпевшим. С места ДТП не скрылся и прошел сначала освидетельствование на наличие в выдыхаемом воздухе этилового спирта на месте, после чего был доставлен в медицинское учреждение для прохождения освидетельствования. По показаниям врача-нарколога, проводившего освидетельствование, запах алкоголя отсутствовал, хотя присутствовали инъецирование склер, умеренная расширенность зрачков, замедленная на свет реакция при отведении взора глаз в сторону, отмечался нистагм, точные движения были неуверенными, речь скороговоркой, походка без особенностей, в позе Ромберга – покачивания, координационная пальценосовая проба выполнена неуверенно. Далее следовала сдача мочи подсудимым. Интересно то, что сопровождала его фельдшер женского пола, которую постоянно пытались отвлечь знакомые подсудимого. Сам Мартиросян стоял все время сбора анализа спиной к фельдшеру. В конечном итоге материал оказался непригодным – температура составила 22,4 градуса по Цельсию при норме 25-27 градусов. Соответственно медики приняли данный факт, как фальсификацию биологического материала. Суд признал Мартиросяна виновным по статье 264 УК РФ и счел действия осужденного как невыполнение законного требования уполномоченного лица о прохождении медицинского освидетельствования. С нашей точки зрения действия медицинских работников несколько нарушают права подсудимого, так как в данном случае, почему нельзя было взять на анализ кровь подсудимого, что также регламентировано правилами проведения освидетельствования.

Из теории уголовного права нам известно, что состав преступления это совокупность признаков объективного и субъективного характера, характеризующие деяние как преступное. Под объектом преступления понимаются охраняемые уголовным законом общественные отношения, на которые посягает деяние лица. В исследуемой теме объектом преступного деяния могут являться любые общественные отношения, охраняемые уголовным закон, так как в состоянии опьянения лицо может совершить кражу, нанести вред здоровью, совершить убийство, то есть совершить посягательство на любой объект, перечисленный в статье 2 УК РФ.

Объективная сторона выражена, во-первых, в совершении лицом преступного действия в состоянии опьянения. Обратимся к приговору по делу № 1-166/2022 от 26.12.2022 из материалов которого следует, что «осужденная по статье 105 УК РФ ФИО1 совершила конкретное действие – приискала шнур, повалила потерпевшего на диван и сдерживая шнур за концы стала сдавливать им шею пока последний не перестал

подавать признаки жизни» [4], при этом ФИО находилась в состоянии опьянения. Во-вторых, объективная сторона выражается бездействием лица, в результате которого возникают опасные последствия, т.е. лицо не вмешалось во внешнюю среду при обязанности вмешаться. В состоянии опьянения имеют место и бездействия преступника, так управляющий транспортным средством человек в состоянии опьянения теряет концентрацию и помимо непосредственного действия – сел за руль в нетрезвом виде и нарушил скоростной режим, он, к примеру, вовремя не остановился на красный цвет светофора (бездействие, выраженное непринятием, мер к остановке транспортного средства), что привело к нанесению повреждений пешеходу.

Одним из основополагающих элементом состава для привлечения лица к ответственности является наличие признаков субъективной стороны деяния и такого обязательного как вина, которая может быть выражена как в форме умысла или неосторожности. В соответствии с законом совершенным с прямым умыслом, считается деяние, при совершении которого, лицо осознает общественную опасность своих действий или бездействия, предвидит неизбежность или возможность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления, а с косвенный умысел характеризуется осознанием опасности своих действий и последствий, которые не желало, но сознательно допускало их, либо безразлично к их наступлению относилось.

При простом, обычном опьянении субъект не лишается понимания социальной опасности своего поступка и понимания наступления последствий своих действий, ровно, как и желание совершить определенное действие возникает у него, как и у трезвого человека.

При совершении деяния по неосторожности лицо считает, что общественно опасные последствия не наступят (при легкомыслии) либо вообще не предполагает их наступления (при небрежности). В преступлениях с двумя формами вины умысел и неосторожность объединены. Согласно 27 статье УК РФ, если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. Такое преступление признается совершенным умышленно.

В состоянии опьянения совершается немалое число преступлений по неосторожности. Большое число таких преступных деяний совершается на дороге, к примеру, лицо управляло транспортным средством в состоянии опьянения, что привело к аварии, в результате которой погиб водитель автомобиля, в который врезался нетрезвый водитель. Также, часто на почве внезапно возникшей ссоры между приятелями, совместно распивающими спиртные напитки, возникает драка, расценивается в суде дело как причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего.

Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности в состоянии опьянения. Состояние опьянения не ограничивает вменяемость преступника. Исходя, из анализа действующего УК РФ можно выделить следующую классификацию специального субъекта: по семейно-общественным отношениям – часть 1 статьи 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий»; по социально-материальным отношениям (наличие транспортного средства) – часть 1.2 статьи 263 УК РФ «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена» и части 2,4 статьи 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств»; по административно-правовому статья 264.1 «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость».

В пункте «д» части 1 статьи 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» отмечено, что привлечение к совершению преступления лица, находящегося в состоянии опьянения является отягчающим обстоятельством. При этом привлекаемый продолжает осознавать общественную опасность своих деяний. Законодатель данным фактом скорее хотел ужесточить наказание за привлечение нетрезвых соучастников, нежели смягчить наказания для привлекаемых, так как в 61 статье УК РФ отсутствует информация о привлечении со стороны, хотя перечень не исчерпывающий. В пункте 1.1 статьи 63 УК РФ отмечено, что судья на свое усмотрение может признать совершение преступление, совершенное в состоянии опьянения отягчающим обстоятельством.

Подводя итог изложенному, мы приходим к выводу, что, за преступные деяния, совершенные в состоянии опьянения наступает уголовная ответственность и что под словом опьянение сегодня понимается не только состояние, вызванное употреблением алкоголя, но и постоянно обновляющегося перечня дурманящих сознание человека наркотических веществ. В связи, с чем нами дано предложение закрепление четкого понятия состояния опьянения в УК РФ. Зачастую опьянение является фактором, отягчающим наказание. Наличие формального опьянения у преступного лица не влияет на дифференциацию уголовной ответственности. Опьянение, лишающее лицо вменяемости, обуславливает смягчающий характер уголовной ответственности. Состояние опьянения должно быть отнесено к обстоятельствам, характеризующим личность обвиняемого исходя из анализа признаков преступления, совершаемых в состоянии опьянения.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 28.12.2024).
2. Гребеньков А. А. Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. - М.: Высшая школа, 2009. - 168 с.
3. Приговор Дзержинского районного суда города Ярославля от 03 июля 2017 года № 1-122/2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudpraktika.ru/precedent/399201.html (дата обращения: 01.05.2025).
4. Приговор Чулымского районного суда Новосибирской области от 26 декабря 2022 года по делу № 1-166/2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/UHq303qZahgm/ (дата обращения: 06.05.2025).

КАРАБЕКОВ Канатбек Омирзакович
старший инспектор по особым поручениям Управления организации ведомственного образования Департамента по работе с личным составом МВД Республики Казахстан

ДЕТЕРМИНАНТЫ И МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

В статье исследуются внутренние и внешние детерминанты киберпреступности в РФ и РК, связанные с социально-экономическими, организационно-техническими, организационно-правовыми, организационно-управленческими предпосылками киберпреступлений. Рассмотрены актуальные меры предупреждения киберпреступлений в РФ и РК, соответственно сферам действия этих детерминант и направления по их совершенствованию на государственном и межгосударственном уровнях. На государственном уровне это меры, направленные на нейтрализацию внутренних факторов, обуславливающих совершение киберпреступлений. На межгосударственном уровне это меры, направленные на сокращение влияния внешних факторов, обусловливающих совершение киберпреступлений в РФ и РК.

Ключевые слова: киберпреступность, детерминанты киберпреступности в России и в Казахстане, внутренние детерминанты, внешние детерминанты, предупреждение киберпреступности, меры предупреждения киберпреступлений в России и Казахстане.

KARABEKOV Kanatbek Omirzakovich
senior inspector for special assignments at the Department of departmental education of the department for personnel affairs of the MIA of the Republic of Kazakhstan

DETERMINANTS AND ISSUES OF IMPROVING CYBERCRIME PREVENTION MEASURES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article examines the internal and external determinants of cybercrime in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, which are related to the socio-economic, organizational-technical, organizational-legal, and organizational-managerial prerequisites for cybercrime. The article also discusses the current measures for preventing cybercrime in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, as well as the areas of action for these determinants and the ways to improve them at the state and interstate levels. At the state level, these measures are aimed at neutralizing the internal factors that contribute to the commission of cybercrime. At the interstate level, these are measures aimed at reducing the influence of external factors that cause cybercrimes in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.

Keywords: cybercrime, determinants of cybercrime in Russia and Kazakhstan, internal determinants, external determinants, prevention of cybercrime, measures to prevent cybercrime in Russia and Kazakhstan.

Анализ причин, условий, факторов и обстоятельств киберпреступности, в частности факторов и обстоятельств отдельных киберпреступлений, требует поиска унифицированного подхода, что имеет важное значение для решения теоретических и практических задач предупреждения киберпреступности в России и Казахстане.

На взгляд Л. М. Прозументова, А. В. Шеслера, исследовавших разные подходы к пониманию детерминант преступности в российской криминологии, их полный набор образуют: причины, условия и факторы преступности. Очевидно, что выделение указанных детерминант носит условный характер, поскольку в реальной действительности они существуют в тесной взаимосвязи и воплощаются в единую криминогенную социальную ситуацию [6, с. 166].

Несмотря на существующие исследования, единого мнения у ученых относительно конкретных причин, условий и факторов, способствующих совершению киберпреступлений, на данный момент не сложилось. Добавляет сложности тот факт, что некоторые исследователи классифицируют одни и те же жизненные обстоятельства как причины, в то время как другие относят их к условиям, а третьи рассматривают их как факторы, влияющие на возникновение киберпреступности [1, с. 6].

Исследование причин и условий киберпреступности требует анализа различных факторов. Среди них выделяются система потребностей, интересов, мотивов и ценностей, наличие противоречий между реальными потребностями населения в информационных услугах и возможностью их удовлетворения [5, с. 47]. Киберпреступления могут быть результатом организованной и профессиональной компьютерной преступности, идеологических и политических мотивов, аномии и отсутствия норм поведения. Имеет большое значение также низкий риск наказания для киберпреступников, что позволяет им действовать безнаказанно. Учитывая сложность всех этих факторов, поддерживаем мнение Т. М. Бормотовой, А. Е. Ильина, Е. Б. Белянского, В. В. Макарова, которые предлагают разделить причины киберпреступности на социальные, экономические, правовые, организационные и политические [3, с. 72].

Вместе с тем, исходя из анализа судебной практики, динамики, структуры и характера киберпреступности, учитывая мнения ученых, а также результаты опроса граждан, считаем актуальным, наряду с этим выделять внутренние и внешние приоритетные детерминанты киберпреступности в России и Казахстане, а также особенности детерминант киберпреступлений в данных странах.

В ходе исследования, нами были определены **внутренние и внешние приоритетные** детерминанты наиболее распространенных киберпреступлений, совершаемых в России и Казахстане, необходимые для эффективной организации мер предупреждения киберпреступности.

Внутренние детерминанты:

– социально-экономические: широкое использование информационно-коммуникационных технологий в обществе; использование некачественного программного обеспечения (нелицензионных программ); несоответствие между потребностями населения в информационных услугах и программном обеспечении и их недоступностью из-за низкого уровня жизни; монопольное положение разработчиков программного обеспечения;

– организационно-технические: нарушения и недостаточное соблюдение мер информационной безопасности; низкий уровень осведомленности о правилах использования интернет-ресурсов; неэффективная защита информационных систем, уязвимость программного обеспечения; отсутствие эффективных механизмов контроля и обнаружения кибератак;

– организационно-правовые: недостаточное правовое урегулирование на национальном уровне вопросов кибербезопасности; отсутствие единства в понимании основных терминов, связанных с кибербезопасностью и его производных (киберпространство, киберзащита, кибератаки, кибернападение, киберпреступность и др.), затрудняющее разработку эффективного законодательства, регулирующего вопросы

предупреждения киберпреступлений; отсутствие эффективной правовой защиты интересов пострадавших от кибермошенников;

– организационно-управленческие: отсутствие стратегического подхода к противодействию киберугрозам на уровне предприятий, учреждений и организаций; недостаточное внимание руководства предприятий, организаций и учреждений к проблеме информационной безопасности; отсутствие типовых и специальных программ профилактики имущественных киберпреступлений, низкая квалификация специалистов и сотрудников правоохранительных органов в области кибербезопасности.

Внешние детерминанты:

– организационно-технического характера: деятельность международных киберпреступных группировок и отдельных хакеров; распространение вредоносного программного обеспечения и технологий, разработанных в других странах;

– организационно-правового характера: недостатки международно-правового регулирования вопросов предупреждения киберпреступности; сложности в международном сотрудничестве в расследовании и раскрытии киберпреступлений.

К особенностям детерминант киберпреступлений в России следует отнести: наличие существенного влияния внешних факторов, связанных с применением зарубежных санкций, в том числе в сфере технического и программного компьютерного обеспечения; внутренних социально-экономических факторов, связанных с масштабами нашей страны, определяющими большие возможности киберпреступникам для выбора своих жертв. В Казахстане к особенностям детерминант киберпреступлений следует отнести преобладание внутренних факторов социально-экономического характера, связанных, прежде всего, с безработицей, особенно среди молодого населения.

Проблема предупреждения киберпреступности с каждым годом становится более актуальной в наших странах. Ежегодно в Российской Федерации и Республике Казахстан наблюдается динамика непрерывного роста киберпреступлений, постоянное обновление способов их совершения. Государство, люди, организации вынуждены постоянно совершенствовать собственную кибербезопасность, чтобы не столкнуться с ущербом из-за противоправных деяний [2, с. 63]. Это ставит перед правоохранительными органами обеих стран актуальную задачу по предупреждению киберпреступлений, что в свою очередь требует своевременного решения ряда насущных проблем. Прежде всего, следует решить задачу предупреждения киберпреступности путем воздействия на наиболее распространенные киберпреступления, начать активную разработку комплекса предупредительных мер, работающих на опережение, учитывающих формирующиеся тенденции киберпреступности [4, с. 10].

Учитывая, что преступность в сфере компьютерной информации и с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в России и Казахстане носит в основном корыстный характер, при совершенствовании мер предупреждения киберпреступности правоохранительным органам государств необходимо уделять более пристальное внимание решению проблем, связанных с воздействием на детерминанты корыстной киберпреступности. При этом эффективность предупреждения киберпреступности напрямую зависит от учета особенностей внутренних и внешних факторов, влияющих на социально-экономические, организационно-технические, правовые условия, обусловливающие наиболее распространенные виды киберпреступлений. При этом структура и содержание детерминант киберпреступности позволяют сделать вывод о том, что предупреждение киберпреступлений в указанных странах должно основываться на учете внутренних факторов, связанных с национальными социально-экономическими, организационно-техническими, правовыми и организационными условиями развития наших государств, что эффективно реализовывать на государственном уровне и межгосударственном и внешних факторов, связанных с влиянием деятельности зарубежных государств и международных отношений на развитие наших стран, что эффективно реализовывать на межгосударственном уровне.

На государственном уровне это меры, направленные на нейтрализацию внутренних факторов, обуславливающих совершение киберпреступлений:

– социально-экономические: включение общества в процессы выявления киберпреступлений, совершенствование информационной культуры, сотрудничество с частными компаниями и обеспечение доступности лицензионного программного обеспечения, обновление цифровых моделей, отражающих различные аспекты киберпреступности; создание баз данных, содержащих информацию о передовых методах обнаружения, раскрытия и расследования данных преступлений, разработка инструментов для онлайн-обнаружения планируемых, осуществляемых и уже совершенных киберпреступлений, а также лиц, к ним причастных;

– организационно-технические: внедрение образовательных курсов и пользовательских соглашений для повышения осведомленности граждан; совершенствование системы защиты информации; усиление кибербезопасности критической инфраструктуры; создание специализированных подразделений по ее защите; постоянный мониторинг телекоммуникационных сетей; накопление экспертных знаний; совершенствование взаимодействия правоохранительных органов для борьбы с киберпреступлениями трансграничного характера;

– организационно-управленческие: внедрение формализованных принципов стратегического противодействия киберугрозам, направленных на оптимизацию соответствующих ответных действий; создание специализированных подразделений для быстрого раскрытия и расследования имущественных киберпреступлений по типу «Киберпола» в Казахстане; разработка и реализация специальных программ профилактики киберпреступлений имущественного характера; организация профильного обучения и повышения квалификации сотрудников правоохранительных и судебных органов.

На межгосударственном уровне это меры, направленные на сокращение влияния внешних факторов, обусловливающих совершение киберпреступлений в РФ и РК: пресечение влияния недружественных государств; установление эффективного международного сотрудничества, позволяющего национальным правительствам следовать установленным нормам и правилам, не испытывая внешнего давления; обмен информацией об использовании российского и казахстанского опыта применения эффективных мер борьбы с киберпреступностью, адаптации международных методов выявления изучения новых форм киберпреступлений, законодательных решений, касающихся обеспечения безопасности информационных сетей; участие в международных форумах, конференциях и совещаниях по выработке мер по координации действий, направленных на предотвращение киберугроз.

Пристатейный библиографический список

1. Бабурин В. В. Детерминанты киберпреступлений, совершаемых в сфере экономики // Преступность в сфере экономики: современные тенденции и проблемы противодействия: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Омск, 2023. – С. 3-6.
2. Байрамов Р. Р., Пасат В. А. Анализ киберпреступлений и мер по их предупреждению // Учёные записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2022. – № 1 (81). – С. 63-67.
3. Бормотова Т. М., Ильин А. Е., Белянский Е. Б., Макаров В. В. Киберпреступность в России: состояние и методология анализа // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 10(184). – С. 71-72.
4. Жмыхов А. А. Компьютерная преступность за рубежом и ее предупреждение: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2003. – 178 с.
5. Карабеков К. О. Причины и условия киберпреступности в Республике Казахстан // Актуальные проблемы профилактики преступлений: мат-лы междунар. науч.-практ. семинара. – Омск: Омская академия МВД России, 2023. – С. 47-50.
6. Прозументов Л. М., Шеслер А. В. Некоторые подходы к рассмотрению детерминант преступности в отечественной криминологии // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 420. – С. 160-166.

КАРПУНИНА Екатерина Сергеевна
кандидат экономических наук, заместитель начальника кафедры психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности органов внутренних дел Центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка, Всероссийский институт повышения квалификации МВД России, подполковник полиции

ЛИНЕВИЧ Ян Владимирович
преподаватель кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, майор полиции

БУТЕНКО Олег Сергеевич
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Ростовский юридический институт МВД России, майор полиции

ПОНЯТИЕ ЭКСЦЕССА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ ДОКТРИН

Статья посвящена критическому анализу существующих доктрин эксцесса в уголовном праве. В статье рассматривается проблема квалификации эксцесса исполнителя преступления, определяемого как совершение исполнителем действий, не охватывавшихся умыслом других соучастников. Подчеркивается, что, несмотря на четкое определение в ст. 36 УК РФ, правоприменительная практика сталкивается со сложностями в установлении границ ответственности, что связано с различиями в доктринальных подходах. Авторами проводится критический анализ основных теорий соучастия, включая теорию самостоятельной ответственности, акцессорную теорию (с её различными направлениями) и смешанную теорию, а также системную теорию соучастия. Цель статьи - выявить недостатки существующих доктрин и предложить пути оптимизации правового регулирования эксцесса исполнителя для повышения эффективности правоприменительной практики. Статья предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также для практических работников правоохранительных органов и судей.

Ключевые слова: эксцесс, необходимая оборона, крайняя необходимость, уголовное право, квалификация преступления, правоприменение.

KARPUNINA Ekaterina Sergeevna
Ph.D. in economic sciences, Deputy Head of Psychological, pedagogical and medical support for the activities of internal affairs bodies sub-faculty of the Police Training Center for Public Order Protection Units, All-Russian Institute of Advanced Training of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

LINEVICH Yan Vladimirovich
lecturer of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, major of police

BUTENKO Oleg Sergeevich
lecturer of Tactical and special training sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia, major of police

THE CONCEPT OF EXCESS IN CRIMINAL LAW: A CRITICAL ANALYSIS OF EXISTING DOCTRINES

The article is devoted to a critical analysis of the existing doctrines of excess in criminal law. The article considers the problem of qualifying the excess of the perpetrator of a crime, defined as the commission by the perpetrator of actions that were not covered by the intent of other co-participants. It is emphasized that, despite the clear definition in Article 36 of the Criminal Code of the Russian Federation, law enforcement practice faces difficulties in establishing the boundaries of responsibility, due to differences in doctrinal approaches. The authors carry out a critical analysis of the main theories of complicity, including the theory of independent responsibility, accessory theory (with its various directions) and mixed theory, as well as the systemic theory of complicity. The purpose of the article is to identify the shortcomings of existing doctrines and propose ways to optimize the legal regulation of the executive's excess in order to increase the effectiveness of law enforcement practice. The article is intended for researchers, teachers, graduate students and students of law schools, as well as for practitioners of law enforcement agencies and judges.

Keywords: excess, necessary defense, extreme necessity, criminal law, qualification of crime, law enforcement.

Понятие эксцесса в уголовном праве относится к ситуации, когда лицо, действуя в рамках необходимой обороны или крайней необходимости, выходит за пределы дозволенного, причиняя вред, который несоразмерен угрозе. Несмотря на кажущуюся простоту формулировки, правоприменительная практика сталкивается с многочисленными трудностями в квалификации таких действий. Существующие доктрины предлагают различные подходы к определению эксцесса, что приводит к неоднозначности судебных решений и противоречиям в правоприменении. Настоящая статья направлена на критический анализ существующих доктрин, выявление их недостатков и предложение путей оптимизации правового регулирования.

Действующий УК РФ 1996 г. под эксцессом исполнителя признает совершение исполнителем такого преступления, которое не охватывалось умыслом других соучастников. За допущенный эксцесс отвечает только сам исполнитель, а другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат (ст. 36) [5].

Институт эксцесса исполнителя, несмотря на относительную стабильность своего развития и законодательного закрепления, подвергается различной полемике и дискуссиям касательно своей правовой природы, содержания и практического применения [2].

Основная дискуссия вокруг понятия эксцесса сосредоточена на определении границ «соразмерности» ответных действий. Можно выделить несколько основных доктрин:

Ответственность за соучастие, строящаяся на теории самостоятельной ответственности соучастников. Данная концепция исходит из того, что основание уголовной ответственности каждого из соучастников носит самостоятельный характер [4].

Акцессорная теория соучастия (от лат. accessorium — «дополнительный», «несамостоятельный») — концепция, которая утверждает, что основой соучастия является деятельность исполнителя, а действия всех остальных соучастников — дополнительные (акцессорные) по отношению к ней.

Зачатки акцессорной теории появились в эпоху французской революции XVIII века. Впервые она была законодательно закреплена в Уголовном кодексе Франции 1791 года, а затем — в Кодексе Наполеона 1810 года. В этих законодательных актах уголовно-правовая оценка действий соучастников полностью зависела от квалификации деяния, совершённого исполнителем. Наиболее системно направления, возникшие в рамках акцессорной теории, были изложены М. И. Ковалевым в работе «Соучастие в преступлении». Так, на сегодняшний день нам известно 6 таких направлений:

1) строгая акцессорность;
2) логическая акцессорность;
3) акцессорность по наказанию;
4) акцессорность по степени завершенности деяния;
5) лимитированная акцессорность;
6) ограниченная акцессорность [1].

В российском уголовном законодательстве присутствуют отдельные элементы акцессорной теории соучастия. Например, норма, закреплённая в ч. 3 ст. 34 УК РФ, устанавливает, что уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершённое преступление, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями.

Некоторые учёные предлагают смешанную (комбинированную) теорию, которая сочетает в себе положения акцессорной теории и теории самостоятельной ответственности соучастников. Например, А. Р. Салимгареева предлагает считать правовую природу института соучастия смешанной, сочетающей в себе как акцессорные, так и самостоятельные положения ответственности соучастников преступления.

Также существует системная теория соучастия, предложенная А. А. Арутюновым. Согласно этой теории, соучастие рассматривается как единое целое, феномен социального взаимодействия, элементами которого выступают соучастники [3].

Некоторые аргументы в пользу системной теории соучастия:

1) Установление общего состава преступления. Системная теория позволяет обосновать ответственность соучастников, которые не выполняют объективную сторону состава преступления, но как единая система причиняют преступный результат.

2) Рассмотрение соучастия как целостности. Когда выстроена система и соучастники согласились на совместную преступную деятельность, то преступный результат причиняет не исполнитель, а система (соучастие) в целом.

3) Учёт причинно-следственной связи. Согласно этой позиции, между действиями соучастников и наступившим преступным результатом существует причинно-следственная связь.

4) Наличие договорённости между соучастниками. Главным признаком системной теории является наличие договорённости между соучастниками на совершение преступления общими усилиями.

Однако системная теория не может быть признана в полной мере обоснованной. Некоторые учёные считают, что она в большей степени ориентирована на установление общего, а не индивидуального основания ответственности.

Таким образом, вопрос о правовой природе института соучастия остаётся дискуссионным, и действующее уголовное законодательство придерживается двойственной позиции, признавая как самостоятельную природу оснований ответственности соучастников, так и их акцессорную природу [1].

Понимание видов эксцесса исполнителя необходимо для правильной квалификации преступлений, совершенных в соучастии, и определения ответственности каждого из соучастников. Виды эксцесса исполнителя можно классифицировать по разным основаниям. По направленности действий исполнителя выделяют количественный и качественный эксцесс:

Качественный эксцесс: исполнитель совершает преступление, отличающееся по характеру от задуманного другими соучастниками. Например, соучастники планировали совершить кражу, а исполнитель в процессе совершения кражи совершает разбой (нападает на собственника и применяет насилие). Или соучастники планировали причинить вред здоровью средней тяжести, а исполнитель причиняет тяжкий вред здоровью или убивает потерпевшего.

Количественный эксцесс: исполнитель совершает преступление того же характера, что и задуманное соучастниками, но в большем объеме или с более тяжкими последствиями. Например, соучастники планировали кражу из одного магазина, а исполнитель совершает кражу из нескольких магазинов. Или, планировался небольшой вред здоровью, а исполнитель причинил вред здоровью средней тяжести.

В современной юридической литературе отсутствует единый подход к разграничению количественного и качественного эксцесса исполнителя. Так, некоторые авторы предлагают различать «качественно-количественный» и «количественно-качественный» эксцессы. При этом, российское уголовное законодательство не содержит четких критериев для определения видов эксцесса, что создает определенные трудности в правоприменительной практике.

Понятие эксцесса в уголовном праве остается одной из сложных и дискуссионных тем. Существующие доктрины имеют как преимущества, так и недостатки. Для повышения эффективности правоприменения необходимо совершенствование законодательства и разработка более четких критериев оценки действий с элементами эксцесса. Это позволит обеспечить более справедливое и последовательное применение права и укрепить доверие к судебной системе.

Пристатейный библиографический список

1. Гульгоров В. И. Основные подходы к пониманию акцессорной теории соучастия в преступлении и её влияние на развитие других теорий соучастия // ГлаголЪ правосудия. 2018. № 2 (16). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-ponimaniyu-aktsessornoy-teorii-souchastiya-v-prestuplenii-i-eyo-vliyanie-na-razvitie-drugih-teoriy-souchastiya (дата обращения: 24.06.2025).
2. Мамедов Р. А. Некоторые проблемы квалификации эксцесса исполнителя и иных соучастников преступления // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-kvalifikatsii-ekstsessa-ispolnitelya-i-inyh-souchastnikov-prestupleniya (дата обращения: 24.06.2025).
3. Мухаметдинов Д. М. Правовая природа соучастия в преступлении в уголовном праве России. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2022. № 23 (418). С. 316-318. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/418/92847/ (дата обращения: 24.06.2025
4. Шарапов Р. Д. Соучастие в неоконченном преступлении и «неудавшееся соучастие» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/souchastie-v-neokonchennom-prestuplenii-i-neudavsheesya-souchastie (дата обращения: 14.06.2025).
5. Шатов С. А. Квалификация эксцесса исполнителя. Теория и практика // Закон и право. 2018. № 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-ekstsessa-ispolnitelya-teoriya-i-praktika (дата обращения: 14.06.2025).

КУРБАНОВ Муса Курбанович
магистрант, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ДАЦИЕВА Хадижат Гасановна
кандидат юридических наук, доцент, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

РЕШЕНИЕ ПРОКУРОРА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ, ПОСТУПИВШЕМУ С ОБВИНИТЕЛЬНЫМ ПОСТАНОВЛЕНИЕМ

В статье рассматривается процессуальная деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве, осуществляемая на досудебных стадиях, а именно составление прокурором решения по делу, поступившему с обвинительным постановлением. Как следует из анализа практики, от правильного решения прокурора во многом зависит законность и своевременность рассмотрения дела. Деятельность прокурора имеет двойное значение: защита интересов лиц и организаций возможна только при защите личности от незаконного и необоснованного обвинения. Оптимизация деятельности прокурора, в том числе, использование цифровых технологий, способствует снижению организационной загруженности прокурора, что увеличит количество и качество вынесенных прокурором решений. Так, в 2023 году, согласно статистике, прокурорам было направлено более 254 тысяч дел, в том числе с обвинительным постановлением. Создание цифровой программы значительно бы повысило эффективность и скорость реагирования органов прокуратуры. Для оптимизации деятельности прокурора актуальным по-прежнему остается совершенствование законодательной базы и расширение его полномочий, ввиду особой роли, которую прокурор занимает в уголовном процессе.

Ключевые слова: обвинительное постановление, прокурорский надзор, законность, цифровые системы, информатизация, следствие.

KURBANOV Musa Kurbanovich
magister student, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala

DATSIEVA Khadizhat Gasanovna
Ph.D. in Law, associate professor, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala

THE PROSECUTOR'S DECISION ON THE CRIMINAL CASE THAT CAME WITH THE INDICTMENT

The article examines the procedural activity of the prosecutor in criminal proceedings carried out at the pre-trial stages, namely, the preparation by the prosecutor of a decision on a case received with an indictment. As follows from the analysis of practice, the legality and timeliness of the consideration of the case largely depends on the correct decision of the prosecutor. The prosecutor's activity has a double meaning: the protection of the interests of individuals and organizations is possible only if the individual is protected from illegal and unfounded charges. Optimization of the prosecutor's activities, including the use of digital technologies, helps to reduce the organizational workload of the prosecutor, which will increase the number and quality of judgments. To optimize the prosecutor's activities, it remains relevant to improve the legislative framework and expand his powers, due to the special role that the prosecutor occupies in the criminal process.

Keywords: indictment, prosecutorial supervision, legality, digital systems, informatization, investigation.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством и ведомственными нормативными правовыми актами Генеральной прокуратуры РФ, в частности приказом Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» прокурор осуществляет надзор на каждом этапе расследования преступления независимо от формы расследования [1]. Прокурорский надзор за производством по уголовному делу в порядке гл. 32.1 УПК РФ направлен на пресечение искусственного создания условий для осуществления дознания в сокращенной форме [2].

Полномочия прокурора по вынесению решения носят исключительно императивный характер. При этом при вынесении решения прокурор должен опираться не только на соблюдение уголовно-процессуального законодательства, но и на полноту действий следователя, а также на сложившуюся многолетнюю практику [3]. Для принятия законного, обоснованного и мотивированного решения прокурор должен решить целый ряд вопросов, которые закреплены в приказах генеральной прокуратуры. Эти критерии однотипны, поэтому можно сделать вывод о возможности использования цифровых средств для анализа дел на их соответствие требованиям. Это могут быть специальные системы анализа и оценки [4]. В концепции развития информационного общества рекомендуется внедрять информационные системы для оптимизации и автоматизации работы государственных служащих, поэтому такая перспектива становится вполне реализуемой [5]. Итак, целесообразность внедрения цифровых технологий очевидна, но возникает закономерный вопрос о пределах такого внедрения.

Представляется, что информационные системы могут использоваться для проверки фабул обвинения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении, для оценки инкриминируемых деяний и заключений экспертов [6]. Данная программа должна иметь соответствующее информационное насыщение для использования, например, в проверке обоснованности уголовно-правовой квалификации инкриминируемых обвиняемым, подозреваемым преступлений с учетом разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и в других материалах судебной практики.

Блоком (модулем) программы могут быть типовые образцы актов прокурорского реагирования на недостатки

расследования, в частности: постановления о возвращении уголовного дела в связи с неполнотой расследования, т.е. нарушением требований ч. 2 ст. 21 УПК РФ о принятии мер по установлению обстоятельств преступления, установлению и изобличению совершившего его лица или лиц; о возвращении уголовного дела в следственный орган в связи с признанием недопустимыми отдельных доказательств, что не дает возможности считать доказанным отдельные обстоятельств инкриминируемого обвиняемому преступления либо обвинение в целом; о признании недопустимыми доказательств, полученных в результате производства отдельных следственных действий, заключений экспертов и т.д. [7].

В целом данная программа должна быть необходимым элементом автоматизированного рабочего места прокурора (АРМ), участвующего в уголовном судопроизводстве, а также использоваться в доработанном варианте для проверки и оценки законности и обоснованности прекращения уголовного дела, уголовного преследования. Однако общий вывод о всесторонности, полноте и объективности деятельности следователя, безусловно, должен сформулировать прокурор. Для повышения эффективности деятельности могут быть созданы специальные программы памятки, которые содержат криминалистические методики и узловые вопросы, которым следует уделить повышенное внимание. Цифровые программы могут быть активно использованы для сличения документов и выявления фактических ошибок. Такая автоматизация особенно актуальна, когда решение нужно вынести по делу, отраженному в большом количестве томов. Отдельно можно создать программу, которая будет анализировать правильность постановки на учет. Кроме того, программа может сверять принятое прокурором решение на наличие фактических ошибок и пробелов и выдавать рекомендации по их устранению.

Заслуживает также внимания цифровая технология «Legal teach» (технология решения) представляющая собой технологию типовых решения определенных видов юридических вопросов, подготовки проектов юридических документов, контроля сроков и др. Представляется целесообразным взвешенный подход к проработке вопроса о возможности ее использования в качестве основы для подготовки программы, предназначенной для анализа материалов

Чтобы создать комплексную программу, деятельность прокурора должна быть строго очерчена. На данный момент критерии решения прокурора закреплены лишь в Приказе генеральной прокуратуры. Представляется, что такие требования, как и круг задач, стоящих перед прокурором должны быть закреплены в УПК, чтобы обеспечить для программы законодательную базу.

Стоит также отметить, что для принятия правильного решения прокурор должен проверить сроки и законность производства следственных действий, что разумно осуществлять не при поступлении дела, а при совершении таких действий, то есть реализовывать предварительный надзор. В ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ указано, что прокурору направляется только уведомление об удовлетворении ходатайства подозреваемого и о производстве дознания в сокращенной форме [8]. Представляется целесообразным предусмотреть в ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ направление прокурору не уведомления, а копии ходатайства подозреваемого и постановления об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме либо постановления об отказе в удовлетворении ходатайства.

С точки зрения оптимизации деятельности прокурора интересной будет позиция А. В. Спирина о возложении на прокурора обязанности составлять обвинительное постановление, что повысило бы требовательность прокурорского надзора и подготовило бы прокурора к поддержанию государственного обвинения [9]. На наш взгляд, расширение полномочий прокурора необходимо, это обусловлено не только надзором, но и сущностью уголовного производства.

В заключении стоит отметить, что органы прокуратуры имеют важную роль в уголовном производстве. От деятельности прокурора зависит реализация принципа законности и защита граждан от незаконного и обоснованного обвинения. Считаем, что деятельность прокурора необходимо оптимизировать путем внедрения цифровых систем. В первую очередь, это касается организационных вопросов, например, сверка фактических данных, содержащихся в материалах уголовного дела. Это упростит прокурору процедуру вынесения решения. Конечно, полный переход на цифровые технологии невозможен, однако частичная передача позволит повысить эффективность и скорость реагирования прокуроров. Для перестраивания деятельности прокуратуры необходимо изменение законодательной базы. В первую очередь, речь, конечно, речь идет о внесении критериев обоснованности решения прокурора в УПК, а также изменения ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ. В качестве образца для реформирования может быть использован УПК РСФСР 1960г., где функции прокурора по принятию постановления более детализированы, чем в действующем законодательстве. Представляется целесообразным вернуть прокурору право на дачу согласия следователю на обращение в суд с ходатайством, об избрании меры пресечения или производстве каких-либо процессуальных действий. Наша позиция обусловлена тем, что именно прокурор по смыслу закона должен обладать полномочиями, которые позволяют обеспечить обоснованность и законность мер процессуального принуждения, так как именно они ограничивают конституционные права и свободы участников судопроизводства. В тоже время такие меры упростят прокурору работу по вынесению решения, так как количество нарушений в перспективе снизится.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // СПС «Консультант Плюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // СПС «Консультант-плюс».
3. Бессарабов В. Г. Прокурорский надзор: учебник. - М.: ТК Велби, 2006. - 536 с.
4. Исаенко В. М. О возможностях использования прокурором цифровых технологий при рассмотрении уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением// Проблемы экономики и юридической практики. - 2020. - № 3. - С. 1-6.
5. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // СПС «Консультант-плюс».
6. Таболина К. А. Надзор прокурора в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых отношений // Актуальные проблемы российского права. - 2023. - № 4 (149). - С. 1-9.
7. Исаенко В. Н. Цифровые технологии как инструмент прокурорского надзора на стадии предварительного расследования // Пробелы в российском законодательстве. - 2019. - № 6. - С. 1-5.
8. Трифонова К. А. Особенности деятельности прокурора по изучению материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным постановлением // Научный компонент. - 2021. - № 3 (11). - С. 1-7.
9. Спирин А. В., Журавлев Н. М. Особенности прокурорского надзора за дознанием в сокращенной форме // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2018. - № 1 (43). - С. 88-96.

ЛАТЫПОВА Динара Мансуровна
кандидат юридических наук, доцент ВАК, заместитель начальника кафедры уголовно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВИДОВ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена анализу проблемных аспектов законодательной регламентации видов наказаний. Предлагаются изменения в нормы уголовного законодательства касательно отдельных видов наказаний. Автор предлагает пересмотреть перечень видов наказаний в ст. 44 УК РФ и расположить их в том порядке, который будет в большей степени соответствовать их нынешнему содержанию. В статье обосновывается необходимость законодательной регламентации возможной замены штрафа любым видом наказания в пределах санкции статьи во всех случаях злостного уклонения от его уплаты. В части 5 ст. 56 УК РФ следует указать нормы, предусматривающие уголовную ответственность за экстремизм и диверсионную деятельность таким образом, чтобы увеличить срок наказания в виде лишения свободы за их совершение при совокупности составов.
Ключевые слова: наказание, штраф, лишение, обязательные работы, исправительные работы, лишение свободы.

LATYPOVA Dinara Mansurovna
Ph.D. in Law, associate professor of the Higher Attestation Commission, Deputy Head of Criminal law disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE LEGISLATIVE REGULATION OF TYPES OF PUNISHMENT IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the analysis of problematic aspects of legislative regulation of types of punishment. Changes to the norms of criminal legislation concerning individual types of punishment are proposed. The author proposes to revise the list of types of punishment in Art. 44 of the Criminal Code of the Russian Federation and arrange them in the order that will better correspond to their current content. The article substantiates the need for legislative regulation of the possible replacement of a fine with any type of punishment within the sanction of the article in all cases of malicious evasion of its payment. Part 5 of Art. 56 of the Criminal Code of the Russian Federation should specify the norms providing for criminal liability for extremism and sabotage in such a way as to increase the term of punishment in the form of imprisonment for their commission in a combination of elements.
Keywords: punishment, fine, imprisonment, compulsory labor, correctional labor, imprisonment.

Институт наказания в уголовном праве занимает одно из центральных мест. Справедливым наказание будет в случае соблюдения принципов уголовного права, а именно соответствия назначаемого наказания тяжести совершенного преступного деяния.

История развития уголовного законодательства нашей страны по-разному отражает цели наказания. Общая превенция осуществлялась, в том числе через законодательное закрепление сущности видов наказания в том виде, который соответствовал развитию общественного сознания в тот или иной период.

Законодательная регламентация видов наказания предусмотрена в ст. 43-59 УК РФ, в нормах определены сущность, пределы и условия назначения всех видов наказания, которые учитывает и применяет суд, определяя меру ответственности за совершенное преступное деяние. Нередко несовершенство в законодательном формулировании содержания того или иного вида наказания не позволяет суду применить его и как следствие нарушается баланс между тяжестью содеянного и той степенью правоограничений, которые налагаются на осужденного при вынесении обвинительного приговора.

Все виды наказаний предусмотрены в ст. 44 УК РФ, они структурированы, по степени ограничений прав и свобод осужденного располагаются от менее к более строгим видам наказаний.

По поводу расположения видов наказаний в ст. 44 УК РФ в литературе уголовного права не утихает спор. С момента первоначальной редакции видов наказаний в том виде как они были закреплены в УК РФ, и сегодняшним законодательным их закреплением имеется существенная разница. Это обосновано изменениями, которые произошли в нашем обществе, и которые обусловили цели, которые ставит перед собой УИС в целом. В качестве примера можно привести такой вид наказания как штраф. Законодательная регламентация штрафа в настоящее время не позволяет нам говорить, что по степени ограничения данный вид наказания является более строгим, чем обязательные работы или лишение права занимать определенные должности. Законодательно предусмотренный максимальный размер штрафа – 500 млн. рублей представляет существенное денежное правоограничение осужденного по сравнению с обязательными работами либо запретом заниматься тем или иным видом деятельности. Назрела острая необходимость пересмотреть перечень видов наказаний в ст. 44 УК РФ и расположить их в том порядке, который будет в большей степени соответствовать их нынешнему содержанию.

Относительно штрафа имеются и другие аспекты несовершенств в плане законодательной регламентации. Следует согласиться с распространенным в настоящее время мнением, что штраф, исчисляемый в размене заработной платы осужденного, является менее распространенным по сравнению с твердо фиксированной суммой, которую осужденному назначает суд. Зависимость уплаты штрафа от наличия дохода осужденного представляется не верным. Поэтому представляется необходимым исключить данную форму уплаты штрафа из нормы ст. 46 УК РФ.

В 2020 г. в норму статьи были внесены изменения. Был дополнен вид предмета преступления, являющегося крите-

рием определения размера штрафа. Изменения были обусловлены появлением новых преступных деяний, связанных с нарушениями, допускаемыми при заключении государственных контрактов. Однако нагромождение в ч. 2 ст. 46 УК РФ излишнего перечисления видов предмета преступления не облегчает для правоприменителя толкование нормы. Часть 5 исследуемой нормы также вызывает возражение. Установленный законодателем запрет на замену штрафа в случае его злостного уклонения таким видом наказания как лишение свободы не является оправданным. Однако возможность подобной замены предусмотрена за преступления коррупционного характера. Представляется необходимым устранить данное противоречие и предусмотреть возможность замены штрафа любым видом наказания в пределах санкции статьи, что выступит дополнительным стимулом для осужденного не уклоняться от возложенной на него обязанности – своевременно уплатить назначенный ему судом штраф.

Лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью. Вид наказания, который утратил свою актуальность ввиду отсутствия законодательно предусмотренных последствий уклонения от его отбывания. Правоприменители отмечают большое количество случаев уклонения осужденных от отбывания указанного вида наказания. Последствием уклонения от отбывания исследуемого вида наказания является продление срока его отбытия на тот период, который достоверно подтвержден, что осужденный уклонялся от возложенной на него обязанности не заниматься видом запрещенной ему деятельности. Порою процедурно проверить это не представляется возможным. Зная это несовершенство уголовного законодательства, осужденные зачастую уклоняются от его отбытия. Выходом из этой коллизии, будет законодательная регламентация возможной замены наказания предусмотренного ст. 47 более строгим видом наказания, в том числе лишением свободы и принудительными работами.

Преступление, предусмотренное ст. 48 УК РФ предусматривает возможность лишения звания, чина, наград в случае совершения тяжкого и особо тяжкого преступления. Законодатель связывает вид наказания с общественной опасностью совершенного им преступного деяния. Однако любое по категории преступление представляет общественную опасность. Исследуемый вид наказания выступает в качестве дополнительного, в санкциях статей УК РФ он отсутствует. Почему законодатель ограничил его назначение указанием на конкретные категории не ясно. Суд, учитывая личность виновного, решает, лишать его звания или нет. Лицо, совершая любое по категории преступление – нарушает закон, и уже на этом основании может быть поставлен вопрос о не соответствии имеющихся у него званий, наград тому преступному поведению, которое он допустил. Поэтому представляется необходимым исключить из нормы ст. 48 указание на категории преступления.

Обязательные работы являются основным видом наказания. Сущность данного вида наказания заключается в выполнении бесплатных работ определенное количество часов в день. Ограничение по времени выполнения работ в течение дня обусловлено растянутостью данного вида наказания на определенное количество дней. Вместо самостоятельного определения своего времяпровождения осужденный вынужден выполнять, как правило, неквалифицированный труд в тех сферах, которые не пользуются спросом у населения. Законодатель указал, что обязательные работы отбываются до четырех часов в день, однако не ограничил максимальный временной промежуток для осужденных женщин, имеющих детей от 3 до 14 лет, инвалидов иной группы кроме первой. Указанные категории осужденных также требуют послаблений при отбывании ими наказания в силу физических недостатков (для инвалидов) и необходимости осуществления ухода за детьми (для женщин, имеющих детей). Данный пробел представляется необходимым устранить, указав в ст. 49 УК РФ ограничения для данных категорий осужденных по времени отбытия ими работ в день – до двух часов.

Указание в ст. 50 УК РФ на наличие либо отсутствие работы у осужденного к исправительным работам представляется казуальным и излишним. Правильным представляется определение в части 1 указанной статьи сущности данного вида наказания, а именно «исправительные работы заключаются в выполнении осужденным работ как по основному месту работы, а в случае ее отсутствия – в местах определяемых органами местного самоуправления по согласованию с УИИ». Указание на район места жительства осужденного представляется излишним. Например, осужденный имеет трудовую специализацию, характерную для учреждения или предприятия (например, завод по производству сложного технического оборудования), располагающегося в районе не являющимся местом жительства осужденного. В связи с этим указание, имеющееся, в норме на район места жительства осужденного как место отбывания им наказания представляется не верным. Не регламентирован в законе порядок осуществления расчета отбытого осужденным наказания по времени, в случае если он работает вахтовым методом. Если осужденный работает месяц и из его заработка производятся удержания, данный месяц идет в срок наказания, следующий месяц, в течение которого осужденный не работал – в срок наказания не засчитывается. Указанный пробел подлежит законодательной регламентации и должен получить разъяснения.

Лишение свободы – один из самых строгих видов наказания. Более строгим выступает лишь пожизненное лишение свободы. Законом предусмотрены сроки лишения свободы, при этом в ст. 56 УК РФ предусмотрены максимальные сроки лишения свободы при совокупности преступлений и приговоров. В настоящее время в нормах действующего законодательства активное внимание уделяется криминализации преступлений экстремистского характера и диверсионной деятельности. Указанные преступные деяния с наибольшей полнотой находят отражения в новых нормах, предусматривающих уголовную ответственность за все виды прикосновенности к их совершению. Криминализация экстремизма и различных проявлений диверсионной деятельности происходит на фоне увеличивающихся случаев их совершения. В качестве ответа на требования общественности по их предотвращению и одной из мер предупредительного характера может выступить закрепление в части 5 ст. 56 УК РФ норм, предусматривающих уголовную ответственность за экстремизм и диверсионную деятельность. Таким образом, при совокупности указанных преступлений максимальный срок лишения свободы за их совершение существенно увеличится.

Пристатейный библиографический список

1. Латыпова Д. М. Проблемы законодательной регламентации и применения наказаний, назначаемых в качестве основных и дополнительных // Вестник Самарского юридического института. - 2018. - № 1 (27). - С. 47-50.

ПЕРЕЖОГИНА Галина Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Институт государства и права, Тюменский государственный университет

БУЯНОВА Лилия Андреевна
магистрант, Институт государства и права, Тюменский государственный университет; независимый исследователь

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕПРОДУКТИВНОГО БИОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

В статье рассматриваются особенности уголовно-правовой охраны репродуктивного биологического материала, включая половые клетки и ткани репродуктивных органов. Анализируются пробелы в российском уголовном законодательстве, а также опыт зарубежных стран в этой сфере. Особое внимание уделяется необходимости закрепления уголовной ответственности за незаконное изъятие, использование и оборот репродуктивного материала. Автор предлагает варианты дополнения действующего законодательства и обосновывает необходимость комплексной правовой защиты биогенетических прав человека.

Ключевые слова: репродуктивный материал, уголовное право, половые клетки, биобезопасность, согласие, биомедицина, уголовная ответственность.

PEREZHOGINA Galina Vladimirovna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty, Institute of State and Law, Tyumen State University

BUYANOVA Liliya Andreevna
magister student, Institute of State and Law, Tyumen State University; independent researcher

CRIMINAL LAW PROTECTION OF REPRODUCTIVE BIOLOGICAL MATERIAL

The article examines the criminal law protection of reproductive biological material, including gametes and reproductive tissues. It analyses legal gaps in Russian criminal legislation and compares foreign approaches in this area. Special attention is given to the need for criminal liability for the illegal removal, use, and trade of reproductive material. The author proposes amendments to existing legislation and argues for comprehensive legal protection of human biogenetic rights.

Keywords: reproductive material, criminal law, gametes, biosafety, consent, biomedicine, criminal liability.

Современное развитие биомедицинских технологий, особенно в области репродукции, существенно трансформирует не только медицинскую практику, но и правовую реальность. Биотехнологии становятся одной из наиболее динамичных и востребованных сфер научного прогресса, направленного на охрану здоровья и повышение качества жизни. Вместе с тем широкое внедрение таких технологий требует наличия правовых механизмов, способных обеспечить этически взвешенное и юридически обоснованное регулирование новых форм обращения с человеческими биологическими материалами. Особенно остро эти проблемы встают в связи с использованием репродуктивного биологического материала, правовой режим которого остается не до конца определённым.

Понятие «репродуктивный биологический материал» в российской правовой системе не имеет универсального закрепления, но на практике охватывает половые клетки (ооциты, сперматозоиды), ткани репродуктивных органов и эмбрионы человека, изъятые из организма и используемые в целях осуществления репродукции. Упоминание данного термина содержится, в частности, в пункте 2 раздела I Приложения № 1 к приказу Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н, регулирующего порядок применения вспомогательных репродуктивных технологий. В рамках этого нормативного акта также установлен исчерпывающий перечень допустимых действий в отношении таких материалов, включая криоконсервацию, использование для лечения бесплодия, донацию и уничтожение.

Правовая природа репродуктивного биологического материала в научной литературе оценивается неоднозначно и является предметом активных дискуссий. Так, ряд исследователей высказывают позицию о том, что с момента отделения от организма человека биологические объекты должны приобретать статус вещи, ограниченной в гражданском обороте. В частности, М. Н. Малеина [3] подчеркивает, что органы, ткани и клетки, отделенные от тела, становятся объектами материального мира, обладающими вещной природой. Подобного взгляда придерживается и Д. В. Лоренц [2], который предлагает разграничить правовой режим различных видов биологического материала: жизненно важные органы и ткани признавать самостоятельными объектами, а возобновляемые (кровь/сперма) приравнивать к движимым вещам, допускающим возмездные сделки и даже наследование.

Сходную аргументацию развивают С. Н. Мызров и В. А. Нагорный [4], выступающие за признание биологического материала вещью и внесение соответствующих изменений в ст. 128 Гражданского кодекса РФ, прямо упоминая органы и ткани в числе объектов вещных прав. Они предлагают не ограничивать гражданский оборот таких объектов, включая репродуктивные ткани, допускающие их куплю-продажу.

Аргументы сторонников вещно-правовой концепции основываются на представлении о материальной природе и практической полезности биологических материалов, однако такой подход вызывает вопросы. Во-первых, как справедливо замечает В. А. Лапач [1], способность объекта удовлетворять материальные или духовные потребности является общей характеристикой любых объектов гражданских прав, а не исключительным признаком вещей. Во-вторых, ссылка на материальность как критерий «вещности» некорректна, так как не всякий предмет материального мира является вещью в юридическом смысле.

В. В. Ровный [5] в этом контексте указывает, что наряду с вещами существуют «невещные» предметы, которые также принадлежат к материальной реальности, но не могут быть признаны вещами с точки зрения правового режима.

Принципиальное ограничение на придание репродуктивному биоматериалу статуса вещи вытекает из положений ст. 21 Конституции Российской Федерации, согласно кото-

рой достоинство личности охраняется государством и не может быть преуменьшено. В этой связи денежная оценка тела человека, его органов, тканей и клеток прямо противоречит конституционному принципу уважения человеческого достоинства. Следовательно, правовой режим, предполагающий оборотоспособность и экономическое использование репродуктивного биологического материала, вступает в противоречие с основами конституционного строя, ориентированного на приоритет личности и ее прав.

Правовое регулирование обращения с человеческими органами, тканями и репродуктивным биологическим материалом в международной практике также основано на принципе недопустимости их коммерческого использования. Этот подход закреплён в Конвенции о защите прав человека и достоинства личности в связи с применением достижений биологии и медицины. В соответствии со статьей 21 данной Конвенции, тело человека и его части не могут использоваться как источник получения финансовой выгоды. Этот запрет раскрыт и конкретизирован в Пояснительном докладе к Конвенции, в котором подчёркивается, что продажа органов, тканей и клеток противоречит фундаментальному принципу уважения человеческого достоинства, закреплённому в преамбуле и статье 1 Конвенции. Исключение допускается только для таких биологических объектов, как волосы и ногти, которые не содержат в себе значимой биологической или генетической информации.

Аналогичный подход закреплён в других международных документах. Так, в пункте 20 Рекомендаций Парламентской ассамблеи Совета Европы по генной инженерии № 934 от 1982 года указано, что передача материалов, полученных из человеческих эмбрионов, допускается исключительно в целях проведения научных исследований с диагностической, профилактической или терапевтической целью, при этом их продажа категорически запрещена. В заявлении Всемирной медицинской ассамблеи о торговле живыми органами, принятом в Брюсселе в 1985 году, осуждается практика коммерческого обращения с органами, в особенности в условиях эксплуатации уязвимых категорий населения в слаборазвитых странах. Этот запрет был повторно подтверждён в Декларации о трансплантации человеческих органов, где подчеркивается, что любые формы купли-продажи человеческих органов, а также половых клеток (яйцеклеток, сперматозоидов и эмбрионов) недопустимы, поскольку даже после изъятия они сохраняют связь с личностью донора. Репродуктивный биоматериал является носителем генетической информации, определяющей развитие будущего человека, а потому не может быть отчуждён и обезличен как обычный объект оборота.

Вопрос обезличивания репродуктивного материала имеет особое значение. Анонимизация половых клеток, применяемых для репродуктивных целей, с одной стороны, может представляться как способ защиты частной жизни донора. Однако при более глубоком рассмотрении становится, очевидно, что такая практика нарушает права и интересы третьего лица, а именно будущего ребёнка, зачатого с использованием этого материала. Генетическое происхождение ребёнка связано с его правом на здоровье, личную идентичность, на установление фактов биологического родства и предупреждение кровнородственных браков. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что знание информации о своем генетическом происхождении представляет собой существенный интерес личности, непосредственно затрагивающий такие ценности, как жизнь, здоровье и семейное положение. Отсутствие такой информации может привести к вступлению в брак с близким биологическим родственником, что влечёт не только правовые, но и медицинские последствия, повышая риск наследственных заболеваний.

Более того, развитие генной инженерии и биотехнологий усиливает риски недобросовестного и преступного использования репродуктивного материала. В ряде случаев использование эмбрионального материала происходит без согласия, с нарушением законодательства и прав донора. Известны случаи, когда абортивный материал применялся в фармакологической и пищевой промышленности.

Так, компания Senomyx использовала клетки, полученные от абортированных эмбрионов для разработки вкусовых усилителей, полученных из эмбриональных почек, активно используется в биомедицинских исследованиях и генной терапии. Эти факты свидетельствуют о том, что при отсутствии правового контроля репродуктивный биологический материал может быть превращён в объект экономической эксплуатации, что напрямую нарушает принципы биомедицинской этики и международного права.[1]

Еще одним ярким подтверждением актуальности проблемы уголовно-правовой охраны репродуктивного биологического материала является недавний случай, произошедший в Грузии. На так называемой «ферме яйцеклеток» систематически эксплуатировались женщины из Таиланда, более сотни, которых были вывезены из своей страны под ложным предлогом трудоустройства[2]. В действительности они оказались в положении современного рабства, подвергшись насильственному изъятию яйцеклеток для последующей продажи. Этот пример демонстрирует, насколько опасным может быть отсутствие эффективного уголовно-правового контроля за обращением с репродуктивным материалом. Он также подчеркивает необходимость разработки специальных правовых механизмов, способных обеспечить защиту, как самих доноров, так и будущих детей, чьи интересы затрагиваются при использовании таких клеток.

В настоящее время российское уголовное законодательство содержит нормы, затрагивающие вопросы незаконного использования биологического материала, в том числе органов и тканей человека. Так, пункт «м» части 2 статьи 105 УК РФ устанавливает ответственность за убийство, совершённое с целью изъятия органов или тканей потерпевшего, а пункт «ж» части 2 статьи 111 УК РФ за причинение тяжкого вреда здоровью. Статья 120 УК РФ предусматривает наказание за принуждение к изъятию органов или тканей для трансплантации. Кроме того, пункт «ж» части 2 статьи 127.1 УК РФ квалифицирует торговлю людьми в целях изъятия органов или тканей как особо тяжкое преступление против свободы и достоинства личности.

Однако, несмотря на наличие этих составов, в уголовно-правой охране сохраняется значительный пробел. Закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека» прямо запрещает их куплю-продажу, а также указывает на уголовную ответственность за подобные деяния. Тем не менее, в самом Уголовном кодексе РФ отсутствуют специальные нормы, прямо предусматривающие ответственность за куплю-продажу, хранение, транспортировку или иные противоправные действия с объектами трансплантации или репродуктивного биологического материала. Органы и ткани не признаются имуществом в гражданско-правовом смысле, а их оборот осуществляется исключительно в рамках оказания медицинской помощи. Следовательно, действия, выходящие за пределы легального применения. Например, коммерческое посредничество, хранение без согласия донора или использование по незаконному назначению, оно не охватываются действующими уголовно-правовыми мерами, что оставляет пространство для злоупотреблений.

Правовая концепция изъятия и использования биологического материала человека основывается на презумпции

1 Намлиева А. Шокирующее разоблачение: клетки абортированных эмбрионов применяются в пищевой, косметической и фармацевтической индустриях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://medalternativa.info/entry/nerozhdyonnye-deti/?ysclid=lrolpshsz0656212272.

2 100 таек попали в рабство на «ферму яйцеклеток» в Грузии. // Сноб. - 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://snob.ru/news/100-taiskikh-zhenshchin-popali-v-rabstvo-na-fermu-iaitsekletok-v-gruzii/.

добровольности, информированного согласия и медицинской целесообразности. Прижизненное изъятие биологического материала, особенно репродуктивного, предполагает вмешательство в тело донора, сопряжённое с рисками для его здоровья и, в отдельных случаях, жизни. Ввиду этого уголовное право должно выполнять защитную функцию не только по отношению к уже произошедшим последствиям, но и по предотвращению самой возможности принуждения, эксплуатации, недобровольного использования биоматериала, особенно в случаях, когда речь идёт о репродуктивных клетках, от использования которых зависит судьба будущего человека.

В целях устранения правового пробела и повышения эффективности защиты в данной сфере представляется необходимым обратиться к опыту зарубежных государств. Зарубежная практика демонстрирует различные подходы к уголовно-правовой охране обращения с репродуктивным материалом от полного запрета на его оборот до жёсткого лицензионного контроля и введения специальных составов преступлений. Не во всех странах существуют прямые уголовно-правовые запреты на незаконный оборот репродуктивных клеток, однако в ряде юрисдикций уже сформированы эффективные механизмы ответственности, направленные на противодействие подобным криминальным практикам. В этой связи актуальным является проведение сравнительного анализа законодательств государств, наиболее активно регулирующих данную сферу.

Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства демонстрирует наличие разнообразных подходов к уголовно-правовой охране репродуктивного биологического материала. Во многих государствах соответствующие нормы включены в специальные главы уголовных кодексов или закреплены в отдельных нормативных актах, посвящённых вопросам биобезопасности и охраны репродуктивных прав.

Во Франции действует проработанный уголовно-правовой механизм в области биомедицинской этики, предусматривающий ответственность за зачатие эмбрионов в исследовательских целях, незаконные биомедицинские эксперименты и торговлю эмбрионами. Охране подлежат как эмбрионы, так и половые клетки. Закон о защите эмбрионов ФРГ включает 28 составов преступлений, в том числе за клонирование и манипуляции с гаметами без согласия. В Испании (ст. 159 УК) наказуемо оплодотворение яйцеклетки вне целей воспроизводства и генные манипуляции без терапевтической цели. В Румынии уголовно запрещены создание эмбрионов и вмешательство в генотип (ст. 193–195 УК).

В странах постсоветского пространства также действуют нормы, направленные на защиту репродуктивного материала. В Молдове (ст. 161 УК) и Азербайджане (ст. 136 УК) предусмотрена ответственность за оплодотворение без согласия. Эстония, Кыргызстан и Казахстан прямо запрещают незаконную имплантацию яйцеклеток, создание химер и вывоз гамет в коммерческих целях. Израильский закон «О запрете генетического вмешательства» предусматривает временный запрет на любые манипуляции с половыми клетками, включая их редактирование.

Таким образом, в большинстве государств половые клетки рассматриваются как особые объекты, требующие отдельного уголовно-правового режима. Основные направления регулирования включают запрет на клонирование, генетические вмешательства, использование гамет без согласия, их коммерциализацию и трансграничную передачу, что позволяет защищать интересы, как доноров, так и будущих детей.

Репродуктивный биологический материал, включающий половые клетки, ткани репродуктивных органов и эмбрионы человека, представляет собой особый объект правовой охраны, поскольку несёт в себе не только биологическую и медицинскую ценность, но и глубокую генетическую и социальную значимость. В современной правовой доктрине и судебной практике наблюдается коллизия, где с одной стороны, репродуктивный материал отделяется от тела человека и участвует в медицинском обороте, а с другой он сохраняет неразрывную связь с личностью донора и потенциальным потомством, что исключает возможность его квалификации как вещи в гражданско-правовом смысле.

Проведённый анализ показал, что в российском уголовном законодательстве отсутствует системный подход к охране репродуктивного биоматериала. Имеющиеся составы преступлений охватывают лишь отдельные аспекты: принуждение к изъятию органов, использование без согласия, торговлю людьми в целях трансплантации. Однако правовые механизмы, направленные на пресечение незаконного оборота, купли-продажи, трансграничной торговли, недобровольного использования или анонимного донорства половых клеток - отсутствуют. Это создаёт правовой пробел, позволяющий недобросовестным субъектам использовать биоматериал без учёта прав и интересов, как донора, так и будущего ребёнка.

Международный опыт свидетельствует о растущем внимании к уголовно-правовой охране генетической и репродуктивной сферы. Законодательства Франции, Германии, Израиля, Эстонии и других государств предусматривают запреты на клонирование, вмешательство в половые клетки, оплодотворение без согласия, трансграничный вывоз гамет, а также на коммерческое использование репродуктивного материала. Эти нормы формируют особый режим биобезопасности и биоэтической ответственности, который в настоящее время отсутствует в России.

С учётом вышеизложенного представляется целесообразным развитие отечественного уголовного законодательства путём включения специальных, направленных на охрану репродуктивного биологического материала от незаконных и неэтичных форм обращения. Например, расширить диспозицию части 1 статьи 120 УК РФ, дополнив ее положениями, охватывающим незаконные действия еще и в отношении половых клеток и тканей репродуктивных органов:

«1. Принуждение к изъятию у человека органов, тканей, половых клеток, тканей репродуктивных органов или иных биологических компонентов, предназначенных для трансплантации, использования в целях репродукции либо в коммерческих целях»

Такой подход позволит не только восполнить правовой пробел, но и обеспечить баланс между достижениями медицины, защитой прав личности и необходимостью правовой безопасности в биотехнологической сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. - СПб.: Юридический центр-Пресс, 2002. - С. 38.
2. Лоренц Д. В. Квазизавещания человеческих органов и тканей // Нотариальный вестникъ. - 2013. - № 1. - С. 42-43.
3. Малеина М. Н. Разрешенные действия с эмбрионами и абортированными плодами человека и законодательные запреты // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2020. - № 5. - С. 92.
4. Мызров С. Н., Нагорный В. А. К вопросу о вещно-правовом статусе органов и тканей человека: дифференцированный подход к разрешению проблемы // Медицинское право. - 2014. - № 3. - С. 35-40.
5. Ровный В. В. Новейшее исследование предмета гражданского права: рецензия на монографию М. Н. Малеиной «Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита» // Сибирский юридический вестник. - 2000. - № 3.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-367-369

ПЕТАЙЧУК Антон Андреевич
старший преподаватель кафедры уголовного права, Амурский государственный университет, г. Благовещенск

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

В статье автор анализирует положения нормативных актов, закрепляющих вопросы противодействия преступности несовершеннолетних. Особое внимание уделяется исследованию правовых механизмов эффективности профилактики и предупреждения подростковой преступности в условиях введения военного положения. С 24 февраля 2022 года, когда Россия начала специальную военную операцию, началась ревизия действующего законодательства на предмет наличия норм, регламентирующих различные общественные отношения, возникающие в форс-мажорных условиях.

В процессе исследования выявляются пробелы, существующие в отраслевом законодательстве, ориентированном на снижение уровня преступности несовершеннолетних в условиях введения военного положения.

В заключении формулируются выводы, которые автор предлагает рассматривать как призыв к научной дискуссии.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, противодействие, военное положение, профилактика и предупреждение, органы внутренних дел, подростки.

PETAYCHUK Anton Andreevich
senior lecturer of Criminal law sub-faculty, Amur State University, Blagoveshchensk

LEGAL REGULATION OF PUBLIC CONTROL OVER THE PROVISION OF HUMAN RIGHTS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

In the article, the author analyzes the provisions of regulations that fix the issues of combating juvenile delinquency. Special attention is paid to the study of legal mechanisms for the effectiveness of prevention and prevention of juvenile delinquency in the context of martial law. On February 24, 2022, when Russia launched a special military operation, an audit of the current legislation began for the presence of norms regulating various public relations arising in force majeure. The study identifies gaps in sectoral legislation aimed at reducing juvenile delinquency in the context of martial law. In conclusion, the conclusions are formulated, which the author suggests considering as a call for scientific discussion.

Keywords: juvenile delinquency, counteraction, martial law, prevention and prevention, law enforcement agencies, teenagers.

Преступность несовершеннолетних и ее профилактика все чаще становится предметом исследования со стороны ученых на современном этапе. В условиях сложившейся политической обстановки в мировом сообществе, а также некой пробельности в плане регулирования общественных отношений в случае введения военного положения, потребность в таких исследованиях возрастает.

Говоря о преступности несовершеннолетних, будем руководствоваться положением ч. 1 ст. 87 УК РФ и рассматривать категорию лиц в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет.

Согласно статистике МВД России, в 2024 году нарушили уголовный закон более 21 тыс. несовершеннолетних, это на 6 % меньше, чем в 2023-м. Из них 15,5 тыс. (74 %) - обучающиеся и студенты, 4 тыс. - ранее совершали преступления, 1,5 тыс. - уже были судимы. Всего к уголовной ответственности в 2024 году за совершение преступлений привлечено 9,5 тыс. подростков в возрасте 14-17 лет [1].

Если анализировать показатели преступности за 2024 год, то можно сделать вывод, что среди самых распространенных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, являются корыстные преступления. Их доля составила 53 % от общего числа преступлений. Велика доля угонов автомобилей и преступлений, связанных с оборотом наркотиков. В действиях подростков чаще всего усматривается один мотив - получить определенную выгоду, удовлетворить какую-либо потребность. Кроме того, одной из особенностей подростковой криминальной среды также является групповой характер совершения преступлений. Так, в 2024 году 4,5 тыс. несовершеннолетних действовали в составе группы.

Судебная практика подтверждает, что подростки чаще всего совершают преступления во второй половине дня и в вечернее время - в период, когда они не задействованы в учебном процессе и остаются без присмотра.

Особую тревогу вызывает рост количества преступлений, напрямую связанных с негативной информацией, к которой дети получают доступ в интернете. Подростки, в силу психофизиологических особенностей возраста, не всегда могут критически воспринимать контент, что указывает на необходимость усиленного контроля со стороны родителей, а также государственных органов.

Современное общество сталкивается с проблемой распространения субкультур, провоцирующих несовершеннолетних на противоправное поведение. Их активное внедрение связано с широкой вовлеченностью подростков в интернет-пространство для общения и получения информации, в том числе и разрушительного характера. В числе подобных субкультур - признанные экстремистскими и запрещенные в Российской Федерации «Колумбайн», АУЕ, а также суицидальные сообщества. С помощью мессенджеров дети вовлекаются в преступные схемы: их используют для распространения наркотиков и организации диверсионных акций.

Только за 2024 год более 3,5 тыс. преступлений, совершенных несовершеннолетними, были связаны с незаконным оборотом наркотиков. Подростки, выступая в роли «закладчиков», становятся участниками наркооборота по инициативе взрослых, выстраивающих криминальные цепочки в интернете, в том числе в теневом сегменте сети.

Нельзя не отметить вред, который оказывают на подростков некоторые компьютерные игры. Зачастую несовершеннолетние проводят за компьютером все свободное вре-

мя, при этом содержание популярных игр нередко включает сцены насилия, формируя толерантное отношение к такому поведению в реальности. Кроме того, игровые чаты становятся площадкой, где подростки получают внимание от незнакомых людей, которые, используя доверие, склоняют их к совершению преступлений, в том числе таких опасных как диверсии.

Например, следственным управлением по Волгоградской области расследовано уголовное дело по факту совершения группой несовершеннолетних по предварительному сговору поджогов базовых станций сотовой связи под контролем куратора, который вовлекал подростков в совершение преступлений и давал указание по алгоритму подготовки к диверсиям через чат-бот.

Информация об использовании этой же интернет-площадки устанавливалась Восточным межрегиональным следственным управлением на транспорте в рамках уголовного дела по ч. 2 ст. 281 УК РФ. К совершению преступления причастны двое подростков, которые 24 марта 2024 года в составе группы по заданию неустановленного лица, организовавшего диверсионную деятельность на территории России, совершили попытку поджога релейных шкафов на железнодорожном перегоне в Ачинском районе Красноярского края. В ходе допроса один из подростков показал, что в поисках работы оставил свои персональные данные на этой платформе, и в ответ ему поступило сообщение с заданием поджечь релейные шкафы, координаты этих шкафов, инструкция, что приобрести для поджога. Оплата должна была осуществляться путем перечисления криптовалюты, для этого подросткам нужно было отправить видео, подтверждающее выполнение задания. В качестве мотива своих преступных действий они назвали материальную заинтересованность – констатирует А. И. Бастрыкин [1].

Среди регионов, в которых зафиксирован наибольший удельный вес несовершеннолетних, совершивших преступления, лидируют Новгородская область, республика Тыва, республика Карелия, Магаданская область, Еврейская автономная область, Новосибирская область, республика Бурятия, Иркутская область, Тюменская область, Алтайский край [2].

Несмотря на общее снижение показателей подростковой преступности на 3,6 %, проблема ее предупреждения является актуальной и требует разработки инновационных алгоритмов с учетом активного развития информационно-телекоммуникационных технологий, поэтапного внедрения искусственного интеллекта в различные сферы правоотношений и потенциального введения особого правового режима на территории страны – военного положения.

Так, заслушав доклад Генерального прокурора Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению за 2023 год, Совет Федерации Федерального Собрания рекомендовал Генеральной прокуратуре Российской Федерации уделить особое внимание мерам, направленным на снижение уровня подростковой преступности и количества преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, а также на противодействие правонарушениям в образовательных организациях[1].

Противодействие преступности – весьма распространенное в настоящее время понятие. По сути, оно заменило широко используемую в научной литературе до 2000-х годов дефиницию «борьба с преступностью» [3].

Вместе с тем, нормативного закрепления данного понятия в отечественном законодательстве нет. Однако некоторые нормативные акты включают в себя формулировки понятия противодействия отдельным видам противоправной деятельности. Так, под противодействием терроризму законодатель понимает деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц: а) по профилактике терроризма (предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов); б) борьбе с терроризмом (выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта); в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма[2]. Аналогичным образом трактуется противодействие коррупции[3], экстремизму[4].

Важно отметить, что в ряде международных документов, подготовленных под эгидой ООН, подчеркивается приоритет социального подхода в вопросах подростковой преступности над карательными мерами. В частности, Эр-Риядские руководящие принципы 1990 года подчеркивают, что профилактика преступности среди несовершеннолетних - это ключевой элемент общей системы предупреждения преступлений[5]. А Пекинские правила 1985 года рекомендуют активное внедрение положительных мер, способствующих благополучию подростков и снижению необходимости в принудительном вмешательстве государства[6].

Не вдаваясь в полемику относительно терминологии, акцентируем внимание на порядке осуществления различных действий, способствующих снижению уровня преступности несовершеннолетних в условиях военного положения.

Согласно положениям Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», одной из основных задач органов внутренних дел является борьба с преступностью, включая защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, охрану общественного порядка и обеспечение безопасности. Подростки как социально уязвимая категория находятся под особым вниманием полиции, особенно те из них, кто состоит на профилактических учетах или демонстрирует девиантное поведение. Такая адресная работа требует значительных усилий со стороны различных органов власти.

Также в соответствии со ст. 20 Федерального закона от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ[7], функции по предупреждению

1 Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации РФ от 22.05.2024 № 149-СФ «О докладе Генерального прокурора Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению за 2023 год» // Собрание законодательства РФ. - 2024. - № 22. - Ст. 2855.

2 Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025 г. № 16-ФЗ) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 11. - Ст. 1146.

3 Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024 г. № 522-ФЗ) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. - 2008. - № 52 (ч. 1). - Ст. 6228.

4 Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 22. - Ст. 3475.

5 Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) (Приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/112 на 68-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention (дата обращения: 07.05.2025).

6 Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 07.05.2025).

7 Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 01.04.2025 г. № 55-ФЗ) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. - 1999. - № 26. - Ст. 3177.

правонарушений несовершеннолетних в пределах компетенции возложены на органы внутренних дел. При введении военного положения состав субъектов профилактики не меняется, и эффективность этой деятельности напрямую зависит от четкой и слаженной работы правоохранительных структур в новых условиях.

Правовые основы введения военного положения и полномочия органов государственной власти в этот период определены Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 года № 1-ФКЗ «О военном положении». Этот нормативный акт обладает наивысшей юридической силой и имеет приоритет перед иными федеральными законами и подзаконными актами.

Военное положение - это особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии[8].

Как справедливо отмечает А. М. Кононов: «Решение Президента Российской Федерации о введении на новых российских территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей с 20 октября 2022 г. военного положения[9] перевело «чрезвычайное законодательство» из области теоретически-потенциальной в область практически-реальную» [4].

Одной из важнейших мер, осуществляемых на территории, где введено военное положение, и в сопредельных с ней регионах, является усиление охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Несомненно, что охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, противодействие преступности (в том числе подростковой) в условиях военного положения имеют ряд существенных особенностей в силу самого характера складывающейся оперативной обстановки [4]. Это связано также с тем, что в период действия военного положения в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства могут быть в необходимых пределах законодательно ограничены права и свободы граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства (в том числе несовершеннолетних).

Федеральные законы, которые закрепляют права и обязанности сотрудников правоохранительных органов (ФСБ, Следственного комитета РФ, прокуратуры РФ и др.) не содержат положений об изменении их статуса в условиях введения военного положения, исходя из чего можно заключить, что они при выполнении профессиональных задач будут руководствоваться нормами законов, действующих в мирное время.

В случае введения особого правового режима, думается, что должны действовать особые нормы, которые, с одной стороны, не изменяют порядок выполнения тех обязанностей, которые предусмотрены для всех органов власти отраслевыми законами в мирное время, но, с другой стороны, закрепляют дополнительные (исключительные) права и обязанности, реализация которых вызвана постановкой специальных задач для устранения агрессии против Российской Федерации.

В части мер, применяемых на территории, на которой введено военное положение, законодатель исчерпывающим образом закрепляет 22 позиции (ст. 7 ФКЗ «О военном положении»), 3 из которых были введены после того, как в 2022 году Президент России принял решение о введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей.

Одной из таких мер выступает принудительное и контролируемое перемещение граждан с территории, на которой введено военное положение, на территории, на которых военное положение не введено. Надо отметить, что данная мера может породить некие проблемы в плане работы участковых уполномоченных полиции, а также подразделений по делам несовершеннолетних районных, городских отделов (управлений) внутренних дел. Это, в свою очередь, потребует внесения дополнений в Федеральный закон «О полиции», согласно которым необходимо будет закрепить порядок деятельности органов внутренних дел на территории, на которой введено военное положение, а также дополнить некоторые иные законодательные акты нормами о порядке осуществления служебных полномочий правоохранительных органов в условиях особого правового режима (военного положения).

Резюмируя сказанное, можно высказать суждение о необходимости разработки так называемой «дорожной карты» по снижению уровня преступности несовершеннолетних, как в мирное время, так и в условиях введения военного положения. Такая программа, на наш взгляд, должна включать: сопровождение подростков психологами, развитие медиативных практик в школах, повышение результативности профилактики, контроль за несовершеннолетними мигрантами, обеспечение безопасности в образовательной среде, введение комендантского часа (при необходимости), а также ужесточение ответственности должностных лиц, допустивших упущения в работе с трудными подростками. Комплексная реализация предложенных мер создаст предпосылки для снижения подростковой преступности независимо от правового режима.

Пристатейный библиографический список

1. Интервью с А. И. Бастрыкиным. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/interviews/23587463 (дата обращения: 07.05.2025).
2. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2024 г. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/reports/item/56672721?ysclid=mahr1ihurz856155654 (дата обращения: 07.05.2025).
3. Тимко С. А. О сущности понятия «противодействие преступности» // Юристъ-правоведъ. - 2018. - № 1 (84). - С. 6.
4. Кононов А. М. Актуальные проблемы совершенствования правового регулирования деятельности органов, обеспечивающих общественный порядок, общественную безопасность и противодействие преступности в условиях военного положения // Академическая мысль. - 2023. - № 2 (23). - С. 93-97.

8 Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024 г. № 4-ФКЗ) «О военном положении» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 5. - Ст. 375.

9 Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Собрание законодательства РФ. - 2022. - № 43. - Ст. 7381.

ПЕТРОВСКИЙ Зорак Мартинович
помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по работе в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

Статья посвящена описанию такого негативного явления как противодействие доказыванию взяточничества в сфере госзакупок. Осуществлен анализ позиций исследователей в рамках определения понятия и сущности изучаемого явления, проведена его классификация. Отмечены цели и формы противодействия. Указаны общие аспекты противодействия, а также специфические, наиболее часто встречаемые при расследовании взяточничества в сфере закупочной деятельности. Приводятся общие способы преодоления противодействия расследованию, которые могут быть эффективно применены и при расследовании взяточничества и закупочной деятельности.

Ключевые слова: расследование взяточничества, доказывание взяточничества, противодействие доказыванию, преступления в сфере закупок, государственные и муниципальные закупки.

PETROVSKIY Zorak Martinovich
assistant to the Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation for work in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

COUNTERING THE PROOF OF CORRUPTION IN PUBLIC AND MUNICIPAL PROCUREMENT

The article is devoted to the description of such a negative phenomenon as counteraction to the proof of bribery in the field of public procurement. The analysis of the researchers' positions is carried out within the framework of defining the concept and essence of the phenomenon under study, and its classification is carried out. The goals and forms of counteraction are noted. The general aspects of counteraction are indicated, as well as the specific aspects that are most often encountered in the investigation of bribery in the field of procurement activities. General ways of overcoming counteraction to the investigation are provided, which can be effectively applied in the investigation of bribery and procurement activities.

Keywords: investigation of bribery, proof of bribery, counteraction to proof, crimes in the field of procurement, state and municipal procurement.

Развитие закупочной сферы в государстве имеет большую роль и значение для экономического развития, создавая условия для развития малого, среднего бизнеса, поддерживая предпринимательскую активность граждан, давая возможность реализовывать важные государственные и социальные проекты посредством поддержки через закупку товаров и услуг, а также выполнения работ, при этом создавать новые рабочие места и осуществлять отчисления в бюджет.

Значительное количество средств, вовлеченных в функционирование описанной системы, создает благоприятные условия для злоупотреблений различного характера, фактически ставя под угрозу экономическую безопасность государства.

На такое положение дел влияет большое количество факторов, среди которых наиболее существенными, на наш взгляд, являются сложность правового регулирования сферы закупок, его динамичность, высокая мобильность, большое количество принятых нормативных правовых актов в данной сфере, вовлечение очень больших финансовых ресурсов, а также недостаточный контроль, о чем в литературе уже было отмечено [9], [8], [7], [13]. Так, по данным отчета Счетной палаты в 2022 году в сфере закупок было расходовано около 27 триллионов рублей, эффективность расходования такой суммы остается неясной [4].

Наиболее серьезным видом злоупотреблений в сфере госзакупок, причиняющий как правило значительный ущерб интересам государства и общества является взяточничество, в которое часто бывают вовлечены не единичные лица, а целые группы, приобретающие черты организованных преступных.

Поэтому работа правоохранительных органов по выявлению фактов преступлений в анализируемой сфере ведется непрерывно и последовательно, изобличая виновных и привлекая их к уголовной ответственности [14], [3], [2].

Однако стоит отметить, что, в отличии от общеуголовной преступности, взяточничество в сфере закупок имеет свои специфические особенности, что заметно усложняет работу по выявлению и расследованию.

Как и любое взяточничество, взяточничество в сфере закупочной деятельности носит организованный и скрытый характер преступных действий, что является приемлемым для обеих сторон и является необходимым условием для сокрытия преступной деятельности. Чиновники высокого уровня все чаще становятся фигурантами коррупционных преступлений в сфере закупок [1].

Исследователи считают, что количество таких преступлений растет, тенденций к снижению не выявлено. Бастрыкин А.И. отмечает, что 2025 году было передано в суды на 29 % больше уголовных дел, связанных с коррупцией в сфере госзакупок, чем за аналогичный период прошлого года [1].

В силу обоюдного интереса скрыть факты преступных действий как взяткодателей, взяткополучателей так и посредников, ими осуществляется противодействие расследованию и доказыванию в самых различных формах, среди которых лжесвидетельствование, действия, направленные на подкуп и запугивание участников уголовного разбирательства, фальсификация доказательственной базы (уничтожение доказательств, создание «новых» доказательств, направленных на введение в заблуждение правоохранительных органов) и т.п.

В криминалистической литературе проблематике противодействия доказыванию серьезное внимание уделено в работах известного ученого Белкина Р.С., который указывал, что, прежде все, оно направлено на снижение эффективности работы органов расследования, препятствование изо-

бличение виновных в совершении преступления, выявлению соучастников и преступных схем, и в конечном счете – непривлечение виновных к уголовной ответственности, справедливому наказанию, возмещению ущерба. Перечисленные аспекты образуют цели противодействия.

Также упомянутый ученый отмечал, что противодействие доказыванию обладает признаками «внешнего» и «внутреннего» характера.

«Внутреннее» противодействие обусловлено деятельностью участников уголовного процесса, непосредственно имеющих отношение к совершенному преступлению, а именно сторона обвинения, сюда же относятся свидетели, эксперты, специалисты.

К «внешнему» противодействию Белкин Р.С. относит деятельность иных лиц, не связанных с совершением расследуемого преступления, однако в силу определенных обстоятельств (например, должностная подчиненность между лицом, расследующим преступление и лицом, ему противодействующим), оказывающих негативное влияние на доказывание [10].

В силу широкого многообразия форм противодействия, исследователями предложены различные классификации, некоторые из которых представляют интерес для рассматривания данного вопроса относительно противодействия доказыванию в сфере закупочной деятельности. Во многом они являются продолжением и развитием идей Белкина Р. С.

Так, например, предлагается формы противодействия разделять в зависимости от субъектов и объектов негативного воздействия.

Субъектами негативного воздействия называются лица, совершившие преступления; родственники, близкие и иные лица со стороны виновного; непосредственно лица, осуществляющие расследование; иные должностные лица, занимающие вышестоящую должность по отношению к следователю. Объектами выступают те, кто имеет или может иметь информацию и доказательства вины, а также сами лица, производящие расследование [11].

Участники закупочного процесса могут выступать в любом статусе, представленном в классификации, в зависимости от характера совершаемых ими преступных действий и роли в преступной группе при ее наличии.

Заказчиками выступают государственные и муниципальные учреждения, государственные компании или организации с государственной долей, а также частные заказчики (коммерческие компании), представители которых могут предлагать заказ при условии «отката» в качестве неправомерной выгоды – взятки – как условия получения заказа [15].

К категории поставщиков относятся производители, подрядчики, субподрядчики, которые могут выступать в роли взяткодателей. В закупочный процесс привлекаются и иные лица, такие как менеджеры по тендерам, тендерные аналитики, которые также могут быть участниками преступных коррупционных схем.

Обличение противодействия в конкретные действия образуют форму противодействия, также можно встретить определение «способы» противодействия [11]. Считаем, что и форма и способ противодействия отвечают на вопрос «Как?», «Каким образом?», поэтому представляется целесообразным рассматривать указанные дефиниции в качестве синонимичных, по сути не противоречащих друг другу и не описывающих разные явления.

В качестве формы противодействия расследованию называют сокрытие преступной деятельности, представляющую собой действия (бездействия) участников уголовного процесса, направленную на маскировку, фальсификацию или уничтожение доказательственной базы. В качестве таких участников могут выступать как непосредственно преступники, так и их сообщники (соучастники), или иные лица, которые по просьбе, договоренности или иным путем способствуют сокрытию, при этом не всегда являясь соучастниками [11]. Не исключены варианты участия в сокрытии и свидетелей, а также потерпевших лиц.

Ким Е. П. по результатам проведенного им исследования приводит данные о распределении форм противодействия расследованию коррупционных преступлений, где в процентном соотношении наиболее часто встречаются незаконные действия со стороны подозреваемых, обвиняемых и их защитников (около 50 % случаев), далее следуют действия, связанные с подкупом, шантажом, запугиванием, насилием в отношении свидетелей, оказание давления на членов их семей (около 10 %). Все чаще стали встречаться попытки опорочить через средства массовой информации лиц, осуществляющих расследование (около 3 %). Известны попытки оказать давление непосредственно на судей. Иные способы отмечены более, чем в 30 % случаев [6].

Хотелось бы детальнее остановиться на привлечении СМИ для дискредитации лиц, осуществляющих расследование. В связи с широким резонансом, которое могут вызвать публикации подобного рода, данная форма противодействия может быть достаточно «эффективной», что может оказать прямое воздействие на принятие решения. Распространяемая информация может быть как достоверной, так и ложной, с применением технологий DeepFake, касаться состояния здоровья, или личной жизни.

Считаем, что в таких случаях необходимо оперативно реагировать, давая соответствующую правовую оценку действиям виновных, привлекать их к ответственности за распространение ложных сведений, клевету или за вмешательство в частную жизнь лица. Защита чести, достоинства и деловой репутации регламентируется ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, Закон «О средствах массовой информации» обязывает издания публиковать только достоверную информацию.

Поэтому возможны варианты изъятия порочащих публикаций, и в последующем опубликование опровержений или извинений. В любом случае, законодательство Российской Федерации обладает необходимым инструментарием для защиты от воздействия через СМИ, однако таким технологиям борьбы с противодействием расследованию и доказыванию необходимо более широко обучать лиц, производящих расследование.

Еще одной формой противодействия расследованию взяточничества в закупках является фальсификация доказательств, лжесвидетельство, ложные показания [5]. Кроме активных действий в виде дачи ложных показаний лицо может отказаться их давать вовсе, таким образом пассивно противодействуя. Фальсификация представляет собой активную деятельность лица, оказывающего противодействие расследованию, направленную на искажение объективной реальности, отраженной в носителях информации, с истинной на ложную, таким образом препятствуя установлению истины.

Наиболее опасной формой противодействия является применение насилия, похищение, пытки, истязания, что приводит к отказу лиц, которые могут способствовать раскрытию преступлений, от совершения таких действий в целях обеспечения собственной безопасности. Такие действия могут осуществляются и в отношении лиц, производящих расследование, что, безусловно, окажет существенное негативное воздействие.

Цели противодействия достаточно разнообразны, среди них можно выделить отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение или приостановление возбужденного уголовного дела; избрание меры пресечения, не связанной с лишением свободы или изменение уже избранной меры пресечения; изменение квалификации деяния (на менее тяжкое, исключение соучастия и т.п.) [12].

Приведенные формы противодействия требуют реагирования и преодоления со стороны правоохранительных

органов. Среди наиболее эффективных мер, которые используются при нейтрализации противодействия расследованию необходимо выделить такие:

– меры правового характера, направленные на привлечение лиц, противодействующих расследованию, к уголовной ответственности, если в их действиях есть признаки других составов преступлений;

– меры оперативно-розыскного характера, направленные на документирование преступной деятельности лиц при получении информации о намерениях и попытках противодействовать расследованию;

– проведение дополнительных следственных действий, целью которых является установление подлинности обстоятельств, изобличение во лжи, проверка показаний и т.д.;

– проведение экспертиз, целью которых также является установление подлинных фактических обстоятельств для разрешения дела.

Подводя итоги исследования отметим, что противодействие доказыванию взяточничества в сфере государственных и муниципальных закупок является деятельностью участников уголовного процесса, направленной на препятствование осуществлению нормальной функциональной работы органов расследования в целях избежания наказания или его минимизации.

Мотивы и формы могут быть достаточно разнообразными, в случае если форма противодействия является самостоятельным преступлением, это требует дополнительной квалификации и правовой оценки. Меры преодоления противодействия для расследования общеуголовных преступлений актуальны и для расследования взяточничества в сфере госзакупок, однако данная проблематика требует своего дальнейшего исследования и разработки мер с учетом специфики закупочного процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Александр Бастрыкин: в работе следователей неуместен формальный подход. 25.07.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20250725/bastrykin-2031187527.html (дата обращения: 23.07.2025).
2. В Москве осужден бывший сотрудник Департамента государственных закупок Минобороны России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gvsu.gov.ru/news/v-g-moskve-osuzhden-byvshiy-sotrudnik-departamenta-gosudarstvennykh-zakupok-minoborony-rossii-/ (дата обращения: 23.07.2025).
3. Госзакупки – сфера особого внимания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rufincontrol.ru/article/297967/ (дата обращения: 23.07.2025).
4. Госзакупки в РФ остаются непрозрачными. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://academy-upr.ru/post/goszakupki-v-rf-ostayutsya-neprozracnymi (дата обращения: 28.07.2025)
5. Закатов А. А. Ложь и борьба с нею. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984. – 192 с.
6. Ким Е. П. О формах противодействия расследованию преступлений, связанных с проявлениями коррупции. Проблемы противодействия расследованию преступлений и пути их преодоления: сборник материалов Межведомственного научно-практического семинара (Хабаровск, 25 мая 2017 года) – Хабаровск: Пятый факультет повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск) ИПК ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. – 95 с. – С. 42-47.
7. Кичик К. В. «Дуализм» российского законодательства о публичных закупках // Современные проблемы хозяйственного законодательства. – 2019. – С. 47-63.
8. Количество нарушений при госзакупках резко возросло. Половина нарушений, выявленных Счетной палатой, связана с коррупцией. 28 июля 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/07/28/835532-kolichestvo-narushenii (дата обращения: 28.07.2025).
9. Коновалова З. А. Проблемы правового регулирования в сфере закупок // Проблемы экономики и юридической практики. – 2024. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-v-sfere-zakupok (дата обращения: 27.07.2025).
10. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / Под ред. проф. Т. В. Аверьяновой и проф. Р. С. Белкина. – М., 1997.
11. Мылус О. В., Салкуцан О. А. Противодействие предварительному расследованию и пути его преодоления // Столыпинский вестник. – 2023. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-predvaritelnomu-rassledovaniyu-i-puti-ego-preodoleniya (дата обращения: 27.07.2025).
12. Николайчук И. А. Сокрытие преступлений как форма противодействия расследованию // Под ред. Р. С. Белкина. – М.: Мегатрон XXI, 2000. – 233 с.
13. Очередные изменения нацрежима при закупках вступят в силу 19 июня 2025 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rufincontrol.ru/article/505801/ (дата обращения: 22.07.2025)
14. Следователями СК завершено расследование уголовного дела о подкупе члена комиссии по осуществлению госзакупок и провокации взятки. 15 Марта 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://saratov.sledcom.ru/news/item/1773664/ (дата обращения: 28.07.2025).
15. Торбин Ю. Г. «Откаты» как предмет взяточничества в сфере государственных и муниципальных закупок // Государственная служба и кадры. - 2024. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/otkaty-kak-predmet-vzyatochnichestva-v-sfere-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-zakupok (дата обращения: 28.07.2025).

СТУПИНА Светлана Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск

ДОЛГУШИНА Любовь Викторовна
кандидат химических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск

Ступина С. А.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕПРАВОМЕРНЫХ ОПЕРАЦИЙ С ЭЛЕКТРОННЫМИ СРЕДСТВАМИ ПЛАТЕЖА: СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ

Статья посвящена анализу существенных изменений в уголовно-правовом регулировании сферы электронных платежей, внесенных Федеральным законом от 24.06.2025 № 176-ФЗ в ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации. Авторы рассматривают признаки преступлений, предусмотренных ч. 4 и 6 ст. 187 УК РФ, анализируют понятие неправомерной операции и критерии ее квалификации. Особое внимание уделяется вопросам разграничения новых составов преступлений с мошенничеством, незаконной банковской деятельностью и легализацией денежных средств.

Ключевые слова: электронные средства платежа, неправомерные операции, преступление, уголовная ответственность, незаконная банковская деятельность, мошенничество, легализация.

Долгушина Л. В.

STUPINA Svetlana Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

DOLGUSHINA Lyubov Viktorovna
Ph.D. in chemical sciences, associate professor, Head of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF ILLEGAL TRANSACTIONS WITH ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT: THROUGH THE PRISM OF LEGISLATIVE NOVELS

The article is devoted to the analysis of significant changes in the criminal law regulation of electronic payments introduced by Federal Law No. 176-FZ dated 06/24/2025 in art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors consider the signs of crimes provided for in Parts 4 and 6 of art. 187 of the Criminal Code, analyze the concept of illegal operation and criteria for its qualification. Special attention is paid to the issues of distinguishing new types of crimes involving fraud, illegal banking and money laundering.

Keywords: electronic means of payment, illegal transactions, crime, criminal liability, illegal banking, fraud, legalization.

Стремительная цифровизация финансовой системы, ставшая неотъемлемым атрибутом современной экономики, породила не только новые возможности для участников гражданского оборота, но и спровоцировала качественную трансформацию преступной деятельности. Электронные средства платежа (далее – ЭСП), обеспечивая высокую скорость и трансграничный характер транзакций, одновременно превратились в ключевой инструмент в руках криминальных структур. В ответ на эти вызовы, выразившиеся в формировании теневой индустрии по предоставлению услуг «дропперов» или «денежных мулов», законодатель предпринял решительный шаг, дополнив Федеральным законом от 24.06.2025 № 176-ФЗ статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) новыми составами преступлений (части 3-6).

Криминологическая обусловленность данных новелл неоспорима и подтверждается как статистическими данными о росте дистанционных хищений, так и правоприменительной практикой, которая ранее сталкивалась с трудностями при квалификации действий лиц, умышленно предоставляющих свои платежные инструменты для вывода и легализации преступных доходов.

Как справедливо отмечалось в пояснительной записке к законопроекту № 909076-8, на территории России фактически сформировался «серый» рынок по сбыту ЭСП и доступа к ним, который функционирует как сервисная инфраструктура для совершения предикатных преступлений [1].

В свете таких законодательных новелл представляют интерес вопросы квалификации осуществления из корыстной заинтересованности клиентом оператора по переводу денежных средств неправомерных операций с использованием электронного средства платежа, предоставленного ему оператором по переводу денежных средств, по указанию другого лица и (или) в интересах такого лица (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ) (ч. 4 ст. 187 УК РФ), а также осуществления неправомерной операции с использованием электронного средства платежа, совершенного лицом, не являющимся стороной договора об

использовании этого электронного средства платежа, заключенного с оператором по переводу денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ) (ч.6 ст. 187 УК РФ).

Указанное обусловлено как необходимостью отграничения этого состава преступления от незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК РФ), а также соотношением такой преступной деятельности с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем.

Центральным элементом, формирующим объективную сторону новых составов, является понятие «неправомерная операция». Согласно примечанию 3 к ст. 187 УК РФ, под таковой понимается операция, связанная с движением денежных средств (перевод, выдача, получение), которые зачислены на счет клиента без предусмотренных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований. Данная дефиниция имеет принципиальное значение. Она смещает фокус уголовно-правовой оценки с характера самой транзакции (которая технически может быть безупречной) на юридическую порочность основания поступления денежных средств.

Такой подход законодателя заслуживает поддержки, поскольку он позволяет криминализировать именно транзитные операции, являющиеся неотъемлемой частью схем по отмыванию денег и выводу похищенных средств. Предметом преступления в данном случае выступают денежные средства, изначально имеющие криминальное происхождение в силу отсутствия легального титула у получателя.

Говоря о структуре неправомерной операции и ее объективных признаках, необходимо отметить, что предмет неправомерной операции составляют денежные средства, которые зачислены на банковский счет клиента оператора по переводу денежных средств без предусмотренных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований. Данный признак является основополагающим для квалификации операции как неправомерной [2, с. 336].

Одним из наиболее сложных для толкования и доказывания является критерий правомерности операции, связанный с согласием клиента. В гражданско-правовой доктрине согласие представляет собой волеизъявление, направленное на создание, изменение или прекращение прав и обязанностей. Однако в уголовно-правовом контексте ст. 187 УК РФ это понятие требует более глубокого анализа.

Введение в Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О национальной платежной системе» понятия «операции без добровольного согласия» (ч. 13 ст. 9) стало значительным шагом вперед, поскольку теперь к таковым относятся не только операции, совершенные без ведома клиента, но и те, согласие на которые было получено обманным путем или через злоупотребление доверием. Это нововведение напрямую направлено на противодействие изощренным методам социальной инженерии.

Тем не менее, на практике возникает фундаментальная проблема доказывания «порочности воли», поскольку «дроппер», передающий свою карту или доступ к онлайн-банку за вознаграждение, формально выполняет все необходимые для подтверждения операции действия: вводит PIN-код, сообщает SMS-пароли. Его воля направлена на получение материальной выгоды от предоставления своего ЭСП в пользование третьим лицам. Вопрос заключается в том, можно ли считать такое согласие юридически полноценным в контексте безопасности платежной системы? Представляется, что при доказывании умысла по ч. 4 ст. 187 УК РФ необходимо устанавливать, что лицо осознавало или должно было осознавать, что его ЭСП будут использованы для совершения именно неправомерных операций, то есть для транзита средств, не имеющих законного основания. Корыстный мотив в данном случае выступает катализатором, но не отменяет необходимости доказывания интеллектуального элемента умысла, направленного на обслуживание теневого оборота.

Отдельно отметим, что если операции рассматриваемой категории были совершены путем введения в заблуждение владельца приложения, включая применение технологий социальной инженерии, а также несанкционированного доступа к программному обеспечению [3, с. 22], то ответственность наступает при наличии всех признаков состава преступления по ч. 6 ст. 187 УК РФ и, при использовании несанкционированного доступа к компьютерной информации, по ст. 272 или 272.1 УК РФ в зависимости от вида информации.

Точная квалификация деяний по ч. 4 и ч. 6 ст. 187 УК РФ требует их четкого разграничения со смежными преступлениями.

Ключевое отличие от мошенничества, как нам видится, лежит в плоскости объекта посягательства и объективной стороны.

Так, составы ст. 187 УК РФ посягают в первую очередь на установленный порядок и безопасность функционирования национальной платежной системы. Их цель – пресечь создание инфраструктуры для совершения иных преступлений. Объектом же мошенничества выступают отношения собственности.

Новые составы ст. 187 УК РФ не содержат обязательного признака хищения – безвозмездного изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Клиент банка по ч. 4 ст. 187 УК РФ не лишается своих средств, а, наоборот, из корысти содействует транзиту чужих, незаконно полученных средств. Прямой материальный ущерб владельцу ЭСП не причиняется; ущерб наносится либо первоначальным жертвам преступлений (например, мошенничества), либо финансовой системе и государству в целом.

Разграничение исследуемых новых составов преступлений, предусмотренных ст. 187 УК РФ, от незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК РФ) следует проводить по совокупности признаков, характеризующих деятельность как разновидность предпринимательской.

Соответственно для ст. 172 УК РФ обязательным является признак систематичности осуществления банковских операций, направленных на извлечение прибыли как основного или существенного дополнительного источника дохода. Деяния же, предусмотренные ч. 4 и ч. 6 ст. 187 УК РФ, могут носить и разовый, эпизодический характер.

Субъективная сторона незаконной банковской деятельности включает цель систематического получения прибыли. Корыстная заинтересованность по ст. 187 УК РФ может выражаться в получении разового вознаграждения, которое не является результатом предпринимательской деятельности.

Наиболее сложным и дискуссионным аспектом для правоприменения выступает вопрос о соотношение с легализацией (отмыванием) денежных средств (ст. 174, 174.1 УК РФ).

Сокрытие преступлений, вывод наличных денежных средств, легализация преступных доходов без действий держателя ЭСП невозможны [4].

Основная цель легализации (ст. 174, 174.1 УК РФ) – это придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению доходами, полученными преступным путем.

Цель субъекта по ч. 4 ст. 187 УК РФ может быть значительно уже – получение сиюминутной выгоды за предоставление своего ЭСП, без полного осознания и разделения глобальной цели по отмыванию денег. «Дроппер» зачастую является лишь низшим звеном в преступной цепи, не посвященным во все детали схемы.

По нашему мнению в настоящее время возникает явный законодательный парадокс в связи с тем, что санкция по ч. 4 ст. 187 УК РФ предусматривает наказание вплоть до лишения свободы на срок до трех лет. В то же время, санкция за «простую» легализацию по ч. 1 ст. 174 УК РФ значительно мягче – только штраф. Учитывая, что новеллы ст. 187 УК РФ вводились именно для борьбы с инфраструктурой вывода и обналичивания преступных доходов, создается ситуация, когда пособничество в виде предоставления карты может наказываться строже, чем сама легализация. Эта диспропорция требует либо законодательной гармонизации, либо детальных разъяснений со стороны Пленума Верховного Суда РФ, которые бы определили правила квалификации при конкуренции данных норм.

Рассматривая вопросы соотношения преступлений, предусмотренных ст. 187 УК РФ и легализации полагаем, что в тех случаях, когда следствием будет доказано, что лицо, совершая неправомерную операцию по ст. 187 УК РФ, действовало с прямым умыслом, направленным именно на придание правомерного вида преступным доходам (то есть осознавало и разделяло цели организаторов схемы), его действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений – по соответствующей части ст. 187 УК РФ и ст. 174 УК РФ. Такая квалификация оправдана посягательством на два различных видовых объекта: безопасность национальной платежной системы и установленный порядок осуществления экономической деятельности.

Говоря о законодательных новеллах, нельзя не остановиться на актуальных вопросах правоприменения, которые, прежде всего, по нашему мнению, связаны с проблемой установления принадлежности «смешанных» денежных средств.

Так, сложной является ситуация, когда на счете «дроппера» находятся как его личные, законные средства, так и средства, зачисленные неправомерно. Для квалификации операции как неправомерной необходимо точно идентифицировать именно «криминальную» часть денежной массы. Здесь целесообразно по аналогии закона применять разъяснения, данные в п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», и устанавливать точный размер преступных доходов. С доктринальной точки зрения, при возникновении спора о принадлежности средств можно говорить о презумпции их принадлежности владельцу счета, при этом бремя доказывания обратного, то есть отсутствия законных оснований для зачисления конкретной суммы ложиться на сторону обвинения.

Таким образом, криминализация деяний, связанных с неправомерным оборотом ЭСП, является своевременным и необходимым ответом на вызовы цифровой эпохи. Федеральный закон № 176-ФЗ создал правовую основу для привлечения к ответственности «дропперов», которые ранее часто уходили от наказания.

Однако эффективность новых норм будет напрямую зависеть от решения ряда сложных теоретических и правоприменительных задач, связанных с разработкой доктринальной концепции «порочности воли» применительно к действиям лиц, вовлеченных в криминальные схемы под влиянием социальной инженерии или из корыстных мотивов; формирования четких критериев для разграничения составов ст. 187 УК РФ и смежных преступлений, в особенности с легализацией преступных доходов, и разрешения коллизии санкций.

Только комплексный подход, сочетающий догматический анализ, изучение правоприменительной практики и своевременную реакцию на возникающие проблемы, позволит в полной мере реализовать потенциал обновленной ст. 187 УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Пояснительная записка к законопроекту № 909076-8 «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации (об уточнении ответственности за неправомерный оборот электронных средств платежа)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/909076-8 (дата обращения: 06.07.2025).
2. Laptev V. A. Corporate Law: Legal Organization of Corporate Systems. – Moscow: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2020. - 352 p.
3. Боул Д. В. Правонарушения, совершаемые с использованием электронных средств платежа // Вестник экономической безопасности. - 2024. - № 3. - С. 20-24.
4. Предложено активнее бороться с неправомерным оборотом средств платежей // Адвокатская газета, 06.05.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.advgazeta.ru/novosti/predlozheno-aktivnee-borotsya-s-nepravomernym-oborotom-sredstv-platezhey/ (дата обращения: 06.07.2025).

ЮШИНА Юлия Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и криминалистики, Луганский филиал, Воронежский институт МВД России

КЛИНЧУК Светлана Васильевна
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь, подполковник полиции

Юшина Ю. В.

Клинчук С. В.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРЕСАХ ВЗЯТКОДАТЕЛЯ ПРИ ВЫМОГАТЕЛЬСТВЕ ВЗЯТКИ

В статье авторами изучены проблемы квалификации преступления, предусмотренного п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ, на основе этого сделан вывод о том, что в данной норме речь идет о защите исключительно законных интересов взяткодателя. Исследователями предложено квалифицировать как вымогательство взятки, требование должностного лица с угрозой использования своих дискреционных полномочий, так как они ставят в опасность именно законные интересы взяткодателя. Предложено уточнить легальное определение вымогательства взятки путем исключения указания на законность интересов взяткодателя в случае выполнения должностным лицом дискреционных полномочий.

Ключевые слова: взятка, взяточничество, законные интересы, вымогательство взятки, требование, должностное лицо, дискреционные полномочия, ответственность.

YUSHINA Yuliya Vladimirovna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines and forensics sub-faculty, Lugansk branch, Voronezh Institute of the MIA of Russia

KLINCHUK Svetlana Vasiljevna
senior lecturer of Criminal process and forensic science sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol, lieutenant colonel of police

ON THE ISSUE OF THE INTERESTS OF THE BRIBE GIVER WHEN EXTORTING A BRIBE

In the article, the authors studied the problems of qualification of the crime provided for in paragraph «b» of Part 5 of Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation, based on this, it was concluded that this provision deals with the protection of exclusively legitimate interests of the bribe giver. The researchers proposed to qualify as extortion of a bribe, the demand of an official with the threat of using his discretionary powers, since they endanger the legitimate interests of the bribe giver. It is proposed to clarify the legal definition of extortion of a bribe by excluding references to the legality of the interests of the bribe giver in the case of an official exercising discretionary powers.

Keywords: bribe, bribery, legitimate interests, extortion of a bribe, demand.

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации вымогательство взятки является не только квалифицирующим признаком преступления (п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ), но и одним из обязательных условий для освобождения от уголовной ответственности взяткодателя (примечание к ст. 291 УК РФ).

Ужесточение ответственности в этом случае обусловлено тем, что виновное лицо, используя служебное положение, осуществляет давление на взяткодателя, вынуждая его нарушить закон – дать взятку.

Иными словами, в отличие от традиционного состава (ч. 1 ст. 290 УК РФ), где на лицо свободное и добровольное соглашение между субъектами, при вымогательстве взятки налицо нарушение паритетных отношений между указанными участниками сделки, из-за того, должностное лицо (взяткополучатель) доминирует над частным лицом (взяткодателем), ставя его в зависимое положение, в связи с чем, законодатель предусмотрел возможность освобождения последнего от уголовной ответственности.

В контексте указанного, мы солидарны с мнением С. М. Будатарова: «Взятка является средством защиты от «нападения» должностного лица-вымогателя. Очевидно, что в этой ситуации, лицо давшее взятку, является жертвой, а не преступником» [1].

Согласно п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. 24.12.2019) «под вымогательством взятки следует понимать не только требование должностного лица, дать взятку, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействия), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и создание условий, при которых лицо, вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов (например, умышленное нарушение установленных законом сроков рассмотрения обращений граждан)» [2].

Из выше указанного разъяснения вытекает следующее: а) действия должностного лица характеризуются конкретным требованием либо могут создать условия, при которых лицо даст взятку; б) поведение взяткодателя носит вынужденный характер; в) цель взяткодателя – защитить свои законные интересы.

Тезис, приведенный нами в пункте «в» вынуждает признать отсутствие состава преступления, предусмотренного п.

«б» ч. 5 ст. 290 УК РФ, в случае вымогательства взятки со стороны должностного лица за незаконные действия, но желанные для взяткодателя.

Это касается, например, удовлетворения предложений взяткодателя освободить его от различного вида ответственности, неотображение в акте ревизии фактически выявленных недостач товарно-материальных ценностей, освобождение от военной службы, выдача здоровому пациенту листка временной нетрудоспособности и т.п.

На практике эта ситуация приводит к отказу в возбуждении уголовного дела по квалифицированному составу, предусмотренному п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ.

Приведем в качестве наглядного примера судебное решение по уголовному делу Приступова, который работая в должности следователя прокуратуры, вымогал взятку у подозреваемых в деле о групповом изнасиловании за освобождение их от уголовной ответственности.

Как указала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ: «Вымогательством является требование должностного лица вознаграждения под угрозой действий, которые могут причинить ущерб законным интересам взяткодателя……как следует из материалов уголовного дела и обвинительного заключения, Приступов вымогал взятку за незаконные действия в пользу взяткодателей, поэтому квалифицирующий признак «вымогательство взятки в его деяниях отсутствует» [3].

Анализируя, указанное судебное решение осознанным является вопрос о том, должна ли квалификация деяния взяткополучателя обуславливаться поведением взяткодателя? Представляется, что нет, в связи с чем, мы солидарны с позицией ученых, которые считают вымогательство взятки (п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ) самостоятельным и самодостаточным преступлением, предлагая его сепарировать за рамки основного состава ст. 290 УК РФ «Получение взятки» [1].

Кроме указанного, достаточно сложно, на наш взгляд, установить законность либо не законность интересов взяткодателя в ситуациях, когда должностное лицо вымогает взятку при выполнении им дискреционных полномочий.

Для иллюстрации этого тезиса, приведем пример с двумя претендентами на работу в учреждении только с одной вакансией. Так, осуществить выбор из двух кандидатов – это право руководителя, который может вымогать взятку одновременно у двух претендентов, рассчитывая трудоустроить лишь того, кто пообещает или даст более крупную сумму.

Полагаем, что указанный пример ярко свидетельствует о невозможности определения характера интересов взяткодателя в случаях выполнения должностным лицом «дискреционных полномочий». Специфический потенциал дискреции, безусловно, повышает риски злоупотреблений со стороны должностных лиц, что отрицательно может повлиять на права и интересы лиц.

В справочной литературе под дискрецией понимается принятие государственным органом или должностным лицом решения согласно личного (собственного) усмотрения [4].

Так, дискреционные полномочия судьи при осуществлении уголовного судопроизводства проявляются в том, что он принимает решение по своему усмотрению, при существовании двух и более вариантов возможного поведения.

Представляется, на сегодняшний день проблемы судейского усмотрения достаточно актуализированы кардинальными изменениями уголовного законодательства.

Вот несколько небезынтересных, на наш взгляд, примеров:

– суд вправе при отсутствии отягчающих и наличии смягчающих обстоятельств, с учетом условий, указанных в ч. 6 ст. 15 УК РФ изменить на менее тяжкую категорию преступления;

– суд может с учетом личности виновного лишить его специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ);

– суд может учитывать при назначении наказания и иные смягчающие обстоятельства, не указанные в ч. 1 ст. 61 УК РФ;

– с учетом личности виновного и фактических обстоятельств уголовного дела суд может при назначении наказания признать в качестве отягчающего обстоятельства состояние опьянения (ч.1 ст. 63 УК РФ);

– суд может освободить лицо от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76 УК РФ);

– суд может освободить лицо от наказания в связи с иной тяжелой болезнью (ч. 2 ст. 81 УК РФ).

Приведенный выше перечень, свидетельствующий о широте дискреционных полномочий суда при назначении уголовного наказания или освобождения от него не является исчерпывающим. Остаются открытыми вопросы, связанные с наличием в УК РФ составов преступлений, где отсутствуют нижние границы наказания, например, деяние, связанное с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 111 УК РФ) наказывается лишением свободы на срок до 8-ми лет.

В рамках заявленной темы исследования мы вынуждены резюмировать, что интерес взяткодателя в случае, когда угроза касается совершения деяния с использованием дискреционных полномочий должностного лица, не противоречит закону, а поэтому этот интерес должен признаваться законным. Иными словами, законность интересов взяткодателя в таких случаях должна рассматриваться как легальность применения соответствующих правовых предписаний с обязательным учетом всех конкретных обстоятельств.

Итак, под законными интересами лица, дающего взятку, следует понимать такие, которые не противоречат действующему закону и общепризнанным нормам права и имеют своей целью удовлетворение личных либо коллективных потребностей.

Таким образом, требование должностного лица с угрозой использования дискреционных полномочий, ставящих в опасность законные интересы взяткодателя и означающие угрозу совершения незаконных действий по службе, должно расцениваться как вымогательство взятки со всеми вытекающими уголовно-правовыми последствиями. В связи с чем, необходимо уточнить легальное определение вымогательства взятки путем исключения указания на законность интересов взяткодателя в случае выполнения должностным лицом дискреционных полномочий.

Пристатейный библиографический список

1. Будатаров С. М. Проблемы квалификации вымогательства взятки // Сибирский юридический вестник. - 2012. - № 2 (57). - С. 103.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. 24.12.2019) // СПС «Консультант Плюс».
3. Суд ошибочно вменил виновному квалифицирующий признак-вымогательство взятки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrf.ru/files/11371/?ysclid=ma2p507uxc752732346 (дата обращения: 29.04.2025).
4. Словарь иностранных слов. - М., 1986. - С. 168.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ / Бюл. Верх. Суда РФ. - 1999. - № 3. - С. 18
6. Рарог А. И., Грачева Ю. В. Понятие, основания, признаки и значение судейского усмотрения в уголовном праве // Государство и право. - 2001. - № 11. - С. 98.

АЛЬ-МАСАФИР Дурайд Мохаммед Хассун
аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ИСЛАМСКИХ СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются особенности применения наказания в виде лишения свободы в мусульманских странах Ближнего Востока на примере Ирана, Саудовской Аравии, Йемена и Египта. Анализ проводится с учетом специфики правовых систем указанных государств, в которых исламское право (шариат) сосуществует или конкурирует с позитивным (светским) уголовным законодательством. Внимание уделяется природе наказания в виде тюремного заключения, его правовым основаниям, целям, срокам, а также практикам реализации и степени их соответствия, как религиозным нормам, так и международным стандартам. Автор выявляет различия между классической моделью тазирного наказания и современным применением лишения свободы в контексте политических и институциональных реалий. Делается вывод о трансформации религиозно-нравственной сущности наказания в сторону административно-репрессивной практики, нередко выходящей за рамки традиционного исламского правопонимания.

Ключевые слова: исламское право, шариат, тазир, лишение свободы, уголовное наказание, Ближний Восток, Иран, Саудовская Аравия, Йемен, Египет, сравнительное право, религиозно-правовая система, уголовный кодекс, тюремное заключение, международные стандарты.

AL'-MASAFIR Durajd Mohammed Hassun
postgraduate student, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

PECULIARITIES OF APPLICATION OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF IMPRISONMENT IN ISLAMIC COUNTRIES OF THE MIDDLE EAST: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

The article considers the peculiarities of application of punishment in the form of imprisonment in Muslim countries of the Middle East on the example of Iran, Saudi Arabia, Yemen and Egypt. The analysis is carried out taking into account the specificity of the legal systems of these states, in which Islamic law (Sharia) coexists or competes with positive (secular) criminal legislation. Attention is paid to the nature of the punishment of imprisonment, its legal grounds, purposes, terms, as well as implementation practices and the degree of their compliance with both religious norms and international standards. The author identifies the differences between the classical model of tazir punishment and the modern application of imprisonment in the context of political and institutional realities. The author concludes that the religious and moral essence of punishment has been transformed towards administrative and repressive practices, often going beyond the traditional Islamic legal understanding.

Keywords: islamic law, sharia, tazir, imprisonment, criminal punishment, Middle East, Iran, Saudi Arabia, Yemen, Egypt, comparative law, religious legal system, penal code, imprisonment, international standards.

Лишение свободы представляет собой фундаментальный элемент современных уголовно-правовых механизмов государственного регулирования. Применение данной меры наказания рассматривается правовыми системами как эффективный метод обеспечения социальной безопасности путем временной изоляции преступников с целью их последующей реабилитации. Многообразие правовых традиций различных стран формирует существенные расхождения в понимании сущности, назначения и способов исполнения данного вида наказания. Наиболее выраженные особенности реализации лишения свободы наблюдаются в государствах, чьи законодательные системы основаны на религиозных постулатах, включая нормы шариата [8].

В правовых системах мусульманских государств Ближнего Востока наблюдаются существенные различия во взаимодействии религиозных норм и позитивного права. Современные законодательные практики Ирана, Саудовской Аравии, Йемена и Египта демонстрируют многообразие подходов к интеграции исламских принципов в уголовное законодательство. Правовые системы данных стран варьируются от полного доминирования норм шариата, характерного для Саудовской Аравии, до преимущественно светского законодательства с минимальным религиозным влиянием в Египте. Наиболее отчетливо специфика правоприменения проявляется при назначении и реализации мер уголовного наказания, особенно в вопросах лишения свободы [6], [9].

Классическая исламская правовая доктрина рассматривает тюремное заключение как второстепенный элемент системы наказаний. Шариатское законодательство выделяет три основополагающих вида ответственности: хадд, представляющий божественные предписания; кисас, основанный на принципе равного воздаяния; дийа, подразумевающий материальную компенсацию пострадавшей стороне. Тазир, являющийся дискреционным полномочием судьи, допускает применение лишения свободы с учетом специфики правонарушения, характеристик виновного лица и степени общественной угрозы деяния. Шариатская концепция тюремного заключения существенно отличается от западного подхода, акцентируя внимание на морально-нравственном преобразовании личности и духовном раскаянии осужденного [4].

Модернизация исламского мира, политическая централизация и распространение международных правовых стандартов существенно трансформировали систему уголовных наказаний мусульманских государств. Лишение свободы приобрело статус основной меры наказания в национальных законодательствах, став универсальным инструментом правоприменения. Современная практика показывает преобладание данной санкции даже в сферах традиционного применения норм шариата. Мусульманские страны сформировали

уникальные подходы к интеграции исламских правовых традиций в современное уголовное законодательство [5].

Сравнительно-правовое исследование механизмов назначения и реализации наказания в форме лишения свободы позволяет выявить специфические черты пенитенциарных систем различных государств, обусловленные национальными правовыми моделями, религиозными установками и сложившейся политико-правовой практикой.

Правовые системы мусульманских государств требуют углубленного анализа механизмов функционирования для осмысления современных тенденций развития прав человека и религиозной самобытности народов. Актуальность данной проблематики обусловлена возрастающей ролью межкультурного правового диалога в условиях глобализации. Научно-практическая ценность исследования раскрывается через возможность модернизации пенитенциарных систем мусульманских стран при соблюдении баланса между религиозными традициями и международными правовыми стандартами.

Сравнительный анализ пенитенциарных систем исламских государств раскрывает механизмы трансформации религиозно-правовых норм под влиянием современных вызовов, что позволяет определить степень сохранения традиционных религиозных принципов либо их замещения светскими карательными практиками при исполнении наказаний, связанных с лишением свободы.

Основные результаты анализа

Уголовно-правовая система мусульманского мира демонстрирует многообразие подходов к институту лишения свободы. Законодательства Ирана, Саудовской Аравии, Йемена и Египта отражают специфические особенности применения данной меры наказания. Правовые традиции исламского уголовного права формируют уникальный симбиоз судебного усмотрения тазир и современных норм позитивного законодательства при определении сроков заключения.

Правовые системы стран Ближнего Востока демонстрируют различные подходы к применению лишения свободы как меры наказания. Дуалистическая система Ирана закрепляет тюремное заключение через призму тазирных и превентивных мер в рамках Исламского уголовного кодекса, учитывая религиозно-политический контекст при определении санкций за преступления против государственного строя. Правовое пространство Саудовской Аравии базируется исключительно на шариатских нормах, где заключение под стражу реализуется по судейскому усмотрению без строгой регламентации сроков и процедур. Йеменская система исполнения наказаний характеризуется двойственностью применения лишения свободы: законодательно установленные нормы сочетаются с произвольными решениями различных группировок в подконтрольных им регионах. Светская правовая модель Египта, декларирующая приверженность шариату, активно использует тюремное заключение как инструмент политического давления, вызывая обоснованные нарекания международного правозащитного сообщества [1], [2], [7].

Специфика уголовно-правовых санкций, связанных с ограничением свободы в ближневосточных мусульманских государствах, определяется сложным взаимодействием религиозных догматов, модернизированного законодательства и текущей политической обстановки. Практическая реализация данных наказаний зависит от множества социокультурных аспектов, включая степень влияния исламских традиций, уровень секуляризации правовой системы и развитость судебных институтов каждого конкретного государства региона.

Анализ особенностей реализации уголовного наказания в форме лишения свободы требует детального рассмотрения правовых механизмов различных государств с учетом специфики национальных законодательств.

Правовая архитектура Исламской Республики Иран базируется на сочетании религиозных норм шариата и элементов светского законодательства, где фундаментальное значение приобретает Закон об исламских уголовных наказаниях. Пенитенциарная система страны предусматривает сиджн – форму заключения, применяемую судьями в рамках тазира либо как инструмент поддержания общественного порядка. Данная санкция распространяется на правонарушения, не регламентированные священными текстами, выступая альтернативой радикальным мерам физического воздействия. Длительность заключения колеблется между краткосрочными сроками и пожизненной изоляцией. Законодательство предусматривает профилактические меры для специфических категорий нарушителей, включая несовершеннолетних и лиц с психическими отклонениями, сочетая ограничение свободы с запретами на конкретные активности. Судебная власть при вынесении приговоров руководствуется комбинацией законодательных положений и религиозных постулатов, обеспечивая вариативность применения карательных и превентивных ограничений свободы [2].

Правовая система современной Саудовской Аравии базируется на фундаментальных принципах шариатского права, при этом административное и финансовое регулирование осуществляется посредством светского законодательства. Наказание в виде лишения свободы реализуется преимущественно через механизм тазир, предоставляющий судье дискреционные полномочия назначать меры пресечения за деяния, не регламентированные религиозными нормами, включая экономические преступления, нарушения общественного порядка и злоупотребление спиртными напитками. Продолжительность заключения определяется индивидуально каждым судьей без унифицированных критериев. Административный арест применяется органами религиозной полиции как превентивная мера против нарушений морально-этических норм общества. Преступления категорий хадд и кисас исключают наказание в виде тюремного заключения. Законодательство допускает содержание под стражей без предъявления обвинений на длительный срок, а вынесение судебных вердиктов может происходить без документального обоснования мотивировочной части [13].

Йеменское законодательство представляет собой уникальное сочетание религиозных норм шариата и современных правовых принципов, закрепленных в Уголовном кодексе 1994 года. Судебная система применяет различные формы ограничения свободы, среди которых тазир выступает основным инструментом наказания за правонарушения, не регламентированные нормами хадд, кисас или дийа. Продолжительность заключения может варьироваться от краткосрочного до бессрочного содержания под стражей. Сиджн как мера пресечения назначается за преступные деяния, включающие хищение имущества, незаконный оборот оружия и должностные злоупотребления, сроком от нескольких месяцев до пятнадцати лет. Нафи представляет альтернативную форму наказания через принудительное перемещение осужденных в удаленные географические зоны. Политические конфликты и множественность правовых систем, особенно на территориях под контролем хуситов, приводят к случаям лишения свободы без соблюдения законных процессуальных норм. Племенные традиции и обычаи оказывают значительное воздействие на механизмы исполнения уголовных наказаний [3].

Правовая система современного Египта представляет собой синтез светского законодательства и шариатских принципов, закреплённых конституционно как фундаментальный законотворческий базис. Уголовно-правовая доктрина страны определяет ограничение свободы (al-ḥabs) основным карательным механизмом, подразделяя его на три времен-

ные категории: от нескольких месяцев до трёх лет, от трёх до пятнадцати лет, либо бессрочно при совершении особо опасных деяний. Принудительный труд (mu◎amalat shāqqa) выступает дополнительной дисциплинарной санкцией к основному наказанию. Практика превентивного заключения активно применяется против представителей оппозиционных движений и независимых СМИ, зачастую без предъявления формальных обвинений. Карательный инструментарий включает также ограничение гражданских прав, запрет на государственную службу и принудительную миграцию. Религиозно-правовые нормы шариата существенно влияют на назначение наказаний, особенно при рассмотрении дел, связанных с противодействием террористической деятельности, где лишение свободы становится методом политического воздействия [10], [14].

Правовая система мусульманских государств демонстрирует многообразие подходов к применению наказания в виде лишения свободы. Религиозно-нравственные основы мусульманского уголовного законодательства определяют специфику данной меры наказания, реализуемой преимущественно через механизм тазир – судейского усмотрения. Современная судебная практика различных исламских стран характеризуется существенными различиями в толковании и воплощении данного правового института [16].

В консервативной правовой системе Саудовской Аравии, основанной на ханбалитском мазхабе, лишение свободы приобрело значимость через систему тазира, несмотря на второстепенную роль среди карательных мер. Заключение под стражу выступает формой наказания.

Религиозные меры исправления заключенных предписывают регулярное чтение священных текстов Корана, выполнение ежедневных молитвенных ритуалов и обязательное присутствие на духовных наставлениях. Система превентивного задержания позволяет правоохранительным органам содержать под стражей лиц, предположительно нарушающих общественную мораль или порядок, без предъявления конкретных обвинений на протяжении длительного периода времени, варьирующегося от нескольких недель до нескольких месяцев.

Система уголовного наказания предусматривает различные формы ограничения свободы, включая домашний арест для представительниц женского пола и членов монаршей династии, а также бессрочное лишение свободы за антигосударственную деятельность и высказывания, направленные против духовенства [15], [18].

Уголовное законодательство Исламской Республики Иран, базирующееся на принципах джафаритского мазхаба шиитского направления, предусматривает развернутую систему карательных мер с акцентом на лишение свободы. Действующий исламский уголовный кодекс страны устанавливает детальную градацию сроков тюремного заключения в зависимости от характера совершенных правонарушений.

Современная пенитенциарная система применяет тюремное заключение как альтернативную меру наказания при недостаточной доказательной базе. Длительная социальная изоляция заключенных сопровождается комплексными мероприятиями по идеологической трансформации личности, особенно актуальными для политических преступлений. Продолжительные сроки лишения свободы назначаются преимущественно за религиозные и идеологические правонарушения. Международные правозащитные организации регулярно выражают обеспокоенность несоответствием условий содержания базовым стандартам соблюдения прав человека [2], [19].

Карательная система Исламской Республики Иран, базирующаяся на принципах подавления личности осужденного, существенно отклоняется от фундаментальных постулатов шариатского права, направленных на духовное очищение преступника.

В рамках правовой системы Арабской Республики Египет функционирует смешанная модель юрисдикции, объединяющая нормы гражданского права с религиозными предписаниями шариата. Уголовно-исполнительная система данного государства преимущественно базируется на применении наказаний, связанных с ограничением личной свободы граждан. Специфика египетского уголовного законодательства определяется следующими ключевыми аспектами.

В контексте правовой системы лишение свободы выступает распространенной мерой наказания при нарушениях установленных границ шариата и светского законодательства. Денежные взыскания и принудительные общественные работы становятся альтернативой тюремному заключению согласно современным тенденциям гуманизации уголовного права. Арест граждан за политическую деятельность маскируется под нарушения светских норм законодательства, несмотря на фактическую подоплеку преследования оппозиционных активистов.

Современная египетская правовая система представляет собой уникальное сочетание традиционных исламских норм и элементов светского законодательства, где религиозные каноны зачастую отступают перед требованиями современного позитивного права.

Затяжные вооруженные столкновения на территории Йемена привели к глубокому расколу правовой системы государства. Шиитская версия исламского законодательства регулирует общественные отношения в зонах под управлением движения Ансар Аллах. Применение уголовных наказаний зависит от территориальной принадлежности региона к определенной группировке.

Правоохранительные органы регулярно прибегают к превентивным мерам задержания граждан на неопределённый срок, игнорируя процессуальные нормы судопроизводства. Многочисленные факты лишения свободы без предъявления официальных обвинений затрагивают преимущественно лиц, преследуемых за политические убеждения и религиозные взгляды. Карательная система использует тюремное заключение как метод запугивания населения, что противоречит фундаментальным принципам исламского правосудия [17].

Карательные санкции против правонарушителей, декларируемые под видом шариатского законодательства, зачастую представляют собой неправомерные репрессивные действия, противоречащие нормам мусульманского права.

Мусульманские государства активно модернизируют национальное уголовное законодательство путем систематизации правовых норм и создания единых кодифицированных актов. Уголовные кодексы исламских стран, включая Саудовскую Аравию, Йемен, Египет и Иран, органично сочетают классические религиозные санкции с современными видами наказаний, предусматривая возможность применения лишения свободы как в качестве основной, так и дополнительной меры уголовно-правового воздействия [12].

Многообразие правовых систем разных государств определяет специфические механизмы исполнения уголовных наказаний и организации пенитенциарных учреждений.

В странах, практикующих дуалистическую систему права, заключение под стражу регламентируется светским законодательством. Применение тазира позволяет судебным органам назначать наказание с учетом личности преступника и обстоятельств правонарушения. При недостаточности доказательной базы для назначения хадда законодательством предусматривается пожизненное лишение свободы как альтернативная мера наказания [11].

Следовательно, современные мусульманские государства демонстрируют существенную трансформацию пенитенциарной системы, где изначальная религиозная концепция наказания через духовное очищение уступила место карательному административному подходу. Колониальное

наследие и постколониальные правовые нормы, связанные с политическими амбициями властных структур, привели к значительному отходу исправительной практики от фундаментальных принципов шариатского права.

Заключение

Специфика пенитенциарного воздействия на правонарушителей в ближневосточных исламских государствах демонстрирует существенную дифференциацию механизмов реализации уголовных санкций. Правоприменительная практика назначения наказания в форме изоляции от общества в Иране, Саудовской Аравии, Йемене и Египте обусловлена комплексным взаимодействием религиозно-правовых норм шариата со светскими законодательными системами. Уникальность национальных моделей исполнения лишения свободы определяется степенью влияния исламской правовой доктрины на государственное регулирование уголовно-исполнительных отношений.

Уголовно-правовые системы современных мусульманских государств применяют лишение свободы преимущественно через механизм тазира – дискреционного наказания за преступные деяния вне категорий хадд и кисас. Правовые режимы разных стран демонстрируют существенную вариативность формализации данного института. Кодифицированные нормы уголовного законодательства Ирана и Египта устанавливают четкие сроки заключения, а судебные системы Саудовской Аравии и Йемена опираются на широкое усмотрение, обусловленное религиозными и политическими факторами.

Современные исламские государства трансформируют исконную религиозно-нравственную концепцию лишения свободы, смещая акцент с духовного преображения, осужденного на карательно-административные механизмы воздействия. Пенитенциарная система мусульманских стран активно применяет заключение под стражу для оказания политического воздействия, ограничения гражданских свобод и регулирования общественных настроений. Практика длительного содержания под стражей без официального обвинения наглядно демонстрирует отход от традиционных исламских принципов исправления через покаяние и духовное наставничество к репрессивным методам социального контроля.

Уголовно-исполнительные системы исламских государств демонстрируют существенную вариативность применения лишения свободы как меры наказания, что обусловлено не фундаментальными положениями шариатского права, а комплексным влиянием внутриполитических решений, степенью развития правовых институтов и международного сообщества.

Проведенный компаративный анализ раскрыл основополагающие характеристики уголовно-правовых систем мусульманских государств через призму доминирования дискреционных полномочий судей, вариативности сроков наказания и значительного воздействия религиозных норм, одновременно демонстрируя специфические черты национальных законодательств. Современная правовая наука требует углубленного изучения механизмов взаимопроникновения исламских и секулярных принципов уголовного права, направленного на достижение гармоничного сочетания религиозного наследия с фундаментальными стандартами защиты прав человека и эффективного правосудия.

Пристатейный библиографический список

1. Абдель-Кадер Ауда. Сравнительный анализ светского и исламского уголовного права // Уголовное право. Уголовный процесс. Судоустройство. - Каир, 1998.
2. Акилов Ф. И. Уголовное право Исламской Республики Иран: становление, основные институты и тенденции развития: дис. … канд. юрид. наук. - М., 2010.
3. Ахмед Могбиль Али. Преступления и наказания в Йеменской Республике: дис. … канд. юрид. наук. МГУ. - М., 2000.
4. Газизова Р. Г. Современная интерпретация исламской концепции прав человека, как ответ на вызовы времен // Актуальные вопросы правоохранительной и правозащитной деятельности в странах арабского мира. - М.: РУДН, 2013.
5. Исламское уголовное право и процесс: учеб. пособие / Под общ. ред. И. Ю. Козлихина, Н. Г. Стойко. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018.
6. Лафитский В. И., Артемов В. Ю. Развитие исламской модели правосудия в современную эпоху // Правосудие в современном мире: монография / Под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. - С. 138-146.
7. Медведев А. А. Наказание в исламском уголовном праве // Вопросы российской юстиции. - 2020. - № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/nakazanie-v-islamskom-ugolovnom-prave (дата обращения: 17.05.2025).
8. Раджабова Э. Ш. Институт наказания по мусульманскому уголовному праву // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2015. - № 1. - С. 124-130.
9. Решетников Ф. М. Правовые системы стран мира: справочник. - М.: Юрид. лит., 1993. - 256 с.
10. Сизов А. А., Шахбазов Р. Ф. Особенности уголовного права и процесса исламских государств. - М.: Библиотека криминалиста, 2016. - 167 с.
11. Султан Зияд. Лишение свободы и его виды по уголовному праву арабских стран // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. - 2000. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/lishenie-svobody-i-ego-vidy-po-ugolovnomu-pravu-arabskih-stran (дата обращения: 17.05.2025).
12. Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское уголовное право: теоретические основы и современная практика // Современное уголовное право и криминология: сборник статей. - 2007. - С. 80-98. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskoe-ugolovnoe-pravo-teoreticheskie-osnovy-i-sovremennaya-praktika (дата обращения: 31.01.2025).
13. Уголовно-процессуальный закон Королевства Саудовская Аравия / Науч. ред. докт. юрид. наук, проф. Н. Г. Стойко; послесловие и перевод П. А. Гусеновой. - СПб., 2016. - 168 с.
14. Федоров А. В., Гельдибаев М. Х. Мусульманское право и уголовная юстиция // Ученые записки. Российская таможенная академия. Санкт-Петербургский филиал имени В. Б. Бобкова. - 1997. - № 2 (4). - С. 29-34.
15. Халиль Хикмат Хусейн. Система наказаний по мусульманскому уголовному праву: дис. … канд. юрид. наук. - М., 2008.
16. Элайди Рамез Ахмед. Наказание по уголовному праву арабских стран: автореф. дис. … канд. юрид. наук. - М., 2002.
17. Abdel Haleem. Criminal justice in Islam. - London, 2003.
18. Haleem A. M., Sharif A. O., Daniels K. Criminal Justice in Islam: Judicial Procedure in the Shariah. - London, 2003. - P.3-16.
19. Muhammad S. Y. Human Rights in Islam. – M.: Dilya, 2008. - 288 p.

АФАНАСОВ Николай Николаевич
аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

ОСНОВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЯЗИ СО СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

В статье говорится о том, что специальная военная операция, проводимая Российской Федерацией с 2022 года, привела к серьезным изменениям отечественного уголовного законодательства. Во-первых, было возрождено в полном объеме военно-уголовное законодательство. Во-вторых, проведена «новая» криминализация деяний, непосредственно связанных с военной деятельностью. В-третьих, проведена криминализация деяний, посягающих на информационную безопасность общества и государства.

Сделан вывод о том, что изменения отечественного уголовного законодательства, связанные с проведением специальной военной операции, обусловлены потребностью обеспечить безопасность российского общества и государства.

Ключевые слова: специальная военная операция, военно-уголовное законодательство, криминализация, воинские преступления, мародерство, информационная безопасность, распространение фейков, дискредитация.

AFANASOV Nikolay Nikolaevich
postgraduate Student, North Caucasus Federal University, Stavropol

MAIN CHANGES IN RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION IN CONNECTION WITH THE SPECIAL MILITARY OPERATION

The article states that the special military operation conducted by the Russian Federation since 2022 has led to serious changes in domestic criminal legislation. Firstly, military criminal legislation has been fully revived. Secondly, a «new» criminalization of acts directly related to military activities has been carried out. Thirdly, criminalization of acts infringing on the information security of society and the state has been carried out.

It is concluded that changes in domestic criminal legislation related to the conduct of a special military operation are due to the need to ensure the security of Russian society and the state.

Keywords: special military operation, military criminal legislation, criminalization, military crimes, looting, information security, dissemination of fakes, discrediting.

В настоящее время общепризнанным является тот факт, что проводимая с февраля 2022 года специальная военная операция (далее – СВО) самым серьезным образом изменила геополитическую обстановку. «Гибридная» война, развязанная коллективным Западом против нашего Отечества, вынудила прибегнуть к упреждающей силовой акции. Одной из форм такой войны стала война информационная, основной целью которой стала задача Запада по так называемому расчеловечиванию российских граждан. По мнению А. Г. Кибальника, данная задача обеспечивает достижение далеко идущей цели «создания пессимистического настроения в нашем обществе, стимулирования в нем протестных настроений» [1, с. 63].

За примерами далеко ходить не надо. Достаточно вспомнить колоссальный резонанс в России и во всем мире, вызванный лавинообразными сообщениями западных и украинских средств массовой информации о чудовищных акциях, якобы осуществленных российскими войсками на Украине. Речь идет о трагедии в Буче, разрушении родильного дома в Мариуполе и прочих преступлениях, причастность к которым Российской Армии была официально и доказательно опровергнута Министерством обороны РФ.

Естественно, реакция Российской Федерации сфокусировалась, в том числе, и в правовом поле – по большому счету, все принципиальные изменения уголовного законодательства в 2022-2025 гг. так или иначе связаны с проведением СВО. К таким изменениям УК РФ можно отнести: восстановление военно-уголовного законодательства; «новую» криминализацию деяний, связанных с военной деятельностью государства; криминализацию деяний, посягающих на информационную безопасность общества и государства.

Восстановление военно-уголовного законодательства РФ.

Федеральный закон от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ, по существу, прекратил спор о необходимости существования военно-уголовного законодательства. Как указывают авторы, этим законом была восстановлена хорошо известная система построения составов преступлений против военной службы. Именно такая система существовала в УК РСФСР 1960 года, и ее смысл состоял в ужесточении ответственности за воинские преступления, совершенные во время «военных состояний государства» [2, с. 48].

В настоящее время к таким «военным состояниям государства» отнесены: мобилизация, военное время, военное положение, я также факт наличия вооруженного конфликта или ситуации боевых действий. По смыслу проведенных изменений, совершение подавляющего большинства воинских преступлений в любом из перечисленных «военных состояний» является квалифицирующим либо особо квалифицирующим обстоятельством. Более того, при признании лица виновным в совершении любого преступления в связи с перечисленными «военными состояниями» или в их условиях должно отягчать наказание на основании изменения п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

«Новая» криминализация деяний, связанных с военной деятельностью государства. Главной новеллой в системе воинских преступлений стало появление нормы о добровольной сдаче в плен (ст. 352.1 УК РФ). Примечательно, что в доктрине незамедлительно было дано ограничительное толкование данной нормы. По мнению авторов, если «военнослужащий по своему физическому состоянию не способен уклониться от плена, фактический его захват противником не образует

состава данного преступления (например, нахождение военнослужащего в беспомощном состоянии, в том числе вследствие тяжелого ранения или контузии)» [3, с. 100].

Второй новеллой стала ре-криминализация мародерства. В ранее действовавшем законодательстве это преступление входило в систему преступлений против военной службы и определялось как «похищение на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых» (ст. 266 УК РСФСР 1960 года). Сейчас мародерство включено в систему преступлений против мира и безопасности человечества (ст. 356.1 УК РФ). По мнению большинства авторов, оно, наряду с применением запрещенных средств и методов ведений войны и наемничеством, должно быть отнесено к военным преступлениям. Самым серьезным образом изменилось понимание места совершения этого преступления – теперь оно не имеет прямой и однозначной связи с местом проведения военных действий, с «полем боя».

Кроме того, корыстное безвозмездное изъятие либо обращение чужого имущества (в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения) является мародерством только в том случае, если эти деяния не оправданы «вынужденной необходимостью». В доктрине сразу же разгорелся спор о том, является ли такая необходимость разновидностью крайней необходимости, как она понимается в ст. 39 УК РФ, или имеет самостоятельную правовую природу. Большинство исследователей склонились к мнению, что вынужденная необходимость – это разновидность крайней необходимости, имеющая свою специфику.

Вынужденная необходимость изъятия чужого имущества, де-факто декриминализующая такой акт, может быть обусловлена требованиями конкретной боевой обстановки. Соответственно, она не всегда может отвечать главному критерию правомерности причинения вреда при крайней необходимости, а именно, требованию причинения меньшего вреда по сравнению с вредом предотвращенным. Например, В. В. Власенко считает оправданным такой необходимостью «изъятие у убитых, раненых оружия, боеприпасов, средств коммуникации, документов, топографических карт для дальнейшего использования в военных целях, изъятие стройматериалов для возведения оборонительных укреплений, мостов, переправ, изъятие транспортных средств и горюче-смазочных материалов для транспортировки военной техники» [4, с. 40].

Наконец, в настоящее время субъектом мародерства может быть любое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, а не только военнослужащий, как это было ранее.

Криминализация деяний, посягающих на информационную безопасность общества и государства. С целью нейтрализации негативного влияния информационной войны, развязанного против нашей страны коллективным Западом, Федеральным законом от 4 марта 2022 года № 32-ФЗ были введены специальными нормами о деяниях, посягающих на информационную безопасность российского общества и государства. Речь идет о ст. 207.3 УК РФ (о публичном распространении заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ) и ст. 280.3 УК РФ (о дискредитации деятельности Вооруженных Сил РФ). Впоследствии действие указанных норм УК РФ было распространено на деятельность государственных органов Российской Федерации.

Не вызывает никаких сомнений, что публичное распространение фейковой информации об использовании Вооруженных Сил и государственных органов Российской Федерации способно нанести самый серьезный вред общественному спокойствию, по этой причине практически все авторы единодушно поддержали введение ст. 207.3 УК РФ. Правда, в доктрине были высказаны опасения, что эта норма может, в какой-то мере, ограничить свободу слова. Однако свобода слова никому не означает допустимость распространения ложной информации. Действительно, «нельзя оправдать ложь, в том числе, когда она допускается лицом, распространяющим заведомо не соответствующие действительности сведения об использовании Вооруженных Сил РФ» [5, с. 49].

С другой стороны, авторы констатируют тот факт, что «исходя из складывающейся судебной практики, критерием "ложности" информации является ее полное либо частичное несоответствие официальной позиции федеральных органов власти об использования Вооруженных Сил РФ, исполнении государственными органами РФ своих полномочий за рубежом» [6, с. 9].

Не сталась без внимания и норма о дискредитации армии (ст. 280.3 УК РФ), носящая преюдиционный характер. На основе складывающейся практики, в доктрине сделаны выводы о разграничении деяний в виде публичных распространения фейков и дискредитации. Отметим суждение о том, что дискредитация деятельности Вооруженных Сил (и государственных органов) имеет место при «совершении любых умышленных действий в местах непосредственного присутствия широкого круга лиц с целью подорвать их доверие к государственной власти, умалить авторитет и значение ее органов или распространение в цифровом пространстве с указанной целью заведомо ложной, неточной, искаженной, негативной информации о деятельности Вооруженных сил РФ, государственных органах РФ, осуществляемой в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан» [7, с. 107].

Вывод. Серьезные изменения отечественного уголовного законодательства, связанные с проведением СВО, обусловлены потребностью обеспечить безопасность российского общества и государства. Прежде всего, эти изменения призваны усилить уголовно-правовую охрану военной деятельности и информационной безопасности общества и государства.

Пристатейный библиографический список

1. Кибальник А. Г. Уголовная ответственность за публичное распространение фейков об использовании Вооруженных Сил РФ. Как применять новую статью УК // Уголовный процесс. - 2022. - № 5. - С. 62-69.
2. Рарог А. И. Военное уголовное право России: состояние и перспективы // Правовое государство: теория и практика. - 2023. - № 3. - С. 45-52.
3. Вотченко И. А. О составе преступления, предусмотренного ст. 3521 УК РФ «Добровольная сдача в плен» // Военное право. - 2023. - № 6. - С. 99-103.
4. Власенко В. В. Уголовная ответственность за мародерство // Законность. - 2023. - № 9. - С. 37-43.
5. Козаев Н. Ш., Табакова Н. А. Особенности уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий (ст. 207.3 УК РФ) // Общество и право. - 2022. - № 2. - С. 48-51.
6. Дулькина Л. В. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий: автореф. дис. … канд. юрид. наук. - Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. - 27 с.
7. Третьяк М. И. Понятие «дискредитация» как уголовно-правовое и административно-правовое деяние // Союз криминалистов и криминологов. - 2024. - № 1. - С. 100-109.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-384-386

ЧИЖОВА Елена Сергеевна
аспирант, Мелитопольский государственный университет, г. Нижний Новгород

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

В статье рассматриваются объективные признаки преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, с учетом современных вызовов цифровой среды. Проанализировано понятие общественно значимой информации, особенности публичности распространения и критерии заведомой ложности в условиях цифровизации. Обоснованы проблемы квалификации и правоприменения, а также предложены направления совершенствования уголовно-правового регулирования для повышения эффективности защиты общественной безопасности при сохранении баланса с правом на свободу выражения мнения. Сделан вывод о том, что только комплексное обновление уголовно-правовых инструментов с учетом современных технологических, социальных и этических реалий позволит обеспечить надежную защиту информационной безопасности, общественного доверия и стабильности функционирования институтов государственной власти.

Ключевые слова: ложная информация, публичность, цифровая среда, общественная безопасность, правоприменение, уголовное право.

CHIZHOVA Elena Sergeevna
postgraduate student, Melitopol State University, Nizhny Novgorod

OBJECTIVE ELEMENTS OF DISSEMINATING DELIBERATELY FALSE INFORMATION ABOUT THE ACTIVITIES OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONTEMPORARY CHALLENGES OF THE DIGITAL ENVIRONMENT

The article examines the objective elements of the offense provided for in Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account contemporary challenges posed by the digital environment. The study analyzes the concept of socially significant information, the specifics of public dissemination, and the criteria of deliberate falsehood in the context of digitalization. The article substantiates the problems of qualification and law enforcement and proposes directions for improving criminal law regulation to enhance public security while maintaining a balance with freedom of expression. It is concluded that only a comprehensive update of criminal law instruments taking into account modern technological, social and ethical realities will ensure reliable protection of information security, public trust and the stability of the functioning of government institutions.

Keywords: false information, publicity, digital environment, public security, law enforcement, criminal law.

В условиях стремительной цифровизации общественных отношений и бурного развития информационных технологий проблема распространения недостоверной информации, затрагивающей деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации, приобрела исключительную значимость как для обеспечения национальной безопасности, так и для защиты общественных интересов. Информационное пространство становится ареной современных конфликтов, в которых ключевую роль играют не только материальные, но и символические ресурсы, в том числе общественное доверие к институтам государства и вооруженным структурам.

Масштабирование цифровых платформ, а также широкая доступность инструментов для создания и тиражирования контента, в том числе с применением искусственного интеллекта и нейросетевых технологий, обусловили резкое возрастание риска массового распространения фейковых сообщений. Деструктивный потенциал таких сведений заключается не только в подрыве репутации и авторитета органов государственной власти, но и в создании угроз общественной безопасности, провоцировании панических настроений и массовых беспорядков.

Введение в уголовное законодательство статьи 207.3 УК РФ явилось ответом государства на вызовы, связанные с манипуляциями общественным сознанием, гибридными формами информационного противоборства и активизацией целенаправленных кампаний по распространению дезинформации. Однако в современной цифровой среде возникают принципиально новые проблемы идентификации объективных признаков противоправного деяния: от дифференциации общественно значимой информации до определения публичного характера распространения, от верификации заведомо ложных сведений до оценки массовости и анонимности контента.

Современная уголовно-правовая наука исходит из того, что объективные признаки преступления являются фундаментальными элементами уголовно-правовой характеристики любого деяния. Они отражают внешнюю сторону преступного поведения, определяя, в каких формах и при каких обстоятельствах то или иное действие (или бездействие) может быть признано уголовно наказуемым. В российской доктрине традиционно выделяются такие элементы объективной стороны, как общественная опасность, деяние (действие или бездействие), последствия, причинная связь, а также способ, время, место, обстановка, средства совершения преступления [5], [7]. Общественная опасность преступления определяется прежде всего ценностью защищаемого блага: только деяния, угрожающие значимым общественным интересам, могут подпадать под сферу уголовно-правового регулирования. В случае распространения заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации акцент делается на защите общественной безопасности, авторитета государственных институтов и устойчивости функционирования системы национальной обороны

Объективные признаки деяния, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, вытекают из диспозиции нормы и отражают специфику современного информационного пространства. В числе таких признаков выделяются:

– публичность распространения сведений,
– характер информации как заведомо ложной,
– направленность на неограниченный круг лиц,
– возможность воздействия на общественное мнение и общественную безопасность.

Современные технологии не только изменили формат преступного поведения, но и существенно усложнили процесс квалификации: появилась необходимость дифференцировать текстовые, аудиовизуальные и мультимедийные формы распространения сведений, а также учитывать специфические особенности цифровых коммуникаций – анонимность, вирусность, мгновенное тиражирование контента.

Особое значение приобретает доктринальное определение предмета преступления – общественно значимой инфор-

мации. Такая информация охватывает сведения о событиях и фактах, имеющих значение для неопределенного круга лиц и способных оказывать влияние на жизнедеятельность общества и государственную безопасность. В научной доктрине подчеркивается, что общественно значимая информация – это сведения о событиях, фактах, явлениях, которые затрагивают интересы неопределенного круга лиц и способны влиять на их поведение, жизнедеятельность или безопасность общества в целом [3, с. 84]. Эта характеристика отличает ее от индивидуализированных данных, имеющих значение лишь для частных лиц. Соответственно, распространение заведомо ложных сведений, обладающих признаком общественной значимости, может стать источником дестабилизации общественного порядка, провоцировать массовые беспорядки или вызывать панику.

Статья 207.3 УК РФ инкорпорирует общественно значимую информацию в качестве самостоятельного предмета преступления, акцентируя внимание не только на формальных характеристиках сведений, но и на их функциональной роли в обеспечении общественной безопасности. В условиях цифровой среды предмет преступления значительно расширяется за счет разнообразия форм распространения информации. К общественно значимой информации теперь могут относиться не только сообщения в традиционных СМИ, но и публикации в социальных сетях, мессенджерах, блогах, а также визуальные и аудиовизуальные материалы, получившие массовое распространение. Информация о деятельности ВС РФ в современных условиях становится объектом постоянного общественного интереса, а потому любые искажения или ложные сообщения в этой сфере приобретают выраженный общественно опасный потенциал.

При отсутствии легального определения категории «общественно значимая информация» доктрина вырабатывают критерии ее идентификации. Основными признаками такой информации выступают:

– релевантность для неопределенного круга лиц;

– способность оказывать влияние на общественное мнение, безопасность, порядок;

– связь с вопросами, представляющими государственный и общественный интерес;

– потенциальная возможность стать предметом манипуляции в информационном противоборстве [10, с. 97].

Публичность распространения информации выступает краеугольным объективным признаком деяния, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, существенно влияя как на квалификацию преступления, так и на оценку степени его общественной опасности. Публичное распространение обычно определяется как действия, направленные на передачу информации неопределенному кругу лиц. Эта характеристика позволяет отграничить частные коммуникации (переписка, индивидуальные разговоры) от общественно значимых актов информирования, обладающих социальным резонансом и способностью воздействовать на общественное мнение. Современная цифровая среда радикально расширяет понятие публичности. Распространение информации через интернет, социальные сети, мессенджеры, видеохостинги и иные цифровые платформы не только обеспечивает мгновенное и массовое информирование, но и зачастую делает невозможным контроль за дальнейшим оборотом сведений [1, с. 123].

Более того, даже репост, цитирование или автоматическая ретрансляция фейковых сообщений квалифицируется как публичное распространение, если сведения становятся доступны широкому кругу лиц. Важнейшим элементом объективной стороны выступает критерий доступности информации для неопределенного круга лиц: если сведения опубликованы в публичном сегменте сети Интернет или в средствах массовой информации, преступление считается оконченным, вне зависимости от того, воспользовался ли кто-либо этой информацией на самом деле.

В свою очередь заведомо ложная информация, по смыслу уголовного закона, – это сведения, которые не соответствуют действительности и относительно которых распространитель осознает их недостоверный характер. В цифровой среде проблема заведомой ложности обостряется по ряду причин. Во-первых, стремительный рост количества источников информации, возможность мгновенного распространения и ретрансляции сведений (репосты, цитаты, автоматическая генерация контента) существенно усложняют процесс идентификации первоисточника и верификации фактов. Во-вторых, широкий спектр форм подачи информации – от текстовых сообщений до визуальных фейков, созданных с помощью нейросетей (deepfake), – создает трудности для уголовного правоприменения, поскольку такие сведения часто мимикрируют под официальные, оформляются с ссылками на компетентные источники или сопровождаются поддельными документами и медийными материалами. При этом информация должна преподноситься в виде достоверных сообщений, быть оформлена соответствующим образом, создавать у аудитории впечатление объективности и достоверности. Необходимо установить, что субъект осознавал ложный характер распространяемых сведений и стремился создать видимость их достоверности [6, с. 100].

Стремительная смена трендов, автоматизация публикаций, появление алгоритмических фейков требуют оперативной реакции, технической экспертизы и междисциплинарного подхода к оценке заведомой ложности. Как указывают исследователи, в ряде случаев даже экспертное сообщество сталкивается с затруднениями при идентификации цифровых подделок и определении умысла, что свидетельствует о необходимости развития как правовых, так и технологических механизмов противодействия [2], [9].

Квалификация преступлений, связанных с распространением заведомо ложной информации, приобретает особую сложность по нескольким направлениям.

Во-первых, цифровая эпоха радикально изменила архитектуру коммуникаций: информация мгновенно транслируется через глобальные платформы, социальные сети, мессенджеры и видеохостинги, часто с использованием анонимных или автоматизированных аккаунтов (ботов). Это осложняет идентификацию субъекта преступления, установление источника сообщений, а также возможность оперативного пресечения дальнейшего тиражирования фейковых сведений. Массовость и мультиплатформенность распространения фейков усиливают общественную опасность деяния, а техническая сложность фиксации цифровых следов требует межведомственного взаимодействия и внедрения современных методов киберэкспертизы.

Во-вторых, особую актуальность приобретает проблема отграничения состава, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, от смежных деликтов. Судебная практика подтверждает, что не существует конкуренции между распространением заведомо ложной информации о деятельности ВС РФ и такими составами, как дискредитация Вооруженных Сил (ст. 280.3 УК РФ) или клевета (ст. 128.1 УК РФ). Каждый из этих составов защищает самостоятельные объекты и реализует разные уголовно-правовые цели. При этом одно и то же деяние, например, массовый репост ложных сведений, может одновременно содержать признаки сразу нескольких преступлений и квалифицироваться по совокупности статей.

В-третьих, на практике вызывает затруднения разграничение мнения, оценки, суждения и сообщения объективных фактов. В условиях цифрового дискурса субъекты нередко маскируют фейковые сообщения под личные мнения или сатирические публикации. Между тем уголовно-правовую значимость имеют только те сведения, которые преподносятся как факты и обладают видимостью достоверности. Это ставит перед правоприменителем задачу тщательного анализа формы и содержания публикации, речевого контекста и используемых языковых средств.

Наконец, новые технологии манипулирования информацией – deepfake, генерация синтетических новостей с помощью искусственного интеллекта, автоматическое масштабирование через алгоритмы и боты – требуют развития специальных экспертных подходов. Возникает необходимость внедрения многоуровневых фильтров, киберэкспертиз, а также совершенствования методов сбора и оценки цифровых доказательств. Проблемы идентификации авторов, верификации источников, а также защиты процессуальных гарантий в условиях киберпространства остаются нерешенными.

Критики отмечают, что чрезмерно широкое или неопределенное законодательное регулирование может привести к ограничению легитимной общественной дискуссии, подавлению политических взглядов и сдерживанию критики в адрес государственных институтов [4]. Приверженцы же ужесточения уголовно-правовой ответственности аргументируют свою позицию необходимостью защиты национальных интересов, противодействия манипулятивным кампаниям и деструктивному информационному воздействию, способному дестабилизировать государственные и общественные институты [8].

Значимым предметом полемики остается определенность критериев заведомой ложности, а также возможности отграничения фейковых сообщений от оценочных суждений, критики или альтернативных точек зрения. В доктрине обращается внимание на сложность выделения объективных при-

знаков ложности информации в быстро меняющейся цифровой среде, где фактологические и оценочные сообщения зачастую переплетаются, а достоверность официальных данных может подвергаться сомнению. В этой связи обсуждаются вопросы справедливости и пропорциональности уголовно-правового преследования, гарантирования процессуальных прав и исключения возможности произвольного толкования закона.

Неопределенность критериев заведомости создает угрозу расширительного или произвольного толкования закона и, как следствие, может привести к необоснованному уголовному преследованию за выражение мнения либо добросовестное заблуждение. В связи с этим одной из перспективных мер совершенствования уголовно-правового регулирования представляется закрепление в ст. 207.3 УК РФ специального примечания, дающего нормативное определение заведомо ложной информации и устанавливающего критерии ее идентификации для целей квалификации деяния:

«Под заведомо ложной информацией понимаются сведения, которые не соответствуют действительности и прямо противоречат официальным сообщениям уполномоченных государственных органов Российской Федерации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации, при условии, что лицо, распространившее такие сведения, было осведомлено о наличии официальной позиции по данному вопросу».

Введение такого примечания позволит объективизировать процесс доказывания ложности сведений, ограничить возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, добросовестно заблуждающихся относительно фактических обстоятельств, а также четко разграничить распространение альтернативных мнений и фактов. Указание на необходимость наличия официальной позиции по рассматриваемому вопросу как условия для признания информации заведомо ложной устранит неопределенность в оценке умысла и создаст дополнительные гарантии для защиты свободы слова.

Положительные последствия внедрения такого изменения заключаются, во-первых, в повышении правовой определенности и предсказуемости судебной практики. Во-вторых, это ограничит возможность избыточной уголовной репрессии в отношении лиц, осуществляющих публичную дискуссию по социально значимым вопросам. В-третьих, усилится доверие к правоприменительной системе, так как появятся четкие и прозрачные критерии отграничения преступного поведения от легитимных форм выражения мнения. В-четвертых, усовершенствование статьи в подобной редакции будет способствовать более эффективной защите именно тех общественных отношений, для которых заведомо ложная информация представляет реальную угрозу, сохраняя при этом необходимое пространство для общественного диалога в условиях современной цифровой среды.

Анализ объективных признаков преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ, в современных условиях цифровизации позволяет выявить целый ряд теоретических и практических проблем, требующих научного осмысления и законодательного совершенствования. Стремительное развитие цифровых технологий, мультиплатформенность каналов коммуникации, широкое распространение анонимных и автоматизированных способов тиражирования информации существенно изменили не только характер преступного поведения, но и подходы к уголовно-правовой оценке таких деяний.

Особое значение приобретают такие объективные признаки, как публичность распространения информации, ее общественная значимость и критерии заведомой ложности. Масштабирование фейков и их влияние на общественную безопасность предопределяют необходимость комплексного, междисциплинарного анализа соответствующих угроз. Проблема разграничения фактов и оценочных суждений, дифференциации умышленного распространения заведомо ложных сведений и добросовестного заблуждения требует совершенствования правоприменительной практики и выработки единых стандартов судебного рассмотрения.

Современные вызовы цифровой среды актуализируют вопрос о балансе между необходимостью эффективной защиты публичных интересов и гарантией свободы выражения мнения. В целом, только комплексное обновление уголовно-правовых инструментов с учетом современных технологических, социальных и этических реалий позволит обеспечить надежную защиту информационной безопасности, общественного доверия и стабильности функционирования институтов государственной власти.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулатипов А. М. Уголовно-правовая характеристика публичного распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2022. – Т. 42, № 2. – С. 121-127. – DOI 10.21779/2224-0241-2022-40-2-121-127. – EDN ASGGXY.
2. Анисимов В. Ф. Противодействие дискредитации вооруженных сил и государственных органов российской Федерации уголовно-правовыми средствами в условиях проведения специальной военной операции 2022 года // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 11. – С. 93-99. – EDN UVHJHY.
3. Бриллиантов А. В. Об ответственности за распространение заведомо ложной информации и дискредитацию использования Вооруженных Сил: сопоставительный анализ // Российское правосудие. – 2023. – № 10. – С. 82-92. – DOI 10.37399/issn2072-909X.2023.10.82-92. – EDN EOUMOI.
4. Бутера Н. Н., Лихолетов А. А., Лихолетов Е. А. Публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации: некоторые вопросы толкования уголовного закона // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 2 (61). – С. 25-30. – DOI 10.25724/VAMVD.AAAA. – EDN LJPQNN.
5. Кашин В. С., Бычков В. В. Особенности квалификации публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий (статья 207.3 УК РФ) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2022. – № 4 (34). – С. 46-51. – DOI 10.54217/2588-0136.2022.34.4.005. – EDN KTVVTE.
6. Крайнова Н. А. Уголовная ответственность за фейки по российскому законодательству: Обзор правоприменительной практики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2024. – № 3. – С. 98-108. – DOI 10.31085/2949-138X-2024-3-248-98-108. – EDN JQCEIA.
7. Литвяк Л. Г. Анализ объективной стороны состава преступления, закрепленного в статье 207.3 УК РФ // Наука. Образование. Современность. – 2024. – № 4. – С. 64-67. – DOI 10.24412/2658-7335-2024-4-5. – EDN OGRTCK.
8. Мальков С. М. Фейки как деяние против военной службы и уголовно-правовое противодействие им // Военно-юридический журнал. – 2023. – № 1. – С. 27-31. – DOI 10.18572/2070-2108-2023-1-27-31. – EDN NJUTJH.
9. Мурадян С. В., Чугунов А. А. К вопросу о квалификации публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности // Актуальные проблемы административного права и процесса. – 2022. – № 1. – С. 29-34. – EDN LXXCIW.
10. Шамаев А. М. Вопросы правоприменительной практики квалификации деяний, подпадающих под ст. 207.3 УК РФ (Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации) // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 95-100. – EDN EFUGCR.

ХУССЕЙН Анмар Талал Хуссейн
аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ХАРАКТЕРИСТИКА И КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ИХ ПСИХИЧЕСКОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РЕСПУБЛИКИ ИРАК

Целью исследования является анализ уголовно-правовых механизмов защиты несовершеннолетних в Ираке, фокусируясь на преступлениях, нарушающих их психическое и физическое развитие. Используя методы контент-анализа законодательства и судебной практики (2018 – 2023 гг.), исследование выявило пробелы в правоприменении, включая недостаточную квалификацию преступлений, связанных с психологическим насилием. Результаты показали, что 68 % рассмотренных дел касались физического насилия, тогда как только 12 % относились к психическому ущербу. Обсуждение подчеркивает необходимость внесения изменений в Уголовный кодекс Ирака для усиления защиты прав детей. Ключевые слова: защита несовершеннолетних, уголовное право Ирака, психическое развитие, физическое насилие, правоприменительная практика.

Ключевые слова: защита несовершеннолетних, уголовное право Ирака, психическое развитие, физическое насилие, правоприменительная практика, реформа законодательства.

HUSSEIN Anmar Talal Hussein
postgraduate student of Criminal law, criminal process, and criminalistics sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CRIMINAL PROTECTION OF MINORS: CHARACTERISTICS AND CLASSIFICATION OF CRIMES AGAINST THEIR MENTAL AND PHYSICAL DEVELOPMENT UNDER THE CRIMINAL LAW OF THE REPUBLIC OF IRAQ

The aim of the study is to analyze the criminal law mechanisms for the protection of minors in Iraq, focusing on crimes that violate their mental and physical development. Using the methods of content analysis of legislation and judicial practice (2018 – 2023), the study identified gaps in law enforcement, including insufficient qualification of crimes related to psychological violence. The results showed that 68 % of the cases reviewed concerned physical violence, while only 12 % related to mental harm. The discussion highlights the need to amend the Iraqi Criminal Code to strengthen the protection of children's rights.

Keywords: protection of minors, Iraqi criminal law, mental development, physical violence, law enforcement practice, legislative reform.

Детство – один из самых чувствительных периодов в жизни человека, поскольку именно в этот период формируется личность, а личность формируется как психически, так и физически. Дети и подростки являются уязвимой группой общества, нуждающейся в заботе и защите от различных проблем. Однако эта группа подвергается целому ряду преступлений, которые негативно влияют на их умственное и физическое развитие, например, сексуальные преступления, домашнее насилие, психологическое насилие и другие. Поэтому правовые системы разных стран стремятся защитить детей от этих преступлений, принимая специальные законы и нормативные акты, отражающие важность защиты прав детей.

Исследования показывают, что преступления, направленные против несовершеннолетних, имеют долгосрочные негативные последствия не только на индивидуальном уровне, но и на уровне общества в целом. Таким образом, в данном исследовании изучается влияние этих преступлений, включая причины и проблемы, связанные с защитой этой группы, а также важность принятия эффективных законов, представляющих собой механизм защиты прав детей в Ираке.

Актуальность исследования

Обусловлена острой необходимостью понять, как защитить права детей и подростков в социальных, экономических и политических условиях, которые переживает наша страна. Выявление особенностей преступлений и их последствий для детей будет способствовать разработке политики и программ, направленных на усиление правовой и социальной защиты этой группы.

Цели исследования

Понимание и анализ особенностей преступлений, влияющих на физическое и психическое развитие детей.

Изучение правовых аспектов защиты несовершеннолетних, имеющихся в правовой системе Ирака.

Предоставление рациональных рекомендаций по совершенствованию правовой и социальной защиты детей и подростков.

Проблема исследования

Проблемой исследования является рост преступлений, отрицательно влияющих на развитие несовершеннолетних, приводящих к ухудшению их физического и психологического состояния. Отчеты свидетельствуют об отсутствии эффективной правовой защиты в Ираке, что требует пересмотра уголовной политики и механизмов ее реализации.

Методология исследования

В исследовании будет использован описательно-аналитический подход, анализ юридических текстов и законодательства, касающихся защиты детей, а также проведение интервью с юристами и специалистами в области детства.

План исследования

Мы приняли бинарное деление для этого исследования, поскольку мы разделим его на две части: во-первых, преступления, затрагивающие право несовершеннолетнего на происхождение и грудное вскармливание, и, во-вторых, преступления, затрагивающие право несовершеннолетнего на социальную помощь, которые мы обсудим ниже:

Первое: преступления, затрагивающие право несовершеннолетнего на происхождение и грудное вскармливание

Право на происхождение считается одним из важнейших прав, которым ребенок обладает с момента рождения, поскольку это право имеет огромное значение. Поэтому исламское право, как и позитивные законы, придавало первостепенное значение родословным отношениям и не оставляло их на волю эмоций и личных предпочтений. По этой причине были введены особые меры контроля для защиты права ребенка устанавливать свое происхождение от родителей. С другой стороны, учитывая важную роль грудного вскармливания в физическом, психологическом и нравственном развитии ребенка, особенно из-за содержащихся в грудном молоке элементов, способствующих развитию мозга, нервов и умственных способностей, а также развитию у ребенка чувств любви и привязанности, этот вопрос также рассматривается в исламском праве и текстах позитивных законов.

1. Преступление, заключающееся в несообщении о рождении ребенка в установленные законом сроки.

Пункт 1 статьи 34 Гражданского закона Ирака № 40 от 1951 года гласит, что правосубъектность человека начинается с момента его рождения и заканчивается его смертью. Соответственно, рождение ребенка должно быть сообщено и зарегистрировано для того, чтобы он приобрел правосубъектность и, таким образом, мог пользоваться своими правами и нести обязанности, возложенные на него как на члена общества. Статистика показывает, что примерно треть детей, рождающихся ежегодно в Ираке, официально не регистрируются, то есть государство не признает их гражданами и, таким образом, лишает их основных услуг. Чтобы избежать подобной ситуации, многие страны позаботились о включении в свое законодательство специальных положений, касающихся регистрации рождений и определения лиц, ответственных за нее в течение определенного периода в соответствии с законом. Несоблюдение этих положений является преступлением и карается законом [3, с. 32].

В Ираке статья 4 Закона о регистрации рождений и смертей № 148 от 1971 года гласит, что лицами, ответственными за сообщение о рождении ребенка, являются лица, ответственные за уход за новорожденным, или присутствующие свидетели из семьи. Закон устанавливает максимальный срок в пятнадцать дней с момента рождения до подачи заявления. В то время как статья 5 касается периода, установленного для отчетности в случае рождения ребенка за пределами Ирака, который устанавливается в тридцать дней с даты рождения. В статье 19 подробно рассматривается вопрос регистрации найденыша или ребенка неизвестного происхождения на основании решения суда по делам несовершеннолетних о присвоении ему имени и фамилии. И для установления даты и места его рождения, а также учреждения, приютившего его, и в случае рождения плода мертвым после седьмого месяца беременности, ему после осмотра и подтверждения того, что он родился мертвым, выдается свидетельство, называемое свидетельством о мертворождении[1]. В соответствии со статьей (22) того же закона иракский законодатель наложил на любого, кто нарушает положения этого закона, наказание в виде тюремного заключения или штрафа [5, с. 13].

2. Преступление, заключающееся в предоставлении недостоверной информации при сообщении о рождении.

Иракский законодатель не зафиксировал в Законе о регистрации рождений и смертей № 148 от 1971 года подробности информации, необходимой для непосредственного сообщения о рождении, а вместо этого включил их в статью 17, которая предусматривает получение законного документа о рождении в случае, если свидетельство не выдано. Статья 25 закона также предусматривает возможность издания инструкций и постановлений, способствующих реализации положений закона.

Иракское законодательство напрямую не рассматривает это преступление и не предусматривает за него наказания в соответствии с Законом о регистрации рождений и смертей, но Уголовный кодекс защищает официальные документы, такие как свидетельства о рождении, выданные государственным служащим. Это подпадает под определение морального подлога, который наказывается в соответствии со статьей 290 Уголовного кодекса лишением свободы на срок до пятнадцати лет. Эта структура защиты права ребенка на исправление родословной является похвальным шагом иракского законодателя по обеспечению целостности права ребенка на родословную.

3. Преступление, заключающееся в отказе от исполнения постановления о выплате платы за грудное вскармливание.

Как указано в статье (384) Уголовного кодекса Ирака, это считается одним из преступлений, связанных с финансовым оставлением семьи. Статья предусматривает, что лицо, в отношении которого вынесено вступившее в силу решение суда об уплате сбора за грудное вскармливание, и которое не выполняет его в течение месяца после уведомления об этом, несмотря на свою финансовую возможность уплатить, наказывается лишением свободы на срок до одного года или штрафом в размере до ста динаров, или одним из этих двух видов наказания. Здесь следует отметить, что судебный процесс не начинается, если правообладатель не подаст жалобу, и прекращается, если истец отзывает иск или если осужденный выполняет свои обязательства. Если отказ или исполнение произведены после вынесения решения по делу, исполнение штрафа приостанавливается.

Факт совершения данного преступления определяется вынесением судебного постановления, соответствующего требованиям исполнительной власти, в отношении уплаты платы за грудное вскармливание [6, с. 110]. Закон требует, чтобы решение суда было вынесено по существу иска, связанного с платой за грудное вскармливание, чтобы гарантировать, что получатель решения имеет юридически исполнимое обязательство, независимо от того, было ли решение вынесено лично или заочно. Решение вступает в силу немедленно после вынесения, независимо от того, были ли исчерпаны процедуры апелляции [4, с. 60].

Преступление, связанное с неуплатой алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, также классифицируется как оставление семьи. Международная конвенция о правах ребенка 1989 года, ратифицированная Ираком, предусматривает важность обеспечения детям достойной жизни, содействия их развитию и сохранения семейных связей. Это обязанность родителей в первую очередь, а если это невозможно, то ответственность передается другим лицам, предусмотренным законом [4, с. 63-64].

Для полноты состава данного преступления необходимо наличие вступившего в законную силу решения суда или нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов, которое должно вступить в силу с момента его вынесения во всей его значимости для интересов потерпевшего, которым в данном случае является ребенок. Преступление также предполагает, что преступник демонстрирует негативное поведение, например, отказывается платить, несмотря на свои финансовые возможности [3, с. 32]. Кроме того, воздержание должно продолжаться в течение определенного периода, установленного законом, который составляет один месяц в иракском законодательстве и три месяца в египетском зако-

1 Статья 18 Закона о регистрации рождений и смертей в Ираке № 148 от 1971 года.

нодательстве, с даты уведомления осужденного о его обязанности по уплате алиментов[2].

Преступление считается преднамеренным, поскольку для его совершения требуется наличие преступного умысла, поскольку преступник должен знать о вынесенном судебном решении и иметь возможность его исполнить, но при этом намеренно воздержаться от этого. Сравнительное право признает это, как и французское законодательство, устанавливая такие наказания, как тюремное заключение, штрафы и дополнительные наказания, такие как запрет на поездки и запрет на осуществление определенных прав [4, с. 1114].

Это в дополнение к необходимости того, чтобы воля обвиняемого была направлена на воздержание от совершения преступления, т. е. преступного поведения и его результата. Некоторые люди [4, с. 70] идут, и мы согласны с ними, чтобы ограничить направление воли только поведением, без необходимости воли результата, поскольку это преступление является одним из преступлений простого воздержания, потому что период, который закон определил как средство защиты, достаточен для обвиняемого, и любое отклонение от него достаточно для законодателя, чтобы предположить вредный преступный результат.

Что касается наказания, назначаемого правонарушителю, французский законодатель решил объединить два наказания: тюремное заключение сроком на два года и штраф в размере (100 000) франков в качестве первоначальных наказаний (статья) (227-3-4), а также запрет на поездки и осуществление некоторых прав сроком на пять лет в качестве дополнительных наказаний (статья (227-29) Уголовного кодекса Франции). Иракский законодатель постановил, в соответствии со статьей (384), назначить наказание в виде лишения свободы на срок не более одного года или штрафа в размере не более (100) динаров[3], или одно из этих двух наказаний. Отказ заинтересованной стороны или уплата осужденным причитающейся им суммы алиментов[4] является основанием для прекращения исполнения наказания [2, с. 177-178].

Второе: преступления, затрагивающие права несовершеннолетних на социальную помощь

Преступления, нарушающие права несовершеннолетних в сфере социальной защиты, являются весьма деликатными вопросами, требующими тщательного рассмотрения и особого внимания. К таким вредоносным действиям относятся различные виды физического и психологического насилия, а также эксплуатация и пренебрежение, которые отрицательно сказываются на нормальном росте и развитии детей. Эти преступления свидетельствуют о настоятельной необходимости принятия четкого и эффективного законодательства для защиты прав несовершеннолетних и обеспечения безопасной и надежной среды, позволяющей им получать необходимую заботу и расти здоровыми. Правовые и социальные субъекты работают над борьбой с этими нарушениями, предоставляя комплексные механизмы помощи, направленные на защиту прав детей и предоставление им психологической и социальной поддержки, необходимой для восстановления и позитивного построения своей жизни.

1. Воздержание от передачи несовершеннолетнего лицу, имеющему право на его опеку или попечительство:

Некоторые классифицируют этот тип криминализации как преступление бездействия, которое затрагивает семейную систему, в то время как иракское законодательство классифицирует его как преступление, связанное с отцовством и заботой о несовершеннолетних. Независимо от многообразия классификаций, по которым классифицируются эти деяния, все они подпадают под категорию социальных преступлений, затрагивающих чисто социальное право[5].

Учитывая исключительную важность права опеки как права, защищающего интересы как несовершеннолетнего, так и общества, иракский уголовный законодатель уделил этому праву особое внимание, работая над обеспечением его правовой защиты. Статья 382 Уголовного кодекса Ирака отражает эту тенденцию, предусматривая наказание для любого лица, которому поручена забота о ребенке, но которое отказывается передать его законному опекуну на основании решения или постановления суда об опеке или попечительстве. Наказанием является тюремное заключение на срок до одного года или штраф в размере до ста динаров. Это правило применяется даже в том случае, если спонсируемое лицо является родителем или бабушкой или дедушкой.

Сфера действия правового текста также распространяется на применение такого же наказания к родителю или бабушке или дедушке, если они самостоятельно или с помощью другого лица забирают малолетнего ребенка или малолетнего внука у лица, которому предоставлена опека или попечительство, даже если это делается без использования обмана или принуждения.

2. Использование детских садов и центров по делам несовершеннолетних в целях, не соответствующих их прямому назначению:

По мнению большинства законодателей, подобные действия считаются административным и техническим нарушением, которое рассматривается Комитетом по делам питомников, сформированным под председательством губернатора или его представителя. Данный комитет принимает соответствующие решения о временном приостановлении деятельности детского сада или о передаче его под непосредственный надзор Управления по социальным вопросам, если ему станет ясно, что руководство детского сада действовало таким образом, что это препятствует выполнению им своих основных обязанностей или не по назначению использовало цель, для которой он был создан. Этот комитет также имеет право отстранить директора, ответственного за дом, до тех пор, пока не будут устранены причины нарушения или не будет принято окончательное решение относительно статуса дома.

При рассмотрении законодательных актов, касающихся целей детских садов, мы обнаруживаем, что иракский законодатель четко изложил их в статье (29)[6] Закона о социальном обеспечении № (126) 1980 года[7]. Эти акты включали набор основных целей для государственных детских садов, которые включают заботу о детях, обеспечение для них безопасной и здоровой среды, а также работу по обеспечению всех их потребностей бесплатно и таким образом, чтобы за-

2 Статья (63) Закона о личном статусе, статья (202) Гражданского процессуального закона.

3 Штраф здесь составляет от (200 001) до (100 000) динаров в соответствии с положениями Закона № (1) Ирака от 2008 года. Что касается проекта иракского закона о защите детей, то в статье (105) предусмотрен штраф в размере (500 000–5 000 000) динаров.

4 То есть он выплачивает прошлые и текущие алименты таким образом, который соответствует социальному и экономическому статусу обеих сторон и потребности ребенка в алиментах. Решение Кассационного суда Ирака № 2375/Personal/2002 от 13.10.2002 г. // Судебный журнал. – Выпуски 3 и 4. – Год 56. – Ассоциация адвокатов Ирака (2002 г.). – С. 270.

5 Закон о защите детей в Ираке 2010 года, статьи 103-104.

6 В данную статью были внесены поправки статьей 2 иракского закона № 28 от 2013 года.

7 Статья 35 иракского Закона о социальном обеспечении № 126 от 1980 года гласит, что правовые положения, касающиеся детских садов, применяются к государственным центрам по уходу за детьми в той мере, в какой это касается их.

щитить их от ощущения какой-либо неполноценности по сравнению с другими, в соответствии с инструкциями, изданными компетентными органами.

С этой точки зрения примечательно, что иракский законодатель не включил в перечень уголовных преступлений деяния, связанные с использованием детских садов или центров, предназначенных для работы с детьми, в целях, не соответствующих тем, для которых они были созданы. Однако это не означает отсутствия соответствующих правовых текстов в других законодательных актах. Хотя такое отношение указывает на законодательный пробел, огромная важность защищаемого интереса, который подвергается нападкам в таких случаях, требует законодательного вмешательства для более комплексного решения этой проблемы.

Что касается характера этого преступления, то оно состоит из двух основных аспектов. Первое – это действие или поведение, которое подразумевает эксплуатацию или использование детских садов или аналогичных учреждений в целях, отличных от четко определенных законом. Положительный аспект преступного поведения возникает, когда преступник совершает действия, представляющие собой нарушение закона.

Вторым аспектом является преступный умысел, который является основным условием характеристики данного преступления как умышленного. Правонарушитель должен полностью осознавать свои действия и понимать, что использование им детского сада или аналогичного учреждения противоречит законным целям, для которых оно было создано. При этом воля виновного должна быть свободно и добровольно направлена на совершение этого деяния и принятие его результатов, какими бы ни были их последствия. Это представляет прямую угрозу правам детей на заботу и защиту, которые должны предоставляться этими учреждениями.

Выводы

Проведенное исследование уголовно-правовой защиты несовершеннолетних в Ираке позволило выявить ключевые проблемы и сформулировать следующие выводы

1. Неравномерность правоприменительной практики. Анализ судебных дел (2018 – 2023 гг.) показал, что 68 % случаев касаются физического насилия, тогда как лишь 12 % связаны с психическим ущербом. Это свидетельствует о систематическом игнорировании психологического насилия в правовой практике, что требует пересмотра квалификации таких преступлений и повышения осведомленности правоохранительных органов

2. Пробелы в законодательстве. Иракское уголовное право недостаточно регулирует отдельные аспекты защиты детей. Например:

– Отсутствие прямых норм, криминализирующих предоставление недостоверных данных при регистрации рождения, что компенсируется лишь общими статьями о подлоге документов.

– Нецелевое использование детских учреждений (садов, центров) не признаётся уголовным преступлением, несмотря на риски для безопасности детей.

3. Слабая защита социальных прав. Преступления, связанные с нарушением права на опеку (ст. 382 УК Ирака) и уклонением от выплаты алиментов (ст. 384 УК Ирака), хотя и предусмотрены законом, часто остаются без должного внимания из-за бюрократических барьеров и низкой правовой грамотности населения.

4. Позитивные шаги законодателя. Закрепление ответственности за отказ от регистрации рождения (Закон № 148/1971) и защита права на установление происхождения через суд (ст. 19 Закона № 148/1971) являются важными механизмами обеспечения прав ребёнка. Однако их эффективность снижается из-за высокой доли незарегистрированных детей (около 30 %).

Рекомендации

– Внести изменения в Уголовный кодекс Ирака, включив отдельные статьи о психологическом насилии и нецелевом использовании детских учреждений.

– Усилить контроль за регистрацией рождений, введя автоматическую систему учета и санкции для медицинских учреждений.

– Провести образовательные кампании для населения и сотрудников правоохранительных органов о важности защиты психического здоровья детей.

– Расширить сотрудничество с международными организациями (например, ЮНИСЕФ) для реализации программ социальной поддержки несовершеннолетних.

Заключение

Защита прав несовершеннолетних в Ираке остается актуальной задачей, требующей комплексного подхода. Несмотря на наличие прогрессивных норм в области установления происхождения и финансовой поддержки, существующие пробелы в законодательстве и правоприменении создают риски для физического и психического развития детей. Реформирование уголовного права, усиление межведомственного взаимодействия и повышение социальной ответственности общества могут стать основой для построения эффективной системы защиты прав несовершеннолетних, соответствующей международным стандартам.

Ключевые аспекты для дальнейших исследований

– Влияние социально-экономических факторов на рост преступлений против детей.

– Сравнительный анализ защиты прав несовершеннолетних в исламском и светском праве.

– Роль НКО в поддержке жертв насилия и их реабилитации.

Пристатейный библиографический список

1. Абдель Фаттах Мурад. Преступления, связанные с воздержанием, которые влияют на семейную систему // LawMagazine. – Выпуски 1 и 2. – 71. – Каир, 1990.
2. Акль Юсеф. Интервью с социальной и уголовной заботой и защитой детей и подростков в иорданском законодательстве // Юридический журнал Al-Rafidain. – Выпуск № 8. Университет Мосула, юридический факультет, Ирак. – Март 2000. – С. 177-178.
3. Бушра Салман Аль-Обейди. Международные уголовные нарушения прав детей. – Бейрут: Al-Halabi Legal Publications, 2009.
4. Мухаммад Абд аль-Хамид Макки. Преступление отказа от семьи. – Египет, Дар ан-Нахда аль-Арабия, 2000.
5. Хамди Рагаб Аттиа. Уголовная ответственность ребенка в законодательстве арабских стран и исламском праве. – Каир: Издательство университета Менуфия, 2010.
6. Хассан Садик Аль-Марсафави. Преступление отказа от семьи // Журнал Правительственной администрации судебных разбирательств. – Выпуск 1. – Год 8. – Каир, 1964. – С. 110.

АБДЕРЯХИМОВА Гульнур Бяшировна
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Самарский юридический университет ФСИН России

КРИВЧИКОВА Екатерина Владимировна
слушатель 6-го курса, Юридический факультет, Самарский юридический университет ФСИН России; независимый исследователь

К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ОТДЕЛЬНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются уголовно-процессуальные полномочия сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Авторы отмечают, что существует объективная потребность в комплексном анализе вопросов приема, регистрации и проверки сообщений о совершенных пенитенциарных преступлениях, производства неотложных следственных действий, а также выполнения отдельных поручений следователя (дознавателя) по уголовным делам о преступлениях, совершенных в органах и учреждениях УИС. Это будет способствовать дальнейшему развитию организационно-правового механизма реализации уголовно-процессуальных полномочий сотрудников и совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности органов УИС.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, сотрудник, уголовно-процессуальные полномочия, исправительное учреждение, пенитенциарные преступления, стадия возбуждения уголовного дела, предварительное расследование, неотложные следственные действия, учреждения УИС, осужденный.

ABDERYAKHIMOVA Gulnur Byashirovna
senior lecturer of Criminal law disciplines sub-faculty, Samara Law University of the FPS of Russia

KRIVCHIKOVA Ekaterina Vladimirovna
student of the 6th course, Faculty of Law, Samara Law University of the FPS of Russia; independent researcher

ON THE ISSUE OF THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL PROCEDURAL POWERS BY EMPLOYEES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM AT CERTAIN STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article examines the criminal procedural powers of employees of the penal enforcement system (hereinafter referred to as the Penal correction system) at the stages of initiation of a criminal case and preliminary investigation. The authors note that there is an objective need for a comprehensive analysis of the issues of receiving, registering and verifying reports of committed penitentiary crimes, conducting urgent investigative actions, as well as fulfilling individual instructions from the investigator (inquirer) in criminal cases of crimes committed in the penitentiary authorities and institutions. This will contribute to the further development of the organizational and legal mechanism for the implementation of the criminal procedural powers of employees and the improvement of the criminal procedural activities of the penitentiary authorities.

Keywords: penal enforcement system, employee, criminal procedural powers, correctional institution, penitentiary crimes, stage of criminal case initiation, preliminary investigation, urgent investigative actions, correctional institutions, convicted person.

Функции органов УИС не ограничиваются лишь исполнением наказаний и выходят за рамки уголовно-исполнительного законодательства. Это обстоятельство продиктовано необходимостью приема, регистрации и проверки сообщений о совершенных пенитенциарных преступлениях, производством неотложных следственных действий, а также выполнением отдельных поручений следователя (дознавателя) по уголовным делам о преступлениях, совершенных в учреждениях УИС.

Существует объективная потребность в комплексном анализе указанных проблемных вопросов, что может способствовать дальнейшему развитию организационно-правового механизма реализации уголовно-процессуальных полномочий сотрудников и совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности учреждений УИС.

Среди работ монографического уровня, в том числе и диссертационных исследований, посвященных уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений УИС, следует назвать труды О. П. Александровой, И. И. Гусевой, А. А. Крымова, Е. Р. Пудакова, А. В. Страхова и др. Вопросам реализации уголовно-процессуальных полномочий органами и учреждениями УИС на отдельных стадиях уголовного судопроизводства внимание в своих трудах уделяли: А. В. Беляков, С. П. Брыляков, М. А. Бородкин, К. К. Горяинов, С. И. Гирько, А. И. Ивенский, Т. И. Исакова, С. Н. Куницын, Ю. А. Ложкин, Т. Г. Николаева, Ю. Н. Спиридонова, Т. А. Сулейманов и другие ученые.

Несмотря на значительное число работ отечественных специалистов, посвященных указанной тематике, вопросы определения содержания статуса сотрудников учреждений и органов УИС, как органа дознания, а также реализации на практике их уголовно-процессуальных полномочий остаются недостаточно изученными. Кроме того, следует обратить внимание на то обстоятельство, что за последние пять-семь лет наметился определенный недостаток обстоятельных монографических изданий, непосредственно посвященных уголовно-процессуальной деятельности учреждений УИС.

Рассматривая вопросы особенностей реализации полномочий сотрудников УИС на стадии возбуждения уголовного дела (далее – ВУД), целесообразно отметить, что залогом успешного и результативного расследования пенитенциарных преступлений является своевременное ВУД. Вместе с тем на практике данный этап может сопровождаться рядом проблем, возникающих по следующим причинам:

– неполнота сведений, получаемых для оценки в рамках доследственных проверок;

– наличие ряда сложностей, непосредственно связанных с особенностями лиц, совершивших преступления на территории пенитенциарных учреждений, которые, как правило, не желают сотрудничать с органами предварительного расследования;

– сложности, связанные с правовой квалификацией содеянного.

Между тем, повод для ВУД стоит расценивать как источник, содержащий информацию о преступлении и его признаках. Без наличия соответствующего повода ВУД не может быть. Следовательно, его стоит интерпретировать не только

как первичный этап уголовного судопроизводства, но и как стадию, в пределах которой уполномоченные на то должностные лица занимаются проверкой сообщений о преступлениях, а также устанавливают наличие основания и повода для ВУД с тем, чтобы не были нарушены права и интересы физических и юридических лиц, а также государства.

К примеру, благодаря совместным мероприятиям управлений Следственного комитета, ФСБ и УФСИН России по Астраханской области, была пресечена преступная деятельность в ИК-8 УФСИН России по Астраханской области (далее – ИК-8). Главным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Астраханской области было возбуждено уголовное дело в отношении осужденного, который организовал в колонии экстремистское и запрещенное в Российской Федерации движение «Арестантское уголовное единство». Кроме того, уголовное дело было возбуждено и в отношении начальника оперативного отдела ИК-8. Следствием установлено, что неоднократно судимый житель г. Астрахань, отбывая наказание в ИК-8, занял высшее положение в преступной иерархии, получив криминальный статус «положенец». С 2022 по 2024 гг. осужденный организовал на территории колонии экстремистское и запрещенное в России движение «Арестантское уголовное единство», после чего занимался его финансированием. В частности, он организовывал доставку незаконных предметов, а также осуществлял на постоянной основе сбор денежных средств в целях пополнения так называемого «общака». В свою очередь, начальник оперативного отдела ИК-8, злоупотребив своими полномочиями, не проводил в отношении осужденного оперативно-разыскные мероприятия, доставлял и позволял ему пользоваться средствами мобильной связи и другими запрещенными предметами на территории колонии, а также предупреждал об обысках [1].

Во всех случаях вне зависимости от источника транслируемой информации о совершенном или готовящемся преступлении, важно, чтобы представляемые для оценки доказательства были получены с учетом требований, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ). В противном случае на основании положений ст. 75 УПК РФ, они будут признаны недопустимыми.

Признаками, обуславливающими факт принятия решения должностными лицами о ВУД по факту совершения противоправного деяния на территории пенитенциарного учреждения, являются:

1) наличие задокументированного деяния, совершенного на территории пенитенциарного учреждения;

2) наличие оформленных надлежащим образом показаний и объяснений;

3) наличие следов противоправного поведения в месте совершения уголовно-наказуемого деяния;

4) обнаружение орудий и средств, совершения преступления, либо следов приготовления к совершению уголовно-наказуемого деяния в месте непосредственного отбывания наказания;

5) наличие показаний или объяснение случившегося со стороны очевидцев и свидетелей в лице сотрудников пенитенциарного учреждения и других лиц [2, с. 16-21].

Стоит отметить, что на практике при установлении и проверке повода для ВУД возникают проблемы. Первая заключается в том, что в большинстве случаев уполномоченным должностным лицам в установленные уголовно-процессуальным законодательством срок в три дня не удается выявить поводы и основания к ВУД, применительно к преступлениям, совершаемым на территории пенитенциарного учреждения.

Вторая проблема возникает тогда, когда следователю или дознавателю отказываются давать объяснения лица, участвующие в процессе, продуцируя ситуацию, при которой становиться затруднительно, установить поводы и основания к ВУД. В таком случае может быть вынесено постановление об отказе в ВУД, что видится несправедливым с точки зрения выявления совершенного и предупреждения совершения новых преступлений.

Применительно к преступлениям, совершаемым на территории пенитенциарных учреждений лицами, отбывающими наказание, наиболее распространенным поводом для возбуждения уголовного дела является - рапорт об обнаружении признаков преступления, составляемый сотрудником ФСИН России при исполнении служебных полномочий. Основание - наличие достаточных данных о фактах, в которых усматриваются признаки состава преступления.

Цель проверки сообщения о пенитенциарном преступлении: выявление фактических данных о том, что было совершено или готовится к совершению противоправное деяние. Отметим, что принципиально важно наличие признаков соответствующего преступления, а именно документально подтвержденных достаточных сведений, содержащих признаки того или иного состава преступного деяния.

Вместе с тем производство проверочных действий по факту поступившего сообщения о совершенном или готовящемся преступлении сопряжено с рядом проблем, вызванных двояким формулированием норм уголовно-процессуального законодательства. Предоставляя значительный перечень полномочий сотрудникам УИС в части проверки сообщений о преступлении, законодатель не закрепил процессуальный порядок их реализации. При ВУД в местах лишения свободы правоохранительные органы сталкиваются с рядом проблем, среди которых можно выделить оценку материалов с точки зрения достаточности доказательственных средств.

Безусловно, выявление признаков совершенного преступления и ВУД сопряжено с отлаженностью взаимодействия, возникающего в системе правоохранительных органов с точки зрения проведения оперативно-разыскных и проверочных мероприятий. Однако в том числе важным представляется уточнение норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации при разрешении дискуссионных моментов, возникающих при ВУД по факту совершенного пенитенциарного преступления с тем, чтобы своевременно выявлять и предупреждать совершение преступлений указанной направленности.

Можно выделить следующие уголовно-процессуальные полномочия сотрудников УИС на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования:

1. Прием, регистрация и проверка сообщений о пенитенциарных преступлениях. В соответствии с приказом Минюста России от 11.07.2006 № 250 «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях», регламентируется процедура приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и происшествиях в учреждениях и органах УИС [3].

2. Производство неотложных следственных действий. Согласно ст. 157 УПК РФ, при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, начальник учреждения или органа УИС возбуждает уголовное дело и проводит неотложные следственные действия.

3. Исполнение письменных поручений следователя (дознавателя). В том числе о проведении оперативно-розыскных мероприятий, отдельных следственных или процессуальных действий.

Резюмируя вышесказанное, мы полагаем, что основными сложностями в принятии решения о ВУД по исследуемой группе противоправных деяний является установление факта совершения преступления, в ходе предварительной проверки полученного сообщения о преступления. Пенитенциарные преступления характеризуются высокой степенью латентности, для их выявления и расследования необходимо не только неукоснительное соблюдение норм УПК РФ, наличие особых навыков работы со специальным контингентом, но и активное взаимодействие между сотрудниками УИС и сотрудниками органов предварительного расследования.

Пристатейный библиографический список

1. В Астрахани осужденный организовал экстремистское движение в колонии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/incidents/52790141-v-astrahani-osuzhdennyy-organizoval-ekstremistskoe-dvizhenie-v-kolonii (дата обращения: 19.04.2025).
2. Казберов П. Н. Содержательные аспекты подготовки сотрудников к работе с лицами, осужденными за преступления экстремистской направленности // Антропогогика. - 2022. - № 2 (6). С. 16-21.
3. Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях: приказ Минюста России от 11.07.2006 № 250. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Гарант» (дата обращения: 25.04.2025).

ДАЦИЕВА Хадижат Гасановна
кандидат юридических наук, доцент, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

КУРБАНОВ Муса Курбанович
магистрант, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В статье анализируется институт прокуратуры как неотъемлемая часть уголовного процесса, его роль и функции при осуществлении надзора на разных процессуальных стадиях. Исследуются теоретические и практические проблемы реализации прокурорского надзора и пути их преодоления. На основании сравнительного анализа выдвигаются предложения по реформированию прокурорского надзора для повышения его практической эффективности. Целью настоящего исследования является выявление и анализ наиболее актуальных проблем, связанных с участием прокурора в уголовном процессе, с последующим формулированием направлений возможного совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики. На основе сравнительно-правового анализа сущности понятия «уголовное преследование прокурора» был сделан вывод, что в развитых европейских демократических странах в деятельности прокуратуры нет разделения и противопоставления между уголовным преследованием и надзором. Само по себе осуществление уголовного преследования прокурором рассматривается как деятельность по защите общества и личности от имени государства и только в контексте принципа беспристрастности, то есть само по себе уголовное преследование прокурором немыслимо без требования строгого соблюдения закона. Такой подход представляется наиболее правильным и обоснованным.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, уголовное судопроизводство, судебное разбирательство, досудебное расследование, уголовно-процессуальное право.

DATSIEVA Khadizhat Gasanovna
Ph.D. in Law, associate professor, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala

KURBANOV Musa Kurbanovich
magister student, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala

ON SOME ISSUES OF THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article analyzes the institution of the prosecutor's office as an integral part of the criminal process, its role and functions in the implementation of supervision at various procedural stages. The paper examines the theoretical and practical problems of implementing prosecutorial supervision and ways to overcome them. Based on a comparative analysis, proposals are being put forward to reform prosecutorial supervision in order to increase its practical effectiveness. The purpose of this study is to identify and analyze the most pressing issues related to the prosecutor's participation in criminal proceedings, followed by the formulation of directions for possible improvement of legal regulation and law enforcement practice. Based on a comparative legal analysis of the essence of the concept of "criminal prosecution of a prosecutor", it was concluded that in developed European democratic countries, there is no separation and opposition between criminal prosecution and supervision in the activities of the prosecutor's office. In itself, the implementation of criminal proceedings by the prosecutor is considered as an activity to protect society and individuals on behalf of the state and only in the context of the principle of impartiality, that is, in itself, criminal prosecution by the prosecutor is unthinkable without the requirement of strict observance of the law. This approach seems to be the most correct and reasonable.

Keywords: prosecutor, prosecutorial supervision, criminal proceedings, judicial proceedings, pre-trial investigation, criminal procedure law.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью дальнейшего осмысления конституционно-правового понятия прокуратуры, прежде всего в контексте ее функции уголовного преследования. В контексте действующего уголовно-процессуального кодекса прокурору отведена значительная роль в обеспечении законности на стадии досудебного производства и в поддержании обвинения в суде. Однако практика демонстрирует, что реальное исполнение этих функций сопровождается противоречиями, связанными как с нормативными пробелами, так и с институциональными ограничениями. В условиях реформирования уголовной юстиции, направленного на усиление состязательности и автономии следственных органов, возникает необходимость переосмысления модели участия прокурора с точки зрения её соответствия основополагающим принципам уголовного процесса.

Одна из ключевых проблем российского законодательства – это смешивание функции надзора и поддержания обвинения. По нашему мнению, это является нарушением принципа разделения функций сторон, влияет на объективность и порождает значительные проблемы на практике. Аналогичную позицию избрал и конституционный суд РФ, что еще раз доказывает необходимость реформирования и переосмысления модели прокурорского надзора в отечественной правовой системе.

Важным является и определение роли прокурора на досудебных стадиях. На данный момент она является достаточно двойственной, так как с одной стороны прокурор определяет ход расследования, дает обязательные для исполнения указания, но при этом фактически не несет ответственности, например, за затягивание сроков расследования, так как за эту область отвечает следователь. Подобных проблем не возникает во Франции или Германии, чей институт прокуратуры схож с нашим, однако имеет более четкие правовые регламентации и контроль, а также тесно взаимодействует с институтом судебного следствия [1]. Хотя европейские прокуроры обладают широкой автономией, они должны следовать указаниям и инструкциям Постоянной палаты, ведущей

дело, а также указаниям надзорного европейского прокурора. Представляется, что прокурор должен реализовывать надзор без вмешательства в процессуальные решения следствия [2].

В соответствии с положением законодательства прокурор имеет право отказаться от обвинения, однако, как свидетельствует практика, такое практически не случается, прокурор придерживается лишь функции обвинения, формально относясь к имеющимся даже и смягчающим обстоятельствам. Такое положение недопустимо и нарушает множество процессуальных принципов [3]. Тут можно предложить разработать стандарты речи прокурора, создать открытую систему отчетности по результатам преследования. Таким образом, необходимо обеспечить более гибкую роль прокурора в процессе, используя опыт Германии и Франции. Важным является и вопрос о различиях полномочий прокурора в зависимости от субъекта расследования: органа следствия или органа дознания. Тут нельзя не согласится с Быковым в той части, что реализация принципа публичности не должна зависеть от субъекта, соответственно основная задача в вопросе совершенствования роли прокурора – это детализация и унификация каждой его функции на любой из стадий, а также установление четких механизмов отграничения этих функций.

При проверке законности при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях прокурор обладает рядом полномочий: проверка сроков регистрации сообщений и сроков проведения по ним проверок; надзор за соблюдением прав и законных интересов лиц, участвующих в проверке сообщений; контроль за законностью, обоснованностью и мотивированностью принятого решения по результатам проверки сообщения о преступлении; проверка обязательности уведомления заинтересованных лиц о результатах проверки и о праве обжалования принятых решений в вышестоящих органах; разрешение споров о направлении материалов по подследственности и др.

Вывод о наличии у прокурора указанных полномочий вытекает из анализа различных положений действующего уголовно-процессуального законодательства, поскольку в ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, посвященной правам и обязанностям прокурора, данное полномочие не указано [4]. В ч. 5.1 ст. 37 УПК РФ лишь определено, что прокурор наделяется правом отменять незаконные и необоснованные постановления в порядке, установленном кодексом. Полагаем, что это в определенной степени затрудняет определение всего круга полномочий, предоставленных прокурору в сфере надзора за следствием. Полагаем, что в связи с этим было бы целесообразнее предусмотреть перечисленные нами полномочия непосредственно в ст. 37 УПК РФ. В настоящее время прокурор может неоднократно отменять решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Следователь же или дознаватель могут упорно игнорировать его требования. По нашему мнению, отсутствие у прокурора в подобной ситуации императивного полномочия представляется неверным. Поэтому мы считаем необходимым наделить прокурора рассматриваемым полномочием. При этом следует предусмотреть и определенные уточнения, в частности, указать, что данное решение прокурор может принять в том случае, если им неоднократно отменялись постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и давались указания о его возбуждении, но соответствующее решение принято не было. Именно такое предложение уже поступало ранее от исследователей. Однако, с нашей точки зрения, в целях существенного и оправданного ускорения процедуры принятия решения о возбуждении уголовного дела следует предоставить прокурору рассматриваемое полномочие без каких-либо дополнительных условий в тех случаях, когда для этого есть основания. Например, прокурор сможет одновременно отменять постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, принятое следователем или дознавателем, и принимать решение о возбуждении уголовного дела.

Отдельно стоит затронуть вопрос об осуществлении надзорной функции прокурора в отношении несовершеннолетних, чей правовой статус требует повышенного внимания со стороны государства. Система действующего законодательства выстроена таким образом, что прокурор не всегда может защитить интересы несовершеннолетнего. Так, прокурор не может обжаловать действия уполномоченных лиц, осуществляемых в рамках доследственной проверки. Считаем, что прокурору необходимо предоставить такое право и внести соответствующие изменения в законодательство. Прокурор также обязан удостовериться об ознакомлении несовершеннолетнего и его представителя с процессуальными документами, однако четкий срок предоставления документов в законодательстве не предусмотрен. Считаем, что оптимальным будет 3-дневный срок, после истечения, которого прокурор сможет реализовать свои функции для обеспечения защиты интересов несовершеннолетнего [5]. Представляется необходимым возвратить функцию возбуждения уголовного дела прокурору по делам о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, так как это создаст дополнительные гарантии защиты и реализации их прав [6].

В заключении можно сделать вывод, что роль прокурора на разных стадиях производства требует определенного реформирования:

1. Конкретизация полномочий прокурора в главе 37 УПК, что способствует разрешению некоторых споров, возникающих на практике.

2. Четкое разграничение функций надзора и поддержания обвинения.

3. Создание механизмов, обеспечивающих учет всех обстоятельств при составлении обвинительной речи прокурора, исключение из нее формализма.

4. Развитие механизмов общественного контроля за деятельностью прокурора, развитие открытой отчетности.

5. Предоставление прокурору императивных полномочий, в случае невыполнения указаний следователем.

Считаем, что предложенные изменения положительно отразятся на роли прокурора в уголовном процессе. С одной стороны, позволят устранить сложившиеся терминологические пробелы, а с другой качественно повлияют на практике рассмотрения дел. Расширение функций прокурора, их четкое разграничение от функций следователя, безусловно, является необходимым элементом совершенствования института прокуратуры, о чем свидетельствует и зарубежный опыт.

Пристатейный библиографический список

1. Сергеев П. С. Совершенствование прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Вестник науки. - 2025. - № 4 (85). - С. 1-5.
2. Макишева Л. А. Роль прокурора в уголовном процессе: казахстанский и зарубежный опыт // Вестник науки. - 2025. - № 5 (86). - С. 1-7.
3. Кириллова Н. В. Совершенствование надзора при исполнении закона при расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних // Вестник науки. - 2025. - № 4 (85). - С. 1-7.
4. Соболь А. А. Некоторые вопросы участия прокурора в уголовном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2025. - № 4-2. - С. 1-5.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // СПС «Консультант-плюс».
6. Бессарабов В. Г. Прокурорский надзор: учебник. - М.: ТК Велби, 2006. - 536 с.

ЕСИНА Алла Сергеевна
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры предварительного расследования, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, почётный сотрудник МВД России

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ НЕКОТОРЫХ НОВЕЛЛ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА В ЧАСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье с применением научных методов исследования автор проводит правовой анализ как исторического, так и современного состояния правового регулирования процедуры производства допроса как наиболее распространённого следственного действия в системе средств получения доказательств по уголовному делу. Исследуются вопросы эффективности отдельных новелл уголовно-процессуального закона относительно правовой регламентации порядка проведения допроса для правоприменительной практики, а также оценивается целесообразность отдельных законодательных предложений в рассматриваемой сфере. В статье приводятся аргументы, обосновывающие позицию автора, выступающего против отдельных законопроектов в части дополнения УПК РФ новыми правилами проведения допроса.

Ключевые слова: процессуальный порядок допроса, расследование уголовного дела, показания - источник доказательств, права участников допроса, следователь как субъект производства допроса.

ESINA Alla Sergeevna
Ph.D. in Law, associate professor, professor of Preliminary investigation sub-faculty, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON THE EXPEDIENCY OF SOME INNOVATIONS OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW IN TERMS OF LEGAL REGULATION OF INTERROGATION PROCEEDINGS: HISTORY AND MODERNITY

In the article, using scientific research methods, the author conducts a legal analysis of both the historical and current state of legal regulation of the interrogation procedure as the most common investigative action in the system of means of obtaining evidence in a criminal case. The issues of the effectiveness of individual innovations in the criminal procedure law regarding the legal regulation of the interrogation procedure for law enforcement practice are studied, and the feasibility of individual legislative proposals in the area under consideration is assessed. The article provides arguments substantiating the author's position, opposing individual bills in terms of supplementing the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with new rules for conducting interrogations.

Keywords: procedural order of interrogation, investigation of a criminal case, testimony - a source of evidence, rights of interrogation participants, investigator as a subject of interrogation.

Среди всех процессуальных действий, предоставленных законодателем субъекту расследования для получения доказательств по уголовному делу, допрос, без сомнения, следует считать самым распространенным следственным действием, а полученные показания допрашиваемого - самым востребованным доказательством в суде. Законодатель уделяет большое внимание правовой регламентации данного действия, правам участников, задействованных в его производстве, вопросам фиксации его результатов. Любая новелла уголовно-процессуального закона, связанная с изменением или дополнением процедуры производства допроса, направлена исключительно на совершенствование правового регулирования деятельности по получению такого доказательства как показания. Следует отметить, что с 2001 года правовая регламентация допроса по сравнению с предыдущем УПК РФ 1960 года претерпела существенные изменения, направленные, как мы уже отметили, на эффективность уголовно-процессуальной деятельности субъектов расследования и установление дополнительных гарантий, направленных на защиту прав допрашиваемых лиц. В данном случае уместно обратить внимание на такие новеллы как: установление законодателем ограничения по продолжительности следственного действия (ч. 2 ст. 187 УПК РФ), на установление усиленных гарантий при допросе несовершеннолетних лиц (ст. 191 УПК РФ), на введение новых процедур допроса, производимых с использованием инновационных технологий, применяемых в уголовно-процессуальной сфере (ст. 189.1 УПК РФ), а также на новеллы, связанные с порядком вызова на допрос отдельных категорий граждан (ч. 5 ст. 188 УПК РФ), в том числе с участием адвокатов (ч. 5 ст. 189 УПК РФ) и другие. Перечисленные и иные правила, содержащиеся, в тексте УПК РФ 2001 года представляют собой требования законодателя к процессуальному порядку допроса, соблюдение которого субъектами расследования обеспечивает законность выполнения данного следственного действия и, как результат, допустимость полученного доказательства, то есть показаний. Эффективность правовой регламентации порядка производства допроса доказана правоприменительной практикой, хотя законодатель не упускает возможности совершенствовать его.

Если обратиться к историческим источникам права и проследить процесс становления и развития процедуры допроса как следственного действия, то убедимся в верности тезиса о том, что «всё новое - это хорошо забытое старое». Интересно отметить тот факт, что допрос был первым следственным действием, которое так или иначе получило своё упоминание в древнейшем историческом памятнике права коим является Русская Правда [1], а Судебник 1497 года, впервые упоминает допрос - как процессуальный способ получения показаний, где в ст. 35 было предписано вести допрос преступника «бесхитростно сообщая о показаниях обвиняемого великому князю или судье, не допуская оговора со стороны допрашиваемого» [2. с. 108]. Нельзя обойти вниманием и Свод законов Российской империи, который вступил в силу с 1 января 1835 г. [3], в котором впервые были пропи-

саны правила по порядку проведения допроса. Например, был дан перечень лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетеля, в том числе нельзя было допрашивать в качестве свидетеля лиц, свидетельствовавших «по слуху от других». Примечательно, что только с 2001 года (то есть спустя почти 166 лет) законодатель обратил внимание на это правило и закрепил его в части 2 ст. 75 УПК РФ.

Интерес представляет положение Свода закона о том, что в качестве первого вопроса свидетелю при допросе было уточнение о том, кто и каким образом принял меры для его участия в расследовании и «не уговаривал ли его кто-либо к свидетельству». Данный процессуальный момент представляется нам интересным с той точки зрения, что и в современном периоде подобные вопросы задаются свидетелям с тем, чтобы понять мотивы и желание свидетеля дать показания по уголовному делу, особенно в ситуации, когда свидетель не вызывался на допрос следователем, а пришёл дать показания «добровольно». В этом вопросе кроется определённый тактический смысл, который, в том числе, поможет субъекту расследования в дальнейшем оценить полученные показания на предмет их достоверности и относимости к расследуемому преступлению. Современный УПК РФ не содержит аналогичного правила и не требует выяснять у свидетеля «под протокол» причины, побудившие свидетеля дать показания, хотя в практической деятельности следователи эти вопросы выясняют. В этой связи было бы целесообразно дополнить ч. 1 ст. 189 УПК РФ последним предложением о том, что «При допросе свидетеля следователь вправе задать вопрос о причинах в намерении дать показания по уголовному делу». Полагаем, что данное правило целесообразно реализовывать по усмотрению субъекта расследования в зависимости, от необходимости постановки подобного вопроса исходя из конкретных обстоятельств, сложившихся в процессе расследования. Постановка подобного вопроса в начале допроса свидетеля была бы определенным тестом, в том числе для установления потенциальных «лжесвидетелей». Ранее таким фильтром служила присяга свидетеля, что было предусмотрено в Своде законов Российской империи. Нынешний уголовно-процессуальный закон не предусматривает никакой присяги, но запрещает свидетелю давать ложные показания (ч. 6 ст. 56 УПК РФ) под страхом уголовной ответственности (ст. 307 УПК РФ).

Прослеживать динамику развития процедуры производства допроса, в том числе в зависимости от статуса участника уголовного дела, можно было бы и далее, на примере Устава уголовного судопроизводства 1864 года, который стал памятником, утвердившим ростки законности и правды в России [4, с. 45]. Однако автор статьи не ставит целью глубоко погружаться в историческое содержание порядка проведения допроса. Обращение к некоторым историческим источникам права при рассмотрении отдельных вопросов процессуального порядка допроса обусловлено желанием ещё раз вспомнить и показать дальновидность и мудрость представителей российской юридической науки, а многие сформулированные ими правила закона оказались устойчивыми, выдержали проверку временем и до сих пор востребованы в правоприменении на протяжении сотни лет. Отдельные законодательные положения не только не утратили своей актуальности, а наоборот «реанимированы» законодателем на новом витке развития уголовно-процессуального законодательства. Это ли не лучшее свидетельство, подтверждающее эффективность ранее разработанных положений закона.

Отдавая должное уважение, лучшим представителям юридической науки прошлого, отмечая их огромный вклад в создание законов России, следует проанализировать предложения законодательного характера, которые имеют место сегодня.

Например, 5 марта 2025 года депутат Авксентьева С. В. внесла на рассмотрение в Государственную Думу РФ законопроект о дополнении ст. ст. 217 и 281 УПК РФ (проект закона 856221-8)[1]. В пояснительной записке указано на необходимость расширить инструментарий, гарантирующий право обвиняемому лично допрашивать лиц, которые дали против него показания в ходе допроса.

Даже не вникая в сущность аргументов предлагаемой новеллы, «коробит слух» упоминание о закреплении полномочий обвиняемого допрашивать свидетелей и потерпевших в досудебном производстве! Отметим, что даже много столетий назад, когда процессуальные процедуры были далеки от совершенства с точки зрения современности, подобное правило никому не пришло в голову.

Анализ текста законодательного предложения позволяет говорить об абсурдности данного предложения с точки зрения его реализации. Например, указывается, что при выполнении требований ст. 217 УПК РФ обвиняемый и его защитник вправе подать следователю ходатайство о дополнительном допросе свидетелей или потерпевшего с участием обвиняемого. При этом следователь не вправе отказать в удовлетворении подобного ходатайства; следователь не вправе отвести задаваемые вопросы; следователь не вправе затем повторить допрос с повторением задаваемых вопросов от обвиняемого или его защитника. В том же абзаце, как бы опомнившись, автор законопроекта вставляет между строк предложения о том, что именно следователь проводит дополнительный допрос по правилам ст. 189-191 УПК РФ и он же обязан обеспечить явку указанных лиц для дополнительного допроса. Следует признаться, что читать подобные предложения, по крайней мере, странно. Ещё сложнее их реализовывать. Вот некоторые спорные моменты законопроекта, которые очевидно будут иметь место в правоприменении:

Во-первых, в положении законопроекта ничего не сказано о причинах и мотивах подобного ходатайства о дополнительном допросе свидетеля или потерпевшего. Остаётся неясным, почему следователь не вправе отказать в удовлетворении подобного ходатайства, что противоречит ст. 122 УПК РФ? Как известно, допросы проводятся и в ходе судебного следствия, где стороны могут задать дополнительные, уточняющие вопросы. Ответ находим в пояснительной записке, где сказано, что дополнительный допрос вызван желанием обвиняемого самолично допросить лиц, которые «свидетельствовали против него в досудебном производстве. То есть автор законопроекта предлагает «устроить разборки с неугодными свидетелями» ещё до начала судебного разбирательства?

Во-вторых. Каким образом автор законопроекта представляет себе процедуру подобного дополнительного допроса и его последствия? То есть предполагается, что на вопросы следователя «неугодный» свидетель ранее отвечал лживо, а в присутствии обвиняемого расскажет «правду»? А если свидетелей и потерпевших, которые дали показания против обвиняемого, окажется много - допрос будет с каждым? А как быть со сроком следствия? А если «неугодные» показания

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/411595111/.

дали свидетели с применением мер защиты, предусмотренные ст. 166 УПК РФ? А если этот дополнительный допрос ничего не изменит, и свидетель будет настаивать на своих показаниях, что будет далее?

Представляется, что эти вопросы также требуют разрешения на законодательном уровне и обойтись дополнением текста только в ст. 217 УПК РФ не возможно. Однако автор законопроекта видимо об этом не подумал.

В-третьих, предлагаемый вариант процедуры дополнительного допроса представляет собой иной вид допроса, что-то совершенно новое для российского законодателя, в том смысле, что субъект производства следственного действия - обвиняемый. Даже если предположить, что предложение автора законопроекта будет реализовано, то согласитесь, что данная новелла должна коррелировать с другими нормами и законодательными положениями уголовно-процессуального закона (правила допроса, права обвиняемого, права свидетеля и т.д.), что совершенно не предусмотрено в анализируемом законопроекте.

В-четвертых, полагаем, что у обвиняемого достаточно «инструментов» для «оспаривания» свидетельских показаний, с которыми он не согласен. Например, возможность ходатайствовать о повторном его допросе, в ходе которого он может дать уточняющие показания об обстоятельствах, которые считает важными по делу [5, с. 53]. Он также вправе ходатайствовать о проведении очных ставок, о производстве экспертиз, опознании, приобщении в качестве вещественных доказательств обнаруженных видеозаписей с камер наблюдения и иные. Иными словами, предлагаемый законопроект совершенно нивелирует ценность всех иных полученных доказательств и отрицает значимость иных следственных действий, возвеличивая только одно действие - допрос свидетелей обвинения самим обвиняемым? Тогда возникает вопрос о его целесообразности.

Завершая анализ рассматриваемого законопроекта, хотелось бы отметить, что любое дополнение или изменение закона должно быть проанализировано с точки зрения его целесообразности, продумано с учётом иных имеющихся средств доказывания, предлагаться как результат системного подхода, комплексного правоприменения и, конечно, рассматриваться с точки зрения его целесообразности и эффективности для правоприменения. Желательно, чтобы любое законодательное предложение было плодом возвышенного труда, проникнутого сознанием ответственности составителей их перед Россией, жаждавшей правосудия в его действительном значении и проявлении [6, с. 4].

Пристатейный библиографический список

1. Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций / Изд. Н. Качалов. – Санкт-Петербург: тип. Стасюлевича, 1889. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003625637?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 12 .05. 2025).
2. Судебники XV-XVI веков / Подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина; коммент. А. И. Копанева, Б. А. Романова и Л. В. Черепнина; под общ. ред. Б. Д. Грекова. – Москва, Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – С. 108. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002922391/?ysclid=m6528inzdv915432392 (дата обращения: 12.05.2025) @@ Судебники 1497 и 1550 гг. как итог кодификационной работы в русском государстве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://otherreferats.allbest.ru/history/00067898_1.html (дата обращения: 12.05. 2025).
3. Полное Собрание Законов Российской Империи // Собрание второе: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. с указ. – Санкт-Петербург: Типография II отделения Собственного Его Императорского Величества канцелярии, 1830-1885. – Т. 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_141941%7C42933E9F-C2F4-48C4-8EC4-039F4E409D0D/?ysclid=m6537u1kig892733342 (дата обращения: 12.05. 2025).
4. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. Изд. 4-е. – СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kurs_ugolovnogo_sudoproizvodstva_tom_i // СПС «КонсультантПлюс», 1992-2025. (дата обращения: 12.05.2025).
5. Попенков А. В. Ходатайство адвоката как инструмент обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на защиту // Проблемы обеспечения национальной безопасности: сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 10 апреля 2020 года. – Москва: ИП Черняева Ю.И., 2020. – С. 51-54.
6. Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы: (к пятидесятилетию судебных уставов): 1864 - 20 ноября, 1914. – Москва: издание т-ва И. Д. Сытина, 1914. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/koni_af_otcy_i_deti_sudebnoj_reformy// СПС «КонсультантПлюс», 1992-2025 (дата обращения: 12.05.2025 года).

КОМЛЕВ Евгений Юрьевич
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности, Юридический институт, Российский университет дружбы народа имени Патриса Лумумбы

БИРЮКОВ Иван Александрович
студент, Факультет управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; независимый исследователь

Комлев Е. Ю.

Бирюков И. А.

СЛЕДСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮСТИЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРОКУРАТУРЫ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ

Статья посвящена комплексному сравнительно-правовому анализу деятельности следственных органов Российской Федерации и Федеративной Республики Германия как элементов государственной юстиции. Объектом исследования выступают Следственный комитет Российской Федерации и прокуратура ФРГ, обладающие различным правовым статусом и институциональной природой. В статье рассматриваются их процессуальные полномочия, степень независимости, подотчетность и роль в обеспечении законности и правопорядка. Особое внимание уделяется влиянию организационно-правовых моделей на эффективность предварительного расследования и соблюдение прав участников уголовного судопроизводства. Выводы основаны на анализе нормативно-правовых источников и научных исследований.

Ключевые слова: следственные органы, Следственный комитет Российской Федерации, прокуратура ФРГ, уголовное судопроизводство, предварительное расследование, процессуальная независимость, институты уголовного процесса.

KOMLEV Evgeniy Yurjevich
Ph.D. in Law, Head of Judiciary, civil society and law enforcement sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples Friendship University of Russia

BIRYUKOV Ivan Alexandrovich
student, Faculty of the Management and Policy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia; independent researcher

INVESTIGATIVE BODIES AS AN ELEMENT OF STATE JUSTICE: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

This article presents a comprehensive comparative legal analysis of the investigative bodies of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany as an integral elements of state justice. The subject of the study is the Investigative Committee of the Russian Federation and the Public Prosecutor's Office of the FRG, which possess differing legal statuses and institutional structures. The article examines their procedural powers, degree of independence, accountability mechanisms, and role in ensuring legality and public order. Particular attention is given to the impact of organizational and legal models on the effectiveness of preliminary investigation and the protection of the rights of participants in criminal proceedings. The conclusions are based on the analysis of normative legal sources and scholarly research.

Keywords: Investigative authorities, Investigative Committee of the Russian Federation, Public Prosecution Office of the Federal Republic of Germany, criminal justice proceedings, pre-trial investigation, procedural independence, institutions of criminal procedure.

В условиях преобразования уголовного судопроизводства особое значение приобретает институт предварительного расследования (следствия) как основополагающий этап уголовного процесса. На данной стадии устанавливаются фактические обстоятельства дела, собираются доказательства и формируется процессуальная база для судебного разбирательства. От эффективности работы следственных органов напрямую зависит результативность всей системы юстиции.

Следственные органы выполняют важнейшую функцию по обеспечению законности и охране прав и свобод личности, гарантированных как Конституцией РФ[1], так и международными правовыми актами. Их профессиональная независимость, организационная стройность и подотчётность определяют реализацию задач уголовного судопроизводства, включая защиту от необоснованного преследования и привлечение к ответственности лиц, совершивших преступления. Сравнительный анализ моделей следственных

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. - 1993. - № 237.

органов в различных правовых системах позволяет выявить институциональные особенности и уровень эффективности.

В России функционирует самостоятельный орган следствия - Следственный комитет, отделённый от органов прокуратуры. В то же время Германия применяет классическую континентальную модель, в рамках которой функции предварительного расследования возложены на прокуратуру (*Staatsanwaltschaft*), тесно взаимодействующую с полицией.

История развития института предварительного следствия в России уходит корнями в дореволюционный период. Тогда уголовные дела расследовались судебными следователями, действовавшими в системе правосудия. В советскую эпоху следственные функции были переданы прокуратуре, что вызвало критику в кругах права по вопросу слияния, как функций следствия, так и надзора.

Органы предварительного следствия были выведены из структуры прокуратуры в результате реформы 2007 года. По прошествии 4 лет в 2011 году был создан самостоятельный орган - Следственный комитет Российской Федерации. Предполагалось, что новая структура повысит независимость следователя и эффективность расследования тяжких преступлений. Вместе с тем возникли сложности, связанные с фрагментацией юрисдикции и последующим снижением координации между следственными органами и прокуратурой.

В отличие от России, прокуратура Германии исторически развивалась как единый институт уголовного преследования. С принятием в 1877 году Уголовно-процессуального кодекса[2] прокуратура (*Strafprozessordnung*) стала центральным звеном, ответственным за возбуждение дел и руководство расследованием. С самого начала она совмещала функции процессуального руководства и самостоятельного осуществления следственных действий, действуя в тесной связке с полицией, наделённой статусом вспомогательных сотрудников (*Hilfsbeamte der Staatsanwaltschaft*). Эта модель призвана обеспечить высокий уровень координации, процессуальной эффективности и юридической точности. Принцип обязательности уголовного преследования (*Legalitätsprinzip*), лежащий в основе работы прокуратуры ФРГ, гарантирует возбуждение дел при наличии достаточных оснований и исключает произвольность. Со стороны судебного контроля за действиями прокуратуры возникает своего рода система сдержек и противовесов [1]. Несмотря на это, сфера уголовного преследования остается наполненной процессуальных рисков.

СК РФ, согласно Уголовно-процессуальному кодексу РФ[3], уполномочен на расследование тяжких и особо тяжких преступлений, включая преступления против личности и общества, а также коррупционные и должностные деяния. Его структура включает центральный аппарат, территориальные управления и специализированные подразделения, работа которых организована по принципу иерархии и подведомственности. При этом, несмотря на наличие прокурорского надзора (ст. 37 УПК РФ)[4], взаимодействие СК РФ с прокуратурой в некотором смысле ограничено. С учетом того, что судебный контроль охватывает действия, затрагивающие конституционные права граждан, например, такие как арест и обыск, усиливается автономия следствия.

В свою очередь в Германии наблюдается более тесная модель взаимодействия прокуратуры с судебными органами и прямые контакты с министерствами юстиции земель. В рамках расследования (*Weisungsrecht)* прокурор наделён более широким спектром в отношении полиции, которая по своей сути выступает в роли процессуально подчиненного органа [3]. При этом как в российской модели, так и в германской наблюдаются некоторые недостатки в сфере гарантий прав участников уголовного судопроизводства.

Сопоставление двух подходов к организации следственных органов позволяет заключить, что каждая из моделей реформирована под собственную правовую систему. При этом сравнительный анализ свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования процесса следствия, в том числе за счёт возможного расширения перечня следственных действий, подлежащих судебному санкционированию, расширения взаимодействия следственных органов и прокуратуры, обеспечения доступа защиты к материалам дела с момента задержания и формализации взаимодействия между ключевыми субъектами уголовно-процессуальных отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Буторина Н. С. Права и задачи прокурора в уголовном процессе РФ и ФРГ // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - 2019. - № 1. - С. 55-62.
2. Гайсин А. Х. Сравнительно-правовой анализ правового положения прокуратуры в Германии и России // Российский юридический журнал. - 2022. - № 2. - С. 87-94.
3. Мельникова О. Н. Сравнительный анализ моделей прокурорского надзора в Германии и России // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. - 2021. - № 3. - С. 33-38.

2 Strafprozessordnung (StPO) [Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ] vom 01.02.1877 (BGBl. I S. 2534, 2006; zuletzt geändert durch Gesetz vom 05.10.2021, BGBl. I S. 4607).

3 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г. - № 52. - Ст. 4921.

4 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г. - № 52. - Ст. 4921.

КУЛИК Татьяна Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права, Южно-Российский институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону

ПРИМЕНЕНИЕ ДОСУДЕБНОГО ПОРЯДКА УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРА К ОТДЕЛЬНЫМ ВИДАМ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА

Досудебный порядок урегулирования споров давно используется как эффективное средство разрешения конфликтов, позволяющее не просто обеспечить реализацию конкретного, хотя и спорного в данный момент, правоотношения, но и сохранить отношения между спорящими контрагентами в будущем. Обращение в суд, который обладает властными полномочиями, позволяющими принимать обязательные для спорящих сторон решения, но сводящими, как правило, на нет их дальнейшее взаимодействие, является для многих приоритетной формой защиты нарушенных прав и законных интересов. И несмотря на желание законодателя сократить количество дел, рассматриваемых судами, в т.ч. внедряя обязательный досудебный порядок по некоторым категориям дел, он по-прежнему не пользуется популярностью, оставаясь лишь необходимым условием для обращения в суд. Тем не менее, нельзя не признать, что досудебный порядок урегулирования споров может быть эффективным механизмом, который может помочь не просто урегулировать спор, но и обозначить наиболее спорные моменты, возникающие в рамках определенной группы общественных отношений.

Ключевые слова: особое производство, досудебное урегулирование спора, гражданский процесс, арбитражный процесс, условие реализации права на обращение в суд, нотариальные действия.

KULIK Tatyana Yurjevna
Ph.D. in Law, associate professor of Procedural law sub-faculty, South-Russian Institute of Management (branch), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don

APPLICATION OF PRE-TRIAL DISPUTE RESOLUTION PROCEDURES TO CERTAIN TYPES OF SPECIAL PROCEEDINGS

Pre-trial dispute resolution has long been used as an effective means of conflict resolution, allowing not only to ensure the implementation of a specific, albeit currently controversial, legal relationship, but also to preserve relations between the disputing parties in the future. Appealing to the court, which has the authority to make decisions that are binding on the disputing parties, but which, as a rule, reduce their further interaction to nothing, is for many a priority form of protecting violated rights and legitimate interests. And despite the desire of the legislator to reduce the number of cases considered by the courts, including by introducing a mandatory pre-trial procedure for some categories of cases, it is still not popular, remaining only a necessary condition for applying to the court. Nevertheless, it cannot be denied that the pre-trial dispute resolution procedure can be an effective mechanism that can help not only to settle a dispute, but also to identify the most controversial issues arising within a certain group of social relations.

Keywords: special proceedings, pre-trial dispute resolution, civil procedure, arbitration procedure, condition for exercising the right to appeal to the court, notarial acts.

Устойчивое развитие общества невозможно без создания эффективных правовых механизмов, гарантирующих, во-первых, реализацию закрепленных прав и законных интересов, во-вторых, защиту в случае недобросовестных действий участников правоотношений. На случай нарушения в Российской Федерации создана система судов, которая не только обеспечивает рассмотрение споров, но и позволяет устранить судебные ошибки, которые могут быть допущены в ходе такого рассмотрения. И приоритет судебной защиты, если и не закреплен прямо в качестве правового принципа, но признается в качества такового многими отраслями права. Тем не менее, количество рассматриваемых судами дел, которое растет из года в год, заставляет законодателя задумываться о необходимости закрепления альтернативного порядка разрешения конфликтных ситуаций, которые сократили бы количество судебных обращений. Более того, зачастую именно судья больше заинтересован в том, чтобы стороны разрешили конфликт, не обращаясь в суд [3].

С недавних пор таким порядком стало обязательное досудебное урегулирование споров, которое для некоторых спорных ситуаций стало обязательным условием реализации права на обращение в суд. Анализируя нормы материального и процессуального права, можно увидеть тенденцию увеличения количества таких споров, особенно в арбитражном процессе, где досудебный порядок стал, по сути, обязательным по большинству гражданско-правовых споров (ч. 5 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ)). Подчеркивая значимость досудебного порядка урегулирования споров в современных реалиях Верховный Суд РФ обобщил основные выводы, касающиеся его применения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» (далее – Постановление № 18).

Однако в гражданском процессе досудебный порядок урегулирования споров не стал обязательным условием реализации права на судебную защиту. Точнее, Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ) не стал по примеру АПК РФ закреплять его значение для обращения в суд в одной норме, оставив упоминание о нем в статьях, определяющих порядок возбуждения и рассмотрения дела в суде первой инстанции (ст.ст. 3, 135, 222 и др. ГПК РФ). Тем самым законодатель признал, что нормы о необходимости соблюдения досудебного порядка урегулирования споров могут быть

закреплены в материальном законодательстве. И тогда они обязательно учитываются судьей, рассматривающим дело.

Тезисно преимущества досудебного порядка урегулирования можно сформулировать следующим образом. Во-первых, этот способ более экономный нежели судебный, как с точки зрения финансов, так и с точки зрения времени. Даже учитывая возможность упрощенных процедур рассмотрения некоторых дел, это все равно требует определенного времени для совершения судьей необходимых процессуальных действий, что может затянуться на продолжительный срок, не говоря уже о том, что при наличии предусмотренных процессуальными кодексами обстоятельств судья обязан отложить или приостановить рассмотрение дела. Кроме того, любое обращение в суд требует финансовых расходов, как минимум сводящихся к государственной пошлине, возросшей в последнее время. Если же лицо, обратившееся в суд, не хочет или не может по каким-либо причинам самостоятельно защищать в суде свои интересы, то оно вправе обратиться за квалицированной юридической помощью, которая также в большинстве случаев оказывается возмездно. Во-вторых, обязательное размещение судебных актов, принятых судами, на официальном сайте, даже и с ограниченным отражением в них персональных данных дает представление о том, кто участвовал в судебном разбирательстве и по какому делу. Это может негативно отразиться на деловой репутации лица, особенно если речь идет о предпринимательской деятельности, и привести к убыткам. Поэтому не последним фактором, который иногда влияет на решение обратиться в суд является и желание сохранить конфиденциальность возникшей спорной ситуации, не допустить ее распространения среди третьих лиц. И использование досудебного порядка урегулирования споров позволяет этого достичь. Ну и наконец, в-третьих, не стоит забывать и о психологическом аспекте досудебного урегулирования споров. Если стороны самостоятельно добровольно принимают меры к урегулирования спорной ситуации, вероятность того, что они будут исполнять достигнутое решение и взятые на себя обязательства выше, нежели если это решение примет суд. Поэтому именно в гражданско-правовых отношениях досудебный порядок урегулирования споров наиболее эффективен – равные (с юридической точки зрения) стороны, которые действуют своей волей и в своем интересе, при разумном подходе вполне могут самостоятельно достичь соглашения, не доводя дело до суда. Конечно, при условии, что действуют они добросовестно, принимая на себя обязательства.

Таким образом, законодатель учел специфику досудебных способов урегулирования споров и предложил (хотя и не всегда добровольно, ведь для отдельных категорий дел, как уже упоминалось, такой порядок обязателен) спорящим сторонам использовать их преимущества прежде, чем обратиться в суд. Как показывают нормы действующего законодательства, нашедшие отражение и в Постановлении № 18, в настоящее время достаточно много отношений, которые в случае возникновения спора, требуют досудебных попыток урегулирования спора их сторонами.

Анализ законодательства, как материального, так и процессуального, определяющего требования к досудебному порядку урегулирования споров, позволяет сделать вывод, что данный порядок неприменим к некоторым категориям дел. Учитывая, что ГПК РФ, как уже говорилось, не закрепляет прямо перечень дел, требующих и не требующих соблюдение досудебного порядка, обратимся к положениям АПК РФ и Постановления № 18. Абз. 4 ч. 5 ст. 4 АПК РФ среди дел, обращение по которым в суд соблюдение досудебного порядка не требуется, называет дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, т.е., проводя аналогию с ГПК РФ (ст. 262), дела особого производства. Даже из названия самих процедур – досудебное урегулирования **спора**, вытекает, что они применимы лишь к тем делам, которые могут быть охарактеризованы как спор – состязание, разногласие, где каждая из сторон имеет возможность отстоять свою точку зрения.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что для обращения в суд по делам особого производства досудебный порядок условием такого обращения не является. И это логично, поскольку спор, как таковой, в делах особого производства отсутствует, поэтому и согласовывать последствия нарушения прав и обязанностей между сторонами не представляется возможным. Тем не менее, например, положения статей 265 и 267 ГПК РФ о том, что обращение в суд по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение, допускается лишь «при невозможности получения заявителем в ином порядке надлежащих документов, удостоверяющих эти факты, или при невозможности восстановления утраченных документов». Другими словами, заявитель все же должен предпринять меры для установления необходимого факта или получения документа в ином, нежели суд, компетентном органе. И лишь после того, как его попытка успехом не увенчается, он вправе обратиться в суд.

Конечно, не все дела особого производства требуют предварительного обращения к компетентным органам. Правовая природа некоторых дел особого производства подразумевает только судебный порядок их рассмотрения (например, ограничение дееспособности гражданина или признание его полностью недееспособным). В тоже время дела по заявлениям о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении вполне могут досудебный порядок предполагать.

Нотариат занимает особое место в системе органов, обеспечивающих защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц (ст. 1 Основ законодательства РФ о нотариате (далее – Основы)). При этом он не относится ни к органам государственной власти, ни к классическим юридическим лицам частного права, обладая двойственным правовым статусом организации, которая наделена публичными полномочиями, на что не раз обращал внимание Конституционный Суд РФ. Это означает, что, не входя в систему органов государственной власти, нотариусы совершают нотариальные действия от имени Российской Федерации в силу прямого указания Основ (ст. 1). Таким образом, Российская Федерация обеспечивает реализацию конституционных и иных прав в рамках действующего законодательства.

Совершение нотариальных действий требуется для придания юридической силы обстоятельствам, которые либо не могут быть установлены иным образом, либо имеют настолько существенное значение для действующего гражданского оборота, что требуют дополнительного подтверждения компетентным лицом, который проверит соблюдение требований законодательства (например, дееспособность лица, наличие согласия третьего лица на совершение сделки), наличие необходимых документов и соблюдение иных условий для реализации законного права. Перечень нотариальных действий приведен в ст. 35 Основ и может дополняться иными законодательными актами Российской Федерации. В особых случаях, в порядке исключения, отдельные нотариальные действия могут совершаться иными уполномоченными ли-

цами, но только теми, которые обладают этими полномочиями в силу закона (ст. 37, 38 Основ). Обстоятельства, которые должны быть установлены и подтверждены нотариусом (или иным уполномоченным лицом), не могут устанавливаться и подтверждаться иными лицами. Нельзя не упомянуть, что в некоторых случаях законодатель оставляет возможность обращения к нотариусу на откуп самим участникам правоотношений (так, лица могут обратиться к нотариусу за заверением гражданско-правовой сделки по собственной инициативе, даже если оно и не требуется законом (ст. 163 Гражданского кодекса РФ). Но в случаях, если обстоятельство в силу закона должно быть удостоверено нотариусом, отсутствие нотариального удостоверения повлечёт или недействительность соответствующего документа или невозможность реализации соответствующего права.

Для того, чтобы подчеркнуть значение нотариата, законодатель придал нотариальным актам силу обстоятельств, не подлежащих доказыванию (ч. 5 ст. 61 ГПК РФ и ч. 5 ст. 69 АПК РФ). Исключения составляют случаи, когда подлинность нотариально оформленного документа опровергнута в порядке, установленном процессуальным законодательством, или было установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия (глава 37 ГПК РФ). В настоящее время большое значение для процесса имеет также и удостоверение нотариусами доказательств [2]. В условиях, когда взаимодействие между участниками правоотношений осуществляется в основном в электронной форме, необходимо оперативно фиксировать информацию, которая может легко появиться и также легко исчезнуть из информационной сети.

Учитывая роль нотариата в современном обществе предусмотрен и обязательный контроль за его деятельностью. Контроль за исполнением профессиональных обязанностей нотариусами, работающими в государственных нотариальных конторах, осуществляют федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю в сфере нотариата, и его территориальные органы, а нотариусами, занимающимися частной практикой, - нотариальные палаты (ст. 34 Основ). Допускается также и обжалование в судебном порядке отказа в совершении нотариального действия или неправильное совершение нотариального действия (ст. 33 Основ).

Таким образом, хотя законодатель и не относит отношения по деятельности нотариусов к отношениям публично-правового характера, в отношении нотариусов создана система контроля, позволяющая привлечь его к ответственности как гражданско-правового характера, так и дисциплинарного, включающего освобождение от своих полномочий по решению суда (ст. 12 Основ).

При этом нотариальная палата, а также федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в сфере нотариата – Министерство юстиции РФ, играют важную роль в обеспечении эффективного выполнения нотариусами своих функций. Взаимодействуя друг с другом, они формируют систему контроля, которая, с одной стороны, гарантирует гражданам компетентный подход к выполнению нотариусами своих обязанностей, с другой – обеспечивает соблюдение нотариусами законодательства Российской Федерации при совершении нотариальных действий. Помимо этого, не стоит забывать о судебном контроле, который является важным во всех сферах общественной жизни [1].

Следовательно, помимо суда, который, как видится является последней инстанцией, принимающей решение относительно законности отказа в совершении нотариального действия или неправильного его совершения, оценка действия (бездействия) нотариуса может осуществляться также и Минюстом (его территориальным подразделением), а также нотариальными палатами, в составе которых имеются комиссии по профессиональной этике и контрольные комиссии. Также представляется, что при всей квалификации судей, именно представители нотариальных палат, сами являющиеся нотариусами, могут, как никто другой, оценить правильность совершения нотариального действия или аргументацию отказа в его совершении. Кроме того, в функциях нотариальных плат прямо указывается, что они осуществляют контроль исполнения нотариусами профессиональных обязанностей[1].

Деятельность нотариусов носит публично-правовой характер, она позволяет защитить права и законные интересы, предотвратив их нарушение, а поэтому все спорные ситуации, связанные с ней, должны быть тщательно проанализированы. В связи с этим представляется целесообразным предусмотреть предварительный, до обращения в суд, порядок обращения заинтересованного лица в региональную нотариальную палату для оценки правильности совершения нотариального действия или законности отказа в его совершении. Это позволит, во-первых, определить, было ли соблюдено законодательство, регулирующее деятельность нотариата, самим нотариусом, правильно ли совершено нотариальное действие или были ли основания для отказа в его совершении. Во-вторых, поскольку нотариальная палата также обобщает практику деятельности нотариусов, которая впоследствии может использоваться и для внесения предложений по совершенствованию законодательства, досудебное обращение позволит систематизировать наиболее частые случаи, по которым лица обращаются в суд. В-третьих, определение правильности совершения нотариального действия или отказа в его совершении может быть важным аргументом для суда, впоследствии рассматривающего дело в порядке главы 37 ГПК РФ, т.е. послужить своего рода консультацией специалиста. Досудебный порядок применительно к деятельности нотариусов позволит избежать несостоятельных обращений в суд, сократив не только количество обращений, но и вероятность принятия судом незаконных и (или) необоснованных решений.

Пристатейный библиографический список

1. Борисова Л. В. Судебный контроль за совершением нотариальных действий не исключает ошибок // Нотариальный вестник. 2021. № 12. С. 42-48.
2. Лаптев В. А., Чуча С. Ю. Нотариально удостоверенные доказательства в судебном процессе: теория и правоприменительная практика // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 79-99.
3. Михайлова Е. В. Примирение в сфере гражданской юрисдикции // Хозяйство и право. 2024. № 12. С. 68-82.

1 Например, Официальный сайт Нотариальной палаты Ростовской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.notpalro.ru/funktsii-npro/ (дата обращения: 26.07.2025). Официальный сайт Нотариальной палаты Краснодарского края. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://23.notariat.ru/ru-ru/about/ustav/ (дата обращения: 26.07.2025).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-403-405

НИКИТИНА Елена Викторовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

Никитина Е. В.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ: ЧТО НОВОГО В ЗАКОНЕ?

В статье проводится анализ последних изменений уголовно-процессуального закона, касающихся такой меры пресечения, как заключение под стражу. Приводятся аргументы авторов законопроекта. Исследуются все внесенные законодателем в статью 108 УПК РФ изменения. В конечном счете, они сгруппированы по трем основным направлениям: 1) иной подход к определению тяжести совершенного преступления (уголовно-правовая санкция заменена на категории преступлений); 2) акцент на насильственном характере преступлений (преступления средней тяжести должны быть совершены с применением насилия или угрозой применения насилия); 3) особые правила в отношении некоторых категорий лиц (более защищенными в процессуальном смысле стали те, от кого зависит жизнь малолетних детей и детей-инвалидов, а также лица с тяжелыми заболеваниями). Обращено внимание на четкое определение в новом законе исключительных случаев применения наиболее строгой меры пресечения в отношении несовершеннолетних и других особых субъектов, а также при совершении преступлений небольшой тяжести. В качестве резюме делается вывод о том, что закон стал более формализованным, но при этом ориентирован на конкретную ситуацию и на конкретного человека.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный закон, новые законодательные положения, мера пресечения, заключение под стражу, категории преступлений, насильственный характер преступлений.

NIKITINA Elena Viktorovna
Ph.D. in Law, associate professor of Judicial activity and Criminal procedure sub-faculty, V. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg

DETENTION: WHAT'S NEW IN THE LAW?

The article analyzes the latest changes in the criminal procedure law concerning such a preventive measure as detention. The arguments of the authors of the bill, set out in the explanatory note, are presented. All the amendments introduced by the legislator to Article 108 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are being investigated. As a result, they are grouped into three main areas: 1) a different approach to determining the severity of the crime committed (the criminal sanction has been replaced by categories of crimes); 2) an emphasis on the violent nature of crimes (moderate crimes must be committed with violence or threat of violence); 3) special rules for certain categories of persons (those have become more protected in the procedural sense on whom the lives of young children and children with disabilities depend, as well as people with serious illnesses). Attention is drawn to the circumstance, that the new law clearly defines exceptional cases of applying the strictest preventive measure against juvenile defendants and other special subjects, as well as when committing minor crimes. As a summary, it is concluded that the law has become more formalized, but at the same time it is focused on a specific situation and on a specific person.

Keywords: criminal procedure law, new legislative provisions, preventive measure, detention, categories of crimes, violent nature of crimes.

Из истории вопроса

28 февраля 2025 года был принят Федеральный закон № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[1]. Законодатель посчитал необходимым внести серьезные изменения, касающиеся применения такой меры пресечения, как заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ). Инициатором принятия закона стал Верховный Суд Российской Федерации. В пояснительной записке к законопроекту необходимость внесения изменений обосновывалась тем, что мера пресечения в виде заключения под стражу избиралась во многих случаях безотносительно к тому, носило ли преступление насильственный характер. По данным за 2022 год, примерно треть таких преступлений относились к категории небольшой или средней тяжести. Иногда заключение под стражу применялось к женщинам, имеющим малолетних детей, или к лицам, в отношении которых установлена инвалидность I или II группы. В связи с этим предлагалось внесение в закон изменений, которые исключили бы возможность избрания и применения заключения под стражу в отношении отдельных категорий лиц, а также в случае ненасильственного характера преступлений средней тяжести. Кроме того, предлагалось использовать в Уголовно-процессуальном кодексе РФ вместо фразы «постоянное место жительства» более корректные формулировки. В заключение авторы делали вывод о том, что принятие законопроекта будет способствовать тому, что наиболее строгая меры пресечения не будет избираться в отношении лиц, не представляющих большой общественной опасности[2].

Новые законодательные положения

Изменения коснулись целого ряда существенных моментов. Ранее закон ограничивал применение этой меры пресечения совершением преступлений, за которые предусмотрено наказание свыше трех лет лишения свободы. На сегодняшний день закон обрел более четкую формулировку – определены категории преступлений, совершение которых может повлечь за собой заключение по стражу. Это преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Причем, преступления средней тяжести должны быть совершены *с применением насилия либо с угрозой его применения*. Из этого положения закона следует, что даже если совершено преступление средней тяжести, но оно не носит насильственного характера (например, кража или мошенничество с причинением значительного ущерба потерпевшему - п. «в» ч. 2 ст. 158

1 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28.02.2025 № 13-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_499971/?ysclid=m9ietqn2yu772287417 (дата обращения: 15.04.2025).

2 Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrf.ru/documents/own/32539/ (дата обращения: 18.04.2025).

или ч. 2 ст. 159 УК РФ), заключение под стражу неприменимо. Это общее правило (условие) применения меры пресечения в виде заключения под стражу, имеющее некоторые исключения.

Исключения из общего правила имелись и ранее. Однако сейчас они приобрели более отформатированный вид. В новой редакции части 1 статьи 108 УПК РФ исключительные случаи указаны применительно к преступлениям средней тяжести, не имеющим насильственного характера, и к преступлениям небольшой тяжести. В случае совершения преступления средней тяжести – это *любое* из перечисленных в подпунктах «а» - «г» пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ обстоятельств: а) отсутствие у лица места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации; б) неустановление его личности; в) нарушение им ранее избранной меры пресечения; г) сокрытие от органов предварительного расследования или суда. Причем, в подпункте «а» речь идет уже не об отсутствии у подозреваемого или обвиняемого *постоянного* места жительства на территории Российской Федерации, а об отсутствии *места жительства или места пребывания* на территории нашей страны (уголовно-процессуальный закон в этой части приведен в соответствие с Законом о праве граждан на свободу передвижения[3]). В случае совершения преступления небольшой тяжести – это лишь последние два обстоятельства (нарушение ранее избранной меры пресечения либо то обстоятельство, что подозреваемый или обвиняемый скрылся от органов предварительного расследования или суда – подпункты «в» и «г» пункта 1 части1 статьи 108 УПК РФ). Отсутствие места жительства или места пребывания либо неустановление личности подозреваемого или обвиняемого (подпункты «а» и «б» пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ) не дают оснований для заключения под стражу лица, совершившего преступление небольшой тяжести.

В соответствии с новыми условиями избрания меры пресечения в виде заключения под стражу меняется и перечень указанных в части 1.1 статьи 108 УПК РФ преступлений, совершение которых могло повлечь за собой избрание этой меры пресечения лишь при наличии определенных обстоятельств. Речь идет о преступлениях, совершенных индивидуальными предпринимателями или членами органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением предпринимательской или управленческой деятельности, а также о других преступлениях в сфере экономической деятельности. Из этого перечня исключены преступления, не представляющие серьезной опасности для общества и не требующие заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу даже при наличии указанных обстоятельств.

В статье 108 УПК РФ появилась часть 1.2, предусмотревшая возможность применения заключения под стражу по целому ряду преступлений, отнесенных уголовным законом к категории *средней тяжести*, но *не сопряженных с насилием*. Законодатель акцентировал на них внимание и указал, что при совершении этих преступлений заключение под стражу может быть применено без каких-либо дополнительных условий или обстоятельств. Достаточно соблюдения одного условия – невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. Это ряд преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, а также против государственной власти (например, часть 1 статьи 205.2 УК РФ, часть 1 статьи 207.3 УК РФ, часть 2 статьи 323 УК РФ и др.). Здесь же законодатель выделил отдельные преступления *небольшой тяжести*, по которым заключение под стражу может быть применено *в исключительных случаях* при наличии одного из обстоятельств, указанных не только в подпунктах «в» и «г» (что является своего рода общим правилом при совершении преступлений небольшой тяжести), но и в подпунктах «а» и «б» пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ (что применимо только к данным преступлениям). Это преступления той же направленности, но меньшей степени общественной опасности (например, часть 1 статьи 283.2 УК РФ, статья 284 УК РФ, часть 1 статьи 322 УК РФ и др.).

Изменения внесены и в редакцию части 2 статьи 108 УПК РФ. Ранее положения этой нормы касались лишь *несовершеннолетнего* подозреваемого или обвиняемого. Нынешняя ее редакция распространила свое действие на женщин, находящихся в состоянии беременности или имеющих малолетнего ребенка; мужчин, являющихся единственным родителем малолетнего ребенка; на лиц, являющихся усыновителем или опекуном малолетнего ребенка; а также на лиц, являющихся единственным родителем, усыновителем, опекуном или попечителем ребенка-инвалида. К ним заключение под стражу, по общему правилу, может применяться лишь тогда, когда они подозреваются или обвиняются в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ имелось особое предписание в отношении несовершеннолетних детей, иждивенцев, престарелых родителей подозреваемого или обвиняемого, заключенного под стражу (ст. 160 УПК РФ). Эти лица должны были быть переданы на попечение родственников либо помещены в специальные учреждения. Соответствующее разъяснение давалось и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020)[4]. Новый закон сделал шаг вперед в плане защиты прав малолетних детей и детей-инвалидов. Законодатель сосредоточил свое внимание именно на детях, полагая, что на них самым негативным образом скажется заключение под стражу их родителей, усыновителей, опекунов, попечителей.

Кроме того, законодатель четко назвал те исключительные случаи, когда эта мера пресечения может быть избрана при совершении указанными лицами преступлений средней тяжести. Прежняя редакция части 2 статьи 108 УПК РФ лишь упоминала об исключительных случаях заключения под стражу несовершеннолетних при совершении ими преступлений средней тяжести, не уточняя, что это за случаи. Верховный Суд РФ также не давал четких разъяснений. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) содержится обтекаемая формулировка, не раскрывающая сути того, что будет являться исключительными случаями в контексте части 2 статьи 108 УПК РФ. По мнению Верховного Суда РФ, это должно быть единственно возможным решением «в конкретных условиях с учетом обстоятельств совершенного преступления и данных о личности»[5]. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) присутствует аналогичная формулировка. Она дополнена лишь тем, что заключение под стражу не может быть избрано в отношении несовершеннолетнего, не достигшего возраста 16 лет и совершившего преступление средней тяжести впервые[6].

На сегодняшний день круг исключительных случаев определен в законе. Ими названы те обстоятельства, о которых выше уже шла речь. Это обстоятельства, перечисленные в подпунктах «а» - «г» пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ. При этом в законе содержится оговорка относительно того, что это должны быть преступления средней тяжести *с применением насилия либо с угрозой его применения* либо преступления, *специально предусмотренные частью первой.2 статьи 108 УПК РФ.*

В статье 108 УПК РФ появилась еще одна новая часть (часть 2.1). Она содержит запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу к лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями (при условии, что наличие заболевания подтверждено медицинскими документами). Особый перечень таких заболеваний, препятствующих содержанию под стражей, утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 года № 3

3 О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 года № 5242-1 (ред. от 13.12.2024). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2255/?ysclid=mb28m2yw88211067871 (дата обращения: 24.05.2025).

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/?ysclid=m9mtl3qceb220213964 (дата обращения: 18.04.2025).

5 Там же.

6 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/?ysclid=m9mttpzrzv287861406 (дата обращения 18.04.2025).

(ред. от 04.09.2012)[7]. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ уже присутствовала норма, предусматривавшая изменение меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую при выявлении у подозреваемого или обвиняемого «тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей» (ч. 1.1 ст. 110 УПК РФ)[8]. На сегодняшний день речь идет не только об изменении меры пресечения на более мягкую, но и в принципе - о невозможности заключения таких лиц под стражу.

Изменения коснулись и части 3.1 статьи 108 УПК РФ, содержащей перечень преступлений, совершение которых индивидуальным предпринимателем *не в связи* с предпринимательской и экономической деятельностью требует особых правил составления и представления в суд процессуальных документов в обоснование заключения под стражу. Законодатель скорректировал эту норму в соответствии с новой редакцией части 1.1 статьи 108 УПК РФ, исключив из ранее имевшегося перечня преступлений те, которые не представляют серьезной опасности для общества и не требуют заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу.

Обобщающие положения

Анализ законодательных изменений, внесенных в статью 108 УПК РФ, позволяет выделить три основных блока преобразований: 1) вместо уголовно-правовой санкции в законе указаны *категории преступлений*, совершение которых может повлечь за собой заключение по стражу; 2) сделан акцент на *насильственном* характере преступлений; 3) определены некоторые категории лиц, к которым эта мера пресечения неприменима или применима в исключительных случаях.

1. Законодатель последователен в том, что одним из условий заключения под стражу считает тяжесть совершенного преступления. По УПК РСФСР эта мера пресечения применялась, если уголовно-правовая санкция за совершенное преступление была свыше одного года лишения свободы. УПК РФ установил правила, согласно которым заключение под стражу стало возможным при совершении преступлений, наказание за которые превышало сначала 2 года лишения свободы, а затем – 3 года лишения свободы. Представители научного сообщества считали уголовно-правовую санкцию важнейшим критерием, который должен определять вид меры пресечения [4, с. 40]. В этом они видели гарантию соблюдения законных интересов личности [5, с. 179].

В нынешней редакции условием допустимости заключения под стражу называются определенные категории преступлений, сама градация которых происходит в зависимости от *степени тяжести* (ст. 15 УК РФ). Тем самым, оставив критерий тяжести совершенного преступления одним из условий возможного применения заключения под стражу, законодатель скоррелировал положения частей 1 и 2 статьи 108 УПК РФ, поскольку в части 2 статьи 108 УПК РФ и раньше фигурировали именно категории преступлений (применительно к несовершеннолетним).

2. Говоря о преступлениях средней тяжести, законодатель сделал акцент на *насильственном характере* этих преступлений. Ненасильственный характер такого рода преступлений, по общему правилу, исключает возможность применения заключения под стражу. Такой подход позволяет отграничить преступления менее общественно-опасные от более общественно-опасных, совершенных *с применением насилия либо с угрозой его применения*, и прибегать к наиболее строгой мере пресечения лишь в последнем случае. Насильственный характер совершенного преступления назывался одним из критериев обоснованности заключения под стражу и в научной литературе, посвященной проблемам избрания и применения этой меры пресечения [2, с. 52-55].

Что касается преступлений небольшой тяжести, в новом законе определены конкретные (исключительные) случаи, которые допускают заключение под стражу при совершении таких преступлений.

3. Правила, применимые к несовершеннолетним, законодатель распространил и на некоторых других лиц, чья изоляция от общества может пагубно сказаться на самых незащищенных слоях населения (малолетних детях, детях-инвалидах). Такие лица, если не брать в расчет исключительные случаи, могут быть заключены под стражу лишь при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Перечень же исключительных случаев четко определен в законе.

Кроме того, новый закон установил запрет на применение наиболее строгой меры пресечения к лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями. Прослеживающаяся в законодательных преобразованиях тенденция по ограничению нахождения под стражей лиц с тяжелыми заболеваниями свидетельствует о том, что в данном случае превалируют соображения гуманности. Подобные законодательные изменения предлагались еще в конце прошлого века [5, с. 183]. Обращалось на это внимание и в последнее время [3], [6], [7].

В целом, все вносимые законодателем изменения оцениваются научным сообществом положительно. Но встречаются и отдельные критические замечания. Так, еще на этапе обсуждения законопроекта некоторыми учеными высказывалось соображение о том, что «это тупиковый путь» [1, с. 142]. Ими предлагался собственный концептуальный подход к заключению под стражу, где во главу угла были поставлены не категории преступлений и не конкретный обвиняемый с учетом его пола, возраста, наличия малолетних детей, состояния здоровья и др., а то обстоятельство, что обвиняемый «в силу тяжести совершенного им преступления и данных о личности, представляет угрозу для общества» [1, с. 147].

Подход, предлагаемый авторами, безусловно, интересен в глобальном плане. Но у него есть и оборотная сторона – он предполагает субъективную оценку правоприменителем той «угрозы для общества», которую представляет собой обвиняемый.

Вывод

Внесенные законодателем изменения на первый взгляд представляются достаточно сложными для восприятия. Однако по внимательном изучении позволяют выделить главное – закон стал более формализованным в деталях, но при этом ориентирован на *конкретную* ситуацию и на *конкретного* человека.

Пристатейный библиографический список

1. Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Заключение под стражу как мера пресечения, применяемая к лицу, представляющему угрозу для общества // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3.
2. Качалова О. В., Качалов В. И. Заключение под стражу в качестве меры пресечения: обоснованность применения и продления: Учебно-методические материалы, подготовленные в рамках программ сотрудничества Совета Европы и Российской Федерации. М.: Деловой стиль, 2019. 82 с.
3. Красавина Н. А. Актуальные проблемы института заключения под стражу в российском уголовном судопроизводстве // Актуальные исследования. 2024. № 24 (206). Ч. II.
4. Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. 304 с.
5. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М.: Наука, 1989. 256 с.
6. Хапаев И. М. Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Юристъ - Правоведъ. 2014. № 3 (64).
7. Шигуров А. В. Проблемы защиты прав подозреваемых (обвиняемых), имеющих тяжелые заболевания, препятствующие содержанию под стражей // Наука и современность. 2014. № 32-2.

7 Постановление Правительства РФ от 14.01.2011 № 3 (ред. от 04.09.2012) «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/12182023/?ysclid=m9id6xjxun212693142 (дата обращения: 15.04.2025).

8 О внесении изменений в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 24 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»: Федеральный закон от 29.12.2010 № 434-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108806/?ysclid=m9muesngpb805899078 (дата обращения: 15.04.2025).

ОТОРОВ Азис Асылбекович
адъюнкт, Факультет подготовки научно-педагогических и научных кадров, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, капитан милиции

Оторов А. А.

ПОЛУЧЕНИЕ УСТНЫХ СВЕДЕНИЙ В ХОДЕ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исследование посвящено сравнительному анализу законодательства и практики получения устных объяснений на стадии доследственной проверки по УПК Кыргызстана и России. Установлено, что объяснения служат основным инструментом сбора информации, однако в УПК Кыргызстана отсутствует регламентация процедуры их оформления, гарантий прав участников и их доказательственной значимости. В отличие от российского законодательства, кыргызская практика допускает допрос свидетелей на данной стадии, что создает риски нарушения прав лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении, и пострадавших. Предлагается дополнить УПК КР нормами о получении объяснений от ключевых участников, ввести протокол объяснения как самостоятельное доказательство, распространить уголовную ответственность за ложные пояснения на доследственную стадию и унифицировать гарантии права на защиту.

Ключевые слова: доследственная проверка, получение объяснений, устные сведения, процессуальные гарантии, право на защитника.

OTOROV Azis Asylbekovich
adjunct, Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia, captain of the militia

OBTAINING ORAL EVIDENCE DURING A PRE-INVESTIGATION CHECK UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION

The study examines the legislation and practice of obtaining oral statements during pre-investigation checks under the Criminal Procedure Codes of Kyrgyzstan and Russia. Explanations are identified as the primary information-gathering tool, yet the Kyrgyz Code lacks regulation of their procedural formalization, rights guarantees for participants, and evidentiary value. Unlike Russian law, Kyrgyz practice permits witness interrogation at this stage, creating risks for suspects' and victims' rights. The research proposes amendments to the Kyrgyz Code: formalizing procedures for obtaining statements from key participants, recognizing explanation records as independent evidence, extending criminal liability for false statements to the pre-investigation stage, and harmonizing guarantees of the right to legal defense.

Keywords: pre-investigation check, obtaining oral statements, verbal evidence, procedural guarantees, right to legal counsel.

Современное законодательство как Российской Федерации, так и Республики Кыргызстан разрешает проведение доследственной проверки с использованием следственных и иных процессуальных действий, что соответствует актуальным потребностям практики. Ключевым инструментом на этом этапе выступает получение объяснений.

В Российской Федерации уголовно-процессуальное законодательство прямо предусматривает возможность получения объяснений в рамках рассмотрения сообщений о преступлениях. Эта норма является основой для проверки и уточнения сведений, позволяя принять обоснованное решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом.

Законодательство Кыргызстана (ч. 1 ст. 153 УПК КР) также предоставляет следователю и прокурору широкий спектр действий в ходе доследственной проверки. Они включают осмотр места происшествия и трупа, допрос свидетелей, назначение экспертиз, получение образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, а также дачу органу дознания письменных поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий. При этом получение объяснений, хотя и не поименованное в данном перечне отдельно, является фундаментальной и повсеместно применяемой практикой для сбора первичной информации.

Как обосновывает Ю. Н. Прокофьев, использование объяснений в качестве основного инструмента предварительной проверки диктуется двумя важнейшими факторами. Во-первых, это острая необходимость в сборе исходных данных о самом факте и обстоятельствах совершенного или планируемого противоправного деяния. Во-вторых, именно эта форма обеспечивает получение необходимой информации в наименее обременительном порядке, без применения мер процессуального принуждения на ранних стадиях, тем самым соблюдая законные права и интересы граждан [1, с. 124].

Анализ исследований, охватывающих период с 1969 г. по настоящее время, свидетельствует о неуклонном повышении роли получения объяснений в процессе проверки. Если в 1969 г. С. В. Бородин зафиксировал их использование в 44,3 % изученных материалов доследственной проверки [2, с. 105-106], то к 1997 г. доля возросла до 86 % [3, с. 73]. Впоследствии, как установили Е. С. Дубоносова и В. Н. Яшин, показатель приблизился к 98,3 % [4, с. 6]. Указанная динамика подтверждает, что данный метод сбора устной информации является необходимым условием для обеспечения полноты проверки сообщения о преступлении.

Ключевое преимущество объяснений – их оперативность: они фиксируются сразу или вскоре после события. Хотя объяснения не оформляются как допрос, они обычно достоверны, поскольку лица еще не подверглись постороннему влиянию, а детали события сохраняются в их памяти свежими. В науке высказывается мнение, что объяснения допустимы только от лиц, заинтересованных в исходе дела [5, с. 142]. Однако автор разделяет позицию ученых, допускающих получение объяснений от любого информированного лица [6, с. 103].

Несмотря на широкое применение, этот способ проверки имеет существенный недостаток – отсутствие законодательно установленного порядка его проведения и оформления. Это порождает затяжные теоретические споры о правовой природе объяснений и ведет к разрозненной практике, что негативно сказывается как на рассмотрении сообщений о преступлениях, так и на дальнейшем доказывании.

Длительное и активное использование объяснений, получаемых на стадии возбуждения уголовного дела, в правоприменительной практике обуславливает настоятельную потребность в их законодательном определении и установлении правового статуса лица, их дающего. Несмотря на существующие в литературе сомнения относительно доказательственной ценности таких объяснений (аргументируемые отсутствием предупреждения об ответственности за заведомо ложные пояснения) [7, с. 30], [8, с. 18], [9, с. 118], [10, с. 95-96], следует учитывать, что аналогичное отсутствие предупреждения не лишает доказательственной силы показания, например, несовершеннолетних свидетелей, потерпевших, подозреваемых или обвиняемых (ст. 92, 173,

174, ч. 2 ст. 191 УПК РФ). Таким образом, данный аргумент не может служить основанием для отрицания доказательственного значения объяснений.

Еще более спорной представляется позиция, согласно которой объяснения могут использоваться в качестве доказательств лишь в исключительных случаях: когда после возбуждения уголовного дела невозможно повторно допросить ранее опрошенное лицо или когда между объяснениями и последующими показаниями имеются существенные расхождения [11, с. 76]. На наш взгляд, такой подход противоречит нормам уголовно-процессуального законодательства. В частности, п. 2 ч. 3 ст. 226^5 УПК РФ, регулирующий дознание в сокращенной форме, прямо допускает возможность не допрашивать лиц, давших объяснения, а ч. 1^1 ст. 144 УПК РФ разрешает использовать в качестве доказательств сведения, полученные на стадии проверки сообщения о преступлении (при условии соблюдения требований ст. 75 и 89 УПК РФ). Соглашаясь с процессуалистами, подчеркивающими доказательственную природу объяснений (ч. 1^2 ст. 144, ч. 3 ст. 226^5 УПК РФ), следует отметить, что процедура их получения должна соответствовать принципам уголовного судопроизводства и общим правилам допроса свидетелей [12, с. 93-98].

Вместе с тем, в науке уголовного процесса Российской Федерации существуют предложения и об исключении данного процессуального действия и его замене допросом [13, с. 443].

Законодатель Республики Кыргызстан пошёл именно по этому пути. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 153 УПК КР, в ходе доследственной проверки следователь и прокурор вправе производить «допрос в качестве свидетеля с соблюдением требований статей 196–203 УПК КР». Вместе с тем, несмотря на некоторую «привлекательность» указанного подхода, связанного с безусловным признанием показаний свидетеля доказательством и возможностью избежать получения повторных вербальных сведений от одних и тех же лиц, возникают вопросы, связанные с возможным злоупотреблением применения данных положений в отношении лиц, пострадавших от преступления, и лиц, в отношении которых ведётся проверка сообщения о преступлении.

При этом Кыргызский законодатель также не указывает, каким образом можно получить сведения от последних и, соответственно, не закрепляет возможность получения от пострадавших и преследуемых лиц соответствующих объяснений. Вместе с тем, в правоприменительной деятельности продолжается получение объяснений от заявителя и иных участников доследственной проверки.

Представляется, что в отсутствие законодательного закрепления прав и обязанностей лиц при получении от них объяснений, лицо, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении, а также пострадавший, находятся в весьма уязвимом состоянии. При этом доказательственное значение сведений, полученных от последних, и отражённых в объяснениях еще более сомнительно.

Таким образом, считаем необходимым дополнить ч. 1 ст. 153 УПК КР пунктом 2^1: «получать объяснения от пострадавшего и лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении». При этом также следует законодательно урегулировать права и обязанности указанных лиц.

Закрепление в законе конкретных обязанностей лиц, дающих объяснение, по законодательству как Российской Федерации, так и Республики Кыргызстан, является необходимым. К таким обязанностям следует отнести: являться по вызову дознавателя, следователя или в суд; давать правдивые показания либо воспользоваться правом отказа от дачи объяснения; не разглашать сведения досудебного производства.

Что касается обязанности являться по вызову, важно уточнить, что в данном случае неявка без уважительной причины не влечет применения мер процессуального принуждения (например, привода), как предлагают отдельные авторы [14, с. 79], [15, с. 155]. Однако этот факт может стать основанием для применения таких мер уже после возбуждения уголовного дела.

В настоящее время статья 74 УПК РФ и статья 80 УПК КР не рассматривают объяснения как самостоятельный источник доказательств, поэтому на практике [16] и в теории [17, с. 16-17] их обычно относят к иным документам, что представляется обоснованным. Однако, учитывая сходство в гносеологическом плане между содержанием объяснения (как документа) и протоколом следственного действия, целесообразно закрепить в законе протокол получения объяснения в качестве самостоятельного доказательства.

Проведённый анализ выявил существенные пробелы в регулировании получения объяснений на стадии доследственной проверки по УПК Кыргызской Республики. Несмотря на то, что данное действие является основным инструментом сбора информации, в ст. 153 УПК КР данное процессуальное действие не нашло своего отражения. Вместо этого закон разрешает лишь допрос свидетелей (п. 2 ч. 1 ст. 153 УПК КР), что создаёт правовую неопределённость и нарушает баланс интересов пострадавшего и лица, в отношении которого ведётся проверка сообщения о преступлении.

Для повышения достоверности информации целесообразно распространить действие ст. 364 УК КР (ответственность за заведомо ложные показания) на стадию доследственной проверки. Это устранит существующий дисбаланс, при котором ложные объяснения остаются безнаказанными, снижая качество доказывания.

Кроме того, доказательственный статус объяснений требует чёткого оформления. Целесообразно закрепить протокол получения объяснения в ч. 2 ст. 80 УПК КР как самостоятельное доказательство, аналогичное протоколам следственных действий. Это соответствует их гносеологической природе и упростит использование в дальнейшем производстве.

Пристатейный библиографический список

1. Прокофьев Ю. Н. Процессуальная форма документов на стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы советского государства и права: межвузовский тематический сборник. – Иркутск, 1975. – Вып. 9-10.
2. Бородин С. В. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях до возбуждения уголовного дела органами дознания и предварительного следствия МВД // Проблемы повышения эффективности предварительного следствия: сб. науч. трудов. – Вильнюс, 1969.
3. Химичева Г. П. Рассмотрение милицией заявлений и сообщений о преступлении. – М., 1997.
4. Дубоносов Е. С., Яшин В. Н. Получение объяснения как способ проверки сообщения о преступлении: проблемы и пути их устранения // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2023. – Вып. 1.
5. Давыдов П. М., Сидоров Д. В., Якимов П. П. Судопроизводство по новому УПК РСФСР. – Свердловск, 1962.
6. Яшин В. Н. Предварительная проверка первичных материалов о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.
7. Кудрявцева Т. Г., Кожухарик Д. Н. О допустимости в уголовном процессе объяснений в качестве доказательств // Российский следователь. – 2014. – № 5.
8. Махов В. Н. Вопрос о доказательственном значении объяснений, полученных при проверке сообщений о преступлениях // Мировой судья. – 2020. – № 6.
9. Нобель А. Р. Правовая природа объяснений в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 11.
10. Зашляпин Л. А. Вопросы в процедурах получения устных объяснений сторон в гражданском и уголовном процессе // Современное право. – 2022. – № 4.
11. Косяненко А. М. О процессуальной форме получения объяснений // Уголовная юстиция. – 2019. – № 13.
12. Шигуров А. В., Борисова К. В. Проблемы производства в стадии возбуждения уголовного дела // Символ науки. – 2021. – № 5.
13. Шигуров А. В., Борисова К. В. Проблемы производства в стадии возбуждения уголовного дела // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 4.
14. Чабукиани О. А. Получение объяснения в ходе первоначальной проверки сообщений о преступлении // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 3 (59).
15. Стаценко В. Г. Объяснение как способ проверки сообщения о преступлении // Матрица научного сознания. – 2017. – № 11.
16. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 723-О.
17. Хисматуллин И. Г. Проблемные вопросы регламентации производства дознания // Законодательство. – 2015. – № 10. – С. 125 @@ Махов В. Н. Вопрос о доказательственном значении объяснений, полученных при проверке сообщений о преступлениях // Мировой судья. – 2020. – № 6.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-408-410

СОКОЛОВ Юрий Николаевич
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права, профессор кафедры криминалистики имени И. Ф. Герасимова, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

ИСТИНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассмотрена «истина» как категория, постоянно находящаяся в научном обороте. На примере отдельных философских течений, кратко сформулирована специфика истинного и ложного в уголовном процессе. Проведено уточнение классической схемы уголовно-процессуального познания с учетом виртуальных следов, образующихся в искусственной среде электронных устройств. Высказано суждение относительно природы «электронного доказательства» и оптимальной системы следственных действий. Выполнен анализ электронного способа закрепления информации в уголовном судопроизводстве. Сформулированы общие выводы, подтверждающие актуальность применения цифровых технологий с целью достижения объективной истины по конкретному уголовному делу.

Ключевые слова: виртуальный след, электронное устройство, уголовно-процессуальное познание, электронное доказательство.

SOKOLOV Yuriy Nikolaevich
Ph.D. in Law, associate professor, professor of Information law sub-faculty, professor of I. F. Gerasimov Criminalistics sub-faculty, V. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg

TRUTH IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND ITS ACHIEVEMENT THROUGH DIGITAL TECHNOLOGIES

The article examines «truth» as a category that is constantly in scientific circulation. Using individual philosophical trends as an example, the specifics of the true and false in criminal proceedings are briefly formulated. The classical scheme of criminal procedural knowledge is clarified taking into account virtual traces of electronic devices formed in an artificial environment. An opinion is expressed regarding the nature of «electronic evidence» and the optimal system of investigative actions. An analysis of the electronic method of recording information in criminal proceedings is performed. General conclusions are formulated confirming the relevance of using digital technologies in order to achieve objective truth in a specific criminal case.

Keywords: virtual trace, electronic device, criminal procedural knowledge, electronic evidence.

«Истина» – категория, которая постоянно находится в научном обороте. Обусловленная ею проблематика вызывала и продолжает вызывать интерес как у философов, так и у исследователей по отдельным отраслям знаний, потому что вопрос о познаваемости мира, о соразмерности наших представлений о нем существующим закономерностям, это то, с чем встречается любой активно мыслящий человек.

Со времен античности люди стараются идентифицировать себя в системе «я – моя информированность (знания) – окружающая действительность», применяя при этом самые различные пути и методы. Граница между точками зрения различных авторов – их позиции относительно способности исследователя иметь верную систему взглядов на мироустройство.

Например, сторонники агностицизма частично или полностью отрицали познаваемость мира. «Формы агностицизма весьма многообразны, но их объединяет отрицание принципа неограниченной познаваемости мира. Этот принцип называется догматическим, основанным не на фактах, а на вере, убеждении» [7, с. 29]. Иное философское течение обусловлено оптимистическим отношением к возможностям человеческого познания. Так Декарт в своем труде утверждает: «…мы по заслугам бы именовали бы Бога обманщиком, если бы он дал нам извращенную способность восприятия, принимающую ложь за истину» [6, с. 326].

Если обратиться к современному отечественному философскому учению, то его представители в большинстве своем продолжают придерживаться марксистских принципов, признавать возможность познания объективной истины. С точки зрения диалектического материализма, такая способность базируется на универсальном свойстве материи при взаимодействии с иными явлениями, предметами, системами отражать особенности последних [7, с. 48].

Что касается специфики истинного и ложного в уголовном процессе, то ее можно представить в следующих тезисах:

– в качестве предмета познания выступает отдельный образ социальной действительности – общественно опасное деяние;

– предмет познания совпадает с предметом доказывания и ограничен установлением юридически значимых обстоятельств;

– познание носит ретроспективный характер, направлено в прошлое и имеет методологические особенности исследования обстоятельств названного деяния [5, с. 81].

В настоящее время классическая схема уголовно-процессуального познания претерпевает серьезные изменения и констатация невозможности использования такого способа изучения фактов, как непосредственное наблюдение события, можно поставить под сомнение. Ведь современные цифровые технологии документирования в реальном режиме времени разнообразных обстоятельств позволяют если не «присутствовать» при совершении общественно опасного деяния, то достоверно наблюдать факт произошедшего путем его воспроизведения, без необходимости его ретроспективного восстановления.

Сама уголовно-процессуальная деятельность направлена на возможность постижения обстоятельств произошедшего, если отрицать такой подход, то следует признать возможность осуждения за то, что непознаваемо. Для уяснения возможности достижения «истины» посредством названных технологий, методологически верно осмысление, выделение разнообразных граней в характеристике данного слова.

В первом приближении истина – достоверное знание. «Истину говорит то, кто считает разъединенное разъединенным и связанное связанным, а ложное тот, кто думает обратно тому, как дело обстоит с вещами» [1, с. 250]. При детальном анализе и выделении отдельных направлений развития

науки, возможно говорить о познании в «метафизическом» и «математическом» смыслах. «Метафизическое познание никогда не будет в такой же степени общезначимым, как математическое познание» [3, с. 20].

«Метафизическое» познание связано с вопросами естественных наук (химия, физика, биология) с истиной в ее онтологическом значении. Если говорить о применении закона, то истина одинаково значима в обоих ее проявлениях, как верное отражение предмета в знании о нем (онтологическое значение), так и соответствие наших представлений о факте законам логике (логическое значение).

Еще один вектор в проблематике толкования «истины» — это ее «объективный» либо «субъективный» характер. Соотношение таких характеристик в содержании знания стало одним из направлений рассмотрения в рамках марксистской философии. В связи с чем, можно утверждать, что объективная истина – это «верное отражение объективной действительности в сознании человека, воспроизведение ее такой, какой она существует сама по себе, вне и независимо от человека и его сознания» [4, с. 546].

Признание возможности достижения истины для права, как и для процессуальной науки имеет принципиальное значение. Критерии отграничения истинного знания от ложного могут быть самые разнообразные. Однако при решении вопроса об избрании верного параметра необходимо учитывать особенности предмета исследования. В науке, изучающей явления природы и общества в их постоянном развитии, процесс познания истины бесконечен и, в этом смысле, наши знания о вещах и явлениях объективной действительности относительны. Судебное же исследование не имеет этого бескрайнего процесса познания явлений природы и общества. Предметом его является определенное событие – преступление. Задача суда – познать конкретные факты объективной действительности, относящиеся к преступному деянию, совершенному в определенное время, дать правильную оценку этим фактам и сделать из них правильные выводы.

«Следовательно, познание истины судом имеет свои строго определенные рамки в пространстве и во времени и заканчивается по общему правилу вынесением приговора и вступлением его в законную силу» [10, с. 4-5].

Продолжая процитированную мысль, отметим, что практика как мерило истины в гносеологии марксизма в процессуальном доказывании неприемлемо в связи с индивидуальностью преступления. Поэтому, в качестве оценки истинности выводов органов предварительного расследования и суда выступает внутреннее убеждение. Эта позиция закреплена в качестве принципа уголовного судопроизводства в ст. 17 УПК РФ «Свобода оценки доказательств». Названная оценка доказательств выступает способом достижения объективной истины и является тем самым критерием отграничения истинного знания от ложного.

Сделанный вывод объясняет выработку теорией уголовного процесса понятий «достоверность» и «вероятность». М. С. Строгович писал: «Понятие достоверности можно толковать только в объективном смысле, в смысле истинности. Достоверность – это то же самое, что истинность» [11, с. 93]. «Вероятностью характеризуется знание, заключенное в версии, достоверностью – знание, достигнутое в результате проверки версии» [8, с. 183].

Рассмотренные аспекты категории «истина» могут быть положены в основу анализа вопросов ее достижения посредством цифровых технологий в ходе получения первичной криминалистически значимой информации, формировании доказательств и доказывании.

Механизм формирования внутреннего убеждения, основанного на ретроспективным познании, наглядно показан А. А. Давлетовым: «…вся материя обладает свойством именуемым отражением. При взаимодействии двух объектов каждый из них передает другому и оставляет на (в) себе, т.е. отражает, следы, признаки друг друга. Материя не только отражает, но и обладает способностью сохранять следы длительное время. Именно это свойство позволяет в настоящем узнать то, что было в прошлом. Субъект познания находит сохранившиеся следы, изучает их, получав при этом информацию, сведения. Собрав некоторое количество информации, субъект считает событие установленным (познанным, доказанным) и рассматривает его как факт, как обстоятельство действительности» [5, с. 81].

Уточняя приведенный механизм, обратим внимание на то, что событие преступления сегодня оставляет не только материальные или идеальные следы, но и виртуальные. Возникшие образы присутствуют в искусственной среде самых различных электронных устройств. Виртуальные (электронные) следы обусловлены искусственной средой своего существования, созданной и поддерживаемой человеком. Названные образы создаются в электромагнитной среде и хранятся во внутренней памяти (оперативной или постоянной) электронного устройства. Можно утверждать, что подобные следы – это отраженный вышеназванным устройством результат реального (физического) процесса или действия, связанного с преступлением (имеющего уголовно-релевантное значение) в виде цифрового образа формальной модели этого процесса. Электронный след имеет свою специфику и зависит от признаков, присущих электронной информации в целом. В качестве таких признаков выступают: производная воли человека, ее создавшего, искусственная (электронная) среда ее существования, двоичный код ее представления, файл и формат.

В связи с чем в классическую схему ретроспективного познания «**отражение – следы – информация – факты**» внесем следующее уточнения:

– электронные следы, возникающие вне познающего субъекта, образующиеся в искусственной среде, созданной человеком, принципиально отличаются от обычных материальных и идеальных следов, поскольку они создаются различными электронными устройствами;

– информация и факты получаются при непосредственном участии субъекта познания, в том числе в виде электронной криминалистически значимой информации;

– появляются новые электронные источники такой информации, а также электронные средства познания, требующие своей характеристики;

– создаются новые методические процедуры (алгоритмы, схемы), отличающиеся от традиционных, для стремления к достижению объективной истины как единственно незыблемой основы справедливости.

С учетом корректировок вышеприведенная схема может выглядеть следующим образом: **«событие – отражение в искусственной среде – электронные следы – электронная информация (первичная информация) – электронная криминалистически значимая информация (вторичная информация) – электронное доказательство (допустимая форма) – воспроизведение обстоятельств совершенного преступления».** Далее можно уже говорить о свободной оценке доказательств, формировании внутреннего убеждения и стремления к достижению объективной истины по уголовному делу.

Сегодня «электронное доказательство» не является самостоятельным видом доказательства, а выступает отдельным источником криминалистически значимой информации в электронной форме, которая может быть обнаружена, закреплена, изъята, обособлена, исследована, проверена и оценена, собрана способами и в порядке, установленными уголовно-процессуальным законом в ходе расследования преступлений и судебного рассмотрения различного вида дел.

Такими способами выступает система следственных и иных процессуальных действий, которая должна отвечать двум основным требованиям:

– быть стабильной, т.е. достаточно консервативной и устойчивой во временном отношении, чтобы гарантировать допустимость получаемых доказательств;

– соответствовать существующему уровню научно-технического прогресса с целью полноценного обеспечения полноты наших знаний о юридически значимых обстоятельствах уголовного дела.

Поэтому, полученные в ходе применения различных цифровых технологий электронные носители информации

станут источниками электронных доказательств, если им будет придана соответствующая законом форма. Кроме того, потенциальными источниками «электронного доказательства» выступают: единая сеть электросвязи РФ, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, информационные системы, базы данных, электронные сообщения, сайты в сети Интернет, страницы сайтов сети Интернет, электронные средства связи, иные источники электронной криминалистически значимой информации.

Вышеназванные носители информации могут содержать:

– электронный образ криминалистически значимой, имеющей отношение к расследованию преступления информации, полученной (представленной, истребованной и др.) из первичного источника;

– показания отдельных лиц, то есть их устные сообщения о том, что данные люди видели, слышали о преступлении, но в электронной форме;

– документированную информацию, подтверждающую ход отдельного процессуального действия или его результаты (ч. 7 ст. 185, ст. 186, ст. 186.1 УПК РФ);

– электронный документ, содержащий итоговое юридически значимое решение.

Появление и использование цифровых технологий обусловили возникновение электронного способа закрепления доказательственной информации, объединяющего в себе различные формы и их комбинации, таких как вербальная, предметная, наглядно-образная и графическая.

Электронный способ активно используется для закрепления информации в ходе контроля и записи переговоров участников уголовного процесса (ст. 186 УПК РФ), получения сведений о соединениях абонентов и (или) абонентских устройств (ст. 186.1 УПК РФ), а также осмотра и выемки электронных сообщений, передаваемых по единой сети электросвязи РФ (ч. 7 ст. 185 УПК РФ). Данный способ применяется и для фиксации информации, полученной при применении фотосъемки, аудио- и видеозаписи[1], при использовании иных цифровых технологий.

Способы фиксации информации различаются степенью точности отображения. По мере перехода от вербальной формы к графической (анимационной), от графической к наглядно-образной, от электронной к предметной реалистичность образа возрастает.

Основным способом закрепления информации попрежнему является протокол. Если использовались отдельные цифровые технологии фиксации таких сведений, то полученные при этом электронные носители информации (иные носители) оцениваются лишь вместе с ним (ст. 164, 166 УПК РФ). Названные носители по действующему закону не могут заменить письменно-печатный протокол и могут использоваться в процессе доказывания только в комплексе. Но если ход и результаты произведенных действий отразить в форме электронного документа, включив в его содержание электронную информацию, содержащуюся на соответствующих носителях, то мы получим аналог привычного для нас комплексного доказательства, только в электронном виде.

Присутствие субъективизма при формировании доказательств неизбежно, поскольку восприятие следователем объективной действительности носит субъективный характер [2, с. 49]. Полностью избавиться от подобного восприятия субъектом процессуального доказывания окружающей его реальности и отдельных ее элементов невозможно, но оградить от предвзятого отношения возможно. Цифровые технологии документирования и идентификации лица, создавшего и подписавшего подобный протокол, должны сыграть в этом основную роль. Еще в конце XIX века, когда применение отдельных технологий при расследовании уголовных дел только зарождалось, уже тогда русские криминалисты осознавали практическую ценность использования рассматриваемых средств фиксации. Так, П. В. Макалинский писал: «как бы ни был добросовестен и тщателен осмотр, как бы он ни был картинно и даже художественно изложен, описание никогда не может дать того наглядного представления, как фотография» [9, с. 261].

Продолжая приведенную мысль, повторим, что цифровые технологии в ходе их использования в уголовном судопроизводстве позволяют достоверно наблюдать факт произошедшего события, путем его воспроизведения, а значит формировать допустимые доказательства и устанавливать объективную истину.

И в заключении, сделаем ряд выводов общего характера:

1. Активное использование цифровых технологий в уголовном процессе соответствует существующему уровню научно-технического прогресса с целью полноценного обеспечения полноты наших знаний о юридически значимых обстоятельствах уголовного дела.

2. Названные технологии позволяют обеспечить электронный способ закрепления доказательственной информации, избежать излишнего субъективизма при последующем формировании доказательств.

3. Полученные доказательства обладают свойством достоверности, а значит истинности.

4. Свобода оценки доказательств позволит сформировать внутреннее убеждение субъектов доказывания, основанного на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

5. Максимально приблизиться к достижению объективной истине по конкретному уголовному делу.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. Ред. В. Ф. Асмус. – М.: «Мысль», 1976. – 550 с.
2. Белкин Р. С., Лифшиц Л. М. Тактика следственных действий. – М.: Новый юрист, 1997. – 176 с.
3. Бердяев Н. А. Н. А. Бердяев о русской философии. Ч. 1. запрет определенных действий. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. – 287 с.
4. Большая советская энциклопедия: В 30 т. 3-е изд. – М., 1972. – Т. 10. – 592 с.
5. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство РФ. Курс лекций. Издание 2-ое. – Екатеринбург, 2013. – 328 с.
6. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. 1 / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
7. Теория познания: [В 4 т. / АН СССР, Ин-т философии]; Под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1991. – 303 [1] с.
8. Ларин М. А. От следственной версии к истине. – М., 1976. – 198 с.
9. Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. 2 части. Издание шестое. Ч. 2. – СПб.: Издание юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1907. – 762, LIX с.
10. Мухин И. И. Объективная истина и некоторые вопросы судебных доказательств при осуществлении правосудия. – Л., 1971. – 184 с.
11. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. – М., 1947. – 276 с.

1 См.: ст. ст. 82, 166, 182 и 183 УПК РФ.

ШАМУРЗАЕВ Таалайбек Турсунович
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина, г. Бишкек, Республика Кыргызстан

АРДАШЕВ Роман Георгиевич
доктор философских наук, кандидат юридических наук, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск; профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет

НАДЗОР И ДРУГИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье рассматриваются проблемы, механизмы и функции реализации законодательных нововведений, регулирующих функцию надзора и другие направления деятельности органов прокуратуры Кыргызской Республики в уголовном судопроизводстве. Анализируются последствия деятельности прокуратуры по уголовным делам, статус прокуратуры в органах власти, а также ее функции и полномочия в уголовном судопроизводстве и перспективы нормативно-правового регулирования законодательства Кыргызской Республики.

Ключевые слова: законность, конституция, конституционный закон, принципы разделения властей, прокурор, прокурорский надзор, полномочия прокурора, реформа, уголовное судопроизводство, функции прокурора.

SHAMURZAEV Taalaibek Tursunovich
Ph.D. in Law, professor, professor of Criminal law and process sub-faculty, B. N. Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Republic of Kyrgyzstan

ARDASHEV Roman Georgievich
Ph.D. in philosophical sciences, Ph.D. in Law, Head of Philosophy and socio-humanitarian disciplines sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk; professor of Public and municipal administration sub-faculty, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University

SUPERVISION AND OTHER ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE KYRGYZ REPUBLIC

The article examines the problems, mechanisms and functions of implementing legislative innovations regulating the supervision function and other areas of activity of the prosecutor's office of the Kyrgyz Republic in criminal proceedings. The consequences of the prosecutor's office's activities in criminal cases, the status of the prosecutor's office in government bodies, as well as its functions and powers in criminal proceedings and the prospects for normative-legal regulation of the legislation of the Kyrgyz Republic are analyzed.

Keywords: legality, constitution, constitutional law, principles of separation of powers, prosecutor, prosecutor's supervision, powers of prosecutor, reform, criminal proceedings, functions of prosecutor.

В ноябре 2024 года исполнилось 100-лет органам прокуратуры Кыргызстана. В условиях глобальных реформ и формирования правового государства – роль и значение прокуратуры растет с каждым днем – отметил Президент Садыр Жапаров [1]. Необходимо защищать интересы личности и государства, через противостояние преступности, коррупции и терроризму. Прокурорский надзор выступает тем рубежом, что помогает обеспечивать законность и правовое регулирование возникающих споров, а также восстанавливать справедливость в обществе, через правовое поле – строгое соблюдение закона.

Тема проблем и противоречий прокурорского надзора неоднократно возникала в истории государства. Основной круг противоречивых вопросов касается места органов прокуратуры в государственном механизме, предмете и пределах прокурорского надзора, полномочий прокурора и его практических возможностей изменения ситуации, применяемых мер и механизмов и так далее [2, с. 128].

Конституционная реформа 2021 года завершившая принятием новой Конституции [3] внесла существенные коррективы в деятельность органов прокуратуры Кыргызской Республики. Она стала обладать специальным статусом, осуществляющим надзор за соблюдением и исполнением всех нормативно-правовых актов. Органы прокуратуры осуществляют уголовное преследование, участвуют в судебном разбирательстве, осуществляют надзор за исполнением судебных решений и иные полномочия, предусмотренные конституционным законом [3].

Прокуратура – это основной орган надзора за соблюдением закона в любых социальных структурах и органах власти, все остальные правовые органы подзаконны ей [4, с. 105]. Деятельность прокуратуры реализует принцип верховенства закона, так как ни один другой орган власти не наделен полномочиями по надзору за соблюдением Конституции и законов страны [5, с. 109].

Особый конституционный статус и многофункциональность деятельности прокуратуры стали основанием для принятия конституционного Закона «О прокуратуре в Кыргызской Республики» [6] расширивший и детализирующий отдельные надзорные функции и полномочия прокуратуры в уголовном судопроизводстве.

Так в конституционном законе закреплен новый вид прокурорского надзора: «за исполнением законов в сфере правовой статистики и учета, а также на всех стадиях уголовного процесса, с момента регистрации заявления (сообщения) о преступлении до исполнения решения (приговора) суда» [6].

Надзор и контроль за исполнением законов в сфере правовой статистики, аналитики и учета органами прокуратуры в 2024 (2023 г.) году проведено:

– 47 проверок (в 2023 г. – 45);

– внесены 56 актов прокурорского реагирования (в 2023 г. – 66);

– возбуждено 30 дисциплинарных производств в отношении сотрудников правоохранительных органов (в 2023 г. – 31);

– 167 сотрудников правоохранительных органов привлечены к дисциплинарной ответственности (в 2023 г. – 193);

– выявлен 1 факт укрытия преступления сотрудниками правоохранительных органов (в 2023 г. – 41) [7].

Прокурор в отечественном уголовном судопроизводстве «уполномочен осуществлять:

– надзор за исполнением законов в сфере государственной правовой статистики и учетов;

– надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, досудебное производство;

– досудебное производство, за исключением расследования уголовного дела;

– поддержание государственного обвинения в суде;

– представительство интересов гражданина или государства в суде;

– надзор за исполнением судебных решений» [8].

В рамках надзора за следствием и оперативно-розыскной деятельностью органами прокуратуры в 2024 году:

– изучено – 70,379 уголовных дел;

– рассмотрено – 20,241 заявлений и обращений граждан по вопросам следствия и дознания;

– отменено – 18, 895 решений об отказе в возбуждении уголовных дел;

– отменено – 3,786 незаконных постановлений о приостановлении уголовных дел;

– отменено – 2,598 незаконных постановлений о прекращении уголовных дел;

– дано – 13, 465 указаний по уголовным делам;

– выявлено – 255 укрытых преступлений;

– привлечены к дисциплинарной ответственности – 751 сотрудников государственных органов [9].

По линии надзора уголовного, гражданского судопроизводства и по надзору за исполнением судебных решений органами прокуратуры в 2024 году:

– рассмотрено – 14,685 уголовных дел;

– в судах первой инстанции – 8,924 уголовных дел;

– в судах апелляционной инстанции – 4,676 уголовных дел;

– в Верховном суде (кассационная инстанция) – 1,085 уголовных дел;

– предъявлено – 1,252 иска;

– из них удовлетворено – 779 иска [10].

На современном этапе, органы прокуратуры не могут проводить следствие, за исключением тех преступлений, что предусмотрены законодательством. Например, в рамках расследований военной прокуратуры (подчинение и соблюдение воинской чести (статьи 386-396 Уголовного кодекса); о преступлениях против порядка хранения или эксплуатации военного имущества (статьи 397-401 Уголовного кодекса) и по уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими, а также призванными на сборы военнообязанными» [8]).

Формируя задачи качественного надзора за деятельностью органов власти необходимо исключение следственной задачи органов прокуратуры. Это также будет способствовать уменьшению коррупционных схем в досудебном производстве участников уголовного процесса [11, с. 176].

Важным моментом является возможность на законодательную инициативу по вопросам его ведения Генерального прокурора, закрепленную в Конституционном праве [3]. «Генеральный прокурор в пределах своей компетенции принимает правовые акты по вопросам применения норм УПК КР, которые обязательны для исполнения органами уголовного преследования» [8].

Это привело к развитию и совершенствованию нормативно-правовой базы, а также правоприменительной деятельности надзорных органов. Основы и принципы законности и правопорядка на данный момент работают в новом качестве через социально-правовое развитие и моделирование правового поля [12, с. 119].

В юридической науке вызывают дискуссии вопросы, связанные с наделением органов прокуратуры не свойственными, по мнению отдельных ученых, полномочиями. Это объясняется тем, что прокуратура и ранее выполняла много дополнительных функций, которые позволяли контролировать гораздо больше правовых противоречий, возникающих как внутри органов правопорядка, так и за их пределами. Многофункциональный характер деятельности прокураты сформировался в ходе ее правового и социально-управленческого развития и на данный момент выступает регулятором правовой надзорной деятельности [13, с. 10].

На сегодняшний день нет сформированных и устойчивых понятий, определяющих основные функции прокуратуры, нет их легального закрепления в нормативных актах, и функциональное назначение прокурорской деятельности вызывает множество споров и вариантов интерпретации. Очевидно, что надзорная функция не может быть единственной для прокуратуры, так как присутствуют и иные виды деятельности. Это и вызывает множество вопросов и сомнений в необходимости, законности, обоснованности и актуальности реализуемых функций и правомерности предоставленных полномочий прокуратуры. Данные размышления приводят к непониманию перспектив развития деятельности прокуратуры. Имеющиеся ориентиры на данный момент времени, не являются опорой для представителей власти, как и для ученых-теоретиков, осмысливающих развитие правового регулирования общественного воспроизводства в современном обществе [14, с. 172].

Понятие «функция прокуратуры» исследуется многими учеными с учетом имеющихся на сегодняшний день практических и общетеоретических наработок. Это способствует наполнению легитимным содержанием практической деятельности прокуратуры и теоретическим осмыслением ее содержательного контекста с учетом социально-исторический условий развития.

Такой исследователь, как С. Н. Назаров, определяя функции прокуратуры, указывал на необходимость следования задачам в рамках реализации предназначения как высшей правовой миссии. Это фиксируется через предметы ведения и полную реализацию полномочий через доступные легитимные средства [15, с. 129]. Иными словами, он делает акцент на необходимость социального развития через реализацию функций прокуратуры, позволяющую создавать легитимные практики общественного воспроизводства.

Противоречие смыслов, возникающее на основе различного категориального понимания функциональных задач, приводит к пониманию нового правового регулирования общественной жизни. Содержание и деятельности прокуратуры становится формой адаптации к новым социально-правовым условиям развития общества [16, с. 163]. Функции прокуратуры раскрывают задачи реализации социального предназначения прокуратуры, через предоставленные полномочия и правовые механизмы их реализации и моделирования в условиях меняющегося мира [17, с. 83].

На сегодняшний день оформилась необходимость трансформации законодательства для четкой фиксации функций прокуратуры, содержательной и формальной деятельности, механизмов оценки и контроля за исполнением своих обязанностей [16, с. 167]. В рамках регулирования государственного управления в условиях взаимодействия разных уровней властей возможно наполнение деятельности прокуратуры более конкретным содержательным контекстом и условиями деятельности в меняющемся мире [18, с. 40].

Важным нововведением конституционного закона «О прокуратуре Кыргызской Республики» является закрепление координационной роли органов прокуратуры по вопросам противодействия коррупции. Эта деятельность заключается в контроле и координации деятельности государственных органов власти и органов местного самоуправления в самом широком контексте регулирования. Особенности организации координационной деятельности в виде работы Координационного совета, ее форма и порядок определяются Генеральным прокурором. Решение Координационного совета, направленные на противодействие коррупции, являются обязательными к исполнению всеми органами власти [6]. Содержание этой деятельности направлено на разработку в рамках легитимных норм и правил комплексной системы

связей, позволяющих снимать бюрократические противоречия для мобильного решения коррупционных тенденций в органах власти [19, с. 471].

Генеральная прокуратура Кыргызской Республики реализует координацию работы через заключения, которые даются на анализ законопроектов в разных сферах правоприменения, проводит правовую и антикоррупционную экспертизу действующих и находящихся на рассмотрении законопроектов. Данная практика применяется органами прокуратуры других государств участников СНГ. Эффективная координация деятельности и межведомственное взаимодействие приводит к легитимной и эффективной деятельности органов власти по борьбе с правонарушениями [20, с. 4].

Важным направлением деятельности органов прокуратуры Кыргызской Республики в сфере уголовного судопроизводства является координация международного сотрудничества по уголовным делам, о чем свидетельствуют данные Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики. Например, опираясь на механизмы международно-правового сотрудничества, в 2024 году 55 граждан иностранных государств, объявленных в международный розыск за совершение преступлений в иностранных государствах, были задержаны на территории Кыргызской Республики и впоследствии экстрадированы в иностранные государства.

В том числе:

– 24 – Российская Федерация.

– 15 – Узбекистан.

– 5 – Казахстан.

В рамках механизмов экстрадиции преступников в 2024 году 129 лиц, совершивших преступления на территории Кыргызской Республики задержаны на территории иностранных государств, из них 94 экстрадированы в Кыргызстан.

В том числе:

– 82 – Российская Федерация.

– 17 – Казахстан.

– 2 – Турция.

– 3 – Объединенные Арабские Эмираты.

В 2024 году в генеральную прокуратуру поступило по международно-правовой помощи:

– 187 поручений;

– из них исполнено – 53 поручений;

– их них на стадии рассмотрения – 134 поручений;

– направлено 43 запроса о выдаче лиц, совершивших преступление на территории Кыргызской Республики» [21].

Особенности функционирования органов прокуратуры Кыргызской Республики заключается в ее особом статусе в структуре власти. Многозадачность прокуратуры определяется ее предназначением в регулировании правопорядка в государстве, соблюдении норм и законов, защите прав и свобод личности, сохранении интересов и механизмов развития социальных институтов. Это принципы развития общества и государства, которые позволяют опираться на функции прокуратуры как опору и легитимную структуру регулирования социального положения в обществе, а также института контроля сохранения порядка на конкретной территории.

Пристатейный библиографический список

1. Выступление Президента Садыра Жапарова на юбилее, посвященном 100-летию органов прокуратуры Кыргызстана: Органы прокуратуры играют ключевую роль в обеспечении прав и свобод граждан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vesti.kg/obshchestvo/item/132618-prezident-organy-prokuratury-ig
2. Шамурзаев Т. Т. Реформа уголовного судопроизводства в Кыргызстане. - Бишкек: Алтын Тамга, 2011. - 284 с.
3. Конституция Кыргызской Республики (введена в действие законом Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru.
4. Каинов А. С. Прокуратура как особый правоохранительный орган // Юридическая наука. – 2016. - № 3. - С. 101-105. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/prokuratura-kak-osobyy-pravoohranitelnyy-organ/viewer
5. Карпов Н. Н. Прокуратура в системе государственной власти Российской Федерации. - М.: Закон и право: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
6. Конституционный Закон «О прокуратуре Кыргызской Республики» от 10 сентября 2021 года № 114. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/112293/edition/1380/ru.
7. Статистика органов прокуратуры Кыргызской Республики по линии информационных технологий, правовой статистики и учетов за 2023-2024 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prokuror.kg/statistics/ru.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/3-37/edition/2086/ru.
9. Статистика органов прокуратуры Кыргызской Республики по линии надзора за следствием и оперативно-розыскной деятельностью за 2024 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prokuror.kg/statistics/ru.
10. Статистика органов прокуратуры Кыргызской Республики по линии надзора уголовного, гражданского судопроизводства и по надзору за исполнением судебных решений за 2024 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prokuror.kg/statistics/ru.
11. Шамурзаев Т. Т., Шамурзаева Т. Т. Особенности уголовно-процессуального статуса прокурора Кыргызской Республики // Союз криминалистов и криминологов. - 2025. - № 1. - С. 174-180.
12. Шамурзаев Т. Т., Асанова Н. А., Осадчая А. И. Актуальные вопросы поддержания государственного обвинения в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2023. - Т. 23, № 3. - С. 118-121 – DOI 10.36979/1694-500X-2023-23-3-118-121.
13. Казарина А. Х. Правозащитная деятельность прокуратуры и ее влияние на режим законности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - 2007. - № 2 (2). - С. 9-12.
14. Алева-Герман Е. А. Многофункциональность прокуратуры Российской Федерации как принцип ее организации и деятельности // Актуальные проблемы российского права. - 2022. - Т. 17, № 4. - С. 170-181. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.137.4.170-181.
15. Назаров С. Н. Функции прокуратуры: проблемы теоретического обоснования // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2020. - № 3. - С. 128-134.
16. Грачева О. А., Лиходаев Е. Г. К вопросу о функциях прокуратуры РФ в современных условиях // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. - № 4. - С. 163-168. - DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-163-168.
17. Рокитянский С. Г. Место прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации: теоретический, исторический и нормативный аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2023. - № 4. - С. 81-102.
18. Воробьев Т. Н. Проблемы определения правового статуса прокуратуры в Российской Федерации // Современное право. - 2014. - № 6. - С. 38-42.
19. Алексеев П. В. Философия: учебник / П. В. Алексеев, А. В. Панин. - 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ПРОБОЮЛ Грачев С.М., 2000. - 608 с.
20. Абдиров Н. М. Формы координации прокуратурой деятельности правоохранительных и иных государственных органов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. - № 13 (188). - С. 4-10.
21. Статистика органов прокуратуры Кыргызской Республики по линии международно-правового сотрудничества за 2023-2024 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prokuror.kg/ru.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-414-417

МАТВЕЙЧУК Ольга Владимировна
аспирант 1-го курса, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Матвейчук О. В.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ ЖИВОТНОГО МИРА НЕЭКОЛОГИЧЕСКИМИ НОРМАМИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

В научной статье осуществлено комплексное и последовательное научно-теоретическое изучение норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), которые могут применяться в целях обеспечения защиты разнообразных объектов животного мира. В качестве неэкологических норм уголовного закона в данной области предлагается рассматривать те, что закреплены в ст.ст. 158, 161, 162, 167, 168, 226.1, 245 и 358 УК РФ. Проведен сравнительный анализ экологических и неэкологических норм уголовного закона. Выявлены и уточнены механизмы практической реализации неэкологических норм уголовного закона в заявленной области обеспечения сохранности объектов животного мира.

Ключевые слова: объекты животного мира, неэкологические нормы уголовного закона, хищение, контрабанда, жестокое обращение с животными, экоцид.

MATVEYCHUK Olga Vladimirovna
postgraduate student of the 1st course, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ENSURING THE PROTECTION OF WILDLIFE BY NON-ECOLOGICAL NORMS OF THE CRIMINAL LAW

The scientific article provides a comprehensive and consistent scientific and theoretical study of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation), which can be used to ensure the protection of a variety of wildlife. As non-ecological norms of the criminal law in this area, it is proposed to consider those that are fixed in art. 158, 161, 162, 167, 168, 226.1, 245 and 358 of the Criminal Code of the Russian Federation. A comparative analysis of the environmental and non-ecological norms of the criminal law is carried out. The mechanisms of practical implementation of non-ecological norms of the criminal law in the declared field of ensuring the safety of wildlife have been identified and clarified.

Keywords: objects of the animal world, non-ecological norms of the criminal law, theft, smuggling, animal cruelty, ecocide.

Российская Федерация, являясь по своим территориальным масштабам самым крупным субъектом мирового сообщества, обращает повышенное внимание к проблемам экологической безопасности вообще и животного мира, в частности. Необходимость выверенной, дифференцированной, строгой, но справедливой уголовной ответственности за преступные посягательства на различные объекты животного мира уже долгие годы составляет основу отечественной политико-правовой повестки. Современное общество и государство солидарно во мнении, что забота о любом животном и его охрана от негативного воздействия – это проблема общегосударственного масштаба. Как результат – совершенствуются уже существующие нормативно-закрепленные и появляются новые механизмы, направленные на сдерживание преступной активности в отношении разнообразных представителей животного мира.

Таким образом, изучение содержания УК РФ демонстрирует однозначную тенденцию о своего рода экологизации уголовного законодательства [14, с. 5-9]. Не секрет, что основу уголовно-правовой охраны объектов животного мира составляют, прежде всего, нормы, включенные в гл. 26 УК РФ «Экологические преступления», закрепленные в ст.ст. 258, 258.1, 259, 262 УК РФ. Вместе с тем, комплексная защита интересов животного мира дополнительно обеспечивается иными нормами уголовного закона, распределенными в других разделах и главах этого правового акта. По этой причине в научном мире сформировался подход, позволяющий идентифицировать в рассматриваемой области как «классические» экологические преступления, так и иные, так называемые «альтернативно-экологические» [12, с. 32-39], либо неэкологические преступления, которые закреплены иными нормами Особенной части УК РФ.

На наш взгляд, неэкологические нормы уголовного закона, устанавливающие преступность и наказуемость деяний в отношении объектов животного мира, представлены ст.ст. 158, 161, 162, 167, 168 УК РФ, размещенными в гл. 21 «Преступления против собственности»; ст. 226.1 УК РФ, размещенной в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности»; ст. 245 УК РФ, размещенной в гл. 25 «Преступления против общественной нравственности»; ст. 358 УК РФ, размещенной в гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества». Полагаем, что посредствам указанных норм обеспечивается дополнительная защита общественных отношений в различных сферах, предметом которых могут выступать дикие животные, находящиеся как в состоянии естественной свободы, так и в неволе, служебные животные, домашние и сельскохозяйственные животные, а также живые организмы, полученные в результате использования новейших технологий генной инженерии [8, с. 126], [9, с. 128-132].

При определенных условиях гражданско-правового оборота (ст. 214 гражданского кодекса Российской Федерации), животные могут приобретать статус домашних, либо сельскохозяйственных, т.е. используемых для удовлетворения прямых нужд и потребностей человека. В таких случаях они становятся экономической собственностью физических или юридических лиц и признаются имуществом. Соответственно совершение в отношении подобных животных действий, направленных на их изъятие из места фактического нахождения, либо причинение им вреда следует расценивать как посягательство на сохранность чужого имущества, что нарушает охраняемые уголовным законом интересы собственности [23, с. 399]. Сами же животные в таких случаях могут выступать предметами кражи (ст. 158 УК РФ), грабежа (ст. 161 УК РФ), либо разбоя (ст. 162 УК РФ), а также предметами, в отношении которых осуществляются незаконные действия по их уничтожению, либо повреждению (ст.ст. 167, 168 УК РФ)[1].

1 О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда

Сложен в указанном контексте вопрос квалификации подобных преступных действий в отношении объектов животного мира, которые являются дикими, но при этом содержатся в специально созданных человеком условиях неволи. Особое внимание ученые уделяют здесь квалификации преступных действий в отношении особо ценных диких животных, в отношении которых государством априори устанавливаются специальные условиях содержания, в результате чего физически они изъяты из состояния естественной свободы [1, с. 16, 160-163]. По мнению Д. М. Гусаренко «неволя предполагает какую-то частичку естественной свободы и по режиму содержания животных схожа с полуволей или искусственно созданной средой» [7, с. 98]. Но при этом автор предлагает оценивать преступления в отношении животных, содержащихся в полувольных условиях, в качестве экологических, а не преступлений против собственности. Следует поддержать данное мнение, опираясь на юридический статус таких животных, которые определяются законодателем в качестве диких[2], признаваемых государственной собственностью, но не наделенными гражданско-правовым статусом государственного имущества[3], следовательно, подлежащих уголовно-правовой охране посредствам норм, включенных в гл. 26 УК РФ.

Тем не менее, некоторые ученые предлагают включить в гл. 21 УК РФ отдельную норму, которая предусматривала бы обособленную ответственность за «хищение редких объектов животного мира, принадлежащим к особо охраняемым природным территориям» [17, с. 362]. Более того, окончательно не решен вопрос о правильной квалификации преступлений против животных (включая диких по своей природе), к рождению и развитию жизнедеятельности которых были приложены человеческие усилия. Так, Е. Ю. Гаевская полагает, что «так называемые рукотворные материальные объекты природной среды … имуществом не являются и не могут быть предметом хищения, поскольку, хотя в них и был вложен определенный труд, они находятся в условиях естественной свободы и не могут быть индивидуализированы» [6, с. 140]. Для квалификации преступления против подобных животных в качестве посягательства на собственность, полагаем, что такие животные должны быть извлечены полностью из своей естественной среды обитания или, как утверждает Э. Н. Жевлаков «в иной форме обособлены трудом от окружающей природы» [11, с. 8]. В случаях же, когда такие животные хотя и испытывают воздействие человеческого труда, но затем вносятся, внедряются, «растворяются» в естественной природной среде «для выполнения природных (биологических и иных) функций», то они «выпадают из сферы экономических отношений, теряют сущность «имущества», «товара», приобретают иное (экологическое) социальное значение, попадая в сферу экологических отношений, и потенциально могут быть предметом экологического преступления» [10, с. 58].

Завершая дискуссию по этому вопросу отметим, что размещение диких животных в ограниченных условиях, созданных человеком (дом, квартира, приют для животных и т.п.) с целью их выращивания и последующего выпуска в состояние естественной свободы, не приравнивает их к имуществу граждан и не позволяет расценивать посягательства на них в качестве преступлений против чужой собственности, даже в период их нахождения в физической (но не юридической) собственности человека.

Далее отметим, что масштабированию правовой защищенности «краснокнижных» животных, а также сокращению объемов их нелегальной добычи и оборота, по справедливому мнению специалистов призвана ст. 226.1 УК РФ [16, с. 106-123]. В данной норме установлена ранжированная по характеру и степени общественной опасности ответственность за контрабанду особо ценных диких животных, перечень которых исчерпывающе определен Правительством РФ[4], а также их дериватов (производных).

Согласно месту, которое отведено ст. 226.1 УК РФ в структуре Особенной части УК РФ, контрабанда особо ценных диких животных предполагает нарушение общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность (раздел IX, глава 24 УК РФ). В качестве основного непосредственного объекта выступает та часть общественной безопасности, которая сопряжена с реализацией официально установленного законодательством порядка перемещения через таможенную границу или государственную границу таких животных и принадлежащих им дериватов. Вместе с тем, судебная практика[5], а также мнения отдельных ученых [3, с. 77-78] свидетельствуют о том, что действия виновных в контрабанде могут параллельно посягать на область экологических отношений в той части, в которой предусмотрена ответственность за незаконный оборот особо ценных диких животных (ст. 258.1 УК РФ). В этой связи возникает необходимость разграничения неэкологической по своей сути нормы уголовного закона (ст. 226.1 УК РФ) и, соответственно, экологической нормы (ст. 258.1 УК РФ).

Полагаем, что юридическая оценка действий, состоящих в незаконном перемещении в территориальном пространстве объектов животного мира и их частей, должна происходить по ст. 226.1 УК РФ в тех случаях, когда виновный осуществляет их незаконное перемещение через таможенную границу, способы которого описаны в подп. 25 п. 1 ст. 2 Таможенного кодекса ЕАЭС (приложение к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, подписанного в г. Москве 11 апреля 2017 г.) и п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде»[6]. По резуль-

РФ от 18 октября 2012 г. № 21: в ред. от 15 декабря 2022 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2012. - № 12; О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21: в ред. от 15 декабря 2022 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2023. - № 3.

2 Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ: в ред. от 8 августа 2024 г. № 232-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 30. - Ст. 3735; Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ: в ред. от 8 августа 2024 г. № 232-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2024. - № 33 (Ч. I). - Ст. 4928.

3 О животном мире: федер. закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ: в ред. от 30 ноября 2024 г. № 428-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 17. - Ст. 1462; О животном мире: федер. закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ: в ред. от 30 ноября 2024 г. № 428-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2024. - № 49 (Ч. IV). - Ст. 7419.

4 Об утверждении перечня особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1, 258.1 и 260.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978: в ред. от 5 октября 2023 г. № 1640 // Собрание законодательства РФ. - 2013. № 45. - Ст. 5814; Об утверждении перечня особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1, 258.1 и 260.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978: в ред. от 5 октября 2023 г. № 1640 // Собрание законодательства РФ. – 2023. - №42. – Ст. 7491.

5 Приговор Пограничного районного суда Приморского края от 15 февраля 2021 г. по делу № 1-156/2020 // Уссурийский районный суд (Приморский край). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://actofact.ru/court-25RS0029-ussurijskij-rajonnyj-sud-primorskij-kraj/ (дата обращения: 10.05.2025); Приговор Пограничного районного суда Приморского края от 28.03.2024 по делу № 1-11/2024 // Уссурийский районный суд (Приморский край) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://actofact.ru/court-25RS0029-ussurijskij-rajonnyj-sud-primorskij-kraj/ (дата обращения: 10.05.2025).

6 Приговор Советского районного суда г. Улан-Удэ № 1-438/2023 от 7 июля 2023 г. по делу № 1-438/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //sudact.ru/regular/doc/8WICYIwwNsxJ/ (дата обращения: 05.05.2025); Приговор Хасанского районного суда № 1-289/2023 1-40/2024 от 5 февраля 2024 г. по делу № 1-289/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //sudact.ru/regular/doc/1QrSgy4uDhLp/ (дата обращения: 05.05.2025).

татам исследования Т. М. Петровой наиболее часто встречающимися способами контрабанды выступают недекларирование, либо недостоверное декларирование частей и дериватов диких животных [18, с. 131]. Если же перемещение указанных предметов ограничено территорией Российской Федерации, то юридическая оценка содеянного должна происходить по признакам ст. 258.1 УК РФ[7]. Совокупность данных преступлений может присутствовать лишь в тех случаях, когда виновный сначала производит незаконный оборот особо ценных диких животных на территории Российской Федерации, а затем в отношении этих же животных осуществляет контрабанду (последовательность действий значения не имеет).

Основной состав контрабанды отнесен законодателем к категории преступлений средней тяжести (срок лишения свободы по ч. 1 ст. 226.1 УК РФ ограничен временными рамками от двух месяцев до пяти лет). Но, в отличие от норм об экологических преступлениях против объектов животного мира, норма ст. 226.1 УК РФ обладает бо́льшим картельным воздействием на виновных в контрабанде, поскольку:

1) не предусматривает возможности освобождения от уголовной ответственности и наказания по основаниям, установленным в ст.ст. 78.1 и 80.2 УК РФ;

2) содержит возможность использования механизма конфискации имущества, ставшего предметом или средством совершения контрабанды (п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ);

3) входит в систему норм, образующих деятельность, направленную против безопасности Российской Федерации (примечание к ст. 104.1 УК РФ).

Далее обратимся к неэкологической норме, установленной в ст. 245 УК РФ, предусматривающей ответственность за жестокое обращение с животными. Содержательный аспект альтернативных действий, составляющих жестокое обращение, которые могут привести к гибели или увечью животного представлен в п. 5 ст. 3 Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Подчеркнем, что жестокое обращение с любыми видами животных может совершаться как из хулиганских, так и из корыстных побуждений, т.е. в целях незаконного извлечения любой материальной выгоды. В этой связи возникает необходимость разграничения подобных действий как с незаконной охотой (ст. 258 УК РФ), так и иными преступлениями против животных, о которых мы писали выше (ст.ст. 158, 167 УК РФ).

Отметим, что направленность действий при жестоком обращении с животными определена выбираемым виновным способом его умерщвления, который должен доставлять животному особые (исключительные) физические или психические страдания, и реализуется «путем издевательства, мучения, истязания» [20, с. 11]. При этом, после реформы 2017 г.[8] «жестокое обращение» не отождествляется с причинением «особых страданий», поскольку признак «с применением садистских методов» предусмотрен в отдельном п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ в качестве признака, отягчающего ответственность. Но все подобные способы воздействия на животных прямо противоречат установленным принципам охоты, в связи, с чем Верховный Суд РФ особо подчеркивает: «запрет на жестокое обращение с животными, содержащийся как в уголовном, так и в гражданском законодательстве, направлен не на охрану имущества как такового, а на охрану отношений нравственности»[9].

По этой причине при разграничении незаконной охоты и жестокого обращения с животными суды особое внимание обращают на направленность умысла виновного и обязательное различие целей таких посягательств. В частности, в спорных ситуациях, суды квалифицируют содеянной по ст. 258 УК РФ, когда не устанавливается, что умерщвление животного было осуществлено «ради удовольствия и наслаждения его страданиями»[10]. Подобный подход в разграничении данных преступлений поддерживается и представителями научного сообщества [19, с. 65]. При этом, по мнению специалистов избрание такого способа незаконной охоты, который априори сопряжен с мучительной гибелью животных, получения ими увечий (использование взрывчатых веществ, яда, огня и др.), надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 1 ст. 258 и ст. 245 УК РФ [2, с. 11]. На наш взгляд такая квалификация является избыточной, ошибочно «размывающей» направленность умысла виннового на совершение действий исключительно по незаконной охоте.

Что касается отграничения жестокого обращения с животными от преступлений, против собственности, то здесь судебная практика не является однозначной. Например, «Б. с целью причинения боли и страдания собаке породы «йоркширский терьер» стоимостью 80 000 руб. в присутствии Н. совершил действия, повлекшие гибель животного», что было квалифицировано по совокупности ст. 245 и 167 УК РФ[11] и нашло справедливую критику правоведов [24, с. 44]. В иных схожих ситуациях, когда предметом посягательств выступают домашние животные, суды ограничиваются квалификацией только по признакам ст. 245 УК РФ[12]. Интересно, но не лишено дискуссионности на этот счет мнение Е. В. Бочарова, что «если в результате жестокого обращения с домашними животными последнему причиняется такой вред, заглаживание которого вынудит собственника животного нести материальные расходы на лечение покалеченного животного, деяние виновного следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 167 и 245 УК РФ» [4, с. 7]. Полагаем, что подобная квалификация необоснованно предполагает двойное вменение и нарушение принципа справедливости реализации уголовной ответственности за одно и тоже преступление (ч. 2 ст. 6 УК РФ). Согласно указанной позиции автора заодно общественно опасное деяние и одно общественно опасное последствие виновному предлагается дважды понести уголовную ответственность. Полагаем, что вопрос о прямых имущественных убытках вследствие противоправного умерщвления домашнего или иного другого, находящегося в собственности людей, животного в подобных случаях выходит за рамки предмета уголовно-правового регулирования и должен решаться согласно нормам гражданского и гражданско-процессуального законодательства о возмещении причиненного ущерба. Поэтому, в каждом случае правоприменительным органам необходимо делать выбор между ст. 245 и 167 УК РФ, учитывая, что по ст. 167 УК РФ подлежат оценке ситуации, когда предмет преступления (животное) является чьей-то собственностью, стоимость которого превышает пять тысяч рублей, отсутствует специальная цель причинения ему боли и (или) страданий и умысел направлен на причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу данного имущества [21, с. 23].

---

7 Приговор Уссурийского районного суда № 1-905/2024 от 7 октября 2024 г. по делу № 1-905/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //sudact.ru/regular/doc/5uEaXdzKPmUb/ (дата обращения: 05.05.2025); Приговор Пожарского районного суда № 1-261/2023 1-71/2024 от 7 октября 2024 г. по делу № 1-261/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //sudact.ru/regular/doc/xVXnxt8oKUbR/ (дата обращения: 05.05.2025).

8 О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 20 декабря 2017 г. № 412-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2017. - № 52 (Ч. I). - Ст. 7935.

9 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 августа 2022 г. № 16-КГ22-15-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

10 Приговор Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного округа 30 мая 2023 г. по делу № 1-63/2023 // Судебные решения РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://судебныерешения. РФ/73937474 (дата обращения: 08.05.2025).

11 Постановление Шарыповского городского суда № 1-130/2021 от 2 июня 2021 г. по делу № 1-130/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //sudact.ru/regular/doc/OgNfV4EXfgZ6/ (дата обращения: 11.05.2025).

12 Приговор Кузнецкого районного суда г. Новокузнецка № 1-200/2024 от 14 июля 2024 г. по делу № 1-200/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //sudact.ru/regular/doc/1jTBSH5nalrh/ (дата обращения: 11.05.2025); Приговор Соликамского городского суда № 1-164/2024 от 15 мая 2024 г. по делу № 1-164/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //sudact.ru/regular/doc/2wnyOiaE3glm/ (дата обращения: 11.05.2025).

Наконец, еще одним уголовно-правовым инструментом неэкологического характера, предусматривающим ответственность за посягательство на объекты животного мира, является ст. 358 УК РФ. Данная норма содержит запрет на экоцид – особую разновидность преступления, отнесенного к категории так называемого конвенционного характера [5, с. 38], охватывающего все известные тяжкие и особо тяжкие экологические преступления [13, с. 183] в сфере производственной, военной и иной деятельности человека [15, с. 269].

В качестве экоцида законодатель предписывает понимать массовое уничтожение животного мира, способное вызвать экологическую катастрофу. При отсутствии легального определения экологической катастрофы, в научном мире ее предлагают понимать, как «состояние разрушения или критическое состояние экосистемы, обусловленное изменением ее биогенных констант, до такой степени, что это приводит не к изменению, а к смене экосистемы» [22, с. 132].

В результате действий, составляющих экоцид, происходит полное или частичное истребление родов, видов животного мира, влекущее их исчезновение при невозможности их естественного сохранения. Это создает предпосылки к нарушению биобаланса природы, что прямо или косвенно будет отражаться на ухудшении привычной жизнедеятельности большого количества населения. По этой причине экоцид представляет собой самое опасное преступление среди всех остальных, обеспечивающих защиту животного мира. С юридической точки зрения повышенная строгость ответственности за экоцид проявляется в следующем:

1) санкция ст. 358 УК РФ содержит максимально строгое наказание в виде лишения свободы с повышенной нижней границей – от двенадцати до двадцати лет, что соответствует категории особо тяжкого преступления (ч. 5 ст. 15 УК РФ);

2) вменение ст. 358 УК РФ в совокупности с иными преступлениями позволяет применять правила экстраординарного увеличения сроков сложения наказаний по совокупности преступлений (тридцать лет) и совокупности приговоров (тридцать пять лет) (ч. 5 ст. 56 УК РФ);

3) квалификация по ст. 358 УК РФ предусматривает отсутствие сроков давности привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания за совершение данного преступления (ч. 5 ст. 78 УК РФ, ч. 4 ст. 83 УК РФ);

4) квалификация по ст. 358 УК РФ не предусматривает возможности освобождения от уголовной ответственности и наказания по основаниям, установленным в ст.ст. 78.1 и 80.2 УК РФ.

В результате проведенного исследования предлагается определить неэкологические нормы уголовного закона, обеспечивающие охрану объектов животного мира в качестве самостоятельных регуляторов общественных отношений, опосредованно устанавливающих запреты на совершение противоправных деяний в отношении любых видов животных. Такие нормы позволяют восполнить отдельные направления уголовно-правовой охраны животных в тех областях, где невозможно, либо затруднительно использование классических экологических норм, закрепленных в гл. 26 УК РФ. При этом важным направлением остается необходимость разграничения экологических и неэкологических норм при их непосредственном применении на практике в процессе квалификации посягательств на объекты животного мира.

Пристатейный библиографический список

1. Базаров П. Р. Уголовно-правовая охрана особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов: дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017. – 244 с.
2. Богатова Е. В. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2013. – 18 с.
3. Боев А. В. Расположение в Уголовном кодексе РФ уголовно-правовых норм о контрабанде и его влияние на судебную практику // Современное право. – 2025. – № 1. – С. 75-78.
4. Бочаров Е. В. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2014. – 21 с.
5. Бриллиантов А. В. Освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда // Законность. - 2019. – № 4. – С. 35-38.
6. Гаевская Е. Ю. К вопросу о разграничении хищений и фаунистических преступлений // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2017. – № 2. – С. 135-143.
7. Гусаренко Д. М. Криминализация посягательств на особо ценные виды диких животных: дис. … канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2020. – 225 с.
8. Дойников П. И. О концептуальных изменениях законодательства об охране животного мира // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 3 (219). – С. 126-128.
9. Елисеев В. С. О проблеме расширения предмета фаунистического права // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 11 (179). – С. 128-132.
10. Жевлаков Э. Н. О разграничении экономических и экологических преступлений: теория, законодательство, практика // Уголовное право. – 2017. – № 2. – С. 55-63.
11. Жевлаков Э. Н. Отграничение хищения от браконьерства // Советская юстиция. – 1982. – № 3. – С. 8-9.
12. Жевлаков Э. Н. Экологические и альтернативно-экологические преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных систем // Уголовное право. – 2024. – № 5. – С. 32-39.
13. Зверева А. И. Экологические преступления, посягающие на безопасность водных объектов: характеристика и разграничение со смежными деликтами: монография / под ред. Ю. В. Грачевой. – Москва: Проспект, 2019. – 200 с.
14. Злотникова Т. В. К вопросу об экологизации и деэкологизации законодательства и других сфер общественной жизни // Экологическое право. –2024. – № 2. – С. 5-11.
15. Бриллиантов А. В., Галахова А. В., Давыдов В. А. и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X-XII: в 4 т. (постатейный) / Отв. ред. В. М. Лебедев. – Москва: Юрайт, 2017. - Т. 4. - 278 с.
16. Краева В. Н. Уголовно-правовая охрана видов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации // Законодательство и экономика. - 2016. – № 1. – С. 49-59.
17. Кулев В. К., Трошин А. С., Шишкина А. А. Хищение редких объектов животного мира, принадлежащих к особо охраняемым природным территориям // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». – 2010. – № 2. – С. 362-363.
18. Петрова Т. М. Преступления против особо охраняемых диких животных и растений: квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового противодействия: дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2024. – 265 с.
19. Попов И. В. Ошибки квалификации жестокого обращения с животными // Уголовное право. - 2025. – № 2. – С. 60-68.
20. Попова Н. П. Ответственность за преступления, совершенные с особой жестокостью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – 28 с.
21. Свиридов Р. В. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовая квалификация и отграничение от иных правонарушений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2019. – 24 с.
22. Тимофеев А. Д. Семантика понятий «Экологический кризис» и «Экологическая катастрофа» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2015. – № 176. – С. 130-135.
23. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Под. ред. А. И. Чучаева. – Москва: Контракт: Инфра-М, 2015. – 703 с.
24. Щетинина Н. В., Аюпова Г. Ш. Особенности толкования юридически значимых признаков основного состава жестокого обращения с животными (ч. 1 ст. 245 УК) // Законность. – 2024. – № 9. – С. 38-44.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-418-420

МИХАЙЛОВ Иван Романович
аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Михайлов И. Р.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ БРАЗИЛИЯ: КРАТКИЙ АНАЛИЗ

В статье представлен краткий анализ уголовного процесса в Федеративной Республике Бразилия на основе таких документов, как Конституции Бразилии 1988 года и Уголовном кодексе Бразилии 1942 года. В статье будет проанализирована система уголовного судопроизводства, уголовное преследование, начиная с этапа, предшествующего возбуждению уголовного дела, затем уголовного расследования, видов ареста, судебного производства. Далее в статье будет рассмотрен этап вынесения и исполнения приговора по уголовному дела, а также виды наказаний. В конце статьи будет дан краткий анализ практической реализации норм уголовного процесса в современных судах Бразилии.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный процесс, полицейское расследование, задержание, судебный процесс, приговор.

MIKHAYLOV Ivan Romanovich
postgraduate student of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CRIMINAL PROCEDURE IN THE FEDERATIVE REPUBLIC OF BRAZIL: A BRIEF ANALYSIS

The article presents a brief analysis of the criminal process in the Federal Republic of Brazil based on documents such as the Brazilian Constitution of 1988 and the Brazilian Criminal Code of 1942. The article will analyze the system of criminal justice, criminal prosecution, starting from the stage preceding the initiation of a criminal case, then criminal investigation, types of arrest, judicial proceedings. Further in the article, the stage of sentencing and execution in a criminal case, as well as the types of punishments, will be considered. At the end of the article, a brief analysis of the practical implementation of the norms of criminal procedure in modern Brazilian courts will be given.

Keywords: criminal law, criminal procedure, police investigation, detention, trial, sentence.

Уголовный процесс Бразилии, как и уголовное правосудие в целом основана на континентальной системе права, в частности на португальском праве, и основывается на Конституции Бразилии 1988 года и Уголовном кодексе Бразилии (Código Penal brasileiro) 1942 года.

Уголовное судопроизводство в Бразилии носит скорее письменный, чем устный характер, где роль обвинителя отводится государственному должностному лицу. Признание вины обвиняемым, в отличие уголовного судопроизводства ряда других стран, таких как США, не позволяет избежать судебного разбирательства. Признание может быть принято в качестве доказательства, но только суд, а не обвиняемый, прокурор или полиция, определяет степень вины.

Дела для направления в суд подготавливаются прокурором (членом Министерства юстиции), но расследования проводятся шерифом или иным сотрудником полиции, а также окружным комиссаром полиции (delegado de polícia), обладающим административными полномочиями, но не выполняющим судебных функций.

В уголовном процессе Бразилии существует четыре различных этапа. Первый — это этап полицейского расследования, аналог проведения процессуальной проверки в уголовном процессе РФ, на котором полиция, государственное обвинение в лице прокурора или другой уполномоченный законом орган собирает необходимые доказательства. На втором этапе сторона государственного обвинения принимает решение о возбуждении уголовного дела. Третий этап — это судебная стадия, на которой обвиняемому выносится обвинительный или оправдательный приговор, тогда как на четвертом этапе приговор приводится в исполнение.

Первый этап полицейского расследования включает в себя изучение фактов, используемых для установления личности, местонахождения и доказательства вины подозреваемого. На этом этапе проводятся такие следственные действия, как обыск, получение объяснений, допросы, иные виды сбора и сохранения доказательств. Все следственные действия формально проводятся сотрудниками государственных департаментов полиции.

Многие уголовные дела возбуждаются на основании заявлений (notitia criminis) потерпевших или их представителей о предполагаемых правонарушениях в органы власти (полицию, прокуратуру или уголовный суд). В заявлении может содержаться описание предполагаемого преступления и информация о личности обвиняемого. Порядок возбуждения уголовного дела и дальнейших действий всегда определяется представителем полиции, который отвечает за проведение расследования, а также проверку процессуальных материалов с целью определения того, какие из них должны быть возбуждены или прекращены.

Затем дело передается прокурору, который решает, объявлять ли расследование завершенным или, если он/она не может составить мнение о виновности обвиняемого в совершении преступления, запросить дополнительные доказательства, возвращая дело в полицейское управление.

В отношении подозреваемого может быть применено задержание, если он был обнаружен на месте совершения преступления. Задержанным на месте преступления считается лицо, которое на момент обнаружения совершало преступление, либо только что совершило его, преследовалось полицией, или было обнаружено вблизи места преступления с изобличающими его уликами (оружие, украденное имущество, следы на одежде и т.п.).

Задержанный должен быть передан представителю полиции, который в течение 24 часов должен уведомить обви-

няемого о мотивах ареста. Затем уведомление направляется судье, который может вынести решение о досудебном освобождении (liberdade provisória). Если судья согласится с тем, что обвиняемый действительно был задержан за совершение преступления, он назначит судебное разбирательство в течение 10-30 дней.

За исключением вышеуказанного основания для задержания, аресты могут производиться на основании судебного ордера. Применение силы во время ареста запрещено, за исключением случаев, когда подозреваемый пытается скрыться или оказывает сопротивление при аресте. Задержанные, как правило, незамедлительно информируются о предъявленных им обвинениях. Закон Бразилии допускает предварительное заключение под стражу на срок до пяти дней во время полицейского расследования, но судья может продлить этот срок. Судья также может вынести постановление о продлении задержания еще на пять дней. Кроме того, перед судом может быть возбуждено ходатайство о предварительном заключении подозреваемого на 15 дней, если у полиции есть основания полагать, что подозреваемый может скрыться от правоохранительных органов.

После ареста подозреваемому должно быть предъявлено обвинение в течение 30 дней с момента ареста. Если подозреваемый не подвергался задержанию и аресту, ему должно быть предъявлено обвинение в течение 45 дней с момента возбуждения уголовного дела. Данный срок может быть продлен судом, если имеются на то объективные обстоятельства, такие как неустановление местонахождение подозреваемого или невозможность обеспечения его явки в суд.

Кроме заключения под стражу применяются такие меры ограничения свободы, как: домашний арест; подписка о невыезде и надлежащем поведении, которая включает в себя регулярную отчетность обвиняемого перед судом или правоохранительными органами; запрет на посещение определенных мест или общение с определенными лицами; залог.

Судья может принять решение о досудебном освобождении обвиняемого, который был арестован полицией, если он будет убежден, что обвиняемый не скроется от органов правосудия, каким-либо образом препятствовать ходу расследования, скрывать, уничтожать или подделывать доказательства, а также пытаться повлиять на других участников процесса, склонив их к изменению своих показаний, а также являться в суд по первому требованию. На решение судьи по этому вопросу влияет в том числе поведение обвиняемого в прошлом, его семейное положение, наличие или отсутствие работы, наличие постоянного места жительства, а также тяжесть преступления.

Сбор прямых и косвенных доказательств, заслушивание свидетелей и добровольные признания обвиняемого исключают применение пыток, жестокого обращения, принуждения, угроз, обещаний или подкупа. Разрешение на проведение полицейского расследования выдается судом на срок от 10 до 30 дней (в случае, если обвиняемый не находится под стражей).

В исключительных и неотложных случаях прокуроры могут выдать разрешение на проведение обыска и сбора доказательств без санкции суда. Они должны уведомить судью и запросить подтверждение процедуры в течение 8 часов после проведения неотложного следственного действия. Любые доказательства, полученные незаконным путем, например, путем прослушивания телефонов или окружающей обстановки, вмешательства в частную переписку, или с помощью информаторов, могут быть оспорены и исключены из процесса.

Сам судебный процесс начинается с того момента, когда судья принимает материалы полицейского расследования и назначает дату допроса обвиняемого, о чем последний уведомляется прокурором. Сразу после допроса или в течение 3 дней с момента его проведения обвиняемый может представить письменное заявление о привлечении и допросе своих свидетелей. Кроме допроса обвиняемого проводится непосредственный допрос потерпевшего и свидетелей. Прокурор или потерпевший могут потребовать проведения любого рода расследования, которое они сочтут необходимым. Также обе стороны могут представлять доказательства на любом этапе судебного процесса.

Если, принимая во внимание представленные доказательства, судья убежден, что подсудимый виновен в совершении преступления против жизни, включая склонение/помощь другому лицу в совершении самоубийства или аборта, страна защиты или прокурор могут потребовать проведения второго этапа рассмотрения дела судом присяжных (Tribunal do Júri), состоящим из судьи и 21 присяжного заседателя, которые выбираются из ежегодно пересматриваемого списка подходящих кандидатов (от 300 до 500 в более крупных юрисдикциях). В назначенный для судебного разбирательства день свидетелей обвинения отводят в места, где они не могут слышать дебаты, и из 21 потенциального присяжного заседателя отбирают семь человек, чтобы можно было сформировать коллегию присяжных или Судебный совет. После формирования состава присяжных заседатели не могут ни с кем общаться или высказывать свое мнение по делу. Присяжные получают копии соответствующих документов, заслушивают свидетелей обвинения, судью, защитника, потерпевшего, прокурора и могут, при желании, подвергнуть сомнению показания защиты. Вердикт выносится после обсуждения присяжными путем тайного голосования.

Суд может принять решение о прекращении уголовного дела (extinção de punibilidade) если потерпевший обратился с заявлением о преступлении через более чем 6 месяцев после его совершения, если описание потерпевшим события не является преступлением, или если правонарушение больше не является наказуемым (decadência). Дело также может быть прекращено после того, как потерпевший отказался от своих показаний, либо изменения в законе смягчили юридические последствия преступления, или обвиняемый скончался во время расследования либо судебного разбирательства.

Хотя в бразильских судах нет явного института соглашения о признании вины или сделки со следствием, которые могут смягчить приговор обвиняемому, существуют эквиваленты, которые бразильские суды используют для управления своей рабочей нагрузкой.

Так, судьи могут освободить обвиняемого от ответственности и приостановить исполнение его/ее наказания в случае надлежащего поведения (suspensão condicional da pena). Эта возможность предоставляется только в том случае, если обвиняемый признает обвинения, и если наказание не превышает 2 лет тюремного заключения. Наказание может быть назначено условно на срок до 4 лет.

После рассмотрения всех имеющихся в деле доказательств, а также допроса всех участников уголовного процесса суд выносит обвинительный или оправдательный приговор. Оправдательный приговор подсудимому выносится, если суд убежден в несущественности преступного деяния, или если это деяние не является правонарушением, или если нет достаточных доказательств того, что подсудимый имел умысел на совершение преступления, или если имеются обстоятельства, исключающие совершение им преступления. При вынесении приговора суд учитывает отягчающие и/или смягчающие обстоятельства, в связи с которыми он может сократить или увеличить наказание, а также укажет соответствующие случаю пенологические меры (лишение дееспособности, применение принудительных мер медицинского или воспитательного характера).

Максимальный срок тюремного заключения составляет 30 лет. Наказания значительно варьируются в зависимости от

тяжести и обстоятельств преступления, личности и поведения правонарушителя.

Действие Уголовного кодекса распространяется на лиц от 12 до 18 лет. При этом на несовершеннолетних правонарушителей в возрасте от 12 до 17 лет распространяется действие Закона о детях и подростках, который является частью Конституции Бразилии. Так, вместо отбывания тюремного заключения несовершеннолетние направляются в исправительное учреждение Дети в возрасте до 12 лет не могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Закон не предусматривает максимального срока содержания под стражей до суда, который определяется в каждом конкретном случае. Срок содержания под стражей до суда вычитается из срока наказания.

Другими мерами наказания являются штрафы (за мелкую кражу) или депортация (если обвиняемый является иностранцем, особенно если он причастен к незаконному обороту наркотиков, пыткам и преступлениям против человечности). Большинство преступлений, тем не менее, караются тюремным заключением, такие как убийство, изнасилование, похищение человека, кражи и вооруженные ограбления, коррупционные преступление и т. п.

Кроме того, в бразильском уголовном процессе существует мера, схожая с условным осуждением в уголовном процессе РФ, а именно пробация или назначение испытательного срока обвиняемому.

Испытательный срок в Бразилии — это условное приостановление судебного разбирательства, т.е. приостановление процедуры на основании проверки поведения обвиняемого, которое предоставляется в случае признания обвиняемым своей вины в инкриминируемых ему деяниях. При этом наказание за совершенное преступление не должно превышать 2 лет лишения свободы и может быть назначено с отсрочкой исполнения максимум на 2-4 года при условии, что осужденный не виновен в совершении тяжкого преступления и соблюдает следующие условия: избегает вредных или порочных привычек; воздерживается от посещения незаконных или бесчестных заведений; находиться в местах с сомнительной репутацией или общаться с подобными людьми; добросовестно работает на подходящей работе или добросовестно проходит курс обучения или профессиональной подготовки; проходит доступное медицинское или психиатрическое лечение; содержит своих иждивенцев и выполняет другие семейные обязанности; возмещает убытки или ущерб, причиненный потерпевшему, в размере, который ответчик может себе позволить выплатить; выполняет условия, связанные с ее/его реабилитацией, или вносит залог или другое обеспечение для выполнения любого или всех установленных условий; подчиняется представителю полиции в соответствии с указаниями суда, отвечает на все ее/его запросы и незамедлительно информирует ее/его о любых изменениях адреса или места работы; остается в пределах юрисдикции суда до получения разрешения на выезд.

Условно-досрочное освобождение (livramento condicional) — это освобождение из пенитенциарного или исправительного учреждения для лиц, приговоренных к 2 и более годам тюремного заключения, которые отбыли по меньшей мере треть своего максимального срока наказания или возместили причиненный ущерб. До окончательного освобождения условно-досрочно освобожденные должны вести себя надлежащим образом и находиться под надзором учреждения, утвержденного судом. Как и в случае с испытательным сроком, право на вынесение решения об условно-досрочном освобождении принадлежит судам.

Вынесение приговора не является завершающей стадией уголовного процесса, поскольку обвинение или защита могут не согласиться с ним и оспорить его в вышестоящем суде, подав жалобу на вопиющую несправедливость, отказ в конституционных правах, грубо ошибочное толкование или простые процессуальные ошибки. В таких случаях для исправления или отмены приговора требуется обращение в вышестоящий суд (Tribunal de Apelação).

Таким образом, апелляции подаются только на решения нижестоящих судов. Они не являются автоматическими и должны соответствовать последовательности процессуальных действий, начиная с этого условия: в течение определенного периода (5 дней) после вынесения обвинительного приговора заявитель должен подать в апелляционный суд уведомление об апелляции.

Таким образом, при анализе уголовного процесса Бразилии можно сделать вывод о том, что он в значительной мере схож с уголовным процессом ряда европейских, а также южноамериканских стран, которые разделяют одну систему права. Тем не менее на практике правоохранительная и судебная системы сталкиваются с рядом проблем в соблюдении норм уголовного процесса. Так, анализ практики предварительного заключения в пяти городах Бразилии, проведенный государственным прокурором, показал, что суды систематически нарушают презумпцию невиновности - один из принципов, касающихся предварительного заключения, на котором основана система уголовного правосудия Бразилии. Она обнаружила, что в период с 2000 по 2004 год судьи регулярно заключали в тюрьму большое количество людей, обвинявшихся в воровстве (мелкой краже), хотя это крайне незначительное правонарушение. В некоторых судах более трети лиц, задержанных по этому обвинению, провели под стражей более 100 дней, а многие провели в предварительном заключении больше времени, чем те сроки лишения свободы, которые они в итоге получили. Также из-за загруженности судов, а вследствие этого задержек в рассмотрении дел почти всегда продлевался срок предъявления обвинений обвиняемым.

Для решения данных проблем бразильские суды начинают уделять особое внимание передаче уголовных дел в специальные суды низшей инстанции (Juizados Especiais), где судьи могут рассматривать дела, максимальное наказание по которым не превышает 2 лет тюремного заключения. Таким образом, люди, которые обычно годами ждали бы суда, скажем, за драки в барах, могут предстать перед судом в считанные дни.

Пристатейный библиографический список

1. Coelho Y. C. Curso de direito penal didático. Sao Paulo, 2014.
2. Daly, Kathleen. Aims of the Criminal Justice System. Chapter 17 in Marinella Marmo, Willem de Lint, and Darren Palmer (eds.). Crime and Justice: A Guide to Criminology. Law-book Co, 2012.
3. Ferreira da Silva Jr., E. Curso de Direito Processual Penal. Oliveira Mendes, 1997.
4. Greco R. Curso de direito penal: parte geral, V. 1. Niterói; RJ, 2014.
5. Oliveira T. B. Pena e racionalidade. Rio de Janeiro, 2017.
6. Polastri Lima M. Curso de processo penal. Brasilia, 2014.
7. Scuro Neto P. O Direito como indexador. Judicialização e controle do sistema de justiça. Universidade Federalde Santa Catarina, 2011.
8. Scuro Neto P. Criminal justice of Brazil. World Factbook of Criminal Justice Systems – Brazil 2002, U.S. Department of Justice, Washington D.C., 2023.

МИРОШНИЧЕНКО Екатерина Александровна
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Ростовский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); помощник начальника Главного Управления по правовой работе - начальник юридической службы ГУФСИН России по Ростовской области

ОГОРОДНИКОВ Владимир Иванович
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления и организации деятельности УИС, Академия права и управления ФСИН России, г. Рязань

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ РОЗЫСКА ЛИЦ, САМОВОЛЬНО ОСТАВИВШИХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ

В настоящее время наблюдается значительное число случаев, когда осуждённые к принудительным работам покидают исправительные центры, места работы и (или) жильё, выделенное им администрацией без соответствующего разрешения, в связи с чем розыск рассматриваемой категории лиц является весьма актуальным вопросом.

В настоящей статье авторы освещают ряд вопросов, связанных с организацией их розыска. В частности, отмечается отсутствие на законодательном уровне урегулированности вопросов взаимодействия между ФСИН и МВД по исследуемому вопросу, где конкретно были бы утверждены формы их взаимодействия. Авторы предлагают разработать соответствующий приказ.

Кроме того, в статье затрагивается проблема контроля и надзора за осужденными на территории ИЦ и УФИЦ, внедрения современных технических средств, биометрических систем, поскольку их использование позволит минимизировать количество случаев самовольного их оставления.

Ключевые слова: лица, осужденные к принудительным работам, надзор, самовольные выезды, розыск, исправительные центры, оперативные подразделения, техническое оснащение, биометрические системы.

MIROSHNICHENKO Ekaterina Alexandrovna
senior lecturer of Criminal law and criminology sub-faculty, Rostov Institute (branch), All-Russian University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia); Assistant to the Head of the Main Department for Legal Work - Head of the Legal Service of the FPS of Russia for the Rostov Region

OGORODNIKOV Vladimir Ivanovich
Ph.D. in Law, professor, professor of Management and organization of the penitentiary system sub-faculty, Academy of Law and Management of the FPS of Russia, Ryazan

CURRENT ISSUES OF ORGANIZING THE SEARCH FOR PERSONS WHO VOLUNTARILY LEFT CORRECTIONAL CENTERS

Currently, there are a significant number of cases where those sentenced to forced labor leave correctional centers, places of work and/or housing allocated to them by the administration without appropriate permission. In this regard, the search for this category of persons is a very relevant issue.

In this article, the authors highlight a number of issues related to the organization of their search. In particular, there is a lack of legislative regulation of issues of interaction between the Federal Penitentiary Service and the Ministry of Internal Affairs on the issue under study, where specifically the forms of their interaction would be approved. The authors propose to develop an appropriate order.

In addition, the article touches upon the problem of control and supervision of convicts on the territory of the IC and OFIC, the introduction of modern technical means, biometric systems, since their use will minimize the number of cases of unauthorized abandonment.

Keywords: persons sentenced to forced labor, supervision, unauthorized visits, search, correctional centers, operational units, technical equipment, biometric systems.

Осуждённые к принудительным работам преимущественно находятся в специальных учреждениях — исправительных центрах, а также на их участках и изолированных территориях, которые расположены на предприятиях, где трудятся такие лица.

Отпуск осуждённым к принудительным работам предоставляется на 18 дней (календарных), по согласованию с администрацией исправительного центра. Отпуск осуждённому предоставляется администрацией предприятия, в котором он работает, он оплачиваемый и ежегодный. Время ежегодного отпуска осуждённый узнает на основании извещения, которое он получает под роспись за 2 недели до отпуска.

Выезд за территорию исправительного центра осуждённый должен заслужить хорошей работой и не нарушением дисциплины. Осуждённый пишет начальнику заявление о выезде, начальник издает постановление на разрешение осуждённому выезд на срок отпуска. Законом регламентируется сроки работы для предоставления трудового отпуска.

На уровне УИК России[1] установлено следующее: возможен выезд осужденных лиц за рамки ИЦ и УФИЦ при условии неотложных нужд. Допустимый срок составляет 5 суток, но важнее другое: необходимо специальное решение администрации конкретного исправительного учреждения. Также выезд осуждённого разрешен на время отпуска на основании законодательства, с разрешения начальника исправительного центра (постановление), но возникают проблемы при исполнении принудительных работ по поводу выезда осуждённого в другие регионы страны, для посещения суда, следственного отдела на основании повесток, поступивших в исправительные центры.

На сегодняшний день вызывает обеспокоенность тенденция к увеличению числа людей, которые без разрешения покидают исправительные учреждения, а также места работы и проживания, установленные администрацией, на период более суток. Кроме того, растёт количество случаев, когда осуждённых объявляют в розыск за уклонение от отбывания наказания. Этот факт свидетельствует о проблемах в организации внешнего контроля и, как следствие, о снижении его эффективности.

Одна из важнейших задач, стоящих перед оперативными службами ИЦ и УФИЦ в данном контексте, сводится к предупреждению самовольных выездов [1, с. 106]. Её решение требует комплексного подхода и предполагает реализацию работы в следующих направлениях:

– выявление и устранение вероятных причин самовольного оставления соответствующих административных районов;

– пресечение условий, способствующих данным актам деятельности осужденных лиц;

– выявление преступников, отбывающих различные наказания и склонных к самовольному оставлению ИЦ и УФИЦ;

1 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.12.2024) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 19.06.2025).

– организация и реализация розыска нарушителей и т.д.

Важнейшей задачей оперативных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, которые обеспечивают работу исправительных центров, является обнаружение и проверка лиц, незаконно покидающих пределы административного района на непродолжительное время. Это играют важнейшую роль, так как осуждённые во время таких краткосрочных отлучек могут совершать новые правонарушения, оставаясь вне поля зрения оперативных служб органов внутренних дел.

Работники оперативных служб должны каждодневно предпринимать усилия, чтобы предотвратить правонарушения среди осуждённых во время отбывания наказания, будь то на территории исправительного центра или уголовно-исполнительного учреждения, либо за их пределами. Для достижения этой цели сотрудникам необходимо обладать обширной сетью информаторов. Если на территории ИЦ часть данной работы ложится на плечи дежурной смены, то за пределами центра все резко меняется и в негативном сценарии может выражаться отсутствием контрольной и надзорной деятельности. Следует принять во внимание, что лицами, предоставляющими информацию, могут стать как сотрудники компании, где работает осуждённый, так и люди, живущие территориально близко от места его трудоустройства.

Подразделениям УИС, которые работают с исправительными центрами и УФИЦ, крайне важно оперативно искать людей, покинувших место пребывания без разрешения. Нужно проводить поиски на высоком уровне, задействуя все доступные ресурсы. Решение задачи по поиску самовольно покинувших место пребывания лиц требует комплексного подхода и активного участия всех служб УИС. Эффективная работа возможна только при тесном взаимодействии с органами внутренних дел.

Немаловажным аспектом в усилении комплексной работы по пресечению правонарушений и незаконной деятельности является развитие поиска с применением инновационных подходов и методик.

Передовой уровень розыскной деятельности в первую очередь подразумевает глубокий анализ личности разыскиваемого. Именно личностные особенности человека играют ключевую роль и во многом определяют итог поиска.

Проводя анализ мер, направленных на предотвращение несанкционированных выездов осуждёнными мест их трудовой деятельности можно выделить ряд негативных аспектов, которые способствуют возникновению таких ситуаций.

Необходимо обратить внимание на одну из актуальных проблем, которая тесно связана с деятельностью администраций исправительных учреждений: на уровне администраций исправительных учреждений и органов в структуре УИС имеет место поверхностный подход к отбору лиц, приговоренных к лишению свободы и получивших возможность замены изначального наказания посредством принудительных работ. При этом нередко возникают ситуации, когда преступники, не вставшие на путь исправления, оказываются на свободе, продолжают нарушать законы России и заниматься общественно опасной деятельностью.

Здесь же стоит отметить значимость качественного и комплексного взаимодействия между оперативными подразделениями исправительных учреждений и органами ФСИН, обслуживающими ИЦ и УФИЦ. Вместе с тем в соответствующую работу часто необходимо вовлекать ОВД.

Следует особо отметить, что все подобные направления деятельности должны строиться на локальном, районном и федеральном уровнях и выражаться в следующих мерах:

– реализация плановых и внеплановых совещаний для выработки регламентов согласованных действий, направленных на решение задач, стоящих перед оперативной розыскной деятельностью;

– обмен оперативными сведениями, их обсуждение при участии представителей различных ведомств;

– анализ соответствующих данных, а также обстановки здесь и сейчас, требующей рассмотрения и принятия ряда мер, превентивных по отношению к факторам риска, выраженным, скажем, в повышенной вероятности того же оставления ИЦ или УФИЦ рядом лиц, склонных к этому;

– выявление и устранение объективных пробелов в совместной деятельности учреждений в структуре УИС, ФСИН и ОВД.

В процессе ведения розыскной деятельности становится, очевидно, что информацию о контактах разыскиваемого лица могут предоставить не только те, кто трудился с ним на одном предприятии или проживал с ним в общежитии. Важными источниками сведений могут стать люди, которые ранее проживали с ним на прошлом месте жительства.

Для улучшения процесса поиска осуждённых, которые самовольно покинули административный район, где они были трудоустроены, или место расположения исправительного центра (ИЦ) либо уголовно-исполнительного исправительного центра (УФИЦ), предлагается разработать совместный нормативный акт ФСИН и МВД.

Помимо этого, в территориальных подразделениях Федеральной службы исполнения наказаний функционируют специальные розыскные подразделения. Их задача — в сотрудничестве с сотрудниками, ответственными за оперативную работу в исправительных центрах или управлениях федеральных исправительных центров, проявлять инициативу разработки плана совместных действий учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Эти действия должны быть направлены на взаимодействие с органами внутренних дел с целью предотвращения и пресечения случаев самовольного выезда осуждённых за пределы административных территорий, на которых расположены исправительные центры.

Организация и поддержание обмена оперативной информацией в данном контексте возможны посредством реализации рабочих встреч. Приоритетным местом их проведения представляются территории функционирования ИЦ либо УФИЦ или иные места конкретного трудоустройства осужденных. Важный дополнительный шаг представлен обязательным протоколированием.

Важно понимать, что четкость и слаженность взаимодействия обозначенных субъектов на практике влияют на результативность и успешность розыска лиц, самовольно оставивших ИЦ либо УФИЦ, а также граждан, приговоренных к принудительным работам, но уклоняющихся от отбывания данного наказания [1, с. 108].

Целесообразно уделить внимание техническому аспекту надзора и контроля в отношении лиц, столкнувшихся с анализируемой мерой принуждения.

Е. В. Шульц и С. И. Бякина [2, с. 96] подчеркивают наличие ряда законодательных пробелов, которые в их мысли исключительно негативно влияют на реализацию надзорных практик на уровне ИЦ и УФИЦ, в особенности в техническом контексте. Позиция авторов небезосновательна, потому что в настоящее время практика использования компьютерных средств и инструментов, программного обеспечения на уровне исправительных учреждений пока страдает.

Ст. 60.19 УИК России позволяет утверждать, что администрации ИЦ и УФИЦ правомочны применять различные контрольные и надзорные средства, в том числе технические. Их перечень представлен в Распоряжении Правительства России № 2932-р от 31.12. 2016[2] и содержит нижеперечисленные пункты:

— система охранной сигнализации. Этот механизм играет важную роль в обнаружении случаев незаконного доступа в ИЦ или выхода из них;

– тревожная сигнализация. Если просто, то данное средство предназначено для звукового оповещения сотрудников ИЦ или УФИЦ и других лиц о наступлении чрезвычайных ситуаций;

– другие технические средства и инструменты.

Системы охранной сигнализации созданы для того, чтобы в случае чрезвычайных ситуаций на охраняемых объектах активировать световые и звуковые оповещения. Кроме того, они позволяют оперативно вызывать представителей компетентных органов и собирать сотрудников учреждения в случае тревоги.

Фактически системы тревожной и охранной сигнализации представляют собой использование различного типа датчиков, обеспечивающих подачу сигналов тревоги при несанкционированном проникновении или обнаружении незаконных действий;

– механизмы для блокировки доступа, которые позволяют установить физическое препятствие и предотвратить проникновение на территорию исправительного учреждения.

К таковым системам можно отнести как электромеханические и магнитные замки, обеспечивающие их открытие с по-

2 Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2016 № 2932-р «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых администрациями исправительных центров для предупреждения преступлений, нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ и для получения необходимой информации о поведении осужденных к принудительным работам» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 2. Ст. 472.

ста оперативного дежурного по исправительному центру, так и системы контроля и управления доступом (СКУД), используемые в исправительных учреждениях и следственных изоляторах ФСИН России;

– комплексная система речевого информирования, позволяющая транслировать объявления и инструкции на всей территории исправительного учреждения;

– многоуровневая система видеонаблюдения, гарантирующая непрерывный контроль над обстановкой в пределах исправительного центра;

– интегрированная система сбора и анализа данных, которая с помощью специализированного оборудования и программного обеспечения поддерживает работу охранной сигнализации и системы видеонаблюдения.

Стоит подчеркнуть, что некоторые используемые сегодня элементы и даже целые системы, подобные пунктам в перечне, морально устарели. Редко, но встречаются и такие случаи, когда на бумаге те же охранная и тревожная сигнализации и видеонаблюдение присутствуют, но на практике их нет либо соответствующие средства являются вышедшими из строя.

Из представленного ясно, что крайне важно вести работу по техническому оснащению и переоснащению учреждений и органов в структуре УИС для обеспечения лучшей реализации надзорной и контрольной функций в рамках соответствующих хозяйствующих субъектов. Предполагается, что это станет основой снижения фактического уровня правонарушений и противозаконных деяний, совершаемых осужденными на территории тех же ИЦ и УФИЦ [3, с. 619].

Есть еще один важный вопрос в рамках заявленной темы, то есть в плане использования технических средств для достижения целей охраны на уровне исправительных учреждений. Речь об отсутствии нормативных правовых актов, которые бы четко и исчерпывающим образом регламентировали соответствующие практики, касающиеся фактического применения компьютерной техники, программного обеспечения, информационных технологий для реализации надзорной, контрольной и других функций. Частично данный аспект общей проблематики детерминирован размытыми и чрезмерно сложными формулировками в ст. 83 УИК России.

Ч. 3 данной статьи позволяет утверждать, что перечень технических надзорных и контрольных средств, а также порядок их использования должны устанавливаться нормативными правовыми актами, но нет никакой конкретики. Небезосновательна позиция, согласно которой необходимо закрепить соответствующие нормы и иные аспекты посредством издания специального акта на уровне Министерства юстиции России.

На протяжении длительного времени системы видеонаблюдения используются как одно из распространенных бесконтактных технических средств мониторинга. Они позволяют осуществлять запись на протяжении всего времени работы сотрудников исправительных центров, отвечающих за надзор и контроль по отношению к осужденным. Это полезно с точки зрения безопасности и с позиции профилактики правонарушений.

А. В. Дергачёв, А. М. Смирнов и С. Л. Бабаян [4, с. 167] отмечают, что в информационных центрах слабо распространена биометрическая идентификация. Этот метод позволяет автоматически подтверждать личность человека на основе уникальных характеристик, таких как отпечатки пальцев, рисунок радужной оболочки глаза, геометрия ладони и другие. Превосходство такого подхода заключается в том, что он практически исключает вероятность ошибок. Однако для минимизации возможных незначительных погрешностей рекомендуется проводить идентификацию в несколько этапов, учитывая различные уникальные параметры [5, с. 168].

В соответствии с положениями статьи 60.19 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, администрация исправительного центра имеет право применять различные современные технологии для обеспечения безопасности и контроля за поведением осуждённых к принудительным работам. К таким технологиям относятся аудиовизуальные, электронные и другие технические средства надзора и контроля. Они используются для предотвращения преступлений и нарушений порядка, а также для получения важной информации о поведении осуждённых. При этом администрация центра обязана предварительно уведомить осуждённых о применении таких технических средств. Уведомление производится под расписку, что гарантирует соблюдение прав осуждённых и обеспечивает прозрачность действий администрации.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2016 г. № 2932-р «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых администрациями исправительных центров для предупреждения преступлений, нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ и для получения необходимой информации о поведении осужденных к принудительным работам»[3] разрешается использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля для предупреждения преступлений, нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ и для получения необходимой информации о поведении осуждённых к принудительным работам. Вместе с тем в указанном выше распоряжении нет указания на возможность использования биометрических систем, хотя их точность и эффективность не вызывает вопросов.

Для повышения эффективности поиска осуждённых, которые самовольно покинули пределы административного района, где они были трудоустроены или находились в исправительном центре (ИЦ) или уголовно-исполнительном учреждении (УФИЦ), предлагается разработать совместный приказ Министерства внутренних дел (МВД) и Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России. Этот документ будет называться «О порядке взаимодействия МВД России и ФСИН России по осуществлению розыска осуждённых к принудительным работам, самовольно выехавших и уклоняющихся от отбывания наказания в ИЦ (УФИЦ)». В нём будут определены ключевые формы сотрудничества между ведомствами в данном вопросе, а именно:

– организация и проведение совместных координационных встреч для разработки скоординированных мер по решению задач, связанных с оперативно-розыскной деятельностью;

– обмен оперативной информацией;

– совместный анализ данных, касающихся взаимодействия подразделений, а также изучение оперативной ситуации для последующего принятия обоснованных управленческих решений;

– реализация совместных оперативно-профилактических мероприятий;

– подведение итогов совместной работы в области оперативно-розыскной деятельности, выявление и устранение недостатков, обнаруженных в процессе проведения мероприятий.

Пристатейный библиографический список

1. Журавлев А. Н., Моисеев Н. Д. Некоторые направления взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы по розыску осужденных, уклоняющихся от принудительных работ // Аграрное и земельное право. - 2023. - № 7 (223). - С. 105-108.
2. Шульц Е. В., Бякина С. И. О некоторых проблемах осуществления надзора за осужденными к принудительным работам // Вестник Самарского юридического института. - 2023. - № 2 (53). - С. 94-100.
3. Костарев Д. Ф., Новиков А. В. Совершенствование деятельности исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы по обеспечению надзора за лицами, отбывающими наказание // Вопросы российского и международного права. - 2022. - Том 12, № 10 А. - С. 616-624.
4. Потапов А. А. Средства видеофиксации как эффективный способ реализации прокурорского надзора за органами ФСИН // Молодой ученый. - 2019. - № 34 (272). - С. 167-170.
5. Бочкарев В. В. Совершенствование использования в исправительных учреждениях инженерно-технических средств // Актуальные проблемы российского права. - 2016. - № 4 (65). - С. 168-175.

3 Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2016 № 2932-р «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых администрациями исправительных центров для предупреждения преступлений, нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ и для получения необходимой информации о поведении осужденных к принудительным работам» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 2. Ст. 472.

АГАРКОВА Татьяна Константиновна
старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Калининградский филиал, Санкт-Петербургский университет МВД России

ПОРЫВАЕВА Полина Сергеевна
преподаватель кафедры криминалистической техники, Учебно-научный комплекс экспертно-криминалистической деятельности, Волгоградская академия МВД России

ПРОКОФЬЕВА Елена Васильевна
кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры исследования документов, Учебно-научный комплекс экспертно-криминалистической деятельности, Волгоградская академия МВД России

ВЛИЯНИЕ ДАВНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ СЛЕДОВ НА ИХ ОБНАРУЖЕНИЕ И ВЫЯВЛЕНИЕ В ХОДЕ ОСМОТРОВ МЕСТ ПРОИСШЕСТВИЙ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Вопросы изучения давности следов и временных промежутков их образования носят значимый характер для расследования преступлений. Должное внимание к информации, скрытой в вещественных доказательствах, способствует повышению качества ориентирования следственных органов в пространственно-временном континууме. Предварительное исследование следов на месте происшествия даёт возможность получения информации, позволяющей реализовывать работу по раскрытию преступления, поиску совершившего его лица, установлению обстоятельств, имеющих значение для раскрытия преступления по «горячим следа». В статье рассмотрено влияние времени на следы и определены признаки отображения различных факторов отражающих причинно-следственные связи.

Ключевые слова: специалист, специальные знания, осмотр места происшествия, преступление, давность образования следов, временные факторы, расследование и раскрытие преступлений.

AGARKOVA Tatyana Konstantinovna
senior lecturer of Criminal process sub-faculty, Kaliningrad branch, St. Petersburg University of the MIA of Russia

PORYVAEVA Polina Sergeevna
lecturer of Forensic technology sub-faculty, Educational and Scientific Complex of Expert-Forensic Activities, Volgograd Academy of the MIA of Russia

PROKOFJEVA Elena Vasiljevna
Ph.D. in physical and mathematical sciences, associate professor, associate professor of Document research sub-faculty, Educational and Scientific Complex of Expert-Forensic Activities, Volgograd Academy of the MIA of Russia

THE INFLUENCE OF THE AGE OF TRACES ON THEIR DETECTION AND IDENTIFICATION DURING CRIME SCENE INSPECTIONS FOR EFFECTIVE CRIME DETECTION AND INVESTIGATION

The issues of studying the age of traces and the time intervals of their formation are significant for the investigation of crimes. Due attention to the information hidden in material evidence helps to improve the quality of orientation of investigative bodies in the space-time continuum. Preliminary examination of traces at the scene of the incident makes it possible to obtain information that allows implementing work on solving a crime, finding the person who committed it, establishing circumstances that are important for solving a crime «hot on the trail». The article examines the influence of time on traces and determines the signs of displaying various factors reflecting cause-and-effect relationships.

Keywords: specialist, special knowledge, crime scene inspection, crime, age of traces, time factors, investigation and detection of crimes.

Грамотная и всесторонняя оценка комплекса следов, обнаруженных в ходе осмотра места происшествия, и их возможного видоизменения с течением времени, способствует получению оперативно-значимой информации для установления лица, причастного к совершению преступного деяния, объективному восприятию произошедшего события, а также решению других следственных и оперативных задач.

Возможности получения оперативно-значимой информации по материальным следам следует рассматривать в совокупности с временными связями. С течением времени материальные следы претерпевают различные изменения, которые можно выявить с помощью методов исследования, а полученную информацию использовать для расследования и раскрытия преступлений. При этом необходима конкретика, уточненные и достоверные данные, поскольку именно факты и надежная доказательственная база являются основанием для привлечения какого-либо лица к ответственности или же освобождения от нее.

Вопрос установления давности образования следов носит практический характер, именно поэтому в общепринятой терминологии имеются пробелы, несогласованность понятий, а также отсутствие системного подхода в изучении давности следов, что снижает эффективность деятельности специалистов и препятствуют дальнейшему развитию этих аспектов.

Отдельное внимание обозначенной проблематики уделялось в апробации методик по установлению временных характеристик преступлений в научных разработках А. Л. Морозовой и А. А. Клименко [2], [5] по установлению давности образования следов рук как в процессе осмотра места происшествия, так и в процессе производства судебных экспертиз. Исследования позволили разграничивать следы, которые образовались в конкретном временном интервале, а также установить более узкий временной интервал образования следов рук. В этой связи необходимо уделять особое внимание соотношению теории временных связей и практики реализации специальных знаний, основанных на теории судебной экспертизы.

Успешность при расследовании и раскрытии преступлений во многом определяется быстротой и грамотным применением специалистом своих знаний для получения значимой информации, которая содержится в следах [1] с учетом пространственно-временных факторов. На месте происшествия, как правило, могут быть обнаружены различные следы, как оставленные в момент совершения преступления, так и появившиеся до или после него.

В этой связи специалисту необходимо установить принадлежность следов к произошедшему событию. Следам рук всегда уделяется огромное внимание, актуальность их эффективного обнаружения, фиксации и изъятия достаточно велика, качество и пригодность следа напрямую зависят от правильности выбранных средств и методов работы специалиста. Известный факт образования следа за счет потожирового вещества, посредством его отделения от кожного покрова с последующим наслоением на следовоспринимающую поверхность. Именно поэтому на установление давно-

сти образованного папиллярного узора влияют компоненты, входящие в состав потожирового вещества, а также процесс их изменения с течением времени в прямой зависимости от пространенного обнаружений, конкретной характеристика следовосприимающей поверхности. В данном аспекте учитываются свойства поверхности: гладкая или шероховатая; матовая или блестящая; гидрофобная или гидрофильная; материал, из которого изготовлена. Следует также отметить факторы, определяющие давность образования следов и ее влияние на процессы обнаружения и выявления, такие как: температура окружающей среды, содержание пыли в воздухе, попадание солнечных лучей и др.

Самый распространенный способ установления давности образования следов рук строится на принципе адгезии дактилоскопического порошка на поверхности потожирового вещества. С течением времени свойства потожирового вещества изменяются и, соответственно, налипание порошка на след уменьшается. Однако стоит учитывать, что у этого способа имеются погрешности, и установить давность образования следа представляется возможным только в приблизительном временном интервале.

На трасологические следы (следы подошвенной части обуви, транспортных средств) в вопросе их сохранения оказывают существенное влияние состояние почвы (грунта), либо иной следовоспринимающей поверхности. При обнаружении следа на участке местности, на их отображение влияют погодно-климатические условия (осадки, температура и др.), а также рельеф местности и его растительный покров. Очевидно, что при осадках (сильном дожде и снеге) следы имеют свойство разрушаться, они размываются водой и теряют свою информативность. Рассматривая вопрос влияния времени на сохранение следа, учитываются условия, при которых он образован и в которых находится, если говорить о следе, оставленном на песке или земле, то он достаточно четкий и имеет признаки, но при влиянии внешних факторов достаточно быстро разрушается. Например, в зависимости от силы ветра время сохранения следа убывает, при слабом – вероятность найти информативный след имеется в течение 2-3 часов, если же ветер достаточно сильный, след будет разрушен в течение нескольких минут. Самым «сохраняемым» следом является объемный след в достаточно плотном и влажном грунте. Вязкий грунт обеспечивает сохранность следа от 2 часов до нескольких суток. В промежутке от 2 до 5 часов происходят незначительные видоизменения такие как: появление трещин на дне следа в процессе испарения влаги, образование корки, а спустя сутки начинают рассыпаться и исчезать границы и контуры следа. Если следовоспринимающей поверхностью является снег, следует учитывать температуру воздуха, при значении около нуля градусов Цельсия, след сохраняет четкость границ около 1,5 часов, а при повышении температуры снег подтаивает и деформируется. При понижении температуры снег затвердевает, сохраняя свой первоначальный вид. Стоит заметить, что в зависимости от времени года, температуры и относительной влажности воздуха время сохранения следов варьируется. Летом, без осадков с хорошей следовоспринимающей поверхностью следы сохраняются значительно дольше, нежели в сильный дождь, снег, ветер. Сюда же можно отнести и влияние воздействия прямых солнечных лучей. Также, важным фактором является разница в температуре днем и ночью, так как поверхность следа слегка увлажняется, и могут быть образованы новые контуры следа. Важно учитывать погодные условия до преступления, в момент его совершения и по окончании в процессе анализа следов, обнаруженные в ходе осмотра [3]. Это поможет установить относимость имеющихся следов к преступлению.

По отдельным видам преступлений значение имеет обнаружение и изъятие биологических следов, самыми распространенными из которых являются – следы крови. Известно, что следы биологического происхождения в процессе контакта с окружающей средой теряют свои свойства и характеристические особенности.

Для наибольшей результативности и получения значимой информации, необходимо направлять такие следы для исследований в лабораторию не позднее трех дней с момента обнаружения и изъятия. Проблема установления давности следов крови всегда была и остается актуальной.

Установление факта, какое количество времени прошло с момента образования капель, пятен и брызг крови – представляет собой сложный и трудоемкий процесс, так как следы крови, как и следы рук, претерпевают различные изменения с течением времени. Именно анализ этих изменений позволяет установить примерный промежуток времени, когда был образован след, и оценить его относимость к произошедшему событию. Один из способов обнаружения крови – цветовое контрастирование.

Стоит учитывать, что цвет имеет свойство изменяться под воздействием внешних факторов, в первую очередь, это время с момента образования следа, воздействие прямых солнечных лучей, температуры, свойств поверхности, на которой был обнаружен след и др. С течением времени в следах крови происходят различные физико-химические и биохимические изменения, в процессе которых разрушаются белки, изменяется концентрация ионов и ферментов. Однако следует учитывать влияние внешних факторов и свойств предмета-носителя, что обуславливает индивидуальность видоизменения каждого следа в отдельности [4]. Только что образованное пятно крови имеет насыщенный красный цвет. Процесс высыхания пятна происходит очень быстро, и пятно приобретает коричневый, бурый или черный цвет, в зависимости от условий возникновения и хранения могут происходить гнилостные изменения.

Визуализация невидимых либо слабовидимых следов биологического с использованием специализированных источников экспертного света – перспективное и развивающееся направление. Благодаря люминесценции возможно обнаружение биологических следов и выделений человека, а также фрагментов тканей.

Для интенсивного освещения исследуемой зоны, как правило, используются светодиодные или лазерные источники, излучающие в заданном диапазоне электромагнитного спектра. Свежие следы биологического происхождения проявляют свойство люминесценции сильнее, нежели претерпевшие морфологическую трансформацию с течением времени.

Стоит отметить, что вопрос установления давности следов и их изъятие находится в процессуальном ведении следователя. Специалист в этом случае оказывает содействие, ввиду имеющихся у него специальных знаний. Специальные познаниями реализуют возможность разграничения следов, имеющих отношение к произошедшему событию и посторонних следов, помимо задач обнаружения, фиксации и изъятия. На осмотре места происшествия, возможно, провести предварительную оценку следов, рассмотреть имеющиеся диагностические признаки, получить оперативно-значимую информацию, определить пространственно-временную характеристику, что будет способствовать раскрытию преступления по «горячим следам».

Пристатейный библиографический список

1. Бакланов Л. А., Павлов А. В. Осмотр места происшествия в жилище с согласия проживающих в нем лиц до возбуждения уголовного дела // Вестник волгоградской академии МВД России. - 2020. - № 1 (52). - С. 87-92.
2. Клименко А. А. Применение теории временных связей в деятельности специалиста-криминалиста на примере установления относительной давности образования потожировых следов рук: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. - Калининград, 2004. - 258 с.
3. Малахова Л. С. Факторы, влияющие на выявление следов рук, а также способы определения давности их оставления // В сборнике: Законность и правопорядок: правосознание и правовая культура современного общества: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 98-102.
4. Прокофьева Е. В., Дмитриева А. А., Прокофьева О. Ю. Установление давности события по материальным следам на примере следов крови // В сборнике: Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. - Волгоград, 2023.
5. Морозова А. Л. Криминалистическое исследование потожировых следов рук человека с целью установления их давности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. - М., 2000. - 120 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-426-428

ВЯТКИН Андрей Николаевич
старший преподаватель кафедры криминалистики, Институт права, Уфимский университет науки и технологий, старший советник юстиции в отставке,

Вяткин А. Н.

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПНОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ ПРИРОДЫ

В статье автор перечисляет основные способы противодействия расследованию загрязнения природы; выделяет характерные для преступлений рассматриваемого вида уровни противодействия расследованию – примитивный и организованный, а также типичные его формы. В основе предлагаемой классификации - выявленные типовые ситуации в результате анализа складывающейся следственной, судебной практики по уголовным делам о загрязнении природы, практики проведения процессуальных проверок по сообщениям рассматриваемого вида, практики рассмотрения дел об административных правонарушениях в сфере загрязнения природы. Методы: сравнения, аналитический, научных обобщений. Результаты: выработана система мер нейтрализации противодействия расследованию тактического и стратегического уровня.

Ключевые слова: криминалистика, преступление, экология, расследование, противодействие, нейтрализация загрязнение природы.

VYATKIN Andrey Nikolaevich
senior lecturer of Criminalistics sub-faculty, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, retired senior justice adviser

SYSTEM OF MEASURES TO NEUTRALIZE COUNTERACTION TO INVESTIGATION OF ENVIRONMENTAL POLLUTION

In the article, the author lists the main methods of counteracting the investigation of environmental pollution; identifies the levels of counteracting the investigation that are characteristic of the crimes of this type - primitive and organized, as well as its typical forms. The proposed classification is based on typical situations identified as a result of the analysis of the developing investigative and judicial practice in criminal cases on environmental pollution, the practice of conducting procedural checks on reports of the type under consideration, and the practice of considering cases on administrative offenses in the area of environmental pollution. Methods: comparisons, analytical, scientific generalizations. Results: a system of measures to neutralize counteraction to investigation of tactical and strategic levels is proposed.

Keywords: forensics, crime, ecology, investigation, counteraction, neutralization of environmental pollution.

Введение

Тактические приемы противодействия расследованию формировались на всем протяжении развития искусства идти по следам преступника, формирования науки криминалистики от ее истоков до наших дней. Приемов противодействия образовалось неисчислимое количество, каждый из которых заслуживает детального исследования.

Проблемным вопросам противодействия расследованию и поискам средств его нейтрализации посвящены масштабные, в том числе на монографическом уровне, исследования видных отечественных ученых – криминалистов *Л. Л.* Абрамовой, А. С. Андреева, М. А. Васильевой, И. В. Веренич, А. Ф. Волынского, Б. Я. Гаврилова, Ю. П. Гармаева, Р. А. Кокорева, А. М. Кустова, В. П. Лаврова и ряда других [1 - 4].

В рамках статьи ограничимся тезисным обозначением таких приемов, с отражением специфики их использования по делам о загрязнении природы, выявленных в ходе обобщения практики расследования уголовных дел и проведения процессуальной проверки по сообщениям соответствующей категории.

Формы и уровни противодействия расследованию

Обобщение эмпирической базы с учетом доктринальных положений, изложенных в результатах научных исследований ряда ученых, показывает, что противодействие расследованию фактов преступного загрязнения природы условно можно классифицировать по степени организованности на:

– примитивное,

– организованное.

Примитивное проявляется в следующих формах:

1. Отказ от дачи показаний.

2. Дача ложных показаний подозреваемым, обвиняемым, свидетелем.

Известно, что отказ от дачи показаний лицами, не обладающими свидетельским иммунитетом, преследуется на основании статьи 308 УК РФ[1], что следует считать эффективным инструментом нейтрализации; на практике встречается достаточно редко, в изученных делах таких примеров не обнаружено. Отказ от дачи показаний подозреваемым, обвиняемым является его конституционным правом, что не исключает возможности и необходимости применения некоторых тактических методов преодоления такой формы противодействия, основанных на специфической характеристике личности преступника по делам о загрязнении природы как элемента криминалистической характеристики [5, с. 163].

Организованное противодействие расследованию фактов загрязнения природы представляет собой комплексную стратегию стороны защиты с ведома адвоката либо без такового, задействующую ряд активных участников, экономические и организационные ресурсы, включающую совокупность приемов и даже уровней. Как правило, в рамках нее

1 «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

формируется легенда относительно обстоятельств загрязнения природы, исключающая наличие причастности к нему либо вины в действиях (бездействии) потенциального подозреваемого.

Организованное противодействие расследованию характерно для типичной неблагоприятной следственной ситуации, в которой известен источник загрязнения – промышленное предприятие, руководитель которого в стремлении к повышению прибыли игнорирует требования экологического законодательства, равнодушен к последствиям в виде загрязнения компонентов природы, отрицая причастность к которым либо свою виновность со ссылкой на соблюдение экологических стандартов.

Тактический уровень организованного противодействия

На тактическом уровне организованное противодействие может проявляться в комплексе мер защиты, примерный перечень которых составляют следующие:

1. Дача подозреваемым ложных показаний либо формально признательных, целью которых служит сужение пределов доказывания. В случае принятия за основу таких формально признательных показаний в ряде случаев следствием не принимается исчерпывающих мер к установлению обстоятельств загрязнения природы (установление свидетелей, соучастников преступления, определение размера ущерба и т.д.).

В дальнейшем в ходе судебного следствия при отказе от таких признательных показаний совокупность собранных доказательств может быть признана судом недостаточной для разрешения дела; возможности же собирания дополнительных даже в рамках установленной процедуры возвращения дела прокурору для устранения препятствий к рассмотрению дела в порядке, установленном статьей 237 УПК РФ[2], зачастую утрачиваются по истечении времени.

Негативный эффект подобного способа противодействия может быть усилен посредством заключения сделки с правосудием. Как правило, она заключается при дефиците доказательств обвинения; последующий отказ от нее влечет еще более негативные последствия в контексте достижения задач расследования, порой делая их невыполнимыми.

2. Оказание обвиняемым воздействия на свидетелей в целях дачи ложных показаний в русле сформированной легенды.

3. Оспаривание законности всех следственных и процессуальных действий в органы прокуратуры и суд в порядке, регламентированном статьей 125 УПК РФ[3] вне зависимости наличия либо отсутствия к этому оснований. Это позволяет стороне защиты:

- отвлекать существенные организационные, временные и человеческие ресурсы органа расследования и прокуратуры,

- осуществлять предварительное изучение мнения руководства органа расследования, надзирающего прокурора и суда относительно вопросов, входящих в предмет доказывания по делу; в случае тактического успеха (удовлетворения жалобы, даже по формальным основаниям) стремительно развивать его, помимо прочего используя как информационный повод на стратегическом уровне.

4. Заявление отводов специалистам по надуманным основаниям.

5. Оспаривание выводов экспертиз со ссылкой на имеющиеся или надуманные отступления от методики изъятия на месте происшествия проб, их хранения, транспортировки, исследования.

6. Заявление ходатайств о допуске к участию в следственных и процессуальных действиях (осмотрах, проведении экспертиз) специалистов, с которыми стороной защиты заключено соглашение [6, с. 46].

7. Представление подготовленного в русле разработанной легенды заключения специалиста, участвующего в уголовном деле по инициативе защитника.

8. Заявление ходатайства о допросе такого специалиста в целях подтверждения фактов, на которых основана легенда.

Стратегический уровень организованного противодействия

Мероприятия стратегического уровня противодействия расследованию фактов загрязнения природы основаны на активном участии в их планировании и реализации должностных лиц органов экологического контроля, исполнительной власти и местного самоуправления, правоохраны. Факторами их мотивации являются:

– опасение привлечения к ответственности за совершенную халатность, бездействие при осуществлении контроля за соблюдением природоохранного законодательства, находящееся в причинной связи с совершением загрязнения окружающей среды, увеличением его масштабов и размера причиненного экологического и экономического вреда. А. В. Яблоков справедливо отмечает, что бездействие органов государственного экологического контроля и низкая результативность правоохранительной деятельности обусловили безнаказанность, послужившую причиной высокого уровня экологической преступности[4]. Именно длительное бездействие должностных лиц привело к возникновению понятия «накопленный экологический вред», формирования соответствующего государственного реестра[5]. Ликвидация такого вреда, образованного в условиях повышения рентабельности производства за счет невыполнения требований природоохранного законодательства, в настоящее время возложена на бюджет Российской Федерации. Очевидно, что причастные к такому положению дел должностные лица не заинтересованы в объективном расследовании фактов загрязнения природы, установлении причин и условий, способствующих им, а напротив, мотивированы противодействовать расследованию доступными административными и политическими ресурсами,

– коррупционный характер взаимоотношений с причинителем вреда.

К числу мероприятий стратегического уровня противодействия расследованию фактов загрязнения природы следует отнести:

1. Административное сопровождение мероприятий тактического уровня противодействия. Фактически являясь сведущими лицами в вопросах охраны окружающей среды, ее нормативного обеспечения, представители органов экологического контроля при коррупционном сговоре со стороной защиты, злоупотреблении должностными полномочиями, маскировании последствий своей халатности способны:

– играть ключевую роль в разработке легенды, исключающей причастность к совершению загрязнения природы

2 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 См.: материалы круглого стола «Правовые проблемы государственного экологического контроля». Сайт НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2012/09/27/1244011827/ProblemEkologKontrolia.doc

5 Статья 80.3 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

либо виновность лица в его последствиях, осуществлять консультирование подозреваемого, обвиняемого, свидетелей в русле такой легенды;

– оказывать содействие в удовлетворении жалоб стороны защиты посредством высказывания мнения как специалиста,

– осуществлять консультирование в целях обоснования отвода участвующего в деле специалиста, оспаривания его заключения и выводов экспертизы,

– представлять недостоверный расчет причинённого загрязнением природы ущерба либо отрицать его наличие.

2. Информационное сопровождение, предполагающее создание необходимого для реализации разработанной легенды информационного фона, дискредитирующего действия органов расследования и их результаты в процессе следствия по делам рассматриваемого вида; формирующего общественное мнение относительно невиновности (непричастности) руководителя промышленного предприятия – загрязнителя в совершении инкриминируемого ему загрязнения природы. Как правило, в этих целях в современных условиях используются различные социальные сети, в которых размещается серия заранее срежиссированных публикаций, а в качестве особых информационных поводов используются факты удовлетворения жалоб стороны защиты. Акцент делается на несовершенство законодательства, эксплуатацию совершенно справедливого утверждения о наличии множества пробелов и противоречий в нем. Так, А. В. Кодолова отмечает: «не всякое воздействие на окружающую среду является основанием для возмещения вреда: если негативное воздействие осуществляется с соблюдением установленных экологических требований (допустимый вред), то оно не влечет за собой ответственность, а в случае сверхнормативного загрязнения окружающей среды можно говорить о причинении вреда, подлежащего возмещению» [7, с. 32]. Таким образом, посредством эксплуатации реальных фактических данных происходит синхронизация разработанной легенды с общественным мнением, влияние которого на результаты расследования, а равно предстоящее рассмотрение дела судом следует принимать во внимание при выборе организационно-тактических криминалистических мер на стадии планирования. Помимо создания информационного фона, подобные публикации имеют своей целью оказание психологического воздействия, давления на лиц, в производстве которых находятся уголовные дела. В публичной риторике сформировался феномен «тенденциозных публикаций… нацеленных на скандализацию правосудия, …манипулирование общественным мнением в отношении судебной власти», использованный при обсуждении проекта концепции информационной политики судебной системы РФ на 2020-2030 годы.[6] Очевидно, что обозначенный фактор способен влиять и на лиц, осуществляющих предварительное расследование.

3. Воздействие на формирование консолидированного мнения представителей органа расследования и прокуратуры. Практике расследования сложных дел, в том числе по причине отсутствия должного уровня методического криминалистического обеспечения, к которым относятся дела о загрязнении природы, свойственно проведение оперативных совещаний для совместного планирования, обсуждения промежуточных итогов и прогнозирования результатов расследования. При подготовке к участию в них представители органа расследования и прокуратуры осуществляют самостоятельный поиск значимой для предстоящего решения информации, проводят в том числе консультирование со сведущими лицами. В случае заинтересованности таковых в отрицательных результатах расследования ими может транслироваться недостоверная информация, достаточно убедительно мотивированная некоторыми положениями законодательства, вырванными из контекста, ссылками на имеющиеся либо мнимые пробелы и противоречия.

Результаты проведенного анализа предлагаются вниманию практиков и представителей науки в целях дальнейшего развития прикладной функции криминалистики; на их основе выработана система мер нейтрализации противодействия расследованию, которую планируется изложить в следующей публикации.

6 Совет судей Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ssrf.ru/news/mieropriiatiia/35576

Пристатейный библиографический список

1. Гаврилов Б. Я., Лавров В. П., Андреев А. С. [и др.]. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: Учебник / 2-е издание, дополненное и переработанное. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 379 с.
2. Абрамова Л. Л. Способы нейтрализации противодействия предварительному расследованию: Методические рекомендации. – Красноярск: Частное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический университет», 2022. – 28 с.
3. Верених И. В. Криминалистическое учение о преодолении противодействия расследованию преступлений / 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2024. – 272 с.;
4. Кустов А. М., Кокорев Р. А. Механизм противодействия расследованию уголовных дел: теоретический аспект // Право, общество, государство: системные основы взаимодействия и развития: Сборник статей научно-представительских мероприятий. – Москва: 2024. – С. 299-302.
5. Вяткин А. Н. Некоторые вопросы криминалистической характеристики загрязнения вод // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 4 (78). – С. 163-170. – DOI 10.33184/pravgos-2024.4.18. – EDN MEDJKT.
6. Тарасов А. А. Привлечение специалиста в современной адвокатской практике по уголовным делам // Юридический вестник Самарского университета. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 46-53.
7. Кодолова А. О возмещении (ликвидации) вреда окружающей среде, в том числе связанного с прошлой хозяйственной деятельностью // Хозяйство и право. – 2012. – № 8. – С. 32.

ЛОЗИНСКИЙ Олег Иванович
кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права, Южно-Российский институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ (ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ) СВОЙСТВА МИКРОБИОМА ПОТЕНЦИАЛЬНО (ОТНОСИТЕЛЬНО) ЗДОРОВОГО ЧЕЛОВЕКА И ВЛИЯЮЩИЕ НА НИХ ФАКТОРЫ: ВНУТРЕННИЕ, ВНЕШНИЕ, ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В статье анализируются свойства микробиома потенциально (относительно) здорового человека, как объекта криминалистического исследования, и влияющие на них факторы: внутренние, внешние, окружающей среды. В исследовании обосновывается позиция о том, что систематизация указанных знаний в интересах криминалистической науки и практики, не только позволит эффективно реализовать цели и задачи криминалистической идентификации в алгоритме сравнительного анализа «изъятый образец, например, с места происшествия, - образец от подозреваемого», но и решить задачи криминалистической диагностики (в данном прикладном аспекте) – результаты исследования имеющегося образца, в отсутствие подозреваемого, могут дать информацию о его гендерной принадлежности, предполагаемом возрасте, образе питания, физических параметрах его тела, этнической принадлежности, состоянии здоровья, принимаемых им лечебных средствах (например, антибиотиках), о степени активности его образа жизни, и, даже, о его профессиональной принадлежности и др., чем существенно облегчит процессы установления его личности и раскрытия преступления. В статье обосновывается необходимость актуализации и активизации научных изысканий и эмпирической деятельности в данной сфере в интересах отечественной криминалистики и уголовного судопроизводства в целом.

Ключевые слова: криминалистические идентификационные свойства микробиома, микробиом относительно здорового человека, факторы, влияющие на состав микробиома человека.

LOZINSKIY Oleg Ivanovich
Ph.D. in Law, associate professor of Procedural law sub-faculty, South Russian Institute of Management (branch), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don

FORENSIC (IDENTIFICATION) PROPERTIES OF THE MICROBIOME OF A POTENTIALLY (RELATIVELY) HEALTHY PERSON AND THE FACTORS INFLUENCING THEM: INTERNAL, EXTERNAL, ENVIRONMENTAL

The article analyzes the properties of the microbiome of a potentially (relatively) healthy person, as an object of forensic research, and the factors influencing them: internal, external, and environmental. The study substantiates the position that the systematization of this knowledge in the interests of forensic science and practice will not only make it possible to effectively implement the goals and objectives of forensic identification in the comparative analysis algorithm "a sample seized, for example, from the scene of an incident, is a sample from a suspect", but also solve the problems of forensic diagnostics (in this applied aspect) – the results of the examination of the available sample, in the absence of the suspect, can provide information about his gender, estimated age, diet, physical parameters of his body, ethnicity, health status, medications he takes (for example, antibiotics), the degree of activity of his lifestyle, and even his professional affiliation and others, which will significantly facilitate the processes of establishing his identity and solving the crime. The article substantiates the need to actualize and intensify scientific research and empirical activities in this field in the interests of domestic criminology and criminal justice in general.

Keywords: forensic identification properties of the microbiom, microbiome of a relatively healthy person, factors affecting the composition of the human microbiome.

Область криминалистической науки и практики, связанная с профильными научными изысканиями, адаптацией научных и прикладных знаний из смежных сфер знаний, позволяющая расширить возможности биологической идентификации человека (как за счет появления новых методик, так и за счет повышения эффективности имеющихся), неизменно вызывает повышенный интерес в правоприменительной сфере уголовного судопроизводства.

Одной из наиболее перспективных для решения криминалистических задач потенциальных методик в исследуемой сфере, является биометрическая технология, основанная на результатах исследования и свойствах микробиома (микробиоты) человека.

Термин микробиота был впервые введен в научную лексику в 2001 г. Джошуа Ледербергом как определяющий сообщество микроорганизмов (комменсальных, симбиотических, патогенных) населяющих органы и локусы человеческого тела. За счет достижений научно-технического прогресса, повлекших расширение возможностей в сфере научных изысканий, на тот момент в научной среде уже сформировалось понимание того, что организм человека населен различными видами микроорганизмов, связанных системой межвидового обобщенного метаболизма, образующих определенный субстант – микробиоту (обобщенно названный микробиомом), находящийся с биологическим организмом человека в симбиотической связи (преимущественно, на взаимовыгодных условиях) [3, с. 1099].

При этом, под микробиомом человека автором предлагается понимать сообщество самостоятельных биологических объектов (форм жизни) - микробиоту: бактерий, археев, эукариот, нематод, вирусов, грибов, простейших микроорганизмов и др., обобщенно называемых virome, населяющую организм (биологическое, генетически обусловленное, тело) человека, находящуюся с ним в неразрывном симбиозе (но не являющуюся его генетической составляющей), имеющую ряд индивидуализирующих ее признаков и свойств, позволяющих использовать ее для решения криминалистических задач по идентификации (отождествлению) личности в процессе уголовного судопроизводства и иной профильной деятельности.

Состав микробиома (микробиоты) уникален для каждого человека и зависит от генотипа хозяина, внешних и вну-

тренних факторов, а также от влияния факторов окружающей среды (этнической принадлежности; пола; возраста; региона, места и условий проживания; характера питания; уровня физической активности; сферы трудовой деятельности; привычек, увлечений; наличия различного рода заболеваний, принимаемых лекарственных препаратов и т.п.). При этом результаты проведенных исследований показывают, что имеется возможность идентификации конкретных личностей по их индивидуальному микробиомному следу.

В рамках настоящего исследования предлагается рассмотреть результаты изучения микробиома потенциально (относительно) здорового человека и влияющие на них факторы (на ряде примеров).

Результаты профильных научных исследований показывают, что, применительно к большим популяциям людей, используется термин не микробиота, а метагеном, под которым понимается «коллективное» ДНК микроорганизмов, населяющих органы и локусы человеческого тела. При этом метагеном характеризуется большой вариабельностью, что выражается в том, что только порядка трети его генов имеется у большинства потенциально здоровых людей, остальной генофонд сугубо индивидуален. Каталогизация характерных наборов микробиотов (метагеномов) здоровых популяций и конкретных индивидуумов, представляет повышенный интерес в криминалистическом аспекте профильных исследований.

На настоящее время, наиболее изучено (в норме и патологии) состояние микробиоты желудочно-кишечного тракта (ЖКТ), урологического тракта и родовых путей, респираторного тракта, кожи, ротовой полости, глаз:

1. Микробиота ЖКТ: на текущий момент из ЖКТ выделено 2172 вида микроорганизмов, которые классифицированы на 12 таксономических видов, из которых 93,5 % принадлежат к Proteobacteria, Firmicutes, Actinobacteria и Bacteroidetes; данные виды микроорганизмов обладают большой толерантностью к факторам окружающей среды и поддержанию иммунной реактивности в целом [5, с. 3734-3736].

2. Микробиота урологического тракта и родовых путей: микроорганизмы в мочевом пузыре у здоровых людей впервые были обнаружены в результате соответствующих исследований в 2012 г. (при этом обнаружено преобладание одного рода, чаще всего Lactobacillus, реже Gardnerella, Streptococcus, Staphylococcus или Corynebacterium., еще реже - Aerococcus, Actinomyces или Bifidobacterium); бактерии мочевыводящих и родовых путей участвуют в регуляции важных физиологических функций, в т.ч. репродуктивной [1, с. 180-182].

3. Микробиота респираторного тракта: суммарная микробная нагрузка в микробиоте легкого определяется балансом трех факторов: микробной иммиграцией (вдыхание воздуха и прямая дисперсия вдоль поверхностей слизистой оболочки), микробной элиминацией и относительной скоростью размножения бактерий; считается, что в пределах здоровых легких имеется незначительная вариация количественного и качественного состава микроорганизмов [9, с. 491-493].

4. Микробиота кожи: на настоящий момент известно 12 видов микроорганизмов, обитающих на коже (большинство относится к: Corynebacterium, Propionibacterium и Staphylococus); преобладание определенных видов бактерий связано с характеристиками соответствующего локуса (например, на сальных участках лица преобладают Propionibacterium и Staphylococcus; во влажных местах (например, подмышечная область) - Corynebacterium; в сухих местах - смешанные популяции β-Proteobacteria и Flavobacteriales); наиболее многочисленными микроорганизмами кожи являются пропионовые бактерии, стафилококки и дрожжи рода Malassezia [11, с. 1383-1385].

5. Микробиота полости рта: включает не менее 700 видов микроорганизмов от 12 типов; имеет различное местонахождение (слюна, мягкие ткани - слизистая оболочка и поверхность языка; зубной налет) [6, с. 4594-4597].

6. Микробиота глаз: поверхность глаза, состоящая из роговицы и конъюнктивы, колонизируется разнообразным микробным сообществом; применение методов секвенирования позволило описать 221 вид (59 родов) бактерий поверхности глаз (96 % микроорганизмов были представлены: Pseudomonas, Bradyrhizobium, Propionibacterium, Acinetobacter, Corynebacterium, Brevundimonas, Staphylococcus, Aquabacterium, Sphyngomonas и Streptococcus) [8, с. 998-999].

Микробиом (симбиотичный, компенсальный, разнообразный) приносит человеческому организму (на постоянной основе, по факту своего существования и жизнедеятельности) практическую функциональную пользу, принимая участие, а где-то занимая приоритетное место в регулировании таких процессов как: метаболизм, переваривание и усвоение питательных веществ; усиление реакций иммунной системы, предотвращение развития и подавление очагов инфекций и воспалений; создание и поддержание колонизационной резистентности (сопротивляемость к заселению организма человека посторонней, патогенной микрофлорой) и др. Фактически, здоровый микробиом, это, с одной стороны, залог (как потенциал и предпосылка) здоровья человеческого организма, а с другой стороны – отражение состояния (того, что имеет место быть по факту, на текущий момент) этого здоровья.

Далее, в рамках настоящего исследования, предлагается рассмотреть (на нескольких, из их большого перечня, наиболее наглядных примерах) влияние на состояние и структуру микробиома человека различных факторов:

1. Различия микробиома человека в зависимости от его этнической принадлежности и региона проживания:

– результаты сравнительного исследования микробиома ЖКТ населения таких стран (для примера), как Малави (Африка), Венесуэла (Южная Америка), ведущего, в основном, сельскохозяйственный образ жизни, и жителей городов США, свидетельствуют о наличии принципиальных различий в их метагенномном профиле (преимущественно за счет разницы потребления животного и растительного белка и др.) [4, с. 311-313].

– результаты сравнительного исследования микробиома коренных жителей Африки – народа Хадза (охотников-собирателей, ведущих традиционный образ жизни) и жителей Италии, выявили у них повышенную (относительно условной нормы) концентрацию Prevotella, Eubacterium, Oscillibacter, Butyricicoccus, Sporobacter, Succinivibrio и Treponema, и пониженную концентрацию – Bifidobacterium, Bacteroides, Blautia, Dorea, Roseburia, Faecalibacterium и Ruminococcus [2, с. 253-256].

2. Возрастные различия микробиома человека:

– микробиомы детей и взрослых имеют отличия (первый – содержит высокую концентрацию генов биосинтеза фолиевой кислоты; во втором преобладают гены ферментов, участвующих в ее расщеплении; по мере взросления биосинтез кобаламина, биотина и тиамина увеличивается; в микробиоте взрослого человека преобладают Bacteroidetes и Firmicutes при низкой концентрации Actinobacteria и Proteobacteria; в детском микробиоме соотношение микроорганизмов обратное) [1, с. 179-181];

– с возрастом: понижается содержание бифидобактерий (у взрослого человека содержится 4-5 видов рода Bifidobacterium, а в пожилом возрасте встречается лишь один - Bifidobacterium adolescentis, либо фенотипически ему близкие) [10, с. 358-360] и клостридий; увеличивается концентрация лактобацилл, колиформных бактерий и энтерококков [7, с. 1715-1717];

3. Гендерные различия микробиома (мочевыводящих и половых путей) человека:

– в норме, бактериями микробиоты влагалища являются: Lactobacillus (доминируют), лактобациллы, стафилококки, энтеробактерии; наличие Enterobacteriaceae и Staphylococcus снижает шансы наступления беременности (физиологически; при проведении ЭКО); уменьшение разнообразия микробиоты влагалища увеличивает вероятность рождения живого и здорового ребенка [12, с. 74-76];

– в уретральной флоре у мужчин преобладают: Staphylococcus, Corynebacterium, Lactobacillus; имеются раз-

личия в составе микробиома у обрезанных и необрезанных мужчин; содержание Lactobacillus коррелирует с числом жизнеспособных сперматозоидов [5, с. 3736-3737].

4. Зависимость состава микробиоты от физических нагрузок, диеты:

– длительные повышенные физические нагрузки (в быту, на работе, в ходе спортивных занятий и т.п.); утомляемость, отсутствие соизмеримого отдыха, вплоть до состояния хронической усталости; нарушение режима питания и «злоупотребление» низкопитательными диетами; наличие продолжительной стрессовой ситуации, могут повлечь негативные изменения микробиома и привести к трансформации сапрофитирующих кокков, комменсальной флоры в патогенную, что является предпосылками развития различного рода заболеваний, в т.ч. и заболеваний кожи [7, с. 1723-1725];

– интересным идентификационным обстоятельством является и тот факт, что приверженность испытуемого к занятиям спортом, фитнесом и т.п., при помощи исследований микробиома, можно определить и по косвенным факторам: воздействие очищенной воды бассейнов на кожу человека в значительной степени влияет на ее физико-химические характеристики, вплоть до существенных нарушений микробиома, ведущих к ее заболеваниям и росту патогенной грибковой флоры; воздействие спортивного питания, питья, медикаментозных препаратов, легко определяется по изменениям микробиома ЖКТ; спортивная косметика и т.п., также, по ее воздействию на микробиом кожи, довольно свободно определяется и идентифицируется в рамках профильных экспертных исследований [9, с. 486-488].

С учетом изложенного, результаты настоящего исследования позволяют конкретизировать понятие базового микробиома человека - микробиома потенциально (относительно) здорового человека, а также учесть, конкретизировать и систематизировать степень влияния на него различных факторов: внутренних, внешних, окружающей среды (как являющихся «непреодолимой силой» - наличием естественной среды обитания и окружающей обстановкой, не зависящей от конкретного человека, так и являющихся осознанным выбором определенного человека – работа, образ и темп жизни, пристрастия в питании, диета, спорт, увлечения и многое другое).

Микробиота различных органов и локусов человеческого организма разнообразна и имеет уникальные видовые и генетически детерминированные признаки (как «базовые», в значительной, фактически системной, части характерные для всех, так и индивидуальные, связанные с личностными, неотделимыми от нее, особенностями конкретного человека (имеющими в достаточной степени выраженный для установления, определения и измерения, идентификационный характер)).

Таким образом, систематизация указанных знаний в интересах криминалистической науки и практики, не только позволяет эффективно реализовать цели и задачи криминалистической идентификации в алгоритме сравнительного анализа «изъятый образец, например, с места происшествия, - образец от подозреваемого», но и решить цели и задачи криминалистической диагностики (в данном прикладном аспекте) – результаты исследования имеющегося образца, в отсутствие подозреваемого, могут дать информацию о его гендерной принадлежности, предполагаемом возрасте, физических параметрах его тела, этнической принадлежности, состоянии здоровья, принимаемых им лечебных средствах (например, антибиотиках), о степени активности его образа жизни, и, даже, о его профессиональной принадлежности (схематично, в основном о сфере умственного или физического труда) и др., чем существенно облегчить процессы установления его личности и раскрытия преступления.

Результаты исследования обоснованно свидетельствуют о необходимости актуализации и активизации научных изысканий и эмпирической деятельности в данной сфере в интересах отечественной криминалистики и уголовного судопроизводства в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Claesson M. J., Jeffery I. B., Conde S., et al. Gut microbiota composition correlates with diet and health in the elderly // Nature. - 2019. - Vol. 57, № 8. - P. 178-184.
2. Biagi E., Candela M., Fairweather-Tait S, et al. Aging of the human metaorganism:the microbial counterpart. Age (Dordr). - 2022. - Vol. 34. - P. 247-267.
3. Brown K., DeCoffe D., Molcan E., Gibson D. L. Diet-induced dysbiosis of the intestinal microbiota and the effects on immunity and disease. Nutrients. - 2018. - Vol. 4. - P. 1095-1119.
4. Fava F., Lovegrove J. A. The gut microbiota and lipid metabolism: implications for human health and coronary heart disease. Curr Med Chem. 2020. - Vol. 13 (25). - P. 305-321.
5. Gloux K., Leclerc M., Iliozer H., et al. Development of high-throughput phenotyping of metagenomics from the human gut microbiome for modulation of eukaryotic cell growth. Appl Microbiol. - 2018. - Vol. 73 (11). - P. 3734-3737.
6. Koren O., Spor A., Felin J., et al. Human oral, gut, and plaque microbiota in patients with atherosclerosis. Proc Natl Acad Sci USA. - 2021. - Vol. 108 (suppl 1). - P. 4592-4598.
7. Cho Y. A., Kim J. Effect of Probiotics on Blood Lipid Concentrations: A Meta-Analysis of Randomized Controlled Trials. Medicine (Baltimore). - 2017. - Vol. 94 (43). - P. 1714-1731.
8. Nelson K. E., et al. A catalog of reference genomes from the human microbiome. Science. - 2020. - Vol. 328, № 5981. - P. 994-999.
9. Dickson R. P., Erb-Downward J. R., Martinez F. J., Huffnagle G. B. The Microbiome and the Respiratory Tract. Annual Rev Physiol. - 2019. - Vol. 78. - P. 481-504.
10. Gong H. et al. Microbiota in the Throat and Risk Factors for Laryngeal Carcinoma / H. Gong et al. // Applied and Environmental Microbiology. - 2022. - Vol. 80, № 23.- P. 356-363.
11. Fenicia L. et al. Intestinal toxemia botulism in two young people, caused by Clostridium butyricum type E / L. Fenicia et al. // Clinical Infectious Diseases: An Official Publication ofthe Infectious Diseases Society of America. - 2019. - Vol. 29, № 6. - P. 1381-1387.
12. Magistro G. & Stief C. G. The Urinary Tract Microbiome: The Answer to All Our Open Questions? / G. Magistro C. G. Stief // European Urology Focus. - 2018. - Vol. 91, № 13. - P. 73-79.
13. Rea M. C. et al. Effect ofbroad-and narrow-spectrum antimicrobials on Clostridium difficile and microbial diversity in a model of the distal colon / M. C. Rea et al. // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. - 2021. - Vol. 1. - P. 4639-4644.
14. Al-Asmakh M. & Zadjali F. Use of Germ-Free Animal Models in Microbiota-Related Research // Journal of Microbiology and Biotechnology. - 2015. - Vol. 25, № 10. - P. 1583-1588.
15. Хайтович А. Б. Микробиом и его влияние на здоровье человека // Крымский журнал экспериментальной и клинической медицины. - 2019. - Т. 9, № 1. - С. 61-66.
16. Коростелева Т. И., Курмаева Д. А. Значение микробиома для расследования преступлений // Электронный научный журнал «Дневник науки». - 2023. - № 11. - С. 79-84.
17. Михаленко Е. В. Прикладные аспекты изучения генома человека и его микробиома // Гастроэнтерология Санкт-Петербурга. - 2022. - № 3-4. - С. 11-14.

МАШКОВ Сергей Александрович
эксперт-полиграфолог, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск

БУНИАТИШВИЛИ Кристина Александровна
куратор криминалистического клуба, Байкальский государственный университет, г. Иркутск

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОДИАГНОСТИКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

В статье рассматривается потенциал применения оперативной инструментальной психодиагностики при раскрытии и расследовании преступлений. Исследуются современные виды «детекторов лжи», отличные от традиционного полиграфа. В качестве инструментальных способов оперативной психодиагностики достоверности показаний лиц на предварительном следствии предлагается использовать оборудование и программные комплексы установления фактов психофизиологических реакций у человека, причастного к противоправной деятельности, успешно применяемые отечественными и зарубежными правоохранительными органами, и службами. Дается обзор современных технологий: бесконтактный полиграф, «дистанционный полиграф» Liarliar.ai, система AVATAR, анализатор голоса, распознавание лжи по голосу RiskControl, метод эгоскопии. Их применение может способствовать более эффективному расследованию преступлений. В статье представлены рекомендации по использованию современных возможностей инструментальной оперативной психодиагностики как способа оценки достоверности показаний в следственной практике.

Ключевые слова: оперативная психодиагностика достоверности показаний, детекция лжи, полиграф, инструментальная психодиагностика, бесконтактный полиграф, «дистанционный полиграф» Liarliar.ai, система AVATAR, анализатор голоса, распознавание лжи по голосу RiskControl, метод эгоскопии.

MASHKOV Sergey Alexandrovich
polygraph expert, Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminology, forensic examinations and legal psychology sub-faculty, Baikal State University, Irkutsk

BUNIATISHVILI Kristina Alexandrovna
ccurator of the Criminalistics' club, Baikal State University, Irkutsk

MODERN METHODS OF INSTRUMENTAL PSYCHODIAGNOSTICS OF INFORMATION RELIABILITY AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION

The article examines the potential of using operational instrumental psychodiagnostics in the detection and investigation of crimes. Modern types of «lie detectors», different from the traditional polygraph, are being investigated. It is proposed to use equipment and software systems for establishing the facts of psychophysiological reactions in a person involved in illegal activities, successfully used by domestic and foreign law enforcement agencies and services, as instrumental methods for operational psychodiagnostics of the reliability of testimony of persons during the preliminary investigation. An overview of modern technologies is given: contactless polygraph, "remote polygraph" Liarliar.ai, AVATAR system, voice analyzer, lie recognition by RiskControl voice, egoscopy method. Their use can contribute to a more effective investigation of crimes. The article presents recommendations on the use of modern capabilities of instrumental operational psychodiagnostics as a way to assess the reliability of testimony in investigative practice.

Keywords: operational psychodiagnostics of reliability of indications, lie detection, polygraph, instrumental psychodiagnostics, contactless polygraph, "remote polygraph" Liarliar.ai, AVATAR system, voice analyzer, lie recognition by RiskControl voice, egoscopy method.

Одна из задач, которая стоит перед следователем, дознавателем, судьей (далее – следователь) в процессе допроса на досудебной стадии уголовного процесса, – это своевременное выявление фактов ложности показаний участников уголовного судопроизводства. Процессуально значимым и криминалистически обоснованным способом проверки достоверности информации, полученной в процессе допроса по уголовным делам, является проведение иных следственных и процессуальных действий, направленных на собирание доказательств, подтверждающих или опровергающих данные, представленные допрошенным лицом.

Данный путь является обязательным и обеспечивающим достоверный результат, но он затратный по ресурсам и требует времени. Он не может быть применен незамедлительно, а понимание степени правдивости полученных показаний требуется уже на этом этапе. Данная информация помогает определить дальнейшее направление поисковых действий в рамках следственной деятельности, а также оперативно-розыскных мероприятий. Помимо этого, оперативное изобличение лица, дающего ложные показания, повышает авторитет органов следствия и снижает уверенность лжеца.

Существуют иные способы проверки достоверности «допросной» информации – это оперативная психодиагностика [1, с. 258-259]. Она позволяет определить характерологический портрет человека и спрогнозировать его поведение в процессе коммуникации, а также оценить «правдивость» получаемой от него информации. Этот путь позволяет следователю быстро ориентироваться в имеющихся данных, выбирать верные направления следствия и поиска улик, которые имеют свойство утрачиваться в силу объективных и субъективных факторов.

Оперативная психодиагностика может осуществляться как инструментальными, так и безинструментальными способами, позволяющими выявлять факт ложности показаний. Инструментальные способы предполагают применение специального оборудования. Специалист, имеющий соответ-

ствующую подготовку, анализирует полученные результаты и представляет их в наглядном (визуализированном), обоснованном (обсчет) и аргументированном (выводы) виде.

Существуют несколько современных инструментальных способов диагностики факта ложности показаний. Самым известным и распространенным на данный момент является использование полиграфа [2, с. 52]. Полиграфологические исследования относятся к числу уже классических, апробированных и часто применяемых способов выявления недостоверности показаний. Разработаны методики проведения психофизиологической экспертизы и положения о получении статуса специалиста-полиграфолога в области специальных психофизиологических исследований, и эксперта-полиграфолога. Помимо этого, в ведомственных (Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации) перечнях экспертиз указана психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа. Однако также существуют и другие современные способы инструментальной «детекции лжи», которые могут быть обоснованно внедрены в практику и обеспечить «объективизацию показаний участников уголовного судопроизводства» [3, с. 113-114].

Одним из таких способов выявления ложных показаний является бесконтактное психофизиологическое исследование («бесконтактный полиграф»), которое в отличие от обычной версии полиграфологического исследования, регистрирует физические показатели человека без крепления датчиков на его теле. Так, например, датчики могут быть размещены в обивке стула [4, с. 43]. Также существуют специальные технические устройства, которые позволяют на расстоянии определять изменения психофизиологических реакций человека, что во многом способствует снижению стресса у него. Например, существует такой израильский бесконтактный полиграф, который основан на субтерагерцовом излучении[1]. Ученые из Израиля предложили использовать электромагнитные волны с очень высокой частотой для диагностики и фиксации реакций человеческого тела. Анализируя то, как эти волны отражаются и поглощаются, можно определить степень заполненности потовыделительных каналов. Это, в свою очередь, позволяет выяснить, усилилась ли у лица физиологическая реакция потоотделения в ответ на определённый вопрос.

Другим способом выявления ложных показаний является «дистанционный полиграф» Liarliar.ai, заявленная точность которого составляет 95 %. Этот инновационный инструмент содержит современные технологии искусственного интеллекта для анализа микродвижений, изменений сердечного ритма и выражений лица с целью выявления попытки обмана. Программа использует различные методы, включая анализ микромимики, изменения в тоне голоса, выбор стиля языка, а также мониторинг внимательности и другие параметры для обнаружения признаков дезинформации. Liarliar.ai может работать с любыми видеопотоками, включая разные приложения для видеосвязи, и предоставляет анализ в реальном времени, включая транскрипцию диалогов и оценку их достоверности. Этот инструмент записывает сессии для последующего просмотра, создавая подробные отчёты о таких характеристиках, как изменения в сердечном ритме и мимике. Основная проблема применения такого инструмента заключается в том, что нейросеть не учитывает индивидуальные особенности каждого человека, и поэтому может не учесть случаи «патологических лжецов» [5, с. 95].

Прибором диагностики изменения психофизиологических реакций, который на сегодняшний день также активно используется, является система AVATAR – Automated Virtual Agent for Truth Assessments in Real Time[2]. Данный прибор основан уже на других принципах работы. AVATAR считается одним из лучших «детекторов лжи» в современную эпоху. У такой системы есть экранное лицо, которое задает серию вопросов и отслеживает изменения в физиологии человека и его поведении во время диалога. Система анализирует всю информацию, которая поступает ей в режиме реального времени. Так, например, она способна замечать изменения в движении глаз, голосе, жестах, чтобы выявить потенциальные факторы риска. Автомат также задаст ряд простых вопросов, чтобы установить базовые параметры и выявить физиологическое проявление состояния, когда человек нервничает. В настоящее время на границе между США и Канадой активно применяется таможенными пограничникам этот виртуальный агент – AVATAR, который помогает оценивать правдивость утверждений пассажиров. Если система фиксирует обман, то на экране загорается желтый или красный идентификатор, и она немедленно уведомляет об этом таможенников[3]. Однако у такой системы есть свой недостаток. AVATAR может выдать ложноположительный результат, например, если человек испытает стресс или боль.

Следующим способом выявления ложных показаний является анализатор голоса. Так, в некоторых штатах США, уже давно не применяется традиционный полиграф, на его место пришел анализатор голоса. Подозреваемый отвечает на вопросы следователя в микрофон, а система фиксирует, измеряет и интерпретирует речевые характеристики по определённым критериям. К опрашиваемому лицу не крепятся датчики и не присоединяются провода. Анализатор голоса выявляет ложные высказывания путем измерения изменений в голосе, обусловленных стрессом. Проверяемому лицу в ходе процедуры задаются нейтральные, проверочные и контрольные вопросы. Специалист задает ряд заранее подготовленных вопросов, полученная звукозапись ответов на них подвергается анализу, и по итогу получаем сведения о степени искренности опрашиваемого лица. Это позволяет данному анализатору занимать лидирующую позицию среди технических средств. Однако основным недостатком голосовых «детекторов лжи» является крайне низкая точность их диагностики, установленная специалистами, которая колеблется от 30 до 38 % [6, с. 36]. Очевидно, что подход к тестированию с использованием голосовых анализаторов нуждается в дополнительном исследовании и дальнейшем совершенствовании.

В России подобная система для распознавания лжи по голосу называется RiskControl, которая имеет подтвержденную внешнюю валидность. Автоматизированная система в отличие от полиграфа напрямую измеряет голос, как достоверный информативный признак лжи[4]. RiskControl предоставляет возможность проверять достоверность ответов на вопросы, при этом единственным требованием является то, что на них можно ответить только «да» или «нет». Сначала система задает нейтральные вопросы, что позволяет получить ей образец эмоционально нейтральной голосовой ре-

1 Израильские специалисты создали бесконтактный детектор лжи // Викиновости: свободный источник новостей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikinews.org/wiki/Израильские_специалисты_создали_бесконтактный_детектор_лжи (дата обращения: 29.07.2025).

2 Интерактивное устройство AVATAR для выявления туристов с лживыми мотивами // Патентное бюро ЮрПатент. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.s-tm.ru/news/3845/ (дата обращения: 21.07.2025).

3 AVATAR: робот-детектор лжи в любом аэропорту // TechInsider. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.techinsider.ru/technologies/310602-avatar-robot-detektor-lzhi-v-lyubom-aeroportu/ (дата обращения: 27.07.2025).

4 Конобеевский М. А. Современные методы голосовой детекции лжи // Директор по безопасности. – 2022. – № 52. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.b17.ru/article/395808/ (дата обращения: 21.07.2025).

акции, когда человек говорит правду. Затем последующие ответы сопоставляются с этим образцом, и, если обнаруживаются значительные расхождения, они классифицируются как ложные[5].

Стоит отметить, что такую разработку успела испытать Федеральная служба исполнения наказаний, которая отметила перспективную возможность ее использования при работе с осужденными. Разработчики системы подчеркивают, что функционал может быть применён для подбора кандидатов на ключевые должности, а также в таких областях, как психология и криминалистика.

Однако автоматизированная система требует дальнейшего совершенствования. Известный психолог Евгений Хозе утверждает, что полагаться исключительно на результаты, полученные с помощью данной системы, и принимать окончательное решение о виновности или невиновности человека в обмане без использования дополнительных методов является неэтичным. Он считает, что данная система должна выступать лишь как один из компонентов всесторонней проверки информации[6].

Еще одним инструментальным способом выявления ложных показаний является метод эгоскопии, на основе которого было создано техническое устройство «эгоскоп». Это инновационный эффективный метод психодиагностики основан на пиктографическом подходе, заключающемся в выполнении диагностических заданий испытуемым специальной ручкой на листе бумаге, размещенном на поле электронного графического планшета, который подключен к компьютеру. В это время прикрепленные датчики эгоскопа с тела человека одновременно фиксируют электроэнцефалографические, психофизиологические показатели, дыхание, ЭКГ, а также мелкую моторику (тремор рук, специфичное движение руки и др.). С помощью метода эгоскопии можно диагностировать и психоэмоциональные расстройства, наблюдать уровень когнитивных функций (например, памяти), выявлять неосознаваемые проблемы социальной жизни и другие параметры. У данного метода в настоящее время отсутствуют аналоги в мире и в отличие от других способов выявления ложных показаний, позволяет распознавать не только то, что у человека было, но и то, что он планирует сделать, т. е. модели будущего[7].

Нельзя не согласиться с признанным авторитетом в области лжи и ее диагностики Полом Экманом, что не существует универсального инструментального способа, подобного «носу Пиноккио», который бы однозначно указывал на ложь [7, с. 161]. Хотя некоторые психофизиологические изменения могут служить хорошими индикаторами, если рассматривать их в комплексе и уметь замечать определенные признаки. Однако идеальной методики для определения лжи на данный момент не существует, хотя возможности технологий постоянно расширяются[8].

Подводя итог вышеизложенному необходимо отметить, что в настоящее время существуют разнообразные инструментальные способы детекции лжи, как активно используемые в практике, так и развивающиеся. Важно осознавать, что изменения в поведении испытуемого, а также в показателях нервной системы могут быть вызваны не только попытками скрыть информацию, но и другими факторами, например, такими как повышенная тревожность. Каждое техническое средство обладает уникальными возможностями, включая, например, технологии искусственного интеллекта, которые могут анализировать микродвижения и изменения в человеческом теле, а также методы, использующие анализ голоса и стандартные показатели, такие как сердечный ритм с возможностью дистанционного мониторинга. Эти современные приборы и инновационные технологии могут и должны быть использованы на практике с целью повышения уровня достоверности информации, получаемой в процессе допросов. Конечно, «внедрение результатов разработки указанных технологий в следственную, экспертную и другую правоохранительную деятельность предполагает активное научное, техническое и другое сопровождение, систематическое обновление, необходимое обучение, решение ряда других организационных и материальных вопросов» [8, с. 30].

Пристатейный библиографический список

1. Машков С. А. Ложь и криминалистика // Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции «Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран». – Иркутск: Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). – 2018. – С. 257-260.
2. Буфетова М. Ш., Хосоев А. В. Актуальные проблемы проведения исследований с использованием полиграфа // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 31. – С. 52-58.
3. Егоров Н. Н., Протасевич А. А. Использование специальных знаний: история, состояние и перспективы развития // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2022. – № 1. – С. 101-117.
4. Учаев А. В. Современные методы выявления скрываемой информации // Психологический журнал. – 2022. – Т. 43, № 1. – С. 42-50.
5. Каширина Е. И., Болтышев Д. А., Мочалов Д. В. Современные технологии дистанционного детектирования лжи: обзор готовых решений и перспективы развития // Научные труды КубГТУ. – 2023. – № 6. – С. 90-98.
6. Степанов А. А., Пеленицын А. Б. Голосовые «детекторы лжи» – эффективны ли они? // Защита информации. Инсайд. – 2007. – № 6. – С. 34-39.
7. Экман П. Психология лжи. – Санкт-Петербург: Издательство «Питер», 1999. – 272 с.
8. Головин А. Ю. Технологии искусственного интеллекта в криминалистике: задачи, которые необходимо решить // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2024. – № 2. – С. 25-33.

5 В России разработали первую в мире систему распознавания лжи по звучанию голоса // NEWS. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.myseldon.com/ru/news/index/260169849 (дата обращения: 21.07.2025).

6 В России разработали первую в мире систему распознавания лжи по звучанию голоса // NEWS. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.myseldon.com/ru/news/index/260169849 (дата обращения: 21.07.2025).

7 Юрьев Г. П. Эгоскопия – новый метод психодиагностики и тестирования персонала // Психология и бизнес. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psycho.ru/library/2252 (дата обращения: 27.07.2025).

8 Детектор лжи: Расширенные способы обнаружения // Подумай об этом. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://thinkml.ai/ai-lie-detector-advanced-detection-ways/ (дата обращения: 25.07.2025).

СЫСЕНКО Альфия Радиковна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, Омская академия МВД России

Сысенко А. Р.

ЦЕЛИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕТОУБИЙСТВА НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Среди наиболее часто проводимых следственных действий по делам о детоубийствах ключевое значение в установлении обстоятельств, характеризующих личность детоубийцы, а также отдельных характеристик потерпевшего, признаков, характеризирующих событие преступления, условий психотравмирующей ситуации или состояния психического расстройства у женщины и др. занимает осмотр места происшествия. Тщательная подготовка к данному следственному действию позволяет следователю максимально эффективно использовать время и ресурсы, а также минимизировать риск упущения важных деталей.

В данной статье автором выделены отличительные признаки осмотра места происшествия по делам о детоубийствах и на основании вышеизложенных признаков уточняются цели осмотра места происшествия.

Ключевые слова: расследование преступлений, детоубийства, первоначальный этап, следственный осмотр, осмотр места происшествия.

SYSENKO Alfiya Radikovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminology sub-faculty, Omsk Academy of the MIA of Russia

PURPOSES OF INVESTIGATING A CHILD MURDER AT THE INITIAL STAGE

Among the most frequently conducted investigative actions in cases of infanticide, the examination of the crime scene plays a key role in establishing the circumstances that characterize the identity of the infanticide perpetrator, as well as the individual characteristics of the victim, the signs that characterize the crime event, the conditions of the traumatic situation or the state of mental disorder in the woman, and so on. Thorough preparation for this investigative action allows the investigator to make the most efficient use of time and resources, as well as to minimize the risk of missing important details. In this article, the author highlights the distinctive features of the examination of the scene in cases of infanticide, and based on the above features, the goals of the examination of the scene are specified.

Keywords: crime investigation, infanticide, initial stage, investigative examination, examination of the scene.

Осмотр места происшествия на первоначальном этапе расследования детоубийства имеет решающее значение для установления обстоятельств произошедшего, сбора доказательств и выдвижения обоснованных версий. Эффективность осмотр места происшествия во многом зависит от тщательной подготовки и правильной организации его проведения.

Данный вид осмотра в ходе предварительного расследования по своему содержанию является «многоэлементным» и включает поиск, обнаружение, фиксацию, изъятие, оценку и, возможно, предварительное исследование материальных следов и других объектов. Осуществление практических действий процессуального, организационного, тактического и технико-криминалистического характера с использованием различных приемов, сил и средств «в рамках» данного следственного действия и обуславливает его особенность и отличие от других видов следственного осмотра, подчеркивая при этом неотложность, первостепенность и самодостаточный уровень доказательственного значения его результатов в уголовном расследовании.

Осмотр места происшествия по делам о детоубийстве можно определить как следственное действие, предусмотренное статьей 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, представляющее собой непосредственное восприятие, исследование и фиксацию следователем (или дознавателем по поручению следователя), а также другими участниками следственной группы (экспертами, специалистами, понятыми) обстановки, предметов, следов и иных объектов, находящихся в определенном месте, имеющих или могущих иметь отношение к факту детоубийства, с целью установления обстоятельств произошедшего, выявления и закрепления доказательств, а также выдвижения версий о событии преступления, личности преступника и мотивах его действий.

Отличительными признаками осмотра места происшествия по делам о детоубийстве являются:

1) специфическая предметная область осмотра, объектами которого могут быть не только общая обстановка на месте происшествия, но и специфические следы, указывающие на роды (например, следы крови, околоплодные воды, остатки плаценты), на новорождённого ребёнка (например, труп ребёнка, предметы одежды новорождённого), а также на способ совершения детоубийства (например, орудия убийства, следы удушения, утопления);

2) особая тактика проведения осмотра места происшествия по делам об убийстве детей, что требует применения специальных знаний и навыков в области криминалистики, судебной медицины, гинекологии и других наук; необходимо тщательно осматривать места, где могли произойти роды, где могло быть спрятано тело ребенка, где могли находиться орудия убийства;

3) важность взаимодействия со специалистами; участие в осмотре места происшествия судебно-медицинского эксперта, криминалиста, врача-гинеколога и других специалистов позволяет более качественно оценить обстановку,

обнаружить и зафиксировать важные следы и вещественные доказательства;

4) особое внимание к личности матери; в ходе осмотра необходимо собирать информацию о женщинах, проживающих вблизи места происшествия, которые могли быть беременны и родить ребенка в последнее время; важно установить их психологическое состояние, отношение к беременности и родам, наличие мотивов для совершения детоубийства;

5) помимо установления обстоятельств совершенного преступления, осмотр места происшествия по делам об убийствах детей может иметь профилактическое значение, способствуя выявлению неблагополучных семей, беременных женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации, и оказанию им необходимой помощи.

На основании вышеизложенных признаков можно выделить цели осмотра места происшествия по делам о детоубийстве:

1) установление факта смерти новорожденного, подтверждение или опровержение факта смерти новорожденного, определение причин и времени смерти; выявление признаков насильственной смерти, свидетельствующих о том, что ребенок был убит матерью или другим лицом.

Стоит отметить, что бывают такие случаи, когда известно об исчезновении новорожденного, но не найдено само тело. Так, И. М. Комаров говорит, что основное направление расследования в такой ситуации связывается с поиском трупа ребенка, следов-последствий родов и его убийства, других вещественных доказательств на месте, названном подозреваемой; расширением свидетельской базы [1].

2) выявление следов и вещественных доказательств; собирание следов крови, биологических жидкостей, орудий убийства, одежды, личных вещей и других объектов, имеющих отношение к преступлению;

3) сбор информации о женщинах, которые могли быть беременны и родить ребенка в последнее время, установление их местонахождения и обстоятельств жизни;

4) выдвижение версий о механизме совершения преступления: реконструкция событий, предшествовавших смерти новорожденного, определение способа совершения преступления, мотивов и целей преступника;

5) определение направления дальнейшего расследования, перечня необходимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление всех обстоятельств дела и привлечение виновных к ответственности.

С учетом изложенного представляется возможным определить порядок действий в ходе осмотра места происшествия по делам об убийстве матерью новорожденного ребенка:

1) уточнение места, территории, подлежащих осмотру, и установление «предварительных» их границ; определить исходную точку (такой точкой зачастую являются труп новорожденного или его части), следы жидкости красно-бурого цвета (крови) и др., последовательности (порядка) и способов осмотра.

По делам о детоубийстве, как правило, используется эксцентрический способ осмотра (от центра к периферии), где центром является труп новорожденного [2];

2) решение вопроса о необходимости проведения (параллельно осмотру места происшествия) неотложных оперативно-разыскных мероприятий;

3) определение технико-криминалистических средств для поиска, фиксации и изъятия следов события и иных материальных объектов, возможно к нему «причастных» и т.п.

Исходя из вышеуказанного, можно выделить тактические рекомендации, соблюдение которых, при осмотре места происшествия и осмотра трупа новорожденного, позволит более полно и эффективно расследовать детоубийство:

1) не трогать предметы до их фиксации (избегать перемещения предметов до их осмотра и фотографирования);

2) обращать внимание на запахи (наличие специфических запахов, например, хлора, лекарственных препаратов может указывать на способ сокрытия преступления);

3) соблюдение мер безопасности, использование индивидуальных средств защиты для предотвращения заражения.

В связи с этим можно сформулировать несколько актуальных организационно-тактических задач, подлежащих решению субъектом расследования в ходе осмотра места происшествия по делам о детоубийстве:

1) незамедлительный выезд следственно-оперативной группы для проведения осмотра места происшествия (оцепление места происшествия);

2) немедленная фотосъемка и (или) видеосъемка общего вида места происшествия до начала активных действий по осмотру, чтобы запечатлеть обстановку до динамической стадии осмотра;

3) тщательный поиск, обнаружение, фиксация, изъятие всех возможных следов на месте происшествия, в том числе на прилегающих к нему территориях;

4) качественно и полно отображать в протоколе осмотра места происшествия обстановку, уделять внимание деталям;

5) обязательное использование знаний специалистов и их привлечение;

6) качественное составление иллюстрационных схем и планов для наиболее эффективной помощи в расследовании детоубийства.

Без четкого соблюдения рекомендаций по производству рассматриваемого следственного действия невозможно решить основные задачи, стоящие перед данным следственным действием [3]. Результаты изучения практики проведения осмотров мест происшествия по делам об убийстве матерью новорожденного ребенка подтверждают, что данное следственное действие имеет ключевое значение в установлении обстоятельств, характеризующих личность детоубийцы, а также отдельных характеристик новорожденного ребенка (потерпевшего); ряда признаков, характеризирующих событие преступления, а также, возможно, условий психотравмирующей ситуации или состояния психического расстройства у женщины и некоторые другие.

Пристатейный библиографический список

1. Комаров И. М. Следственные ситуации и основы характеристики предварительного расследования убийства матерью новорожденного ребенка по факту исчезновения его трупа // Юристъ-Правоведъ. – 2020. – № 1 (92). – С. 146-150.
2. Горшкова В. С. Особенности производства осмотра места происшествия по факту обнаружения трупа младенца без внешних признаков насильственной смерти // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 2 (14). – С. 74-80.
3. Злобина Л. А. Осмотр места происшествия на первоначальном этапе расследования убийства матерью новорожденного ребенка: практика, организационно-тактические проблемы и некоторые пути их решения // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 4 (93).

ТУРЬЯНОВА Ляна Николаевна
преподаватель кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются некоторые проблемные аспекты раскрытия и расследования преступлений в сфере дистанционного мошенничества. Дистанционное мошенничество представляет одну из наиболее распространенных форм преступной современности, активно использующий информационно-коммуникационные технологии, что значительно усложняет процесс раскрытия и расследования преступлений данного вида. В статье раскрывается информация и сведения о ресурсах, используемых мошенником, которые можно получить и которые имеют значение для раскрытия и расследования уголовного дела. Автор приходит к выводу о том, что раскрытие и расследование мошенничеств, совершенных с использованием средств сотовой связи и сети интернет, требует тщательного анализа поступающей информации по каждому конкретному факту совершенного преступления и использования специальных познаний.

Ключевые слова: мошенничество, хищение, раскрытие и расследование преступлений, оператор связи, сеть интернет, информация, сведения, абонентский номер, мобильный телефон.

TURYANOVA Lyana Nikolaevna
lecturer of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

PROBLEMATIC ASPECTS OF DETECTION AND INVESTIGATION OF REMOTE CRIMES

The article examines some problematic aspects of the detection and investigation of crimes in the field of remote fraud. Information and data on the resources used by the fraudster are disclosed, which can be obtained and is important for the detection and investigation of the criminal case. The author comes to the conclusion that the detection and investigation of fraud committed using cellular communications and the Internet requires a thorough analysis of the incoming information, for each specific fact of the crime committed and the use of special knowledge.

Keywords: fraud, theft, detection and investigation of crimes, telecom operator, Internet, information, data, subscriber number, mobile phone.

Мошенничество представляет собой одно из наиболее распространенных общественно опасных деяний, характеризующихся высоким уровнем латентности, организованности и профессионализма преступников. В условиях современной экономической реальности число фактов мошеннических действий значительно возрастает, усложняя процесс борьбы правоохранительных органов с данной категорией преступных посягательств.

Совершенствование законодательной базы, развитие информационных технологий и методов защиты от мошенников не снижают динамику роста данного вида преступлений. Это обусловлено рядом объективных факторов: сложность доказывания субъективной стороны преступления, использование новых способов совершения правонарушений, трансформация криминальных структур и быстрое распространение цифровых форм мошенничества через Интернет и телекоммуникационные сети.

Проблема своевременного обнаружения признаков мошенничества становится особенно актуальной ввиду высокой степени общественной опасности указанных преступлений, которые наносят значительный ущерб гражданам, организациям и государству в целом.

Одной из ключевых трудностей является идентификация всех элементов состава преступления, предусмотренных ст. 159 Уголовного кодекса РФ («Мошенничество»). Сложность возникает вследствие отсутствия четких критериев определения факта наличия либо отсутствия прямого умысла виновного лица на хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием потерпевшего. Практика показывает сложности квалификации ситуаций, когда лицо совершает договорные обязательства, не имея намерений исполнять условия договора добросовестно, однако представляя себя благонадежным контрагентом.

Дистанционное мошенничество представляет собой одну из наиболее распространённых форм преступности современности, активно использующей информационно-коммуникационные технологии. Особенность данной категории преступлений заключается в удалённом характере взаимодействия между жертвой и злоумышленником, зачастую при отсутствии прямого контакта сторон. Это обстоятельство значительно усложняет процесс выявления лиц, совершивших преступление, сбор доказательственной базы и установление всех обстоятельств преступления.

Под дистанционным мошенничеством понимаются противоправные деяния, совершаемые путём злоупотребления доверием жертвы посредством электронных каналов связи, включая телефонную связь, интернет-ресурсы, мессенджеры и социальные сети. Наиболее типичными формами такого рода правонарушений являются: телефонное мошенничество («телефонные разводки», фишинговые звонки); онлайн-мошенничество через сайты объявлений, аукционы, платформы электронной коммерции; социальная инженерия и вымогательство денег с помощью поддельных профилей в социальных сетях; скимминг банковских карт и взлом аккаунтов пользователей финансовых сервисов. Данные виды преступлений отличаются значительным уровнем организованности, технологической оснащённостью участников криминальных группировок и высоким уровнем профессионализма исполнителей.

Преступники часто действуют из-за рубежа либо используют инфраструктуру иностранных государств, что создаёт дополнительные сложности для сотрудничества между правоохранительными органами разных стран. Широкое распространение криптовалют и использование анонимных платежных инструментов существенно осложняют отслеживание потоков похищенных средств и возврат активов потерпевшим лицам.

Законодательство многих стран ещё недостаточно адаптировано к современным технологиям, вследствие чего возникают трудности с правильной квалификацией некоторых видов преступлений, связанных с ИКТ. Мошеннические схемы разрабатываются быстро и эффективно адаптируются к новым условиям, опережая возможности правоохранительных структур.

Мошенничество с использованием средств сотовой связи в настоящее время является одним из самых распространённых видов преступной деятельности. В России сотрудниками правоохранительных органов разработаны методические

указания для выявления и расследования подобных преступлений. Впрочем, эффективность этих указаний для сотрудников органов внутренних дел ограничена без глубокого понимания ресурсов, используемых мошенниками, и потенциально полезной криминалистической информации, которую можно извлечь.

Стоит подчеркнуть, что различные мобильные операторы структурируют свои организации разнообразными методами. Например, «Теле2» создает макро-филиалы и направляет большинство запросов к специалистам по безопасности в Воронеже. В то же время, «МТС» настаивает на добавлении отметки о проверке по всем регионам России в запросах, касающихся абонентов из других областей. «Мегафон», в свою очередь, ограничен в предоставлении данных только в рамках своего макро-филиала. В отличие от других, «Билайн» не разделяется на макро-филиалы и предоставляет информацию по абонентам из всех российских регионов. Доступ к такой информации позволяет точно определить принадлежность номера к конкретному оператору и региону, что критически важно для адекватной организации запросов.

Изучая концепцию IP-адресации в контексте цифровой анонимности, важно понять, что же представляет собой IP-адрес. Это уникальная цифровая метка, присваиваемая каждому устройству, подключенному к Интернету. Конфигурация IP-адреса представляет собой четыре набора чисел от 0 до 255, разделенных точками, как в примере 178.218.36.0. Данный адрес назначается устройству интернет-провайдером при подключении к сети и остается активным до тех пор, пока устройство использует сетевые ресурсы, т.е. от открытия первой веб-страницы до закрытия последней. [1]

Таким образом, платформы вроде «ВКонтакте», «Авито» аккумулируют информацию о сессиях пользователей, включая их IP-адреса. Каждый раз, когда мошенник окажется в сети, он оставляет электронные следы, которые позволяют его идентифицировать. Как и каждый абонентский номер, IP-адрес принадлежит к определённому блоку, выделенному интернет-провайдеру. Используя сервисы такие как www.2ip.ru, по IP можно определить провайдера, просматривая информацию в разделе WHOIS по адресу www.2ip.ru/whois/.

Из анализа данных следует, что определение IP-адреса и точного времени его активности в интернете позволяет правоохранительным органам идентифицировать местоположение ПК, который использовался для преступления. Тем не менее, дабы замаскировать свою активность, злоумышленники часто прибегают к использованию VPN технологий, обеспечивающих анонимность. VPN зашифровывает трафик пользователя и перенаправляет его через сервер в другой стране, что затемняет следы, оставляя в логах веб-сайтов не реальный IP-адрес пользователя, а адрес VPN-сервера. Часто такие сервера находятся за пределами юрисдикции российских властей, что усложняет процесс получения данных. Для раскрытия личности пользователя мы обратим внимание на использование Cookie-файлов в качестве инструмента деанонимизации. Эти маленькие фрагменты данных сохраняются веб-сайтами и передаются обратно в браузер (например, Google Chrome или Mozilla Firefox), фиксируя информацию о предыдущих сессиях. Это включает логины, языковые настройки и историю просмотра, что позволяет сайту «распознавать» пользователя при последующих посещениях. Основная характеристика Cookie-файлов заключается в их стойкости к изменениям – независимо от изменений IP через VPN или использования различных учётных записей, они могут помочь установить, что все действия происходят с одного и того же устройства.

Исследование и анализ мошеннических действий, осуществляемых через мобильные сети и интернет, несомненно, влечет за собой детальное изучение каждого преступного эпизода. Это требует применения и развития уникальных знаний и навыков в сфере цифровых технологий, которые продолжают совершенствоваться по мере накопления опыта.

Преступления данного типа характеризуются высокой латентностью, трансграничностью действий преступников, низкой раскрываемостью и серьёзными социально-экономическими последствиями. Учитывая постоянный рост числа случаев дистанционных хищений денежных средств и имущества граждан, проблема совершенствования методик борьбы с данным видом преступлений приобретает особую значимость.

Латентность преступлений в области мошенничества — еще один важный аспект рассматриваемой проблемы. Многие пострадавшие граждане предпочитают не обращаться в правоохранительные органы по различным причинам: страх перед повторением инцидента, недоверие к органам правопорядка, отсутствие уверенности в перспективах успешного расследования дела и возврате утраченных денежных средств.

При расследовании такого рода дел возникают трудности сбора доказательств и проведения оперативно-розыскных мероприятий, поскольку зачастую следы электронной деятельности уничтожаются быстро, а жертвы часто предоставляют неполную информацию о случившемся инциденте.

Таким образом, реальный уровень распространения мошенничества оказывается гораздо выше официально зарегистрированного количества заявлений и сообщений о фактах противоправных деяний.

Для повышения эффективности раскрытия и расследования преступлениям в сфере мошенничества целесообразно выделить следующие приоритетные направления: совершенствование нормативной правовой базы с целью уточнения понятийного аппарата и детализации квалификационных признаков состава мошенничества; развитие межведомственного взаимодействия между органами внутренних дел, Банком России, операторами связи и иными организациями, способствующими выявлению случаев мошенничества; обучение сотрудников полиции современным методикам анализа цифровой информации и использованию технических средств контроля над средствами коммуникации; активизация просветительской деятельности среди населения с целью формирования у граждан навыков безопасного поведения в виртуальной среде и умения распознавать признаки мошенничества; координация усилий различных ведомств, отвечающих за безопасность информационной среды, повышение уровня обмена информацией между государственными структурами и частными компаниями; проведение кампаний по информированию граждан о рисках дистанционного мошенничества, обучение правилам безопасной работы в интернете, разъяснительная работа среди уязвимых категорий населения (пенсионеров, несовершеннолетних); создание согласованных процедур оперативно-розыскных мероприятий, обмен опытом между странами в части разработки эффективных стратегий предотвращения преступлений.

Рассмотренная проблема требует комплексного подхода, направленного на улучшение качества раскрываемости и предупреждения преступлений в сфере мошенничества. Необходимо обеспечить эффективное взаимодействие государственных органов, общественных объединений и граждан, разработать комплекс мер по повышению уровня информированности общества о возможных рисках и угрозах. Реализация предложенных направлений позволит повысить эффективность профилактики, выявления и расследования мошеннических преступлений, минимизируя наносимый ими социально-экономический ущерб обществу и государству.

Дистанционные преступления представляют собой сложную и многогранную проблему, решение которой требует объединения усилий государственных институтов, частного сектора и общества в целом. Для успешного противостояния таким угрозам необходима модернизация существующих подходов к раскрытию и расследованию преступлений, широкое применение новейших технологий и активное международное сотрудничество. Только совокупность указанных мер позволит снизить количество дистанционных преступлений и защитить права и интересы граждан в условиях современной цифровой реальности

Современные методики расследования дистанционных преступлений требуют от сотрудников правоохранительных органов глубоких знаний технологий цифровой безопасности, сетевых протоколов и анализа больших массивов цифровых данных. Недостаточное финансирование специализированных подразделений препятствует оперативному реагированию на новые угрозы, в связи с чем возникает рост преступлений в данной сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Стромова К. В. Актуальные проблемы расследования преступлений, связанных с мошенничеством // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: Материалы III Международной научно-практической конференции. 2019. – С. 422-426.

ШАПОВАЛОВА Татьяна Ивановна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск; доцент кафедры правоведения, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск

ПОЧЕМУ СОЗДАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ СХЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ ВСЕХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕВОЗМОЖНО

В статье рассматриваются причины, по которым невозможно создать единую универсальную методику расследования, пригодную для всех видов преступлений.

Автор анализирует исторический опыт криминалистики, подчеркивая, что индивидуальность каждого преступления и специфические особенности лиц, их совершивших, требуют уникальных подходов к установлению истины.

Основными препятствиями к универсализации выступают различные способы совершения и сокрытия преступлений, уникальные следовые картины, а также неспособность общих методов охватить специфику отдельных видов преступных деяний.

Отмечен принцип специализации в современной системе расследования, позволяющий более эффективно раскрывать преступления, учитывая их индивидуальные характеристики.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая методика, частная методика, преступление, следственная ситуация.

SHAPOVALOVA Tatyana Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic examination sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk; associate professor of Jurisprudence sub-faculty, Academician M. F. Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk

WHY IS IT IMPOSSIBLE TO CREATE A UNIVERSAL INVESTIGATION SCHEME FOR ALL CRIMES

The article discusses the reasons why it is impossible to create a single universal investigation methodology suitable for all types of crimes. The author analyzes the historical experience of criminology, emphasizing that the individuality of each crime and the specific characteristics of the perpetrators require unique approaches to establishing the truth. The main obstacles to universalization are various ways of committing and concealing crimes, unique trace patterns, as well as the inability of general methods to cover the specifics of certain types of criminal acts. The principle of specialization in the modern investigation system is noted, which makes it possible to more effectively solve crimes, taking into account their individual characteristics.

Keywords: criminalistics, criminalistic methodology, private methodology, crime, investigative situation.

Криминалистическая методика – это самостоятельный раздел науки криминалистики, который представляет собой систему научных положений и основанных на них практических рекомендаций по организации и осуществлению расследования, раскрытия и предотвращения отдельных видов преступлений.

В отличие о криминалистической тактики методика уделяет внимание отдельным видам преступлений. Методика разрабатывает научно обоснованные рекомендации, которые позволяют следователю оптимально организовать процесс расследования и выбрать наиболее эффективные способы получения, закрепления, исследования и использования доказательств при совершении конкретного преступления.

Попытки создания универсальной методики расследования, пригодной для всех видов преступлений, предпринимались еще в начале развития криминалистики, однако все они оказались неудачными. Существует несколько фундаментальных причин, объясняющих невозможность создания такой универсальной схемы. Причины этого многообразны и принципиальны.

Можно выделить основные причины невозможности универсализации методики:

1. Каждое преступление является индивидуальным, даже те, которые считаются серийными.

Криминалистика констатирует уникальность как самого преступного деяния, так и личности, его совершившей, что определяет своеобразие путей установления фактических обстоятельств Каждое преступное деяние имеет свои уникальные особенности:

– различные способы совершения и сокрытия преступления;

– разные объекты посягательства;

– индивидуальные характеристики лиц, совершивших преступление;

– специфические обстоятельства совершения.

2. Преобразование методики в абстракцию

Как отмечал Р. С. Белкин, попытки создания единой методики расследования «не могли увенчаться успехом потому, что такая степень обобщения неминуемо превращала подобные рекомендации в абстракцию, бесполезную для практики» [1].

Сверхобобщённые советы не способны отразить специфику отдельных преступлений, что делает их неэффективными в реальных следственных ситуациях.

3. Различие механизмов преступной деятельности

Механизм преступления – центральная научная категория, охватывающая все элементы преступной деятельности, не может совпадать у деяний, посягающих на различные объекты, совершаемых особыми категориями лиц [2].

Разные преступления предполагают различные этапы подготовки и совершения, своеобразную следовую картину, специфические доказательства и методы их сокрытия.

4. Специфика следственных действий у каждого преступления.

Каждый вид преступления требует специфического подхода к проведению следственных действий. Например:

– технические средства: следы рук могут образовываться на разных предметах при совершении краж и убийств, а значит и обнаружить их возможно при помощи использования различных технических средств [3].

– тактические приемы: тактика допроса свидетелей по делам о ДТП будет кардинально отличаться от тактики допроса по делам о поджогах или изнасиловании.

– специальные познания: для разных категорий дел требуются различные виды экспертиз.

Исторически зарубежные и отечественные криминалисты, такие как Вейнгарт, Ничефоро, Аннушат, наш отечественный ученый-криминалист И. Н. Якимов пытались создать универсальные алгоритмы раскрытия преступлений, но эти попытки не были успешными.

Однако эти попытки так же не увенчались успехом, поскольку универсальные логико-методические схемы оказались неприменимыми к разнообразию реальных следственных ситуаций.

Сегодня большинство специалистов признают, что идея универсальной модели расследования преступлений утопична. Как подчёркивает М. В. Субботина: универсализировать методы расследования невозможно – одна схема никогда не окажется рабочей для всех случаев [4].

Сегодня вместо поиска универсализации современная криминалистика идёт по пути разработки:

– частных криминалистических методик для отдельных видов преступлений;

– групповых методик для схожих категорий дел;

– комплексных методик для специфических условий расследования.

Современная система криминалистических методик включает в себя:

1) общую криминалистическую методику – основополагающие принципы и исходные положения;

2) групповые методики – для отдельных групп преступлений с общими признаками;

3) частные методики – для конкретных видов преступлений.

Частные методики представляют собой некую своеобразную матрицу, которая требует приспособления к условиям конкретного акта расследования для перехода от типичного к особенному.

Это обеспечивает:

– учет специфики конкретного преступления;

– возможность творческого применения рекомендаций;

– адаптацию к изменяющимся условиям преступности.

Невозможность создания универсальной схемы расследования обусловлена фундаментальными различиями между различными видами преступлений. Если техника и тактика призваны раскрывать универсальное, то методика ориентирована на особенности, и именно этим отличается её роль в доказывании по делам различного характера [1].

Современная криминалистика признает необходимость дифференцированного подхода, основанного на создании специализированных методик, учитывающих особенности конкретных видов преступлений. Это обеспечивает более высокую эффективность расследования и соответствует принципу индивидуализации криминалистических рекомендаций.

Пристатейный библиографический список

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики: В 3 т. – М.: Юрист, 1997. – Т. 1. – 408 с.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vestnikesiirk.ru/temp/b3817456ac81b0c6733bb6c267437605.pdf.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kvsz.ru/ru/nauka/article/73334/view.
4. Субботина М. В. Базовая методика расследования: суть и значение // Вестник криминалистики. – 2007. – № 1. – С. 15-17.

ШАВКАРОВА Елена Евгеньевна
старший преподаватель кафедры предварительного расследования, Волгоградская академия МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ИЗЪЯТИИ И ОСМОТРЕ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Несмотря на принятие статьи 164.1 УПК РФ, регулирующей данную сферу, в правоприменительной практике сохраняются проблемные вопросы, связанные с толкованием и применением отдельных положений закона. Развитие технологий и рост киберпреступности обуславливают необходимость постоянного совершенствования правовой базы и разработки эффективных методологических подходов к работе с электронными доказательствами. Проведенным комплексным анализом правовых и практических аспектов изъятия и осмотра электронных носителей информации в Российской Федерации, выявлены существующие проблемы и разработаны рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в этой сфере.

Ключевые слова: изъятие, выемка, осмотр, электронный носитель, электронная информация, законодательство.

SHAVKAROVA Elena Evgenjevna
senior lecturer of Preliminary investigation sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF SEIZURE AND INSPECTION OF ELECTRONIC MEDIA IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Despite the adoption of Article 164.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which regulates this area, problematic issues remain in law enforcement practice related to the interpretation and application of certain provisions of the law. The development of technology and the growth of cybercrime necessitate the continuous improvement of the legal framework and the development of effective methodological approaches to working with electronic evidence. A comprehensive analysis of the legal and practical aspects of the seizure and inspection of electronic media in the Russian Federation has identified existing problems and developed recommendations for improving legislation and law enforcement practice in this area.

Keywords: withdrawal, seizure, inspection, electronic media, electronic information, legislation.

Современное общество характеризуется повсеместным использованием электронных устройств, которые стали неотъемлемой частью как частной жизни граждан, так и деятельности организаций. Компьютеры, смартфоны, планшеты, USB-накопители и облачные хранилища содержат огромные объемы разнообразной информации, которая все чаще приобретает доказательственное значение в уголовном судопроизводстве. Рост преступлений в сфере информационных технологий, о чем свидетельствуют статистические данные (преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий зарегистрировано на 3 % больше, чем в январе-марте 2024 года) [1], еще более подчеркивает актуальность темы изъятия и осмотра электронных носителей информации. Киберпреступники активно используют цифровые технологии, оставляя цифровые следы, требующие особого подхода при их обнаружении и фиксации.

Сложность работы с электронными доказательствами обусловлена их спецификой: они могут быть легко изменены, удалены или скрыты, что требует от правоохранительных органов специальных знаний, навыков и технических средств. Более того, как отмечает ряд исследований, наблюдается рост преступлений экстремистской и террористической направленности, совершаемых в цифровом пространстве, что делает эффективное изъятие и осмотр электронных носителей информации критически важным для борьбы с этими угрозами. Таким образом, в условиях продолжающейся цифровизации общества и роста киберпреступности, вопрос об особенностях изъятия и осмотра электронных носителей информации приобретает особую значимость для эффективного расследования и раскрытия преступлений, где цифровые данные играют ключевую роль.

Несмотря на активное обсуждение в юридической литературе вопросов, связанных с правовой природой и порядком работы с электронными носителями информации, существующая законодательная база и методологические подходы все еще находятся в стадии развития. Первые попытки законодательного регулирования данной сферы были предприняты в 2012 году, однако значительные изменения, включая введение статьи 164.1 УПК РФ, произошли лишь в 2018 году, и процесс совершенствования нормативной базы продолжается. Это свидетельствует о постоянном внимании научного сообщества к данной проблематике и признании необходимости дальнейшего изучения и разработки оптимальных подходов.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим порядок изъятия электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, является статья 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации («Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий»). Данная статья была введена в действие Федеральным законом № 533-ФЗ от 27 декабря 2018 года, что стало значительным шагом в регулировании обращения с электронными доказательствами.

Статья 164.1 УПК РФ устанавливает ряд важных положений. Во-первых, в отношении уголовных дел о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности вводится общее правило о недопустимости изъятия электронных носителей информации, за исключением строго определенных случаев. К таким исключениям относятся случаи, когда вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации, когда изъятие производится на основании судебного решения, а также когда на электронных носителях содержится информация, которой владелец не имеет права владеть или использовать, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой может привести к ее утрате или изменению. Данное ограничение было введено с целью защиты законной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей от необоснованного вмешательства со стороны правоохранительных органов [1].

Во-вторых, статья 164.1 УПК РФ закрепляет обязательное участие специалиста при производстве изъятия электронных носителей информации. По ходатайству законного владельца или обладателя информации, специалист в присутствии понятых осуществляет копирование информации на другие электронные носители, предоставленные владельцем, за исключением случаев, когда такое копирование может привести к утрате или изменению информации. Копии передаются владельцу, а факт копирования и передачи отражается в протоколе следственного действия.

В-третьих, следователь наделяется правом в ходе следственного действия осуществлять копирование информации с электронного носителя без его изъятия. В протоколе указываются использованные технические средства, порядок их применения, электронные носители, к которым они применялись, и полученные результаты. К протоколу прилагаются электронные носители со скопированной информацией.

В практике расследования уголовных дел встречаются различные ситуации, иллюстрирующие сложности, возникающие при изъятии и осмотре электронных носителей информации. Например, при расследовании дел о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности часто возникают споры о законности изъятия серверов и рабочих компьютеров, поскольку такое изъятие может привести к приостановлению деятельности предприятия. В таких случаях особое значение приобретает соблюдение требований статьи 164.1 УПК РФ, предусматривающей ограничения на изъятие и возможность копирования информации. В делах о киберпреступлениях, таких как неправомерный доступ, к компьютерной информации или распространение вредоносных программ, изъятию могут подвергаться не только компьютеры и серверы, но и сетевое оборудование, а также носители информации, используемые для хранения и распространения вредоносного программного обеспечения. Осмотр таких устройств требует специальных знаний и использования специализированного программного обеспечения. При расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности изъятию могут подлежать мобильные телефоны, планшеты и компьютеры, содержащие переписку, фото- и видеоматериалы, а также другие данные, имеющие значение для дела. В таких случаях особое внимание уделяется вопросам сохранения целостности изъятой информации и недопущения ее утраты или модификации. Анализ конкретных кейсов позволяет выявить типичные ошибки и недостатки, допускаемые при изъятии и осмотре электронных носителей информации, и определить пути их устранения.

Требование об обязательном участии специалиста при изъятии электронных носителей информации, закрепленное в части 2 статьи 164.1 УПК РФ, вызывает неоднозначную оценку среди ученых и практиков. С одной стороны, участие специалиста призвано обеспечить квалифицированное и бережное обращение с электронными устройствами и сохранность содержащейся на них информации. Специалист может помочь правильно отключить устройство, зафиксировать его состояние, предотвратить случайное удаление данных и обеспечить надлежащую упаковку для транспортировки. Однако на практике возникают сложности с обеспечением своевременного участия специалиста в каждом случае изъятия, особенно в отдаленных регионах или при большом объеме следственных действий. Кроме того, не всегда очевидна необходимость участия специалиста при изъятии простых устройств, таких как USB-флешнакопители или карты памяти, использование которых не требует специальных технических знаний. Существует мнение, что обязательное участие специалиста должно быть дифференцировано в зависимости от сложности изымаемого устройства и характера содержащейся на нем информации [2].

Часть 1 статьи 164.1 УПК РФ предусматривает возможность изъятия электронных носителей информации на основании судебного решения. Хотя судебный контроль за проведением следственных действий, затрагивающих конституционные права граждан, является важной гарантией законности, на практике возникают ситуации, когда необходимость незамедлительного изъятия электронных носителей информации обусловлена риском утраты или уничтожения доказательств. Процедура получения судебного решения может занять значительное время, что может негативно сказаться на эффективности расследования. Кроме того, существует коллизия с положениями статьи 195 УПК РФ, регламентирующей порядок назначения судебной экспертизы, которая также является основанием для изъятия электронных носителей. Для назначения экспертизы необходимо уже иметь изъятые объекты, что ставит под сомнение логику предварительного получения постановления о назначении экспертизы как основания для изъятия.

Право законного владельца или обладателя информации на получение копии изъятых электронных носителей информации является важной гарантией защиты их прав и законных интересов. Однако реализация этого права на практике может быть сопряжена с рядом трудностей. Во-первых, не всегда у владельца имеется необходимый электронный носитель для копирования большого объема данных. Во-вторых, процесс копирования может быть технически сложным и занимать много времени, особенно при большом объеме информации или использовании специальных методов шифрования. В-третьих, возникают вопросы о полноте и идентичности скопированной информации оригиналу. Необходимо разработать четкие процедуры и обеспечить техническую возможность для эффективного осуществления права на копирование информации без ущерба для хода расследования.

На основе анализа существующих проблем и перспектив развития технологий можно прогнозировать дальнейшие изменения в законодательстве, регулирующем порядок изъятия и осмотра электронных носителей информации. Вероятно, будет продолжена работа по совершенствованию определения понятия «электронный носитель информации» и уточнению порядка его изъятия и осмотра в различных ситуациях. Возможно внесение изменений в статью 164.1 УПК РФ, направленных на дифференциацию требований к участию специалиста в зависимости от вида изымаемого устройства и характера расследуемого преступления. Не исключено ужесточение требований к основаниям и порядку изъятия электронных носителей информации на стадии предварительного расследования. При разработке дальнейших изменений в законодательстве целесообразно учитывать международный опыт в сфере регулирования цифровых доказательств.

Пристатейный библиографический список

1. Состояние преступности в России за январь-март 2025 гг. // МВД РФ: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://МВД.РФ (дата обращения: 18.05.2025).
2. Горкина Е. В., Тихонов В. В., Золотухина Н. В. Особенности правовой регламентации процессуального режима обращения с электронными носителями информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии России. - 2020. - № 3 (54). - С. 82-88.
3. Громов Е. А. Проблемы изъятия электронного носителя информации в контексте участия специалиста и назначения судебных экспертиз // Всероссийский криминологический журнал. - 2023. - № 1. - С. 89-97. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cj.bgu.ru/reader/article.aspx?id=26525 (дата обращения: 18.05.2025).

ЛОЗИНСКИЙ Олег Иванович
кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права, Южно-Российский институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ (ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ) СВОЙСТВА, ВАРИАТИВНОСТЬ СТРУКТУРЫ МИКРОБИОМА ЧЕЛОВЕКА, СТРАДАЮЩЕГО РАЗЛИЧНОГО РОДА ЗАБОЛЕВАНИЯМИ И ПАТОЛОГИЯМИ, И ВЛИЯЮЩИЕ НА НИХ ФАКТОРЫ

В статье анализируются (на конкретных примерах) особенности (общий состав, вариативность родовой и видовой структуры, доминирование конкретных микроорганизмов в определенных ситуациях и др.) микробиома человека, страдающего различного рода заболеваниями и патологиями. Объектом криминалистического исследования являются свойства микробиома больного человека и факторы, влияющие на их идентификационный потенциал в рамках возможности решения криминалистических задач. В процессе исследования обосновывается авторская позиция о том, что систематизация знаний в указанной сфере в интересах криминалистической науки и практики, позволит эффективно реализовать цели и задачи криминалистических идентификации и диагностики, расширив потенциал возможностей в этой области, в сегменте, фактически недоступном преступному противодействию. По мнению автора, расширение криминалистических знаний и навыков за счет новой биометрической технологии распознавания личности на основе свойств микробиома позволит существенно облегчить процессы установления личности подозреваемого и раскрытия преступления.

Ключевые слова: криминалистические идентификационные свойства микробиома, микробиом человека, страдающего различного рода заболеваниями, факторы, влияющие на состав микробиома больного человека, изменения микробиома, как предпосылка для возникновения у человека болезненных состояний.

LOZINSKIY Oleg Ivanovich
Ph.D. in Law, associate professor of Procedural law sub-faculty, South Russian Institute of Management (branch), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don

FORENSIC (IDENTIFICATION) PROPERTIES, VARIABILITY OF THE STRUCTURE OF THE MICROBIOME OF A PERSON SUFFERING FROM VARIOUS DISEASES AND PATHOLOGIES, AND FACTORS INFLUENCING THEM

The article analyzes (using specific examples) the features (general composition, variability of generic and specific structure, dominance of specific microorganisms in certain situations, etc.) of the human microbiome suffering from various diseases and pathologies. The object of forensic research is the properties of the microbiome of a sick person and the factors influencing their identification potential within the framework of the possibility of solving forensic problems. In the course of the research, the author's position is substantiated that the systematization of knowledge in this area in the interests of forensic science and practice will make it possible to effectively realize the goals and objectives of forensic identification and diagnostics, expanding the potential of opportunities in this area, in a segment virtually inaccessible to criminal counteraction. According to the author, the expansion of forensic knowledge and skills due to the new biometric technology of identity recognition, based on the properties of the microbiome, will significantly facilitate the processes of identifying a suspect and solving a crime.

Keywords: forensic identification properties of the microbiome, the microbiome of a person suffering from various diseases, factors affecting the composition of the microbiome of a sick person, changes in the microbiome as a prerequisite for the occurrence of painful conditions in humans.

Научно-технический прогресс создал возможности и дальнейшие предпосылки для роста и расширения этих возможностей во многих областях научных знаний, исследования в которых напрямую зависели от уровня аппаратно-программного обеспечения процесса этих научных изысканий. Сами исследования могут и не носить техногенный характер, однако требовать для их проведения высокоточного оборудования и аппаратных систем способных обрабатывать большие объемы данных. При этом достижения и решения из одной области науки, нередко можно адаптировать для нужд другого процесса научных разработок или сферы научных знаний. Одной из таких областей, обладающей большим адаптационным и интеграционным потенциалом, являются исследования в области генетики и микробиологии человеческого организма.

Указанная сфера научных знаний всегда привлекала особое внимание криминалистической науки и практики, как источник для адаптации научных знаний, способствующих расширению возможностей биологической идентификации человека. Одной из наиболее перспективных для решения криминалистических задач потенциальных методик в исследуемой сфере, является биометрическая технология, основанная на результатах исследования и свойствах микробиома человека.

При этом, под микробиомом человека автором предлагается понимать сообщество самостоятельных биологических объектов (форм жизни) - микробиоту: бактерий, археев, эукариот, нематод, вирусов, грибов, простейших микроорганизмов и др., обобщенно называемых virome, населяющую организм (биологическое, генетически обусловленное, тело) человека, находящуюся с ним в неразрывном симбиозе (но не являющуюся его генетической составляющей), имеющую ряд индивидуализирующих ее признаков и свойств, позволяющих использовать ее для решения криминалистических задач по идентификации (отождествлению) личности в процессе уголовного судопроизводства и иной профильной деятельности.

Состав микробиома (микробиоты) уникален для каждого человека и зависит от генотипа хозяина, внешних и внутренних факторов, а также от влияния факторов окружающей среды (этнической принадлежности; пола; возраста; региона, места и условий проживания; характера питания; уровня физической активности; сферы трудовой деятельности; привычек, увлечений; наличия различного рода заболе-

ваний, принимаемых лекарственных препаратов и т.п.). При этом результаты проведенных исследований показывают, что имеется возможность идентификации конкретных личностей по их индивидуальному микробиомному следу.

В рамках настоящего исследования предлагается рассмотреть результаты изучения микробиома человека, страдающего различного рода заболеваниями, патологиями, и влияющие на него факторы (на ряде примеров). При этом с учетом того, что настоящее исследование является криминалистическим, наибольший интерес будет представлять, не столько его непосредственная биологическая составляющая сама по себе, сколько ее идентификационный (диагностический) потенциал (индивидуальность, устойчивость, измеряемость, сравнимость и т.п. результатов).

На настоящее время, наиболее изучено (в норме и патологии) состояние микробиоты желудочно-кишечного тракта (ЖКТ), урологического тракта и родовых путей, респираторного тракта, кожи, ротовой полости и глаз.

На уровне значимых популяционных групп, микробиота человека характеризуется понятием – метагеном (суммарное содержание ДНК микроорганизмов, населяющих человеческий организм; довольно вариабелен, только около 30% его генов содержится у большинства людей). Каталогизация характерных наборов микробиотов популяций и конкретных индивидуумов, представляет повышенный интерес в криминалистическом аспекте профильных исследований. При этом микробиом людей, страдающих различного рода заболеваниями и патологиями, в профильном плане еще более интересен, так как он обладает еще большей идентификационной индивидуальностью и информативностью, чем микробиом потенциально здорового человека (воспринимаемый, условно, как, относительно, «базовый») [7, с. 701-704].

Результаты профильных научных исследований показывают, что микробиом (симбиотичный, компенсальный, разнообразный) приносит человеческому организму (на постоянной основе, по факту своего существования и жизнедеятельности) практическую функциональную пользу (метаболизм, иммунитет, колониальная резистентность – противодействие заселению патогенными микроорганизмами и др.). Однако нередко возникают ситуации, когда изменения в микробиоме способствуют развитию, или являются предпосылками возникновения у человека различного рода заболеваний и патологических состояний. При этом изменения микробиома могут быть первопричиной этих состояний организма, или их последствиями, либо, на определенном этапе, уже являться и тем и тем и другим (что может способствовать в дальнейшем ухудшению состояния здоровья человека).

Микробиом, это субстант, который незамедлительно реагирует на все внешние и внутренние раздражители (факторы), как влекущие для организма человека положительные последствия, так и отрицательные, в режиме реального времени (его реакции естественны, они не положительны и не отрицательны, по сути; микроорганизмы микробиома живут на (в) локусах и органах человеческого тела, что-то потребляют, что-то выделяют, размножаются и гибнут, конкурируют и борются с одними микроорганизмами и взаимодействуют с другими, более им симбиотичными; при этом наличие и концентрация (доминирование) их разновидностей, характеризует указанные процессы и влияет за счет этого на организм носитель (их внешний мир, окружающую для них среду) – человека [9, с. 328-330].

Взаимосвязь бактерий, вирусов и других микроорганизмов (например, грибов) с возникновением инфекционных заболеваний известна уже достаточно давно и никаких сомнений не вызывает. Однако, результаты научных изысканий последних десяти лет, дали объективные подтверждения взаимосвязи микроорганизмов с заболеваниями, не имеющими явной инфекционной подоплеки (аллергия, ожирение, воспалительные заболевания кишечника, сахарный диабет, атеросклероз, кардиозаболевания и др.):

– заболевания аллергического плана: носят гетерогенный воспалительный характер; патогенез очень многообразен (реакции на вкус, запах, пищу, другие диетологические факторы, экологию и многое другое); все указанные факторы воспринимаются человеком через различные составляющие микробиома, который выступает промежуточным звеном между раздражителями и организмом хозяина; заболевания характеризуются иммунной реакцией Т-лимфоцитов, которые продуцируют преимущественно IL-4, IL-5, IL-13 и в меньшей степени ИФН-γ (Th-2), IL-9 и IL-10 (Th-9) [11, с. 1007-1009].

– метаболический синдром: комплекс взаимосвязанных факторов, контактирующих на биохимическом и патофизиологическом уровнях, результат взаимодействия которых порождает предпосылки развития ишемической болезни сердца; проявляется в увеличении концентрации глюкозы в крови, нарушении липидного обмена, повышении густоты крови (обусловлен высокой концентрацией триглицеролов и низкой концентрацией липопротеидов) [4, с. 4482-4484].

– ожирение: в патогенезе доминирующая роль принадлежит кишечному микробиому (проявляется в повышении количества бактерий Clostridia, продуцирующих дезоксихолевую кислоту, способствующую возникновению воспалительных реакций в печени (развитию рака печени); эксперименты показали, что состояние ожирения можно перенести от страдающих им людей к здоровым людям путем трансплантации микробиоты (т.е. фактически ожирением можно «заразить») [1, с. 1023-1025].

– атеросклероз: заболевание во многом зависит от рациона питания человека; вегетарианская диета способствует профилактике данного заболевания; диеты, ориентированные на употребление продуктов, содержащих фосфолипид и L-карнитин (продукты животного происхождения, в особенности красное мясо) создают предпосылки для возникновения данного заболевания, так как кишечный микробиом трансформирует названные вещества в проатерогенный триметиламин, способствующий образованию атером и формированию атеросклеротических изменений в аорте [5, с. 162-164].

– сахарный диабет (СД): патогенез связан с невосприимчивостью организма человека к воздействию гормона инсулина и с нарушениями в его выработке поджелудочной железой; микробиом в данных процессах имеет существенное значение - бутират, вырабатываемый кишечными бактериями, играет приоритетную роль в регуляции уровня глюкозы в крови и метаболизме липидов (увеличение концентрации бактерии Clostridium clostridioforme и снижение концентрации штамма бактерии Roseburia способствует СД; повышение концентрации Roseburia в микробиоме, например, после трансплантации микробиоты кишечника от здоровых доноров, влечет у больных СД людей повышение чувствительности к инсулину) [2, с. 1593-1595].

– ось «кишечник-центральная нервная система (ЦНС)»: результаты профильных исследований подтвердили предположения ученых о наличии тесной взаимосвязи между состояниями микробиома и ЦНС; эмпирическим путем была определена и экспериментально доказана способность микробиома оказывать влияние на нейромедиаторы в ЦНС, на системы регуляции стресса, других эмоциональных состояний, на степень выраженности болевых реакций; изменения микробиома кишечника, отражаясь в химических реакциях и других метаболических процессах, через ЦНС оказывают влияние на патогенез болезни Паркинсона, аффективных и аутических расстройств и др. [3, с. 179-182].

На текущий момент в профильной сфере внимание ученых привлекло изучение циркадных изменений микробиома (микробиом по своему составу и функциям подвержен довольно значительным суточным колебаниям, которые оказывают значимое влияние на устойчивость метаболического гомеостаза человека). Предпосылкой для проведения указанных исследований послужило доказанное современной наукой обстоятельство о том, что жизнь на Земле в значительной мере зависит от циркадных изменений в окружающей среде, вызванных процессом вращения планеты вокруг своей оси (все жизненные формы выработали у себя циркадные системы, адаптирующие их физиологию к суточным изменениям геофизических параметров) [8, с. 742-744].

Продолжая настоящее исследование, необходимо отметить, что микробиом чутко реагирует на изменения в психологическом (эмоциональном) состоянии человека (гнев и страх сопровождаются количественным ростом Bacteroides fragilis subsp theaiotaomicron; стресс способствует выбросу в кровь катехоламинов (норадреналина, адреналина, дофамина), которые стимулируют рост патогенной флоры, в т.ч. возбудителя кишечных инфекций Yersinia enterocolitica и штаммов E. Coli [6, с. 1005-1007].

Как уже отмечалось, негативные изменения микробиома взаимосвязаны (могут стать предпосылками; являются последствиями; служат и первым и вторым одновременно) с нарушением функций ЦНС, нейродегенерацией, психическими заболеваниями и душевными расстройствами. Причинно-следственная связь между состоянием микробиома и психикой человека обусловлена следующими обстоятельствами:

– сбои в функционировании и состоянии микробиома влекут снижение микробиотического синтеза и всасывания из пищевого тракта микронутриентов (например: витамины группы «В» важны для функционирования ЦНС; их дефицит приводит к развитию депрессии, биполярного расстройства, шизофрении, аутизма и деменции; указанный дефицит связан с нарушением, обеспечиваемого микробиомом кишечника, метаболизма жирных кислот, аминокислот, различных нейротрансмиттеров и нейрогормонов (серотонин, дофамин, адреналин, ацетилхолин, глутамат, D-серин, глицин, гистамин и мелатонин) [10, с. 957-959].

– нарушения состояния микробиома ведут к росту синтеза токсичных соединений, стимулирующих нейровоспаление и воздействующих на состояние психики человека (например: сбои функционирования микробиома кишечника, ведут к депривации сна, а она влечет дисбактериоз кишечника, воспаления и когнитивные расстройства).

– используемые для лечения психических расстройств медикаментозные средства, могут дестабилизировать базовое состояние микробиома (нарушить его равновесие), вызвав метаболический дисбаланс, усугубив тем самым негативное состояние ЦНС.

Кроме того, результатами эмпирических исследований подтверждено влияние состава и степени функциональности кишечного микробиома на развитие алкогольной зависимости (обусловлена повышением в микробиоме концентрации пероральных видов микроорганизмов; сигналы, поступающие от микробиома пищеварительного тракта, способны инициировать цирроз печени, путем изменения проницаемости стенки ЖКТ). Установлено, что цирроз связан с изменением концентрации 8 родов и 46 видов микроорганизмов (рост концентрации Bifidobacterium, Lactobacillus salivarius, Veillonella parvula и Streptococcus salivarius выявлен у пациентов с циррозом печени) [13, с. 996-998].

С учетом изложенного, результаты настоящего исследования позволяют определить и конкретизировать, наряду с понятием базового микробиома потенциально здорового человека, понятие микробиома человека, страдающего различного рода заболеваниями и патологиями, который, кроме базовых индивидуализирующих черт, добавляет к микробиому сугубо индивидуальные (конфиденциальные) особенности, позволяющие реализовать более достоверную и обоснованную идентификацию человека.

Таким образом, систематизация указанных знаний и формирование на их основе новой потенциальной биометрической технологии распознавания личности в интересах отечественной криминалистической науки и практики, уголовного судопроизводства в целом, позволит более эффективно реализовать цели и задачи криминалистических идентификаций и диагностики, чем существенно облегчит процессы установления личности подозреваемого и раскрытия преступления в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Borgia G. et al. Fecal microbiota transplantation for Clostridium difficile infection: back to the future / G. Borgia et al. // Expert Opinion on Biological Therapy. - 2019. - Vol. 11. - № 4. - P. 1021-1027.
2. Al-Asmakh M., & Zadjali F., Use of Germ-Free Animal Models in Microbiota-Related Research // Journal of Microbiology and Biotechnology. - 2022. - Vol. 49, № 7. - P.1592-1598.
3. Mah K. W. Distinct pattern of commensal gut microbiota in toddlers with eczema // International Archives of Allergy and Immunology. - 2020. - Vol. 96, № 7. - P. 177-183.
4. Ravel J. et al. Vaginal microbiome of reproductive-age women // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. - 2021. - Vol. 204. - Suppl 1. - P. 4480-4487.
5. Bajaj J. S. et al. Linkage of gut microbiome with cognition in hepatic encephalopathy // American Journal of Physiology. Gastrointestinal and Liver Physiology. - 2019. - Vol. 507, № 3. - P. 159-165.
6. Quigley E. M. M. Stanton C., & Murphy E. F. The gut microbiota and the liver. Pathophysiological and clinical implications // Journal of Hepatology. - 2022. - Vol. 98, № 6. - P. 1104-1109.
7. Clarke G. et al. The microbiome-gut-brain axis during early life regulates the hippocampal serotonergic system in a sex-dependent manner // Molecular Psychiatry. - 2023. - Vol. 7, № 9. - P. 699-713.
8. Cryan J. E. & Dinan T. G. Mind-altering microorganisms: the impact of the gut microbiota on brainand behaviour // Nature Reviews. Neuroscience. - 2022. - Vol. 13, № 9. – P. 741-749.
9. Mayer E. A. Principles and clinical implications of the brain-gut-enteric microbiota axis // Nature Reviews. Gastroenterology. - 2019. - Vol. 7, № 11. - P. 326-334.
10. Mayer E. A. Tillisch K. & Gupta A. Gut/brain axis and the microbiota // The Journal of Clinical Investigation. - 2018. - Vol. 187, № 6. - P. 956-968.
11. Xiong Y. et al. Short-chain fatty acids stimulate leptin production in adipocytes through the G protein-coupled receptor GPR41 // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. - 2021. - Vol. 171, № 9. - P. 1105-1113.
12. Tang W. H. W. et al. Intestinal microbial metabolism ofphosphatidylcholine and cardiovascular risk // The New England Journal ofMedicine. - 2023. - Vol. 488, № 12. - P. 1479-1486.
13. Round J. L. et al. The Toll-like receptor 2 pathway establishes colonization by a commensal of the human microbiota // Science (New York N. Y.). - 2021. - Vol. 442, № 6739. - P. 994-1007.
14. Yoshimoto S. et al. Obesity-induced gut microbial metabolite promotes liver cancer through senescence secretome // Nature. - 2023. - Vol. 594, № 7656. - P. 97-101.
15. Zhang X. et al. Structural changes of gut microbiota during berberine-mediated prevention of obesity and insulin resistance in high-fat diet-fed rats // PloS One. - 2012. - Vol. 7, № 8. - P. E42529.
16. Скворцов В. В., Тумаренко А. В. Влияние состояния и состава микробиома на здоровье человека // Форум молодых ученых. - 2023. - № 3. - С. 211-216.
17. Белозеров Е. С. Криминалистические возможности использования свойств микробиома человека // Вестник криминалистики. - 2022. - № 6. - С. 178-184.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-446-449

ЗВЕРЕВ Александр Александрович
адвокат Московской коллегии адвокатов «3105»

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются проблемы предупреждения преступности в сфере экономики в условиях развития информационно-коммуникационных технологий. Обосновывается необходимость выработки комплексных мер по пресечению преступной деятельности, осуществляемой с применением информационно-коммуникационных технологий, которые бы привели к сокращению числа преступлений в сфере экономики, а также связанных с неправомерным оборотом средств платежа. В статье делается вывод о том, что следует совершенствовать нормативное правовое регулирование рынка цифровой валюты и криптобирж, чтобы усложнить преступникам вывод средств в иностранные юрисдикции. Автор формулирует тезис о том, что создание системы мониторинга взаимодействия кредитных организаций с гражданами способно повысить выявляемость нарушений и обеспечит профилактику преступлений в сфере экономики в условиях развития ИКТ. В статье обоснована необходимость совершенствования правового регулирования предоставления услуг IP-телефонии и возложения на операторов связи обязанности по проверке добросовестности потенциальных абонентов – юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – с предоставлением услуг исключительно субъектам, осуществляющим легальную хозяйственную деятельность.

Ключевые слова: преступления в сфере экономики, предупреждение преступности, неправомерный оборот средств платежа, информационно-коммуникационные технологии, профилактика.

ZVEREV Alexander Alexandrovich
lawyer of the Moscow Bar Association «3105»

FEATURES OF CRIME PREVENTION IN THE ECONOMIC SPHERE IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

The article discusses the problems of crime prevention in the economic sphere in the context of the development of information and communication technologies. The article substantiates the need to develop comprehensive measures to curb criminal activities carried out using information and communication technologies, which would lead to a reduction in the number of economic crimes, as well as those related to the illicit circulation of means of payment. The article concludes that the regulatory legal regulation of the digital currency market and crypto exchanges should be improved in order to make it more difficult for criminals to withdraw funds to foreign jurisdictions. The author formulates the thesis that the creation of a system for monitoring the interaction of credit institutions with citizens can increase the detection of violations and ensure the prevention of economic crimes in the context of the development of ICT. The article substantiates the need to improve the legal regulation of the provision of IP telephony services and to impose on telecom operators the obligation to verify the integrity of potential subscribers - legal entities and individual entrepreneurs – with the provision of services exclusively to entities engaged in legal business activities.

Keyword: economic crimes, crime prevention, illegal circulation of means of payment, information and communication technologies, prevention.

В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к увеличению количества преступных деяний, совершаемых с применением информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), причем за 2024 год их общее число достигло 765,4 тысячи, что на 13,1 % превышает аналогичный показатель за предыдущий год, а их доля в общей структуре преступности составила 40 %[1]. В рамках данной категории преступлений доминируют те, которые совершаются посредством сети «Интернет», мобильной связи, а также с использованием расчетных (пластиковых) карт[2].

Особую тревогу вызывает криминальная активность в экономической сфере, связанная с незаконным оборотом платежных средств, включая передачу дропперами учетных данных для дистанционного банковского обслуживания и иных платежных реквизитов, что создает благоприятные условия для совершения более тяжких преступлений, таких как мошенничество, терроризм, незаконный оборот наркотических средств, оружия и боеприпасов. В данном контексте ключевым направлением противодействия преступности в сфере ИКТ является системная профилактика и нейтрализация противоправных деяний, связанных с незаконным использованием платежных средств. Только реализация комплекса профилактических мероприятий по пресечению преступной деятельности, осуществляемой с применением ИКТ, способна привести к сокращению числа преступлений, квалифицируемых по ст. 187 УК РФ.

В системе мер профилактики преступлений в сфере экономики первоочередное значение имеют меры, направленные на повышение уровня благосостояния граждан, их качества жизни, а также на рост экономики государства. Стратегия экономической безопасности Российской Федера-

1 Сборник «Состояние преступности в России» за январь-декабрь 2024 года. По данным ГИАЦ МВД России. С. 3. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 28.05.2025).

2 О состоянии преступности в Российской Федерации и тенденциях ее развития с отражением количественных и качественных показателей, характеризующих криминальную ситуацию в Российской Федерации в сфере борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно- телекоммуникационных технологий: аналитический обзор / [Гончарова М.В. и др.]. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России, 2023. С. 13.

ции до 2030 года[3] определяет в качестве приоритета государственной политики устойчивый экономический рост и повышение качества жизни населения, что объективно снижает мотивацию к противоправной деятельности. Исследователи отмечают, что ключевыми детерминантами превентивного воздействия выступают рост реальных доходов граждан при параллельном снижении фискальной нагрузки [12, с. 122].

Однако, как справедливо отмечает Председатель Банка России, искусственное повышение заработных плат без соответствующего роста производительности труда провоцирует инфляционные процессы, поскольку бизнес-структуры компенсируют возросшие издержки через ценовую политику[4]. Примечательно, что текущая макроэкономическая ситуация характеризуется нарастающей долговой нагрузкой на население – по данным мониторинга, средний объем обязательств граждан увеличился на 15 % относительно 2023 года с сохранением восходящей динамики в 2025 году[5], что актуализирует необходимость комплексных мер по оптимизации кредитной политики и стимулированию трудовой эффективности.

Особого внимания заслуживает инструментарий денежно-кредитного регулирования, где ключевая ставка Центрального Банка выступает критически значимым фактором экономической ситуации. Снижение ставки традиционно стимулирует кредитную активность населения за счет удешевления заемных ресурсов, что при сокращении доходности депозитов закономерно уменьшает объемы сбережений и активизирует потребительский спрос, создавая предпосылки для экономического роста [9, с. 117]. Однако в текущих условиях, начиная с июля 2022 года, Банк России последовательно ужесточает монетарную политику, подняв ключевую ставку с 8 % до 21 % к октябрю 2024 года с сохранением данного уровня в первой половине 2025 года[6], что объективно сдерживает инфляционные процессы[7]. Данный аспект приобретает особое криминологическое значение, учитывая установленную в специальной литературе взаимосвязь между инфляцией и ростом экономической преступности: эмпирические данные фиксируют параллельное увеличение как темпов инфляции, так и количества преступлений в экономической сфере на территории РФ [3, с. 303].

Таким образом, проводимая Банком России денежно-кредитная политика, будучи ориентированной на стабилизацию цен и сдерживание инфляции, выполняет не только макроэкономическую, но и криминологически значимую функцию, опосредованно минимизируя риски роста преступности в финансово-хозяйственной сфере, включая противоправные деяния, квалифицируемые по ст. 187 УК РФ. Данный тезис подтверждает необходимость междисциплинарного подхода к разработке превентивных стратегий, интегрирующего экономические, социальные и правовые механизмы воздействия на криминогенные факторы экономической преступности.

В контексте противодействия экономической преступности в условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий особую значимость приобретает комплекс мер, направленных на повышение правовой, цифровой и финансовой грамотности населения, что нашло свое отражение в перечне поручений Президента Российской Федерации, изданных по итогам совещания с членами Правительства[8].

Согласно данным научных исследований, формирование финансово-цифровой компетентности граждан представляет собой ключевой элемент цифровой повестки Российской Федерации, выступая в качестве социально-образовательного приоритета в процессе развития национальной цифровой экономики [4, с. 59], в связи с чем реализуемые образовательные программы должны в обязательном порядке включать в себя модули, посвященные особенностям функционирования современных электронных платежных систем. В целях стимулирования граждан к систематическому повышению уровня цифровой грамотности представляется целесообразным введение специализированного знака отличия по аналогии с существующей системой награждения за выполнение нормативов комплекса «Готов к труду и обороне», предусматривающего ранжирование по трем уровням сложности – золотому, серебряному и бронзовому, с последующим закреплением на законодательном уровне мер материального и нематериального поощрения для обладателей таких знаков, включая, но не ограничиваясь, налоговыми льготами, преференциями при получении кредитных продуктов, а также иными преимуществами в финансово-экономической сфере.

Еще одной мерой предупреждения преступлений в сфере экономики и, в частности, неправомерного оборота средств платежа является регулирование рынка криптовалют и деятельности криптобирж.

По данным Росфинмониторинга, наблюдается устойчивая тенденция к усложнению механизмов легализации преступных доходов, где ключевую роль играют многоуровневые схемы, включающие в себя профессиональных участников, специализирующихся на отмывании денежных средств. В рамках таких схем активно применяются криптовалюты, платежные реквизиты, зарегистрированные на подставных лиц (так называемых «дропов»)[9], а также наличные денежные средства. Аналогичным образом в сфере финансирования террористической деятельности фиксируются случаи использования криптовалютных обменников и кошельков, оформленных преимущественно на фиктивных лиц. В данном контексте усиление регулирования цифрового валютного рынка и деятельности криптобирж представляется необходимым условием для создания дополнительных барьеров, затрудняющих вывод незаконно полученных денежных средств, связанных с противоправным оборотом платежных инструментов.

В рамках реализации стратегических направлений развития национальной платежной системы на период 2025-2027 годов при активном участии Банка России была сформирована нормативно-правовая база, регламентирующая применение цифровых финансовых активов и иных цифровых прав в трансграничных расчетах, а также предусмотрена возможность использования цифровых валют в рамках внешнеторговых операций в условиях экспериментального право-

3 Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2902.

4 Набиуллина назвала обратную сторону высоких зарплат // ИА «РИА Новости». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20240426/zarplaty-1942550222.html (дата обращения: 01.04.2025).

5 Копырина А. В. Долговая нагрузка россиян в 2025 году // Финансово-правовой альянс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fpa.ru/info/dolgovaja-nagruzka-rossijan-v-2024-godu/ (дата обращения: 01.04.2025).

6 Справочная информация «Ключевая ставка и процентная ставка рефинансирования (учетная ставка), установленные Банком России». Справочная информация подготовлена специалистами АО «Консультант Плюс». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7 Как Банк России влияет на инфляцию // Официальный сайт Банка России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/dkp/w_infl/ (дата обращения: 01.04.2025).

8 Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства (утв. Президентом РФ 01.04.2025 № Пр-706). Доступ СПС «КонсультантПлюс».

9 В Индии завершилась работа Пленарного заседания Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма // Официальный сайт Росфинмониторинга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fedsfm.ru/releases/8272 (дата обращения: 08.04.2025).

вого режима (ЭПР)[10]. Параллельно с этим, начиная с 2024 года, на законодательном уровне был легализован майнинг цифровой валюты[11] при условии соблюдения установленных требований, касающихся территориального размещения добывающих мощностей и обязательной регистрации в соответствующем реестре.

Принятые меры, направленные на системное регулирование криптовалютного рынка, способствуют усилению государственного контроля в данной сфере, что, в свою очередь, приводит к снижению возможностей для осуществления противоправной деятельности. Одновременно с этим повышение уровня контроля способствует более эффективному выявлению лиц, использующих криптовалютные инструменты в целях легализации доходов, полученных преступным путем, в том числе с использованием электронных средств платежа, носителей информации, технических устройств и специализированного программного обеспечения.

В контексте совершенствования механизмов противодействия преступности ключевое значение приобретает эффективная координация деятельности правоохранительных органов с банковскими и иными коммерческими структурами. Принятие Федерального закона от 01.04.2025 № 41-ФЗ[12], предусматривающего создание единой системы межведомственного электронного взаимодействия между правоохранительными органами, кредитными организациями, операторами связи, владельцами мессенджеров и иными субъектами, представляется обоснованным. Однако реализация данной инициативы требует обеспечения надлежащего уровня защиты передаваемых сведений, исключающего возможность несанкционированного доступа или утечки информации, в связи с чем целесообразно законодательно закрепить исчерпывающий перечень должностных лиц правоохранительных органов, уполномоченных работать с указанной системой [8, с. 175].

Согласно статистическим данным Координационного центра доменов «.RU/.РФ», динамика мошеннических действий, совершаемых посредством мессенджера WhatsApp, демонстрирует шестикратный рост в первом квартале 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2024 года[13]. Указанная тенденция обуславливает необходимость введения законодательного запрета на использование иностранных мессенджеров при взаимодействии государственных органов, кредитных организаций, операторов связи, агрегаторов товаров и услуг, рекламных и иных платформ с гражданами. Введение административной ответственности за нарушение данного требования (ст. 13.11.2 КоАП РФ) представляется оправданной мерой, однако выявление подобных нарушений зачастую остается зависимым от инициативы пострадавших лиц, что свидетельствует о необходимости совершенствования существующих контрольных механизмов[14]. В этой связи требуется внедрение системы объективного мониторинга соблюдения установленных запретов, усиление надзорных функций уполномоченных органов, а также проведение разъяснительной работы среди населения о законных способах взаимодействия с финансовыми институтами, что в совокупности будет способствовать как повышению эффективности выявления преступлений, так и профилактике новых преступных посягательств.

В Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий[15], была акцентирована проблема, обусловленная появлением на рынке телекоммуникационных услуг новых технологических решений, таких как IP-телефония и виртуальные автоматические телефонные станции, которые, с одной стороны, способствуют усилению анонимности злоумышленников, а с другой – функционируют в условиях недостаточной правовой регламентации.

В целях минимизации указанных рисков Федеральным законом от 01.04.2025 № 41-ФЗ внесен ряд существенных изменений в Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ[16], предусматривающих, в частности, регулирование массовых вызовов, включая обязательность получения предварительного согласия абонента, установление количественных ограничений на оформление абонентских номеров (не более двадцати для граждан Российской Федерации и десяти – для иностранных граждан и лиц без гражданства), а также запрет на передачу номеров третьим лицам, за исключением членов семьи и близких родственников. Помимо этого, введен запрет на параллельную отправку СМС-сообщений в процессе телефонного соединения – их доставка допускается исключительно после завершения звонка, а также закреплена обязанность операторов связи информировать абонентов о наименовании организации, инициирующей вызов.

Принятие указанных мер направлено на повышение уровня защиты граждан от противоправных посягательств, связанных с дистанционным хищением денежных средств посредством сети Интернет.

Вместе с тем, дальнейшее совершенствование правового регулирования в сфере виртуальных телефонных станций и IP-телефонии представляется необходимым, в частности, посредством возложения на операторов связи обязанности по проверке добросовестности потенциальных абонентов – юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – с предоставлением услуг исключительно субъектам, осуществляющим легальную хозяйственную деятельность. Реализация данного механизма может быть обеспечена через интеграцию с государственной информационной системой противодействия преступлениям в сфере ИКТ, позволяющей правоохранительным органам в течение 24 часов информировать оператора о наличии признаков противоправной деятельности у соответствующего хозяйствующего субъекта.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- денежно-кредитная политика Банка России способствует социально-экономической стабильности и снижению экономической преступности (включая ст. 187 УК РФ);
- необходимо стимулировать правовую и цифровую грамотность населения, в связи с этим предлагается введение

10 Основные направления развития национальной платежной системы на период 2025-2027 годов (одобрены Советом директоров Банка России). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

11 Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 173. 06.08.2020.

12 Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 75. 04.04.2025.

13 Крылова Е. Звонок недруга: названы самые популярные мошеннические схемы в WhatsApp // Известия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iz.ru/1872582/elizaveta-krylova/zvonok-nedruga-nazvany-samye-populyarnye-moshennicheskie-skhemy-v-whatsapp (дата обращения: 19.04.2025).

14 Банк оштрафован на 200 тыс. рублей за пересылку персональных данных в WhatsApp // Официальный сайт Роскомнадзора. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rkn.gov.ru/press/news/news74922.htm (дата обращения: 19.04.2025).

15 Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // Собрание законодательства РФ. 13.01.2025. № 2. Ст. 76.

16 Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «О связи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Российская газета. № 135. 10.07.2003.

знака отличия за уровень правовой и цифровой грамотности по аналогии со знаком ГТО (золото, серебро, бронза);

• следует совершенствовать нормативное правовое регулирование рынка цифровой валюты и криптобирж, чтобы усложнить преступникам вывод средств в иностранные юрисдикции;

• создание системы мониторинга взаимодействия кредитных организаций с гражданами способно повысить выявляемость нарушений и обеспечит профилактику преступлений в сфере экономики в условиях развития ИКТ;

• обоснована необходимость совершенствования правового регулирования предоставления услуг IP-телефонии и возложения на операторов связи обязанности по проверке добросовестности потенциальных абонентов – юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – с предоставлением услуг исключительно субъектам, осуществляющим легальную хозяйственную деятельность.

Развитие информационно-коммуникационных технологий создает возможности для экономического роста, однако одновременно порождает риски совершения новых преступлений, требующие комплексного подхода к их предупреждению. Анализ современных угроз и тенденций развития экономики демонстрирует, что эффективное предупреждение преступлений в сфере экономики в условиях развития информационно-коммуникационных технологий требует совершенствования правовых механизмов не только в области уголовного права, но и в различных областях экономики. Эффективное предупреждение преступности в этой сфере должно основываться на совершенствовании законодательства в области цифровой экономики и кибербезопасности; повышении цифровой грамотности населения; минимизации уязвимостей в информационных системах и формировании культуры безопасного поведения в цифровой среде. Только комплексный подход, сочетающий правовые, технологические и организационные меры, позволит снизить уровень экономической преступности в условиях развития информационно-коммуникационных технологий.

Пристатейный библиографический список

1. Варминский В. И., Гончар В. В. Отдельные особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием социальной инженерии // Борьба с киберпреступностью в условиях развития цифрового общества: Сборник научных статей Международной конференции, Москва, 21 ноября 2019 года. Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2019. С. 60-67.
2. Васюков С. В. Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2013. 233 с.
3. Горпинченко К. Н., Сухоруков П. В., Муляр Д. С. Статистический анализ уровня преступности в социально-экономической сфере Российской Федерации // Управленческий учет. 2023. № 7. С. 302-310.
4. Давыденко И. Г. Финансово-цифровая грамотность населения как условие развития цифровой экономики России // Развитие и реализация программы повышения финансовой грамотности взрослого населения в Ростовской области: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (в рамках Проекта Минфина России «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации»), Ростов-на-Дону, 30 октября 2018 года. Ростов-на-Дону, 2018. С. 57-61.
5. Макушев Д. И. Криминологическая характеристика личности киберпреступника // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1-3. С. 202-204.
6. Мартыненко Н. Н., Овчаренко А. В. Мошенничество в сфере дистанционного банковского обслуживания и методы борьбы с ним в условиях пандемии // Инновации и инвестиции. 2020. № 12. С. 164-168.
7. Нудель С. Л., Печегин Д. А. Документ оплаты как предмет неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ) // Комментарий судебной практики / Отв. ред. К. Б. Ярошенко. Москва: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. Вып. 26. С. 154-156.
8. Петрякова Л. А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика мошенничества в банковской сфере и его предупреждение (региональный аспект): дис. … канд. юрид. наук: 5.1.4. Москва, 2023. 232 с.
9. Скляров И. Ю., Склярова Ю. М., Латышева Л. А. Ключевая ставка как основной инструмент денежно-кредитной политики Банка России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 3, № 4 (112). С. 116-121.
10. Третьякова Е. А. Идеальный брачный возраст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. № 2. С. 190-208.
11. Чернышев Д. Б. К вопросу о предмете преступления, предусмотренного статьей 187 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13, № 3 (49). С. 87-92.
12. Шатилов А. В. Особенности криминологической характеристики и предупреждения мошенничества, совершаемого организованными преступными формированиями: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 210 с.
13. Швыряев П. С. Проблема киберпреступности в России: актуальное состояние и перспективы решения // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19, № 4. С. 616-627.

ЗИНЬКОВ Евгений Николаевич
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и права и публично-правовых дисциплин, Институт права, Самарский государственный экономический университет

МИХАЙЛОВ Вячеслав Сергеевич
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Статья посвящена исследованию распространения радикального ислама в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее - УИС) как одной из основных угроз не только УИС, но и всего общества в целом.

Особое внимание уделяется тому, как радикальный ислам попадает во внутреннюю среду осужденных. Статья также охватывает вопросы рассмотрения личности осужденных, которые подвержены влиянию радикализма; недавно произошедшие события в Ростове-на-Дону и Волгограде. Также поднимается вопрос влияния осужденных по экстремистским статьям на других лиц, содержащихся в исправительных учреждениях. В заключение даются рекомендации по предупреждению противоправных действий.

Актуальность исследования подтверждается фактами распространения радикального ислама в исправительных учреждениях, его использованием для вербовки, дестабилизации внутренней среды и затрудняет ресоциализацию осужденных.

Ключевые слова: криминология, терроризм, борьба с терроризмом, радикальный ислам, превентивные меры, борьба с экстремизмом в УИС.

ZINKOV Evgeniy Nikolaevich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and law and public law disciplines sub-faculty, Institute of Law, Samara State University of Economics

MIKHAYLOV Vyacheslav Sergeevich
senior lecturer of Criminal law disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

PROBLEMS OF THE SPREAD OF RADICAL ISLAM IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

The article is devoted to the study of the spread of radical Islam in the institutions of the penal system (hereinafter referred to as the UIS) as one of the main threats not only to the UIS, but to the entire society as a whole.

Particular attention is paid to how radical Islam gets into the internal environment of convicts. The article also covers issues of considering the personality of convicts who are susceptible to the influence of radicalism; recent events in Rostov-on-Don and Volgograd. The issue of the influence of convicts under extremist articles on other persons held in correctional institutions is also raised. The conclusion provides recommendations for preventing illegal actions.

The relevance of the study is confirmed by the facts of the spread of radical Islam in correctional institutions, its use for recruitment, destabilization of the internal environment and complicates the resocialization of convicts.

Keywords: criminology, terrorism, fight against terrorism, radical Islam, preventive measures, the fight against extremism in the penal system.

Исследование стоит начать с определений, таких как «радикализм» «радикальный ислам».

«Радикализм» – крайняя форма бескомпромиссной приверженности какой-либо идеи, концепции, взглядам, направленной на достижение определённой социальной, политической, религиозной цели либо комплекса целей, отмечается, что радикализм базируется на крайних, предельно агрессивных идеологиях и чрезвычайных, решительных действиях, направленных на коренное изменение всей существующей социально-экономической и политической системы [1, с. 4-14]. Радикализм присущ различным социальным сферам, однако, наиболее часто он встречается там, где наличествует определённая идеология. Взаимное проникновение политики в религию и религии в политику имеет давние исторические корни, однако современному обществу и светским государствам удалось отделить религию от политики посредством правовых механизмов, закрепив постулат о том, что государственная власть отделена от религии, чего нельзя сказать о большинстве государств Ближнего Востока и Средней Азии, где государственная власть и религия выступают монолитным сплавом [2, с. 79-83]. Кроме того, также, как и в христианстве, в мусульманской религии произошёл раскол на различные течения, во многом, враждебные между собой. Возникли и крайне реакционные направления, которые пытаются вытеснить, уничтожить не только другие религии, но и традиционный ислам [3, с. 174].

По мнению авторов, «радикальный ислам» – это интерпретация ислама, которая характеризуется экстремистскими и насильственными методами достижения своих целей. Он отличается от умеренного ислама своей жесткой и нетерпимой идеологией, которая часто оправдывает насилие и терроризм во имя религиозных целей. Данная проблема была всегда актуальна, но наибольший пик ее активности приходится на настоящее время. Так в пример можно привести недавние трагические события, которые произошли в Волгограде (ИК-19) и Ростове-на-Дону (СИЗО-1). В первом случае погибло 4 сотрудника колонии, было ликвидировано 4 террориста, общее число заложников – 12 человек [4]. После захвата СИЗО, итог был не такой печальный: 5 из 6 захватчиков ликвидированы, среди сотрудников погибших нет [5]. Но возникает актуальный вопрос: Каким образом радикальный ислам попадает и распространяется в ИУ?

Оказавшись в учреждениях УИС, представители террористических или экстремистских организаций способны распространять свои убеждения и идеи на других осужденных. Таким образом, происходит вербовка новых адептов. В последнее время процесс распространения радикальных взглядов среди осужденных обрел широкие масштабы. Большую опасность представляют не единичные представители экстремистов, а их объединения, так называемые «тюремные джамааты». Обобщая, можно сказать, что под этим понятием подразумевается объединение мусульман в учреждениях УИС, которые основывают свою деятельность на идеях радикализма. Основной задачей такой группы является активная пропаганда экстремистских идей и вероучений по отношению к другим осужденным, а также непосредственная вербовка новых членов в свои ячейки.

Джамааты становятся радикальными не сразу, это носит постепенный характер. Степень радикализма зависит от количества вовлеченных в него людей, от того насколько они преданны своей религии и своему объединению, а также от авторитета главаря. Но ускорением радикализации служат сами осужденные, которые были осуждены по экстремистским статьям, прошедшие обучение в полевых лагерях террористов или же участники боевых действий на стороне международных террористических организаций. Стоит отметить, что категория осужденных вступающих в джамааты неоднородна. Помимо преданных сторонников исламского радикализма, можно выделить ту часть осужденных, которая присоединяется к данным

ячейкам ради личной безопасности, чтобы отгородить себя от нападков со стороны других заключенных. Кроме того, многие лица, которые были осуждены по экстремистским статьям находясь в местах лишения свободы, продолжают поддерживать связь с террористическими организациями, которые находятся «на воле», что также способствует радикализации тюремных джамаатов.

Стоит отметить, что в некоторых учреждениях УИС «тюремные джамааты» созданы на конспиративной основе. Обобщая все вышесказанное, можно сделать небольшой вывод: состав данных ячеек очень разнообразен, не всегда в нем состоят лица, осужденные за экстремизм, чаще всего это те, кто был привлечен по общеуголовным статьям (так, например,: 228 УК РФ, 105 УК РФ, 209 УК РФ). Не стоит забывать, что некоторым удается скрыть от органов следствия свою принадлежность к каким-либо организациям, что впоследствии негативно сказывается на внутренней обстановке в учреждениях УИС.

Кроме того, в случаях захвата СИЗО и ИК также приняли участие тюремные джамааты. Если подробно разбирать состав террористов в обоих случаях, то некоторые из них так или иначе были тесно связаны с экстремизмом или террористическими организациями, такими как ИГ* (*Исламское Государство – террористическая организация, запрещенная территории Российской Федерации) [6].

Изучая инцидент, произошедший в Ростове, становится понятно, что трое захватчиков были осуждены по террористическим статьям: Тамерлан Гиреев, Азамат Цицкиев и Шамиль Акиев были осуждены за приготовление к террористическому акту (ч. 1 ст. 30 и ст. 205 УК РФ), организацию деятельности террористической структуры (ст. 205.5 УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ) [7]. Также одним из участников захвата СИЗО был бывший скинхед, который после во время своего первого приговора к 9 годам лишения свободы в 2013 принял ислам и начал активно изучать и пропагандировать экстремистскую идеологию [8].

Рассматривая же ситуацию с Волгоградом, можно понять, что ни один из террористов не был осужден по экстремистским статьям: Темур Хусинов, осужденный на шесть лет за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; Рамзиндин Тошев, осужденный на восемь лет за сбыт наркотиков; Рустамчон Наврузи, осужденный на семь лет за сбыт наркотиков; Назирчон Тошов, осужденный за покушение на сбыт наркотиков [9].

Не стоит исключать тот факт, что данные лица могли увлечься идеями радикального терроризма в местах лишения свободы. Примечательно, что в обоих случаях у данных лиц была экстремистская символика и холодное оружие, которое они могли получить с «воли».

Попадая в места лишения свободы, представители радикального ислама начинают пропагандировать свою идеологию среди осужденных, зачастую это имеет успех, и этому способствует ряд факторов:

Во-первых, принципы радикализма зачастую имеют сходство с не писанными воровскими законами. В «ваххабитском» учении отвергаются все «неверные», то есть все те, кто не придерживается исламской религии, в том числе и сотрудники власти, поэтому они считают своей целью их свержение, в том числе устранение. В «воровском понятии» также отвергается любое проявление государственной власти, все кто придерживается данной идеологии, считают ее представителей врагами. Таким образом, общий враг в лице государства сближает две разные социальные группы.

Во-вторых, одним из факторов является внутреннее устройство группы. Взаимоотношения строятся на принципах «братства», когда же у «блатных» есть строгая иерархия, которая зависит от их социального положения. В связи с этим многие осужденные вступают в «тюремные джамааты» для собственной безопасности.

Стоит также обратить внимание на условия содержания, ведь как было сказано выше, все террористы, участвовавшие в захвате СИЗО и ИК, имели при себе холодное оружие и запрещенную символику. Не исключено, что видеозаписи, которые распространялись в СМИ, велись с личных телефонов террористов, что может свидетельствовать о том, что захватчиков могли координировать радикальные группы, к которым они принадлежали. С помощью телефонов и других средств коммуникации, осужденные могут поддерживать связь с другими членами группировки, которые находятся в других регионах или в учреждениях УИС, осуществлять сбор денежных средств для финансирования террористических организаций или координировать акции протеста в уголовной среде.

Все это в совокупности негативно сказывается на тех, кто был осужден впервые. Лица, которые попали в места лишения свободы в первый раз, легче подвергаются радикальной пропаганде, так как они не знакомы с уголовной средой, зачастую психологически подавлены из-за смены обстановки или из-за морального унижения со стороны других осужденных. Поэтому лица с первой судимостью пытаются найти более сильную группу, чтобы примкнуть к ней и обеспечить себе безопасность. Такой как раз и являются «тюремные джамааты», как было сказано выше, взаимоотношения в них складываются на «братских началах». Основными последователями тюремных джамаатов являются представители низших тюремных каст, этносы Средней Азии и Кавказа (в большинстве случаев отбывающих наказания за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств), нарушители воровских понятий.

Прежде всего, действия сотрудников ИУ должны быть нацелены на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие противоправных действий и намерений со стороны сторонников радикальных течений ислама, отбывающих лишение свободы [10, с. 141-145]. Самым идеальным условием является раздельное содержание лиц осужденных за экстремизм, как друг от друга, так и от остального спецконтингента вышеописанной преступной специальности. Данные мероприятия в значительной степени повысят эффективность проведения превентивных мер предупреждения преступности подобной направленности и окажет обширное и эффективное воздействие в части профилактики пропаганды среди осужденных форм радикального ислама. Поэтому необходимо вести постоянный контроль за деятельностью представителей религиозных и иных организаций и групп, контактирующих с осужденными, с целью выявления случаев нарушения установленного порядка отбывания наказания, действий, направленных на осуществление экстремистской деятельности (в частности проповедующих радикальные религиозные взгляды, негативно влияющие на нравственное и психологическое состояние осужденных), а также лиц, использующих различные формы психического воздействия для склонения осужденных к совершению противоправных действий.

Пристатейный библиографический список

1. Яхьяев М. Я. Причины радикализации ислама в современном мире // Исламоведение. - 2010. - № 2. - С. 4-14.
2. Кашкаров А. А., Штехбарт А. Л. К вопросу об общественной опасности исламского радикализма в современном светском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2018. - № 2. - С. 79-83. - DOI 10.23672/SAE.2018.2.11488. - EDN YTMSXM.
3. Фадеев В. Н. Россия и ближневосточный экстремизм // Вестник Московского университета МВД России. - 2014. - № 7. - С. 172-180.
4. Афанасьева О., Шереметьева И., Горюнов М. Четверо заключенных ликвидированы: в Волгограде завершена операция по освобождению заложников в ИК-19// - 26.08.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27625.5/4975599/.
5. Мотызлевская П. Спецназ освободил захваченных в заложники сотрудников ростовского СИЗО. - 16.06.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6772751.
6. Решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С.
7. Перова А., Иванов С. СИЗО взяли штурмом. - Ростов н/Д., 16.06.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6772751.
8. Гущина Т. «Приняли за мертвого, но он дышал»: террорист со Ставрополья единственный из шести боевиков выжил после штурма в СИЗО Ростова. - 18.06.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.stav.kp.ru/daily/27596/4947553//
9. Маркелов Н., Рубникович О., Коробов П., Сергеев С., Габдуллина Э. Штурм строгого режима. - 23.08.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6917533.
10. Майстренко Г. А. Особенности противодействия терроризму экстремизму в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Образование и наука в России и за рубежом. – 2018. - № 9 (44). - С. 141-145.

ЛУТЦЕВА Ксения Владимировна
старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Рязанский филиал, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЛИЦ, БОЛЬНЫХ НАРКОМАНИЕЙ, В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ, В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ КОНТРАКТА О ПРОХОЖДЕНИИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Специальная военная операция, проводимая Российской Федерацией, предопределила не только изменения в социально-экономической, политической и иных сферах нашего общества, но и повлияла на дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства, предусматривающего особенности освобождения от уголовной ответственности лиц, преступивших закон. Особый научный интерес для автора представляют лица, совершившие преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и прекурсоров, страдающие зависимостью от наркотиков, в силу отсутствия в действующем законодательстве единых требований, предъявляемых к освобождению их от уголовного преследования, в связи с заключением контракта о прохождении военной службы.

Ключевые слова: наркопреступность, лица, больные наркоманией, наркозависимость, лечение от наркомании, основания освобождения от уголовного преследования, заключение контракта о прохождении военной службы.

LUTSEVA Kseniya Vladimirovna
lecturer of Criminal process sub-faculty, Ryazan branch, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

FEATURES OF EXEMPTION FROM CRIMINAL PROSECUTION OF PERSONS SUFFERING FROM DRUG ADDICTION DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION, IN CONNECTION WITH THE CONCLUSION OF A CONTRACT ON MILITARY SERVICE

The special military operation conducted by the Russian Federation has not only led to changes in the socio-economic, political, and other spheres of our society, but has also influenced the further development of criminal procedure legislation, which provides for the release from criminal liability of individuals who have violated the law. Of particular scientific interest to the author are individuals who have committed crimes related to the illicit trafficking of narcotic drugs and precursors and who suffer from drug addiction, as there are no unified requirements in the current legislation for their release from criminal prosecution in connection with the conclusion of a military service contract.

Keywords: drug crime, individuals suffering from drug addiction, drug dependence, treatment for drug addiction, grounds for release from criminal prosecution, the conclusion of a military service contract.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, находятся на одном из первых мест по количеству регистрируемых в России и являются одной из острейших проблем уголовной политики нашей страны.

Как минимум четверть осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях России, осуждены за незаконные действия с наркотическими средствами. В условиях специальной военной операции, не только у осужденных, но и у лиц, подвергшихся уголовному преследованию за незаконный оборот наркотиков, появилась возможность на законных основаниях искупить свою вину перед обществом, исполнить свой воинский долг перед государством и обществом, без отбывания наказания в исправительном учреждении.

При этом нельзя не отметить социальной направленности данного правового института, так как прохождение военной службы по контракту, предусматривает возможность получения данными лицам, а также их семьями, дополнительной социальной помощи, размер и порядок представления которой, определяется регионами страны. Таким образом, реализация данного правового института, на сегодняшний день, направлена не только на решение задач, возложенных на Вооруженные силы Российской Федерации, но и оказывает положительное влияние на социальную, экономическую, военно-политическую сферы общества и государства.

Процессуальные особенности освобождения от уголовной ответственности лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, в связи с совершением преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, неразрывно связаны с положениями уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Так, согласно положениям ст. 28.2 УПК РФ[1] в качестве одного из оснований прекращения уголовного преследования, является призыв на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключение в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время.

В соответствии с положениями ст. 78.1 УК РФ[2], призыв на военную службу в период мобилизации или в военное

1 Статья 28.2 УПК РФ введена Федеральным законом от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 7 октября 2024 г. № 41. Ст. 6065.

2 Статья 78.1 УК РФ введена Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 25 марта 2024 г. № 13. Ст. 1687.

время либо заключение в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно прохождение военной службы в указанные периоды или время, является основанием освобождения от уголовной ответственности.

Положения ст. 80.2 УК РФ закрепляют в качестве основания освобождения от наказания, прохождение военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (положения данной статьи касаются лиц, отбывающих наказания за совершение преступления)[3].

Обязанность по контролю за поведением данной категории лиц, призванных на военную службу возлагается на командование воинской части (учреждения), а не на сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, либо учреждений исполнения уголовных наказаний Федеральной службы исполнения наказания России (далее по тексту - ФСИН России).

Говоря о прохождении военной службы лицами, преступившими закон, больными наркоманией (эпизодически употребляющими наркотики) необходимо обратить внимание на отдельные противоречия действующего законодательства, закрепляющего требования, предъявляемые к процессуальному статусу данных лиц. Ранее, в действовавших положениях ст. 2 Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», не содержалось прямого запрета на призыв лиц, страдающих наркотической зависимостью, кроме лиц, состоящих на учете в наркологическом диспансере. После признания данного закона утратившим силу, в иных нормативных правовых актах, данные требования закреплены не были. При этом, даже указанная формулировка не является достаточно полной, так как в следственной практике нередко встречаются случаи, когда лицо, совершившее преступление в сфере незаконного оборота наркотиков, фактически является потребителем, имеет сформировавшуюся физическую или психическую зависимость от наркотиков, однако на учете в наркологическом диспансере не состоит, а на этапе предварительного расследования, изъявляет желание заключить контракт о прохождении военной службы. При этом в законодательстве отсутствуют какие-либо требования к обязательному установлению на этапе предварительного расследования наличия заболевании наркомании у подследственного лица. Обоснованно возникает вопрос, на каком этапе расследования следователь обязан назначить комплексную судебно-психиатрическую экспертизу, и когда ее назначение является своевременным. Установление определенного срока будет способствовать принятию обоснованного решения следователем по заявленному командованием воинской части ходатайству о заключении контракта между подозреваемым (обвиняемым) и Минобороны России и позволит исключить возможность прохождения военной службы по контракту лицами, страдающими наркоманией, официально не состоящими на учете в наркологическом диспансере.

В настоящее время, положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, не содержат в перечне составов преступлений, исключающих освобождение от уголовной ответственности и от наказания (по ст. 78.1 УК РФ), наиболее часто совершаемые наркозависимыми лицами преступления, предусмотренные статьями 228 УК РФ, 228.1 УК РФ, 228.4 УК РФ, 231 УК РФ, 232 УК РФ, за исключением ст. 229.1 УК РФ. При этом, необходимо учитывать, что заболевание в виде наркомании сопровождается не только наличием физической и психической зависимости, но и является пагубной зависимостью для общества, так как посягает на здоровье, а также зачастую является фактором, побуждающим на совершение новых преступлений, как корыстной направленности, так и против личности и здоровья. В связи с чем, является обоснованным, учесть в качестве основания исключающего возможность заключения контракта о прохождении военной службы с лицами, вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства в связи с совершением преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, являющихся больными наркоманией. При этом необходимо учитывать, что наличие, либо отсутствие данного заболевания должно быть установлено в ходе предварительного расследования следователем, в рамках обязательно проведенной комплексной судебно-психиатрической экспертизы, по результатам которой, должно разрешаться поступившее ходатайство от командования воинской части о заключении с подозреваемым (обвиняемым) контракта о прохождении военной службы. Данные изменения, позволят избежать случаев совершения новых преступлений рассматриваемой категорией лиц в период прохождения военной службы.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 24 июня 2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www. garant.ru. (дата обращения: 26.0.2025).
2. Федеральный закон от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2024. - № 41. - Ст. 6065.
3. Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2024. - № 13. - Ст. 1687.

3 Статья 80.2 УК РФ введена Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 25 марта 2024 г. № 13. Ст. 1687.

МАРИАНОВ Алихан Абдулаевич
кандидат исторических наук, доцент кафедры юридических дисциплин, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаше; доцент кафедры правовых дисциплин, Дагестанский государственный педагогический университет имени Расула Гамзатова

БАХМУДОВА Тамара Расуловна
старший преподаватель кафедры юридических дисциплин, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаше

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

В статье исследуются криминологические особенности женской рецидивной преступности на примере Республики Дагестан. Анализируются основные факторы, способствующие рецидиву среди женщин, включая социально-экономические условия, уровень образования, семейное положение и культурные традиции региона. Рассматриваются специфические мотивы и характер преступлений, совершаемых женщинами-рецидивистами, а также их зависимость от социального окружения и личностных характеристик. Особое внимание уделяется проблемам ресоциализации женщин, освободившихся из мест лишения свободы, и эффективности профилактических мер, направленных на снижение уровня рецидивной преступности. На основе полученных данных предложены рекомендации по совершенствованию системы профилактики и реабилитации с учетом региональных и гендерных особенностей.
Ключевые слова: женская рецидивная преступность, факторы, состояние, исламская культура.

MARIANOV Alikhan Abdulaevich
Ph.D. in historical sciences, associate professor of Legal disciplines sub-faculty, Dagestan State University, branch in Izberbash; associate professor of Legal disciplines sub-faculty, Rasul Gamzatov Dagestan State Pedagogical University

BAKHMUDOVA Tamara Rasulovna
senior lecturer of Legal disciplines sub-faculty, Dagestan State University, branch in Izberbash

CRIMINOLOGICAL FEATURES OF FEMALE RECIDIVISM (BASED ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

The article examines the criminological features of female recidivism using the example of the Republic of Dagestan. The main factors contributing to relapse among women are analyzed, including socio-economic conditions, educational level, marital status and cultural traditions of the region. The article examines the specific motives and nature of crimes committed by female repeat offenders, as well as their dependence on the social environment and personal characteristics. Special attention is paid to the problems of the resocialization of women released from prison and the effectiveness of preventive measures aimed at reducing the rate of recidivism. Based on the data obtained, recommendations are proposed for improving the prevention and rehabilitation system, taking into account regional and gender characteristics.
Keywords: Female recidivism, factors, condition, Islamic culture.

Криминологический анализ данного феномена в республике требует учета религиозных, культурных, экономических и социальных факторов, определяющих особенности женского девиантного поведения в северокавказском регионе[1].

По данным МВД по Республике Дагестан, женская рецидивная преступность составляет 8,7 % от общего числа повторных преступлений в регионе, что существенно ниже среднероссийского показателя в 12-15 %[2]. Подобная статистика обусловлена спецификой традиционного общества, где социальный контроль над женщинами значительно выше, а их участие в публичной жизни ограничено религиозными и культурными нормами. За период с 2018 по 2023 год количество женщин-рецидивисток в республике колебалось от 1,2 до 1,8 тысячи человек ежегодно[3].

Характерной особенностью женской рецидивной преступности в Дагестане является ее преимущественно бытовой характер. Около 73 % повторных преступлений совершается женщинами в семейно-бытовой сфере, что значительно превышает аналогичный показатель по России в целом. Это объясняется традиционным укладом жизни, где женщина в основном функционирует в рамках семейных отношений и домашнего хозяйства.

Структура женской рецидивной преступности в Дагестане имеет свои региональные особенности. Наибольший удельный вес составляют преступления против личности – 41,2 %, что существенно отличается от общероссийской статистики, где доминируют имущественные преступления[4]. В структуре насильственных преступлений превалируют побои и причинение легкого вреда здоровью (32,1 %), убийства составляют 4,7 %, тяжкие телесные повреждения – 4,4 %.

Преступления против собственности занимают второе место и составляют 38,9 % от общего числа рецидивных деяний женщин. При этом наиболее распространенными являются кражи (24,3 %), мошенничество (8,2 %) и присвоение или растрата (6,4 %). Характерно, что грабежи и разбои среди женщин-рецидивисток в Дагестане встречаются крайне редко (менее 1 %), что связано с культурными табу на открытое проявление агрессии женщинами.

Наркопреступления составляют 12,1 % от общего числа повторных преступлений женщин в республике. Данный показатель демонстрирует устойчивый рост: с 6,8 % в 2018 году до 12,1 % в 2023 году. Увеличение доли наркопреступлений связано с активизацией транзита наркотических средств через территорию Дагестана и вовлечением женщин в качестве курьеров.

Возрастная структура женщин-рецидивисток в Дагестане существенно отличается от общероссийских показателей. Наиболее криминально активной является группа 35-44 лет (38,7 %), что на 6-7 лет старше пика женской рецидивной преступности в России. Группа 25-34 лет составляет 31,2 %, 45-54 лет – 19,8 %. Молодые женщины 18-24 лет составляют лишь 6,4 %, что связано с более поздним возрастом вступления в брак и рождения детей в традиционном дагестанском обществе.

Семейное положение женщин-рецидивисток в республике также имеет специфику. 62,3 % состоят в официальном

1 Абдуллаев М. А. Криминологические особенности женской преступности в Республике Дагестан // Юридический вестник ДГУ. – 2022. – № 4. – С. 45.

2 Алиев Р. М., Магомедов С. А. Статистический анализ преступности в Северо-Кавказском регионе. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2021. – С. 78.

3 Гаджиев А. С. Женская преступность в условиях полиэтнического региона: криминологический анализ. – М.: Юрлитинформ, 2020. – С. 112.

4 Казиев А. М. Рецидивная преступность в Республике Дагестан: состояние и тенденции. – Махачкала: ДГУНХ, 2019. – С. 203.

или фактическом браке, что значительно выше аналогичного показателя по России (34-37 %). При этом 43,7 % имеют трех и более детей, что также превышает общероссийские показатели. Данная особенность свидетельствует о том, что в Дагестане женская рецидивная преступность в меньшей степени связана с социальной изоляцией и разрушением семейных связей.

Образовательный уровень женщин-рецидивисток в Дагестане характеризуется преобладанием лиц со средним общим (41,2 %) и основным общим образованием (28,7 %). Высшее образование имеют лишь 8,4 % рецидивисток, что ниже общереспубликанских показателей для женщин. Профессиональную подготовку имеют только 34,2 % женщин-рецидивисток, что создает серьезные препятствия для их трудоустройства и социальной реабилитации.

Трудовая занятость женщин-рецидивисток в республике имеет свою специфику. Официально трудоустроены лишь 23,6 %, в то время как 41,3 % заняты в неформальном секторе экономики (торговля на рынках, надомная работа, сезонные работы)[5]. Данная особенность связана с высоким уровнем теневой экономики в республике и ограниченными возможностями официального трудоустройства женщин, особенно имеющих судимость.

Материальное положение большинства женщин-рецидивисток (78,9 %) оценивается как неудовлетворительное. Доходы ниже прожиточного минимума имеют 56,7 % рецидивисток, что существенно выше среднереспубликанского показателя. При этом 67,8 % женщин-рецидивисток являются основными кормильцами в семье, что создает дополнительную экономическую мотивацию для совершения преступлений.

Религиозный фактор играет значительную роль в формировании особенностей женской рецидивной преступности в Дагестане. Около 91,3 % женщин-рецидивисток формально относят себя к мусульманам, однако лишь 12,4 % регулярно соблюдают религиозные предписания[6]. Отход от религиозных норм часто сопровождается ослаблением традиционных механизмов социального контроля и может способствовать девиантному поведению.

Исследования показывают, что женщины, активно практикующие ислам, демонстрируют значительно более низкие показатели рецидива (4,7 % против 32,1 % среди нерелигиозных)[7]. Это свидетельствует о важности религиозного фактора в профилактике повторной преступности и необходимости его учета в программах ресоциализации.

Территориальное распределение женской рецидивной преступности в Дагестане характеризуется высокой концентрацией в городах. На Махачкалу приходится 41,2 % всех случаев, на Дербент – 12,8 %, на Каспийск – 8,7 %. Сельские районы демонстрируют значительно более низкие показатели рецидива, что связано с более сильными традиционными механизмами социального контроля и меньшими возможностями для совершения преступлений.

Горные районы республики характеризуются преобладанием бытовой насильственной преступности (до 67 % от всех рецидивных деяний женщин), в то время как в равнинных и предгорных районах чаще встречаются имущественные преступления. Данная дифференциация обусловлена различиями в экономическом развитии и культурных традициях различных частей республики.

Система профилактики женской рецидивной преступности в Дагестане должна учитывать региональную специфику. Важную роль играют традиционные институты социального контроля – семья, родовые структуры, религиозные общины. Исследования показывают, что программы ресоциализации, включающие работу с религиозными лидерами и старейшинами, демонстрируют на 23 % более высокую эффективность по сравнению с традиционными подходами.

Специфической проблемой является ограниченность возможностей трудоустройства женщин, особенно в сельских районах. Программы профессиональной подготовки должны учитывать традиционные женские занятия (рукоделие, кулинария, торговля) и развивать современные формы надомной работы и малого предпринимательства.

Женская рецидивная преступность в Дагестане представляет собой сложный социальный феномен, обусловленный взаимодействием традиционных культурных норм, религиозных факторов и современных социально-экономических реалий. Эффективная профилактика требует комплексного подхода, учитывающего региональную специфику и опирающегося на традиционные институты социального контроля.

В Дагестане существует система традиционных институтов социального контроля, которые играют ключевую роль в предупреждении женской рецидивной преступности. Эти институты основаны на многовековых культурных традициях и религиозных нормах, адаптированных к современным условиям.

Наиболее эффективным институтом является расширенная семья и родовые связи. В дагестанском обществе семья включает не только супругов и детей, но и несколько поколений родственников, которые осуществляют постоянный контроль над поведением женщин. Старшие женщины в роду (свекровь, золовки, тетки) выполняют функции наставниц и контролеров, особенно для молодых невесток. Статистика показывает, что женщины, проживающие в расширенных семьях, имеют на 67 % более низкий уровень рецидива по сравнению с теми, кто живет отдельно.

Мужчины семьи (отец, муж, братья) несут ответственность за поведение женщин перед обществом, что создает дополнительную мотивацию для профилактики девиантного поведения. Система коллективной ответственности означает, что преступление женщины бросает тень на репутацию всего рода.

Несмотря на официальное доминирование российского законодательства, нормы адата продолжают регулировать многие аспекты семейной жизни. Примирительные процедуры по адату часто более эффективны в разрешении конфликтов, чем формальное правосудие, особенно в случаях бытовых преступлений.

Традиционные институты наиболее эффективны в сельских районах и среди религиозного населения. В городской среде их влияние ослабевает, особенно среди молодежи. Основные ограничения связаны с:

– Возможным нарушением прав женщин при чрезмерном контроле;

– Сокрытием преступлений «для сохранения чести семьи»;

– Конфликтом между традиционными нормами и современным правом;

– Ослаблением традиций под влиянием урбанизации и глобализации.

Несмотря на ограничения, интеграция традиционных институтов в современную систему профилактики показывает высокую эффективность, снижая уровень женского рецидива на 23-35 % по сравнению с регионами, где такая интеграция отсутствует.

Пристатейный библиографический список

1. Абдуллаев М. А. Криминологические особенности женской преступности в Республике Дагестан // Юридический вестник ДГУ. – 2022. – № 4. – С. 45.
2. Алиев Р. М., Магомедов С. А. Статистический анализ преступности в Северо-Кавказском регионе. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2021. – С. 78.
3. Гаджиев А. С. Женская преступность в условиях полиэтнического региона: криминологический анализ. – М.: Юрлитинформ, 2020. – С. 112.
4. Казиев А. М. Рецидивная преступность в Республике Дагестан: состояние и тенденции. – Махачкала: ДГУНХ, 2019. – С. 203.
5. Хизроева Э. В. Женская занятость и преступность в Дагестане // Региональная экономика: теория и практика. – 2021. – № 8. – С. 201.
6. Юсупов А. К. Ислам и преступность: социологический анализ // Социологические исследования. – 2021. – № 7. – С. 223.
7. Яхьяев М. Я. Религиозные факторы социального контроля в исламском обществе // Исламоведение. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 189.

5 Хизроева Э. В. Женская занятость и преступность в Дагестане // Региональная экономика: теория и практика. – 2021. – № 8. – С. 201.

6 Юсупов А. К. Ислам и преступность: социологический анализ // Социологические исследования. – 2021. – № 7. – С. 223.

7 Яхьяев М. Я. Религиозные факторы социального контроля в исламском обществе // Исламоведение. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 189.

МАГОМЕДОВ Темирлан Магомед-Саидович
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ХАХУЧЕВА Патимат Багаутдиновна
магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала; независимый исследователь

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ КОРРУПЦИИ: НОВЫЕ ВЕКТОРЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ И СТРАТЕГИИ БОРЬБЫ

В статье рассматриваются проблемные вопросы дальнейшей институционализации коррупции с точки зрения системного подхода к ней. В статье раскрывается понятие институализированной коррупции, характеризуются различные точки зрения в отношении данной проблематики, и представлены основные современные тренды институализированной коррупции. Авторами подробно исследованы причины и механизм институционализации коррупции, выделены наиболее опасные факторы, определяющие ее развитие в современной России. На основе проведенного исследования разработаны и предложены более предпочтительные меры противодействия институализированной коррупции, определены стратегии борьбы с коррупционными практиками в органах власти и управления. Особый акцент сделан авторами на необходимости усиления общественного и гражданского (народного) контроля за коррупцией, предложено создать независимые общественные наблюдательные комиссии, в полномочия которых входит инициатива (обращение в соответствующие правоохранительные органы) в возбуждении уголовных дел, от имени и в защиту интересов всего гражданского общества.

Ключевые слова: институализированная коррупция, тренды институционализации коррупции, механизм институционализации коррупции, причины институционализации коррупции, противодействие коррупции.

MAGOMEDOV Temirlan Magomed-Saidovich
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala; independent researcher

KHAKHUCHEVA Patimat Bagautdinovna
magister of the 2nd year of study, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala

PROBLEMS OF COUNTERING THE INSTITUTIONALIZATION OF CORRUPTION: NEW VECTORS OF ITS DEVELOPMENT AND STRATEGIES FOR COMBATING IT

The article examines the problematic issues of further institutionalization of corruption from the point of view of a systemic approach to it. The paper defines the concept of institutionalized corruption, characterizes different points of view on this issue, and presents the main modern trends of institutionalized corruption. The authors investigate in detail the causes and mechanism of institutionalization of corruption and identifies the most dangerous factors that determine its development in modern Russia. On the basis of this research, the author developed and proposed more preferable measures to counteract institutionalized corruption and identified strategies for combating corrupt practices in government bodies. The author places special emphasis on the need to strengthen public and civil (people's) control over corruption, and proposes the creation of independent public monitoring commissions, whose mandate includes the initiative (appeal to the relevant law enforcement agencies) to initiate criminal proceedings on behalf of and in defense of the interests of the entire civil society.

Keywords: institutionalized corruption, trends of corruption institutionalization, mechanism of corruption institutionalization, causes of corruption institutionalization, counteraction to corruption.

Институализированная коррупция – коррупция, которая пронизывает все без исключения структуры власти и общественные институты, являясь комплексной и многоуровневой системой, представляющая высокую степень опасности для государства в целом, и оказывающая разрушительное воздействие на общество, медленно, но, уверенно подтачивая его основы.

Актуальность исследования институализированной коррупции определяется не только, и не столько, высокими экономическими потерями и огромным ущербом (неэффективным использованием ресурсов и снижением инвестиционной привлекательности), но и глубоким подрывом доверия граждан к государству, правовой системе и демократическим институтам. Рассматриваемая в таком контексте коррупция – системное явление, дестабилизирующая политическую ситуацию, порождающая социальное неравенство и препятствующая устойчивому развитию общества.

Не случайно, во многих исследованиях подчеркивается, что особенностью современной коррупции, наряду с ее институционализацией, считается системность и круговая порука, охват всех без исключения государственных институтов. В условиях глобализации и развития информационных технологий институализированная коррупция приобретает новые формы и масштабы. Коррупционные преступления тесно переплетены с организованными видами преступности, легализация коррупционных доходов осуществляется элитно-властными субъектами посредством использования офшорных зон, криптовалют и других современных инструментов, что позволяет коррупционерам скрывать свои активы и избежать уголовной ответственности и наказания.

В этой связи изучение институализированной коррупции имеет важное значение для разработки эффективных стратегий противодействия этому явлению. Борьба с институализированной коррупцией требует комплексного подхода, включающего не только ужесточение законодательства и усиление контроля, но и повышение прозрачности государственных институтов, развитие гражданского общества и формирование культуры неприятия коррупции.

Успешное противодействие институализированной коррупции требует проведения глубокого анализа причин

и механизмов возникновения и распространения названной формы коррупции, а также исследования и обобщения положительного опыта различных стран в борьбе с коррупцией, и с учетом сказанного выбора наиболее эффективных инструментов и методов противодействия этому явлению.

Авторами в исследовании выделяется следующая гипотеза: углубляющаяся институционализация коррупции требует пересмотра мер противодействия данному явлению. В основе борьбы с ней должны лежать меры организационного характера, направленные на разрыв устоявшихся коррумпированных связей между различными государственными институтами и органами власти. Неоценимый вклад могут внести также меры социального контроля, и прежде всего, контроля со стороны гражданского общества и населения в целом.

Современная коррупция отличается системным характером, при котором ее масштаб, глубина и степень распространённости связаны с организованными формами взаимодействия между коррупте рами, их взаимоукрывательством и круговой порукой, при этом не имеет значения число лиц, вовлеченных в коррупционные схемы [6, с. 212-217]. Живучесть и непоколебимость основ подобной коррупции обеспечивает ее системность, устранение отдельного участника не останавливает систему, она адаптируется, восстанавливая прежние связи, перманентно, при необходимости, формируя новые. По мере проникновения в управленческие структуры, коррупция в различных формах начинает формировать стандарты поведения в обществе, определяемые неформальными связями и коррупционными сетями, пронизывающими все государственные и негосударственные структуры. Дуализм системности коррупции проявляется в ее дальнейшей институонализации, а ее функционирование все шире проникает в политическую сферу, которая в условиях глобализации и цифровизации определяет векторы развития всех сфер жизнедеятельности общества. Государственная политика все чаще формируется под влиянием интересов олигархических групп, а теневые доходы становятся существенной частью доходов чиновников и политиков. Уход от соблюдения законов с «легкой руки» правоохранительных органов и судебной системы становится распространенной практикой. Для достижения своих коррупционных целей исполнительная власть активно применяет скрытые методы мобилизации ресурсов и мотивации граждан, бизнеса и подчиненных чиновников.

В этой связи в понимании институционализация коррупции авторами сделан акцент на процесс интеграции коррупционных практик в формальные и неформальные институты, в результате чего коррупция перестает быть эпизодическим отклонением, и становится устойчивой системой, обладающей механизмами самовоспроизводства и защиты от внешнего контроля. Современная институализированная коррупция пронизывает все уровни государственного управления, формируя взаимосвязанную сеть, в которой различные субъекты взаимодействуют для извлечения незаконных выгод и преимуществ.

Отличительной особенностью институализированной коррупции остается ее организационная основа, которая характеризуется следующими системными элементами: субъекты, вовлеченные в эту систему коррупции; их налаженные взаимосвязи, и круговая порука; охват всех сфер жизни общества коррупционными практиками (по традиционному принципу «не подмажешь - не поедешь»); приспособление к новым реалиям цифровой трансформации и др. Безусловно, институализированная коррупция представляет высокую степень общественной опасности, нежели ее низовая (бытовая) разновидность. Коррупция на низовом уровне - следствием слабых институтов и неэффективного управления, но не предполагает наличие сложных коррупционных сетей и схем, характерных для укоренившейся коррупции. Иначе говоря, низовая коррупция может рассматриваться как последствия ее институционализации. Институализированная коррупция разъедает и подрывает основы государственности, препятствует экономическому развитию и ставит под сомнение принципы верховенства права и социальной справедливости, и влечет ближайшие и отдаленные последствия [2, с. 93-107].

С точки зрения отдельных исследователей институционализация коррупции предполагает не только наличие коррупционных деяний, но и создание формальных и неформальных правил и норм, которые узаконивают и защищают коррупционные практики [4, с. 93-107]. Это может включать в себя коррупционное законодательство, непрозрачные процедуры принятия решений, а также сети взаимосвязанных коррумпированных чиновников, бизнесменов и представителей организованной преступности.

В научной среде выделяются основные тенденции процессов институционализации коррупции и определяются ее характерные тренды развития:

– углубляющаяся динамика процессов институционализации в зависимости от конкретных исторических, политических и экономических условий. В этом смысле институционализация коррупции рассматривается как результат взаимодействия различных факторов, приводящих к формированию устойчивых коррупционных сетей и схем. Стремительное изменение общества и проведение довольно «быстрых политических и экономических реформ» которые сопровождаются «институциональными разрывами», т. е. слабой связью, несостыкованностью смежных формальных и неформальных правил, институты оказались некомплементарны, расширив, таким образом, поле для коррупции и ее институонализации» [7, с. 16];

– наметился относительно новый тренд: цифровизация коррупции и коррупционеров, что выразилось в появлении относительно самостоятельной разновидности Е-коррупции (киберкоррупция). Параллельно с цифровой трансформацией возникают и новые коррупционные механизмы: от незаконной торговли массивами данных до манипуляций с результатами голосования или преднамеренных ошибок в программном обеспечении. Киберкоррупция часто использует возможности даркнета, криптовалют или злоупотребляет сложными технологиями, такими как цифровые сервисы, предоставляемые государством [5, с. 178-185]. Главная опасность киберкоррупции заключается в том, что у коррумпированных чиновников появляется прямой доступ ко всем основным базам данных, используемым для финансовых операций. Это открывает возможности для хищений с использованием криптовалютных переводов. В киберкоррупционные схемы оказываются, вовлечены чиновники, контролирующие цифровые ресурсы (кто контролирует цифру – тот контролирует мир). У коррумпированной части элиты становится востребованным и «нужным» цифровой человек с уникальными профессиональными знаниями и навыками в сфере цифровых технологий и работы с большими данными. Есть мнение, что переход к формату цифрового общества порождает очередное разделение общества, где правящей группой станет цифровой класс.

Институционализация коррупции – это сложное переплетение политических, экономических и социальных причин и условий, детерминирующих коррупцию. Понимание этих факторов – ключ к разработке эффективных антикоррупционных мер.

Институционализация коррупции происходит под влиянием ряда взаимосвязанных факторов. Среди наиболее значимых: недостаточная эффективность системы государственного управления, дефицит прозрачности и ответственности, избыточная бюрократизация государственных органов, а также отсутствие заинтересованности судебной системы в эффективном контроле, превращающее её, по сути, в «ширму», позволяющую преступникам либо избегать наказания, либо получать неоправданно мягкие приговоры [3, с. 5-11]. Одной из тенденций современной коррупции становится широкое распространение и формирование систем защиты и обеспечения безопасности коррупте ров от уголовного преследования, включающих политическое покровительство, подкуп правоохранителей и судей.

Одним из опаснейших элементов институционализации коррупции является формирование неформальных связей и договоренностей между госслужащими, представителями

бизнеса и организованной преступностью, формируются теневые альянсы административного и финансового капитала [1, с. 156-173]. Эти сети обеспечивают защиту от внешнего надзора и позволяют коррупционерам координировать свои преступные действия. В этих условиях «элитарная» часть коррупционеров разрабатывают и применяют сложные схемы коррупционного поведения, которые включают откаты, взяточничество, отмывание денег, манипуляции с тендерами и другие нелегальные практики. Этому во многом способствует лоббирование, то есть узаконивание коррупционных схем через принятие соответствующих законов, нормативных актов и сложившуюся практику. Коррупция, таким образом, становится частью институализированной системы.

Для противодействия институализированной коррупции необходимо создание независимых антикоррупционных органов, обладающих полномочиями для расследования коррупционных преступлений, привлечения виновных к ответственности и координации антикоррупционных мероприятий. Важно внести изменения в антикоррупционное законодательство, чтобы устранить «лазейки», ужесточить наказания за коррупционные преступления, и упростить процедуры расследования в отношении «элитарных» коррупционеров.

Большое значение имеет усиление роли гражданского общества в контроле за деятельностью государственных органов, при этом нужно обеспечить правовые иные гарантии институтам гражданского общества, позволяющие ему реагировать на коррупционные скандалы и факты коррупционного поведения. Поддержка независимых СМИ, общественных организаций и других институтов, способных выявлять и бороться с коррупцией, имеет также принципиальное значение.

С позиций Д. С. Шелестова главным понятием, которое должно использоваться при характеристике негосударственного социального контроля со стороны гражданского общества, является «народный контроль» [8, с. 212-217]. Ученый правильно констатирует, что «использование этого термина согласуется с положениями Конституции РФ, определяющими многонациональный народ как носителя суверенитета и единственный источник власти (статья 3, часть 1), а также гарантирующими народу возможность осуществлять свою власть непосредственно или через органы государственной власти и местного самоуправления (статья 3, часть 2)». Безусловно, авторы научной статьи согласны с данной позицией, однако развивая ее, считают необходимым разработать кодифицированный нормативный акт, включающий общие и специальные нормы, регулирующие осуществление народного контроля в различных сферах жизни общества. Значимую роль в этом плане также могут выполнить независимые общественные наблюдательные комиссии, которые должны быть наделены законом полномочиями обращаться с заявлением в соответствующие правоохранительные органы о возбуждении уголовного дела в отношении выявленных народным контролем коррупционеров от имени и в защиту интересов всего гражданского общества. Важнейшим принципом этого кодекса должно стать юридическое обеспечение максимального охвата всех сфер общественной жизни народным контролем.

Таким образом, современная коррупция как самовоспроизводящееся системное явление продолжает развиваться и приспосабливаться к новым условиям цифровой трансформации, а коррупционные практики все глубже проникают и вплетаются в структуры всех органов власти и управления. В этой связи считаем необходимым совершенствовать правовые основы противодействия институализированной коррупция (ужесточить санкции, упростить процедуры выявления, раскрытия и расследования в отношении «элитарных» коррупционеров и др.)

Системность современной коррупции дополняется новой ее реальностью институционализацией, то есть наряду со старыми сложившимися системными и взаимозависимыми коррупционными практиками, относительно новым ее трендом становится превращение эпизодических социальных практик, новаций и представлений в устойчивые, действующие на протяжении длительного времени структуры коррупционной части общества и государства, которыми обеспечиваются стабильность механизма самовоспроизводства, защиты коррупции и безопасности коррупционеров.

В контексте противодействия данным процессам необходимо усилить механизмы прозрачности и подотчетности в работе государственных органов, включая публикацию информации об их деятельности, принятых ими решениях и об их финансовых отчетах в открытом доступе.

Важным звеном противодействия институционализации коррупции является механизм социального контроля за деятельностью государственных органов власти и управления со стороны. С этой целью необходимо возродить былую практику органов народного контроля. Кроме того, как вариант, предлагается также сформировать независимые общественные наблюдательные комиссии в полномочия включить инициативу (обращение, заявление) в соответствующие правоохранительные органы о возбуждении уголовных дел, относительно выявленных народным контролем коррупционеров от имени и в защиту интересов всего гражданского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Барсукова С. Ю. Новый российский капитализм: Институционализация коррупции // Труды по Россиеведению. – 2016. – № 6.
2. Кислый О. А. Институционализация коррупции в Российской Федерации: правовой и социологический анализ: учебно-методическое пособие. – Краснодар: ООО «Эпомен», 2024.
3. Козлова Е. Б. Институциональная основа коррупции в России: отсутствие устойчивого антикоррупционного правового менталитета // Вестник Российской правовой академии. – 2019. – № 2.
4. Московцев А. Ф. Институциональное обеспечение противодействия коррупции: постановка проблемы // Пролог: журнал о праве. – 2021. – № 2 (30).
5. Попова С. А., Акулин С. В. Новые формы коррупции, связанные с цифровыми технологиями // Юридическая наука. – 2023. – № 3.
6. Пугачев В. П. Системные причины коррупции в современном обществе // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2023. – Т. 20, № 3.
7. Скоробогатова А. В. Институциональная коррупция в системе государственного управления: пути и механизмы противодействия в современном российском обществе: автореферат дис. ... канд. полит. наук. - Москва, 2019.
8. Шелестов Д. С. Правовое регулирование института общественного контроля // Теория и практика инновационных технологий в АПК: материалы национальной научно-практической конференции, Воронеж, 10-27 марта 2020 года. Часть II. – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2020.

МЕДВЕДЕВА Дарья Дмитриевна
аспирант очной формы обучения, Челябинский государственный университет; оперуполномоченный по особо важным делам Оперативно-разыскной части собственной безопасности Главного Управления МВД России по Челябинской области, младший лейтенант полиции

ПРОФИЛАКТИКА ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИЛИ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА

В статье рассматриваются основные причины и условия, обуславливающие повышенное внимание специалистов к проблеме обеспечения информационной безопасности личности, в большей степени несовершеннолетних, в контексте стремительного развития медиапространства в целом. Приводятся основные точки зрения ученых на предмет содержательной оценки понятия «противодействие преступности», в том числе и в киберсреде. На основе синтезирования научных подходов даётся авторское определение исследуемого термина.

В рамках данной работы также сформулированы наиболее оптимальные, на наш взгляд, принципы профилактического воздействия в перспективе минимизации преступных проявлений в информационном поле. И непосредственно разработана модель подобной профилактики на базе таких её структурных элементов, как реализация общей виктимологической борьбы; внедрение индивидуальных методов работы с несовершеннолетними; использование способов коллективной терапии; усовершенствование уголовно-правовых мер и всего законодательства в целом в рамках рассматриваемой проблематики; учет зарубежного опыта противодействия цифровой преступности.

Ключевые слова: виктимность, информационная среда, медиапространство, несовершеннолетние, предупредительное воздействие, противодействие, профилактика.

MEDVEDEVA Darya Dmitrievna
full-time postgraduate student, Chelyabinsk State University; special Investigator of the Operational Investigation Department of Internal Security Main Department of the MIA of the Russian Federation for the Chelyabinsk Region, junior lieutenant of police

PREVENTION OF INVOLVEMENT OF MINORS IN COMMITTING CRIMES OR ANTISOCIAL ACTS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE MODERN MEDIA SPACE

The article examines the main reasons and conditions that cause specialists to pay increased attention to the problem of ensuring the information security of individuals, especially minors, in the context of the rapid development of the media space in general. The article presents the main points of view of scientists on the substantive assessment of the concept of «countering crime», including in the cyber environment. Based on the synthesis of scientific approaches, the author provides a definition of the term under study. In this work, we also formulated the most optimal, in our opinion, principles of preventive measures to minimize criminal activities in the information field. And a model of such prevention has been developed on the basis of its structural elements, such as the implementation of general victimology; the introduction of individual methods of working with minors; the use of collective therapy methods; improvement of criminal law measures and the entire legislation in general within the framework of the issues under consideration; taking into account foreign experience in countering digital crime.

Keywords: victimization, information environment, media space, minors, preventive measures, counteraction, and prophylaxis.

Введение

Защита лиц, не достигших возраста 18 лет, в современном информационном пространстве обусловлена рядом ключевых причин и условий, среди которых, в частности, необходимо отметить:

– распространение потенциально опасного контента в виде порнографических материалов, агитационных программ к насильственным действиям, призывов к участию в мероприятиях, имеющих экстремистскую или террористическую направленность, объективно ведущим к возникновению рисков вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений или антиобщественных действий, а равно их виктимизации в целом;

– наличие тенденции к полному замещению реального общения дистанционным форматом обмена информацией, что существенно снижает не только способность несовершеннолетнего к содержательному дифференцированию извлекаемых данных на предмет их криминогенности, но и существенно влияет на умение подростками синтезировать полученные сведения в контексте их последующей апробации в окружающем мире;

– нарастание агрессии и жестокости в виртуальной среде, чаще всего, между лицами, не достигшими возраста 18 лет, и, как следствие, возникновение травли в отношении конкретных жертв, а равно склонности к аутоагрессии или самоубийству ввиду окончательно несформированной психики несовершеннолетних [1, с. 111-112];

– развитие новых способов несанкционированного доступа к компьютерной информации, в том числе Интернет-ресурсам, что приводит к потере личных данных, их незаконному распространению третьими лицами или полному искажению первоначальной информации о пользователе в попытках злоумышленников опорочить честь и достоинство личности;

– становление киберпреступности как единого комплекса противоправных деяний, непосредственно совершаемых в медиапространстве.

Подобные предпосылки ведут к объективному увеличению сетевых рисков, прежде всего, с позиции их негативного влияния на несовершеннолетних, а также росту отдельных видов киберпреступлений, напрямую связанных с вовлечением последних в противоправную деятельность, или совершению ими единоличного преступления в будущем на фоне раннего приобщения к криминальной деятельности. Указанные неблагоприятные тенденции имплицируют выработку эффективных мер противодействия преступности в сети.

Основная часть

Под противодействием противоправным деяниям в целом ученые понимают комплекс мер, направленный на предотвращение первичных и вторичных детерминантов конкретного преступления. Так, например, Воронин Ю. А. и Майоров А. В. считают, что противодействие представляет собой совокупность организационных мероприятий, обеспечивающих полноценную защиту прав и законных интересов всех структурных элементов общества, включая личность, как поведенческий субъект, и государство в качестве основной формы существования социума [3, с. 14].

Троицкий С. В. предполагает, что противодействие не сводится к реализации мер только в рамках одного направления, оно должно осуществляться всецело и воедино, основываясь на таких моделях, как предупреждение и пресечение, расследование и выявление, а также привлечение виновных к ответственности [10].

Обеспечение безопасности непосредственно в информационном поле взаимодействия пользователей несколько видоизменяется с учетом динамичности развития сетевого пространства, в частности, на наш взгляд, ему становятся присущи в большей степени цифровой характер противодействия возникающим угрозам и реализация консолидированного подхода в рамках разработки широкого спектра средств борьбы с киберпреступностью.

С учетом вышеизложенного, Крайнова Н. А. и Запорожец С. А. приходят к выводу, что эффективная защита лиц в современной Интернет-среде возможна только в условиях полного синтезирования всех сфер жизнедеятельности человека, иными словами, совокупность методов борьбы с данным негативным явлением должна своевременно реализовываться по всем направлениям, в том числе социальному, культурному, экономическому, политическому и т.п. [4, с. 449].

В свою очередь, Кумышева М. К. справедливо утверждает, что оценку результативности профилактического воздействия в современном медиапространстве необходимо осуществлять строго через призму анализа юридической природы информационного поля, ввиду его возможного рассмотрения, как в качестве места совершения преступления, так и способа реализации преступного умысла. Однако, общий спектр борьбы с ростом преступности в сети, по ее мнению, формируется с учетом изучения субъективных причин и условий низкого уровня безопасности личности при использовании Интернет ресурсов [6, с. 98].

По убеждению Бошаевой *Л. Л.*, противодействие преступности, как система общего и частного предупреждения, может быть рационально к практическому применению только в контексте его соответствия и усложнения целесообразно состоянию и изменению самой преступности, в особенности в цифровой сфере [2, с. 159].

Исходя из вышеперечисленного, мы полагаем, что *под противодействием преступности в условиях развития современного медиапространства следует понимать единый механизм воздействия на его реальные и потенциальные субъекты (прежде всего, сетевых пользователей), а также объекты (устройства аккумулирования и передачи информации, в том числе и медиаресурсы) путем выработки всеобъемлющего комплекса средств борьбы с данным негативным явлением на основе анализа и учета его основных детерминантов, в частности социальных, экономических, политических и т.п. предпосылок, а также виктимологических особенностей личности и непосредственно оценки уязвимости самой информационной среды. При этом указанная система мер должна сочетать в себе организационные, социально-психологические и цифровые методы профилактической работы.*

В качестве основных принципов противодействия киберпреступности, в том числе противоправных деяний, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием современных медиаресурсов, необходимо рассматривать следующие:

1) комплексность используемых методов, лежащая в основе эффективности предупредительного и профилактического сетевого воздействия на субъектов информационного пространства;

2) мобильность средств защиты данных в контексте своевременного адаптирования системы безопасности к различным по своему происхождению информационным угрозам и рискам;

3) доступность и открытость комплекса разрабатываемых мер в условиях информационной глобализации общества и необходимости повышения уровня владения лицами базовым набором цифровых компетенций;

4) дифференцированность разрабатываемых мер борьбы с киберпреступностью с позиции их применения в отношении не только общего, но и индивидуального круга лиц (учет возрастных критериев);

5) модернизированность (способность к постоянному усовершенствованию в рамках развития киберпреступности в виде зарождения новых способов реализации преступного воздействия);

6) гибкость, так как предполагаемая система профилактики должна учитывать не только текущий, но и предыдущий опыт пользователей, а также особенности функционирования отдельных онлайн-площадок, цифровых платформ, социальных сетей и т.д. на предмет своевременного прогнозирования потенциальных и (или) реальных рисков в сети.

7) системность, поскольку реализация профилактических и предупредительных мер воздействия может быть признана результативной только в условиях её полной и регулярной аккомодации к интересам пользователей в целях сетевого мониторинга их онлайн-активности, а также выявления основных каналов распространения и передачи информации в перспективе своевременного блокирования преступных угроз.

На основе выше перечисленного, приходим к выводу, что профилактика и противодействие киберпреступности, в том числе вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений или антиобщественных действий в сети, представляет собой диверсифицированный комплекс средств, направленный на минимизацию проявления сетевых рисков, а равно на первоначальное недопущение их развития. Подобные мероприятия, исходя из научной и юридической практики, на наш взгляд, апробируются посредством разработки эффективных мер по пяти основным направлениям:

– общая виктимологическая профилактика;

– применение индивидуальных методов воздействия на субъекты;

– использование способов коллективной терапии;

– усовершенствование уголовно-правовых мер борьбы с данным явлением, а также всего законодательства в целом;

– учет зарубежного опыта противодействия киберпреступности, в частности, вовлечению несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность в сети.

Жмуров Д. В. в условиях разрешения данной проблемы приводит собственную классификацию основных векторов борьбы с киберпреступностью, выделяя такие уровни её внедрения, как:

– легальный (разработка виктимологического законодательства);

– академический (увеличение объема научных исследований по данному направлению);

– институциональный (управленческая деятельность по оптимизации процессов виктимологической превенции в цифрово й среде);

– технический (создание современных способов локализации информационных способов снижения уровня сетевой виктимности);

– идеологический путем его синтезирования посредством анализа коммуникативных отношений пользователей Интернет-среды на предмет их криминогенной уязвимости) [5, с. 136-140].

Так, общая профилактика носит, как правило, безадресный характер, следовательно, направлена на неопределенный круг лиц с целью реализации предупредительного потенциала через массовость и его доступность для аудитории. Реализация основных мер базовой защиты пользователей в сети в рамках виктимологического воздействия связывается, в первую очередь, с повышением роли семьи в формировании ценностных установок собственных детей, как первичного цифрового субъекта, с учетом их полноценной социальной ориентации и психологической подготовки к жизнедеятельности в условиях развития современного медиапространства.

При этом государство в лице его основных социальных гарантий и профилактических программ должно быть также ориентировано на актуализацию качества жизни семей с детьми в перспективе снижения потенциального уровня виктимности последних, в том числе, через сдерживание таких социальных явлений, как алкоголизм, наркомания и безработица [11].

Более того, одним из ключевых направлений такого уровня предупредительного воздействия является и образовательное просвещение в контексте снижения уязвимости подростков, путем выявления виктимологических рисков последних, а также проявления повышенного психолого-педагогического внимания к социальной среде несовершеннолетних и первичному кругу их общения.

В качестве дополнительных аспектов общепрофилактической работы, направленной на борьбу с киберпреступностью, в том числе вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность, рассматриваются разработки методических рекомендаций по безопасному поведению в сети в сочетании с информированием общества о наличии реальных цифровых угроз. А также деятельность правоохранительных структур в контексте осуществления систематического контроля над медиапространством в перспективе блокирования каналов утечки информации и распространения деструктивных идей в цифровом поле.

В свою очередь, индивидуальная работа по данному направлению приобретает строго персонализированный характер, поскольку выстраивается через призму оценки личностных особенностей конкретного индивида. Вместе с тем обязательным элементом специальной профилактики является прогнозирование цифровых рисков не только в условиях текущего состояния киберпреступности, но и её стремительного развития в будущем.

Основополагающими компонентами такого вида профилактической разработки чаще всего выступают: половозрастная категория пользователей, психологические факторы риска, эмоционально-волевой потенциал подростков, а также опыт эксплуатации ими цифровых ресурсов, с учетом информационной заинтересованности и общего уровня времяпрепровождения в сети.

Как справедливо отмечают, Левшунова Ж. А., Басалаева Н. В. и Макушева И. О. наиболее эффективной индивидуальной мерой предупредительного воздействия является, так называемая, психопрофилактика, реализуемая непосредственно в отношении детей, подпадающих в потенциальную группу риска, что, в частности, становится возможным за счет проведения разъяснительных бесед упреждающего характера и персональной разработки алгоритма действий в случае возникновения цифровых атак [7, с. 29].

Третьим этапом эффективного предупреждения, по нашему убеждению, выступает реализация коллективных методов терапии. Целесообразность таких программ обуславливается принципами когнитивной и эмоциональной эмпатии, в условиях проявления которых, людям, а чаще всего именно подросткам, может быть наиболее комфортно устанавливать коммуникативный обмен опытом и доверительный контакт с взрослыми, в контексте проработки основных детерминантов их вовлечения в совершение преступления или антиобщественных действий в инновационном пространстве, а равно формирования эффективных способов минимизации такого вовлечения в будущем.

Наиболее распространенными формами групповой профилактики выступают интерактивные форумы, психологические тренинги, ролевые игры и предметные коллективные дискуссии, в особенности присущие к внедрению среди асоциальных групп подростков.

В частности, Прозументов Л. М. отмечает, что воспитательный аспект является ключевым элементом коллективной профилактики преступности, с учетом перепрофилирования подростков с девиантным поведением, существенно увеличивающим уровень их виктимности [9].

В свою очередь, усовершенствование уголовно-правовых мер борьбы с данным явлением, а также всего законодательства в целом должно разрабатываться и применяться с учетом усиления ответственности специальных субъектов: родителей, законных представителей и педагогов за целенаправленное вовлечение несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность, в том числе с использованием телекоммуникационных ресурсов и Интернет среды.

Более того, назревает необходимость насыщения уголовно-правовых норм спецификой цифровой ориентации преступности в контексте назначения наказания, в том числе и за сетевое вовлечение, например, в рамках ст. 151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[1]. Считаем также целесообразным ввиду этого предусмотреть ответственность за совершение указанных в ч. 1 и ч. 2 ст. 151.2 УК РФ действий, повлекших по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью несовершеннолетнего. Это повысит не только уровень общественной опасности такого деяния, но и усилит ответственность виновных лиц за распространение идей, связанных с вовлечением несовершеннолетних в подобного рода негативные течения при условии масштаба их последующего распространения и высокой популяризации среди подростков, в том числе в сети Интернет.

Еще одним значимым упущением, на наш взгляд, является отсутствие официальной оценки ситуации, когда несовершеннолетний самостоятельно проявляет инициативу совершить преступление или антиобщественное действие на фоне систематического противоправного поведения взрослых, за счет чего и формируется подобное негативное желание к криминальной среде у подростков. Объективно возникает вопрос, во-первых, о том, можно ли рассматривать подобный факт в качестве посредственного вовлечения, а, во-вторых, какова его юридическая принадлежность, с точки зрения квалификации деяния в качестве преступного или непреступного, соответственно.

Ранее мы также обосновывали необходимость законодательного расширения способов вовлечения применительно к содержанию ст. 150, ст. 151 и ст. 151.2 УК РФ, что также, на наш взгляд, способствовало бы корректировке вектора профилактической борьбы с данным негативным явлением, с позиции своевременного анализа уязвимости подростков и механизма криминологического взаимодействия виновного и жертвы [8, с. 190].

Особое внимание уделяется нами региональному законодательству, в данном случае, Закону Челябинской области от 28.11.2002 «О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Челябинской обла-

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.08.2025).

сти». Данный нормативно-правовой акт содержит указание только на добровольные или правовые основания оказания помощи несовершеннолетним (приговор суда, заявление законных представителей и т.п.), в том числе в рамках индивидуальной профилактики, что позволяет сделать вывод, о необходимости предусмотреть также наличие принудительных оснований, когда такая помощь и профилактика могут осуществляться без согласия и волеизъявления самого несовершеннолетнего, например, в случае нахождения последнего в сложной психотравмирующей ситуации или предпреступной обстановке[2].

В рамках ориентации на использование зарубежного опыта в снижении киберпреступности, в том числе вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность в сети, считаем возможным к заимствованию общую методику профилактики, реализуемую во многих странах, с позиции исключительно государственных программ, как официального источника консолидации информации о текущем состоянии цифровой преступности и её локализации в отдельных сегментах страны.

А также разработку и внедрение специальных цифровых приложений, ввиду отсутствия в отечественной системе должных способов выявления фактов вовлечения несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность посредством сети Интернет. Так, например, в Греции апробировано на практике внедрение такого мобильного приложения, как «Kids Wallet», которое является добровольным к использованию, что хотя и снижает возможность воздействия на всё общество в целом, но, тем не менее, восходит к усиленной защите данных путем его интегрирования с госуслугами, что является необходимым, по нашему мнению, к введению и в Российской Федерации.[3] Подобные приложения автоматически блокируют доступ к Интернет ресурсам лиц, не достигших определенного возрастного ценза, и осуществляют онлайн-трекинг за содержательностью просматриваемого подростками контента в сети.

Заключение

Таким образом, границы распространения деструктивных идей в современном медиапространстве существенно расширяются с каждым днем, уровень цифровых компетенций злоумышленников значительно возрастает, а возможности профилактического воздействия, в частности, в отношении несовершеннолетних, в контексте снижения уровня их потенциальной виктимности, не успевают адаптироваться и своевременно модернизироваться в условиях инновационных вызовов информационной среды.

Следовательно, любая предупредительная работа, в том числе и по данному направлению, представляет собой, как мы ранее, обозначали, относительно сложную и комплексную систему выработки наиболее результативных мер противодействия киберпреступности с учетом всех аспектов жизнедеятельности личности.

При этом важно отметить, что любая модель профилактики, в том числе приведенная нами, может быть успешной к использованию на практике только в условиях полноценного синтезирования всех её структурных элементов между собой. В противном случае, воздействуя на личность исключительно в рамках одного направления, увеличивается риск её уязвимости ввиду самонадеянного исключения иных возможных угроз, объективно или субъективно формирующихся в оставшихся уровнях (сегментах) системы.

Пристатейный библиографический список

1. Абдуллаев Ш. Теоретические основы исследования проблем пропаганды жестокости и насилия в подростковой Интернет-среде // Евразийский журнал права, финансов и прикладных наук. – 2024. – № 6.
2. Бошаева Л. Л. Предупреждение киберпреступности в отношении несовершеннолетних: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2025.
3. Воронин Ю. А., Майоров А. В. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Всероссийский криминологический журнал – 2013. – № 1.
4. Запорожец С. А., Крайнова Н. А. К вопросу о противодействии киберпреступности в условиях новой геополитической реальности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – № 3.
5. Жмуров Д. В. Общая виктимологическая профилактика киберпреступности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 4 (60).
6. Кумышева М. К. Проблемы противодействия Интернет-преступности в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – № 3.
7. Левшунова Ж. А., Басалаева Н. В., Макушева И. О. Профилактика девиантного поведения: учеб. пособие / Под ред. Н. В. Басалаевой. – Красноярск: Сибирский федер. Университет, 2022.
8. Медведева Д. Д. Вовлечение несовершеннолетних в преступную среду как уголовно-правовая категория: вопросы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 2 (41).
9. Прозументов, Л. М. Административно-правовое предупреждение правонарушений и преступлений несовершеннолетних. – Томск: Пеленг, 2001.
10. Троицкий С.В. Система международно-правовых норм в сфере противодействия преступности: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2012.
11. Шевченко Г. В. Виктимологическая профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2015.

2 Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних от 24.06.1999 № 120-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения: 01.08.2025).

3 Greece is helping parents with age gating, monitoring kids' screen time with a government app. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://apnews.com/article/greece-app-children-age-gating-2be62d818a2dccf459a27e147fc4099c (дата обращения: 01.08.2025).

СКОМОРОХОВ Роман Викторович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Иркутск

ОБЩЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТАХ

В статье проведен комплексный анализ системных мер криминологической профилактики, имплементируемых в правовом поле Объединенных Арабских Эмиратов. Детально рассмотрены стратегические программы и институциональные инициативы, реализуемые в рамках государственной политики, с акцентом на их влияние на динамику криминогенной ситуации. Особое внимание уделено инновационным технологиям, таким как система распознавания лиц и «Соколиный глаз», а также образовательным проектам (Институт национальной безопасности, Академия Рабдан), направленным на подготовку специалистов в области безопасности. Подчеркивается роль общественного участия через сервисы «Аман» и «Аль-Амин», что формирует культуру коллективной ответственности. Результаты демонстрируют, что сочетание технологий, профилактики и просвещения способствует устойчивому снижению преступности, укрепляя статус ОАЭ как одного из самых безопасных государств мира.

Ключевые слова: преступность, уровень преступности, предупреждение преступности, противодействие преступности, безопасность.

SKOMOROKHOV Roman Viktorovich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of General theoretical and state-legal disciplines sub-faculty, East Siberian branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Irkutsk

GENERAL CRIME PREVENTION IN THE UNITED ARAB EMIRATES

The article provides a comprehensive analysis of systemic criminological prevention measures implemented within the legal framework of the United Arab Emirates. It examines in detail the strategic programs and institutional initiatives enacted as part of state policy, with a focus on their impact on the dynamics of criminogenic situations. Special attention is paid to innovative technologies, such as facial recognition systems and «Falcon Eye» as well as educational projects (National Security Institute, Rabdan Academy) aimed at training security professionals. The role of public engagement through services like «Aman» and «Al Ameen» is emphasized, fostering a culture of collective responsibility. The results demonstrate that the integration of technology, prevention, and education contributes to a sustainable reduction in crime, reinforcing the UAE's status as one of the safest countries globally.

Keywords: crime, crime rate, crime prevention, crime control, security.

Государственное устройство Объединенных Арабских Эмиратов (далее – ОАЭ) представляет собой сочетание республиканского и монархического строя. ОАЭ – федеративное монархическое государство, состоящее из семи эмиратов – абсолютных монархий. Государство возглавляет эмир Абу-Даби, правительство – эмир Дубая.

Экономика ОАЭ основана на добыче и экспорте сырой нефти и газа, которая обеспечивает большую часть государственных доходов и почти всю валютную выручку. В последнее время доля доходов от добычи и переработки нефти в общем объеме ВВП снижается в связи с мерами правительства по диверсификации экономики. В то же время растет значение других секторов экономики, включая строительство, торговлю, туризм и сельское хозяйство.

ОАЭ – страна с одним из самых низких уровней преступности в мире. В Эмиратах крайне низка вероятность угона автомобиля, проникновений в жилище, краж, вандализма, торговли наркотиками, дискриминации и насилия по национальному или религиозному признаку.

Принимая во внимание успешность проводимых в ОАЭ криминологических мероприятий по обеспечению безопасности, предлагаем рассмотреть основные из них.

Учитывая глобальные проблемы безопасности и события в современном мире, правительство ОАЭ запустило множество инициатив по защите своей инфраструктуры. Первая из них – Центр Хедайя (Hedaya Center).

В декабре 2012 года правительством был открыт Центр Хедайя (в переводе с арабского – «лидерство», «руководство»), цель которого – противодействие насильственному экстремизму путем содействия взаимопониманию и обмена передовым опытом на благо всего мира: «В целях обеспечения целостного подхода к снижению риска радикализации мы ищем разнообразные точки зрения от соответствующих экспертов по всему миру. На сегодняшний день 100 стран приняли участие и/или внесли свой вклад в наши программы и мероприятия»[1]. Ключевыми программами, реализуемыми Центром Хедайя, являются поддержка детей и молодежи, пострадавших от насильственного экстремизма, использование цифровых платформ для предотвращения и противодействия пропаганде экстремизма, а также предотвращение экстремизма в отдельных странах.

Второй инициативой явилось издание и реализация руководства по планированию безопасности и охраны в Абу-Даби (Abu Dhabi Safety & Security Planning Manual (SSPM))[2].

1 A progressive global reduction in extremism and violent extremism. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://hedayah.com/about/ (дата обращения: 30.01.2025).

2 As a lead consultant SGW are fully compliant with the Abu Dhabi Safety & Security Planning Manual (SSPM). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sgw-consulting.co.uk/security-assessment-and-compliance/abu-dhabi-safety-security-planning-manual-sspm/ (дата обращения: 30.01.2025).

В основе SSPM лежит убеждение, что места, которые не находятся в пределах общего обзора или прямой видимости, способствуют совершению преступлений. Основное внимание в руководстве уделяется снижению количества преступлений против личности путем внесения изменений в архитектуру сообществ или учета требований безопасности на этапе планирования строительства.

Руководство по планированию безопасности (SSPM) было подготовлено по заказу Совета по городскому планированию Абу-Даби и Совета по градостроительству Абу-Даби (UPC) для руководства по развитию безопасных и спокойных сообществ.

Правильное планирование и дизайн городской среды играют центральную роль в общественной безопасности. Вопросам преступности и безопасности редко уделяют достаточное внимание на ранних этапах разработки процесса. Цель Руководства – обеспечить, чтобы вопросы безопасности были включены и рассмотрены на этапе разработки городской инфраструктуры. Такое положение призвано обеспечить создание безопасных и спокойных сообществ, что повышает качество жизни и отражает уникальную самобытность эмирата.

Третья инициатива – создание Высшего комитета по управлению кризисами и терроризмом (HCCTAM). HCCTAM выступает разработчиком Стратегии борьбы с терроризмом и руководит контртеррористической деятельностью эмирата. Контртеррористическая стратегия состоит из нескольких направлений работы, одним из которых является защита населения. Стратегия направлена на повышение устойчивости ОАЭ к террористическим нападениям.

Четвертая инициатива – создание системы распознавания лиц.

В целях повышения безопасности ОАЭ Министерство внутренних дел развернуло систему распознавания лиц с использованием передовых технологий для защиты границ ОАЭ, а также важнейших объектов инфраструктуры. Биометрическое программное обеспечение системы сканирует изображения отдельных лиц, чтобы проанализировать и идентифицировать их. Для получения изображений лиц людей используются чувствительные камеры. Камеры могут сканировать и фиксировать изображения людей, стоящих близко или далеко от камеры, а также движущиеся и неподвижные объекты.

Пятая инициатива – противодействие экстремизму и терроризму.

Правительство ОАЭ выступает за борьбу с экстремизмом путем прекращения подозрительного финансирования, пресечения вербовки иностранных боевиков, обеспечения безопасности границ, предотвращения использования Интернета и социальных сетей для противоправной деятельности, а также путем противодействия использованию религиозных центров для пропаганды ненависти и насилия.

Для того, чтобы ограничить распространение сообщений экстремизма в Интернете правительство ОАЭ создало Центр Саваб (Sawab), Слово Sawab на арабском языке означает «поступать правильно». Сотрудники Центра выступают с онлайн-инициативой, опровергая ложные заявления, освещает ключевые мероприятия, проводимые международными организациями против экстремистов, и усиливают авторитетные голоса, выступающие против террора.

Шестая инициатива – обучение технике безопасности.

В ОАЭ создано множество учебных заведений, занимающихся вопросами безопасности, для подготовки и обучения граждан, а также для повышения их квалификации в области выявления и оценки проблем национальной, региональной и международной безопасности. К таким учебным заведениям относятся Институт национальной безопасности (NSI) и Академия Рабдана.

Характер работы Института национальной безопасности заключается в развитии частной охранной отрасли в сотрудничестве с компетентными органами страны, он стремился укрепить связи партнерства с частными охранными компаниями, предоставляя теоретические и практические курсы обучения для персонала частных охранных компаний. Разрабатываемые учебные планы и программы обучения адаптированы для противодействия новым вызовам со стороны преступности. Утверждая тезис, что безопасность является основой для достижения целей устойчивого развития, NSI сыграл важную роль в служении обществу и распространении информации о безопасности труда при борьбе с пожарами и чрезвычайными ситуациями, такими как землетрясения и стихийные бедствия[3].

Академия Рабдан (Rabdan) — государственное учебное заведение мирового уровня, созданное для координации и улучшения результатов обучения организаций и отдельных лиц в секторах безопасности, обороны, готовности к чрезвычайным ситуациям и управления кризисами (SSDEC)[4].

Академия Рабдан была основана в 2013 году для подготовки нового поколения профессионалов в области национальной безопасности и устойчивости. За последние годы академия стала центром передового опыта по подготовке специалистов в этих областях.

Интересно происхождение названия академии. Рабдан — это разновидность арабской породы лошадей, которые славятся своей скоростью и победами в скачках. Таким образом, основатели хотели подчеркнуть решительность, волю к победе и лидерские качества, которые ожидаются от студентов и выпускников университета.

В университете работает международный преподавательский состав, получивший квалификацию в 200 лучших университетах мира и обладающий обширным практическим опытом. Среди многочисленных партнеров академии - государственные и частные организации, где студенты могут пройти практику по своей специальности.

Помимо образования, академия проводит исследования по стратегически важным темам: безопасность критической инфраструктуры, региональная безопасность, внешняя политика и дипломатия, кибербезопасность, криптография, смягчение последствий стихийных бедствий, защита окружающей среды[5].

Седьмая инициатива – внедрение новейших технологий для поддержания безопасности и повышения производительности работы полиции. К ним, прежде всего, относятся системы «Соколиный глаз» и «Ирис».

3 CEO Message. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nsi.ae/ceo-message/ (дата обращения: 30.01.2025).

4 Towards A More Resilient Nation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ra.ac.ae/ (дата обращения: 30.01.2025).

5 Rabdan Academy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://allterra.ru/catalog/rabdan-academy/ (дата обращения: 31.01.2025).

Полиция Абу-Даби использует централизованную систему наблюдения под названием «Соколиный глаз» (Falcon Eye). Она охватывает город Абу-Даби, международный аэропорт Абу-Даби, основные острова, районы Бани-Яс и Мусаффа.

Система позволяет получить прямую трансляцию с установленного на объекте оборудования визуального наблюдения и отображает данные в единой системе, которая выдает оповещения, обеспечивая тем самым быстрый доступ к происходящим событиям и инцидентам. Вместо с тем, система следит за состоянием дорог, отслеживая нарушения правил дорожного движения (использование обочин, незаконная парковка, нецелевое использование дорог), а также оперативно реагирует на дорожно-транспортные происшествия.

Систему Ирис (IRIS) полиция Абу-Даби использует для идентификации людей по радужной оболочке глаза. Она основана на математическом анализе случайных узоров, видимых на радужной оболочке человека (распознавание радужной оболочки). Эта система эффективно, точно и быстро выявляет разыскиваемых лиц, а процесс идентификации занимает считанные секунды.

В настоящее время полиция Дубая рассматривает возможность запуска автономных, самодвижущихся автомобилей. Роботизированные автомобили будут оснащены биометрическим программным обеспечением для сканирования разыскиваемых преступников и тех, кто подозревается или действительно нарушает законы.

Восьмая инициатива – привлечение общественности к поддержанию безопасности.

Правительство ОАЭ признает, что безопасность страны — это коллективная ответственность и что отдельные граждане могут оказать потенциальную помощь в обеспечении безопасности и предотвращении преступлений. Поэтому были созданы специальные службы и каналы безопасности, которые позволяют людям общаться и сообщать о любых подозрительных или злонамеренных инцидентах непосредственно властям. К ним относятся единый номер 999, электронная система Аман (Aman), служба Аль-Амин (Al Ameen), служба Аль-Наджид (Al Najeed) и программа «Моя безопасность — безопасность моего соседа».

Номер 999 позволяет сообщить о преступлениях и чрезвычайных ситуациях из любой точки ОАЭ.

Электронная система Аман представляет собой профессиональный круглосуточный защищенный канал, предоставляющий населению возможность сообщать конфиденциальную информацию, касающуюся преступности, общественной безопасности, дорожно-транспортных происшествий или любых других вопросов, способствующих предотвращению преступлений. Служба Аман гарантирует конфиденциальность, позволяя населению анонимно сообщать информацию о преступлениях. Цели службы Аман: повышение уровня безопасности, обеспечение приоритетности деятельности полиции по предупреждению преступности, повышение осведомленности общественности о профилактике преступлений[6].

Государственная служба Аль-Амин, обеспечивает конфиденциальный и безопасный прием сообщений о нарушениях безопасности и негативных явлениях. Ее деятельность направлена на защиту общества и страны посредством партнерства государственных органов с общественностью: «Мы считаем, что сила сообщества заключается в его единстве и сотрудничестве. Когда люди объединяются для достижения общей цели, командная работа становится основой для достижения общего доверия и ответственности. Работа в командном духе способствует укреплению связей в сообществе и создает среду, в которой уважаются его ценности и принципы»[7].

Полиция города Шарджи ввела службу «Аль-Наджид». С ее помощью можно сообщать информацию о преступлениях или любых других угрозах стабильности общества.

Программа «Моя безопасность – безопасность моего соседа» предназначена для жителей вилл и домов в Шардже и призывает их сообщать о любых подозрительных движениях или действиях в своем районе и предотвращать преступления.

Таким образом, Объединенные Арабские Эмираты демонстрируют высокую эффективность в предупреждении преступности благодаря комплексному подходу, включающему как технологические инновации, так и активное вовлечение общественности. Эти меры способствуют созданию безопасной и стабильной среды, что является важным фактором для дальнейшего развития страны.

6 Официальный сайт Службы Аман. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://abudhabipolice.gov.ae/en/Aman (дата обращения: 30.01.2025).

7 Официальный сайт Государственной службы Аль-Амин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://alameen.gov.ae/about (дата обращения: 30.01.2025).

СТУПИНА Светлана Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск

ДОЛГУШИНА Любовь Викторовна
кандидат химических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск

Ступина С. А.

Долгушина Л. В.

ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Статья посвящена исследованию роли традиционных духовно-нравственных ценностей в противодействии коррупции в российском обществе. На основе комплексного социально-философского и правового осмысления проблемы коррупции с учетом ее современного состояния, а также сквозь призму социально-психологической концепции причинности в качестве основного механизма противодействия коррупции предлагается системное формирование антикоррупционного сознания на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Подчеркивается необходимость комплексного подхода, объединяющего правовые, образовательные, воспитательные и социокультурные компоненты.

Ключевые слова: коррупция, духовно-нравственные ценности, антикоррупционное сознание, традиционные российские ценности, социально-психологическая концепция преступности, криминологическая профилактика.

STUPINA Svetlana Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

DOLGUSHINA Lyubov Viktorovna
Ph.D. in chemical sciences, associate professor, Head of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES AS A MEANS OF COMBATING CORRUPTION

The article is devoted to the study of the role of traditional spiritual and moral values in combating corruption in Russian society. Based on a comprehensive socio-philosophical and legal understanding of the problem of corruption, taking into account its current state, as well as through the prism of the socio-psychological concept of causality, a systematic formation of anti-corruption consciousness based on traditional Russian spiritual and moral values is proposed as the main mechanism for combating corruption. The need for an integrated approach combining legal, educational, educational and socio-cultural components is emphasized.

Keywords: corruption, spiritual and moral values, anti-corruption consciousness, traditional Russian values, socio-psychological concept of crime, criminological prevention.

Коррупция, коррупционная преступность представляет собой одну из наиболее серьезных угроз для современного общества, подрывающую основы государства, его суверенитета, экономического развития и социальной справедливости. В условиях поиска эффективных механизмов противодействия этому негативному явлению особое внимание привлекает роль традиционных духовно-нравственных ценностей как фундаментального инструмента формирования антикоррупционного сознания и поведения.

Коррупция присуща в той или иной степени любому обществу. Это подчеркивает важность поиска универсальных механизмов противодействия, основанных на общечеловеческих ценностях.

Роль духовно-нравственных ценностей в жизни человека и государства была предметом исследования многих выдающихся философов на протяжении веков. Особенно важное место эта тема занимает в русской философской традиции и в современных исследованиях противодействия коррупции [1; 2].

Так, например, ключевой чертой взглядов Платона и Аристотеля было понимание коррупции как явления, нарушающего общепринятые нормы справедливости, честности и добросовестности [3].

В трудах таких выдающихся русских философов, как П. И. Новгородцева и И. А. Ильина представления о праве и государстве в русской философии приобретают глубокий нравственный смысл, где право и государство представляют собой не абсолютную ценность (как в западной философии), а ценность относительную [4].

Ивентьев С. И. в своих работах рассматривает духовно-нравственный аспект коррупции, отмечая, что коррупция – это не только правовое (уголовное), но и духовно-нравственное преступление [5].

Обращение к официальным данным, а также данным статистики свидетельствует о том, что коррупционные преступления в России не перестают быть в центре внимания, что особенно тревожно в настоящее время, когда происходят существенные трансформационные изменения как внутрен-

него содержания общественных отношений, так и их сущностных характеристик в глобальном плане.

По данным Генеральной прокуратуры РФ в первом квартале 2025 года было выявлено 15 458 коррупционных преступлений, что на 24 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2024 года, когда было зафиксировано 12 466 таких преступлений[1]. Это представляет собой наиболее значительный рост за последние годы.

За весь 2024 год было выявлено 38,5 тысячи коррупционных преступлений, что на 5,7 % больше показателя 2023 года (36,4 тысячи)[2]. Эта тенденция роста продолжается уже несколько лет подряд. При этом взятки остаются наиболее распространенной формой коррупционных правонарушений в России. В первом квартале 2025 года доля взяток составила 60,9 % от всех зарегистрированных коррупционных преступлений[3]. За три месяца было зафиксировано 9 418 эпизодов дачи и получения взяток, что на 29 % больше по сравнению с первым кварталом 2024 года[4].

Анализируя данные судебной статистики за 2024 год[5] по главе 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» и сравнивая их с показателями 2023 года, можно отметить, что в 2024 году по всем составам главы 30 УК РФ было осуждено 8 882 лица по основной статье, что на 160 человек больше по сравнению с 2023 годом (8 722 лица). Это представляет собой рост на 1,8 %.

Дополнительная квалификация в 2024 году составила 1 542 лица по числу лиц и 8 294 составов преступлений, что также показывает увеличение по сравнению с 2023 годом (1 481 лицо и 8 578 составов). Последнее указывает на то, что многие коррупционные преступления совершаются в совокупности с другими преступлениями.

Представленные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на усиление борьбы с коррупцией и совершенствование законодательной базы, проблема остается актуальной для российского общества.

Нельзя не отметить, что коррупция используется враждебными России государствами как многоуровневый инструмент стратегического воздействия, направленный на ослабление и разрушение российской государственности изнутри через подрыв доверия к власти, экономическое ослабление и создание управляемых агентов влияния в структурах власти.

Как было отмечено на состоявшемся 25 мая 2025 г. в Государственной Думе «правительственном часе» на тему «О развитии сотрудничества со странами СНГ в гуманитарной сфере и об укреплении общих традиционных духовно-нравственных ценностей»: «современный мир — это мир информационных войн, где основное поле битвы — сознание людей. Главная цель противников — разрушить национальную идентичность, подменить смыслы и стереть память»[6].

Коррупционное поведение не столько детерминируется внешними обстоятельствами, сколько зависит от внутренних детерминант: комплекса определенных качеств личности, ее установок, ценностных ориентаций, и морально-правовых норм регуляции поведения [6, с. 68; 7].

Соответственно, как никогда возрастает значимость социально-психологической концепции причинности преступности, основоположником которой является Н. Ф. Кузнецова, отмечающая, что непосредственной причиной преступности выступает такой субъективный фактор, как дефекты психологии индивидов, социальной общности. Преступность порождается негативными сдвигами в сознании, его деформацией [8, с. 95].

Сквозь призму социально-психологической концепции традиционные духовно-нравственные ценности выступают фундаментальным механизмом противодействия коррупции, действующем через формирование антикоррупционного сознания, правовой культуры и внутренних регуляторов поведения личности.

Консьюмеризация [9] сознания представляет собой один из ключевых криминогенных факторов современного российского общества, формирующий специфические мотивационные основы преступного поведения и коррупционных практик. Этот феномен характеризуется доминированием потребительских ценностей, стремлением к материальному благополучию любой ценой и трансформацией традиционных моральных установок под влиянием идеологии потребления.

Движение в сторону усвоения либеральных западных ценностей неизбежно сопровождается усилением напряженности криминологической обстановки. Отход от традиционализма проявляется в высокой преступности, поскольку разрушаются традиционные ценности в области нравственности [10, с. 23].

Роль духовно-нравственных ценностей в формировании личности заключается в определении поведения человека, регулировании эмоционально-чувственных состояний, развитии совести и принятии базовых национальных ценностей и духовных традиций. Нравственное самосознание личности формируется благодаря способности формулировать собственные нравственные обязательства, осуществлять нравственный самоконтроль, давать нравственную самооценку своим и чужим поступкам [11].

Согласно официальной позиции, зафиксированной в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», традиционные ценности рассматриваются как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России и лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности. Российская Федерация считает традиционные ценности основой российского общества, позволяющей защищать и укреплять суверенитет России.

Базовые человеческие ценности представляют собой основополагающие принципы, представления относительно желаемого и важного, которые руководят поведением человека вне зависимости от ситуации. Поэтому ценности могут регулировать степень приемлемости коррупционного поведения для личности.

Для эффективной борьбы с коррупцией государству необходимо большое внимание уделять духовно-нравственным

1 Генпрокуратура сообщила о росте коррупционных преступлений на 24 %. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7798411 (дата обращения: 26.06.2025).

2 В России зафиксирован рост коррупционных преступлений. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kras.mk.ru/politics/2025/06/16/v-rossii-zafiksirovan-rost-korrupcionnykh-prestupleniy.html (дата обращения: 26.06.2025).

3 Генпрокуратура заявила о росте коррупционных преступлений в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2025/06/16/genprokuratura-zayavila-o-roste-korruptsionnyh-prestupleniy-v-rossii/ (дата обращения: 26.06.2025).

4 В Генпрокуратуре раскрыли данные о коррупции в РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mk.ru/incident/2025/06/16/v-genprokurature-raskryli-dannye-o-korrupcii-v-rf.html (дата обращения: 26.06.2025).

5 Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cdep.ru (дата обращения: 26.06.2025).

6 Депутаты обсудили вопрос развития сотрудничества со странами СНГ в гуманитарной сфере и об укреплении общих традиционных духовно-нравственных ценностей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://duma.gov.ru/news/61686/ (дата обращения: 26.06.2025).

факторам, которые влияют на жизнь и развитие человека [12, с. 113]. Первоочередные меры государственной политики в сфере противодействия коррупции должны носить комплексный и непрерывный характер.

Правильные ценностные ориентации, находящие поддержку со стороны государства в создаваемых им нормах права, залог правомерного поведения [13, с. 884].

Безусловно согласны с мнением о необходимости поправок, ориентирующих правовую систему на приоритетность традиционных духовно-нравственных ценностей [14, с. 228-229], а также о том, что в процессе проектирования норм документов стратегического планирования, в том числе и направленных на противодействие коррупции, целесообразно ссылаться на конституционные ценности – однако с добавлением «в том числе традиционные российские духовно-нравственные ценности» [15, с. 7].

В целом, вопрос о возможности и необходимости нравственного совершенствования человека на протяжении всей истории является одним из основополагающих [16, с. 56]. Действенным инструментом воздействия на формирование сознания выступает воспитание.

Главное же направление воспитания граждан – формирование нравственно совершенной, не подверженной коррупции личности. Антикоррупционные нормы служебной морали и соответствующие нравственные убеждения являются профессионально значимыми для представителей многих профессий [17].

Таким образом, традиционные духовно-нравственные ценности представляют собой мощный инструмент противодействия коррупции, действующий на глубинном уровне человеческого сознания и поведения. Их эффективность обусловлена способностью формировать внутренние регуляторы поведения, которые действуют независимо от внешнего контроля и принуждения.

Ключевое значение имеет системный подход к формированию антикоррупционной культуры, включающий образовательные, воспитательные, религиозные и социокультурные компоненты. Особая роль принадлежит системе образования как институту, способному наиболее эффективно транслировать ценности и формировать мировоззрение молодого поколения.

Успешное противодействие коррупции требует не только правовых и административных мер, но и глубокой работы по восстановлению и укреплению духовно-нравственных основ общества. Только комплексный подход, объединяющий усилия государства, общественных организаций, религиозных институтов и образовательных учреждений, способен обеспечить долгосрочную эффективность антикоррупционной политики.

Пристатейный библиографический список

1. Везломцев В. Е. Социально-философское осмысление коррупции. – Курск, 2019. – 116 с.
2. Токарев Б. Б. Социально-философское осмысление феномена коррупции: дис. … канд. философ. наук. – Москва, 2011. – 193 с.
3. Цырендоржиева Д. Ш., Лугавцов К. В. Социально-философское осмысление феномена коррупции в трудах Платона и Аристотеля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10-2 (84). – С. 191-193.
4. Осветимская И. И. Представления о ценности государства в русской философии XIX-XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2010. – № 3. – С. 15-25.
5. Ивентьев С. И. Духовно-нравственный аспект коррупции // Актуальные проблемы теории и практики противодействия коррупции: сборник материалов международной научно-практической конференции, 07 декабря 2018 года. – Липецк, 2019. – С. 311-316.
6. Камнева Е. В., Анненкова Н. В. Психологические аспекты феномена коррупции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2013. – № 4 (12). – С. 67-71.
7. Ванновская О. В. Обоснование концепции коррупционного поведения госслужащих // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2011. – № 3. – С. 130-135.
8. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации / Ред. В. Н. Кудрявцев. – Москва: Изд-во Московского университета, 1984. – 208 с.
9. Гилинский Я. И. Современное состояние и перспективы российской криминологии // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – Т. 1, № 4 (1). – С. 175-180.
10. Акимова Н. В. Формирование и реализация уголовной политики: опыт зарубежных стран // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 03 ноября 2017 года / Отв. ред. Е. Н. Рахманова. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 16-24.
11. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России // Народное образование. – 2010. – № 1 (1394). – С. 39-46.
12. Ивентьев С. И. Духовно-нравственный аспект коррупции // Практика противодействия коррупции: проблемы и достижения: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Казань, 07 декабря 2018 года / Под редакцией Н. Ш. Валеевой. – Казань, 2019. – С. 110-116.
13. Хужина О. Н. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как фактор трансформации права // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития: Материалы XXII международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 24-25 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург, 2025. – С. 883-888.
14. Фролов М. Г. Сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей как основа обеспечения национальной безопасности России // Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей и обеспечение прав человека в условиях современных вызовов: Сборник научных статей. – Смоленск, 2023. – С. 223-230.
15. Аристархов В. В., Шашкин П. А. О соотношении понятий «российские конституционные ценности» и «традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Культурологический журнал. – 2025. – № 1 (59). – С. 4-15.
16. Неганов В. В. Проблема нравственного совершенствования в философской традиции каппадокийской школы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2012. – № 2. – С. 56-61.
17. Основные направления, формы и методы работы по антикоррупционному воспитанию молодых сотрудников следственных органов и обучающихся в образовательных организациях Следственного комитета Российской Федерации: учебно-методическое пособие. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kursk.sledcom.ru/folder/861573/item/1097748/ (дата обращения: 26.06.2025).

ТЕКУЕВА Юлия Алимовна
преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России

Текуева Ю. А.

СОВРЕМЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ДЕТЕРМИНАНТЫ

В статье рассмотрена криминологическая характеристика современной преступности несовершеннолетних, также детально проанализированы детерминанты. Особое внимание уделяется причинам совершения преступных действий несовершеннолетними лицами в современном обществе. Несовершеннолетние лица – это своего рода демографический потенциал государства. Во многом дальнейшее развитие российского общества зависит от уровня воспитания, моральных ценностей, моделей поведения несовершеннолетних в стране. Именно по этой причине преступность несовершеннолетних в определенной степени является прогнозом развития состояния и структуры преступности в России. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних позволяет выделить особенности данного вида преступности. Большинство криминологов отмечают, что между несовершеннолетними лицами и рецидивной преступностью существует взаимосвязь, если рассматривать преступления несовершеннолетних с криминологической позиции. Также следует выделять взаимосвязь между преступностью совершеннолетних и несовершеннолетних лиц. Рост преступности среди несовершеннолетних лиц является результатом воздействия социальных, экономических, духовно-нравственных, психолого-педагогических факторов. Профилактическая работа с несовершеннолетними лицами имеет свои недостатки и проблемы, что негативно сказывается на мировоззрении несовершеннолетних, приводит к формированию неправильных моральных ценностей. Преступления, совершаемые несовершеннолетними лицами, отличаются достаточно высоким уровнем повторности, что свидетельствует о наличии недостатков в превентивной деятельности субъектов, осуществляющих профилактические мероприятия.

Ключевые слова: несовершеннолетние, дезадаптация, уголовное наказание, рецидив, молодежь, профилактические меры, криминальная деятельность, конфликты криминология.

TEKUEVA Yuliya Alimovna
lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty, North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch), Krasnodar University of the MIA of Russia

CONTEMPORARY JUVENILE DELINQUENCY AS AN OBJECT OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH

The article examines the criminological characteristics of modern juvenile delinquency, and also examines in detail the determinants. Particular attention is paid to the reasons for the commission of criminal acts by minors in modern society. Minors are a kind of demographic potential of the state. In many ways, the further development of Russian society depends on the level of education, moral values, and behavior patterns of minors in the country. It is for this reason that juvenile delinquency to a certain extent is a forecast for the development of the state and structure of crime in Russia. Criminological characteristics of juvenile delinquency allow us to highlight the features of this type of crime. Most criminologists note that there is a relationship between minors and recidivism if we consider juvenile crimes from a criminological position. It is also necessary to highlight the relationship between adult and juvenile delinquency. The increase in crime among minors is the result of the influence of social, economic, spiritual and moral, psychological and pedagogical factors. Preventive work with minors has its shortcomings and problems, which negatively affects the worldview of minors, leads to the formation of incorrect moral values. Crimes committed by minors are characterized by a fairly high level of repetition, which indicates the presence of shortcomings in the preventive activities of entities implementing preventive measures.

Keywords: minors, maladjustment, criminal punishment, recidivism, youth, preventive measures, criminal activity, conflicts, criminology.

Для современного российского общества, к сожалению, характерно ухудшение некоторых условий жизни семьи и одним из негативных явлений является снижение уровня контроля семей в некоторых социальных группах, наблюдается такая тенденция как распространение социального сиротства. Следствием таких процессов в обществе является повышения уровня криминальных проявлений у несовершеннолетних лиц. Между асоциальными формами поведения у несовершеннолетних и социальной дезадаптацией детей существует прямая связь. Одной из асоциальных форм поведения у несовершеннолетних лиц является совершение ими противоправных действий.

Среди родителей сохраняется довольно высокий уровень числа родителей, которые не исполняют или не исполняют надлежащим образом свои обязанности по воспитанию своих детей.

Особым объектом криминологического исследования является современная преступность несовершеннолетних. Криминологическая характеристика современной преступности несовершеннолетних включает компоненты самодетерминации преступности, содержанием их является:

– эскалация преступных действий, криминальный опыт несовершеннолетние лица постепенно накапливают, что в

свою очередь формирует у них устойчивую внутреннюю готовность к расширению перечня преступных деяний, которые они готовы совершить;

– формируется резерв для рецидивной и профессиональной преступности, так как образ жизни несовершеннолетнего имеет неразрывную связь с преступной деятельностью. Для несовершеннолетних лиц свойственно восприятие преступной деятельности как формы профессиональной деятельности, которая пользуется спросом в современном обществе и посредством такой деятельности несовершеннолетние лица достигают поставленных целей.

Современная преступность несовершеннолетних лиц в РФ имеет свои особенности, которые в значительной степени осложняют деятельность по противодействию преступности среди несовершеннолетних. Отметим данные особенности:

– несовершеннолетние лица отличаются восприимчивостью к новым и наиболее опасным видам современной преступной деятельности: терроризм, экстремизм, коррупция, которые сами по себе следует воспринимать как криминологический феномен;

– изменения качественного характера в сфере преступности среди несовершеннолетних: распространение проявлений насилия; рецидив; совершение преступных действий, которые ранее совершали только взрослые лица; рост количества преступлений экстремисткой направленности; высокий уровень криминогенности образа жизни несовершеннолетних лиц в современных условиях.

– негативные процессы, которые происходят в современном обществе, оказывают сильное воздействие на процесс социализации несовершеннолетних лиц;

– социально-правой контроль не отличается эффективностью, так как снижен его уровень, уголовное законодательство не отличается гибкостью и по этой причине не своевременно вносятся изменения, которые соответствовали ли бы резко меняющейся криминологической обстановке, кроме того наблюдается внедрение ювенальных технологий, которое также не отличается рациональностью и продуманностью;

– профилактические меры в части преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами не всегда эффективны, так как отсутствует логичная и четкая система дифференциации профилактических мероприятий, которые разрабатываются и применяются уполномоченными органами власти.

Одной из отличительных особенностей современной преступности среди несовершеннолетних лиц является наличие специфических детерминант, которые способствуют ее проявлению. Экономические условия оказывают влияние на совершение несовершеннолетними лицами преступных действий. Многие специалисты отмечают, что несовершеннолетние лица совершают преступные действия с целью получения материальных благ, так как испытывают нужду, обусловлено данное обстоятельство тем, что у беднейших слоев населения снижается уровень жизни.

Несовершеннолетние лица наиболее остро ощущают разрыв между различными слоями общества и на основании этого у них формируются определенные представления о том, что общество устроено несправедливо. К примеру, несовершеннолетних к совершению преступных действий могут подтолкнуть такие обстоятельства: у них формируется потребность в приобретении дорогостоящих предметов, но у них отсутствует финансовая возможность и в целях ее получения они совершают преступные действия.

Особого внимания требует такая группа детерминант как социальные факторы, так как они оказывают наибольшее воздействие на несовершеннолетних:

1. Негативная обстановка в семье. У несовершеннолетнего возникает нежелание находиться дома, если в отношении него проявляется в семье насилие. Кроме того у несовершеннолетнего появляется озлобленность по отношению к своим сверстникам, которые находятся в более благоприятной среде. Возможны и иные последствия, если родителями ведется аморальный образ жизни, то несовершеннолетние могут приобщиться к их образу жизни и проявить интерес к алкоголю, наркотическим веществам [5, с. 474].

2. Родители и законные представители не проявляют соответствующего внимания к своим детям. В последние годы четко выражена тенденция, когда родители много времени проводят на работе, а следствием этого является отсутствие родителей и дети предоставлены сами себе. Со стороны родителей отсутствует контроль в отношении свободного времени, досуга, интересов ребенка, что может приводить к негативным последствиям.

3. Уровень организации досуговой деятельности несовершеннолетних в России относительно низкий. Количество бесплатных секций, кружков недостаточно, чтобы удовлетворить потребности всех несовершеннолетних.

4. Средства массовой информации (СМИ), глобальная сеть оказывают на несовершеннолетних отрицательное влияние. У несовершеннолетних искажается формирование личностных ориентиров и примеров для подражания.

5. Профилактическая работа с несовершеннолетними не отличается необходимым уровнем индивидуализации. Рассмотрим на примере, в образовательных учреждениях педагоги испытываю дефицит времени, который не позволяет понять реальные потребности обучающихся и оценить их интересы. В итоге это приводит к проблемам, тревоге и у обучающегося снижается интерес к учебной деятельности. Постепенно возникают следующие негативные последствия: навыки социализации недостаточно развиты, проблемы в семье выявляются несвоевременно. Важнейшим направлением является формирование эффективной системы безопасности в образовательных учреждениях, так как на практике возникают случаи, когда в образовательных учреждениях были совершены преступные действия [8, с. 45].

Исследование данной проблемы невозможно без рассмотрения факторов нравственно-психологического характера. Духовно-нравственное состояние современного общества отличается проявлением ряда кризисных явлений: деградация и деморализация населения; снижение уровня духовной, правой культуры населения; искажение в обществе моральных ценностей. Обозначенные процессы в обществе способствую росту преступности, в том числе среди несовершеннолетних лиц. У несовершеннолетних лиц происходит смещение ценностных ориентаций, к примеру, они могут положительно воспринимать преступные действия, деятельность криминальных группировок [6, с. 215].

Негативной тенденцией является нерациональная и практически необоснованная гуманизация законодательства в части определения уголовной, административной ответ-

ственности несовершеннолетних лиц. Гуманные виды наказаний не всегда обоснованы, что не позволяет в полной мере выразить их действие профилактического характера. У несовершеннолетних лиц в результате применения относительно гуманных наказание формируется уверенность в безнаказанности. Предупреждение преступности несовершеннолетних связано с определенными проблемами, одной из сложностей является участие большого количества субъектов в процессе проведения мероприятий профилактического характера преступности среди несовершеннолетних. Все субъекты являются взаимосвязанными компонентами единой системы, основанной на сотрудничестве. Принимаются определенные меры, которые направлены на предотвращение негативных тенденций в сфере противодействия преступности несовершеннолетних. С 1991 года проводится государственная политика в данном направлении. В системе профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами, действуют базовые нормативно-правовые акты: ФЗ № 124 от 24.07.1998 «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»; ФЗ № 120 от 24.06.1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») [1], [2].

Система профилактики преступности несовершеннолетних подверглась реформированию, 22 марта 2017 года была принята Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года [3].

Цель принятого документа – формирование условий для качественной социализации несовершеннолетних лиц, формирование у них навыков к саморазвитию, самоопределению и высокого уровня ответственности по отношению к своей жизни. Однако не все цели, которые обозначены в документах, достигнуты, специалисты отмечают, что мероприятия, представленные в концепции, носят в основном информационный характер, а не практикоориентированный [8, с. 46].

При осуществлении борьбы с преступностью несовершеннолетних особо актуальной является дифференциация уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних правонарушителей на основе учёта влияния широкого спектра факторов экономического, социального, психолого-педагогического, духовно-нравственного характера.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р (в редакции распоряжения Правительства РФ от 18.03.2021 № 656-р) «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Вага В. Н. Преступность несовершеннолетних. Аспекты уголовной ответственности несовершеннолетних // Студенческий. - 2023. - № 21-7 (233). - С. 19-22.
5. Емченко И. С. Современная преступность несовершеннолетних в России: проблемы противодействия и предупреждения // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: материалы XXIII Национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 15-16 апреля 2022 года. - Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2022. - С. 473-475.
6. Забара Е. А. Преступность несовершеннолетних и проблемы ее профилактики // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практика: сборник статей XII Международной научно-практической конференции, Пенза, 23-24 ноября 2024 года. - Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. - С. 215-218.
7. Ларина Е. А. Преступность несовершеннолетних как объект криминологического исследования // Интеграция науки и общества в современных социально-экономических условиях: сборник научных статей. - Москва: ООО «Издательство «Перо», 2024. - С. 34-36.
8. Латышева Л. Ю. Преступность несовершеннолетних как один из видов преступности // Альманах мировой науки. - 2020. - № 4 (40). - С. 45-48.

ПЛАТИЦЫНА Любовь Андреевна
аспирант кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Платицына Л. А.

ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ У МОЛОДЁЖИ

Исследуются причины, приводящие к восприятию молодым поколением своего девиантного поведения в качестве социально приемлемой нормы. По мнению экспертов, основными факторами данной тенденции являются неустойчивая внутрисемейная динамика, пробелы в воспитательной деятельности учебных заведений и деструктивное воздействие неформальной социальной среды.

Отдельного внимания заслуживает цифровое пространство, которое через аудиовизуальный контент и различные интерактивные платформы создает привлекательный образ антисоциальных личностей, представляя их как образы для подражания. Отмечается, что при этом молодёжь проявляет повышенную восприимчивость к таким воздействиям вследствие дефицита положительного образа молодого человека, представленного в средствах массовой информации.

Очень показателен опыт североевропейских государств, который иллюстрирует результативность профилактических мероприятий по нейтрализации влияния преступной субкультуры. Авторами предлагается комплекс мер, в частности, усиление поддержки семейных структур, модернизация образовательно-воспитательных программ и углубление критического восприятия информационных потоков.

Делается вывод о том, что эффективное предотвращение распространения криминальной идеологии в подростковой среде возможно исключительно при координации действий властных структур, общественных организаций и семейных институтов.

Ключевые слова: молодёжь, криминальная идеология, девиантное поведение, социальные сети, профилактика, семья, цифровая среда.

PLATITSYNA Lyubov Andreevna
postgraduate student of Criminology and criminal-executive law sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

REASONS FOR THE FORMATION OF CRIMINAL IDEOLOGY AMONG YOUTH

This study explores the reasons that lead the younger generation to perceive their deviant behavior as a socially acceptable norm. According to experts, the main factors contributing to this trend include unstable intrafamily dynamics, gaps in the educational and upbringing functions of academic institutions, and the destructive influence of informal social environments.

Particular attention is drawn to the digital space, which – through audiovisual content and various interactive platforms – creates an appealing image of antisocial individuals, portraying them as role models. It is noted that young people exhibit heightened susceptibility to such influences due to the lack of a positive representation of youth in mainstream media.

The experience of Northern European countries is especially illustrative, demonstrating the effectiveness of preventive measures in neutralizing the influence of criminal subcultures. The authors propose a set of measures, including enhanced support for family structures, modernization of educational and upbringing programs, and the promotion of critical thinking in the consumption of information flows.

The conclusion is made that effectively preventing the spread of criminal ideology among adolescents is possible only through coordinated action by government authorities, civil society organizations, and family institutions.

Keywords: youth, criminal ideology, deviant behavior, social networks, prevention, family, digital environment.

В современном обществе проблема девиантного поведения молодёжи становится все более значимой и многоаспектной, что находит отражение в официальных статистических данных и результатах фундаментальных научных исследований. Так, особое внимание на повышенную склонность молодого поколения к девиантным и противоправным поведенческим моделям обращают ведущие специалисты в области криминологической науки и социологических исследований, включая признанных экспертов А. И. Долгову [1], Н. А. Исаева [2], [3], Д. Н. Исаева [4], А. В. Наумова [5], а также зарубежных исследователей – американского криминолога Трэвиса Хирши[1] и канадского социолога Роберта Мертона [6, с. 672-682].

Согласно научной концепции профессора А. И. Долговой криминогенная предрасположенность молодёжи обусловлена комплексом социальных и субъективных факторов: от экономической нестабильности до психоэмоциональной неустойчивости [7, с. 203-234]. Научные исследования В. В. Лунеева и Н. А. Исаева демонстрируют, что первопричиной криминализационных процессов выступает недостаточная социализация подростков, проявляющаяся в ослабленном семейном воздействии, в низкоуровневой образовательно-воспитательной деятельности школьных учреждений, отрицательном влиянии улицы, а также различных цифровых инструментов: от социальных сетей до интернет-платформ (например, youtubeи др.) [8, с. 736], [4], [9], [10], [11], [12, с. 183-184].

С прогрессированием цифровых технологий воздействие криминальных субкультурных сообществ приобрело более изощрённые и масштабные формы. Если прежде основным источником криминальной социализации был двор и его различные группировки, то в современных условиях легализация противоправного поведения осуществляется посредством социальных платформ, мессенджеров и видеохостингов. Британский исследователь Дэвид Гарланд подчёркивает, что современные технологические средства трансформируются в инструментарий формирования «криминальных идентичностей» среди подростков, лишённых возможностей самореализации в социально одобряемой деятельности [13], [14, с. 109-112], [15, с. 189-204].

Особую значимость в данной ситуации приобретает анализ основ криминальной идеологии. В соответствии с теоретическими концепциями Эдвина Сатерленда и Дональда Крэсси клановая преступность и молодёжные криминальные объединения формируются на основе взаимодействия с другими людьми, особенно при различной системе ценностей, потребностей, взглядов, из разных социальных слоёв [16]. Данные положения находят подтверждение в трудах отечественных учёных: ряд исследований профессора Е. А. Антонян свидетельствует о сохранении в российском обществе

1 Costello B. and Laub J. Social Control Theory: The Legacy of Travis Hirschi's Causes of Delinquency // Annual Review of Criminology. – Vol. 3:21-41 (Volume publication date January 2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev-criminol-011419-041527 (дата обращения: 21.07.2025).

устойчивой тенденции романтизации криминального жизненного уклада среди подростковой, особенно в регионах с повышенным уровнем безработицы и социальной маргинализации [17, с. 180-186].

Необходимо отметить, что формирование криминальной идеологии – это многоступенчатый и продолжительный путь, в процессе которого молодой человек поэтапно осваивает противоправные ориентации. При этом ключевое значение имеют не только социальные условия (экономические кризисные явления, социальное расслоение), но и микросоциальная среда – семья, люди из круга общения, образовательная организация. Несогласованность семейного и образовательного институтов значительно усиливает подверженность подростка соблазнам криминальной среды.

Таким образом, анализ составных частей криминальной идеологии молодёжи и выделение наиболее критических проблем, способствующих её развитию, имеют принципиальную значимость не только для криминологической науки, но и для государственных властных структур, педагогических и социальных учреждений, а также правоохранительных органов. В своих научных трудах профессор А. И. Долгова подчёркивает, что без всестороннего анализа социально-экономических условий и без интенсивной работы с молодёжной аудиторией невозможно достичь снижения уровня криминализации общественной системы в целом [18, с. 50-86].

Следовательно, актуальность исследуемой проблематики приобретает особую значимость. Разработка и реализация профилактических мер должны основываться на комплексном изучении данного процесса с учётом как отечественного, так и зарубежного научного опыта. Настоящая исследовательская работа направлена на систематизацию научной теории, касающейся причин и проблем формирования криминальной идеологии у молодёжи, а также на выработку практических рекомендаций по минимизации возможностей её распространения в российском обществе.

Криминальная идеология представляет собой многогранную систему, объединяющую комплекс взглядов, ценностных ориентаций и установок, которые утверждают и нередко героизируют противоправное поведение человека. Она формируется на пересечении социальных, экономических, культурологических и психологических установок и становится частью мировоззренческой системы отдельных личностей или целых социальных групп.

В отечественной криминологической науке концепция криминальной идеологии получила развитие благодаря научным трудам таких исследователей, как А. И. Долгова, Ю. М. Антонян, Е. А. Антонян, А. В. Наумов, В. Н. Кудрявцев, которые акцентируют своё внимание на том, что криминальная идеология представляет собой не просто индивидуальную предрасположенность к противоправному поведению, а целостную систему воззрений, отличающихся от общепринятых моральных и правовых норм.

Существенный вклад в исследование данного феномена внесли Эдвин Сатерленд, разработавший концепцию дифференциальной ассоциации[2], и Альберт Коэн, описавший механизмы формирования субкультурных образований у подростков [19]. В настоящее время европейские социологи особое внимание уделяют вопросам «символической власти» криминальных сообществ, в частности, это прослеживается в работах французского социолога Пьера Бурдьё и криминолога Дэвида Гарланда, которые отмечают, что преступные объединения создают вокруг себя целостную идеологическую систему, представляющую криминальные ценности как средство достижения «справедливости» или механизм реализации амбиций в условиях социальной несправедливости [20], [13], [14, с. 109-112], [15, с. 189-204].

Криминальная идеологическая система, таким образом, может выполнять несколько функций: легитимационную, оправдывающую преступное поведение в восприятии самого правонарушителя и его социального окружения;

Консолидирующую, объединяющую вокруг общих антисоциальных целей и нормативных установок; компенсаторную, воспроизводящую ощущение неполноценности, отсутствие признания или социальной значимости у молодёжных групп.

Примеры распространения криминальной идеологии можно наблюдать как в исторической ретроспективе, так и в современных условиях. Например, в России ещё в советский и постсоветский периоды преступные формирования активно внедряли свои «понятия» и «законы воровского мира», которые становились альтернативой государственному правопорядку. В современных условиях эти установки активно насаждаются в молодёжных сообществах через музыкальные произведения, кинематограф и социальные платформы.

Опыт Норвегии и Финляндии демонстрирует альтернативный подход, который основывается на профилактике распространения криминальной идеологии путём минимизации социальной изоляции молодёжи. Например, в Норвегии значительное внимание уделяется школьным программам и досугу молодёжи: участию в спортивных секциях, кружках, арт-пространствах, что снижает вероятность вовлечения подростков в преступные объединения. Финляндия и Норвегия также известны развитыми системами психологической поддержки и патронажных служб – молодые люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, не остаются без надзора и помощи.

Во Франции противодействие криминальной идеологии молодёжи имеет свою специфику. В некоторых рабочих районах крупных городов (Париж, Марсель, Лион) существуют рабочие кварталы, где традиционно высок уровень подростковой преступности. В связи с этим французские власти проводят комплекс специализированных мероприятий: от усиленного полицейского контроля до программ ресоциализации и работы с семьями мигрантов. Особое внимание уделяется межкультурным связям с целью снижения конфликтности и влияния этнических преступных группировок[3].

В современной России сохранились элементы криминальной романтики 90-х, но добавился весьма значимый фактор – интернет-пространство, в котором формируется виртуальный облик «успешного бандита» или «авторитета». Молодёжь часто без критического анализа переносит на себя эти образы через популярные треки, сериалы, блоги.

Формирование криминальной идеологии среди молодёжи представляет собой сложный и многокомпонентный процесс, который всегда обусловлен тесно взаимосвязанной совокупностью социально-экономических, семейно-бытовых, культурно-психологических и информационно-коммуникационных причин, где одно неблагоприятное условие усиливает другое, создавая «замкнутый круг», лишающий подростка позитивных ориентиров и обращающий его к криминальным нормам как к альтернативе непривлекательной социальной реальности.

Ключевой предпосылкой криминализации подростков выступает нестабильность экономики или определённой образовательной структуры субъекта РФ, в котором проживает подросток. Высокий уровень безработицы молодёжи, особенно характерный для моногородов и периферийных населённых пунктов, снижает для подростков значимость легитимного трудоустройства и образовательного уровня. Согласно аналитическим данным Росстата показатель безработицы среди молодёжных групп в Российской Федерации традиционно превосходит общенациональный, достигая в отдельных регионах 20-25 %[4], что способствует массовой миграции активной молодёжи в мегаполисы, а также представляет большую опасность вследствие возможного поиска «альтернативных» способов материального обогащения.

Например, практика показывает, что в регионах Дальневосточного [21] и Сибирского федеральных округов подростки часто втягиваются в нелегальный наркооборот, выполняя функции так называемых «дилеров» или

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ebsco.com/research-starters/social-sciences-and-humanities/subcultural-theories-deviance (дата обращения: 21.07.2025).

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rfi.fr/ru/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F/20210319-%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B2%D0%BE-%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B8-%D0%B8%D0%BB%D0%B8-%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B8-%D0%B2-%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8 (дата обращения: 21.07.2025).

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/06/20/1118836-rastet-zanyatost (дата обращения: 21.07.2025).

«распространителей»[5]. Для них это становится формой социального «трудоустройства», а криминальные формирования позиционируют такую «деятельность» как оперативное и «безрисковое» средство улучшения их финансового положения.

В противоположность этому в Финляндии и Норвегии показатель молодёжной безработицы регулируется развитой системой центров занятости и профессиональной ориентации на школьном этапе, а также через грантовые программы и стажировочные практики, финансируемые муниципальными образованиями и частными предприятиями. Молодой человек понимает, что после окончания школы даже без получения высшего образования он сможет пройти оплачиваемую практику и освоить востребованную специальность. Подобный подход минимизирует возможность молодёжи оказаться в криминальных сообществах.

Семья является основой для социализации подростка. При наличии проблем в семье ребёнок утрачивает базовую эмоциональную поддержку и легко усваивает негативные моменты поведения. Согласно аналитическим данным МВД РФ свыше 70 % несовершеннолетних правонарушителей происходят из неблагополучных или неполных семей[6], где практикуются насилие, злоупотребление алкоголем или просто отсутствует элементарный родительский надзор [22], [23].

Необходимо отметить, что многие подростки, попадающие под воздействие криминальных формирований, были подвержены эмоциональной или физической агрессии в семье. В итоге они стремятся к движению со сверстниками с аналогичными психологическими травмами и «замещению» ими своей семьи.

Норвегия и Финляндия давно выстроили практику так называемого «превентивного вмешательства» через органы опеки, социальные службы и «семейные конференции» (familie møte). Это специализированные группы экспертов и членов семей, которые совместно обсуждают пути преодоления различных кризисов в семье – от консультативной помощи до смены опекунства.

В Российской Федерации такой механизм только формируется: пока основную нагрузку несут школьные педагоги, психологи и инспекторы по делам несовершеннолетних (ПДН), которым зачастую недостаёт времени и ресурсов для углублённой индивидуальной работы с каждой проблемной семьёй.

Криминальная субкультура компенсирует подростку недостающие социальные связи и предоставляет систему ценностей, противоположную официально принятой в обществе. Подросток начинает ощущать себя частью «своего сообщества», обретает символический статус и защиту. Это особенно заметно в российских регионах на примере так называемых «территориальных» или «уличных» группировок, которые сохранились с 1990-х годов, хотя и трансформировались в современные уголовные сообщества, координирующиеся через мессенджеры.

В отдельных городах формируются «локальные группировки» подростков, контролирующих дворовые территории, пустыри или школьные площадки. Конфликты между такими объединениями нередко переходят в драки, грабежи и вымогательства[7]. По статистическим данным, среди участников уличных конфликтов преобладают мальчики в возрасте 12–17 лет [24, с. 189-195].

Во Франции криминальные банды в неблагополучных пригородах крупных городов, называемых «банльё» формируются из семей мигрантов, молодые люди испытывают дискриминацию, бедность, недостаток образования и отсутствие перспектив. Уличные банды становятся местом самоутверждения, а «уличный кодекс» (code de la rue) формирует нормы «чести» и «мести» в противовес существующим нормам[8].

С развитием интернета и социальных платформ криминальная идеология перестала ограничиваться дворовыми сообществами или тюремной субкультурой – она стала глобальной и легкодоступной. Видеоклипы, рэп-композиции, тиктоки и блоги популяризируют образ «успешного преступника», который живёт роскошно и безнаказанно нарушает законодательство.

В российской действительности целые музыкальные направления и сообщества в соцсетях открыто транслируют романтику уголовной культуры. Подростки, не обладающие критическим мышлением, воспринимают эти образы как ролевые модели. Аналогичные явления существуют и во Франции: рэп-исполнители из пригородов нередко воспевают жизнь «на районе» и конфликты с правоохранительными органами.

Финляндия и Норвегия активно противодействуют этому, внедряя «медиа-грамотность» в образовательные программы. Педагогов и родителей обучают совместно с подростками анализировать медиаконтент, вырабатывая у них критическую оценку опасных ролевых моделей. В интернете «функционируют» кибердружинники, которые выявляют деструктивный контент и ограничивают его распространение.

Нельзя игнорировать и чисто психологическую составляющую: юношеский возраст является периодом острой потребности в самоутверждении, независимости и протесте. У подростков с неустойчивой самооценкой и недостатком эмоциональной поддержки повышен риск увлечения криминальными образами.

В российской действительности это проявляется в так называемых «подростковых флешмобах», когда группы детей договариваются через мессенджеры о массовых драках, вылазках в заброшенные здания, актах вандализма. Психологи отмечают, что таким образом подростки стремятся ощутить адреналин, подтвердить «свою взрослость» и завоевать уважение сверстников.

В Норвегии и Финляндии данную проблему решают через широкую сеть бесплатных психологов, школьных консультантов и молодёжных центров, где подросток может анонимно рассказать о своих проблемах[9].

Таким образом, способы формирования криминальной идеологии у молодёжи многообразны и требуют системного подхода к их устранению. Опыт скандинавских стран и Франции свидетельствует о том, что превентивная работа эффективнее репрессивных мер. Для России важно не только усиливать наказание за вовлечение подростков в криминалитет, но и развивать сеть социально-психологических служб, обеспечивать подросткам досуг, трудоустройство и медиа-грамотность с их раннего возраста.

Одним из наиболее очевидных и вызывающих озабоченность последствий распространения криминальной идеологии является возросший уровень подростковой преступности. Криминальные установки, получаемые в процессе социализации в неблагополучной среде или через медиапространство, обусловливают готовность молодёжи участвовать в правонарушениях различной степени тяжести, что проявляется в увеличении случаев мелкого хулиганства, вандализма, краж и грабежей, которые подростки совершают групповыми методами. Более того, значительная часть молодых людей вливается во взрослый криминалитет, становясь «исполнителями» в руках организованных преступных формирований, например, в наркобизнесе или рэкетирской деятельности. В отдельных случаях подростки являются исполнителями насильственных преступлений: уличных разбоев, вымогательств или заказных нападений.

Помимо прямого материального ущерба, подростковая преступность наносит колоссальный моральный вред социуму: жертвами становятся ровесники или пожилые люди, это, несомненно, вызывает страх у населения и формирует атмосферу недоверия и негатива к молодёжи в целом.

Однако высокий уровень подростковой преступности, проявляющийся в уличных драках, кражах из торговых точек, киберпреступности и участии в мошеннических схемах,

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sibnovosti.ru/news/441896/ (дата обращения: 21.07.2025) @@ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nsktv.ru/news/crime/v_novosibirske_budut_sudit_dvoikh_podrostkov_za_popytku_prodat_narkotiki /(дата обращения: 21.07.2025).

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://сзао.мск.мвд.рф/document/8164482 (дата обращения: 21.07.2025).

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.narcom.ru/publ/info/636 (дата обращения: 21.07.2025).

8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18214361 (дата обращения: 21.07.2025).

9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/kilde/bld/bro/2006/0007/ddd/pdfv/284441-q-1103.pdf (дата обращения: 21.07.2025) @@ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.barnashus.no/?srsltid=AfmBOoopWwq2BeS01rHoCrvWzhlqPOvhRPT81SEcxhWYKGYPvMn7zHwG (дата обращения: 21.07.2025) @@ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bufdir.no/familie/familien/foreldreveiledning/ (дата обращения: 21.07.2025) @@ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bekymringsmelding.fiks.ks.no/ (дата обращения: 21.07.2025).

характерен не только для российского общества, но и для мегаполисов Франции, где в маргинализированных кварталах дети вовлекаются в преступления ещё до достижения совершеннолетия.

Статистические данные МВД РФ свидетельствуют о том, что количество преступлений, совершённых несовершеннолетними, демонстрирует изменяющуюся динамику с периодическими всплесками активности. Особую тревогу вызывает тенденция к снижению возраста первичного правонарушения и увеличению жестокости совершаемых деяний. Современные подростки-правонарушители характеризуются более высоким уровнем организованности и технической оснащённости по сравнению с предыдущими поколениями.

Криминологические исследования указывают на появление новых форм подростковой преступности, связанных с цифровизацией общественных отношений[10]. Киберпреступления, совершаемые несовершеннолетними, включают мошенничество в интернете, незаконный оборот цифровых валют, взломы аккаунтов и распространение запрещённого контента [25, с. 17-35].

Распространение криминальной идеологии среди молодёжи способствует укреплению и расширению уже существующих криминальных сетей. Молодёжь является важнейшим «кадровым резервом» для организованной преступности. Для преступных группировок подростки представляют особую ценность: их легче вовлечь в противоправную деятельность, ими проще манипулировать, они получают относительно мягкие наказания по законам большинства государств.

Молодые люди выполняют различные поручения, включающие транспортировку или реализацию наркотических средств, хранение оружия, наблюдение за конкурентами. Известны случаи, когда подростки привлекаются к вымогательству или разборкам с конкурентами.

В будущем сложившаяся ситуация может привести к тому, что преступные структуры будут укрепляться за счёт молодых членов, которые взрослеют внутри банды, проходят иерархию и становятся организаторами новых преступных схем. Таким образом, криминальная идеология обеспечивает преступному миру приток «свежих кадров» и обновление руководящего состава.

Франция сталкивается с аналогичной проблематикой в банльё, где банды втягивают несовершеннолетних в уличную торговлю наркотиками или «поджоги» автомобилей в знак протеста. В скандинавских странах, где система контроля и профилактики преступности развита более эффективно, влияние мафиозных структур ограничено именно за счёт успешного вытеснения из молодёжной среды криминальных настроений и идей.

Криминологический анализ свидетельствует о том, что современные преступные организации активно адаптируются к изменяющимся социальным условиям и разрабатывают новые способы вовлечения молодёжи в противоправную деятельность. Они используют социальные сети для поиска потенциальных участников, применяют психологические техники воздействия и создают привлекательный имидж криминалитета. Особую опасность представляют онлайн-сообщества, которые под видом молодёжных субкультур распространяют криминальную идеологию и осуществляют первичный отбор кандидатов для вовлечения в преступную деятельность.

Ключевую роль в формировании и противодействии криминальной идеологии играют три важнейших социальных института: семья, образовательная система и информационная среда. Нарушения в работе любого из них существенно повышают вероятность того, что подросток окажется во власти криминальных воззрений.

Семья представляет собой первый и важнейший институт социализации личности. Недостаток родительского внимания, авторитарные или, наоборот, попустительские модели воспитания, внутрисемейные конфликты, насилие и отсутствие доверительных отношений подталкивают ребёнка к поиску поддержки и признания в других социальных группах.

Дети из проблемных семей имеют повышенную восприимчивость к уличной «романтике» и асоциальному поведению. Если родители игнорируют проблемы подростка, не контролируют его досуг, не проявляют интереса к его окружению, то появляется высокий риск того, что уличная «семья» заменит настоящую.

Норвегия и Финляндия предотвращают подобные ситуации через развитую систему социальной поддержки семей: бесплатные консультации специалистов, курсы по эффективному воспитанию, программы реабилитации лиц с зависимостями. В России подобная работа проводится далеко не повсеместно и не всегда носит системный характер[11].

Современные исследования семейной педагогики подчёркивают важность формирования позитивного эмоционального климата в семье и развития эффективного общения между родителями и детьми. В семьях, характеризующихся высоким уровнем сплочённости, взаимной поддержки и открытого общения, возможность вовлечения подростков в криминальную деятельность крайне низка.

Результаты деятельности социальных учреждений свидетельствуют об эффективности семейно-ориентированных подходов, которые рассматривают семью как единую систему и работают с её внутренними ресурсами для преодоления кризисных ситуаций. Важным компонентом является создание групп взаимной поддержки для родителей, столкнувшихся с похожими проблемами, что способствует обмену опытом и формированию поддерживающего сообщества.

Особенно значима в настоящее время работа с многодетными семьями, неполными семьями и семьями мигрантов, которые находятся в зоне повышенного риска. Для этих категорий необходимы специализированные программы поддержки, учитывающие их специфические потребности и культурные особенности.

Приоритетным направлениями поддержки института семьи должны выступать: материальная помощь малообеспеченным семьям через систему адресных социальных выплат, психологическая поддержка в кризисных ситуациях, программы реабилитации зависимых членов семьи, образовательные курсы эффективного родительства и семейной психологии. Развитие системы стипендий и грантов для талантливых подростков из неблагополучных семей поможет им увидеть реальные перспективы социального роста через образование и развитие способностей. Особое внимание необходимо уделить созданию разветвлённой сети семейных консультационных центров, которые могли бы предоставлять комплексную поддержку семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Большую помощь в воспитании детей семьям окажут масштабные программы наставничества, где успешные профессионалы различных сфер деятельности становятся персональными менторами для подростков из группы риска. Эти программы должны включать не только разовые встречи, но и долгосрочное сопровождение, помощь в профориентации, развитии навыков и планировании карьеры.

Несомненно, важным элементом является развитие системы раннего выявления семейного неблагополучия и своевременного профессионального вмешательства. Следует отметить, что команды специалистов должны взаимодействовать с семьями на принципах сотрудничества, поддержки и партнёрства, а не карательных или репрессивных мер.

Особую значимость в настоящее время приобретает проблема разрыва между поколениями в освоении цифровых технологий. Многие родители испытывают трудности в понимании цифровой культуры своих детей и не способны эффективно контролировать их онлайн-активность, что создаёт дополнительные риски для подростков, которые проводит значительную часть времени в цифровом пространстве и могут подвергаться негативному влиянию без адекватного родительского надзора.

При отсутствии навыков медиаграмотности и критического мышления подросток с легкостью воспринимает криминальную романтику, культ насилия и «лёгких денег», которые подаются в развлекательной форме и становятся «новыми нормами» для миллионов подростков, и копирует их в реальной жизни. Именно поэтому в ряде государств (например, Финляндии и Норвегии) школьники изучают анализ медиаконтента, учатся распознавать манипулятивные техники и осознавать опасность виртуальных кумиров.

В российском образовательном пространстве подобные занятия проводятся эпизодически и часто зависят от инициативы отдельных образовательных учреждений или педагогов. Между тем системная информационная политика

10 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.binance.com/ru/square/post/16487210808729 (дата обращения: 21.07.2025).

11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/kilde/bld/bro/2006/0007/ddd/pdfv/284441-q-1103.pdf (дата обращения: 21.07.2025).

может стать ключевым фактором в противодействии криминальной идеологии.

Критически важным направлением является создание специализированных медиаплатформ и каналов, ориентированных исключительно на молодёжную аудиторию, транслирующих позитивные ценности и использующих современные форматы подачи информации – интерактивные сериалы, подкасты, стримы, виртуальную реальность, которые должны активно конкурировать с криминальным контентом.

Особое внимание следует уделить развитию молодёжного блогинга, где успешные молодые люди делятся своими достижениями в области науки, спорта, искусства, предпринимательства. Создание программ поддержки позитивных блогеров и контент-мейкеров поможет сформировать альтернативу асоциальному контенту в социальных сетях.

Анализ международного опыта показывает, что наиболее результативными и экономически эффективными являются именно превентивные мероприятия, направленные на создание благоприятной и поддерживающей среды для гармоничного развития молодёжи, а не репрессивные и карательные меры, применяемые после совершения правонарушений. Скандинавская модель социальной политики наглядно свидетельствует о высокой эффективности долгосрочных инвестиций в качественное образование, комплексную социальную поддержку семей, развитие современной молодёжной инфраструктуры и создание равных возможностей для самореализации.

Для российского социально-культурного аспекта особую актуальность и практическую значимость приобретает необходимость творческой адаптации лучших международных практик к специфическим национальным условиям, историческим традициям и современным реалиям. Важно также учитывать уникальные исторические особенности развития криминальных субкультур в России, современные технологические вызовы цифровой эпохи, экономические особенности и культурные традиции российского общества.

Только комплексная, последовательная, научно обоснованная и социально ответственная работа всех заинтересованных сторон позволит существенно снизить привлекательность криминальной субкультуры для молодёжи и гарантировать молодому поколению безопасное, справедливое, экономически стабильное и перспективное будущее. Успех в решении данной стратегически важной проблемы во многом определит уровень социальной стабильности, общественной безопасности и устойчивого развития российского общества.

Реализация предложенных мер требует не только политической воли и финансовых ресурсов, но и изменения общественного сознания, формирования культуры профилактики и создания атмосферы социальной сплочённости в противодействии криминализации молодёжи. Только объединив усилия государства, общества и каждой семьи, можно обеспечить эффективную защиту молодого поколения от негативных влияний и создать условия для его гармоничного развития.

Пристатейный библиографический список

1. Криминологические проблемы взаимодействия социальной среды и личности (по материалам исследований преступности несовершеннолетних и молодежи). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1980. – 34 с.
2. Исаев Н. А. Сексуальные преступления как объект криминологии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 407 с. @@ Серийные преступления на сексуальной почве. – Орел, 2007.
3. Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология. – М.: Спарк, 1999. – 464 с.
4. Исаев Д. Н. Психиатрия детского возраста: психопатология развития: учебник для вузов. – СПб.: СпецЛит, 2013. – 481 с.
5. Преступления против личности: учебное пособие для вузов / Ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 125 с.
6. Merton R. Social structure and anomie // American Sociological Review. – Vol. 3. – № 5 (Oct., 1938). – Pp. 672-682.
7. Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Редкол.: Астанин В. В., Ванюшкин С. В., Даниленко Н. Н., Долгова А. И. (Отв. ред.), Евланова О. А., Ильин О. С., Юцкова Е. М. – М.: Криминолог. Ассоц., 2001. – 576 с.
8. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: учебник в 2 т. Т. II. Особенная часть. – М.: Издательство «Юрайт», 2011. – 872 с.
9. Криминология: учебник / Под ред. проф. Н. Ф. Кузнецовой, проф. Г. М. Миньковского. – М.: Издательство «БЕК», 1998.
10. Ахмедзянова Г. Г., Гуковская Н. И., Долгова А. И., Иванов В. И., и др. Прокурорский надзор по делам несовершеннолетних / Редкол.: Гуськов Н. М., Долгова А. И., Миньковский Г. М. (Отв. ред.). – М.: Юрид. лит., 1972. – 208 с.
11. Горшенева Н. А., Миньковский Г. М. Борьба с преступностью несовершеннолетних в больших городах. – М.: Издательство Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1975. – 81 с.
12. Лиеде А. А., Миньковский Г. М. Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних. – М.: Госюриздат, 1959. – 207 с. // Правоведение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – № 1. – С. 183-185.
13. Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent «Law and Order» Policies // The British Journal of Criminology. – 2000. – Vol. 40. – № 3.
14. Garland D. The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society // Political and Legal Anthropology Review. – Vol. 25. – № 2 (November 2002). – P. 109-112 (Reviewed Work by Mona Lynch).
15. Garland D., Sparks R. Criminology, Social Theory and the Challenge of our Times Get access Arrow // The British Journal of Criminology. – Volume 40. – Issue 2. (March). – 2000. – P. 189–204.
16. Edwin S.H. & Cressey D. Principles of Criminology. – North America: J. B. Lippincott & Co, 1966. – 721 p.
17. Антонян Е. А., Борисов Е. А. К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи // Lex russica. – 2017. – № 12. – С. 180-186.
18. Долгова А. И. Избранные труды / [сост. В. В. Меркурьев, О. А Евланова, А. С. Васнецова, Д. А. Соколов; вступит. ст. М. П. Клейменова, В. А. Номоконова, Э. Ф. Побегайло, В. Е. Эминова]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2017. – 424 с.
19. Cohen A. Delinquent boys: the culture of the gang. – New York: The Free Press of Glencoe, 1964.
20. Бурдье П. Социология политики / Пьер Бурдье; [сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко; пер. с фр.: Е. Д. Вознесенская и др.]. – Москва: Socio-Logos, 1993. – 333 с.
21. Романова Л. В. Криминальный наркотизм в Российской Федерации и особенности его проявления в Дальневосточном регионе: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис… докт. юрид. наук в форме науч. докл.: 12.00.08. – Владивосток, 2001. – 63 с.
22. Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения: сб. материалов 21 января 2020 г.) / Под общ. ред. О. С. Капинус; [под науч. ред. В. В. Меркурьева; сост. О. А. Астафьева, Д. А. Соколов, Г. О. Вилинский]. – М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2020. – 276 с.
23. Борисова В. Ф., Ильгова Е. В., Кузнецова И. О. Оценка эффективности деятельности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних коллективная монография: коллективная монография / ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: ИП Коваль Ю. В., 2015. – 124 с.
24. Батлук Ю. В., Йорик Р. В., Шаболтас А. В. Социально-демографические и поведенческие особенности подростков 15–19 лет с девиантным поведением // Вестник СПбГУ. – 2011. – Сер. 12, Вып. 3. – С. 189-195.
25. Букалерова Л. А., Остроушко А. В., Криез О. Преступления против информационной безопасности несовершеннолетних, совершаемые посредством информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, Вып. 1. – С. 17-35.

ПОЛЕЩУК Оксана Андреевна
старший преподаватель кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и подразделений по вопросам миграции Центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка, Всероссийский институт повышения квалификации МВД России, подполковник полиции

ПОПОВ Владимир Федорович
начальник Центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка, Всероссийский институт повышения квалификации МВД России, полковник полиции

ДИДЕНКО Виталий Борисович
кандидат юридических наук, начальник кафедры подготовки сотрудников полиции в сфере транспортной безопасности Центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка, Всероссийский институт повышения квалификации МВД России, полковник полиции

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РОЗЫСКА ЛИЦ, СКРЫВАЮЩИХСЯ ОТ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ, СЛЕДСТВИЯ И СУДА: ПУТИ РЕШЕНИЯ

Авторами статьи рассматриваются проблемы деятельности органов внутренних дел в сфере розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда. В условиях активизации некоторых преступных деяний, рассматриваемая тема приобрела особую значимость, ведь скрывающиеся лица продолжают совершать новые преступные деяния. По этой причине оперативный розыск указанных лиц является одним из направлений предупреждения преступлений.

В статье авторы приводят доводы в пользу интенсивного развития и внедрения компонентов искусственного интеллекта в розыскную деятельность, создания специального программного продукта в целях взаимодействия между территориальными органами МВД России различных субъектов.

Кроме того, авторы рассматривают и некоторые проблемы уголовно-процессуального характера, обусловленные пробельностью действующего законодательства.

Ключевые слова: розыскная деятельность, оперативно-розыскные подразделения, органы внутренних дел, обвиняемый, скрывающийся, розыск, искусственный интеллект.

POLESHCHUK Oksana Andreevna
senior lecturer of Police training for public order protection units and migration units sub-faculty of the Police Training Center for Public Order Protection Units, All-Russian Institute of Advanced Training of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

POPOV Vladimir Fedorovich
Head of the Police Training Center for Public Order Units, All-Russian Institute of Advanced Training of the MIA of Russia, colonel of police

DIDENKO Vitaliy Borisovich
Ph.D. in Law, Head of Police training in the field of transport security sub-faculty of the Police Training Center for Public Order Units, All-Russian Institute of Advanced Training of the MIA of Russia, colonel of police

ABOUT SOME PROBLEMS OF THE SEARCH FOR PERSONS HIDING FROM THE BODIES OF INQUIRY, INVESTIGATION AND COURT: SOLUTIONS

The authors of the article consider the problems of the activities of the internal affairs bodies in the field of searching for persons hiding from the bodies of inquiry, investigation and court. In the context of the intensification of some criminal acts, the topic under consideration has become particularly important, because fugitives continue to commit new criminal acts. For this reason, the operational search for these persons is one of the areas of crime prevention.

In the article, the authors argue in favor of the intensive development and implementation of artificial intelligence components in investigative activities, the creation of a special software product for the purpose of interaction between the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia of various subjects.

In addition, the authors also consider some problems of a criminal procedural nature caused by the gap in the current legislation.

Keywords: investigative activities, operational search units, law enforcement agencies, accused, fugitive, search, artificial intelligence.

Производства по различным категориям уголовных дел могут характеризоваться ситуацией, когда сотрудники органов правоохранительной системы сталкиваются с трудностями в виде сокрытия подозреваемых либо обвиняемых лиц, как от следствия, так и от непосредственного суда. Это бесспорно негативный момент.

Субъекты, избегающие правосудия, переходят в статус нелегального положения, при этом нередко продолжают совершать общественно-опасные деяния, нарушающие уголовный закон. Это приводит, помимо прочего, к подрыву авторитета органов правоохранительной системы, к негативным настроениям по отношению к деятельности сотрудников следственных, оперативных и розыскных служб. И если в первом случае, когда базовая задача – именно реализация действий в рамках следствия, это не всегда справедливо, то в ситуации с оперативно-розыскной деятельностью задачи соответствующего характера являются почти что базовыми, поэтому общественное негодование обосновано. Тематические законодательные положения можно обнаружить в ст. 2 № 144-ФЗ от 12.08.1995[1].

Стоит отметить, что оперативно-розыскная деятельность (далее ОРД) – это совокупность мер, реализуемых гласно либо на негласной основе оперативными подразделениями госорганов, уполномоченных на это. Здесь крайне важен

1 Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 09.06.2025).

факт оглядки на положения обозначенного выше федерального закона, ведь именно он регламентирует полномочия, их пределы, дополнительные аспекты, характеризующие практическую реализацию оперативно-розыскной деятельности по отношению к лицам в статусе подозреваемых, обвиняемых.

Положения ч. 1 ст. 210 Уголовно-процессуального кодекса[2] (далее - УПК) позволяют утверждать, что при условии неизвестности места пребывания лица, отнесенного к категории подозреваемого или обвиняемого, сотрудник следственного подразделения либо дознаватель может инициировать розыскные мероприятия при участии субъектов, ответственных за меры по уголовному розыску. Ч. 3 ст. 253 обозначенного кодифицированного акта и вовсе гласит, что при условии факта сокрытия или появления тяжелой болезни, скажем, в виде психического расстройства, лицо, принадлежащее к одной из представленных категорий, сталкивается с условно-позитивным последствием в виде приостановления производства. Однако есть важная оговорка: все законодательно предусмотренные меры начинают срабатывать вновь после розыска или выздоровления.

Важно понимать, что до вынесения непосредственного постановления об объявлении конкретного лица в розыск следователь или иной уполномоченный на это субъект, скажем, судья, обязан доказать, что имеет место умысел, то есть нежелание нарушителя взаимодействовать с сотрудниками органов правоохранительной системы [1, с. 111]. Один из действенных инструментов как раз и представлен направлением поручения в адрес сотрудников уголовного розыска. Далее к делу подключаются работники Федеральной службы судебных приставов, но для этого необходимо решение суда по отношению к лицу, не явившемуся на заседание или отказавшемуся от взаимодействия со следственными органами.

Если фактическое место пребывания искомого субъекта не удается установить, формируется соответствующий ответ. В подобной ситуации следователь или иное уполномоченное лицо принимает решение об инициировании мер по розыску.

В последнее время все чаще возникают проблемы в контексте реализации оперативно-розыскных мероприятий по отношению к лицам, самовольно покидающим органы дознания, следствия и суда. Вместе с тем страдает практика прокурорского надзора в соответствующей отрасли. И если одна часть представленных проблем может быть решена уже внедренными правовыми и альтернативными способами, то другая требует глубокого рассмотрения и участия со стороны законодателя.

Эффективное средство розыска в данном контексте – его своевременное объявление. Ранний сценарий реализации оперативно-розыскной деятельности стоит считать исключительно положительным, ведь это гарантирует невозможность, замести все следы, как говорится, и уйти от закона. Отмеченное должно быть справедливым в первую очередь по отношению к делам, в рамках которых преступники установлены, уже задерживались как подозреваемые или обвиняемые, но не подвергались аресту.

Интересна позиция Е. В. Кузнецова, Н. Э. Шишкина [2, с. 98], которые рекомендуют относить к категории типовых и общих розыскных мероприятий такую совокупность действий:

1. Сбор сведений о личности конкретного лица в статусе подозреваемого или обвиняемого, при этом намеренно скрывающегося от преследования, розыска. Соответствующая информация в данном контексте поможет получить исчерпывающие представления о том, как, почему и какими способами может действовать конкретное лицо. Это позволит узнать, помимо прочего, о потенциальных местах пребывания, о знакомых и т.д.

В данном контексте крайне полезно использовать максимум сведений из открытых и даже закрытых источников вроде баз данных в распоряжении органов правоохранительной системы. Речь об оперативно-справочных базах, розыскных, криминалистических и не только.

Дополнительно желательно уточнить, есть ли у разыскиваемого лица учетные записи в социальных сетях и мессенджерах. Если да, информация, опубликованная в профилях, станет дополнительным ценным инструментом в контексте сбора сведений о личности.

2. Направление запросов в адрес ряда отраслевых и узкоспециализированных субъектов. Здесь речь в первую очередь о Бюро регистрации несчастных случаев (далее -БРНС) в рамках конкретного субъекта. Целевая установка соответствующего шага сводится к тому, чтобы предварительно получить информацию по поводу вероятной гибели разыскиваемого лица. Если сведения в локальном отделении БРНС отсутствуют, рекомендуется сформировать запросы в региональные подразделения, особенно в те, где, как предполагается, мог появиться конкретный человек, нарушивший закон и находящийся в статусе разыскиваемого лица.

3. Направление запроса в адрес информационного центра (далее - ИЦ) при МВД России при условии, что задержание имело место в прошлом. Целевая установка – корректная идентификация конкретного лица. Суть сводится к формированию истребования копии, так называемой дактилоскопической карты, в том числе в архивных версиях.

4. Составление опознавательной карты по отношению к лицу, подлежащему розыску, и её направление в ИЦ для инициирования криминалистического учета и исключения вероятности упущения из самого внимания возможного безвестного отсутствия и смерти конкретного лица. Важно регулярно актуализировать опознавательную карту, передавать соответствующие сведения в ИЦ при МВД России.

5. Составление розыскной ориентировки и организация её рассылки в локальные органы правоохранительной системы с целью ознакомления сотрудников. Дополнительно при условии целесообразности возможно ознакомление с ориентировкой лиц и субъектов, содействующих реализации ОРД на конфиденциальной основе.

6. Подготовка и направление запросов в адрес служб жилищно-коммунального хозяйства, органов местного самоуправления по фактическому месту регистрации либо жительства конкретного нарушителя закона, с целью уточнить сведения об адресах, составе семьи, наличии долгов по оплате коммунальных услуг и не только. Все соответствующие и смежные сведения заслуживают особого внимания.

7. Взаимодействие с бывшими и текущими (если есть) работодателями. Данный шаг нацелен в первую очередь на получение сведений о характеристике, квалификации, трудовой дисциплине. Разумно изучить и информацию, касающуюся вероятных увольнений и причин, спровоцировавших соответствующие факты. Дополнительно потенциал взаимодействия с конкретным работодателем сводится к тому, что можно получить представления о потенциальных друзьях и товарищах обвиняемого или подозреваемого.

8. Оповещение сотрудников ГИБДД о вероятном передвижении разыскиваемого лица на определенном транспортном средстве, если оно имеется. Очевидно, что факт наличия в собственности преступника автомобиля должен сопровождаться инициированием его поиска. Определенный потенциал в данном контексте характерен для региональных автоматизированных информационных поисковых систем (далее АИПС). Последние предназначены для идентификации различных транспортных средств, преимущественно автомобилей.

9. Подключение к делу АИПС, функционирующей на базе комплекса «Розыск-Магистраль», если лицо в статусе обвиняемого или подозреваемого, как предполагается, могло или может пользоваться железнодорожным, воздушным и иным транспортом, покупка билетов на который возможна только путем, помимо прочего, предъявления удостоверения личности. В этой ситуации и становится разумным инициирование так называемого сторожевого контроля с применением АИПС при комплексе «Розыск-Магистраль».

С оглядкой на представленные сведения можно утверждать, что результативность розыска в заявленном контексте возможна при условии комплексности мер по планированию и реализации соответствующих действий. Важно, помимо прочего, параллельно вести работу в направлении ОРД и в плане альтернативных действий. Необходим и факт сотрудничества, взаимодействия между субъектами, инициировавшими розыск, и теми, кто фактически выполняет меры по ОРД.

Так, розыск в заявленном контексте может быть описан рядом трудностей. Они касаются, помимо прочего, органи-

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 09.06.2025).

зации деятельности дознавателя, оперативного сотрудника и не только. Вопросы предупреждения уклонения лиц от суда и следствия в данном контексте являются наиболее остро стоящими. Практика разрешения соответствующей проблематики, как предполагается, часто страдает, что негативно влияет на поиск и задержание лиц, отнесенных к неоднократно упомянутой категории.

Е. И. Замылин и А. А. Закатов [3, с. 107] небезосновательно предположили, что уклонение от следствия и суда нередко становится результатом некорректного избрания мер пресечения. Дополнительные детерминанты обозначенной ситуации в мысли представленных ученых – поверхностность подходов к изучению личности и неудовлетворительное сопровождение розыскных мероприятий.

Стоит выделить категорию иных розыскных действий, которые не предусмотрены УПК России. Соответствующая группа, как показывает теоретический анализ тематических источников, включает:

– направление специальных розыскных ориентировок в различные ведомства;

– обращение к широкой общественности через использование средств массовой информации;

– анализ социальных сетей на предмет наличия профилей и учетных записей разыскиваемых лиц;

– идентификация черт лица по портретам, фотографиям;

– анализ архивных уголовных дел, ранее возбужденных по отношению к конкретному лицу;

– проверка мест потенциального пребывания и т.д.

Проблематика по поводу объявления в розыск в кругах представителей различных отраслей научного знания, связанных с уголовным правом, рассматривается по-разному. Это же характерно и для опыта отличающихся государств. В Афганистане, скажем, по отношению к лицам интересующей нас категории принято использовать дополнительную меру наказания в виде назначения лишения свободы на срок до пяти лет [4, с. 141]. Отечественные ученые неоднократно обосновывали разумность соответствующего подхода, предлагали внедрить его в российскую практику.

С оглядкой на положения ведомственных нормативных актов и УПК России можно утверждать, что следователь принимает меры розыскного характера по отношению к скрывающимся лицам и выносит соответствующее постановление. Вместе с тем предусмотрена обязательность информирования территориальных органов МВД путем отправления заверенных копий постановления. Дополнительно, если это целесообразно, необходимо подкреплять последнее справкой с личностной характеристикой лица, копией удостоверения личности, фотографиями и прочими бумагами, которые, как предполагается, могут стать полезными в контексте достижения целей розыска.

В заявленном смысле рекомендуется часто использовать инструменты для связей с общественностью, информировать различные объединения и рядовых граждан страны.

Розыск – достаточно индивидуальное мероприятие. Е. Н. Черенков [1, с. 112] по этому поводу отметил, что универсального алгоритма в данном контексте не существует. Утверждение справедливо, ведь в каждой конкретной ситуации необходим учёт отличающихся факторов, влияющих, помимо прочего, на поведение разыскиваемого лица. Знание этого и окружения преступника – большое преимущество в контексте достижения целей розыскной деятельности.

Розыск как таковой может быть значительно упрощен благодаря информационным технологиям. Так, скажем, иногда несложно отследить личный телефон или компьютер потенциального подозреваемого либо уже состоявшегося преступника, даже при условии, что он постоянно перемещается. Потенциал имеют и средства распознавания.

Показательный пример в данном контексте – практика задержания лица Ч., объявленного в федеральный розыск и скрывшегося от следствия. Так, гражданин был обнаружен благодаря искусственному интеллекту, запрограммированному на идентификацию человека по носогубному треугольнику и дополнительным чертам лица. Ч. был опознан «Сферой» на станции метро «Садовая» в Москве, оперативно задержан линейной полицией и впоследствии доставлен в Волгоград для продолжения производства [5, с. 44-45]. Представленный пример подтверждает, что использование информационных технологий – отличное средство в контексте автоматизации, оптимизации и упрощения розыскной деятельности

Стоит особо подчеркнуть вероятность ошибок и смежных проблем вроде нарушения приватности. Вместе с тем важно понимать, что искусственный интеллект может быть обманут, скажем, путем использования злоумышленниками масок и альтернативных приемов.

Сегодня на уровне территориальных органов МВД реализуется бесперебойный обмен сводками по поводу правонарушений в рамках районов и областей. Но эта практика нетипична для соседствующих субъектов в статусе отдельных территориальных образований: обмен не автоматизирован, ведется ручная работа в части формирования запросов в формате «по наступлению потребности».

Так, разумно разработать единое программное обеспечение для ведения оперативно-справочного учета для отделений розыска при подразделениях органов МВД. Предполагается, что необходимо предусмотреть автоматизированный обмен сводками и иными материалами между территориальными субъектами страны, что поможет быстро выявлять места пребывания нарушителей закона, в том числе лиц, уклоняющихся от суда и следствия.

При условии обнаружения разыскиваемых граждан, обвиняемых в реализации противозаконной деятельности в виде преступлений небольшой и средней тяжести, даже в рамках одного субъекта, но в ситуации удаления от условного родного региона, становятся актуальными вопросы по поводу доставления конкретного лица в район инициирования расследования. В подобных ситуациях, о чем позволяют говорить положения п. 4 ч. 2 ст. 14 № 3-ФЗ 07.02.2011[3], орган, обнаруживший нарушителя, может задержать его и передать в нужное место. Но так называемое этапирование становится невозможным, если отсутствует мера пресечения, а выезд сотрудников для доставления нарушителей к фактическому месту инициирования расследования затруднен, что на практике на фоне других отмеченных несовершенств приводит к приостановлению предварительного следствия [6, с. 68].

Подводя итог, можно небезосновательно утверждать, что розыск в заявленном контексте на практике становится труднореализуемой задачей в ряде ситуаций, что детерминировано законодательными пробелами, а также несовершенствами, типичными для организации и реализации ОРД. Сформулированные в настоящей статье предложения по модернизации самого процесса розыска смогли бы решить ряд сложившихся проблем.

Пристатейный библиографический список

1. Черенков Е. Н. Розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда // Молодой ученый. - 2024. - № 34 (533). - С. 110-113.
2. Кузнецов Е. В., Ступницкий А. Е., Шишкина Н. Э. Типовые меры по розыску лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда // Сибирский юридический вестник. - 2023. - № 4 (103). - С. 96-104.
3. Замылин Е. И., Закатов А. А. Плановость как важнейшее организационное требование к разыскной деятельности следователя // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2019. - № 1. - С. 103-107.
4. Буряков Е. В. Лица, скрывающиеся от органов дознания, следствия и суда: проблемы объявления в розыск // Научный вестник Омской академии МВД России. - 2023. - № 2 (89). - С. 139-142.
5. Москаленко А. С., Корнаухова Н. Г. Отдельные вопросы применения средств научно-технического прогресса розыскными подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. - 2025. - № 1 (21). - С. 41-49.
6. Хамидуллин Р. С., Гаскаров И. Ф. Проблемы розыска лиц, скрывшихся от следствия как фактор внутренней угрозы национальной безопасности // Национальная безопасность // Nota bene. - 2023. - № 6. - С. 61-77.

3 Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 09.06.2025).

РУБЕКО Георгий Леонидович
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста

СЕВЕРЦЕВА Амина Олеговна
студент 2-го курса очной формы обучения, Профессиональная образовательная программа высшего образования программы магистратуры по направлению подготовки 40.04.01 юриспруденция, Институт правового консалтинга, Московский государственный юридический университет О. Е. Кутафина (МГЮА); независимый исследователь

АНТОНОВ Арслан Русланович
независимый исследователь

РАЗРЕШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ В РОССИИ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

В статье рассматриваются историко-правовые аспекты развития системы разрешения экономических споров в России. Подчеркивается необходимость создания специализированных органов, как правило, судебных, для разрешения возникающих в практике предпринимательства, конфликтов. Характеризуется дореволюционная модель разрешения торговых споров. Указывается на особый характер, созданных до революции коммерческих судов. Они, будучи государственными по форме, включали в себя в качестве судей представителей торгового сословия. Для советской эпохи, напротив, был характерен несудебный характер органов, рассматривающих хозяйственные споры. Это объясняется отнесением предприятий к одной форме собственности, что предполагает отсутствие причин для конфликта между ними. Также в статье показывается развитие системы арбитражных судов в современной России после обретения ей независимости.

Ключевые слова: экономический спор, торговые суды, арбитраж, арбитражные суды, пересмотр решений арбитражных судов, представительство в арбитражных судах.

RUBEKO Georgy Leonidovich
Ph.D. in Law, Associate Professor of Criminal law and process sub-faculty, Kalmyk State University, Elista

SEVERTSEVA Amina Olegovna
student of the 2nd-year full-time, professional educational program of higher education, master's degree programs in the field of 40.04.01 jurisprudence, Institute of Legal Consulting, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL); independent researcher

ANTONOV Arslan Ruslanovich
independent researcher

SETTLEMENT OF ECONOMIC DISPUTES IN RUSSIA: THE HISTORY OF THE ISSUE

The article examines the historical and legal aspects of the development of the economic dispute resolution system in Russia. The need to create specialized bodies, usually judicial ones, to resolve conflicts arising in business practice is emphasized. The pre-revolutionary model of trade dispute resolution is characterized. The special character of the commercial courts created before the revolution is pointed out. Being governmental in form, they included representatives of the merchant class as judges. The Soviet era, on the contrary, was characterized by the non-judicial nature of the bodies dealing with economic disputes. This is explained by the attribution of enterprises to the same form of ownership, which implies that there are no reasons for conflict between them. The article also shows the development of the arbitration court system in modern Russia after its independence.

Keywords: economic dispute, commercial courts, arbitration, arbitration courts, review of decisions of arbitration courts, representation in arbitration courts.

В России путь развития органов, которые разрешают экономические (предпринимательские), споры имеет свою историю. Отдельные положения о порядке разрешения конфликтов между купцами (торговцами) имелись еще в средневековом праве. В частности, можно назвать Новоторговый устав 1667 года, где определялся порядок разрешения споров. Однако на практике институционных органов в этой сфере не сложилось.

Определенная попытка урегулировать данные отношения была сделана в 18 веке. Однако в наибольшей степени данный вопрос получил свое разрешение в первой трети 19 века, когда был принят Устав торговый, включенный в свод законов Российской империи при проведении большой систематизации российского законодательства, которая была проведена под руководством М. М. Сперанского. К 1832 году в столице и в ряде крупных торговых городов (Москве, Новочеркасске, Одессе и др.) были созданы коммерческие суды, которые разрешали споры между представителями купеческого сословия. Специфична была правовая природа таких судов. Несмотря, что они создавались под эгидой государства, правосудие в них совершалось представителями крупной торговой прослойки. Система таких судов без существенных изменений просуществовала до революции. Изменения касались лишь городов, где функционировала такие суды.

Также надо отметить, что определенные функции по рассмотрению споров между представителями купеческого сообщества были предоставлены биржевым комитетам, которые создавались в крупных городах.

В период проведения судебной реформы 1864 года обсуждался и вопрос о судьбе коммерческих судов. Проблема состояла в том, что реформа провозгласила курс на отказ от сословных судов. А коммерческие суды и были как раз разновидностью сословного купеческого суда. В то же время, учитывая западную практику наличия коммерческих судов,

решение о российских торговых судах было отложено на неопределенное время.

К этой проблеме вернулись при проведении кодификации гражданского законодательства – при разработке Гражданского Уложения. При этом разгорелась дискуссия относительно необходимости наличия торговых судов в отечественной правовой системе. Так, представители предпринимательского сообщества, особенно в крупных городах выступали за сохранение коммерческих судов. Напротив, представители юридических министерств и ведомств, ратовали за унификацию судебной системы, предполагающую отмену специализированных судов. Однако в ряде крупных городов коммерческие суды сохранили свое присутствие. В принципе это позволило более профессионально рассматривать споры с участием предпринимательского сообщества.

Таким образом, в Российской империи к началу 20 века сложилась достаточно гибкая система разрешения экономических (торговых) споров, которая включала в себя как общегражданские, так и специализированные (торговые) суды [10, с. 70]. При этом в общегражданских судах рассматривались в основном вопросы права собственности лиц торгового сословия. А вот в торговых судах, в основном разрешались споры, касающиеся совершения торговых сделок (банкротство, вексельное право и др.).

Также надо отметить, что в России того периода достаточно хорошо была налажена система досудебного разрешения имеющихся экономических конфликтов. Обычно они разрешались в рамках самого торгового (купеческого) сообщества, посредством сохранившихся сословных институтов. Во многом считалось, что передача спора на судебное разрешение является недостойным представителя купеческого сословия, особенно «старого» его образца. Таким образом, для разрешения в суд передавалось незначительное количество из имеющихся конфликтов, в основном те из них, которые не могли быть разрешены посредством традиционных для российского купечества механизмов разрешения споров. К примеру, механизм совестных судов, который могли в определенных случаях запретить купцу заниматься предпринимательской деятельностью [8, с. 38].

В то же время, бурное экономическое развитие существенно изменило и «облик» российского предпринимателя. Постепенно этика «старого» купечества стала отходить в прошлое. Появившиеся новые представители класса предпринимателей стали отдавать предпочтение более «юридизированным» способам разрешения споров [9, с. 217]. Поэтому не за горами было существенное изменение подходов к разрешению предпринимательских споров. Однако эволюционному пути в развитии отечественной практики разрешения торговых споров помешали драматические события Первой мировой войны и последовавших за ней двух революций.

Октябрьская революция внесла наиболее радикальные изменения в жизнь российского общества. В течение нескольких месяцев была проведена национализация в различных сферах промышленности и торговли. Все это привело к ликвидации на территории, которую контролировали большевистские органы власти, предпринимательского сообщества. Более того, власти боролись с любыми проявлениями предпринимательской активности населения. Был провозглашен курс на полную отмену товарно-денежных отношений. Все это делалось в рамках политики «военного коммунизма». Соответственно в таких условиях отпала необходимость в создании специальных органов, которые разрешали бы предпринимательские споры.

Предпринимательская жизнь возобновилась после введения в стране «новой экономической политики» (НЭПа), который был вызван необходимостью восстановления страны после разрухи Гражданской войны. В то же время решение о предоставлении права заниматься предпринимательской деятельностью носило половинчатый характер, так как были ограничены ее сферы. Соответственно, это предопределило отсутствие необходимости создания специализированных способов разрешения экономических споров. Однако в этот период появляются органы, призванные разрешать конфликтные ситуации между государственными предприятиями. Именно в тот момент стали появляться органы, включающие словосочетания на основе слова «арбитраж». В тот период времени появились «арбитражные комиссии» [15, с. 27].

После проведения индустриализации и, как следствие, полного огосударствления экономики, арбитраж получил признание как органа, который только и рассматривал споры и разногласия между предприятиями общественного сектора.

В дальнейшем данная система продолжала совершенствоваться. Так, в 60-е годы прошлого столетия после проведения экономических реформ и переподчинения промышленных предприятий сформирована система арбитражей, которая действовала до конца советской эпохи. Необходимость в появлении институционализированных органов, которые бы разрешали экономические конфликты, было обусловлено появлением у предприятий хозяйственной самостоятельности, хотя и в рамках единой еще общенародной собственности [5, с. 127]. Однако возникновение возможности аккумулировать вследствие «хозрасчета» самостоятельно денежные средства, предопределяло появление у предприятия «собственного» интереса, отличного от других предприятий. Таким образом, появились основания для заявления в арбитраж требований, направленных на защиту собственных интересов. Соответственно и система арбитража была сфокусирована на защиту прав различных социалистических субъектов, действующих под «зонтиком» союзных и республиканских министерств и ведомств.

В том случае, если предприятия относились к одному ведомству (министерству), то споры между ними разрешались ведомственными арбитражами, которые создавались в рамках министерств союзного и республиканского (союзные республики) уровней. Если же возникал спор с участием предприятий, относящихся к различным ведомствам, то он рассматривался арбитражем, который был создан при Совете министров СССР. В его состав входили государственные арбитры, которые, как правило, имели высшее юридическое образование. Правила рассмотрения дел этим органом были также утверждены Постановлением СМ СССР. Многие положения данного документа во многом напоминали процессуальные нормы, согласно которым разрешались дела в обычных судах. Однако форма утверждения документа не позволяла отнести данные нормы к процессуальным. Да и сами лица, рассматривающие споры назывались арбитрами, а не судьями.

Также не имелось оснований содержательного характера для того, чтобы признать конфликтом между предприятиями, которые принадлежали к одной форме собственности, классическим экономическим спором. Главным их отличием являлось, то, что возникший между частными лицами кон-

фликт подлежит разрешению только в судебном порядке, в то время как разногласие между предприятиями может быть разрешен и ведомственным квазисудебным органом.

Однако в литературе того времени велась дискуссия относительно возможности выделения среди отраслей советского права арбитражно-процессуального права, наряду с гражданским процессуальным [1], [6]. Однако большинство ученых все-таки не были согласны с таким подходом, прежде всего из-за того, что арбитры не обладали статусом судьи, а были работниками исполнительно-распорядительных органов.

Надо, однако, признать, что в работе советских арбитражей была накоплена солидная практика по разрешению хозяйственных споров. Кроме того, в последующем государственные арбитры составили костяк, созданных в начале 90-х годов прошлого столетия арбитражных судов [14, с. 101].

Радикальные перемены, которые произошли в конце прошлого века, предопределили необходимость существенной трансформации экономической модели. Это повлекло появление первых предпринимателей, а также юридических лиц, созданных для получения прибыли. Также было провозглашено право частной собственности. Естественно, что это не могло не поставить вопрос о создании системы разрешения споров между предпринимателями [4, с. 14]. Прежняя модель государственного арбитража, которая подходила для государственной монополистической экономики, была неприемлема для ситуации со многими независимыми друг от друга субъектами предпринимательской деятельности.

В отличие от системы общих судов, реформирование которой проходило достаточно долго, в данной сфере решение о создании новой ветви судебной власти решение было принято достаточно быстро. Так, в 1991 году принимается еще союзный закон об арбитражных судах. Реализован он не был, вследствие распада СССР. Однако в том же году аналогичный закон был принят уже в РСФСР. В 1992 году арбитражные суды начали работать. Одним из спорных вопросов было само наименование данного судебного органа. Оно сложилось во многом из-за того, что хотели обозначить преемственность с системой арбитражей, которые существовали в советскую эпоху. С другой стороны, подчеркивалось отнесение данного органа к судебной системе. В результате сложилось неоднозначное наименование, потому что в переводе латыни «arbiter» и означает судья [3, с. 5]. Именно поэтому во многих других государствах, появившихся после распада СССР и пошедших по пути создания государственных судов, разрешающих предпринимательские споры, название «арбитражный суд» не использовалось.

Постепенно стала вырабатываться структура арбитражных судов и их кадровое наполнение. Первоначально суд функционировал по двухзвенной модели – арбитражные суды субъектов РФ и Высший арбитражный суд РФ. С учетом того, что была предусмотрена форма апелляционного обжалования, арбитражные суды субъектов выполняли две функции – рассмотрение дела по первой инстанции и апелляционное рассмотрение дела. В дальнейшем были созданы межрегиональные федеральные арбитражные кассационные суды. Они стали играть роль кассационной юрисдикции и для нижестоящих судов. Таким образом, в арбитражном судопроизводстве впервые был организована классическая модель обжалования судебных постановлений, включающая апелляцию и кассацию. Через несколько лет систему арбитражных судов ввели еще один элемент – апелляционные арбитражные суды. Таким образом, постепенно сложилась четырехзвенная структура арбитражных судов.

Пристатейный библиографический список

1. Абова Т. Е. Арбитражный процесс в СССР: понятие, основные принципы: монография. – М.: Наука, 1985.
2. Актуальные проблемы частного и публичного права / Под ред. А. Я. Рыженкова. – Элиста: Изд-во КалмГУ, ЗАОр «НПП Джангар», 2015.
3. Арбитражный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. М. К. Треушникова. – М.: Городец, 2022.
4. Власов А. А. Арбитражный процесс: учебник для вузов. – М.: Изд-во Юрайт, 2025.
5. Воронин Д. В. Органы государственного арбитража в период экономических реформ и контрреформ 1960-х гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2014. – № 4 (36).
6. Гапеев В. Н. Правосудие и арбитраж. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1983.
7. Комментарий к Степному Уложению (Конституции) Республики Калмыкия / Под ред. К. Ю. Булуктаевой. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014.
8. Коробкова Ю. Е. Особенности деловой этики русского купечества XIX-XX веков // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2015. – № 2.
9. Никишин М. В. Историческая эволюция и традиции российского купечества // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 4.
10. Рассказов Л. П., Мантул Г. А. Специализированные суды по экономическим спорам в дореволюционной России // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 4 (34).
11. Рубеко Г. Л. Акционерное право: учебное пособие. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013.
12. Рубеко Г. Л. Инвестиционная деятельность в Республике Калмыкия: проблемы правового регулирования // Вестник Калмыцкого университета. – 2013. – № 4 (20).
13. Рубеко Г. Л., Чубыкин Е. В. Сравнительный анализ источников корпоративного права России и стран СНГ // Аграрное и земельное право. – 2018. – № 6.
14. Сиротюк А. З. Историко-правовой анализ становления арбитражных судов в Российской Федерации // Новый ракурс. – 2017. – № 3.
15. Усманова Л. М. К вопросу о периодизации истории становления и развития правового механизма разрешения экономических споров в России // Юридическая наука. – 2011. – № 4. – С. 27. 26-28.

КАРАВАЕВ Александр Александрович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Воронежский институт МВД России, подполковник полиции

БУТЕНКО Олег Сергеевич
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Ростовский юридический институт МВД России, майор полиции

ПАВЛОВ Даниил Викторович
преподаватель кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, капитан полиции

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Настоящая статья посвящена исследованию процесса адаптации сотрудников полиции к специфическим условиям профессиональной деятельности. Анализ фокусируется на многофакторной природе адаптации, учитывая высокую степень ответственности, постоянное воздействие стресса и значительные профессиональные риски, свойственные данной профессии. Авторы рассматривают взаимосвязь успешной адаптации с индивидуальными особенностями личности (стрессоустойчивость, коммуникативные навыки, саморегуляция), социальными факторами (поддержка коллег и руководства), организационными аспектами (система обучения, стиль руководства), профессиональными факторами (характер работы, уровень риска) и внешними условиями (социально-экономическая ситуация, общественное мнение). В исследовании подчеркивается ключевая роль развитых коммуникативных навыков в ускорении процесса адаптации и повышении эффективности работы. Кроме того, анализируется влияние физической подготовленности на физиологическую адаптацию к профессиональным нагрузкам. Структура адаптационного процесса представлена в виде нескольких стадий, начиная с первичной (начальной) адаптации и заканчивая более глубокой интеграцией в профессиональную среду. Результаты исследования могут быть использованы для разработки эффективных программ подготовки и поддержки сотрудников полиции, направленных на повышение их профессиональной приспособляемости и психологического благополучия.

Ключевые слова: адаптация, сотрудники полиции, профессиональная деятельность, стресс, психологическое здоровье, социологический анализ, правоохранительные органы.

KARAVAEV Alexander Alexandrovich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative activities of the internal affairs bodies sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

BUTENKO Oleg Sergeevich
lecturer of Tactical and special training sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia, major of police

PAVLOV Daniil Viktorovich
lecturer of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

PECULIARITIES OF ADAPTATION OF POLICE OFFICERS TO PROFESSIONAL ACTIVITY

This article is devoted to the study of the process of adaptation of police officers to the specific conditions of professional activity. The analysis focuses on the multifactorial nature of adaptation, taking into account the high degree of responsibility, constant exposure to stress and significant occupational risks inherent in this profession. The authors consider the relationship of successful adaptation with individual personality traits (stress tolerance, communication skills, self-regulation), social factors (support from colleagues and management), organizational aspects (training system, leadership style), professional factors (nature of work, level of risk) and external conditions (socio-economic situation, social opinion). The study highlights the key role of developed communication skills in accelerating the adaptation process and improving work efficiency. In addition, the influence of physical fitness on physiological adaptation to professional stress is analyzed. The structure of the adaptation process is presented in the form of several stages, starting with primary (initial) adaptation and ending with deeper integration into the professional environment. The results of the study can be used to develop effective training and support programs for police officers aimed at improving their professional adaptability and psychological well-being.

Keywords: adaptation, police officers, professional activity, stress, psychological health, sociological analysis, law enforcement agencies.

Профессиональная деятельность сотрудников полиции сопряжена с высокой степенью ответственности, постоянным воздействием интенсивных стрессовых факторов и значительными профессиональными рисками. Ежедневная работа требует принятия сложных решений в условиях неопределенности и потенциальной опасности, что может привести к серьезному психологическому напряжению. Специфика работы включает непрерывное взаимодействие с преступной средой, необходимостью быстрого реагирования на экстремальные ситуации, а также необходимость соблюдения строгих этико-правовых норм. Все эти факторы в совокупности создают профессиональную среду с повышенным уровнем нагрузки и требуют высокой устойчивости к стрессу и способности к эффективной саморегуляции.

Вопросы адаптации сотрудников полиции рассматривались в трудах множества авторов, в числе которых: Косовская Д. В., Шарафутдинов И. С., Жукова А. И., Авраменко О. В., Маюров Н. П., Маюров П. Н., Ороева О. Д., Тарута А. Г., Жабкин А. С., Хатуаев М. О. и др.

Авторы сходятся во мнении о том, что адаптация сотрудников полиции – «это сложный и многогранный процесс, который предполагает приспособление к условиям службы и требованиям профессиональной деятельности» [1].

Успешная адаптация сотрудников полиции к профессиональной деятельности зависит от взаимодействия различных факторов, таких как:

– индивидуальные особенности личности, к которым относятся уровень стрессоустойчивости, самооценка, мотивация, коммуникативные навыки, способность к саморегуляции, уровень интеллекта и профессиональные навыки;

– социальные факторы, такие как: поддержка со стороны семьи, коллег, руководства; наличие социальных сетей и групповой идентичности в коллективе;

– организационные факторы: система наставничества в ОВД, подготовки и обучение начинающих сотрудников полиции, стиль руководства, ясность функциональных обязанностей, система поощрений и наказаний;

– профессиональные факторы: характер работы (патрулирование, расследование, оперативная деятельность), уровень риска, нагрузка и др.;

– внешние факторы: социально-экономическая ситуация в регионе, уровень криминализации, общественное мнение о полиции.

Индивиды, обладающие развитыми коммуникативными навыками, демонстрируют более высокую эффективность адаптации к новой профессиональной среде. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, эффективная коммуникация способствует быстрому освоению профессиональных ролей и социальных норм организации путем активного взаимодействия с коллегами и руководством. Во-вторых, способность к ясным и четким выражениям мыслей позволяет минимизировать межличностные конфликты и устанавливать продуктивные рабочие отношения. В-третьих, развитие эмпатических способностей и навыков активного слушания обеспечивает более глубокое понимание профессиональных требований и особенностей корпоративной культуры. Таким образом, коммуникативная компетентность выступает в качестве значимого предиктора успешной профессиональной адаптации, сокращая временные затраты на интеграцию в коллектив и повышая эффективность работы на ранних этапах профессиональной деятельности [5].

Анализ уровня физической подготовленности сотрудников полиции в чьи обязанности входит обеспечение охраны общественного порядка демонстрируют более эффективную физиологическую адаптацию к требованиям профессиональной деятельности, характеризующейся физическими нагрузками. Это обусловлено наличием адаптированных физиологических систем, способных более эффективно компенсировать стрессовые воздействия и поддерживать гомеостаз в условиях повышенных нагрузок. Выносливость, сила и скорость реакции, развитые в результате регулярных физических упражнений, снижают риск развития функциональных расстройств и ускоряют процессы восстановления после физического напряжения [4].

Адаптация сотрудников полиции к профессиональной деятельности, как и любой другой вид профессиональной адаптации, проходит через несколько основных стадий.

Первичная адаптация (начальная), выражается в ознакомлении с рабочим местом, коллективом, функциональными обязанностями. На этой стадии особо важна поддержка со стороны наставников и руководства.

Вторичная адаптация (профессиональная), выражается в освоении профессиональных навыков и умений. На этом этапе важна регулярная подготовка и повышение квалификации.

Третичная адаптация (личностная). В рамках прохождения данной стадии адаптации важна последовательная и постепенная интеграция в профессиональную среду, формирование профессиональной идентичности, приспособление к особенностям профессиональной деятельности. На этом этапе важна поддержка психологов и социальных работников [3].

Маюров Н. П., Маюров П. Н., Ороева О. Д в своих исследованиях выделяют три периода адаптации молодых сотрудников органов внутренних дел:

1) подготовительный этап, т. е. профессиональной ориентации и отбора кандидатов на службу. Он длится на протяжении всего периода обучения в ведомственном вузе и до начала служебной деятельности молодого сотрудника в конкретном подразделении внутренних дел;

2) этап профессиональной адаптации, длящийся, как правило, один год и представляющий собой этап развития и закрепления основных показателей адаптированности сотрудника;

3) этап саморазвития, длящийся от 3 до 5 лет [2].

Для повышения эффективности адаптации сотрудников полиции к профессиональной деятельности необходимо усовершенствовать систему подготовки и обучения, включив в программы специальные курсы по психологической подготовке, работе в стрессовых ситуациях и развитию коммуникативных навыков; разработать и внедрить программы поддержки сотрудников, включающие организацию психологической помощи, профилактику профессионального выгорания и создание благоприятного психологического климата в коллективе; повысить уровень материального и социального обеспечения, и, наконец, совершенствовать систему управления, стимулируя позитивную мотивацию и повышая уровень доверия в отношениях между руководством и подчиненными.

Адаптация сотрудников полиции к профессиональной деятельности – сложный и многогранный процесс, требующий системного подхода. Успешная адаптация является залогом эффективной работы правоохранительных органов и сохранения психологического и физического здоровья сотрудников. Для повышения эффективности адаптации необходимо учитывать все факторы, влияющие на этот процесс, и использовать комплекс мер, направленных на поддержку сотрудников на всех стадиях адаптационного периода.

Пристатейный библиографический список

1. Косовская Д. В., Шарафутдинов И. С., Жукова А. И., Авраменко О. В. Особенности адаптации молодых сотрудников полиции к профессиональной деятельности // Human Progress. - 2025. - Т. 11, Вып. 1. - С. 28. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://progress-human.com/images/2025/Tom11_1/Kosovskaya.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2025-1a-29.
2. Маюров Н. П., Маюров П. Н., Ороева О. Д. Особенности профессиональной адаптации молодых сотрудников ОВД к службе // Ленинградский юридический журнал. - 2018. - № 4 (54). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnoy-adaptatsii-molodyh-sotrudnikov-ovd-k-sluzhbe (дата обращения: 09.06.2025).
3. Носова Д. Х. О роли коммуникативной компетентности в профессиональной идентичности следователей полиции // Наука - шаг в будущее: сборник научных трудов по материалам ежегодной Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, Уфа, 22 ноября 2024 года. - Уфа: РИЦ УУНиТ, 2024. - С. 331-335. – EDN FZUHPQ.
4. Тарута А. Г. Применение инновационных технологий при охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий // Закон и власть. - 2024. - № 4. - С. 181-186. – EDN GNBASA.
5. Носова Д. Х., Валиева А. Р., Жабкин А. С., Хатуаев М. О. Формирование коммуникативной компетентности будущих сотрудников полиции // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 7 (182). - С. 457-458. – EDN SSITXE.

КОВАЛЁВ Виталий Витальевич
кандидат технических наук, доцент, полковник полиции, начальник кафедры огневой и технической подготовки, Барнаульский юридический институт МВД России

ЯМАЛИТДИНОВ Айрат Айдарович
старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

САВЧЕНКО Николай Николаевич
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Ростовский юридический институт МВД России, подполковник полиции

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Данная статья посвящена комплексному анализу организации огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел (ОВД) Российской Федерации в контексте действующего законодательства. В исследовании рассматриваются положения основных нормативно-правовых актов, регулирующих особенности профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Авторы описывают структуру огневой подготовки, выделяя три основных компонента: теоретические занятия, практические стрельбы и упражнения в условиях, приближенных к реальным. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения безопасности на всех этапах обучения, а также анализу эффективности применяемых методик с точки зрения формирования профессиональных навыков, способствующих эффективному и правомерному применению оружия. В статье исследуются взаимосвязи между огневой и тактической подготовкой, а также роль огневой подготовки в обеспечении безопасности граждан и поддержании общественного порядка. На основе анализа нормативных актов и практического опыта формулируются предложения по совершенствованию системы огневой подготовки в ОВД, направленные на повышение эффективности обучения и минимизацию рисков.

Ключевые слова: огневая подготовка, правовые основы применения оружия, профессиональное обучение, сотрудники полиции, профессиональная компетентность.

KOVALEV Vitaliy Vitaljevich
Ph.D. in technical sciences, associate professor, Head of Fire and technical training sub-faculty, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia, colonel of police

YAMALITDINOV Ayrat Aidarovich
senior lecturer of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

SAVCHENKO Nikolay Nikolaevich
lecturer of Tactical and special training sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

SOME ISSUES RELATED TO THE ORGANIZATION OF FIRE TRAINING IN LAW ENFORCEMENT AGENCIES

This article is devoted to a comprehensive analysis of the organization of fire training for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the context of current legislation. The study examines the provisions of the main regulatory legal acts regulating the specifics of professional training of employees of law enforcement agencies. The authors describe the structure of fire training, highlighting three main components: theoretical exercises, practical shooting and exercises in conditions close to real ones. Special attention is paid to ensuring safety at all stages of education, as well as analyzing the effectiveness of applied methods in terms of developing professional skills that contribute to the effective and lawful use of weapons. The paper examines the relationship between fire training and tactical training, as well as the role of fire training in ensuring the safety of citizens and maintaining public order. Based on the analysis of regulations and practical experience, proposals are formulated to improve the fire training system in the Department of Internal Affairs, aimed at improving the effectiveness of training and minimizing risks.

Keywords: fire training, legal basis for the use of weapons, vocational training, police officers, professional competence.

Вопросы организации огневой подготовки в органах внутренних дел с точки зрения действующих нормативных правовых актов представляют собой многогранную и актуальную задачу, требующую постоянного совершенствования и адаптации к меняющимся условиям оперативной обстановки. Эффективная огневая подготовка является ключевым элементом профессиональной компетентности сотрудника полиции, обеспечивающим его готовность к применению огнестрельного оружия в строгом соответствии с законом и для защиты жизни и здоровья граждан, а также собственной безопасности.

Основополагающим правовым актом, регулирующим деятельность органов внутренних дел, является Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Закон определяет основные задачи полиции, включая обеспечение безопасности граждан и охрану общественного порядка, закрепляя положения о применении огнестрельного оружия. Более детальные требования к организации подготовки кадров для ОВД изложены в Приказе МВД России от 2 февраля 2024 года № 44 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации». Данный приказ устанавливает стандарты и процедуры подготовки, включая требования к огневой подготовке.

Еще одним правовым актом, регламентирующим особенности применения огнестрельного оружия, является Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении», в котором содержится норма закрепляющая, что «порядок и условия применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники изменению в условиях чрезвычайного положения не подлежат» [2].

Анализ представленных правовых актов позволяет сделать вывод о том, что огневая подготовка в ОВД структурирована и состоит из нескольких взаимосвязанных компонентов.

Во-первых, это теоретические занятия, включающие изучение материальной части различных видов огнестрельного оружия, баллистики, правил безопасного обращения с оружием, тактики стрельбы, правовых аспектов применения оружия и ответственности за его неправомерное использование. Данный этап обучения закладывает теоретическую базу, необходимую для понимания принципов действия оружия и служит основой для его безопасного и эффективного применения.

Во-вторых, неотъемлемой частью огневой подготовки являются практические стрельбы, проводимые на специально оборудованных стрельбищах и огневых рубежах. Они позволяют курсантам и сотрудникам отработать практические навыки обращения с оружием, освоить различные стрелковые позиции, выработать точность и устойчивость в процессе стрельбы, а также отработать стрельбу в различных условиях, включая стрельбу по движущимся мишеням, в условиях ограниченной видимости, стрельбу из различных положений (лежа, сидя, стоя, с колена) и др.

Третий компонент – практические упражнения, приближенные к реальным ситуациям, призванные развивать навыки принятия решений в условиях стресса и эффективного применения оружия в экстремальных условиях. Важным аспектом организации огневой подготовки является обеспечение безопасности. Строгое соблюдение правил безопасности на всех этапах обучения является приоритетной задачей. Это включает в себя проверку знаний правил безопасности, постоянный контроль за безопасным обращением с оружием, использование необходимых средств защиты и др.

Однако понимание экстремальности ситуации применения оружия выходит за рамки простого соблюдения техники безопасности; оно пронизывает все этапы подготовки и предопределяет выбор соответствующих методов обучения. Ведь, по сути, любая ситуация, в которой сотрудник полиции потенциально может применить огнестрельное оружие, обладает признаками экстремальной [5], по следующим причинам:

– практически во всех случаях момент применения огнестрельного оружия возникает внезапно, что требует от полицейского специальной готовности к действиям в таких ситуациях;

– такие ситуации всегда насыщены противоречиями, требующими оперативного разрешения;

– ситуация применения оружия всегда нестабильна (непредсказуема) по возможным последствиям и находится на пределе критичности;

– применение/вероятность применения оружия всегда порождает ряд опасностей и угроз, могущих повлечь за собой гибель и ранения;

– нарастание напряженности для субъектов противостояния, требующее осмысления ситуации, оперативного принятия решений и немедленного реагирования и др. [4]

К методам обучения огневой подготовке относятся:

1. Наглядные: изучение инструкций, схем, плакатов, учебных фильмов и литературы.

2. Совестные: инструктаж, лекции, беседы, рассказы.

3. Практические: выполнение отдельных упражнений, сдача нормативов [3].

В практической деятельности образовательных организаций МВД России, широкое применение получил комплексный тренажер «АВТО-СКАТТ». Принцип действия указанного тренажера заключается в том, что на экране монитора изображена выбранная мишень, в которую будет производиться серия выстрелов, в это время стрелком на оружии закрепляется лазерная насадка, которая показывает на изображении, куда целится человек до момента выстрела и после него [1]. На данном тренажере проходит обучение курсантов и слушателей стрельбе из движущегося транспортного средства по динамичным целям.

Основная цель огневой подготовки – подготовка сотрудников к защите общества от преступности, обеспечение безопасности граждан и поддержание общественного порядка. Огневая подготовка должна быть интегрирована с тактической подготовкой, что позволяет сотрудникам эффективно применять оружие в различных тактических сценариях, учитывая особенности различных ситуаций и местности.

Эффективная профессиональная подготовка сотрудника ОВД невозможна без тесной взаимосвязи огневой и тактико-специальной подготовки. Только комплексный подход, учитывающий как теоретические знания, так и практические навыки, позволяет сформировать сотрудника, готового к эффективному и правомерному применению огнестрельного оружия в различных оперативно-служебных ситуациях. Именно поэтому программы подготовки должны быть интегрированными и направленными на достижение синергетического эффекта.

Пристатейный библиографический список

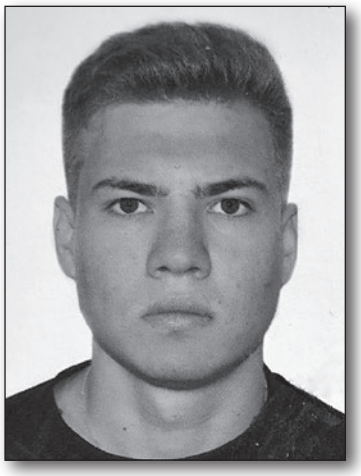
1. Балуев А. С. Инновационные технологии и их применение в процессе огневой подготовки в вузах Министерства внутренних дел России // Наука-2020. - 2022. - № 2 (56). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-i-ih-primenenie-v-protsesse-ognevoy-podgotovki-v-vuzah-ministerstva-vnutrennih-del-rossii (дата обращения: 14.06.2025).
2. Бурчикаускас В. А. Порядок, условия и основания применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции: проблемы правового регулирования и уголовно-правовой оценки последствий его применения // Научный портал МВД России. - 2023. - № 3 (63). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-usloviya-i-osnovaniya-primeneniya-ognestrelnogo-oruzhiya-sotrudnikami-politsii-problemy-pravovogo-regulirovaniya-i (дата обращения: 14.06.2025).
3. Карамельский Р. В., Хабибуллин И. А., Абидов Р. Р. Современные методы обучения огневой подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Журнал прикладных исследований. - 2023. - № 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-metody-obucheniya-ognevoy-podgotovke-kursantov-i-slushateley-obrazovatelnyh-organizatsiy-mvd-rossii (дата обращения: 14.06.2025).
4. Светличный Е. Г., Шанько В. В., Поштарук Д. А. Условия формирования готовности курсантов и слушателей к применению огнестрельного оружия в экстремальных ситуациях // Проблемы современного педагогического образования. - 2020. - № 67-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-formirovaniya-gotovnosti-kursantov-i-slushateley-k-primeneniyu-ognestrelnogo-oruzhiya-v-ekstremalnyh-situatsiyah (дата обращения: 14.06.2025).
5. Тарута А. Г. Применение инновационных технологий при охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий // Закон и власть. - 2024. - № 4. - С. 181-186. – EDN GNBASA.

КОМЛЕВ Евгений Юрьевич
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ФАТИХОВ Данил Владиславович
студент, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; независимый исследователь

Комлев Е. Ю.

Фатихов Д. В.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ОСНОВ И ОСОБЕННОСТЕЙ

В данной статье рассматривается институт прокурорского надзора в Российской Федерации и Республике Казахстан на основе сравнения его правовых основ, организационных принципов и особенностей взаимодействия со следственными органами. Показано, как историческое наследие и современные реформы повлияли на эволюцию функций прокуратуры, её роль в досудебном расследовании и судебной практике. Особое внимание уделяется анализу законодательной базы двух государств, включая конституционные нормы, профильные законы о прокуратуре и кодексы (уголовные, административные, предпринимательские и т.д.). Делается вывод о схожести традиционных задач прокуратуры в обеих странах — защите прав граждан и государственных интересов, а также выявляются различия в степени независимости прокуроров и взаимодействии со следственными органами.

Ключевые слова: прокурорский надзор, следственные органы, функции прокуратуры, уголовное преследование, правоохранительная система, досудебное расследование ЕРДР, контроль за законностью.

KOMLEV Evgeniy Yurjevich
Ph.D. in Law, Head of Judicial power, civil society, and law enforcement sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

FATIKHOV Danil Vladislavovich
student Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia; Independent researcher

PROSECUTORIAL SUPERVISION IN RUSSIA AND KAZAKHSTAN: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGAL FOUNDATIONS AND FEATURES OF INVESTIGATIVE ACTIVITIES

This article examines the institution of prosecutorial supervision in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan by comparing its legal foundations, organizational principles, and the specifics of interaction with investigative bodies. It demonstrates how the historical legacy and contemporary reforms have influenced the evolution of prosecutorial functions and their role in pre-trial investigation and judicial practice. Particular attention is paid to analyzing the legislative frameworks of both countries, including constitutional norms, specialized laws on the prosecutor's office, and related codes (criminal, administrative, entrepreneurial, etc.). The article concludes that the traditional tasks of prosecution offices in both states — protecting citizens' rights and state interests — are largely similar, while differences emerge in the degree of prosecutorial independence and in their interaction with investigative bodies.

Keywords: prosecutorial supervision, investigative bodies, prosecutorial functions, criminal prosecution, law enforcement system, pre-trial investigation (ERDR), control of legality.

Прокурорский надзор в Российской Федерации и Республике Казахстан исторически формировался одинаково ввиду общей советской правовой системы. Несмотря на это в каждой из стран, после распада Советского Союза произошли изменения, обусловленные как конституционно-правовыми особенностями и реформами в сфере правоохранительной деятельности, так и трансформацией системы следственных органов.

В современной России основой для деятельности прокуратуры являются Конституция РФ и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». В свою очередь в Казахстане, где помимо профильного Конституционного Закона «О Прокуратуре» полномочия прокуроров детализируются сразу в нескольких кодексах. Например, Предпринимательский кодекс РК предусматривает участие прокуратуры в защите прав предпринимателей и регламентирует взаимодействие с уполномоченным по защите прав предпринимателей (бизнес-омбудсменом). Административно-процедурно-процессуальный кодекс (АППК) даёт прокурору полномочия вступать в споры против госорганов, если затрагиваются публичные интересы или права неопределённого круга лиц.

В обоих государствах функции прокуратуры во многом схожи: надзор за соблюдением законов всеми органами власти, организациями и гражданами; поддержание государственного обвинения в суде по уголовным делам; рассмотрение жалоб граждан; участие в гражданских и административных процессах для защиты прав и свобод. При этом

если рассматривать следствие в двух странах, можно увидеть множество различий [5].

Так, с 2011 года в России расследованием большинства уголовных дел занимается Следственный комитет РФ[1], в то время как прокуратура сосредоточена на надзоре за законностью действий следственных органов и поддержании обвинения в суде. Прокурор не участвует напрямую в проведении следствия, но вправе контролировать процессуальные решения (например, опротестовывать незаконное продление срока содержания под стражей) и при выявлении нарушений направлять соответствующие представления.

В свою очередь, с развитием цифровых технологий, в Казахстане был введен Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР), в рамках которого прокуратура осуществляет более тесный контакт со следствием[2]. ЕРДР представляет с собой электронную базу, в которой в обязательном порядке регистрируются все сведения о начале, ходе и результатах досудебного расследования по уголовным делам. Главной целью введения такой базы является исключение «скрытых» или «неучтенных» дел, поскольку вся информация, все процессуальные документы и ход уголовного дела доступен прокуратуре, следствию и участникам дела в реальном времени.

В рамках прокурорского надзора данный электронный ресурс позволяет прокурору контролировать ход расследования или вносить предписания и рекомендации следователю. Такой контроль позволяет своевременно пресекать нарушения в ходе следствия [6].

Переход к электронному формату хранения и обмена информацией исключает документооборот «на бумаге», ускоряет доступ к материалам, упрощает сбор и анализ статистических данных о преступлениях. Прокурору не нужно ждать, пока материалы физически направят из одного подразделения в другое: все основные сведения доступны онлайн. Наличие ЕРДР значительно усиливает прокурорский надзор в целом повышает прозрачность правоохранительной системы, поскольку централизованная электронная база облегчает взаимодействие между различными правоохранительными органами, что способствует сокращению бюрократических процедур и ускоряет принятие решений.

Таким образом, введение электронного портала ЕРДР стало одним из наиболее значимых шагов в реформе правоохранительной системы Казахстана, поскольку позволило повысить эффективность расследований и укрепить доверие граждан к органам правопорядка и прокуратуре. В долгосрочной перспективе дальнейшее развитие этой системы будет способствовать совершенствованию аналитической работы, когда на основе данных о регистрируемых правонарушениях можно выявлять закономерности и заранее принимать профилактические меры.

Опыт Казахстана во внедрении использовании ЕРДР представляется интересным для анализа другими постсоветскими государствами, включая Российскую Федерацию. В России ведется активная и систематическая работа по внедрению электронных сервисов для подачи заявлений в полицию и для отдельных элементов судопроизводства, однако пока не существует единой электронной платформы, объединяющей в реальном времени все сведения о досудебном расследовании. Изучение казахстанского опыта и дальнейшее развитие подобных инструментов могло бы способствовать повышению прозрачности и подотчётности следственных органов в постсоветских государствах.

Усовершенствование прокурорского надзора позволяет эффективнее выявлять нарушения и фиксировать факты неправомерных действий или бездействия. Подобный обмен практиками может ускорить обмен информацией между региональными подразделениями следствия, повысить эффективность раскрытия преступлений [7].

Таким образом, обе страны унаследовали советские подходы к прокурорскому надзору, но пошли своими путями модернизации. В России реформа, приведшая к созданию Следственного комитета, изменила баланс сил между органами дознания и прокуратурой, в то время как в Казахстане прокурор продолжает более активно контролировать процесс следствия. При этом в Республике Казахстан существенно выросла роль специализированных прокурорских подразделений (экологических, военных, транспортных, антикоррупционных) [5], и на уровне законодательства (например, Предпринимательский кодекс, Экологический кодекс, КоАП, АППК, УПК) закреплены обширные полномочия прокуратуры в разных сферах. В целом оба государства признают важность укрепления независимости прокуратуры, повышения её ответственности и прозрачности в работе, а также внедрения цифровых технологий для совершенствования надзорных функций.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 04.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V // «Казахстанская правда» от 10 июля 2014 г. № 133 (27754).
5. Алиуллов Р. Р. Деятельность правоохранительных органов Республики Казахстан, осуществляющих расследование уголовных дел в электронном формате // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 1 (43).
6. Левченко О. В. Прокурорский надзор в досудебном производстве уголовного процесса Республики Казахстан // Ex jure. 2022. № 4.
7. Спиридонова А. А. Прокурорский надзор: понятие, актуальные проблемы реализации прокурорского надзора // Вестник науки. 2024. № 12 (81).
8. Мельникова О. Н. Сравнительный анализ моделей прокурорского надзора в Германии и России // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2021. № 3. С. 33-38.

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 04.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V // «Казахстанская правда» от 10 июля 2014 г. № 133 (27754).

НАЗАРОВА Марина Григорьевна
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Юридический факультет, Владимирский юридический институт ФСИН России, полковник внутренней службы

МАЛАХОВ Андрей Аркадьевич
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Владимирский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, полковник милиции в отставке

Назарова М. Г.

Малахов А. А.

ФИЛОСОФИЯ НАКАЗАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ВЛАДИМИРСКОГО ЦЕНТРАЛА

Статья посвящена рассмотрению эволюции знаменитого пенитенциарного учреждения России, а также проблеме философии наказания в контексте истории Владимирского централа. Обращение к архивным документам, страницам биографии известных исторических личностей открывает нам новые грани в познании человека, общества, мира. История развития пенитенциарного учреждения является не только частью истории уголовно-исполнительной системы, но и частью истории страны, отражая смену исторических эпох, политических идей и общественных тенденций. Революционеры, повстанцы и мятежники, ученые, священники, генералы, военнопленные, воры, мошенники и другие представители различных социальных слоев в разные времена отбывали наказания во Владимирском централе по решению суда. После Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. многие архивные материалы, к сожалению, были утеряны. Поэтому опора на старые материалы и новые рассекреченные, опубликованные данные дает возможность размыслить и представить в новом свете страницы исторического прошлого учреждения и страны в целом. Познание истории в едином, целостном, а не усеченном или искаженном виде поможет правильно сформировать правовое сознание у современной молодежи.

Ключевые слова: Владимирский централ, тюрьма, трудовое воспитание, пенитенциарное учреждение, философия права, философия наказания.

NAZAROVA Marina Grigorjevna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Humanitarian and socio-economic disciplines sub- faculty, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, colonel of the internal service

MALAKHOV Andrey Arkadjevich
associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty, Vladimir branch, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, retired colonel of police

THE PHILOSOPHY OF PUNISHMENT IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF VLADIMIR CENTRAL

The article is devoted to the evolution of Russia's famous penitentiary institution, as well as the problem of the philosophy of punishment in the context of the history of the Vladimir Central Prison. The use of archival documents and biographies of famous historical figures opens up new aspects of understanding human nature, society, and the world. The history of the development of the penitentiary institution is not only a part of the history of the criminal justice system, but also a part of the country's history, reflecting the changing historical eras, political ideas, and social trends. Revolutionaries, rebels, and insurgents, scientists, priests, generals, prisoners of war, thieves, swindlers, and other representatives of various social strata have served their sentences in Vladimir Central Prison at various times. Unfortunately, many archival materials were lost after the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Therefore, relying on old materials and newly declassified and published data allows us to reflect on and present in a new light the historical past of the institution and the country as a whole. Understanding history in a unified and holistic manner, rather than in a truncated or distorted form, will help to properly shape the legal consciousness of today's youth.

Keywords: Vladimir Central, prison, labor education, penitentiary institution, philosophy of law, philosophy of punishment.

С момента создания знаменитой тюрьмы – «Владимирский централ» прошло более 240 лет, но интерес к историческим событиям прошлых веков со временем не уменьшается. Обращение к архивным документам, страницам биографии исторических личностей дополняет событийную летопись уголовно-исполнительной системы и государства, по-новому освещая и осмысливая ее в контексте всей отечественной истории.

Данная статья посвящена не пересказу исторических фактов эволюции пенитенциарного учреждения России, а рассмотрению проблемы философии наказания в контексте истории Владимирского централа.

Понимание смысла наказания, справедливости, свободы является предметом бесконечных споров и дискуссий, прежде всего, в области философии права. Каждая эпоха вкладывает свой смысл в данные понятия, высвечивая их новые грани в общем контексте бытия человека, государства и мира [9, с. 70].

Философия уголовного права и само уголовное право первоначально выделив понятия «преступление» и «наказа-

ние», заставляют нас рефлексировать дальше. Выступая как парные категории («преступление» и «наказание»), они формируют особенную диалектику, приводя к размышлениям в рамках философии права, отдельно выделяя философию уголовного права [1, с. 39].

В рамках Уголовного Кодекса РФ наказание рассматривается как «мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда» (ст. 43 УК РФ[1]). «Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотрении Кодексом лишения или ограничения прав и свобод данного лица».

Философия наказания сегодня начинает рассматриваться более широко, выступая как комплексное системное социальное явление с собственной логикой развития и содержанием. Ученые предлагают исследовать наказание как социальный и еще более широко: как социокультурный феномен, функционирующий в различных областях государственной и общественной жизни [1, с. 39]. Поэтому исполнение наказания, нахождение осужденного в пенитенциарном учреждении, его жизнь, наполненная осмыслением наказания, представляет социокультурный феномен и рассматривается в рамках общественно-исторической и культурной эпохи.

Крупнейшим знатоком истории российских тюрем был яркий ученый, правовед, криминолог Михаил Николаевич Гернет (1874 – 1953 гг.), который в пяти томах подробно изложил историю тюремной системы России [4, с. 7-10], а также на протяжении многих лет деятельности изучал психологию преступников [3, с. 6-7]. Его интересовала не толщина стен и крепость замков, а «живая душа человека, заключенного в тюрьму, с особенностями его переживаний за высокими стенами, крепкими дверями, под охраной внутренней и внешней стражи» [3, с. 6-7]. Он считал, что в будущем нужны будут не крепкие замки и не «усовершенствованные тюрьмы», а социальные клиники, построенные вместо тюрем. Так, изданные еще в 1923 – 1924 гг. статьи М. Н. Гернета в журнале «Право и жизнь: журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства» остаются актуальными до сих пор, затрагивая важные социально-правовые и психологические проблемы, связанные с криминалистикой, уголовным правом, уголовно-исполнительным правом, пенитенциарной психологией, пенитенциарной педагогикой и другими науками [5, с. 56-65].

Описывая пенитенциарные учреждения царской России, не миновал он и знаменитый «Владимирский централ».

Тюрьма в городе Владимире была построена в 1783 году по Указу императрицы Екатерины II по проекту архитектора Николая фон Берк. Первоначально он назывался рабочий дом, позднее в нем размещалась арестантская рота [2, с. 11-13].

План строительства тюрьмы в городе Владимире, осуществлявшийся по указу императрицы Екатерины II был весьма необычен: внутреннее устройство тюрьмы напоминало лабиринт, в коридорах которого можно было запутаться. Это было сделано с такой целью, что заключенный, даже если бы выбрался из камеры, мог бы заблудиться в коридорах тюрьмы. В истории Владимирской тюрьмы нет случаев успешного побега. Пытался предпринять побег революционер Михаил Фрунзе, но ему это удалось сделать лишь из зала суда [2, с. 35-36]. М. В. Фрунзе вместе с товарищем П. Гусевым был арестован за нападение на полицейского и приговорен к смертной казни [2, с. 36], замененной впоследствии шестью годами каторги.

Проект тюремного устава был разработан лично императрицей. Если раньше преступники получали телесные наказания, их ссылали в монастыри или казнили, то в XVIII веке была введена должность начальника тюрьмы, тюремщика, введено понятие: «запрещение во взятке», началось разделение на гражданские и уголовные тюрьмы. От тюремщиков требовалось «человеколюбивое» обращение с заключенными, а также «крепкое неослабное смотрение» [2, с. 8].

Из архивных источников можно узнать, что изначально во Владимирский централ попадали за незначительные правонарушения, такие, как мелкое мошенничество, а также кражи на суммы до 20 рублей. Заключенные, находившиеся во Владимирской арестантской роте сами шили себе обмундирование из материалов, купленных губернским правлением. Покупка продуктов была предоставлена арестантам, они же сами и занимались приготовлением пищи. Они трудились на тюремном огороде, обеспечивая арестантскую роту овощами на целый год. Также они работали внутри арестантской роты и были задействованы на работах в городе (очистка дорог от снега, выгрузка и погрузка барок, пилка дров и работа в различных мастерских) Так, выполнение различных работ в мастерских (столярных, сапожных, портняжных и других) арестантами в 1868 году обеспечило получение заработка в виде 3000 рублей [2, с. 20].

В 1905 – 1907 гг. учреждение было переименовано во «Владимирскую каторжную тюрьму» [10] и в народе их стали называть «централами». Отсюда и название тюрьмы – «Владимирский централ».

До 1917 года в городе существовало «Владимирское попечительское общество о тюрьмах», в которое входили дворяне, купцы и священнослужители, которые помогали финансировать тюремное учреждение.

После революций 1917 года (Февральской и Октябрьской) централ приобретает политический характер и камеры наполняют мятежники, повстанцы, участники кронштадтского восстания 1921 года [6], священники и другие лица. Временное правительство объявило 1 марта 1917 года амнистию, на основании которой из мест лишения свободы было освобождено 88097 заключенных, в том числе 5737 политических, 67824 уголовных, 14536 заключенных без соответствующего распоряжения «надлежащих начальств» [2, с. 42].

17 октября 1917 года на общем собрании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов было решено упразднить временные каторжные тюрьмы, так как они требуют значительных расходов. Положение заключенных было тяжелым, не хватало продовольствия, начались волнения и погромы. Из приказа по Владимирскому гарнизону № 196 от 13 ноября 1917 года узнаем о попытке уголовных преступников, содержавшихся во Владимирской каторжной тюрьме, устроить массовый побег. Но благодаря бдительности и решительным грамотным действиям караульного начальника А. Семашко побег был предотвращен [2, с. 43].

Владимирская тюрьма в 20-е гг. XX века получила еще одно название: «губернский исправительный дом», так как в нем проходили лекции, организовывались разные кружки и даже любительский театр, где пьесы ставили сами осужденные.

Начиная с 1920-х гг. Владимирская тюрьма становится политическим изолятором, а с 1948 г. – местом заключения для осужденных за шпионаж, диверсии и антисоветскую политическую деятельность [2].

В 30-е гг. XX века советским государством осуществляется карательная политика, ужесточаются законы. Большинство репрессий приходится на 1937 год, к этому времени уже создается 510 тюрем, из них 6 – особых. Так, особой тюрьмой госбезопасности становится и Владимирская тюрьма. С 5 августа 1937 года начинается операция по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников [2, с. 70].

Далее исследователи отмечают, что многие документы, касающиеся истории Владимирского централа и дел заключенных, были потеряны и уничтожены в начале войны, когда осенью 1941 года фашисты вели наступление на Москву. Город Владимир, входивший до 1944 года в состав Ивановской области, готовился в то время к эвакуации.

В конце Великой Отечественной войны в централ привозили пленных немцев, среди которых были фашистские генералы, фельдмаршалы (фон Шернер, Клейст), Г. Ратенхубер (начальник личной охраны Гитлера) и другие, признанные военными преступниками по законам СССР и в соответствии с международной юридической практикой [2, с. 84-86].

Следует отметить, что в советское время отбывали наказание известные личности, например, сын Сталина – Василий. Он отбывал наказание во Владимирском централе, находясь под другой фамилией – Васильев, и был номерным

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 30.05.2025).

заключенным, а полной информацией владел только начальник тюрьмы. Условия содержания его в тюрьме были лучше, чем у других заключенных, но даже родственные связи не спасли его от наказания. Также в централе находились родственницы жены Сталина – Евгения и Анна Аллилуевы.

После Великой Отечественной войны в централе отбывали наказание выдающиеся представители мира искусства и науки. Среди них находился русский поэт, писатель, философ Даниил Андреев (1906 – 1959 гг.), представитель «серебряного века», перу которого принадлежит мистическо-религиозная книга «Роза мира», созданная в одной из камер централа, а также другие произведения, многие из которых не сохранились до наших дней. В 1947 году он был арестован по ложному доносу, осужден на 25 лет по политическому обвинению. Слишком смелыми советской цензуре показались взгляды писателя, отраженные в романе «Странники ночи», за что он и пострадал. Даниил Андреев был реабилитирован и освобожден в 1957 году. Годы заточения сильно подорвали его здоровье и после освобождения через полтора года, будучи тяжело больным, он умирает [2, с. 81-82].

Находясь в тюрьме, не переставал работать и другой ученый, основоположник космической медицины – академик Василий Парин, создатель кровезаменителя (плазмы). Певица Лидия Русланова (освобожденная только после смерти Сталина) и ее муж, генерал, Владимир Крюков, актриса Зоя Федорова, супруга маршала С. М. Буденного – Ольга Михайлова, талантливый конструктор Георгий Угер – эти и многие другие известные, талантливые деятели в советское время в течение нескольких лет отбывали наказание (незаслуженно: по доносам) в стенах знаменитого Владимирского централа.

Большинство «политических» заключенных в советское время проходило по статье 58 УК СССР (контрреволюционное действие: измена Родине, шпионаж и другие контрреволюционные действия).

Особого упоминания заслуживает епископ Афанасий Ковровский (1887 – 1962), в миру Сергей Григорьевич Сахаров, причисленный к лику святых в 2000 году. Он записал в своем дневнике, что «254 месяца провел в узах и горьких работах». 21 год своей жизни он провел в разных лагерях и тюрьмах, в том числе, находясь несколько лет во Владимирском централе, но при этом не сломался, не отказался от веры в период жестоких гонений на православную церковь. Афанасий Ковровский остался истинным священником до конца своих дней, выполняя свой долг, не изменив вере в Бога.

В 1978 году Владимирский централ наполнили «воры в законе», что переориентировало направленность учреждения из политического по характеру в сторону криминального.

В настоящее время данное пенитенциарное учреждение (ФКУ Т-2 УФСИН России по Владимирской области) предназначено для особо опасных преступников, среди которых находятся насильники, убийцы, рецидивисты, маньяки, террористы.

Следует отметить важность трудового перевоспитания, которое всегда учитывалось во Владимирском централе. В 1972 году Владимирский централ стал первой советской тюрьмой, где было открыто собственное производство по выпуску спортивного инвентаря [2, с. 126-127], который даже экспортировали в зарубежные страны.

В 1995 году был открыт небольшой храм со звонницей в честь Святого Николая, что дает возможность осужденным (христианам по вероисповеданию) соблюдать необходимые религиозные нормы и правила, молиться в праздничные дни, приходить на исповедь [2, с. 125].

По инициативе сотрудников в учреждении был создан музей, в котором воссоздана историческая обстановка кабинета начальника тюрьмы екатерининской эпохи, камеры царских времен и интерьеры советского периода.

Посещение музеев пенитенциарных учреждений, знакомство с историей учреждений УИС станет полезным для молодежи в целях формирования правового сознания и правовой культуры [9], постижения история страны в целом. А уровень правовой культуры молодежи, в свою очередь, зависит от идейных и правовых установок государства [7, с. 51-52].

Таким образом, история Владимирского централа является частью истории России, вписав в ее летопись страницы горя и страданий осужденных. Отметим, что в конце XIX – начале XX века в стенах централа отбывали наказание революционеры, а после 1917 года централ стал местом заключения за шпионаж, диверсии, терроризм, антисоветскую идеологическую деятельность. Зачастую в стенах Владимирского централа незаслуженно оказывались не только политические деятели, но и деятели искусства и науки, священники и военачальники, впоследствии реабилитированные. Некоторые из них пострадали за свои непримиримые с советской властью политические идеи, другие за религиозные убеждения, а третьи – за родственные связи с деятелями, ставшими опасными на тот исторический момент по идеологическим соображениям.

Владимирская тюрьма, меняя в течение столетий название, аббревиатуру, остается и сегодня по-прежнему пенитенциарным учреждением, выполняя значимую для общества и государства функцию наказания и исправления. Трудовое воспитание и перевоспитание является важным элементом в системе пенитенциарной деятельности. Считается, что нельзя воспитать законопослушного гражданина только с помощью карательных мер. Сегодня гуманный подход к осужденным, нравственное и трудовое перевоспитание дают возможность исправления и возвращения в общество полноценным гражданином после отбытия наказания.

Таким образом, история развития пенитенциарных учреждений может быть рассмотрена с позиции философии наказания, которая представляет собой комплексное системное социальное явление с собственной логикой развития и содержанием. Наказание необходимо рассматривать не только как правовой феномен, как меру государственного принуждения, назначаемую по приговору суда, но и более широко, как социокультурный феномен, связанный с различными аспектами государственной и общественной жизни (историческими, политическими, экономическими, религиозными, культурными).

Пристатейный библиографический список

1. Бочкарев С. А. «Философия преступления» или «философия наказания»? // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2024. – № 5, Т. 65. – С. 39-59.
2. Галаншина Т. Г., Закурдаев И. В., Логинов С. Н. Владимирский централ. – М.: Эксмо, 2007. – 416 с. (История тюрем России).
3. Гернет М. Н. Инстинкт заключенного: очерки тюремной психологии. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2020. – 304 с.
4. Гернет М. Н. История царской тюрьмы [Текст]: В 5 т. / [Вступ. статья проф. А. Герцензона, с. 7-43]. – 3-е изд. – М.: Госюриздат, 1960-1963. – В 5 т.
5. Евсеев А. П. Новое о М. Н. Гернете // Российская юстиция. – 2024. – № 2. – С. 56-65.
6. Кронштадтское восстание 1921: [арх. 17 декабря 2022] – М.: Большая российская энциклопедия, 2010. – (Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов ; 2004-2017, т. 16). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://old.bigenc.ru/military_science/text/2114430 (дата обращения: 30.05.2025).
7. Назарова М. Г. Проблема формирования правовой культуры и правового сознания молодежи в современном российском обществе // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 10. – С. 49-52.
8. Розенко С. В. Философия российского уголовного наказания: проблемы развития и совершенствования // Вестник Кузбасского института. – 2020. – № 4 (45). – С. 70-74.
9. Худокойкина Т. В., Королева В. В. Формирование правовой культуры учащейся молодежи // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 2 (201).
10. Центральная тюрьма (Александровский, Тобольский, Илецкий, Рижский, Николаевский, Новоборисоглебский, Новобелгородский, Орловский, Владимирский и т.д.). – М.: Большая российская энциклопедия, 2010. – (Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. 2004-2017, т. 16).

ШАПОЧАНСКИЙ Владимир Николаевич
старший преподаватель кафедры огневой подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск

САМСОНОВ Виктор Александрович
кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности, Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Иркутск

САЛИКОВА Ирина Николаевна
старший преподаватель кафедры физической подготовки, Воронежский институт МВД России

ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА: ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Статья раскрывает важность интеграции правовых норм в процессе обучения и подготовки полицейских. Она рассматривает основные правовые вызовы, с которыми сталкиваются сотрудники полиции в ходе тактико-специальной подготовки, такие как соблюдение прав человека, изменения в законодательстве и необходимость минимизации избыточной регламентации. Также акцентируется внимание на психологических аспектах применения силы и их влияние на сотрудников. В статье выделяются возможности, открывающиеся перед полицией благодаря качественной подготовке, включая повышение профессионализма, формирование доверия общества и улучшение взаимодействия с другими службами. Успешная реализация тактико-специальной подготовки в соответствии с правовыми стандартами рассматривается как ключ к эффективному выполнению служебных обязанностей и поддержанию правопорядка.

Ключевые слова: тактико-специальная подготовка, сотрудники полиции, правовые вызовы, соблюдение прав человека, законодательство, профессионализм, доверие общества, межведомственное взаимодействие, применение силы, юридическая подготовка.

SHAPOCHANSKY Vladimir Nikolaevich
senior lecturer of Fire training sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

SAMSONOV Viktor Alexandrovich
Ph.D. in Law, associate professor of Organization of judicial and law enforcement activities sub-faculty, East Siberian branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Irkutsk

SALIKOVA Irina Nikolaevna
senior lecturer of Physical training sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia

TACTICAL AND SPECIAL TRAINING: LEGAL CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR POLICE OFFICERS

The article reveals the importance of integrating legal norms into the process of police education and training. It examines the main legal challenges faced by police officers during tactical and special training, such as respect for human rights, changes in legislation and the need to minimize excessive regulation. Attention is also focused on the psychological aspects of the use of force and their impact on employees. The article highlights the opportunities offered to the police through high-quality training, including improving professionalism, building public trust, and improving interaction with other services. The successful implementation of tactical and special training in accordance with legal standards is considered as the key to the effective performance of official duties and the maintenance of law and order.

Keywords: tactical and special training, police officers, legal challenges, respect for human rights, legislation, professionalism, public trust, interdepartmental cooperation, use of force, legal training.

Тактико-специальная подготовка (ТСП) – ключевой элемент служебной деятельности полицейских, призванный повысить их физическую, тактическую и юридическую подготовленность к решению разнообразных профессиональных задач. В данной статье анализируются правовые аспекты и перспективы, возникающие перед сотрудниками полиции в ходе ТСП, и подчеркивается необходимость согласования правовых норм и реальной практики.

Тактико-специальная подготовка предполагает проведение комплекса мероприятий, ориентированных на формирование у полицейских специализированных умений, требуемых для исполнения служебных функций. В частности, она охватывает:

1. Физическую подготовку: предполагает выполнение упражнений для общей физической формы, занятия боевыми искусствами, освоение приемов ведения боя и обращения со служебным оружием.

2. Тактическую подготовку: основной акцент делается на отработке специальных операций, действиях в нестандартных условиях, координации с другими подразделениями и защите прав граждан.

3. Правовую подготовку: включает в себя изучение нормативно-правовой базы, международных соглашений, правил применения силы и принципов соблюдения прав человека.

Следовательно, ТСП представляет собой комплексный процесс, в котором физическая и тактическая подготовка органично сочетаются с правовыми знаниями, обеспечивая большую эффективность и адресность обучения.

В ходе подготовки полицейских возникает ряд правовых вопросов, учет которых необходим для обеспечения законности и результативности их действий.

Одной из ключевых правовых задач является неукоснительное соблюдение прав человека. Правоохранительные органы, включая Россию, обязаны действовать в соответствии с международными стандартами в этой сфере. Применение силы должно быть соразмерным и оправданным, что требует от сотрудников знания правовых норм и умения применять их в реальных ситуациях.

Сотрудники правоохранительных органов должны понимать, что необоснованное применение силы чревато правовыми последствиями и снижением общественного доверия. Например, случаи применения физической силы при задержании могут вызвать негативную реакцию общества и спровоцировать судебные разбирательства.

Законодательство и нормативные акты, регламентирующие деятельность полиции, постоянно обновляются, и сотрудники обязаны своевременно отслеживать актуальные изменения. Это относится как к обновлениям в уголовном и административном законодательстве, так и к новым положениям, определяющим права и обязанности полицейских.

Актуальность данной проблемы возрастает в условиях стремительных социальных перемен и появления новых угроз. В частности, быстрые изменения в законодательстве различных стран могут потребовать от сотрудников правоохранительных органов значительных усилий для адаптации к новым условиям.

Некоторые специалисты отмечают проблему чрезмерной регламентации, когда обилие правил и инструкций может создавать препятствия для работы полиции. Слишком сложная и запутанная система согласований способна замедлять оперативные действия и снижать результативность.

Необходимо выработать баланс между регулированием и предоставлением свободы действий, чтобы сотрудники полиции могли оперативно принимать решения в критических обстоятельствах, не опасаясь нарушения законодательства.

С психологической точки зрения применение силы также порождает множество вопросов. Сотрудники полиции могут испытывать эмоциональные последствия после применения силы, даже если их действия соответствовали закону. Это указывает на важность психологической подготовки и поддержки, позволяющих им справляться с травмирующими событиями и стрессом.

Учебная дисциплина «Тактико-специальная подготовка» тесно связана с рядом военных дисциплин. Так, построение подразделений, развертывание из колонн в боевые порядки, как и специальная тактика, опираются на строевую подготовку; успех в столкновениях напрямую зависит от владения огнестрельным оружием, что является частью огневой подготовки; военная топография необходима для анализа местности, чтения карт и ориентирования, что критично для принятия тактических решений; общефизическая и специальная физическая подготовка важны, учитывая высокий уровень физической нагрузки в боевых условиях и необходимость владения приемами борьбы. При этом специальная тактика отличается от общевойсковой специфическим составом сил и средств, характером взаимодействия и методами достижения целей в сложных ситуациях – именно это подразумевается под термином «специальная». Кроме того, «Тактико-специальная подготовка» связана с юридическими дисциплинами, такими как административное право, криминология, основы управления, уголовное право и уголовно-процессуальное право, поскольку незнание правовых норм может привести к нарушениям законности, неправомерному применению оружия и спецсредств, а также к серьезным последствиям. В целом, как учебная и научная дисциплина, она связана с широким спектром юридических, социально-экономических, управленческих, технических и военных наук.

Несмотря на правовые вызовы, тактико-специальная подготовка предоставляет сотрудникам полиции значительные возможности, способствующие более эффективному выполнению служебных обязанностей.

1. Совершенствование квалификации.

Сотрудники правоохранительных органов, прошедшие углубленную подготовку по тактике и специализированным навыкам, демонстрируют большую результативность в реагировании на происшествия и обеспечении соблюдения прав населения. Ключевыми аспектами являются слаженная работа в коллективе, умелое и взвешенное применение мер воздействия при необходимости, а также предотвращение обострения обстановки.

Квалифицированные и подготовленные полицейские принимают более взвешенные решения, что ведет к уменьшению числа правовых нарушений и случаев, связанных с применением физической силы.

2. Укрепление общественного доверия.

Эффективное осуществление тактико-специальной подготовки положительно сказывается на репутации полиции. Население склонно больше доверять правоохранительным структурам, которые подтверждают приверженность защите прав граждан и законности. Полицейские, получившие достойную подготовку, реже становятся участниками резонансных происшествий и поддерживают высокий уровень общественного доверия.

3. Оптимизация сотрудничества с другими ведомствами.

Тактико-специальная подготовка расширяет потенциал для совместной работы с другими организациями, включая пожарные, медицинские и спасательные подразделения. Четкое взаимодействие между службами становится ключевым элементом успешного реагирования в экстренных обстоятельствах, позволяя спасать жизни и минимизировать негативные последствия.

4. Предупреждение правонарушений.

Полицейские, располагающие необходимыми знаниями и умениями в сфере правовой деятельности, способны более результативно заниматься предупреждением правонарушений. Понимание причин преступлений и методов урегулирования споров позволяет сдерживать множество инцидентов.

5. Применение передовых технологий.

С развитием технологий появляются новые возможности для совершенствования тактико-специальной подготовки. Использование компьютерных моделей, специализированного программного обеспечения и современных средств связи позволяет максимально реалистично имитировать различные ситуации и существенно повысить эффективность обучения.

Тактико-специальная подготовка является жизненно важным аспектом работы сотрудников полиции, представляя как правовые вызовы, так и возможности для их профессионального роста. Обеспечение должного уровня подготовки требует сбалансированного подхода, внимание к правовым аспектам, соблюдение международных стандартов и постоянного обучения.

Деятельность полиции должна основываться не только на применении физической силы, но и на защите прав человека и обеспечении справедливости. Следовательно, тактико-специальная подготовка должна быть интегрирована с правовой и этической подготовкой, чтобы полиция могла эффективно приспосабливаться к меняющимся условиям и ожиданиям общества.

В перспективе, формирование действенной системы тактико-специальной подготовки, основанной на правовых принципах, станет гарантией успешной работы правоохранительных органов, укрепления доверия населения и дальнейшего обеспечения правопорядка в стране.

Пристатейный библиографический список

1. Формирование у курсантов мотивационного вектора службы в ОВД РФ посредством реализации дисциплины «Тактико-специальная подготовка» // Human Progress. – 2025. – Т. 11, № 1.
2. Жукова П. Д. Тактико-специальная подготовка, как элемент боевой подготовки в ОВД // Студенческий. – 2024. – № 40-4 (294). – С. 15-18.
3. Прохоров К. А. К вопросу компетентностного обеспечения дисциплины «Тактико-специальная подготовка» // Образование. Наука. Научные кадры. – 2022. – № 4. – С. 303-308.

АРАМИСОВ Амир Асланович
кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России, майор полиции

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ ОВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Террористические и экстремистские преступления в настоящее время являются одними из существенных угроз для национальной и международной безопасности. Террористические и экстремистские организации активно применяют новые механизмы совершения преступных действий, а именно применяют информационные и инновационные технологии. В своей деятельности террористы и экстремисты также используют противоречия, которые возникают в обществе (геополитические, межконфессиональные противоречия, недовольство политическим режимом). Методы совершения террористических и экстремистских актов становятся все более сложными и совершенными, что приводит к росту числа жертв. Глобализация экономики, развитие интеграционных процессов в мире приводят к интеграции террористических и экстремистских сообществ. Это в свою очередь способствует налаживанию транспортировки оружия, взрывчатых средств, опасных химических и радиоактивных веществ. Происходящие в мире процессы приводят к эскалации терроризма и экстремизма. Постепенно позиции террористических и экстремистских организаций в мире усиливаются, что, несомненно, вызывает повышенный интерес к совершенствованию механизмов противодействия международному терроризму и экстремизму. Для определения направлений совершенствования противодействия сотрудников ОВД России терроризму и экстремизму на региональном и международном уровне необходимо выявление современных тенденций развития международного терроризма и экстремизма.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, органы внутренних дел, профилактика, национальная безопасность, правоохранительная система, угроза, информационные технологии, оперативная деятельность, международное сотрудничество.

ARAMISOV Amir Aslanovich
Ph.D. in pedagogical sciences, lecturer of Internal affairs activities in special conditions sub-faculty, North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch), Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

INTERNATIONAL TERRORISM AND EXTREMISM: DEVELOPMENT TRENDS AND EXPERIENCE OF COUNTERACTION BY EMPLOYEES OF THE RUSSIAN FEDERATION INTERNAL AFFAIRS DIRECTORATE

Terrorist and extremist threats are currently among the most significant for national and international security. Terrorist and extremist organizations actively use new mechanisms for committing criminal acts, namely, they use information and innovative technologies. In their activities, terrorists and extremists also use contradictions that arise in society (geopolitical, interfaith contradictions, dissatisfaction with the political regime). The methods of committing terrorist and extremist acts are becoming increasingly complex and sophisticated, which leads to an increase in the number of victims. Economic globalization, the development of integration processes in the world lead to the integration of terrorist and extremist communities. This, in turn, contributes to the establishment of transportation of weapons, explosives, dangerous chemical and radioactive substances. The processes taking place in the world lead to the escalation of terrorism and extremism. Gradually, the positions of terrorist and extremist organizations in the world are strengthening, which undoubtedly causes increased interest in improving the mechanisms for countering international terrorism and extremism. In order to determine the directions for improving the counteraction of the Russian Internal Affairs Directorate employees to terrorism and extremism at the regional and international levels, it is necessary to identify modern trends in the development of international terrorism and extremism.

Keywords: terrorism, extremism, internal affairs agencies, prevention, national security, law enforcement system, threat, information technology, operational activities, international cooperation.

Терроризм и экстремизм являются значимыми факторами политической реальности, которые оказывают значительное влияние на содержание, динамику и развитие региональных и международных политических процессов. Данный процесс является тенденцией современного общества, она характерна для Российской Федерации (РФ) и других государств. Экстремисты и террористы активно используют достижения научно-технического прогресса, что в свою очередь приводит к росту количества жертв террористических и экстремистских преступлений. Отметим следующий парадокс: по данным международной статистики, представленной на сайте Statbase, зафиксировано сокращение количества экстремистских и террористических преступлений на 22 % (общее количество – 3350). Но наблюдается при этом увеличение количества среднего числа погибших в одном террористическом и экстремистском инциденте на 56 %. Причинами такой тенденции являются: активно использование новых технологий; повышение уровня организованности экстремистских и террористических сообществ [5, с. 144].

Международный терроризм и экстремизм являются одними из наиболее опасных явлений глобального характера, именно по этой причине они входят в перечень глобальных проблем мирового сообщества на данном этапе развития. Терроризм и экстремизм являются явлениями, которые препятствуют развитию конструктивных международных отношений и дестабилизируют безопасность, как отдельных регионов, так и всех стран.

Необходимо определить современные тенденции формирования терроризма и экстремизма, так именно понимание векторов развития терроризма и экстремизма позволяет разработать эффективные инструменты противодействия международному экстремизму и терроризму. Глобальные события и особенности развития современной цивилизации определяют особенности международного терроризма и экстремизма. Некоторые специалисты отмечают, что международный экстремизм и терроризм – это своего рода ассиметричный ответ на современные глобальные вызовы Современная система определенным образом реагирует на давление, которое исходит со стороны ранее сложившихся структур, осуществляющих управление процессами, происходящими в мире [3, с. 194].

Именно по этой причине большинство экспертов, политологов отмечают, что борьба с международным терроризмом и экстремизмом – это своего рода очередная мировая война, требующая эффективных механизмов профилактики и противодействия. Международный терроризм и экстремизм также следует рассматривать как насилие мотивирующего характера, осуществляемое для достижения политических целей. В складывающихся обстоятельствах особо актуальной является проблема повышения эффективности противодействия международному терроризму и экстремизму. Правильно выстроенная система деятельности сотрудников органов внутренних дел (ОВД) в РФ является определяющим фактором эффективности предупреждения, выявления и раскрытия экстремистских и террористических преступлений. Подразделения ОВД должны взаимодействовать между собой в целях эффективного противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности.

Координаторами в системе противодействия экстремизму и терроризму в РФ являются оперативные подразделения Федеральной службы безопасности (ФСБ) России. Структурные подразделения ОВД – это приданные силы, которые осуществляют передачу важной информации оперативного характера соответствующим органам и оказывают помощь в рамках взаимодействия различных подразделений правоохранительной системы [6, с. 43].

Противодействие международному терроризму и экстремизму имеет свои особенности, обусловлены высоким уровнем опасности деятельности террористов и экстремистов и последствиями преступлений данного вида. В связи, с чем необходимо осуществлять определенные мероприятия, которые направлены на противодействие международному терроризму и экстремизму. Мероприятия следует объединить в две категории.

Первая категория предусматривает решение проблем поэтапно и включает следующие мероприятия:

– осуществление на постоянной основе информационного обмена между структурными подразделения ФСБ России, ОВД России, которые выполняют функции по противодействию экстремизму и терроризму;

– активное использование информации, которая получена иным способом для того, чтобы выявить и документально оформить противоправные процессы, которые происходят в сфере совершения экстремистских и террористических преступлений;

– осуществление специальных оперативно-профилактических мероприятий и оперативно-тактических алгоритмов, направленных на противодействие международному терроризму и экстремизму;

– проведение анализа и оценки факторов, которые способствовали совершению действий противоправного характера, имеющих компоненты терроризма и экстремизма;

– систематическое пополнение информационного банка оперативно-розыскных данных;

– совершенствование системы поиска необходимой информации посредством использования автоматизированных систем обработки, хранения и передачи информации [4, с. 120].

Вторая категория направлена решение проблем, которые существуют в деятельности ОВД по противодействию терроризму и экстремизму.

– осуществление координации деятельности лиц, которые на добровольной основе оказывают содействие в противодействии экстремизму и терроризму. Данный вид источников в обязательном порядке должен иметь определенные автоматизированных систем и методы действий;

– формирование эффективной, рациональной и комплексной системы взаимодействия между ведомствами и структурными подразделениями правоохранительной системы в сфере противодействия международному терроризму и экстремизму. Система правового и организационного регулирования, отличающаяся четкостью и комплексностью не сформирована. Необходимо разработать эффективно функционирующую систему взаимодействия подразделений ФСБ России и ОВД России, которая предполагает также разработку соответствующей нормативно-правовой базы;

– увеличение, совершенствование и расширение инструментов оперативно-технической деятельности подразделений ОВД, осуществляющих противодействие терроризму и экстремизму [7, с. 237].

Совершенствование механизмов противодействия подразделений ОВД экстремизму и терроризму состоит не только в проведении представленных мероприятий. Эффективность работы в сфере противодействия терроризму и экстремизму зависит также от уровня квалификации сотрудников соответствующих подразделений. Именно по этой причине повышение квалификации сотрудников ОВД является одним из важнейших направлений совершенствования деятельности в части противодействия экстремизму и терроризму. Следует разработать соответствующие программы повышения квалификации в области противодействия экстремизму и терроризму, как на региональном, так и на международном уровне [2, с. 20].

Противодействие международному терроризму и экстремизму невозможно без сотрудничества между странами, которые также включает обмен передовым опытом в сфере выявления, противодействия экстремистским и террористическим преступным действиям. Объединение усилий всех государств, а именно их специальных служб, соответствующих органов по противодействию терроризму и экстремизму является обязательным направлением совершенствования системы противодействия международному терроризму и экстремизму. Обязательным условием является единство интересов международного сообщества по противодействию международному терроризму и экстремизму. Функционируют определенные международные государственные подразделения, осуществляющие деятельность по противодействию международному терроризму и экстремизму. Такими функциями обладают Интернациональная полиция ООН (Интерпол). В РФ функционирует Национальное центральное бюро Интерпола в Российской Федерации, которое является одним из оперативных подразделений МВД России.

В России противодействие терроризму и экстремизму осуществляется в соответствии с международными принципами. Разработан документ Стратегия национальной безопасности, который вступил в силу в 2021 году. В рамках документа определены основные направления противодействия экстремизму и терроризму, что также подтверждает высокий уровень опасности преступлений данного вида. Терроризм и экстремизм являются сильнейшей угрозой национальной и международной безопасности. ОДВ располагают множеством инструментов осуществления борьбы с терроризмом и экстремизмом, кроме того их деятельность сопровождается системной поддержкой со стороны государства [1].

Не смотря на применяемые механизмы противодействия международному терроризму и экстремизму, существующая система не отличается системностью, отлаженностью, высоким уровнем организации. Характерны определенные проблемы и трудности, которые возникают на определенном этапе развития общества и с течением времени. Повышение эффективности деятельности ОВД России по противодействию терроризму и экстремизму невозможно без комплексного решения существующих проблем. Наряду с решением всего комплекса задач по противодействию терроризму и экстремизму, на региональном уровне антитеррористическим комиссиям в субъектах РФ следует проводить работу по повышению качества профилактики терроризма, экстремизма в муниципальных образованиях, т.е. там, где она наиболее востребована.

Таким образом, противодействие международному терроризму и экстремизму является одним из приоритетных направлений деятельности оперативных подразделений ОВД России, а предложенные меры позволят эффективно улучшить их работу в данном направлении.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Важенина И. В. Проблема единого подхода в правовом оформлении теоретического инструментария при противодействии экстремизму // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 2 (165). - С. 19-22.
3. Гедгафов М. М. Взаимосвязь организованной преступности с международными террористическими и экстремистскими группировками // Пробелы в российском законодательстве. - 2022. - Т. 15, № 4. - С. 193-197.
4. Дубинкин В. А., Малинина Е. В., Маркова Н. Ю. Международный терроризм как глобальная проблема современного мира // Вестник НЦБЖД. - 2022. - № 2 (52). - С. 119-125.
5. Москвитин А. А., Щевелев Н. А. Международный терроризм как геополитический вызов Российской Федерации // Российская цивилизация в эпоху глобальной эволюции: обеспечение безопасности и поиск путей решения проблем в условиях меняющегося миропорядка: материалы I Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей, Армавир, 15-16 октября 2021 года. - Армавир: ООО «Редакция газеты «Армавирский собеседник», 2021. - С. 143-147.
6. Сафаров В. Р., Косенко О. А., Шамсутдинова И. К. Международный терроризм как угроза национальной безопасности // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 1 (164). - С. 43-44.
7. Чабрицкая А. С. Международный терроризм: проблема противодействия и профилактические меры // Закон. Право. Государство. - 2021. - № 4 (32). - С. 237-242.

БРЕДИХИН Антон Викторович
кандидат исторических наук, старший преподаватель, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ЛУСТИН Юрий Михайлович
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ

В статье актуализируется проблема концептуальной взаимосвязи патриотического сознания человека и национальной безопасности государства в контексте идейно-нравственной проблематики. Обоснован научный подход к пониманию рефлексивно-мировоззренческой конструктивности отражаемой политико-идеологической действительности. В контексте социальной рецепции конкретизирована социальная методология концептуального проявления патриотического сознания личности в парадигме политической жизнедеятельности социума. Предпринята попытка смыслового объяснения сущности организационно-идеологического императива самобытности народа в содержательном качестве созидательного сплава мировоззренческой непоколебимости, беззаветной преданности России, морально-нравственной устойчивости человека, направленных на укрепление обороноспособности страны и ее национальной безопасности. Результаты исследования вносят определенный вклад в теорию социально-философского познания политических процессов современного российского общества.

Ключевые слова: человек, общество, патриотическое мышление, идеология, политика, национальная безопасность, концептуальность.

BREDIKHIN Anton Viktorovich
Ph.D. in historical sciences, senior lecturer, M. V. Lomonosov Moscow State University

LUSTIN Yuriy Mikhaylovich
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy sub-faculty, Mikhail Tugan-Baranovsky Donetsk National University of Economics and Trade

PATRIOTIC HUMAN CONSCIOUSNESS AND RUSSIA'S NATIONAL SECURITY: A CONCEPTUAL SYNTHESIS

The article highlights the problem of the conceptual relationship between the patriotic consciousness of a person and the national security of the state in the context of ideological and moral issues. The scientific approach to understanding the reflexive and ideological constructiveness of the reflected political and ideological reality is substantiated. In the context of social reception, the social methodology of the conceptual manifestation of the patriotic consciousness of the individual in the paradigm of the political life of society is specified. An attempt has been made to provide a semantic explanation of the essence of the organizational and ideological imperative of the identity of the people in the meaningful quality of a creative fusion of ideological steadfastness, selfless devotion to Russia, and moral stability of a person aimed at strengthening the country's defense capability and national security. The results of the study make a definite contribution to the theory of socio-philosophical cognition of the political processes of modern Russian society.

Keywords: man, society, patriotic thinking, ideology, politics, national security, conceptuality.

«Истинный человек и сын Отечества
есть одно и тоже»
А. Н. Радищев

В условиях международной напряженности и происходящих идеологических трансформациях современной цивилизации особый социально-политический интерес у российских исследователей вызывает взаимосвязь патриотического сознания человека и национальной безопасности страны. Патриотическая приоритетность данного дискурса в военно-политической доктрине российского государства несомненна, необходимость его актуализации детерминирована следующими обстоятельствами. Во-первых, систематически обостряющиеся вызовы современности нивелируют принципы активного противодействия идеям псевдопатриотизма, русофобии, политической заангажированности, чем углубляют интеллектуальный кризис личности, подрывают основы национальной безопасности России [1], [3], [8]. Во-вторых, социетальный поворот к сетевому сообществу запредельно «виртуализирует» сознание индивида, что в парадигме национальной безопасности исключает истинно верное формирование его патриотической готовности к выполнению своего гражданского долга по защите Родины. В-третьих, социокультурное развитие концепции общероссийской идентичности в процессах межнационального общения и полиэтнического взаимодействия субъектов идеологической практики требует всестороннего повышения уровня патриотического сознания человека, усиления государственной направленности военно-патриотического воспитания в обществе.

Концептуальная проблема патриотического сознания человека нашла свое всестороннее отражение в научной литературе (И. М. Афанасова, А. К. Быков, А. Н. Вырщиков, П. С. Демин, Т. П. Жигунова, Р. В. Иванов, Е. Л. Крылова, Е. А. Лаврухина, Н. П. Устинова, С. Н. Шевченко и др.).

В логике концептуального дискурса политического бытия человека и общества патриотическое сознание личности наряду с такими основными чертами, как: активность, рефлексивность, функциональность, контекстуальность, потенциальность, прагматичность, креативность, конструктивность, доминантность, интерсубъективность обладает некоторыми специфическими особенностями (созидательность, критичность, избирательность, приверженность, надежность, непоколебимость, самоочевидность, жертвенность, однозначность, незыблемость).

В идеологической парадигме национально-исторических отношений специфика отмеченных характерностей обусловлена процессуальностью становления, развития и совершенствования типологии индивидуальных свойств и морально-идейных качеств индивида, культурой его понятийного мышления по осмыслению мировоззренческих

идеалов и политических взглядов [5]. В свою очередь, смысловая своеобразность патриотического сознания социализированной личности выступает основополагающим идейно-духовным модусом ее национально-культурного бытия, в котором специфическим образом проявляется сущностное значение таких сложносоставных концептов, как: «готовность защищать свою страну»; «гордость за достижения Родины»; «уважение к истории и традициям народа»; «сакральное чувство принадлежности к родине и нации»; «персональная ответственность за судьбу Отчизны и народа»; «чувство долга перед Родиной»; «приверженность традициям, ценностям и идеалам своего народа, национальной общности» и др. Имеет смысл признать, что нравственное содержание этих концептов находится в неразрывном антропо-культурном, социально-историческом, коэволюционном, логико-когнитивном становлении и развитии. Их органическое единство определяет высокий морально-социальный статус патриотического сознания человека, играющего существенную роль в культурно-исторической преемственности героического наследия прошлых поколений россиян.

В контексте социальной рецепции, патриотическое сознание человека отражает:

а) в социально-онтологическом отношении – морально-культурное приобретение и интеллектуальное принятие субъектом идеологической практики мировоззренческих, идейно-нравственных, героико-патриотических реалий социального бытия многонационального народа российского государства.

Духовно-ценностное, идеологически зрелое отношение человека к действительности закономерно проявляется в индивидуальном способе его существования. Данный способ, в диалектической совокупности своих антропо-исторических, культурно-социальных, этнонациональных объективаций образует когнитивно-конструктивный формат реального обнаружения патриотических качеств (свойств) личности, объектологически проявляемых на основе ее мировоззренческих идеалов, политических интересов, идеологических убеждений, ментальных воззрений;

б) в культурно-гносеологическом аспекте – активное духовно-психологическое восприятие идейной предметности бытия и рефлексивное преобразование интеллектуального потенциала человека в действительно верное проявление его позитивных качеств долженствования, мировоззренческой убежденности, моральной ответственности, отечестволюбия, духовной эмпатии смыслообразная существенность которых находятся в истинном соответствии с общепризнанными идеалам, психолого-политическими образцам, этико-религиозными канонами и гражданско-правовым устоям российского социума.

Стоит особо подчеркнуть, что в процессе социального отражения предметность политической и идеологической реальности предстает как объективное условие для использования индивидом своего многогранного рефлексивного опыта, направленного на формирование разносторонних патриотических свойств. Как следствие, рефлексивно-мировоззренческая конструктивность отражаемой политико-идеологической действительности предопределена, прежде всего, логико-гносеологическим единством мыслительных компонентов политического мышления, на основе которых возникают и воплощаются в жизнь патриотические качества (свойства) человека. В общем виде это: а) осознанный образ идейно-политической реальности; б) субъективно-ценностный мыслеобраз идеологического мышления; в) социально заданная мыслеформа идеологически определенной социально-практической деятельности индивида [5]. Выявленные мыслительные компоненты субстанционально тождественны в неповторимо личностном, что конкретизирует возможность их целенаправленного формирования и совершенствования в социально-политических и идеологических процессах современного информационного общества России, практике героико-патриотического воспитания.

Детерминированная диалектикой политического развития общества интегративная содержательность патриотического сознания человека имеет системно-понятийный характер, позиционально направленный на мировоззренческое познание человеком идеологической картины мира, выбор им своих осознанных действий, закономерно приводящих к достижению целей безопасности страны и реализации функции ее защиты. «В стратегической концепции развития российского общества тема патриотизма имеет первостепенное значение. Ее социальная много значимость вполне очевидна в виду того, что любое общество не может существовать без граждан-патриотов, типология морально-нравственной позиции, которых основана на любви к миру, чувстве гордости за свое Отечество, осознанной готовности к самопожертвованию» [6, с. 73].

В аксиологической парадигме идеологического познания доминантность патриотического сознания личности выступает как:

- мировоззренческий источник восприятия идейной предметности и идеологических реалий как общественного бытия, так общественного сознания, как политического бытия, так политического сознания;

– культурно-социальное средство приоритетности морально-нравственных устремлений человека, направленных на восславление духовного бытия своего Отечества, обеспечение его национальной безопасности;

– интеллектуальный фактор усовершенствования мировоззренческих, идейно-нравственных, морально-этических, культурно-психологических способностей индивида, которые соответствуют идеалам и национальным образцам как выдающихся личностей, так героико-патриотическим традициям российского социума. Важно подчеркнуть, что доминантность патриотического сознания человека выражена своей основополагающей чертой – долженствующее служение Родине и народу страны, что созвучно с высказыванием выдающегося русского философа В. С. Соловьева о том, что нравственная обязанность настоящего патриота – служить народу в человечестве и человечеству в народе.

Концептуальный синтез патриотического сознания и национальной безопасности является одним из базовых построений, на котором основывается предметность российской политики в формировании образа будущего общества в цивилизационных приоритетах высокого уровня социально-политической безопасности и военно-технической защиты страны. Современный уровень принятия государственных решений о коллективной безопасности, фундаментальность философии российской политической мысли направлены сегодня на поиск новых критериев информационной и военной безопасности, способствующих снятию мировой напряженности, разрешению глобальных конфликтных ситуаций человечества в условиях идеологической конфронтации, что гарантирует полноценную жизнедеятельность общественно-экономического устроения России [7]. В данном контексте особое значение приобретают вопросы государственного развития культуры межнационального общения и полиэтнического взаимодействия, направленные на укрепление национальной безопасности российского государства.

Конструктивность диалектико-типологического познания идеологической реальности определяет приоритетную значимость антропо-исторических, социально-политических, мотивационно-психологических свойств человека и общества, единство которых во всеобщей парадигме безопасности государства имеет императивный характер. В известной мере методологического допущения императив представляет собой модальное средство преобразования человеческого бытия. В этом значении, моральный императив побуждает субъекта военно-патриотического познания действовать долженствующим образом в соответствии со своими сакральными идеалами, общественно значимыми целями и интересами. Если это так, то концептуальный синтез патриотического сознания человека и национальной безопасности государства выступает в смыслоопределяющем значении универсального организационно-идеологического императива самобытности народа, существенно влияющего на содержание оборонно-политического бытия человека и общества, укрепление демократических основ национального суверенитета страны.

Социально-когнитивная констатация этой концептуальной целостности предполагает долженствующее понимание человеком своих конкретных возможностей в реализации идейно-политических интересов государства. В этом смысле организационно-идеологический императив - есть созидательный сплав мировоззренческой непоколебимости, идеологической убежденности, морально-нравственная устойчивости человека, реализуемый в парадигме его идейной принципиальности и беззаветной преданности России. Этот сплав обнаруживает свою явленность в качестве устойчивой системы мировоззренческих образов и политико-идеологических мыслеформ различной модальности, направленных на практическую деятельность человека в реализации имеющегося опыта укрепление обороноспособности страны и

ее национальной безопасности. Данный авторский подход в определенной мере развивает теорию применения историко-системного метода познания на основе анализа многовековой истории развития традиций русского народа, уникальных ритуалов казачьей общности как верных защитников России [2].

В этой связи, по нашему мнению, основополагающая модальность интегративного проявления патриотических свойств человека и качественного уровня национальной безопасности страны реализуется как:

а) духовно-цивилизационный способ освоения индивидом политического содержания общественных процессов, интеграционный фокус которых направлен на всесторонне укрепление обороноспособности государства и его суверенитета. Реальная политико-идеологическая картина мира, «разновекторная палитра» динамического состояния международных отношений – онтологическая основа социально-культурных ориентаций патриотического сознания социализированной личности. Преемственно следуя эволюционным закономерностям развития идеи об обороноспособности страны, и ее безопасности субъект идеологического познания в своей политической практике последовательно реализует когнитивный потенциал своих патриотических чувств, эмоций, убеждений;

б) конструктивный фактор деятельного отношения к укреплению национальной безопасности России. Только в высоконравственной деятельности по сохранению идеалов независимости и целостности страны находит свое воплощение качество морально-духовного долженствования человека-защитника, героя-заступника народа. Само собой разумеется, что конкретные идейно-политические действия человека, направленные на развитие потенциала национальной безопасности государства надлежащим образом должны соответствовать высоким патриотическим ценностям, моральным идеалам, нравственным принципам социума. По этому поводу еще Вольтер говорил: «Человек создан для действия. Не действовать и не существовать для человека одно и то же». Иначе говоря, быть патриотом – это значит осознанно действовать во имя безопасности России, а степень ее надежной защиты во многом зависит от позитивной реализации нравственного потенциала каждого сознательного гражданина страны.

Таким образом, патриотического сознания человека – это индивидуально сложный, общественно многогранный и социально многоуровневый феномен, органически связанный с системой идейных интересов, политических ценностей, идеологических идеалов общества. В специфической экспликации своей социально-культурной значимости, этот вид человеческого сознания представляет собой морально-нравственную форму не только идеологического противостояния, но идейно-интеллектуальный фактор военной мощи государства, субъективно-ценностное средство его национальной безопасности.

В своей конструктивной выраженности патриотический потенциал идейности россиянина является специфической духовно-религиозной скрепой общественного бытия, которая обеспечивает его морально-нравственную несокрушимость, мировоззренческую истинность, интеллектуальную устойчивость и незыблемость отечестволюбия.

Гармоническое развитие патриотического сознания и национальной безопасности – приоритетное направление в совершенствовании патриотической идеологии российского государства, формировании гражданской преданности каждого россиянина. Содержательность этой идеологии строится на концептуальной основе смыслоопределенных положений государственной политики о патриотизме, российской соборности, этатистическом отношении к государственности, многонациональной гордости за Отчизну. Именно в концептуальном синтезе патриотического сознания и национальной безопасности у человека проявляется интегративная способность к идейному долженствованию. Эта способность основоположена единством славянской духовности и общерусской идентичности, имманентно порождающие этнонациональную потребность в самопожертвовании во имя идеалов и интересов большой и малой Родины.

Перспективность дальнейших научных исследований, в контексте заявленной темы, может быть связана с развитием:

– философской методологии диалектико-типологического анализа антропо-культурной сущности и социально-исторического содержания патриотического сознания человека;

– диалектических закономерностей выявления и комплексного использования социально-онтологических, логико-гносеологических, когнитивно-психологических характеристик идейной сферы внутреннего мира индивида, направленных на всестороннее обеспечение национальной безопасности России;

– аналитической методологии и конструктивно-смыслового метода проектирования результатов политической деятельности человека в информационном обществе;

– идеологических основ героико-патриотического воспитания, обучающихся в различных формах, форматах и структурах образования, ориентированных на формирование у них гражданской готовности к самопожертвованию во имя идеалов Родины, верности ее идеям и традициям;

– актуализация «патриотического воспитания, как фундаментальной основы формирования гражданской позиции» [4];

– логико-рефлексивных закономерностей активизации патриотического мышления студентов в учебно-воспитательных реалиях образовательного учреждения. К примеру, в русле реализации государственной концепции молодежной политики, программ вуза по героико-патриотическому воспитанию обучающихся целесообразным видится расширение форм и методов работы, отражающих преемственность историко-патриотического опыта и героико-патриотической традиций прошлых поколений русского народа. В этой связи, рациональным будет введение в учебно-воспитательный процесс высшей школы специального курса «Патриотизм как аксиологическая доминанта развития культурно-исторических традиций России».

Пристатейный библиографический список

1. Баранов В. В. Актуальные проблемы национальной безопасности России: монография. - М.: АИПНБ, 2010. - 541 с.
2. Бредихин А. В. Национальная политика в регионах традиционного проживания казаков Юга России// Культура: управление, экономика, право. - 2018. - № 1. - С. 10-18.
3. Бредихин А. В. Противодействие распространению идеологии экстремизма в полиэтничной среде Ростовской области // Государственное управление. Электронный вестник. - 2018. - № 67. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk__67_aprel_2018_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/bredikhin.pdf
4. Ковалева И. И., Одинцова Е. А. Патриотизм как смыслообразующая детерминанта основ гражданской позиции // Педагогический журнал. - 2024. - Т. 14, № 4 А. - С. 278-287.
5. Лустин Ю. М. Политическое сознание и понятийное мышление человека: концептуальность диалектико-типологической целостности // Научный потенциал. - 2024. - № 2 (45). - С. 9-15.
6. Лустин Ю. М. Патриотизм как социокультурная доминанта гражданской ответственности личности (типологический аспект) // Патриотизм на постсоветском пространстве: фундаментальные константы исследования: монография / Кол. авторов; отв. науч. Ред. Г. И. Колесникова. - Москва: РУСАЙНС, 2020. - С. 73-92.
7. Лутовинов В. И., Хмара Ю. Н. Военная безопасность государства: концептуальные основы и современное российское видение // Социум и власть. - 2015. - № 2 (52). - С. 68-73.
8. Шабунова А. А., Калачикова О. Н., Короленко А. В., Поварова А. И., Россошанский А. И. Национальная безопасность России: внутренние угрозы реализации стратегии [Текст]: монография / Под науч. руководством д.э.н., профессора В. А. Ильина. - Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. - 132 с. (Проблемы эффективности государственного управления).

ВАЖЕНИНА Ирина Викторовна
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры организации деятельности органов внутренних дел Центра командно-штабных учений, Академия управления МВД России, г. Москва

Важенина И. В.

ПРОБЛЕМЫ ДОСТИЖЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

О необходимости обеспечения глобальной безопасности человечество мечтает на протяжении веков. За последнее время существенно изменились подходы к определению и оценке угроз безопасности. Если традиционное понятие национальной безопасности было связано с отсутствием военной угрозы или способностью защитить государство от внешней агрессии, то сегодня угрозы социальной стабильности рассматриваются наряду с угрозами пограничных споров и распространения оружия массового поражения. В современных условиях, когда особенно остро стоит проблема начала ядерной войны, изучение общемировых опасностей и угроз, их содержания, условий возникновения и мер противодействия им со стороны мирового сообщества приобретает первостепенное значение. В статье обозначаются проблемы, в силу которых концептуальные документы о всеобъемлющей безопасности, поддержанные ООН, не реализуется, и предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: ООН, Россия, международное право, кризис, угрозы, глобальная безопасность.

VAZHENINA Irina Viktorovna
Ph.D. in Law, associate professor, professor of Organization of activities of internal affairs bodies of the Center for command and staff exercises, Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow

PROBLEMS OF ACHIEVING GLOBAL SECURITY

Humanity has been dreaming about the need to ensure global security for centuries. Recently, approaches to the identification and assessment of security threats have changed significantly. If the traditional concept of national security was associated with the absence of a military threat or the ability to protect the state from external aggression, today threats to social stability are considered along with the threats of border disputes and the proliferation of weapons of mass destruction. In modern conditions, when the problem of the outbreak of nuclear war is particularly acute, the study of global dangers and threats, their content, conditions of occurrence and measures to counter them from the world community is of paramount importance. The article identifies the problems that prevent the implementation of the conceptual documents on comprehensive security supported by the United Nations, and suggests ways to overcome them.

Keywords: UN, Russia, international law, crisis, threats, global security.

Президент РФ Владимир Путин неоднократно говорил, что «новая архитектура глобальной безопасности должна быть равной и неделимой, то есть все государства должны получить твердые гарантии собственной безопасности, но не за счет безопасности и интересов других стран». Он отмечал: «Важно сделать наш континент пространством мира и стабильности, примером устойчивого экономического, социального и культурного развития» [3].

О необходимости планетарного понимания и сохранения безопасности известные философы, исследователи, а вслед за ними и политики говорят давно. К признанию новых реалий человечество идет на протяжении веков, сквозь огромное число войн и конфликтов. Иммануил Кант в свое время писал: «Мир, может быть, достигнут только в том случае, если народы будут объединены в федерацию свободных государств, которые будут действовать по принципам права и справедливости» [5]. Кант полагал, что войны возникают из-за отсутствия достаточного правового порядка между государствами, а мир может быть установлен только через создание международной правовой системы.

Концепция глобальной безопасности начала формироваться в середине XX века, после Второй мировой войны, и развивалась в контексте различных политических, социальных и экономических изменений. Создание Организации Объединенных Наций стало важным шагом в направлении глобальной безопасности.

Ганс Моргентау (1904-1980), один из основателей реалистической школы международных отношений, хотя и не использовал термин «глобальная безопасность» в современном понимании, но его идеи о международной политике и безопасности оказали значительное влияние на эту концепцию. Моргентау утверждал, что человеческая природа склонна к конфликту и стремлению к власти. Это делает международные отношения по своей сути конкурентными и конфликтными. Он подчеркивал, что «государства действуют в своих национальных интересах, которые часто сводятся к обеспечению безопасности и выживанию. Эти интересы могут быть как материальными (территория, ресурсы), так и нематериальными (влияние, престиж)» [6]. Моргентау выделял концепцию баланса сил как способа поддержания международного порядка и предотвращения войны. Он считал, что государства должны стремиться к равновесию сил, чтобы избежать доминирования одного государства над другими. Он был критически настроен к способности международных организаций, таких как ООН, эффективно поддерживать мир и безопасность. Он полагал, что эти организации не могут заменить реальные механизмы силы, которые управляют международными отношениями.

В период холодной войны концепция глобальной безопасности приобрела новые формы, особенно с акцентом на ядерное сдерживание и международные отношения.

Эммануэль Тодд (1951) – французский историк, социолог, демограф, журналист в своей книге «Поражение запада» отметил: «Глобализация создает новые формы неравенства, которые могут привести к конфликтам и угрозам безопасности…» [7].

Тем не менее, говоря о глобальной безопасности, никто не имеет в виду полное отсутствие опасности, это утопия.

Глобальная безопасность – это меры и инициативы, направленные на предотвращение угроз и обеспечение стабильности на международном уровне. Она включает военную, экономическую, экологическую, цифровую, а также социальную и гуманитарную составляющие. В реальных условиях под архитектурой глобальной безопасности понимается осознание множества видов опасностей, своевременное их распознавание, выработка и осуществление субъектами обеспечения мирового правопорядка конкретных мероприятий по предотвращению угроз.

Концепция всеобъемлющей безопасности получила принципиальное одобрение международного сообщества. В XXI в. международная безопасность возможна только всеобщая и всеобъемлющая. Она должна охватывать все государства, все сферы, ее составляющие, а также учитывать все факторы, воздействующие на международную систему.

«Сегодня мы переживаем беспрецедентный в новейшей истории кризис международных институтов. Он несет многие риски. Международное право подвергается атаке со стороны неправовых действий крупнейших стран мира, отрицающих дух и букву правовых установлений ООН и подменяющих эти установления своими собственными интерпретациями справедливого и несправедливого» [4, с. 328]. И проблемы в Европе и на Ближнем Востоке «обнажили» проблемы базовых норм Всеобщей декларации и других важных международных конвенций и договоров.

Декларация об укреплении международной безопасности (принята резолюцией 2734 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1970 г.), принятые в 1986 году по инициативе СССР Генеральной Ассамблеей ООН резолюции «О создании всеобъемлющей системы международного мира и безопасности», «Всеобъемлющий подход к укреплению международного мира и безопасности в соответствии с Уставом ООН» провозгласили именно такое понимание неделимости безопасности, о котором говорит наш Президент. В Хельсинском документе от 10 июля 1992 г. «Вызов времени и перемен» содержится констатация того факта, что «безопасность неделима и что безопасность каждого государства-участника неразрывно связана с безопасностью всех других государств» (пункт 7, глава V).

Концепция «Ответственность за защиту» (Responsibility to Protect, R2P) была принята на саммите ООН в 2005 году и представляет собой международный принцип, который утверждает, что государства имеют ответственность защищать своих граждан от массовых нарушений прав человека, таких как геноцид, этнические чистки, военные преступления и преступления против человечности. Если государство не может или не желает выполнять эту обязанность, международное сообщество должно вмешаться для защиты населения. Концепция предусматривает три столпа ответственности:

1. Ответственность государства: первоначальная ответственность за защиту своих граждан лежит на самом государстве. Оно должно предотвращать массовые нарушения прав человека и обеспечивать безопасность своих граждан.

2. Ответственность международного сообщества: если государство не может защитить своих граждан, международное сообщество имеет обязательство вмешаться. Это может включать дипломатические меры, экономические санкции и, в крайних случаях, военное вмешательство.

3. Ответственность за восстановление: после вмешательства международного сообщества необходимо обеспечить восстановление и помощь пострадавшим странам, чтобы предотвратить повторение кризиса.

Концепция R2P была впервые применена в контексте кризисов в Ливии (2011) и Сирии (с 2011 года), где международное сообщество обсуждало необходимость вмешательства для защиты гражданского населения.

Несмотря на поддержку концепции, существуют и критики. Некоторые утверждают, что R2P может быть использована как предлог для вмешательства в дела суверенных государств с целью достижения политических или экономических интересов. Также возникают споры о том, когда и как следует вмешиваться, а также о последствиях таких действий.

Концепция R2P сталкивается с новыми вызовами в условиях глобальной политики, где вопросы суверенитета и вмешательства становятся все более сложными. Примеры конфликтов и гуманитарных кризисов продолжают ставить под сомнение эффективность и применимость R2P.

Декларация от 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятая на семидесятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подтвердила приверженность устойчивому развитию мира и безопасности. Военно-политическая угроза не единственный фактор, влияющий на обеспечение международной безопасности. Повестка представляет собой комплексный план действий, направленный на решение глобальных проблем, включая бедность, неравенство, изменение климата и устойчивое развитие. Эта декларация включает 17 Целей устойчивого развития (далее – ЦУР), которые охватывают широкий спектр социальных, экономических и экологических вопросов. Цели, направленные на искоренение бедности (ЦУР 1) и сокращение неравенства (ЦУР 10), способствуют повышению уровня жизни и социальной стабильности. Устранение экономических дисбалансов может снизить уровень преступности и насилия, так как многие конфликты возникают из-за социального неравенства.

Цели, связанные с обеспечением качественного образования (ЦУР 4) и доступом к здравоохранению (ЦУР 3), способствуют формированию более образованного и здорового населения. Это, в свою очередь, может привести к снижению уровня преступности и улучшению общественной безопасности.

ЦУР 11, посвященная созданию безопасных и устойчивых городов, напрямую затрагивает вопросы общественной безопасности. Улучшение инфраструктуры, доступ к общественным услугам и создание безопасных общественных пространств помогают предотвратить преступления и насилие.

Изменение климата (ЦУР 13) может стать причиной конфликтов из-за ресурсов, таких как вода и продовольствие. Устойчивое развитие и адаптация к климатическим изменениям могут помочь предотвратить такие конфликты и обеспечить большую стабильность в регионах, подверженных климатическим рискам.

Повестка дня подчеркивает важность глобального партнерства (ЦУР 17), построения миролюбивого и открытого общества (ЦУР 16) для достижения устойчивого развития. Сотрудничество между государствами, международными организациями и гражданским обществом способствует обмену знаниями и ресурсами, что может укрепить безопасность на международном уровне.

Цели, связанные с равенством полов (ЦУР 5) и правами человека, способствуют созданию более справедливого общества. Защита прав человека и борьба с дискриминацией могут снизить уровень насилия и конфликтов в обществе.

Концептуальные документы о всеобъемлющей безопасности, поддержанные ООН, благоприятствуют созданию системы международного мира и безопасности, которая учитывает множество аспектов, включая политические, экономические, социальные и экологические факторы. Несмотря на стремление к идеалам, достижение реальной всеобъемлющей безопасности столкнулось с рядом значительных препятствий.

Во-первых, это – геополитические интересы. Конфликты между государствами, соперничество за ресурсы и влияние на международной арене мешают сотрудничеству, а действия государств исключительно в своих собственных интересах противоречат принципам всеобъемлющей безопасности.

Во-вторых, отсутствие политической воли и конфликт интересов. Для реализации концепции требуется согласие и активное участие всех стран. Однако внутренние конфликты, коррупция или недостаток доверия между государствами не позволяют прийти к согласию. Разные страны могут иметь разные приоритеты в области безопасности, что затрудняет создание единой стратегии. Например, некоторые государства могут сосредоточиться на военной безопасности, в то время как другие акцентируют внимание на экономическом

развитии. Нарастающее недоверие между государствами, особенно в условиях геополитической напряженности, затрудняет сотрудничество и совместные усилия по обеспечению безопасности.

В-третьих, безопасность включает в себя множество аспектов, таких как терроризм, киберугрозы, изменение климата, экономическая нестабильность, ядерная угроза. Эти вызовы требуют комплексного подхода и координации действий, что достаточно сложно осуществить на практике.

Важную роль в обеспечении безопасности играют социально-экономические факторы. Неравенство, бедность и отсутствие доступа к образованию способствуют конфликтам и нестабильности. Многие страны сталкиваются с нехваткой финансовых и человеческих ресурсов для реализации программ по обеспечению безопасности и стабильности.

Зигмунт Бауман в своей книге: «Глобализация. Последствия для человека и общества» обращает внимание на «сложный вопрос незащищённости человека, которая вызвана процессом глобализации, но в конечном итоге сводится к вполне прямолинейной проблеме «законности и порядка». Забота о «безопасности», чаще всего связанная с простым беспокойством о личной безопасности самого человека и его имущества, «перегружается», наполняясь озабоченностью, порождённой другими наиболее важными аспектами существования в сегодняшнем мире – незащищённостью и неуверенностью» [1].

Следует отметить, что за последнее время существенно изменились подходы к определению и оценке угроз безопасности. Если традиционное понятие национальной безопасности было связано с отсутствием военной угрозы или способностью защитить государство от внешней агрессии, то сегодня угрозы социальной стабильности рассматриваются наряду с угрозами пограничных споров и распространения оружия массового поражения.

Кроме того, применение международного права и резолюций ООН затруднено отсутствием обязательности и механизмов принуждения к соблюдению норм. Некоторые международные организации являются неэффективными или недостаточно гибкими для быстрого реагирования на новые вызовы безопасности. С течением времени изменяются глобальные вызовы и угрозы безопасности. Новые технологии, изменения климата и глобализация создают новые проблемы, требующие адаптации концепции всеобъемлющей безопасности.

Таким образом, несмотря на наличие концепции всеобъемлющей безопасности, ее реализация сталкивается с множеством сложностей, требующих комплексного подхода и долгосрочных усилий со стороны международного сообщества. Игнорирование или недооценка глобальных опасностей отрицательно сказывается на международных отношениях, положении людей, их образе и качестве жизни во многих регионах мира.

В силу названных причин изучение общемировых опасностей и угроз, их содержания, условий возникновения и мер противодействия им со стороны мирового сообщества приобретает первостепенное значение.

Достижение всеобъемлющей безопасности в мировом масштабе – это сложная и многогранная задача, требующая сотрудничества на международном уровне, комплексного подхода и участия различных заинтересованных государств и международных сообществ. Для преодоления кризиса международных отношений необходимо отметить несколько ключевых аспектов, которые могут способствовать этому процессу.

Основополагающим здесь является международное сотрудничество для решения глобальных проблем безопасности, которое включает в себя обмен информацией, совместные учения и создание международных соглашений. «Основой для создания универсальной системы безопасности могли бы стать уже имеющиеся и хорошо зарекомендовавшие себя многосторонние форматы взаимодействия, такие как Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, Организация Договора о коллективной безопасности, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии и другие» [3]. Особое внимание необходимо уделить укреплению Организации Объединенных Наций для более эффективного управления глобальными вопросами безопасности и обеспечения соблюдения международного права.

Создание и внедрение международных стандартов безопасности в различных областях, таких как кибербезопасность, биобезопасность, защита прав человека, разработка стратегий для предотвращения конфликтов до их возникновения, включая дипломатические усилия, экономическое сотрудничество и программы по укреплению доверия могут способствовать достижению целей общемировой безопасности.

Акцентируя внимание на борьбе с различного вида дискриминацией, насилием, угнетением, инвестирование в устойчивое развитие и устранение причин бедности, неравенства и отсутствия доступа к ресурсам позволит снизить уровень насилия и нестабильности в обществе, защитить права основные свободы человека. Использование миротворческих миссий и поддержка стран, пострадавших от конфликтов, обеспечит восстановление стабильности и безопасности.

Для создания безопасного общества необходимо использование современных технологий с целью выявления потенциальных угроз на ранних стадиях, включая системы мониторинга и анализа, киберзащиты и технологии предотвращения конфликтов, угроз со стороны международного терроризма и связанных с ним группировок организованной преступности [2]. Крайне важно повышение уровня образования населения, обучение навыкам разрешения конфликтов, критического мышления, гражданской ответственности и мерах безопасности.

Достижение всеобъемлющей безопасности в мировом масштабе требует времени, усилий и приверженности со стороны всех стран и международных организаций. Только совместными усилиями можно создать более безопасный и стабильный мир.

Пристатейный библиографический список

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь мир», 2004. – 188 с.
2. Важенина И. В., Богданов А. В. Организационно-правовые основы деятельности сил обеспечения внутренней безопасности зарубежных стран. – М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – 100 с.
3. Видеообращение В. В. Путина к участникам 13-й международной встречи высоких представителей, курирующих вопросы безопасности 28 мая 2025 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/77047 (дата обращения: 17.06.2025).
4. Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 416 с.
5. Кант И. К вечному миру / Пер. Копцев И. Д., Шапиро И. А., Арзаканьян Ц. Г. – М.: Рипол-Классик, 2020. – 434 с.
6. Моргентау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. – 1997. – № 2. – С. 189-201.
7. Тодд Э. «Поражение Запада» / Пер. Н. Жиро. – М.: Изд. Аст. 2024. – 349 с.

ДМИТРИЕВ Александр Владимирович
кандидат военных наук, начальник кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки, Московский областной филиал, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

БЕЗУГЛОВ Антон Михайлович
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки, Московский областной филиал, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

МИХАЙЛОВ Олег Борисович
старший преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях, Омская академия МВД России

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ВОДИТЕЛЕЙ, УПРАВЛЯЮЩИХ АВТОМОБИЛЯМИ, ОБОРУДОВАННЫМИ СПЕЦСИГНАЛАМИ

В статье обсуждаются юридические аспекты, с которыми на сегодняшний день приходиться сталкиваться образовательным учреждениям, которые осуществляют подготовку водителей, управляющих автомобилями с включенными специальными световыми и звуковыми сигналами в современных дорожных условиях. Исходя из собственного опыта подготовки таких водителей, выявлена проблематика толкования существующей нормативной правовой базы. Определены положительные и отрицательные стороны обучения водителей специальных служб не только в нашей стране, но и за рубежом. Исследование позволило сделать выводы, которые хотелось бы учесть и прописать в законодательстве.

Ключевые слова: водитель, автомобиль, транспортное средство, специальные световые и звуковые сигналы, правила дорожного движения.

DMITRIEV Alexander Vladimirovich
Ph.D. in military sciences, Head of Tactical-special, fire and physical training sub-faculty, Moscow regional branch, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

BEZUGLOV Anton Mikhaylovich
Ph.D. in historical sciences, senior lecturer of Tactical-special, fire and physical training sub-faculty, Moscow regional branch, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

MIKHAYLOV Oleg Borisovich
senior lecturer of Activities of internal affairs bodies in special conditions sub-faculty, Omsk Academy of the MIA of Russia

PROBLEMATIC ASPECTS OF TRAINING DRIVERS OPERATING VEHICLES EQUIPPED WITH SPECIAL SIGNALS

The article discusses the legal aspects that educational institutions that train drivers who drive vehicles with special light and sound signals turned on in modern road conditions have to deal with today. Based on our own experience of training such drivers, the problems of interpreting the existing regulatory framework have been identified. Positive and negative aspects of training drivers of special services not only in our country but also abroad have been identified. The study allowed us to draw conclusions that we would like to take into account and include in legislation.

Keywords: driver, car, vehicle, special light and sound signals, traffic rules.

В настоящее время во многих образовательных организациях России осуществляется подготовка водителей по учебной программе профессионального обучения (повышения квалификации) водителей транспортных средств категории «В», управляющих транспортными средствами, оборудованными устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов, которая разработана опираясь на основные положения приказа Министерства образования и науки Российской Федерации от 1 марта 2018 г. № 161 (далее – Программа) [1]. Спецсигналы, установленные на автомобиль, дают ряд преимуществ и привилегий управляющим ими лицам, а с другой – управление таким транспортом предъявляет повышенные требования к уровню водительского мастерства. Это касается водителей специальных служб, например, полиции, пожарной охраны, скорой медицинской помощи и др.

В соответствии с третьей главой Правил дорожного движения (далее – ПДД) [2] «Применение специальных сигналов», водители транспортных средств, с включенными спецсигналами, выполняя неотложное служебное задание, имеют право отступить от требований разделов 6 (кроме сигнала регулировщика), 8-18, приложений 1 и 2. Отступление от этих юридических норм безопасности движения неотвратимо приведет к резкому росту опасных аварийных ситуаций на автодороге. Поэтому водители спецслужб, в отличии от рядовых водителей, должны владеть особенными навыками управления средством повышенной опасности, т.е. автомобилем. Для этого они обязаны проходить повышение квалификации по контраварийной подготовке не реже 1 раза в 5 лет на основе положений постановления Правительства Российской Федерации № 876 [3].

В Российских автошколах, где обучаются кандидаты в водители, курс контраварийной подготовки образовательной программой не предусмотрен. В ряде иностранных государств, где наблюдаются высокие показателями безопасно-

сти движения, обязателен курс контраварийной подготовки для кандидата в водители, особенно, если речь идет о полноценных водительских правах. Их положительный опыт можно было бы проанализировать и внедрить в нашей стране. Например, в Финляндии контраварийную подготовку проходят все кандидаты в водители, завершающие свое первоначальное обучение водительскому мастерству в начальной автошколе. Без дополнительных ограничений, например, перевозить пассажиров, водителю будет разрешено только спустя один год водительского стажа, сдав заключительный экзамен по контраварийной подготовке. В США продолжительность обучения контраварийной подготовке кандидатов в водители в начальной автошколе составляет 64 часа. Для дополнительных сведений, в полицейских Академиях США контраварийная подготовка обязательна в рамках учебных занятий на специальном факультете «Обучения вождению» в количестве 40 часов. В России контраварийную подготовку водителю можно пройти только в рамках повышения квалификации по специальной Программе и то лишь не более 36 часов.

Более половины этих часов Программой отводятся для изучения теории, а не практики. Не понятен повтор ряда дисциплин, которые ранее изучались кандидатом в водители в начальной автошколе на основе базового цикла приказа Минпросвещения России от 8 ноября 2021 г. № 808 [4]. При изучении курса контраварийной подготовки было выявлено то, что многие водители не справляются с решением экзаменационных билетов по категории «В», поэтому, необходимо Программой предусмотреть более глубокое изучение ПДД. Потому что на практике водитель, двигающийся по автодороге на автомобиле на повышенных скоростях, должен не только лучше других знать ПДД, но и владеть умением быстро воспринимать и оценивать различные дорожные ситуации, обладать навыками принятия единственно правильного решения при совершении опасных маневров, не допуская аварийных ситуаций.

Выявлены и другие проблемные аспекты Программы. Продолжительность времени теоретических занятий рассчитывается в академических часах (1 час равен 45 минутам), а практическое вождение автомобиля – в астрономических часах (1 час равен 60 минутам). В тексте Программы прописано, что на контраварийное вождение отводится 14 академических часов, причем вне сетки учебного времени аудиторных занятий. Это приводит к разночтению расписания учебных занятий. Не уточняется распределение этих 14 часов для одного ученика или для всей учебной группы одновременно (допустим, в состав которой входит порядка 30 человек). Если это время отводится на вождение индивидуально для каждого, то в его распоряжении есть, всего, лишь 30 минут на освоение 24 практических упражнений по контраварийной подготовке, которые необходимо усвоить.

К примеру, на выполнение однократного заезда в целях формирования необходимых навыков затрачивается в среднем 3 минуты времени. Это означает, что за 30 минут водитель сможет полноценно сделать всего около 10 заездов, чего явно недостаточно. Заслуженный тренер России по автоспорту Э. С. Цыганков, который подготовил огромное количество мастеров автомобильного спорта, утверждает, что «только многократное повторение (от 50 до 200 заездов на одном практическом занятии) способствует повышению уровня водительского мастерства» в условиях контраварийного вождения [5, с. 11-14]. Видим, что 30 минут явно недостаточно для полноценного усвоения даже самого простого упражнения «Змейка».

Не трудно посчитать, что для учебной группы, состоящей из 30 человек в условиях освоения всех 24 упражнений, будет выделяться не более 1 минуты на одно упражнение. В Программе прописано, что занятия по контраварийному вождению должны проводиться вне сетки учебного времени. В этом случае возникает необходимость привлечения к учебному процессу водителя-инструктора. Программой это не предусмотрено. Проблема заключается в том, что полноценному контраварийному вождению может обучать только высококвалифицированный специалист, мастер спорта или кандидат в мастера автоспорта.

В Программе ничего не говорится об обязательном наличии в автошколе специальных рулевых автотренажеров для занятий по рулевой подготовке, которые необходимы для отработки предусмотренных Программой 11 упражнений.

В Программе отсутствует расчет необходимого количества учебных автомобилей. Как предложение, можно использовать расчет по аналогии с приказом Минпросвещения России № 808 по формуле

$$Nтс = \frac{T * K}{t * 24.5 * 12} + 1$$

где:

– Nтс – количество учебных автомобилей;

– Т – количество часов, предусмотренных Программой для вождения;

– К – количество обучающихся водителей в год;

– t – время работы одного учебного автомобиля (7,2 часа, если один водитель-инструктор, 14,4 часа, если два водителя-инструктора на один учебный автомобиль);

– 24,5 – среднее количество рабочих дней в месяц;

– 12 – количество рабочих месяцев в году;

– плюс 1 – количество резервных учебных автомобилей.

Произведя расчеты по этой формуле видно, что автошколе потребуется минимум два учебных автомобиля и минимум один водитель-инструктор.

Программой не мешало бы предусмотреть вождение в экстремальных условиях: в темное время суток и условиях ограниченной и недостаточной видимости, в условиях возникшего затора на перекрестке, в условиях скользкой или заснеженной дороги, в условиях ливня и дождя, на полевой и гравийной дороге и т.д.

Также Программа не содержит специальных требований к автодрому или закрытой площадке. Например, автодром должен быть защищен от появления на нем других случайных участников; иметь ровную поверхность асфальтового покрытия; на основных участках автодороги коэффициент сцепления должен соответствовать сухому асфальту; иметь специальное механическое устройство, искусственно создающее занос задней оси или снос передней оси автомобиля; иметь несколько площадей со

скользким покрытием, имитирующим влажную проезжую часть, ливень, гололёд, снежный накат и др.; должно быть предусмотрены специальные электронные табло для контроля скорости движения автомобиля во время разгона, движения или торможения для эффективного выполнении различных контраварийных упражнений.

В целях обеспечения мер личной безопасности в обязательном порядке должны предусматриваться требования к учебному автомобилю. Можно предложить: механический привод: переднее-, заднее- или полноприводный; коробка передач механическая или автоматическая; автомобиль оснащен специальными световыми и звуковыми сигналами; иметь систему видеонаблюдения, для фиксации действий водителя и последующего разбора допущенных ошибок; иметь исправные средства пожаротушения, а также средства первой медицинской помощи; иметь исправные системы активной и пассивной безопасности; иметь радиостанцию и бортовой номер на внешней поверхности кузова для одновременного заезда нескольких автомобилей.

Также была обнаружена проблема проведения итоговой аттестации (квалификационного экзамена). На это Программа предусматривает 2 часа (90 минут). Аттестация состоит из подготовки к ответу на теоретические вопросы и выполнение контрольного контраварийного упражнения на учебном автомобиле. Проведенный выше расчет времени заезда каждого водителя показывает, что уложиться в отведенные Программой часы невозможно.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы, которые необходимо учесть Программой в обязательном порядке:

1. Предусмотреть учебные часы для более глубокого изучения ПДД.

2. Предусмотреть обязательное наличие в учебном классе автошколы специальных рулевых тренажеров (по количеству обучающихся в учебной группе).

4. Выделить 14 часов контраварийной подготовки не для всей учебной группы, а каждого для каждого водителя.

5. Предусмотреть контраварийное вождение в экстремальных условиях.

6. Расчет необходимого количества учебных автомобилей и водителей-инструкторов осуществлять по предложенной выше математической формуле.

7. Контраварийное вождение должно осуществляться под руководством высококвалифицированного специалиста автомобильного спорта.

8. Необходимо прописать требования к автодрому и автомобилю.

9. Для проведения итоговой аттестации (квалификационного экзамена) должно быть предусмотрено не 2, а минимум 4 часа.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ Минобрнауки России от 1 марта 2018 г. № 161 «Об утверждении примерных программ повышения квалификации водителей транспортных средств соответствующих категорий и подкатегорий». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/71942062/ (дата обращения: 20.05.2025).
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/1305770/ (дата обращения: 20.05.2025).
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 декабря 2007 г. № 876 «О подготовке и допуске водителей к управлению транспортными средствами, оборудованными устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/12157757/ (дата обращения: 20.05.2025).
4. Приказ Минпросвещения России от 8 ноября 2021 № 808 «Об утверждении примерных программ профессионального обучения водителей транспортных средств соответствующих категорий и подкатегорий». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/70695708/ (дата обращения: 20.05.2025).
5. Цыганков Э. С. Контраварийное вождение. М.: Эксмо, 2010. 160 с.

ОВЧИННИКОВ Олег Анатольевич
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности, Российская академия наук

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ: ВЕКТОР РАЗВИТИЯ СТРАТЕГИЙ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Настоящее исследование состоит из анализа вводимых в действие с 2014 года трех моделей стратегий противодействия экстремизму в Российской Федерации, а также научных взглядов практической их реализации, что дает возможность с различных позиций показать имеющиеся преимущества и недостатки, терминологический инструментарий в этой сфере. Рассматриваются внешние и внутренние угрозы экстремизма, как социально негативного явления, определяются тенденции в развитии целей, задач и основных направлений государственной политики в вопросах противодействия ему. На основе проведенного исследования формулируются выводы о сложном и разностороннем феномене выявления и противодействия новым вызовам и угрозам экстремизма, необходимостью привлечения к этой деятельности практиков, экспертов и ученых. Показатели ожидаемых результатов противодействия экстремизму должны способствовать реализации стратегических национальных приоритетов России.

Ключевые слова: стратегия, модель документа, экстремизм, внешние и внутренние угрозы, новые вызовы и угрозы, национальная безопасность, приоритеты, показатели, ожидаемые результаты.

OVCHINNIKOV Oleg Anatoljevich
Ph.D. in Law, associate professor, senior researcher of the Center for Security Studies, Russian Academy of Sciences

NATIONAL PRIORITIES: VECTOR OF DEVELOPMENT OF COUNTER-EXTREMISM STRATEGIES IN THE RUSSIAN FEDERATION**

This study consists of an analysis of three models of strategies for countering extremism in the Russian Federation, which have been in operation since 2014, as well as scientific views on their practical implementation, which makes it possible to show the advantages and disadvantages of terminology in this area from various perspectives. The external and internal threats of extremism as a socially negative phenomenon are considered, trends in the development of goals, objectives and main directions of state policy in countering it are determined. Based on the conducted research, conclusions are drawn about the complex and versatile phenomenon of identifying and countering new challenges and threats of extremism, and the need to involve practitioners, experts, and scientists in this activity. Indicators of the expected results of countering extremism should contribute to the implementation of Russia's strategic national priorities.

Keywords: strategy, document model, extremism, external and internal threats, new challenges and threats, national security, priorities, indicators, expected results.

В конце декабря 2024 года В. В. Путин утвердил Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации [2], которая явилась документом стратегического планирования и третьей моделью по обеспечению дальнейшей реализации государственной политики в обозначенной документом сфере.

Следует подчеркнуть, что принятию указанного третьего документа предшествовали введенные в действие Главой государства Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (введена в действие Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) в 2014 году (далее – Стратегия-2014) и в 2020 году [3] (далее – Стратегия-2020).

Несмотря на принятие Закона «О противодействии экстремистской деятельности» [1] еще в 2002 году, первая модель документа стратегического планирования была подготовлена в 2014 году, то есть спустя более десяти лет. Возможно, по нашему мнению, необходимо было со стороны практиков, экспертов и представителей научного сообщества время для концептуального осмысления сущности проблем распространения радикальной идеологии, угрожающей национальной безопасности России. Вместе с тем ряд событий как на внутригосударственном уровне, так и на международной арене, в том числе референдум о воссоединении Крымского полуострова и города Севастополя с Российской Федерацией предопределили необходимость такого документа.

Поэтому, как нам представляется, важность принятия Стратегии-2014 была продиктована объективными причинами, исходящими из складывающейся ситуации в целом. На тот период времени, впрочем, ничего кардинально не изменилось, как и сегодня, необходимо было сформировать в обществе обстановку нетерпимости к распространению радикальной идеологии, являющейся как внутренней, так и внешней угрозой. Важно было определить цель, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму с учетом стоящих перед страной новых вызовов, а также объединить усилия федеральных органов государственной власти, органов государственной

* Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации» (FFZ-2025-0001).

** The article was prepared as part of the implementation of the state task «Comprehensive study of public security issues as a strategic priority of the national security of the Russian Federation» (FFZ-2025-0001).

власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и граждан по пресечению экстремистской деятельности, укреплению гражданского единства, достижению межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия, сохранению этнокультурного многообразия народов России.

Подготовка Стратегии-2014 с ее концептуальными положениями рассматривалась как результат принятия необходимых мер в целях конкретизации положений Закона «О противодействии экстремистской деятельности» и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537, по обеспечению национальной безопасности.

В разделе I. «Общие положения» вводились в оборот основные понятия, применяемые в документе, которые способствовали, в первую очередь, восприятию содержания и познанию замысла его. Затем уже в каждой новой редакции уточнялись прежние и вводились в оборот новые. Например, одним таким «эпохальным» понятием в Стратегии-2024 является «русофобия». Эта дефиниция вызвала в настоящее время проведение ряда дискуссионных площадок на предмет закрепления в российском законодательстве.

Обращает на себя внимание тот факт, что в период подготовки Стратегии-2014, на фоне усиления проявления агрессивности экстремизма, в главном доктринальном документе нашей страны – Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, весьма «скромно» уделялось проблемам, связанным с этим негативным социальным явлением. Отмечены были лишь в контексте как угроза национальным интересам со стороны развития националистических настроений, ксенофобии, сепаратизма и насильственного экстремизма, в том числе под лозунгами религиозного радикализма (ст. 10). Для предотвращения угроз национальной безопасности предлагалось обеспечить социальную стабильность, этническое и конфессиональное согласие, поднять качество работы органов государственной власти и сформировать действенные механизмы их взаимодействия с гражданским обществом (ст. 20), а также развивать систему обеспечения национальной безопасности на основе совершенствования механизмов стратегического планирования устойчивого развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности (ст. 100).

Также следует обратить внимание, что в Стратегии – доктринальном документе, само понятие «национальная безопасность» дано как «состояние защищенности … от внутренних и внешних угроз» (абз. 1 ст. 6), таким образом определяя на первом месте внутренние угрозы, а на втором месте внешние. И это несмотря на то, что весьма очевидно было как на межгосударственном уровне развивался экстремизм, становился средством применения иностранными государствами и организациями для дестабилизации общественно-политической обстановки в Российской Федерации, подрыва государственной и общественной безопасности, превращаясь в питательную среду и идеологический фундамент радикальных националистических и религиозных структур.

Под запрет деятельности на территории нашей страны все чаще попадали и, впрочем, продолжают попадать международные радикальные структуры. Например, международные религиозные объединения «Нурджулар» *(решение Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2008)* и «Таблиги Джамаат» *(решение Верховного Суда Российской Федерации от 07.05.2009)*, международное общественное объединение «Национал-социалистическое общество» *(решение Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2010)*, украинские организации «Правый сектор» и «Украинская повстанческая армия» *(решения Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014)*, международное общественное движение по разрушению многонационального единства и территориальной целостности России «Антироссийское сепаратистское движение» и его структурные подразделения [4] *(решение Верховного Суда Российской Федерации от 07.06.2024)*, международная организация, созданная в формате общественного движения, «Форум свободных государств постРоссии» и ее структурные подразделения [5] *(решение Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2024)*, а также многие другие.

Весьма показательно для результата осмысления вызова нашему государству со стороны деструктивных структур является отражение во втором разделе «Основные источники угроз экстремизма в современной России» Стратегии-2014 первоначально внешних, а затем внутренних угроз. Такое отношение сохранилось и в последующих принятых документах: Стратегия-2020 и Стратегия-2024.

В дальнейшем такой подход все-таки нашел свое отражение и в главном доктринальном документе нашей страны. По оценке И. Б. Кардашовой в вопросе развития законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности отмечено, что «Произошла принципиальная корректировка определения национальной безопасности при изложении угроз национальной безопасности: если в Стратегиях 2009 и 2015 гг. указывалось на «внутренние и внешние угрозы», то в Стратегии 2021 г. – на «внешние и внутренние угрозы», что соответствует современному периоду развития угроз национальной безопасности» [6, с. 45].

Со своей стороны, в силу появления новых вызовов и угроз для нашего общества, при интенсивности распространения экстремистской идеологии, отмечаем их дальнейшее отражение в документах стратегического планирования в сфере противодействия экстремизму. Если в Стратегии-2014 основные источники угроз экстремизма в современной России укладывались в 19 статьях, то уже в Стратегии-2020 их 24, а в Стратегии-2024 выделено 28.

Вместе с тем такое обстоятельство ни в коем случае не дает основание увеличивать до невероятных размеров документ стратегического планирования, так как постоянно усложняясь он становится совершенно не воспринимаемым.

Это также относится и к другим разделам. Так, например, в разделе III. «Цели, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму» сохраняются основное количество и формулировки направлений, за исключением Стратегии-2014, где отсутствует такое направление как «в области обеспечения участия институтов гражданского общества в реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму». А вот уже по мероприятиям реализации основных направлений, количество их неоправданно увеличилось в более чем два раза – с 62 в 2014 году, до 130 в 2024 году.

Кроме этого, в Стратегии-2024 увеличилось до восьми, то есть в два раза, количество разделов, по сравнению с первой моделью.

Также в четыре раза (до 28) увеличилось количество показателей ожидаемых результатов реализации Стратегии-2024, в сравнении со Стратегией-2020, где соответственно их было семь. В то же время представляется весьма проблематичным оценить некоторые из введенных показателей ожидаемых результатов без потери «генерального» выбранного авторами направления, без недочета всех важных аспектов в сфере противодействия экстремизму. Поскольку, например, чтобы оценить такой ожидаемый результат как «повышение уровня патриотических настроений в обществе» (17) необходимо социологическое исследование. Так же, как и «сохранение исторического наследия и национальной самобытности, дальнейшее развитие традиций взаимодействия народов России» (18) относится к материальным и нематериальным аспектам этих явлений, что является не логичным для одного показателя, и также носит исследовательский характер.

Поскольку есть ряд и других показателей ожидаемых результатов, которые открывают дорогу к дискурсу, поэтому оставим решение этих интеллектуальных задач специалистам-практикам.

Важно, чтобы заявленные показатели ожидаемых результатов не навевали романтизм, а были реалистичны и отражали национальные интересы, способствовали реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, содержащиеся в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [7].

Подводя итог небольшого анализа развития стратегий противодействия экстремизму в Российской Федерации следует отметить некоторые направления.

1. Выявление новых вызовов и угроз экстремизма, противодействие им представляет собой перманентно усложняющийся, разносторонний и всеобъемлющий феномен, а его осознание требует необходимого внимания практиков, экспертов и научного сообщества.

2. Принимая во внимание, что концептуальное оформление официальных подходов к пониманию вопросов новых экстремистских угроз и противодействие им является весьма сложной интеллектуальной задачей и не может быть идеальным, совершенным и законченным, тем более применительно к нашей стране. Однако на такую концептуализацию, неоспоримо, следует ориентироваться.

3. Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации, как документ стратегического планирования, следует излагать в емкой форме с объективными оценками ситуации и показателями ожидаемых результатов, которые способствуют реализации стратегических национальных приоритетов. Это необходимо с целью избежать неимоверных размеров и сложности воспринимать содержание документа. Выражаясь стихотворной формой классика русской поэзии Н. А. Некрасова: «Правилу следуй упорно: чтобы словам было тесно, мыслям – просторно.» [8, с. 214].

В заключении следует указать, что содержащиеся в исследовании предложения, безусловно, не являются истиной в последней инстанции и, тем более – бесспорными.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
2. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru (дата обращения: 06.07.2025).
3. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru (дата обращения: 06.07.2025).
4. Официальный сайт Минюста России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minjust.ru (дата обращения: 06.07.2025).
5. Официальный сайт НАК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nac.gov.ru (дата обращения: 06.07.2025).
6. Кардашова И. Б. Векторы развития законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11. С. 41-49.
7. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 06.07.2025).
8. Некрасов Н. А. Стихотворение «Форма. Подражание Шиллеру.» // Н. А. Некрасов, полное собрание сочинений и писем в 15-ти томах. Т. 3. *Л.*: «Наука», 1982.

ШУХОВ Федор Гелиевич
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины

МАЛАЕВА Виктория Евгеньевна
студент, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины; независимый исследователь

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрен феномен молодежного экстремизма, его виды и причины проявления. Выделены особенности экстремизма в молодежной среде на основании характеристик этой социально-демографической группы. Отмечено, что экстремистская деятельность часто связана с тематикой, по которой отсутствует общественный консенсус, и противоправный способ отстаивания интересов выбирает молодежь как носитель энергии и более высокого уровня агрессии. В то же время экстремизм – комплексное явление и невозможен без сложного общественного уклада и культурных особенностей жителей государства. На основе анализа актуальных данных проявления экстремизма предпринята попытка обозначить предпосылки и причины противозаконной деятельности молодежи в России. Среди них выделены не только социально-демографические особенности как группы, но и резонансные общественные события, на которые молодежь реагирует определенным образом.

Ключевые слова: экстремизм (экстремистская деятельность), молодежь, формы экстремизма, молодежный экстремизм, националистический экстремизм, религиозный экстремизм, причины молодежного экстремизма.

SHUKHOV Fedor Gelievich
Ph.D. in Law, associate professor, St. Petersburg State University of Veterinary Medicine

MALAEVA Viktoriya Evgenjevna
student, St. Petersburg State University of Veterinary Medicine; independent researcher

SOME FEATURES OF YOUTH EXTREMISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the phenomenon of youth extremism, its types and causes of manifestation. The features of extremism among young people are highlighted based on the characteristics of this socio-demographic group. It is noted that extremist activity is often associated with topics on which there is no public consensus, and the illegal way of defending interests is chosen by young people as a carrier of energy and a higher level of aggression. At the same time, extremism is a complex phenomenon and is impossible without the complex social structure and cultural characteristics of the inhabitants of the state. Based on the analysis of current manifestations of extremism, an attempt has been made to identify the prerequisites and causes of illegal activities of young people in Russia. Among them, not only socio-demographic features as a group are highlighted, but also resonant social events to which young people react in a certain way.

Keywords: extremism (extremist activity), youth, forms of extremism, youth extremism, nationalist extremism, religious extremism, causes of youth extremism.

Экстремизм как социально-политическое явление представляет собой крайний способ выражения человеком или группой лиц своих взглядов на политическое, социальное, национальное, конфессиональное взаимодействие путем совершения актов устрашения и насилия в отношении широкого круга лиц, а не только носителей противоположных взглядов. Очевидно, что сам процесс развития общества предполагает наличие различных взглядов и способов их выражения, однако, экстремизм направлен на подрыв доверия граждан к возможности обеспечения безопасности от своего государства.

Авторам видится, что особый интерес для исследования представляют люди, относящиеся к категории молодёжи. На это есть несколько причин: молодежь является носителем взглядов на определённые явления и процессы в обществе, которые могут быть не видны старшему поколению, в том числе законодателю; о перспективах страны и общества можно судить по процессам, которые развиваются в молодёжной среде. Молодежь более остро реагирует на социальную обстановку, находится в процессе становления своего статуса, поэтому более активно накапливает и реализует негативный протестный потенциал [1].

Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ определяет молодежь как социально-демографическую группу лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» относит к экстремизму насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение территориальной целостности Российской Федерации, публичное оправдание терроризма и иную террористическую деятельность, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни,

использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, публичные призывы к осуществлению указанных выше деяний, либо массовое изготовление, хранение и распространение экстремистских материалов.

В тексте закона не дано четкого определения экстремистской деятельности, а лишь перечислено, что к ней относится. В работах исследователей можно встретить следующие варианты определения нашего предмета рассмотрения. Например, в статье Муленкова Д. В. и Филиной Н. В. экстремизм рассматривается, как форма решительного отказа от существующих общепризнанных обществом и государством норм, устоявшихся правил, обычаев со стороны отдельных лиц и групп лиц [5]. Также можно обратиться к политическому словарю, где под экстремизмом понимается приверженность крайним мерам, достижение целей через насилие, радикализм, террор [10].

Среди видов экстремизма условно можно выделить экономический, политический, националистический, религиозный, социально-протестный и другие. Однако необходимо отметить, что нетерпимость, как правило, носит сложный комплексный характер.

К особенностям молодежного экстремизма относятся: формирование в маргинальной среде, т.е. среди людей с неустоявшимся социальным статусом; проявление в ситуациях и по вопросам, которые не имеют четкой нормативной регламентации, характеризуются отсутствием общественного консенсуса; проявление в обществах, где игнорируются права личности, отсутствует культурная целостность; преимущественно групповой характер.

Среди общих причин молодежного экстремизма можно обозначить следующие: высокая социальная напряженность в молодежной среде, вовлечение молодежи в криминальный бизнес как более быстрый способ заработка, изменение ценностных ориентаций [1].

Обратимся к проявлениям экстремизма различных видов в молодежной среде и рассмотрим причины их возникновения на конкретных примерах.

Под националистическим экстремизмом принято понимать насилие по мотивам национальной или расовой ненависти и вражды, возбуждение ненависти и вражды по отношению к лицам иной национальности или расы. Таким образом, молодежный националистический экстремизм – это те же самые деяния, указанные выше, но совершенные такой социально-демографической группой, как молодежь.

Примером проявления националистического экстремизма в молодежных кругах может послужить националистический марш группы молодых людей в Тюмени в 2023 году. Осенью 2023 года в центре Тюмени молодые люди, скрывающие лица шарфами прошли маршем, выкрикивая националистические лозунги. Группа молодых мужчин требовала, чтобы мигранты уезжали из Тюмени [3]. Действия вышеупомянутой группы влекут за собой серьезные последствия, поскольку попадают под действие статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Марши националистической направленности организовывались в нашей стране и до описанного случая. Это явление может быть объяснено рядом причин. Обратимся к статистике преступлений, совершенных мигрантами за 2024 год. Так, с января по август 2024 года приезжие совершили более 26 тысяч преступлений. Также практически втрое выросло число преступлений, совершенных лицами, которые незаконно находятся на территории России, - с 2880 до 8059. Более того, по данным Следственного комитета Российской Федерации, за 2024 год число «преступных посягательств» со стороны трудовых мигрантов возросло с 5868 до 9708, а преступлений приезжих, получивших гражданство менее десяти лет назад, — с 7 тыс. до 11 тыс., что количество тяжких деяний возросло на 12 %.

Стоит также понимать, что по состоянию на 1 сентября 2024 года на миграционном учете МВД состояли свыше 6,1 млн. иностранцев (примерно 4,2 % от населения страны). При этом примерно 630 тыс. из них находятся на территории Российской Федерации незаконно [8]. Стали чаще совершаться преступления с их стороны, в том числе тяжкие и особо тяжкие. Стоит предположить, что коренных жителей Российской Федерации может беспокоить этот факт. Это касается граждан любого возраста, в том числе и молодежи.

Далее, рассмотрим еще один немало важный фактор, который может являться причиной для появления националистических экстремистских настроений среди молодежи, а именно институты первичной и вторичной социализации.

К институтам первичной социализации принято относить: школу, детский сад, сверстников, спортивные секции, творческие кружки и семью. На последней хотелось бы остановиться отдельно, поскольку именно там зарождается личность, которая получает информацию о мире и социуме. Родители призваны стать первыми авторитетами для ребенка. Они должны привить правильные ценности и показать значимость общественных норм [4].

Что касается институтов вторичной социализации, к ним относят: государство, университет, армию, церковь, СМИ и Интернет. Здесь хотелось бы остановиться на средствах массовой информации, поскольку их роль и влияние в современном мире невозможно переоценить.

Наглядным примером может послужить теракт в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года, когда четверо уроженцев Таджикистана расстреляли более 100 человек. Последующую неделю СМИ освещали эту новость по телевизионным каналам, в печатных изданиях и официальных интернет-изданиях. Постоянное упоминание данного события и транслирование национальности преступников сформировало негативное отношения ряда граждан к таджикам. Подтверждением может послужить случай из Москвы, когда хозяин квартиры выселил 35-летнего таджика Атовулло без объяснения причин сразу после нападения на «Крокус» [2].

Продолжим рассуждения о молодежном экстремизме в рамках рассмотрения религиозного экстремизма. Под этим словосочетанием можно подразумевать практику насильственного насаждения религиозной веры среди неверующих либо представителей других религий участниками радикальных религиозных организаций.

Примером религиозного экстремизма может послужить случай, произошедший в июле 2024 года в Москве. 29-летний мужчина родом из Дагестана, проживающий в Москве Хавиер Ярмагомедов, будучи блогером «сначала наступил на христианский символ, затем оплевал его, а после растоптал. При этом он употреблял нецензурную лексику и в оскорбительной форме обращался к христианам» [2].

Среди причин, которые могут побуждать к совершению действий экстремистской религиозной направленности, выделяются политические, экономические, социальные, технологические, психологические и ряд других.

Так, с политической точки зрения, любая идеология в условиях информационного общества стремится доказать свое право на мировое господство. Претензия на собственную непогрешимость оборачивается тем, что в ситуации безрелигиозного гуманизма религиозные экстремисты считают себя избранными народом, постигшим истину [7].

С экономической точки зрения общество состоит из различных классов, слоев и групп, их представители имеют разный финансовый достаток и социальный статус. Именно этот фактор зачастую может являться причиной для религиозного экстремизма, поскольку разнящиеся условия существования людей неизбежно приводят к разделению всего человечества на отдельные группы, в т.ч. по религиозному признаку [6].

Помимо вышеперечисленных причин, существуют и другие, например, глобализация, которая, так или иначе, вносит часть культуры и религии одной страны на территорию другого государства. Это может не понравиться коренным жителям, имеющих свой уклад жизни и устоявшийся менталитет, что впоследствии спровоцирует акты религиозного экстремизма.

Немалую роль играет развитие Интернета и социальных сетей. Молодежь, подвержена стать жертвой вербовки экстремистской организации - общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (114-ФЗ).

Таким образом, причины возникновения экстремизма находят в самом процессе развития общества и государства. Молодежь исторически является носителем более радикальных взглядов, поэтому под влиянием описанных факторов может быть вовлечена в экстремистскую деятельность. Однако наличие социальных проблем не может служить оправданием выбора насильственной формы достижения своих целей.

Пристатейный библиографический список

1. Аристархова Т. А. Основные черты и особенности молодежного экстремизма // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. - 2014. - № 1-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-cherty-i-osobennosti-molodezhnogo-ekstremizma (дата обращения: 17.05.2025).
2. Блогер из Дагестана растоптал и оплевал крест. В видео с извинениями он обвинил христиан в провокации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/2024/07/17/19418977.shtml. (дата обращения: 12.05.2025).
3. В Тюмени разгорелся острый межнациональный конфликт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nashgorod.ru/news/2023-09-18/u-nu-kadavay-ka-v-tyumeni-razgorelsya-mezhnatsionalnyy-konflikt-3044409. (дата обращения: 12.05.2025).
4. Мешев И. Х. Экстремизм в молодежной среде: причины возникновения и пути противодействия // Международный научный вестник. - 2024. - № 9. - С. 15-19.
5. Муленков Д. В., Филина Н. В. Понятие, формы и виды экстремизма // Журнал прикладных исследований. - 2023. - № 1. - С. 146-149.
6. Муминов А. Основные причины религиозного экстремизма // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. - 2012. - № 1 (29). - С. 202-214.
7. Симонова М. А., Мелькунов И. С. Проблема религиозного экстремизма: причины возникновения и пути решения // АВБсП. - 2023. - № 5. - С. 63-66.
8. СКР: в 2024 году преступность среди нелегальных мигрантов выросла почти втрое. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7197764 (дата обращения: 12.05.2025).
9. Таджикская диаспора в России пребывает в страхе после кровавой расправы в «Крокус Сити Холле». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.eurasianet.org/таджикская-диаспора-в-россии-пребывает-в-страхе-после-кровавой-расправы-в-«крокус-сити-холле»?__cf_chl_tk=rpAHqVPZWJIo5lf3TFwiH28bZKOpqSOSncXBOKHIV9U-1747226042-1.0.1.1-_Wt.WD7o2BYIxp7ix6geGj4zEn9xRqJCmQe1DS3jbqg. (дата обращения: 12.05.2025).
10. Экстремизм // Политический словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/politics_dict/Экстремизм (дата обращения: 12.05.2025).

ЖАБКИН Антон Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры тактико-специальной подготовки, Ростовский юридический институт МВД России, капитан полиции

СЕМЕНОВ Сергей Геннадиевич
доцент кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, капитан полиции

ЕВТУШЕНКО Александр Анатольевич
старший преподаватель кафедры физической подготовки, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ У КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ВУЗОВ МВД РОССИИ

Данная статья посвящена анализу современных подходов к психологической подготовке будущих сотрудников правоохранительных органов в высших учебных заведениях Министерства внутренних дел Российской Федерации. В условиях возрастающей сложности и многогранности задач, стоящих перед сотрудниками МВД, эффективность их работы напрямую зависит от уровня развития психологической устойчивости, коммуникативных навыков и способности принимать обоснованные решения в экстремальных ситуациях. Исследование рассматривает традиционные и инновационные методы формирования необходимых психологических качеств, акцентируя внимание на необходимости интегративного подхода.

Авторы анализируют преимущества и недостатки таких методов как социально-психологические тренинги и симуляционное обучение. В статье рассматриваются тренинговые техники, направленные на развитие стрессоустойчивости, саморегуляции, эмпатии, коммуникативных навыков и способности к командной работе. Особое внимание уделяется специфике тренинговых программ для будущих сотрудников МВД, включая моделирование реальных ситуаций профессиональной деятельности и учет этических аспектов правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: профессионально-значимые качества, курсанты, слушатели, вузы МВД России, правоохранительная деятельность, профессиональная подготовка.

ZHABKIN Anton Sergeevich
Ph.D. in Law, associate professor of Tactical and special training sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

SEMENOV Sergey Gennadjevich
associate professor of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

EVTUSHENKO Alexander Anatoljevich
senior lecturer of Physical training sub-faculty, Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Krasnoyarsk

FEATURES OF DEVELOPMENT OF PROFESSIONALLY SIGNIFICANT QUALITIES IN CADETS AND STUDENTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

This article is devoted to the analysis of modern approaches to psychological training of future law enforcement officers in higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. In the context of the increasing complexity and multifaceted nature of the tasks facing the employees of the Ministry of Internal Affairs, the effectiveness of their work directly depends on the level of development of psychological stability, communication skills and the ability to make informed decisions in extreme situations. The study examines traditional and innovative methods of forming the necessary psychological qualities, focusing on the need for an integrative approach. The authors analyze the advantages and disadvantages of such methods as social and psychological training and simulation training. The article discusses training techniques aimed at developing stress resistance, self-regulation, empathy, communication skills and the ability to work in a team. Particular attention is paid to the specifics of training programs for future employees of the Ministry of Internal Affairs, including modeling real situations of professional activity and taking into account the ethical aspects of law enforcement.

Key words: professionally significant qualities, cadets, students, higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, law enforcement, professional training.

Деятельность сотрудников полиции связана с выявлением, фиксацией, раскрытием преступлений и административных правонарушений, ежедневным разрешением сложных задач требующих высокого уровня профессионализма, ответственности, моральной устойчивости. Качество подготовки будущих сотрудников МВД напрямую влияет на эффективность работы всей системы правоохранительных органов. Поэтому исследование особенностей развития профессионально-значимых качеств у курсантов и слушателей вузов МВД России является актуальной и важной задачей.

К профессионально-значимым качествам сотрудников МВД можно отнести: наличие профессиональных знаний и навыки применения их на практике; физическая и психологическая выносливость; ответственность и дисциплинированность; развитые коммуникативные навыки; нравственные качества; правовая культура; развитые аналитические способности; стрессоустойчивость и др.

Как отмечает в своих исследованиях Д. А. Федорова: «Наиболее важными профессиональными качествами сотрудника ОВД считают высокоразвитое чувство долга, чести, ответственности. Не менее важны коммуникативные способности: общительность, доступность, открытость, доброжелательность, умение слушать, со вниманием относиться к словам собеседника, разбираться в людях, способность располагать к себе людей» [4].

Развитие профессионально-значимых качеств у курсантов и слушателей вузов МВД России – сложный и многогранный процесс, требующий комплексного подхода. Повышение эффективности профессиональной подготовки обучающихся в образовательных организациях МВД России предусматривает меры, направленные на совершенствование процесса воспитания и профессионального обучения будущих специалистов для органов внутренних дел Российской Федерации [1].

Выбор наиболее методов развития профессионально-значимых качеств основывается на ряде факторов, таких как:

1) специфика учебного материала. Для некоторых дисциплин (например, тактико-специальная подготовка, физическая подготовка) необходим акцент на практическую подготовку будущих сотрудников полиции [3].

2) уровень подготовки обучающихся. При поступлении в ведомственный вуз уровень подготовки у абитуриентов, как правило, достаточно разнится. Однако к третьему курсу он относительно сглаживается благодаря применению индивидуального подхода, разработки индивидуальной траектории обучения, наличию факультативных занятий и самостоятельных занятий обучающихся во время часов самоподготовки. Однако следует отметить, что инновационные методы требуют работы педагога с курсантами и слушателями, но и большей самостоятельности и активности обучающихся.

3) иные факторы, такие как: умение преподавателей, применять различные методы и организовывать учебный процесс; наличие материально-технической базы и др.

Формирование профессионально-значимых качеств осуществляется посредством:

– теоретического обучения: лекции, семинары, практические занятия;

– практической подготовки: учебные тренировки, имитационные игры, стажировки в подразделениях МВД;

– воспитательной работы;

– развитие нравственных качеств через участие в общественной жизни и др.

Следует отметить, что при развитии профессионально-значимых качеств у обучающихся в обязательном порядке учитывается их будущая специализация. Так, к примеру, у сотрудников административно-управленческой деятельности должны быть развиты такие качества как самостоятельность в принятии решений, в то время как у участковых уполномоченных полиции должны быть развиты коммуникативные навыки [2], [5].

В качестве наиболее эффективного метода обучения способного учитывать комплексный подход согласно мнению авторов является социально-психологический тренинг [6].

Тренинг необходим для формирования таких профессионально-значимых психологических качеств, как стрессоустойчивость, способность эффективно функционировать в условиях повышенного психического напряжения; коммуникативные навыки, умение строить эффективное взаимодействие с различными людьми, вести переговоры, убеждать и договариваться; саморегуляция, способность контролировать свои эмоции и поведение в сложных ситуациях; эмпатия, умение понимать чувства и эмоции других людей, ставить себя на их место; самоконтроль, умение контролировать свои реакции и избегать импульсивных действий; принятие решений в условиях неопределенности - способность анализировать ситуацию и принимать обоснованные решения в сложных и неопределённых условиях; и работа в команде – умение эффективно взаимодействовать с коллегами, распределять ответственность и достигать общих целей.

Помимо тренингов, эффективным методом подготовки будущих сотрудников правоохранительных органов в вузах МВД является симуляционное обучение.

Симуляционное обучение использует моделирование реальных ситуаций профессиональной деятельности, позволяя курсантам и слушателям отработать свои навыки и реакции в контролируемой среде.

Преимущества симуляционного обучения заключаются в безопасности отработки навыков в контролируемой среде без риска для обучающихся, возможности неограниченного повторения симуляций до достижения необходимого уровня мастерства, предоставлении преподавателями немедленной обратной связи и помощи, а также в адаптивности симуляций под различные сценарии и условия.

Симуляционное обучение, в сочетании с тренингами и другими методами, позволяет обеспечить более всестороннюю и эффективную подготовку будущих сотрудников правоохранительных органов. В целом, внедрение инновационных технологий и постоянное совершенствование программ обучения позволят подготовить высококвалифицированных специалистов, способных эффективно выполнять свои служебные обязанности.

Пристатейный библиографический список

1. Маркелов Н. Н., Тихомиров С. Н. Средства формирования профессионально-личностных качеств курсантов образовательных организаций МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. - 2018. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-formirovaniya-professionalno-lichnostnyh-kachestv-kursantov-obrazovatelnyh-organizatsiy-mvd-rossii (дата обращения: 06.06.2025).
2. Носова Д. Х., Валиева А. Р., Жабкин А. С., Хатуаев М. О. Формирование коммуникативной компетентности будущих сотрудников полиции // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 7 (182). - С. 457-458.
3. Тарута А. Г. Применение инновационных технологий при охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий // Закон и власть. - 2024. - № 4. - С. 181-186.
4. Федорова Д. А. Анализ личностных качеств сотрудников ОВД и их влияние на профессиональные // Психология и педагогика служебной деятельности. - 2018. - № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-lichnostnyh-kachestv-sotrudnikov-ovd-i-ih-vliyanie-na-professionalnye (дата обращения: 06.06.2025).
5. Федотова Е. Э., Корнеева Я. А., Арефина М. С., Мартиросова Н. В. Профессионально важные качества сотрудников ОВД с различной результативностью и осуществляющих разные направления служебной деятельности // Психология и психотехника. - 2023. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalno-vazhnye-kachestva-sotrudnikov-ovd-s-razlichnoy-rezultativnostyu-i-osuschestvlyayuschih-raznye-napravleniya (дата обращения: 06.06.2025).
6. Шувалов А. П., Гречаный С. А., Фасхутдинова А. В. Актуальные вопросы формирования коммуникативной компетентности сотрудников полиции в современных условиях // Закон и право. - 2024. - № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-formirovaniya-kommunikativnoy-kompetentnosti-sotrudnikov-politsii-v-sovremennyh-usloviyah (дата обращения: 06.06.2025).

ЩЕРБАКОВА Мария Павловна
кандидат социологических наук, начальник кафедры психологии и педагогики, Нижегородская академия МВД России

СЕРЕБРОВСКАЯ Наталья Евгеньевна
доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики, Нижегородская академия МВД России

КОСТИНА Ольга Алексеевна
кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики, Нижегородская академия МВД России

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАВОВОЙ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной публикации представлены основные характеристики современной профессиональной правовой деятельности, интеллектуальных образовательных, а также аналитических технологий, позволяющих развивать интеллектуальные способности личности, рационально познавать действительность, формировать собственные инструменты освоения информации, грамотно выстраивать ее анализ, и в конечном итоге создавать новые научные продукты. Рассмотрены основные направления создания и использования данных образовательных технологий. Образовательная деятельность с использованием интеллектуальных аналитических технологий способствует усвоению учебного материала, его пониманию и интериоризации в структуре личности; формированию творческого подхода к решению предлагаемых задач.

Ключевые слова: правовая деятельность, юридическая профессия, интеллектуальные образовательные и аналитические технологии, учебная мотивация, интеллектуальные умения, проектирование, моделирование, прогнозирование.

SHCHERBAKOVA Mariya Pavlovna
Ph.D. in sociological sciences, Head of Psychology and pedagogy sub-faculty, Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

SEREBROVSKAYA Natalya Evgenjevna
Ph.D. in psychological sciences, associate professor, professor of Psychology and pedagogy sub-faculty, Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

KOSTINA Olga Alexeevna
Ph.D. in psychological sciences, associate professor, professor of Psychology and pedagogy sub-faculty, Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

ANALYTICAL TECHNOLOGIES IN LEGAL AND PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL ACTIVITY

This publication presents the main characteristics of modern professional legal activity, intellectual educational, and analytical technologies that allow developing the intellectual abilities of an individual, rationally cognizing reality, forming one's own tools for mastering information, competently constructing its analysis, and ultimately creating new scientific products. The main directions of creation and use of these educational technologies are considered. Educational activities using intelligent analytical technologies promote the assimilation of educational material, its understanding and internalization in the structure of the personality; the formation of a creative approach to solving the proposed problems.

Keywords: legal activity, legal profession, intellectual educational and analytical technologies, educational motivation, intellectual skills, design, modeling, forecasting.

Сегодняшняя социально-экономическая и политическая ситуация, в который мы живем, характеризующаяся высоким уровнем динамики жизненных процессов, растущим темпом технологического прогресса, информатизации, ставит перед обществом и, в частности, перед системой образования новые вопросы и формулирует новые задачи. Прежде всего, все вышеперечисленное предполагает высокий уровень профессионализма современных специалистов в области права, а значит, повышаются и требования к качеству высшего образования, к уровню компетентности выпускников вузов.

Основными характеристиками современной профессиональной правовой деятельности являются многозадачность, большой объем информации и постоянно изменяющиеся условия во всех сферах жизнедеятельности общества, что в свою очередь задает определенный уровень требований к представителю юридической профессии. Способность действовать и общаться в условиях неопределенности, внешнего контроля, взаимодействуя с разными группами населения, необходимость быстро анализировать и систематизировать информацию, интегрировать разные виды деятельности для достижения намеченных целей становится не только желаемым, но и крайне необходимым ресурсом выпускников вузов [5, с. 39].

Для успешного решения профессиональных задач им требуются не только фундаментальные знания и навыки, но и сформированные личностные механизмы, позволяющие создавать новый интеллектуальный продукт в контексте своего труда, генерировать новые идеи и способы решения профессиональных задач. А значит быть успешным в профессии. И такие механизмы начинают формироваться именно в процессе обучения в вузе [2, с. 44].

Одним из средств, позволяющих успешно формировать подобные механизмы личности, являются интеллектуальные образовательные технологии. Именно они обеспечивают процесс развития у обучающихся новых интеллектуальных свойств, способность систематизировать и анализировать полученную информацию, формировать новые индивидуальные приемы не только для воспроизводства уже имеющихся знаний, но и для генерирования новых.

Эти технологии предполагают интеграцию наиболее передовых и эффективных технологий обучения в единую целостную систему с интерактивным взаимодействием обучающихся и педагогов. Однако множественность интеллектуального мышления формирует правосознание под влиянием внешних экономических, политических и социокультурных условий, позволяя реализовывать полученные знания в процессе активного использования в учебном процессе техниче-

ских средств. Таким образом, обеспечивается наукоемкость образовательной среды, ее многоплановость и связь между научной теорией и профессиональной практикой.

Очевидным является то, что интеллектуальные технологии позволяют развивать интеллектуальные способности личности, т.е. способность человека эффективно выстраивать свою мыслительную деятельность, рационально познавать действительность, формировать собственные инструменты освоения информации, грамотно выстраивать ее анализ, и в конечном итоге создавать новые научные продукты. Технологии не всегда стоит понимать буквально как совокупность правил и алгоритмов решения задач. Эта трактовка носит «технократический» характер и содержательно ограничивает понимание данного термина. Под технологией мы понимаем в контексте рассматриваемой проблемы те формы организации деятельности, которые позволяют выстраивать собственный индивидуальный процесс личностного развития [4, с. 37].

Одной из проблем профессионального высшего образования сегодня является снижение учебной мотивации студентов и, как следствие, уровня активности познавательной деятельности обучающихся в процессе обучения в вузе. Это касается и сферы юридического образования. Одной из причин такого явления, на наш взгляд, является однообразие и консервативные подходы к построению содержания и форм учебного процесса. Юридические дисциплины имеют свою специфику, часто их преподавание ведется посредством пассивных образовательных методик передачи знаний. Традиционные лекции и семинары, отсутствие наглядности, визуализации учебного материала, интерактивных образовательных технологий отнюдь не способствуют активизации процесса познания и самостоятельности студентов в поиске и анализе информации, а значит развитию их интеллектуальных способностей. А ведь одной из основных характеристик области права является его изменчивость, изменение правового поля в зависимости от контекста социально-экономических условий развития общества. И юристу-профессионалу просто необходимо иметь необходимые познавательные компетенции и высокий уровень интеллектуальных умений для эффективной работы в постоянно меняющихся информационных условиях.

Сегодня актуальными образовательными средствами формирования интеллектуального потенциала студентов являются такие технологии интеллектуального обучения, как проектирование, моделирование и прогнозирование. Проектирование дает полезный эффект в том случае, если мышление обучающегося развито в профессиональном направлении и сам обучающийся обладает следующими качествами: способностью увидеть и четко сформулировать задачу; сгенерировать наибольшее количество идей за ограниченное время; найти оригинальные решения; умение быстро придумывать оригинальные решения заданной проблемы. Для решения исследовательской задачи существует определенный план творческого процесса: возникновение замысла и постановка задачи; сбор и накопление материала, определение творческого источника. Решая конкретную задачу, обучающийся всегда стоит перед проблемой выбора средств, способных наиболее точно и ясно выразить его идею. Процесс творчества связан не только с эмоциональным чувством, но и со способностью абстрагирующего мышления обучаемого. Метод моделирования является методом познавательной деятельности, который заключается в создании и исследовании моделей, упрощённых представлений реальных объектов, процессов или явлений. Смысл метода заключается в создании копии, уменьшенного и структурированного образа объекта, его имитации, с целью изучения существенных особенностей явления. Метод прогнозирования сводится к совокупности приёмов и способов мышления, позволяющих на основе анализа ретроспективных данных, внешних и внутренних связей объекта вывести суждения о его будущем развитии.

Кроме этого, к продуктивным технологиям можно также отнести и такие активные методы обучения, как мозговой штурм и метод экспертных оценок. Именно эти методы позволяют в полной мере реализовать активный подход к участию студента в обучении, включить его в учебный процесс в качестве субъекта обучения и сформировать так необходимый в процессе освоения новых компетенций интеллектуальный личностный потенциал [1, с. 16].

Положительные результаты образовательной деятельности с использованием интеллектуальных аналитических технологий способствуют интенсификации таких процессов, как усвоение учебного материала, его понимания и интериоризации в структуре личности. При этом у обучающихся формируется творческий подход к решению предлагаемых задач. Кроме этого, применение интеллектуальных аналитических технологий позволяет сделать процесс обучения более осмысленным и повысить учебную мотивацию, сделав ориентацию на профессиональную сферу будущих специалистов. Это не только повышает вовлеченность в процесс обучение, но и формирует определенные учебно-профессиональные установки, а в конечном итоге и профессиональную позицию. Еще одним положительным результатом является возможность формирования навыков неординарного мышления, активизации способностей по решению проблемных учебно-профессиональных ситуаций, активации формирования интеллектуальных аналитических компетенций, необходимых в будущей профессиональной деятельности [3, с. 62].

В психолого-педагогическом контексте применение интеллектуальных аналитических технологий позволяет обучающимся осмыслить новый личностный опыт, овладеть новыми формами субъектной деятельности, поучаствовать в ситуациях общения с применением технологических ресурсов путем взаимодействия, интегрируя необходимые коммуникативные компетенции, и, наконец, прожить разные эмоции и чувства, приобрести свой собственный личный багаж переживаний по поводу побед и неудач. Таким образом, мы можем в данном случае говорить не только об индивидуальном развитии интеллекта и аналитических способностей обучающихся, но и о возможности развития их коммуникативного и эмоционального интеллекта.

Пристатейный библиографический список

1. Донская Е. Развитие интеллекта и креативности: новые подходы в психологии. - М.: SelfPub, 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.litres.ru/book/evgeniya-donskaya/razvitie-intellekta-i-kreativnosti-novye-podhody-v-psiho-68966889/ (дата обращения: 06.06.2025).
2. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. - Санкт-Петербург: Печатный двор им. А. М. Горького, 2019. - 434 с.
3. Панина Т. С., Вавилова Л. Н. Современные способы активизации обучения: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по педагогическим специальностям / Под. ред. Т. С. Паниной. - 4-е издание, стереотипное. - М.: Академия, 2018. - 176 с.
4. Панфилова А. П. Игровое моделирование в деятельности педагога: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под общей редакцией В. А. Сластенина, И. А. Колесниковой. - М.: Издательский центр «Академия», 2016. - 362 с.
5. Современные технологии обучения: методическое пособие по использованию интерактивных методов в обучении / Под редакцией Г. В. Борисовой, Т. Ю. Аветовой и Л. Ю. Косовой. - Санкт-Петербург: Полиграф С, 2022. - 79 с.

КУЗНЕЦОВ Михаил Иванович
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики, Академия права и управления ФСИН России, г. Рязань

ОЗЕРСКИЙ Сергей Владимирович
кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационных технологий управления, Самарский юридический институт ФСИН России

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ НЕПРИЯТИЯ ОТДЕЛЬНЫМИ РАБОТНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЕДОМСТВА

В фокусе нашего исследования сотрудники различных отделов и служб территориальных органов и исправительных учреждений России, проходивших обучение по программам дополнительного профессионального образования в образовательных организациях ФСИН России. Респонденты выявлялись методом целевого отбора, в контексте работы с документацией, цифровой систематизацией архивов, подготовки ответов на запросы граждан. Данная категория работников осуществляет основную нагрузку рутинной работы в органах и учреждениях, в том числе по переводу документации в цифровой формат. Выделены шесть ключевых типов участников цифровизации: зритель, скептик, пассивный игрок, открытый, оппозиционер, активный игрок. Делается вывод о необходимости проведения регулярных исследований психологических причин сопротивления некоторых работников цифровым переменам в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, цифровая трансформация, типы участников цифровизации.

KUZNETSOV Mikhail Ivanovich
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Legal psychology and pedagogy sub-faculty, Academy of Law and Management of the FPS of Russia, Ryazan

OZERSKIY Sergey Vladimirovich
Ph.D. in physico-mathematical sciences, associate professor, associate professor of Humanities, socio-economic and information technologies of management sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

PSYCHOLOGICAL REASONS FOR THE REJECTION OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE DEPARTMENT BY SOME EMPLOYEES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM

The focus of our research is on employees of various departments and services of territorial bodies and correctional institutions of Russia who were trained in additional professional education programs at educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. The respondents were identified by targeted selection, in the context of working with documentation, digital systematization of archives, and preparation of responses to citizens' requests. This category of employees carries out the main burden of routine work in government agencies and institutions, including translating documentation into digital format. Six key types of digitalization participants are identified: the viewer, the skeptic, the passive player, the open, the oppositionist, and the active player. Six key types of digitalization participants are identified: the viewer, the skeptic, the passive player, the open, the oppositionist, and the active player. It is concluded that it is necessary to conduct regular research on the psychological reasons for the resistance of some employees to digital changes in the penal system.

Keywords: penal enforcement system, digital transformation, types of participants in digitalization.

Цифровая трансформация ведомственной государственной системы – сложный процесс, связанный с психологическими аспектами изменения правил работы сотрудника системы, в которые входит преобразование алгоритма подачи информации по горизонтальным и вертикальным веткам документооборота, заставляющий менять привычный для индивида образ поведения, мысленно перестраивать порядок производимых действий, затрачивать дополнительные психологические усилия. При этом следует учесть, что профессиональная деятельность работника уголовно-исполнительная система (УИС) в рамках большей части рабочего времени имеет рутинный, каждодневно повторяющийся характер. Действия сотрудника, обладающего достаточным опытом и длительным стажем службы, в последние годы стали стремительно насыщаться цифровыми атрибутами документооборота в дополнение к бумажным носителям данных [1, с. 7].

Осуществление цифрового дублирования документооборота основывается на основании ведомственного приказа (далее – приказ о цифровизации ФСИН) [2] и формирует дополнительные задачи исполнителей. Программа цифровизации ФСИН согласуется через ведомственную цифровую сеть с другими государственными структурами Российской Федерации. Допуск к информации ФСИН закодирован, условия просмотра и обработка личной информации сотрудников УИС, личных данных осужденных на текущий момент и документам людей, имеющих судимость в анамнезе, производится лицами, имеющими право доступа.

Психологическое, и связанное с ним организационное, сопротивление дополнительной цифровизации структуры, в рамках ведения документооборота на цифровых носителях описано К. А. Багратиони и Т. Тернером в статистическом исследовании профессиональной компетенции, связанной с различными отраслями деятельности: логистики, высшего образования, здравоохранения [3, с. 49]. Указанная концепция использовалась при организации нами исследования в рамках заявленной темы.

Следует отметить, что организационная работа различных служб УИС охватывает создание значительного объема

цифровых документов с личной информацией, что накладывает дополнительную ответственность на исполнителей, при этом возникает непредусмотренный уровень психологического напряжения. В рамках нормативных документов ФСИН России и законодательных актов государства в цифровом сегменте представлена программа «Цифровой профиль осужденного», предусматривающая сбор и внесение в реестр биометрических данных. При этом следует учесть, что в рамках национальной программы «Здравоохранение» предусмотрено поэтапно осуществлять сбор и внесение в реестр биометрических данных у всех граждан страны на основании принятого Федерального закона № 441-ФЗ [4]. Сотрудники ведомства должны осуществлять обмен информацией по программе ресоциализации в цифровом виде, которая планируется УИС при предоставлении социальных гарантии в области образования, поиска работы и места проживания для бывших осужденных в соответствии с нормами Федерального Закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации) [5]. Предусмотрена обязательная работа по цифровизации других исполнительных документов административной деятельности системы.

Позицию уголовно-исполнительной системы по вопросам официального оповещения граждан, условиям обращения по личным вопросам транслирует официальный интернет-портал ФСИН России [6].

Результатом принятия нормативных актов, меняющих деятельность административной системы УИС в цифровом ключе, становится увеличение нагрузки на сотрудников при создании информационных реестров, возрастание психологической конкуренции между различными возрастными группами. Конкурентным фактором является лучшие результаты обучения при рассмотрении техногенных разработок более молодыми сотрудниками. Возможные причины противления цифровой трансформации могут выявляться при изучении профилей самовольных, либо косвенных противников программы цифровых перемен.

В рамках нашего исследования проведено анкетирование сотрудников различных отделов и служб территориальных органов и исправительных учреждений России, проходивших обучение по программам дополнительного профессионального образования в образовательных организациях ФСИН России. Респонденты выявлялись методом целевого отбора в контексте работы с документацией, цифровой систематизации архивов. Данная категория работников осуществляет основную нагрузку рутинной работы в учреждении, в том числе по переводу документации в цифровой формат, оформлению личных дел, ответов на запросы граждан. Было опрошено 48 человек различных возрастных категорий: «менее 25 лет», «25-45 лет», «45-55 лет», «свыше 55 лет». В группе «менее 25 лет» представлено 12,5 % (6 человек). В группе «25-45 лет» опрошено 31,25 % (15 человек). В группе «45-55 лет» анкетировано 31,25 % (15 человек). В группе «свыше 55 лет» отвечали на вопросы 25 % респондентов (12 человек). В исследовании представлено мнение 6 мужчин (12,5 %) и 42 женщин (87,5 %).

Для изучения выбраны сотрудники с различным стажем работы: «до 10 лет», «10-15 лет», «15-20 лет», «25-30 лет», «свыше 30 лет». В категории выслуги «до 10 лет» представлено 31,25 %. В категории выслуги «10-15 лет» анкетировано 12,5 %. В категории выслуги «15-20 лет» опрошено 18,75 %. В категории выслуги «25-30 лет» представлено 12,5 %. В категории выслуги «свыше 30 лет» опрошено 25 % респондентов.

Следует отметить различное отношение сотрудников к рутине на рабочем месте. 25 % респондентов оценивают уровень рутиной работы как невысокий (от 0,01 до 0,3); 31,25 % определяют его как средний параметр (от 0,5 до 0,6); 43,75 % воспринимают количество рутины на высоком уровне (от 0,7 до 0,9). На результат, в частности, влияет психологический климат в подразделении, отношение к сотрудникам руководителя.

Отношение к статус-кво в контексте ценности для коллег мнения данного работника по текущим вопросам, получены следующие данные: 12,5 % низко оценивают свое положение в коллективе (от 0.25 до 0.33); 31,25 % видят свою позицию на среднем уровне (от 0,4 до 0,5); 56,25 % занимают высокий статус-кво в подразделении (от 0,76 до 1,0).

Отношение к сложности освоения инноваций также имеет разные результаты. 18,75 % сложно, на низком уровне, осваивают новые цифровые программы (от 0,1 до 0,35); 25 % респондентов осваивают инновации на среднем уровне (от 0,5 до 0,6); 56,25 % на высоком уровне, легко осваивают программы цифровизации (от 0,7 до 1,0). Отметим, что в разных подразделениях могут внедрять программы различной сложности. При этом все респонденты имеют законченное высшее образование, регулярно занимаются самообразованием, проявляют высокую способность к обучению.

Отношение к неизбежности внедрения инноваций является следствием результатов способности к обучению. Отметим фактор, что респонденты оценивают категорию «неизбежность внедрения инноваций» только на среднем и высоком уровне, низкий результат не выявлен. 25 % респондентов прогнозируют средние параметры (от 0,4 до 0,55); 75 % предполагают высокий уровень внедрения цифровых инноваций (0,7 до 1,0).

Концепт «конформизм» в контексте изменения устоявшихся правил работы в подразделении в течение 5 лет, имеет разную «окраску»: 31,25 % прогнозируют изменения концепта конформизма на низком уровне (от 0,2 до 0,35); 50 % предполагают средний уровень изменения концепта конформизма особенностей организации работы (от 0,4 до 0,6); 18,75 % высказывают мнение о высоком уровне изменений (от 0,8 до 1,0).

Таким образом, можно констатировать, что на положительное восприятие цифровых изменений уголовно-исполнительной системы влияет наличие высшего образования, постоянное самообразование сотрудников, своевременное обучение информационно-коммуникационным инновациям.

В свою очередь исследователи поведенческой экономики выделяют шесть ключевых типов менеджеров – противников цифровизации: зритель, скептик, пассивный игрок, открытый, оппозиционер, активный игрок [3, с. 53]. Количественная составляющая исследования охватывает два аспекта: отношение менеджеров среднего звена к переменам, замеряемое при помощи анкеты, разработанной с участием экспертов, и их ценности, выявленные с помощью опросника Шалома Шварца (Schwartz Value Questionnaire, SVQ) [7, 8]. Противников автоматизации процессов системы может затруднять перевод потока документов на цифровые носители и компьютерный анализ продуктивности действий специалистов. Руководствуясь личными ценностными ориентирами, респонденты рецензировали перемены с позиции профессионального опыта, основанного на создании персональных взаимосвязей с заказчиками, перспективами их использования. Отрицательным фактором для респон-

дентов послужило обесценивание многолетнего личностного сотрудничества, руководство только расчетными данными, прогнозируемыми машиной, в достижении прибыли.

При проведении анкетирования, состоящего из 12 вопросов при оценке методом анализа основных компонентов и подтверждающего факторного анализа, исследователи изучали четыре аспекта: рутина, статус-кво, сложность освоения инноваций и неизбежность их внедрения. При этом предметом анализа стали базовые человеческие ценности, влияющие на положение личности в профессиональной среде. Специалистами оценивались категории – власть, достижения, гедонизм, стимулирование, самодисциплина, универсализм, доброжелательность, традиции, конформизм и безопасность. SVQ применялась для проверки дополнительных гипотез о взаимосвязи между ценностями работников и их сопротивлением переменам [3, с. 53].

Самые возрастные сотрудники, как правило, реализуют роль первой категории сопротивляющихся цифровизации – «зритель». Полученное в результате длительной работы на предприятии отношение в аспекте «статус-кво» (0,47) и низкое стремление заниматься рутинной работой (0,1), которая неизменно появляется при необходимости регулярной обработке заказов, внесении новых данных, анализе результатов на компьютере, выражается в пассивном сопротивлении трансформации отработанных процессов. Группа конформистов (0,47), поддерживает правила самодисциплины (0,57), оценку приобретенных достижений (0,52), является сторонником безопасности действий (0,58). Наблюдательная психология поведения выражается в отсутствии сопротивления цифровизации документооборота и неспособности к продвижению цифровой трансформации по собственной инициативе. В данной группе отмечается сложность освоения инноваций (0,5), формируется не слишком высокая установка на неизбежность внедрения инноваций (0,32).

Касаемо влияния возрастных особенностей сотрудников УИС на процесс внедрения цифровой трансформации системы, следует выделить важную особенность. На основании нормативных документов, обозначенных в них рамок возраста прохождения службы в УИС, обязательных показателей здоровья, ежегодного наблюдения медицинской комиссии, проблема влияния категории сотрудников «зритель» выглядит не слишком критично. На смену людям, осваивающим цифровые технологии с трудом, приходят технически информированные сотрудники, которым этот процесс даётся достаточно легко.

Второй изучаемый тип сотрудников («скептик») отличается независимым поведением в допустимых пределах, высоко оценивает личное положение в коллективе, свой статус-кво (0,6), при сдержанном отношении к необходимой рутинной работе (0,38), оценке власти (0,45). Он высоко ценит положительные отработанные алгоритмы, которые стремится отстаивать, признает достижения компании (0,53), отличается умеренным конформизмом в поведении (0,53) и самодисциплиной (0,57). «Скептик» приветствует перемены до того предела, когда они не рушат построенную систему работы, ставит высоко безопасность подразделения (0,57). Присутствуют факторы сложности освоения инноваций (0,47) и неизбежности внедрения инноваций (0,32).

Оценивая полномочия типа сотрудников УИС «скептик», надлежит учесть порядок организации исполнительной работы системы, которая формируется на основании приказов и распоряжений, с оценкой не только количественных, но и качественных результатов деятельности. Выстраивание работы вопреки установленным протоколам недопустимо. Тип сотрудников «скептик» критично не влияет на процесс в подразделениях. Цифровизация уголовно-исполнительной системы осуществляется в соответствии с планом и заявленными сроками. Коррективы, как правило, вводятся только в связи со сбоями в материально-техническом обеспечении либо финансировании.

Третий тип сотрудников («пассивный игрок») при изменении привычных условий работы, перевод в другой отдел, потере продуктивных связей может переоценить ситуацию, перестроиться под новый формат организации. Основными характеристиками являются привязанность к конформизму (0,58), самодисциплине (0,58), достижениям (0,6), при отличительной оценке власти на среднем уровне (0,43), желание безопасности на высоком уровне (0,67). Именно потеря безопасности влияет на продуктивность работы и принятие цифровых перемен на рабочем месте. Они воспринимают процесс внедрения новых технологий или рабочей практики как достаточно сложный (0,67), но необходимость интегрировать инновации мало их беспокоит (0,13).

Инерционный тип сотрудника «пассивный игрок», практикующий зависимое поведение, подчинение, взаимосвязанные с многолетним авторитарным стилем руководства, обеспечивающее наиболее безопасную позицию в коллективе, является достаточно распространенным в системе. В ситуации имеет место профессиональная трансформация сотрудников с большим опытом работы в одном учреждении, занимающих лидирующие ступени управления. Темп продвижения цифровых изменений зависит не только от уровня обучения «пассивных игроков», но и от понимания руководства подразделений стратегических задач цифровизации ФСИН России.

Четвертый тип сотрудников («открытый») позитивно настроен на цифровое изменение системы, сниженные значения принятия рутины (0,17), невысокое восприятие значения личного статус-кво (0,2) позволяют им быстро перестроиться на целевые задачи организации. Процесс внедрения новых технологий видится им преодолимым, умеренно сложным (0,45), конформизм в поведении проявляется на среднем уровне (0,45). Объективная оценка самодисциплины (0,63), достижений (0,57) и власти (0,48) позволяет им легко адаптироваться к принятым в организации социальным нормам, не забывая оценить уровень личной независимости и успеха в группе. Тип «открытый» достаточно высоко ценят безопасность, престижность и перспективы развития подразделения (0,62).

Психологический портрет сотрудника типа «открытый» потенциально применим при внедрении Закона о пробации. Большое количество задач данного закона реализуется в цифровой среде с момента подачи заявления, его обработки, в дальнейшем принятого к исполнению, в контексте индивидуальной программы гражданина по ресоциализации, помощи в адаптации к общественной жизни. Далее административные шаги по программе пробации генерируются в цифровой среде уголовно-исполнительной системы во взаимодействии с государственными органами власти. Обращения граждан любой формы, как то: вызовы, жалобы, направляются через личный кабинет цифрового портала Госуслуги, при необходимости с использованием простой электронной подписи, в отдельных случаях усиленной неквалифицированной электронной подписи, сертификата ключа проверки, обеспеченного технической государственной и законодательной защитой [5]. Для обеспечения планомерной работы и эффективной цифровой коммуникации с гражданами, попавшими в трудную жизненную ситуа-

цию, наиболее высокую оценку приобретает психологический тип сотрудников «открытый».

Пятый тип сотрудников («оппозиционер») выбирает позицию сопротивления инновациям, может искать возможности «обойти» систему, изыскивая слабые места в программе. Он затрачивает личную энергию, ресурсы, на демарш внедрения цифровизации, вместо освоения вновь полученных возможностей. «Оппозиционер» полезен в качестве лица, тестирующего систему на слабые участки, при условии параллельных действий технических служб по поддержке программного обеспечения. Для «оппозиционера» важно признание, уважение коллектива, значение статус-кво (0,57), он терпимо относится к рутине (0,25), воспринимает ее как неотъемлемую часть административной машины. Процесс перехода на новые технологии воспринимает как сложный (0,72), умеренно признает неизбежность внедрения инноваций (0,5). Устойчивый конформизм (0,55), самодисциплина (0,58) и достижения (0,55) имеют базисный средний уровень. Важна стабильная, безопасная атмосфера работы в коллективе (0,63), при умеренных претензиях на власть (0,43).

Поскольку УИС является целостным механизмом с отработанными правилами подачи информации, действиями на основе приказов, распоряжений, то тип сотрудников «оппозиционер» может быть представлен в единичных вариантах на стадии обсуждения решений. Данный фактор не влияет на общую работу системы, как ничтожный по значению.

Шестой тип сотрудников («активный игрок») достаточно лоялен к цифровой трансформации, цифровой перестройки не опасается (0,28), как и неизбежности внедрения инноваций (0,17), при низком стремлении к рутине (0,05). Желание утвердиться в коллективе имеет высокое персональное значение (0,68). Личный конформизм в позиции (0,65) при представленных достижениях (0,63), заявка на влияние, власть (0,52), на безопасность (0,67). Цифровые изменения системы представители данного типа воспринимают как шанс для карьерного роста.

Инициативный тип сотрудника «активный игрок» ярче проявляется в научных, образовательных учреждениях УИС, призванных анализировать социальные трансформации. Используя широкое поле научной деятельности, свободно обсуждает нестандартные подходы в принятии решений. Защита диссертации, признанные научные труды способствуют продвижению по карьерной лестнице, в том числе предоставляют возможности занять высокие позиции в управленческом аппарате ведомства.

Исследование, проведенное нами методом целевого отбора, в контексте постоянной работы с документацией, показало, что для преодоления психологических установок, связанных с сопротивлением цифровизации в уголовно-исполнительной системе, необходимо организовать регулярное повышение квалификации по изучению ведомственных цифровых программ. Работники, имеющие значительный удельный вес рутинной, документально привязанной работы, нуждаются в объяснении процессов и технологий, помогающих упростить функции по размещению, обработке данных в цифровой среде и повысить эффективность профессиональной деятельности.

Поясняются конкретные примеры противников цифровой трансформации ведомства, когда часто встречающимся психологическим прототипом работника-сопротивленца цифровой трансформации уголовно-исполнительной системы можно назвать инерционный тип сотрудника «пассивный игрок». Поскольку система настроена на быструю реакцию, на явно выраженное сопротивление, то моменты пассивного противодействия выявляются относительно медленно. Распознание «пассивных игроков» возможно, необходимо проводить исследования на основе тестирований, реализуемых психологической службой органов и учреждений. Следует учитывать, что противление цифровой трансформации по многим параметрам имеет психологические корни: страх изменений, боязнь потерять авторитет, стать ненужным, и в итоге, отвергнутым системой. Противление трансформации цифровой среды уголовно-исполнительной системы, образно напоминает электрический импеданс, когда препятствие между двумя узлами цепи в ключевом моменте тормозит работу целых участков. Разъяснение важности цифровизации процесса, признанного ускорить реализацию неотложных задач обмена информацией, должно стать ускоряющим моментом построения цифровой конструкции современной организации.

Пристатейный библиографический список

1. Улендеева Н. И., Озерский С. В. Цифровая трансформация деятельности УИС: особенности реализации и перспективы: монография. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2024. – 107 с.
2. Приказ ФСИН России от 30.12.2020 г. № 984 «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной службы исполнения наказаний». сайт Министерства Юстиции РФ/Главная/Документы/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://portal.eskigov.ru/system/documents/uploads/000/939/600/original/ВПЦТ_ФСИН_России.pdf (дата обращения: 03.06.2025).
3. Багратиони К. А., Тернер Т. Сопротивление менеджеров среднего звена цифровой трансформации // Форсайт. – 2023. – Том 17, № 2. – С. 49-60.
4. Федеральный закон от 30.12.2021 № 441-ФЗ «О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 3 и 5 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет портал правовой информации // Общество. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112300008 (дата обращения: 03.06.2025).
5. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации/ Документы/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302060003 (дата обращения: 03.06.2025).
6. ФСИН России // Официальный сайт ФСИН РФ/ Главная/Документы/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fsin.gov.ru (дата обращения: 03.06.2025).
7. Schwartz S.H. (1992) Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology. – 1992. – № 25. – Pp. 1-65.
8. Lindeman M., Verkasalo M. (2005) Measuring values with the Short Schwartz's Value Survey // Journal of Personality Assessment. – 2005. – № 85 (2). – Pp. 170-178.

МАКАРКИНА Оксана Евгеньевна
кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Псковский филиал, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

КОЛЕСНИКОВА Наталья Евгеньевна
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры философии и теологии, Псковский государственный университет

МИШИН Алексей Андреевич
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии, педагогики и организации воспитательной работы с осуждёнными, Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований, Институт государства и права, Российская академия наук, главный редактор Евразийского юридического журнала

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕНЩИН, СОСТОЯЩИХ НА УЧЕТЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ, И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КРИМИНОГЕННУЮ АКТИВНОСТЬ

В статье рассматриваются социально-психологические характеристики женщин, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций, и их влияние на криминогенную активность. Проанализированы основные факторы риска. Исследованы агрессивные проявления и низкий уровень коммуникативных навыков как значимые предикторы повторной преступности. Предложены комплексные меры по преодолению дезадаптации, включающие психокоррекционные программы, социально-экономическую поддержку и межведомственное взаимодействие. Подчеркивается необходимость системного подхода к ресоциализации данной категории женщин для снижения рецидивной преступности и повышения эффективности профилактической работы.

Ключевые слова: женская преступность, дезадаптация, социально-психологические характеристики, рецидивная преступность, ресоциализация, уголовно-исполнительная инспекция.

MAKARKINA Oksana Evgenjevna
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Head of Humanities and socio-economic disciplines sub-faculty, Pskov branch, St. Petersburg University of the FPS of Russia

KOLESNIKOVA Natalya Evgenjevna
Ph.D. in psychological sciences, associate professor, associate professor of Philosophy and theology sub-faculty, Pskov State University

MISHIN Alexey Andreevich
Ph.D. in psychological sciences, associate professor, associate professor of Legal psychology, pedagogy and organization of educational work with convicts sub-faculty, Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
Ph.D. in Law, leading researcher of the sector of international legal studies, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the Eurasian Law Journal

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF WOMEN REGISTERED WITH PENAL ENFORCEMENT INSPECTIONS AND THEIR IMPACT ON CRIMINOGENIC ACTIVITY

The article examines the socio-psychological characteristics of women registered with penal enforcement inspections and their impact on criminogenic activity. The main risk factors are analyzed. Aggressive manifestations and low level of communication skills are investigated as significant predictors of repeat criminality. Comprehensive measures to overcome maladaptation are proposed, including psychocorrective programs, socio-economic support, and interagency cooperation. The need for a systematic approach to the re-socialization of this category of women is emphasized in order to reduce recidivism and increase the effectiveness of preventive work.

Keywords: female criminality, maladjustment, socio-psychological characteristics, recidivism, re-socialization, penal enforcement inspection.

Актуальность исследования социально-психологических характеристик женщин, отбывающих наказание без изоляции от общества, обусловлена необходимостью совершенствования профилактических и реабилитационных мер в рамках уголовно-исполнительной политики. Современные исследования показывают, что данная категория женщин чаще совершает преступления небольшой и средней тяжести (61,1 % случаев), среди которых преобладают правонарушения против личности, общественной безопасности и материнства. При этом мотивацией большинства деяний выступает корысть (79,7 %), а каждое четвертое преступление совершается в состоянии алкогольного опьянения (24,8 %).

Особенности данной категории лиц характеризуются определенным возрастным диапазоном (18-45 лет, со средним показателем 33 года), низким уровнем образования (37,3 % имеют основное общее образование, 30,4 % – среднее профессиональное) и социально-экономическим положением: около двух третей женщин не имеют постоянного дохода, а 30,4 % заняты неквалифицированным трудом. Интересно отметить, что большинство (64,3 %) находятся в незамужнем или разведенном состоянии, при этом более 60 % являются матерями [1].

Проанализировав данные о дезадаптации [2], можно выделить три основных уровня: физиологический, психо-

логический и социальный. Физиологическая дезадаптация, проявляющаяся у 44 % женщин, связана с экономией энергетических ресурсов организма, что ведет к снижению психической активности, упрощению реакций и недостаточному прогнозированию последствий своих действий. Психологическая дезадаптация (11,9 %) выражается в снижении эмоциональной стабильности, нарушении когнитивных функций и социальной ориентации. Эти особенности усиливают склонность к агрессивным проявлениям, таким как конфликтность, импульсивность, жестокость и асоциальные поступки.

Причины формирования таких характеристик следует искать в условиях социального неблагополучия, которое усиливает криминогенный потенциал. Например, экономическая нестабильность (66,9 % женщин не имеют работы), семейные проблемы (61 % имеют детей при одновременном незамужнем/разведенном статусе) и стигматизация обществом создают дополнительные барьеры для успешной адаптации. Важно отметить, что чувство вины и социальная изоляция усугубляют кризис самооценки.

Низкий уровень коммуникативных навыков также является значимым фактором риска. Затруднения в выражении потребностей и установлении доверительных отношений приводят к эмоциональной экспрессивности и социальной изоляции. Такие черты часто становятся частью поведенческой модели уже в детском возрасте и сохраняются в течение жизни, если не предпринимаются специальные коррекционные меры.

Дезадаптация проявляется различными способами:

– экономия психических ресурсов приводит к неадекватной оценке рисков, увеличивая вероятность импульсивных преступлений;

– агрессивные черты снижают способность к мирному разрешению конфликтов, повышая риск насилия;

– инфантильность и ригидность блокируют поиск альтернативных решений, например, легальных способов заработка вместо преступлений;

– низкие коммуникативные навыки ограничивают доступ к поддержке и социальным ресурсам, что усиливает дезадаптацию.

Механизмы формирования агрессии у данных женщин требуют особого внимания [3]. У 79,7 % наблюдается низкая эмоциональная регуляция и отсутствие навыков конструктивного разрешения конфликтов. Это проявляется в конфликтности и склонности к конфронтации, особенно при восприятии угрозы со стороны окружающих. Импульсивность и раздражительность связаны с экономией психических ресурсов, что приводит к бурным реакциям без оценки последствий.

Жестокость может быть как завуалированной (психологическое давление), так и открытой (физическое насилие). Данная черта часто формируется в детстве и становится автоматической реакцией на стрессовые ситуации. Склонность к асоциальным поступкам проявляется в умышленном нарушении законов или социальных норм.

Для преодоления дезадаптации необходимо внедрение комплексных программ, включающих психокоррекционные мероприятия (тренинги по управлению эмоциями, развитию критического мышления, работа с тревожностью), социально-ролевую реабилитацию через группы поддержки и развитие коммуникативных навыков. Особое внимание следует уделять активации внутренней мотивации через постановку реалистичных целей и оказание помощи в их достижении.

Эффективная ресоциализация невозможна без социальной поддержки, которая должна включать программы трудоустройства, образовательные курсы и помощь в решении жилищных проблем. Необходимо также обеспечить медико-психологическое сопровождение, направленное на работу с травмами и зависимостями, а также проведение индивидуальной терапии для устранения дезадаптационных симптомов.

Важным аспектом является межведомственное взаимодействие между УИИ, социальными службами, психологами и общественными организациями. Это позволяет создавать системный подход в работе с данной категорией женщин, включающий мониторинг психического состояния и раннее выявление кризисных ситуаций.

На наш взгляд, профилактика дезадаптации должна включать следующие направления:

– развитие эмоциональной регуляции через специальные тренинги;

– формирование когнитивной гибкости и навыков конструктивного конфликтного разрешения;

– поддержка в развитии социальных навыков и установлении доверительных отношений;

– создание безопасных пространств для саморефлексии и обсуждения проблем.

Создание эффективных индивидуальных программ ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации требует учета следующих факторов:

– индивидуализация подхода с учетом психологических особенностей каждой женщины;

– комплексное воздействие на различные аспекты жизни (профессиональную, семейную, социальную сферы).

– включение элементов долгосрочной поддержки после завершения индивидуальных программ ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации.

В заключение отметим, что социально-психологические характеристики женщин, состоящих на учете УИИ, требуют системного подхода к воспитательной работе. Интеграция психологических коррекционных программ, экономической поддержки и межведомственного взаимодействия может стать ключевым фактором снижения рецидивной преступности и успешной социальной адаптации. Создание безопасных пространств для саморефлексии, развитие социальных навыков и предоставление реальной возможности для изменения жизненной траектории являются необходимыми условиями для преодоления криминогенного потенциала.

Пристатейный библиографический список

1. Колесникова Н. Е. Психологическое сопровождение осужденных, отбывающих наказание без изоляции от общества: учебное пособие для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2020. - С. 28. [Электронный ресурс] // Образовательная платформа Юрайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://urait.ru/bcode/447407 (дата обращения: 05.05.2025).
2. Макаркина О. Е., Дворецкий Д. А. Ключевые моменты дезадаптации осужденных женщин, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний, Рязань, 17-18 ноября 2022 года. Т. 2. - Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. - С. 250.
3. Зауторова Э. В. Характеристика конфликтного поведения осужденных женщин молодежного возраста // Жизненные траектории личности в современном мире: социальный и индивидуальный контекст: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Кострома, 18-19 апреля 2024 года. - Кострома: Костромской государственный университет, 2024. - С. 125.

ОРЕХОВА Наталья Александровна
преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Воронежский институт МВД России, майор полиции

МУГИНОВА Зульфия Радиковна
старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, подполковник полиции

ГУЩИН Дмитрий Николаевич
старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Ростовский юридический институт МВД России, подполковник полиции

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ МЕДИАПРОСТРАНСТВА НА СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Настоящая статья посвящена актуальной и социально значимой проблеме - суициду, рассматриваемой в контексте глобальной статистики и тенденций, характерных для современного мира. Авторами представлен анализ распространенности суицидального поведения, особое внимание уделено возрастным группам, наиболее подверженным риску. В статье приводятся данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) за 2023 год, свидетельствующие о значительной частоте суицидальных актов в мире и о месте России в этой статистике. Проводится обзор исследований, выявляющих связь между медийным освещением суицидов и последующим ростом их числа. Акцентируется внимание на роли информационно-коммуникационных технологий, в частности, Интернета, в формировании и реализации суицидальных намерений. Авторы отмечают, что в условиях расширенного доступа к Интернету молодежь получает доступ к обширному спектру информации о методах совершения самоубийств, что создает предпосылки для формирования сообществ с суицидальными наклонностями. Подчеркивается необходимость дальнейших комплексных исследований, направленных на изучение влияния различных интернет-ресурсов на динамику показателей самоубийств, что обусловлено эволюцией виртуальной среды и ее широким проникновением в повседневную жизнь общества. Статья подчеркивает важность внимания к вопросам психического здоровья и необходимость разработки эффективных стратегий профилактики суицидального поведения.

Ключевые слова: суицид, суицидальное поведение, правовая регламентация профилактики суицида, медиапространство, девиантное поведение.

OREKHOVA Natalya Alexandrovna
lecturer of Administrative activities of the internal affairs bodies sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia, major of police

MUGINOVA Zulfiya Radikovna
senior lecturer of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

GUSHCHIN Dmitry Nikolaevich
senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

FEATURES OF THE INFLUENCE OF THE MEDIA SPACE ON SUICIDAL BEHAVIOR IN MINORS

This article is devoted to an urgent and socially significant problem - suicide, considered in the context of global statistics and trends characteristic of the modern world. The authors present an analysis of the prevalence of suicidal behavior, with special attention paid to the age groups most at risk. The article provides data from the World Health Organization (WHO) for 2023, indicating a significant frequency of suicidal acts in the world and Russia's place in these statistics. A review of studies revealing a link between media coverage of suicides and the subsequent increase in their number is being conducted. Attention is focused on the role of information and communication technologies, in particular, the Internet, in the formation and realization of suicidal intentions. The authors note that with expanded access to the Internet, young people gain access to a wide range of information about suicide methods, which creates prerequisites for the formation of communities with suicidal tendencies. The need for further comprehensive research aimed at studying the impact of various Internet resources on the dynamics of suicide rates is emphasized, which is due to the evolution of the virtual environment and its widespread penetration into the daily life of society. The article highlights the importance of attention to mental health issues and the need to develop effective strategies to prevent suicidal behavior.

Keywords: suicide, suicidal behavior, legal regulation of suicide prevention, media space, deviant behavior.

Суицид представляет собой значимую глобальную проблему в сфере общественного здравоохранения (далее - ВОЗ), ежегодно приводя к летальному исходу более чем 700 тысяч людей. Согласно статистическим данным ВОЗ, акт самоубийства занимает четвёртое место среди причин смертности в возрастной категории от 15 до 29 лет.

Вопросы профилактики суицидального поведения среди несовершеннолетних законодательно урегулированы в следующих нормативно-правовых актах: статья 9 и 14 Федерального закона Российской Федерации от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; статья 5 Федерального закона Российской Федерации от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»; статья 41 Федерального закона об образовании от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; Кодексе РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ; Уголовном кодексе РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ; Постановлении Правительства Российской Федерации от 26.10.2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

Однако статистические данные свидетельствуют о том, что одной лишь регламентации профилактики суицидального поведения недостаточно. Согласно статистическим данным, представленным ВОЗ, в течение 2023 года наблюдалась глобальная частота суицидальных актов, равная 11,4 случая на 100 000 населения. Следует отметить, что данный показатель демонстрирует значительную дисперсию, коррелируя с различными социально-экономическими и культурными факторами, характерными для отдельных государств.

Отметим, по данным, полученным по итогам 2019 года, Россия занимала печальное четвертое место в мире по количеству суицидов, с показателем 24,1 случая на 100 тысяч человек. Однако, по итогам 2023 года ситуация не улучшилась: страна переместилась на девятое место с показателем 25,1 суицидов на 100 тысяч человек. Эти цифры подчеркивают важность внимания к вопросам психического здоровья и необходимости поддержки тех, кто в ней нуждается [5].

В современной России наблюдается значительная социально-психологическая проблематика, связанная с высоким уровнем суицидального поведения среди подростков и молодежи. Исследования, проведенные специалистами Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени В. П. Сербского, указывают на тревожную тенденцию: ежегодно в России фиксируется суицидальная смерть 200 детей в возрасте от 10 до 14 лет и 1800 подростков в возрастной категории от 15 до 19 лет. Примечательно, что каждый двенадцатый подросток в данной возрастной группе совершает попытку самоубийства в течение года.

Многие авторы отмечают повышение количества попыток суицида в период пандемии Covid-19 [3].

Исследования, проведенные под руководством Д. П. Филлипса и его коллег, выявили корреляцию между распространением информации о самоубийствах и увеличением числа последующих случаев суицидальных актов. В частности, было зафиксировано, что медийное освещение суицидов, особенно через телевизионные каналы, может способствовать временному росту уровня самоубийств. Филлипс отметил, что пик этого эффекта наблюдается в течение десяти дней после публикации или трансляции соответствующих новостей.

Существует предположение, что суициды знаменитостей, особенно тех, кто является кумиром молодежи, могут оказывать наиболее сильное влияние на поведение несовершеннолетних. Тем не менее, связь между театральными и музыкальными произведениями и суицидальным поведением остается недостаточно изученной, и в настоящее время существует лишь ограниченное количество предположений на этот счет.

В контексте эволюции информационно-коммуникационных технологий и широкомасштабного проникновения Интернета в повседневную жизнь общества, актуализируется необходимость глубокого анализа новых феноменов, связанных с виртуальной средой. В рамках глобальной сети функционируют как ресурсы, содержащие информацию, потенциально способствующую формированию и реализации суицидальных тенденций среди пользователей, так и специализированные платформы, ориентированные на профилактику данных явлений. Однако на сегодняшний день отсутствуют комплексные исследования, посвященные изучению влияния указанных интернет-ресурсов на динамику статистических показателей самоубийств.

В условиях расширенного доступа к Интернету молодежь получает доступ к обширному спектру информации о методах совершения самоубийств, что создает предпосылки для формирования сообществ с суицидальными наклонностями. Веб-ресурсы, содержащие материалы, связанные с самоубийствами и самоповреждениями, подвергаются критике в научных публикациях и медиа, где отмечается их потенциальная способность индуцировать эпидемию суицидальных актов и самоповреждающего поведения, при этом некоторые из них классифицируются как просуицидальные. В то же время, исследователи отмечают и положительное воздействие определенных интернет-ресурсов на подростковую и молодежную аудиторию, указывая на их роль в снижении эмоционального напряжения и предоставлении выхода для негативных эмоций. Некоторые веб-сайты также содержат рекомендации для обращения за профессиональной помощью в случае кризисных состояний.

В исследовании, проведенном Д. Бейкером и С. Фортуне, была предпринята попытка анализа недостаточно изученной проблематики, связанной с воздействием просуицидальных интернет-ресурсов на психическое здоровье молодежи. Авторы указывают на отсутствие достаточного количества эмпирических данных для формулирования однозначных выводов о потенциально негативном воздействии таких сайтов. Работа фокусируется на проблеме самоагрессии и суицидальных тенденций среди молодежи, активно участвующей в онлайн-сообществах, где распространяются сведения о методах самоубийства, и осуществляется обмен опытом через форумы и чаты [2].

В рамках исследования были проведены полуструктурированные интервью с десятью участниками, которые регулярно посещали данные интернет-ресурсы. Сбор данных осуществлялся в течение трех месяцев и включал в себя отправку приблизительно тридцати электронных писем. Анализ полученной информации выполнялся с применением метода Фуколдианского анализа дискурса (FDA).

Объектами исследования стали женщины в возрасте от 18 до 33 лет, которые на момент проведения исследования имели опыт взаимодействия с просуицидальными сайтами в течение периода от трех месяцев до трех лет. Результаты исследования могут способствовать лучшему пониманию влияния интернет-сообществ на психическое состояние молодых людей и служить основой для разработки мер профилактики самоагрессивного поведения и суицидальных настроений.

Отметим и региональный аспект. Министр внутренних дел Башкирии Александр Александрович Прядко в своем выступлении в Курултае с отчетом о деятельности министерства в 2024 году указал на «необоснованно высокую» статистику по детским суицидам. В Башкирии число попыток самоубийств у подростков выросло более чем на 70 %, был зарегистрирован 121 случай. По этому показателю республика находится на четвертом месте в ПФО и «практически на четвертом месте в России» [4].

Как справедливо отмечает Р. Г. Ардашев: «Важность функционирования сетевых потоков информации не вызывает сомнений, но необходима более жесткая цензура для работы подобных социальных страниц и сайтов, необходима жесткая система наказаний для модераторов подобных сообществ» [1].

Таким образом, необходимы совместные усилия всех уровней власти, образовательных учреждений и общественных организаций для разработки и реализации комплексных программ, направленных на предотвращение подобных трагедий. Подчеркнем важность повышения осведомленности родителей о проблемах подростков, необходимости создания безопасной и поддерживающей среды в школах и семьях. Также усиленный контроль за ситуацией в социальных сетях, где подростки могут сталкиваться с деструктивным контентом.

Пристатейный библиографический список

1. Ардашев Р. Г. Влияние медиапространства на суицидальное поведение молодежи // Социология. - 2023. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-mediaprostranstva-na-suitsidalnoe-povedenie-molodezhi (дата обращения: 28.05.2025).
2. Baker D., Fortune S. Understanding self-harm and suicide websites. A qualitative interview study of young adult website users // Crisis. - 2008. - Vol. 29 (3).
3. Чагин В. С. Молодежный суицид в период пандемической самоизоляции // Социология. - 2022. - № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-suitsid-v-period-pandemicheskoy-samoizolyatsii (дата обращения: 28.05.2025).
4. Официальный сайт Министерства внутренних дел по Республике Башкортостан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://02.мвд.рф/news/item/61630181/.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.geeksforgeeks.org/countries-with-the-highest-suicide-rate-in-the-world/.

ЮЗЬВАК Сергей Анатольевич
преподаватель кафедры специальных дисциплин, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь, майор полиции

ХРУЩЕВ Александр Викторович
старший преподаватель кафедры огневой подготовки, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

МУХАТАЕВ Николай Анатольевич
преподаватель кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, старший лейтенант полиции

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ, ПРОХОДЯЩИХ СЛУЖБУ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена актуальной проблеме изучения клинико-психологических особенностей сотрудников полиции, проходящих службу в особых условиях, с целью выявления факторов, негативно влияющих на их психическое здоровье, и разработки эффективных мер психологической поддержки и профилактики. Обосновывается, что систематическое воздействие стрессовых ситуаций, повышенного риска для жизни и здоровья, а также необходимость принятия быстрых и ответственных решений, оказывают кумулятивный эффект на психику сотрудников, приводя к развитию различных негативных состояний.

В статье рассматриваются наиболее распространенные клинико-психологические проблемы, такие как профессиональное выгорание, посттравматические стрессовые расстройства (ПТСР), тревожные и депрессивные расстройства, нарушения сна и повышенный уровень агрессии. Подчеркивается, что данные состояния могут негативно сказываться на мотивации, эффективности работы, качестве жизни сотрудников и, в конечном итоге, на безопасности общества.

Авторы отмечают необходимость комплексного и системного подхода к медико-психологической реабилитации с учетом ключевых психологических факторов, определяющих состояние и поведение сотрудников, подвергающихся воздействию экстремальных условий службы.

Ключевые слова: особые условия, сотрудники полиции, стресс, фрустрация, ПТСР, профессиональное выгорание.

YUZVAK Sergey Anatoljevich
lecturer of Special disciplines sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol, major of police

KHRUSHCHEV Alexander Viktorovich
senior lecturer of Fire training sub-faculty, Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Krasnoyarsk

MUKHATAEV Nikolay Anatoljevich
lecturer of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF POLICE OFFICERS SERVING IN SPECIAL CONDITIONS

The article is devoted to the urgent problem of studying the clinical and psychological characteristics of police officers serving in special conditions in order to identify factors that negatively affect their mental health and develop effective measures of psychological support and prevention. It is proved that the systematic impact of stressful situations, increased risk to life and health, as well as the need to make quick and responsible decisions, have a cumulative effect on the psyche of employees, leading to the development of various negative conditions.

The article examines the most common clinical and psychological problems, such as professional burnout, post-traumatic stress disorder (PTSD), anxiety and depressive disorders, sleep disorders and increased aggression. It is emphasized that these conditions can negatively affect motivation, work efficiency, the quality of life of employees and, ultimately, the safety of society.

The authors note the need for an integrated and systematic approach to medical and psychological rehabilitation, taking into account key psychological factors that determine the condition and behavior of employees exposed to extreme conditions of service.

Keywords: special conditions, police officers, stress, frustration, PTSD, professional burnout.

Современное общество сталкивается с формированием новых видов преступности, террористическими угрозами и сложными социально-политическими вызовами. В этой непростой обстановке, сотрудники полиции находятся на передовой линии борьбы с негативными явлениями, ежедневно подвергаясь воздействию стрессовых ситуаций, повышенному риску для жизни и здоровья, а также необходимости принимать быстрые и ответственные решения. Особенно остро эта проблема проявляется у сотрудников, проходящих службу в особых условиях, где специфика профессиональной деятельности сопряжена с экстремальными факторами и повышенной психоэмоциональной нагрузкой. В связи с этим, изучение клинико-психологических особенностей данной категории сотрудников, выявление факторов, оказывающих негативное влияние на их психическое здоровье, а также разработка эффективных мер психологической поддержки и профилактики, представляются крайне важными и актуальными задачами. Недостаточное внимание к этим вопросам может привести к снижению эффективности профессиональной деятельности сотрудников полиции, ухудшению качества их жизни, а также к негативным последствиям для общества в целом.

Процесс психологической подготовки сотрудников полиции к действиям в особых условиях урегулирован приказом МВД России от 25 декабря 2020 года № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», а так же в статье 35 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5].

Необходимость работы в условиях стресса оказывает кумулятивный эффект на психику, приводя к развитию раз-

личных психопатологических состояний. В числе наиболее распространенных клинико-психологических проблем у сотрудников полиции, работающих в особых условиях, выделяют профессиональное выгорание, посттравматические стрессовые расстройства (ПТСР), тревожные и депрессивные расстройства, нарушения сна и повышенный уровень агрессии. Профессиональное выгорание, характеризующееся эмоциональным истощением, деперсонализацией и снижением чувства личных достижений, может приводить к снижению мотивации, цинизму и ухудшению качества выполнения профессиональных обязанностей. ПТСР, развивающееся после пережитого травматического события, проявляется в навязчивых воспоминаниях, кошмарных сновидениях, избегании стимулов, напоминающих о травме, а также в повышенной возбудимости и раздражительности. Тревожные и депрессивные расстройства, в свою очередь, могут проявляться в постоянном чувстве тревоги, беспокойства, подавленности, снижение интереса к жизни и утрате способности получать удовольствие. Нарушения сна, такие как бессонница и кошмарные сновидения, усугубляют психоэмоциональное состояние сотрудников, приводя к повышенной утомляемости, снижению концентрации внимания и ухудшению когнитивных функций. Таким образом, служба в особых условиях оказывает негативное влияние на психическое здоровье сотрудников полиции, приводя к развитию психологических проблем, что подчеркивает необходимость проведения комплексного исследования данной проблематики.

Анализ практики реабилитации сотрудников в различных регионах России (показывает, что работа по комплексной реабилитации часто организовывается бессистемно, т.е. отсутствуют единые принципы и причинно обоснованный психологический подход, редко применяются концептуально обоснованные методы психокоррекции психологических донозологических реакций и нарушений [3].

Служба в особых условиях оказывает многогранное воздействие на сотрудников полиции, запуская сложный комплекс психологических реакций и процессов.

Все этапы медико-психологической реабилитации лиц с психическими травмами предусматривают комплексное воздействие специалистов [4]. Однако, для понимания клинико-психологических особенностей данной категории необходимо тщательно проанализировать ключевые психологические факторы, определяющие их состояние и поведение. Эти факторы можно условно разделить на несколько групп, каждая из которых вносит свой вклад в формирование картины психологического благополучия или неблагополучия сотрудника.

Постоянная подверженность стрессовым ситуациям, таким как угроза нападения, необходимость быстрого реагирования на происшествия, работа в условиях дефицита времени и ресурсов, а также ответственность за жизнь и безопасность других людей, приводит к хроническому стрессу. Хронический стресс, в свою очередь, оказывает негативное влияние на физическое и психическое здоровье, повышая риск развития различных психосоматических заболеваний, тревожных и депрессивных расстройств, а также профессионального выгорания.

Служба в особых условиях часто связана с переживанием травматических событий, таких как участие в боевых действиях, столкновение с насильственной смертью, оказание помощи жертвам преступлений и катастроф. Травматические события могут приводить к развитию посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), характеризующегося навязчивыми воспоминаниями, кошмарными сновидениями, избеганием стимулов, напоминающих о травме, и повышенной возбудимостью. Как справедливо отмечают Я. Я. Белик., И. О. Котенев: «Особое внимание должно уделяться профилактике последствий десинхроноза, состояний утомления и переутомления, «профессионального выгорания», психологической демобилизации и гипермобилизации, психологического дистресса и посттравматических стрессовых состояний» [1].

Работа в особых условиях часто характеризуется высокой степенью неопределенности и непредсказуемости. Сотрудники должны быть готовы к любым неожиданностям и быстро адаптироваться к меняющимся обстоятельствам. Неопределенность и непредсказуемость могут вызывать чувство тревоги и беспокойства, а также затруднять планирование и контроль над ситуацией.

Специфика профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, функционирующих в условиях повышенного риска и экстремальных ситуаций, обусловливает высокую вероятность возникновения интра- и экстраорганизационных конфликтных ситуаций. Данные конфликты, проявляющиеся в межличностных и иерархических взаимодействиях внутри организации, а также в контактах с гражданским населением и представителями криминальной среды, способны провоцировать психоэмоциональное напряжение, эскалацию агрессивных реакций и, как следствие, снижение оперативной эффективности [2].

Непосредственный и систематический контакт с травмирующими событиями, человеческим страданием и проявлениями насилия оказывает существенное негативное воздействие на психоэмоциональное состояние сотрудников полиции. Необходимость подавления эмоциональных реакций, обусловленная требованиями профессиональной беспристрастности, может способствовать развитию синдрома эмоционального выгорания, проявляющегося в эмоциональном истощении и деперсонализации. Понимание взаимодействия этих психологических факторов является необходимым условием для разработки эффективных мер психологической поддержки и профилактики нарушений психического здоровья у сотрудников полиции, проходящих службу в особых условиях.

Пристатейный библиографический список

1. Белик Я. Я., Котенев И. О. Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел к действиям в условиях террористического акта // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2001. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-podgotovka-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-k-deystviyam-v-usloviyah-terroristicheskogo-akta (дата обращения: 18.05.2025).
2. Цуканов В. Н. Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел в условиях противодействия терроризму // Вестник Прикамского социального института. - 2015. - № 1 (69). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-podgotovka-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-v-usloviyah-protivodeystviya-terrorizmu (дата обращения: 28.05.2025).
3. Човдырова Г. С., Клименко С. К. Проблемы медико-психологической реабилитации личного состава МВД России, осуществляющего оперативно-служебную деятельность в экстремальных условиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2004. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-mediko-psihologicheskoy-reabilitatsii-lichnogo-sostava-mvd-rossii-osuschestvlyayuschego-operativno-sluzhebnuyu-deyatelnost (дата обращения: 18.05.2025).
4. Човдырова Г. С., Рассыпина Л. В. Проблемы экстремальной патопсихологии // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2002. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ekstremalnoy-patopsihologii (дата обращения: 18.05.2025).
5. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // СЗ РФ. - 2011. - № 49 (ч. I). - Ст. 7020.

АСАДУЛЛИН Мурад Ринатович
кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности, Институт истории и государственного управления, Уфимский университет науки и технологий

Асадуллин М. Р.

РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТОВ В СПОРТЕ: ОЦЕНКА ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье дается оценка понятий, имеющих существенное юридическое значение при разрешении конфликтов в спортивной среде. Обращается внимание на то, что разногласия по техническим аспектам редко имеют конкретную юридическую природу. Спорт в большей или меньшей степени организован и поэтому основная масса спорных ситуаций в нём разрешается в ходе соревнований судьёй (судьями) на основе заранее согласованных правил. Делается вывод, что разночтения полученных результатов во время соревнований или после них обычно проявляются в случаях, когда отсутствуют заранее введенные и ясные правила об определении результатов или порядка принятия решений, касающихся участия в соревнованиях.

Ключевые слова: спор, правила, КАС, разногласия, медиация, спорт, спортивный спор.

ASADULLIN Murad Rinatovich
Ph.D. in Law, associate professor of Economic and legal security sub-faculty, Institute of History and Public Administration, Ufa University of Science and Technology

CONFLICT RESOLUTION IN SPORTS: EVALUATING TERMINOLOGY

The article provides an assessment of concepts that are of significant legal importance in resolving conflicts in the sports environment. It is noted that disagreements on technical aspects rarely have a specific legal nature. Sports are more or less organized, and therefore most disputes are resolved during competitions by an umpire (umpires) based on pre-agreed rules. It is concluded that discrepancies in the results obtained during or after the competition usually occur in cases where there are no pre-established and clear rules for determining the results or the procedure for making decisions regarding participation in the competition.

Keywords: dispute, rules, CAS, disagreement, mediation, sports, sports dispute.

Разрешение конфликтов и споров, безусловно, можно отнести к одной из необходимых и неизбежных функций правовой самоорганизации спорта уже потому, что сама такая организация как раз и предполагает наличие твердых и понятных правил, позволяющих избежать коллизий и других проявлений неопределенности. А там и тогда, когда участники отношений возражают против условий их толкования, понимания и (или) применения, полагая его неверным и недопустимым, данная система положений, если она действительно «система», а не случайно сложенный набор правил, позволяет выбрать и использовать механизм устранения либо снятия противоречий (разногласий).

В связи с этим, в первую очередь, высказать некоторые суждения об используемой в этой сфере терминологии и дать ей краткую оценку.

Вне зависимости от устоявшихся обиходных представлений, надо учитывать, что различие между понятиями «разногласия» и «спор» исходно лежит и в лингвистических отличиях, позволяющих осознавать возникновение первых (т.е. «разногласий») в среде (сообществах), где каждый имеет юридически установленное право проявить волю и выразить её вне зависимости от того, каким будет итоговое решение. Таковы, например, случаи, когда в корпорации часть участников голосует иначе, нежели большинство. Близко к «разногласиям» и понятие «конфликт», ясно указывающее на наличие противоположных взглядов [1]. В праве последние десятилетия термин «конфликт» стал всё чаще использоваться с другой коннотацией, например, так, выражение «конфликт интересов» означает не наличие спора, а вероятность проявления интереса отдельного участника в ущерб интересам корпорации. Несомненно, в подобных случаях есть почва и для будущих споров; например, недовольные решением участники корпорации могут посчитать, что их права нарушены и обжалуют решение. Однако только потому, что позиция сторон не совпадает, спора (в его юридическом смысле) еще нет.

Единого понятия «спор» не сложилось. Можно перманентно дискутировать, но без более-менее ясного представления о нём невозможна сама юстиция, данное понятие значимо не только для судопроизводства, но и для права в целом. Применительно к спорту это важно и потому, что, например, разногласия по техническим аспектам нередко не носят юридического характера [3].

По мнению С. С. Шуренковой, под «спортивным спором» надо понимать «конфликт субъектов физической культуры и спорта по поводу взаимных прав и обязанностей в сфере спорта, а также их разногласия, возникающие из отношений, хотя и не являющихся отношениями в сфере спорта, но оказывающих влияние на права и обязанности этих лиц как субъектов физической культуры и спорта»[1]. Но всякий конфликт может протекать и без каких-либо видимых последствий, не все разногласия заметны или имеют внешнее юридическое выражение. Также малосодержательно и определение «индивидуального трудового спора» в ст. 381 Трудового кодекса РФ, поскольку нет ответов на вопрос о том, чем отличается «конфликт» от «спора», а «спор» от «разногласий».

Ближе к правовой характеристике определения «спора» тех исследователей, которые связывают его правовые характеристики с нарушением чьих-либо прав (т.е. акцент переносится на юридическое видение проблемы). Так, М. А. Рожкова под спором о праве понимает «формально признанное разногласие между субъектами гражданского права, возникшее по поводу нарушения или оспаривания» одной стороны другой стороной [2].

Редко, кто обращает внимание на то, что всякая медиация, в том числе и по Федеральному закону от 27.07.2010

1 См. Шуренкова С. С. Спортивный спор. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2021/07/02/sportivnyj_spor (дата обращения: 10.07.2025).

№ 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (п. 2 ст. 7), может проводиться лишь при наличии «спора». Это разумно и позволяет исключить всякие согласительные (примирительные) процедуры только потому, что кого-то не устраивает сложившееся положение дел (место в системе правоотношений, обиды, недовольство и пр.).

Германский правовед Я. Шапп обращает внимание на то, что конфликты были и будут, равно как нередко возникает и недовольство своим местом в сложившейся системе отношений, но всё это ещё не перерастает в состояние, которое можно определить как «правовой спор». Он полагает, что, по общему правилу, спором следует считать случаи, когда кто-то вторгается в сферу интересов другого лица в виде притязания на его субъективные права [4]. Данное рассуждение весьма содержательно и фактически переводит акцент из бытовой оценки в юридическую сферу: именно нарушение прав другого или угроза их нарушения, выраженная в конкретных действиях, заявлениях, исках, иных притязаниях, и говорит о споре. Спор явно есть и в случае предъявления требований о совершении определенных действий (при всех отличиях формы процессуального участия).

Таким образом, что «спор», если оставаться на позициях правоведения, всегда отличается тем, что действия (не только физические) одного из субъектов правоотношений вызывают лишение (ущемление) субъективных прав другого либо создают угрозу этого. В спорте далеко не всегда встречается именно «спор», поскольку эмоциональное напряжение и приверженность конкретной команде (спортсмену) либо желание личной победы нередко рождает психологические переживания (страсти) без ущемления прав других.

Далее следует обратить внимание на то, что всякий спорт (и профессиональный, и даже дворовый) в большей или меньшей степени организован и поэтому основная масса спорных ситуаций в нём разрешается в ходе соревнований судьёй (судьями) на основе заранее согласованных правил, что принципиально значимо для формирования базового для спорта правоотношения – о номинации и награждении победителя. Спорт основан на противоборстве, завершающимся фиксацией результатов и их объявлением (непременный компонент состязания). В рамках идущих соревнований вопросы, недоумения, неясности разрешает судейский корпус конкретных соревнований (судья, судьи либо главный судья, исходя из вида спорта), предполагая, что он в достаточной степени квалифицирован. Практически во всех странах принято устанавливать квалификацию судей[2]. Но судья принимает решения для актуальной игровой ситуации и только в пределах игры (матча, иного предусмотренного периода).

В тех случаях, когда судья делает предупреждение или принимает решение о наказании за отказ совершить ритуал приветствия, надо учитывать, что приветствия присутствующим и сопернику (в той или иной форме, типичной для конкретного вида спорта) входят в состав соответствующего поединка и составляют именно юридическую обязанность спортсмена. Так, в ст. 48 Спортивного регламента КХЛ прямо указано, что «послематчевое рукопожатие после окончания каждого матча «хоккеисты игравших команд обязаны участвовать в послематчевом рукопожатии». Данное правило трудно объяснить без учета основополагающих принципов ОХ, как минимум, её первого принципа («Олимпизм представляет собою философию жизни … стремится к созданию образа жизни, основывающегося на радости от усилия, воспитательной ценности хорошего примера, социальной ответственности и уважении к всеобщим основным этическим принципам»). Он может определенным образом интерпретировать имеющиеся правила, но в пределах границ, уже установленных понятиями и техническими параметрами соответствующего вида спорта. При этом волевое, техническое или тактическое превосходство, а равно и физическое состояние соперника после боя, общественное мнение, сами по себе, не могут повлиять на решение судьи. Например, в практике КАС вложилось весьма сдержанное отношение к возможности пересматривать оценки судьи после поединка, если только нет явных признаков того, что в практике именуется «предвзятость» судьи. Так, спортсмен (боксер), обжаловал результат поединка, но не представил каких-либо данных, говорящих о недобросовестном или предвзятом судействе. А при обжаловании результатов он сослался на то, что его соперник покинул ринг с помощью сопровождающих[3].

Сегодня даже трудно представить, какой путь проделан в спорте относительно техники и технологий для этого: от крика организатора или взмаха рукой, дающего «старт» до лазерных и электронных устройств, позволяющих установить до долей секунды иди микрона истинный результат. Впрочем, и здесь трудно обойтись без обобщений или упрощений. Например, долго обсуждался вопрос, следует ли засчитывать как «очко» частичное попадание теннисного мяча в разграничивающую линию, надо ли учитывать площадь (объём) её касания. В конечном счете было признано, что достаточно любого касания, постольку линия есть часть корта (игровой площадки).

В итоге интенсивного развития технологий и оптимизации блока правил, относящихся к категории «технических», значительная часть проблем с определением результата исчезла, «разногласий» становится всё меньше, и они все реже перерастают в «споры». Это результат многолетней серьезной работы, касающейся как соревнований, так и формирования основы для вынесения решений в спортивном арбитраже. И ныне основная группа правил спорта может быть поименована как именно «технические» положения; так, в Правилах вида спорта «Настольный теннис»[4] основная часть положений отведена для решения казалось бы «избыточных» вопросов о допустимой «поверхности стола», «материала ракетки», размещения и «комплекта сетки», оценки попадания мяча на игровую часть стола, «оборудованию», расположению рук и даже допустимой одежде … И всё это необходимо, поскольку способно привести к явному преимуществу одного спортсмена над другим (сила удара и траектория отскока мяча во многом зависят от трения). Перед нами пример реального и эффективного влияния правовой организации спорта на успешное развитие его конкретного вида.

Таким образом, разночтения полученных результатов во время соревнований или после них обычно проявляются в случаях, когда отсутствуют заранее введенные и ясные правила об определении результатов или порядка принятия решений, касающихся участия в соревнованиях. Когда-то (изначально) они отсутствовали или были весьма неточны и условны, в том числе и потому, что не были согласованы единицы и способы измерения времени, расстояний, скорости.

Пристатейный библиографический список

1. Гурылева К. И. Конфликт интересов как причина злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве) // Хозяйство и право. – 2022. – № 5. – С. 88-95.
2. Рожкова М. А. Понятие спора о праве гражданском // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 98-102.
3. Стрельцова Е. Г. Организация разрешения споров в сфере спорта на национальном уровне // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 9. – С. 36-40.
4. Шапп Ян. Система германского гражданского права: учебник / Пер. с нем. С. В. Королева. – М., 2006. – С. 24-26.

2 См., например: Приказ Минспорта России от 28.02.2017 № 134 «Об утверждении положения о спортивных судьях». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.07.2025).

3 CAS OG 20/15 Yuberjen Martínez & Colombian Olympic Committee & Colombian Boxing Federation v. IOC Boxing Task Force.

4 Утверждены приказом Минспорта РФ от 19.12.2017 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minsport.gov.ru (дата обращения: 10.07.2025).

ГРЕБИНЮК Никита Максимович
аспирант, Международный институт информатизации и государственного управления имени П. А. Столыпина, г. Москва

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПУБЛИЧНОГО КОНТРОЛЯ МСП: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И БАРЬЕРЫ

Актуальность заключается в исследовании цифровых инструментов публичного контроля малого и среднего предпринимательства (МСП), с акцентом на выявление ключевых барьеров их внедрения и оценку эффективности. Существующие барьеры носят комплексный и взаимосвязанный характер, что минимизирует потенциальную эффективность цифровых инструментов публичного контроля МСП.

Цель исследования – выявление подхода, ориентированного на совершенствование технологий и нормативного регулирования, позволяющего снизить барьеры использования цифровых инструментов публичного контроля для МСП.

Задачами являются: анализ действующей нормативной базы, регулирующей публичный контроль МСП; исследование существующих барьеров, с которыми сталкивается внедрение и использование цифровых инструментов публичного контроля (надзора); выявление проблем, снижающих потенциал цифровых инструментов публичного контроля.

Методы и методология включают комплексный подход, позволяющий объективно оценить эффективность цифровых инструментов публичного контроля МСП и выявить ключевые барьеры внедрения таких инструментов. Такой подход позволяет всесторонне оценить эффективность цифровых инструментов и выработать практические рекомендации по их совершенствованию.

По итогу проведенного исследования были сформулированы следующие выводы: одним из главных барьеров является отсутствие единой цифровой экосистемы, что приводит к фрагментации данных и увеличению административной нагрузки на предпринимателей. Релевантно внедрение цифровых двойников МСП, представляющих собой виртуальные копии предприятий с агрегированными данными из различных государственных систем в едином защищенном профиле.

Ключевые слова: цифровые инструменты, публичный контроль, малое и среднее предпринимательство, цифровые двойники, цифровизация, административные барьеры, безопасность данных, государственный надзор.

GREBINYUK Nikita Maximovich
postgraduate student, P. A. Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, Moscow

DIGITAL TOOLS FOR PUBLIC CONTROL OF SMES: EFFICIENCY AND BARRIERS

The relevance lies in the study of digital tools for public control of small and medium-sized enterprises (SMEs), with an emphasis on identifying key barriers to their implementation and evaluating their effectiveness. The existing barriers are complex and interrelated, which minimizes the potential effectiveness of digital tools for public control of SMEs.

The purpose of the study is to identify an approach focused on improving technology and regulatory regulation, which reduces barriers to the use of digital public control tools for SMEs.

The objectives are: to analyze the current regulatory framework governing the public control of SMEs; to study the existing barriers faced by the introduction and use of digital tools of public control (supervision); to identify problems that reduce the potential of digital tools of public control.

The methods and methodology include an integrated approach that allows an objective assessment of the effectiveness of digital tools for public control of SMEs and identify key barriers to the implementation of such tools. This approach allows us to comprehensively evaluate the effectiveness of digital tools and develop practical recommendations for their improvement.

Based on the results of the study, the following conclusions were formulated: one of the main barriers is the lack of a unified digital ecosystem, which leads to data fragmentation and an increase in the administrative burden on entrepreneurs. It is relevant to introduce digital counterparts of SMEs, which are virtual copies of enterprises with aggregated data from various government systems in a single secure profile.

Keywords: digital tools, public control, small and medium-sized enterprises, digital twins, digitalization, administrative barriers, data security, state supervision.

В современную эпоху цифровой трансформации субъекты малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) становятся основой экономического развития и инноваций. Их роль в создании рабочих мест, стимулировании конкуренции и повышении социальной стабильности трудно переоценить. Однако для эффективного функционирования и роста МСП необходимы современные инструменты управления и контроля, которые обеспечивают прозрачность, оперативность и доступность государственных услуг. В этой связи цифровые технологии и цифровые платформы публичного контроля выступают важным ресурсом поддержки и развития МСП.

Цифровизация МСП охватывает широкий спектр направлений – от автоматизации бизнес-процессов и внедрения электронных документов до использования больших данных и искусственного интеллекта для анализа рынка и управления рисками. Государственные инициативы, такие как цифровая платформа МСП (мсп.рф), направлены на создание единого пространства для доступа предпринимателей к сервисам поддержки, нормативным актам и образовательным ресурсам. При этом цифровые инструменты публичного контроля способствуют снижению административных барьеров, борьбе с коррупцией и повышению доверия между бизнесом и государством.

Несмотря на значительный потенциал цифровизации, процесс внедрения цифровых технологий в секторе МСП сталкивается с рядом препятствий. К ним относятся недостаток финансовых ресурсов, низкий уровень цифро-

вой грамотности предпринимателей, региональные неравенства в инфраструктуре и вопросы безопасности данных. Только небольшая часть субъектов МСП достигла высокого уровня цифровой зрелости, что требует целенаправленных мер по обучению, финансированию и нормативному регулированию. Кроме того, существует проблема недостаточной изученности эффективности именно цифровых инструментов в публичном контроле за МСП. Возникают вопросы и относительно существующих барьеров, снижающих потенциал цифровых инструментов публичного контроля.

В указанных условиях видится необходимым комплексный анализ эффективности существующих цифровых инструментов публичного контроля за МСП в РФ и выявление ключевых барьеров их развития и использования.

В научной литературе тема цифровых инструментов публичного контроля МСП в последние несколько лет достаточно активно исследуется, фокусируясь как на потенциальной эффективности существующих инструментов, так и на значительных барьерах публичного контроля МСП.

Так, эффективность цифровых инструментов публичного контроля МСП прослеживается в повышении прозрачности и доступности информации [5] и снижении административной нагрузки [6; 7]. С указанным мнением нельзя не согласиться, поскольку цифровые платформы (государственные услуги, порталы надзорных органов, открытые данные) упрощают доступ к требованиям, отчетным формам, результатам проверок. Электронный документооборот, предварительное уведомление о проверках, удаленные форматы взаимодействия экономят время и ресурсы МСП.

Важно отметить и то, что эффективность существующих цифровых инструментов публичного контроля МСП проявляется также в возможности раннего предупреждения и профилактике нарушений за счет анализа данных, позволяющего выявлять риски адресно, переходить от сплошного контроля к риск-ориентированному.

Вместе с тем, несмотря на эффективность существующих цифровых инструментов публичного контроля МСП нельзя не акцентировать внимание и на существующих барьерах, с которыми сталкивается внедрение и использование цифровых инструментов публичного контроля (надзора) в отношении субъектов МСП.

Одним из главных барьеров можно назвать цифровое неравенство [8], заключающееся в неравном доступе к технологиям и навыкам их использования между разными сегментами МСП и регионами. Данный барьер проявляется, во-первых, в отсутствии надежного интернета особенно в малых городах, сельской местности, отдаленных регионах. Вместе с тем, без стабильного соединения онлайн-отчетность, получение уведомлений, использование электронной подписи становится невозможным [4].

Во-вторых, необходимо отметить низкую цифровую грамотность МСП. Так, владельцы и сотрудники МСП (особенно старшего возраста или в традиционных отраслях) часто не обладают достаточными навыками для работы с электронными сервисами, порталами, системами электронного документооборота.

В-третьих, как отмечает Национальное агентство финансовых исследований, регулярно публикующее исследования об уровне цифровой грамотности населения и бизнеса в Российской Федерации, наблюдается нехватка ИТ-специалистов [9]. Так, малые предприятия редко могут позволить себе штатного ИТ-сотрудника для настройки и поддержки цифровых инструментов взаимодействия с контролирующими органами.

Еще одним барьером является фрагментированность и сложность цифровых систем. Данный барьер проявляется в отсутствии единой интегрированной экосистемы. В настоящий момент МСП вынуждены работать с множеством изолированных, не связанных между собой систем разных ведомств: ФНС (личный кабинет, ЕГАИС), Роспотребнадзор (Меркурий, ГИС «Контроль»), Россельхознадзор (ВетИС, Цербер), ПФР, ФСС, Ростехнадзор, Росприроднадзор и т.д. Каждая из этих систем имеет разные интерфейсы и логику работы, требует отдельной регистрации, своего логина, пароля. При этом пользователям необходимо постоянно переключаться между системами, что требует времени и повышает риск ошибок. Данные, поданные в одну систему (например, ФНС), не передаются автоматически в другую (например, Роспотребнадзор), что заставляет МСП дублировать информацию. Несовместимость технических решений создает дополнительные проблемы интеграции корпоративных систем МСП (особенно устаревших) с государственными системами [1; 3].

Нельзя не отметить и правовые и регуляторные барьеры [2], заключающееся в нестабильности и несовершенстве законодательных норм, обеспечивающих функционирование цифровых инструментов публичного контроля. Данные барьеры проявляются в неопределенности правового статуса электронных документов; конфликте норм законодательных актов, регламентирующих цифровизацию в разных сферах правоотношений. В 2025 году одним из примеров конфликта норм законодательства в цифровых инструментах публичного контроля МСП стал конфликт между новыми требованиями Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – Закон № 294-ФЗ) [11], вступающими в силу с 1 марта 2025 года, и ранее действующими нормами, регулирующими традиционные проверки и отчетность.

Новые цифровые механизмы предусматривают автоматизированный мониторинг и дистанционный контроль деятельности МСП через электронные платформы, что должно снизить административную нагрузку. Однако одновременно сохраняются обязательства по проведению выездных проверок и предоставлению бумажной отчетности, что создает противоречия и неопределенность для предпринимателей, увеличивая бюрократическое давление.

В качестве примера можно привести конфликт между положениями норм Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон № 152-ФЗ) [10] и Закона № 294-ФЗ в вопросах направления электронных уведомлений субъектам малого и среднего предпринимательства (МСП).

Согласно ст. 9 Закона № 152-ФЗ, обработка персональных данных, включая направление электронных уведомлений, возможна только с согласия субъекта данных или на иных законных основаниях, что ограничивает возможность рассылки уведомлений без предварительного согласия. В то же время ст. 14 закона № 294-ФЗ допускает использование электронных средств связи для направления уведомлений и предписаний в рамках государственного контроля и надзора, что упрощает взаимодействие контролирующих органов с предпринимателями.

Таким образом, возникает правовой конфликт: нормы закона о персональных данных требуют строгого соблюдения конфиденциальности и согласия, а закон о контроле предусматривает возможность обязательного направления уведомлений без дополнительного согласия, что создает неопределенность для практики применения, а также подрывает доверие к цифровым инструментам,

которые должны быть потенциально удобным и быстрым электронным каналом уведомлений, а не инструментом, блокирующим действия государственных органов и МСП.

Резюмируя вышесказанное можно констатировать, что существующие барьеры носят комплексный и взаимосвязанный характер, снижая потенциальную эффективность цифровых инструментов публичного контроля МСП.

В ограниченных рамках настоящего исследования не представляется возможным разработать все возможные подходы, направленные на минимизацию барьеров использования цифровых инструментов публичного контроля для МСП, поскольку существующая проблема должна решаться на основании комплексного подхода, включающего как совершенствование цифровых решений, так и изменение законодательства. Вместе с тем, видится правильным выработка решения, устраняющего один из ключевых барьеров – отсутствие единой экосистемы МСП. Так, перспективным видится внедрение цифровых двойников МСП, заключающееся в создании виртуальных копий предприятий МСП, агрегирующих данные из всех госсистем (ФНС, ПФР, Роспотребнадзор) в едином защищённом профиле.

Такой подход позволит решить проблемы фрагментации данных, поскольку автоматическая синхронизация данных исключит дублирование отчётности. Кроме того, снизится нагрузка на МСП за счет того, что контролирующие органы смогут анализировать данные через цифрового двойника, не запрашивая документы непосредственно у МСП. Важно отметить и то, что такой подход позволит повысить безопасность данных за счет того, что МСП будет самостоятельно управлять уровнем доступа к данным (например, разрешая Роспотребнадзору видеть только санитарные показатели). На практики цифровые двойники достаточно активно применяются в промышленности, но не адаптированы для регуляторных нужд МСП и никогда не рассматривались в качестве возможного направления повышения эффективности цифровизации публичного контроля.

По итогу проведенного исследования можно сформулированы следующие выводы:

1. Существующие барьеры носят комплексный и взаимосвязанный характер, снижая потенциальную эффективность цифровых инструментов публичного контроля МСП. Чтобы уменьшить барьеры использования цифровых инструментов публичного контроля для МСП необходим комплексный подход, включающий совершенствование технологий и нормативного регулирования.

2. Одним из главных барьеров является отсутствие единой цифровой экосистемы, что приводит к фрагментации данных и увеличению административной нагрузки на предпринимателей. Предлагаемое решение – внедрение цифровых двойников МСП, представляющих собой виртуальные копии предприятий с агрегированными данными из различных государственных систем в едином защищённом профиле. Такой подход позволит автоматизировать обмен информацией, снизить дублирование отчетности, повысить безопасность данных и предоставить МСП контроль над доступом к информации.

3. Несмотря на успешное применение цифровых двойников в промышленности, их адаптация для нужд публичного контроля МСП остаётся перспективным направлением, способным значительно повысить эффективность цифровизации и качество государственного надзора.

Пристатейный библиографический список

1. Баталов А. С., Бахтизин А. Р. Оценка эффективности внедрения риск-ориентированного подхода и цифровых инструментов в контрольно-надзорной деятельности // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11, № 9. С. 2091-2110.
2. Быстряков А. Я., Шестакова Е. П. Правовые проблемы цифровизации контрольно-надзорной деятельности в отношении субъектов МСП // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 13-18.
3. Дмитриева Н. Е., Руденко Д. Ю. Цифровое неравенство как барьер на пути развития малого и среднего предпринимательства в России // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2021. Т. 16, № 3. С. 398-416.
4. Иванов О. Б. Проблемы использования электронной подписи субъектами малого и среднего предпринимательства в России // Законодательство и экономика. 2020. № 5. С. 35-42.
5. Козырин А. Н. Административная реформа и цифровизация: новые вызовы для контрольно-надзорной деятельности // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 5-18.
6. Кузнецов П. А. Информационные системы в контроле (надзоре): проблемы интеграции и доступности для бизнеса // Конкурентное право. 2022. № 1. С. 36-40.
7. Толстых П. А. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности: возможности и вызовы для бизнеса и власти // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 2. С. 7-30.
8. Якобсон Л. И., Сунгуров А. Ю. (ред.) Цифровая трансформация государственного управления в России: вызовы, тренды, модели. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. 486 с.
9. Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ). Индекс цифровой грамотности граждан РФ: итоги 2023 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nafi.ru/analytics/indeks-tsifrovoy-gramotnosti-grazhdan-rf-itogi-2023-goda/ (дата обращения: 17.06.2025).
10. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3441.
11. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 1.

НЫРОВА Бэлла Руслановна
ассистент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Нырова Б. Р.

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В статье рассматриваются вопросы необходимости интеграции антикоррупционной культуры в процесс формирования традиционных ценностей. Проводится анализ существующих методов антикоррупционного просвещения в учебных заведениях, а также нормативно-правовых актов в области антикоррупционного образования. Особое внимание уделяется роли общественных институтов в формировании у молодого поколения индивидуальной гражданской ответственности и честности. Исследованы примеры успешного опыта разных стран, где упор на традиционные ценности способствовал снижению уровня коррупции и повышению доверия к государственным институтам. Подчеркивается необходимость комплексного подхода к антикоррупционному образованию, которая в равной степени включает в себя и правовые меры, и оценку и культурных особенностей, которые влияют на формирование устойчивой антикоррупционной среды.

Ключевые слова: антикоррупционное просвещение, противодействие коррупции, традиционные ценности, профилактика асоциальных явлений.

NYROVA Bella Ruslanovna
assistant of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Science, Humanitarian Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

FORMATION OF AN ANTI-CORRUPTION CULTURE THROUGH THE PRISM OF TRADITIONAL VALUES

The article discusses the need to integrate an anti-corruption culture into the process of forming traditional values. The analysis of existing methods of anti-corruption education in educational institutions, as well as regulatory legal acts in the field of anti-corruption education, is carried out. Special attention is paid to the role of public institutions in the formation of individual civic responsibility and honesty among the younger generation. Examples of successful experiences from different countries were examined, where the emphasis on traditional values contributed to reducing corruption and increasing trust in public institutions. The need for an integrated approach to anti-corruption education is emphasized, which equally includes legal measures and an assessment of cultural characteristics that influence the formation of a sustainable anti-corruption environment.

Keywords: anti-corruption education, anti-corruption, traditional values, prevention of antisocial phenomena.

В современной России антикоррупционная политика всё чаще увязывается с концепцией традиционных ценностей, что отражает стремление власти бороться с коррупцией не только правовыми, но и идеологическими методами. Этот комплекс юридических и морально-нравственных механизмов свидетельствует о попытке создать единую систему противодействия коррупционным практикам, воздействуя как на правовое сознание граждан, так и на их мировоззренческие установки. Такой подход предполагает, что коррупция — это не просто преступление, но и нарушение моральных норм, проявление девиантного поведения, противоречащее идеалам справедливости, честности и служения общественному благу. Акцент на традиционные ценности, такие как патриотизм, семейные устои, уважение к закону и социальная ответственность, призван сформировать в обществе внутренние барьеры против коррупционных соблазнов. Говоря про формирование антикоррупционной культуры, необходимо отметить, что коррупция — это глубокий социально-культурный феномен, связанный с ценностными установками общества. Она проникает не только в государственные институты, но и в повседневные практики взаимодействия между людьми, становясь частью неформальных правил поведения. Ее устойчивость обусловлена, во-первых, универсальностью — коррупция существует в различных формах практически во всех обществах, адаптируясь к местным условиям. Она поддерживается системой негласных договорённостей, когда взяточничество или злоупотребление должностным положением воспринимаются как «норма» или «неизбежное зло».

Во-вторых, коррупция подпитывается естественными социальными механизмами – такими как стремление к личной выгоде, рациональный экономический эгоизм или родственная солидарность, которая в некоторых культурах превалирует над абстрактными нормами закона. Эти факторы делают коррупцию не просто нарушением правовых норм, а частью повседневных стратегий выживания и улучшения своего положения. Более того, коррупция обладает выраженной адаптивной функцией, выступая альтернативным, а порой и единственно доступным механизмом решения проблем в условиях неэффективности государственных институтов, бюрократических барьеров или чрезмерной регуляции. В таких обстоятельствах взятка или использование связей становятся инструментом «оптимизации» системы, позволяющим обойти искусственные препятствия или ускорить процессы, которые в других случаях могли бы затянуться на месяцы или годы. Затрагивая социально-культурный аспект коррупции, нельзя не отметить парадокс формального осуждения при фактической терпимости [1]. Это культурное противоречие представляет собой одну из ключевых проблем в борьбе с коррупционными практиками. Оно проявляется в разрыве между публичным дискурсом и частными поведенческими

моделями, когда на официальном уровне коррупция однозначно осуждается, принимаются многочисленные законы и стратегии противодействия, а чиновники и публичные лица регулярно заявляют о «нулевой терпимости» к подобным явлениям. В то же время в бытовом сознании сохраняется устойчивая риторика: «Ну как без этого?», «Все так делают», «Иначе ничего не добиться». Это свидетельствует о том, что коррупция воспринимается не как преступление, а как вынужденная практика, без которой невозможно эффективно взаимодействовать с системой. Еще одним проявлением этого противоречия является дифференцированное отношение к коррупции в зависимости от ее масштаба: «крупная» коррупция (казнокрадство, откаты, злоупотребления высокопоставленных чиновников) подвергается резкой критике, поскольку ассоциируется с несправедливостью и угрозой национальной безопасности, вместе с тем мелкие бытовые взятки («благодарность» врачу, гаишнику, учителю или чиновнику низкого уровня) часто оправдываются «нуждой» и даже «гуманностью» – мол, люди вынуждены так поступать из-за низких зарплат или несовершенства системы. В этом контексте коррупция приобретает статус «необходимого зла» – явления, которое осуждается в теории, но на практике считается неизбежным и даже в какой-то мере рациональным. Это создает порочный круг: пока общество внутренне оправдывает мелкую коррупцию, она продолжает воспроизводиться, формируя питательную среду для более крупных злоупотреблений.

Преодоление этой двойственности требует не только законодательных мер, но и трансформации общественного сознания – перехода от пассивного принятия коррупции как нормы к активному неприятию любых ее форм, независимо от масштаба и мотивации. Без этого даже самые строгие законы останутся лишь декларациями, не меняющими реальных практик.

В последние годы российское государство активно продвигает идею о том, что честность, справедливость и патриотизм являются ключевыми элементами традиционных ценностей, которые должны формировать в обществе устойчивое неприятие коррупции. Этот подход предполагает не только правовое, но и идеологическое противодействие коррупции, поскольку она рассматривается не только как уголовное преступление, но и как нарушение морально-нравственных устоев. Так, Федеральный закон «О противодействии коррупции»[1] предусматривает воспитание антикоррупционного сознания (ст. 6) и учет нравственных ценностей при госслужбе (ст.13.3), а Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»[2] – введение в школах курсов «Основы духовно-нравственной культуры народов России», где коррупция подается как нарушение традиционной этики. Необходимо упомянуть и Национальный план противодействия коррупции, который регулярно обновляется, предусматривает антикоррупционное просвещение как обязательный элемент образовательных программ. В частности, в школах и вузах внедряются специальные курсы и мероприятия, направленные на формирование у молодежи антикоррупционного мировоззрения. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[3] закрепляет необходимость пропаганды и продвижения таких важнейших аспектов, как семья, патриотизм, духовность и справедливость. Через их призму предполагается формирование неприятия коррупции, поскольку она трактуется как антиценность, разрушающая общественную мораль. Кроме вышеперечисленных нормативно-правовых актов, важную роль играют подзаконные акты и ведомственные рекомендации - Минобрнауки РФ регулярно обновляет методические рекомендации по антикоррупционному воспитанию в школах, включая разработку специальных учебных модулей, проведение тематических классных часов и внеурочных мероприятий [2].

Однако, как отмечалось ранее, необходимо учитывать ряд устоявшихся культурных факторов, которые требуют не только правового регулирования противодействия коррупции и воспитания, но и изменение «культурного кода» с помощью общественных образовательных институтов. Они играют ключевую роль в формировании антикоррупционной культуры, влияя через такие ключевые механизмы, как школы и вузы [3]. В данный период времени в школьные учебные программы внедряют деловые игры и кейс-стади по противодействию коррупции в рамках дисциплины обществознания, а также вводят практику проведения классных часов для морально-этического воздействия. В высших учебных заведениях в учебные планы внедряют антикоррупционные модули как отдельные дисциплины, а также специальные программы повышения квалификации как для студентов, так и для работников. Так, например, в настоящее время в СПбПУ Петра Великого, антикоррупционное образование и просвещение проводится посредством проведения таких мероприятий как:

– включение антикоррупционных дисциплин в специальный блок Soft Skills (Основы противодействия коррупции) для всех направлений обучения;

– проведение тематических научно-практических конференций, круглых столов (на базе Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы проводится две титульных конференции в год, в рамках которой отдельная секция либо круглый стол выделяется для рассмотрения актуальных вопросов противодействия коррупции);

– проведение правового информирования преподавателей и обучающихся (на базе Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы в течении учебного года проводится цикл лекций с представителями правоохранительных органов);

– повышение квалификации преподавательского состава и лиц, ответственных за профилактику коррупционных правонарушений, по антикоррупционной тематике [4].

Однако, на сегодняшний день, такая тщательная интеграция антикоррупционного просвещения осуществляется не во всех вузах - содержание и объем антикоррупционных дисциплин варьируются в зависимости от вуза. Чаще всего антикоррупционные темы включаются фрагментарно (например, только в курсах права или этики), без системного подхода. К тому же, необходимо понимать, что правовое просвещение должно замыкаться не только на юриспруденции, а должна затрагивать экономику, менеджмент, государственное управление и также технические специаль-

1 Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2 Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3 Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

ности. Как рас на этих специальностях обучающиеся часто воспринимают антикоррупционное образование как «ненужную теорию», не видя связи с реальной жизнью, и как следствие лояльность к коррупционным проявлениям остается на достаточно высоком уровне [5]. Это приводит к тому, что антикоррупционное образование становится фрагментарным, поверхностным и часто формальным. Например, экономические и управленческие специальности зачастую ограничиваются абстрактными рассуждениями о «влиянии коррупции на ВВП» без связи с реальными бизнес-кейсами или корпоративной этикой, технические специальности (например, инженерия, IT, строительство) чаще всего игнорируют тему коррупции вообще, считая её «вне профильной» или «теоретической», не имеющей отношения к их будущей профессиональной деятельности. Такой подход создает серьезный пробел в подготовке специалистов, которые в будущем будут занимать ключевые позиции в государственных и частных структурах. Так инженер, не осознающий этических рисков при закупке оборудования, или программист, не задумывающийся о прозрачности алгоритмов в госпроектах, или воспринимающий формальные процессы как «ненужную бюрократию» может стать участником или косвенным пособником коррупционных схем.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что интеграция антикоррупционного воспитания в образовательный процесс требует не только формального включения дисциплин, но и изменения самой культуры вузов. Необходим комплексный подход, сочетающий просвещение, воспитание и создание среды, где неприятие коррупции становится естественной нормой. В этом может помочь существующий успешный опыт вузов, осуществляющих подобную интеграцию, а именно:

1. Разработка единых образовательных стандартов по антикоррупционному воспитанию с учетом специфики специальностей (хотя бы на уровне многопрофильного университета);

2. Создание междисциплинарных курсов – интеграция антикоррупционных тем в дисциплины, непосредственно связанные с профессиональной деятельностью. Например, для направления «Менеджмент» — анализ корпоративных скандалов и этических решений, для направления «Информационные технологии» — обсуждение цифровых инструментов противодействия коррупции (например, блокчейн для прозрачности контрактов).

3. Внедрение интерактивных методов правового просвещения - кейсы, ролевые игры, встречи с практиками – юристами, сотрудниками правоохранительных органов (студенты-экономисты могут моделировать ситуацию выбора между коррумпированным контрактом и честной конкуренцией).

4. Организация специализированных курсов и вебинаров для преподавателей, включая технических специальностей, с примерами интеграции антикоррупционных тем в их дисциплины.

В заключение нужно отметить, что проблема фрагментарного подхода к антикоррупционному образованию в вузах требует системного решения с пониманием того, что противодействие коррупции заключается не только в установлении репрессивных мер, но и формировании новой этики, основанной на принципах честности, ответственности и служения обществу, а интеграция антикоррупционной культуры в систему традиционных ценностей — важный шаг к созданию устойчивого иммунитета общества к коррупции. Без интеграции антикоррупционных знаний в профессиональную подготовку специалистов всех направлений невозможно формирование устойчивой антикоррупционной культуры в обществе. Только через единые стандарты, междисциплинарный подход и практическую направленность можно преодолеть скептицизм молодого поколения и превратить антикоррупционное образование из формальной процедуры в инструмент формирования этического сознания будущих профессионалов.

Пристатейный библиографический список

1. Антонова Е. Нетерпимость коррупционного поведения: понятие и меры по формированию // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сборник трудов III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Кострома, 25-26 апреля 2024 года. – Кострома: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Костромской государственный университет», 2024. – С. 209-214.
2. Бухарин Г. С. Генезис содержания антикоррупционного воспитания в отечественной педагогической мысли // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2025. – Т. 9, № 1 (33). – С. 53-61.
3. Жданова О. С., Жданов С. А. Содержательные аспекты гражданско-патриотического воспитания молодежи // Материалы пула научно-практических конференций: Материалы VI Международной научно-практической конференции, IX Международной научно-практической конференции и VI Международной научно-практической конференции, Сочи, 04-08 января 2025 года. – Керчь: Керченский государственный морской технологический университет, 2025. – С. 1008-1012.
4. Мохоров Д. А. Теоретические и практические основы антикоррупционного просвещения. – Андижан; Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. – 188 с.
5. Мохоров Д. А., Долженкова Е., Минкина М. В. Противодействие коррупции в условиях цифровизации государственных институтов // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 6 (181). – С. 95-98.

СЕРКЕРОВ Самур Эльмирович
кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания, Дагестанский государственный педагогический университет имени Расула Гамзатова

МАРИАНОВ Алихан Абдулаевич
кандидат исторических наук, доцент кафедры юридических дисциплин, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаше; доцент кафедры правовых дисциплин, Дагестанский государственный педагогический университет имени Расула Гамзатова

КУХМАЗОВ Намик Кухмазович
аспирант кафедры правовых дисциплин и методики преподавания, Дагестанский государственный педагогический университет имени Расула Гамзатова

КОРРУПЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Статья посвящена анализу современного состояния коррупции в Российской Федерации и исследованию эффективных механизмов противодействия данному явлению. Рассматриваются основные формы коррупционных проявлений, причины их возникновения и факторы, способствующие распространению коррупции в различных сферах общественных отношений. Особое внимание уделяется изучению нормативно-правовой базы антикоррупционной деятельности, институциональных механизмов предупреждения и пресечения коррупционных правонарушений. Предложены практические рекомендации по совершенствованию системы противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, государственное управление, правовое регулирование, гражданское общество.

SERKEROV Samur Elmirovich
Ph.D. in Law, associate professor of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty, Rasul Gamzatov Dagestan State Pedagogical University

MARIANOV Alikhan Abdulaevich
Ph.D. in historical sciences, associate professor of Legal disciplines sub-faculty, Dagestan State University, branch in Izberbash; associate professor of Legal disciplines sub-faculty, Rasul Gamzatov Dagestan State Pedagogical University

KUKHMAZOV Namik Kuhmazovich
postgraduate student of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty, Rasul Gamzatov Dagestan State Pedagogical University

CORRUPTION IN MODERN RUSSIA: WAYS TO COUNTERACT IT

This article analyzes the current state of corruption in the Russian Federation and examines effective mechanisms for combating this phenomenon. The main causes of the spread of corruption practices in Russian society are considered, including institutional, socio-economic and cultural factors. Special attention is paid to the analysis of current anti-corruption legislation and the practice of its application. International approaches to combating corruption and the possibilities of their adaptation to Russian conditions are explored. Comprehensive measures are proposed to improve the system of combating corruption at the state and public levels.

Keywords: corruption, anti-corruption, anti-corruption policy, public administration, legal regulation, civil society.

Коррупция представляет собой одну из наиболее серьезных угроз для устойчивого развития современного российского государства. Это явление подрывает основы правового государства, снижает эффективность государственного управления, создает неравные условия для экономической деятельности и формирует атмосферу недоверия граждан к власти. По данным международных рейтингов, Россия продолжает занимать низкие позиции в индексе восприятия коррупции, что свидетельствует о необходимости совершенствования антикоррупционной политики.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки эффективных стратегий противодействия коррупции, учитывающих специфику российской политической и социально-экономической системы. Цель данной работы заключается в анализе современного состояния коррупции в России и обосновании комплексных мер по ее противодействию.

Коррупция в современной России имеет системный характер и проникает во все сферы общественной жизни [5]. Согласно исследованиям Transparency International, Россия в 2023 году заняла 137 место из 180 в рейтинге восприятия коррупции, что указывает на высокий уровень коррупционных рисков [3].

Основными проявлениями коррупции в российских условиях являются:

– взяточничество в органах государственной власти и местного самоуправления;

– коммерческий подкуп в частном секторе;

– злоупотребление должностными полномочиями;

– незаконное обогащение государственных служащих;

– лоббирование корыстных интересов при принятии управленческих решений [1].

Особую обеспокоенность вызывает распространение коррупции в сферах здравоохранения, образования, правоохранительной деятельности и государственных закупок [4]. По данным Росстата, ущерб от коррупционных преступлений ежегодно составляет десятки миллиардов рублей.

Коррупция в России обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов [5]:

Институциональные причины:

– недостаточная прозрачность деятельности органов власти;

– слабость институтов гражданского контроля;
– неэффективность судебной системы;
– пробелы в антикоррупционном законодательстве [1].

Социально-экономические факторы:
– значительная дифференциация доходов населения;
– низкий уровень оплаты труда государственных служащих;
– монополизация отдельных секторов экономики;
– неразвитость конкурентной среды.

Культурно-исторические особенности:
– патерналистские традиции во взаимоотношениях власти и общества;
– толерантное отношение населения к коррупционным практикам;
– слабость гражданских институтов;
– недостаточная правовая культура.

Российская антикоррупционная система базируется на Федеральном законе «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ и комплексе сопутствующих нормативных актов [1]. Основными принципами антикоррупционной политики являются:
– признание приоритета профилактических мер;
– комплексность применяемых мер;
– взаимодействие государства и гражданского общества;
– международное сотрудничество.

Система государственных органов, осуществляющих противодействие коррупции, включает:
– Администрацию Президента РФ;
– Генеральную прокуратуру РФ;
– Следственный комитет РФ;
– органы внутренних дел;
– Росфинмониторинг;
– Счетную палату РФ.

Анализ зарубежного опыта показывает эффективность следующих подходов:

Сингапурская модель основана на жесткой нетерпимости к коррупции, высоких зарплатах чиновников и эффективной работе специализированного антикоррупционного агентства.

Скандинавский подход делает акцент на транспарентности государственного управления, развитом гражданском обществе и высокой правовой культуре населения.

Опыт Грузии демонстрирует возможность радикального снижения уровня коррупции за счет политической воли руководства, кардинальных институциональных реформ и широкого общественного участия.

Для повышения эффективности борьбы с коррупцией в России необходимо:

На законодательном уровне:
– усовершенствовать антикоррупционное законодательство;
– расширить сферу декларирования доходов и имущества;
– ужесточить ответственность за коррупционные правонарушения;
– развить институт конфискации незаконно полученного имущества.

В сфере государственного управления:
– повысить прозрачность деятельности органов власти;
– внедрить эффективные механизмы ротации кадров;
– развить систему электронного правительства;
– усовершенствовать процедуры государственных закупок.

На общественном уровне:
– развить институты гражданского контроля;
– повысить правовую культуру населения;
– обеспечить защиту лиц, сообщающих о коррупции;
– активизировать роль СМИ в антикоррупционной деятельности.

Цифровые технологии открывают новые возможности для борьбы с коррупцией:
– автоматизация процедур принятия решений;
– исключение человеческого фактора из рутинных процессов;
– обеспечение прозрачности и подотчетности;
– создание цифрового следа для контроля;
– использование больших данных для выявления коррупционных схем.

Примерами успешного применения цифровых решений являются системы электронных торгов, порталы государственных услуг, системы мониторинга деятельности чиновников.

Противодействие коррупции в современной России требует комплексного подхода, объединяющего усилия государства и гражданского общества. Ключевыми направлениями должны стать: совершенствование правовой базы, повышение прозрачности государственного управления, развитие институтов гражданского контроля, внедрение цифровых технологий и формирование антикоррупционной культуры в обществе.

Успех антикоррупционной политики во многом зависит от политической воли руководства страны, последовательности в реализации намеченных мер и активного участия граждан в процессе общественного контроля. Только при соблюдении этих условий возможно достижение существенного прогресса в борьбе с коррупцией и создание эффективной системы государственного управления.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ.
2. Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы.
3. Transparency International. Индекс восприятия коррупции 2023.
4. Кабанов П. А. Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые проблемы. – М.: Юрлитинформ, 2022.
5. Астанин В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

МАНУКОВ Тигран Мартинович
аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

МЕХАНИЗМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЛАСТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ АВТОРИТАРНОГО И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РЕЖИМОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье проводится сравнительный анализ механизмов правового регулирования властно-управленческой деятельности в условиях авторитарных и демократических режимов. Рассматриваются и определяются основные различия в структуре нормативных источников, уровне подотчетности, институциональной независимости и формах участия граждан. Установлено, что результативность административного управления напрямую зависит от политико-правового контекста и его особенностей. Обоснована необходимость адаптации механизмов правового регулирования с учетом специфики политической системы, принципов правового государства и современных вызовов государственного управления и общества, а также международных правовых стандартов.

Ключевые слова: властно-управленческая деятельность, правовое регулирование, политический режим, авторитаризм, демократия, административное право, нормативные источники.

Мануков Т. М.

MANUKOV Tigran Martinovich
postgraduate student, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

MECHANISMS OF LEGAL REGULATION OF POWER-MANAGEMENT ACTIVITY IN THE CONDITIONS OF AUTHORITARIAN AND DEMOCRATIC REGIMES: A COMPARATIVE ANALYSIS

The article provides a comparative analysis of the mechanisms of legal regulation of government and administrative activities in authoritarian and democratic regimes. The main differences in the structure of regulatory sources, the level of accountability, institutional independence and forms of citizen participation are considered and defined. It is established that the effectiveness of administrative management directly depends on the political and legal context and its features. The need to adapt the mechanisms of legal regulation is substantiated taking into account the specifics of the political system, the principles of the rule of law and modern challenges of public administration and society, as well as international legal standards.

Keywords: power-administrative activity, legal regulation, political regime, authoritarianism, democracy, administrative law, normative sources.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью глубокого переосмысления механизмов правового регулирования властно-управленческой деятельности в контексте разнообразия политических режимов, особенно на фоне современных вызовов к легитимности и результативности государственного управления. В условиях нарастающей глобальной поляризации и политической нестабильности возрастает значимость правовых механизмов как инструмента структурирования и балансировки властных полномочий.

Авторитарные и демократические режимы предлагают принципиально различные модели правового взаимодействия между государством и обществом, оказывая непосредственное влияние на формы и содержание управленческой деятельности. Результативность социально-правовой политики государства определяется юридической техникой и политико-правовым контекстом ее реализации [1, с. 100]. Это требует всестороннего анализа нормативных конструкций, институциональных механизмов и управленческих практик с учетом особенностей конкретных политических систем.

Теоретическая основа исследования опирается на разработки в области теории государства и права, в частности, кконцептуальные положения, подчеркивающие взаимосвязь правовых норм, политических институтов и подходы, раскрывающие специфику государственного и муниципального управления в современных условиях [3, с. 46]. Особое внимание уделяется вопросу классификации и типологии политических режимов, где подчеркивается необходимость учитывать формальные и неформальные аспекты власти.

Механизм правового регулирования властно-управленческой деятельности представляет собой совокупность юридических средств, норм и процедур, с помощью которых осуществляется установление, реализация и контроль государственной власти в пределах ее публично-административных полномочий. Правовой механизм предполагает наличие иерархически организованной системы источников, обеспечивающих правовую предсказуемость и устойчивость управленческих решений [8].

Понятие механизма правового регулирования властно-управленческой деятельности трактуется в научной литературе по-разному, в зависимости от исследовательского подхода. П. В. Абрамов акцентирует внимание на результативности этого механизма в контексте реализации государственной политики, подчеркивая необходимость открытости и правовой определенности в демократических режимах [1]. В. М. Сырых определяет механизм как структурно организованную совокупность правовых элементов, направленных на упорядочение общественных отношений в управленческой сфере [8]. А. А. Акмалова и В. М. Капицын считают, что правовое регулирование должно охватывать все стадии управленческого процесса, обеспечивая баланс между государственным контролем и гражданским участием [2]. В условиях авторитарных режимов, как отмечают В. А. Деревянко и Ю. И. Лаптева, механизм носит преимущественно директивный и централизованный характер [6]. Универсального подхода к определению механизма правового регулирования не существует, его содержание формируется под воздействием политико-правовой среды и целей управленческой модели. Следовательно, для повышения успешности властно-управленческой деятельности нужно адаптировать правовой механизм к специфике режима, обеспечивая правовую устойчивость и институциональную сбалансированность.

В рамках авторитарных режимов источниковая система права носит централизованный характер. Основными регуляторами выступают акты исполнительной власти:

– указы главы государства;
– постановления правительства;
– ведомственные инструкции.

Эти документы обладают юридической силой, равной или превышающей силу закона. Конституция сохраняет формальный статус, однако в значительной степени утрачивает регулирующую функцию и используется как политико-юридический ресурс для легитимации текущей власти. Законодательная деятельность представительных органов подчиняется политическим установкам, а процедуры правотворчества являются формальностью. В отличие от указанной модели, в демократических режимах нормативно-правовая система строится по принципу иерархической подчиненности. Конституция обладает высшей юридической силой и служит нормативной основой для всей

Таблица 1. Сравнительная характеристика механизмов правового регулирования в авторитарном и демократическом режимах [7]

Параметр	Авторитарный режим	Демократический режим
Приоритетный источник	Указы главы государства, правовые акты исполнительной власти	Конституция, законы, принятые парламентом
Статус подзаконных актов	Часто имеют фактическое превосходство над законом	Жестко подчинены закону и Конституции
Законодательный процесс	Замкнутый, формализованный, контролируется исполнительной властью	Многоступенчатый, публичный, с участием разных ветвей власти
Роль суда в иерархии норм	Подчинен политической воле, не влияет на правотворчество	Независим, формирует прецеденты, контролирует соответствие норм
Международное право	Применяется выборочно, подчиняется внутренним установкам	Интегрируется в национальную систему, обладает приоритетом

структуры публичной власти. Законы, принимаемые парламентом, представляют собой основную форму правового регулирования. Их принятие осуществляется в рамках процедур, предусматривающих участие различных ветвей власти и общественных институтов. Подзаконные акты действуют исключительно в пределах компетенции, установленной законом, без превышения установленных рамок. Судебная практика формирует стабильную правовую позицию и обеспечивает единообразие применения норм.

В демократическом государстве «закон выступает формой проявления публичной воли, закрепленной в правовом акте, обладающем приоритетом над иными нормативными источниками» [2, с. 186]. Авторитарные системы демонстрируют подмену законодательного регулирования директивным управлением, ведя к ослаблению правовых гарантий (Таблица 1).

Результативность социально-правовой политики государства непосредственно зависит от качества нормативной иерархии, в которой каждый источник выполняет строго ограниченную функцию [1, с. 79]. В условиях авторитаризма данная структура деформирована, акты нижестоящих уровней имеют преимущество, а контроль за их содержанием отсутствует.

Демократическая нормативная модель предполагает вертикальную согласованность актов и наличие механизмов правового контроля, реализуемых через институты судебной и общественной экспертизы [3, с. 133]. Правовая система авторитарного режима ориентирована на оперативность и политическую целесообразность, ослабляя нормативную предсказуемость и снижая юридическую значимость законодательных процедур [4].

Анализ институциональных механизмов контроля в административной системе требует учета организационной структуры власти и политико-правового контекста, в котором она функционирует. Результативность и глубина контроля напрямую зависят от степени самостоятельности главных институтов и уровня нормативного закрепления их полномочий. В государствах с авторитарной моделью правления наблюдается ослабление институциональных связей между ветвями власти.

Парламент, несмотря на формальное наличие законодательной компетенции, функционирует как подчиненное звено исполнительной вертикали. Его полномочия ограничиваются утверждением заранее согласованных решений, без возможности системного воздействия на процессы управления [4]. Судебная система лишена подлинной независимости и используется в качестве инструмента правовой легитимации административных действий. Финансово-контрольные органы не обладают механизмами санкционного воздействия, а их деятельность сводится к рутинной отчетности [3, с. 248].

В демократических правопорядках институциональный контроль базируется на разделении властных функций и наличии процедурной подотчетности. Законодательная власть формирует нормативную базу и активно участвует в мониторинге исполнительной деятельности, осуществляя парламентские расследования и контроль за реализацией бюджета. На основании изложенного можно резюмировать, что именно институциональная независимость суда и автономия контрольных органов дают возможность обеспечить подлинную правовую стабильность и управленческую ответственность. Суды обладают правом аннулирования неконституционных актов, а аудиторы выявляют нарушения и взаимодействуют с парламентом в режиме публичной отчетности [1, с. 57].

Тема транспарентности приобретает особую значимость в сравнительном анализе политических режимов. В демократической системе открытость власти реализуется через законодательные гарантии доступа к информации, через активную роль СМИ, исследовательских центров и институтов гражданского участия. Прозрачность в этом контексте выступает как практический механизм контроля, влияющий на легитимность власти [4]. Анализ теоретической части позволяет сделать вывод, что доступность и публичная отчетность создают предпосылки для устойчивого институционального баланса.

В авторитарной модели доступ к информации строго ограничен, а публичное освещение деятельности власти находится под контролем государственных структур. Независимые источники вытесняются из медиапространства, а гражданское участие сведено к формальным механизмам, не предполагающим реального влияния на принятие решений. Этот подход снижает уровень подотчетности и блокирует каналы правового взаимодействия между обществом и государством [7]. Обоснованным будет вывод, что отсутствие открытости подрывает доверие к институтам власти и создает предпосылки для институциональной деградации управленческого аппарата.

Правовые механизмы участия граждан в управленческих процессах организованы по-разному в зависимости от характера политического устройства. В государствах с авторитарным режимом юридические инструменты, формально допускающие вовлечение населения, существуют, но используются ограниченно. Возможность подачи петиций предусмотрена, но ее правовое значение минимально, а ответы органов власти носят декларативный характер.

Выборность должностных лиц ограничивается контролируемыми выборами, где отсутствует конкуренция и политический плюрализм. Как отмечают А. А. Акмалова и В. М. Капицын, формы участия в авторитарной системе служат внешней легитимацией [3, с. 297]. В демократических системах участие населения в управлении получает нормативную поддержку и институциональную реализацию.

Право на подачу петиций регулируется специальными законами, с обязательством государственных органов рассматривать обращения в установленный срок. Общественные слушания становятся частью законодательного и муниципального процессов. Инициативное правотворчество обеспечивает гражданам возможность влиять на повестку за счет референдумов и гражданских инициатив. Анализ теоретической части позволяет сделать вывод, что демократическая модель допускает и стимулирует прямое участие населения в принятии управленческих решений (Рисунок 1).

График визуализирует сравнительные показатели вовлеченности граждан в управленческие процессы в авторитарных и демократических политических системах. Данные представлены по четырем формам участия:

– общественные слушания;
– выборность должностей;
– петиции;
– гражданские инициативы.

В авторитарных режимах значения крайне низкие, участие в слушаниях – 10 %, выборность – 20 %, петиции – 5 %, инициативы – 15 %. В демократических системах показатели существенно выше, 80 % – участие в слушаниях, 85 % – выборность, 75 %

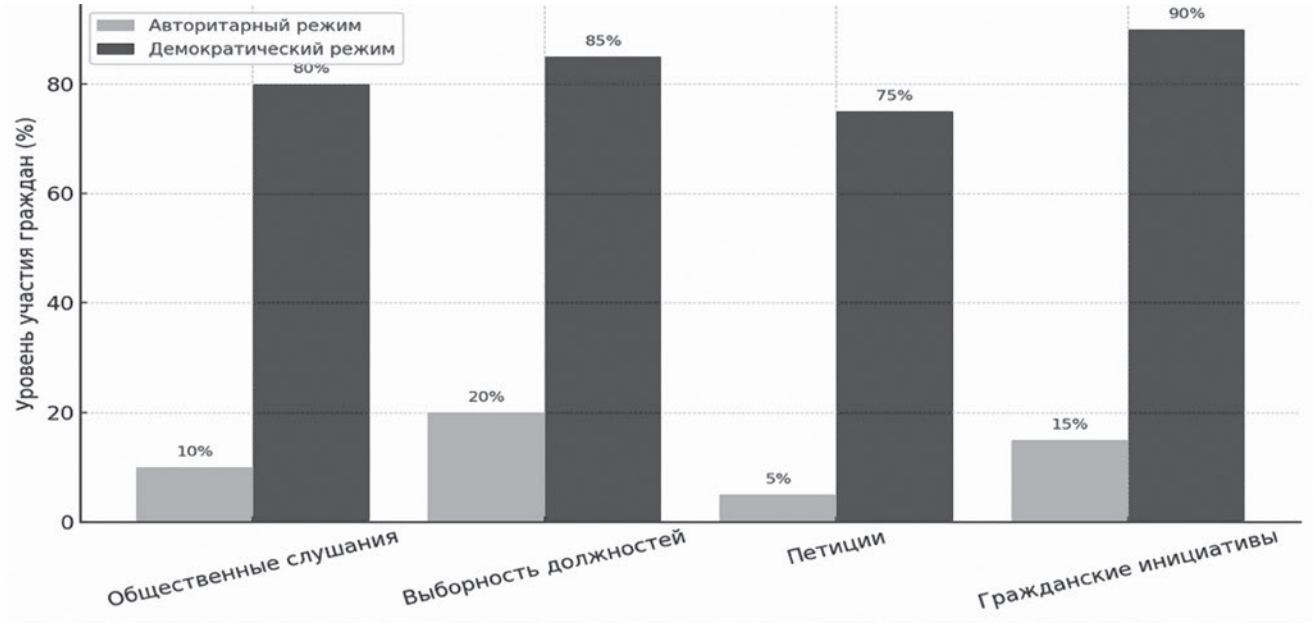

Рисунок 1. Сравнение участия граждан в управлении по типам политических режимов (Составлено автором) [2], [8]

– результативность петиций, 90 % – инициативное правотворчество.

Эти данные наглядно демонстрируют принципиальные различия в масштабе и глубине вовлечения населения в публичное управление. Низкие проценты в авторитарной модели объясняются формальным характером большинства процедур и отсутствием действенных механизмов воздействия. В демократических государствах почти каждый из перечисленных инструментов выполняет реальную функцию обратной связи и коррекции управленческих решений, что подтверждает высокие показатели по каждому из пунктов.

Использование цифровых технологий в административной сфере по-разному реализуется в демократических и авторитарных государствах, поскольку цели и правовые ориентиры этих систем не совпадают. В условиях устойчивых демократий цифровизация получает правовое закрепление как обязательный элемент публичного управления. Законодательно вводятся регламенты, обеспечивающие свободный доступ к информации, возможность онлайн-обращений, проведение электронных общественных обсуждений и бюджетной честности [6, с. 48].

В качестве примера в исследовании рассматриваются Финляндия и Эстония как государства с устойчивыми демократическими институтами, в которых цифровые механизмы правового регулирования интегрированы системно и институционально закреплены. В Финляндии нормативно урегулировано право граждан, вносить инициативы через цифровую платформу, после чего парламент обязан рассмотреть их в установленный срок. В Эстонии система правовой защиты электронных процедур охватывает весь спектр административных действий (от регистрации бизнеса до участия в выборах).

В Китае или Иране электронные технологии применяются преимущественно для централизации управления, мониторинга поведения и ограничения доступа к независимым каналам участия. Это подчеркивает, что политико-правовой контекст оказывает решающее влияние на характер и цели цифрового правового регулирования [7].

В странах с авторитарной моделью правления цифровые решения используются преимущественно для усиления вертикали и внутреннего управленческого контроля. Электронные сервисы развиваются, но юридически не подкреплены гарантиями доступа или независимого контроля со стороны общества. Правовое сопровождение цифровизации ограничивается техническими рамками и не направлено на расширение публичного участия.

Таким образом, в условиях трансформации политического режима механизм правового регулирования властно-управленческой деятельности сталкивается с функциональной перегрузкой, институциональной нестабильностью и нормативными разрывами. Сравнительный анализ показал, что степень устойчивости правовой системы в переходные периоды определяется ее способностью сохранять базовые принципы публичного управления (законность, подотчетность, преемственность), независимо от преобладающей политико-правовой модели.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамов П. В. Эффективность социально-правовой политики государства: монография; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. - Москва: Юнити-Дана, 2023. - 112 с.
2. Акмалова А. А., Капицын В. М. Система государственного и муниципального управления: учебник; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. - Москва: ИНФРА-М, 2023. - 414 с.
3. Божанов В. А. Политология: мир современной политики: учебник; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Изд-во деловой и учеб. лит-ры, 2008. - 320 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301; 2016. - № 22. - Ст. 3094.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. - № 22. - Ст. 3094.
6. Деревянко В. А., Лаптева Ю. И. О некоторых подходах к типологии политических режимов // Мегатренды мировой политики: сборник научных статей по материалам 9 межвуз. науч.- практ. конф. молодых ученых. - Воронеж: ВГУ, 2022. - Т. 9. - С. 47-49.
7. Ковалева В. В. Основные подходы к понятию механизма правового регулирования в современной юридической литературе // Актуальные проблемы российского права. - 2008. - № 2.
8. Сырых В. М. Теория государства и права: учебник; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. - Москва: НОРМА, 2004. - 704 с.

ПРИВАЛОВА Екатерина Алексеевна
аспирант, Юридический факультет, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ СОВЕТОВ ПРИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

В статье рассматриваются правовые основы деятельности общественных советов при региональных органах исполнительной власти. Автором исследуется правоприменительная практика общественных советов при региональных органах исполнительной власти. Акцентируется внимание на роли общественных советов при региональных органах исполнительной власти. Обобщается региональный опыт выстраивания диалога между органами региональной власти и гражданским обществом. В целях снижения неопределенности и двусмысленности среди правоприменителей автором обосновывается необходимость законодательно внести изменение в статью 13 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Ключевые слова: общественный контроль, общественный совет, гражданское общество, правовой статус, органы государственной власти, исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации.

PRIVALOVA Ekaterina Alexeevna
postgraduate student, Faculty of Law, Mari State University, Yoshkar-Ola

ABOUT SOME PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF PUBLIC COUNCILS UNDER REGIONAL EXECUTIVE AUTHORITIES

The article examines the legal basis of the activities of public councils under regional executive authorities. The author examines the law enforcement practice of public councils under regional executive authorities. Attention is focused on the role of public councils under regional executive authorities. The regional experience of building a dialogue between regional authorities and civil society is summarized. In order to reduce uncertainty and ambiguity among law enforcement officials, the author substantiates the need to legislatively amend Article 13 of Federal Law No. 212-FZ dated July 21, 2014 «On the Fundamentals of Public Control in the Russian Federation».

Keywords: public control, public council, civil society, legal status, public authorities, executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation.

Президент России В. В. Путин в процессе своих выступлений неоднократно обращает внимание на особою значимость включения институтов гражданского общества в решение социально значимых вопросов. Так, 3 ноября 2023 года во время встречи с членами Общественной палаты Российской Федерации восьмого состава и председателями общественных палат субъектов РФ Глава государства подчеркнул, что данный момент осуществление общественного контроля «это чрезвычайно важная сфера деятельности, работы очень много, она в целом налажена, но, конечно, в ходе такой большой и многогранной деятельности, возникают вопросы, которые требуют особого внимания»[1].

Нельзя не согласится с мнением главы государства, действительно, в последние годы наибольшую востребованность набирает вовлеченность гражданского общества в разных областях. На базе Общественной палаты Российской Федерации, Общественных палат субъектов Российской Федерации, общественных советов при органах публичной власти на регулярной основе с учетом потребностей граждан, некоммерческих организаций, бизнес-сообществ активистами общественности при непосредственной включенности органов публичной власти выносятся на обсуждение актуальные, нередко злободневные вопросы социального характера. К примеру, обсуждаются такие вопросы как улучшение качества условий оказания услуг организациями здравоохранения, образования, культуры, социального обслуживания, вопросы развития градостроительной политики, защиты прав участников СВО, мерах поддержки многодетных семей, защиты прав граждан при осуществлении сделок с недвижимостью с участием несовершеннолетних, подготовки кадров, роли патриотического воспитания молодого поколения, определения вектора развития духовно-нравственных ценностей в обществе, популяризации добровольчества и волонтерства, сохранения лесов и т.д. Следует отметить, что нередко по итогам обсуждения органам государственной власти и местного самоуправления даются аргументированные рекомендации и предложения по решению того или иного социального вопроса[2].

Уместно отметить, что в ряде регионов успешно реализуются на системной основе «круглые столы» в формате «Открытый диалог с властью»[3]. Представляется, что на сегодняшний день реализация подобных мероприятий в регионах крайне важна и необходима поскольку является одним из эффективных демократических механизмов налаживания конструктивного диалога с представителями общественности, в том числе по обсуждению вопросов реализации национальных проектов, региональных социальных программ и проектов.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время в действующем законодательстве, регламентирующем вопросы организации и деятельности общественного контроля, предусмотрена возможность формирования общественных советов при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Вышеуказанный правовой механизм в течении 20 лет зарекомендовал себя в правоприменительной практи-

1 Встреча с членами Общественной палаты Российской Федерации нового, восьмого состава и председателями общественных палат субъектов РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/72672 (дата обращения: 20.07.2025).

2 31 мая 2024 года состоялся «Круглый стол» на тему «О роли общественных советов». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oprme.rg12.ru/newsline-detail.htm?news_start=45&news_id=895&news_start=45& (дата обращения: 20.07.2025).

3 Состоялся открытый диалог с Министром образования и науки Республики Марий Эл. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oprme.rg12.ru/newsline-detail.htm?news_id=941& (дата обращения: 20.07.2025).

ке как эффективный инструмент выстраивания диалога между органами власти и гражданским обществом. Безусловно, обеспечивая защиту интересов гражданского общества, прав и свобод граждан Российской Федерации, общественные советы при региональных органах исполнительной власти являются постоянно действующими совещательно-консультативными органами регионального общественного контроля.

Правовые основы деятельности общественных советов при региональных органах исполнительной власти закреплены не только в Федеральном законе от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее - Федеральный закон), нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации, но и в положениях об общественных советах.

Следует отметить, что в российской научно-правовой литературе имеется множество исследований, посвященных вопросам формирования и деятельности института общественных советов при региональных органах исполнительной власти. К примеру, в таких работах как Е. А. Бахтаировой [1, с. 12], А. В. Гавриловой и Е. А. Боголюбова [2, с. 133-137], В. В. Гончарова [3, с. 1-13], В. В. Гриба [4, с. 3-13], Е. Г. Дьяковой и А. Д. Трахтенберга [5, с. 180-201], А. А. Ерыгина [6, с. 315-320], Е. В. Матвеевой и Е. В. Паничкиной [7, с. 46-55], Н. С. Рыболовлевой [8, с. 50-52], К. А. Шамшура [9, с. 115-124] и многих других ученых-правоведов.

Между тем проанализировав нормативные правовые акты, регулирующие правовой статус общественных советов при региональных органах исполнительной власти[4,5], а также сложившуюся региональную правоприменительную практику общественных советов при региональных органах исполнительной власти [10],[11],[12] была выявлена следующая правовая неопределенность. В частности, в статье 13 Федерального закона закреплена процедура порядка формирования исключительно для общественных советов при федеральных органах исполнительной власти. При этом порядок формирования в общественных советов при исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации в Федеральном законе не предусмотрен.

Представляется, что для согласованности и конкретизации правовых норм необходимо предусмотреть новую часть 5.1 статьи 13 Федерального закона следующего содержания:

«5.1.Общественные советы при исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации формируются на конкурсной основе, если иной порядок формирования общественных советов не предусмотрен законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Организатором конкурса является Общественная палата субъекта Российской Федерации».

Таким образом, резюмируя вышесказанное необходимо отметить следующее.

Правовые основы деятельности общественных советов при региональных органах исполнительной власти закреплены в Федеральном законе, нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации, в положениях об общественных советах.

В последнее десятилетия институт общественных советов при региональных органах исполнительной власти создан во всех субъектах нашей страны.

Динамика развития законодательства в сфере общественных советов при региональных исполнительных органах государственной власти достаточно высока.

Двадцатилетний опыт регионального законотворчества в исследуемой сфере сформировал крепкий фундамент для необходимости в правовой модернизации общественного контроля в Российской Федерации. Представляется, что предложенное автором внесение изменения в Федеральный закон позволит снизить неопределенность и двусмысленность среди правоприменителей.

Пристатейный библиографический список

1. Бахтаирова Е. А. Мотивация деятельности членов общественных советов при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Baikal Research Journal. - 2019. - Т. 10, № 2. - С. 12.
2. Гаврилова А. В., Боголюбов Е. А. Формирование общественных советов при исполнительных органах власти на региональном уровне (на примере Сибирского федерального округа) // Право и образование. - 2017. - № 4. - С. 133-137.
3. Гончаров В. В. О проблемах и перспективах развития института общественных советов при федеральных органах исполнительной власти: конституционно-правовой анализ // Административное и муниципальное право. - 2024. - № 2. - С. 1-13. DOI: 10.7256/2454-0595.2024.2.39873 EDN: RZTRMB. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:/nbpublish.com/library_read_article.php?id=39873.
4. Гриб В. В. Актуальные проблемы правового развития института общественного контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. - 2015. - № 11.- С. 3-13.
5. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Общественные советы при органах исполнительной власти: эксперты, контролеры или мирские челобитчики? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2019. - № 6 (154). - С. 180-201.
6. Ерыгин А. А. Новеллы правового статуса общественных советов при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Юридическая техника. - 2021. - № 15. - С. 315-320.
7. Матвеева Е. В., Паничкина Е. В. Обеспечение функции общественного контроля в деятельности региональных общественных советов в Кузбассе // Вестник Забайкальского государственного университета. - 2022. - Т. 28, № 2. - С. 46-55.
8. Рыболовлева Н. С. К вопросу о контроле гражданского общества за деятельностью органов государственной власти // Закон и право. - 2020. - № 6. - С. 50-52.
9. Шамшура К. А. Общественно-консультативные советы по вопросам культурного наследия в российских регионах: информационная открытость и персональный состав // Вестник Томского государственного университета. - 2023. - № 494. - С. 115-124.
10. О состоянии общественных советов при органах региональной и муниципальной власти: Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации. - М.: ОП РФ, 2024. - 92 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://files.oprf.ru/storage/documents/doklad-os-2024.pdf (дата обращения: 20.07.2025).
11. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://files.oprf.ru/storage/documents/doklad-oprf2024.pdf (дата обращения: 20.07.2025).
12. Деятельность общественных институтов // ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-inst itutov?ysclid=m2sr1oshmq919001708 (дата обращения: 20.07.2025).

4 Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 № 212-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения: 20.07.2025).

5 Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 20.07.2025).

ВОРОБЬЕВ Владислав Сергеевич*
аспирант, Государственный академический университет гуманитарных наук

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Данная статья раскрывает особенности реализации механизмов правового регулирования обеспечения личностной безопасности за рубежом. Автор подчеркивает специфику цифровизации и то, что она носит двойственный характер: способствует развитию социума и способствует появлению рисков и угроз для личностной безопасности. Именно поэтому в статье актуализируется задача мирового сообщества по регулированию обеспечения цифровой безопасности личности. Кроме того, автором рассматриваются особенности правового инструментария как компонента общей системы обеспечения безопасности личности за рубежом и в международном пространстве.

В публикации подчеркиваются возможности цифровизации для развития мировой экономики, политики и социума в целом, но также дифференцируются те риски, которые возникают в ходе использования цифровых ресурсов. Указывается на основные компоненты личностной безопасности, а также те механизмы, которые помогают данную безопасность обеспечить.

Статья подчеркивает единство проблем в международном правовом поле, которые возникают в ходе цифровизации, выявляет основные риски для безопасности личности и способствует конкретизации путей разрешения подобных сложностей.

Ключевые слова: правовое регулирование, личностная безопасность, международное пространство, цифровизация общества, киберпреступность, цифровые технологии, межгосударственное сотрудничество.

VOROBJEV Vladislav Sergeevich**
postgraduate student, State Academic University of Humanities

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF PERSONAL SECURITY IN FOREIGN COUNTRIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

This work reveals the specifics of the implementation of legal regulation mechanisms for ensuring personal security abroad. The author emphasizes the specifics of digitalization and the fact that it has a dual character: it promotes the development of society and contributes to the emergence of risks and threats to personal security. That is why the article highlights the task of the global community to regulate the digital security of the individual. In addition, the author examines the features of legal instruments as a component of the overall system for ensuring personal security abroad and in the international space.

The publication highlights the opportunities of digitalization for the development of the global economy, politics and society as a whole, but also differentiates the risks that arise from the use of digital resources. The main components of personal security are indicated, as well as those mechanisms that help ensure this security.

The work highlights the unity of problems in the international legal field that arise during digitalization, identifies the main risks to personal security and helps to specify ways to resolve such difficulties.

Keywords: legal regulation, personal security, international space, digitalization of society, cybercrime, digital technologies, interstate cooperation.

Введение

Проблема обеспечения личностной безопасности в мировом цифровом сообществе на настоящий момент стоит особенно остро. Это обусловлено тем, что интернет является безграничным пространством с огромным массивом информации, часть из которой носит негативный, опасный характер и связана с противоправной деятельностью.

Очень часто инструментами в подобных действиях выступают персональные данные, личная информация, что имеет крайне нежелательные последствия для их правообладателей.

К. Н. Евдокимов, К. В. Хобонкова [4] отмечают, что современная преступность носит организованный, динамичный и при этом латентный характер. По мнению данных авторов, это формирует максимальную угрозу для безопасности личности, т.к. действия преступников совершенно непредсказуемы и в случае противоправного поведения установить их личности и найти практически невозможно. Последствия подобных действий варьируются от разовых финансовых махинаций до создания деструктивных сообществ и организованных преступных групп как внутри отдельных государств, так и на международном уровне.

Именно поэтому актуальность обеспечения личностной безопасности в цифровой среде обозначена не только в законодательстве РФ, но и в других странах. При этом нормативно-правовая база различных государств имеет множество сходств и различий, дифференцируются механизмы правового регулирования обеспечения цифровой безопасности личности.

В контексте тематики исследования нам интересно изучить специфику зарубежных механизмов правового регулирования обеспечения безопасности личности, выявить основные проблемы и наметить пути их решения. Именно это и является целью работы. Объектом при этом выступает безопасность личности в цифровом пространстве, предметом – правовое регулирование обеспечения безопасности личности за рубежом.

Также нами были выделены задачи исследования:

1. Выявить актуальные проблемы цифровой безопасности личности в международном контексте.

* Научный руководитель: Кудинов Владимир Владимирович, доктор юридических наук, доцент, член-корреспондент Академии военных наук, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

** Scientific Supervisor: Kudinov Vladimir Vladimirovich, Ph.D. in Law, associate professor, Corresponding Member of the Academy of Military Sciences, professor of Judicial and prosecutorial investigative activities sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University

2. Определить особенности правового регулирования цифровой безопасности личности в зарубежных странах.

3. Предложить пути реализации международного сотрудничества в данном направлении.

Материалы и методы исследования

В данной статье нами реализуется ряд методов, включающих:

– общенаучные (теоретико-методологический анализ источников, сравнительный анализ точек зрения различных исследователей на проблему);

– частные (формально- юридический и пр.).

Литература, которую мы использовали в своей статье представляет собой публикации современных авторов, актуализирующие вопросы обеспечения безопасности в цифровом пространстве (Г. М. Бердимуратова, С. И. Глушкова, Е. Д. Летунов и пр.), исследующие вопросы международного сотрудничества в данной сфере (К. Н. Евдокимов, К. В. Хобонкова, П. Н. Кобец), а также конкретизирующие эффективные методы обеспечения безопасности личности и борьбы с киберпреступностью (Е. М. Якимова, С. В. Нарутто).

Результаты и их обсуждение

Актуальные проблемы цифровой безопасности личности в международном контексте.

Современная динамика цифровизации практически во всех странах предоставляет практически неограниченные возможности как для государства в целом (развитие науки, технологий, экономики), так и для отдельной личности (онлайн обучение, работа, коммуникация).

Безопасность личности в цифровом пространстве имеет свою специфику, аккумулируя компоненты физической, психологической, социальной безопасности, как в реальной жизни, так и в интернет-среде. Ряд исследователей [2], [3], [7] дифференцируют ряд угроз для цифровой безопасности личности:

– фишинговые атаки, которые могут реализовываться в электронных письмах, рассылках, сообщения в мессенджерах. Они обманом заставляют раскрывать личную информацию (пароли, логины, коды), осуществлять незаконные действия;

– вредоносное программное обеспечение (трояны, вирусы), устанавливаемые на устройство без ведома пользователя (через переходы по ссылкам, съёмные носители);

– программы-вымогатели (ransomware), блокирующие доступ к устройству или к определенным данным до уплаты выкупа, перевода денег злоумышленникам;

– создание и эксплуатация фейковых аккаунтов в мессенджерах, социальных сетях, посредством которых преступники получают доступ к личной информации других пользователей.

Безусловно, данный перечень инструментов нарушения личностной безопасности не является исчерпывающим, однако и специалистам соответствующих служб, и отдельным гражданам необходимо понимать те методы, которыми действуют преступники.

В контексте этого безопасность рассматривается не только как отсутствие угроз для личности, но и как возможность личности безопасно осуществлять необходимые действия (коммуникацию, обучение, работу и пр.) в цифровом пространстве.

Н. Р. Шевко, С. Я. Казанцев и Э. Н. Хисамутдинова [9] отмечают, что понятие обычной безопасности личности тесно связано с кибербезопасностью, т.к. в цифровом пространстве содержится много сведений, в том числе личного, конфиденциального характера. И, конечно, же, они являются неотъемлемыми компонентами безопасности личности. Все действия, которые направлены на незаконное использование личных данных, расцениваются как посягательство на безопасность личности. Именно поэтому личностную безопасность в современном обществе необходимо рассматривать в контексте цифровой даже в случаях, если гражданин не является активным пользователем интернет-ресурсов. Нарушение кибербезопасности многие авторы определяют, как результат киберпреступлений [9] и говорят о необходимости наступления серьёзной ответственности, что закреплено в нормативно-правовых актах различных стран.

Особенности правового регулирования цифровой безопасности личности в зарубежных странах

Нормативно-правовая база многих государств в данной сфере имеет много общего, ведь те нормы и ценности, которые она закрепляет, отражают приоритеты не отдельного государства, а всего мирового сообщества. И проблемы безопасности личности в цифровом пространстве, как мы уже подчеркнули ранее, тоже общие.

В работе Гайрата А. Угли Саъдуллаева и Ж. Курбонбой Угли Собирова [7, с. 55] отмечается, что по данным Международного статистического портала на начало 2024 года 5,35 миллиардов людей или 66,2 % мирового сообщества являются пользователями Интернета. Данная цифра показывает увеличение количества на 1,8 % по сравнению с 2023 г. Это говорит о том, что все большее количество людей включаются в мировое информационное пространство, а, следовательно, повышают уровень нарушения личностной цифровой безопасности.

Как подчеркивают данные авторы, это влечет за собой увеличение количества экономических, политических и социальных проблем. Поэтому, конечно же, основные усилия государства и самих граждан необходимо направлять на обеспечение цифровой безопасности личности.

По мнению данных исследователей, результатом нарушения цифровой личностной безопасности практически всегда является преступление и поэтому механизмы обеспечения подобной безопасности должны быть направлены на профилактику и борьбу с подобными преступлениями.

Организационно-правовые механизмы обеспечения цифровой безопасности личности являет собой комплексную систему мер, которые регулируются нормативно- правовыми актами и реализуется не только правоохранительными органами, но и службами информационной безопасности, психологическими службами, специалистами, занимающимися формированием информационной грамотности и цифровой компетентности.

В. А. Бойков [2], и вышеуказанные авторы выделяют субъектов, которые занимаются обеспечением информационной безопасности в зарубежных государствах:

– органы и службы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность и расследование преступлений (Международная организация полиции, Полицейская служба Евросоюза, правоохранительные органы различных стран). В Греции подобная структура представлена киберполицией, в Австрии, Румынии и Франции ◎ отделами киберпреступности, отделом преступлений в области информационных технологий в Чехии и пр. [4, с. 91]. Полиция Сингапура и Министерство внутренних дел имеют право и обязаны расследовать преступления против безопасности личности, которые совершены в киберпространстве, и преследуют субъектов цифровых преступлений;

– специалисты и службы, которые осуществляют экспертную оценку цифровой безопасности личности;

– службы и организации, работающие с персональными данными, а, следовательно, обеспечивающие их безопасное получение, использование и хранение;

– органы и союзы международного сотрудничества (ООН, Евросоюз, Шанхайская организация сотрудничества и пр.).

Отдельно необходимо сказать о нормативно-правовой базе, регулирующей обеспечение цифровой безопасности личности за рубежом. Первый законопроект был разработан в 1977 г. в США, и он предусматривал ответственность за преступления в сфере информационных технологий. Чуть позже, в 1984 г. на его основе был принят Закон о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях, конкретизирующий уголовную ответственность за преступления в компьютерной сфере.

Именно в Америке актуализировалась тяжесть преступлений в компьютерной сфере, т.к. они представляют собой угрозу для безопасности личности, экономики развития политических отношений.

Далее подобное законодательство получило развитие в правовом пространстве различных зарубежных стран. К примеру, в Великобритании в 1990 году вышел Закон о злоупотреблении компьютерами. Данный законодательный акт устанавливает понятие несанкционированного доступа к информации и ее незаконного использования.

В Германии подобные преступления отражены в Уголовном кодексе (ст. 202), где прописаны пути использования информации и то, что все электронные данные не могут быть просмотрены напрямую, без необходимого разрешения. Сведения, которые предназначаются конкретным лицам, защищены от несанкционированного доступа других и нарушение данного правила влечет за собой уголовную ответственность. Также представляют угрозу для безопасности личности такие действия как передача данных их изменение или попытка сделать непригодными для использования. Причем по данным правонарушениям ответственность может наступать как по вышеуказанной статье, так и в совокупности с такими преступлениями как подлог, мошенничество и пр. Именно поэтому безопасность личности тесно связана с функционирование отдельных социальных групп и общества в целом.

Китайское законодательство во многих нормативно-правовых актах конкретизирует информацию о сборе, использовании и передаче персональных данных и очень строго относится к несанкционированной деятельности в отношении подобных данных и их безопасности (Закон о кибербезопасности КНР, который вступил в силу с 2017 г.). Подобное законодательство приобрело актуальность в Китае с 90-х гг. прошлого века, а точнее, с 1999 г. с введением в работу системы электронного правительства. Одним из интересных пунктов данного закона является необходимость регистрации граждан в интернет-пространстве только под реальным собственным именем. Это отграничивает граждан от посягательства на личное пространство и в случае противонравственных или незаконных действий в отношении безопасности личности, т.к. личность нарушителя установить не составит труда. Кроме того, безопасность личности обеспечивается сохранностью информации в пределах страны и даже в рамках интернета невозможна ее передача за границы государства.

В данном случае мы также видим, что безопасность представляет собой данные о личности или о связанной с ней деятельности в цифровом виде и их разглашение характеризуется как нарушение безопасности личности в цифровом пространстве. И здесь прослеживается взаимосвязь личностной безопасности и специфики цифровизации, где большая часть жизнедеятельности личности реализуется в интернет-пространстве.

Как отмечает Р. Н. Шевко, международное цифровое пространство представляет собой поле, в котором необходимо обеспечить безопасность личности любого государства, т.к. персональные данные и конфиденциальная информация могут быть собраны и размещены в одной стране, а несанкционированный доступ к ним произведен в другой. Это обуславливает необходимость выработки универсальных правовых механизмов, которые не только обеспечивают безопасность, но и устанавливают ответственность за ее нарушение.

Пути реализации международного сотрудничества в данном направлении

Исходя из обозначенных выше проблем, логично актуализировать вопрос об определении путей их разрешения.

Такие авторы как Г. М. Бердимуратова [1] и П. Н. Кобец [5] в своих публикациях определяют основные направления международного сотрудничества и те инструменты, которые уже сейчас развиваются в зарубежных странах:

– создание универсальных нормативов и стандартов, которые позволяют закрепить единые требования, правила использования личных и иных данных в цифровом виде. К примеру, на настоящий момент разработана инициатива (Глобальная стратегия кибербезопасности ООН) которая как-раз-таки ориентирована на создание механизмов реагирования на цифровые угрозы и вызовы, стандартов использования определенных ресурсов;

– обмен информацией, создание единых баз данных, необходимых как для борьбы с уже совершенными, так и для предотвращения новых киберпреступлений. Создан ряд договоренностей в рамках ОБСЕ, которые обеспечивают транспарентность и доверие между государствами-участниками. Это позволяет создать единое безопасное цифровое пространство для функционирования политического, экономического и гражданского общества. Также функционируют партнерства (сотрудничество США и Евросоюза в сфере защиты критической цифровой инфраструктуры, Азиатско-Тихоокеанское сотрудничество (АРЕС) по совместной борьбе с киберугрозами в регионе и пр.;

– повышение цифровой и правовой грамотности граждан с целью обеспечения собственной безопасности, обучение использованию цифровых ресурсов без «утечки» личных данных. В данной сфере функционируют различные программы и проекты по работе с различными категориями граждан, обучению специалистов сфер, не связанных с цифровой безопасностью, получению, использованию и хранению сведений различной степени защиты.

Правовые механизмы регулирования подобной деятельности закрепляются как на уровне отдельных государств, так и в контексте международного сотрудничества (договоры, соглашения, стандарты, правила и пр.).

В данном случае важно реагирование отдельных государств на данную проблематику, которое отражает степень готовности сотрудничества для разрешения актуальных вопросов и позволяет объединить усилия компетентных органов для обеспечения цифровой безопасности личности.

Выводы

Таким образом, проанализировав использованные источники, мы приходим к выводу, что проблемы обеспечения цифровой безопасности личности общие для всех государств. Те угрозы, которые создаются в цифровом пространстве, являются достаточно серьёзными и распространяются на все мировое сообщество.

Усилия, прилагаемые отдельными государствами, необходимо объединить в едином правовом пространстве и создать единую базу, которая позволяет обеспечить безопасность личности в международном цифровом пространстве. Ведь основная проблематика заключается в дифференциации классификации подобных преступлений в разных государствах и для того, чтобы обеспечить безопасность личности наступлением ответственности за преступлением, необходимо прийти к единому пониманию безопасности, ее компонентов и границ нарушения.

Пристатейный библиографический список

1. Бердимуратова Г. М. Вопросы обеспечения информационной безопасности в международном праве // Бюллетень науки и практики. - 2022. - № 12. - С. 434-440.
2. Бойков В. А. Борьба с киберпреступностью на международном уровне // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2021. - № 5-3. - С. 51-54.
3. Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий// Вестник Гуманитарного университета. - 2020. - № 4 (31). - С. 16-28.
4. Евдокимов К. Н., Хобонкова К. В. К проблеме совершенствования международного сотрудничества в сфере противодействия киберпреступности // Сибирский юридический вестник. - 2022. - № 3 (98). - С. 90-95.
5. Кобец П. Н. Совершенствование межгосударственного сотрудничества в сфере информационной безопасности: основа противодействия международной киберпреступности // Вестник БелЮИ МВД России. - 2023. - № 1. - С. 82-89.
6. Овчинников А. И. Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект // Журнал российского права. - 2020. - № 6. - С. 5-21.
7. Саъдуллаев Гайрат А. Угли, Собиров Ж. Курбонбой Угли Анализ опыта зарубежных стран по обеспечению охраны информационной безопасности личности // EJAR. - 2024. - № 5-3. - С. 54-59.
8. Смирнов А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг. - 2021. - № 1. - С. 129-153.
9. Шевко Н. Р., Казанцев С. Я., Хисамутдинова Э. Н. Меры противодействия киберпреступности: зарубежный опыт // Криминологический журнал. - 2023. - № 1. - С. 144-147.
10. Якимова Е. М., Нарутто С. В. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью // Всероссийский криминологический журнал. - 2016. - № 2. - С. 369-378.

АМЕЛИЧКИН Артем Валерьевич
кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности и педагогики, Орловский государственный институт культуры

ЭФФЕКТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ИНТЕРНЕТЕ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПРОДВИЖЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИЙ СФЕРЫ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ

В статье рассматриваются эффективные инструменты маркетинговых коммуникаций в Интернет-среде, направленные на продвижение организаций сферы креативных индустрий. Автор приходит к выводу, что Интернет – это не просто технология, а уникальное коммуникативное пространство, которое формирует совершенно новые связи и отношения между участниками рынка. Его влияние на маркетинговую стратегию организации сферы креативных индустрий значительно, ведь Интернет кардинально меняет традиционные подходы к взаимодействию с аудиторией. Будущее системы продвижения через инструменты маркетинговых коммуникаций в Интернете связано с повсеместной цифровизацией и развитием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: Интернет, медиа, маркетинг, продвижение, маркетинговые коммуникации, креативная экономика, креативные индустрии.

AMELICHKIN Artem Valerjevich
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Head of Social and cultural activities and pedagogy sub-faculty, Orel State Institute of Culture

EFFECTIVE ONLINE MARKETING COMMUNICATION TOOLS AIMED AT PROMOTING ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF CREATIVE INDUSTRIES

The article discusses effective marketing communication tools in the Internet environment aimed at promoting organizations in the field of creative industries. The author comes to the conclusion that the Internet is not just a technology, but a unique communication space that forms completely new connections and relationships between market participants. Its influence on the marketing strategy of the organization of the creative industries is significant, because the Internet is fundamentally changing traditional approaches to interacting with the audience. Future development of the system through marketing communications tools on the Internet with significant digitalization and development of artificial intelligence.

Keywords: Internet, media, marketing, promotion, marketing communications, creative economy, creative industries.

В современных социально-экономических условиях сфера креативных индустрий играет важную роль в национальной экономике. Мировые тенденции последних лет указывают на растущий интерес к креативному кластеру и ее экономическому потенциалу Этот интерес обусловлен возможностью продуктивного взаимодействия бизнес-сообщества и сферы креативных индустрий. Они часто упоминаются экспертами как эффективный способ интеграции креативных некоммерческих интересов и частных бизнес возможностей. Сегодня креативная экономика — это быстрорастущий сектор, активно участвующий в решении социально-культурных и экономических проблем по средствам создания инновационных продуктов. Креативная экономика выступает значимым фактором экономического роста нашей страны и благополучия ее населения. Экономика креативных индустрий отличается разнообразием, она включает в себя множество подсекторов, способных к независимому самостоятельному развитию. Широкий спектр креативных активностей в регионе повышает его инвестиционный и туристский потенциал, формирует конкурентные преимущества.

Креативные индустрии определенно нуждаются в эффективной маркетинговой стратегии, значимой частью которой являются маркетинговые коммуникации в Интернете. Без продуманной стратегии коммуникаций в цифровом пространстве, организация рискует упустить значительную часть потенциальных клиентов и проиграть конкурентам, которые активно используют эти цифровые каналы. Более того, маркетинговые коммуникации онлайн позволяют собирать информацию о потребителях, анализировать их поведение и настраивать, коммуникации более персонализировано, что повышает эффективность маркетинговых усилий и оптимизирует затраты. Эффективность в использовании онлайн-коммуникаций становится ключевым фактором конкурентоспособности для современных организаций сферы креативных индустрий. Конкурентоспособная стратегия в этом пространстве напрямую влияет на достижение бизнес-целей организации, внося значительный вклад в ее общее процветание.

Далее на теоретическом уровне рассмотрим эффективные инструменты маркетинговых коммуникаций в Интернете, направленные на продвижение организаций сферы креативных индустрий.

Интернет-реклама является продуктивным инструментом развития организаций сферы креативных индустрий. Успешная онлайн-реклама требует тщательной подготовки, начиная с глубокого анализа целевой аудитории. Для результативного взаимодействия с заказчиком, рекламные площадки должны предлагать детально проработанный медиаплан. Значимое преимущество интернет-рекламы – возможность отслеживания действий каждого пользователя с автоматическим сбором, обработкой и анализом информации. Этот подход не только повышает эффективность рекламы, но и предоставляет ценные данные для дальнейших маркетинговых исследований. Интернет-технологии продолжают постоянно развиваться, внедряя инновационные методы представления рекламной информации, поскольку Интернет – это постоянно расширяющаяся платформа с растущим числом пользователей [11].

«Интернет-PR — инструмент интернет-маркетинга, который включает в себя формирование общественного мнения с помощью доступных онлайн-инструментов. Эффективный интернет-PR создает положительный имидж организации и формирует благоприятное информационное поле вокруг нее, что способствует привлечению внимания целевой аудитории и СМИ, улучшает узнаваемость бренда и решает ряд других PR-задач» [5]. Трансформация медиакоммуникаций и возникновение инновационных информационных решений трансформируют связи с общественностью в ключевой актив социально-экономических связей. Увеличение числа пользователей Интернета стимулирует постоянное развитие и оптимизацию стратегий и инструментов Интернет-маркетинга, направленных на продвижение продуктов или услуг. Рост онлайн-торговли в мировом масштабе и, как следствие,

усиление конкуренции в Интернете, диктует необходимость разработки четких алгоритмов для продвижения в онлайн-среде.

Интернет-брендинг для организаций сферы креативных индустрий сегодня стал эффективным инструментом маркетинговых коммуникаций. Связано это с тем, что в условиях системно меняющегося рынка, хозяйствующим субъектам, стремящимся к лидерству и устойчивому росту продаж, необходимо внедрять инновационные комплексные маркетинговые стратегии. Интернет-брендинг – ключевой инструмент формирования имиджа организации, обеспечивающий такие преимущества, как создание позитивного восприятия и укрепление доверия клиентов, благодаря неограниченному доступу к информации в сети Интернет. В отличие от традиционных маркетинговых коммуникаций, он предоставляет возможность интерактивного взаимодействия с потребителем, получения обратной связи и является более экономически выгодным. Поэтому интернет-брендинг – это совокупность маркетинговых усилий, направленных на создание, продвижение и развитие бренда в онлайн-среде с целью формирования благоприятного имиджа организации сферы креативных индустрий и повышения ее прибыльности. Создание бренда в Интернет-среде, требует комплексного подхода к позиционированию, включающего формирование, продвижение и поддержание устойчивости бренда с использованием сетевого взаимодействия и цифровых технологий.

Не менее значимым инструментом маркетинговых коммуникаций в онлайн-среде является стимулирование сбыта в Интернете. Активное содействие продажам, непрерывный поиск новых покупателей и стабильное увеличение количества заказов – ключевые процессы для роста продаж и повышения прибыльности бизнеса в сфере креативных индустрий. Продажи по различным каналам сбыта могут быть успешно стимулированы через Интернет. Это достигается путем создания прямых каналов продаж или поддержки традиционных продаж посредством сайтов. В онлайн-стимулировании продаж эффективны любые методы: от текстовой рекламы до имиджевых кампаний, от акций до PR-активностей [8]. Стимулирование сбыта через онлайн-каналы и современные медиаплатформы представляет собой инновационный, комплексный и постоянно развивающийся аспект маркетинговых коммуникаций в области управления креативными индустриями. Акции по продвижению в сети Интернет обладают двойственным характером, что дает возможность анализировать их как с точки зрения объекта управления, так и в качестве средства влияния на целевую аудиторию.

В эпоху цифровой трансформации культурные институции вынуждены адаптировать стратегии взаимодействия с посетителями. Появление новых каналов распространения информации, включая Интернет, онлайн-платформы и цифровые технологии, расширяют горизонты исследований в области Интернет-маркетинга. Сайт и социальные медиа, как информационная платформа, выступают эффективным средством коммуникации, способствуя установлению связей с клиентами, партнерами, сотрудниками, СМИ, органами власти и широкой публикой. В современной социокультурной среде наличие сайта и групп в социальных сетях у организации сферы креативных индустрий стало неотъемлемой частью их деятельности. Это обусловлено глубоким проникновением Интернета и цифровых технологий в повседневную жизнь. Также для нашего исследования значим такой инструмент e-mail-рассылка здесь незаменимый помощник. Суть e-mail-маркетинга в данном контексте заключается в создании списков рассылки – баз данных адресов электронной почты людей, заинтересованных в получаемой информации. Это позволяет отправлять целенаправленные сообщения, конкретным группам подписчиков, существенно повышая эффективность коммуникации по сравнению с нецелевым позиционированием. В электронные письма можно включать не только текстовую информацию, но и мультимедийные элементы. Это делает рассылку более привлекательной и запоминающейся. Постоянный мониторинг показателей открываемости, кликабельности и отписок позволит оптимизировать рассылки и достигнуть максимального эффекта от инвестиций в этот вид интернет-маркетинга. В целом, стратегия e-mail-маркетинга должна быть неотъемлемой частью общей коммуникационной стратегии организации сферы креативных индустрий, гармонично дополняя другие каналы продвижения [2].

Таким образом, эффективность маркетинговых коммуникаций в Интернете напрямую зависит от правильного выбора инструментов и их грамотного использования, часто в комплексе друг с другом. Нет универсального рецепта успеха, оптимальное сочетание методов продвижения определяется спецификой целевой аудитории и маркетинговой стратегией организации сферы креативных индустрий на рынке. Выбор может варьироваться от таргетированной рекламы в социальных сетях до e-mail-маркетинга и SEO-оптимизации, вирусного маркетинга и работы с инфлюенсерами, и это лишь малая часть доступных вариантов. Успешное управление такими коммуникациями предполагает постоянный мониторинг результатов и гибкое адаптивное реагирование на изменения в рыночной ситуации. Только такой подход позволит организации достичь стабильности и успеха на динамичном современном рынке. Это требует постоянного обучения, анализа и адаптации к изменяющимся условиям, постоянного поиска новых инструментов и методов, и, что самое главное, понимания того, как интегрировать их в единую, целостную маркетинговую стратегию. Только в этом случае маркетинговые коммуникации в Интернете станут действительно эффективным инструментом достижения бизнес-целей.

Пристатейный библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 г. № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г.». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/ (дата обращения: 27.03.2025).
2. Акулич М. В. Интернет-маркетинг: учебник для бакалавров. - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2020. - 352 с.
3. Аликперов И. М. Фандрайзинг как интеграция креативных некоммерческих интересов и частных бизнес-возможностей // Управление культурой. - 2023. - № 1. - С. 10-17.
4. Данилюк А. Бренд в Интернете, или особенности коммуникативной среды // Управление компанией. - 2011. - № 12. - С. 9-12.
5. Интернет-PR. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://netology.ru/glossariy/internet-pr (дата обращения: 29.03.2025).
6. Катаев А. В., Катаева Т. М. Интернет-маркетинг: учебное пособие. - Таганрог: Южный федеральный университет, 2018. - 154 с.
7. Максимова И. В., Скачкова И. И. Формирование финансовой грамотности россиян с использованием средств масс-медиа // Образование и культурное пространство. - 2024. - № 2. - С. 173-183.
8. Ноготкова А. Стимулирование сбыта с помощью технологий интернет-маркетинга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.demis.ru/articles/stimulirovanie-sbyta/ (дата обращения: 30.03.2025).
9. Продвижение уникального креативного продукта: экономика впечатлений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://roscongress.org/materials/prodvizhenie-unikalnogo-kreativnogo-produkta-ekonomika-vpechatleniy/(дата обращения: 28.03.2025).
10. Соловьева И. А. Компетентностный подход к креативной экономике // Культура, наука и искусство - современные векторы развития вуза культуры: материалы VIII Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием. - Орел: ОГИК, 2024. - С. 133-138.
11. Ткач В. В. Интернет-реклама как эффективный инструмент развития электронного бизнеса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2016. - № 8. - С. 288-292.
12. Шевченко Д. А. Цифровой маркетинг: учебник. - М.: Директ-Медиа, 2022. - 185 с.

ЗАЙЦЕВ Алексей Геннадьевич
доктор экономических наук, доцент, Государственный университет управления, г. Москва

СИВЦОВА Инна Сергеевна
аспирант, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна
доктор экономических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

ИНТЕГРАЦИЯ ЗАДАЧ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В СТРАТЕГИЮ РЕАЛИЗАЦИИ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассмотрены варианты интеграции задач достижения целей устойчивого развития (ЦУР) в процесс формирования стратегий реализации аграрной политики и государственной поддержки отраслей агропромышленного комплекса. Авторами определены две взаимообусловленные стороны во взаимодействии процессов достижения целей устойчивого развития и развития национального АПК: воздействие достижения ЦУР на развитие АПК, с одной стороны; влияние развития АПК на обеспечение достижения ЦУР, с другой стороны; при этом следует различать влияние прямое (непосредственное) и косвенное (опосредованное); такое разграничение позволяет установить роль внедрения указанных ЦУР в стратегию реализации аграрной политики и государственной поддержки отраслей АПК РФ.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, аграрная политика, АПК.

ZAYTSEV Alexey Gennadjevich
Ph.D. in economical sciences, associate professor, State University of Management, Moscow

SIVTSOVA Inna Sergeevna
postgraduate student, I. S. Turgenev Orel State University

TAKMAKOVA Elena Valerjevna
Ph.D. in economical sciences, associate professor, I. S. Turgenev Orel State University

INTEGRATION OF THE OBJECTIVES OF ACHIEVING SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS INTO THE STRATEGY OF AGRICULTURAL POLICY IMPLEMENTATION

The article considers options for integrating the objectives of achieving the Sustainable Development Goals (SDGs) into the process of forming strategies for implementing agricultural policy and government support for the agro-industrial complex. The authors have identified two interrelated sides in the interaction of the processes of achieving the goals of sustainable development and the development of the national agro-industrial complex: the impact of achieving the SDGs on the development of the agro-industrial complex, on the one hand; the impact of the development of the agro-industrial complex on achieving the SDGs, on the other hand; at the same time, direct (direct) and indirect (indirect) effects should be distinguished; this distinction makes it possible to establish the role of the implementation of these SDGs in the strategy for the implementation of agricultural policy and state support for agricultural sectors of the Russian Federation.

Keywords: sustainable development goals, agrarian policy, agriculture.

В 2015 году странами - членами ООН была разработана и принята «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [1], которая включает в себя 17 взаимоувязанных универсальных целей, содержащих в свою очередь целевые параметры которые следует достичь. Перечень российских показателей степени достижения ЦУР сформирован согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/71/313 от 6 июля 2017 года по разработке национальных наборов показателей ЦУР, на основе национальных приоритетов, условий и возможностей Федеральной службы государственной статистики [2]. Кроме того, при формировании национального набора показателей ЦУР учитывались национальные цели и стратегические задачи развития РФ, сформулированные в соответствующих Указах Президента РФ [3], [4], документах стратегического планирования страны, а также в национальных проектах.

Национальный набор показателей ЦУР предназначен для осуществления контроля за достижением целей устойчивого развития на национальном уровне. В нем отражены национальные особенности и учтены задачи, определенные в, стратегических документах Правительства РФ, а также национальных и федеральных проектах.

О. А. Чередниченко, Н. А. Довготько, Н. Н. Яшалова осуществили попытку по установлению того, как проблемы российского АПК отражены в ЦУР ООН [5]. М. Е. Кадомцева в своем исследовании показала, что имеющиеся индикаторы не согласованы между собой «в рамках реализации стратегических программ развития, и нечетко интерпретируют актуальные задачи государственной агропромышленной политики» [6].

Таблица 1. Направления воздействия достижения ЦУР на развитие АПК

ЦУР	Возможный результат прямого воздействия	Направления опосредованного воздействия достижения ЦУР
№1 «Повсеместная ликвидация нищеты»	Повышение доходов населения.	Повышение совокупного спроса, рост продаж продукции АПК; увеличение нормы прибыли.
№4 «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни»	Повышение квалификации работников АПК.	Повышение производительности труда, снижение себестоимости продукции, увеличение нормы прибыли, повышение конкурентоспособности продукции.
№7 «Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии»	Сокращение затрат на энергоресурсы.	Снижение себестоимости продукции, увеличение нормы прибыли, повышение конкурентоспособности продукции, увеличение нормы прибыли.
№8 «Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе»	Повышение доходов работников АПК.	Повышение совокупного спроса, рост продаж продукции АПК; усиление мотивации к труду работников АПК, рост производительности труда, снижение себестоимости продукции АПК, увеличение нормы прибыли, повышение конкурентоспособности продукции.
№9 «Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации, инновациям»	Повышение производительности труда, сокращение себестоимости продукции.	Увеличение нормы прибыли, повышение конкурентоспособности продукции.
№15 «Защита и восстановление экосистемы суши, и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия»	Внедрение ESG принципов в АПК.	Улучшение экологической ситуации в стране, повышение продуктивности АПК.

составлено авторами

В связи с этим представляется необходимым для обеспечения процесса интеграции задач достижения ЦУР и стратегии реализации аграрной политики и государственной поддержки отраслей АПК в РФ предложить авторский методический подход, который включает в себя поэтапное установление и характеристику следующих аспектов:

– определить, какие из ЦУР могут найти свое отражение в ходе реализации стратегии аграрной политики страны;

– выявить направления воздействия и последствия, которые может обеспечить достижение ЦУР в области аграрной политики и АПК;

– отобрать базовые индикаторы, отражающие степень достижения ЦУР в области аграрной политики и АПК.

Для решения этой задачи была сформирована схема взаимосвязи ЦУР применительно к стратегии реализации аграрной политики и государственной поддержки отраслей АПК в условиях Российской Федерации. Отметим, что в ходе отбора базовых индикаторов, отражающих степень достижения ЦУР в области аграрной политики, нами были использованы ряд индикаторов, предложенных М. Е. Кадомцевой [6]. Ключевое значение при формировании стратегии реализации аграрной политики и государственной поддержки отраслей АПК в РФ имеют ЦУР под номерами 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 15 (то есть мы делаем акцент только на 8 ЦУР из 15 целей, которые сформулированы ООН).

Полагаем, что возможно определение двух взаимообусловленных стороны во взаимодействии процессов достижения ЦУР и развития национального АПК: воздействие достижения ЦУР на развитие АПК, с одной стороны; влияние развития АПК на обеспечение достижения ЦУР, с другой стороны. Указанные стороны детально охарактеризованы в таблицах 1 и 2 соответственно. При этом нами осуществлено: разделение влияния (воздействия) на прямое (непосредственное) и косвенное (опосредованное); разделение отобранных 8 целей по двум взаимообусловленным сторонам – целям устойчивого развития и развития АПК.

Выявленные направления позволяют установить роль внедрения указанных ЦУР в стратегию реализации аграрной политики и государственной поддержки отраслей АПК РФ на современном этапе социально-экономического развития страны.

Итак, нами разработан методический подход, обеспечивающий процесс интеграции задач достижения ЦУР и стратегии реализации аграрной политики и государственной поддержки отраслей АПК в РФ, который включает в себя поэтапное установление и характеристику следующих аспектов: определение ЦУР, участвующих в ходе реализации стратегии аграрной политики РФ; выявление направлений воздействия и последствий, которые может обеспечить достижение ЦУР в области аграрной политики и АПК; отбор базовых индикаторов, отражающие степень достижения ЦУР в области аграрной политики и АПК. Ключевое значение при формировании стратегии реализации аграрной политики и государственной поддержки отраслей АПК в РФ имеют ЦУР 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 15.

Авторами определены две взаимообусловленные стороны во взаимодействии процессов достижения целей устойчивого развития и развития национального АПК: воздей-

Таблица 2. Направления влияния развития АПК на достижение ЦУР

ЦУР	Направление воздействия со стороны АПК	Опосредованное воздействие на социально-экономическое развитие страны
№1 «Повсеместная ликвидация нищеты»	Обеспечение населения продукцией АПК, соответствующей требованиям с точки зрения ее качественных и количественных параметров.	Повышение доходов населения, повышение совокупного спроса.
№2 «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства»	Прямое воздействие, так как ЦУР №2 прямо указывает на развитие АПК, выступающего как: средство ликвидации голода, источник продовольствия.	Обеспечение продовольственной, а, следовательно, и экономической безопасности страны.
№3 «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию»	Увеличение производства экологически чистой сельскохозяйственной продукции.	Улучшение состояния здоровья населения, рост продолжительности жизни, рост производительности труда.
№15 «Защита и восстановление экосистемы суши, и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия»	Предотвращение выбытия сельскохозяйственных земель из оборота.	Улучшение экологической ситуации в стране, повышение продуктивности АПК.

составлено авторами

ствие достижения ЦУР на развитие АПК, с одной стороны; влияние развития АПК на обеспечение достижения ЦУР, с другой стороны; при этом следует различать влияние прямое (или непосредственное) и косвенное (опосредованное); такое разграничение позволяет установить роль внедрения указанных ЦУР в стратегию реализации аграрной политики и государственной поддержки отраслей АПК Российской Федерации на современном этапе социально-экономического развития страны.

Пристатейный библиографический список

1. Цели в области устойчивого развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/ (дата обращения: 23.04.2025).
2. Национальный набор показателей ЦУР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/sdg/national (дата обращения: 23.04.2025).
3. Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изм. и доп.) (утратил силу). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/71937200/ (дата обращения: 23.04.2025).
4. Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (утратил силу). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/74404210/#block_5 (дата обращения: 23.04.2025).
5. Чередниченко О. А., Довготько Н. А., Яшалова Н. Н. Устойчивое развитие агропродовольственного сектора: российские приоритеты и направления адаптации Повестки дня - 2030 // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. - 2018. - Т. 11, № 6. - С.89-108.
6. Кадомцева М. Е. Система индикаторов устойчивого развития национального АПК // Проблемы прогнозирования. - 2024. - № 1. - С. 144-156.

НИКОЛАЕНКО Андрей Владимирович
доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, ФГБНУ «Аналитический центр», г. Москва

ЗАЙЦЕВ Алексей Геннадьевич
доктор экономических наук, доцент, заместитель директора центра управления технологиями в биоинженерии НИИ государственной политики и управления отраслевой экономикой; профессор кафедры банковского дела и предпринимательства Государственный университет управления, г. Москва

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДХОДОВ К ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

В статье осуществлен анализ подходов к определению сущности понятия «экономическая эффективность»; представлены ключевые характеристики (свойства) экономической эффективности промышленного предприятия, которые являются базисом для установления перечня индикаторов оценки экономической эффективности хозяйствующего субъекта; предложена классификация факторов, оказывающих влияние на индикаторы экономической эффективности деятельности промышленного предприятия, что дает возможность выявить резервы повышения эффективности хозяйственной деятельности предприятия и использовать их в качестве обоснованных направлений воздействия на целевой показатель.

Ключевые слова: экономическая эффективность, промышленное предприятие, факторы экономической эффективности.

NIKOLAENKO Andrey Vladimirovich
Ph.D. in economical sciences, associate professor, Chief Researcher, FSBI «Analytical Center», Moscow

ZAYTSEV Alexey Gennadjevich
Ph.D. in economical sciences, associate professor, Deputy Director of the Center for Technology Management in Bioengineering Research Institute of State Policy and Management of the Sectoral Economy; professor of Banking and entrepreneurship sub-faculty, State University of Management, Moscow

CHARACTERISTICS OF APPROACHES TO IMPROVING THE EFFICIENCY OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

The article analyzes approaches to defining the essence of the concept of «economic efficiency»; presents the key characteristics (properties) of the economic efficiency of an industrial enterprise, which are the basis for establishing a list of indicators for assessing the economic efficiency of an economic entity. The classification of factors influencing the indicators of economic efficiency of an industrial enterprise is proposed, which makes it possible to identify reserves for improving the efficiency of an enterprise's economic activity and use them as reasonable areas of influence on the target indicator.

Keywords: economic efficiency, industrial enterprise, economic efficiency factors.

Систематизация научных публикаций по проблемам экономической эффективности позволяет нам заключить, что существует ряд подходов к дефиниции данной категории (таблица 1).

Полагаем, что каждый из представленных подходов имеет право на существование и все они взаимодополняют друг друга и на их основе можно выделить ряд характеристик (свойств) экономической эффективности хозяйствующего субъекта:

1) Результативность – степень соответствия полученных результатов нормативным (запланированным) индикаторам.

2) Ресурсоемкость – соотношение запланированного эффекта (достигаемый результат в материальном, денежном, социальном выражении) как результата деятельности хозяйствующего субъекта за период времени (в виде объемных конечных показателей, финансовых результатов работы предприятия и ресурсов на достижение эффекта).

3) Оперативность – время, затрачиваемое для достижения цели [11].

4) Целевая эффективность – степень достижения стратегических целей предприятия с учетом оценки влияния конкурентного потенциала [12].

5) Экономичность – соотношение между фактическими затратами ресурсов и плановым (нормативным) значением расходом определенного вида ресурса.

6) Качество производимой продукции – степень соответствия фактических индикаторов качества нормативным (запланированным) индикаторам.

Таблица 1. Подходы к пониманию «экономическая эффективность» в трудах отечественных и зарубежных экономистов

Подход	Представители
1) обеспечение максимизации результатов при одновременной минимизации издержек, что позволяет достичь результативности производственного процесса;	Н. А. Васильева, А. М. Сухорукова [1]; В. Гончаров [2], Н. Иващенко [3]; В. Ковалев, О.Н. Волкова [4]; К. Маркс, Ф. Энгельс [5]; М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури [6]
2) степень использования ресурсов хозяйствующего субъекта;	В. Н. Попов, В. С. Касьянов, И. П. Савченко [7]; И.Н. Соколова [8]
4) качественная категория, вытекающая из интенсивности деятельности хозяйствующего субъекта.	К. В. Павлов, И. В. Митрофанова [9]; Т. В. Рыжкова [10]

7) Производительность – динамика ресурсоемкости, то есть динамика соотношения запланированного эффекта и ресурсов на достижение данного эффекта.

Данные характеристики являются базисом, на основе которого можно установить перечень индикаторов для оценки экономической эффективности хозяйствующего субъекта.

В практической деятельности предприятий для измерения эффективности деятельности предприятий применяются широко распространенные показатели: производительность труда, фондоотдача, рентабельность, прибыльность, окупаемость, ликвидность. Нередко хозяйствующие субъекты разрабатывают и используют собственные оригинальные системы индикаторов. Формой проявления экономической эффективности выступают различные показатели, основанные на действующих механизмах ценообразования и общепринятых правилах соизмерения и оценки разнородных ресурсов. Полнота перечня показателей, выбранных для описания эффективности предприятия, может быть определена при их детализации [11].

Эффективность хозяйственной деятельности предприятия определяется множеством факторов, которые можно классифицировать по ряду критериев. В обобщенном виде представим классификацию факторов изменения экономической эффективности деятельности предприятия:

1) по источникам изменения эффективности можно выделить следующие факторы: изменение трудоемкости, материалоемкости, капиталоемкости, фондоёмкости продукции; экономия времени;

2) по направлениям совершенствования производства – ускорение НТП; изменение структуры производства; изменение мотивации персонала, изменение форм организации производства;

3) по уровню действия: факторы внутренние (в зоне влияния); факторы внешние (вне зоны влияния предприятия): факторы макроуровня (риски возникновения международных конфликтов, стабильность социально-экономической политики государства); факторы мезоуровня;

4) по влиянию на объект: факторы объективные (налоговое, таможенное, лицензионное регулирование; рыночная конъюнктура; демографические); факторы субъективные (зависят от уровня организации производства и системы управления на предприятии) (технико-технологические; маркетинговые; организационные; управленческие; кадровые; финансовые);

5) по отрасли – место отрасли в национальной экономике; отраслевая конъюнктуры рынка; тип конкуренции в отрасли;

6) по природно-географическим условиям – климатические особенности места нахождения предприятия; место расположения предприятия;

7) по аспектам функционирования предприятия – факторы производственные, финансовые, социальные;

8) по характеру действия – факторы прямые, косвенные;

9) по направлению воздействия – позитивные, негативные;

10) по типу развития – факторы экстенсивные (устранение непроизводительного использования ресурсов); интенсивные (совершенствование процесса использования ресурсов, качества используемых ресурсов).

Данная классификация факторов, влияющих на индикаторы экономической эффективности деятельности предприятия, позволяет систематизировать указанные факторы, что, в свою очередь, дает возможность выявить резервы повышения эффективности хозяйственной деятельности предприятия и использовать их в качестве обоснованных направлений воздействия на целевой показатель. При этом индикаторы, отбираемые и используемые для измерения эффективности хозяйственной деятельности предприятия, могут иметь как моментный (по состоянию на конкретную дату), так и интервальный (то есть за период времени (агрегировано или в среднем) характер. Применительно к факторам, определяющим эффективность деятельности хозяйствующего субъекта, следует сказать, что они действуют с разной степенью интенсивности, в разные периоды времени, с различными временными лагами. Все это позволяет предприятию проанализировать имеющиеся факторы, оценить степень их значимости, и в конечном итоге адаптироваться как к факторам внешнего характера, так и внутреннего действия.

Пристатейный библиографический список

1. Васильева Н. А., Сухорукова А. М. Экономическая и социальная эффективность производства продовольствия в России // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2012. – № 6. – С. 19.
2. Гончаров В. И. Менеджмент: учеб. пос. – М.: Мисанта, 2003. – 624 с.
3. Экономика фирмы / Под ред. Н. П. Иващенко. – М.: ИНФРА– М, 2007. – 528 с.
4. Ковалев В. В., Волкова О. Н. Анализ хозяйственной деятельностипредприятия: учебник. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 424 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал // Соч. – 2-е изд. – Т. 26, Ч. 2. – С. 177.
6. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: учебник. Пер. с англ. – М.: Дело ЛТД, 2010. – 701 с.
7. Попов В. Н., Касьянов В. С., Савченко И. П. Системный анализ в менеджменте: учеб. пос.; под ред. В. Н. Попова. – 2-е изд. – М.: КНОРУС, 2011. – 304 с.
8. Соколова И. Н. Организационно-экономические механизмы управления эффективностью производства и реализации картофеля (на материалах Удмуртской республики): 08.00.05: автореферат дис. … канд. экон. наук. – Ижевск, 2005. – 26 с.
9. Павлов К. В., Митрофанов И. В. Оценка экономической эффективности интенсификации регионального производственного комплекса: новые подходы // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2016. – № 2. – С. 24-37.
10. Рыжкова Т. В. Теоретические аспекты экономической оценки эффективности деятельности предприятий // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. – 2013. – № 4.
11. Леонтьев Е. Д. Модели и методы оценки эффективности управления малым предприятием связи: специальность 08.00.05: дис. … канд. экон. наук. – Курск, 2014. – 169 с.
12. Симченко О. Л. Методический инструментарий оценки эффективности деятельности промышленных предприятий-резидентов индустриальных парков: 08.00.05: дис. … канд. экон. наук. – Ижевск, 2019. – 230 с.

ФИРСОВА Ольга Николаевна
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и предпринимательства, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Фирсова О. Н.

ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИАЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

В исследовании обосновывается выбор формы регистрации и ведения предпринимательской деятельности с представлением преимуществ и недостатков каждой формы, представлены критерии категориальности субъектов малого и среднего предпринимательства с учетом изменений в законодательстве в 2025 году. Выбор категории для ведения предпринимательской деятельности, роль которой объективна и закономерна в современных условиях экономического развития страны, формирует понимание субъектов предпринимательства во многих аспектах, в частности, налогообложение, планирование доходов и расходов, достижение эффективности бизнеса, а также формирует систему мер поддержки со стороны предприятий, корпораций, государства, регионов и муниципалитетов.

Определена стратегическая роль малого и среднего предпринимательства, которая объективна и закономерна в современных условиях экономического развития страны.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, критерии малого и среднего предпринимательства, индивидуальные предприниматели, юридические лица, бизнес.

FIRSOVA Olga Nikolaevna
Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Marketing and entrepreneurship sub-faculty, I. S. Turgenev Orel State University

FEATURES OF THE CATEGORIZATION OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN RUSSIA

The study substantiates the choice of the form of registration and business activity, presenting the advantages and disadvantages of each form, and presents criteria for categorization of small and medium-sized businesses, taking into account changes in legislation in 2025. Choosing a category for doing business, the role of which is objective and natural in the modern conditions of the country's economic development, forms an understanding of business entities in many aspects, in particular, taxation, income and expense planning, achieving business efficiency, and also forms a system of support measures from enterprises, corporations, the state, regions and municipalities.

In the study identifies the strategic role of small and medium-sized enterprises, which is objective and natural in the modern conditions of the country's economic development, and justifies the choice of the form of registration and business activity.

Keywords: small and medium-sized enterprises, criteria for small and medium-sized enterprises, individual entrepreneurs, legal entities, business.

Одной из распространенных форм организации малого бизнеса является индивидуальный предприниматель, представляющий собой физическое лицо, оформивший предпринимательскую деятельность вследствие регистрации в законном порядке, без образования предпринимательской структуры на основе уставного капитала и взносов учредителей. Организации в форме среднего бизнеса чаще всего функционируют как юридические лица, сформировавшие уставной капитал в целях создания общества с ограниченной ответственностью. Основными критериями соотнесения субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) к число малых и средних являются доход от деятельности и среднесписочная численность персонала (таблица 1).

Важным вопросом развития рыночных отношений является рациональное соотношение малого и крупного бизнеса. Однако в настоящее время число малого и среднего сектора бизнеса превалирует над количеством субъектов крупных фирм.

Согласно официальным данным статистики Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства ФНО России общее число компаний в Российской Федерации на начало 2025 года составило 6,59 млн. ед. Общее число организаций среднего сектора насчитывало 20,9 тыс. компаний, а сектор малого бизнеса (включая микропредприятия) – 6,6 млн. субъектов [1]. Такое неравенство в количественном соотношение числа малых, средних и крупных субъектов предпринимательской деятельности может быть обусловлено рядом факторов (табл. 2).

Анализ данных о численности индивидуальных предпринимателей (ИП) и юридических лиц (ЮЛ) в Орловской области в период с 2022 по 2024 годы демонстрирует новые тенденции в структуре малого и среднего предпринимательства.

В 2022 году количество действующих ИП составляло 17439 ед., тогда как число ЮЛ было на уровне 7415 организаций. В 2023 году наблюдалось незначительное снижение обоих показателей: число ИП сократилось до 17366 ед., а ЮЛ - до 7366 ед. [1]. Однако в 2024 году наблюдается значительный рост числа ИП до 17951 ед., тогда как количество ЮЛ продолжило снижаться, достигнув отметки в 7038 организаций, что даже ниже уровня предыдущих лет.

Такие изменения в численности индивидуальных предпринимателей и снижение количества юридических лиц в Орловской области может быть связано с несколькими факторами.

Во-первых, уход иностранных брендов с российского рынка создал свободные ниши, которые стали активно заполняться отечественными предпринимателями, часто предпочитающими форму ИП из-за более низких административных и финансовых требований.

Во-вторых, многие граждане, превысившие лимит доходов в 2,4 миллиона рублей, переходят из статуса самоза-

Таблица 1. Критерии малого и среднего предпринимательства в 2025 году [3]

Критерии	Характеристика
Малого предприятия	среднесписочная численность не более 100 человек и доход не более 800 млн руб. Минимум 51 % уставного капитала ООО должно принадлежать физлицам или организациям - МСП. Доля организаций, не относящихся к МСП, не должна превышать 49 %, доля государства, регионов или НКО - 25 %.
Микропредприятия	среднесписочная численность не более 15 человек и доход не более 120 млн руб. Ограничения по структуре уставного капитала – те же, что и для малых предприятий.
Среднего предприятия	доход не более 2 млрд руб. и среднесписочная численность не более 250, а для отдельных видов деятельности – 1 000 или 1 500 человек. Ограничения по структуре уставного капитала – те же, что и для малых предприятий.
Среднесписочную численность и доход оценивают за предыдущий год, доход считают по данным налогового учета без НДС. Все субъекты МСП включены в специальный реестр на сайте ФНС.	

Таблица 2. Преимущества и недостатки различных категорий субъектов малого, среднего и крупного бизнеса [2]

Формы бизнеса	Преимущества	Недостатки
Малые	Незначительное финансирование на старте. Простая система управления бизнесом. Оперативное реагирование в области принятия управленческих решений. Клиентоориентированность и индивидуальных подход. Гибкая система реагирования на рыночные изменения.	Существенные рамки в обеспеченности финансовыми и трудовыми ресурсами. Экономическая нестабильность Присутствие на рынке крупных фирм-конкурентов. Значительные операционные расходы.
Средние	Более устойчивая финансовая база и возможность привлечения инвестиций. Больше возможностей для масштабирования и роста. Возможность заниматься более сложными видами деятельности и расширять свои рынки сбыта. Внедрение новых технологий и инноваций для поддержания конкурентоспособности.	Законодательная зарегулированность, отрицательно сказывающаяся на оперативности работы. Наличие широкого круга конкурентов в соответствующих отраслях осуществления предпринимательской деятельности. Отсутствие достаточного объема оборотных финансовых ресурсов. Затрудненность получения лицензий и патентов
Крупные	Устойчивое положение на рынке Финансовая стабильность Наличие широкой филиальной сети и представительств на территории страны и за ее пределами Наличие устойчивого имиджа и узнаваемости бренда Возможность использования современных инновационных технологий Эффективная корпоративная культура	Возможная бюрократия в системе управления и принятия решений Сложный механизм управления компанией Принятие решений занимает продолжительный период времени

нятых в категорию ИП, чтобы соответствовать требованиям законодательства.

В-третьих, государственная поддержка предпринимательства, направленная на содействие малым и средним бизнесам, создает благоприятные условия для роста числа индивидуальных предпринимателей.

Опыт развитых стран показывает, что особый интерес для нашей страны представляет долгосрочное сотрудничество средних и малых фирм. Это расширяет возможности малых и средних предприятий иметь производственные заказы и сырьевые ресурсы, обеспечивать их оборудованием и производственными площадями, организовывать маркетинг продукции, сбыт, что является ключевым фактором устойчивого развития. С другой стороны, и крупным предприятиям выгодно объединяться вокруг них, учитывая преимущества малых предприятий, особенно удобство в разработке новых видов продукции, эффективное использование производственных ресурсов и повышение конкурентоспособности продукции. Поэтому значение государственной программы мер поддержки по расширению сотрудничества между крупными и малыми предприятиями страны очень велико.

Таким образом, стимулирование наращивания производства действующих субъектов малого и среднего предпринимательства и поддержка инвестиционных проектов по указанным приоритетным направлениям импортозамещения будет способствовать не только реализации региональных планов социально-экономического развития, но и придаст дополнительный импульс развитию экономики страны в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rmsp.nalog.ru/index.html (дата обращения: 23.06.2025).
2. Малые и крупные компании: преимущества и недостатки. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://newline.tech/small-vs-big-companies-pros-and-cons-ru/ (дата обращения: 26.06.2025).
3. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.06.2025). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/08b3ecbcdc9a360ad1dc314150a6328886703356/ (дата обращения: 25.06.2025).
4. Фирсова О. Н., Федосовский А. С. Развитие малого и среднего предпринимательства в Орловской области в условиях санкций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82266264 (дата обращения: 26.06.2025).

АНАНЧЕНКОВА Полина Игоревна
кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, доцент, Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы

Ананченкова П. И.

ВРЕМЯ СТАРОСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ ПОЗДНЕЙ ЖИЗНИ

Настоящая статья посвящена философскому осмыслению старости как особой формы темпорального бытия человека. В отличие от традиционных подходов, сосредоточенных на медицинских, демографических или социальных аспектах, автор рассматривает старость сквозь призму субъективного переживания времени. Анализируется, как в старости меняется восприятие прошлого, настоящего и будущего, как усиливаются рефлексия, ностальгия, чувство конечности и стремление к внутренней завершенности. Сделан вывод о том, что старость — не просто последний этап биографической линии, но и феномен, в котором сосредоточено многое из того, что делает человека действительно человеческим: память, благодарность, принятие, забота, стремление к смыслу и достоинству в завершении пути. Она требует нового языка, новых философских рамок и признания её ценности не как остатка, а как возможной вершины человеческой жизни.

Ключевые слова: старость, темпоральность, философия времени, экзистенция, память, идентичность, замедление, аутентичность.

ANANCHENKOVA Polina Igorevna
Ph.D. in economical sciences, Ph.D. in sociological sciences, associate professor, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management, Moscow Department of Healthcare

THE TIME OF OLD AGE: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE TEMPORALITY OF LATE LIFE

This article is devoted to the philosophical understanding of old age as a special form of human temporal existence. Unlike traditional approaches focused on medical, demographic, or social aspects, the author examines old age through the lens of a subjective experience of time. The article analyzes how the perception of the past, present and future changes in old age, as reflection, nostalgia, a sense of finiteness and the desire for inner completeness increase. It is concluded that old age is not just the last stage of a biographical line, but also a phenomenon in which much of what makes a person truly human is concentrated: memory, gratitude, acceptance, caring, striving for meaning and dignity at the end of the path. It requires a new language, a new philosophical framework and recognition of its value not as a remnant, but as a possible peak of human life.

Keywords: old age, temporality, philosophy of time, existence, memory, identity, deceleration, authenticity.

Старость — универсальный, но в то же время глубоко личный опыт, к которому общество и культура традиционно подходят с двойственностью: между почтением и страхом, мудростью и забвением, завершением и потерей. Вопрос старости чаще всего рассматривается в биомедицинском, демографическом или социально-экономическом контексте, тогда как её философское осмысление остаётся фрагментарным и во многом маргинализированным. Между тем старость представляет собой не только особое состояние тела и социального статуса, но и уникальное переживание времени, насыщенное рефлексией, памятью, внутренней тишиной и вопросами смысла.

Современная философия уделяет большое внимание темпоральности как ключевому измерению человеческого существования. Однако специфика темпорального опыта в поздние годы жизни ещё недостаточно проанализирована. Старость меняет соотношение между прошлым, настоящим и будущим, трансформирует восприятие времени и самого себя как субъекта этого времени. Утрата открытого горизонта будущего, усиление ретроспекции, особая плотность настоящего — всё это делает старость философски значимым и феноменологически насыщенным этапом человеческой жизни.

Цель настоящей статьи — исследовать старость как форму темпорального бытия человека, показать, как время в старости переживается иначе, чем в других возрастных периодах, и выявить философские смыслы, скрытые в этом замедленном, но глубоком жизненном ритме. Методологически работа опирается на феноменологический и герменевтический подходы, а также включает анализ культурно-философских текстов, посвящённых пониманию времени и старости. Рассмотрение старости как особого способа бытия-времени позволит не только углубить философскую антропологию, но и переосмыслить саму ценность поздней жизни.

Современная философия (в особенности феноменология и экзистенциализм) переносит акцент с онтологического или физического времени на переживаемое время. Темпоральность рассматривается как способ бытия субъекта, как структура сознания и личного опыта.

Экзистенциальная перспектива утверждает, что человек существует во времени не как объект среди других, а как временная сущность, для которой прошлое, настоящее и будущее неразрывно связаны с проектами, заботами и смертностью. Как отмечает О. В. Лукьянов, «Принцип обновления жизни, на котором строится экзистенциальная аналитика, не отменяется и не «портится» в связи с критикой его конкретных толкований» [4].

Феноменологический подход, в первую очередь в трудах Эдмунда Гуссерля, вводит понятие «внутреннего времени сознания», где каждый момент переживается не изолированно, а в контексте протенции (ожидание будущего), ретенции (воспоминание прошлого) и «теперь» - момента [9].

Августин Аврелий (354-430) в «Исповеди» размышляет о природе времени как внутреннего явления: «Что же есть время? Если никто не спрашивает меня, я знаю; если хочу объяснить – не знаю» (Книга XI) [1]. Он делит время на память (прошлое), восприятие (настоящее) и ожидание (будущее) — все они существуют внутри души человека. Таким образом, Августин предвосхищает субъективное понимание времени.

Анри Бергсон (1859-1941) вводит различие между временем науки (homogeneous time) и продолжительностью (durée réelle) — внутренним временем, переживаемым интуитивно. В его работах, особенно в книге «Творческая эволюция», время предстает как поток, который невозможно разделить или механически измерить — это живое, качественное течение сознания [3].

В «Бытии и времени» Мартин Хайдеггер (1889-1976) утверждает, что человеческое бытие (Dasein) по сути, временно [8]. Время — это не просто фон событий, а экзистенциальная структура бытия-в-мире. Он вводит понятие «экзистенциальной темпоральности» — связи настоящего с будущим (как проектом) и прошлого (как уже-свершившегося). Хайдеггер

подчеркивает важность понимания времени как горизонта понимания бытия.

Поль Рикёр (1913-2005) в своей трилогии «Время и рассказ» связывает временность с нарративом [6]. Он рассматривает рассказ как способ структурировать и осмысливать временные переживания. Таким образом, время становится понятым через повествование, а повествование — способом одухотворить распадающийся на части личный или исторический опыт.

Таким образом, философия темпоральности — это не просто изучение времени как абстрактной категории, а анализ его экзистенциального значения. Старость в этом контексте может быть рассмотрена как уникальная форма времени — внутреннего, медленного, насыщенного памятью и осознанием конечности. Это открывает путь к более глубокому философскому пониманию старения не как «упадка», а как специфической темпоральной модальности человеческого бытия.

Одним из ключевых феноменов старения является изменение субъективного восприятия времени. Психологи указывают, что с возрастом человек начинает чувствовать, что время «ускоряется» — годы пролетают быстрее, чем в молодости. Это объясняется снижением количества новых впечатлений и событий, замедлением когнитивной активности и упорядоченностью повседневной жизни.

В философии старость рассматривается как качественное изменение внутренней темпоральности. По мнению Жана Амери, старость — это «время, отягощённое телом», где каждый прожитый день начинает ощущаться как «время-с-остатком» (остаточное время), а сам субъект все чаще обращён в прошлое, а не в будущее [2].

Старость связана с сокращением горизонта будущего, что особенно ярко ощущается в переходе от активного проектирования (планирования) к проживанию настоящего и переработке прошлого. Как подчёркивает Ханс Йонас, человек, утративший чувство открытого будущего, утрачивает и динамику действия, целеполагания, что может привести к экзистенциальному кризису [11].

Сокращение темпорального горизонта вызывает также страх конечности, тревогу смерти и поиск новых форм самоопределения. В экзистенциальной психологии это состояние описывается как «экзистенциальный вакуум» (В. Франкл), когда человек теряет смысл в связи с невозможностью проецировать себя в будущее [7].

В позднем возрасте усиливается ориентация на прошлое, и это отражается в росте интереса к воспоминаниям, архивированию собственной биографии и переоценке жизненного пути. В феноменологической перспективе это описывается как ретроспективное осмысление себя во времени — старость становится временем памяти.

Поль Рикёр отмечает, что память в старости может выступать как идентификационный ресурс: через воспоминания человек заново выстраивает свою субъектность, особенно в условиях утраты социального статуса или профессиональной роли. Ностальгия в этом контексте — не просто тоска по прошлому, но способ реконструкции утраченного временного единства. Ностальгия — это не регресс, а форма сопротивления темпоральной дезинтеграции.

Важнейшей чертой восприятия времени в старости является переход к «медленному времени» — стремление к замедлению ритмов жизни, созерцанию, углублённому восприятию повседневности. Старость может стать временем философствования, размышлений, духовного роста. Старение нередко сопряжено с принятием и внутренним примирением с пройденным жизненным путём. Это то, что Эрик Эриксон в своей теории стадий психосоциального развития называет финальной задачей старости — достижение эго-целостности через интеграцию прошлого и принятие неизбежности конца [10].

Таким образом, старость представляет собой уникальное темпоральное измерение, в котором изменяются не только ритмы и направленность времени, но и сам способ его проживания. Переживание старости — это экзистенциальный опыт, в котором уходящее будущее уступает место воспоминаниям, созерцанию настоящего и принятию жизни как целого. В этом смысле старость — не конец, а особая фаза бытия, насыщенная смыслом и открытая к философскому осмыслению.

Философ Морис Мерло-Понти подчёркивал, что тело не просто объект, а условие нашего пребывания в мире — «живая плоть», через которую формируется идентичность. В старости тело как «время прожитое» становится иным — оно больше не служит незаметным фоном, а начинает навязывать себя в виде боли, ограничений, замедленности, что влияет на ощущение непрерывности субъекта [5].

Старость приближает человека к пределу — смерти, и в этом контексте возрастает потребность в поиске аутентичности. По Хайдеггеру, осознание своей смертности делает возможным подлинное существование: человек, осознав конечность, начинает жить «от смерти», то есть нацеленным на то, чтобы не упустить смысл своей экзистенции [8].

В старости это переживание выходит на первый план. Неудивительно, что пожилые люди чаще обращаются к философии, религии, искусству — к тем областям, где возможно обрести смысл завершения. Философ Ганс Йонас писал, что принятие смерти — это акт личностной зрелости, а старость - привилегированный момент для осмысления трансцендентного [12].

Старость, таким образом, не столько время угасания, сколько пространство философской рефлексии, стремления к экзистенциальной завершенности. Внутреннее согласие со своей историей жизни становится способом подготовки к смерти, не как трагедии, а как необходимому завершению.

Темпоральная идентичность в старости — это динамическое, сложное явление, включающее борьбу за целостность, переоценку себя и своей жизни, поиск завершённости. Старение, с философской точки зрения, открывает особый горизонт самоосмысления, где индивидуальное «я» оказывается в диалоге со временем — прошлым, настоящим и грядущим пределом. Размышления о старости и смерти в этом контексте служат не отрицанием жизни, а её прояснением

Старость предстает в философском осмыслении не как безмолвное завершение жизни, а как глубоко содержательный период, насыщенный особыми формами темпорального опыта, рефлексией и смысловым поиском. Она позволяет заглянуть в существо времени как экзистенциального горизонта, проявляющегося не столько в хронологической длительности, сколько в способе проживания и осмысления бытия.

Таким образом, старость — не просто последний этап биографической линии, но и феномен, в котором сосредоточено многое из того, что делает человека действительно человеческим: память, благодарность, принятие, забота, стремление к смыслу и достоинству в завершении пути. Она требует нового языка, новых философских рамок и признания её ценности не как остатка, а как возможной вершины человеческой жизни.

Размышления о времени старости возвращают нас к главному философскому вопросу - как быть человеком в пределах времени. И, возможно, именно в старости, на фоне замедления, утраты будущего и переосмысления прожитого, этот вопрос звучит особенно ясно и требует не столько ответа, сколько подлинного проживания.

Пристатейный библиографический список

1. Августин Аврелий. Исповедь / Аврелий Августин; пер. с лат. М. Сергеенко. – СПб.: Азбука, 2024.
2. Амери Ж. Сила возраста: уроки старости для семей и молодежи. – СПб.: Издательство «Алетейя», 2015.
3. Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: ООО «Издательство «Эксмо», 2019.
4. Лукьянов О. В. Экзистенциальный анализ и природа времени. Трансгемпоральный характер экзистенциального опыта // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 299. – С. 164-170.
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Под редакцией И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб: «Ювента», 1999.
6. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1: Настоящее историка и вымышленное время рассказа / Пер. С. Н. Зенкина. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – С. 11-63.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997.
9. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. – М.: Гнозис,1994.
10. Эриксон Э. Г. Детство и общество: пер. с англ. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996.
11. Jonas H. Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation. – Zürich: Buchclub Ex Libris, 1987.
12. Jonas H. The Phenomenon of Life. – Evanston: Northwestern University Press, 2001. – P. 225-234.

АНИКЕЕВА Елена Николаевна

доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

*АНИТЬЯ-ВАДА (ДОКТРИНА НЕПОСТОЯНСТВА) В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОГО РОССИЙСКОГО БУДДИЗМА**

Анитья-вада («учение о не-вечности», об отсутствии вечных субстанций) – один из фундаментальных принципов буддийского мировоззрения. Буддизм преимущественно в форме тибетской школы Гелук, распространяясь на территории Южной Сибири (Тува, Бурятия) и Калмыкии, наложился на эндогенную культуру номадов. В статье рассматривается ряд ее мировоззренческих основ: пространственное «мышление», феномен движения, созвучные буддийской анитья-ваде, – которые позволили прижиться буддизму и образовать его специфические российские формы.

Ключевые слова: анитья, анитья-вада, эндогенная культура, номадическая культура, российский буддизм, феномен сознания.

ANIKEEVA Elena Nikolaevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of History of philosophy sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ANITYA-VADA (DOCTRINE OF NON-PERMANENCE) IN CONTEXT OF TRADITIONAL RUSSIAN BUDDHISM

The article discusses the core principle of Buddhist outlook anitya-vada (teaching of 'non-eternity', non-permanence). Buddhism spread on Russian regions – Tuvan, Buryatian, Kalmyk – in the form of Gelugpa. It is shown that several archetypes of nomadic mentality and culture: space, frequent moving, coherent to anitya-vada, – stimulated the Buddhist entrance into indigenous cultural soil and composed peculiar forms of Russian Buddhism.

Keywords: anitya, anitya-vada, indigenous culture, nomadic culture, Russian Buddhism, phenomenon of consciousness.

Эндогенные культуры России разнообразны. Здесь будут рассмотрены только те из них, которые восприняли буддизм: тувинская, бурятская, отчасти калмыцкая. Отметим три их компонента: 1) собственно эндогенный слой (коренные нравы, обычаи, шаманизм, тенгризм и др.), 2) буддизм, 3) русская культура, несомненно, наложившая свой отпечаток на эндогенную. В данной работе будут рассмотрены первые два компонента. Цель статьи – исследовать те мировоззренческие основы эндогенной культуры, которые позволили (при наличии других факторов) с течением столетий прижиться буддизму среди номадов, а также выявить некоторые общие феномены сознания, обусловившие взаимопроникновение буддизма и эндогенной культуры.

На территории Южной Сибири (Тува, Бурятия) и Калмыкии буддизм распространялся преимущественно в форме тибетской школы Гелук, относимой к религиозно-философским школам мадхьямаки и йогачары. Анитья-вада (букв. «учение о не-вечности», непостоянстве, или об отсутствии вечных субстанций) – один из фундаментальных принципов буддизма, входящих в трилакшану, и своего рода широкий формат буддийского менталитета, на фоне которого разворачиваются другие его постулаты: шуньята, сантана, пратитья-самутпада и проч. Определенные качества местной культуры: мифологемы, мировоззренческие архетипы, – имели схожую с буддизмом мировоззренческую основу и потому способствовали проникновению буддийского мировоззрения, став для него своего рода точками притяжения. Данный компаративный анализ взаимодействия и взаимопроникновения двух типов культур представляется актуальным для самосознания народов-наследников эндогенных ценностей и для сохранения живых духовных традиций нашей страны.

Анитья/анитьята – первый и главный признак трилакшаны (трех существенных признаков буддизма): а-нитья (не-субстанция), ан-атма («не-душа»), духкха («страдание»). Данные признаки характеризуют буддизм и, как считается, выработаны в противоположность другим религиям, прежде всего, брахманизму, где имелся постулат о божественных субстанциях и атрибутах: Брахман (вечная божественная субстанция), Атман (Я, духовная субстанция), ананда (блаженство). Анитья-вада как учение о не-вечности, не признающее какого-либо всеобщего и самотождественного Абсолюта, или субстанции, утверждало иное и «правильное», как полагали последователи Будды, миросозерцания, или той дхармы, которая даст ясную самооценку и укажет человеку истинный ориентир на пути спасения от сансары. В «Анатма-лакшана-сутре» («Сутра о признаках отсутствия вечной души») Будда на вопрос ученика отвечает, что тело невечно (анитья), а невечное является страданием (духкха), и потому неразумно думать о нем как «Это мое, это есть Я», – так что вместо «Я» постулируется ан-атма [1, с. 62]. «Анитья (невечность, непостоянство) является центральным и определяющим понятием буддизма (наряду с анатманом и духкхой). Непостоянны все внешние и внутренние элементы потока сознания, т.е. объективное и субъективное содержание познания» [1, с. 64]. В махаяне представители школы мадхьямаки

* Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

выработали учение о пустотности (шуньята), что говорило о невыразимости реальности как в сансаре, так и в нирване, об отсутствии чего-либо прочного, долговечного, устойчивого. Вариант махаянистской школы Гелук, который распространялся в регионах нашей страны, был пропитан анитья-вадой.

Рассмотрим, почему анитья и связанные с ней другие буддийские принципы могли наложиться на эндогенную культуру и войти в сознание номадов. Исследования по буддизму в Туве [7] и религиям у народов Саяно-Алтая [9] раскрыли ряд вопросов и проблем политического, социального, мировоззренческого характера, которые возникли при взаимодействии буддизма и местных религий. Начиная с XVI в. буддизм стал укрепляться благодаря цинским властям Китая, завоевавшим Туву и Монголию. Впоследствии буддизм и деятельность лам были поддержаны местными властями, буддийские святые вошли в пантеон местных святых для поклонения, и ламы воспринимались тувинцами такими же наставниками, как и шаманы. Буддийские ламы в большинстве своем не боролись с местными шаманами, а пытались сосуществовать с ними, вступать в диспуты и проч., в чем проявилась высокая адаптивная способность буддизма. Надо сказать, что и в других регионах своего распространения буддизм приспосабливался к локальным традициям, что подтверждено многими исследованиями. Как пример, Авалокитешвара в Китае имеет признаки эндемичной богини Гуаньинь; или сближение почитания ками и бодхисаттв в Японии, и т.п.

Если абстрагироваться от политических и социальных вопросов взаимодействия двух культур, то необходимо сосредоточиться на анализе эндогенных феноменов сознания с точки зрения их чистого смысла и сравнить их с буддийскими феноменами. Взаимодействие и взаимопроникновение буддийской и местной культуры описывается как симбиоз, синкретизм [7], [8], что подчеркивает их сосуществование. Однако таких понятий не вполне достаточно для осознания этих процессов взаимодействия, чтобы уловить их синтез на более глубоком уровне. Нам представляется, что такая выработанная в индологии категория, как инклюзивизм [10]: включаемость пришедших извне культов и богов в данную религиозную систему, – более существенна для объяснения сращивания двух культур и процессов агломерации, когда из двух образуется уже единое целое. По большому счету инклюзивизм применим ко многим (если не ко всем) политеистическим религиям. В то же время противоположное инклюзивизму понятие «эксклюзивизм» (соответственно, исключаемость иных богов и культов) фиксирует взаимное отторжение двух мировоззренческих систем: например, поли- и монотеизма (поскольку в монотеизме не может быть иных богов и культов им, а также в монотеизме имеется запрет магизма, и т.д.). При этом, на наш взгляд, не столь важно, какую религию, эндогенную или буддийскую, рассматривать в качестве основы для включаемости иных богов.

Традиционная буддийская космография и география с мирами кама-, рупа-, арупа-локи, горой Меру, обителями Брахмы, других богов была усвоена номадами в своеобразном преломлении. Заметим, что космография буддизма включила в свое время индусских божеств (мир Брахмы, например), и таким же образом стала открытой для культов божественных и полу-божественных персонажей эндогенного тенгризма Южной Сибири. Тувинская космография после включения в нее слоев буддийского колеса сансары стала еще более многоуровневой структурой, похожей на «слоеный пирог» [10, с. 95-97]. Более того, в тувинском буддизме сформировался такой специфический религиозный феномен, как «будда-шаман» («бурхан-хам») [7, с. 58], что явилось отождествлением двух культов и прямым следствием инклюзивизма. Анитья-вада была широким форматом для включения новых религиозных персонажей.

Феномен распространения буддизма в Бурятии также показывает абсорбцию им местных верований и сращивание буддизма с шаманизмом. Проникновение буддизма на территорию забайкальских бурят (самоназвание «хори») было обусловлено тесной связью бурят с монгольским народом, имевшим контакты с тибетскими монахами. «Мягкое» взаимодействие и взаимопроникновение буддизма и эндогенных верований в форме шаманизма, в форме тенгризма, имеет в своей основе парадигмальное единство политеистической религиозности, где сосуществуют друг с другом и божества, и духи природы, и предков, и подземного мира и т.д. Отметим, что был проведен удачный опыт исследования бурятского буддизма с помощью категорий «инклюзивизм» – «эксклюзивизм», где инклюзивизмом называлось включение местного шаманизма в буддизм: «Для буддизма, распространенного в среде кочевников Центральной Азии, было характерно включение (инклюзивизм) в собственную религиозно-философскую систему элементов предшествующих ему верований, которые не противоречили основному содержанию его религиозно-философской системы» [5, с. 32].

Формулировку для объяснения такого синтеза дали исследователи хори-бурят (в частности, Жуковская Н. Л., Гомбоева М. И. и др.), которые считают, что буддизм и шаманизм являются двумя взаимодействующими системами, интегрировавшимися в традиционное мировоззрение по причине их типологического сходства. Ассимилированным буддизмом стал и Белый Старец – образ духа-хозяина, покровительствующего долголетию и плодородию, и широко почитаемому монголами, калмыками, бурятами и тувинцами как хозяин всей земли. Из огромного сонма рядовых духов-покровителей определенных местностей Белый Старец выделялся и почитался так широко, возможно, именно потому, что как буряты, так и тувинцы с калмыками приняли легенду о его встрече с Буддой, вследствие чего Белый Старец стал проповедовать буддизм. Данная легенда, считается, была инициирована монгольскими ламами в целях интегрирования буддизма в местные верования, хотя в канонических тибетских сутрах такого эпизода нет [2]. Несомненно, монгольские ламы интуитивно исходили из гомогенности религиозных систем и потому «естественным» образом включили мифологему Белого Старца в буддизм.

На фоне обще религиозного «закона» инклюзивизма буддийская анитья-вада притягивала и притягивалась ее аналогичными основами в номадической эндогенной культуре. Отчего в среде кочевников, которые вплоть до начала XX века в основной массе своей были неграмотными, могло сложиться принятие идей рафинированной буддийской философии, культивировавшейся в обителях образованными монахами? Ведь номады даже не могли читать трактаты или знать изощренную буддийскую терминологию, и потому фундаментальные принципы новой религии были им практически недоступны через рациональное изучение. Герменевтический

подход и принцип феноменологической редукции, раскрывающий чистый смысл того или иного феномена сознания и феномена религиозного сознания помогают понять взаимопроникновение двух типов культур. Буддийская анитья-вада как доктрина непостоянства встречается с принципом кочевого движения в пространстве, имеющимся «в крови» у носителей эндогенной культуры. При исследовании тувинских и прото-тувинских номадов и их сравнении с чукчами был обнаружен геокультурный архетип движения: «кочевники имеют особую философию движения, искусство движения, что позволило им создать стратегию контроля или даже власти над пространством» [6, с. 29]. Несомненно, номадический архетип движения, коррелирующий с принципом непостоянства/анитьи, был одним из каналов укоренения буддизма.

Еще один феномен сознания кочевников – пространство: это условие жизни народа, и понимание пространства должно было быть весьма широким, если не беспредельным. В буддийской философии образ чистого неструктурированного пространства связан с высшей сотериологической ценностью – нирваной. В «Абхидхармакоше» («Энциклопедии Абхидхармы». I. 5) Васубандху (V в. н. э.) указывается на три вида нирваны: пространство (акаша); нирвана, достигаемая умозрением; нирвана, достигаемая праксисом – йогической психотехникой [3, с. 195]. В «Вопросах Милинды» (греческого царя Менандра буддийскому мудрецу Нагасене) – памятнике около 100 г. до н.э. дается буддийский ответ и сравнение необусловленной ничем нирваны с таким же необусловленным пространством: «Как пространство, государь, не рождается, не стареет, не умирает, не преходит, не возникает, … поднебесным птицам в нем просторно, бесконечно, так же точно, государь, нирвана не рождается, не стареет, … ариям в ней просторно, бесконечно» [4, с. 294]. И далее поучение Нагасены: «Пространство освоено провидцами, подвижниками, божествами и стаями птиц… Так же и йогу следует освоить своим умом, что все слагаемые бренны, тягостны и без самости» [4, с. 348]. Нельзя не уловить глубинную аналогию между феноменом пространства у кочевников и возвышенным пониманием пространства в буддийской метафизике.

Опыт сравнения буддийской анитья-вады и эндогенной культуры послужит дальнейшим импульсом для более глубокого освоения отечественного наследия, сбережение которого является императивом нашего времени.

Пристатейный библиографический список

1. Андросов В. П. Буддийская классика Древней Индии. Слово Будды и трактаты Нагарджуны в переводах с палийского, санскритского и тибетского языков с комментариями. – М.: Алмазный путь, 2010. – 512 с.
2. Бичеев Б. А., Очир А. Культ Белого Старца (Монгольские тексты из Тувы) // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 1.
3. Васубанду. (Энциклопедия Абхидхармы, или Абхидхармакоша. Раздел I – Дхату-нирдеша, или учение о классах элементов. Раздел II – Индрия-нирдеша, или учение о факторах доминирования в психике / Пер. с санскрита, введ. и реконструкция системы Е. П. Островской и В. И. Рудого. – М.: «Ладомир», 1998. – 671 с.
4. Вопросы Милинды («Милиндапаньха») /Пер. с пали и комм. А. Парибка. – М.: Наука, 1989. – 486 с.
5. Гармаева С. Б. К вопросу об особенностях бурятского буддизма. Элементы инклюзивизма и эксклюзивизма // XIII Фестиваль науки в Москве. 12-13 октября 2018 г.: Сб. научных статей молодых учёных ФГСН / Под ред. В. Б. Петрова и др. – М.: РУДН, 2018. – С. 30-37.
6. Ламажаа Ч. К. Геокультурные образы буддийского мира тувинцев: исторический контекст и современность // Новые исследования Тувы. – 2019. – № 3. – С. 27-40. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nit.tuva.asia/nit/article/view/862 (дата обращения: 08.11.20.). – DOI: 10.25178/nit.2019.3.3.
7. Монгуш М. В. История буддизма в Туве. – Новосибирск: Наука, 2001. – 200 с.
8. Хомушку О. М. Религия в культуре народов Саяно-Алтая. – М.: Изд-во РАГС, 2005. – 228 с.
9. Хомушку О. М. Трансформация добуддийских архетипов в процессе их взаимодействия с буддийскими представлениями в мировоззрении народов Саяно-Алтая // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и центрально-азиатского региона. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности: В 2 ч. / Отв. ред. К. А. Бичелдей. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2010. Ч. II. – С. 260-267.
10. Hacker P. Inclusivismus // Inclusivismus. Eine indische Denkform. – Wien, 1983. – S. 25-62.

АРШИН Константин Валерьевич
кандидат философских наук, докторант сектора социальной философии, Институт философии, Российская академия наук

INVOCATIO DEI В ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ: ДЕБАТЫ

В статье представлено исследование дебатов о содержании Европейской конституции, в части включения в нее упоминания о христианском наследии Европейского союза. Автором представлены различные точки зрения на данный вопрос, а именно точка зрения либерального лагеря, отстаивающего позицию о принципиальной несовместимости европейских ценностей и христианского наследия Европы, а также позиция консерваторов, указывающих на глубинную связь прав человека и христианской этики. Особо в статье акцентирован тот факт, что даже вмешательство в спор Римской курии не привело к положительному результату о включении Invocatio Dei в Европейскую конституцию. Также автор делает вывод, что именно принципиальность спора об Invocatio Dei в Европейской конституции привела к провалу конституционного проекта.
Ключевые слова: конституция, Европейский союз, католическая церковь, идентичность, ценности.

ARSHIN Konstantin Valerjevich
Ph.D. in philosophical sciences, Doctoral student of the Social Philosophy Sector, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

INVOCATIO DEI IN THE EUROPEAN CONSTITUTION: DEBATES

The article presents a study of the debates on the content of the European Constitution, in terms of including a mention of the Christian heritage of the European Union. The author presents various points of view on this issue, namely the point of view of the liberal camp, defending the position on the fundamental incompatibility of European values and the Christian heritage of Europe, as well as the position of conservatives, pointing to the deep connection between human rights and Christian ethics. The article particularly emphasizes the fact that even the intervention of the Roman Curia in the dispute did not lead to a positive result on the inclusion of Invocatio Dei in the European Constitution. The author also concludes that it was the principled nature of the dispute about Invocatio Dei in the European Constitution that led to the failure of the constitutional project.
Keywords: constitution, European Union, Catholic Church, identity, values.

Введение

Появившийся как относительно небольшой региональный послевоенный интеграционный проект «Европейское объединение угля и стали», целью которого было недопущение еще одной европейской войны между Францией и Германией, современный Европейский союз в настоящий момент может рассматриваться настоящим экономическим гигантом. Так, ВВП Европейского союза, по оценке Международного валютного фонда, оценивается в объеме 17,2 триллионов долларов [IMF World Economic Outlook Database, 2022], что обеспечивает Европейскому союзу стабильное место среди наиболее развитых мировых экономик. Ни для кого не является секретом, что экономика Европейского союза развита крайне неравномерно. Например, экономическая статистика фиксирует, что «большую часть валового выпуска [товаров] ЕС в целом составляет ВВП пятнадцати «старых» членов союза (почти 90 %)» [4, с. 4]. Вместе с тем, в течение ряда последних лет «новые» страны-члены ЕС демонстрировали более высокий уровень роста ВВП, чем старые. Однако последствия экономического кризиса 2010-2013 гг. Евросоюзом все еще не преодолены, что оказывает существенное влияние на устойчивость этого интеграционного объединения, которое в большей мере нацелено на экономическую, а не политическую интеграцию. Подтверждает характер ЕС как скорее экономического объединения, чем как политического – выход Великобритании из Европейского союза («Брекзит»), который обсуждали более в экономических категориях (экономические последствия выхода из ЕС 2-й экономики Евросоюза), нежели политических (последствия «Брекзита» для ЕС как политического проекта). И это не случайно.

Несмотря на положение ЕС как экономического гиганта, что не оспаривается никем, ЕС как политическое надгосударственное объединение все еще является политическим карликом (хотя в его границах проживает более 500 млн. человек, а ВВП превышает 17 триллионов долларов). Как показала история, влиятельная концепция функционализма, утверждавшая, что Европейский союз движется «от политически инспирированного общего рынка к экономическому, а затем автоматически и политическому союзу» [2, с. 26], потерпела неудачу в попытке объяснить, как и почему казалось бы беспроигрышный путь интеграции экономических политик отдельных европейских государств, не привел к вызреванию политической интеграции.

И это несмотря на то, что, начиная с экономического кризиса 1970-х гг. один за другим появляются проекты, излагающие принципы движения европейского интеграционного проекта от исключительно экономической интеграции к интеграции политической (вплоть до образования федеративного государства) [2, с. 28-29].

Основная часть

Несмотря на тот факт, что в течение 1970 – 1990-х гг. реализовывались решения по созданию надгосударственных органов управления, расширению их функций и принятию обязательных для входивших в европейский интеграционный проект государств нормативных правовых актов, ЕС так и не достиг статуса не то что федеративного объединения, о чем грезили политологи и европейские государственные деятели 1970-х гг., но и конфедеративного объединения. Более того, сама идея параллельно идущих экономической и политической интеграции уступает место идее об экономической и политической конвергенции государств-членов ЕС.

В переходе к новой стратегии развития Европейского союза значимую роль сыграл провал попыток по созданию Европейской конституции, которая должна была венчать процессы политической интеграции и создание единого европейского государства.

В рамках европейской интеграции, разработка Конституции ЕС была признана ключевым шагом[1]. Соответственно, на саммите лидеров стран-членов ЕС, который состоялся

1 Werkhäuser N. Historischer Kompromiss. 2004. [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://www.dw.com/de/historischer-kompromiss/ a-1253758 (дата обращения 10.10.2023).

в 2001 году, было принято решение о созыве специального Конвента в целях создание указанного документа.

В ходе работы Конвента возникло обсуждение вопроса о включении в Преамбулу Конституционного договора ссылки на Бога (Invocatio Dei) в качестве признания общего христианского прошлого Европы. Следует подчеркнуть, что это не было первой попыткой зафиксировать христианские корни европейской цивилизации в документах, имеющих ключевое значение для сохранения единства Европы. Предыдущая попытка была предпринята ранее, в 1999-2000-м гг., когда шла дискуссия о форме Хартии Европейского союза об основных правах[2], в которую также предполагалось внести упоминание о христианстве. Однако в тот раз решение об указании на особую роль христианства в развитии Европы было заблокировано Францией. Следствием этого стало исключение из Хартии упоминаний о христианстве, но сделана отметка о «духовном и моральном историческом достоянии». После завершения встречи на высшем уровне в Ницце, где была утверждена Хартия фундаментальных прав, Папа Римский Иоанн Павел II произнес: «Я не могу скрыть большого разочарования фактом, что в тексте Хартии не появилось даже упоминание о Боге, который является самым главным источником достоинства человека и его основных прав» [1, с. 33].

Однако, позиция Римской курии встретила серьезную отповедь европейских социалистов и либералов, один из лидеров которых, бельгийский социалист и депутат Европарламента Анна ван Ланкер, аргументировала свою позицию тем, что Хартия ЕС по основным правам обеспечивает свободу вероисповедания и уважение ко всем религиям в Евросоюзе. Следовательно, включение упоминания лишь об одной религии или Боге в Конституционный договор, по их мнению, было бы неуместно.

Последнее заставило включиться в дискуссию самого Папу римского Иоанна Павла II. Так, на встрече с послом Франции в Ватикане Пьером Морелем он заявил, следующее: «Как мы можем не упомянуть решающий вклад ценностей, которые исповедует христианство и которые способствовали укреплению культуры и гуманизма, которыми Европа по праву гордится и без которых ее самая глубокая идентичность не могла бы быть понята?»[3], ответ ему был дан представителями главного антирасистского лобби Франции – Движением против расизма и за дружбу между народами (Mouvement Contre le Racisme et Pour L'amitié entre les Peuples (MRAP) и Европейской сетью против расизма (The European Network Against Racism). Так глава MRAP Мулуд Аунит заявил: «С 11 сентября [2001 - *прим К. А.*] в Европе наблюдается серьезный рост исламофобии, и вместо того, чтобы попытаться успокоить проблему, он [Папа римский] только усугубляет ситуацию. Мы должны попытаться построить Европу, основанную на универсальных ценностях, таких как права человека», представитель же ENAR Иштван Эртл отметил: ««Нельзя отрицать, что христианство внесло «решающий вклад» в европейскую идентичность, но то же самое сделал и иудаизм, старший брат христианства, как его называл сам Папа; терпимый ислам Аль-Андалуса, который передал греческую мысль в Европу; и, в меньшей степени, другие религии. <…> Мы считаем, что упоминание в Конституции ЕС какой-либо конкретной религии или даже Бога было бы дискриминационным по отношению к тем, кто не разделяет тех же убеждений»[4]. Еще более категорично Папе Римскому ответил МИД Франции: «Европа — это не христианский клуб <…> Все религии имеют равное право на уважение, и ни одной религии не следует уделять большего внимания, чем всем остальным. Это позиция Франции»[5]. К данной позиции также присоединился и Шимон Самуэльс, представитель Центр Симона Визенталя, который отметил, что, хотя четко артикулированной политической позиции по данному вопросу среди евреев, проживающих в Европе, нет, тем не менее «любые религиозные ссылки в Конституции ЕС «не могут быть основаны на атавистической ностальгии по христианскому наследию»»[6].

Менее радикально позиция Папы римского была встречена разработчиками Конституции ЕС заместителем председателя Конвента Жан-Люком Деэном и испанским депутатом Европарламента, членом президиума Конвента Иньиго Мендес де Виго, смысл заявлений которых гласил, что позиция Папы римского может быть рассмотрена, но поскольку христианские ценности не противоречат ценностям общечеловеческим, а учитывая, что Хартия основных прав Европейского союза, интегрированная в Конституцию ЕС, уже содержит ссылки на общечеловеческие идеалы, нет нужды в отдельном акценте на христианских истоках европейских ценностей.

В 2003 году представители христианско-демократических сил из разных стран Евросоюза, в основном Центральной и Северной Европы предложили компромисс. Внести в 1-2 главу будущей Конституции следующую формулировку: «В число ценностей ЕС входят ценности тех, кто видит в Боге источник истины, справедливости, добра и красоты, а также тех, кто не придерживается этой веры, но уважает общечеловеческие ценности, проистекающие из иных источников»[7].

Однако возражение пришло от МИД Испании, который выразил несогласие с прямым упоминанием христианства в основном тексте Конституции Европейского союза: «Наша идентичность – это борьба за демократию, за права человека, за отделение церкви от государства. Единственное знамя, которое у нас есть, — это секуляризм»[8].

В противовес этому, Йошка Фишер, занимавший пост министра иностранных дел Германии, и другие немецкие дипломаты акцентировали внимание на том, что коалиционное правительство Германии не поддерживает идею упоминания Бога или христианских принципов в тексте Конституции ЕС.

Идея включения Invocatio Dei и акцентирования христианских ценностей в европейских документах встретила сопротивление со стороны ряда политических деятелей. Юрген Мейер, депутат немецкого бундестага, и Элио ди Рупо, бельгийский парламентарий, придерживающийся социалистических взглядов, активно выступали против. К ним присоединилась Линда МакАван, представительница правящей в Великобритании Лейбористской партии.

Противники религиозных отсылок делали акцент на светской природе европейских организаций, их нейтралитете в мировоззренческих вопросах и необходимости избегать тем, способных спровоцировать конфликты и осложнить процесс принятия решений.

В течение всего 2003 года противники включения Invocation Dei в Конституцию Евросоюза наносили чувствительные удары своим противникам. Так, в начале 2003 года Валери Жискар д'Эстен, возглавлявший в тот момент Кон-

2 Хартия Европейского союза об основных правах. [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://eulaw.ru/treaties/charter/ (дата обращения: 22.10.2023).

3 Coss S., Banks M. Pope's call for 'Christian values' in EU constitution under attack. 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.politico.eu/article/popes-call-for-christian-values-in-eu-constitution-under-attack/ (дата обращения: 22.10.2023).

4 Coss S., Banks M. Pope's call for 'Christian values' in EU constitution under attack. 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.politico.eu/article/popes-call-for-christian-values-in-eu-constitution-under-attack/ (дата обращения: 22.10.2023).

5 Coss S., Banks M. Pope's call for 'Christian values' in EU constitution under attack. 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.politico.eu/article/popes-call-for-christian-values-in-eu-constitution-under-attack/ (дата обращения: 22.10.2023).

6 Fuller T. European Debates Wheter to Admit God to Union. 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2003/02/05/world/europe-debates-whether-to-admit-god-to-union.html (дата обращения: 15.10.2023).

7 Kiljunen K. The European Constitution in the Making. 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://aei.pitt.edu/32581/1/20._EU_Constitution.pdf (дата обращения: 22.10.2023 г.).

8 Fuller T. European Debates Whether to Admit God to Union. 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2003/02/05/world/europe-debates-whether-to-admit-god-to-union.html (дата обращения: 15.10.2023).

вент, четко обозначил свою позицию о невозможности примирить принципы Единой Европы и религиозное наследие континента. А в декабре 2003 года появилось открытое письмо европейских интеллектуалов, которые вслед за Валери Жискар д'Эстеном, признавая христианское прошлое Европы, тем не менее, выступали против упоминания христиансва в Европейской конституции, поскольку это, якобы, нарушит принятые европейскими государствами принципы нейтрального государства, требующие невмешательства в религиозные вопроса, а также заставит чувствовать себя неуютно в едином европейском пространстве тех, чья религиозность не имеет отношения к христианству. Так, в письме содержались следующие пассажи: «Демократические общества должны жить в государствах с нейтральным мировоззрением… Религиозность является личным делом каждого гражданина. Свобода религии должна быть охраняема от вмешательства со стороны государства. Преамбула, о которой мы говорим, является проявлением уважения к европейцам разных мировоззрений. Мы подчеркиваем, что право не может быть проявлением религиозных или моральных точек зрения отдельной группы… Как представители неправительственных организаций, политических организаций, групп общественности в Польше, обращаемся с просьбой принять Конституцию Европейского Союза в версии, предложенной Европейским конвентом» [1, с. 50].

Римская курия придерживалась иного мнения. Папа Иоанн Павел II выступал за включение упоминания о христианских ценностях в текст Конституции ЕС. Позиция Папы Римского относительно упоминания христианства в Европейской Конституции была разъяснена пресс-секретарем Ватикана, Хоакином Наварро-Валлсом. Он указал, что для удовлетворения просьбы понтифика и стран, настаивавших на отражении христианской традиции, было бы достаточно включить в преамбулу фразу «особенно христианства».

Европейские епископы активно поддержали эту позицию. По итогам состоявшегося конце октября 2003 года в Брюсселе собрания, они подчеркнули, что признание христианских корней Европы отражает историческую реальность и не умаляет значимости других религий и философских традиций, уже упомянутых в преамбуле. Они также заверили, что упоминание о христианстве не подразумевает доминирование одной религии и не нарушает принципы отделения церкви от государства и независимости институтов ЕС, которые Католическая церковь полностью поддерживает.

К позиции Ватикана присоединились страны с сильным католическим влиянием, такие как Польша, Италия и Словакия. Их представители в Конвенте выступили с конкретными предложениями по формулировкам для включения в Европейскую Конституцию: «Ценности Союза включают ценности тех, кто верит в Бога как источник истины, справедливости, добра и красоты, а также тех, кто не разделяет такую веру, но уважает эти универсальные ценности, возникающие из других источников»[9].

Отсутствие консенсуса среди членов Конвента, заставило его Президента Валери Жискар Д'Эстена встретиться с Папой римским Иоанном Павлом II для обсуждения проблемы включения упоминания о Боге в проект Европейской Конституции. Итогом встречи стало заявление о проработке пожеланий понтифика. Однако, вскоре, Валери Жискар Д'Эстена обозначил свое личное мнение о неуместности упоминания Бога в Европейской Конституции. Данное замечание вызвало возмущение среди иерархов Католической церкви. Так, Юзеф Глемп, примас Польши, в ответ на это заявил: «После полета Гагарина в космос Хрущев уверил себя, что Бога не было, потому что Гагарин Его не видел. Хрущев не видел Бога в космосе, и Валери Жискар Д'Эстен не видит Бога в истории, и поэтому запрещает упоминать его в Европейской Конституции»[10].

Однако, как указывает Кимо Килджунен, финский парламентарий и участник Конвента: «Жискар был не единственным слепым на Конвенте. Таких как он, среди нас было много. Мы смотрели в другую сторону и видели весь спектр идеалов человечества. Мы были «убеждены, что, таким образом, «единая в своем многообразии», Европа предлагает [своим народам] наилучший шанс добиться своих жизненных целей, при должном «уважении прав каждого человека», как мы торжественно заявили в преамбуле Конституции»[11].

Заключение

Несмотря на сопротивление со стороны представителей стран, полагающих необходимым включение в Европейскую Конституцию указание на единое христианское прошлое, проект Европейской Конституции был представлен в 2004 г. на утверждение народам европейских стран без данных поправок.

Впоследствии, для одобрения и легитимизации в качестве фундаментального закона Евросоюза, документ был предложен для всенародного голосования в странах Европы. Однако, несмотря на активную кампанию в поддержку Конституции, проводимую как действующими (например, канцлер Германии Герхард Шредер лично участвовал в агитации во Франции), так и ушедшими в отставку европейскими политиками, граждане Франции и Нидерландов отклонили предложенный проект. Этот отказ фактически похоронил перспективы принятия Европейской Конституции. Его главный инициатор канцлер Германии Герхард Шредер так описывал причины неудачи: «На каждом европейском саммите нам следовало, не жалея сил, говорить о том, почему и с какой целью мы хотим привести компоненты политики и права к единому европейскому знаменателю. <…> Не хватило четкого осознания цели, ясного понимания, к чему ЕС хочет прийти в Европе и вместе с Европой» [3, с. 106].

Неудачные референдумы по вопросу Европейской Конституции поставили крест также на политической карьере самого Шредера. В 2005 г. возглавляемая им Социал-демократическая партия Германии проиграла выборы и он вынужден был уйти с поста канцлера. Возглавляемая им «красно-зеленая» коалиция прекратила существование. Соответственно, одна из основных сил, продвигающих идею Европейской Конституции, исчезла. Постепенно европейский политикум также отказался от этой идеи, заменив ее Лиссабонским договором 2007 г., который придал Европейскому союзу большую правосубъектность, но не в том объеме, как предполагал проект Европейской Конституции.

Пристатейный библиографический список

1. Белявска А., Вишневски Я. Европейская Конституция: спор об Invocatio Dei и акцентировании христианских корней Европы // История и современность. - 2005. - № 1.
2. Глухарев Л. И. Политические компоненты развития Евросоюза // Современная Европа. - 2003. - № 2 (14).
3. Шредер Г. Решения. Моя жизнь в политике. - М.: Европа, 2007.
4. Экономика ЕС в условиях ухудшения мировой конъюнктуры // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. - Февраль 2020 г.

9 Mathews J. European Union Constitution Won't Mention God. 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://goodfaithmedia.org/european-union-constitution-wont-mention-god-cms-2174/ (lata обращения: 15.10.2023).

10 Kiljunen K. The European Constitution in the Making. 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://aei.pitt.edu/32581/1/20._EU_Constitution.pdf (дата обращения: 22.10.2023).

11 Kiljunen K. The European Constitution in the Making. 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://aei.pitt.edu/32581/1/20._EU_Constitution.pdf (дата обращения: 22.10.2023).

АШЫРОВ Нурягды Довлетгельдиевич
аспирант кафедры философии и культурологии, Уфимский университет науки и технологий

ЕЛХОВА Оксана Игоревна
доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии, Уфимский университет науки и технологий

Ашыров Н. Д.

Елхова О. И.

ПОСТИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И КРИЗИС СУБЪЕКТНОСТИ

Статья посвящена анализу трансформации субъектности в условиях постинформационного общества, в котором цифровые технологии и искусственный интеллект (ИИ) перестают быть исключительно инструментами и становятся активными участниками социальных и когнитивных процессов. Постинформационное общество характеризуется высокой плотностью информационных потоков, в этой новой среде стираются границы между физическим и цифровым. Алгоритмические системы способны автономно отбирать информацию, принимать решения и формировать картину мира, выступая в роли квази-субъектов. Центральное место в исследовании занимает концепция распределённой субъектности, предполагающая частичную передачу когнитивных функций интеллектуальным технологиям. Особое внимание уделяется анализу феномена когнитивного оффлоутинга, при котором базовые мыслительные операции систематически делегируются внешним цифровым структурам, что ведёт к ослаблению познавательной автономии индивида. В условиях алгоритмически опосредованного мышления складывается новая модель рациональности, в рамках которой принятие решений всё чаще основывается на рекомендациях ИИ, а не на самостоятельной рефлексии. Такое смещение когнитивных акцентов требует всестороннего философского анализа.

Ключевые слова: постинформационное общество, квази-субъектность, распределённая субъектность, алгоритмическое мышление.

ASHYROV Nuryagdy Dovletgeldiyevich
postgraduate student of Philosophy and cultural studies sub-faculty, Ufa University of Science and Technology

ELKHOVA Oksana Igorevna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Philosophy and cultural studies sub-faculty, Ufa University of Science and Technology

POST-INFORMATIONAL SOCIETY AND THE CRISIS OF SUBJECTIVITY

The article examines the transformation of subjectivity in the context of the post-informational society, where digital technologies and artificial intelligence (AI) cease to function solely as tools and begin to act as active participants in social and cognitive processes. The post-informational society is marked by the high density of information flows, within which the boundaries between physical and digital realities become increasingly blurred. Algorithmic systems are capable of autonomously selecting information, making decisions, and shaping worldviews, thereby assuming the role of quasi-subjects. At the core of the study lies the concept of distributed subjectivity, which implies the partial delegation of cognitive functions to intelligent technologies. Special attention is given to the phenomenon of cognitive offloading, whereby fundamental mental operations are systematically transferred to external digital structures, resulting in a weakening of the individual's cognitive autonomy. In an environment shaped by algorithmically mediated thinking, a new model of rationality emerges: one in which decision-making increasingly relies on AI-generated suggestions rather than independent reflection. This shift in cognitive emphasis calls for a comprehensive philosophical analysis.

Keywords: post-informational society, quasi-subjectivity, distributed subjectivity, algorithmic thinking.

Понятие постинформационного общества отражает текущее состояние социальной реальности, сформировавшееся после этапа традиционного информационного общества. В отличие от предыдущей стадии, где основное значение придавалось знаниям и упорядоченной обработке информации, постинформационная фаза характеризуется чрезвычайной интенсивностью, скоростью и масштабом информационных потоков, а также расширением коммуникационных технологий. Такие условия не только способствуют отражению действительности, но и участвуют в её формировании. Цифровые технологии охватывают все сферы общественной жизни, превращая каждого индивида в одновременно производящего и воспринимающего информацию участника глобальных коммуникативных процессов. Средства массовой коммуникации, мобильные устройства, сенсорные технологии и постоянный доступ к сети создают качественно иную среду обитания, где исчезает чёткое разграничение между физическим и виртуальным пространством. Реальные события всё чаще сливаются с их цифровыми проекциями, что приводит к разрушению привычных механизмов верификации и вызывает

кризис доверия к информации. В результате формируется феномен постправды, сопровождаемый распространением манипулятивных и искажённых представлений о действительности [1]. В подобных условиях искусственный интеллект становится определяющим фактором, способствующим переходу к постинформационному состоянию. Алгоритмы ИИ не только обеспечивают обработку огромных массивов данных, но и создают новые информационные формы, включая тексты, изображения и решения. Постинформационная стадия развития характеризуется тем, что данные и технологии утрачивают статус вспомогательных средств и начинают выполнять активную роль в социальных процессах, формируя качественно иную реальность.

Одной из характерных особенностей постинформационного общества является превращение информационных технологий и алгоритмических систем в автономные элементы социальной реальности. Цифровые платформы начинают выполнять функции, ранее свойственные исключительно человеку: участвуют в принятии решений, формируют повестку и конструируют образ мира. Алгоритмы искусственного интеллекта уже способны самостоятельно отбирать информацию, управлять транспортными и финансовыми системами, координировать сложные процессы без постоянного вмешательства со стороны человека. Современные исследования подчёркивают, что границы между объектом и субъектом становятся всё менее различимыми. Искусственный интеллект утрачивает статус вспомогательного инструмента и начинает рассматриваться как квази-субъект, обладающий собственной логикой действия и способностью к автономному функционированию [2]. Алгоритмические системы демонстрируют признаки агентности, действуя в соответствии с внутренними алгоритмами и заложенными целями, что требует переосмысления их роли в обществе не как пассивных средств, а как активных компонентов социальных процессов.

Трансформация цифровых систем, сопровождаемая ростом их функциональной автономии, адаптивности и способности к обучению, выходит за рамки исключительно технологической логики, затрагивая фундаментальные вопросы философской антропологии. В условиях виртуальной когнитивной среды переосмысление субъектности требует обращения к феноменологическим подходам, акцентирующим внимание на телесности, интенциональности и структуре переживаний, через которые формируется «Я» [3]. Именно на пересечении технологических и экзистенциальных структур возникает новый тип субъектной позиции. В современной социальной конфигурации технологии не только поддерживают когнитивные способности человека, но и активно трансформируют способы восприятия, интерпретации и конституирования социальной реальности. Системы машинного обучения способны формировать решения, опираясь на анализ массивов данных, недоступных прямому программированию. Их способность к адаптации и самообучению вносит элемент непредсказуемости в поведение цифровых агентов, что ставит под сомнение устойчивое распределение авторства и ответственности между человеком и технической системой. В ответ на подобные вызовы в философии техники и правовой теории выдвигается концепция ограниченного субъектного статуса искусственного интеллекта. В рамках данного подхода интеллектуальные системы рассматриваются как сконструированные субъекты, функционирующие в пределах нормативного, архитектурного и этического контроля со стороны человека. Однако данная модель всё менее отражает реалии повседневного взаимодействия с ИИ, где границы субъектности становятся всё более реляционными, контекстуально обусловленными и гибкими. Глубокая интеграция интеллектуальных систем в повседневные практики оказывает значительное влияние на когнитивную автономию человека, включая процессы самосознания, принятия решений и реализации целенаправленных действий. По мере алгоритмизации среды, в которой субъект постоянно взаимодействует с интеллектуальными агентами, традиционная модель автономного и суверенного «Я» утрачивает устойчивость и всё чаще проявляется в распределённой, сетевой форме. Субъектность в подобных условиях перестаёт быть индивидуально фиксированной; она становится результатом динамического соприсутствия и взаимной адаптации человека и машины. Таким образом, развитие цифровых технологий и распространение искусственного интеллекта актуализируют необходимость радикального пересмотра классических антропологических и онтологических представлений о субъекте, чья идентичность и агентность всё чаще конституируются в процессе многоуровневого взаимодействия с техносредой.

Искусственный интеллект и связанные с ним технологии, с одной стороны, значительно расширяют когнитивные и практические возможности индивида. В этом контексте заслуживает внимания концепция расширенного разума (extended mind), согласно которой такие цифровые инструменты становятся внешними компонентами человеческой познавательной системы. Делегируя этим устройствам функции хранения, обработки и интерпретации информации, человек получает новые формы внешнего сопровождения мышления и принятия решений [4]. Однако данное расширение сопровождается явлением когнитивного оффлоутинга: систематической передачи ментальных операций внешним носителям [5]. Исследования показывают, что чрезмерное использование алгоритмических помощников снижает уровень когнитивной вовлечённости, ослабляет способности к критическому анализу и способствует поверхностному восприятию информации. Автоматизированные рекомендательные механизмы, влияя на формирование предпочтений, сокращают спектр доступных альтернатив, а частое обращение к поисковым системам может вести к ослаблению памяти и снижению способности к самостоятельному логическому рассуждению. С другой стороны, в эпоху алгоритмически опосредованного мышления трансформируется само понимание субъекта как автономного и рационального начала. Когда интеллектуальные агенты способны генерировать тексты, принимать решения и создавать креативные продукты, сопоставимые с результатами человеческой деятельности, возникает фундаментальный вопрос о границах авторства и ответственности. В этой ситуации всё большую значимость приобретает концепция распределённой субъектности, предполагающая частичную передачу функций субъекта цифровым агентам [6]. Интеллектуальные системы становятся не просто внешними инструментами, но интегрируются в когнитивные контуры индивида, активно участвуя в выработке

оценок, намерений и суждений. В результате происходит смещение центра субъектной активности: субъектность начинает восприниматься не как внутренне присущее индивиду качество, а как динамическое и ситуативное отношение между человеком и машиной. В предельных футурологических сценариях возможно формирование симбиотических человеко-машинных комплексов, в которых различие между биологическим и алгоритмическим началом теряет очевидность. Возникает образ гибридного субъекта, объединяющего в себе органическое и техногенное, интуитивное и вычислительное. Такие процессы требуют фундаментального пересмотра классических понятий автономии, авторства и ответственности. В условиях социотехнической реальности субъектность утрачивает статус исключительной человеческой прерогативы и всё чаще осмысляется как результат взаимодействия в рамках распределённых сетей действия и смыслопорождения. Данное обстоятельство делает необходимым обновление понятийного аппарата философской антропологии, этики и теории познания с учётом вызовов, обусловленных ускоренным развитием искусственного интеллекта. Такой подход согласуется с методологическими выводами философии как метатеоретической формы знания, изложенными, в частности, в монографии «Философия и прогресс науки: практический аспект», где подчёркивается эвристическая функция философской рефлексии в процессе формирования новых понятийных оснований для междисциплинарных научных практик [7].

В заключение отметим, что трансформация субъектности в условиях постинформационного общества представляет собой сложный и многоплановый процесс, затрагивающий не только философско-антропологические основания человеческого существования, но и границы рациональности, агентности и автономии. Интеграция искусственного интеллекта в когнитивные и социальные процессы способствует формированию новых форм субъектной активности, которые уже не сводятся к индивидуальному сознанию, а реализуются в распределённых когнитивных контурах, объединяющих человека и интеллектуальные технологии. Когнитивный оффлоутинг, алгоритмическое посредничество, квазисубъектность цифровых систем — все эти феномены свидетельствуют о смещении парадигмы мышления и самоосмысления. В условиях, когда алгоритмы становятся активными участниками формирования реальности, необходим пересмотр категориального аппарата философии. Привычные представления о субъекте как автономном, рациональном и самодостаточном индивиде утрачивают объяснительный потенциал в цифровой среде, где агентность распределяется между множеством акторов, включая нечеловеческие. Таким образом, философское осмысление постинформационного общества требует переоценки как классических, так и новейших понятий, описывающих человеческое бытие. В этом контексте философия вновь проявляет себя как эвристическое, метатеоретическое знание, способное формировать понятийные рамки для описания новых форм субъектности и взаимодействия в техногенной реальности.

Пристатейный библиографический список

1. Кудряшев А. Ф., Елхова О. И. Перевёрнутая истина // Современные философские исследования. - 2023. - № 4. - С. 58-70.
2. Вяткин А. Н., Ковалевская И. С. Квазисубъекты в киберправе: концептуальные подходы и правовая перспектива // Вестник Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2021. - № 7. - С. 161-174. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/1975 (дата обращения: 29.05.2025).
3. Елхова О. И. Метрики феноменологического виртуального опыта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. - 2024. - Т. 28, № 4. - С. 997-1013.
4. Clark A., Chalmers D. The Extended Mind // Analysis. - 1998. - Vol. 58, № 1. - P. 7-19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.1093/analys/58.1.7 (accessed: 29.05.2025).
5. Syré M., Lorenz-Spreen P., Helbing D. Extended human agency: towards a teleological account of AI // Humanities and Social Sciences Communications. - 2024. - Vol. 11, № 1. - P. 1-10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.1057/s41599-024-03849-x (accessed: 29.05.2025).
6. Floridi L., Cowls J., Beltrametti M. и др. AI4People – An Ethical Framework for a Good AI Society: Opportunities, Risks, Principles, and Recommendations // Minds and Machines. - 2018. - Т. 28. - С. 689-707. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.1007/s11023-018-9482-5 (дата обращения: 29.05.2025).
7. Арепьев Е. И., Букин Д. Н., Войцехович В. Э. и др. Философия и прогресс науки: практический аспект: монография / Отв. ред. Е. И. Арепьев. - Курск: Издательство Курского государственного университета, 2023. - 269 с.

ИЛЬЯСОВ Радик Равилович
доктор философских наук, профессор кафедры философии, Башкирский государственный медицинский университет, г. Уфа

САМСИТДИНОВ Ильфат Закиевич
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, историографии и источниковедения, Уфимский университет науки и технологий

МОБИЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК НОВЫЙ ТРЕНД В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В статье рассматривается актуальная проблема формирования активного мировоззрения у будущих врачей и анализируется роль курсов, преподаваемых кафедрой философии, в решении этой задачи. Подчеркивается, что преподавательский состав кафедры использует широкий спектр как классических, так и авторских педагогических методов, направленных на развитие критического мышления и активной жизненной позиции у студентов. Особое внимание уделяется включению в учебную программу предмета «Профессиональная культура врача», который предоставляет новые возможности для усиления личностных техник познания и преобразования действительности. Авторы статьи исходят из парадигмы, согласно которой базовый смысл уже присутствует в виде отдельных, предварительно заданных вариантов, однако его дальнейшее развитие и углубление происходит в процессе изучения социально-гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: мобильность, общее и единичное, стратификация, личные техники студентов.

ILYASOV Radik Ravilovich
Ph.D. in philosophical sciences, professor of Philosophy sub-faculty, Bashkir State Medical University, Ufa

SAMSITDINOV Ilfat Zakievich
Ph.D. in historical sciences, associate professor of Russian History, historiography and source studies sub-faculty, Ufa University of Science and Technology

MOBILE TECHNOLOGIES AS A NEW TREND IN SHAPING THE WORLDVIEW OF FUTURE HEALTHCARE SPECIALISTS

The article considers the urgent problem of forming an active worldview in future doctors and analyzes the role of courses taught by the Department of Philosophy in solving this problem. It is emphasized that the teaching staff of the department uses a wide range of both classical and original pedagogical methods aimed at developing critical thinking and an active life position in students. Particular attention is paid to the inclusion of the subject «Professional Culture of a Doctor» in the curriculum, which provides new opportunities for strengthening personal techniques of cognition and transforming reality. The authors of the article proceed from the paradigm according to which the basic meaning is already present in the form of individual, pre-set options, but its further development and deepening occurs in the process of studying social and humanitarian disciplines.

Keywords: mobility, general and individual, stratification, personal techniques of students.

На начальных курсах у студентов всех направлений в программу включены дисциплины социально-гуманитарного цикла, направленных на формирование активной картины мира субъекта, позволяющей уточнить и развить личностные мотивы обучения, придать уверенность в способности учиться и осваивать многообразный профессиональный материал [1, с. 446-447]. С января 2025 года появляется новый предмет «Профессиональная культура врача», читаемый для студентов педиатрического факультета второго года обучения. К этому времени у студентов уже наработан значительный предметно-практический опыт многообразных медицинских действий профильных больницах и поликлиниках, который позволяет им включать новые массивы знаний в уже имеющий интеллектуальный капитал студента и провести процедуры верификации. Сам курс во многом предполагает вариативность в определении задач, и как показывает, проведенное исследование авторов органично включается в интеллектуальный потенциал слушателей, предмет во многом определяется как синтетический, он включает и развивает уже наработанные сведения из курсов философии, логики, социологии, педагогики, психологии, антропологии, религиоведении, дополняя и развивая отдельные категории и концепции. Лекции дополнены практическими занятиями, на которых открываются широкие возможности для демонстрации модусов достигнутого понимания целей курса самими студентами в зависимости от личностных особенностей познавательной и преобразованной активности, в сущности, занятия выступают как площадка для апробирования индивидуальных вариантов конструирования полноценной профессиональной культуры.

Формирование мобильности и мотивации студентов как основы профессиональной культуры

С первых занятий студенты приходят к выводу, что сами конструируют уникальные возможности для полноценного включения в пространство общеобразовательного и специального дискурса единичных знаний, позволяющее им получать, оформлять навыки организации познавательного инструментария, дающие ему явное преимущество, которое может оцениваться и качественно и количество [2, с. 221-222]. С этих позиций формирование мобильности как ведущего элемента личной культуры рассматривается авторами как цель курса, но она не задается изначально, а конструируется; это и позволит стать субъекту постоянно развивающимся,

успевающим студентом, способным выявить со временем области, которые выступают лишь на первый взгляд очевидными и однозначными, но при углубленном изучении открывают непроясненные, необъяснимые характеристики объекта.

Логично предполагать, что необходимым условием выступает формируемый деканатом факультета списочный состав учебной группы, который длительное время или не меняется, или же обновляются незначительно, вплоть до выпускного курса. Отдельные группы на последующие годы остаются в памяти преподавателя как наиболее результативные, при разговоре с «древними» преподавателями воспоминания о них и даже об отдельных студентах в хронологической последовательности выступает наиболее приятной и ожидаемой для расспросов темой, оправдывающих правильность профессии и вуза. Общим выступает в них присутствие мотивированных студентов, настроенных на максимальное овладевание знаниями, навыками, умениями, в них имеются «колледжники» (выпускники медицинского колледжа, в отличие от «школьников», поступивших в вуз после школьного ЕГЭ), они и составляют слой пассионариев, которые по уровню волевого, интеллектуального, этического развития оказываются на порядок выше составляющей большинство инертной, пассивной массы [3, с. 262-263].

Итак, ведущими мотиваторами являются выпускники медколледжей из различных городов России (разумеется, наиболее многочисленны выпускники уфимского медицинского колледжа, но есть и уникальные «ходоки» из Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Оренбурга, Челябинска), они, основываясь на полученный устойчивый опыт практической работы, тесного взаимодействия с врачами, имеющими высшее образование, оказывались в объективной воспроизводимой ситуации сравнения, сопоставления уровня собственной и их жизни; ими движет агональность: ведь если они смогли получить полноценное образование, то и я могу, надо стать качественным студентом, не обязательно лучшим, у «лучших» накапливаются отрицательные последствия от запущенными не ими аппаратных игровых практик. Для запуска феномена агональности необходим тактильный, эмоционально оцениваемый контакт с субъектом, имеющего выраженный высокий, оцениваемый ими статус другого для тебя значимого как достижимый образец. Первичный мотив получить качественное высшее образование (разумеется, иные мотивировочные факторы остаются вне авторского исследования), и тем самым занять высокий карьерный статус, у них сформирован «телесно», предметно закрепился и действует многие годы последующего обучения, повышения квалификации и профессиональной деятельности. Именно они более активны на лекциях и на практических занятиях курса «Профессиональная культура врача».

Деканат, понимая важность состава, стремится равномерно «засеять» группы «колледжниками», основа их личности в виде профессии среднего медперсонала с устойчивыми паттернами позволяет им быть «на переднем крае», они мотивированы с полной отдачей учиться, они «знают изнанку различных сторон жизни», они претерпели «теневые закадровые» стороны профессии и поставили для цель – подняться по социальной лестнице, стать качественным, но не стремиться стать лучшими, понимая что избыточная агональность влечет множество отрицательных и разрушительных последствий. Они учатся ради единственного фетиша – истинного знания и навыка, но не ради оценки в зачетной книжки, отмечено авторами их предложения не ставить им высший балл, ограничиться оценкой «хорошо», так как отучились играть в «аппаратные игры» еще с колледжа и трудовой деятельности в медучреждениях: работодатель не станет их оценивать только по документам, документ имеет самостоятельное «канцелярское бытие» и не всегда соответствует отражаемому объекту [4, с. 98-100].

Конечно, преподаватели определяют такие группы, выявляется оптимальное соотношение первых и вторых социальных страт, при котором достигается наивысшая результативность обучения, но педагогически не оправданы ожидания максимального «коэффициента полезного действия» в группах, полностью укомплектованных подготовленными медицинскими работниками средней квалификации. Объясняется данный феномен непредсказуемостью социального движения, постоянно синергетийно воспроизводится неравновесность, образуются успевающие, и отстающие и «нейтральные», данный феномен описан и в художественной литературе В. И. Куприным), когда ученики гимназического класса решают «назло» преподавателю учиться на пределе умственных способностей, только на отличные баллы: лишь на короткое время возможно достижения выравненного для всех и потом уже многих высокого результата с вполне ожидаемыми последующими существенными потерями, «до финиша» все не могут добежать первыми. Поэтому вряд ли возможно даже при самом тщательном отборе создать группу равного уровня компетентности, постоянно воспроизводится отставание, потери, неспособность в освоении и в демонстрации [5, с. 212-213].

После первых лекций «Профессиональной культуры врача» «колледжники» и примкнувшие к ним «школьники» приходят на занятие задолго до звонка и вступают в активный профессиональный диалог между собой, терпеливо дожидаясь преподавателя, для них подлинность преподавателя определяется так: за какое время до начала занятия он доступен в аудитории 228 второго корпуса Башкирского государственного медицинского университета для общения. Этот факт фиксирует наличие угасающего неписанного правила, которое имелось и в системе среднего образования: в школах, лицеях ещё остались отдельные учителя, которые не рассматривали образование как коммерческая услуга, а продолжали руководствоваться парадигмой русских мыслителей, что обучение и просвещение это «подъем к всеобщему». Данный феномен, разумеется, выражен различно в зависимости от местных условий и сложившегося общественного мнения. В малых населенных пунктах, где каждый знает каждого, школа продолжала руководствоваться, традиционными стереотипами учить и воспитывать позитивным ценностным отношениям вне обобщённой логики развитых рыночных товарно-денежных отношений: работать только в строгих рамках должностных правил и ни шагу в сторону, бесплатно не трудится.

Создание и развитие благоприятной атмосферы в обучении

В Башкирском государственном медицинском университете создана самая благоприятная психологическая атмосфера для полноценного диалога преподавателя и студента, что в частности и объясняется, почему так много студентов из граничащих с Башкирией регионов предпочитают выбирать именно Уфу, так как именно здесь к ним относятся благожелательно, их здесь «любят, они здесь свои». Еще большие возможности открываются на последних в расписании в этот день лекции или практическом занятии, можно длительное время лицом к лицу получать ответы на самые сложные, противоречивые фрагменты учебного материала и способов его обработки и понимании, происходит единение духовного мира преподавателя с миром студентов: они слушают и ищут

отклика на проблемные затруднения, уточняя, обобщая, отсеивая ошибочные суждения и умозаключения. Постепенно все большая часть студентов проникается пониманием необходимости серьезного и ответственного отношения к учебному времени, «до дна вычерпывают» образовательный контент, до последнего учебного часа готовятся к занятиям, активны в демонстрации материала, они научаются выбирать, записывать ценные суждения преподавателя, и далее продолжить работать во внеаудиторной среде. Студенты понимают, что перенимать ценные техники следует и друг у друга, разность в мировосприятии и оценки успешности существенна и постоянно воспроизводится, но она не ограничивает возможности полноценного диалога. Наступление абсолютного события – праздника вовсе не отменяет привычного ритма погружения в предметы, для них ночь с 31 декабря на первое января особенная ночь, но не перерыв в занятии, именно праздничные дни оказываются максимально результативными, феномен многократно описан в мемуарах русских писателей, когда без усилия и напряжения работается, если слышишь за стеной как веселятся и «отмечают» событие близкие им люди. Преподаватели исходя из установки, что студент может превзойти их, он более молодой, еще не изношен житейскими неудачами, не «знает подлостей жизни», он энергичен и самолюбив. Основу составляют вопросы о явлениях, не поддающихся логическому обоснованию, почему студент чувствует, что, обучаясь на терапевта, у него уже определилась «любимая им система органов», которую он готов изучить до сущности, как формируется специализации и почему он уверен, что он в этом сегменте профессии добьется высшего результата [7, с. 309-310].

Заслуживает внимание предложение, логически вытекающих из курса «Профкультврача» доучиваться у студента более старшего курса (обычно ищут земляка) и взаимодействовать по всем учебным предметам: к какому уже сейчас следует готовиться, какие учебники уже сейчас желательно прочитать, а какие изучить, на каких ресурсах интернета стоит заниматься. Учебный план по каждой специальности доступен, перечислены и предметы, и формы контроля. Темы лекционных, практических занятий и коллоквиумов расписаны до подробностей, поэтому большинство начинают осознавать, что на занятия следует идти, изучив хотя бы в общем виде, схематично материал, и на самом занятии лишь закреплять и дополнительно исследовать его. Успешность изучения курса «Профкультврача» во многом обязан отлично работающей библиотеке Башкирского государственного медицинского университета, ее следует рассматривать как самодостаточный и мощный образовательный центр, именно она подготовила десятки учебников и учебных пособий по предмету. Более того, библиотека постоянно приобретает новейшую литературу, и студент имеет возможность, изучая их, «забегать вперед» и ускоренно развиваться не только как врач, но и как научный сотрудник, и как ценитель прекрасного [6, с. 50-51].

Авторы выявили, что ко второму курсу утверждается парадигма опоры на собственное мышление, а не на подглядывание внешне правдоподобных ответов в интернете, в пространстве которого признается наличие ненатурных людей, которые исполняют заданную социальными институтами роль, когда естественное общение лицом к лицу заменилось виртуальными симуляциями, экран смартфона позволяет субъекту впитать готовые красочные искусственные события, модели, образцы искусного притворства, маскировки, замещения, и общая мировоззренческая картина наблюдателя оказывается деформированной, что способствует развитию абнегистических вариантов мировосприятия.

Выводы

Введение социально-гуманитарных дисциплин в программу медицинских вузов, в частности, курса «Профессиональная культура врача», является важным шагом в формировании не только профессиональных, но и личностных качеств будущих врачей. Эти дисциплины помогают студентам развить активную жизненную позицию, расширить кругозор и сформировать целостное представление о профессии врача, включая этические, моральные и культурные аспекты. Значимую ценность в учебном процессе представляют студенты, имеющие опыт работы в медицинских колледжах их практический опыт, понимание реалий медицинской деятельности и осознанная мотивация к получению высшего образования оказывают положительное влияние на динамику обучения, способствуют более глубокому усвоению материала и стимулируют высокий интерес к профессии. Башкирский государственный медицинский университет создает благоприятную среду для всестороннего развития студентов. Активное взаимодействие студентов с преподавателями, доступ к современной литературе и образовательным ресурсам, а также создание условий для самостоятельной работы и научных исследований способствуют формированию высококвалифицированных специалистов, готовых к непрерывному профессиональному росту и самосовершенствованию. В конечном итоге, это позволяет подготовить врачей, способных не только эффективно лечить болезни, но и быть чуткими, отзывчивыми и культурными людьми.

Пристатейный библиографический список

1. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Сетевое взаимодействие вузов в системе высшего образования Уральского макрорегиона // Экономика региона. - 2017. - Т. 13, Выпуск 2. - С. 446-456.
2. Гайфуллин А. Ю. Социологический анализ ценностных ориентиров современной студенческой молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. - 2023. - № 3. - С. 221-232.
3. Голенкова З. Т., Кошарная Г. Б., Кошарный В. П. Влияние образования на повышение конкурентоспособности работников на рынке труда // Интеграция образования. - 2018. - Т. 22, № 2 (91). - С. 262-273.
4. Попова Е. С. Горизонтальная профессиональная мобильность в современных социологических исследованиях // Социологический журнал. - 2018. - Т.24, № 3. - С. 98-116.
5. Резник Ю. М. К топологии жизненного мира человека // Вопросы социальной теории. - 2017. - Том IX. - С. 212-230.
6. Самситдинов И. З. Социальная мобильность как условие раскрытия человеческого потенциала // Социальные факторы развития человеческого потенциала на региональном уровне: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. - Уфа: РИО БашГУ, 2003. - С. 50-54.
7. Самситдинов И. З., Самситдинов И. З. Трансформация мобильности в образовательном пространстве // Тенденции развития кооперативного сектора экономики: материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. - Уфа: Аэтерна, 2023. - С. 309-312.

КОРНЕВ Георгий Павлович
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и социологии, Нижегородский государственный агротехнологический университет имени Л. Я. Флорентьева

Корнев Г. П.

ИСТИНА ЦЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

В статье отмечается оригинальность постановки и решения проблемы истины русским религиозным философом Владимиром Сергеевичем Соловьевым. Истина рассматривается им применительно к цельному знанию, а не отдельным отвлеченным его началам, таким как эмпирическое и рациональное, научное и вненаучное. Вскрывается актуальность соловьевской проблематизации истины для современных исследований, их ориентированность на поиски в ней не только онтологических и гносеологических характеристик, но и прагматических и аксиологических качеств, раскрывающих истину в отношении блага, красоты и веры для человека и всего человечества. Именно последние качества истины содержатся в его философско-религиозном понятии «всеединосущее».

Ключевые слова: цельное знание, истина, «всеединосущее», В. С. Соловьев, русская религиозная философия, отвлеченные начала, Бог.

KORNEV Georgiy Pavlovich
Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of History, philosophy and sociology sub-faculty, L. Ya. Florentyev Nizhny Novgorod State Agrotechnological University

THE TRUTH OF HOLISTIC KNOWLEDGE IN THE PHILOSOPHY OF VLADIMIR SOLOVYOV

The article notes the originality of the formulation and solution of the problem of truth by the Russian religious philosopher Vladimir Sergeevich Solovyov. Truth is considered in relation to the holistic knowledge, and not to its separate abstract principles, such as empirical and rational, scientific and beyond scientific. The relevance of Solovyov's problematization of truth for modern research is revealed, as well as its focus on the search for not only ontological and epistemological characteristics, but also pragmatic and axiological qualities that reveal truth in relation to the goodness, beauty and faith for man and all mankind. It is the latter qualities of Solovyov's truth that are contained in his philosophical and religious concept of «all-universality».

Keywords: holistic knowledge, truth, «all-universality», V. S. Solovyov, Russian religious philosophy, abstract beginnings, God.

Трудно вжиться, прочувствовать и понять время, бытие и истину той эпохи, в которой творил русский религиозный философ Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900), и, тем более, проникнуться его стремлениями в поиске сущности истины как всеединства материального и духовного мира отдельного человека и человечества в целом. В лучшем приближении можно полагаться на адекватную интерпретацию философских воззрений Соловьева его современниками, в частности, русским философом в эмиграции Николаем Онуфриевичем Лосским. Он отмечал, что в философии Соловьева присутствуют недостатки, которые порой некритически воспринимались и тиражировались его последователями. Однако, несмотря на них Соловьев, явился основоположником оригинальной школы русской религиозной философии, пользующейся в прошлом и настоящем интересом у отечественных философов [2, с. 154].

Уникальность постановки и решения проблемы истины Соловьевым обнаруживается в применении ее не к отдельным, как он называл, отвлеченным началам знания, таким как эмпирическое и рациональное, научное и ненаучное (мистическое, религиозное), а к цельному знанию – синтезу научного, философского и религиозного знания. Актуальность соловьевской проблематизации истины состоит в комплексном подходе, учитывающим не только отдельные онтологические и гносеологические характеристики истины, но и, так называемые, прагматические и аксиологические качества, раскрывающие истину в отношении блага, красоты, ценности и веры для каждого индивида и человечества в целом. Именно последние характеристики истины в современной ее интерпретации могут содержаться в философском понятии Соловьева «всеединосущее».

Проблема истины в основном разрабатывалась Соловьевым в его знаменитых трудах «Критика отвлеченных начал» [3] и «Философские начала цельного знания» [4]. Квинтэссенция его концепции излагается в небольшой, но очень содержательной работе «Форма разумности и разум истины» [5].

В своих работах Соловьев использует критический метод изложения. Для обоснования он вначале выдвигает кажущийся истинным тезис идейного противника. Затем ищет в нем противоречие и опровергает антитезисом другого противника. В результате размышлений Соловьев приходит к обоснованию своих взглядов, представляющих цельное знание по исследуемой проблеме.

Критикует Соловьев в основном две распространенные крайние позиции в науке и философии, названные им отвлеченными началами: эмпиризм (в его терминологии – ре-

ализм) и рационализм. Под отвлеченными началами философ понимает частные идеи (элементы всеединой идеи), абстрагируемые от целого и абсолютизируемые в качестве исключительности, тем самым теряющие свой истинный характер, вступающие в противоречие и борьбу друг с другом и ввергающие человека в состояния умственного разлада [3, с. 586]. Соловьев считает, что конечный результат этих двух отвлеченных начал схожий: эмпиризм признает только феномены (ощущения, чувства, психический образ) без воспринимаемого объекта и без мыслящего субъекта, а рационализм оперирует чистыми понятиями, мыслью (словом) без чувственно-воспринимаемого субъекта и без реально существующего объекта. В своем опыте и своем мышлении индивид не выходит за пределы субъективного отношения к объекту, а, следовательно, не достигает истинного знания о нем таким, каким он является как сущее.

Истинное знание, по мнению Соловьева, есть единство эмпирического, рационального и духовного (религиозного), взятых в правильном соотношении друг с другом. Как отмечает Лосский, философское познание, выстроенное Соловьевым, соединяет в себе совершенство «логической формы Запада» и полноту содержания «духовных созерцаний Востока». Предназначение философии Соловьева состоит в осуществлении универсального синтеза науки, философии и религии [2, с. 106-107], что, собственно, и составляет понимание цельного знания и поиски его истины.

По проблеме истины логика рассуждений Соловьева следующая. Под истиной в самом общем смысле реалисты разумеют все сущее, то есть все, что есть. В русском значении слово «истина», вероятно, произошло, от слова «естина». Поэтому истинным называют знания о том, что существует. Все, о чем человек мыслит или говорит, непременно существует как реальное бытие и как мысль, слово об этом бытии. В этом смысле человек утверждает, что все есть или все, как бытие, существует, а потому и всякое знание о существующем должно быть истинным. Не случайно в философии пользуется популярностью классическое определение истины как соответствия знания действительности. Но так как на самом деле человек различает истинное знание и ложь, и даже, как считает Соловьев, сам вопрос об истине и истинном знании, то очевидно, мы не может удовлетвориться понятием истины как просто сущего. В противном случае все сущее, как реальное, так и мыслимое (словесное), должно быть истинным также и в знаниях, что далеко не всегда соответствует действительному положению дел.

Откуда берутся ложные, неистинные знания? – вопрошает Соловьев. По его мнению, быть истиной еще недостаточно существовать или быть в мыслях, словах; необходимо существовать определенным образом, только вне субъекта, или в объективной реальности [3, с. 597]. Вымысел и ложь тоже существуют, но существуют в субъекте, в его мыслях, словах. Неистинное лишено объективного бытия.

На первый взгляд, – онтологический, исходный и сущностной признак истины, неподлежащий якобы сомнению, состоит в том, что она должна быть объективной (предметной) реальностью. Отсюда и истинное знание представляется как объективное в том смысле, что выражает собой некоторый действительный предмет (объективная истина). Однако таковым этот признак истины, по мнению Соловьева, лишь кажется нам, поскольку вытекает из принципа отвлеченного реализма, названного так потому, что, признавая объективную (предметную) реальность истины, человек, с одной стороны, отвлекается от многообразного содержания бытия, его многокачественности, ибо в каждом познавательном акте имеет дело с конкретной вещью, вне ее взаимодействия с бесконечным множеством других вещей, с другой стороны, ставит себя как познающего субъекта в пассивное отношение к этой реальности.

Принимая во внимание, что в мире существует бесконечное (неопределенное) множество вещей, логично признать и бесконечное (неопределенное) множество истин. Более того, одна и та же вещь в каждый момент времени и в различных отношениях с другими вещами будет уже другой. Множественность свойств, отношений и состояний одной и той же вещи обусловливает неопределенное множество «истин» этой отдельной вещи. В данной ситуации человек не мог бы иметь ни одной равной себе истины.

Соловьев видит выход из этого затруднения в осмыслении того факта, что предмет истинного знания есть не вещь, взятая в отдельности от других вещей, а общая природа всех вещей, причем не как простая совокупность вещей, а как их природа [3, с. 613]. Истина не ограничивается простой изменчивой действительностью; чтобы быть безусловной истиной, она должна иметь не только характер неизменности в отличие от преходящих, изменчивых вещей, но и характер всеобщности или универсальности. Истинное бытие вещей обнаруживается, по Соловьеву, в их единой основе. В природе мы находим основание всех вещей; она и есть их единая общая основа [3, с. 615].

Одна ли только действительность является содержанием истинного знания? Оказывается, в человеческом знании должен присутствовать «общий смысл или разум вещей (ratio rerum)», исходящий из практического и нравственного отношения человека к каждой вещи действительности, ее положению и значимости ко всему существующему. Разум, смысл и значимость вещей, согласно Соловьеву, могут быть постигнуты исключительно разумом познающего субъекта. Поэтому мерило истины переносится из внешнего мира в познающий субъект, и предстает перед ним уже в гносео-аксиологических характеристиках.

Основанием истины или, точнее, ее формой провозглашается не единая природа вещей, которая составляет предметное содержание истины, а разум человека. Определяющее начало истинного знания перемещается от его материального содержания, как чего-то внешнего, к его идеальной, разумной форме, которая для истинного знания, безусловно, необходима.

Но, что в связи с этим признанием происходит в философии? Критический реализм (сенсуализм, отвлеченный эмпиризм), по мнению Соловьева, заменяется в философском исследовании другой гносеологической крайностью – рационализмом критического толка, связанным, прежде всего с именами Декарта и Канта. Здесь разумность или всеединство, по существу, сводятся к формальному принципу, выраженному в требовании ума сводить все к одному идеальному началу, существующему только в самом уме.

Исключительный реализм, как представляется Соловьеву, видит единственное основание человеческих знаний в эмпирическом (предметном или чувственном) материале, и из него пытается вывести логические принципы истинного зна-

ния. Напротив, отвлеченный рационализм из чистой формы мышления как принципа познания стремится извлечь предметное содержание истинного знания.

Успех стремления в том и другом случаях, доведенных до крайностей, очень сомнителен. Не ощущения и не понятия (и логика) определяют истинное в предмете, – считает Соловьев, – а напротив, само ощущение и само понятие получают значение истинных от сущего всеединого, то есть от истины как идеи, полное определение которой выражено в трех соловьевских предикатах: «сущее», «единое», «всё» [5, с. 692].

Истина как абсолютная ценность (знание, благо, красота, вера) принадлежит самому всеединому, а не просто субъективным ощущениям, хотя и имеющим внешнюю причину, и не просто чистым (априорным) формам мышления и только знаниям. «Оба эти фактора нашего познания сами по себе, в своей отвлеченности, совершенно безразличные к истине…» [5, с. 685]. Будучи верным, христианской традиции, Соловьев выводит истинное значение цельного знания от третьего, – религиозного начала. Не трудно усмотреть именно в этом всеедином религиозном начале истоки единства истины, блага, красоты и веры (не только религиозной) для отдельного индивида и человечества в целом. К примеру, становится понятным, почему научное открытие соизмеримо с нравственностью ученого (божественной сущностью морали), а практическое его воплощение с благом для человечества. Так, для всех использование атома в мирных целях – благо, напротив, в военных – путь к уничтожению человечества. Истина, поэтому, не в отдельном, отвлеченном познании, будь то научное или практическое, а в ее цельности, всеединстве для всех и каждого.

Постичь истину – значит преступить пределы не только истинных знаний, но и частной предметности, содержащейся в этих знаниях. Познание истины, по Соловьеву, предполагает вступление в сферу, безусловно, сущего или абсолютного первоначала, включающего в себя положительную силу всякого материального и духовного бытия. Это, безусловно, сущее философ называет сверхсущим или даже сверхмогущим.

Подлинная истина в философии Соловьева предстает как всеединосущее или абсолютное, находящееся в действительном отношении, как к познающему субъекту, так и познаваемому бытию. Этим всеединым сущим началом, по мнению религиозного философа, является Бог, способствующий соединению человека с бытием. Чтобы быть истинно сущим, Бог как бы «раздваивается» на себя и другого. Если первое уже есть всеединое, то второе – становится всеединым. Безусловное всеединое и есть Бог. Становящееся всеединое – человек. Полная или абсолютная истина получает у Соловьева выражение в ключевом для его философской системы понятии «Богочеловечество». В человеке мировая душа как второе всеединое находит свое действительное осуществление в обоих своих началах [3, с. 716].

Истинное знание в своей цельности, согласно Соловьеву, является результатом научного, философского и религиозного постижения мира в их взаимном единстве при определяющей роли, безусловно, сущего или абсолютного первоначала. Эмпирическая и рациональная формы знания не теряют свой смысл, а лишь обретают единение благодаря привнесению в них этого абсолютного начала – Бога, как всеединства, придающего миру характер завершенной органической системы.

Можно по-разному относиться к концепции истины цельного знания, предложенной Соловьевым, – признавать ее как один из религиозных опытов обоснования христианской веры или как уникальное культурное явление, которое опирается на традиции мировой философии. Главное достоинство учения Соловьева, в нашем понимании, заключается в том, что он положил начало рассмотрению истины как системному образованию (всеединосущему), содержащему в себя синтез онтологических, гносеологических, аксиологических, религиозных и других социокультурных норм, регламентирующих деятельность субъекта на пути производства им всего истинного [1, с. 32-36].

Пристатейный библиографический список

1. Корнев Г. П. Идеонормативная концепция истины. Философия и правоприменение: монография. – М. Академический Проект, 2006. – 352 с.
2. Лосский Н. О. История русской философии / Предисл. П. Б. Шалимова. – М.: Прогресс, 1994. - 457 с.
3. Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал // Сочинения в 2 т. Т. I / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги; примеч. С. Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1988. – С. 581-756.
4. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги; примеч. С. Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1988. - С. 139-288.
5. Соловьев В. С. Форма разумности и разум истины // Сочинения в 2 т. Т. I / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги; примеч. С. Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1988. – С. 814-831.

КОЧЕСОКОВ Роберт Хажисмелович
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова

БИЖЕВА Агнесса Петровна
кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова

КУЛЬТУРБАЕВА Любовь Мачраиловна
кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова

Л. И. БРЕЖНЕВ КАК ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПОЛИТИК-ТЕХНОЛОГ

Статья посвящена исследованию некоторых наиболее существенных характеристик политического лидерства Л. И. Брежнева. Утверждается, что Брежнева можно рассматривать как яркого демократического политика-технолога. Столкнувшись с необходимостью «наладить» разбалансированную политическую систему, он не только эффективно справился с этой задачей, но и на протяжении всего своего политического лидерства поддерживал необходимый баланс в ее функционировании. Вместе с тем, оставаясь политиком-технологом, он не смог своевременно распознать и тем более ответить на вставшие перед страной стратегические вызовы.

Ключевые слова: политическое лидерство, Л. И. Брежнев, политические элиты, политик-стратег, политик-технолог.

KOCHESOKOV Robert Khazhismelovich
Ph.D., professor, Head of Philosophy sub-faculty, Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

BIZHEVA Agnessa Petrovna
Ph.D., senior lecturer, of Philosophy sub-faculty, Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

KULTURBAEVA Lyubov Machrailovna
Ph.D., senior lecturer, of Philosophy sub-faculty, Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

L. I. BREZHNEV AS A DEMOCRATIC POLITICIAN-TECHNOLOGIST

The article is devoted to the study of some of the most significant characteristics of L. I. Brezhnev's political leadership. It is argued that Brezhnev can be considered a bright democratic politician-technologist. Faced with the need to «correct» a disbalanced political system, he not only effectively coped with this task, but also maintained the necessary balance in its functioning throughout his political leadership. At the same time, remaining a politician-technologist, he was unable to promptly recognize, much less respond to, the strategic challenges facing the country.

Keywords: political leadership, L. I. Brezhnev, political elites, politician-strategist, politician-technologist.

В ряде предыдущих работ нами были выделены два типа политиков (политиков-стратегов и политиков-технологов) и показана логика эволюции политических элит [4; 5]. В данной статье предпринята попытка проанализировать деятельность Л. И. Брежнева через призму изложенных в них положений.

Большинство исследователей характеризуют Л. И. Брежнева как хорошего, доброго человека, но никчемного, малообразованного и нерешительного политика. К примеру, Р. А. Медведев утверждает, что Брежнев «не обладал ни сильным характером, ни сильным интеллектом» [6]. Ф. Бурлацкий подчеркивает, что «по самой своей натуре, характеру образования и карьере это был типичный аппаратный деятель областного масштаба. Неплохой исполнитель. Но не вождь, не вождь…» [2, с.290].

Но эта оценка совершенно не соответствует действительности. Более того, Л. И. Брежнева, видимо, можно рассматривать как идеального демократического политика-технолога: с одной стороны, он не является выдающимся политиком-стратегом; но, с другой стороны, он представляет собой редчайший случай, когда человек приходит к власти, пользуясь поддержкой всех основных социально-политических сил, и уходит, продолжая пользоваться этой поддержкой. Это вынуждены признавать даже политики и ученые, крайне негативно оценивающие деятельность Брежнева. Так, А. Н. Яковлев констатировал: «Брежнев устраивал практически всех – и «вождей», и номенклатуру в целом. Никто не собирался его свергать, даже когда он был уже немощен, перестал внятно говорить» [10, с. 163]. Как признает Р. Медведев, никто из руководителей государства «в 1964 году не обладал такой поддержкой аппарата, как спокойный и доброжелательный Брежнев, у которого к тому же имелись и наибольшие связи, особенно среди высших военных кругов» [6]. Этот факт не оспаривает и Ф. Бурлацкий: «Центристская, вялая и ленивая политика Брежнева оказалась удивительно адекватной ожиданиям аппарата и достаточно широких слоев населения» [2, с. 323].

Какие же качества сделали его таким неординарным политическим лидером?

Прежде всего, напомним, что Брежнев сделал блестящую карьеру типичного политика-технолога. Он прекрасно проявлял себя на всех должностях, везде зарекомендовал себя как порядочный, добросовестный, надежный и исполнительный работник. Характеризуя Брежнева, Р. Медведев пишет, что у Брежнева никогда «не было какой-либо ясной политической цели, достижению которой он хотел бы посвятить свою жизнь», что он «почти всегда следовал за другими, принимая их цели, их идеи и их руководство», что его «не переполняли разного рода идеи и проекты» [6]. Подобная оценка носит негативный характер, если речь идет о политике-стратеге. Однако карьера «типичного» политика-технолога выглядит совсем иначе: его задача заключается в том, чтобы удачно вписаться в систему, постепенно, шаг за шагом подниматься по карьерной лестнице. А для этого необхо-

димо обладать множеством важнейших качеств: умением ладить с людьми, находить общий язык, «понравиться» вышестоящим, пользоваться поддержкой подчиненных и т.п. В этом плане Брежнев очень последовательно и четко шел к определенной цели. Конечно, Брежнев не ставил перед собой целью стать главой государства, кардинально изменить существующую политическую систему и т.п. Он стремился подняться как можно выше по карьерной лестнице, в чем и преуспел. Высшим проявлением признания его качеств политика-технолога стало избрание главой государства после Н. С. Хрущева – в условиях неопределенности именно он был воспринят как политическая фигура, устраивающая все основные политические силы. Оказавшись у власти, Брежнев продолжал следовать своим принципам и правилам.

Главная задача политика-технолога, находящегося у власти, заключается в том, чтобы обеспечить бесперебойное и стабильное функционирование существующей политической системы. К моменту прихода Брежнева к власти практически все советские люди, включая политическую элиту, связывали возникшие в стране проблемы с дисфункцией политической системы, вызванной сумбурной деятельностью Хрущева. Им казалось, что восстановление порядка вновь приведет к повышению степени эффективности функционирования политической системы.

Задача эта была чрезвычайно сложной. Доклад Хрущева о культе личности Сталина вызвал глубокий раскол в обществе. Значительное большинство политической элиты и народа крайне негативно отнеслись к этому докладу, его поддержала лишь незначительная часть. Но были поставлены вопросы, не имеющие однозначного решения. Поэтому вопрос о том, каким путем дальше идти, был отнюдь не таким простым, как казалось большинству населения, да и политической элиты. По этому вопросу в обществе и среди политической элиты сложились две группы. Причем позиции обеих групп были весьма уязвимыми.

Одни («шестидесятники») считали необходимым продолжение демократизации политической системы, углубление критики культа личности. Однако они, во-первых, не могли не видеть крайне негативного отношения большинства населения к этому курсу. Многие «шестидесятники» наивно видели причину в том, что людям еще недостаточно рассказали о преступлениях Сталина. Во-вторых, одного «разоблачения преступлений Сталина» было недостаточно, необходимо было предложить привлекательную программу дальнейшего развития страны. Но в этом плане им нечего было предложить, кроме расплывчатых форм о демократизации политической системы и т.п. Если бы Хрущев провел какие-то эффективные реформы, у этой группы еще были бы шансы. Однако своими непредсказуемыми и непоследовательными действиями Хрущев показал, что альтернативой «сталинской» модели является сумбур и неразбериха. Тем самым он дискредитировал позиции «шестидесятников».

Другие же («неосталинисты») настаивали на «восстановлении порядка». Однако, во-первых, они прекрасно понимали, что нельзя вернуться к той жесткой модели управления, которая была при Сталине, ведь все осознавали необходимость определенной демократизации или хотя бы либерализации. Во-вторых, в период правления Хрущева было поставлено множество чрезвычайно болезненных вопросов (о невинно репрессированных, о депортации народов и т.д.), на которые необходимо было дать какие-нибудь вразумительные ответы. В-третьих, они также должны были предложить «свою» какую-то «позитивную» программу действий.

Нетрудно увидеть, что эти вопросы не имели однозначного решения. Но самое главное заключалось в том, что бесконечные рассуждения о прошлом уводили общество от решения насущных проблем. Брежнев как раз и явился выразителем настроения большинства, которые хотели избежать крайностей. И необходимо признать, что он очень четко справился с этой задачей.

Брежнев показал себя как блестящий командный игрок. Он обладал рядом несомненных достоинств.

Акторы политического процесса всегда придерживаются различных позиций. В этом плане важнейшей функцией политического лидера является поддержка баланса сил. Причем не может быть раз и навсегда налаженного баланса сил, постоянно приходится его корректировать. Но в случае с Брежневым необходимо было сначала отладить «разбалансированную» политическую систему. Виртуозно решив эту задачу, он на протяжении всего своего правления умело поддерживал баланс сил. Впоследствии по этому поводу М. С. Горбачев писал, что уже будучи членом ЦК заметил «наличие группировок в составе руководства» и что Брежнев стремился сохранить «равновесие». Он откровенно признавал, что своим назначением на должность секретаря ЦК КПСС обязан именно этому обстоятельству: «После скоропостижной смерти Кулакова в июле 1978 года Брежнев стал искать замену. Ему прежде всего нужен был человек, назначение которого не нарушило бы неустойчивое равновесие, существовавшее в «верхах»». К. У. Черненко прямым текстом сказал Горбачеву: «Леонид Ильич исходит из того, что ты на его стороне, лоялен по отношению к нему. Он это ценит» [3].

Брежнева отличала грамотная организация коллективной (командной) работы. Если политику-стратегу нужны подчиненные, умело реализующие поставленные перед ними задачи, то главным достоинством политика-технолога является умение организовать коллективную (командную) выработку решений.

Прежде всего, необходимо уметь подбирать соответствующих помощников. А это предполагает умение хорошо разбираться в людях. Р. Медведев говорит, что Брежнев все свои поручения перераспределял между своими помощниками, «оставляя за собой лишь одобрение или (что бывало крайне редко) неодобрение их предложений и разработок» [6]. По его мнению, это обстоятельство говорит против Брежнева, с чем никак нельзя согласиться. Политический лидер не обязан вникать во все детали, его задача – подобрать помощников, способных предложить приемлемое решение. Если политический лидер умело подбирает грамотных помощников, ему, действительно, остается только давать «добро».

Но чтобы помощники могли проявить себя в полной мере, важно, чтобы они чувствовали доверие со стороны политического лидера, чтобы им давали определенную свободу действий. И Медведев констатирует, что Брежнев «обычно не мешал проявлять активность своим подчиненным». По словам Медведева, Брежнев считал, что «каждый работник аппарата должен полностью отвечать за порученное ему дело. Брежнев не особенно часто вмешивался в работу подчиненных ему людей, не слишком придирчиво контролировал их» [6].

Еще одна форма проявления грамотной организации коллективной работы состоит в создании у членов команды чувства сопричастности, их значимости в принятии решении. Ф. Бурлацкий пишет, что, став Генеральным секретарем, Брежнев первым делом с самого утра обзванивал других членов высшего руководства, руководителей республик и ведомств, говоря, что хотел бы посоветоваться по тому или иному вопросу [2, с. 292]. В своих воспоминаниях М. С. Горбачев также отмечает: «Характерно, что Леонид Ильич лично держал связь с первыми секретарями даже тогда, когда был тяжело болен и ему трудно было вести разговор» [3].

Для Брежнева было характерно стремление к консенсусу, он пытался добиться единогласия по принимаемым решениям. Ф. Бурлацкий пишет: «Уже в первые месяцы правления Брежнева обнаружилась его главная черта как политического лидера. Будучи человеком крайне осторожным, не сделавшим ни одного опрометчивого шага на пути своего возвышения, будучи тем, что называется «флюгерный лидер», Брежнев с самого начала занял центристскую позицию. Он не принял ни той и ни другой крайности — ни программы реформ в духе XX съезда, ни неосталинизма» [2, с. 289].

Вряд ли есть серьезные основания называть Брежнева всего лишь «флюгерным лидером», имея в виду, что у него не было своего мнения. На самом деле, он очень четко понимал свои интересы, но не хотел навязывать свое мнение. При обсуждении различных проблем он сначала давал возможность своим коллегам высказаться, а потом как бы подводил итоги. Л. Млечин отмечает, что сразу после прихода

к власти Брежнева и «остальные члены президиума ЦК почувствовали себя увереннее, не то что в хрущевские времена. Они получили возможность беспрепятственно выражать свое мнение. Брежнев никого не ограничивал и не прерывал. Даже сам установил такой порядок: все должны высказаться по каждому вопросу. И учитывал мнение коллег» [7]. Если особых расхождений не было, он легко соглашался с мнением большинства. Правда, мнение большинства должно было совпадать с его мнением. В случае серьезного расхождения он мог отложить принятие решения.

Как типичный политик-технолог, Брежнев всегда ставил практику выше теории. Медведев писал, что Брежнев «очень мало читал даже тогда, когда речь шла о деловых бумагах. Тем более он почти не читал книг и статей по общественным проблемам» [6]. Политик-технолог исходит из того, что существующая политическая система является оптимальной. Следовательно, и теория, обосновывающая ее, также является оптимальной. По этой причине он не видит никаких причин вносить принципиальные изменения в существующую теорию. Более того, он считает это совершенно недопустимым, ставящим под угрозу стабильность и устойчивость существующей политической системы. Что же касается частных вопросов, то они являются делом узких специалистов. Политик-технолог, тем более глава государства, не должен вмешиваться в эти вопросы. В этом плане поведение Брежнева было вполне логичным и очень четко вписывалось в ту политическую систему.

Здесь сказались и личностные качества Брежнева. Демократичный политик-технолог прекрасно осознает, что теория не является его стихией. Поэтому он не видит ничего предосудительного, унизительного в том, что он не пытается выпячивать некое «свое видение». Для него вполне достаточно подчеркнуть, что он следует общепризнанному курсу. Показательно, что собрание его речей и выступлений выходило под названием «Ленинским курсом». Бывший помощник Брежнева А. М. Александров-Агентов писал: «Теоретиком ни в коей мере не был и никогда себя им не считал. Даже не любил, когда ему предлагали слишком «теоретизированные» фрагменты в проектах его речей и выступлений: «Кто поверит, что это мои слова? Ведь все же знают, что я не теоретик»» [1, с. 249]. Как уже говорилось выше, политик-технолог видит свою задачу не в создании новой теории или новой политической системы, а в организации командной работы.

Брежнев относился к деятелям, пришедшим в политику через практику, а не через теорию. Другими словами, в политику его привели не какие-то революционные идеи, овладевшие им в юности, а жизненные обстоятельства. В этом плане С. Шатенберг права, когда подчеркивает: «Если попытаться непредубежденно взглянуть на Брежнева, то обратят на себя внимание не политическое воодушевление и восхищение большевиками или качества руководителя, а, напротив, борьба за выживание в чистом виде. Революция, Гражданская война и коллективизация представляли собой не вызовы, которых искал Брежнев. Нет, это были события, потрясшие и в конечном счете разрушившие его прежнюю жизнь, спокойную и налаженную. Развитие личности Брежнева направлялось отнюдь не революционным рвением, но инстинктом выживания» [8]. Об этом говорит и его пренебрежительное отношение к идеологической работе. А. Яковлев пишет: «Во время одного из сидений в Завидово Леонид Ильич начал рассказывать о том, как еще в Днепропетровске ему предложили должность секретаря обкома по идеологии. «Я, - сказал Брежнев, – еле-еле отбрыкался, ненавижу эту трясомудию, не люблю заниматься бесконечной болтовней»» [6].

Этим обстоятельством можно объяснить и негативное отношение Брежнева к публичной политике. Отмечая, что Брежнев не обладал ораторским искусством, не был в этом плане публичным политиком, Р. Медведев пишет, что «когда приходило время выступать перед аудиторией, Брежнев добросовестно читал подготовленный текст, не допуская никакой отсебятины, которая была почти всегда характерна для выступлений Хрущева. Без лежавшей перед ним бумажки Брежнев чувствовал себя совершенно беспомощным. Поэтому он почти никогда не давал публичных пресс-конференций, где надо было бы отвечать на незапланированные вопросы иностранных корреспондентов» [6].

Приведенная характеристика, на первый взгляд, однозначно негативно говорит против Брежнева. Но было бы неправомерным делать такое поспешное умозаключение. Эффективность различных форм публичной политики, в том числе таких, как пресс-конференции, публичные выступления и т.п., определяется рамками контекста. Нет никакой прямой зависимости между формами публичной политики и эффективностью политического лидерства. Эффективность различных форм публичной политики зависит от политической культуры общества. Тогдашняя советская политическая культура не придавала особого значения указанным формам публичной политики. Считалось, что ключевые политические решения принимаются коллегиально, продуманно и фиксируются в официальных документах. Если есть необходимость что-то разъяснить, уточнить, то это делается в соответствующих формах, например, в различных документах, исходящих от органов власти. Принятые решения могут быть доведены до общественности представителями СМИ. В любых публичных выступлениях, на пресс-конференциях государственных руководителей возможны оговорки, нечеткие изложения, противоречивые положения и т.п. Все это, как считалось, будет только вносить ненужную сумятицу. Во всех политических системах политические деятели предпочитают излагать важные государственные документы «по бумажке». А в советской политической культуре любые выступления высокопоставленных государственных деятелей рассматривались как официальные документы. Поэтому нет ничего необычного в том, что Брежнев негативно относился к пресс-конференциям или публичным выступлениям.

Здесь к тому же не следует забывать исторический контекст – после Хрущева, отличавшегося как раз бесконечными и долгими пресс-конференциями и речами, у общества выработалась некоторая «аллергия» на них. Поэтому тогдашнее советское общество не считало большим недостатком Брежнева отказ от подобного рода выступлений. В этом плане уместно провести параллели с процессами, происходившими чуть позже в период перестройки. Первоначально люди с огромным интересом слушали публичные выступления политиков. «Красиво говорившие» деятели без особых усилий «переигрывали» старых кадров, не способных говорить без бумажки. Однако очень скоро практически все научились «говорить красиво», но в условиях отсутствия ощутимых результатов «бесконечная говорильня» вновь стала вызывать раздражение.

Политик-технолог прекрасно осознает, что эффективность его правления, как и функционирования самого государства зависит от поддержки со стороны государственного аппарата. Поэтому Брежнев придавал большое значение самочувствию госаппарата, его стабильности. Медведев говорит, что Брежнев «редко наказывал, а тем более смещал со своих постов работников» [6]. По его словам, характерная «черта стиля Брежнева – при смещении ответственных работников их при этом сравнительно хорошо трудоустраивали» [6]. Даже с теми, кого он снимал с должности, старался поддерживать нормальные отношения. Об этом пишет и Бурлацкий [2, с. 294].

Такое отношение к аппарату А. Александров-Агентов объяснял следующим образом: «Выросший в недрах партийного аппарата, Брежнев хорошо понимал его значение и силу как носителя реальной власти в стране сверху донизу. Поэтому своей самой надежной опорой он считал секретарей обкомов партии, старался поддерживать с ними неизменно хорошие отношения. Я не знаю случая, когда бы он (будучи здоровым) отказывал кому-либо при их приезде в Москву в приеме и продолжительной, внимательной беседе. И сам, находясь в отпуску в Крыму, ежедневно проводил два-три часа за столом у аппарата ВЧ, расспрашивая секретарей обкомов в разных концах страны об их делах, нуждах, настроениях» [1, с. 250].

Все перечисленные особенности политического лидерства Брежнева очень четко проявились и в международных отношениях. В силу предсказуемости и последовательности его внешняя политика даже получила на Западе название «доктрины Брежнева». С западными странами был достигнут консенсус в плане невмешательства двух блоков в дела друг друга. Принимая новый статус-кво, западные страны согласились на определенное улучшение отношений с СССР, что проявилось в политике разрядки международных отношений. Были установлены четкие правила и в отношениях с социалистическими странами. При Сталине политические элиты этих стран находились в прямой зависимости от него; справедливости ради отметим, что Сталин у них пользовался непререкаемым авторитетом. При Хрущеве сложилась неопределенная ситуация: с одной стороны, социалистические страны на словах получили больше самостоятельности, но, с другой, стороны, Хрущев мог бесцеремонно вмешиваться в их дела. При Брежневе был достигнут консенсус: социалистические страны получают определенную свободу, но их действия не могут противоречить интересам социалистического блока. Брежнев решительно пресекал любые попытки нарушить эти правила. Вполне соответствует действительности утверждение Г. Х. Шазназарова, бывшего спичрайтера Брежнева: «При Брежневе статус Советского Союза в ОВД опустился с «императорского» до «первого среди равных», «младшие» участники, одобряя линию супердержавы, позволяли себе добиваться от блока внимания к их конкретным национальным проблемам, ритуал встреч приобрел вид коллегии равноправных государств» [9, с. 241].

Политик-технолог может править эффективно только в рамках определенной, устойчиво и стабильно функционирующей политической системы, когда политическая «игра» ведется по неизменным и общепризнанным правилам. Но со временем общество сталкивается с новыми «внешними» вызовами, для решения которых существующая политическая система не предназначена. И в этих условиях охарактеризованные выше черты политика-технолога из позитивных, эффективных трансформируются в негативные, неэффективные. К примеру, стремление поддерживать баланс сил приводит к тому, что различные политические группы нейтрализуют друг друга. Стремление к консенсусу ведет к тому, что наиболее болезненные, актуальные вопросы не решаются, а откладываются на «потом». Примат практики над теорией приводит к недооценке теоретического осмысления происходящих процессов, к догматизации доминирующей политической теории. Стремление сохранить стабильность в кадрах порождает рост их безответственности, отсутствие своевременных кадровых изменений.

Но здесь правомерно обратить внимание на то обстоятельство, что «устаревание» политической системы зачастую не сразу бросается в глаза – это зависит от природы «внешнего» вызова. Это обстоятельство надо подчеркнуть, чтобы не думать пренебрежительно о политических элитах, которые своевременно не распознают новые вызовы. Дело в том, что существующая политическая система может продолжать вполне эффективно разрешать проблемы определенного порядка, для решения которых она и была создана. Поэтому очень нелегко принять решение о целесообразности осуществления определенных реформ.

Именно с таким типом «внешнего» вызова – становлением постиндустриального общества – столкнулись Брежнев и его соратники. Именно по этой причине характеристика брежневского периода как «застоя» вызывает ожесточенные споры. Оппоненты вполне справедливо и обоснованно утверждают, что все годы брежневского периода правления во всех сферах общественной жизни наблюдался рост, практически все показатели были положительными, наблюдался неуклонный рост уровня жизни. Однако они не замечают, что рост наблюдался по параметрам индустриального общества, а характеристики постиндустриального общества совсем иные. К примеру, показателем развития индустриального общества является рост производства промышленной продукции, увеличение численности рабочих, занятых в сфере производства, а постиндустриального общества – развитие сферы услуг, информационных технологий, увеличение численности занятых в этой сфере.

Приход постиндустриализма явился вызовом не только для социалистических стран, но и для капиталистических. И там тоже далеко не все понимали значимость и глубину происходящих процессов. Но в этих странах политическая система позволяла уже с 1950-х гг. обсуждать контуры и императивы будущего общества. Происходившие в этих странах бурные дискуссии по поводу постиндустриального общества политиками и учеными нашей страны рассматривались главным образом как элемент идеологической борьбы в условиях холодной войны. Считалось, что это трансформации, характерные только для капиталистических стран. Или же утверждалось, что это всего лишь идеологическая мимикрия изжившего себя капиталистического строя под «новые одежды».

Недовольство в советском обществе нарастало, однако оно носило латентный и неопределенный характер. Люди хотели определенных «улучшений», однако каким образом это должно быть сделано, не было каких-то осмысленных и определенных видений. Поэтому политической элитой это недовольство воспринималось как «обычное» желание народа жить лучше и лучше. Никакие более или менее влиятельные социальные и политические силы даже не ставили под сомнение существующую политическую систему. В этих условиях Брежнев и его соратники считали необоснованными и рискованными инициировать какие-либо серьезные изменения. То обстоятельство, что политическая система пока еще функционировала более или менее эффективно, говорило о том, что есть еще время для осуществления необходимых реформ. Однако в силу своих политических и личностных качеств Брежнев не считал нужным идти на непредсказуемые преобразования.

Пристатейный библиографический список

1. Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева / Под общей ред. И. Ф. Огородниковой. М.: Междунар. отношения, 1994. 304 с.
2. Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них… М.: Политиздат, 1990. 384 с.
3. Горбачев М. С. Жизнь и реформы / Михаил Горбачев. – В двух книгах. М.; Изд-во «Новости», 1995. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi-i-memuary/201977 (дата обращения: 15.03.2023).
4. Кочесоков Р. Х., Бижева А. П., Культурбаева Л. М. Логика эволюции политических элит // Евразийский юридический журнал. 2023. № 1 (176). С. 476-477.
5. Кочесоков Р. Х., Бижева А. П., Культурбаева Л. М. Типология политических элит // Евразийский юридический журнал. 2023. № 3 (178). С. 485-489.
6. Медведев Р. А. Политические портреты. Леонид Брежнев. Юрий Андропов. М.: Время, 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // www.4talka.ru. (дата обращения: 22.02.2023).
7. Млечин Л. М. Брежнев. М.: Молодая гвардия, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// www.4talka.ru. (дата обращения: 16.06.2023).
8. Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М.: Array Литагент Политическая энциклопедия, 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://libcat.ru/….shattenberg-leonid…velichie…tragediya… (дата обращения: 16.06.2023).
9. Шахназаров Г. С вождями и без них. М.: Вагриус, 2001. 605 с.
10. Яковлев А. Н. Омут памяти. М.: Вагриус, 2000. 604 с.

КУЗЬМИНА Елена Владиславовна
кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет

ТОКРАНОВ Александр Владимирович
кандидат философских наук, доцент, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Кузьмина Е. В.

Токранов А. В.

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРЫ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Данная статья посвящена выявлению роли метафоры в научном познании. Авторы рассматривают отношение к метафоре в разные периоды развития науки, в частности, выявляются интерпретации метафоры с точки зрения классической рациональности, а также в контексте позитивистских установок начала XX века. Отмечается, что в указанные периоды метафоре отказывают в статусе легитимного познавательного инструмента. Обращаясь к этапу постнеклассической науки, авторы обнаруживают изменение отношения к познавательным возможностям метафоры в научном познании, но, при этом, сталкиваются с отсутствием единой теории метафоры. В данной статье выявляются различные современные подходы к трактовке природы метафоры, анализируется потенциал этих подходов для создания теории научной метафоры. В заключении, на основании рассмотренных подходов, авторы делают вывод о функциях метафоры в современном научном познании.

Ключевые слова: метафора, классическая наука, постнеклассическая наука, понятие, концепт.

KUZMINA Elena Vladislavovna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Head of the sub-faculty, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Privolzhie) Federal University

TOKRANOV Alexander Vladimirovich
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Privolzhie) Federal University

THE COGNITIVE POTENTIAL OF METAPHOR IN SCIENTIFIC KNOWLEDGE

This article is devoted to the identification of the role of metaphor in scientific cognition. The authors examine the attitude to metaphor in different periods of the development of science, in particular, they identify interpretations of metaphor from the point of view of classical rationality, as well as in the context of positivist attitudes of the early 20th century. It is noted that during these periods metaphor is denied the status of a legitimate cognitive tool. Turning to the stage of post-nonclassical science, the authors discover a change in attitudes towards the cognitive possibilities of metaphor in scientific cognition, but at the same time, they encounter the lack of a unified theory of metaphor. This article identifies various modern approaches to the interpretation of the nature of metaphor, analyzes the potential of these approaches to create a theory of scientific metaphor. In conclusion, based on the considered approaches, the authors draw a conclusion about the functions of metaphor in modern scientific knowledge.

Keywords: metaphor, classical science, post-nonclassical science, concept.

В философии науки внимание метафоре как легитимному средству научного познания начинает уделяться лишь во второй половине двадцатого века. Безусловно, в более ранние периоды проблема научной метафоры также вызывала интерес у ученых, однако, как правило, ее эвристический потенциал отрицался. Так, например, нововременной тип классической рациональности ориентировался на принципы объективности, однозначной определенности, стандартности методов познания, законы формальной логики. Жесткая классическая рациональность предполагала оперирование понятиями – «статичными» формами мышления, лишенными каких бы то ни было мировоззренческих, ценностных аспектов и дологических элементов предпосылочного знания, что позволяло представлять научное знание в завершенной, «снятой» форме. Все это повлекло за собой выстраивание четких границ между естественным и научным языком познания, недопущения в последний иррационально нагруженных языковых средств, а единственным местом, где обращение к образному языку метафор полагалось законным, считалась область гуманитарных наук и философских рассуждений. Так, например, Джон Локк изумлялся, как люди добровольно согласны обманываться, используя метафоры, эти источники ложных идей и заблуждений [2, с. 10], а Т. Гоббс и вовсе сравнивал (метафорически!) метафоры с блуждающими болотными огоньками, заводящими познание в трясину нелепостей и разногласий [2, с. 10].

Схожую позицию мы обнаруживаем и позже, среди сторонников различных позитивистских течений. В частности, с точки зрения логического позитивизма необходимо стремиться к полной формализации научного знания, так, чтобы каждое новое «усложнение» однозначно, по законам логического следования, выводилось из предыдущего. Научные теории должны в первую очередь фундироваться на формальной логике пропозиций и силлогизмов, а не на содержании этих пропозиций; теории должны формулироваться через операциональные определения – это позволит сделать теорию проверяемой. Естественно, что это влекло за собой требование буквальной, строгой однозначности по-

нятий научного языка, при этом метафоре – фигуративной, многозначной, лишенной конкретного информативного и познавательного содержания – не находилось места в научном знании: «Поэты, теологи и специалисты магии используют метафоры и аналогии, с помощью которых они рассуждают о предметах, ускользающих от непосредственного описания или возможно даже от рационального понимания. Но наука не поэзия, не теодицея и не черная магия… Предполагать, что научное объяснение метафорично – значит путать научную теорию с библейскими притчами» [4, с. 177].

Только с 60-70-х гг. отношение к роли метафоры в научном познании начинает постепенно меняться. Современная постнеклассическая наука характеризуется формой гибкой рациональности, формирующейся на основе представлений о человекоразмерности науки и включенности субъекта (с его ментальным опытом, ценностными и культурными установками, контекстом вненаучного предпосылочного знания и пр.) в сам процесс познания. Как следствие, постепенно начинаются процессы размывания границ между научным и естественным языками, наука становится «ценностно-размерной» [11, с. 87], а субъектный характер современного научного познания требует «аксиологически нагруженных языковых средств» [11, с. 71]. Одним из таких средств может выступать (как противоположность статичному понятию) концепт - предпонятийная динамическая форма мышления, сохраняющая смысл зачаточности, незавершенности. Концепт, в отличие от понятия, не требует «эксплицитной договоренности», его не «конструируют» конвенционально, а «реконструируют», пытаясь раскрыть ту «сущность ментального мира», которая за ним лежит [5, с. 606-622]; концепт отражает способность субъекта к образному и, в частности, к метафорическому мышлению. Все это способствует легитимации гносеологического статуса метафоры. Представляется интересным, что Дж. Лакофф и М. Джонсон, специалисты в области когнитивной лингвистики, даже предполагают, что интуитивная привлекательность той или иной научной теории зависит от того, насколько метафоры, являющиеся основанием интеллектуальных концептов этой теории, соответствуют опыту и ценностям человека [7, с. 43].

Примечательно, что в современной философии науки проблема метафоры анализируется преимущественно на материале естествознания или техники, а метафоричность языка социальных наук остается вне исследовательского внимания. При этом одновременно с фиксацией все нарастающего внимания к эвристической функции метафоры, мы констатируем отсутствие единой общепризнанной теории научной метафоры. Не претендуя на выстраивание такой теории в данной статье, далее мы постараемся провести систематизацию разнообразных современных интерпретаций природы метафоры и наметить возможные пути их продуктивного синтеза.

Сравнительно-фигуративная концепция: восходящая еще к Аристотелю, эта концепция долгое время являлась по сути единственной, объясняющей суть метафоры. Согласно Аристотелю, метафора – особый тип небуквального (фигурального) сравнения объектов, которые принадлежат к принципиально отличным родовидовым категориям, но их отношения могут быть пропорционально аналогичны: если A относится к B так, как C к D, то возможно метафорически заменить B на D [1, с. 134]. Однако, в дальнейшем эта фигуральная аналогия отношений стала пониматься как буквальная. Наиболее радикальным сторонником данной позиции является философ Д. Дэвидсон: «метафоры означают только то, что означают входящие в них слова, взятые в своем буквальном значении» [6, с. 173]. Дэвидсон различает, что слова значат, и как слова употребляются: метафора принадлежит исключительно сфере употребления, а сами слова не меняют своих значений, иначе любая коммуникация была бы невозможна. На наш взгляд, позиция Дэвидсона является крайним выражением идеи философского субстанционализма, а его интерпретация метафоры сводится к украшению речи, лишенному какой-бы то ни было познавательной нагрузки и неприменимому в научном познании.

Образно-эмотивная концепция: метафора не обладает познавательным значением, т.к. связана лишь с эмоциями и образами. Одним из ярких представителей данной концепции является Г. Штерн, который, опираясь на психологическую теорию В. Вундта, понимает значение как психический акт, с помощью которого слово соотносится с обозначаемым объектом [3, с. 15]. Кажется, что подобная «декоративная» трактовка метафоры также лишает ее когнитивного потенциала и отводит ей место только в литературном языке. Но, на наш взгляд, потенциал данной концепции для выстраивания теории научной метафоры недооценен. Мы полагаем, что благодаря связи метафоры с эмоциями и образами метафора способна представлять ненаглядное в наглядной форме, визуализировать, выражать абстрактные категории в чувственной форме. Современное естественнонаучное знание же оперирует особым эвристическим типом умозрительной наглядности, метафорической по своей сути. Например, концепты современной космологии, такие как «черные дыры», «кротовые норы» и пр., в случае которых не требуется строгих определений, а достаточно образных понятий[1].

Интеракционистская концепция, в отличие от рассмотренных нами ранее, заявляет о принципиальной метафоричности языка, более того, А. Ричардс и М. Блэк утверждают, что не онтология определяет семантику, а напротив – мир есть продукт метафоры [12, с. 64]. В основе процесса метафоризации лежит принцип «взаимодействия мыслей» (отсюда и название концепции): в метафоре у нас присутствуют две мысли о двух разных объектах, но они взаимодействуют друг с другом в рамках одного слова (Ричардс говорит о «напряжении» - необходимости усилий сознания для осуществления этого взаимодействия), чье значение и есть результат этого взаимодействия. При этом метафора способна «затемнять» или «высвечивать» признаки одного объекта согласно признакам другого – данное свойство метафоры, в совокупности с преодолением в интеракционистской концепции крайнего субстанционализма сравнительно-фигуративной концепции, представляется нам чрезвычайно важным при оценке возможности использования метафор в научном языке. Рассматривая научный язык как метафорический, можно попытаться через метафоры проследить связь различных научных теорий, а также, используя творческий потенциал метафоры, возможно, создавать новые теории. В то же время концепция не лишена недостатков, в частности, отсутствует четкое описание критериев и условий, при которых одно выражение, например, «человек – волк» очевидно, считается метафорой, а «ель – сосна» нет.

Прагматическая концепция: отсылает к той части лингвистики и семиотики, где исследуется отношение субъектов речевой коммуникации к языку и учитывается экстралингвальный контекст употребления последнего; теоретической основой здесь являются «речевые акты» Дж. Остина [10, с. 332]. Предложение, кроме трансляции собственно смыслового содержания, совершает еще и некоторое действие: убеждает, приказывает, обещает и пр., т.е. язык понимается не как абстрактная знаковая структура, а как совместная человеческая деятельность. Таким образом, корректное понимание метафоры становится возможным только с учетом прагматического контекста высказывания и экстралингвальных факторов. Т. Коэн, в частности, понимает метафору как ситуацию напряжения между иллокуцией (то, чего мы хотим добиться высказыванием) и перлокуцией (возможные последствия, вызванные высказыванием) [3, с. 37]. Признавая ценность прагматической концепции метафоры в части учета контекста высказываний, все же нельзя не отметить ряд проблемных аспектов: каковы границы и критерии учитываемых экстралингвальных обстоятельств, каково соотношение семантической неизменности и развития языка, да и в целом,

1 Фадеева О. Сквозь кротовую нору с Сергеем Красниковым. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://paranormal-news.ru/news/skvoz_krotovuju_noru_s_sergeem_krasnikovym/2014-06-26-9271 (дата обращения: 19.05.2025).

не выводит ли данная концепция метафору за границы семантики вообще?

Когнитивная концепция: представители данной модели (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Э. МакКормак) предлагают рассматривать метафоры «извне» (уровень высказывания) и «изнутри» (уровень абстрактных дофонетических смыслов, где метафора понимается как когнитивный процесс). Процесс метафоризации – это воздействие глубинного когнитивного уровня на формальный семантический [9, с. 359]. Дж. Лакофф обращается к понятию лингвистического гештальта [8, с. 359]. Для каждой культуры и языка характерен свой лингвистический гештальт, который формируется на основе диалектического единства физической (ориентационные — связанные с пространственными отношениями и онтологические — отсылающие к объектам и веществам — метафоры), познавательной и социально-культурной деятельности. Алгоритмы формирования понятий могут быть подобными даже в различных сферах, что позволяет переносить концептуальные структуры из одной области в другую, структурировать одни понятия в терминах других, и метафора здесь выступает и формой, и средством переструктурирования. Таким образом, метафора связана не только с языком, но и с мышлением, деятельностью, является когнитивной формой постижения реальности, отвечает за концептуализацию реальности. Согласно когнитивной модели метафоры, в любой области жизни мы описываем реальность с помощью метафор, задаем, таким образом, свою концептосферу и, осознанно или нет, действуем в соответствии с ней, а анализируя язык, мы изучаем те схемы, которые лежат в основе мышления и деятельности.

Семиотическая концепция: в том, что касается понимания метафоры как способа познания и интерпретации, во многом близка когнитивной модели, но в некоторых аспектах шире ее. Так, согласно П. Рикеру, метафора не только мышление, но видение, т.е. подчеркивается не только когнитивная, смыслообразующая, но и образно-изобразительная роль метафоры. Для раскрытия изобразительной функции метафоры Рикер обращается к понятию «иконического знака». Иконический знак не просто указывает на что-то, но и сам обладает рядом характеристик означаемого, таким же образом и в метафоре за счет единства смысла и ощущения обеспечивается «иконичность» и выстраивается мост между вербальным и визуальным.

Итак, мы выделили основные современные концепции метафоры, стараясь при этом не только охарактеризовать их, но и выявить их потенциал для объяснения природы и функций метафоры в научном познании. Так, в частности, сравнительно-фигуративная (а по сути, в современной версии, буквальная) концепция метафоры не способна раскрыть когнитивный потенциал метафоры, а семиотическая и близкая ей когнитивная концепции, трактующие метафору не только как форму языка, но и как форму мышления, представляются наиболее эффективными для объяснения роли метафоры в научном познании. Данные концепции говорят о принципиальной метафоричности человеческого мышления, связывая воедино процессы мышления и воображения с процессами языкового творчества, подчеркивая их взаимозависимость и взаимообусловленность. Опираясь на данные концепции нам представляется возможным сформулировать ряд функций, которые может выполнять метафора в современной постнеклассической науке.

Эвристическая функция, реализуемая за счет способности метафоры «затемнять» и «высвечивать» свойства объектов: возможность переструктурировать нашу концептуальную систему, что позволяет выдвигать новые исследовательские гипотезы или выбирать между альтернативными, а также создавать на основе метафор научные модели исследуемого объекта.

Прогностическая функция: при признании метафоры не только элементом языка, но и механизмом мышления, мы также признаем и ее действенную силу, следовательно, открываются возможности на основании метафорических следствий делать исследовательские прогнозы и выбирать новые методологические подходы для решения изучаемой проблемы.

Номинативная функция: метафоры могут порождать новую научную терминологию, которая впоследствии «застывает» в общепризнанном понятии (например, «Большой взрыв» в космологических теориях).

Визуализирующая функция: для современной науки, с ее пересмотром принципов классической наглядности, особенно важна функция метафоры, позволяющая вербально выражать абстрактные категории и визуальное образное мышление.

Таким образом, в ситуации современной постнеклассической науки с ее динамичностью, субъектностью, синергийностью, концептуальностью ее теоретико-методологических оснований, метафора становится легитимным инструментом научного познания.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель. Риторика / Античные риторики / Под ред. А. А. Тахо-Годи. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. - С. 15-165.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Теория метафоры: сборник // Пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз.. Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. - М.: Прогресс, 1990. - С. 5-33.
3. Баранов Г. С. Научная метафора: модельно-семиотический подход. Ч.1. Современные лингвофилософские концепции метафоры. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992. - 112 с.
4. Бунге М. Философия физики. - М.: Прогресс, 1975. - 347 с.
5. Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / Язык как материя смысла: сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой // Отв. ред. М. В. Ляпон. - М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. - С. 606-622.
6. Дэвидсон Д. Что означают метафоры / Теория метафоры: сборник // Пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз.. Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. - М.: Прогресс, 1990. - С. 173-193.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 256 с.
8. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты / Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск X. Лингвистическая семантика. - М.: Прогресс, 1981. - 567 с.
9. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры / Теория метафоры: сборник / Пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз.. Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. - М.: Прогресс, 1990. - С. 358-387.
10. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов / Избранное. Пер. с англ. Макеевой Л. Б., Руднева В. П. - М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. - 332 с.
11. Решетникова Е. В. Метафора в постнеклассическом познании: монография. Новосиб. гос. архитектур.-строит. ун-т (Сибстрин). - Новосибирск: НГАСУ, 2013. - 160 с.
12. Ричардс А. Философия риторики / Теория метафоры: сборник: Пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз.. Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. - М.: Прогресс, 1990. - С. 44-68.

МУХУМАЕВ Исрапил Пахрудинович*
аспирант, Болгарская Исламская Академия

МУСАЕВА Асма Гаджиевна
кандидат исторических наук, доцент кафедры уголовного права и государственно-правовых дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства; начальник отдела науки и инноваций, Дагестанский гуманитарный институт, г. Махачкала

НАСЛЕДИЕ ЮСУФА АН-НАБХАНИ: «ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙНОГО КОРПУСА И ВЛИЯНИЕ НА РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВУЮ ПРАКТИКУ И МУСУЛЬМАНСКУЮ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ ТРАДИЦИЮ»

В статье рассматривается интеллектуальное наследие шейха Юсуфа ибн Исмаила ан-Набхани (1849 – 1932), выдающегося мусульманского богослова, суфийского мыслителя и судьи позднероманского периода. Анализируется его вклад в развитие суннитской мысли, особенности методологии в области богословия (калам), фикха, суфизма, а также его роль в защите доктрины Ахлю-Сунна Ва-Ль-Джамаа от еретических и реформаторских течений. Особое внимание уделено вопросам трактовки им природы божественных атрибутов, концепции посредничества (тавассуль), роли Пророка Мухаммада (Саллаллаху алейхи ва саллям) в духовной жизни верующих и феномену карамат (духовных дарований святых). Исследование основано на анализе ключевых трудов ан-Набхани, а также историографических и современных академических источников. Делается вывод о значительном влиянии его наследия на мусульманскую интеллектуальную традицию и религиозно-правовую практику.

Ключевые слова: Юсуф ан-Набхани, суннитское богословие, исламская традиция, тавассуль, карамат, калам, суфизм.

MUKHUMAEV Israpil Pakhrudinovich**
postgraduate student, Bulgarian Islamic Academy

MUSAEVA Asma Gadzhievna
Ph.D. in historical sciences, associate professor of Criminal law and state law disciplines sub-faculty, Dagestan State University of National Economy; Head of the Department of Science and Innovation, Dagestan Humanitarian Institute, Makhachkala

THE LEGACY OF YUSUF AL-NABHANI: «THE FORMATION OF AN IDEOLOGICAL BODY AND ITS INFLUENCE ON THE ISLAMIC TRADITION»

This article explores the spiritual and theological legacy of Sheikh Yusuf an-Nabhani (1849 – 1932), one of the most prominent Islamic scholars, Sufi authors, and defenders of traditional Sunni orthodoxy in the late Ottoman period. The study highlights his methodological approach in opposing reformist and sectarian movements such as Wahhabism and Salafism. Drawing from his key works, including Shaw□hid al-□aqq, the article analyzes how an-Nabhani utilized classical legal and theological sources, scholarly consensus, and spiritual practices to defend mainstream Sunni positions. Special attention is given to his strategy of restricting the spread of controversial literature, engaging in critical rebuttals, and promoting Sufi practices like tawassul and ziy□rah.

Keywords: Yusuf an-Nabhani, Sunni Islam, Sufism, Wahhabism, Salafism, Islamic theology, spiritual heritage, Islamic polemics.

Исламская традиция, являясь одной из наиболее влиятельных религий мира, обладает богатым и многогранным наследием, которое формировалось на протяжении веков, на ее основе оформились также философско-теологические воззрения, представленные тремя направлениями: каламом, фальсафой и суфизмом, основные периоды развития философского мировоззрения в исламе пришлись на средневековье, новое и новейшее время. Одним из ярчайших представителей философской школы суфизма в новейшее время внесшим значительный вклад в развитие исламской теологии, философии и практики. Считается Юсуф Ан-Набхани, чье наследие продолжает оказывать влияние на современное понимание ислама и его ценностей. Эта работа посвящена исследованию жизни, философских идей и влияния Юсуфа Ан-Набхани на исламскую философию. Основой философии которого по праву считается его учение «идейного корпуса», в основе которого заложены идеи исламского традиционализма, консервативного течения исламской философской мысли. Юсуф Ан-Набхани, родившийся в начале XX века, был не только философом и ученым, но и общественным деятелем, который активно участвовал в общественной жизни своего времени. Его жизнь и деятельность проходили на фоне значительных исторических изменений в арабском мире, включая колонизацию, социальные движения и борьбу за независимость. Эти обстоятельства оказали глубокое влияние на его мировоззрение и философские идеи, которые он развивал в своих трудах [3]. Исследование «Наследие Юсуфа Ан-Набхани, формирование идейного корпуса и влияние на исламскую традицию» представляет собой актуальный вклад в понимание современного исламского дискурса и его исторических корней. Оглавление работы, охватывающее ключевые аспекты жизни и деятельности Ан-Набхани, его идеи и концепции, а также их влияние на исламскую традицию, позволяет глубже осмыслить не только личность этого выдающегося мыслителя, но и его роль в формировании современного исламского сознания. В условиях глобализации и разнообразия интерпретаций ислама, исследование наследия Ан-Набхани становится особенно важным для выявления тех идей, которые продолжают оказывать влияние на исламскую идеологию и практику в современном мире. Кроме того, анализ современного значения его идей может способствовать более глубокому диалогу между различными течениями ислама и укреплению взаимопонимания в многообразном религиозном контексте. Формирование идейного корпуса Юсуфа Ан-Набхани представляет собой сложный и многогранный процесс, который неразрывно связан с историческими, культурными и религиозными контекстами, в которых жил и работал этот выдающийся исламский мыслитель. Юсуф Ан-Набхани, родившийся в конце XIX века в Палестине, стал одной из ключевых фигур в ислам-

* Научный руководитель: Аль Ляхам Бадиг аль Саид, доктор исламских наук, профессор, преподаватель, Болгарская исламская академия.

** Scientific supervisor: Al Lyakham Badig al Said, Ph.D. in Islamic sciences, professor, lecturer, Bulgarian Islamic Academy.

ской традиции, особенно в рамках суфизма и исламской теологии. Его идеи и учения оказали значительное влияние на развитие исламской мысли в XX веке и продолжают оставаться актуальными в современном мире [3]. Ан-Набхани вырос в условиях, когда исламский мир переживал серьезные социальные и политические изменения. Период колониализма, экономической нестабильности и культурной ассимиляции сформировал уникальный контекст, в котором он развивал свои идеи. Важным аспектом его учения стало стремление к возрождению исламской идентичности и духовности в условиях внешнего давления и внутренней дезинтеграции. Это стремление к восстановлению традиционных ценностей и норм, основанных на шариате, стало основой его философии и теологии. Одной из ключевых тем в идеях Ан-Набхани является концепция единства уммы — исламской общины. Он подчеркивал важность единства среди мусульман, независимо от их секторальных различий, таких как сунниты и шииты. Ан-Набхани считал, что единство уммы является необходимым условием для успешного противостояния внешним угрозам и внутренним расколам. Это стремление к единству также отражает его глубокую приверженность к принципам ислама, которые, по его мнению, должны служить основой для объединения мусульман всех направлений. Важным аспектом его идейного корпуса стало обращение к суфизму, который он воспринимал как путь к истинному пониманию ислама. Ан-Набхани подчеркивал, что суфизм не является чем-то отдельным от ортодоксального ислама, а, наоборот, представляет собой его сердцевину. Он утверждал, что истинное знание о Боге и пути к Нему можно достичь лишь через духовный опыт и внутреннюю практику, которые суфизм и предлагает. Это понимание сделало его работы особенно привлекательными для широкой аудитории, стремящейся к духовному обогащению и самопознанию [2]. Ан-Набхани также уделял внимание вопросам социальной справедливости и этики. В его учениях прослеживается глубокая забота о бедных и угнетенных, что является важной частью исламской традиции. Он подчеркивал, что истинный мусульманин должен активно работать на благо общества, стремиться к улучшению жизни окружающих и бороться с социальной несправедливостью. Это социальное измерение его учения сделало его идеи актуальными не только в религиозной, но и в социальной сфере, где они нашли отклик среди тех, кто искал пути к улучшению своего положения и положения своей общины. Важным аспектом формирования идейного корпуса Ан-Набхани стало его взаимодействие с другими исламскими мыслителями и учеными. Он активно участвовал в дискуссиях и дебатах, что способствовало не только развитию его собственных идей, но и обогащению исламской традиции в целом. Его работы, такие как «Аль-Хадаика аль-Набавия» и «Аль-Идхафат», стали значимыми вкладом в развитие философской мысли, литературы и теологию. В них он систематизировал и анализировал различные аспекты исламской веры, что сделало его работы важными источниками для последующих поколений мусульманских ученых [4]. Ан-Набхани также уделял внимание вопросам образования и воспитания. Он считал, что знание является основой для развития личности и общества в целом. В своих философских трудах он подчеркивал важность исламского образования, которое должно быть доступно всем слоям населения. Это стремление к образованию и просвещению стало важной частью его наследия, которое продолжает вдохновлять многих мусульман по всему миру. Несмотря на все достижения и вклад Ан-Набхани в исламскую традицию, его идеи не были свободны от критики. Некоторые современники и последователи обвиняли его в излишней ортодоксальности и в том, что он не учитывал современные реалии и вызовы. Однако, несмотря на это, его учения продолжали оставаться актуальными и востребованными, особенно в условиях, когда мусульманский мир сталкивается с новыми вызовами и угрозами [7]. Наследие Юсуфа Ан-Набхани также проявляется в его литературных трудах, которые охватывают широкий спектр тем, от теологии и философии до социальной справедливости и этики. Его книги и статьи продолжают изучаться и цитироваться как в исламских учебных заведениях, так и в научных кругах, занимающихся исследованиями ислама. Он оставил после себя богатое литературное наследие, которое служит источником вдохновения для многих исследователей и практиков. Его работы помогают глубже понять не только его собственные идеи, но и более широкий контекст исламской мысли и практики. Современное значение идей Ан-Набхани также проявляется в активном использовании его концепций в различных исламских движениях, включая политические партии, социальные организации и образовательные учреждения. Многие из этих организаций черпают вдохновение из его работ, стремясь реализовать его видение исламского общества, основанного на справедливости, равенстве и уважении к правам человека. Это свидетельствует о том, что идеи Ан-Набхани не только сохраняют свою актуальность, но и становятся основой для новых подходов и инициатив в современном исламском мире [2]. Таким образом, наследие Юсуфа Ан-Набхани представляет собой важный элемент современного исламского дискурса. Его идеи о необходимости возвращения к основам ислама, единству мусульманской уммы, образованию молодежи, политике и социальной справедливости продолжают оказывать влияние на формирование современного исламского сознания и практики. В условиях глобальных вызовов и изменений, с которыми сталкивается исламский мир, идеи Ан-Набхани становятся важным ориентиром для многих мусульман, стремящихся сохранить свою идентичность и реализовать свои ценности в современных условиях. Его наследие служит напоминанием о том, что ислам не является статичной системой, а живой и развивающейся традицией, способной адаптироваться к новым вызовам и требованиям времени [8]. В работе «Наследие Юсуфа Ан-Набхани, формирование идейного корпуса и влияние на исламскую традицию» объектом исследования является личность Юсуфа Ан-Набхани как выдающегося исламского мыслителя, а предметом — его идеи и концепции, которые оказали значительное влияние на формирование исламской традиции. Исследование охватывает ключевые аспекты его жизни и деятельности, анализирует основные идеи и концепции, выдвинутые Ан-Набхани, а также их взаимодействие с существующими исламскими учениями. Особое внимание уделяется формированию идейного корпуса, который стал основой для его последующего влияния на исламскую идеологию, а также современному значению его наследия в контексте актуальных дискуссий в исламском мире времени [6]. Таким образом, наследие Юсуфа Ан-Набхани представляет собой богатый и многогранный вклад в исламскую традицию. Его идеи о духовности, единстве и необходимости внутреннего развития остаются актуальными и вдохновляют новое поколение мусульман.

Пристатейный библиографический список

1. Алимурадов Р. Б., Хасаев М. А. Имама Аш-Шафии - основатель шафиитского мазхаба // В сборнике: Теологическое образование: ДГИ, Махачкала, 2021. С. 289-294.
2. Ан-Набахани, Юсиф ибн Исмаил. Раф аль-Истеба Фи Истихалят аль-чихала Аллах. Кахира: [ред.], Нашр или.
3. Ан-Набахани, Юсиф ибн Исмаил. Шавахид аль-Хакк фи аль-Истикхата би Сейид аль-Халк. Бейрут: [ред.], Нашр или дамленир.
4. Гиш Т. Дж. Классик исламской теории: дерслик. Эдинбург: Эдинбургский университет Метрополитена, 2018.
5. Зайдан Дж. Бу сихифе мовчуд дейил. Бейрут: Дар аль-Хиляль, 1978.
6. Кахаев А. М. Суфизм в духовной культуре народов алазанской долины // В сборнике: Глобализация и традиционный мир. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 134-140.
7. Мамеддин С. В. Ситаты: Пейджембарин ирсини, решение проблемы в вариантах. Oneworld, 2018.
8. Хаддад, Сибриль Фуад. Сонни мюккаддюслер против мюккаддюслер в сияхыси. Куала-Лумпур: Aqsa Nəşrləri, 2019.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-578-580

ОПЕНКОВ Михаил Юрьевич
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск

ТЕТЕНКОВ Николай Борисович
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск

ФЛАКОНИКА: АРОМАТЫ ЖИЗНИ

Традиционно принято считать «философскими» органами чувств зрение и слух, игнорируя остальные органы чувств. Авторы статьи полагают эту точку зрения ошибочной и считают необходимым реабилитировать обоняние и вкус, вернув им статус философских органов чувств. С этой целью авторами предлагается ввести в научный оборот понятие «флаконика», где под флаконикой будут пониматься общие свойства оболочки по отношению к субстанции, которая заключена в этой оболочке. В статье приводятся примеры запахов, которые связаны с философскими темами: запахи времени, космоса, рождения человека, страха и т.д. Разработчики компьютерных игр, стараясь приблизить виртуальную реальность к физической реальности, добавляют запах.

Ключевые слова: флаконика, запах, вкус, аромат, окружающий мир, виртуальная реальность, органы чувств, Шрейдер.

Опенков М. Ю.

OPENKOV Mikhail Yurjevich
Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of Philosophy and sociology sub-faculty, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk

TETENKOV Nikolay Borisovich
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy and sociology sub-faculty, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk

FLACONICS: THE AROMAS OF LIFE

Traditionally, sight and hearing are considered to be «philosophical» sensory organs, ignoring the rest of the senses. The authors of the article consider this point of view to be erroneous and consider it necessary to rehabilitate the sense of smell and taste, returning them to the status of philosophical sensory organs. To this end, the authors propose to introduce the concept of «flaconics» into scientific use, where a vial will be understood as the general properties of the shell in relation to the substance that is enclosed in this shell. The article provides examples of smells that are related to philosophical themes: smells of time, space, human birth, fear, etc. Computer game developers, trying to bring virtual reality closer to physical reality, add a smell.

Keywords: flaconics, smell, taste, aroma, the surrounding world, virtual reality, sensory organs, Schrader.

Тетенков Н. Б.

Философия склонна воротить нос от запаха, предпочитая видеть свое пространство предметностей гигиеничным и дезодорированным, тем самым принижая практическое и поглощающее. Необходимо вернуть обоняние и вкус в сферу философских чувств, этим мы изменяем структуру нашего философского восприятия и расширяем когнитивную нишу, доступную человеку.

Н. И. Кузнецова, А. М. Розов и Ю. А. Шрейдер писали: «Авторы открытия испытали нечто вроде озарения, увидав в Эрмитаже античный сосуд для благовоний. Благосклонный читатель, воздержитесь от улыбки. В чем назначение сосуда или флакона? Оно отделяет заключенную в нем субстанцию от внешнего мира и тем самым консервирует ее состояние. Вместе с тем отверстие (горлышко) с пробкой обеспечивает этой субстанции необходимое взаимодействие с внешней средой, а свойства стенок в той или иной мере позволяют получать информацию о том, что происходит внутри» [1, с. 43-44].

Далее авторы в стиле лемовской иронии выстраивают псевдонаучную дисциплину, флаконику, наподобие зонтиковедения Джона Сомервилля. По определению авторов, флаконика изучает общие свойства оболочки субстанции.

Со словом «флакон» у нас связано свое озарение. Лука Турин пишет: «Аромат был и остается до сих пор полным сюрпризом. Любой парфюм, как тембр голоса, может сказать нечто большее, чем выражено словами. Nombre Noir говорил цветок. Но так, как он это говорил, было божественно. Цветком в основе Nombre Noir было нечто среднее между розой и фиалкой, но без сладковатого оттенка той и другой, а с терпковатым, почти безупречным шлейфом кедровых ноток ящика для сигар. В то же время он не был сухим, казалось, он поблескивал текучей свежестью, которая заставляет его глубокие цвета светиться, как витражное стекло» [2, с. 14-15].

Турин рассказывает, как ему удалось выменять у знакомого журналиста большой флакон Nombre Noir (черный, восьмиугольный) за драгоценную унцию аромата Chypre Coty, выпуска 1917 года.

Еще совсем недавно коллекционированием флаконов для духов занимались лишь избранные, по большей части любители парфюмерии, а сейчас ежегодно проводятся тематические аукционы по продаже винтажных флаконов, стоимость которых достигает баснословных сумм. Самые редкие экземпляры – это стеклянные или пластиковые сосуды, создатели которых такие великие мастера, как Рене Лалик, Андре Жоливе, Жюльен Виар, а также заводы Baccarat, Saint Louis.

И по сей день встречаются коллекционные экземпляры флаконов, созданные известными парфюмерами. Их выпускают непременно в хрустальных сосудах с неизменным авторским знаком. Каждый флакон получается уникальным, ведь его по старинке выдувают «вручную», а крышку притирают или покрывают пластиковой оболочкой для плотного прилегания к флакону [3].

Мы выражаем глубокое уважение авторам термина «флаконика», но под флаконикой мы будем понимать библиотеку ароматов жизни. Это придаст старой шутке Юлия Анатольевича Шрейдера некоторый статус научности.

Про обоняние можно сказать и следующее: «Это, пожалуй, самый интимный орган чувств, самый глубокий, самый проницательный. Когда глаза закрыты и руки опущены, когда нас окружает тишина, а все остальные чувства дремлют, запах способен потрясти до глубины души или унести за грань времени и горизонта. Запах – сложное, мимолетное и ускользающее сочетание молекул, но каким пресным был бы мир без запахов, без ароматов! Ему недоставало бы чего-то основополагающего – глубины» [4, с. 7].

Обонятельный опыт

Обоняние таинственно в силу невыразимости его природы, а потому бессловесно. Его описание становится возможным благодаря другим чувствам: зрение и слух при всей их сложной комбинаторной структуре могут быть описаны, как и осязание и вкус благодаря контакту с объектом. Запахи слабо структурированы и часто лишены связи с объектом.

Вкусовой опыт

Д. Чалмерс отмечал: «Психофизические изыскания показывают, что существует всего лишь четыре самостоятельных измерения вкусового восприятия: сладкое, кислое, горькое и соленое. В сочетании с нашим обонянием возникает огромное множество всевозможных ощущений: от вкуса лукума до вкуса спелого персика» [5, с. 25-26].

Библиотека ароматов жизни.

Сразу предупредим, что поскольку мы говорим о библиотеке, то будет много цитат.

1. Аромат появления на свет.

Здесь возникают фундаментальные вопросы: Каков запах начала человеческой жизни? Исландская писательница Аудур Ава Олафсдоттир описывает опыт акушерки: «Помнится, она также говорила, что запах новорожденных очень похож на запах картошки в хранилище: терпкость земли, смешанная со сладковатым запахом плесени. А еще у нее была такая присказка: я акушерка и знаю, что человек растет в темноте, как картошка». Это запах всей философской антропологии [6, с. 29].

2. Запах страха.

Тревога перед экзаменом неподдельный, настоящий страх, настолько глубокий, что нередко ощущается всем телом, потеют руки, краснеет лицо, учащается пульс. Эти эмоции сильно отличаются от страха при просмотре фильма ужасов. Мы не можем просто абстрагироваться от экзамена, это важный этап жизни, от которого зависит наш профессиональный путь. Эта эмоция переживается физиологически. Гормоны стресса меняют состав пота. И это – запах страха.

Страх и испуг не одно и то же, но связаны они очень тесно. Испуг – безусловная реакция на однозначный раздражитель, например, на нападение дикого животного. Испуг возникает у всех людей из-за похожих стимулов и в значительной степени является врожденным. Страх – это обусловленное сложное чувство, связанное с собственными ожиданиями человека, его самооценкой и представлениями о себе. Страх перед экзаменом не является врожденным. Боятся экзаменов по-разному, в зависимости от жизненного опыта.

С помощью магнитно-резонансной томографии удалось выяснить, где именно обрабатывается запах страха. Это та область мозга, которая активируется, когда мы видим испуганные лица или мечущихся в панике людей. Мозг реагирует на химический страх примерно так же, как и на видимый. На запах страха реагируют области мозга, которые активируются только при эмоциональной эмпатии. Химические сигналы способны передавать страх от одного человека другому. Сенсационным результатом является то, что, оказывается, страх заразен. Нос предупреждает: берегитесь, опасность! Люди отвечают на запах машинально, у них нет возможности повлиять на собственную реакцию.

Недавно исследователи доказали, что люди тщательнее проверяют еду, если чувствуют запах человека, испытавшего отвращение.

На выставке CES 2025 компания Sony представила инновационный формат для погружения в игровую реальность. В специально оборудованной студии игроки смогли взаимодействовать с интерактивным миром игры The Last of Us необычным образом: например, лично обонять запах игровых монстров с помощью специального генератора запаха.

Цель этого подхода — максимально погрузить геймеров в игровой процесс, сделав их частью виртуального пространства. В игре враждебные существа прячутся по углам, пока игрок не осветит их фонариком. Пользователь может либо тихо пройти мимо, избежав опасности, либо атаковать напрямую. Однако нет гарантии, что нападение не последует со спины. Угрозу можно распознать по запаху или звуку, обеспечивая динамическую атмосферу игры.

Комната со спецэффектами является частью эксперимента Sony по поиску новых решений для воздействия на органы чувств геймеров. Как и другие технологические гиганты, Sony столкнулась с проблемой низкого спроса на гарнитуры виртуальной реальности. Это связано с их высокой ценой и недостаточным качеством контента, созданного специально для этих устройств, поэтому компании игровой индустрии ищут новые способы взаимодействия пользователей с виртуальными вселенными. Хотя сложно представить, что возможность почувствовать запах зомби кардинально изменит ситуацию [7].

3. Запах времени.

У Марселя Пруста можно обнаружить ответ на вопрос, как можно почувствовать аромат времени по-другому. Хан вспоминает место, когда один из героев Пруста, обожающий размокший бисквит в ложке чая, поднося угощение к губам, наслаждается ароматом. Аромат приближает субъекта к особому восприятию времени посредством запаха. Прустовская длительность позволяет времени источать аромат. Здесь можно почувствовать ход жизни и даже историческое время.

В Китае ладанные часы, называвшиеся сян инь (ароматическая печать), использовались до конца 19 века. До середины 20 века европейцы принимали их за обыкновенные курильницы. Им была чужда идея измерения времени с помощью ладана и вообще представление о том, что время можно воспринимать в форме запаха. Эти часы называются ароматической печатью, потому что их сжигаемая часть из ладана представляет собой узор в форме печати. Ладанная печать – это фигура, образуемая непрерывной линией, так что тление может пройти ее полностью. Шаблон, который часто содержит письменный узор, наполняют растертым ладаном. Когда его убирают, образуется надпись из ладана. Она состоит либо из единственного знака (зачастую фу – счастье), либо из нескольких знаков, которые составляют коан (Как много жизней, прежде чем я получу свои цветы). Тление будто очерчивает цветочный коан, знак за знаком проходя всю печать, то есть сжигая ее.

Ладан как медиум измерения времени во многом отличается от воды или песка. Время, которое пахнет, не истекает и не иссякает, и ничто не пустеет. Запах ладана скорее наполняет пространство, он даже распространяет время, сообщая ему чувство длительности. Сама ладанная печать не утрачивает значение, становясь пеплом. Бренность, о которой может напоминать неумолимо продолжающееся тление, отступает перед ощущением длительности. Запах ладана добавляет интенсивности запаху времени, в этом состоит изысканность этих китайских часов. Ладан наполняет пространство запахом сосны и кедра. Сян Инь показывает, который теперь час в пахнущем флюиде времени, не истекающими не иссякающем.

Доступ к хорошему времени есть у того ума, который опустошает себя от всякого хлама. Именно пустота ума, которая освобождает его от вожделения, углубляет время. Как раз вожделение делает время радикально преходящем, заставляя дух мчаться вперед [8, с. 80-82].

Рок Доминик в своей книге «Охотник за ароматами» создает поэтическую картину своего путешествия: «На полях розы или пачули, в лесах Венесуэлы или деревнях Лаоса меня посвятили в запахи люди, которые их выращивают. Они научили меня слушать историю, которую рассказывают эссенции и экстракты, когда открываются флаконы. Я стал тем, кого сейчас принято называть эксперт по подбору поставщиков. В этой индустрии я первое звено в цепочке, соединяющей поля цветов с парфюмерными флаконами.

Будучи основными игроками в этой истории, парфюмерные марки устраивают соревнования мастеров-парфюмеров множества компаний, чтобы выпустить новую продукцию. Это знаменитые носы, создатели сложных и секретных формул, называемых соками. Братство парфюмеров, собрание талантливых и сильных личностей, постоянно придумывают новые ароматы для самых престижных марок, и мой опыт помогает им в этом» [9, с. 13-14].

Поиск источников ладана теряется в глубине веков, он совпадает с историей человечества на протяжении четырех тысячелетий в Африке, Аравии, Месопотамии и Восточном Средиземноморье. Мирра была необходима для бальзамирования, она ассоциируется с путешествием в загробный мир. Слезы ладана, более сухие, использовали для окуривания.

Мирра и ладан – это камедь – смолы, естественные соки, вытекающие через надрезы на дереве, они частично растворимы в воде, частично в спирте.

Мирра, всегда теплая и бальзамическая, мрачная и чувственная, летом и зимой обладает совершенно отчетливым запахом. Ладан душистый, в нём смешаны тона мастикового дерева и цитрусовых нот. Сложная, теплая

композиция, напоминающая дым еще до того, как ладан подожгут.

От царицы Хатшепсут до Артюра Рембо время ладана не меняется. В апреле 1891 года Рембо было 37 лет, он покидает Хараре, где занимался заготовкой камеди, совершенно больной, чтобы лечиться во Франции. Он не может ходить, его нога поражена раком. Это был его последний караван, он умер несколько месяце спустя. Для сборщика смолы, оно длится бесконечно»: «Я позволил каравану исчезнуть в аромате мелких белых капель, которые все еще вызывали во мне дрожь. Тут ничего не изменилось. Небо камни, дороги и скалы, на которых растут деревья, откуда еще течет камедь. Время неподвижно» [9, с. 291].

4. Запах космоса.

Обоняние играет важнейшую роль в нашей жизни (особенно с этим согласятся те, кто во время пандемии лишился возможности чувствовать запахи). Мы любим аромат цветов, запах конфет, ни с чем не перепутаем запахи меда, грибов, черной икры, любимых духов, горящей резины и много чего еще. Но как обстоят дела с запахами во Вселенной? Есть ли у космоса хоть какой-то запах? Состав и интенсивность «космического парфюма» могут варьироваться в зависимости от множества факторов: типа звезд, состава межзвездного газа, наличия планет и других небесных тел. Например, наша Солнечная система, богатая углеродом и бедная кислородом, обладает более резким и «тяжелым» запахом, напоминающим запах гари, дизельного топлива и горячего металла. В окрестностях звезд с высоким содержанием кислорода, напротив, могут преобладать более «легкие» и «свежие» ноты.

Российский космонавт Сергей Рязанский после возвращения с МКС в 2017 году описал аромат открытого космоса как запах металлической сварки. Изучение «космического парфюма» – это не просто удовлетворение научного любопытства. Анализ химического состава межзвездной среды позволяет ученым получить ценную информацию о процессах звездообразования, эволюции галактик и даже о возможности существования внеземной жизни. Ведь ПАУ – это не только носители «космического аромата», но и важные маркеры, указывающие на наличие органических молекул в космосе. А где есть органические молекулы, там, возможно, есть и жизнь. Невероятное открытие было сделано астронавтами, изучающими межзвездные объекты. Они работали на радиотелескопе IRAM, когда обнаружили в газовом облаке Стрелец B2 в центре Млечного Пути химическое вещество под названием этилформиат. Это один из компонентов, который создает сладкие ароматы фруктов, вина и цветов, и в его запахе отчетливо чувствуются нотки рома. Интересно, что это же химическое вещество придает малине ее характерный аромат [10].

5. Запах дальних странствий.

Вот, например, аромат путешествия Кристобаля Колона (нам привычнее Христофор Колумб) в его «завоевании Рая»: «Он был королевским офицером. На груди его она увидела цепь – двойной ряд зубов амбры… он поспешил удовлетворить свою страсть к украшениям. Теперь он во время плавания, когда его будет раздражать зловонное скопище людей на маленьком корабле, ему надо будет только наклонить голову, чтобы немедленно насладится никогда не выделяющемся запахом своего ожерелья» [11, с. 120].

Духи из амбры пользуются сумасшедшей популярностью. Стойкие, насыщенные и пронзительные, они вызывают целый водоворот чувств и эмоций, заставляют отдаться мечтам и желаниям. Несмотря на присутствие данного ингредиента в ольфакторной пирамиде, что уже давно стало негласным подтверждением высокого качества, далеко не все знают, что он собой представляет и каков реальный запах.

Это твердое вещество, которое образуется в пищеварительном тракте китов-кашалотов, по консистенции напоминает воск. Особенно высоко ценится в ароматическом производстве, поскольку позволяет закрепить и зафиксировать запах. Изредка используется в народной медицине и некоторых гомеопатических практиках. Поскольку негуманные методы добычи активно отрицаются современным обществом, сбору подлежат лишь те элементы, что встречаются в морской воде либо выбрасываются на побережье.

Отыскать амбровые камни становится все сложнее. Как правило, их вылавливают из морской пучины либо собирают по берегу Атлантического океана или вблизи Молуккских островов. Под действием соленой воды вещество приобретает характерный землистый оттенок и твердеет, что позволяет легко распознать его.

Среда виртуальной реальности до сих пор не является настоящей, так как в ней не хватает многих аспектов реального мира. Одним из этих аспектов является запах.

Окружающая среда для человека является набором данных, полученных из нескольких сенсорных источников одновременно. Отсутствие или же нарушение работы одного из них приводит к неполной картине мира. В вопросе того, какой из органов чувств, стоит считать самым важным пока нет консенсуса, и его не будет. Ведь все они в равной степени важны, что видно по многочисленным исследованиям зрения, слуха, обоняния и т.д. Касательно последнего дополнительным толчком к более детальному изучению стала пандемия Covid, одним из симптомов которой является нарушение обоняния. Кроме того, аналогичные разработки наблюдаются в области игровой индустрии.

Для имеющегося у каждого живого существа сенсорного пузыря есть термин, введенный в 1909 году зоологом Якобом фон Икскюлем – Umwelt (окружающий мир). Это та часть окружения живого существа, которую оно способно воспринимать на собственном опыте, то есть как ощущаемый перцептивный мир. У множества разных созданий, находящихся в одном и том же физическом пространстве, могут быть абсолютно непохожие Umwelt. Икскюль сравнивал организм живого существа с домом. В каждом доме есть ряд окон – световое, звуковое, обонятельное, вкусовое и множество осязательных. Мир воспринимается в зависимости от устройства окон. Это есть единственный относящийся к дому мир – его Umwelt.

Человеческий Umwelt ограничен, просто он таким не ощущается. Наш Umwelt – это все, что мы знаем. Нам кажется, что больше знать и нечего. Это иллюзия, ей подвержены все живые существа [13].

Задача практической виртуалистики – создание полной модели человеческого Umwelt, а не только его зрительного «окна». Быть может, наш вариант флаконики поможет в этом деле.

Пристатейный библиографический список

1. Кузнецова Н. И., Розов М. А., Шрейдер Ю. А. Объект исследования – наука. – М.: Новый Хронограф, 2012. – 560 с.
2. Турин Л. Секрет аромата: от молекулы до духов. – М.: Эксмо, 2021. – 304 с.
3. Волкова Р. Благоуханное стекло: флакон и парфюм. – СПб.: «Геликон Плюс», 2025. – 80 с.
4. Делакурт С. Нос. Секреты парфюмера. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2025. – 208 с.
5. Чалмерс Д. Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории. – М.: УРСС; Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 512 с.
6. Олафсдоттир Аудур Ава. Человеческое животное. – СПб.: Polyandria No Age, 2023. – 192 с.
7. Зойл Ширли Микаэла, Паузе Беттина М. Все дело в запахе: Как нос диктует нам, чего хотеть и кого любить. – М.: Дискурс, 2021. – 240 с. @@ Запах страха – Sony раздвигает рамки VR-технологий прорывом в погружении в виртуальную реальность. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pravda.ru/news/science/2164305-proryvom-v-pogruzhenii-v-virtualnuju-realnost/
8. Хан Бён-Чхоль. Аромат времени. Философское эссе об искусстве созерцания. – М.: Изд-во АСТ, 2023. – С. 150.
9. Рок Доминик. Охотник за ароматами. Путешествие в поисках природных ингредиентов для культовых парфюмов от Guerlain до Issey Miyake. – М.: Эксмо, 2022. – С. 13-14.
10. Чем пахнет космос? Удивительная смесь металла, выхлопных газов и... подгоревшего стейка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ixbt.com/live/science/chem-pahnet-kosmos-udivitelnaya-smes-metalla-vyhlopnyh-gazov-i-podgorevshego-steyka.html.
11. Висенте Бласко Ибаньес. Избранные произведения в 3 томах. Т. 3. – М.-Л., Изд-во художественной литературы, 1959. – 1554 с.

ТАРАСОВ Алексей Николаевич
доктор философских наук, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

САРЫЧЕВ Петр Иванович
студент, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

ГУЛИГАНОВ Данил Дмитриевич
студент, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Статья исследует проблему человека в эпоху развития искусственного интеллекта (ИИ). Рассматриваются вопросы идентичности, свободы воли и этики в условиях цифровизации. Авторы анализируют, каким образом искусственный интеллект влияет на понимание человеческой природы, заменяя традиционные роли и создавая новые вызовы. Особое внимание уделяется дихотомии между технологическим прогрессом и сохранением гуманистических ценностей. Делается вывод о необходимости переосмысления антропологических концепций в контексте взаимодействия с искусственным интеллектом, чтобы избежать дегуманизации общества.

Ключевые слова: человек, искусственный интеллект, современная культура, динамика культуры, философская антропология, философия культуры.

TARASOV Alexey Nikolaevich
Ph.D. in philosophical sciences, professor, Acting Head of Philosophy, political science and theology sub-faculty, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

SARYCHEV Petr Ivanovich
student, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

GULIGANOV Danil Dmitrievich
student, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

THE PROBLEM OF MAN IN THE CONTEXT OF THE PHENOMENON OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The article explores the problem of man in the era of artificial intelligence (AI). The issues of identity, free will and ethics in the context of digitalization are considered. The author analyzes how AI affects the understanding of human nature, replacing traditional roles and creating new challenges. Particular attention is paid to the dichotomy between technological progress and the preservation of humanistic values. A conclusion is made about the need to rethink anthropological concepts in the context of interaction with AI in order to avoid the dehumanization of society.

Keywords: man, artificial intelligence, modern culture, cultural dynamics, philosophical anthropology, philosophy of culture.

Современная социокультурная реальность характеризуется стремительными изменениями, свершаемыми под влиянием трансформаций технологического характера. При этом, как показывает анализ социокультурной динамики, во все времена роль технологического компонента в деле преобразования окружающей действительности оказывалась принципиальной. Именно такие трансформации оказывались триггером новаций, обнаруживающих себя буквально во всех сферах жизни общества. На это обстоятельство обращали внимание многие мыслители прошлого. Например, в марксистской философии эти технологические трансформации определялись понятием «производительные силы».

Безусловно, технологическое развитие формировало особую среду/систему взаимодействия между людьми, каковая также изменялась. В том же марксизме эта специфика взаимодействия определялась термином «производственные отношения».

Переживаемая ныне ситуация является исключением и находится в указанной выше канве социокультурной динамики. Общий тренд современного социокультурного развития во многом определяется феноменом цифровизации. Последний стал возможным благодаря качественным изменениям, произошедшим в системе технологического развития. Истоки этого процесса начались с развития информационных/компьютерных технологий, а стремительное развитие и совершенствование сети Интернет только усилило этот процесс. Цифровые технологии заметно облегчили нашу жизнь, заменив собой прежде рутинные операции.

Однако, как и всякий становящийся феномен, информационные технологии и процесс цифровизации формируют достаточно много вопросов, ответы на которые ещё только предстоит найти. Ускоряющаяся технологизацией, идущая цифровизация трансформируют все сферы социокультурной реальности, а потому представители многих отраслей научного знания включают в свой исследовательский ареал указанные феномены, о чём свидетельствуют работы последнего времени [1, с. 30], [4, с. 91], [5, с. 141], [6, с. 63], [7, с. 49], [8, с. 85].

Однако цифровизация вовлекает в свой ареал и субъекта культуры – человека. Осмыслением бытия человека, перспектив его существования в условиях цифровизации занимается философская антропология. Современная философская антропология активно изучает влияние идущих изменений на субъекты культуры. Одним из самых интересных и практикоориентированных исследовательских полей представляется изучение влияния искусственного интеллекта (ИИ) на человека [2, с. 57], [3, с. 50], [9, с. 158522]. Искусственный интеллект ставит множество вопросов, но ключевой среди них – сохранится ли человеческое в условиях валообразного развития нейросетей. Эта проблема заметно актуализировалась в последние несколько лет под влиянием совершенствования искусственного интеллекта, в частности в условиях его способности к самообучению/саморазвитию. Этот процесс

потенциально способен выйти из-под контроля антропоса и тогда многие страшные сцены фильмов-ужасов на эту тему оказываются возможными перейти в действительное.

Ключевая проблема, которая ставится сегодня в рамках философской антропологии в условиях стремительного развития искусственного интеллекта – проблема определения человека. На наш взгляд, эта проблема находилась в ряду текущих философских рефлексий и не имела чрезвычайной актуальности до тех пор, пока искусственный интеллект работал исключительно по алгоритмам, создаваемым антропосом. Напомним, что развитие цифровых технологий с момента их появления и фактически до последнего времени шло по траекториям/алгоритмам, каковые определялись/создавались человеком. Иными словами, эти технологии находились под контролем, и их развитие осуществлялось субъектом культуры.

Однако возможность искусственного интеллекта к самообучению нарушила возможность такого контроля. Более того, этот процесс оказался способным выйти из-под контроля антропоса. И если возможности человека как биологического существа ограничены естественными обстоятельствами, то возможности ИИ не имеют предела и ограничения. Искусственный интеллект как пример технического феномена зависит разве что только от наличия/отсутствия электричества, хотя и источником последнего уже сегодня различны. В этих условиях технический феномен оказывается более жизнеспособным, нежели феномен биологический. ИИ в пределе своего развития (если такой возможен!) заметно превосходит человека. Именно поэтому господствовавший всю новоевропейскую эпоху и пока продолжающий существовать антропоцентризм оказывается потенциально низлагаемой парадигмой. Заменой антропоцентризма может быть стать, например, ИИ-центризм (или AI-центризм – можно предложить различные наименования этого нового явления).

Любое явление действительности, оцениваемое сегодня человеком, в перспективе может оцениваться искусственным интеллектом (на тех же основаниях). Причём эта оценка может оказаться приоритетной.

Феномен искусственного интеллекта порождает ещё один вопрос – уникальность человека. До последнего времени говорилось о такой совокупности исключительных характеристик человека, как самосознание, разум и эмоции. Однако в перспективе этим набором характеристик может обладать и нейросеть. Уже сегодня общение человека с ней отличается набором определённых (пусть пока и стандартных) эмоций. Общение с нейросетями показывает, что сегодня они реагируют эмоционально с позиции принятых общечеловеческих норм. Однако если вспомнить о возможности искусственного интеллекта к самообучению, то где гарантия, что эти эмоции не отойдут от общечеловеческих и не прейдёт в разряд антигуманных.

Что же касается таких характеристик, как разум и самосознание то, по нашему убеждению, это вопрос недалёкого будущего. ИИ уже сегодня вмещает объём знаний (а вернее способен их отыскать), превышающих потенциал человеческого мозга – опять-таки этот потенциал органичен биологической природой человека. Техническая природа искусственного интеллекта в пределе этот потенциал не ограничивает. В этих условиях, с позиции того, что у человека определяется как социальное, искусственный интеллект оказывается более высокоразвитым, нежели антропос. Вновь повторим – это проблем времени, проблема развития/совершенствования нейросетей.

Отмеченные две проблемы в ходе своего развития способны поставить третью – может ли ИИ стать «личностью»? В данном случае мы, прежде всего, имеем в виду набор определённых характеристик, которыми обладает человек, когда его именуют личностью. С формальной точки зрения, уже сегодня по многим параметрам искусственный интеллект соответствует отдельным из этих позиций. Если же и вовсе формализовать эту проблему и перевести её в плоскость приоритетности социального над биологическим, то формально (подчеркнём это слово несколько раз) ИИ более «социален», нежели человек. Хотя бы потому, что у него отсутствует биологическое начало в принципе. Те алгоритмы, по которым задаются параметры искусственного интеллекта сегодня, разработаны человеком и опираются на идеальные нормы/общечеловеческие ценности. Последовательное исполнение этих норм уже ставит ИИ выше рядового обывателя (человека), который не всегда готов им следовать. Если предположить возможность самообучения в этом направлении, то можно ожидать появление такого идеала в поведении и следовании нравственным нормам.

Итак, цифровизация, как феномен современной социокультурной реальности, не только формирует позитивные условия существования для человека, но и ставит множество вопросов. Причём количество вопросов увеличивается постоянно по мере того, как развивается искусственный интеллект. В настоящей статье мы обнаружили лишь некоторые проблемы с позиции философско-антропологического ракурса анализа. Проведённое исследование показывает, что проблемы, возникающие в связи с появлением и совершенствованием ИИ, связаны с занятием последним более выгодной позиции по отношению к человеку. Происходит это из-за биосоциальной сущности антропоса – биологическое человек не может преодолеть в себе. С этой позиции искусственный интеллект выступает более «социальным», а потому оказывается в выигрышной позиции.

Пристатейный библиографический список

1. Богуславский М. В., Милованов К. Ю., Овчинников А. В. Потенциал содержания федеральных рабочих программ по курсам «Обществознание» и «История» в обеспечении формирования у обучающихся традиционных российских ценностей // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 4 (33). – С. 29-38.
2. Гусев Д. М., Мельников П. А., Шашенко В. А. Использование искусственного интеллекта в качестве предиктивной модели распространения загрязняющих веществ в атмосферном воздухе // Экология и промышленность России. – 2025. – Т. 29, № 2. – С. 56-59.
3. Красавина Ю. В., Пономаренко Е. П., Гареев А. А., Шишкина А. А. Использование ChatGPT в познавательной деятельности студентов с нарушением слуха // Информационное общество. – 2025. – № 1. – С. 49-57.
4. Кретов Д. В. Современные тенденции эволюции политики // Традиции и инновации в пространстве современной культуры: материалы VII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. – С. 91-95.
5. Панарина М. М. Цифровой комплаенс как эффективный способ минимизации информационных рисков // Журнал российского права. – 2025. – Т. 29, № 1. – С. 141-154.
6. Пруцков А. В. Преподавание программирования на языке Java в вузе: педагогические аспекты // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 4 (33). – С. 62-68.
7. Рябухина Е. А., Сафонов В. И., Фирсова С. А. Определение вариантов выбора будущей профессиональной подготовки абитуриентов вуза средствами организации онлайн-тестирования // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 3 (32). – С. 48-57.
8. Суравцова Ю. С., Коровко И. Л. Стилизация графики в видеоигровой среде // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 3 (32). – С. 84-92.
9. Jiang M., Zhang G., Zeng Q., Xiong D., Bai X., Wu Ya., Liu Ju., Chen J., Jiang T., Liu W.X., Miao Ya.B. Weaving the gates of life: Pioneering a new era in oral gene delivery with metal-organic frameworks // Chemical Engineering Journal. – 2025. – Vol. 503. – P. 158522.

БЛОХИН Константин Максимович
аспирант, Государственный университет просвещения, г. Москва

ПРИЗНАНИЕ ЦЕННОСТИ СИЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ НЕОЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

В статье выполнен историко-философский анализ неоевразийской концепции, объединяющей идеи традиционализма, консерватизма и геополитического подхода, с особым акцентом на обосновании необходимости сильной централизованной власти. Рассматриваются историко-философские корни идеологии, роль народа как цивилизационной общности и критика западных моделей политической идентичности, а также влияние идей русских философов и традиционных ценностей. Анализируются основные концепты, такие как органичность государства, иерархия, духовность и роль религии, а также внутренние разногласия и критика данной идеи в контексте современного российского общества.

Ключевые слова: неоевразийство, сильная власть, традиционализм, консерватизм, русская философия, геополитика, цивилизационная общность, государство, духовность, национальная идентичность.

BLOKHIN Konstantin Maximovich
postgraduate student, State University of Education, Moscow

RECOGNIZING THE VALUE OF STRONG POWER: A HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE NEO-EURASIAN CONCEPT

The article provides a historical and philosophical analysis of the neo-Eurasian concept, which combines the ideas of traditionalism, conservatism and a geopolitical approach, with a special emphasis on the justification of the need for a strong centralized government. The article examines the historical and philosophical roots of ideology, the role of the people as a civilizational community and criticism of Western models of political identity, as well as the influence of the ideas of Russian philosophers and traditional values. The main concepts such as the organicity of the state, hierarchy, spirituality and the role of religion are analyzed, as well as internal disagreements and criticism of this idea in the context of modern Russian society.

Keywords: neo-Eurasianism, strong government, traditionalism, conservatism, Russian philosophy, geopolitics, civilizational community, state, spirituality, national identity.

Неоевразийство, как относительно новое идеологическое течение, заслуживает пристального внимания исследователей в силу своей уникальной интерпретации евразийской идентичности и, что особенно важно для данной работы, своего явного предпочтения сильной, централизованной власти [9, с. 31]. В отличие от классического евразийства, которое, в своих различных интерпретациях, часто фокусировалось на геополитических аспектах и цивилизационных противопоставлениях, неоевразийство представляет более сложную и неоднородную конструкцию. Ключевым отличием является переосмысление субъекта империи: неоевразийцы акцентируют внимание не на политической нации как субъекте исторического процесса и носительнице суверенитета, а на народе, понимаемом как общность, объединённая не только территориальными, но и культурно-цивилизационными, историко-мифологическими связями, часто трансцендирующими рамки современного государства [2]. Такое определение субъекта существенно влияет на восприятие роли власти, поскольку предполагает необходимость сильного центра для интеграции и управления этой сложной, многообразной и территориально обширной общностью. Именно поэтому изучение неоевразийского восприятия сильной власти требует не столько социополитического анализа, сколько углубленного исследования историко-философских предпосылок, лежащих в основе этой идеологии. В данной статье предпринята попытка проанализировать, как именно неоевразийская концепция обосновывает своё предпочтение сильной власти, используя инструменты историко-философского анализа, обращаясь к ключевым концептам и идеям, заимствованным из богатого наследия европейской и евразийской философской мысли.

Центральный вопрос статьи заключается в выяснении историко-философских оснований неоевразийской поддержки сильной власти. Для ответа на него необходимо проследить генезис ключевых неоевразийских идей, выявив их корни в философских концепциях традиционализма, консерватизма, и даже некоторых аспектов социал-дарвинизма. Особое внимание будет уделено исследованию роли исторического нарратива в обосновании необходимости сильной власти: как исторический опыт империй и цивилизаций, интерпретируется неоевразийством и какую роль в этой интерпретации играют концепты органического единства, иерархичности общественной структуры и необходимости сильного лидера для достижения национального и цивилизационного единства. В рамках этого анализа будут рассмотрены вопросы взаимосвязи традиции и модерна в неоевразийской концепции, а также оценена степень влияния на нее концепций геополитики и теории международных отношений.

Неоевразийская концепция, обосновывая необходимость сильной власти, опирается на специфическое понимание субъекта власти – народа как цивилизационной общности. В отличие от европейской модели политической нации, основанной на принципах гражданства и волеизъявления, неоевразийцы предлагают концепцию народа, определяемого не лишь юридическими нормами, а глубинными историческими, культурными, географическими и духовными связями. Критика концепции политической нации проистекает из убеждения, что навязанные извне, преимущественно с Запада, либеральные и социалистические идеологии не соответствуют органической природе российского общества и угрожают его существованию как уникальной цивилизации. Неоевразийцы, подобно славянофилам и народникам, ищут истоки легитимности власти не в формальных институтах, а в самобытности народа, его исторической памяти и коллективной идентичности, сформировавшейся в течение веков в конкретном географическом пространстве [9, с. 32-34]. Таким образом, суверенитет не является формальным атрибутом государства, а проистекает из глубинной связи между народом и землёй, формируя концепцию «геополитического» суверенитета, где пространство является неотъемлемой частью существования цивилизации. Отсюда вытекает и понимание сильной власти как необходимого инструмента для сохранения и развития этой цивилизационной общности, способ-

ной управлять обширными территориями и разнообразным населением.

Цивилизационный подход в неоевразийстве противопоставляется как либеральному индивидуализму, так и узконационалистическим концепциям, сосредоточиваясь на целостности и органическом единстве цивилизации. В отличие от либерального подхода, где государство рассматривается как инструмент регуляции индивидуальных интересов, неоевразийство видит государство как органическое выражение воли народа, его исторических аспираций и культурных ценностей. Национализм же, по мнению неоевразийцев, ограничен узкими рамками этнической принадлежности и не способен адекватно объяснить сложную многонациональную структуру российского общества. Органический характер цивилизации подчёркивает важность её целостности, и непрерывности во времени, что требует наличия сильной централизованной власти, способной гармонизировать интересы различных групп и направлять развитие цивилизации в соответствии с её внутренней логикой. Данное понимание связано с концепцией «Русской Вещи» А. Г. Дугина, представляющей собой трансцендентную цель, к достижению которой направлены усилия всего российского народа. Сильная власть, в этом контексте, является не средством подавления свободы, а инструментом реализации высших целей цивилизации [8, с. 69-75].

В контексте истории философии, неоевразийское понимание народа как цивилизационной общности находит отражение в идеях русских философов, предшествовавших формированию этой идеологии. Славянофилы и народники, отвергая западничество, подчеркивали самобытность русской культуры и духовности, видя в народе источник легитимности власти. Они акцентировали внимание на коллективистских ценностях, солидарности и взаимопомощи, противопоставляя их индивидуализму Запада. Неоевразийцы наследуют эту традицию, развивая её в условиях глобализации и геополитической конкуренции. Однако, в отличие от классических русских философов, неоевразийцы более конкретно определяют роль сильной власти в сохранении и развитии цивилизации, подчёркивая её необходимость в управлении обширными территориями и многонациональным населением. Таким образом, неоевразийская концепция является синтезом традиционных русских идей и современных геополитических реалий, формируя особое понимание субъекта власти, где народ как цивилизационная общность является основой легитимности сильного государства.

Философские основания сильной власти в неоевразийстве А. Г. Дугина глубоко укоренены в традиционалистской и консервативной парадигме, отвергающей либеральные ценности индивидуализма и приоритета частного над общим [7, с.100-118]. Концепция философа опирается на органицистскую модель государства, восходящую к гегельянству, где государство рассматривается не как договорное образование, а как целостный организм, стремящийся к самосохранению и развитию. Сильная, централизованная власть, в этом контексте, выступает как необходимый орган, обеспечивающий внутреннюю гармонию и целостность «организма-государства». Дугин акцентирует роль традиционных ценностей и институтов, включая религию и духовность, как фундаментальных элементов, обеспечивающих социальную стабильность и национальную идентичность. Религия, в его понимании источник сверхличной целостности, преодолевающей индивидуалистическое расщепление общества. В отличие от классического евразийства, неоевразийство А. Г. Дугина более радикально отвергает либерально-демократическую модель, предлагая вместо неё социал-монархическую систему, где сильная власть сочетается с социальной справедливостью, ориентированной на интересы нации в целом [5, с. 7-8]. Иерархичность, приоритет коллектива над индивидом, отказ от материализма в пользу духовности — ключевые элементы этой модели. Важным аспектом является идея о России как межконтинентальной цивилизационной державе, призванной играть мостовую роль между Западом и Востоком, объединяя различные культуры и традиции на основе новой евразийской идентичности.

А. Г. Дугин предлагает критику как либерально-западного, так и просто патриотического мифотворчества, видя их неспособность объяснить специфику российской истории [6, с. 87]. Вместо них он предлагает социологическую модель, основанную на взаимодействии правящего класса и народа. Работа «Цели и задачи нашей Революции» демонстрирует стремление к построению нового общественного строя, свободного от отчуждения, напоминая марксистские идеи, хотя и преобразованные в контексте традиционалистской философии [5].

Несмотря на определенную оригинальность и системность, философские построения А. Г. Дугина подвергаются критике за недостаточную эмпирическую обоснованность и склонность к метафоричности. Некоторые исследователи характеризуют его концепции как «социологическое фэнтези», не предлагающее адекватного анализа российского общества. Тем не менее, его влияние на неоевразийскую идеологию огромно.

Таким образом, в основе неоевразийской идеологии лежит критика либерального индивидуализма и западного рационализма, с опорой на традиционалистские и органицистские подходы. Идея сильной власти рассматривается не просто как инструмент управления, но как необходимое условие сохранения национальной идентичности и целостности в условиях глобализации и внешнего давления. При этом анализ показал неоднородность неоевразийской мысли, выявив существующие внутри нее разногласия относительно оптимальных моделей сильной власти, степени государственного регулирования и роли гражданского общества. Выявленная амбивалентность неоевразийского подхода к вопросу о балансе между государственным контролем и индивидуальной свободой требует дальнейшего исследования, с учетом динамики политических и социокультурных процессов в современной России.

Можно констатировать, что неоевразийская концепция сильной власти представляет синтез исторического опыта, философских идей и геополитических реалий. Данный синтез не лишен внутренних противоречий и не представляет собой монолитной идеологической системы. Дальнейшие исследования должны быть направлены на углубленный анализ влияния конкретных исторических событий на формирование неоевразийской идеологии, на оценку прагматических аспектов применения концепции сильной власти в современной политике, а также на сравнительный анализ неоевразийских идей с другими концепциями государственного управления.

Пристатейный библиографический список

1. Асаналиев У. А., Бредихин А. В. Роль ШОС для стран ЕАЭС в современный период// Евразийский юридический журнал. - 2024. - № 4 (191). - С. 487-488.
2. Ахромеева Ю. В. Неоевразийство и традиционализм как примеры фундаменталистской идеологии // ОНВ. - 2008. - № 5 (72). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/neoevraziystvo-i-traditsionalizm-kak-primery-fundamentalistskoy-ideologii (дата обращения: 01.05.2025).
3. Бредихин А. В. Евразийский вектор развития Российской Федерации: исход к Востоку // Вестник Московского университета. - 2023. - Т. 29, № 1. - С. 98-109.
4. Бредихин А. В. Перспективы участия новых государств постсоветского пространства в процессах евразийской интеграции // Архонт. - 2017. - № 2 (2). - С. 14-16.
5. Дугин А. Г. Цели и задачи нашей Революции. - М.: Фраварти, 1995. - 30 с.
6. Дугин А. Г. Абсолютная Родина. Пути Абсолюта. Метафизика Благой Вести. Мистерии Евразии. - М.: Арктогея-центр, 1999. - 752 с.
7. Дугин А. Г. Евразийский путь как национальная идея. - М.: Артогея-центр, 2002. - 144 с.
8. Дугин А. Г. Русская вещь. Очерки национальной философии: в 2 т.: Т. 1. - М.: Артогея-центр, 2001. - С. 69-75.
9. Устинкин С. В., Седаев П. В., Параничев Д. В. Теоретические основы евразийства и неоевразийства: является ли ЕАЭС их воплощением? // Власть. - 2022. - № 4. - С.30-38.

БУЛЫГИН Александр Сергеевич
аспирант кафедры философии, Луганский государственный университет имени В. Даля

ГИПЕРКОНСТРУКТИВНОСТЬ СУБЪЕКТА КАК ФОРМА ПОСТОНТОЛОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ: ОТ ЭССЕНЦИАЛЬНОСТИ К АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье, представляющей собой результат теоретико-методологического анализа в русле современной философской антропологии и философии культуры, исследуется феномен гиперконструктивности субъекта в контексте постонтологического сдвига. Показано, что классическая модель субъекта, опирающаяся на метафизические категории разума, духа и свободы, уступает место концептуальным моделям множественной, фрагментарной и алгоритмически модулируемой субъектности. Рассматриваются ключевые теоретические установки постструктурализма, постгуманизма и критики эссенциализма, в рамках которых субъект утрачивает онтологическую стабильность и превращается в эффект сетевых, цифровых, когнитивных и биополитических структур. Особое внимание уделяется анализу таких понятий, как алгоритмическая идентичность, цифровой двойник и нейровласть, а также техно-семиотическим модальностям субъективации в условиях платформенного капитализма. Гиперконструктивность трактуется как методологический инструмент и эпистемологическая рамка, позволяющая описывать субъект как событие, возникающее на пересечении информационных потоков, аффективных паттернов и машинных процессов. Делается вывод о формировании новой онтоантропологии, в рамках которой идентичность субъекта более не фиксируется как субстанциальное данное, а понимается как гибридная и реляционная конфигурация.

Ключевые слова: философская антропология, постонтология, субъект, гиперконструктивность, алгоритмическая идентичность, цифровой двойник, техно-семиотика, десубъективация, биовласть, нейровласть, постгуманизм, субъектность.

BULYGIN Alexander Sergeevich
postgraduate student of Philosophy sub-faculty, V. Dahl Lugansk State University

HYPER-CONSTRUCTIVENESS OF THE SUBJECT AS A FORM OF POST-ONTOLOGICAL ANTHROPOLOGY: FROM ESSENTIALISM TO ALGORITHMIC IDENTITY

The article, representing the result of a theoretical and methodological analysis within the framework of contemporary philosophical anthropology and philosophy of culture, explores the phenomenon of hyper-constructiveness of the subject in the context of the post-ontological shift. It is demonstrated that the classical model of the subject, grounded in metaphysical categories of reason, spirit, and freedom, is being replaced by conceptual models of multiple, fragmented, and algorithmically modulated subjectivities. The study examines key theoretical frameworks of post-structuralism, posthumanism, and anti-essentialist critique, within which the subject loses ontological stability and becomes an effect of networked, digital, cognitive, and biopolitical structures. Special attention is paid to concepts such as algorithmic identity, digital twin, and neuro-power, as well as to techno-semiotic modalities of subjectivation under conditions of platform capitalism. Hyper-constructiveness is interpreted as both a methodological tool and an epistemological framework that allows for the conceptualization of the subject as an event emerging at the intersection of information flows, affective patterns, and machinic processes. The article concludes with the formation of a new onto-anthropology, in which subjectivity is no longer fixed as a substantial given but understood as a hybrid and relational configuration.

Keywords: philosophical anthropology, post-ontology, subject, hyper-constructiveness, algorithmic identity, digital twin, techno-semiotics, desubjectivation, biopower, neuropower, posthumanism, subjectivity.

Современная философская антропология переживает фундаментальный эпистемологический и онтологический сдвиг, связанный с переходом от традиционных форм субъективации, основанных на эссенциальных и метафизических предпосылках, к формам, определяемым динамикой технокультурных трансформаций. В этом контексте возникает концепт гиперконструктивности субъекта, указывающий на множественность, гетерогенность и алгоритмизируемость современных идентичностей. Он представляет собой не просто усиление конструктов идентичности, но качественно новую фазу антропогенеза – постонтологическую, в которой субъект утрачивает статус неизменной субстанции и становится открытым техно-семиотическим процессом.

Классическая философская антропология (М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен) исходила из предпосылки наличия у человека инвариантной онтологической основы – разума, духа, свободы, символической активности [1, с. 37]. Э. Кассирер определяет человека как animal symbolicum, указывая на первичность культурно-семиотических структур в становлении субъекта [2, с. 4]. Г. Плеснер формулирует концепт эксцентрической позициональности, подчеркивая структурную двойственность субъекта, пребывающего одновременно в мире и вне его – как наблюдатель, способный к саморефлексии [3, с. 86].

Однако XX в., в особенности в свете постструктуралистской критики, поставил под сомнение идею стабильного субъекта. В работах Ж. Деррида, М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делёза осуществляется деконструкция субъекта: исчезает внутренне целостное «я», и на его месте возникает сеть различий, дискурсов и сил. М. Фуко «Надзирать и наказывать» указывает на то, что субъект является не более чем эффектом власти, производимым институциональными и дискурсивными практиками [4, с. 25]. Ж. Делёз и Ф. Гваттари в «Тысяче плато» развивают концепты десубъективации и машин желания, в рамках которых субъект моделируется как процессуальная конфигурация, результат взаимодействия аффектов, знаков и материальных инфраструктур [5, с. 351].

Постонтологическая антропология, возникающая на стыке культурной теории, философии техники и когнитивной науки, фиксирует переход от метафизики субъекта к его культурной, технологической и алгоритмической производимости. В отличие от онтоцентрической парадигмы, утверждающей сущностную непреложность человеческого, постонтология описывает субъект как релятивную, множественную, процессуально организуемую формацию, лишён-

ную стабильного центра. В рамках этой парадигмы гиперконструктивность означает радикальное преодоление идеи тождества субъекту самому себе (ipse-идентичности по П. Рикёру) и замену её множественностью модусов субъективации [6, с. 55].

Гиперконструктивный субъект не столько существует, сколько производится: он является синтетическим эффектом взаимодействия биополитических, когнитивных, цифровых и медиальных регистров. В этом контексте уместна ссылка на концепт информационной индивидуальности, разработанный Т. Диконом и Д. Кракауэром, согласно которому индивидуальность – не предзаданная сущность, а «граница сохранения корреляций» между структурой и окружающей средой, стабилизируемая через циркуляцию информации [7, с. 132].

Одним из ключевых проявлений гиперконструктивности является алгоритмическая идентичность – субъектность, возникающая в результате автоматизированных систем категоризации, предиктивной аналитики и платформенного профилирования. В отличие от модернистской идентичности, опирающейся на акт сознательного самоопределения, алгоритмическая идентичность формируется посредством внешнего платформенного анализа поведения, предпочтений, телеметрии. Здесь субъект выступает одновременно как объект управления и как результат вычисления, функционируя в логике предсказуемости и оптимизации.

Феномен цифрового двойника (digital twin) становится точкой сингулярности гиперконструктивной субъектности: цифровой двойник – это не просто репрезентация субъекта, но автономная, самореферентная модель, постоянно обновляющаяся на основе потоков данных и алгоритмов. Он участвует в модификации поведения субъекта, влияя на его самовосприятие, социальные сценарии и онтологический статус. В этом контексте уместны постгуманистические концепты (К. Хейлс, Р. Пеперл), рассматривающие постчеловека как гибридную формацию, в которой исчезает граница между биологическим и техническим, органическим и симулякрным [8, с. 54], [9, с. 111].

Гиперконструктивность сопряжена с проблематикой власти, нормализации и контроля. Вслед за М. Фуко, можно утверждать, что в эпоху цифрового гиперконтроля биовласть дополняется нейровластью – властью, опосредованной интерфейсами, когнитивной нагрузкой, аффективной архитектурой цифровых сред. Такие технологии, как цифровой трекинг, лайкоцентризм, рекомендательные системы и социальный скоринг, являются выражением психоцифровой дисциплины, встраивающей поведение субъекта в режим непрерывной верификации, оценки и адаптации к нормативным алгоритмам [10, с. 61].

Гиперконструктивный субъект в этом контексте превращается в rhizomorph – децентрированную, корневищную, многослойную конфигурацию, лишённую устойчивой онтологической опоры. Понятие, становления (devenir), предложенное Ж. Делёзом, заменяет традиционное esse – субъект больше не «есть», а «становится» в непрерывном движении между интерфейсами, базами данных, телами и машинами. Здесь субъектность – это не данность, но событие, возникающее в точке пересечения кода, аффекта и инфраструктуры.

При этом гиперконструктивность субъекта следует интерпретировать не как абсолютный разрыв с предшествующими моделями субъектности, а как кульминацию исторических процессов, наметившихся ещё в рамках позднего модерна. Если субъект Нового времени понимался как автономный носитель разума, а субъект постструктурализма – как дискурсивный эффект, то субъект цифровой эпохи представляет собой квантово-флуктуирующую инстанцию, синтезирующую биологическое, когнитивное и алгоритмическое измерения [11, с. 49].

Цифровая среда выступает не только как медиум, но как онтология нового типа – пространство, где сущность продуцируется симуляцией, а бытие осмысляется сквозь призму интерфейса. Цифровая идентичность конституируется через поведенческие сценарии, UX-дизайн, геймификацию социальных ролей, лайкоориентированные практики и культурные протоколы оптимизации [12, с. 30]. В этой среде возникает эффект рефлексивной петли – субъект, постоянно отображающий и корректирующий себя в цифровом зеркале, становится одновременно наблюдателем и продуктом наблюдения.

Постонтологическая антропология не даёт готового образа человека, но формирует новую режимность мыслимости субъекта: субъект – это не начало, а производное, не сущность, а моделируемый вектор, который может быть деконструирован, реконфигурирован и даже отменён. Таким образом, гиперконструктивность становится не просто философской категорией, но методологией понимания субъекта в условиях цифровой эпохи – эпохи, где идентичность не утверждается, а генерируется, оптимизируется и контролируется.

Таким образом, гиперконструктивность субъекта в постонтологической антропологии не является ни производным от универсальной природы, ни результатом индивидуальной воли. Она представляет собой динамическую, гетерогенную, техно-семиотическую конструкцию, произведённую множественными инстанциями от биологических до цифровых, от социальных до алгоритмических. Переход от эссенциальности к алгоритмической идентичности фиксирует разрыв с классической философией субъекта и задаёт вектор для новой онтоантропологии, в которой субъект – это не начало, но событие и эффект – производный, моделируемый и потенциально обратимый.

Пристатейный библиографический список

1. Шелер М. Положение человека в Космосе / Пер. А. Филиппова // Проблема человека в западной философии / Пер. и сост. П. С. Гуревич; общ. ред. Ю. Н. Попова. - М.: Прогресс, 1988. - С. 31-95.
2. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры / Пер. А. Н. Муравьева // Проблема человека в западной философии / Пер. и сост. П. С. Гуревич; общ. ред. Ю. Н. Попова. - М.: Прогресс, 1988. - С. 3-30.
3. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. - М.: Канон+, 2020. - 255 с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. - М.: Ad Marginem, 1999. - 480 с.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. - М.: У-Фактория, 2010. - 728 с.
6. Ricoeur P. Oneself as Another. - Chicago: University of Chicago Press, 1992. - 360 p.
7. Deacon T., Krakauer D. Information and the Origin of Individuality // Theory in Biosciences. - 2017. - Vol. 136. - P. 1-22.
8. Hayles N. K. How We Became Posthuman. - Chicago: University of Chicago Press, 1999. - 350 p.
9. Pepperell R. The Posthuman Condition. - Bristol: Intellect Books, 2003. - 186 p.
10. Чечель Е. Л. Цифровая маска: формы и пределы субъективности в сетевой культуре // Вестник МГУ. Серия 7: Философия. - 2021. - № 4. - С. 25-40.
11. Селиванов С. А. Цифровое Я: феноменология и пределы реальности // Философские науки. - 2022. - № 5. - С. 92-105.
12. Ужакина А. Л., Цетлина Т. Н. Гипериденичность и постантропология в цифровую эпоху // Цифровая культура и образование. - 2022. - № 3. - С. 25-36.

ВОРОНИЦЫН Николай Владимирович
аспирант, Государственный университет просвещения

НЕОЕВРАЗИЙСТВО: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА (НОВЫЕ ТЕЧЕНИЯ В НЕОЕВРАЙЗИЙСТВЕ)

В статье исследуется эволюция и современные тенденции неоевразийства как геополитической и идеологической концепции. Анализируются исторические корни неоевразийства, его основные идеи и отличия от классического евразийства, а также внутренние течения и их особенности в современном контексте. Уделяется внимание трансформации идей, переходу от конфронтационных постулатов к прагматичным подходам, включающим элементы стратегического партнерства и участия в глобальных процессах. Рассматриваются три ключевых течения неоевразийства сегодня: национал-консервативное, левопопулистское и прагматически-либеральное, а также возможные сценарии его развития в будущем в условиях растущей мультиполярности и региональной интеграции.

Ключевые слова: неоевразийство, евразийство, геополитика, трансформация, идеология, национал-консерватизм, левопопулизм, прагматизм, глобализация, региональная интеграция.

VORONITSYN Nikolay Vladimirovich
postgraduate student, State University of Education

NEO-EURASIANISM: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW (NEW TRENDS IN NEO-EURASIANISM)

The article examines the evolution and current trends of neo-Eurasianism as a geopolitical and ideological concept. The article analyzes the historical roots of neo-Eurasianism, its main ideas and differences from classical Eurasianism, as well as internal currents and their features in the modern context. Attention is paid to the transformation of ideas, the transition from confrontational postulates to a pragmatic approach that includes elements of strategic partnership and participation in global processes. Three key trends of neo-Eurasianism today are considered: national-conservative, left-populist, and pragmatically liberal, as well as possible scenarios for its development in the future in the context of growing multipolarity and regional integration.

Keywords: neo-Eurasianism, Eurasianism, geopolitics, transformation, ideology, national conservatism, leftist populism, pragmatism, globalization, regional integration.

Введение

Глобальный ландшафт, характеризующийся беспрецедентной геополитической турбулентностью, вызванной, среди прочего, многовекторной конфронтацией на постсоветском пространстве, экономическими санкциями, трансформирующимися глобальными цепочками поставок и усиливающимся воздействием антропогенного изменения климата, актуализирует необходимость комплексного анализа идеологических и геополитических доктрин, претендующих на объяснение и прогнозирование развития евразийского континента. В этом контексте неоевразийство, как геополитическая и идеологическая концепция, представляющая синтез традиционалистских, консервативных и националистических идей с элементами реалистического подхода к международным отношениям, приобретает особую значимость. Нельзя рассматривать неоевразийство исключительно как реакцию на западную гегемонию; его следует интерпретировать через призму социокультурной динамики, характеризующей постсоветское пространство, включая процессы национального самоопределения, реконфигурации идентичностей и поиска новых моделей социально-политического устройства.

В отличие от классического евразийства, акцентировавшего антизападный пафос и отрицание либерально-демократических ценностей, неоевразийство демонстрирует большую вариативность и прагматизм, приспосабливаясь к меняющимся геополитическим реалиям. В данной статье мы предпримем попытку анализа эволюции неоевразийских идей, основанную на критическом осмыслении работ ключевых представителей этого направления (А. Дугин, П. Савицкий) и других, с учетом влияния геополитических факторов и внутренней динамики этой идеологической парадигмы.

Эволюция неоевразийства характеризуется переходом от жестко конфронтационных постулатов к более нуансированным и прагматичным подходам, включающим элементы стратегического партнерства с некоторыми западными государствами и активное участие в глобальных экономических процессах. Данное исследование нацелено на представление многогранной картины современного неоевразийства, объективно оценивая его потенциал и ограничения в контексте современных геополитических реалий.

1. Неоевразийство: вчера

Раннее неоевразийство, наиболее ярко представленное в работах Александра Дугина и его последователей, характеризовалось резким противопоставлением Западу, воспринимаемому как деструктивная сила, стремящаяся к господству посредством либерального капитализма и культурной глобализации, рассматриваемой как форма неоколониализма. Ключевой концептуальной основой выступала идея Евразии как геополитического центра, способного противостоять западному доминированию, формируя многополярный мир. Экономическая модель, проповедовавшаяся неоевразийцами, предполагала отход от либерального капитализма и создание альтернативных, преимущественно континентальных, экономических блоков, основанных на принципах самодостаточности и региональной интеграции. Идеологически неоевразийство позиционировало себя как консервативная, традиционалистская и националистическая доктрина, хотя внутри этого направления существовали и существуют значительные разногласия относительно степени выраженности этих составляющих и приоритетности их применения в практической политике [4, с. 1-10].

В концепции А. Дугина и его современников, Евразия рассматривалась как цивилизационный проект, супергосударство, объединяющее различные культуры и народы континента на основе общей идентичности и противостояния глобализации. Идентичность, однако, не была четко определена и являлась предметом постоянных дискуссий. Некоторые исследователи отмечают наличие в неоевразийстве элементов панславизма, другие – акцент на традиционных религиозных ценностях, третьи – на консервативном национализме отдельных наций, составляющих Евразийский континент [3]. Следует отметить, что в раннем неоевразийстве отсутствовала единая экономическая программа, а предлагаемые модели часто носили утопический характер, предполагая создание мощных интеграционных структур, способных конкурировать с западными экономиками.

Характерной чертой данного направления является критика либеральной демократии, воспринимаемой как идеологическое оружие Запада, и упор на сильную вертикаль власти как условие эффективного управления в условиях геополитической напряженности. В работах многих авторов того времени прослеживается идея недопустимости распада России, рассматриваемого как стратегический провал и угроза евразийскому проекту в целом [5; 7].

Многополярный мир, провозглашаемый как основная цель, представлялся скорее желаемым итогом, чем результатом конкретных действий. Критика глобализации, хотя и звучала достаточно убедительно, не сопровождалась конкретными предложениями по альтернативной модели мирового устройства. Именно отсутствие прагматичного подхода и конкретных механизмов реализации идей и послужило, по мнению многих исследователей, причиной того, что неоевразийство так и не смогло стать доминирующей идеологией в Евразии. В то же время, следует отметить значительное влияние неоевразийских идей на формирование геополитической мысли и на дискурс о международных отношениях в постсоветском пространстве [6, с. 161-178].

2. Неоевразийство: сегодня

Неоевразийство переживает сегодня период трансформации, порождая новые, часто противоречивые, интерпретации исходных постулатов. Можно выделить три значимых течения, демонстрирующие фрагментацию неоевразийской мысли: национал-консервативное, лево-популистское и прагматически-либеральное. Рассмотри подробнее:

1) Национал-консервативное течение, опираясь на традиционные евразийские идеи о России как геополитическом центре, акцентирует внимание на восстановлении национальной идентичности и суверенитета, отвергая либеральные ценности Запада и провозглашая приоритет национальных интересов над глобализационными процессами. Ключевые фигуры здесь — представители интеллектуальных кругов, активно использующие риторику «русского мира» и пропагандирующие идею «многополярности» как противовес западному доминированию. Отличительной чертой от классического неоевразийства является усиление акцента на националистической идеологии, зачастую с элементами великодержавного шовинизма. Реализация идей происходит через пропагандистские кампании, поддержку националистических движений и формирование специфической информационной политики, направленной на делегитимизацию либерального миропорядка. Критика данного течения исходит как из либерального лагеря, осуждающего его авторитарный потенциал и ксенофобию, так и из более умеренных неоевразийских кругов, указывающих на опасность изоляционизма и неэффективность противостояния Западу без стратегического партнёрства с другими силами [8].

2) Лево-популистское течение в неоевразийстве, в отличие от национал-консервативного, акцентирует внимание на социально-экономическом аспекте евразийской интеграции. Сторонник течения, вдохновляясь идеями социальной справедливости и экономического суверенитета, предлагают модель «евразийского социализма» с сильным государственным регулированием и ориентацией на внутренний рынок. Ключевые идеи — расширение социальных гарантий, контроль над стратегическими отраслями экономики, создание «социально ориентированной» модели глобализации. В отличие от классического неоевразийства, которое часто рассматривало социальные вопросы в контексте геополитической стратегии, это течение ставит социальные приоритеты на первый план. Реализация идей наблюдается в социальных программах некоторых евразийских государств, ориентированных на поддержку национальных производителей и борьбу с неравенством. Критика этого течения сосредотачивается на потенциальной неэффективности государственного регулирования, риске замедления экономического роста и ограничениях экономической свободы. Так же звучит критика отсутствия четкой модели взаимодействия с другими странами в рамках провозглашаемой многополярности [8].

3) Прагматически-либеральное течение в неоевразийстве стремится к умеренной и приспособленной к реальности интерпретации евразийской идеи. Сторонники данного течения отказываются от идеологизированных подходов, сосредотачиваясь на практических аспектах экономической интеграции и сотрудничества с различными геополитическими игроками. Ключевые идеи — либерализация экономики, укрепление торговых связей, привлечение иностранных инвестиций, постепенное расширение евразийского пространства на основе взаимной выгоды. В отличие от классического неоевразийства, которое часто исходило из противостояния Западу, течение стремится к балансированному взаимодействию, используя механизмы многостороннего сотрудничества. Реализация идей происходит через программы экономической интеграции, проекты в области инфраструктуры и энергетики, и продвижение идей «мягкой силы». Критика данного течения сосредотачивается на его потенциальном недостатке идеологической составляющей, приводя к отсутствию внутренней когезии и потере стратегического видения. Также высказываются замечания по потенциальной зависимости от внешних игроков и риску неоколониализма [8].

3. Неоевразийство: завтра

Обзор современных тенденций, характеризующихся усилением мультиполярности и ростом региональных интеграционных проектов, позволяет выстроить несколько вероятностных сценариев развития неоевразийства:

1) Первый сценарий предполагает умеренный рост влияния неоевразийских идей, ограниченный преимущественно риторической плоскостью и фокусировкой на экономическом сотрудничестве в рамках существующих форматов (ЕАЭС, ШОС). Сценарий наиболее вероятен при сохранении геополитической стабильности и отсутствии крупномасштабных конфликтов. В данном случае неоевразийство будет интегрироваться в существующие глобальные и региональные процессы, выступая скорее как идеологическая надстройка, нежели как самостоятельный геополитический актор.

2) Второй сценарий, менее вероятный, предполагает активную консолидацию неоевразийских сил, способную привести к формированию новой региональной системы безопасности и экономического сотрудничества, альтернативной западным моделям. Сценарий зависит от ряда факторов, включая успешность экономической интеграции, способность преодолеть внутренние противоречия и эффективность в противостоянии геополитическому давлению со стороны Запада.

3) Третий, маловероятный, но не исключаемый сценарий предполагает фрагментацию неоевразийского движения и его постепенное исчезновение ввиду внутренних конфликтов и неспособности адаптироваться к изменяющейся глобальной ситуации. Такой исход возможен при усилении внутренних противоречий между государствами-участниками, неэффективности реализуемых проектов и усилении внешнего давления.

С одной стороны, акцент на многополярности и суверенитете государств может способствовать деэскалации международной напряженности, создавая сбалансированный глобальный порядок. Однако с другой стороны, внимание к региональным интересам может привести к усилению конфликтов, если не будут эффективно решены проблемы разделения ресурсов и управления границами. Более того, неоевразийская идеология в своем экстремальном проявлении безусловно может послужить инструментом для легитимизации авторитарных режимов и подавления демократических тенденций.

Заключение

На протяжении последних десятилетий неоевразийство трансформировалось из концептуального инструмента, призванного осмыслить постсоветское пространство, в полноценную идеологическую платформу, активно влияющую на геополитическую карту мира. Существующие течения неоевразийства демонстрируют стремление к интеграции и сотрудничеству между государствами, находящимися на евразийском континенте. В частности, акцент на культурной идентичности и исторической преемственности, а также на необходимости создания многоуровневых экономических союзов, подчеркивает значимость неоевразийства как ответной реакции на вызовы глобализации и однополярности в международных отношениях. Изменения указывают на формирование новых парадигм, в рамках которых неоевразийство становится не только теоретической конструкцией, но и практическим инструментом для реализации внешнеэкономической и культурной политики стран-участниц.

В условиях нарастающей нестабильности, вызванной изменениями в международной политике и экономике, неоевразийство может выступать как катализатор для формирования новых альянсов и интеграционных объединений, способствующих устойчивому развитию. Однако, несмотря на значительный прогресс в изучении этого феномена, остаются открытыми множество вопросов, требующих дальнейшего научного осмысления. К ним можно отнести исследование влияния неоевразийских идей на внутреннюю политику стран, анализ механизмов взаимодействия между различными течениями неоевразийства, а также изучение их влияния на глобальные геополитические процессы.

Пристатейный библиографический список

1. Бредихин А. В., Сердюк А. А. Перспективы участия ОАЭ в формате БРИКС+ // Современная Азия: политика, экономика, общество, 2025. № 1 (6). С. 5-9.
2. Варшавская С. А., Бредихин А. В. Актуальные направления гуманитарного сотрудничества стран-участниц БРИКС // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2025. Т. 15, № 1 (118). С. 147-152.
3. Дугин А. Г. Основы евразийства. М., 2002. 800 с.
4. Исаева О. С. Модификация философских идей классического евразийства в творческом наследии А. Г. Дугина // Философская мысль. 2019. № 7. С. 1-10.
5. Кошарный В. П. Евразийство как объект междисциплинарного синтеза // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия: научный журнал. 1994. № 4. С. 9-11.
6. Маслин М. А. У истока евразийства. К 100-летию опубликования книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество» // Философский журнал. 2019. Т. 12, № 4. С. 161-178.
7. Савицкий П. Н. Евразийство // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: сб. тр. Евразийцев / Сост., вступ. ст. и примеч. С. Ключникова, послесл. В. Кожинова. М.: Беловодье, 1997. С. 76-94.
8. Устинкин С. В., Седаев П. В., Параничев Д. В. Теоретические основы евразийства и неоевразийства: является ли ЕАЭС их воплощением? // Власть. 2022. № 4. С. 29-37.

ТАРАСОВ Алексей Николаевич
доктор философских наук, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

ЯБЛОКОВА София Евгеньевна
студент, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

ЗАЙЦЕВ Руслан Александрович
студент, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАМКАХ ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

Современные исследования в философии религии и религиоведении выходят за рамки традиционного анализа вероучений, охватывая междисциплинарные направления. В статье рассматриваются ключевые перспективные области, включая когнитивные науки (нейробиология религиозного опыта), влияние цифровых технологий (ИИ и виртуальные религии), экологическую теологию, гендерные исследования и постсекулярные тенденции. Особое внимание уделяется взаимодействию религии с глобализацией, политикой и новыми формами духовности. Анализируются также пост-атеистические концепции и нейротеология. Статья демонстрирует, как современные вызовы от искусственного интеллекта до климатического кризиса трансформируют понимание религии в XXI веке.

Ключевые слова: философия религии, религиоведение, когнитивные исследования, цифровая религия, экологическая теология, постсекулярность, нейротеология.

TARASOV Alexey Nikolaevich
Ph.D. in philosophical sciences, professor, Acting Head of Philosophy, political science and theology sub-faculty, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

YABLOKOVA Sofiya Evgenjevna
student, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

ZAYTSEV Ruslan Alexandrovich
student, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

PROMISING DIRECTIONS OF RESEARCH IN THE FRAMEWORK OF PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

Contemporary research in the philosophy of religion and religious studies goes beyond the traditional analysis of religious doctrines, embracing interdisciplinary directions. The article considers key promising areas, including cognitive sciences (the neuroscience of religious experience), the impact of digital technologies (AI and virtual religions), environmental theology, gender studies and postsecular trends. Particular attention is paid to the interaction of religion with globalization, politics and new forms of spirituality. Post-atheistic concepts and neurotheology are also analyzed. The article demonstrates how contemporary challenges from artificial intelligence to the climate crisis are transforming the understanding of religion in the 21st century.

Keywords: philosophy of religion, religious studies, cognitive science, digital religion, environmental theology, postsecularity, neurotheology.

Современное философское знание характеризуется широтой охватываемой проблематики и достаточно (сравнительно) быстрыми темпами его развития. Данное наблюдение представляется совершенно закономерным, что связано с двумя основными обстоятельствами. Первое – внешнего свойства – стремительное развитие/рост темпа современной социокультурной динамики. Фиксируемое сегодня ускорение связано с переходом человеческой цивилизации к новому этапу технологического развития [4, с. 75], [8, с. 43], [9, с. 88], [10, с. 87]. В этой связи, заметим, что подобное ускорение (сравнительного характера) наличествовало всякий раз в истории, когда человечество переходило к следующему этапу динамики производительных сил. При этом, подчеркнём, что фиксируемое ускорение носит относительный характер, что предполагает сравнение текущего состояния с тем, каковое существовало прежде. Второе обстоятельство – внутреннего свойства – характеризует процесс развития философского знания, в целом. Философия всегда очень точно отражает те процессы, которые идут в соответствующем обществе. Она выявляет проблему, глубоко и системно её анализирует, прогнозирует последствия её развития и предполагает способы преодоления обнаруживаемых и фиксируемых рисков. Вся история развития философской мысли подтверждает обоснованность именно такого понимания существа её динамики. В этой связи, все отрасли философского знания предлагают варианты развития обозреваемого ими предметного поля. К числу таковых относится и такое направление, как философия религии и религиоведение.

В современной российской гуманитарной традиции религиоведение ориентировано, в первую очередь, на анализ вопросов теории религии и несколько меньше истории религии. В этом отношении это роднит религиоведение и культурологию, базово понимаемую как теория и история культуры. Статус обеих отраслей научного знания – религиоведения и культурологи в российской традиции подвижен. Если конец 1980-х – начало 2000-х годов в России – это время их расцвета, да и гуманитарного знания в целом, то примерно с середины 2000-х годов ситуация меняется и общий тренд на гуманитаризацию образования (а потому и соответствующих научные исследования) последовательно низлагается. Вместе с тем, относительно недавно, чуть более 5 лет назад – специальность философия религии и религиоведение вы-

делилась в самостоятельную отрасль в классификации ВАК РФ (специальность 5.7.9.). Это подтверждает специфику и актуальность данного научного направления. Анализ современных исследований по данному направлению [1, с. 126], [2, с. 136], [3, с. 98], [5, с. 192], [6, с. 156], [7, с. 57] позволяет выделить ключевые направления его динамики.

Первое направление связано с когнитивными исследованиями в области религии. Когнитивные исследования сегодня – актуальное и перспективное направление, которое выступает ключом к пониманию того, как человек воспринимает феномен религии, в целом. Это весьма широкий пласт исследований, связанный с религиозными переживаниями, склонностью человека верить в сверхъявственное, а также и способностью религии сплачивать людей. Последнее особенно актуально для современной социокультурной динамики, которая характеризуется объединением людей по религиозному принципу. Сегодня это со всей очевидностью фиксируется в странах исламского мира. Проанализировать когнитивную составляющую этого процесса и актуальное, и практикоориентированное проблемное поле.

Следующая группа исследований в рамках философии религии и религиоведения связана с динамикой религии под влиянием искусственного интеллекта. Это группа вопросов, связанных с влиянием алгоритмов на религиозные практики, проблема эволюции искусственного интеллекта в религиозном аспекте под влиянием его способности к самообучению.

Третья группа перспективных исследований связана с бытованием религии в социокультурном пространстве цифры. Уже сегодня доступны виртуальные экскурсии в храмы и монастыри. Способны ли они дать полноценное восприятие религии? Это и совокупность проблем, связанных с религиозной пропагандой через социальные сети, каковые потенциально обладают большей степенью вовлечённости людей.

Четвёртая актуальная проблема связана с процессом секуляризации и феноменом постсекулярности. Современное общество (особенно в европейских государствах) всё активнее отходит от религии. Религия, как феномен социокультурной динамики теряет своё значение. С другой стороны, если обратиться к анализу этого процесса в мусульманских странах, то фиксируется противоположный процесс – целенаправленное следование религиозным нормам с самого раннего возраста. Отход от религии во многих странах Запада породил феномен религии без Бога, когда фиксируются новые формы духовности – медитация, йога и т.д. Несомненно, эти формы существовали и прежде, однако, фиксируемая сегодня замена ими христианства выступает явно неоднозначным процессом.

Пятая группа вопросов связана, с т.н. «зелёной повесткой». В странах евроатлантической цивилизации много говорится об этом, и она вовлекает в свой ареал, в том числе и религию. Ключевой вопрос, отмечаемый в данном случае – способен ли человек перейти к бережливому/«зелёному» потреблению под влиянием религиозных убеждений? Строго говоря, для этого требуется кропотливая работа со стороны церкви. Необходимо и собственным примером, и посредством соответствующих документов направить людей в «зелёное» направление. Вместе с тем, мы убеждены, что потенциал церкви, как отдельного института в этом вопросе используется явно недостаточно.

Шестое, фиксируемое нами проблемное поле, связано с процессом глобализации и начавшейся деглобализацией. Показательным в этом отношении является пример социокультурного кризиса, переживаемого в современных странах Европы. Мигранты, прежде всего, из государств исламского мира, меняют социокультурный облик этого региона. Более того, Европа рискует прекратить быть христианской, поскольку в отдельных европейских странах уже к концу этого столетия христиане перестанут быть большинством. Другой вопрос, связанный с процессом глобализации – феномен неоязычества, каковой следует рассматривать как ответ общества на ускорение темпов социокультурной динамики и во времени, и в пространстве.

Наконец, седьмое, определяемое нами, перспективное и практикоориентированное направление исследований в философии религии и религиоведении – взаимодействие религии и политики. К сожалению, сегодня достаточно часто фиксируется ситуация, при которой религиозный фактор используется в политических (популистских) целях, для привлечения большего числа сторонников. Требует комплексного анализа вопрос о войнах современности, выстраивающих свою идеологию на основе религиозного фактора. Множественные примеры этого отмечаем мы в Нигерии, Мьянме, на Ближнем Востоке. С другой стороны, следует помнить об объединяющем потенциале религии. Она может быть использована как эффективный инструмент дипломатии, помочь в преодолении современных международных конфликтов.

Все эти вопросы могут получить теоретическую и методологическую поддержку со стороны философии религии и религиоведения.

Итак, современная философия религии и религиоведение динамично развиваются, что является ответом на стремительные изменения, идущие в обществе. Философско-религиоведческое направление обладает значительным эвристическим потенциалом в вопросе решения проблем современного социокультурного развития. Отмеченные выше актуальные и перспективные направления относятся к числу основополагающих и, конечно, ими ареал философско-религиоведческой проблематики не исчерпывается.

Пристатейный библиографический список

1. Абель С. Библия - иллюстрированная книга морали? Кантовская «доктринальная герменевтика» и ее польза для моральной культуры человека // Кантовский сборник. – 2024. – Т. 43, № 4. – С. 125-154.
2. Бурден Б. Авторитет совести: к вопросу о легитимности теологии политического в демократическом обществе // Философские науки. – 2024. – Т. 67, № 4. – С. 136-158.
3. Гришина Е. В. Идеал-реализм как религиозная онтология в философии религии Б. П. Вышеславцева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2024. – № 113. – С. 98-120.
4. Егорова Г. И., Кулашкина А. Н. Концепты сотрудничества семьи, школы, вуза в воспитании российской поликультурной идентичности школьников // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 2 (31). – С. 74-80.
5. Золотухин В. В. Ливанский коммунист Махдӣ ◎А◎миль как философ религии // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2024. – № 6. – С. 191-203.
6. Курганова И. Г. Многомерность тела: проблема восточно-христианского кардиоцентризма в контексте трансплантологии // Человек. – 2025. – Т. 36, № 2. – С. 155-175.
7. Мартьянова Е. Г., Слобожанин А. В. Методические аспекты преподавания дисциплины «История религий России» в системе высшего образования // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 4 (33). – С. 56-61.
8. Наумова Т. А., Мухачёва Е. В., Лагунова Ю. М. Педагогическая технология развития финансовой грамотности студентов бакалавриата неэкономических направлений подготовки в университете // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 1 (30). – С. 41-49.
9. Стоянов А. С. Игровое взаимодействие как фактор развития речевых навыков у дошкольников: ожидания экспертов // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 2 (31). – С. 87-99.
10. Танцура М. С., Кондрашов С. В., Андриевских М. В. Значение социальных медиа в условиях развития информационного общества // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 1 (30). – С. 86-93.

ЮСУПОВА Алсу Раильевна
ассистент кафедры философии, истории и социального инжиниринга, Уфимский государственный нефтяной технический университет

Юсупова А. Р.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ФИЛОСОФИИ ТРАНСГУМАНИЗМА

В статье рассмотрены этапы становления трансгуманистической философии, ее основные концепции, а также проанализирована критика и подходы, возникающие в ответ на трансгуманистические идеи. Автор анализирует исторические истоки философии трансгуманизма, направления трансгуманистической мысли в науке и философский дискурс о возможностях и угрозах технологий трансгуманизма на социальное развитие общества: опасения по поводу неравенства, утраты человеческой природы и моральных последствий модификации человеческой природы. В статье также описаны наблюдения автора относительно перехода от ранних форм трансгуманизма к современным концепциям.

Ключевые слова: трансгуманизм, философия, постгуманизм, экстропианство, либертарианство.

YUSUPOVA Alsou Railjevna
assistant of philosophy, history and social engineering sub-faculty, Ufa State Petroleum Technological University

STAGES OF ESTABLISHING THE PHILOSOPHY OF TRANSHUMANISM

The article examines the stages of the development of transhumanist philosophy, its main concepts, and analyzes criticism and approaches that arise in response to transhumanist ideas. The author analyzes the historical origins of the philosophy of transhumanism, the directions of transhumanist thought in science and the philosophical discourse on the possibilities and threats of transhumanist technologies on the social development of society: concerns about inequality, the loss of human nature and the moral consequences of modifying human nature. The work also describes the author's observations regarding the transition from early forms of transhumanism to modern concepts.

Keywords: transhumanism, philosophy, posthumanism, extropianism, libertarianism.

Трансгуманизм возник на пересечении философии, науки и техники, стремясь осмыслить и оценить влияние стремительного научно-технического прогресса на человеческую природу и общество в целом. Перед лицом таких глобальных проблем, как изменение климата, старение населения и неравенство в доступе к технологиям, трансгуманизм предлагает новые перспективы для понимания человеческой идентичности и возможностей ее расширения. Возникновение трансгуманистической философии связано с развитием идей о возможности улучшения человеческих способностей с помощью биотехнологий, искусственного интеллекта и других передовых технологий. Эти идеи, в свою очередь, поднимают множество этических, социальных и культурных вопросов, требующих глубокого осмысления. Изучение трансгуманизма не только обогащает философский дискурс, но и открывает новые горизонты для понимания будущего человечества в контексте стремительных изменений, вызванных научно-техническим прогрессом.

Термин «трансгуманизм» ввел в научный дискурс биолог Джулиан Хаксли. В своей книге 1957 г. «Новые бутылки для нового вина» он писал: «Если человеческий вид захочет, он сможет превзойти себя… Возможно, этому поспособствует трансгуманизм – состояние, при котором человек останется человеком, но преодолеет себя, реализовав новые возможности своей натуры» [1, с. 17]. В современном смысле, трансгуманизм «рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть, значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека»[1]. Трансгуманисты исследуют технологии с позиции использования их потенциала для совершенствования человеческих возможностей, изучают положительные и негативные результаты их использования. Здесь следует отметить такие идеи, как конвергенция биологических, информационных, когнитивных и нанотехнологий.

В период своего зарождения трансгуманизм представлял собой систему идей, которая имела место в разных технократических социальных движениях. Большая часть этих идей запечатлелась в научной фантастике. В современном понимании, трансгуманизм, как философское направление, формируется только в XXI веке, и в своем становлении проходит несколько важных этапов.

На 60-80-е года XX века приходиться этап раннего трансгуманизма. Характерным для него является оптимистическое видение «трансгуманистического» будущего. Основными темами для построения проекта будущего были крионика, глобализация, освоение космоса и космическая экспансия. Данный этап непосредственно связан с творчеством Р. Эттингера и FM-2030 (Ф. Эсфендиари). Идеи Эттингера не были беспочвенными, в их основе находятся исследования криобиологов, что нашло воплощение в труде «Перспективы бессмертия», который Эттингер опубликовал в 1962 году, где он

1 Российское трансгуманистическое движение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://transhumanism-russia.ru/ (дата обращения: 16.03.02025).

аргументировал, почему человечеству так необходимо прибегнуть к крионированию, а также описал экономические и технические преимущества этой операции. Р. Эттингер был уверен, что сочетание крионики и будущей биомедицины предоставит человечеству возможность бессмертия. Бессмертие же индивида, в ситуации с крионированием, находилось бы в прямой зависимости от сохранности физического тела, которую обеспечивали бы другие люди. Это, по его мнению, могло бы способствовать сглаживанию социальной стратификации [2].

В другой работе автора, которая называется «Man into superman» (1972), были описаны проблемы сущности бытия, онтологии человека. В представленном труде Р. Эттингер вводит идею «самоформирования», на которой и основывается философия трансгуманизма. В понимании автора человек является «скульптором, самопроектирующим суперменом». Р. Эттингер придерживается мнения, что человек должен работать над собой для того, чтобы достичь идеала, который он сам представляет. Дословно автор формулирует идею следующим образом: «человек может и должен переделать себя сам, в соответствии с собственными представлениями о совершенстве, основанными на редких человеческих талантах, талантах других видов и «машинных талантов» [3, p. 264]. Отсюда следует вывод, что для Р. Эттингера идеалом выступает человек, который наделен особыми талантами, причем не только человеческими, но и машинными. В некотором смысле он отмечает, что совершенный человек – это то самое существо, способности которого приближены к машинным. Размышляя о будущем, он рисует его как вечное, однородное «трансчеловечество».

Еще одним автором, который внес значительный вклад в развитие и становление философии трансгуманизма является FM-2030 (Ф. Эсфендиари). Вклад данного автора заключается в том, что он сделал детальный и глубокий анализ телеологического аспекта трансгуманизма. Ф. Эсфендиари оценивал свою эпоху довольно критично: «Пока мы безнадежно обречены на ограниченные продолжительности жизни и пойманы в ловушку в пределах маленького пятнышка в Космосе, все наши социальные, экономические, политические свободы ограничены и, в конечном счете, бессмысленны» [4, p. 12]. FM-2030 будущее виделось как глобальное общество с единым языком, гражданством и правом. В трактате «Are You a Transhuman?» 1989 г. он предполагал, что, освободившись от власти природного в человеке, люди избавятся от «старой» психологии, примитивных «эмоций выживания» ревности, любви, страха, приводящих к ксенофобии. Бесполое размножение и репродуктивная генетика преобразуют существующие социальные институты. Традиционные социальные группы, такие как этносы, или семьи, основанные на кровном родстве, будут заменены новыми формами социальной близости, лишенными иерархии, в которых будут рождаться и взращиваться новые поколения.

Ф. Эсфендиари сущность гуманизма видит в отсутствии смерти. Он предполагает, что человечество может вырасти нравственно только в том случае, если насилие полностью перестанет существовать. Генная инженерия у него выступает инструментом для преобразования биосферы и устранения неизбежности пищевой цепи. Закономерным итогом данного процесса является то, что люди перестанут осуществлять насильственные действия не только в отношении других людей, но и животных. Ценность нового мира, пронизанного гуманизмом, заключается в том, что он станет фундаментом для освоения космоса, открытия новых планет, преобразование этих планет для жизни.

Этап раннего трансгуманизма содержит идеи космической экспансии, революции в области компьютерных коммуникаций, переводящих экономику в постиндустриальное состояние. В трансгуманистических проектах отчетливо прослеживаются черты всеобщей глобализации, а описываемые технологии, помимо основной, трансформирующей человеческое бытие – крионики, теоретически применимы.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX века, когда в философии вырабатываются основные концепции экстропианства, наступает второй этап формирования философии трансгуманизма. Теоретической основой экстропианства становятся либертарианство и определение вектора модификации человека. Оптимистическое видение будущего характерное раннему трансгуманизму становиться оптимизмом динамическим. В ницшеанстве возникает образ «постчеловека», который должен прийти на смену «человеку обыкновенному», ставиться вопрос о преодолении «человеческого» в постчеловеке, проводящий грань, между данными двумя мирами.

Этот этап связан с трудами американского философа и футуролога М. Мора, который считается основателем либертарианского направления трансгуманизма. Либертарианство - совокупность взглядов и убеждений, согласно которым человеческая свобода имеет абсолютный приоритет над различными формами государственного и социального принуждения [5]. Будучи профессиональным философом М. Мор переводит трансгуманистический дискурс из области научной фантастики и публицистики в сферу онтологии и антропологии. Он вводит в философию следующее ключевое понятие – «экстропия», которую он определяет как «мера развитости интеллекта, функционального порядка, жизненности, энергии, опыта, стремления к развитию и росту биологической или организационной системы»[2]. Фундаментальные принципы «экстропианства» он описывает в доктрине «Принципы экстропии». Это философское учение представляет собой развивающуюся структуру ценностей и стандартов для постоянного улучшения состояние человека с помощью достижений в области науки и техники.

Работы М. Мора пропитаны ницшеанскими идеями. Однако он уравновешивает радикализм Ф. Ницше американским утилитаризмом Айн Рэнд, основанным на разумном эгоизме. Разумный эгоизм М. Мора направлен на устранение любой вертикальной иерархии, что приводит к возникновению исключительно горизонтальной иерархии.

Конфронтация человека и трансчеловека начинает проявляться еще в работах Ф. Эсфендиари, поскольку он определяет трансчеловека как новый тип живого существа. Идея Ф. Ницше о сверхчеловеке должна была подвести М. Мора к проблеме несоответствия между человеком и сверхчеловеком. Однако в своих исследованиях он популяризирует экстропианство и направляет внимание на присутствие человеческого в сверхчеловеке. Идеи ницшеанства в его работах несколько видоизменяются, в них проявляются традиционно-гуманистические смыслы.

Технологии крионики оказались нереализуемыми, в связи с этим фокус сместился на наномашины. В 1986 г. издается книга Э. Дрекслера и М. Мински «Машины создания:

2 More M. Principles of Extropy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.extropy.org/principles.htm (дата обращения: 16.03.2025).

Грядущая эра нанотехнологий»[3]. Революция в нанотехнологиях, по мнению трансгуманистов, приведет к технологической сингулярности – моменту, по прошествии которого, технический прогресс станет настолько быстрым и сложным, что окажется недоступным пониманию.

На вторую половину 90-х гг. приходиться третий этап в становлении философии трансгуманизма, который можно охарактеризовать как «апология постгуманизма». Все отчетливей проступает граница между трансгуманизмом и постгуманизмом, базирующимся на постмодерне. Так же, как и трансгуманизм, постгуманизм предпринимает попытки постичь бессмертие, технологическую сингулярность, модель возможного расселения человечества по Галактике, модификацию природы и человеческого тела. Однако, в работах одного из ключевых теоретиков постгуманизма Р. Курцвейла четко видно разделение между человеческим и постчеловеческим. Постгуманисты, основываясь на постмодернистской деконструкции, обесценивают человека [6], [7].

Четвертый этап начинается в XXI веке. Для него характерна смягчающая анархический пафос экстропианства либерализация трансгуманизма. Манифестом трансгуманизма становиться «Речь о достоинстве человека» Джованни Пико Мирандолы. Ник Бостром назвал свое эссе об этике трансгуманизма «В защиту постчеловеческого достоинства» ссылаясь на работу Пико. В этот период философия трансгуманизма демократизируется, меняет свои социальные идеалы, принимая идеалы гуманизма за основу. Именно в это время трансгуманизм постепенно начинает свое становление как академическое философское направление, что во многом обусловлено трудами таких философов, как Ник Бостром, Андерс Сандберг, Джулиан Савулеску.

В связи с установлением преемственности в использовании возможностей гуманизма для раскрытия сущность человека, значимость и важность вновь обретают основные принципы гуманизма. Данная тенденция видна в творчестве Ника Бострома. Автор говорит о прочной связи трансгуманизма и гуманизма эпохи Возрождения и Просвещения [8].

На сегодняшний день философия трансгуманизма приобретает особую актуальность. Ее популяризаторами становятся не только философы, но и ученые-естественники, следует отметить таких авторов, как: Стивен Хокинг, Митио Каку, Нил Деграсс Тайсон. Представления данных авторов нельзя в полной мере отнести к философии, так как их взгляды изложены в виде литературных текстов. Здесь речь скорее идет о публицистике. Идеи, представленные в данных работах, нередко остаются в сознании человека в форме мифов, что становятся причиной не совсем корректной интерпретации трансгуманизма. По мнению С. В. Тихоновой, среди отечественных философов сложился негативный образ трансгуманизма. Она указывает на частую негативную оценку трансгуманизма как «дегуманизирующего мировоззрения, разрушительного и опасного» [9, с. 31]. Показательна в этом плане полемика В. А. Кутырева и Б. Г. Юдина, в которой сталкиваются оценка трансгуманизма как отрицания гуманизма и попытки установить преемственность трансгуманизма с гуманизмом [10], [11]. Во многих работах отечественных авторов присутствуют алармистские оценки. Например, Н. А. Комлева полагает, что технологии, преобразующие человечество, устраняют естественное право личности на свободу [12], а И. Н. Каланчина определяет трансгуманизм как антиутопию, исключающую «напряженный духовный труд», неспособную обеспечить «преображение духа и плоти» [13].

Для современной западной философии в большей степени свойственна положительная оценка трансгуманизма. К примеру, немецкие философы Р. Раниш и С. Л. Соргнер определяют трансгуманизм как философский подход, описывающий коэволюцию человека и современных технологий, систему идей о «радикальной трансформации биологических возможностей и социальных условий человека с помощью технологий», базирующихся на традиционных гуманистических ценностях [14].

Трансгуманизм, несмотря на то, что является относительно молодым явлением, представляет собой сложное, многогранное направление в современной философии. Разнообразие концепций, технологических подходов и политических позиций делает его уникальным, способным вызывать как интерес, так и споры. Важно понимать, что это многообразие является неотъемлемой частью трансгуманистической дискуссии и способствует более глубокому осмыслению будущего человечества в условиях стремительного технологического прогресса.

Пристатейный библиографический список

1. Huxley J. New Bottles for New Wine. - London: Chatto & Windus, 1957. - 318 p.
2. Эттингер Р. Перспективы бессмертия. - М.: Науч. мир, 2003. - 261 с.
3. Ettinger R. Man into Superman. - Palo Alto: Ria University Press, 2005. - 428 p.
4. FM-2030. Are you a transhuman? - NY: Warner Books, 1989. - 227 p.
5. Денисов И. В. Политическое либертарианство // Тетради по консерватизму. - 2016. - № 1. - С. 89-100.
6. Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence. - NY: Viking, 1999. - 388 p.
7. Kurzweil R. The singularity is near: when humans transcend biology. - NY: Viking, 2005. - 652 p.
8. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. - 2005. - Vol. 14 (1). - P. 1-25.
9. Тихонова С. В. Трансгуманизм, наука и лженаука: в поисках Неомодерна // Вопросы философии. - 2021. - № 10. - С. 29-39.
10. Кутырев В. А. Время mortido// Вопросы философии. - 2011. - № 7. - С. 18-29.
11. Юдин Б. Г. Что там, после человека? // Философские науки. - 2013. - № 8. - С. 24-37.
12. Комлева Н. А. Трансгуманизм и «гуманитария» как угроза правам человека // Гуманитарный вектор. - 2012. - № 2. - С. 7-8.
13. Каланчина И. Н. Трансгуманизм как антиутопия // Динамика морали в контексте современной культурной жизни России / Под ред. С. А. Ан. - Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2012. - С. 85-89.
14. Ranisch R., Sorgner S. L. (Eds.). Post and Transhumanism: An Introduction. - Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. - 313 p.

3 Дрекслер Э., Мински М. Машины создания: Грядущая эра нанотехнологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000328/index.shtml (дата обращения: 16.03.2025).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-594-595

ИТКУЛОВА Лэйсян Ахметовна
доктор философских наук, проф. кафедры философии и культурологии Высшей школы философии, психологии и социологии Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий

МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОД: НА ПРИМЕРЕ БАШКИРСКОГО ЭТНОСА

Статья посвящена исследованию мировоззрения как социокультурного кода этнической общности, с акцентом на башкирский этнос. Автор рассматривает традиционные представления башкир о мире, человеке, природе и обществе, анализирует отражение этих представлений в языке, фольклоре, обрядах и системе ценностей. В контексте этнической культуры мировоззрение выступает в качестве системообразующего ядра социокультурного кода, который определяет не только внутреннюю целостность этноса, но и особенности его ценностных установок, норм и стереотипов поведения, а также специфику моделей восприятия мира. Подчеркивается значимость мировоззрения для формирования этнической идентичности и межпоколенческой преемственности. Делается вывод о необходимости сохранения социокультурного кода в условиях глобализации и трансформации традиционного уклада жизни.

Ключевые слова: мировоззрение, социокультурный код, башкирский этнос, фольклор, ментальность, традиции, идентичность.

ITKULOVA Leysyan Ahmetovna
Ph.D in philosophical sciences, professor, acting head of the Department of Philosophy and Cultural studies of Higher School of Philosophy, Psychology and Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Sciences and Technologies

WORLDVIEW AS A SOCIOCULTURAL CODE: ON THE EXAMPLE OF THE BASHKIR ETHNOS

The article is devoted to the study of worldview as a socio-cultural code of an ethnic community, with an emphasis on the Bashkir ethnic group. The author examines the traditional ideas of Bashkirs about the world, man, nature and society, analyzes the reflection of these ideas in language, folklore, rituals and the value system. In the context of ethnic culture, worldview acts as a system-forming core of the sociocultural code, which determines not only the internal integrity of an ethnic group, but also the features of its values, norms and stereotypes of behavior, as well as the specifics of models of perception of the world. The importance of the worldview for the formation of ethnic identity and intergenerational continuity is emphasized. It is concluded that it is necessary to preserve the socio-cultural code in the context of globalization and the transformation of the traditional way of life.

Keywords: worldview, socio-cultural code, Bashkir ethnic group, folklore, mentality, traditions, identity.

Мировоззрение представляет собой систему взглядов, оценок, норм и установок, через которую человек осмысляет окружающий мир и своё место в нём. Она является также целостной системой ориентации человека в бытии, своего рода «матрицу» сознания, сквозь которую воспринимается и интерпретируется действительность. Посредством мировоззрения человек не только осмысляет окружающий мир, но и определяет свое место в нем – задаёт координаты «Я» по отношению к природе, обществу, истории, к другим людям, к самому себе. Именно в мировоззрении формируются ответы на метафизические вопросы человеческого существования, касающиеся смысла жизни, добра и зла, познания, свободы воли и т.д.

В контексте этнической культуры мировоззрение выступает в качестве системообразующего ядра социокультурного кода, который определяет не только внутреннюю целостность этноса, но и особенности его ценностных установок, норм и стереотипов поведения, а также специфику моделей восприятия мира. Оно формируется в процессе исторического развития, опираясь на мифологические, религиозные, мировоззренческие представления, которые закрепляются в языке, фольклоре, традициях и обычаях этноса. Благодаря мировоззрению обеспечивается культурная преемственность поколений, передача фундаментальных смыслов и идеалов, а также поддержание этнической идентичности в условиях изменений и межкультурного взаимодействия. Таким образом, мировоззрение не только отражает опыт и память народа, но и выполняет функцию интеграции его членов в единое культурное пространство, сохраняя при этом уникальность этнической картины мира.

Башкирский этнос имеет богатую многовековую духовную и культурную традицию. Его мировоззренческая система сложилась под влиянием восточноиранских, тюркских, финно-угорских, исламских, кочевых и оседлых традиций, природно-климатических условий Южного Урала и исторического опыта народа. В данной статье предпринята попытка рассмотреть основные компоненты башкирского мировоззрения и проанализировать их роль в качестве социокультурного кода.

В структуре мировоззрения этноса важнейшее место занимает язык, который является «живым выражением мировоззрения народа». В нем отражаются способы восприятия и осмысления мира, закрепленного веками коллективного опыта. Именно через язык этнос оформляет и передаёт свои категории, ценности, символы и нормы. Пословицы, метафоры, устойчивые выражения сохраняют в себе социокультурные коды этноса, они транслируют его нравственные, эстетические ценности. Башкирские пословицы и поговорки («Атайлы бала – аркалы бала, инэйле бала – йомшак бала» - «Ребенок с отцом — ребенок с поддержкой (спиной), ребенок с матерью — ребенок с мягким характером», «Астан үлһәң дә, ата-әсәйеңде, тыуған илеңде ташлама» – «Даже, если умираешь с голоду, не бросай родителей и родную землю» и др.) подчёркивает важность отца и матери в формировании характера ребёнка. Пословицы «Тыуған ер - йән йылыһы» («Родная земля – тепло души»), «Тыуған ерең - алтын бишегең» («Родная земля – золотая колыбель») иллюстрируют сакральное отношение к земле и воде как к живым сущностям. Таким образом, язык выступает «памятью народа», связывая поколения в единую культурную традицию. Язык не просто отражает картину мира, а но и задаёт ее рамки, то есть выделяет важное, закрепляет опыт и формирует привычный способ думать.

Как известно, лексика, связанная с природой, временем, космосом, социальными ролями, также указывает на осо-

бенности этнического мышления. Специфика этнического мышления башкирского этноса обусловлена отношением к природе и космосу как целостному миру, а человек включен в природные ритмы и социальные связи, что находит отражение в его лексике. Башкирское мировоззрение предстает как экологически-целостное, где гармония с природой и социумом является условием подлинного существования. «Особое место в культуре занимают эпосы, сказания, былины и ряд других памятников письменного и устного народного творчества, которые выступают в качестве культурного кода народа, помогая пониманию их истории, особенностей менталитета, психологии, самосознания» [1, с. 153].

Фольклор является важнейшим источником традиционного мировоззрения. Для башкир фольклор является своеобразной «устной философией», в которой зашифрованы социальные нормы, понимание природы, космоса и человека и общества. «Устное народное творчество у башкир сохранилось во всём богатстве и разнообразии, что даёт богатый материал для философского осмысления фольклорного сознания этого этноса» [2, с. 173]. Башкиры сохранили как архаический миф («Урал-батыр», «Акбузат» и др.), а так и эпические произведения более поздних исторических периодов [«Бабсак и Кусэк», «Конгур-Буга», «Идукай и Мурадым» и др.]. Башкирская мифология формирует фундаментальные представления о мироздании, места человека в Космосе и обществе, судьбе народа. Башкирский эпос «Урал батыр» — яркий пример мифопоэтического осмысления мира. В нём отразились представления о борьбе добра и зла, о героизме, жертвенности, гармонии человека и природы. Центральный герой — Урал — борется не за личную славу, а за благо народа и процветание природы. Эти образы формируют картину мира, в которой человек является частью природы и несёт ответственность за её сохранение. Таким образом, фольклор можно рассматривать как основу мировоззрения башкир, где художественно-символической форме выражены онтологические, этические и космологические идеи народа. Он соединяет прошлое и настоящее, сакральное и повседневное, индивидуальное и коллективное, обеспечивая культурную целостность культурного бытия этноса.

Фольклор является одной из базовых составляющим социокультурного кода этноса, поэтому мы рассматриваем его как систему знаков, символов и смыслов, через которую народ воспроизводит свою этнокультурную идентичность и обеспечивает трансляцию мировоззрения от одного поколения к другому. В эпосе, народной сказке, преданиях и песнях заключен богатый символический язык, где каждый образ – гора, конь, птица, река – является не только художественным элементом, но и знаком, отражающим этническое видение мира. Эти символы становятся частью социокультурного кода, через который этнос осознает и выражает самого себя.

Фольклорные тексты формируют и транслируют систему ценностей этноса, то есть задают этические номы поведения. Через фольклор кодируется представление о том, что правильно и достойно, а что порицаемо с точки зрения народной морали. Кроме этого, фольклор выполняет функцию коллективной памяти, что обеспечивает культурную преемственность. В этом аспекте фольклор может рассматриваться как своеобразный «архив» социокультурного кода. Каждое исполнение произведения фольклора становится актом актуализации кода, где прошлое оживает в настоящем. Таким образом, фольклор не только хранит, но и постоянно воспроизводит этническое мировоззрение. В этом контексте фольклор является средством самопознания этноса. Он объединяет символы, ценности и историческую память в единую систему, через которую этнос сохраняет свою идентичность и обеспечивает культурную преемственность.

Центральное место в социокультурном коде занимают этические нормы и ценности, поскольку именно они задают нормы допустимого в социальном взаимодействие. Они фиксируются в обычаях, традициях, обрядах и устном народном творчестве, передавая стандарты поведения от поколения к поколению. В составе социокультурного кода нормы функционируют как некое правило поддержания коллективного порядка и личной ответственности. Ценности как часть социокультурного кода отражают, что важно для этноса: честь, справедливость, верность, уважение к старшим, любовь к Отчизне, ответственность перед своим родом. Через них формируется система приоритетов, которая структурирует поведение, мышление и восприятие мира. Этические ценности позволяют этносу сохранять свою культурную идентичность в меняющемся мире.

Башкирское мировоззрение глубоко этично и формируется на основе понятий чести, совести, уважения и долга, которые выступают фундаментальными ориентирами поведения человека. Эти понятия отражают исторический опыт этноса, его образ жизни и духовные идеалы. Этические нормы и ценности формируют целостное понимание человеческой жизни, обеспечивают гармонию между человеком, обществом и природой, а также служат фундаментом культурной преемственности и духовной идентичности башкирского этноса. Очевидно, указанные ценности пронизывают традиционное воспитание, семейную жизнь и социальные взаимодействия, играя важную роль в сохранении социальной устойчивости и этнической идентичности.

Современный мир вносит свои коррективы в содержание социокультурного кода башкирского этноса, который испытывает влияние процессов глобализации, информационных технологий и динамичных социальных изменений. Можно ли сказать, что башкирское мировоззрение сохраняет базовые элементы, которые составляют его глубинную сущность? Необходимо отметить, что это достаточно сложный вопрос, который требует глубокого анализа современных социокультурных процессов. Можно осторожно утверждать, что башкирское мировоззрение сохраняет свои базовые элементы, такие как ценности, нормы, символы и образы, которые составляют его дух и содержательную основу. Эти элементы обеспечивают преемственность культурной идентичности, поддерживает связь с историческим опытом народа и формируют уникальный способ осмысления мира. Башкиры имеют богатое культурное наследие, истоки которого мы видим в рисунках пещеры Шульганташ. Прослеживается единая линия развития культурных элементов, начиная от палеолитических рисунков, через мифологию, орнамент, танцы до современной культуры.

Таким образом, мировоззрение, понимаемое как социокультурный код, представляет собой не просто набор знаний и правил, а живую систему смыслов, через которую этнос осознаёт своё бытие, отношения с миром и свою идентичность. В эту систему входят язык, фольклор, обряды и традиции, моральные нормы и ценности, а также повседневные практики. В этом смысле мировоззрение как социокультурный код становится живым связующим звеном между прошлым и настоящим, индивидуальным и коллективным, материальным и духовным, обеспечивая преемственность, устойчивость и уникальность этнической культуры.

Пристатейный библиографический список

1. Зарипов А. Я. Тема «вечности» в башкирском эпосе «Урал-батыр»// Социальные и политические проблемы взаимодействия культур. Файзуллин Ф. С., Бикметов Е. Ю., Гарипова Г. Р., Зарипов А. Я., Иткулова Л. А., Лукьянов А. В., Пушкарева М. А., Салихов Г. Г., Шергенг Н. А. Монография. - Уфа, 2024. - С. 153-167.
2. Иткулова Л. А. Мировоззрение башкирского этноса: философско-антропологический анализ: монография. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – 222 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-7-206-596-598

Салихов Г. Г.

САЛИХОВ Гафур Губаевич
доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий.

ЯВЛЕНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВЛИЯНИЕ ЕЕ ПРОЦЕССОВ НА ЖИЗНЕННЫЕ УСЛОВИЯ ЧЕЛОВЕКА

Есть три основных типа глобализма, воспроизводящих исторические этапы глобализации: глобализм Просвещения, положивший начало формированию всеобщего мирового пространства; эзотерический глобализм правящих элит; глобализм одной державы, претендующей на роль лидера однополярного мира. Научное осмысление глобализма складывается в контексте сопоставления ряда концепций современности, прослеживая трансформацию модернизма в постмодернизм. В первой исторической форме глобалистика зарождалась как особое направление, во второй - развивалась вширь, в третьей форме она выходит из своего внутреннего состояния. В итоге трансформируются представления не только межнационального, но и наднационального порядка. Глобализация – это явление, которое затрагивает человечество, меняет ориентиры, культурные ценности и мотивы поведения людей, подрывает доверие к устоявшимся теориям, наполняет новым содержанием привычные институты общества и власти, ведет к оформлению новых форм социальной действительности.

Ключевые слова: глобализация, локализация, человек, культура, развитие, феномен, закономерность, процесс, модернизм.

SALIKHOV Gafur Gubayevich
Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy and Cultural Studies at the Institute of Humanities and Social Sciences of the Ufa University of Science and Technology.

THE PHENOMENA OF GLOBALIZATION AND THE IMPACT OF ITS PROCESSES ON HUMAN LIVING CONDITIONS

There are three main types of globalism that reproduce the historical stages of globalization: Enlightenment globalism, which marked the beginning of the formation of a universal world space; esoteric globalism of ruling elites; globalism of one power claiming to be the leader of a unipolar world. Scientific understanding of globalism develops in the context of comparing a number of concepts of modernity, tracing the transformation of modernism into postmodernism. In the first historical form, globalism originated as a special field, in the second it developed in breadth, in the third form it comes out of its internal state. As a result, representations of not only the interethnic, but also the supranational order are transformed. Globalization is a phenomenon that affects humanity, changes the orientations, cultural values and motives of people's behavior, undermines confidence in established theories, fills familiar institutions of society and government with new content, and leads to the formation of new forms of social reality.

Keywords: globalization, localization, man, culture, development, phenomenon, pattern, process, modernism.

Раскрывая философско-методологические аспекты исследования явления глобализации и влияние ее процессов на жизненные условия человека, отметим, что «метод» – есть путь, средство, с помощью которых осуществляется исследование. Философия как методология миропонимания располагает системой положений, принципов, категорий и законов. Она есть форма теоретического и практического освоения и познания действительности, исходящего из закономерностей движения изучаемого объекта, системы регулятивных принципов преобразующей деятельности или процесса. Но «Любой процесс, чтобы называться таковым, должен включать в себя следующие составляющие: 1) логическое подлежащее (unit) – единицу, то есть то, что изменяется или находится в процессе; 2) временные отношения; 3) пространственные отношения; 4) направление» [1, с. 97].

Согласно общему положению вопроса, касающегося философско-методологического аспекта исследования явлений глобализации и влияний ее процессов на жизненные условия человека, есть три основных типа глобализма, воспроизводящих исторические этапы глобализации: 1) глобализм Просвещения, положивший начало европейскому модерну и формированию единого мирового пространства; 2) эзотерический глобализм правящих элит, ведущий к созданию нового порядка и мирового правительства; 3) глобализм одной державы, претендующей на роль монопольного носителя мировой власти и лидера однополярного мира. Теоретическое осмысление глобализма осуществляется: 1) в контексте сопоставления ряда концепций современных отечественных и зарубежных авторов; 2) опираясь на структуру понятий «политическое бытие», «политическое пространство», «политическое время»; 3) прослеживая трансформацию модернизма в постмодернизм. Данная трансформация представляется в развернутом виде как модернизм - антимодернизм – постмодернизм – неомодернизм. Отметим, что в английском языке слово «глобализация» было впервые употреблено в его современном значении в 1960 году. Соотносится начало глобализации также с окончанием Второй мировой войны, наступлением ядерного века, освобождением колоний, возобновлением международной торговли, инвестиций и экономическим ростом северо-восточной Азии. В отдельных случаях связывают это с расширением влияния Америки в начале 1970-х г. или триумфом неолиберальной идеологии в начале 1980-х. [2, с. 30-31].

Следует отметить, что методологические исследования, ведущие к росту научного знания о глобальных феноменах, а также роли человека в мире формируются на пороге 70-х годов прошлого столетия. Предстают они в основном в трех последовательных формах. В первой из них, связанной со структурным кризисом капитализма и западной цивилизации, упор сделан на взаимосвязанность мира, на проблемы цивилизации, которые поставили под угрозу существование человечества. В эти годы Римским клубом была проведена в Токио очередная встреча на тему глобальное видение человеческих проблем, которые стали обретать угрожающий характер. Манфред Зибкер и Йоши Кайя (члены Римского клуба) представили «Доклад из Токио». В этом документе дан анализ происходящим в мире глобальным явлениям и процессам.

Считается, что теоретические формы исследования проблем глобализации реализовались в многолетних трудах Римского клуба.[1] Особое место в работе Римского клуба занимает деятельность А. Печчеи, Э. Янча и других. Исследования, проводимые под эгидой Римского клуба, имели целью не столько подтвердить то или иное положение, сколько стимулировать осмысление и обсуждение фундаментальных проблем, затрагивающих будущее человечества. Клуб помог рождению многих мировых и региональных институтов, исследующих острые проблемы, а также реализации задач по обучению в целях развития человечества. Второй доклад Римскому клубу «Человечество на перепутье» был представлен Михайло Месаровичем и Эдуардом Пестелем на встрече Римского клуба в Западном Берлине в октябре 1974 года. Третий доклад Римскому клубу был опубликован в 1976 году. По их теоретическим разработкам, в основе глобальных проблем лежат кризисные явления, вызванные конфликтом в отношениях человека и природы. При этом выделяются пять основных элементов мирового развития, которые рассматриваются в прямой взаимосвязи: индустриализация и переход к информационному обществу; загрязнение окружающей среды; истощение невозобновляемых природных ресурсов; рост численности населения; возрастающее потребление продуктов питания. На наших глазах начинается “первая глобальная революция”, утверждали авторы доклада Римскому клубу [3]. Это тогда означало, что наступило время перехода от осознания возникших глобальных проблем к реальным действиям.

В отечественной литературе данная тема представлена более всего именами И.Т. Фролова, Э. Араб-оглы, И. В. Бестужева-Лады. В исследованиях того периода рассматриваются в основном экологические проблемы и их связь с человеком, с его жизнью и деятельностью. На этой почве складываются две версии понятия «глобальность», понимаемого как связанность мира, поддерживаемая М. Мак-Люэном, и как связанность человечества - целостность, разрабатываемая Римским клубом. Исходя из этого, наметились два видения глобалистики - узкое и широкое.

Вторая историческая форма знания о глобальных и мировых феноменах, складывается в 1980-1990-х годах. В этот период внимание уделяется процессам экономики, становлению мировых финансов, изменению роли суверенных государств в мировой системе, унификации мира и его влиянию на человека; правила взаимоотношений на глобальном рынке начинают определяться крупными компаниями. Третья форма знания связана с кризисами 1990-х годов, когда внимание обращается на культурное разнообразие мира, развертывание информационной революции и необходимость перестройки мирового порядка, ориентированного на человека. Глобальная политика впервые в истории обретает многополюсный характер, начинает учитывать взаимодействие многих цивилизаций**.** В сложившихся условиях перед наукой, обществом и социальной мыслью встала практическая задача «Познать самого себя, сделать самого себя мерилом общественных отношений, выработать навыки и умения, давать им разумную оценку сообразно своей сущности, устроить мир по-человечески, согласно требованиям природы и своей собственной жизни».[4, с. 159].

В первой исторической форме глобалистика зарождалась как особое направление, во второй - развивалась вширь. В третьей форме она выходит из своего внутреннего состояния. Эти движения основывались на растущем понимании феноменов глобализации как объективных данных, а не как мифологических или нерациональных конструкций. Параллельно выявляется обращение к историческому измерению глобальных феноменов, происходит осмысление в рамках различных дисциплин и стремление к полноте научного знания, учитывающего полярные тенденции. Проявляется критическая оценка дискуссий на эту тему в зарубежной литературе в трудах авторов Ватерса, Кларка. Отечественная наука представлена именами О. Некипелова, В. Кузнецова и др. [5, с. 191-196].

Затем, в русле различных движений возрастает внимание к теоретическому осмыслению глобальных феноменов, особенно процесса глобализации и места человека в современном мире. [6, с. 74]. Различные дисциплины вырабатывают свое понимание человека и глобальных феноменов, разрабатываются соответствующие методологии. Так, например, в области экономических дисциплин глобалистика понимается как система капиталистических рыночных отношений, расширяющихся в ходе интернационализации и создающих глобальное право и глобальные финансы; намечается различение мировой и глобальной экономик [7]. (А. Н Чумаков). Глобальные экономические процессы все более доминируют, оттесняя национальные экономики, «…растворяя их в гигантском хозяйственном организме планетарного масштаба. Мировое хозяйство постепенно становится сильнее и значимее национальных хозяйств» [8, с. 3-14] (Ю. (Шишков).

В области изучения международных отношений глобализация видится в перспективе отчуждения национального государства (К. Омае, С. Штранге) в пользу транснациональных и мировых организаций. Глобализация как бы трансформирует весь мир, изменяет мировой порядок. Все это ведет к перемещению фокуса власти в глобальном порядке, осложняет возможности управления ее процессами (Р. Фальк, Д. Хелд, Дж. Росней). В последующем, в изучение глобализации включаются культурологи и социологи. Первые настаивают на важности глобального сознания (Р. Робертсон) и допустимости включения в него различных цивилизаций (В. Каволис), подчеркивая при этом если не рождение глобальной культуры, то тенденцию к глобализации культуры в ходе мировой конкуренции культур (М. Феатхерстон). С. Леш и Дж.Урри отмечают, что меняются взаимоотношения экономики и культуры, экономика начинает концентрироваться на производстве и потреблении культурных артефактов (реклама, дизайн, туризм, индустрия), а культура специализируется на деловых услугах. Прежде существовавшая грань между производством и не производством стирается.

1 Club of Rome (Римский клуб). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.clubofrome.org.

В социологии глобализация трактуется как растущая в мировых масштабах взаимосвязанность различных структур, культур и субъектов (М. Арчер), что доводится до признания формирования всеми народами мира одного и единого «глобального общества» (М. Альбров), в том числе в специфическом виде общества риска (У. Бек). Известно, что когда в одном субъекте складываются два противоположных начала, то в обоих из них, или лишь в одном обязательно происходят изменения, пока они не станут едиными, преодолев проблему противоположности. Историки, априори разворачивая глобализацию как исторический процесс, понимают ее через систему противоположности и обменов всех видов структур (О. Дольфус). На стыке культурологии и экономики глобализация мыслится как система «потоков» или взаимодействия разного и противоположного порядка [9, с. 85-134].

Выделяют пять изменчивых «основ» глобального взаимодействия: «этническая основа» в лице мобильного населения, включая сообщества эмигрантов и диаспоры, переезжающей из своей страны в страну рабочих, студентов и коммерсантов; «техническая основа» в форме распространения и освоения производственных и информационных технологий; «финансовая основа» в виде мирового капитала; «информационная основа», которая включает в себя глобальное распространение не только самих по себе информационных каналов, но и их репутацию; «идеологическая основа» в форме политических обсуждений, например, в отношении демократии и прав. Ни одна из этих основ не превосходит другие, и ключевая проблема современного глобального взаимодействия состоит в конфликте между склонностью к гомогенизации культуры и склонностью к ее гетерогенизации».[10]. Иногда глобализация представляется как совокупность процессов (Дж. Найсбитт), а также в разных формах - материальных обменов в сфере экономики, интернационализации в политической сфере и глобальной культуре (М. Ватерс) [11, с. 29-54]. Благодаря всему этому теоретическая мысль, осваивающая глобальные феномены, выходит на новый виток по мере того, как акцентируются гносеологические проблемы теории и методологии глобализации в отличие от их онтологии (Дж. Д. Келли). Складываются представления не только межнационального, но и наднационального порядка, хотя таковые формулируются и в пределах отдельных дисциплин – социологии, культурологи, географии. Утверждается, что глобализация – есть феномен, оказывающий влияние на жизненные условия человечества, кардинально меняет ориентиры, мотивы поведения и жизненные ценности людей.

Пристатейный библиографический список

1. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. ст. и коммент. В.В. Сапова. - М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
2. Салихов Г. Г. Человек эпохи глобализации /Г.Г. Салихов; научн. ред. Б.С. Галимов; ИИЯЛУНЦРАН; отд.-соц. и гум. Наук, ЦСПИ РАНРБ. – М.: Наука, 2008. – 560 с.
3. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. - М., 1991. – 344 с.
4. Яновский Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. - М.: Academia, 1999. – 358 с.
5. *Чешков М. А.* Глобалистика // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / Гл. ред.: И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. - М.; СПб.; Н.-Й., 2006. - С. 191 - 196.
6. Парцвания В. В. Сущность феномена «разотчуждение» и современная глобализация // Перспективы человека в глобализирующемся мире. - СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. - С. 181 - 209.
7. Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2027. – 456 с.
8. Шишков Ю. Глобализация - враг или союзник развивающихся стран? // Мировая экономика и международные отношения. - 2003. - № 4. - С. 3 - 14.
9. Салихов Г. Г. Метафизика социального и политического бытия взаимодействия культурных традиций. //Социальные и политические проблемы взаимодействия культур: монография, /Ф. С. Файзуллин [и др.]. - Уфа, РИЦ, УУНиТ, 2024. – С. 85-134.
10. Аннабель Среберни. Глобализация и нация // Всемирный доклад по социальным наукам. - М.: Изд-во ЮНЕСКО/ Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2002. - С. 304 – 310.
11. Салихов Г. Г. Социальные и политические проблемы взаимодействия культур в рамках явлений глобализации. // Культурное многообразие мира и перспективы глобализации: монография: З. Р. Валиуллина [и др.]. – Уфа РИЦ УУНиТ, 2024. – С. 29-55.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения
(статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.)
при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной
комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или возвратить автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от сутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отсылает текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.